

ОЛЕГ КРИВОПАЛОВ

**ЗАПИСКИ СОВЕТСКОГО
ОФИЦЕРА:
НА РУБЕЖЕ ЭПОХ**

Днепропетровск
ИМА-пресс
2011

УДК 821.161(477)-92(082)

ББК 84 (4Укр=Росб)

К 17

Кривоपालов Олег Владимирович
К17 Записки советского офицера: на рубеже эпох.

Воспоминания. Литературно-документальное издание.
— Днепропетровск. ИМА-пресс. — 2011. — 996 с. +
76 с. вкл.

ISBN 978-966-331-389-4

Военная судьба — особа коварная. Она не любит слабых, не терпит покорных. Она одаривает щедро тех, кто не боится рисковать. Через судьбы своих товарищей рассказывает автор о службе в военной разведке ГРУ. О подлинном противостоянии частей Советской армии в холодной войне с ведущими капиталистическими державами, о подвигах, о мужестве, о славе легендарных спецназовцев 15 обр СпН в боевых действиях с международным терроризмом в ходе Афганской войны. Правда и откровенность — вот убедительное достоинство этой книги. В ней все так, как было в жизни последнего поколения советских офицеров.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 821.161(477)-92(082)

ББК 84 (4Укр=Росб)

Автор выражает искреннюю признательность за помощь в издании этой книги Дорошевой Наталье Николаевне, боевым соратникам по 15 обр СпН Бескровному Виктору Анатольевичу, Кононыхину Константину Юрьевичу, а также сыну Кривоपालову Георгию Олеговичу.

ISBN 978-966-331-389-4

© Кривоपालов О.В., 2011.

*Моей любимой женщине —
Галине Александровне,
в девичестве Новокрещеновой,
ПОСВЯЩАЕТСЯ*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЮНОСТЬ

*«Дело не в дороге, которую мы выбираем.
То, что внутри нас заставляет выбрать дорогу».*
О.ГЕНРИ.

Детство — та самая пора, которую каждый из нас помнит до мелочей, помнит до последних дней своих. Никому не дано предсказать судьбу. Чаще всего она находится в руках случая, хотя не отрицает и закономерностей. И когда я слышу монологи престарелых состоявшихся людей о том, что они всю жизнь уверенно шли к своим высотам, не очень им верю. Никому не дано знать, куда его поднимет или уронит судьба. Этому примеры — биографии великих людей: Георгия Жукова, чудом выжившего в 1937 и 1941 годах, превратности жизненной шахматной партии Уинстона Черчилля, головокружительная карьера простого подполковника КГБ, ставшего президентом России.

Из счастливых случайностей сложилась и моя судьба. Народная поговорка гласит: «Если хочешь рассмотреть гору, нужно отойти от нее на расстояние, если хочешь дать оценку событию, нужно время».

С расстояния шестидесяти лет прожитой жизни, юность мне по-прежнему видится интересной, яркой и насыщенной, пахнущей яблочным вареньем и бабушкиными пирогами, а прожитые годы в армейском строю элитных частей и соединений Советской Армии оцениваю как лучшее время, отданное Отечеству. Хотя все это стало уже глубокой историей ушедшей эпохи прошлого века. Сепаратистские и националистические тенденции общественно-политической обстановки в странах бывшего Советского Союза вызывают у меня глубокое сожаление и устойчивое желание сохранить свое имя и родословную рода, который пошел от великороссов.

Зачем я начал писать эту книгу?

Разве не описано навсегда ушедшее советское время более проникательными и одаренными наблюдателями?

Написано, но все индивидуально...

Наверное, для того я и пишу эти записки, чтобы не ускользнуло из памяти поколений нашей семьи, идущих за нами, это сугубо личное тяжелое и интересное время, выпавшее на нашу единственную и уникальную жизнь.

А вся мораль и назидание написанного — в том, чтобы помнили о тех, кто жил до вас. Чтобы ощутили, что наше существование на земле оказалось вплетенным в ткань событий более значимых для общества, чем простое выживание. А наша жизнь, протекающая на фоне исторических событий, была пропитана ароматами трав, любовью и страстью мужчины к женщине, ребенка к матери. Мы испытывали острые чувства, находясь между жизнью и смертью, омрачались болью утрат и вскипали негодованием и бессильной яростью при несправедливости. Для того, чтобы не ускользнуло из памяти самобытное, коснусь в воспоминаниях многих личных деталей бытия. И хочу верить, что это будет читателю интересно.

МОЯ МАЛАЯ РОДИНА

Появился я на свет в воскресный, пятый по счету день самого холодного месяца, что на Руси называют «лютый», как раз в середине двадцатого века. Великая страна, оправлялась после перенесенной войны, большинство семей еще жили небогато, но с оптимизмом, воодушевленные перспективами светлого будущего, в которые верили.

Как рассказывала мне бабушка, «возвращались с младенцем из роддома, когда безжалостная метель стелила по земле колючие снежинки, заставляя прохожих потеплее кутаться в свои шарфы и воротники». Она никому не доверила нести младенца и от непогоды спрятала его на своей груди, укутав пуховым платком. — «Шли тяжело пешком через весь город, проваливаясь в глубоких сугробах, а когда подошли к дому, то поземка засыпала его по самые окна. Пришлось откапывать крыльцо и входную дверь для того, чтобы зайти внутрь. До сих пор на улице Пионерской, 58, что на углу улицы Гагарина, рядом с ветеринарным институтом, стоит на земле

добротный одноэтажный дом из красного кирпича, в котором жили все мои родственники, и где я, послевоенный первенец, увидел свет и совершил первые шаги в своей жизни.

Несмотря на непогоду, в тот воскресный сумрачный денек мои родители были счастливы, так как сын у них родился здоровым и крепким. Ведь ради этого мой отец, Владимир Петрович Кривопапов — учитель географии, директор Дома пионеров в Шумихе и мать, Вера Михайловна Павлинина — ветеринарный врач, вернулись в город Троицк Челябинской области, уроженцами которого являлись.

Мудрый человек додумался в южно-уральских степях заложить этот город на самом пересечении путей с запада на восток, с севера на юг, на середине знаменитого Великого шелкового пути. Через него проходили караваны практически со всего света. Не случайно предпринимательство и купечество получили в этих местах столь значительное развитие. Имена Яушева, Валеева, Валиулина были известны далеко за пределами Урала.

17 июля 1743 года, в день Троицы, генералом Неплюевым на берегу реки Уй, у слияния ее с рекой Увелькой, была построена крепость. В 1784 году указом царицы крепость превращена в город-торговый центр. В период бурного переселения народов из Курской, Смоленской, Тамбовской сторон в новый город приехали и мои предки. С ростом населения развивалось жилищное строительство. Засверкали золотом купола церквей Александра Невского, Казанского монастыря, Троицкого, Уйского соборов, мусульманских мечетей. Богатую архитектуру из красного кирпича, кованых металлических ограждений и резного дерева представляли торговые ряды Башкирова, пассаж Яушева.

Первая телеграфная связь, связавшая город со всем миром, была установлена в 1872 году. В канун эпидемии холеры, поразившей губернию в 1910 году, в Троицке было построено красивое здание мужской гимназии, в котором размещается педучилище. Железную дорогу провели в город в 1911 году. При советской власти из менового двора и центра извоза город превратился в развивающийся центр машиностроения, легкой и пищевой промышленности. Этому способствовали тяжелые годы войны, когда в Троицке развернули десятки вывезенных из западных регионов оборонных заводов, проработавших в напряжении всю военную страду. Впоследствии большое количество эвакуированных с началом осво-

бождения оккупированных немцами областей вернулись на прежние места жительства.

В СССР был известен ветеринарный институт как базовый в своей сфере, добрая слава ходила и о нескольких местных техниках, авиационно-техническом училище гражданской авиации. Численность постоянного населения города на конец двадцатого века составляла около 100 тыс. человек. А переменный состав, проживающий в многочисленных студенческих общежитиях, добавлял провинциальному центру молодую беспечность, оптимизм и праздность, ибо «живут студенты весело от сессии до сессии, а сессия всего два раза в год». В XXI веке это пограничный с Казахстаном город, имеющий погранзаставу и таможду. Заметно изменилась и психология основной массы населения.

Однако четырехлетним мальчиком крылья судьбы перенесли меня из Троицка в областной центр, который с той поры стал моим вторым родным и любимым местом, где детство плавно перешло в юность.

История Челябинска связана с реформаторской деятельностью Петра и освоением Сибири, дошедших к 1736 году до этих мест и послужившая причиной создания первых бастионов крепости Челяба, заложенной в урочище Селеби-карагай (башкирское название) на реке Миасс как сторожевой на пути из хлебного Зауралья в Оренбург. Было ли оно русским поселением до этого, неизвестно, но есть сведения о существовании в 1658 году острога для каторжан и Александровской слободы (1696 — 1700 гг.) в этом месте.

Крепость, первоначально занимавшая территорию около квадратного километра, была окружена деревянными стенами с тремя воротами и башнями. Ворота назывались: Уфимские, Оренбургские, Сибирские — по названиям дорог, соединявших Челябину с другими районами страны. Спустя полвека Челябинск возвели в ранг уездного города Уфимской губернии. Долгое время он оставался захолустным городом. Поэт В.А. Жуковский, проезжавший здесь в 1837 году, записал: «Челябинск — бедный городишко». Решение Александра III о строительстве Сибирской железной дороги от Уфы на Златоуст и Челябинск в корне изменило его судьбу. Ему суждено было стать «воротами в Сибирь».

В 1892 году было закончено строительство Самаро-Златоустовской железной дороги, через три года железнодорожная ветка

соединила Челябинск с Екатеринбургом. И пошли через Челябину переселенцы, ежегодно от 200 до 750 тысяч человек, ехавших в Сибирь в поисках лучшей жизни. Многие из них вместе со строителями железки осели в городе, создав сеть поселков Колупаевка, Чертовы бараки, Порт-Артур, Дешевая слободка. К середине XIX века Челябинск занял прочное место в ярмарочной торговле Урала, специализируясь на торговле мясом, хлебом, маслом и чаем.

Пережив в 1735 — 1740 гг. башкирское восстание Пугачева, две революции, гражданскую войну, Челябинск превратился в мощный индустриальный город. Быстро увеличивалось население — от 70 тысяч до четверти миллиона к 1934 году. Через десять лет после Октября началось строительство ЧГРЭС. Она дала первый ток предприятиям (ферросплавному, электродному, цинковому, металлургическому, лакокрасочному заводам), корпуса которых закладывались неподалеку. До 1935 года их было построено более двадцати. Среди них особо выделялся Челябинский тракторный завод. Этот гигант советского тракторостроения, сооруженный в 1929 году, строился, опираясь на передовой американский опыт. Для этого в Детройте работало проектное бюро Челябинтракторостроя. Первый гусеничный трактор сошел с конвейера завода 15 февраля 1931 года. К январю 1933 года в инструментальном цехе завода освоено производство сложнейших инструментов и приспособлений, ранее не изготавливавшихся в СССР.

15 мая 1933 года с конвейера сошел первый гусеничный трактор «С-60», а к ноябрю того же года их было выпущено более 1000. Через год руководство завода уже докладывало в Москву о 10-тысячном тракторе. Все образцы выпускаемых тракторов проходили тщательные и сложнейшие испытания на полигонах. В 1936 году семь челябинских тракторов прошли 2 тысячи километров в февральских морозах по Якутии, а затем в высокогорье Памира. В 1937 году выпущены первые дизельные тракторы «С-65». Они в мае 1938 года на Всемирной выставке в Париже были отмечены высшей наградой «Гран при»!

С началом войны в Челябинск были эвакуированы Харьковский моторный, Ленинградский Кировский тракторный завод и на базе ЧТЗ организован танковый комбинат, который в народе с уважением величали Танкоградом. Ему суждено было сделать очень многое для победы советского народа, став кузницей оружия.

На заводе им. Д.В. Колющенко в 1941 году была выпущена

первая реактивная установка «Катюша». В декабре 1941 г. собран первый танк КВ, а 22 августа 1942 г. выпущен первый танк Т-34. Уже в феврале 1942 года на фронт отправили первую танковую колонну «Челябинский комсомол», построенную на средства моих земляков.

К июлю 1942 года началось массовое производство танков «Т-34», к декабрю отправлены на фронт 150 тяжелых танков «КВ», которые участвовали в разгроме немцев под Сталинградом. Ровно за два года до конца войны, 9 мая 1943 года, челябинцы проводили на фронт добровольцев Уральского добровольческого танкового корпуса. В октябре начался выпуск новых танков «ИС» («Иосиф Сталин»), которые, по мнению советских военных специалистов, превосходили лучший немецкий танк «Пантера». «ИС-2» был равен по массе «Пантере», но имел первоклассную пушку в 122 мм (у немцев — 88 мм). Любопытным фактом является и то, что всю войну в Челябинск эшелонами направляли с фронта битую трофейную немецкую танковую технику.

Зачем, — спрашивали, — на переплавку!

Оказалось, для другого. Через многие годы после победы, когда пелена секретности развеялась, стало известно, что на шасси трофейных немецких танков Т-III руками челябинцев были изготовлены 1200 самоходных установок Су-76«И», из общего количества 12612 машин, выпущенных нашей оборонной промышленностью. Это позволило «Танкограду» значительно сэкономить материальные ресурсы страны.

За трудовые заслуги перед Родиной завод был награжден орденами Кутузова 1-й степени и Красной Звезды. Примечательным фактом является то, что в тяжелые годы войны правительство сумело развернуть в городе массовое жилищное строительство. С 1943 г. оно стало ведомственным жильем квартирного и комнатного типа. К концу войны фактическое обеспечение жильем полумиллионного города колебалось от 0,8 до 3,1 квадратных метра на человека. И это было высоким социальным достижением для того тяжелого времени.

После войны рабочие завода продолжали выпускать новые образцы танков и самоходных артиллерийских установок для Советской Армии и армий Варшавского договора, а также мирную продукцию — трактора «К-700» для сельского хозяйства страны. Челябинск долгие годы являлся кузницей военных кадров, на этой

благодатной земле с 1936 года работала 15-я военная школа летчиков (впоследствии ЧВАКУШ), а в 1944 году из Куйбышева переместили автомобильное училище (ЧВВАИУ), а также танковые и пехотные училища, которые в мирное и военное время выпустили десятки тысяч офицеров, прославивших своих воспитателей — командиров и преподавателей и нашу уральскую землю.

Город по-современному красив. Примечательно, что он отстраивался по генеральному плану развития, утвержденному Сталиным в далеком 1936 году. Челябинск грамотно отстроен архитекторами и с середины шестидесятых годов прошлого века имеет более миллиона жителей, обеспеченных своими вузами, техникумами, школами, театрами, цирком, филармонией, дворцами спорта, зонами отдыха, объединенных между собой первоклассной инфраструктурой. Есть даже современный метрополитен. И город, обрастая новостройками, молодеет и хорошеет на глазах.

УВЛЕЧЕНИЯ ЮНОСТИ

Говорят, ребенок с кем живет, на того и становится похожим. Что-то во мне от отца, что-то от матери, а больше всего — от бабушки Марии Петровны Павлиной, но, как это ни странно, воспитание я от нее получил достойное — мужское. С детства, сколько себя помню, я мечтал быть военным. Видимо, не случайно, ибо первая песня, которую над колыбелью пела мне бабушка, имела патристическую направленность: «Как ныне собирается вещей Олег отмстить неразумным хазарам. Их села и нивы за буйный набег обрек он мечам и пожарам! Так громче, музыка, играй Победу! Мы одолели, и враг бежит. Так за царя, за Русь, за нашу веру мы грянем дружное: Ура! Ура! Ура!».

Обладал прекрасным голосом и мой дед Василий Иванович, прошедший русско-японскую и первую мировую войны. Рассказывали, когда он, ветеран лейб-гвардии Семеновского полка, пел «На сопках Маньчжурии», люди на улице останавливались и слушали, при этом женщины плакали. В нашей семье почему-то считалось, и эту мысль мне внушала моя баба Маня, что стать настоящим человеком можно только в армии — в военном училище. Так ненавязчиво она формировала мои идеалы, была человеком крутого нрава — любила и не любила без полутонов. Имела уральский характер

— такой же резко-континентальный, как климат, — правда, была при этом отходчивой. Ее уважали и любили родственники и окружающие. Пока бабушка была жива, масса людей приходили к ней за помощью, и всем она помогала. Занимаясь мной, баба Маня рассказывала о прожитой жизни, о своих детях и родственниках.

В начале пятидесятых я застал еще многие отдаленные последствия испытаний, принесенных войной. В бабушкиных рассказах многое касалось той поры, ратной службы, мужества и героизма. Я запомнил ее мудреное цитирование писателя Достоевского: «Бытие есть только тогда, когда ему грозит небытие». Не сразу, а только став взрослее, оценил глубину высказанной таким образом мысли.

С детства, затаив дыхание, я с благоговением трогал ордена и медали Георгия Калугина, Виктора Павлинина и других своих родственников-мужчин. Расспрашивал их о боевом пути частей, в которых они служили. Вопросы мои были наивно-детскими, но отвечали мужчины на них по-разному. С той поры моя память начала накапливать отдельные рассказы и целые истории. Повзрослев, основную часть наиболее запомнившихся историй я записал в собственную книгу воспоминаний «Записки великоросса: история нашего рода». Кое-что дополнил документами, а когда представилась такая возможность — исследовательской работой в фондах Подольского архива МО СССР, Центральном музее Вооруженных Сил СССР, архиве Советской Армии. Потому к сорока годам имел четкое представление о своем роде и некоторых семейных традициях, что сохранились от предков.

Я испытывал законное чувство гордости от того, что среди моих родственников дед являлся настоящим героем гражданской войны — помощником командира взвода 19 кавалерийского полка 4 кавдивизии Первой Конной Армии. Зам. командира полка подполковник Федор Георгиевич Кривоपालов, награжденный двумя орденами Боевого Красного Знамени РСФСР, прошел три войны и демобилизовался в конце 1945 года. Дядя Иван Кривоपालов начинал Отечественную войну красноармейцем, а закончил старшим лейтенантом — орденосцем. Не посрамили фамилию и братья моей матери — Виктор и Василий, воевавшие на самых кровопролитных участках фронта под Москвой, Ржевом и Сталинградом. Так, вероятно, получалось, что генетически и во мне под впечатлением тех рассказов еще в детстве заложились код военного человека.

Воздух, которым мы дышали, был напоен подвигами героев Великой Отечественной войны, летчиков, подводников, покорителей Арктики, трудовыми рекордами шахтеров, рыбаков, колхозников. Меня восхищала военная форма, завораживала музыка военных оркестров. Я с малолетства коллекционировал солдатские звездочки, эмблемы, погоны, разбирался в знаках различия и отличия военнослужащих. Знал от бабушки много старинных песен: «На сопках Маньчжурии», «Ой, мороз, мороз», «По диким степям Забайкалья», «Утро туманное», «Черный ворон», «Солдатушки, бравы ребятушки», «Взвейтесь, соколы, орлами», «Шумел камыш», «Из-за острова на стрежень», «Коробейники», став старше, пополнил самостоятельно репертуар произведениями военной тематики: «Варяг», «По долинам и по взгорьям», «Катюша», «На позицию девушка провожала бойца», «Легендарный Севастополь», «Раскинулось море широко» и «Шаланды», которые старался громко с чувством распевать. Со стороны, конечно, потешная была картинка: маленький мальчик в большой тельняшке с закатанными рукавами (ее я носил с детства), — вопил душещипательные песни во славу российского флага, об умершем кочегаре или моряке Косте...

Многие помyselы моего поколения, так же как и игры, были освящены недавней войной. Играли в «белых» и «красных», «наших» и «фашистов». За имя Олег (на слуху был руководитель подпольной организации «Молодая Гвардия» О.Кошевой), я всегда играл только за «наших», потому что меня назначали комиссаром. А какой же комиссар мог быть у белых, или у гитлеровцев? С той поры я заужал свое имя.

— А Алик у нас будет комиссаром! — так всегда заканчивалось распределение команд.

Так и повелось, что к моему мнению комиссара прислушивались, ведь сами назначали, и часто различные ребячьи проекты, рождавшиеся в моей голове, осуществлялись с приятелями на нашем дворе.

Духовным наставником молодежи того времени был писатель Аркадий Гайдар, потому не удивительно, что мы строили снежные крепости, на самой высокой точке которых водружали красное полотнище с самодельной корявой детской надписью «За нашу Советскую Родину!», выполненную желтой масляной краской. А после взятия крепости мы маршировали с солдатскими песнями по улице. Став взрослее, готовились к армейской службе и занимались

спортом: подтягивались на перекладине, поднимали тяжести, бокси- ровали, играли в волейбол и футбол, бегали кроссы... Зимой коньки и лыжи прирастали к нашим валенкам. И когда в парке А.С. Пуш- кина заливали все аллеи, украшенные световыми гирляндами, нас невозможно было выгнать оттуда. Мы возвращались домой, когда уже ноги не держали.

Первое приближение к детской мечте я почувствовал в реаль- ности, когда в десятилетнем возрасте на одной из тумб объявлений прочитал информацию о наборе мальчиков моего года рождения в суворовские и нахимовские военные училища. И я потерял голову... Не посвящая в свои действия родителей и близких, совершенно самостоятельно написал послание в приемную министра обороны СССР с просьбой о зачислении меня на учебу. И что удивительно, вскоре на мое детское письмо от имени маршала Советского Союза Р.Я. Малиновского ответил полковник, один из его помощников. Можете представить, какие чувства владели мной, когда я вытаски- вал из почтового ящика и вскрывал большой конверт с красной звездой и надписью «МО СССР» на собственное имя. Однако в военкомате по месту жительства, куда меня адресовали москвичи, поддержки я не получил. Более того, за проявленную инициативу мне устроили взбучку, и в заключение разговора клятвенно пообещали вызвать на отборочную комиссию. Ждать наивному мальчиш- ке пришлось несколько лет.

Став постарше и побывав не раз в военкомате, я осознал, что большие дяди просто-напросто обманули, в многочисленных делах и заботах забыв обо мне и о письме министра, и о своем обещании. И начинать нужно сначала и опять самостоятельно...

Говорить о призвании в этом возрасте было бы с моей сторо- ны лукавством. Конечно, есть особо одаренные дети, которые про- являют себя еще в раннем возрасте, но это скорее исключение, и я себя к ним не отношу.

Детство запомнилось светлым и наполненным различными праздниками. Чего стоил хотя бы один день — 19 мая. Это сейчас он ничего не говорит молодежи. А в наше время это был праздник создания пионерской организации в СССР. К нему власти тща- тельно готовились. Планировались массовые мероприятия: концер- ты, слеты, бесплатный показ фильмов в кинотеатрах. Отовсюду звучали песни и музыка оркестров. Молодежь ходила нарядная, в белых рубашках и красных галстуках. В этот день школьникам раз-

решался бесплатный проезд на всех видах транспорта. Наша мальчишеская компания заранее готовилась к этому дню и планировала, по какому маршруту мы поедем. Пользуясь привилегией этого дня, мы изучали самые отдаленные районы родного края и возвращались поздно вечером домой полные впечатлений и сожалением, что свобода передвижения закончилась до следующего года.

Целым праздником становился поход в кинотеатр. В нем все воодушевляло: перед концертами выступали артисты и духовой оркестр, люди одевали лучшие одежды и шли как на праздник. Этот очаг культуры построили пленные немцы на чертежах советских архитекторов в стиле классицизма с вечными символами недавней победы над фашизмом, и назывался кинотеатр «Родина». Перед входом в центре громадной клумбы с цветами возвышался памятник Ленину и Сталину, на колени которым ребяшня рассаживалась и млела от счастья. С приходом Хрущева памятник снесли в одну ночь, ничего не поставив взамен, кинотеатр обветшал и до сих пор представляет из себя убогое заброшенное сооружение с разбитым фундаментом. Только наше поколение помнит то место, где на заброшенной клумбе стоял памятник вождям нашей страны.

Под влиянием общества и пропаганды наши романтические представления изменялись кардинально не один раз (то мы поголовно хотели стать чекистами, то моряками, то пограничниками, то лесниками, то героями-пожарниками). Одно время я серьезно увлекся романтикой подводного плавания: узнал адрес Ленинградского училища подводного плавания им. Ленинского комсомола, вступительные экзамены, накупил массу книг о кораблях морских глубин. Во дворе появился после дембеля браво́ый морячок, прослуживший на дизельной субмарине целых пять лет. И многими вечерами он бесхитростно рассказывал нам о тяготах и лишениях морской службы. Великое почтение от тех бесед к морякам-подводникам я сохранил до старости. Святые люди моряки — истинные патриоты Отечества!

Где-то лет в четырнадцать, под впечатлением от прочитанных книг о Севере, а также регулярных публикаций в «Комсомольской правде», я размечтался стать полярником. С этой целью даже пытался поступать в Ленинградское арктическое мореходное училище (далее ЛАУ). Мама всегда терпимо относилась к моим мечтаниям и не возражала против нового увлечения сына. Подсчитав, выделила необходимую сумму на дорогу.

Мой выезд в г. Стрельну, что находится в 19 км от Ленинграда на южном берегу Финского залива, рядом с летней парадной резиденцией Петра-1 Петергофом, не дал желаемого результата, в училище я не поступил, но приобрел первый самостоятельный опыт. Побывав в этом уникальном учебном заведении, которое готовило специалистов для полярных станций и северного флота, я прикоснулся к удивительному духу истинно морского братства. Мы жили в кубриках, питались на камбузе, ходили в галюн, выполняли морские команды, привыкали к незнакомой терминологии. Курсанты к абитуре относились доброжелательно. Рассказывали об училище и будущих условиях службы. И вообще относились к нам по-братски, будто мы уже равные с ними.

— А как можно определить по звездам направление на север?
— спрашивали они серьезно.

— По звездам! — недоумевали мы.

— По каким? — с улыбкой продолжали допрашивать нас курсанты.

— По Большой Медведице! — гордо и заносчиво отвечали абитуриенты.

— А откуда пришло название Северного Полюса?

— Арктика?! — задумывались мы, — откуда взялось название — «Арктика»? Мы переглядывались и смущенно молчали. Не к месту я вспомнил ресторан с таким названием в родном городе.

— Ну что замолчали? — от названия Большой Медведицы, это ее древние греки называли «Аρκος». И наше училище «арктическое».

Курсанты любили свою специальность, это видно было по тому, как они рассказывали об общем фронте научных исследований о земле, где география, метеорология и гидрология занимают особое место.

— Скажите, пацаны, когда полярники стали исследовать Антарктиду? — продолжали они терзать нас вопросами, проверяя нашу эрудицию.

— Ну, это же просто, — загалдели мы, — после войны. В 1946. Китобойная флотилия «Слава» начала тогда удачный промысел китов в водах Антарктики.

— А вот и нет, — отрезали курсанты, — двойка вам по географии. Наши специальности древние: еще Беллинсгаузен и Лазарев на шлюпах «Восток» и «Мирный», совершая кругосветное

путешествие в январе 1820 года, прошли в двадцати километрах от берегов ледового материка.

— В конце девятнадцатого века были созданы первые международные метеорологические организации.

— В 1885 — 1886 гг. была осуществлена программа 1-го Международного полярного года. На севере были созданы геофизические обсерватории и метеорологические станции.

— А в нашем веке в 1932 — 1933 гг. Россия повторила Международный полярный год и открыла многочисленные советские станции на крайнем Севере. Всесоюзный арктический институт организовал подготовку научных сотрудников и лаборантов полярных станций, а также радистов, механиков, врачей, поваров. Первыми известными полярниками в СССР стали Георгий Ушаков, Николай Урванцев, Иван Папанин, Евгений Федоров, Петр Ширишов.

— Зимовки — очень трудное дело, и не каждому они по плечу, — рассказывали нам вчерашние мальчишки в гуйсах и тельняшках, которые делали их намного старше. — Это и бесконечная ночь, и лютей мороз, и ограниченность передвижения, и однообразие еды. Исключительное значение, подчеркивали курсанты, приобретает психологическая совместимость в коллективах. Спорщиков, людей нетерпимых к окружающим, с большим личным самоощущением у нас не любят и, как правило, отчисляют еще до выпуска.

Бросилась в глаза и такая деталь. Практически все курсанты ходили по территории училища, держа руки в карманах брюк. Глядя на них и мы, салаги, так ходить стали. Уставы запрещают держать руки в карманах. А тут и офицеры, и курсанты гуляют или по делам спешат — неизменно с руками в карманах. За это их в Питере патруль задерживал. Лет через десять я спросил об этом явлении своего преподавателя академии, капитана второго ранга Каширина, который преподавал нам психологию, и он мне дал научное пояснение: «Подобные привычки свидетельствуют о закрытости человека, его подсознательного желания не пускать никого в свой внутренний мир, защититься от постороннего вмешательства, о замкнутости, сосредоточенности на собственных переживаниях».

Но мы комплексов и нелюдимости в них не чувствовали. Им было интересно с нами, а нам с ними. Вели себя они с нами без снобизма и превосходства.

— Будущее человечества связано с океаном, — говорили гар-

демарины, и нам верилось в это. Ибо на тот момент на освоение Севера работало семь институтов океанологии, вулканологии, гидрофизики, космических исследований, которые владели большим флотом академии наук, входящих в отдел морских экспедиционных работ. Атомоходы «Ленин», «Арктика», «Сибирь», «Россия» впервые в истории мореплавания достигли Северного полюса. Государство заботилось о полярниках и хорошо оплачивало их многомесячную монашескую жизнь и тяжелый труд. А профессии, благодаря прессе, широко рекламировались и считались престижными.

— Что такое «шило»? — задавали очередную загадку будущие покорители снежного безмолвия.

— Колющий инструмент, — отвечали уверенно абитуриенты.

— Нет. «Шило» — флотское название спирта. За этим названием стоит целая история. Еще на парусном флоте, — рассказывали они, — водку по чарке наливали матросам перед обедом (кто не пил — тому к жалованию каждый день пятак добавляли). Водку хранили в кожаных бурдюках. Завязки по особому опечатывались, чтобы сразу видно было, если кто покусится на святое. Так ушлые матросы наловчились бурдюки прокалывать шилом и сцеживать оковитую. Добытое таким образом спиртное называлось «шилным», или «шиллом»...

ЛАУ размещалась в комплексе Константиновского дворца на реке Стрелка, впадавшей в Финский залив. Он представлял из себя законченный дворцово-парковый ансамбль, сооруженный в 1716 — 1726 годах архитекторами Растрелли, Леблонем, Микетти, Земцовым, Усовым. В XVIII — XIX веках ансамбль был расширен павильонами, плотинами, мостами, оранжереями и др. Как рассказывали, в 1797 г. Павел Первый подарил усадьбу своему второму сыну великому князю Константину Павловичу, благодаря чему дворец и парк получили название, сохранившееся до сих пор.

За короткое время общения с курсантами, влюбленными в свой городок и училище, я запомнил многие рассказы из истории этих мест. Последняя война стала для предместий Питера временем тяжелых испытаний и разрушений. Гитлеровцы ворвались в Стрельну и Петергоф через три месяца после начала войны 20 сентября 1941 года и в ходе трехдневных боев захватили их, продержавшись на рубежах до 19 января 1944 года. За время оккупации они расхитили и уничтожили художественные ценности дворцов. В частности, в парке Стрельны вырубili деревья, разорили здания, па-

вильоны, мосты. После освобождения города дворец по указанию Сталина был передан морскому ведомству, и дисциплинированные и трудолюбивые курсанты восстановили это чудо культуры. Они разобрали противотанковые завалы из вековых деревьев, ликвидировали рвы, блиндажи, доты, дзоты, воронки, собрали мины, колючую проволоку. В последующие годы скульпторы, мастера-реставраторы поработали над основными объектами. Одним словом, к концу сороковых годов городок училища поражал окружающих своей красотой. До разрушительных 90-х годов XX века здесь находились геофизическое, радиотехническое отделения, военно-морская кафедра и библиотека ЛАУ. После закрытия вуза дворец пришел в упадок и был на грани разрушения. Куда сейчас делось училище? Не знаю. Но то, что все полярные исследования в начале нового тысячелетия переживают хронический кризис, дает основание предполагать, что оно перестало существовать.

В новом тысячелетии В.В. Путин не дал погибнуть этому чуду архитектуры. Дворец отреставрировали и передали в собственность государства как резиденцию Президента России, тем самым сохранив его в первоначальном блеске для истории... Презентация состоялась к 300-летию Санкт-Петербурга, когда полностью отреставрированный дворцовый ансамбль принимал глав восьми государств мира.

Расставался я с этим чудом культуры и морским братством с легкой грустью. Впоследствии во взрослой жизни я, грустя о юности, многократно бывал в Ленинграде, но все последующие впечатления возвращались к тем, первым. Я запомнил все: Русский музей, Эрмитаж, Артиллерийский музей, Военно-морской музей. Я исходил центр этого города пешком. И эти созерцательные прогулки остались в моей душе навсегда. С чем еще можно сравнить Летний сад, где из густой листвы неожиданно возникают мраморные статуи. Как приятно стоять у гранитного парапета Дворцовой набережной. Несмотря на нежаркую ленинградскую погоду, окунулся в ледяную Неву на Стрелке Васильевского острова. А когда после длительной прогулки силы оставляли меня, заходил в пирожковую на Невском и выпивал большую чашку горячего бульона с мясными пирожками — и удивительно быстро силы возвращались ко мне.

Прошли годы и, я, думая сейчас о ЛАУ, прихожу к выводу, что случайность, не давшая мне стать морским курсантом — к лучшему. Только став постарше, я осознал, что у полярников очень

нелегкая служба и жизнь, полная лишений, не уступающая по тяготам военной службе. А моя судьба сложилась благополучно, и мне удалось осуществить свою романтическую мечту — приблизиться к экстриму и не раз испытать себя.

Короче говоря, вернулся я в Челябинск другим — намного повзрослевшим человеком. Эта поездка, предпринятая в погоне за мечтой в далекий город, полный курсантов армейских и военноморских училищ, еще более укрепила сознание в необходимости непременно связать свою жизнь с мужской профессией — стать офицером.

В те годы происходило много событий, значимых для патриотического воспитания населения и молодежи, формирования национальной гордости — это полеты первого космического спутника Земли в 1957 году, чествование первых космонавтов, Карибский кризис и интернациональная поддержка кубинских революционеров, победы советского спорта... Вспоминаю, как зимним вечером вся наша семья, охваченная энтузиазмом от освоения вселенной, залезла на забор и высматривала в ночном небе движущую одиночную звезду невиданного космического объекта. А зачем на забор? Наверное, чтобы лучше было видно...

У меня до сих пор хранится подарок от самого Фиделя Кастро, значок «Победа или смерть» на испанском языке. В ответ на наше коллективное письмо в поддержку Кубинской революции нашему классу прислали бандероль из Гаваны с открытками, значками, выпелами и брошюрами. Мне достался значок с изображением земного шара и рукопожатия друзей.

Особо в ряду воспоминаний тех лет стоит морская одиссея четырех солдат-стройбатовцев, унесенных в 1960 году штормом в Тихий океан. Многие мальчишеские души моего поколения покорила история Поплавского, Федотова, Крючковского и Зиганшина. Они в нашем сознании были на уровне популярности никак не ниже, чем прославленный «Битлз». О них даже песню в народе распевали: «Зиганшин — буги! Зиганшин — рок! Зиганшин съел второй сапог! Поплавский — рок! Поплавский — буги! Поплавский съел письмо подружки!»... За проявленное личное мужество все герои-моряки были награждены орденами Красной Звезды... 49 дней их баржу носило штормовое море, пока их не обнаружил американский авианосец и не снял с палубы неуправляемого суденьшика...

На подобных примерах истинного воинского и трудового героизма, уважения к военной форме воспитывалось наше поколение. Заметную роль в этом процессе сыграло творчество народного барда Владимира Высоцкого. Его в те годы не выпускали на эстраду, но сотни тысяч самодельных магнитофонных записей доносили до народа песни о настоящем солдатском мужестве не генералов, а простых летчиков, моряков, солдат и штрафников. В нашем дворе, состоявшем из четырех пятиэтажных домов, у одного счастливица был магнитофон, который устанавливался на подоконнике и сутками на пределе своих возможностей истошным баритоном, хриплым голосом беглого каторжника передавал нам песни Владимира Семёновича. Его песни трогали душу, ибо большинство понимали метафоры его песен на свой счет.

Большое влияние на публику оказывали песни Булата Окуджавы. Его задушевное исполнение «простите пехоте, что так неразумна бывает она» или «комиссары в пыльных шлемах», задевало за живое и все молодежные компании под гитару, опьянев от тогдашних портвейнов «Агдам», «Три семерки» и белого вина «Билэ мицне» распевали эти песни хором.

Позднее такие коллективные прослушивания прекратились, так как чудо техники шагнуло почти в каждую семью.

Я был подростком, но остро чувствовал неверность политического курса руководства страны, осуществляемого тогдашним генеральным секретарем ЦК партии Никитой Хрущевым. Народ не любил его и не одобрял его политику, которая, как позднее стало очевидно, снизила международный авторитет коммунистической системы, рассорила руководителей соцстран, стала почвой для ревизионизма и усиления антикоммунизма.

Общество часто роптало... Я тоже не испытывал к лысому самовлюбленному лидеру страны добрых чувств, и эта неприязнь рождалась не на пустом месте, а в резком ухудшении жизни, приведшем к необоснованным ночным очередям за хлебом, которого почему-то стало нехватать. И выдача которого осуществлялась строго по спискам по количеству прописанных. Эксперименты с кукурузой, другие волонтеристские решения, массовое сокращение из армии более миллиона военнослужащих ощущались болезненно...

Народ роптал. Поговаривали, что в Новочеркасске по приказу «хруща» расстреляли взбунтовавшихся рабочих. И в четырнадцать лет я с большим внутренним удовлетворением порадовал ба-

бушку, читая вслух опубликованное в газете постановление ЦК об освобождении Хрущева от своих обязанностей.

Жили мы небогато. При доме имелся небольшой огородик. За водой ходили через две улицы. Стояли в очередях. Мылись в общей бане, где тоже сидели в очереди. Именно с детства и на всю жизнь во мне сохранилось чувство бережливости, умение отказываться от многочисленных желаний, думать о завтрашнем дне, экономить.

Вскоре жизнь общества начала меняться в лучшую сторону, что казалось естественным и радовало. Страна вступила в «застойное» время Брежнева, время перемен, о котором народ через полвека отозвался: «Жили при коммунизме и не знали об этом».

Все мои друзья, так же как и я, мечтали быть офицерами. Это не было случайностью.

Большим психологическим импульсом, вызвавшим рост патриотизма в народе, и особенно у молодежи, явилось первое после войны празднование двадцатилетия Победы. В этом, безусловно, была личная заслуга нового генсека — фронтовика, молодого и красивого Леонида Брежнева. Через двадцать лет после войны многие безвестные герои начали получать свои ордена за подвиги, совершенные в годы войны. Впервые день Победы сопровождали народные гуляния с праздничными концертами, военными парадами и фейерверками. Народ от души радовался и одобрял действия бравистого Ильича. Может быть, именно тогда в ходе парадов голубые и черные курсантские погоны запали мне в душу. «Брежневского» военно-патриотического воспитания мне хватило на всю тридцатилетнюю службу, да и на всю жизнь.

В юности мы открывали для себя неизвестных героев великой войны, военное название родного города — Танкоград, впервые поклонились могилам земляков Героев Советского Союза, погибших в Курской битве, при штурме Берлина и похороненных в уральской земле, осознали значимость и ответственность военной службы.

Врезалось в память, как однажды всю ночь напролет наша семья читала вслух откровения войны, описанные Сергеем Смирновым в книге «Брестская крепость». Почему всю ночь? А потому что на утро эту книгу надо было передать по очереди в другую семью. Мои женщины читали, по очереди меняя друг друга, и плакали. Не спал вместе с ними, естественно, и я...

В то время все напоминало о недавней войне: фронтовики —

калеки, без рук и без ног, попадавшие на каждом шагу; масса боевого оружия, хранящегося в тайниках и ходившего по рукам у пацанов...

Бывало, что для пополнения этого арсенала мы не раз принимали организованные вылазки на площадку металлолома вторчермета Челябинского металлургического завода и, гордые, привозили с собой во дворы болванки мин, гранат и снарядов. Счастливицы хвалились найденными автоматами и винтовками, финками и саблями, пистолетами и револьверами...

Таковыми мальчишками мы остались до старости.

МОИ ДРУЗЬЯ

*И вот тогда-из слез, из темноты,
Из бедного невежества былого
Друзей моих прекрасные черты
Появятся и растворятся снова.*

Белла АХМАДУЛИНА.

У каждого из нас — пацанов моего поколения, сложилась собственная, не похожая на других судьба. Однако ребята, с которыми я учился в школе, остались моими лучшими друзьями на всю жизнь. Когда выдается возможность, конечно, сейчас все реже мы встречаемся и веселимся так же, как это делали в наши юные годы. По сути мы остались теми же мальчишками, нас сейчас в поведении сдерживают только приобретенные болезни и жизненные обстоятельства.

Товарищей в юности у меня было много, а настоящих друзей, как известно, много не бывает. Есть такая несколько суровая фраза у Максима Горького: «Хорошие люди редки, как фальшивые деньги». Может быть, резко сказано, но если вдуматься — справедливо. Сильное положительное влияние в юности на меня оказали несколько одноклассников — Катайцев, Смирнов, Лаптев, Беляев. Каждый из них заслуживает более подробного рассказа.

Леонид Катайцев сразу обращал на себя внимание своей фактурой — высокий, стройный, красивый, с очень выразительными глазами. Он великолепно двигался, хорошо разговаривал, у него было необычайное человеческое обаяние. Для меня он являлся при-

мером настоящего мужчины. Лешка был дружелюбен, но никогда не боялся вступать в драку с самыми отчаянными хулиганами нашей школы, а таких было немало, и хотя часто бывал бит, всегда достойно вел себя до конца стычек. Под влиянием его неудачных боев я тоже стал заниматься боксом. Часто приходил домой с тренировок с разбитым носом и вздувшейся губой, но постепенно набирался навыков волевого поведения, мужества и умения постоять за себя.

Впервые вместе с ним я в компании парней попробовал отвратительный вкус водки, и он по-товарищески не бросил меня, а через весь город привел нетрезвого домой. В нем чувствовалась какая-то особая мужская сексуальность, девчонки в него сразу влюблялись. С ним легко и просто общались многие. Простодушный, открытый, добрый, он был надежным другом.

Он мне imponировал своей целеустремленностью, ему чужды были мои мальчишеские мечтания и фантазии. После восьмого класса наши дороги разошлись. Я учился в школе, а он поступил в железнодорожный техникум — о котором с детства мечтал. Тем самым уверенно продолжил дело своего отца-железнодорожника. Потом его призвали в армию. Закончив учебное подразделение в Свердловском учебном полку связи, полтора года служил связистом в Чехословакии в Центральной группе войск. Уволившись в запас, Леонид вернулся на Южно-Уральскую железную дорогу и всю жизнь проработал машинистом электровоза. Остепенился, женился, обзавелся детьми.

Лохматым блондином с рыжими конопутками на лице, голубыми близорукими глазами, сутулым и нескладным был Александр Смирнов. Умелец-радиолюбитель, он научил искусству создавать собственные транзисторные приемники и оживлять долго молчавшие радиосхемы. На этой почве мы с ним и подружились. У него был порок сердца, и потому в армию его не призвали. О чем он очень сокрушался, так как тоже мечтал быть военным.

Как-то Сашка достал из семейного тайника немецкий пистолет системы «браунинг» и рассказал под большим секретом, что его отец был чекистом и после войны много лет боролся против «зеленых братьев» в Прибалтике, где он, Сашка, в тот период и родился. По его словам, после увольнения из органов, отец, боясь мести националистов, уехал подальше от тех мест. Несмотря на сдержанность в чувствах, Сашка оказался влюбчивым парнем, и довольно

рано начал уединяться с нашей одноклассницей. Сначала целовались до упаду, а потом и жениться пришлось. Было молодоженам на тот момент лет по семнадцать. Отягощенные малым ребенком молодожены изменили свои планы на дальнейшую учебу. Несмотря на хорошее знание математики, сразу после школы Смирнов в политехнический институт даже не поступал, и устроился работать в сборочном цехе Челябинского радиозавода, что по тем временам было большой удачей. Впоследствии Александр поступил на заочный факультет и успешно совмещал работу с учебой в институте.

Но с Л.Катайцевым, А.Смирновым, Е.Гурьевым, Е.Шавриным, В. Сединкиным и В.Елонькиным мы потеряли из виду друг друга. Хотя все они так же, по-прежнему, живут в родном для меня городе и при желании всегда могли бы зайти или позвонить моей маме — узнать мою судьбу, этого не случилось. За долгие годы кочевой жизни, считай всю жизнь, мы встречались случайно всего несколько раз...

Однако не терялись никогда и остались моими надежными друзьями на всю жизнь двое незабвенных и верных одноклассника — Лаптев и Беляев. Пожалуй, каждый может гордиться такой настоящей дружбой! И я ей горжусь! Несмотря на мою кочевую жизнь, мы прожили в духовном унисоне всю жизнь.

Закадычным другом моего детства являлся Юрий Александрович Лаптев, родившийся в конце августа 1948 года. Мы оказались неразлучными с малолетства, потому что не только учились за одной партой с первого класса в средней школе № 23 имени Героя Советского Союза лейтенанта ВВС В. Луценко, ставшей нашей «альма-матер», но и жили практически в одном дворе, вместе еще дошкольниками играли в песочнице, вместе переходили из класса в класс. Эта общность и сдружила на всю жизнь.

По причине перенесенного тяжелого заболевания — остеомиелита голени — Юра на два года отстал в учебе от своих ровесников и оказался в нашем классе с репутацией больного переростка. Старшинство давало ему право верховодить, быть бескорыстным, добрым и отзывчивым заводилой всех славных и не очень славных, но интересных, захватывающих мальчишеских дел. Вспоминаются организованные им коллективные выезды на велосипедах через весь город в парк культуры и отдыха (позднее его назвали именем Ю.А. Гагарина), где располагался парк бронетанковой техники военной кафедры политехнического института.

Сейчас, оценивая то время, я осознаю, что этот парк был необычным, он являлся полноценным историческим музеем всех типов танков второй мировой войны. Еще в последние годы войны, когда с полей сражений свозили на переплавку битую боевую трофейную и собственную бронетехнику, среди преподавателей военного дела политехнического института нашелся энтузиаст, добившийся разрешения от обкома партии собрать музей бронетехники на небольшой территории вузовского двора. Там стояли уникальные экземпляры немецких танков, были американские и английские танки и танкетки, поступавшие в нашу армию по ленд-лизу. Отечественные экземпляры бронетанковой техники представляли: легкие Т-26, Т-28, Т-40, Т-60, Т-70, средние Т-34 различной модификации, тяжелые Т-35, КВ, КВ-1С, ИС-1, ИС-2, Т-10, а также самоходные установки СУ-76д. В бестолковые хрущевские времена эта коллекция была отправлена на переплавку. А мы, мальчишки, успели потрогать каждый танк своими руками. Кстати, сейчас подобную и единственную экспозицию на территории СНГ можно увидеть только в музее бронетанковой техники в подмосковной Кубинке.

Первые познания о танках мы получили не от экскурсовода, а от вездесущего Юрки, который очень хорошо знал историю танковых войск, легко и толково ориентировался в модификациях и особенностях вооружения и ТТХ боевых машин. Став старше, я узнал, что Юра почерпнул эти познания от отца, танкиста, служившего в легендарном Уральском добровольческом танковом корпусе, сформированном в Челябинске и Свердловске в мае 1943 года.

Начав войну в июльском горниле Курской битвы, с первых боев натерпелся горюшка. По его словам более шести тысяч советских танков были подбиты или сгорели вместе с экипажами в оборонительной операции на Огненной дуге и в ходе контрнаступления наших войск под Орлом, Поньями и Прохоровкой. В первых боях горел вместе с броней и юный Александр Лаптев. Впоследствии свою боевую историю и познания в военной службе он рассказывал впечатлительному сыну, а тот просвещал дворовых мальчишек, поражая нас эрудицией. Кроме того, мой друг обладал способностями в рисовании и лепке из пластилина и глины. Он нам мастерски рисовал такие батальные сцены, что мы хранили эти рисунки долгие годы. А какие модели танков он лепил! И каждый танк выполнялся с большим мастерством и полным копированием деталей. От

этого был узнаваем и внешне соответствовал своему настоящему прототипу.

Повзрослев, Юрка неожиданно обнаружил поэтические способности — он удивительно легко подбирал рифму своим песням, которые напевал по настроению. Мы за это со смехом называли его «Народным Акыном» — что вижу — о том пою!

Он был удивительным мальчиком — простым, несколько наивным, но верным и преданным человеком. Очень самостоятельным, и притом послушным и безобидным. До последних часов жизни рано ушедшей матери он заботился о ней: покупал продукты, готовил еду, убирал в доме, мыл посуду, следил за тем, чтобы она регулярно принимала лекарства. Когда она уже не могла ходить — он на руках переносил ее в ванную комнату и мыл как малюго ребенка.

Юрка был русый, с кудрявой головой, с вечно расстегнутой на груди рубашкой. Внешне походил на отца — тот тоже был невысок и крепок, носил роскошную кудрявую русую шевелюру. Подростком Юра начал ходить в спортивную секцию тяжелой атлетики и потому казался необыкновенно привлекательным и сильным. Хотя он был роста небольшого, в каждом его движении видны были озорство и сила. Бывало, он так поводил плечами, подбочивался, будто собирался что-то поднять или сдвинуть что-то очень тяжелое. А еще он моржевал, но при этом неистово боялся сквозняков и открытых форточек.

Семья у Юрки была простая. Всю жизнь болеющая мать, тетя Катя, не работала, являлась домохозяйкой и модисткой, занималась шитьем платьев и костюмов, многие из которых шли на продажу. Желчная, маленькая, изможденная болезнью коротко стриженная русоволосая женщина с вечно недовольным выражением на морщинистом лице и большим крикливым ртом часто поддавала нам подзатыльников, но, попадая под ее горячую руку, мы никогда не обижались, поскольку она не вызывала у нас страха или какой-то неприязни. Ибо по своей сути была добрейшим человеком. И эту доброту мы чувствовали. Многочисленные мальчишеские компании в холодное время года собирались в их небольшой двухкомнатной квартирке, сотрясая стены шумом. То мы ползали по углам квартиры, урча, изображая рев танков или стрельбу орудий. Немножко умолкали, когда садились рисовать или мастерить из дерева сабли и ружья, из глины и пластилина фигурки для своих батальных сраже-

ний... Став постарше, готовили различные капустники и развлечения — учили стихи и байки.

А когда во дворе у передовиков коммунистического труда появился первый телевизор, вся уличная компания перебралась к нашей однокласснице Таньке Кузнецовой. Кроме нас, детей, приходили к ним и взрослые. Все рассаживались вплотную напротив телевизора, как в железнодорожном купе, «и шеями мотали, как будто старые стихи, закрыв глаза, читали». А гордые хозяева забирались с детьми на кровать и смотрели все передачи подряд от начала трансляции в 18.00 до ее конца в 23.30.

Через голубой экран мы открывали для себя окружающую планету, мир кинопутешествий, животных и природы. С того времени мне запомнился дух коммуны, которым был пропитан воздух нашего общения. Он почему-то пах дешевыми конфетами — карамельками. Все тогда жили одинаково небогато, но дружно и доброжелательно. Телевизор стал возжеленной мечтой каждого ребенка, к Новому году мы даже записки оставляли для Деда Мороза с одной просьбой о нем — голубоглазом. Эти цыганские набеги к Кузнецовым продолжались около полугода, а потом достижения радиотехнической промышленности позволили расширить базу просмотров.

В нашей семье мечта сбылась где-то в конце 1961 года. Поскольку это был большой дефицит, то отчиму удалось купить телевизор в Москве. Моя мама в то время работала заместителем начальника областного объединения «Зооветснаб» и сутками пропадала на работе. Однако не забывала и меня, часто брала на различные ярмарки, выставки аграрной промышленности, которые проходили в отдаленных совхозах и колхозах области. На таких областных форумах мне было куплено многое: гитара, боксерские перчатки, комплект кинофотооборудования, гири и гантели для занятий спортом, что меня отвлекало от бесцельных уличных болтаний...

Но жесткие нравы улицы Кожевенной мне были хорошо известны. Многие ребята с нее росли без отцов. Немало их на распутье ушло в колонии и тюрьмы. Однако общение с криминальными элементами не повредило мою психику, и о детстве остались самые светлые воспоминания. По отношению к себе я не испытывал никаких случаев бессмысленного унижения или несправедливости. Парни старше по возрасту относились ко мне очень хорошо. Даже самые отъявленные хулиганы опекали, кормили меня мороженым,

пирожками, учили уму — разуму. Может быть, потому, что я тоже рос без отца, и меня считали «своим» — сыном улицы. Я, как и все мои ровесники, рано научился держаться независимо, при случае мог загнуть матерное коленце. В тот период модно было делать эковские наколки на руках — татуировку якорей, кораблей, надписей, но мне хватило ума позволить сделать себе только точку на правой руке. Дав это сделать, я доказал, что не трус, а рисунки полагал ненужным занятием. Даже детским умом я понимал это. С той поры во мне сидел какой-то внутренний контролер, определяющий, что надо делать, а что нет... И не всегда я поступал как все — за компанию.

На улице шла невидимая взрослыми своя учеба поколений: внушались понятия чести и бесчестия, мужского слова, храбрости и мужества. Часто они заканчивались практическими тренировками — прыжками в воду с пятиметрового моста, заплывами через реку, коллективными драками стенка на стенку с мальчишками из местного «шанхая» или «кирсарая». Вспоминаю уличные «занятия по анатомии», которые без всякой пошлости проводили с нами ребята-подростки с учебником по гинекологии, неизвестно откуда ими взятым, разъясняя по картинкам, почему женщины бывают беременными и откуда берутся дети... Преподаватели в школах таких занятий с нами не проводили ни разу даже в старших классах.

Среди окружающих взрослых для нас были свои авторитеты — взвешенный и мудрый бывший партизанский командир без ноги, ходивший с костылями; шустрый и острый на язык, равнодушный к женскому полу бывший разведчик без обеих ног, стремительно передвигающийся на своей коляске с четырьмя подшипниковыми колесиками; умирающий от тяжелой болезни вор-рецидивист; бывший командир стрелкового батальона, с изувеченной на войне нижней частью живота и от этого одинокий и спивающийся бедолага, с гордостью до последнего дня носивший на потрепанной гимнастерке орден Александра Невского. В каждом из этих несчастных жила удивительная человеческая душа, которая притягивала нас. И они передали нам много полезного для жизни — не требовать для себя многого, уметь терпеть и не обижаться на окружающих, почитать старших и любить свое Отечество.

*Пусть живые запомнят, и пусть поколения знают
Эту взятую с боем суровую правду солдат.*

*И твои костыли, и смертельная рана сквозная,
И могилы над Волгой, где тысячи юных лежат, —
Это наша судьба, это с ней мы ругались и пели,
Подымались в атаку и рвали над Бугом мосты...*

Знать на нашей улице не жила, все были из простых рабочих семей. Например, Лаптев старший работал на лакокрасочном заводе кузнецом. В его внешности была подлинная мужская стать, и хотя роста он был небольшого, обладал недюжинной силой. Он был квадратным — про таких говорят, его лучше перепрыгнуть, чем обойти.

Женщин в обществе заметно было больше. И я рос под покровительством бабушки и матери. Израненные на фронтах мужчины болели, пили водку и рано уходили из жизни, а женщины оставались одни. Однако с каждым годом жизнь налаживалась и становилась веселее, почти у всех в квартирах появились сначала радиолы с проигрывателем для пластинок, а потом телевизоры, и лишь за этим появились атрибуты мещанства — мебель и ковры. Хорошо зарабатывающий Лаптев даже катался на автомашине «Победа». Кстати сказать, великолепная и надежная была техника — эта машина пережила моего друга Юрку. Была всеядная. Ездила даже на солярке. Только при этом дымила, как бронетранспортер. Через тридцать лет после покупки она развивала на шоссе скорость в 100 км/час, удивляя автомобилистов на дороге.

Весь дом Лаптевых держался на воле и уме матери. Квартирка сияла, мужики ходили аккуратные и ухоженные, семья имела добротную дачу с небольшим домом и фруктовым садом. Тетя Катя, в перерывах между ворчанием, отмечала добрым словом заслуги своих мужиков, всегда щедро угощала нас, пацанов, вареньем и другими разносолами. Юрка учился на троечки и потому после восьмого класса с удовольствием ушел учиться в ПТУ на модную тогда специальность — мастера по ремонту холодильников. Однако по ней работал недолго, перешел на отцовский завод, где впоследствии всю жизнь трудился водителем на автомобиле по вывозу заводских отходов канализации. У него как-то отсутствовало чувство брезгливости, и этим все пользовались, поручая ему самую грязную, но так необходимую работу.

Как и фронтовик-отец, Юрка, вступил в Коммунистическую партию и достойно трудился. О нем писали в заводских многоти-

ражках и ставили в пример. В одной из сохранившихся у меня вырезок написано: «В этом году коммунисты управления механизации приняли Юрия Лаптева кандидатом в члены КПСС. Юрий пришел в управление после ГПТУ и стал работать компрессорщиком. Работу он свою знает и любит, чем заслужил уважение коллектива, но на достигнутом останавливаться не хочет — пополняет свои знания, участь в политехническом институте».

После того как я начал скитаться по военным гарнизонам, мой друг побывал у меня почти во всех округах. Любил одеваться в мою военную форму. И всю жизнь сожалел о том, что по болезни не смог осуществить свою мечту и стать офицером-танкистом.

Как говорили его родные, он очень гордился дружбой со мной. А дружба его была действительно верная, ведь в 18 лет я ушел из дому, а Юрка всю жизнь не забывал моих женщин — маму и сестренку. Часто их навещал — помогал закупить продукты, привозил с базара картофель на зиму, делился урожаем фруктов и овощей из собственного сада.

Семейная жизнь у него сложилась неудачно. По сути, она, наверное, и стала причиной его ранней смерти. Женился он в 24 года на восемнадцатилетней простой и симпатичной деревенской девчонке, работавшей на заводе крановщицей. Вскоре в семье как грибочки родились двое сыновей. Старший — Виталик, 27 августа 1976 года рождения. Денис появился через год — 20 сентября. При жизни свекрови все шло вроде неплохо. Однако смерть тети Кати разрушила семью до основания. Все у них пошло вкривь да вкось. Запили и отец, и сын. Невестка оказалась никчемной хозяйкой и пустой легкомысленной женщиной. Завела любовника, наличие которого не скрывала от мужа, сама пристрастилась к спиртному. Люди про нее плохо говорили, что аура у нее такая, что всякий, кто ее полюбит, либо сгинет в могилу, либо жить будет так, что лучше бы смерть. Светлая и чистая квартира Лаптевых на центральной улице Кирова превратилась в берлогу с полуоборванными шторами, невымытыми полами и грязными окнами, вечным завалом грязной посуды на кухне. Все трое зарабатывали хорошо, но деньги, передаваемые хозяйке, пропадали с невероятной быстротой. Без родительского контроля подросли сыновья, которые кое-как осилили 8 классов школы и ушли работать на завод. Тем временем общий порядок в семье все глубже опускал их в трясину жизни; они тоже стали злоупотреблять алкоголем. Трагической вехой в жизнь

семьи вошел январь 1995 год — погиб Юрий. В морозный вечер 22 числа он возвращался домой и был зверски убит неизвестными под окнами собственного дома. Преступники так и не были найдены. Да по большому счету в это лихое время их никто и не искал...

Похороны подтвердили, что Лаптева уважали и любили многие. Показательно, что тысячи рабочих, инженеров и техников лакокрасочного завода во главе с директором провожали его в последний путь. За гробом шли и его школьные друзья Виктор и Валентина Беляевы, Женька Гурьев и моя сестра Ольга.

По их воспоминаниям, — над могилой погибшего звучали проникновенные слова о его безотказности, отзывчивости, верности долгу и делу. Оказывается, в критические минуты многочисленных аварий и технических неисправностей Юрка лез в самое пекло — не жалея себя. И хотя это было уже постперестроечное время, когда полностью развенчали романтический ореол партии, о нем говорили по-старому: «Это был настоящий коммунист!». И когда на поминках в заводской столовой простые немногословные рабочие в своем кругу поднимали стаканы с водкой, — за помин его души, — они отметили главное, с чем были согласны многие:

— Смерть первыми забирает лучших... — Юрка был яркой личностью. Где-то в темном небе светит и его звездочка.

В отличие от Лаптева, мой второй верный друг («Дружиче» как я его любовно называю всю жизнь), был более практичен и целеустремлен. Впервые мы встретились в девятом классе, в разгар осени 1966 года, когда Виктора, сына военнослужащего, судьба забросила в наш класс. Дружба началась внезапно, будто мы до этого были знакомы давным-давно. Верно сказал о таком состоянии поэт: «Ангела сразу узнаешь сам, встретившись только взглядом. Где он здесь взялся, судить не нам — встань, помолчи с ним рядом!»

Беляев родился 20 августа 1950 года в семье молодых выпускников местного зоотехникума в селе Мартовка Алтайского края. Его родители, отец Алексей и мама Нелли сами являлись уроженцами алтайской деревушки. О своей родословной Витя рассказывал так:

— «Мой прадед в русско-японскую войну служил радистом в Порт-Артуре. Это было совсем новое дело, как известно, способ передачи информации на расстояние был изобретен А.С. Поповым всего за девять лет до этого, в 1895 году. Судя по всему, прадед

оказался смышленным парнем, хотя являлся выходцем из глубинки. При Советской власти его армейский опыт был использован, и он вместе с сыном (моим дедом) построил, а позже и руководил первым радиоузлом в поселке Павловске под Барнаулом на Алтае. Опыт выхода в эфир и у моего отца состоялся именно на той примитивной технике под руководством деда. Прослушивание всего мира настолько поразило отца, что он в будущем и не мыслил себя в стороне от этого увлекательного дела. Отец, выходец из большой многодетной крестьянской семьи, в которой кроме него у родителей была старшая сестра Валя и младшие брат Борис и сестра Тамара.

Со своей будущей женой Богуславской Нелли Андреевной он познакомился еще в мальчишестве. Она тоже уроженка Павловска. И жила по соседству. После окончания школы они вместе уехали поступать и вместе учились в ветеринарном техникуме. По распределению попали в село Мартовку Алтайского края, где я благополучно у них родился. Но работали там родители недолго. Отец поступил в военное училище связи, а после него закончил школу КГБ и служил всю жизнь в органах. Я не знаю точно, когда отец ушел в госбезопасность, но офицерская служба его кидала по всему Союзу. Эта география отразилась в метриках моих близких. В Житомире в Украине в 1954 году родился мой брат Сережа, а в Узбекистане, в Фергане, через шесть лет — Сашка. В 1966 году семья переехала в Челябинск, который стал мне родным».

В звании майора из жаркой экзотической Бухары Беляев — старший был переведен с повышением на должность заместителя начальника отдела областного управления КГБ в столицу Южного Урала. К тому времени он заочно окончил полный курс Новосибирского электромеханического института. Напротив нашей средней школы № 23, что в несколько измененном виде сохранилась на проспекте Кирова и до настоящего времени, семья подполковника Беляева получила трехкомнатную квартиру. Но жизнь на новом месте оказалась недолгой — неполных три года, как вновь, только обжились, получили приказ о переводе к новому месту службы в Сибирь, начали паковать вещи.

Отец моего друга Алексей был высоким, симпатичным и худощавым брюнетом. Немногословный в общении, он увлекался радиолюбительством. Работая на коротких волнах, добился международного признания и считался мастером высокого класса. Половину гостиной в их небольшой квартире занимала громадная ра-

диостанция. Когда я приходил к Виктору в гости, то с вожделением и трепетом смотрел на непонятную мне технику, многочисленные блоки и массу карточек со всего мира, подтверждающих установление радиосвязи.

«Отец вынашивал голубую мечту, — вспоминал Виктор, — сделать всех Беляевых (и маму в том числе), радистами-коротковолновиками, с этой целью даже позывные на каждого оформил.

Каждый из нас, — его сыновей, — понемногу приобщился к радиodelу. Например, я в Бухаре занял первое место среди школьников по радиоспорту. Получил диплом и ценный подарок. И очень тогда этим гордился! Кое-какие увлечения были у братьев Сережки и Сашки, но отец остался единственным радиолюбителем в нашей семье. Отслужив установленный срок, отец уволился в запас и до глубокой старости по-прежнему жил радиолюбительством. Работал на уровне мастера спорта международного класса. Сейчас техника значительно облегчает работу, — это не то, что было раньше: морзянка — точка и тире. Современная клавиатура автоматически сбрасывает много информации, но надо отдать должное — папа всю жизнь хорошо по-английски «шарил...»

Виктор отмечал, что «новое место жительства семьи Беляевых оказалось не самым лучшим. Суровый и своеобразный климат Красноярска подорвал здоровье отца и матери. По причине наличия мощной ГЭС на Енисее в черте краевого центра вода не замерзает даже в сорокоградусные морозы. Средняя температура воды в реке + 4 градуса. В зимнее время поверхность реки просто парит... Высокая влажность способствовала развитию у отца астмы. Его легкие не выдержали перепадов от среднеазиатской жары до сибирских холодов... А матушка там умерла от сердечного приступа...». Алексей Беляев пережил жену на пять лет и умер после тяжелой болезни в середине лета 2010 года.

Братья Сергей и Александр стали красноярцами, получили специальное образование: средний закончил техникум, а младший — институт связи, оба дослужились до подполковничьих погон. Сергей в Красноярском МВД, а Александр в подразделении правительственной связи. Сыновья отчасти оправдали надежды отца, став связистами, но пошли к своим профессиям разными путями. А вот, к глубокому сожалению отца, — за радиостанцию так никто с ним рядом и не сел...

Мама Виктора, Нелли Андреевна, была невысокой, стройной

и красивой брюнеткой, в отличие от молчаливого отца, наоборот отличалась красноречием, — почему-то недолюбливала меня и была агрессивно настроена. Не знаю отчего, ошибочно считала, что я дурно влияю на ее старшего сына. Хотя на самом деле ничего противоправного мы не совершали. Наоборот, наше взаимное влияние друг на друга было исключительно положительным. Она работала медсестрой в больнице или госпитале, и в перерывах между днями дежурств, активно занималась воспитанием своих троих сыновей. Часто заходила в школу, и ее негативное отношение ко мне бросилось в глаза даже преподавателям. Это не раз отмечала наша классная руководительница Р.В. Стронгина, которая, по своей душевной доброте, произвольно выступала моей защитницей.

В те годы повальным увлечением молодежи являлось радиолубительство. Мы не болтались по улицам, а часто до глубокой ночи сидели с Виктором в моей комнате с паяльниками и радиосхемами, — занимались изготовлением радиоприемных устройств, транзисторных приемников и «пиратских» передатчиков. Считалось особым шиком забивать своим передатчиком соседские приемники. Для пополнения знаний мы регулярно читали журнал «Радио» и стихийно технически развивались, что способствовало освоению новых и дополнительных знаний азов физики... Летом многочисленной компанией выезжали в туристические походы на чудесные озера нашего горного Урала. Неделями жили в палатках, купались, загорали, ловили раков, варили немудреную пищу на костре, играли в волейбол. Вместе с собой я всегда забирал в эти походы и на пикники свою сестру Оленьку, чем тоже пристрастил ее к путешествиям. Впоследствии она самостоятельно объехала весь Союз, но подобные сказочные места встречала нечасто.

*Заповедный край,
Шелест камыша.
Неужели рай
Обрела душа?
Край заветных снов:
Зеркала озер
В обрамлень мхов,
В рамах синих гор.
В малахит воды
Горечь неудач*

*Переплавил ты,
Малый Кисегач.*

Надо сказать, что эту страсть к путешествиям и влюбленность в дикую природу Виктор Беляев и моя сестра Оленька сохранили на всю жизнь, чему я очень завидовал, так как мое военное общение с природой не имело ничего общего с досугом.

Когда пришел приказ о переводе отца, Виктор категорически отказался ехать с семьей в Красноярск и, проявив недюжинный характер, остался один жить в Челябинске. Причиной этому стала страстная юношеская любовь, вспыхнувшая в 10 классе к однокласснице. В отличие от нас всех, Витя еще в школе начал дружить с девушкой из параллельного класса Валентиной Смирновой. Его избранница обладала рядом достоинств: она была умной, красивой и стройной девушкой, хорошо училась в школе.

Ее родители были инженерами, работали на заводах города. Я с детства полагал, что их семья имеет «благородную», чуть ли не дворянскую родословную, а позднее узнал, что Смирновы — выходцы из глухой деревни Костромской области. Отец с матерью оказались на Урале вместе с родителями во время массовых переселений в начале века. Получили образование и стали «элитой» общества. При Советской власти эта категория трудящихся действительно была интеллигенцией и гордостью любого трудового коллектива. В семье воспитывались, кроме Вали, еще две сестры и брат Саша. Все дети Смирновых под влиянием отца и матери получили добротное инженерно-техническое образование; не стала исключением и Валентина. В 1967 году сразу после окончания средней школы она легко поступила в политехнический институт.

У Валентины был сильный, целеустремленный характер. Она оказывала большое положительное влияние на своего возлюбленного, которого просто боготворила. Самое удивительное, что Витя считал себя вполне самостоятельным, так ловко все обставляла его любимая. Валя вела себя деликатно, незаметно и не выпадала из нашей компании. Скандалы в семье были редким явлением. И Витя говорил: «У кого-то жена диктатор, у кого-то зануда... А мне повезло». Женский ум — это очень важно для жизни. Это и тонкие ходы, и хитрые узоры.

Мы, мальчишки, в тот период даже ревновали ее к нему, ведь все чаще и чаще он стал выпадать с ней из нашей компании.

У меня в юности не было сильных увлечений девушками, хотя в личной библиотеке я всю жизнь храню книгу К.Кудиевского «Песня синих морей», с дарственной надписью: «Алик! Будь хорошим человеком». Каллиграфический девичий почерк напоминает, что это было 23.2.1965 года. А подарила книгу о большой и сложной любви в годы войны моя одноклассница Нина Брежнева. Фамилия по тем временам очень яркая, и девочка была «гением чистой красоты» — опрятной и привлекательной, но я к ней был совершенно равнодушен. В десятом классе на школьном вечере я познакомился с Лизой Шабуровой из соседнего класса, мы с ней вместе учились танцевать в кружке бальных танцев. Несколько раз провожал ее до дома, что стоял на улице 8 Марта, но большего в наших с ней отношениях не получилось, хотя она мне нравилась. Моя душа искала своего ангела-хранителя...

Остались в моей памяти и совсем детские увлечения девочками в начальных классах школы, но они были достаточно грубо и непедагогично подавлены родителями. Припоминаю, как в классе третьем или четвертом родители в моем кармане обнаружили записку от девочки-одноклассницы: «Суворовец, я тебя люблю...». Воспитательный разговор на тему взаимоотношения полов был короткий, — с меня стянули штаны и безжалостно выдрали ремнем по голой попе.

Прошло столько лет, но я помню позор тех минут и горькую обиду. — За что? — Эта святая детская влюбленность была трогательна и беззащитна.

«Суворовец» — так уважительно меня звали одноклассницы за мое устойчивое желание поступить в СВУ и стать офицером... А я даже не запомнил имя той поклонницы...

...А Виктор Беляев первым из нас нашел свою настоящую юношескую любовь. У него все было серьезно, и как мы считали — навсегда!

...Вскоре большая военная семья Беляевых уехали к новому месту службы — в Сибирь, а перед отъездом отец добился выделения своему старшему сыну небольшой комнатки в коммунальной квартире, ибо Виктор, влюбленный в Валентину, категорически отказался расставаться с ней. Вот так и родилась новая семья.

Витя и сейчас хорош, а тогда был особенно симпатичным парнем — смуглым, высоким и стройным, чем привлекал повышенное внимание к своей особе. У него были черные густые волосы, восточ-

ные миндальные глаза, удивительно открытые и доверчивые, но закипавшие в минуты гнева и раздражения. По натуре он был отзывчивым, сентиментальным романтиком и мечтателем. Не чурался никакой работы и мог сделать практически все. Мой приятель был в отца — немногословным и сдержанным человеком. Только приняв определенную дозу спиртного, он преображался: становился веселым, остроумным и интересным рассказчиком.

Виктор после окончания школы работал на заводе им. Клоуцэнко рабочим на токарном станке по производству артиллерийских снарядов. А по вечерам, после напряженного трудового дня, учился в авиационном центре на пилота реактивного самолета, с перспективой службы в частях ПВО.

Я откровенно скажу, что никогда в молодости даже не мечтал быть летчиком. В Челябинске эта военная профессия не была особенной или исключительной. Кроме летчиков, у нас было полно курсантов — танкистов, автомобилистов. Челябинское авиационное училище штурманов имело богатую военную историю и яркую плеяду выпускников-героев. Один лейтенант, А.А. Буденюк, штурман легендарного экипажа капитана Гастелло, чего стоил. Его имя отмечено на мемориальной доске и в экспонатах музея училища. Однако в отличие от курсантов сухопутных училищ, летчики были на виду и напоминали о себе постоянно. Над городом всю неделю, кроме выходных, летали учебные самолеты ЧВАКУШ с красными звездами ВВС. А в выходные дни на улицах молодые красивые парни с голубыми курсантскими погонами и птичкой в петличках, конечно, выигрывали перед своими конкурентами... Девушки смотрели в их сторону более трепетно.

Виктор же в течение первого года обучения прошел теоретический курс подготовки, а с весны 1968 года стал полноценным курсантом и откомандирован в учебную часть ВВС для практических полетов на реактивных самолетах чешского производства Л-29. В тот период это был крепкий, разносторонне спортивно развитый парень — занимающийся борьбой, гиревым спортом, подводным плаванием, охотой и рыбалкой. К его атлетической фигуре очень шла военная форма. Учился он летному делу с большим увлечением и желанием, строя на будущее грандиозные планы службы в военно-воздушных силах, однако судьбе было велено распорядиться иначе. Во время очередного самостоятельного учебного вылета в зону при посадке самолета действовал не совсем профессионально грамотно,

а по мнению преподавателей — грубовато — опасно. Как известно, посадка летательного аппарата на землю — самое сложное в обучении пилотажу летчика. Для сокращения состава обучаемых командование воспользовалось этим обстоятельством для чистки рядов курсантов. В числе нескольких неудачников, тоже получивших разные замечания и неудовлетворительные оценки за пилотирование, Беляев был отчислен из состава курсантов авиацентра и отправлен в строевую воинскую часть ВВС до окончания срочной военной службы.

В этот психологически трудный момент к Виктору в поселок Косулино Свердловской области (где дислоцировалась авиачасть) приехала Валентина Беляева и стала его женой. Они зарегистрировались в местном сельсовете, не спрашивая разрешения своих родителей и никого не предупреждая. В семье сохранилась фотография той поры, на которой изображена счастливая пара: Валентина в скромном простеньком наряде и коротко стриженный курсант с голубыми авиационными погонами — Виктор Беляев.

Я считал тогда, да и сейчас не изменил своего мнения, что летчиком можно только родиться. Это люди особой стати, психики и природных данных. Как говорил Горький, — рожденный ползать летать не может! Но каждому свое!

...В начале 60-х годов наша семья переехала в новую благоустроенную квартиру в дом на окраине города по улице Краснознаменной. Сейчас этот район уже находится в центре. А в те времена прямо за домами был пустырь. Там начинался аэродром ДОСААФ, на котором мальчишки знакомились с авиацией и летательными аппаратами. Ежедневно над нашими головами гудели спортивные самолеты. Летчики на ЯК-18 выпорывали в небе фигуры высшего пилотажа и закладывали такие виражи, что у нас пацанов захватывало дух. Иногда из самолетов АН-2 вниз летели фигурки, открывавшие на небольшой высоте от земли свои парашюты. Стать летчиком или парашютистом было невероятным явлением. Я почему-то, не видев моря, мог представить себя морским волком в полосатой тельняшке (которую, кстати носил с детства), но небожителем в кожаном шлеме и очках, парящим над землей — никогда!

В шестидесятые годы после полетов космонавтов, в Челябинском авиационном училище была сформирована первая школа юных космонавтов. В неё набирали старшеклассников для профессиональной ориентации и подготовки к поступлению в училище. Мы с

завистью смотрели на них, когда в ладной летной форме они проходили улицами города во время Первомайских демонстраций. Но большинство моих друзей не рвались в их ряды. Исключение составлял только В.Беляев, просто болеющий небом. Мы же справедливо полагали, что вряд ли способны быть космонавтами. Однако нашей энергии, подогреваемой любопытством, хватало на то, чтобы, преодолев проволочное ограждение аэродрома, проникнув на стоянку, облазить на стоянке самолеты. Трогая алюминиевые крылья, заглядывая через стекло вовнутрь фюзеляжа, мы испытывали острейшее чувство прикосновения к тайне. — Как же летает самолет? Что его держит в воздухе?

Авиация меня окружала с детства. В моем родном небольшом городке Троицке в те годы тоже дислоцировался аэродром. Не оставляли нас равнодушными многочисленные могилы погибших летчиков, располагавшиеся рядом со взлетно-посадочной полосой. Среди этих захоронений принял последнее пристанище старший лейтенант Дейнекин — отец будущего главкома ВВС, погибший во время учебного полета в 1943 году.

Небо и кладбище всегда были рядом. Может быть, это инстинктивно отталкивало меня от романтики неба.

Хорошо врезался в память Первомайский праздник 1960 года. Я сидел на балконе в квартире своего родственника Сергея Трофимова, и мне хорошо был виден местный аэродром, на котором внезапно резко взвыла сирена, и по тревоге в небо спешно стали взлетать самолеты МИГ-19. Причину экстренного подъема в воздух троицких летчиков вскоре пояснило всесоюзное радио. Они оказались задействованными для пресечения американской разведывательной операции «Оверфлайт».

Через восемь лет в военной жизни Беляева оказался сюжет из той истории. Попав в неприметный поселок Косулино, где дислоцировались авиационная часть и зенитно-ракетный дивизион ПВО, курсант Виктор Беляев прикоснулся к тайне той операции по уничтожению самолета У-2 «Локхид». Именно здесь оказался эпицентр событий тех лет...

Виктор Беляев рассказывал мне, что на перехват и уничтожение тараном самолета разведчика с аэродрома Кольцово первым взлетел капитан Игорь Ментюков. Обрастая легендами, народная молва сообщала, что команду на таран дал сам «Дракон» (фронтвой позывной), командующий авиацией ПВО страны генерал Е.Са-

вицкий. Впоследствии его дочь Светлана добавила славы этой громкой фамилии, став космонавтом СССР.

Рассказывали, что через несколько секунд размышления летчик ответил:

— К тарану готов. Единственная просьба — не забудьте семью и мать...

— Все будет сделано.

Виктор Беляев, распаяясь, мне разъяснял, что таран всегда опасен. А в положении Ментюкова это была явная смерть, так как к боевому вылету он не был готов. Взлетел без ракет и высотного компенсирующего костюма и гермошлема. В случае катапультирования на той высоте его просто разорвало бы, как воздушный шарик, на кусочки...

Но, вылетая осознанно на верную смерть, наш летчик не сумел сбить У-2, так как тот летел со скоростью 750 км/час, а наш Су-9 догонял его со скоростью двух тысяч км/час. Игорь просто его не мог видеть и несколько раз проскакивал цель...

С земли на локаторах видели эту пляску смерти и решили нанести поражение ракетами. Ментюков получил команду: «Уходи из зоны, по вам работают!» Да он и сам уже видел сполохи взрывов в небе. Сработали косулинские зенитные ракетчики...

Однако Пауэрс уже ушел из зоны поражения и стал огибать город Свердловск, и потому ракеты не настигли его... На смену Ментюкову в воздух поднялись два МИГа под управлением летчиков капитана Б.Айвазяна и старшего лейтенанта С.Сафронова. Еще при подъеме они увидели взрыв и пять уходящих к земле точек...

— Эх, угадать бы тогда, что это был разваливающийся У-2, — сокрушался Виктор Беляев, — не было бы напрасных жертв... В 10 часов 53 минуты уральского времени ракета взорвалась позади «Локхиды», ее осколки пробили хвостовое оперение и крылья (радиус поражения осколками ракеты С-75 — до 300 метров). Крылья оторвались. Задрав нос к небесам, изуродованный фюзеляж штопором пошел к земле. Однако удачливому америкосу удалось покинуть машину и открыть парашют...

А за секунды до этого очередной ракетный дивизион капитана Н.Шелудько получил приказ обстрелять У-2 еще раз — требовалась гарантия поражения. Дивизион дал залп. Ракеты уже пришились по обломкам самолета... на экранах локаторов цель растворилась в помехах. Зенитчики приняли их за контейнер нарушителя с

металлическими лентами. КП полка счел, что противник, прикрываясь помехами, продолжает полет. Более 30 минут после уничтожения американского разведчика на командном пункте ошибочно считали, что он продолжает полет...

Советские летчики продолжали искать нарушителя в воздухе, и это закончилось трагедией. Зенитчики ошибочно приняли отметки от истребителей за вражескую цель, которая снизилась на 11.000 метров. Одной из ракет самолет Сафронова был сбит, летчик получил осколочное ранение в бок и погиб. Айвазяну удалось маневрировать, и ракета прошла мимо. Рассказывали, что всего в ходе пресечения полета самолета-шпиона было выпущено 14 зенитных ракет.

Сафронов погиб на виду у многих жителей Верхнего Уфалея, спешивших на первомайскую демонстрацию. Сергею в день гибели не исполнилось и тридцати, он был ровесником Пауэрса...

Над головой же американца успешно раскрылся парашют. Его несло к деревне Косулино. У самой земли он увидел бегущих к нему радостных людей, которые первоначально приняли его за нашего космонавта.

К приезду государственной комиссии жители деревень Косулино и Поварни собрали все обломки «до нитки», даже магнитную ленту. Витя рассказывал, что в деревне упала плоскость сбитого самолета, первые подоспевшие мужики стали разламывать ее ломami, разливая по ведрам и банкам имевшееся горючее, которое представляло интерес для военных экспертов...

Собранные остатки самолета были направлены в Москву, где была развернута выставка «вещественных доказательств» агрессивных действий американской военщины.

В мае шестидесятого был обнародован Указ о награждении воинов, которые пресекли полет самолета-шпиона. 21 человек удостоился орденов и медалей. Ордена Красного Знамени — старший лейтенант С.И. Сафронов и командиры зенитно-ракетных дивизионов майор М.Воронов и капитан Н.Шелудько.

Так в военную историю вошла небольшая уральская деревушка Косулино под Свердловском, которая дорога памятью о военной юности моему другу В.А. Беляеву.

Прошло немало времени, и вдруг судьба совершенно случайно столкнула меня, сорокалетнего состоявшегося военного в поезде «Днепропетровск — Киев» с подполковником запаса Игорем Алек-

сандровичем Ментюковым. Тем самым, о котором упоминал мой друг. Три звезды на погонах с двумя голубыми просветами моей десантной формы располагали попугчика к откровенности, и мы разговорились.

Родился на Тамбовщине. На восемнадцать лет меня старше. На пиджаке орденская колодочка с двумя ленточками Красной Звезды. Служил в авиации на Урале.

— Ого, это интересно. — подумал я. — Фамилия запоминающаяся, где-то я ее уже слышал? И сам не знаю почему, но спросил:

— Игорь Александрович, одна звезда за участие в операции под Свердловском по Пауэрсу?

— А ты откуда об этом случае знаешь? — удивился ветеран.

— Знаю, сам оттуда. И про Косулино, и про Кольцово знаю, — ответил я.

— Нет, за освоение боевой техники: «Су-9» и «Су-15». За сбитый «У-2» я не награжден. Я получил в награду только наручные часы «Сатурн» и приказ помалкивать...

— О чем помалкивать — ведь эта операция хорошо описана в газетах и журналах?

— Правды о ней не писали, — ответил летчик, — ее знают только участники, так и те молчат...

— Неужели? Расскажите, если можно. — У меня оказалась с собой бутылка водки, которую мы разлили по стаканам. Разложили нехитрый закусон. Выпили, и потекла откровенная беседа...

«Я получил приказ таранить американский самолет, — вспоминал Ментюков. — А я еще с курсантской скамьи помнил: чтобы набрать «потолок», нужно держать максимальную скорость или около нее. А у «Су-9» скоростные возможности по тем временам были невиданные, да и я налегке — без ракет. Плюс температурный режим был подходящим. Поэтому я туда поднялся на 20 километров. И стал сблизаться. Слышу в наушниках: цель — в правом развороте. Шарю глазами — его не вижу. Сблизение идет со скоростью ни много ни мало — 550 метров в секунду. И я проскочил чуть выше него. Сам Пауэрс в ходе следствия и на суде говорил, что услышал хлопок, и впереди него полетело оранжевое пламя. Хлопок такой ты сам, наверное, не раз слышал — при полетах сверхзвуковых самолетов. Когда стекла в окнах домов дрожат. А

пламя — это он выхлопное сопло моего движка увидел. Одним словом, самолет Пауэrsa попал в спутную струю моего «Су-9». В ней потоки воздуха стекают со скоростью до 180 метров в секунду, плюс крутящий момент — вот его и стало крутить, крылья обломились. Это все дело случая. Тем не менее, он начал падать... Да если бы в его самолет попала ракета, на землю щепки бы рухнули, как самолет Сафронова».

— Так почему же нам всем много лет говорили, что Пауэrsa сбили ракетчики?

— Все до банального просто. Ситуация очень удачно укладывалась в хрущевскую завиральную идею, что при наличии ракет авиация не нужна или нужна для парадов и почетных эскортов. Поэтому сам факт, что Пауэрс приземлился в зоне действия дивизиона капитана Воронова, истолковали в пользу теории Никиты.

— А тогда сам Воронов не знал, как доложить. Колхозники приняли Пауэrsa за космонавта, привезли его к ракетчикам, а те-то знали, что не сбивали. Полчаса держал Воронов «паузу», это известный факт, и только тогда доложил. Но когда специалисты поняли, что ракетчики ни при чем, никто, естественно, не осмелился доложить об этом Хрущеву. Так родилась легенда о «сбитом ракетчиками» Пауэрсe.

— А что было потом? — спросил я.

— На другой день я докладывал Савицкому. Евгений Яковлевич понимал, что не ракетчики сбили. Да все понимали. Просто это была сделка с совестью. Савицкий мне сказал: «Спасибо. Без тебя бы он ушел».

— Как сложилась ваша дальнейшая служба?

— Я служил хорошо. Был замом и начбоем дивизии. Уволился штурманом полка. До шестидесяти работал диспетчером в Жулянах — аэропорт под Киевом. А потом — обвал безработицы, и меня, как фанеру по ветру, — хватит, говорят, поработал. Пенсия есть, вот и сиди дома...

Я был обрадован этой неожиданной встречей и одновременно огорчен содержанием беседы. Это же надо. Награду не получил, она досталась другому. Обошла и известность за риск и подвиг. Вот как бывает несправедлива жизнь. А ведь справедливость — это понятие субъективное, и находится она в головах людей. Вот такой кусочек житейской истории.

Прошло двадцать лет. Перестала существовать наша великая

держава, стоявшая неприступным бастионом в окружении враждебных государств. Холодная война без сражений оказалась проиграна. Переосмысливая историю противостояния, сейчас знаем, что в эти десятилетия холодной войны в воздухе над СССР было сбито 138 американских самолетов. Один из них, RB-47 ВВС США, пилотировал майор Юджин Паса, который погиб ровно через два месяца после сбития Пауэрса (1.07.1960)... То есть неудача и международный скандал полета Пауэрса не остановил Пентагон от боевой работы против СССР.

Это только для мирных граждан военное противостояние было холодной войной. Для летчиков ПВО, стратегической и разведывательной авиации, для моряков она была горячей. Ветераны авиации рассказывали:

— Была возможность завалить врага — били не раздумывая. Это же делали и америкосы.

— Сколько экипажей наших самолетов пропали без вести в нейтральных водах во время облета авианосцев и кораблей сопровождения США?

— Наши источники скромно молчат об этом, а вот в «Вестях» в апреле 2010 года прозвучала такая цифра: число погибших над СССР американских летчиков составляет несколько сот человек.

Однако вернемся к судьбе моего друга. После увольнения с действительной военной службы Беляев возвратился к молодой жене в г. Челябинск, где устроился работать в отделе связи областного управления МВД. Хотел в КГБ, но кадровиков что-то смутило в его биографии. Одновременно поступил на учебу и четыре года заочно проучился в Свердловском радиотехническом техникуме. Молодая семья в тот период жила непросто и часто очень трудно; но пылкая любовь помогала преодолевать невзгоды, и молодые люди чувствовали себя счастливыми. Валентина не прерывая учебу в институте, родила первенца, Виталика, которого я с той поры считаю своим крестником, поскольку он описал мою курсантскую форму во время моего первого посещения молодых родителей, только что пришедших из роддома...

Через несколько лет мытарств Беляевы получили небольшую отдельную комнату в малосемейном общежитии. В 1978 году в семье появляется второй ребенок и тоже продолжатель рода сын Владимир. Постепенно улучшается материальное благосостояние

семьи. Валентина становится ведущим инженером в строительной организации, а Виктор — техником связи. Начинают сбываться юношеские и девичьи мечты: приобретается личный автомобиль, чем реализуется тяга Виктора к технике, строится собственная небольшая дачка на скромном земельном участке в районе озера Смолино, и, главное, получают ордер на отдельную квартиру...

Все эти годы друзья не забывали меня. Более того, в период моей лейтенантской юности и службы в Чирчике Виктор с Юрием Лаптевым приезжали ко мне в гости и помогли сделать отличный ремонт комнаты. А перед отъездом собрали все наличные деньги, подсчитали и, купив билеты на обратный путь, оставшиеся израсходовали на покупку платяного шкафа, стиральной машины и холодильника для нас. Такое остается в памяти навсегда...

В течение всей жизни супруги Беляевы верны нашей школьной дружбе и регулярно приходили в день моего и маминого дня рождения с подарками и поздравлениями. Неоднократно помогали одинокой женщине в различных житейских делах и хозяйских заботах. По-родственному привозили овощи, фрукты из сада, дичь (подстреленную Витей на охоте), наловленную рыбу и различные деликатесы...

Но жизнь прожить — не поле перейти. В 1992 году, сыграв свадьбу старшему сыну, который, закончив Красноярское высшее училище, вернулся на родину, мои друзья разошлись.

Виктор ушел к другой женщине, урожденной уральской казачке Светлане Викторовне Коротаевой — коллеге по работе (телефонистке) — замужней, имеющей двоих детей: Максима и Катюшу. Почему все сложные, терзающие людей истории совершаются со стороны так просто? Но просто только со стороны... Да, увела Света Виктора из семьи и сама рассталась с собственным мужем. Но это было очень непросто, сложно оказалось создать новое счастье, только через восемь лет они официально зарегистрировали свои отношения с Виктором. Соперница Валентины Света оказалась на десять лет моложе Виктора. Она закончила Челябинское техническое училище связи и служила в областном управлении МВД, где они и познакомились. Первые шесть лет Светлана носила погоны старшего сержанта внутренней службы отдела связи управления, а с рождением детей стала служащей...

«Я счастливая женщина, — говорила мне Света, — оттого,

что у меня есть такой мужчина как Виктор! Он надежный человек. Меня никто не вправе осуждать: ведь сердцу не прикажешь!».

Я им не судья. Только от души желаю счастья и благополучия. Как страдали Виктор и Валентина, я не видел, но, конечно, догадывался. Да, они при наших редких встречах рассказывали мне о своих бедах, но разве словами можно выразить все чувства?! Валентина мучилась очень долго, и чего только она не предпринимала... «Отродясь не умела плести интриги, а тут плела. Неужели я своего Витьку отдам...», — говорила она мне. Порой и глупые вещи совершала, но вернуть Виктора в семью не смогла. Не сумела... Если раньше она могла повести за собой Виктора, то сейчас влечение соперницы оказалось посильнее.

Валентина Беляева, как заботливая наседка, одна подняла на ноги второго сына — Владимира, который вскоре после окончания техникума тоже не замедлил создать свою семью, и принес матери из роддома внука Дмитрия... Несмотря на женитьбу, с помощью матери Володя продолжил заочное обучение в политехническом институте по специальности «теплотехника», а днем работал на престижной и хорошо оплачиваемой должности на Челябинской ТЭЦ. В это время старший сын — Виталик в процессе распада Советской Армии уволился в запас и устроился на должность заместителя начальника отдела.

В 2000 году семейная жизнь Виталика потерпела крах, он развелся с первой женой Светой. Для Валентины это был новый удар. Я никогда не видел ее в таком подавленном состоянии, голос дрожал, и у нее было не лицо, а сплошная серая маска. «Виталька ушел от Светы. Он говорит, разлюбил». А что тут скажешь? Кончилось главное, что соединяет двух людей, — любовь. Виталик стал жить с другой женщиной, а чуть позже и сошелся с ней браком. Симпатичная южанка Лариса из курортного города Сочи околдовала его сердце... В Краснодарский край он и перевелся на постоянное место жительства — к жене, — потеряв при этом в должности и в воинском звании. Но таковы уж мужики Беляевы, для которых эмоции, чувства и любовь всегда оказываются на первом месте, уступая здравому смыслу.

Несмотря на распад семьи оба Беляевых — и Виктор, и Валентина — остались моими надежными друзьями на всю жизнь. Дружу я и с сыновьями Виктора. Иногда мы общаемся друг с другом по телефону. И это общение с молодежью мне особенно приятно...

Значит, удалось сохранить связь времен...

Была у нас с Виктором в юности любимая песня, из которой мне в душу запали слова:

*«Друг не тот, с кем в праздник распевают песни,
И не тот, с кем делят чашу на пиру,
В трудную минуту с ним встречаются вместе
Беды и потери, холод и жару...».*

Ненавязчиво слова этой песни из кинофильма «По тонкому льду» стали девизом наших отношений с Беляевыми.

ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ

Есть расхожее мнение: наше советское образование было лучшим в мире. Я не хочу его оспаривать, но мне пришлось учиться в двух разных школах, и от этого сложилось свое особое мнение. Безусловно, нет ничего драгоценнее школы, потому что в те годы сошлось в одно все самое бесценное — худенькая мама, приведшая меня в первый класс, верные мои друзья-одноклассники, которые после школы вваливались в наш дом и с упоением слушали рассказы о жизни моего ангела — хранителя, безграмотной, но очень мудрой бабушки, гордящейся своим внуком.

Идеалом женщины и образцом преподавателя остались в памяти первая учительница Валентина Леонидовна Иванова, затем ее сменившая Елизавета Васильевна Чайко, пережившая в детстве сталинградские бомбежки фашистской авиации и от этого убежденно формировавшая в нас первые ростки патриотизма, лютой ненависти к врагам и любви к армии. Их общение с нами было неформальным и не ограничивалось только школьными занятиями. Мы много путешествовали с ними по родному краю и много почерпнули от них во время ненавязчивых бесед на природе.

Не могу умолчать о необычайном происшествии, приключившемся с нами в начале школьного пути. При полном благополучии общества и полном вакууме средств массовой информации произошла ядерная катастрофа на предприятии «Маяк», что недалеко от Челябинска, где грохнул взрыв емкости-хранилища с радиоактивными отходами. В результате чего осенью 1957 года возникло облако,

осевшее на значительной территории области смертоносным следом. Несмотря на это на берегах озера Акакуль впоследствии активно использовались пионерские лагеря, в которых и я бывал не одно лето. Только в новом столетии мне стало известно, что печально знаменитое озеро Карачай до сих пор имеет уровень радиации 120 миллионов кюри (Чернобыль дал выброс 50 миллионов кюри), что означает сосредоточение двух с половиной Чернобылей в нашем благодатном крае. Однако при общем высоком уровне онкозаболеваний уральский народ жил и живет.

Данных о первых жертвах нет до сих пор, но в те годы ветврачи-коллеги моей матушки рассказывали о поголовном вывозе жителей ряда сел по отработанному сценарию: «Оцеплялись районы. Подгонялись автобусы. Собранных жителей, не разделяя по половому признаку, раздевали догола и, переодев в спецодежду, загрузив в транспорт, увозили в неизвестном направлении. Судьбу этих бедолаг до сих пор окружает тайна».

По данным экологов, уже к 1991 году на ПО «Маяк» оказалось сосредоточено отходов с радиацией свыше миллиарда кюри. Не хочется задумываться о последствиях для живущих на Южном Урале. Однако свою часть этой радиации мы носим всю жизнь в своем теле.

После первых шести лет обучения в средней школе № 23, в связи с переездом в микрорайон новостроя, мама определила меня в новую школу-восьмилетку № 173, вблизи от дома. Это было сделано для облегчения моего ухода за малолетней сестрой, которую по утрам я отводил в детсад, а вечером — забирал домой. Школа находилась в центре строящегося микрорайона и укомплектовывалась по ходу заселения переселенцами-новоселами. В этом школьном коллективе врезались в память несколько светлых имен преподавателей: Житковой Галины Семеновны, Еремеевой Натальи Николаевны, давшие мне хорошие знания по математике и географии. Однако общая атмосфера в школе, в отличие от предыдущей, была угнетающая, на пределах выживания: на переменах и после занятий мальчишки из разных классов постоянно дрались друг с другом, старшеклассники третировали молодежь, преподаватели применяли формы морального давления, воспитывая через коллектив.

Запомнилась совершенно нелепая история, когда учительница биологии наказала весь класс за провинность и задержала до вечера после уроков. Голодные мальчики и девочки за время зато-

чения съели все цветы бегонии, что стояли в горшках на подоконниках. Хорошо, зелень попала не вредная и никто не отравился, а от цветов остались только корешки.

В девятый и десятый класс я вернулся в родную школу № 23 и легко влился в прежний коллектив класса, с которым начинал школьную одиссею, однако начал занятия без всякого удовольствия с возрастающим внутренним напряжением.

Причиной тому послужила первая встреча с преподавателем математики, завучем школы. На мой взгляд, это была невежественная женщина, не очень умная, но волевая и грубая, лишенная элементарных понятий педагогики, этики и человеческой доброты. Она легко навешивала оскорбительные ярлыки на учеников, типа «из этого ничего путного не получится», «этот круглый идиот», «а ты вообще бездарная тупая личность», «как ты, такой дурак, до сих пор живешь».

Не раз попав под ее оскорбительные ярлыки, я демонстративно перестал ходить на ее занятия. А пропуски не увеличивали моих знаний предмета, а наоборот, сделали неуспевающим окончательно...

С глубоким сожалением вспоминаю педагогическую практику тех лет обучения. Многих мальчишек и несколько девочек из нашего класса за последние два года отчислили за неуспеваемость, хотя критерии неуспеваемости понять было сложно. К примеру, улыбчивый блондин Витька Сахаров, выходец из простой рабочей семьи, имел природные способности к точным наукам: математике, химии и физике. Он никогда не учил уроки, но быстро схватывал материал за учителем и имел стабильно твердые хорошие и часто отличные оценки по этим предметам. Но при всем этом неудовлетворительно знал гуманитарные — историю, географию, литературу, биологию. Дали бы ему окончить школу, уверен, из него вышел бы приличный инженер. Через десяток лет, когда на экранах появился молодой актер Дмитрий Харатьян, мы все ахнули, — так он был похож на нашего одноклассника. К сожалению, мы так никогда и не узнали, как сложилась судьба этого талантливого красивого мальчика. Мы не раз задавали себе вопрос:

— Почему всесильная завуч не выручила его из беды? Ведь он являлся лучшим математиком, пожалуй, не только нашего класса, но и школы. Неужели она не болела за свой предмет и способных учеников?

Среди нас учился болезненный Коля Бибикин из семьи эвакуированных в годы войны ленинградских блокадников, бледный такой, беззащитный мальчуган, которого мы всегда опекали. Вероятно, подорванное здоровье родителей сказалось на его иммунной системе, и он, единственный и горячо любимый ребенок, был подвержен различным болезням, в том числе имел слабый мочевой пузырь и нуждался в частом пользовании туалетной комнатой. Однажды раздраженный преподаватель не разрешила ему выйти из класса вовремя, и конфуз случился с мальчиком прямо в классе. После чего Николай не смог пережить позор и перестал ходить в школу, а потом вообще бросил ее. При этом преподаватель перед ним даже не извинилась.

С полным основанием могу заявить, что первые элементы разгильдяйства, безответственности, наряду с многим хорошим, в нас закладывали и подобные преподаватели, и завуч, фамилию которой я сознательно не хочу хранить для истории. Помню, как с ее подачи состоялся наш первый коллективный прогул занятий. В те годы в школу ходили, как в храм, исключительно со сменной обувью, которую носили в сатиновом мешочке. Мешки с обувью оставляли внизу на вешалках гардероба. Часто после уроков мальчишки устраивали «махаловку», отдаленно напоминавшую рыцарский поединок из популярного тогда фильма о крестоносцах. Портфель служил щитом, а мешок с тапочками — молотильным оружием, обрушивавшимся на противника. Махались во дворе школы после уроков, до тех пор, пока мешки не рвались и не высыпалось содержимое.

Сменную обувь обычно носили с изменениями погоды, когда проходили дожди и появлялась первая грязь. А в тот солнечный сентябрьский день в разгар «бабьего лета», не предвещавший непогоды, неожиданно для старших классов завуч потребовала предъявить сменную обувь, и у кого ее с собой не оказалось, в здание школы не пустила. Девчонки поначалу попереживали, а потом убежали в кино. Мальчишки поиграли в футбол, покурили и разошлись по домам. На следующий день, вопреки напряженному ожиданию, по факту нашего коллективного отсутствия никто не разбирался. И с того дня «рубикон» оказался пересеченным. Мы перестали комплексовать и все чаще и чаще в учебное время позволяли себе заниматься своими делами, легко пропуская занятия.

Я не могу сказать, что мне не нравился процесс обучения. У меня были даже любимые предметы: география, история, астроно-

мия которые уносили меня в мир романтики и высокой мечты. Под влиянием увлекательных интересных рассказов преподавателя Темновой Елены Ивановны я много вечеров и ночей провел над книжками, географическими картами и атласами. До самозабвения зачитывался книгами выдающихся норвежских полярных исследователей Фритьофа Нансена, Руала Амундсена. Для меня останавливалась действительность, когда, забыв о еде и о времени суток, я прикоснулся к подробностям северной трагедии итальянца Умберто Нобиле, потерпевшего катастрофу 25 мая 1928 года в Арктике... А чего стоили почти спортивные приключения на южном полюсе Земли, описанные в книге В.Фукса и Э.Хиллари «Через Антарктиду»?

Время нашей юности оказалось связано с расцветом советского этапа исследовательского освоения суровых полюсов холода планеты. Читая воспоминания И.Папанина, А.Гусева, А.Трешникова, я, полный мальчишеской наивности, размечтался увидеть мир и проверить себя в трудностях. Но мои увлечения и грезы не ограничивались северной тематикой, я много читал о морских исследованиях. В частности, увлеченный описанием мира безмолвия Жак-Ива Кусто, Фредерика Дюма и Джеймса Дагена, одел маску и ласты и около года занимался подводным плаванием с аквалангом в бассейне городского морского клуба. Кроме того, мы с одноклассниками бегали в спортивные секции по самбо, легкой атлетике. В доме пионеров посещали кружок юных краеведов-следопытов и туристов. Все было доступно и бесплатно. А с каким азартом вечерами на завалинках мы пересказывали друг другу содержание книг «Овод», «Как закалялась сталь», «Солнце над Бабатагом», «Гангутцы», «Остров погибших кораблей», «Три мушкетера», «Дон Кихот». Очередь за этими книгами в библиотеке была бесконечной.

Незабываемое доброе впечатление в моей памяти оставила наш классный руководитель Стронгина Роза Вячеславовна. Она была не красавица. Среднего роста, нескладная, близорукая женщина, с лицом монголоидного типа, и круглыми массивными очками на носу. Жила Роза Вячеславовна замкнуто. Дочь внешне очень походила на старушку-мать, а общей чертой матери и дочери была терпимость к людям и удивительная доброта. Как рассказывали, замужем наша учительница не была и считалась старой девой. Вот почему, наверное, всю нерастраченную материнскую любовь и теплоту своего сердца она пыталась вложить в свой предмет и в своих

воспитанников. Я до сих пор помню ее голос, читающий нам стихи великого А.С. Пушкина, содержание которых я оценил только к старости...

*Когда прибегнем мы под знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснет пламя,
И нам становятся смешны
Их своеволие иль порывы
И запоздалые отзывы —
Смирненные, не без труда,
Мы любим слушать иногда
Страстей чужих язык мятежный,
И нам он сердце шевелит.*

Она, несомненно, обладала даром настоящего педагога-новатора...

Роза Вячеславовна была строга, но за этой постоянной требовательностью хорошо чувствовалась настоящая доброта и сердечность. Под ее жестким контролем мы научились и полюбили читать книги. Это был период окончания «оттепели», общественного явления, окрещенного так с легкой руки Ильи Эренбурга. Начались нападки недалекого первого руководителя страны и партии на творческую интеллигенцию, о чем по каналам «народного» радио Би-Би-Си поступала информация в самые отдаленные районы. Вчера состоялась вакханалия на выставке молодых художников, а сегодня Хрущ узрел заговор среди молодых поэтов, якобы пытавшихся возродить сталинизм.

Торопясь познакомиться с творчеством опальных литераторов, мы из рук в руки передавали журналы «Юность», которые выписывала Стронгина. Мы познакомились с произведениями кумиров шестидесятых годов Василия Аксенова, Булата Окуджавы, Роберта Рождественского, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, Беллы Ахмадулиной и других.

Наше юношеское воображение покорила мужественные слова:

*Мы судьбою не заласканы,
Но когда придет гроза,*

Мы возьмем судьбу за лацканы
И посмотрим ей в глаза.

Р.В. Стронгина неформально учила нас культуре, не ограничивая свое влияние только уроками в школе, она еженедельно водила нас в филармонию — на концерты и на вечера поэзии, где мы сначала с неохотой и настороженностью прикасались к вечному искусству, открывали современную эстраду и поэзию. Через чтецов филармонии мы впервые услышали подробности бунтарской биографии Сергея Есенина и его откровенную любовную лирику, что не входило в школьную программу.

Часто бывало, что наша незабвенная училка брала билеты на собственные деньги. Ее заслуга, что мы приобщились к популярным изданиям: журналу «Иностранная литература», «Литературной газете». Откровенно признаюсь, что нередко бывало, я прогуливал школу только для того, чтобы день провести в читальном зале городской и районной библиотек. Именно в это время я прочитал всего Джека Лондона, Федора Достоевского, Константина Паустовского, Новикова-Прибоя, Теодора Драйзера, Льва Толстого, Михаила Шолохова... Брал том за томом и читал все подряд, часто оставляя кашу в голове от прочитанного. Но от этих правильных книг моими любимыми литературными героями оказались Санька Григорьев из «Двух капитанов», Мартин Иден.

Увлеченный литературой, скапливая копейки от завтраков, начал покупать книги в свою будущую личную библиотеку.

Под влиянием прочитанных книг о войне Э.Ремарка «На западном фронте без перемен», Ю.Бондарева «Горячий снег», Э.Хемингуэя «Прощай, оружие!», В.Быкова, К.Симонова и других — я еще более утвердился в своем жизненном выборе, который произошел не сам по себе...

Однако сразу после школы, я, вопреки логике, вновь отправил документы по морскому профилю — в Пярнусскую мореходку, но эстонские националисты даже не вызвали меня на экзамены. На этом, потеряв окончательно интерес к флоту и опоздав к поступлению в другие учебные заведения, я пошел работать в закрытое водно-химическое отделение секретного тогда Восточного филиала Всесоюзного теплотехнического института. Рабочим -препараторм проработал с осени до следующего лета, зарабатывая по 50 рублей в месяц, что составляло добрую половину зарплаты матери и стало

неплохим подспорьем для семейного бюджета. В мои обязанности входила техническая подготовка изделий для изучения, их доставка в институт для дальнейшего анализа материалов по проблематике борьбы с коррозией металлов в цехах вредных производств области. Служебные командировки не обременяли меня, а наоборот доставляли удовольствие от посещения новых мест и изучения своего края, к тому же была и материальная заинтересованность в командировочных. В этот период я объехал многие заводы на Урале, откуда забирал подготовленные посылки с обрезками труб и других элементов агрегатов, поврежденных ржавчиной.

Наше учреждение считалось секретным почтовым ящиком, а производство вредным. И хотя это не отражалось на зарплате, одно достоинство все же существовало. Для оздоровления всем работникам вредных предприятий решением правительства ежедневно выдавали молочные продукты. Нам всем полагалось по пол-литра молока каждый день или два стакана кефира. Поскольку молоко я не пил, то раз в неделю собирал свой запас и приносил домой. А иногда бывало так, что мы с рабочими отделения выливали молоко в раковину канализации, освободившуюся тару сдавали в магазин и покупали армянское красное вино по цене 1 рубль 90 копеек. Вино было хорошее и на позорное звание «бормотуха» не тянуло. Пили мы его с большим удовольствием.

Мы были молоды и не задумывались о своем здоровье, не придавали значения явным симптомам первых отравлений, которые начинали отмечать не сразу у многих сотрудников. В нашей лаборатории и цехах отделения, несмотря на мощную вентиляцию, наблюдалась высокая концентрация испарений серной и азотных кислот, которые оседали в легких и вызывали надрывный неудержимый кашель. Для борьбы с ним я стал покуривать, и кашель на время отступал. У постоянных работников, проработавших продолжительный период, профессиональными заболеваниями являлись легочные и аллергия. С того периода аллергия проявилась и у меня.

В свободное время, как и прежде, мы много бывали на природе и активно занимались спортом. Основным костяком коллектива нашего института являлась молодежь, большую часть которых составляли инженеры и техники, недавние выпускники вузов и техникумов. Интересные молодые парни и девчата, на четыре-пять лет старше меня по возрасту, зажгли меня своим увлечением, модным тогда среди интеллигенции — альпинизмом. Именно в те годы

Советский Союз вступил в Международный союз альпинистских ассоциаций, и помимо большой популярности, по причине широкой пропаганды здорового образа жизни, создавалась материальная база. За короткое время силами энтузиастов оказались развернуты два десятка альплагерей на Кавказе и в горах Тянь-Шаня.

Как во все спортивные и санаторно-курортные объекты СССР, путевки в них оплачивались профсоюзом и были бесплатными. Выезды в альплагеря происходили только в приемлемое время. А для подготовки к этому в секции альпинизма проводились постоянные общефизические тренировки. Но альпинистов готовили не в спортзалах. Каждую пятницу после работы мы бежали на электричку и уезжали до понедельника на тренировки в настоящие суровые Уральские горы — «за туманом и за запахом тайги». Осваивали в зимних и летних условиях главный Уральский хребет в районе Златоуста.

Постепенно от простого к сложному поднимались на высоты. А начинали с Александровской Сопки, примыкающей к основному хребту. Названа она была в память об императоре Александре III, совершившем в молодом возрасте восхождение на нее. Набираясь опыта, шли дальше и осваивали Малый и Большой Таганай. Именно по нему проходит географическая линия, разделяющая Европу и Азию. Экзотические места. Когда после непростого шестичасового восхождения мы, освободив от снега площадку для палаток и костра, садились на чаепитие, казалось, что острые каменные исполины, похожие на хищных птиц или таинственных сфинксов, склоняли головы, слушая песни нашего популярного земляка Олега Митяева, звучавшие под гитару:

*Изгиб гитары желтой
Ты обнимаешь нежно,
Струна осколком эха
Пронзит тугую высь...
Качнется купол неба,
Большой и звездно-снежный,
Как здорово, что все мы здесь
Сегодня собрались!*

А когда после покорения горы Круглица высотой в 1178 метров величественная панорама зимнего Урала открывалась перед нами, зеленое море ельника, раскинувшегося до горизонта, таин-

ственно приоткрывало нам свои секреты: на северо-востоке — город Карабаш, на юго-востоке — Миасс, на западе — село Магнитку, нам хотелось от избытка чувств не петь, а орать во всю глотку:

*Как отблеск от заката,
Костер меж сосен пляшет...
Ну, что грустишь, дружище,
А ну-ка улыбнись!
И кто-то очень близкий
Тебе тихонько скажет:
«Как здорово, что все мы здесь
Сегодня собрались!»*

Благодаря этому молодежному увлечению мы не болтались бесцельно по городу, а весело и интересно в физических трудах и полевых испытаниях проводили свободное время. Заряд физической бодрости и воспоминаний хватало на неделю, а к выходным душа как птица рвалась на волю — в Синегорье.

Как я уже писал, во всех моих увлечениях мама меня не только не ограничивала, но и поддерживала. Несмотря на скромное финансовое положение нашей семьи, она выделила мне деньги на покупку фотоаппарата «Зенит», фотоувеличителя, бачков и ванночек, которыми я пользовался всю жизнь до наступления эры «кодаковских» лабораторий. Затем мой арсенал пополнился кинопроектором и 8-мм кинокамерой «Экран-3».

Увлечение поглощало все мое свободное время, и я отдавался интереснейшему занятию подлинным искусством, как говорится, с головой. Наши вечера отдыха с друзьями всегда были интересны своими рассказами, хохмами, историями, а в полосу новых увлечений немым кино они стали заканчиваться многочасовыми просмотрам «конкурсных» фильмов, подготовленных к демонстрации мной и Виктором Беляевым, которого тоже увлекло кинотворчество. Сравнивая свои работы, мы учились друг у друга. Опять таки рылись в книгах, искали рекомендации по режиссуре, мастерству обработки пленки, тонкостям освещения в павильоне и на природе... Все это не было лишним, ибо в жизни ненужных знаний не бывает.

Нынешнее кинолюбительство лишено многих сложностей обработки пленки, что составляло тогда главное таинство и интригу

процесса создания любительских фильмов. Наши частые товарищеские посиделки сопровождали музыкальные концерты, которые устраивали мои родственники Марина Павлинина, Надежда и Люся Калугины, Надежда Трофимова и сестра Оленька, отменно игравшие на пианино. Мои милые кузины успешно ликвидировали безграмотность мальчишеской половины нашей компании циклами своих тематических выступлений с симфониями, романсами и эстрадными произведениями. Именно с тех вечеров стало семейной традицией каждые мои военные проводы из дома в Челябинске сопровождать печально-торжественной мелодией «Полонеза Огинского».

А еженедельно после рабочего дня я с восемнадцати до двадцати двух часов проводил в педагогическом институте, где тогда бесплатно работали молодежные подготовительные курсы для желающих учиться в вузах. Кроме того, ежемесячно бегал в городское общество «Знание», на лекции о международном положении, читавшиеся известными столичными лекторами.

Таким образом, все полученные самостоятельным путем знания, физическая закалка и психологическая устойчивость накапливались во мне «в одну копилку», расколоть которую мне пришлось летом следующего года.

СВВПТАУ

«Учеба в молодости — резьба по камню».
Старинная мудрость.

В конце марта — начале апреля 1968 года нашел я в домашнем почтовом ящике небольшую бумажку со словом «Повестка». Пришла моя очередь служить в армии. Как у каждого нормального призванного, перспектива нескольких лет казарменной жизни вызвала смешанные чувства. Я был горд, что полноценный мужчина и достоин быть защитником. Сознание обязательности воинского долга нам внушали с младенчества, но пугала неизвестность. В обществе того времени существовал тезис, что парень, прошедший в армию, суровую «школу мужества», был во многих отношениях надежнее и сильнее многих гражданских одногодков. В то время и при той власти не было столь откровенно наплевательского отношения к Конституции и закону о воинской службе, как сейчас. Из ста при-

зывников, получивших повестки, тогда в строй становилось 75. Ныне — менее десяти. И уже который год во время очередного призыва недосчитываются в рядах защитников тысячи беглецов.

Меня вызвали на призывную комиссию в Центральный райвоенкомат и после медкомиссии объявили о скорой отправке в армию. Была определена команда по шифру, как мне сказали, предназначенная для войск связи. На строгого начальника отдела не произвела впечатления моя просьба о поступлении в военное училище. Кадровик был недоволен:

— В политрабочие, значит, хочешь? Рот закрыл — рабочее место убрано?

Стереотипы глупости часто используют в армии в качестве интеллектуальных протезов...

...Тогда я, проявив расторопность, обходным путем забрал в областном военкомате свое личное дело и характеристику-рекомендацию с места работы, в которой было написано:

«Комсомолец Кривопалов пользуется большим уважением среди товарищей по работе. Занимается общественной деятельностью, является заместителем секретаря комсомольского бюро водно-химического отделения, редактором газеты «Химик» и членом штаба «Комсомольского прожектора» ВоФВТИ. Неоднократно принимал участие в различных спортивных соревнованиях института и города, продемонстрировав при этом высокие результаты. За активное участие в комсомольской жизни института ему вынесена благодарность. Дирекция ВОФВТИ, местный комитет профсоюзов, комсомольская организация рекомендуют Кривопалова О.В. для поступления в Высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище г.Свердловска.

Директор ВоФВТИ Б.Рукованов. Председатель МК Л.Шувалов. Секретарь комсомольской организации ВоФВТИ Т.Дергунова. Первый секретарь Центрального РК ВЛКСМ г.Челябинска В.Попов. Второй секретарь Центрального РК ВЛКСМ А.Науменко.

3 апреля 1968 г.».

Собрав пакет с необходимыми документами, я отвез его в Свердловск, где и сдал в отдел кадров военно-политического училища, что дислоцировалось на въезде в город по Челябинскому тракту.

Читатель вправе задать логичный вопрос:

— А почему вдруг в Свердловское училище?

— Объясню. Этот выбор оказался в руках случая и неожиданной встречи.

На новогодние праздники нового 1968 года мы с матушкой гостили у ее брата Виктора, проживавшего в Свердловске и работавшего деканом электро-механического факультета в Уральском политехническом институте. Человека уникального, которого я, мальчишка, боготворил и побаивался за особую суровость, немногословность и сдержанность в проявлении чувств. Виктор Михайлович прошел всю войну под Ржевом сначала рядовым, а потом сержантом. В сентябре 1942 года в числе немногих в полку получил медаль «За отвагу». Тем, кто прошел войну, это говорит о многом. Тогда сдержанно награждали по причинам больших потерь и череде поражений. Тем выше значение этой солдатской награды. В 1944 его откомандировали в офицерское училище, и Победу Виктор встретил офицером в Болгарии. С трудом демобилизовавшись, в 1947 стал студентом УПИ и сделал там карьеру ученого.

Среди приглашенных гостей, к радости всей семьи Павлиных, оказался одноклассник Виктора Михайловича, с которым он не виделся 27 лет, с июньского дня начала войны, когда они в одной команде уходили на фронт со двора родной школы. Из всех мальчишек их выпуска за годы военного лихолетья в живых остались только они вдвоем. В отличие от Павлинина, Юрий Михайлович Быков посвятил службе в армии четверть века, скитался по гарнизонам и группам войск, а в столицу Урала приехал менее года назад, уже будучи полковником, на вакансию начальника кафедры автоподготовки, в штат вновь созданного военного училища.

Поскольку я был единственным мальчуганом среди детворы, то во время беседы со мной Быков уделил мне больше внимания и спросил:

— А ты чего не поступил учиться в УПИ к Виктору?

— Я хочу быть военным, — лаконично ответил я.

— Тогда поступай в наше училище по подготовке военных комиссаров, — предложил он. — Училище создано в прошлом году и с большим будущем. — После чего он четверть часа красочно и подробно рассказывал мне об организации учебного процесса курсантов танкистов и артиллеристов. Его рассказ заинтриговал меня, и через четыре месяца я вспомнил о нашем новогоднем разговоре.

Когда я приехал в училище и нашел на кафедре полковника

Быкова, тот обрадовался мне и, зная существующие порядки, решил посодействовать моему зачислению в абитуриенты. Первым делом он провел меня в приемную и подтолкнул на личную беседу с начальником училища генерал-майором Уткиным Борисом Павловичем, что впоследствии сыграло важную роль для решения о моем окончательном зачислении в училище на мандатной комиссии.

Эта первая встреча с генералом осталась в моей памяти в деталях. Стройный, красивый, черноволосый, высокого роста генерал внимательно выслушал мое представление. На нем все сверкало — погоны и орденские планки, академический значок на груди.

Поднявшись из-за стола, он подошел ко мне и демократично пожав руку, предложил сесть. На вид ему было чуть более сорока. Его черных курчавых волос чуть коснулся серебряный иней. В нем присутствовало обаяние руководителя, основанное на уважении к людям.

Впоследствии я на своей судьбе оценил верность решения руководства Минобороны о назначении Уткина начальником Свердловского высшего военно-политического танко-артиллерийского училища (далее СВВПТАУ) с должности начальника политотдела 34-й гвардейской Симферопольской Краснознаменной, ордена Суворова мотострелковой дивизии им. С.Орджоникидзе.

Начав формировать вуз в марте 1967 года почти на ровном месте, он уверенно справлялся с хлопотной командирской должностью, чему способствовали дипломатия политработника, хорошее образование, деревенская хватка и светлая голова практически непьющего человека.

Родился Уткин в день Красной Армии в 1923 году в селе Петровское Раменского района Московской области. У хороших преподавателей выпускников Московского и Ленинградского университетов получил прочные знания и с золотым аттестатом окончил среднюю школу. После чего был направлен военкоматом в 1-е Московское артиллерийское училище им. Красина.

Выбор профессии артиллериста оказался не случайным. Сыграли роль и его собственное решение, и желание родителей, а также его работа в колхозе с землемерами. Школьником во время каникул за рубль в день он тесал колышки, носил землемерную рейку, делал простейшие измерения. За два года хорошо освоил азы землемерного дела, работал на теодолите, наносил на планшет засечки, ходы, координаты. Выросший в условиях сурового деревенского быта, он

легко адаптировался к условиям военной службы. Училище окончил после эвакуации в городе Миассе на Южном Урале. С апреля 1942 года на фронте командовал взводом, батареей, дивизионом полевой артиллерии Ставки ВГК. Воевал под Москвой, Сталинградом, Курском, на 2-м Украинском фронте. Награжден орденами Красного Знамени и двумя Красной Звезды. В 1949 году поступил на артиллерийский факультет и в 1953 году окончил с золотой медалью Военно-политическую академию им. Ленина. Это стало прочным фундаментом его долгой и успешной службы в армии.

В общем, заслуженный человек, вызывавший у меня уважение и даже трепет. Однако вел он себя со мной очень просто, и через какое-то время я почувствовал себя естественно и раскрепощенно. Генерал беседовал со мной о литературе и поэзии, о культурной жизни и театральных постановках в Челябинске, о международном положении. Все эти темы мне были близки и знакомы, поэтому я мог поддержать разговор на равных. Заметно было его удовлетворение и моими познаниями по истории рода (я рассказывал ему о своем деде Михаиле Павловиче Павлинине, воевавшем в первую мировую войну артиллеристом на Западном фронте, о брате моей матери Викторе, бывшем командире топовзвода артиллерийской разведки под Ржевом в Отечественную войну, о героизме Федора Кривопалова в гражданскую, о службе прадеда в Семеновском лейб-гвардии полку). Одним словом, попрощался он со мной доброжелательно улыбаясь, пожелав успехов на экзаменах.

С первой нашей встречи он показался мне незаурядным воспитателем. Впоследствии трепетное уважение к нему я и мои однокашники сохранили на всю жизнь. На его восьмидесятипятилетие в Москву мы, его первые курсанты, съехались со всех стран СНГ. И в очередной раз восхищались его нестареющему таланту. Он говорил складно и доходчиво. Первые уроки по ораторскому искусству нам дали не преподаватели, а он — генерал — на строевом плацу. Уткин был склонен к глубокому философствованию по любому предмету, и мы, поражаясь его начитанностью, учились говорить так же красиво и поначалу часто цитировали его.

В тот же памятный майский день, завершив разговор со мной, генерал дал указание начальнику отдела кадров подполковнику А.В. Кротову подготовить письмо в Челябинский городской военкомат с информацией о моем зачислении в состав абитуриентов и просьбой к 1 июня откомандировать в училище.

Это письмо, привезенное мной в военкомат, вызвала бурю эмоций у бездушного канцеляриста. Однако к указанному сроку мне вручили предписание для откомандирования на вступительные экзамены в СВВПТАУ.

В тот памятный вечер на вокзале меня провожала мама и дюжина ребят из нашего двора. В память врезалась последняя минута прощания, когда поезд наконец-то тронулся и начал увеличивать скорость, мой приятель Вовка Елонькин прокричал мне вслед: «Алик! Не вздумай поступать! Возвращайся! Мы тебя ждем!».

Но его обращение было мне чуждо, ибо я шел к этому моменту всю свою жизнь, и отступать намерений не имел... Когда через полгода я приехал в свой первый зимний отпуск, то шесть человек из нашей компании уже оказались призванными в армию, в том числе и сам Вовка. Больше мы с ним никогда не виделись, — так круто разбросала нас военная судьба.

Итак, столица Урала — Свердловск (сейчас возвращено старое название — Екатеринбург). Все, что относится к понятию «Урал», в Свердловске достигло высшего в крае прогресса. С древности говорится «Урал — опорный край державы». Здесь изобрели паровоз, велосипед (самокат), построили первую железную дорогу... Уралмаш — завод заводов. Его продукцию при СССР получала 31 страна мира. Я уж не говорю о Демидовских заводах... Уральский народ не знал крепостного права, рабочий люд истари отличался вольнолюбивыми традициями, мастерством, упорным характером. Свердловск являлся центром культуры. Здесь успешно трудились актеры четырех театров, Уральского народного хора, цирка, консерватории. Наше военное училище стало четырнадцатым по счету вузом города.

Сдача всех вступительных испытаний проходила на окраине города, в районе Сортировки, в железнодорожном полку. Конкурс был один к трем. Забегая вперед, скажу, что по итогам комплектование первых курсов училища на 70 процентов состоялось из местных парней — уральцев. Экзамены я сдал успешно, даже по одному из предметов получил пятерку. А вот на втором этапе конкурса во время прохождения военно-медицинской комиссии неожиданно «завалился» у офтальмолога, обнаружившего у меня ослабленное цветоощущение. Что оказалось полной неожиданностью для меня. В эту трудную минуту неоценимую помощь вновь оказал полковник Ю.М. Быков. Юрий Михайлович пошел со мной на комиссию

повторно и уговорил начальника медслужбы училища полковника И.Г. Мугинштейна сделать для меня исключение из правил. После их беседы начмед вызвал меня в кабинет и в присутствии врача, который меня «отсеивал», лично стал листать передо мной небезызвестную таблицу Рыбкина. На первых страницах у меня задержек и ошибок не было, а когда начались сбои, Мугинштейн захлопнул книгу и с ярким акцентом наследника царя Соломона закричал:

— Нет, вы посмотрите на этого молодого человека!

— Молодой человек, вы мне ответьте, вы для чего ко мне пришли? Вы думаете, мне нечего делать? Нет, вы посмотрите на него! Все видит, а на комиссии придуряется! Учиться хочешь? Хочешь! Вот иди и учись! Я, молодой человек, из вас за время учебы дурь-то выбью! Обещаю!

Так благодаря трем фронтовикам — полковникам Юрию Быкову, Исааку Мугинштейну, а также своему дяде, моему ангелу-хранителю, Виктору Михайловичу Павлину, я стал курсантом военного училища. Всего в том году пятидесятилетия Советской Армии в училище вместе со мной оказались зачисленными 278 человек, из которых 40% были военнослужащие, 8% — суворовцами. Через четыре года к финишу дошли только 244 курсанта...

Теперь несколько слов о СВВПТАУ. Оно было создано в соответствии с Постановлением ЦК КПСС от 21 января 1967 года «О мерах по дальнейшему улучшению партийно-политической работы в Советской Армии и Военно-Морском Флоте» и на основании приказа министра обороны СССР № 063 от 13 марта 1967 года с целью подготовки высококвалифицированных кадров офицеров-политработников для танковых и артиллерийских подразделений. Первый начальник училища Уткин Б.П. впоследствии достиг звания генерал-полковника, должности замначальника главпура, а затем начальника политуправления Ставки главного командования Западного направления. После разгона политорганов уволился в запас и до последнего времени трудился в редакции военной энциклопедии института военной истории МО РФ. Начальником политического отдела СВВПТАУ являлся симпатичный и душевный полковник Ефименков Иван Сергеевич, прибывший из Благовещенского танкового училища. В составе руководства училища и подразделений были в основной массе офицеры-фронтовики: заместителем начальника училища — полковник Егоров В.Г. (бывший командир полка), начальником учебного отдела — подполковник

Горских Э.Д. (бывший замполит полка), начальником тыла училища — полковник Маликов Э.С. (бывший начальник тыла полка), зампотехом училища — полковник Шутка А.В. (бывший зампотех полка, впоследствии замкомандующего 6-й гвардейской армии в Днепропетровске — генерал-майор).

...Первые курсантские батальоны сформировали командиры и их заместители, прибывшие из 34-й и 78-й гв. мотострелковых дивизий и 44-й учебной танковой дивизии Уральского военного округа полковник Загоскин В.Н., майор Михеев А.П., капитаны Макаров С.С., Щелконогов В.П., Гаврошенко В.А. Главное Политическое управление СА и ВМФ (далее Главпур) назначило начальниками кафедр училища опытных преподавателей полковников С.А.Карнаухова, А.Я.Кучму, П.Т.Квачука, А.С.Калиниченко, А.А.Аллагулова, Ю.Я.Киршина, которые вскоре оказались гордостью педагогического коллектива училища.

Самым старшим для нас, курсантов, был генерал-майор Уткин, но и над ним были начальники, о которых мы знали недостаточно хорошо, но в лицо узнавали сразу. Мы гордились, будто в этом была какая-то наша личная заслуга, тем, что с февраля 1948 по март 1953 г. Уральским военным округом командовал маршал Победы Жуков Г.К., который внес значительные изменения и активизировал боевую учебу тылового округа второго разряда. При нем стали проводить тактические учения с длительным отрывом от мест постоянной дислокации, совершались длительные марши, был оборудован единый окружной лагерь в Елани (120 км от Свердловска), в котором одновременно овладевали искусством взаимодействия в бою и мотострелки, и танкисты, и артиллеристы, и авиаторы.

Как говорили ветераны: «Училищу повезло, что УрВО с 1967 по 1970 г. командовал генерал-полковник Егоровский А.Л., который относился к созданию нового военного вуза по-государственному. Рассказывали, что он не только рассматривал обращения, но и сам с логарифмической линейкой правил расчеты, вносил поправки. Ему обязаны тем, что в парк училища новая боевая техника шла прямо с заводов». Благодаря его влиянию СВВПТАУ быстро прижилось в индустриальном крае Среднего Урала и стало родным.

В мае 1970 г. его сменил генерал-полковник Сильченко Н.И., который по сравнению с Егоровским оказался человеком другого

поколения, другой культуры, другого стиля руководства. Несколько примеров его недалекого ума: он приказал засыпать фундамент будущего клуба, вычеркнул из плана строительства учебные классы легководолазной подготовки, забрал из училища инженерную технику (бульдозеры, ковши-экскаваторы, автокраны) и передал в 34-ю мсд, тем самым парализовав масштабную работу по строительству. Кроме того, командующий войсками Сильченко увеличил нагрузку на училище: возложил формирование сводной роты почетного караула (100 курсантов с ростом не ниже 180 см); увеличил участие подразделений училища в несении гарнизонной службы.

В отличие от командующего, немалую помощь училищу оказывал в свое время член военного совета — начальник политуправления УрВО генерал-лейтенант Вашура П.В. Как опытный политработник, он сумел создать в училище режим наибольшего благоприятствования. Отдел кадров и лекторская группа хорошо помогали в формировании кадров и их воспитании. Вашуру часто видели среди курсантов на учебных полях и директрисах, на стройках и колхозных полях. Но, по мнению Б.П. Уткина, — «он не мог быть безупречен, так как к нему подходило образное выражение А.П. Чехова о пороке пристрастия к зелью — «Вино белое — оно оно красит нос и чернит репутацию».

В ночь с 20 на 21 августа училище было поднято по тревоге. На построении нам объяснили причину: войска стран Варшавского договора, выполняя союзнический долг, вошли на территорию Чехословакии, где разыгрывалась ревизионистская программа раскола соцлагеря. Лидера оппозиции Дубчека поддержали румынский руководитель Чаушеску, югославский Йосиф Броз Тито и маоисты Китая.

То, что произошло в Чехословакии в 1968 г., потом стали трактовать покаянно: «...приняли во внутреннем споре позицию одной стороны». Оправдание такому подходу виделось в то время в острой конфронтации Востока и Запада. О том, что происходило в ЧССР, известно мало. Да много ли можно узнать, если как рассказывали участники, изучение карты-приказа командующие армий вторжения производили без записей. Даже на совещании у министра обороны СССР 18 августа боевая задача ставилась устно на основании продемонстрированной карты-приказа, а главнокомандующим и командующим армиями вторжения было запрещено делать какие-либо записи или пометки в рабочих тетрадях. Боевые задачи

до командиров дивизий были доведены только 19 августа, а до командиров полков — 20 августа 1968 г.

Командующие армий вторжения, и только они, были ознакомлены с приказом на вторжение в течение 30 минут. Также без права записи и пометок в секретных тетрадах. И с этой даты начинается отсчёт гениальнейшего скрытного передвижения и сосредоточения в заданных районах в указанное время колоссальной массы войск. Эту выдающуюся военную операцию, даже годы спустя, мы не изучали в военных академиях. А в ней очень много поучительного. Стоит вспомнить те месяцы и ту обстановку, чтобы снять с участников тех событий клеймо непрошеного захватчика, душителя свободы и ещё раз восхититься гениальности её организаторов и чёткости и мастерству исполнителей военной фазы.

Все приграничные округа СССР, то есть первый стратегический эшелон для ведения большой войны — ЛенВО, ПрибВО, БВО, КВО, ПрикВО, и ОдВО — а это около 100 дивизий пребывали в повышенной боевой готовности. В Польше, ГДР, Венгрии и Болгарии решением правительств этих государств войска также были приведены в повышенную боевую готовность — в общей сложности 70-80 дивизий.

Всего в Организации Варшавского Договора в состоянии повышенной боевой готовности было приведено до 200 дивизий, более двух миллионов человек. Главное — стратегические силы атомного нападения, находясь в высочайшей степени боевой готовности, были способны уничтожить любые группировки противника, его резервы, его военно-промышленные объекты.

Мир стоял на грани войны, и лишь глубоко продуманные, скрытно подготовленные и стремительно предпринятые действия руководителей войск Варшавского договора с целью сохранить Чехословакию в составе социалистического содружества исключили начало третьей мировой войны. Как писал командующий ЦГВ генерал-полковник Майоров А.М.: «Операция была осуществлена — в стратегическом смысле — одним рывком, дерзко и организовано». Вот такая была тогда Советская Армия в условиях реальной холодной войны.

Наблюдая из своего убежища в Испании за происходящим, знаменитый диверсант Третьего рейха Отто Скорцени назвал операцию спецназа по обеспечению начального этапа вторжения «блестящей».

Член Политбюро ЦК КПСС Кирилл Трофимович Мазуров, вернувшись 27 августа из Праги в Москву, сказал жене: «Главное не то, что я вернулся, а что вернулся, ни одного чеха не похоронив...» «В конкретной обстановке августа 1968 г. я поступил согласно убеждениям и, если бы сегодня ситуация повторилась, вёл бы себя точно так же».

В словах К. Мазурова глубокий гуманный смысл именно потому, что не пришлось хоронить чехов и словаков осенью 1968, стала возможной «бархатная» революция в ноябре 1989 года, которая прошла под лозунгом: «Не бейте коммунистов!».

С началом эпохи гласности и перестройки этот эпизод истории подвергся охаиванию. Но участники тех событий понимают ее по — своему. «Конечно, «чешские события» тех дней — это не что иное, как блестящая операция по вторжению и временной оккупации страны. Мне думается, что это самая выдающаяся акция из подобных, проведенных после Большой войны. И весь блеск ее заключается в том, что она практически проведена бескровно. Достигнуто это было четким планированием операции (в полку о сути плана знали только командир и начальник штаба), достижением высокой тактической внезапности, ну и, конечно, смелостью и отвагой ее исполнителей, — говорил организатор и участник боевых действий бывший начальник штаба 192-го истребительного авиационного полка полковник Турубинер Юрий Борисович, — Так вот, весь «блеск» операции теперь обернулся против ее исполнителей. Мало было крови, значит, не было боевых действий. А легенда про «Дунай» как средство оперативной маскировки теперь выдается как невинная армейская игра. Да и боекомплекты были у всех далеко не «учебные», и боевые задачи стояли реальные. В общем, у нас, участников тех событий, вопросов, как говорится, нет. Вопрос есть у современных политиканов и иже с ними».

Нас, зачисленных в курсанты, утром 21 августа переодели в военную форму и выдали противогазы, которые мы носили с не меньшим трепетом и гордостью, если бы нам сразу дали автоматы. А когда, постреляв на стрельбище из автоматов и пулеметов и ощутив запах пороха — то и подавно мы почувствовали себя настоящими бойцами и поголовно стали писать рапорта по команде о направлении в действующую армию.

Милитаристский угар подхлестывался нагрузками курса молодого бойца, в ходе которого нас нещадно гоняли на тактических

учениях, на строевом плацу и на марш-бросках, а также во время т.н. морально-психологических проверок полосы мужества. Особенно запомнилась из этой череды невероятных нагрузок новобранцев экстремальная часть обязательной программы курса молодого бойца — обкатка танками.

— Самая тяжелая победа — это победа над самим собой! — внушал нам комбат майор Ющенко. — Эта система обучения от танкобоязни была введена в Красной Армии в 1942 году по опыту первых лет боев. И оправдала себя в ходе Курской битвы, где особенно отличились наши земляки Уральского добровольческого танкового корпуса.

По замыслу тактической задачи против новобранцев использовались два резвых танка Т-55 под управлением опытных сверхсрочников, которые шли по большому извилистому кругу пересеченной местности со всевозможными инженерными сооружениями. Когда после преодоления ползком участка местности, опутанного колючей проволокой, под звуки разрывов имитаторов артиллерийских снарядов и пулеметных очередей курсанты доползали в окопы первого огневого рубежа, то ощущали себя надежно защищенными опалубкой траншеи и бруствером. По очереди занимая стрелковую ячейку, мы должны были стрелять по смотровым щелям (триплексам) механика-водителя, а после прохождения над головой танка бросать болванку — имитатор противотанковой гранаты. Затем меняясь перебежали на второй рубеж в окопы для стрельбы лежа и бросали болванки с положения с колена. Отрабатывая тактические вводные «вспышка справа», «помоги раненому товарищу», «поднеси ящик с боеприпасами» и т.д.» вскакивали и бежали за танком, догоняя его и забегая вперед, занимая третий рубеж — в воронке, откуда и метали в заклятого врага гранату из положения лежа.

Апофеозом испытания являлся последний рубеж. Задыхаясь от напряжения и усталости, опять догоняли танки и выбегали на ровную дорогу перед ними. Бросались в пыль танковой колеи, изображая бездыханное тело. По мере приближения вонючего чудовища следовало переползти между гусеницами и пропустить танк прямо под днищем, а потом бросить вдогонку гранату на трансмиссию. Все это сопровождалось стрельбой из пулеметов и взрывами. Для неокрепших мальчишеских мозгов это было непростое психологическое испытание, пройдя которое, мы начинали уважать себя. Так как уже здесь проверялся характер будущих офицеров и формиро-

валась устойчивость к стрессам. Хлебнув адреналина, мы испытывали необычайное чувство собственной неуязвимости и героизма, которые переполняли мальчишеские сердца.

Не сразу давалось нам искусство передвижения отделением артиллерийского орудия на пересеченной местности для занятия огневой позиции. Поначалу даже с места тяжело двигали противотанковую пушку, но под руководством опытных сержантов-артиллеристов быстро освоили технику движения и лихо перемещали орудие в нужную точку. По команде «орудие к бою», без суеты разбегаясь — кто на станины, кто на колеса, кто на ствол...

К сожалению, во время этой трехмесячной гонки отдельные кандидаты в курсанты из молодняка не выдержали испытаний и добровольно покинули наши ряды.

К окончанию нашего карантина интернациональные проблемы в социалистическом секторе Европы оказались решены и без нас, а нам осталось только бурное обсуждение содержания секретных фильмов об этой операции в Чехословакии, прокручивавшихся в клубе, да анализ цифры в 190 человек погибших наших солдат на улицах неласковых чешских городов. Как позднее нам рассказывал прибывший на учебу сержант-десантник Николай Мамыкин (впоследствии майором, начальником политотдела вводивший в Афганистан свой 345 парашютно-десантный полк в 1979 году), основные задачи по захвату важных объектов в Праге и Братиславе выполнили бойцы генерала Маргелова из состава 7 и 103 воздушно-десантных дивизий.

Как оказалось, операция «Дунай» обеспечила на последующие два десятилетия сохранение равновесия сил между войсками НАТО и Варшавского договора. Только с развалом СССР в 1991 году Чехословакия вышла из договора и вскоре распалась на два независимых государства — Чехию и Словакию.

1 сентября 1968 г. для нас прозвучал звонок, оповестивший о продолжении начатой в училище в 1967 году кропотливой научной, учебно-методической работы по подготовке офицеров. Однако наше молодое пополнение в составе двух танковых рот и одной артиллерийской батареи, набранное на первый курс, продолжало жесткий курс молодого бойца. Командование сознательно поставило вчерашних мальчишек на три месяца в жесточайшие условия выживания, для естественного отбора. К присяге наши взводные коллекти-

вы окончательно сформировались. С уменьшением физических нагрузок первоначальный отсев курсантов прекратился.

Торжественный ритуал принятия военной присяги состоялся в морозный и солнечный день 20 октября в центре города Свердловска при большом количестве горожан и родственников. Я до сих пор помню охватившее меня волнение и наизусть могу повторить текст данного торжественного обещания — служить честно.

Помимо интеллектуальной учебы в училище для закалки будущих офицеров на хорошем уровне была поставлена спортивная работа. В этом безусловная заслуга бессменного начфиза полковника Александра Васильевича Резвова. Он не имел специального образования, высокое звание получил как участник Великой Отечественной войны, но был спортивен и имел задатки хорошего педагога. Под его руководством мы летом бегали ежедневно кроссы и марш-броски, а зимой совершали лыжные гонки и пятидесятикилометровые переходы. Ежедневная утренняя зарядка вносила свою лепту: при этом она проходила, независимо от погоды, в любой мороз либо с голым торсом, либо в гимнастерках. Полчаса выполнялись упражнения, которые завершались длительной пробежкой по лесному Уктусу. В летнее время увеличению скорости пробежек способствовали тучи комаров и мошек, буквально облеплявшие курсантов. К концу первого курса мы заметно изменились — обросли мускулами, получили по несколько спортивных разрядов и стали походить на настоящих мужчин, способных выдерживать любые испытания и невзгоды.

Кроме того, я продолжал заниматься боксом, к которому пристрастился в юности. У нас в батарее было несколько ребят, настоящих спортсменов-боксеров — Слава Швецов, Витя Овчаров, Борис Седых. Боря меня и тренировал несколько лет. Он помимо учебы исполнял обязанности батарейного каптенармуса, и у него в отличие от других курсантов была своя территория — кладовая для хранения имущества батареи. Там, повесив на крюк громадную боксерскую грушу, он настойчиво тренировал нокаутирующий удар. В этой каптерке мы с ним и тренировались продолжительное время. Это был крепкий, обросший мышцами черноволосый парень среднего роста с ногами кавалерийского образца и волевым характером, постоянно истязавшим себя искусственными голодовками для сброса лишнего веса перед соревнованиями. В сложный период ограничения в пище он переходил только на сгущенное молоко, что часто не

оправдывало его самоистязаний. Для сброса лишних килограммов он использовал и парилку. Я с теплотой вспоминаю его тренировки, поскольку они существенно закрепили мои навыки в этом мужественном виде спорта.

На соревнования по боксу, проходящие в училище, которые не особенно жаловал начальник училища Б.П. Уткин за его агрессивную природу, чуждую профессии будущих «инженеров человеческих душ», признанный тренер курсант Седых несколько раз от батареи выставлял и меня. Инструктируя при этом:

— Запомни, ты старше их, ты сильнее, а они пацаны. Ты должен победить! Помни о своем превосходстве, что ты старший, что ты не имеешь права проиграть. Второй курс должен выигрывать у первокурсников. Это железное правило.

— Третий курс не имеет права проигрывать. Ты должен победить убедительным ударом!

— Я тобой недоволен, Олег, почему ты его пощадил? Надо было вырубить. Здесь не место гуманизму. Если ты добрый — не занимайся боксом.

Позже продолжатель офицерской династии лейтенант Борис Седых попал служить в Забайкальский военный округ, где в сложнейших условиях воинского бытия довольно скоро ушел в вечность. Обзавестись семьей он не успел. Сердечно жаль его, хороший был человек. Попади он в другие условия, возможно, все сложилось бы иначе.

Но его психологические уроки превосходства над противником, которым меня обучал на тренировках, я запомнил на всю жизнь, они мне помогали в поединках с противником и на улице, и на спортивных аренах. Быть уверенным в себе, вести себя, если хотите, нагло — большое дело. Со стороны это выглядит как заведомо убедительное моральное преимущество над противником, что уже дает полпобеды! Позже в спецназе это было востребовано! Вот так друг от друга мы понемногу и учились, набираясь мудрости.

Добившись исполнения своей мечты, я с рвением принялся за учебу и с первого курса попал в число передовиков-отличников. С гордостью носил на гимнастерке свой первый почетный военный знак отличия «Отличник Советской Армии». До сих пор он хранится среди моих семейных реликвий. Своим неумным тщеславием и самолюбием я пытался доказать людям, которые мне поверили, что они во мне не ошиблись.

Так на этом усердии я с отличием и закончил училище. Мне комфортно было в Свердловске, многочисленные родственники Павлинины не забывали меня. При увольнении в город я посещал своих родных во ВТУЗгородке — дядю Витю, где его заботливая жена — тетя Грета кормила и поила вечно голодного курсанта. На Эльмаше — тетю Лиду и брата Владимира Павлинина, которые с женой Ольгой всегда сердечно радовались моему приезду. На праздники проводывала и баловала лакомствами мама...

ОСНОВА ВСЕМУ — ДИСЦИПЛИНА

Первый год я тяжело привыкал к службе. Характер у меня не мед. Я был самолюбив и не выдержан. На почве пререканий возникали постоянные конфликты с командиром отделения сержантом Виктором Федоровичем Шушариным, который оказался на четыре года старше. Я вступал с ним в вечные споры и проигрывал, получая за это наряды вне очереди. Сколько я полов вымыл, туалетов отчистил — не сосчитать. Мне навсегда запомнился устойчивый запах мочи и сапожной ваксы (и этот запах будет меня преследовать потом все тридцать лет службы, где бы я в армейские казармы ни заходил — в Чирчике, на Дальнем Востоке или в Афганистане) и он напоминал бесчисленные наряды первых месяцев службы. Я и еще несколько страдальцев во время этих штрафных работ тешили себя мечтой:

— Вот закончим училище и поколотим ненавистного нам Шушарина за все его придирки и пережитые обиды. Мстительно цитируя при этом старую армейскую поговорку: «Командир у нас хороший, командир у нас один. Вот училище закончим и п. ему дадим!»

Но как бы в тот момент я ни ненавидел командира отделения, всегда испытывал уважение к нему и удивлялся его опрятности и прилежности. Сапоги и бляха у него сияли, подворотничок гимнастерки был идеально подшит. Шушарин последним ложился спать и первым вставал, поднимая личный состав. Он был образцом в учебе и спорте. Это вызывало невольное почтение.

Прошел первый год службы. Я привык к жесткой дисциплине и стал сдержаннее. Изменилось отношение ко мне и со стороны командира отделения. Моя неприязнь незаметно начала таять, а

когда мой командир женился, то почему-то из 30 курсантов взвода пригласил на свою курсантскую свадьбу только трех человек, и один из них был я. Чему я был несказанно удивлен. К выпуску из училища мы расстались хорошими приятелями. Шушарин научил меня быть терпимее и сдержаннее в отношениях с людьми. По распределению его командировали в Прибалтийский военный округ, в Рижскую придворную учебную мотострелковую дивизию замполитом учебной артиллерийской батареи. Прослужив в одном полку семь лет, здесь же став пропагандистом, в 1979 году поступил на педагогический факультет ВПА им.Ленина. Через три года, имея право выбора, при распределении из предложенных вузов предпочел Полтавское высшее военное училище связи, где и пустил корни, стал старшим преподавателем — полковником. В семье счастлив. Его красавица — жена Ольга, выпускница Свердловского железнодорожного института, всю жизнь проработала начальником отдела кадров на железной дороге. В семье выросли две дочери. Неспокойное время развала великой страны подтолкнуло детей на поиски лучшей жизни и забросило их в далекую Австралию. Но стариков не забывают, часто гостят в Полтаве, а дед Виктор в это счастливое время с удовольствием нянчится с единственным внуком. Мы с Шушариным иногда встречаемся. Вспоминая совместную службу, я высказывал ему благодарность за требовательность и личный пример. Если бы не та закуска первых лет службы, неизвестно, что бы из меня вышло.

С курсантской поры запомнилось мне такое понятие, как «ефрейторский зазор». Если построение войскам объявлялось на девять утра, то батарея уже стояла на плацу в восемь. Причем такой зазор часто не зависел ни от времени года, ни от погоды. К порядку нас приучал комендант полковник Гаркавенко Василий Дмитриевич, который не блистал большим умом, но творчеством и инициативой отличался.

Он устраивал на самовольщиков засады, вымазал солидолом все дырки в заборах, терзал строевыми смотрами. Но если курсанты все сносили молча, то женщины — служащие СА, работавшие в училище, вымазавшие свои костюмы и платья солидолом, молчать не стали. Они устроили грандиозный скандал, и начальник училища потребовал от ретивого коменданта сменить стиль и методы работы. Однако привычка не опаздывать, заложенная Гаркавенко, сохранилась у меня на всю оставшуюся жизнь.

Характерной особенностью жизни курсантов первых лет обучения являлись непрерывные строительные и земляные работы с лопатой, ломом и кайлом. Распорядок дня был стандартный: до обеда занятия, а после обеда до ужина — работа на строительных объектах.

Училищу под развертывание и строительство был выделен сказочный участок хвойного леса на склоне Уктусских гор общей площадью 64 гектара, где до того размещались строения и землянки пехотного училища военной поры. На юго-западе выделенной площадки размещались здания ремонтных мастерских армии ПВО: производственные помещения с кран-балкой, станками, земляным полом, железными воротами и окнами под потолком. Деревянные здания постройки начала века, где когда-то располагалась земская лечебница, позднее контора базы. Бараки, где жили солдаты-ремонтники, котельная с отвалом угля и золы. Убогая проходная, напоминающая въезд в Белгородскую крепость (вспомните пушкинскую «Капитанскую дочку»). Через дорогу, на берегу озера, площадка для техники.

Перспективный план развития учебно-материальной базы прежде всего предполагал прокладку по гранитным склонам горного массива электрокабеля от училища до подстанции «Уктусская» протяженностью 4 километра, теплотрассу длиной 3,7 километра, налаживание системы водоснабжения. Все эти коммуникации проходили через небольшую речку Патрушиху. При нас и нашими силами были построены столовая, две пятиэтажные казармы, учебный корпус, боксы для боевой техники, караульное помещение.

Никто не может подсчитать, сколько затрачено времени курсантами за четыре года на создание и обслуживание материальной базы и чем возмещена эта потеря. Ясно только одно, — без этого нельзя было жить и действовать училищу. Поскольку оно находилось на полном самообслуживании в вопросах жизнеобеспечения, таких как охрана, местная и гражданская оборона, пожарная безопасность, заготовка овощей, разгрузка и перевозка угля для котельной, разгрузка строительных материалов, ликвидация чрезвычайных происшествий (катастрофический пожар, уничтоживший бревенчатую дачу Г.К.Жукова), стихийных бедствий в городке (падение башенного крана от сильного ветра) и других...

Осенью 1969 года первый секретарь обкома партии К.К.Николаев обратился к начальнику училища с необычной просьбой: по-

могите спасти урожай! 5 октября 250 курсантов вывезли железнодорожным транспортом на север области. Наша батарея оказалась размещенной в небогатой деревне Останино колхоза Путиловский Алапаевского района. Под жилье курсантам выделили заброшенный трехкомнатный дом на окраине села. В течение дня оборудовали военный городок, сколотили столы и лавки под открытым небом. В доме застелили пол и соорудили второй ярус — деревянные нары из расчета на весь личный состав по тридцать человек в каждой комнате. При входе под круглосуточным контролем дневальных установили печку-буржуйку, но ночами особенно на полу спать было прохладно. На площадке установили три котла полевой кухни и палатку под кухонный инвентарь. Питание личного состава осуществлялось самостоятельно. Рацион определяли из продуктов, отпускаемых колхозами.

Надо отметить, что наши небогатые шефы не скупились на молоко, сливки и мясо для питания курсантов. Вместо определенных в начале двух недель мы больше месяца проработали в селе Репки по сбору турнепса и сена в валки. Через неделю работы в поле меня откомандировали истопником на кухню. Приходилось вставать на два часа раньше других, растапливать печки у котлов, а после приема пищи мыть котлы для следующего приема пищи. Работа несложная, но в отрыве от взвода, — это угнетало. Вместе со мной трудились на общепите курсанты Женька Рыженков (впоследствии ответственный работник ЦК ВЛКСМ в Москве) и Боря Седых. Вернулись в казармы, когда ударили холода, и на землю лег глубокий снег. Для того, чтобы мы не завезли с собой какой-либо нечисти, с вокзала нас сразу отправили в общественную баню, где во время помывки несколько молодых любительниц заглядывали в окна, созерцая наши молодые тела. Что не вызывало смущения у моих товарищей, так как наши купания в банях всегда сопровождалась такими бесплатными сеансами стриптиза.

Вернувшись в казарму, как в родной дом, мы первую ночь спали как убитые. Благодаря разнообразным трудовым навыкам мы имели хорошую физическую закалку, жесткие мускулы и мозоли на руках, что помогало пребыванию в условиях тягот и лишений военной службы. В тот период мы высказывали преподавателям и командирам свое недовольство из-за отвлечения от учебного процесса, а сейчас оцениваем высокую значимость того трудового воспитания в формировании целевых характеров будущих офицеров.

КОМАНДНЫЙ СОСТАВ

Все младшие командиры были из солдат и сержантов, поступивших в училище из армии. Мы любили и уважали своего бесценного замкомвзвода старшего сержанта Александра Александровича Бондаренко. Саша был родом из Севастополя и по нашим просьбам в свободные минуты рассказывал романтические истории о море, о филюгах, на которых ходил в море, южных девчонках, с которыми он дружил и крутил любовь. Он был очень добродушным человеком. Как позднее говорили, Саша умер молодым от онкологического заболевания. Добрую память о себе оставили и другие сержанты — Тюрин Саша, Иванов Вадим, Арчибасов Иван. Но после второго курса все они стали тяготиться своими должностями и добились назначения новой смены.

Вторым поколением младших командиров стали кадеты, выпускники суворовских военных училищ. В военном деле они были подготовлены хорошо. Отменно и легко учились, особенно добротные знания имели по иностранным языкам, отличные навыки по физической, огневой и строевой подготовке. Например, сержант Владимир Виноградов был чемпионом УрВО по пулевой стрельбе из пистолета.

Самой большой популярностью и всенародной любовью среди курсантов училища пользовался добродушный и общительный Володя Бархоткин, носивший с Казанской кадетки прозвище «Гарри». Без преувеличения, он был самым способным и умным курсантом нашего взвода и батареи. Учился Володя блестяще. Не выделяясь особой броской мужской внешностью, имея рост ниже среднего, Володя всегда гордо и независимо держал свою кудрявую голову с лицом Гурвинека. Вполне заслуженно в 1970 году он и Саша Бондаренко были награждены юбилейными медалями с профилем вождя мирового пролетариата.

Бархоткин являлся «Теркиным» нашего взвода. Там, где появлялся Гарри, вскоре слышался гомерический смех, и все оживлялось. Обладая даром прекрасного рассказчика, он сыпал анекдотами, различными историями из жизни, талантливо импровизировал различные комедийные ситуации. Впоследствии за отличные успехи в учебе его фамилия была увековечена на доске почета золотых медалистов.

При явных достоинствах этой категории курсантов склонность

к нарушениям воинской дисциплины обернулась для них печальными последствиями: на третьем и четвертом курсах отчислены из училища многие из них, а из нашего взвода мы потеряли Виноградова, Палилова, Самойлова, Синичкина. Дело в том, что умелое и конспиративное нарушение дисциплины, использование даже явочной квартиры недалеко от училища, где они хранили гражданскую одежду для самоволок, вероятно, переросло из количества в качество.

Ведь все тайное когда-то становится явным.

И, наводя порядок, командование в воспитательных целях не пожалело своих лучших питомцев. Правда, Валера Самойлов, кадетская кличка «Слон», через год службы в войсках восстановился в училище и завершил полный курс обучения. Мы летом 1987 года встретились с ним в Афганистане, где он подполковником возглавлял партком мотострелкового полка в Шинданде. Остальные отчисленные кадеты навсегда расстались с армией и поступили в гражданские вузы. Свердловчанин Витя Палилов умер достаточно молодым человеком.

Мы были вторым выпуском училища. Если мы знали всех курсантов первого набора, то нас знали в лицо все три поколения курсантов, пришедших после нас. Это было приятно, но неуставных взаимоотношений между артиллерийскими курсами не было никогда. Среди танкистов подобные иногда отмечались. Но в целом училище было единой семьей.

Со свойственной только Уткину образностью нам внушалось: «Ученик не сосуд, который надо наполнить, а факел, который надо зажечь!» Сначала такими факелами должны были для нас стать наши курсовые офицеры.

...Командиры курсантских подразделений оказались людьми опытными и глубоко почитаемыми. Чего стоил, к примеру, наш командир дивизиона полковник Владимир Григорьевич Загоскин. Он был худ, подтянут, с отличной строевой выправкой офицером. За худобу мы между собой величали его «Коша», сокращение от Коцея Бессмертного. Курсанты его уважали и неизменно боялись. Если мы видели, что при входе в казарму стоит комдив, значит, все влезали в помещение через окна и форточки с противоположной стороны здания.

Я по молодости пренебрег правилом, что самая короткая прямая — это кривая вокруг начальника, и пошел напрямик, мимо

Загоскина. И заплатился. Без брани, что вообще было свойственно интеллигентам-артиллеристам, он прочитал мне лекцию о чести и доблести. Потренировал в приветствии начальника на месте и в движении. Объяснил массу других (крайне нужных) понятий из военной субординации. После того личного общения я сделал для себя вывод: запоминай военные аксиомы и не проверяй их верность на себе!

Загоскин был для нас, как бог с нимбом над лысой головой. Высоко и свято. На него никто не обижался. Тем более, что рядом с ним существенно проигрывали молодые командиры Горохов В.А., Скородумов А.А., замполит Сергеев В.А. Да, и среди них попадались личности, но Загоскин был для нас, мальчишек, полубог без человеческих недостатков. Из молодой плеяды командиров взводов мне особенно запомнились А.И. Корякин, П.К. Жуков и В.П. Ерохин. Мы цитировали друг другу слова А.И. Корякина, однажды произнесенные им в ходе строевой подготовки к параду:

— Как ты стоишь? Разверни плечи, выше подбородок. Контролируй свое тело, ты должен стоять так, чтобы любая женщина, которая увидит тебя, могла сказать: «Вот этому я бы дала...»

Сам Корякин был хорош собой — настоящий секс-символ нашей эпохи — высокий, красивый, стройный офицер. Когда он шел с шашкой перед строем, это было олицетворение благородства и отваги. У него сложилась яркая военная биография: после нашего выпуска он ушел в ВДВ, где командовал батареей, дивизионом, артполком. В Афганистане — начальник артиллерии 103-й воздушно-десантной дивизии, а позднее — командующий ракетными войсками и артиллерией 40-й армии. Мне довелось с ним встречаться в Афганистане под Хостом в период боевой операции «Магистраль», а позднее в Кабуле. Это был благороднейший человек, уважаемый всеми командир и начальник. Впоследствии генерал-майор Корякин обосновался в Питере начальником кадетского корпуса.

Как рассказывал мне бывший командир дивизиона полковник Горохов, у командира нашей батареи Павла Жукова служба в армии не состоялась. Хотя он успешно закончил артиллерийскую академию, но в звании подполковника с должности начальника артиллерии мотострелкового полка был уволен в запас за какие-то прегрешения. А жаль, человек он был хороший и невредный. Мы, его бывшие питомцы, вспоминаем добрым словом.

СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ

Учеба в училище мне нравилась. Преподавание сорока четырех предметов осуществлялось четырнадцатью кафедрами. Соотношение учебных дисциплин выглядело так: общественные науки — 40% учебного времени, военные — 50%, общенаучные дисциплины — 10%. Тягучие часы лекций с валом конспектов и зубриловой экзаменационных билетов сменяли наряды и бессонные караулы, выезды на полевые выходы и корпение над тактическими картами, боевые стрельбы и обкатка танками.

С первых лет существования училище привлекали к парадам в дни государственных праздников. Начальник училища назначался командующим парадом. Парадный расчет училища составлял 4 батальона, 16 коробок, 1636 человек. И, кроме того, на плацу особую атмосферу и настроение создавал собственный военный оркестр. У нас было все, чему положено быть на «фабрике офицеров». Здесь становилось предельно ясным: КПСС — организатор и вдохновитель всех наших побед, СССР — сильнее всех, Советская Армия — непобедимая и легендарная, а империализм с его звериным оскалом — наш злейший враг.

В то время еще многие преподаватели были ветеранами Великой Отечественной войны, и их рассказы часто заменяли нам десятки самых интересных лекций.

То была пора, когда еще никто не сомневался, что Советская Армия — действительно непобедимая, а молодые офицеры искренне верили в святые идеалы служения Отечеству. Мы были детьми своего времени и, маршируя в курсантском строю, звонко и вдохновенно орали песни: «Идем дорогой славной, дорогой отцов, мы внуки комиссаров, сыны политруков...», «Так защитим Москву родную, — сказал гвардейцам политрук...», нисколько не сомневаясь, что наша армия действительно легендарная, и коли уж «мы прошли, прошли полсвета», то «если надо — повторим». Мы были к этому готовы.

Начавшиеся боевые действия в вооруженном конфликте между СССР и Китаем весной 1969 года вновь подтвердили высокое моральное состояние курсантов. Подавляющая часть которых не скрывала своих желаний немедленно встать на защиту Родины вместо 58 пограничников, сложивших голову 2 — 15 марта на двухкилометровой островке Даманский на фарватере реки Уссури. К

сожалению, оказалось, что жертвы провокаций на островах русла Амура и Уссури, в районе казахско-китайского участка госграницы оказались напрасными. В конце 1991 года после распада СССР Ельцин подарил Китаю не один этот остров. Но, осуждая правителей, следует понимать, что выдержка солдат и офицеров-пограничников того времени предотвратили глобальную военную мясорубку, которая могла бы тогда начаться между двумя супердержавами.

Преподаватели-фронтовики знали особую цену военной науке и проявляли творчество. Каждый требовал уважительного отношения к своему предмету как к главному — будь то тактика, артстрелковая подготовка, автодело или топография.

Подполковник И.Пергаменцев ловко ввернул в задачи по артстрелковой подготовке тактическую обстановку недавнего использования на Даманском дивизиона реактивной артиллерия, огнем которого около тысячи нарушителей границы оказались уничтожены.

Полковник Ю.Быков действовал на нас через теорию Фрейда, нежно, будто женскую коленку, брал в руки ручку коробки передач и приговаривал:

— Её, как девушку, надо брать ласковыми руками. Ведь машина — это живое существо, которое следует слушать и понимать.

Учеба была достаточно напряженной. На семинарах отсидеться было невозможно. Доставали всех. В это время я получил азы вдумчивой самостоятельной работы над литературой. Надо сказать, что это не было для меня сложным, так как и до армии я любил посидеть с книжкой. В основе же самостоятельной работы курсантов лежали первоисточники классиков марксизма-ленинизма и партийные документы.

Через годы, уже учась в академии, я не раз представлял беспечным преподавателям свои мальчишеские конспекты. Бездумное переписывание текстов в свои тетради, пожалуй, было самым неприятным видом работы у курсантов. То был один из малоизвестных феноменов обучения, возведенный в ранг государственной важности. Для того, чтобы дорасти до лейтенантских погон, надо было сотни часов просиживать за механическим переписыванием политических цитат, набивая ими толстые, как амбарные книги, тетради.

Преподаватели утверждали, что таким образом вырабатывается идейная убежденность, которая становится руководством к действию. У нас даже на центральной стене учебного корпуса была

приведена известная ленинская цитата: «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество». Проходя четыре долгих года под этим лозунгом, мы запомнили его на всю жизнь.

Мне иногда становилось страшно от своей неполноценности, что к выпуску из училища реализовать завет вождя я не успеваю, поскольку человечество выработало столько знаний, что на усвоение их не хватает времени. Юные и плохо подготовленные для восприятия сложнейших дефиниций и терминов мозги концентрировали в себе обломки и обрывки научного хлама. Считалось, что без килограммового конспекта по истории КПСС, политэкономии или философии у завтрашних замполитов рот не может быть необходимой идейной убежденности. Культ конспекта был настолько высоким, что про него наш поэт Саша Чернейков сочинил даже стихи, в которых были такие слова: «Вот мой конспект, а вот мой партбилет, — да здравствует Центральный Комитет!..».

Чем ближе курсантская жизнь от семестра к семестру подвигала нас к заветному диплому, тем чаще у молодой поросли офицерского корпуса начинал прорезаться голос протеста против такого порядка вещей, но изменить его мы не могли. Наоборот, свободное владение идеологическими догмами считалось показателем зрелости курсанта. Своеобразной формой протеста у курсантов являлось написание к экзаменам различных шпаргалок и пользование чужими конспектами. Способы сдачи экзаменов за четыре курсантских года были самые разные, от предельно простых до изощренных. Назову лишь некоторые из этих способов «передачи знаний на расстояние».

Система «Ниппель» — первый и второй курс обучения в училище еще не было достаточной учебной базы, и часто мы занимались непосредственно в казарме. Экзамены или зачеты проходили в ленкомнате батареи. Через приоткрытую дверь с помощью длинной расщепленной на конце палки шпаргалка протягивалась на уровне колена под стол экзаменующегося.

Система «Рашиль» — в определенных случаях помощь оказывали офицеры, командиры взводов и комбат, которые болели за показатели своих подопечных. И по договоренности с курсантами, пользуясь беспечностью преподавателей, просто воровали билеты. Курсант заходил в ленкомнату, брал экзаменационный билет, но называл номер ранее вынесенного и уже подготовленного билета, лежащего в кармане. Заменял полученный билет и выносил его

следующему. На взвод хватало двух-трех билетов, чтобы подавляющая часть курсантов на экзаменах пела соловьями.

Система «Си» — готовилась по договоренности с лаборантами кафедры. Если лаборантами были девушки или женщины, то договариваться направляли наших донжуанов. Именно по итогам одной такой пикантной ситуации «залетел» сержант Валентин Калинин, и ему пришлось регистрировать свои отношения с подружкой через ЗАГС. Подготовкой к экзамену по такой системе приходилось заниматься всем. На стандартных листах с условными знаками кафедры готовились ответы на все заранее известные билеты. А потом передача готового ответа была делом техники.

Система «Электрон» — была самой сложной технической схемой с использованием полевого телефонного аппарата ТАИ-57. Вспоминаю, что подготовка к предстоящему экзамену заняла три дня. В пазах половиц была тщательно замаскирована проводка, идущая к четырем гвоздям под двумя столами экзаменуемых. На две пары каблучков юфтовых сапог набивались металлические пластинки для контакта с гвоздями. Под одеждой экспериментаторов к слуховым аппаратам шли провода. Аппарат крепился в рукаве в районе запястья. Из каптерки «дикторы» зачитывали текст ответа на вопросы экзаменационного билета.

Я не любил пользоваться чужими шпаргалками, поскольку, на мой взгляд, они были примитивными и не давали глубины. Мне хватало своих знаний и красноречия, чтобы стабильно получать пятерки. Но отказываться от общих дел я не имел права и добросовестно писал вместе со всеми многочисленные шпаргалки.

К чести наших преподавателей, они умели проверять глубину знаний курсантов, и потому многие положения надо было просто знать наизусть. У нас были прекрасные преподаватели. Я всю жизнь добрым словом вспоминаю опытных методистов, полковников Карнаухова С.А., Молодцыгина М.А., Кучму Я.А., Квачука П.Т., Эполетова Н.И., Емельянова М.Н., Гуревича А.Г., Никитина П.И., подполковников Пергаменцева И.Б., Тарана Ю.В., Шакалий П.И., кандидата математических наук Волкова В.Ф. Учиться у них было тяжело, но то, что они дали и как дали — осталось с нами на всю жизнь.

Мало обладать самому глубокими и разносторонними знаниями, надо уметь доходчиво, понятно довести их до аудитории. Эти люди владели методикой преподавания в совершенстве. Но даже

среди них особо выделялся полковник Аллагулов А.А., у которого к концу второго курса мы могли свободно излагать свои мысли без конспектов и шпаргалок. Он научил нас работать головой и умению излагать свои мысли грамотно и доходчиво. Были, конечно, и элементы зубрежки. Часто бывало в отпуске после сессии я отгонял навязчивые цифры, нормативы, формулировки секретов прибавочной стоимости, закона «отрицания отрицания», организации роты или батальона супостата или технические характеристики оружия, которыми была забита голова.

Поскольку в последние годы учебы в школе у меня были проблемы с математикой, то и высшую математику и сопромат я сдавал с превеликим трепетом и неуверенностью. С большим трудом, получив зачет, я сейчас могу со смехом вспоминать ту трагикомическую ситуацию, когда со спрятанными учебниками за пазухой (будто они меня могли уберечь), решал задачи и объяснял задания преподавателям... К счастью, это были единственные камни преткновения в учебной программе...

Были среди преподавателей училища и лаборантов кафедр молодые привлекательные женщины и девушки, которые воспользовались моментом и успешно вышли замуж за первых выпускников и разъехались с ними не только по стране, но и по планете. Как, к примеру, наш преподаватель английского языка обаятельная Светлана Карловна, избравшая суженым старшего сержанта Валерия Малахова, ничуть не прогадала — стала впоследствии женой высококлассного дипломата и сотрудника Генштаба ВС СССР.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ПАРТИЙНЫЕ НАГРУЗКИ

В те годы существовало негласное требование ЦК КПСС — не менее одной трети выпускников командных и 100 процентов выпускников политических училищ (политработник по определению не мог быть не коммунистом) должны уходить в войска с партийными билетами. Так поддерживался баланс, который назывался партийным ядром в Вооруженных Силах.

В девятнадцать лет под влиянием своего командира батареи лейтенанта Паши Жукова я написал заявление о том, что хочу быть в первых рядах строителей коммунизма. «Как отличник учебы, активист и дисциплинированный человек», — так меня охарактеризо-

вал член парткомиссии командир батальона обеспечения учебного процесса подполковник Дзарасов Муса Джариевич, — я должен быть принят кандидатом в члены КПСС.

Это был март 1969 года. Так в числе первых курсантов нашей батареи я стал коммунистом. Обладание партбилетом не сулило мне никаких выгод, а вот в некоторых моментах приносило немало проблем. Я не мог расслабиться ни на минуту в связи с тем, что вскоре был назначен нештатным замполитом батареи. Доверие окрыляло, но и добавляло дополнительные общественные нагрузки, включая и работу со своими сверстниками. Командиры дивизиона и батареи с меня спрашивали за выполнение многочисленных обязанностей, среди которых разве что работа фотокода доставляла мне радость.

На артиллерийских стрельбах, тактических занятиях и учениях я имел право не стоять в строю, а, выбирая лучшие точки съемки, свободно лазить по позициям. Именно тогда я пристрастился к кинокамере. Многие мои кинофильмы и фото пленки о курсантских буднях перед выпуском успешно присвоил себе наш взводный хитроватый старший лейтенант Ерохин.

Однако эта общественная и творческая работа расширила мой кругозор, и чаще всего я знал больше, чем мои однокурсники, имел возможность знакомиться с многими интересными людьми. Как активист получил доступ к архивным фотоматериалам, музеям и выставкам. Многие вечера, плавно переходящие в ночи, проведенные мной в темноте фотолаборатории, были не в тягость. Я с удовольствием печатал многочисленные фотографии своих товарищей. Они и сейчас, пожелтевшие от времени, радуют и оживляют память моих сокурсников.

Но в армии, став офицером, я понял, что моим коллегам вступление в партию обеспечивало преимущество при выдвижении на вышестоящую должность. Даже командир отличного взвода не мог рассчитывать на повышение, если не был хотя бы кандидатом в члены КПСС. Офицеры-коммунисты, имеющие выговоры по партийной линии, также лишались перспективы служебного роста. Из-за этого многие из них не могли продвигаться по служебной лестнице или поступать в академии.

Такой порядок вещей все же играл позитивную роль. Он дисциплинировал, повышал чувство ответственности. Понимание того, что в случае какой-либо провинности тебя могут «дернуть за парт-

билет» и испортить карьеру, вынуждало оглядываться на партбюро и парткомы...

В связи с этим вспоминаю неприятную историю, когда в апреле 1971 года (на третьем курсе) двое нетрезвых курсантов третьего взвода нашей батареи на вечеринке в пединституте повздорили с нашим замкомвзводом Сашей Бондаренко и разбили ему переносицу. Самым строгим наказанием было партийное собрание, на котором виновников осудили — одного к исключению из партии и отчислению из училища, а второму объявили строгий выговор. Это был единственный неприятный инцидент, ибо драк среди курсантов у нас не отмечалось.

Еще один громкий скандал приключился с нашим товарищем курсантом Черных. Возвращаясь из самоволки, его заметил сам начальник училища. Вот как эмоционально через сорок лет Борис Павлович вспоминал об этом: «Глубоко взволновал меня, сильно огорчил, даже в какой-то мере обидел случай, когда курсант старшего курса не остановился, а убежал от меня, хотя ничего плохого я ему не сделал. Больше того, плохого от меня и не следовало ожидать, за три года я не дал к этому повода. А дело обстояло так. Выехал я от подъезда училища в город и на первой же остановке троллейбуса, напротив северного въезда в городок увидел выходящего из троллейбуса курсанта. Желая выяснить цель его увольнения в город в учебное время, остановил машину, вышел на дорогу и дал знак курсанту подойти ко мне. К моему удивлению, он не только не остановился, не подошел ко мне, но убежал, скрылся. Факт небывалый и неподходящий для нашего коллектива. Но понять курсанта нетрудно: раз убегает, значит, есть что скрывать, есть чем мучиться, кого-то выгораживать. Найти его для меня было нетрудно: достаточно было пройти вдоль строя. Но мне это не подходило, нарушитель должен сам осознать глубину проступка, понять состояние генерала, который по возрасту старше его отца. Я сделал просто. Утром другого дня по громкой связи (репродукторы были на каждом учебном месте, в казарме, в парках) я в деталях рассказал о происшедшем, о своем огорчении и попросил нарушителя в удобное для него время прийти ко мне на личную беседу. Встреча не предполагала наказания, объяснения деталей поступка и условий его совершения. Замысел был в другом: весь коллектив должен преодолеть страх за совершенную провинность, каждый должен в разуме и душе своей признать ошибку, раскаяться в ней,

открыться товарищам, будь то друг, сосед по казарме или начальник училища. Я ждал три дня. И вот тот, который от меня бежал «быстрее лани, быстрее, чем заяц от орла» сидит передо мной. Никто его не искал, не наставлял, не уговаривал. Пришел сам. И это его победа над собой. Правда, это и мой успех. Метод оказался оправданным».

Генерал суть осветил правильно, но некоторые существенные моменты упустил. Я постараюсь их дополнить. Отмечая личные качества своего начальника училища, мы на первое место всегда ставили его знание личного состава. Он обладал феноменальной памятью и помнил фамилии всех курсантов. Бывало, проходит мимо группы курсантов, останавливается и, пожимая руку, каждому задает вопросы:

— Как учеба, товарищ Кривопалов?

— А что это у вас, товарищ Толстой, глаза грустные? Не болеете?

Поэтому мы прекрасно осознавали драму Черных, ведь начальник училища его знал, но делал педагогическую паузу для проверки «на вшивость». Почему Черных не пошел сразу с повинной, пояснить можно только потемками его слабой мальчишеской души. После первого дня ожидания Уткин не дождался ни доклада о выявлении нарушителя, ни самого самовольщика. Утром следующего дня перед строем училища весь внутренний наряд КПП, скрывший возвращение самовольщика, был отчислен из училища. Под громкий бой барабанов демонстративно тут же с них срезали курсантские погоны, откомандировав в батальон обеспечения учебного процесса. Но и тогда среди курсантов не нашлось доносчиков, хотя в батарее о самовольщике знали все. Это сейчас могут назвать ложным чувством товарищества, но оно не было ложным. О том, что надо идти к Уткину, виновнику говорили в курилках батареи многие. И волевой поступок признания совершать должен был он сам. Утром третьего дня курсант Черных пришел в кабинет начальника училища. На что довольный генерал сказал:

— Ну и долго же ты, Валера, ко мне собирался. Да я же сразу знал, что это был ты.

— Если бы пришел в первый день, то я бы тебя не наказал. А так за малодушие объявляю тебе десять суток ареста.

В этот же день репрессированные курсанты из состава наряда были возвращены в свои коллективы.

Однажды в лютую январскую стужу наше училище поразила необычная эпидемия — воровства хлястиков от шинелей. Дело началось с малого: у одного курсанта пропал хлястик. Он взял себе у другого, тот у третьего. Люди стали заимствовать хлястики с шинелей товарищей, стали прятать, носить в карманах, а некоторые создали запас. Через неделю половина училища уже ходила без хлястиков. Выправил ситуацию заместитель начальника училища по тылу Маликов, который приказал пошить в вещевого мастерской большое количество этих изделий и выложить их в людных местах. В первые дни их разбирали, а потом народ успокоился, и хлястики стали оставаться на местах. Когда же весной растаял снег, то вся территория училища оказалась засыпана отсыревшими, потерявшими цвет суконными тряпицами, как яркое напоминание недавнего массового помутнения сознания курсантов.

С каждым годом улучшалась материальная база училища, и курсантская жизнь наполнялась новыми ощущениями. Последние курсы обучения мы питались в новой курсантской столовой, добротном двухэтажном здании, выросшем на наших глазах, где размещались уже комфортно не по десять, а по четыре человека за столом. Мне повезло, со мной оказались к тому времени уже женатые Шушарин, Иванов и Лищук. Часто в выходные дни, да и по вечерам на неделе они уходили к женам, а я становился единоличным владельцем их порций сахара и масла. В условиях постоянного недоедания и оскорбительно низкого качества приготовления пищи (особенно ненавистным было овощное рагу) это было маленьким счастьем. Неоднократно бывало, что во время обеденного приема пищи мы травили несчастного ефрейтора Лищука отвратительными историями и анекдотами из серии «о голодном студенте, любящем горяченькое». И бурно веселились, когда он не выдерживал нашего цинизма и, бросая ложку, убегал из столовой. Смешливые беззлобные двадцатилетние пацаны таким образом... развлекались.

ВСТРЕЧИ С ВЫДАЮЩИМИСЯ ЛЮДЬМИ

Яркими воспитательными событиями, скрашивавшими однообразную повседневную курсантскую жизнь, являлись посещения училища высокопоставленными военными и политическими деятелями, людьми, как правило, легендарными с героическими неординар-

ными биографиями. Мы видели, «живьем» министра обороны Д.Ф.Устинова, начальника Главпура А.А. Епишева, заместителей министра обороны К.С. Москаленко, И.И. Якубовского, секретаря ЦК А.П. Кириленко, космонавтов Г.Т.Берегового, В.С.Лазарева и других...

Особенно мне запомнился дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Иван Игнатьевич Якубовский. Он перед войной окончил артиллерийское училище, но вся его жизнь была связана с танковыми войсками. Его знаменитая 191-я танковая бригада отличилась под Сталинградом, в боях за Киев. А в сражениях за столицу Германии Берлин он уже являлся заместителем командира танкового корпуса. Веселый и общительный маршал был приятен в общении. Своей фактурой он поражал — настоящий русский богатырь двухметрового роста. Выступал он перед нами мало, но то, что сказал, мы, курсанты, запомнили на всю жизнь. Определяя задачи по становлению офицерского характера, он особо остановился на проблемах борьбы с излишествами, в том числе и пьянством. «Выпил своих семьсот пятьдесят грамм, и хорош», — глаголил нам маршал, — «а то некоторые допьяна пьют. Это не дело. Офицеру надо знать меру!».

А мы, обомлевшие, посматривали друг на друга в недоумении: — Да можно ли человеку столько выпить?

Нам такие мерки тогда казались просто смертельными.

Во второй половине того же дня я заступил дневальным по штабу. В офицерской столовой которого маршал Якубовский с шутками добирал свою норму с начальником училища. Наконец нам поступила команда: «Машину к штабу!». Это был верный признак того, что вечеринка заканчивалась. И дежурный отправил меня в приемную Уткина забрать шинель и фуражку маршала Якубовского. Шинель оказалась длинной и тяжелой, для того, чтобы не путаться в ней, я сложил ее пополам и перебросил через плечо. Спускаясь по лестнице, я все же не удержался и упал — съехав, как на санках, вниз на шинели. Первая мысль, пришедшая мне в голову, когда я вскочил на ноги была: не обсыпалось ли золото на маршальских погонах? Слава богу, все нормально.

Прощание генералов затягивалось. Они долго еще стояли на улице и оживленно разговаривали. По внешнему виду нашего начальника училища можно было судить, что его планка нормы значительно отличалась от маршальской, но он не мог покинуть сано-

витого начальника. Как оказалось, эту встречу непьющий генерал Уткин тоже запомнил на всю жизнь. Через тридцать семь лет он описал ее такими дипломатическими словами: «И как я знал его прежде, ничто в жизни ему не было чуждо...»

В училище под жестким управлением Уткина насаждались здоровый быт, трезвость, формировались добрые качества товарищества и дружбы, благородного отношения к женщинам. После получения скромного месячного денежного содержания курсанты бежали в курсантскую чайную под названием «чепок» и скупали килограммами печенье и банки со стуженным молоком. Чем старше мы становились, тем реже мы предавались этим праздникам чревоугодничества, а все чаще использовали свои скромные накопления в 5 — 10 рублей для благих мероприятий при увольнении в город.

МОИ ДРУЗЬЯ-ОДНОКАШНИКИ

Наше училище готовило политработников для артиллерийских и танковых частей. Абитуриентов, которые получали на вступительных экзаменах более высокие оценки, зачисляли в артиллерию, а остальных — на танковый курс. Мы гордились своими избранными военными специальностями. В просторечии позволяли презрительно называть друзей танкистов, — «солярой», а они, в отместку, обзывали нас «мухобоями».

Однако мы какими-то позорными «мухобоями» себя не считали, а гордились принадлежностью к настоящим «богам войны». Наш слух и гордость ласкали слова начальника училища: «Ни один род войск не требует такого ума, воли, мужества и культуры, как артиллерия», — которые воодушевляли курсантов-артиллеристов на серьезную учебу. Для того, чтобы быть объективным, Б.П. Уткин, сам артиллерист, никогда не позволял себе принижать танковых войск. Более того, он научился водить танки и уверенно стрелять, нередко демонстрируя перед молодежью свои навыки и умения. Но в душе все-же он обожал свой род войск, так через многие годы в своей книге «Орлята учатся летать» он с нескрываемой любовью писал: «Позже я узнал, что даже А.С. Пушкин страстно желал стать офицером-артиллеристом, и, как тогда говорили, «выйти» из Царскосельского лицея в гвардейскую артиллерию. Он даже защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Изготовление и примене-

ние артиллерийских орудий в Европе и России в XVIII веке». Жаль, что состояние семьи Пушкиных не обеспечило содержание офицера гвардии, отец мог выделить деньги только на содержание офицера в обычном пехотном полку. Артиллерия не получила стремящегося в ее ряды офицера — литература обрела мирового гения».

На первом и втором курсах мы серьезно занимались автоделом и в июне 1969 года успешно сдали экзамены и получили водительские права на управление автомобилем. Для вождения курсантов училищем было получено 70 новинок автотехники Газ-66.

Но на этом изучение техникой не ограничивалось. Подготовка курсантов отличалась многогранностью. Для освоения разнообразной боевой техники в батальоне обеспечения учебного процесса имелось 10 БМП-1, 30 танков Т-55, 10 танков Т-64 (с отличным пушечным вооружением, стабилизатором, обеспечивавшим высокоэффективную стрельбу при скорости превышающей 40 — 45 км/час). В арсенале училища был даже один новейший танк Т-72, сошедший с конвейера Нижнетагильского завода. Артиллерию представляли батарея БМ-21, батарея 122 мм гаубиц Д-30, батарея 152 мм гаубиц Д-1, батарея противотанковых пушек Т-12, самоходные плавающие 122 мм гаубицы «Гвоздика», а также «Акация», артиллерийские тягачи Урал-Зис, более известные как «Урал» из Миасса. За четыре года все курсанты выполняли нормативы боевой работы танкистов и артиллеристов на уровне 3 класса универсальной общевойсковой квалификации.

В повседневных учебных заботах, нарядах и караулах появлялись душевные привязанности и формировались дружеские отношения. В батарею своими приятелями я считал сдержанного и веселого отличника учебы Фандуса Хузина, деликатного и сердечного Володю Захарченко, заводного и авантюрного Славу Дрямина. На поприще художественной самодеятельности сдружился с Толиком Ляшенко.

Моими близкими товарищами и друзьями во взводе оказались уроженец Белгородской области Николай Харченко и земляки-уральцы Саша Греблюк, Шамиль Афтахов, Женя Медведев, Саша Чернейко. Через два года произошла первая потеря. Вернувшись в казарму после летнего отпуска, я не дождался возвращения к началу учебного года на третьем курсе близкого друга Харченко. Он приехал чуть позже худой и болезненный. Оказалось, находясь на родине, он перенес сложнейшую операцию на желудке, что послу-

жило причиной его отчисления из училища. Матушка Николая, агроном по образованию, была волевой и мудрой женщиной, сумевшей одной поднять и дать трем сыновьям высшее образование. Старший брат Николая Борис стал бессменным председателем крупного сельскохозяйственного предприятия в селе Большие Лепяги Белгородской области. Брат Владимир в Кривом Роге возглавлял известное на Днепропетровщине автопредприятие. Мой же дружок шестнадцатилетним хлопцем, с сильным украинским акцентом и тонкой дорожной сумкой, как тогда говорили, «по призыву комсомола» приехал за тысячу километров поступать в училище. Как он мне рассказывал:

«...Ехал я в неизвестность со страхом. Брат Вовка привез меня на мотоцикле на станцию. Взял билет на проходящий поезд. Пока ждали его прибытия, он выпил со мной бутылку самогонки. И пьяного, почти бесчувственного, толкнул в железнодорожный вагон. Когда утром я пришел в себя, то дом и мама были уже далеко позади. Приехал в далекий Свердловск. Пришел к военному коменданту на вокзале. Показал свое предписание, и тот подсказал, как найти училище. Экзамены все сдал на тройки и был зачислен в училище.

Было во мне тогда 50 кг веса и росту метр с кепкой. До сих пор удивляюсь — как меня приняли? Это я потом вырос. Уже в училище».

Действительно, за два года учебы в училище Николай вырос в высокого парня гренадерского роста в 180 см. Он оказался способным курсантом, легко осваивал все предметы обучения, был общительным и интересным человеком. Коля очень тяжело переживал отчисление. Не скрывая слез, прощался с училищем. Однако нашел себя в гражданской жизни, вернулся на Белгородщину и окупился в трудовую деятельность Вейделевского района, где сначала работал секретарем комитета комсомола и одновременно инструктором по спорту в своем колхозе, а через год воспользовался рекомендациями военно-политического училища и поступил в Харьковский юридический институт. Быстро пролетели студенческие годы, во время которых мы с Николаем встречались в Чирчике и Железнодорожном. Первоначально молодой юрист получил навыки в криворожской транспортной прокуратуре следователем, а впоследствии многие годы отработал прокурором в Днепропетровской области и в Республике Крым. Несмотря на крепкий и закаленный от рождения

организм, Колю всю жизнь преследовали болезни. Дюжину раз он перенес сложные хирургические операции, но всегда оставался оптимистичен и старался выглядеть бодрым. Он без прикрас настоящий и очень мужественный человек. Ему повезло с красавицей женой, прекрасной женщиной Раисой Александровной, с которой познакомился еще во время студенческой юности. Рая преподает в школе. В семье Харченко выросли двое детей. Старший сын, Алексей, как и отец, стал юристом. Работал в прокуратуре Нахимовского района Севастополя. Впоследствии в адвокатской конторе. Женат, воспитывает сына Николая и дочь Полину. Дочь Николая Петровича Елена окончила юридический факультет таможенной академии в Днепропетровске, работает в симферопольской таможне. С Харченко мы дружим всю жизнь. Его притягательный образ остался в памяти всех моих однокашников по училищу. Недавно просматривая сайт выпускников СВВПТАУ, составленный кем то из нашего набора, наткнулся и на его фамилию. Обаятельный Николай Харченко не выпал из нашего курсантского взвода, он всю жизнь среди нас.

Мой однокашник по училищу челябинец Александр Дмитриевич Греблюк — из рабочей семьи. Отец рано ушел из жизни по причине надорванного здоровья в немецком концлагере Бухенвальд. Мать работала рабочей на металлургическом заводе и боготворила своего старшего сына, ставшего офицером. Саша со школы дружил с замечательной девушкой, студенткой пединститута Наташей. Так получилось, что по окончании училища в один день с Сашей сыграли свадьбы. Наши военные судьбы в чем-то оказались похожими, а в чем-то и отличались. Меня судьба бросала по всему Союзу, а он служил на одном месте, в Прибалтике, в арtpолку ВДВ. В Афганистане мы встретились. Он три года возглавлял политотдел 345-го отдельного парашютно-десантного полка, дислоцировавшегося в Баграме. После возвращения на Родину ушел преподавателем в Новосибирское общевойсковое военно-политическое училище, которое впоследствии стало готовить офицеров армейского спецназа ГРУ и военной разведки. В семье выросло двое детей. Сын Костя пошел по стопам отца и служит в спецназе ФСБ.

После Харченко, в последние годы обучения мы сблизились и подружился с Шамилом Мифтаховичем Афтаховым, по этому поводу ему было доверено святое дело — стать свидетелем на нашей свадьбе. Афтахов родом из горной деревни Сулея, что затерялась

на склонах сказочного Южного Урала. Шамиль старше меня на три года и пришел в училище из армии в звании сержанта. Его процесс обучения прерывался годовой стажировкой в войсках. С десяток лет мы были с ним дружны, однако беспокойная военная жизнь разбросала нас по свету. По распределению, на зависть многим, он попал служить замполитом учебной батареи во вторую столицу — Северную Пальмиру. Осенью 1976 года поступил в ВПА им. Ленина. Окончил педагогический факультет и был направлен преподавателем в Таллинское высшее военно-политическое училище, откуда в 1980 году по причине семейных неурядиц откомандирован на полгода замполитом танкового батальона в 26-ю мсд в Литву. В 1981 году принимал участие в уборке урожая в составе целинного батальона. За трудовые заслуги отмечен правительственной наградой. Три года выполнял обязанности пропагандиста 291-го мотострелкового полка, после чего стал замполитом 57-го артиллерийского полка. Из мотострелковых войск Прибалтийского военного округа откомандировывался в заграничную командировку в качестве советника замполита артиллерийского полка в афганскую армию. Принимал участие в боевых действиях под Хостом. Служил в советническом аппарате в Кабуле. После возвращения из РА службу проходил в Калинин (ныне Тверь), замполитом 58-го гвардейского артиллерийского полка (известного тем, что в пятидесятые годы в нем служил наш будущий начальник училища Б.П.Уткин). В 1991 году принял должность в политотделе 131-й мсд в Мурманске, но служба не получилась, по причине разгона политорганов. Не видя смысла в службе, 25 декабря того же года, Шамиль Афтахов уволился в запас и вернулся к молодой жене в Тверь. Работал в ГУВД, преподавал вождение в областном учебном комбинате, два года трудился в малом бизнес — торговал белорусской обувью с машин в Тверской и Московской областях. С марта 1999 по 2010 год трудился в редакции газеты «Из рук в руки». Отвечал в коллективе за вопросы безопасности и контроля. Последнее время в аптекоуправлении. Двое детей, Тимур и Аннушка, от первого брака живут в Санкт-Петербурге. Сын от второго брака, Антон, окончил академию ПВО и некоторое время служил капитаном Российской армии. Шамиль дед пятерых внуков.

Мой третий земляк Евгений Леонидович Медведев (из семьи полковника артиллерии) хорошо учился в училище. Офицерскую закалку получил в частях ГСВГ. Служил ровно на одном месте. С

отличием закончил военно-политическую академию и добросовестно трудился на кафедре в Киевском высшем танковом училище, занимаясь обучением молодой смены. Обычный ритм жизни нарушила перестройка с ее обвалом и разрушением всех основ прежней жизни. В звании полковника в начале девяностых годов Медведев уволился по собственному желанию из украинской армии и быстро вошел в рыночную экономику. Стал топ-менеджером в солидном украинско-ирландском предприятии. Юношеских друзей помнил, иногда заезжал в гости, периодически звонил по телефону. Когда я бывал в командировках в Киеве, мы непременно встречались и проводили за воспоминаниями и разговорами вечера. Ушел из жизни Евгений внезапно. В канун женского праздника 2006 года в возрасте 55 лет Женя скоростно скончался от обширного сердечного приступа. Вдова и дочь живут в столице Украины тяжело переживая уход в вечность защитника и кормильца.

Трагически сложилась короткая судьба у способного эльмашевского паренька Александра Чернейко, который до поступления в училище год служил солдатом внутренних войск МВД, где нес службу по охране стратегических государственных объектов. От того периода службы как мальчишка очень гордился своими знаниями статей устава гарнизонной и караульной службы, которые мог цитировать наизусть. Саша по характеру был заводным и нервным человеком. При всем том в нем сочетались сентиментальность, чуткость, доброта, порядочность. Он баловался эпистолярным жанром, писал неплохие стихи, которые печатались в училищной газете. У меня сохранилось несколько его стихотворений, одно — более созвучно тому нашему юношескому романтизму, я приведу здесь полностью:

*Мы не грустим,
студентами мы не были,
мы выбрали трудные пути,
В суровые училища военные
ведь кто-то тоже должен был идти.
Мы навсегда из дома уходили,
чтоб променять заботу и тепло
на ураганы полигонной пыли,
на горькое солдатское вино.
Девчонкам, расставаясь, говорили*

— Прощайте, милые, вам очень долго ждать,
ведь армию нельзя любить вполсилы,
а сердце пополам не разорвать.
Ровесники подались в институты,
чтоб мирные науки изучать,
но в ночь морозную,
под звездными маршрутами,
ведь кто-то должен на посту стоять.
Прически длинные и модные ботинки
и брюки клеш небрежно вы несли,
а наши волосы приказом утвердили,
«ХБ» солдатское старшины принесли.
И пусть порою нам бывало туго,
рта не открыть от желтого песка,
глоток воды из смятой фляжки друга
зальет пожар и кровь сотрет с виска.
Нас чаще греет не тепло постели,
не руки нежные приходят в трудный час.
Согреет друг теплом своей шинели,
сухих портянок пару передаст.
Пусть кровь, пусть пот,
пусть давит перепонки,
но в слове «НАДО» тоже есть приказ,
а в Новый год пусть смелые девчонки,
нальют вина и выпьют, встав, за нас.
Мы к вам вернемся, чтоб сердца нетленные,
в нелегкой жизни рядом пронести,
в суровые училища военные
ведь кто-то тоже должен был идти.

Лейтенанта Чернейко по выпуску из училища направили в ЗабВО, где при тяжелом быте и безответной службе в мотострелковом полку на китайской границе быстро списался. Был уволен из армии и умер в Свердловске достаточно молодым в полном одиночестве. Остались после него только чистые юношеские стихи да теплые воспоминания сослуживцев...

К сожалению, мартиролог погибших стал писаться вскоре после выпуска из училища. Его открыли первые погибшие однокурсники: бывший старшина батареи Володя Захарченко (убит реваншистами

в Германии); талантливый несостоявшийся ученый историк, серьезно занимавшийся наукой Володя Кораблев (попал под электричку на одной из платформ в Подмоскowie); Дмитрий Киричек погиб в бою при минометном обстреле в Эфиопии, где советником политкомиссара выполнял свой воинский долг. Последний был самым красивым парнем в нашем коллективе. Он был изысканно привлекателен — высок, строен, с лучистыми карими глазами и густой шевелюрой черных волос. У него была светлая душа и добрейший характер, за что его уважали в курсантском коллективе и просто с ума сходили и влюблялись многие девчонки и женщины. А казалось бы ему повезло с распределением по выпуску из училища. Он женился на дочке сановитого чиновника из обкома партии и остался в Свердловском гарнизоне. Но пути Господни неисповедимы...

СТАЖИРОВКИ В ВОЙСКАХ

В советские времена обучению офицера уделяли самое серьезное внимание. Дважды нас — курсантов училища — направляли на стажировки в воинские части. Выезжая в войска, мы знакомились с жизнью и бытом воинских формирований и пробовали себя на настоящих офицерских должностях.

Так первый раз — после второго курса — в течение месяца я стажировался в должности командира артиллерийского взвода в отдельной гаубичной батарее мотострелкового полка на станции «Мирная» Забайкальской области, что дислоцировался недалеко от китайской границы. Ехали туда неделю. Наконец, вечером, преодолев последние полтысячи километров от Петровского Завода, наш поезд благополучно прибыл в Читу — столицу Забайкалья. Покинув уютный транссибирский экспресс, пересели на паровозный состав, каких мы давно уже не видели на Урале, в грязные, осклизлые, пахнущие человеческими испражнениями общие вагоны. Места свободного не было, все набились под завязку. Местные аборигены, «бывшие интеллигентными людьми», производили тяжелое впечатление, при общении с которыми наш старший, подполковник Пергаменцев, предупредил: «Держитесь от них подальше, не вступайте в драки, а то расконвоированные зеки могут и прирезать». Наш ночной перегон лежал в сторону Забайкальска по железнодорожной ветке, обслуживающей основные районы угледобычи Чер-

новские Копи, Букачачу, Арбаган и Харанорское месторождение, через станции Карымская, Ясная, Оловянная на Борзю. Потому средняя скорость нашего состава не превышала сорока километров в час, а навстречу нам шли и шли платформы с черным золотом, от пыли которого плохо было видно в окно, да и внутри вагонов на всем лежала тонкая пленка угольной пыли. Железная дорога в Забайкалье была построена в далеких 1895 — 1905 годах, и казалось, ничего не изменилось с той поры.

Невольно сравнивая эти убогие места с западными районами, старшина Иванов, служивший в Германии, вспомнил притчу, бытующую на железнодорожном узле в Бресте. Якобы, когда царя Николая I путейцы спросили: «Будем как в Европе дорогу делать или шире?», ответил — «На хер шире». Вот они и сделали почти на девять сантиметров шире.

— Ну это какой хер за эталон брать? — посмеивались мы, поглядывая на уникальных в своем роде курсантов Каримова и Хузина.

Тем временем уже светало, когда мы прибыли на станцию Мирная, в мотострелковый полк. Он и артполк по соседству входили в состав 11-й мотострелковой дивизии, штаб которой дислоцировался на станции Безречная. Там же, в Безречной, интенсивно работал аэродром соединения ВВС. В этом приграничном крае войск было сосредоточено не меряно. В районе Шерловой горы находился укрепрайон из пяти отдельных пулеметно-артиллерийских батальонов, отдельный танковый батальон и отдельный артдивизион. В Борзе размещались штаб 36-й армии и 150-я танковая дивизия. В Даурье Порт-Артурский мотострелковый полк, хорошо известный в войсках, как многолетний инициатор социалистического соревнования в сухопутных войсках.

Встретивший нас начальник артиллерии полка распределил курсантов по подразделениям. Меня и Виля Каримова определили в отдельную гаубичную батарею полка. А в подразделении назначили во взвод старшего лейтенанта Яценко, являвшегося одновременно старшим офицером батареи. Само это дало мне право и обязанность командовать не только своим взводом, но и всей батареей. Представив курсантов личному составу, взводные офицеры устроили себе негласный месячный отпуск, перепоручив проведение всех занятий по боевой и политической подготовке нам, а также передав и все свои наряды по полку. Нас это не особенно напрягало, по-

сколько мы для работы с военнослужащими срочной службы и прибыли на стажировку.

На вооружении батареи стояли гаубицы М-30, созданные в 1938 году, но не потерявшие своих грозных боевых качеств. Обладая массой в 2450 кг, они были способны поражать цели на расстоянии 17 километров снарядом весом в 21,8 кг. Этих старушек я впоследствии видел в боях на афганской земле, и они добротнo выполняли свои обязанности. Воюют они на планете и в новом тысячелетии.

Тот январь стал для меня хорошей школой возмужания в роли командира-единоначальника и руководителя. Сержанты и солдаты относились ко мне с необходимым почтением, так как мой шеф проинструктировал их просто: «Кто не будет слушаться курсанта — будет иметь большие неприятности!» Яценко, пройдя должности командира минометной батареи и начальника штаба дивизиона, неоднократно в пьяном виде совершал громкие нарушения дисциплины и вновь скатывался до взводного. Это был высокий офицер с лицом грубым и обветренным, на котором светились большие голубые и добрые глаза. Не лишенный харизмы руководителя, он оживлял коллектив, ибо где бы он ни появлялся, вокруг него немедленно закипали жизнь, страсти и эмоции. Одет он был в изношенную шинелку, такую, что казалось, она светится, как марля. Лихо заломленная на правый бок шапка-ушанка и русый чуб из-под нее придавала ему ухарский вид. Личный состав батареи относился к нему с большим почтением и суеверно боялся больше комбата, который оказался моложе старшего офицера на пятилетку.

Поездка в Забайкальский военный округ была для нас полезной в познавательном смысле. Мы увидели без прикрас армейский быт и суровую офицерскую службу. Климат в этих местах был резко континентальным. При низких температурах зимой (доходящих до минус 55 градусов), с коротким и знойным летом с резкими (более двадцати градусов) перепадами дневных и ночных температур, жизнь местного населения и военнослужащих была, мягко говоря, непростой. А в январе стояла обычная лютая стужа с морозными ветрами и пыльными бурями, проносившимися с большой скоростью над потрескавшейся от низких температур почвой. Днем на голубом небе ярко светило и не грело солнце. Все вокруг выглядело уныло и печально, так как снега практически не было. Условия повседневной жизни воинов — забайкальцев нас потрясли. Личный

состав мотострелкового полка в солдатской столовой кормили отвратительно, в казармах центральное отопление отсутствовало — обогревались электрическими «козлами», весь месяц мы, так же как и все солдаты, спали не раздеваясь и ни разу не мылись в бане. При этом нельзя сказать, что так жили все военные. Много зависело от отцов-командиров, — так например, в соседнем артиллерийском полку, куда мы ходили к своим товарищам-стажерам по училищу, быт был организован согласно уставу, личный состав ходил в валенках и тулупах. В столовой давали молоко и мясные блюда, чего в пехоте и не снилось. Командиры полков разительно отличались друг от друга культурой поведения и трезвым отношением к жизни. Это заметно бросалось в глаза.

В плане взаимоотношений с подчиненными в коллективе артиллерии мотострелкового полка у меня все ладилось. Солдаты и сержанты артиллеристы сначала отнеслись ко мне настороженно, а потом приняли за своего. В течение всего месяца проблем в вопросах подчинения и дисциплины не возникало. При прощании, как знак особого расположения, старший лейтенант Яценко подарил мне артиллерийский компас, который я храню до сих пор как особую реликвию. А сержанты в последний вечер пребывания в гарнизоне, закрывшись со мной в каптерке, организовали прощальный ужин с распитием какой-то местной «бормотухи» из солдатской фляжки. Прощаясь, сердечно пожелали успешного окончания училища и возвращения к ним в Забайкалье на офицерскую должность.

После третьего курса состоялась вторая стажировка в войсках, проходившая на благодатной и легендарной земле Белоруссии. Накануне выезда я как нештатный заместитель командира батареи по политчасти написал заметку «Готовимся к стажировке» для училищной газеты «По ленинским заветам», опубликованную 25 октября 1971 г. Пожелтевшая вырезка, которая напомнила мне некоторые детали того времени.

«Хотя до проведения войсковой стажировки четверокурсниками в должности заместителей командиров рот по политической части еще много времени, наша партийная организация уже развернула подготовку к ней. Стажировка в войсках явится для каждого курсанта экзаменом на политическую зрелость, проверкой его знаний и умений, полученных в стенах училища. Вот почему в этом деле необходима самая серьезная работа.

О подготовке и предстоящей стажировке серьезный разговор состоялся на прошедшем партийном собрании, на котором присутствовали преподаватели ряда кафедр общественных и военных дисциплин. Они рассказали курсантам о целях и задачах стажировки, определили основные направления их самостоятельной работы. В стенах училища имеются хорошие условия для приобретения навыков партийно-политической работы, и мы стремимся максимально их использовать в период подготовки к войсковой стажировке. Выпускники поочередно проводят политические информации в учебных группах и политические занятия с воинами подразделения обеспечения учебного процесса. Это позволяет приобрести хорошую практику пропагандистского мастерства. Особенно высокую оценку получили выступления младшего сержанта Юлина, курсантов Толстого и Бархоткина.

Хорошо известно, как важно для политического руководителя уметь грамотно и красочно оформить стенд, походную ленинскую комнату, стенную газету, боевой листок. Все это мы учитываем, готовясь к стажировке. Так, курсанты Соколов, Афтахов и Паренков много потрудились над оформлением ленинской комнаты. Своими руками они изготовили стенды, посвященные решениям XXIV съезда КПСС, жизни и деятельности В.И. Ленина и другие.

Много занимается в эти дни с выпускниками преподаватель кафедры партийно-политической работы майор Зацепин. Он проводит практические занятия по выпуску стенных газет и боевых листков, по техническим средствам пропаганды.

Лучше подготовиться к стажировке в войсках нам помогает и работа с курсантами младших курсов. Например, младший сержант Афтахов проводит воспитательную работу с первокурсниками. Словом, подготовка к ответственному этапу обучения у нас уже началась. Необходимо, чтобы и в дальнейшем она еще более совершенствовалась».

Памятной стала дорога в Минск. Во время пересадки в Москве руководитель нашей группы организовал интересную экскурсию в музей Вооруженных сил СССР, а потом на Красную площадь. А ранним утром следующего дня мы прибыли в прославленную 120-ю гвардейскую Рогачевскую дивизию, что дислоцировалась на окраине столицы Белоруссии. Тогда это было образцовое соединение Вооруженных Сил СССР, обеспеченное всем согласно уставу и

приказам: здесь был приличный быт и хорошие условия службы. В дивизии полным ходом шла напряженная боевая учеба, и мне с товарищами Афтаховым и Греблюком за полтора месяца стажировки в отдельном истребительном противотанковом дивизионе дивизии пришлось участвовать в непрерывном калейдоскопе тактических учений и полевых выходов. Где только мы не побывали!

Без преувеличения, мы увидели всю республику от столицы до приграничного Гродно. Сначала прошли маршем на броне в составе колонн дивизии, а затем погрузились на железнодорожных платформах и двигались в воинских эшелонах... Впечатлений было масса: от щенячьего восторга самостоятельного управления артиллерийским тягачом МТЛБ на марше; от боевых стрельб; от романтического вида теплушки, в которой возвращались из района учений; от дымка лесного костра и вкуса жареного свиного сала... Никогда не забудутся предрассветные учебные танковые атаки, когда наша батарея, развернувшись с марша, вела боевую стрельбу по движущимся целям. А больше всего поразила выносливость мальчишек, солдат-артиллеристов, таскающих орудия и ящики со снарядами. Вместе с ними и мне пришлось и мерзнуть, и голодать, и рыть окопы в мерзлой январской земле, а главное — учиться мужественному поведению в полевых условиях у командиров и солдат противотанковой батареи. Памятен немногословный мой командир батареи капитан Лююдзян, молча сносивший несправедливость и достойно выполнявший свой служебный долг. Он был замкнут и нелюдим. Мне не удалось с ним подружиться, как с командиром и замполитом дивизиона майорами Таракановым и Соколовским. Командир соседней батареи, а не мой китаец, приглашал нас курсантов к себе «на рюмку чая»; но я понимал эту дистанцию как чувство неполноценности Лююдзяна. Но не разделял его... Тогда, вообще-то, мало обращали внимания на национальность, но международная напряженность в отношениях с великим восточным соседом пагубно отразилась на судьбе незаметного капитана артиллериста. В нем не было ничего героического — невысокого роста с желтым лицом и узкими китайскими глазами, излучающими неколебимое азиатское терпение к превратностям судьбы и личную целеустремленность. По возрасту Лююдзян являлся старшим среди всех офицеров в дивизионе. И хотя он был артиллеристом от бога, а его батарея лучшей в части, на выдвижение уходили другие. Но по объективной оценке сослуживцев, он по деловым качествам и воз-

расту вполне мог бы уже командовать артиллерийским полком. Однако времена были беспокойные (свежи в памяти недавние события на Дальневосточном острове Даманском и в Казахстане), и кадровые органы по рекомендации контрразведки настороженно относились к офицеру со столь редкой национальностью...

После двух полноценных стажировок нас было не узнать — мы поверили в свои силы и уже ощущали реальные способности к службе в войсках. Однако высокая требовательность командного состава училища к воспитанникам продолжала выбивать неудачников из нашего строя. Большим ударом для курсанта Геннадия Никифорова после третьего курса стало отчисление из училища за неудовлетворительные результаты по физической подготовке. Впоследствии мы встречались с ним. Его судьба в органах МВД города Москвы оказалась удачной. Став полковником милиции, он с горечью и обидой вспоминал то роковое для него решение руководства перед самым выпуском из училища. Хотя, по большому счету, можно понять желание наших отцов — командиров сделать выпускников образцами в службе. И, наверное, это было правильным. Однако в последующей службе, когда мне попадались выпускники командных училищ, подготовленные в физическом отношении слабо, я всегда вспоминал суровую требовательность руководителей СВВПТАУ и не скрывал сожаление об отчисленных товарищах.

СУДЬБОНОСНАЯ ВСТРЕЧА

15 мая 1971 года я пережил потерю дорогого мне человека. Ближе к полночи в Челябинске ушла из жизни баба Маня. Она являлась для меня очень дорогим человеком, своего рода душеприказчиком, оказавшая в детстве и юности большое влияние на нравственное становление и формирование мировоззрения. Остро врезался в памяти тот скорбный вечер, когда, вернувшись в казарму после тактических учений, я с радостью скинул для просушки тяжелую от влаги шинель. За окном шел сильный весенний дождь, природа оживала. Пахло свежей листвой. Однако отчего-то на душе у меня было очень беспокойно. Так же тревожно я и спал. Утром проснулся раньше всех еще до подъема, в тот момент, когда дневальный по батарее разговаривая с кем-то по телефону упомянул мою фамилию.

— Что такое? — подскочив спросил у него я.

— Да тебе телеграмма пришла на КПП, — ответил тот.

Интуитивно я сразу сообразил, — что-то произошло. Надо отдать должное моему командованию, которое вошло в положение и быстро решило все вопросы по краткосрочному отпуску. К вечеру того же дня на автобусе я добрался до Челябинска... 17 мая на холодном порывистом ветру под морозящим дождем похоронили брэнное тело худенькой маленькой старушки, в какую за месяцы болезни превратилась моя роскошная бабушка.

Через сорок дней после её похорон я встретил девушку, которая дарована была мне богом и судьбой, вместо нее. Я встретил Мою Галюсю! Она оказалась и моей первой женщиной, и моей судьбой. Все влюбленные склонны видеть в своей случайной встрече некую благословенную мистику. Я не являюсь исключением из этого правила.

...Как состоялось наше знакомство?

В конце июня 1971 года, согласно учебному плану, наш взвод находился на производственно-практическом занятии по политической экономии в 8 складе промышленного гиганта «Химмаша». С интересом рассматривая малознакомые места, я не мог предполагать, что именно здесь — у проходной завода — на конечной остановке троллейбуса №1, совсем скоро меня ждет встреча с любовью.

В тот памятный воскресный день, 27 июня, находясь в увольнении, я заехал в гости к своему двоюродному брату Виктору Павлину, недавно вернувшемуся из армии. Его отец, Владимир Николаевич, великий путешественник, профессор, доктор биологических наук, обаятельный, сердечный и ласковый человек, вопреки обыкновению, находился дома. Родственники меня не видели многие годы, потому не сразу признали, но встрече искренне обрадовались. Естественно, накрыли богатый стол — покормили, потом посидели, потолковали о жизни. Мой дядя Владимир был интереснейшим человеком. В предвоенные годы, движимый жаждой к знаниям, он уехал из Троицка учиться в Москву. Через некоторое время вуз был переведен в Иркутск, где он и завершил полноценное образование.

Владимир ввиду отдаленности института на летние студенческие каникулы домой не приезжал, так как не имел для этого денег. А на весь сезон нанимался работать грузчиком или на лесозаготов-

ки. Эта закваска сохранилась у него на всю жизнь. Он не чурался грязной и тяжелой работы. Даже будучи большим ученым, запросто перебрасывал тяжелые грузы, мешки, рюкзаки. Согласно правилу того времени, завершив учебу, был призван в РККА и служил три года срочную военную службу в Уссурийском крае на границе с Китаем. Уволился в запас накануне войны и заехал в Свердловск к брату Ивану, где и решил остаться. Нашел работу, получил отдельную комнату в бывшем частном доме по улице Белинского в коммунальной квартире. В эту свою первую квартиру привез жену Кустову Александру Михайловну.

История их любви подтверждает романтическую легенду о лебединой верности. Подругу свою Владимир знал еще со школы в Троицке. Поддерживал с ней переписку долгие десять лет разлуки во время учебы и службы в армии. Александра Михайловна тоже в этот период училась в институте сибирского города Томска. После окончания которого работала в Уфалее. После регистрации брака с Владимиром Николаевичем она вместе с матерью переехала в его малосенькую пятнадцатиметровую комнату. Но их полугодовое семейное счастье прервала война. Четыре года войны Владимир отслужил в 1-й воздушно-десантной бригаде. Сначала в комендантской роте, а затем адъютантом комбрига полковника П.И. Красовского. После войны построил себе кооперативную квартиру по улице Чайковского, где со своей женой отметил двадцатипятилетие совместной жизни. Много путешествовал, по скромным подсчетам, побывал в США, Индии, Китае, Франции, Балканских странах. Владимир Николаевич был нравственно здоровым и уравновешенным человеком. Не курил. Очень умеренно употреблял спиртное. На работе, когда выдавались торжественные дни — юбилеи, праздники, для него всегда ставили лимонад, минеральную воду. Одевался всегда предельно скромно. Был интересным собеседником, душевным человеком, готовым оказать помощь любому, кто этого попросит.

Однако в тот день разговоры за столом уморили молодежь. Интересы юного поколения отличались от старшего, и потому мы, тактично, уловив момент, сбежали с Виктором из квартиры в беседку во дворе. Где и проговорили еще достаточно долго о жизни и службе в армии. Виктор, провожая, посадил меня в тот троллейбус, в салоне которого я встретил свою судьбу.

Ее звали Галиной Александровной Новокрещеновой. У меня

сохранились записи в блокноте о впечатлениях от той первой встречи:

«В троллейбусе обратил внимание на девушку, стоящую со мной рядом. Чем-то она меня привлекла... Стройная фигурка, длинные до плеч волосы, зеленые глаза с грустинкой...

За долгие минуты совместной поездки пришла мне в голову шальная мысль, — а не познакомиться ли с ней? Но как это сделать? Прямо в троллейбусе? Неудобно!

Я прикинул, время увольнения мне позволяло, и решил ехать дальше и сойти на её остановке. А там познакомиться и спросить разрешения проводить до дома. Девушка вышла на конечной остановке Химмаша. Только что прошел июньский дождик. Воздух был чист и свеж. Тротуар блестел как зеркало. Я вздохнул полной грудью, как бы набираясь смелости, и стал догонять прекрасную незнакомку-попутчицу... Она повернулась на мое обращение и мило улыбнулась. В эти мгновения её без того розовые щеки покраснели. Весь ее облик излучал особый, неброский, но устойчивый шарм, очень редко встречающийся, который впоследствии на всю жизнь свел меня с ума и который с годами не исчезал, а становился тоньше, придавая моей любимой женщине изысканное благородство.

Познакомились... Она студентка, учится на медицинского фельдшера, в тот день успешно сдала экзамен по терапии и потому была в прекрасном расположении духа... Живет в городе, а на Химмаш приехала к дяде...

Я проводил её до подъезда, и, ни о чем не договариваясь, она поднялась к родственникам, а я около сорока минут нетерпеливо ждал. Выйдет или не выйдет...

Было довольно сыро, а на душе тревожно. Правильно ли я поступил? Вдруг не выйдет?! Наконец из подъезда легкой спортивной походкой выпорхнула Галина, и сразу все стало праздничным. Двое слегка подвыпивших мужчин сидящих на лавочке у подъезда бросили в её адрес: «Долго заставляешь себя ждать, красавица».

А потом была дорога в город. Мы коротали её разговорами. Наконец приехали. Я никак не мог подобрать ногу под её мелкие шажки. По уютной зеленой улице мы дошли до тихого дворика, в котором она жила. Там мы и просидели на больших качелях весь вечер. С ней мне было легко и интересно. Говорили о ценностях жизни, об учебе, о спорте. Галина серьезно занималась гимнастикой и велосипедным спортом. Имела разряды и травмы. Когда мы про-

щались на углу квартала, она крепко пожала мне руку. Эта была рука друга. За полночь я приехал в училище. Шальной и радостный. В ушах жил её голос».

Мы встречались с моей подружкой по вечерам. До получения постоянного пропуска курсанта выпускного курса чаще всего приходилось бегать в самовольную отлучку. Это ограничивало возможности передвижения по городу, и потому мы коротали время за разговорами и поцелуями в небольшой темноватой комнате хозяйки тети Доры.

Нам никогда не было скучно друг с другом. У Галины был необыкновенный голос, который как будто окутывал добротой и покоем. Ее хотелось слушать и слушать.

Она оказалась уроженкой города Кушва, что расположен среди гор в 198 км от Екатеринбурга и полусотне км севернее Нижнего Тагила Свердловской области. По-своему интересной и самобытной оказалась история ее предков — уроженцев редких по красоте мест Среднего Урала. В древности исконными жителями горных деревень в лесах Урала и Сибири являлись вогулы. Это были высокие, крепкие и выносливые люди, занимавшиеся земледелием, охотой и рыбалкой. С развитием Демидовыми промышленности и распространением в старообрядческих селениях христианства появилась фамилия Новокрещенновы. Так называли первых смельчаков, которые, порывая с предрассудками, принимали новую веру. Тот период связан с реформаторской деятельностью Петра I, неуемность которого дошла до отдаленных уголков Уральских гор. По его Указу за короткий срок построены первые города Екатеринбург (1732 год), Кушва (1735 год), крепость Челябинск (1736 год). Жизнь Новокрещенновых и Сухановых непосредственно связана с Верхнетуринским районом и городом Кушвой (До 1926 года Кушвинский завод). Любопытно, что последний возник на реке Кушва (вогульское «Гнилая вода») и на берегу образованного ею пруда, у подножья горы Благодать в связи с открытием вогулом Степаном Чумпиным месторождения железной руды, что в этой горе и была найдена. Так велико для государства было значение этого открытия, что В. Н. Татищев докладывал о нем в Сенат и самой императрице Анне.

«...5 сентября ездил я отсюда на реку Кушву, расстоянием отсюда через Демидовы заводы 182 версты, и, приехав на оную через 3 дня, осматривал. Оная гора есть так высока, что кругом с

нее видеть верст по сто и более, а именно за Верхотурьем горы Павденские. Руды во оной горе не токмо наружной, которая из гор вверх столбом торчит, но кругом в длину более 200 сажень, всюду лежит сливная одним камнем в глубину...

...Для такого обстоятельства назвали мы оную гору Благодать, ибо такое великое сокровище на счастье вашего величества по благодати божей открылось».

(Из донесения В.Татищева в Сенат 19 сентября 1735 года.)

10 сентября 1735 года начали расчищать место для строительства чугуно-литейного завода и прокладывать дорогу. Этот день считается началом Кушвы как селения, где были заложены Кушвинский металлургический завод и Гороблагодатский рудник. Первооткрывателю горы Степану Чумпину 24 января 1736 года в Екатеринбургской канцелярии выдали награду — 24 рубля 70 копеек. А «благодарные» земляки сожгли первооткрывателя на костре... К двадцатому веку это был грязный заводской поселок. Три небольших чугуноделательных предприятия выдавали до 35 тысяч тонн чугуна в год. Рудник на горе Благодати с примитивной «техникой» — тачкой и кайлом, сапожная, колбасная, пимокатная мастерские — так выглядела промышленность Кушвы в те времена. На двадцать пять тысяч населения, жившего на территории, находящейся ныне в ведении города, было всего одно реальное училище, пять церковно-приходских школ, в том числе две женские, одна больница на 90 коек, пять кабаков, четыре винные лавки. На весь округ насчитывалось шесть врачей, с десятков инженеров. Каторжный труд, бедность, темнота и невежество определяли жизнь и быт жителей этого города.

Кушвинский, Баранчинский, Нижнетуринский, Серебрянский заводы с начала девятнадцатого века кроме чугуна выдавали продукцию для вооруженных сил: якоря, артиллерийские снаряды, оружие. Караваны гороблагодатского железа шли в Тулу и Петербург, где из него готовили всевозможные виды орудия.

Приписные, непрменные, урочные крестьяне, семьи рабочих, ссыльные, каторжные и рекруты — таким разношерстным был состав работавших на заводах. Рабочий день не ограничивался. Режим был установлен такой же, какой существовал в военных поселениях. Мастерские обязаны были работать на заводе 35 лет, а рекруты — 25. Писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк, давая характеристику режиму на Урале, писал: «Тут были свои законы, свой суд,

свое войско и совершеннейший произвол над сотнями тысяч горно-заводского населения».

С развитием промышленности, строительством заводов менялась и жизнь местных жителей. В нем в разные годы побывали Д.И. Менделеев, Я.М. Свердлов, И.М. Малышев, А.В. Луначарский, Г.К. Орджоникидзе. В честь 250-летия со дня основания город награжден орденом Почета. Но, как и прежде, в заводы, шахты и рудники тянулись крестьяне из бедных соседних районов сел и деревень. Таким вот путем, на подсобные хозяйства заводов в Кушву приехали прадеды и прабабушки семей Новокрещеных и Сухановых. Род Новокрещеных происходит из крестьян деревни Потаскуево, Каменск-Уральского района, Екатеринбургской губернии. В советское время и после перестройки сохранились в Кушве 16 промышленных предприятий. Продолжается добыча и обогащение железной руды, черная металлургия, машиностроение и деревообработка. Согласно переписи населения в городе проживают 36 тысяч жителей. По Кушвинскому району проходит граница Европы и Азии, имеется много природных памятников и техногенный парк. По национальному составу: 87,9% — русские, 6% — татары, 2% — украинцы, а также башкиры, марийцы, мордва, удмурты, чувашы, немцы. В городе три филиала вузов, 13 школ, ПТУ, музыкальная и две спортивных школы Олимпийского резерва.

Отцом Галины был высокий и статный Александр Терентьевич Новокрещенов. Годы его юности были обычными для паренька, росшего в рабочем городке. В 1939 году, закончив 9 классов, поступил в ремесленное училище в Баранче. После этого работал слесарем на заводе. В августе 1942 года Кушвинским ГВК был призван в РККА. 7 сентября 1942 года в Смоленском артиллерийском училище, которое дислоцировалось в Нижнем Тагиле, принял военную присягу. Однако учеба в училище была очень короткой, обстановка на фронте потребовала дополнительных людских резервов. И потому обучение курсантов было внезапно прервано. 10 ноября 1942 года старший сержант Новокрещенов попал в огонь Сталинградской битвы. Их 47-й мехбатальон, как и 1-й танковый корпус полностью погиб в боях с танковыми частями Манштейна, прорывающимися на помощь окруженной армии Паулюса.

Судьба сохранила Александра, не раз ему пришлось полагаться на госпитальных койках, а потом из артиллерии он попал в 16-ю воздушную армию. Суровый солдатский труд А.Новокреще-

нова, его отвага и мужество были достойно оценены командованием — он стал кавалером ордена Красной Звезды, в это же время и коммунистом. Через восемь месяцев после опубликования в октябре 1948 года Указа Президиума Верховного Совета СССР о демобилизации, Новокрещенев пересек государственную границу СССР. В июле 1949 года Александр вернулся в родной город, где некоторое время работал инструктором в райкоме партии. Здесь же, на одном из общественных мероприятий, познакомился с комсоргом оборонного завода Татьяной Михайловной Сухановой. В мае 1950 года молодые зарегистрировали брак и сыграли свадьбу. Александр перешел на работу начальником планового отдела гороблагодатской геологоразведочной партии.

Трудолюбивый и деятельный, Александр Терентьевич успешно работал в самых разных сферах, выполнял сложные, разноплановые задачи. Последние 10 лет своей жизни был заместителем начальника нижнетагильской геологоразведки. По семейным причинам дальше учиться не стал, но поддерживал молодежь, помогал сотрудникам писать и защищать дипломные проекты. Занимался большой общественной деятельностью: неоднократно избирался депутатом советов различных уровней, участвовал в жизни города, занимался военно-патриотическим воспитанием молодежи. За большие трудовые достижения награжден Министерством геологии СССР медалью «За заслуги в разведке недр».

Его жена Татьяна Михайловна (в девичестве Суханова) была моложе своего мужа, но военных трудностей в тылу хлебнула через край на трудовом фронте. С началом войны, пятнадцати лет от роду, в июле 1941 года она в первый раз прошла проходную оборонного Верхне-Туринского завода. В городе многие женщины и девушки заменили у станков мужчин, ушедших на фронт.

С февраля 1942 года Татьяну назначили табельщицей, с ноября 1943 года она уже квалифицированный токарь в 14-м цехе — вытачивает корпуса реактивных и артиллерийских снарядов, взрывателей к ним. Смело можно сказать, что женскими руками ковалась в тылу победа над фашизмом. За самоотверженный, героический труд в годы войны свыше 150 передовиков производства были награждены орденами и медалями. В их числе оказалась и Т.М. Суханова, награжденная медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». В июне 1945 года девятнадцатилетнюю Татьяну назначают заведующей учетом комитета ком-

сомола. С 30 марта 1948 года она секретарь комитета комсомола ремесленного училища № 19.

Занимаясь общественной работой, познакомилась с красавцем-фронтовиком А. Новокрещеновым и вышла за него замуж. 30 апреля 1950 года переехала к мужу в Кушву. После рождения двух детей занималась хозяйством и их воспитанием. Работала счетоводом, бухгалтером, экономистом гороблагодатского управления — треста Тагилстрой, уральской гидрологической экспедиции. С 1967 года и до выхода на пенсию в январе 1982 года трудилась инструментальщицей 4-го разряда на Кушвинском металлургическом заводе. За многолетний труд награждена медалью «Ветеран труда». Воспитала двоих детей. Сына Владимира и дочку Галину.

С каждым днем я все больше и больше увлекался своей подругой, и при возможности бегал к ней на свидание. Иногда, когда позволяли средства, мы убегали из дома и ходили в кино. Чаще всего билеты на культурные мероприятия брала Галина. Событием необычным в то время, особо врезавшимся в память, оказался просмотр нового художественного фильма «Офицеры». Он с аншлагом прошел в большом зале свердловского киноконцертного комплекса «Космос». Свободных мест в громадном зрительном зале не было. Народ смотрел художественный фильм с большим интересом, затаив дыхание. Билеты на сеанс покупались за несколько дней вперед. В кинотеатр было настоящее паломничество. Общество покорила судьба героев фильма в исполнении блистательных артистов Василия Ланового, Алины Покровской и Георгия Юматова.

Как оказалось, эта кинолента сыграла заметную роль в военно-патриотическом воспитании нескольких поколений защитников Родины. А наша офицерская судьба почти повторила сюжет, изложенный в том фильме, только в другом временном измерении...

В нашей жизни повторились и Туркестан, и маленькая испуганная девочка в песках, и война на чужбине, и воздушно-десантные войска... В марте 1972 года Галина окончила Свердловское областное медицинское училище и впоследствии до старости достойно проработала по специальности начальника аптеки, фельдшера и старшей медсестры в системе здравоохранения.

Через год после нашего знакомства, 22 июля, это прелестное создание, которому в мартовские холода исполнилось двадцать лет, сменило свою фамилию на мою. День бракосочетания оказался самым светлым праздником в нашей жизни. Спасибо родителям, ко-

торые организовали для нас это торжество. Свадьба была пышной и многолюдной. Новокрещенковы приехали из Кушвы большой семейной делегацией. Первый день свадьбу гуляли дома, а на второй в кафе. Моя мама вместе с моей избранницей пошла белую фату и расшила кружевами белое длинное платье невесты. В котором она, стройная и статная, была настоящей красавицей. На нашу свадьбу собрались многочисленные родственники со всего Урала. Виктор Беляев запечатлел торжество на киноплёнку, и долгие годы после этого в свободное время мы включали кинопроектор, вспоминая тот летний день, начало нашей совместной жизни. Как образно выразился поэт о первых минутах узнавания: «смущался от того, что гол, но я в тебя, дрожа от счастья, как во Вселенную вошел». Мы испытывали упоение друг от друга, от каждого дня, начатого и завершённого объятиями и сладкой слизью плотской любви. Впоследствии прошла моя Галюся со мной рядом через все невзгоды, служебные и житейские трудности, радости побед и горести поражений. Я не просто люблю ее, я восхищаюсь ею. Она замечательная женщина. Моя радость. Мы прожили в мире и согласии всю жизнь.

ВЫПУСК ИЗ УЧИЛИЩА

Окончание училища столь же памятно, как и первый день военной службы. Четыре училищных года — как один день. Глазом не успел моргнуть, как к лейтенантскому кителю привинчивал «поплавок». Остроумные курсанты обозвали его орденом «За потерянную юность». 12 июля 1972 года на центральной площади Свердловска 244 выпускника СВВПТАУ получили дипломы о высшем образовании и золотые офицерские погоны с лейтенантскими звездочками.

Особенностью того года стало начало первого этапа борьбы руководителей партии и государства с пьянством и алкоголизмом, потому во время торжественного фуршета в Доме офицеров командующий войсками Уральского военного округа объявил:

— Пить будем, как белые офицеры — только шампанское!

Но за всю жизнь к шампанскому я так и не привык. Вероятно, гены моих предков-простолудинов оказались невосприимчивы к благородному напитку...

Мы разъезжались из училища, груженные чемоданами с обмундированием, и не верилось, что эта разлука навсегда. Со многими однокашниками мне не довелось встретиться ни разу. Курсантская юность закончилась.

После нас история СВВПТАУ была такой же драматической, как и история всего нашего государства. Вслед за Уткиным училищем командовали генерал-лейтенант Коростыленко Андрей Федосеевич (с 1971 по 1986 г.) и генерал-майор Круглов Константин Петрович (с 1986 по 1992 г.). За время своего существования училище было на хорошем счету и ему неоднократно вручалось Переходящее Красное Знамя Уральского военного округа. В 1970 году училище Постановлением ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР было награждено Ленинской юбилейной почетной грамотой. В декабре 1972 года ЦК КПСС и Президиум Верховного Совета СССР в ознаменовании 50-летия СССР наградили СВВПТАУ Юбилейным Почетным Знаком. Еще в первые годы существования училища начальник политотдела И.С. Ефименков ходатайствовал перед Главпуrom о присвоении училищу имени М.В.Фрунзе. Ранее это имя носило Ивановское ВПУ. Однако только 18 ноября 1982 году это обращение было рассмотрено, но имя было присвоено иное — бывшего политрука танковой роты ЗаБВО, ставшего первым лицом в партии и государстве. В целях увековечивания памяти генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета и Совет Министров СССР присвоили училищу его имя. К сожалению, в апреле 1988 года присвоение училищу имени Л.И.Брежнева было отменено, что неодобрительно было воспринято его выпускниками и курсантами.

Судьба училища оказалась короткой. Оно просуществовало всего четверть века. За этот период, верные военной присяге, тысячи его воспитанников исполняли интернациональный долг в Афганистане и в других горячих точках планеты. Они служили в частях ВДВ и военной разведки, в пехоте и артиллерии, в танковых и автомобильных частях. Выпускник 1971 года майор Николай Иванович Мамыкин стал начальником политотдела 345-го отдельного парашютно-десантного полка и с декабря 1979 по июль 1981 г. находился в Афганистане. За проявленное мужество одним из первых воспитанников училища стал кавалером ордена Красного Знамени. Многие участники боевых действий погибли или получили

ранения. Первым сложил голову лейтенант Конин Станислав Алексеевич, окончивший училище в 1978 году. Он служил в 261 отдельном автобатальоне. Его колонна была расстреляна «духами» 18 июня 1980 года в ущелье. Награжден орденом Красной Звезды посмертно. 20 сентября 1986 года погиб мой однокашник майор Кириков Михаил при перемещении командного пункта пехотного полка афганской армии, где он исполнял обязанности советника заместителя командира по политчасти. Это произошло в районе н.п. Калат провинции Заболъ, где от полученного ранения при обстреле колонны мятежниками он скончался. Награжден орденом Красного Знамени посмертно. Советник 44-й бригады «Коммандос» афганской армии майор Александр Лебедкин в результате ранения потерял ногу. Анатолий Митрофанович Бакуров и Владимир Павлович Павленко окончили Военно-дипломатическую академию Советской Армии. Впоследствии подполковник Бакуров успешно командовал Оперативно-агентурной группой ГРУ в провинции Нангархар. Прекрасную память о себе оставили в истории воздушно-десантных войск России полковники Бабинов Л.Е. (выпуск 1974 г.), Борщев В.Ю. (1988г.), Брагин Н.А. (1983 г.), Зарипов Ф.Ф. (1985 г.), Кашин И.А. (1975 г.), Клинецвич Ф.В. (1980 г.), Крамарев Н.А. (1975 г.), Кудрявцев А.С. (1986г.), Кузлин С.Л. (1992 г.), Полянский В.В. (1974 г.), Савочкин Н.П. (1972 г.), Щеголев И.М. (1983 г.), Щербаков Н.А. (1977 г.), генерал Ярков С.А. (1976 г.) и другие. Ушли в ВДВ в 1972 году и мои однокашники подполковники Александр Греблюк, Александр Тюрин и Борис Петров.

Выпускник 1971 года полковник Егоров Б.В. командовал 201-й мотострелковой дивизией в Афганистане, участвовал в боевых действиях на Северном Кавказе. К сожалению, впоследствии Борис Викторович скоропостижно скончался в расцвете лет на должности заместителя командующего СибВО по боевой подготовке в звании генерал-лейтенанта. Его однокурсник подполковник Портнягин В.П. командовал на Афганской войне 154-м отрядом спецназа ГРУ. После возвращения в Союз пережил тяжелейшую, полную трагического накала жизнь и умер 30 марта 2009 года после операции на сердце. Подполковник Чайка А.И. дважды командовал сводным отрядом спецназа Псковской бригады на Северном Кавказе в Чечне.

Единственные, пожалуй, золотой медалист Борис Коротков да Сергей Ярков достигли высоких должностей на поприще полит-

работы. Первый — став заместителем главнокомандующего военно-воздушными силами Украины по воспитательной работе и получил воинское звание генерал-лейтенанта, второй из ВДВ ушел в погранвойска Северо-Западного округа, где заслужил генерал-майора...

После ликвидации политорганов начался необратимый процесс развала всей системы воспитательной работы в армии. В марте 1992 года на банкете по случаю юбилея училища и его «поминках» побывал мой однокашник полковник Николай Бельдюгин из Минска. Делясь впечатлениями, он с горечью сообщил: «с 1 мая 1992 года СВВПТАУ не будет существовать. 18 мая заканчиваются выпускные хлопоты 4 курса, а в августе — ускоренный выпуск третьего курса».

Вскоре многих выпускников училища захлестнула новая беда, на этот раз — Чеченская война. На которой трое воспитанников училища стали Героями России. Это выпускник 1974 года, уроженец Липецкой области полковник Полянский Валентин Валентинович, прослуживший в ВДВ от командира взвода до заместителя командира воздушно-десантной дивизии. В 2000 году ему за мужество и героизм, проявленные за бои под Хасавюртом, было присвоено звание Героя Российской Федерации. Через девять лет Валентин трагически погиб в Москве, опустошенный морально, выбрав путь добровольного ухода из жизни.

В 2000 же году стал Героем и выпускник 1986 года, уроженец г. Первоуральска Свердловской области полковник Стволов Сергей Николаевич. Он был командиром мотострелкового полка. К сожалению, Герой России Стволов погиб во время второй командировки на Северный Кавказ в результате автомобильной катастрофы.

Третий Герой России — Александр Геннадьевич Монетов не успел окончить училище по причине его расформирования. Но после увольнения из вооруженных сил в 1993 году Монетов продолжил службу в органах внутренних дел. Где стал оперуполномоченным специального отдела быстрого реагирования Управления по борьбе с организованной преступностью при УВД Свердловской области.

24 июня 1995 года при ликвидации одной из террористических групп Дудаева в поселке Новом лейтенант А.Г. Монетов героически погиб. 12 мая 1996 года ему посмертно присвоено Звание Героя

России. Всего же свыше 1500 воспитанников СВВПТАУ были удостоены государственных наград СССР и России.

Один из наших выпускников, полковник Франц Адамович Клинецевич, стал видным государственным деятелем Российской Федерации, депутатом Государственной Думы нескольких созывов, первым заместителем председателя комитета Госдумы по делам ветеранов, кандидатом педагогических наук, кавалером четырех орденов, из которых два Красной Звезды. А начиналось все в 1980 году с должности замполита парашютно-десантной роты 97 пдп, дивизиона 300 пдп, старшего инструктора политотдела 345 полка в ДРА (1986 — 1988 г.г.), замполита 11 пдп. После развала политорганов Советской Армии оказался прикомандирован в правительство РФ в комитет по сощобеспечению военнослужащих. Продолжительный период Клинецевич является признанным лидером Российского Союза ветеранов Афганистана.

За годы работы СВВПТАУ было произведено 22 выпуска, его стены покинули 8750 офицеров-выпускников и почти три тысячи заочников. Среди них 176 обладателей золотых медалей, 1628 окончили училище с отличием. В последующем более 470 человек продолжили свое образование в военных академиях, 3 — закончили Академию Генерального штаба. Более 30 офицеров защитили диссертации. Без преувеличения, выпускники училища всегда и везде были (и остаются) одними из лучших представителей офицерского корпуса Вооруженных Сил. Кроме того, на базе училища прошли переподготовку девять тысяч офицеров запаса из числа руководящего состава органов государственной и местной власти, предприятий различных министерств и ведомств Урала.

3 января 1992 года приказом Главнокомандующего Вооруженными Силами Содружества Независимых Государств Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище реформировали в Екатеринбургское высшее артиллерийское командное училище (сейчас командный артиллерийский институт), которое по праву стало преемником лучших традиций СВВПТАУ. По словам командующего ракетными войсками и артиллерии России маршала артиллерии В.М. Михалкина учебно-материальная база СВВПТАУ оказалась лучшей среди всех артиллерийских и ракетных училищ сухопутных войск России, и в условиях реформирования и сокращения вузов это сыграло важную роль. Благодаря этому оно выжило. У нас, выпускников первых лет существования учили-

ща, это обстоятельство вызывает особое чувство гордости, так как мы своими руками создавали материальную базу, пережившую строгий конкурсный отбор в XXI-м веке.

ДОРОГИ, КОТОРЫЕ МЫ ВЫБИРАЕМ

Через две недели после свадьбы на железнодорожном вокзале города Челябинска мы простились с родственниками, многочисленными друзьями и уехали к первому месту службы — в Среднеазиатский военный округ. Под ритмичный перестук колес поезда звучали в голове строчки Ю.Левитанского: «Каждый выбирает по себе — женщину, религию, дорогу. Дьяволу служить или пророку, — каждый выбирает по себе». Невольно перебирал я в памяти отдельные эпизоды из своей жизни. На сердце было тревожно и радостно. Радостно оттого, что рядом была любимая женщина, тревожно оттого, что ехали в неизвестность. Под впечатлением этих противоречивых чувств поезд уносил нас к месту нового назначения...

Средняя Азия — самая странная часть Советского Союза и исторической России. Сейчас ее предпочитают называть Центральной Азией. А еще эти территории ошибочно называют Туркестан. Ошибочно потому, что там не одни турки живут. По последней советской переписи, среди населения Узбекской ССР было 10 млн. 569 тыс. узбеков и 1 млн. 666 тысяч русских, а еще татары и корейцы. О Казахстане и говорить нечего — русских там и сейчас больше, чем казахов. Земли-то эти русские. Но есть и земли так называемого Туркестана — Киргизская ССР, где проживало 1 млн. 687 тыс. киргизов и 912 тыс. русских. А были немцы, татары, уйгуры, таджики и 100 тысяч немцев. В Таджикской ССР 2 млн. 237 тыс. таджиков, и вслед за ними по численности шли узбеки. Но немалый анклав представляли и русские — 395 тыс. человек. Туркменская ССР состояла из 1 млн. 892 тыс. туркмен и 349 тыс. русских, 40 тысяч татар, 37 тыс. украинцев, 27 тыс. армян.

Настоящая Средняя Азия для нас с Галиной началась на второй день путешествия. Казахстан представлял собой необъятные пыльные низменности, с редкими невысокими плато и мелкосопочником. Мы увидели экзотически одетых в малахаи степняков, гнавших скот на продажу, и дородных продавцов в полосатых халатах

на верблюдах. В прошлом казахи были кочевниками, и основным видом жилья были переносные юрты. Но мы их видели немного. Были глинобитные строения, обнесенные дувалами, да деревянные дома барачного типа. Попадались небольшие мавзолеи — купольного типа с фигурной кладкой фасадов и резной терракотой.

Озеро Балхаш выглядело оазисом в степи. На скромном и грязном полустанке продавались кумыс, сыр и всякая мелочь. В толпе ходило много военных с артиллерийскими эмблемами, их форма давно потеряла свой блеск, обмундирование пропылилось и выгорело на нещадном солнце. Лица офицеров-среднеазиатов, служивших на местном полигоне, были смуглы, мужественны и бесстрастны.

«Куда же забросит меня судьба», — думал я, глядя на них.

Вдоль железнодорожного состава бегали бесчисленные стада непуганых сайгаков. Столбиками, как часовые, у своих норок стояли суслики. В бездонном небе почти неподвижно висели степные орлы, высматривавшие добычу.

К вечеру третьего дня пути на горизонте замаячили горы. Стало прохладнее. Заметно прибавилось растительности. Появились рощи пирамидальных тополей, заросли кустарников, фруктовые яблочные сады и обильные травы.

Когда светлый августовский день уже клонился к вечеру, наш поезд пришел в столицу тогдашнего Казахстана, город Алма-Ату. После одуряющей духоты вагона на перроне дышалось легко. На привокзальной площади я, к взаимной радости, неожиданно встретил однокурсника-танкиста Василия Витвитского, одетого, как и я, в парадную лейтенантскую форму, прибывшего этим же поездом к новому месту службы. Рядом с ним у горки чемоданов стояла хрупкая испуганная неизвестностью женщина — его молодая жена.

Вместе с ними мы объехали на такси многие гостиницы города, но все оказалось безуспешно — устроиться в них было невозможно. Кругом висели таблички «Мест нет». Уже на город обвалилась темная южная ночь, а мы все обескуражено искали место для ночлега. И тут вспомнился прощальный разговор с однокурсником Анатолием Кузенковым, уроженцем этого города, который приглашал меня к себе в гости, — если судьба занесет в Алма-Ату. Лихорадочно порылся в блокноте и нашел его адрес: «Алма-Ата, улица Хлебная, 8». На очередном такси доехали до самого дома Кузенковых. На стук в дверь открыли родители:

— А Толика нет, он вчера уехал к новому месту службы, — ответила мать.

— Заходите, ребята, — пригласил сообразительный отец Андрей Иванович, — у нас переночуете. Утро вечера мудренее.

Гостеприимные хозяева организовали простенький ужин и постелили для нас два спальных места в одной из комнат. Осталось яркое воспоминание от страсти той ночи, когда, подавив целомудренное сопротивление своей молодой стыдливой подруги, с возмущением шептавшей мне в ухо, — ты, что с ума сошел? — я не стерпел пытки воздержанием, и, не обращая внимания на затаившуюся рядом молодую семейную пару, переступил свою собственную стыдливость. Молодая страсть, вспыхнувшая от прикосновений к прекрасному упругому телу моей подруги, застенчиво закрывающейся простыней, была удовлетворена. Эти эмоции сняли физическое и душевное напряжение от длинной дороги в столицу Казахстана. Я до жены не имел опыта в отношениях с противоположным полом. Жесткий режим военного училища регламентировал наше общение с гражданскими лицами. Довольно редко мы участвовали в студенческих или молодежных вечерах отдыха при учебных заведениях или на танцах, проходивших во Дворце Химмаша. Попытки как-то познакомиться с некоторыми девушками оказались безрезультатными, из-за ограниченности наших встреч по времени. Моей первой по-настоящему узнанной женщиной стала жена.

Вспоминая то время, прямо скажу, жалею, что после свадьбы у нас не было условий для того, чтобы побыть наедине. Молодоженов положили в проходной комнате на скрипучем диване. И мое первое посещение волшебного мира женщины произошло как-то настороженно, по-воровски, озираясь и прислушиваясь. Только перед отъездом нам удалось все-таки выкроить несколько ночей, когда мы познавали любовь. Я дремал на девичьем животе — ни на минуту не отрываясь от своей любимой. На некоторое время успокаивался — отдыхая, а потом опять с новыми силами бросался, теряя голову, в пьянящий любовный танец.

Медового месяца у нас как такового и не получилось, — были только эти несколько жарких ночей, когда мы были духовно и физически обнажены. Забывая о сне, упивались друг другом, бросаясь в бездну наслаждения. Этот молодой марафон оставил самое острое сексуальное воспоминание в моей жизни. И породил милую пошлость зародившихся общих секретов.

...Новый день в незнакомом азиатском городе. К восьми утра обе супружеские пары выехали в штаб Краснознаменного САВО, располагавшийся в современном высотном здании, специально построенном недавно в центре жилого микрорайона под названием Орбита. Из окон военного ведомства хорошо просматривался величественный горный хребет, покрытый вечными снегами.

Большая группа молодых офицеров в парадных мундирах накопилась на КПП и в бюро пропусков штаба. Молодые женщины, как и положено офицерским женам, приехали вместе с мужьями и весь день ждали на лавочках при входе. Мучаясь от жажды и голода, а в большей степени от неизвестности и не имея возможности никуда отойти даже по нужде...

Только к вечеру закончились их страдания, когда выпускников наконец-то отпустили по домам.

Первый день для большинства прибывших оказался совершенно бесплодным. Получили предписания единицы офицеров. Как это часто бывает в бюрократической канители, наш приезд для кадровиков округа оказался неожиданным, хотя личные дела выпускников месяц пылались на их служебных столах. Должностей заместителей командиров рот и батарей (далее ЗКПЧ) всех родов войск для выпускников оказалось, мягко говоря, недостаточно.

Практика войск вступила в противоречие с волевым решением министерства обороны и Главпура. Дело в том, что должности ЗКПЧ полагались по штату только при условии, если численность ротного коллектива достигала 75 человек и более. Это, как правило, были мотострелковые роты на боевых машинах пехоты (далее БМП), в них штат 97 человек. Танковые роты на танках Т-55 имели по штату 42 — 44 человека. Артиллерийские батареи 122 и 152 мм гаубиц — 55 — 60 человек. Кадровики ломали голову — куда «распихать» молодых лейтенантов?

Ожидая вызова на беседу, по длинным коридорам штаба бродили полторы сотни выпускников, напрягая своими разговорами окружающих штабистов. В ходе этих неофициальных разговоров мы и узнали, что Среднеазиатский военный округ является самым молодым среди других воинских формирований такого уровня. Он образован по военно-политическим и стратегическим соображениям в 1969 году после попытки китайских войск захватить часть советской территории под Жаланошколе, путем выделения части войск и территории из Туркестанского военного округа. Территория окру-

га включала три среднеазиатские республики — Казахстан, Киргизию и Таджикистан.

Вскоре довелось увидеть и командующего войсками округа высокого и стройного генерала армии Н.Г.Лященко, который проходил по коридору и демократично поздоровался с опешившими от неожиданности офицерами. Это был заслуженный боевой командир, выпускник Объединенной Среднеазиатской военной школы им. В.И.Ленина (что дислоцировалась в Ташкенте), который еще курсантом воевал с басмачами в песках Кара-Кумов. На его долю выпала схватка с японскими интервентами, первая встреча с фашизмом в Испании, разгром белофиннов. Впоследствии вся Великая Отечественная война на подступах Ленинграда и на Северо-Западном фронте. Хотя его предки были из Екатеринославщины, но своей родиной генерал-армии считал Киргизию, озеро Иссык-Куль, на берегах которого прошло его детство. Он любил Казахстан, республику, которая по территории занимала второе место в СССР, а в казахском городе Аулие-Ата (ныне Джамбул) окончил школу. Членом военного совета — начальником политуправления округа являлся генерал-полковник М.Д. Попков, которого за лютость и жестокость к подчиненным боялись больше, чем командующего. В войсках Попкова даже называли «Михаилом Давиловичем» за его способность систематически «давить» на подчиненных, добиваясь ответственного исполнения служебных обязанностей. В распоряжение этого сурового человека, мы, как политработники, и поступали.

Наконец дошла очередь и до меня. В ходе спешной беседы в политуправлении округа меня известили о распределении на должность замполита ремонтного подразделения мотострелковой дивизии в поселке городского типа Отар.

Я вспыхнул и высказал начальнику отдела кадров округа сдержанно, но убедительно, свое несогласие:

— Товарищ полковник, я закончил боевой артиллерийский факультет. И хотел бы служить в боевом, а не обслуживающем подразделении. Прошу изыскать возможность направить меня хотя бы в мотострелковую роту.

— Товарищ лейтенант, место службы не выбирают, вы служить будете там, куда вас направляют!

— Но, товарищ полковник, ваши подчиненные, которые беседовали утром со мной, сказали, что я имею право выбора как отличник учебы!

— Да, у вас есть такая возможность. Не пойму, чем вам не нравится служба на ремонтной роте? Личный состав укомплектован прекрасными работающими специалистами. Поселок городского типа Отар — прекрасный военный городок. Рота отдельная, но находится в составе лучшей мотострелковой дивизии округа. Через год-два, будете хорошо служить, пойдете на повышение куда хотите — в мотострелки, танкисты или артиллеристы. Нет у нас больше вакантных мест. Все, вопрос решен.

— Я имею право отказаться?

— Да, имеете!

— Тогда я прошу пересмотреть ваше решение. Я заявляю о своем несогласии.

Моя напористость и раздражающее начальника препирательство все и решили. Меня еще некоторое время уговаривали, а затем, махнув рукой — согласились и более того — дали несколько дней на раздумье.

Борис Павлович Уткин любил повторять слова великого А.В. Суворова: «История ставит хорошие оценки только тем, кто хорошо учится». Мы скептически в тот период относились к этим словам, но сейчас, подводя итоги жизни, можно констатировать, что в моей судьбе диплом с отличными оценками сыграл весьма существенную роль.

Непредвиденная пауза с моим назначением позволила нам с Галиной поближе познакомиться со столицей Казахстана. Город размещался у подножья покрытого вечными снегами горного хребта Заилийского Алатау. Мы жили в частном доме, что в пяти минутах ходьбы от центра города в районе Дворца им. В.И.Ленина. При доме имелся небольшой фруктовый тенистый сад, одной стороной который выходил на одноименную площадь с притулившимся сиротой — памятником казахскому просветителю Абаю. Нас, молодежь, это нелепое сочетание очень веселило:

— Почему называется дворец Ленина и площадь Ленина? Если стоит памятник Абаю, то почему бы и площадь не назвать его именем?

Большое впечатление произвели восточные базары. Шумные и пестрые, они увлекали своей экзотикой, и каждый встречный казался персонажем Верещагинских полотен. В базарных рядах — гвалт, сутолока, грязь, пряный запах дынь, пирамидами уложены золотистые гроздья винограда, слышен звон медной посуды, а на

блюдах дымится жирный, с кусочками мяса сверху, только что приготовленный плов...

Прошло несколько дней тревожного ожидания, и наконец моя судьба решилась.

— Если, конечно, ты настаиваешь, — начал разговор с усмешкой кадровик, — то есть у нас боевая вакантная должность. Там на днях погиб замполит роты лейтенант Парамонов. Но придется прыгать с парашютом. Не побоишься? Рисковая служба!

Так я услышал фамилию своего предшественника. Александр Парамонов прослужил на шестой роте после окончания курсов политсостава около года. Лейтенант стал очередной жертвой нападения крымских татар и утоплен среди белого дня в канале Боз-Су, в пятистах метрах от части. Уголовное расследование было непродолжительным и безрезультатным.

Мрачная перспектива, описанная кадровиком-психологом, — жить и служить в таком опасном месте, — недолго вызывала у меня душевные сомнения.

— Согласен на эту должность. — ответил я. — Прыгать с парашютом не боюсь. Люди прыгают, и я смогу.

— Часть режимная, поэтому ваша кандидатура, лейтенант, будет проверена органами госбезопасности. — предупредил подполковник.

Не имея времени для раздумий о судьбе моего предшественника, я задавал вопросы:

— Кто они, эти крымские татары?

— Почему называются «крымские», а живут в Узбекистане? Я тогда об этом имел самое смутное представление, хотя кое-что все же всплывало в памяти... В частности, рассказы нашего замкомвзвода старшего сержанта Саши Бондаренко, который на досуге потрясал наше юношеское воображение страшными историями о подлых зверствах крымских татар в годы последней войны. Но эти отрывочные страшилки не давали ответа на многие вопросы.

К тому времени из выпускников, прибывших для распределения в политуправление округа, я остался один. Несколько задержался, но тоже уехал замполитом на роту в Сарыюзек лейтенант Витвитский. Через тридцать пять лет судьба свела нас с Васей в Екатеринбурге на праздновании сорокалетия СВВПТАУ. Обменялись информацией о прожитой жизни. Его военная служба прошла достаточно ровно, не без переездов, конечно. Сначала служил на

первичных офицерских должностях в САВО, затем откомандирован в ГСВГ, а через пятилетку по замене удалось вернуться на родину в Свердловск, где и уволился в запас в звании подполковника.

Хорошо запомнился последний инструктаж кадровика округа. Он говорил со мной охотно от души и немногословно:

— Ну что, не надоело ждать?

— Рвусь на службу, товарищ полковник, — лаконично ответил я.

— Вам, товарищ лейтенант, оказано высокое доверие. Не подведите нас. Часть, в которую мы вас направляем, передовая в округе. Отбирали придирчиво.

— Кроме вас были и еще кандидаты, но ваша кандидатура политуправлением по запросу разведуправления утверждена как основная. С чем и поздравляю.

— Спасибо. — Я поднялся и принял строевую стойку. Чувствуя главное.

— Отныне начинается отсчет самостоятельной офицерской службы. Будете служить самоотверженно, все получится. Армейская служба — суровая и тяжелая школа. Впереди — работа от подъема до отбоя, без праздников и выходных. Не ропщите, не жалуйтесь, а стойко переносите тяготы и лишения, которых будет предостаточно. Полковник встал, вышел из-за стола и подошел ко мне.

— Хочу верить, что достигнете вы, лейтенант, больших высот. Характер в вас чувствуется.

— Спасибо за доверие, постараюсь оправдать службой, — ответил я.

— Прощайте! Вас ждут разведчики! Желаю удачи.

Он крепко пожал мне руку. Я, к сожалению, не запомнил фамилию этого доброго человека. Хотя вспоминал его не раз.

Наши дороги в жизни более не пересекались...

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОФИЦЕРСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ

*Спелый ветер
дохнул напористо
и ушел за моря...
Будто
жесткая полка поезда —
память моя.
Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ.*

РАЗВЕДЧИКИ

Завершив разговор с начальником отдела кадров политуправления округа, я перешел в серьезное ведомство военной разведки, служить в котором, как оказалось, пришлось всю военную службу.

Встретивший меня полковник, одетый в воздушно-десантную форму, оказался начальником отдела специальной разведки разведуправления округа Виктором Александровичем Воиновым. Это был красивый седовласый мужчина, высокий и статный, с умным и вдумчивым взглядом. К моему приходу он уже изучил мое личное дело и беседовал со мной запросто, как хороший знакомый, на самые разные темы. Как я потом оценил, это была первая проверка на профессиональную пригодность. Не скрою, что особого волнения я не испытывал, полковник беседовал со мной доверительно и сердечно. Вопросы касались разных тем, в том числе и организации иностранных армий. Я отвечал не без усилий, но достаточно легко, так как месяц тому назад сдал на отлично экзамен по тактике в училище. Иногда мои ответы были не совсем точными, и он меня поправ-

лял, но в целом я чувствовал, что он был доброжелателен, что, вероятно, свидетельствовало о хорошем отношении ко мне. В конце нашего собеседования он мне сказал:

— Готовы ли вы к службе в спецназе? Знаете ли что-нибудь об этих войсках?

— Знаю, что это части, занимающиеся по специальной программе десантных войск и прыгающие с парашютом. В Свердловске, где я учился, на аэродроме Арамиль стояла такая часть.

Я, конечно, мало представлял тогда службу в специальной разведке, но каким-то внутренним чутьем догадался, что это очень непростая и очень ответственная работа, поскольку из сотни выпускников различных военно-политических училищ, приехавших для службы в округ, пригласили на беседу только меня. Естественно, я уже психологически был готов к принятию решения и дал свое согласие на службу в разведке:

— Морально я готов к прыжкам с парашютом и трудностям по освоению военной специальности, — ответил я.

После небольших формальностей Виктор Александрович сопроводил меня в кабинет начальника разведки округа, а после утверждения моей кандидатуры отправил документы в особый отдел КГБ округа на оформление допуска к службе в разведке. Забегая вперед, скажу, что только через долгих десять дней после бесед с руководителями разведуправления меня пригласили в штаб, где объявили о завершении проверки и принятом решении по допуску к службе в части специального назначения и выдали предписание для отбытия в часть. Так что, как показывают перипетии моей судьбы, попасть служить в спецназ в то время было непростым делом. Кстати сказать, тот бланк-допуск с фотографией молоденького лейтенанта сопровождал меня все годы службы и до сих пор хранится в первом экземпляре моего личного дела, что находится в пенсионном отделе областного военного комиссариата г. Днепропетровска.

Памятной оказалась первая беседа с начальником разведки САВО.

Высокий, сухощавый крепыш Федор Иванович Гредасов носил общевойсковую форму, его грудь наряду с многочисленными орденскими ленточками украшал нагрудный знак военного отличия парашютиста-инструктора с цифрой «300». Лицо Федора Ивановича имело утонченные черты, да и во всех его манерах чувствовалось хорошее воспитание.

В кабинете было достаточно душно. Начальник угостил меня минеральной водой «Боржоми», но сам не пил, а только время от времени носовым платком смахивал пот на больших зальсынах.

В нашем общении присутствовал демократизм. Демонстративно отложив все срочные дела, он запросто сел со мной у приставного столика. Вскоре между нами завязалась непринужденная беседа. При этом, задав мне вопрос, начальник долго слушал мой ответ, не обрывая. При этом на меня внимательно и изучающе глядели его умные и пронизательные глаза, от которых я просто не мог отвести свой взгляд. Во всем этом волнительном нашем общении я уловил неподдельный интерес к себе как к личности. Такое в коллективах и учреждениях встречается нечасто. Тем более в деловом разговоре начальника с молодым подчиненным. Это инстинктивно вызывало ответное уважение к нему. Вообще, все первые беседы и встречи с разведчиками показались мне насыщенными по содержанию и доброжелательными по духу. Они резко контрастировали с духом солдатонства и равнодушия, царящего в штабе, да и в политуправлении. Меня, мало избалованного вниманием, порадовало доброе, простое и сердечное отношение полковника Гредасова ко мне, а вдвойне удивила его забота. А проявилась она в том, что при прощании со мной после оформления допуска и вручения предписания об убытии к новому месту службы, Гредасов снял трубку телефона ЗАС и лично отдал распоряжение в Чирчик о подборе жилья для прибывающей молодой семьи лейтенанта Кривопалова.

Я мало знал тогда о Гредасове, кроме того, что мне мельком успел сказать Воинов:

— Наш начальник относится к той когорте ветеранов спецназа, что командовали еще отдельными ротами спецназа.

Понятно, что командовать этими ротами назначали самых толковых офицеров. И Гредасов, безусловно, относился к категории замечательных офицеров. За плечами у него были годы войны, командование стрелковым взводом, ротой, батальоном. Два тяжелых ранения. Лесная война с бандеровцами, где получил третье ранение. А в период с 1950 по 1988 гг. его судьбой стала военная разведка.

Через три года после нашей первой встречи Гредасов уже в звании генерал-майора приехал в бригаду на итоговую проверку. Состоялся строевой смотр, во время которого он проводил опрос личного состава. В этот момент мы в очередной раз и столкнулись.

И я был приятно поражен и восхищен его отличной памятью, когда начальник разведки округа, обходя шеренгу офицеров, подошел ко мне, пожал руку, назвал по имени и отчеству и поинтересовался здоровьем моей жены, имя которой, оказывается, тоже помнил с того 1972-го... Вот это был профессионал! Такого начальника не уважать и не любить было невозможно...

Он не стеснялся быть простым и откровенным. Вспоминаю, на одном из совещаний генерал Гредасов рассказал нам, что всю войну был пехотинцем, а совершил в апреле 1943 года единственный боевой разведывод в тыл врага по захвату языка. За эти, как он сказал, «разведывательные дела» ему был вручен почетный в годы войны орден Отечественной войны II степени. «Не мог я тогда и подумать, — говорил он с улыбкой, — что вся моя последующая служба будет связана именно с разведкой и спецназом». А достиг он многого. Мой «крестный отец», — Ф.И.Гредасов — стал генерал-лейтенантом, начальником разведки Сухопутных войск Советской Армии. Ровно через три десятилетия после нашей первой встречи Гредасов подарил мне свою книгу «Этих дней не забыть...» с трогательной надписью «Дорогому Олегу. На память о нашем спецназе».

Удивительно переплелась моя личная судьба и с жизнью первого наставника полковника Воинова. Через годы его сын Евгений, продолжая семейную традицию, окончил военное училище и пришел к нам в 15-ю бригаду, воюющую в Афганистане, где достойно служил командиром группы спецназ в 177-м Газнийском отряде специального назначения. За проявленное мужество и героизм награжден многими орденами, а впоследствии стал полковником разведки России, как и его отец... Семья Воиновых достойна уважения.

ДОЛГИЙ ПУТЬ В БУДУЩЕЕ

Наконец все бюрократические формальности в штабе округа были завершены, и мы с Галиной, навсегда попрощавшись с гостеприимными алма-атинскими хозяевами, тронулись в путь...

В жаркую последнюю августовскую ночь междугородный автобус Алма-Ата — Ташкент, завершив свой утомительный путь по горам и ущельям Казахстана и Киргизии, доставил нас в конечный пункт назначения — в столицу Узбекистана. Эту землю издавна

называли «алмазом в песчаной оправе» великих среднеазиатских пустынь. А там, где с гор Чимгана несет свои живительные воды река Чирчик, в средней части ее долины расположился один из древнейших городов Азии, красавец Ташкент. Город этот как населенный пункт возник две тысячи лет назад на границе расселения оседлых и скотоводческих племен, на перекрестке важных торговых путей, соединяющих страны Востока и Азии со странами Средиземноморья и Европы. Он несколько раз менял свое название, звучавшее то как Чачкент или Шашкент — до VIII века, то как Бинкент, и, наконец, Ташкент — «Каменный» или «Холмистый» — начиная с XI века...

Ташкент — многомиллионный город, новый и старый. Так делили его во все времена. Новая часть его была построена в двадцатом веке по плану с центром, парками и радиальными улицами. После землетрясения, произошедшего 26 апреля 1966 года, (унесшего, по официальным данным газеты «Правда», жизни 8 человек, изувечившего более 150), лишившего крова около полумиллиона жителей, разрушившего более 250 предприятий, 236 административных зданий и 700 объектов торговли и общественного питания, 26 коммунальных предприятий, 181 учебное заведение, в том числе школ на 8 тысяч мест, 36 культурных и бытовых учреждений, 185 медицинских зданий, началась масштабная застройка на месте развалин новых районов современными высотными домами. В масштабном возрождении новой азиатской столицы участвовали все советские республики. По их проектам на свой национальный и архитектурный вкус создавались микрорайоны, которые носили названия: «Ленинградский», «Рижский», «Киевский», «Московский» и т.д. Дома получились красивые и самобытные, утопающие в зелени тополей, акаций, виноградных лоз и замечательных ташкентских роз. Их аромат ощущался в каждом дворе. По уличным арыкам струилась вода. Она несла прохладу людям, влагу деревьям, одновременно выполняла обязанности своеобразного санитара: в арыки сметались листья и мусор; а вода уносила все за пределы города.

Старая же часть сохранила традиционный облик феодального города. Он в древности делился на цитадель правителя, внутренний город, внутренний пригород и внешний пригород, каждая из которых была окружена оборонительными стенами. Его узкие кривые улочки с глинобитными саклями находились в плотном окружении

пирамидальных тополей, фруктовых деревьев и непременных виноградников. В нем не стихал шум восточных базаров с мелкими лавчонками, с чайханами и айванами, с криками уличных разносчиков дынь, лепешек и узбекского катыка.

Узбекистан, в отличие от Казахстана, произвел на нас большее впечатление. В большинстве своем узбеки — приветливые и гостеприимные люди. Они изысканно принимают гостей, угощают вкуснейшими блюдами: шашлыком, пловом, сладостями, кок-чаем (зеленый чай). Их столица Ташкент появилась в летописях как город в 1404 году, за год до смерти Великого Тимура, завещавшего его своему любимому десятилетнему внуку, впоследствии знаменитому астроному и мыслителю Улугбеку Гургану. Об этом городе писали историки древнего Рима и Греции. Поэты Востока слагали о нем песни и газели, им восхищались путешественники и ученые многих стран. Они и нарекли этот город «жемчужиной Востока». На протяжении веков он был центром культуры и научной мысли Средней Азии. Здесь были сосредоточены научные учреждения, высшие учебные заведения, работали видные деятели культуры, литературы и искусства. Изразцовые порталы древнего Регистана восхищали не только нас. Потрясало мастерство древних художников, выполнивших хитроумные узоры и немеркнущие столетиями краски. Оригинальным и изысканным был современный центр города — здание Музея В.И.Ленина, правительственной резиденции, гостиница «Узбекистан».

Но этот город являлся для нас транзитным пунктом, в котором мы не задерживались. Наш путь предстоял дальше — туда, где светились снежные вершины. В город, получивший свое название от стапятидесятикилометровой длины реки, бегущей с горных ледников Западного Тянь-Шаня, правым притоком Сыр-Дарьи...

Ехали не без волнения, как говорят, — на свой страх и риск. Ведь нас, как мы думали, никто не ждал. Потратив последние деньги на такси, мы с Галиной, наконец-то, приехали в свое настоящее и будущее...

Не скажу, что в свои двадцать два года, после училища, я был очень чувствительным молодым человеком, однако при подъезде к Чирчику, и особенно к расположению части, испытал сильное волнение. Откуда мне было знать, что тогда не просто исполнилась моя курсантская мечта, а в принципе и коренным образом определилась моя судьба и офицерская карьера. Что именно с этой воин-

ской частью будут связаны дважды наиболее важные испытания судьбы, что именно здесь я найду настоящих преданных друзей на всю жизнь, что здесь у нас окрепнет семья и родится дочка.

В последующей жизни будет много значимых событий, начало которым было положено в тот день. Осознание судьбоносного для меня события, произошедшего тогда, пришло много позже, а в то утро было лишь необычайное душевное беспокойство.

...Такси остановилось у монумента, белеющего в темноте. Жаркая темная и беззвездная ночь неумолимо заканчивалась. Пронзительно пели цаикады. Недалеко ревел Аккавак, несущий по каналу стремительный поток ледяной воды. Мы с Галиной, собрав в кучу свои небольшие пожитки, осмотрелись...

Перед нами был необычный памятник погибшим, который своей оригинальностью производил сильное эмоциональное впечатление. О нем мне рассказывал полковник Воинов, провожая нас в Ташкент. Открытие монумента состоялось в майские праздники того года. Его появление на автотрассе значительно облегчало новичкам поиски нашего режимного военного городка и микрорайона домов офицерского состава части...

— Едете из Ташкента в Чирчик, — инструктировал меня Виктор Александрович. — Не доезжая двести метров до канала, справа увидите памятник Трем Журавлям. Выходите из машины и влево вверх, по тропинке вдоль канала. Пока не уткнетесь в забор военного городка бригады.

Центром композиции памятного монумента являлись три белоснежных стелы, в верхней части которых — как бы летящий в сторону города клин птиц — олицетворение тех, кто не вернулся с войны. Птицы — посланцы погибших, их вера в победу и мир на земле. Стелы установлены на верхней террасе, а ниже, у подножья стел, около гранитного «родника» с пульсирующей струйкой воды расположена скульптура раненой птицы. Последний взмах крыла, голова, устремленная к небу, — это реквием павшему солдату. На граните «родника» высечена на русском и узбекском языке строфа из стихотворения Р.Гамзатова:

*Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.*

В постамент памятника замурована капсула с именами 1695 жителей города, погибших в годы Великой Отечественной войны. Память моя отчетливо сохранила не только впечатления той ночи, но и фамилии авторов этого необычного мемориала — архитекторов Сутягина, Клипикова, скульптора Киселева, конструктора Браславского.

В Узбекистане, а почему-то все славянские фамилии? — отметил я тогда для себя машинально. Хотя удивляться было нечему, так велика была в то время разносторонняя интернациональная помощь узбекскому народу, что проявлялась она и в большом, и в малом.

В тот период часть спецназа была секретным и хорошо обученным соединением. Я это почувствовал с первых минут поиска, переходя от одного КПП (полк гражданской обороны) к другому КПП (отдельная школа военных поваров).

На мой вопрос, где находится бригада спецназа, все дежурные страшно удивлялись и давали невразумительный ответ. О существовании такой в гарнизоне никто не знал. Тогда, сообразив, я начал спрашивать иначе:

— Есть ли тут десантники? — Оказалось, что такие есть...

ТАЙНА ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

...В темноте, куда меня направили, действительно располагалось что-то похожее на военный городок. Но пребывания людей там не ощущалось. Долго я ходил вдоль забора части, пока не подошел к зданию, по внешнему виду похожему на КПП.

Постояв в растерянности около неосвещенного нежилого объекта, я хотел уже уйти, но в этот момент услышал тихий разговор внутри здания.

Обрадовавшись, я энергично постучав в дверь и был крайне удивлен быстротой реакцией дежурного наряда.

Дверь распахнулась. На пороге стоял высокий сержант в лихо надетом на правое ухо голубом берете.

Я только начал объяснять причину моего прихода, назвав воинскую часть 64411, как он, запустив меня внутрь, уже снял телефонную трубку и доложил невидимому дежурному о прибытии замполита 6-й роты. То есть, о моем приезде знали, и меня уже ждали.

— Вот это организация службы. Значит, я служить буду в шестой роте?!, — подумал я.

Пользуясь моментом, огляделся. Здание КПП соответствовало обычным уставным стандартам, но синее маскировочное освещение помещения и задрапированные окна подчеркивали необычность окружающего. Здесь все было приближено к боевой обстановке и маскировке. Вот почему городок и КПП выглядели такими нежилыми. Одним словом — спецназ! Что я знал о нем? Да ничего. Кроме того, что сообщалось в средствах массовой информации (СМИ) о подготовке американских войск и натовцев. О системе их отбора, обучения и действий их спецназа на различных театрах военных действий планеты.

Но вряд ли кто в наше время припомнит хотя бы одно сообщение или даже намек в газете или по радио о существовании подобных частей в Советской Армии. И все же они имелись и находились в режиме особой секретности. Десятки лет это была тайна за семью печатями. Перебежчик Суворов-Резун в своем нашумевшем бестселлере «Аквариум» рассекретил численность и некоторые особенности подготовки и действий этих отборных частей армии. Во время перестройки и развала СССР появилось множество публикаций о спецназе, что, казалось, не оставило камня на камне от законспирированного фундамента специальных войск ГРУ.

В те же годы режим секретности прослеживался во всем: в учебе, службе и повседневной жизни. Всякие разговоры на служебные темы вне городка, даже намеки в переписке с родными и близкими о специфике нашего житья-бытья не только не допускались, но и строго пресекались. Мы пронесли доверенную нам тайну через испытания и годы. Опубликованные мной воспоминания содержат только те данные, что уже были в различных СМИ, и не раскрывают военных секретов, а скорее прославляют героев — однополчан по военной упряжке.

Позднее, глубже вникнув в службу, я понял, что в Чирчике спецназ удачно маскировался и использовал воздушно-десантные войска в качестве «крыши». Десантная форма, активное применение легенды, согласно которой соединения специального назначения назывались воздушно-десантными бригадами, — все это позволяло нашим войскам надежно скрывать свою истинную суть. Главным предметом нашего обучения была воздушно-десантная подготовка, которая осуществлялась по единым приказам командующего Воз-

душно-десантными войсками. Единой была и подготовка специалистов парашютно-десантной службы и инструкторов из числа офицеров подразделений, проходившая, как правило, на базе Рязанского высшего воздушно-десантного училища. Единственное, что внешне отличало спецназ от ВДВ — наличие специальной зимней и летней формы, которой у десантников не было, да еще, пожалуй, совсем небольшая мелочь — отсутствие у спецназовцев гвардейских значков, которые носили только десантники. Принимавшиеся в спецназе строгие меры конспирации позволяли достаточно длительный период не выходить ему из тени ВДВ. Спецназовцам было очень удобно «косить», как говорится, под десантников. Однако в Чирчике, где было четыре десантных воинских части, десантники из нашей бригады и по внешнему виду, и по остальным параметрам выгодно отличались от обычных бойцов воздушной пехоты. В этой связи буквально через месяц службы в бригаде я был приятно удивлен, увидев, как млеет военный комендант Чирчика, когда мы заступали в гарнизонный караул.

— Когда ваша бригада в наряде по гарнизону, я могу спать спокойно, — говорил он и практически не инструктировал наряд, так как знал, что наш караул службу будет нести точно по уставу.

Чирчикской 15-й отдельной бригаде специального назначения (далее 15-я обрСпН) выпала богатая боевая история. С первых дней, помимо напряженной боевой подготовки, она принимала участие в драматических событиях, связанных с разными чрезвычайными ситуациями. Несла патрульную службу и оказывала медицинскую помощь населению Каракалпакии в зоне эпидемии холеры (1965 г.); охраняла государственные объекты, боролась с мародерами, разбирала завалы, спасая пострадавших, и оказывала помощь населению в зоне ответственности после разрушительного землетрясения, произошедшего в Ташкенте 26 апреля 1966 года. В результате которого оказались разрушены более двух миллионов квадратных метров жилой площади и более 300 тысяч человек остались без крова. Обеспечивала карантинные мероприятия в зонах эпидемий холеры в Астраханской области (1970 г.) и черной оспы в Аральске (1971 г.), и многие другие...

Наверное, таких мобильных и готовых на все частей в Советской Армии было не так много. Потому-то только Почетных Красных знамен от военного совета двух округов, ЦК и советов министров трех советских азиатских республик, врученных за боевые

отличия и выполнение специальных заданий командования, было в бригаде около десятка.

Первой среди родственных частей бригада была награждена и выпелом министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть», учрежденным в 1972 году. Этот специальный знак предназначался для соединений и частей, кораблей, отличившихся при выполнении заданий Советского правительства, а также на учениях. Вымпел состоял из двухстороннего полотнища с фигурным вырезом по нижнему краю, древка с металлическим наконечником и металлической подставки и 22 декабря 1973 года был торжественно передан из рук в руки командующим войсками округа генералом армии Н.Г. Лященко командиру полковнику Р.П. Мосолову.

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ — САМЫЕ ВЕРНЫЕ

А в то первое памятное утро пребывания на чирчикской земле я пытался разобраться, куда же все-таки меня занесла судьба. При этом первые впечатления оказались весьма положительные. Прежде всего я был приятно удивлен хорошей строевой выучкой и бросающейся в глаза предупредительностью с одной стороны и сдержанностью с другой в поведении сержанта Рыкова — дежурного по КПП части, который, внимательно проверив мое предписание, сказал: «Пожалуйста, проходите, товарищ лейтенант», — при этом, как мне показалось, подчеркнуто лихо отдал честь, приложив правую руку к голубому берету. Не скрою, сам процесс проверки документов, который, будучи довольно коротким по времени, мне очень понравился тем, что дежурный действовал, хоть и в рамках инструкции, но, я бы сказал, подчеркнуто четко. Кроме того, в форме одежды сержанта я не заметил никаких нарушений, что мне также было приятно отметить. Под стать ему по выправке оказались и два дневальных по КПП, которые вышли из дежурной комнаты и с нескрываемым интересом рассматривали молодого лейтенанта, прибывшего в часть.

«Первое впечатление о бригаде, которое пока, правда, ограничивается лишь внешним видом и действиями наряда по КПП, довольно благоприятное, — подумал я, пройдя через проходную, — посмотрим, что ждет дальше».

В штабе части меня встретили два дежурных офицера. Тот,

что постарше, был майор Кондратович Д.В. — дежурный по части, его помощник — лейтенант Тимченко А.В. Они поинтересовались, где моя семья, и вызвали дежурную машину.

А в этот момент моя семья — Галина — одиноко сидела на чемоданах под уличным фонарем на улице Юбилейной, с внешней стороны городка части, и переживала смешанные чувства страха от окружающей ночной тьмы, от неизвестности и одиночества. Она несказанно обрадовалась, увидев в машине меня, и вскоре уже ехала со мной рядом в кузове грузовика, крепко ухватившись за борт, охая на ухабах неровной дороги.

Меньше чем через десять минут мы оказались в жилом городке, состоявшем из десятка домов офицерского состава. Нашему взору предстало будущее жилище — двухэтажный кирпичный дом, по добротности и особенностям кладки архитектуры относящийся к дореволюционным постройкам начала XX-го века. Поднялись за сопровождающим по широкой лестнице на второй этаж и очутились в большой пустой комнате коммунальной квартиры. В этот момент было около пяти часов утра. Две семьи соседей еще мирно спали. Помощник дежурного по части ушел, а буквально следом за ним в комнату влетели высокий белобрысый блондин в спортивном костюме (им оказался мой ротный командир А.А.Неделько) и несколько солдат с двумя кроватями, табуреткой, тумбочкой, двумя матрацами и подушками.

— С приездом! Принимайте мебель и постели.

Мы познакомились с ротным. Солдаты сноровисто установили посреди комнаты принесенный инвентарь и, спросив разрешения у «товарища старшего лейтенанта», убежали.

— Товарищ лейтенант, давайте умывайтесь, приводите себя в порядок и приходите в часть для представления командованию, — сосредоточено серьезно сказал мне напоследок Анатолий Неделько и направился к выходу.

Начинался новый день. Зашевелились и начали хлопать дверями ванной наши соседи. В коммунальной четырехкомнатной квартире с совмещенным туалетом и ванной и малюсенькой кухней было все необходимое для жизни. После открытия Газнийского газового месторождения природное топливо дошло до всех кишлаков Средней Азии. Газовая колонка круглые сутки обеспечивала горячей водой все нужды местных хозяек.

Наскоро перекусив, я переоделся в парадную форму и ушел

представляться в штаб бригады, где дежурный провел меня прямо к кабинету командира. И пока там были посетители, пояснил, что командир, полковник Мосолов Роберт Павлович, в настоящее время находится в отпуске. Но на месте сейчас только первый заместитель подполковник Жаров. Когда исполняющий обязанности комбрига освободился, я зашел в кабинет и доложил о своем прибытии в часть для дальнейшего прохождения службы. Олег Михайлович побеседовал со мной коротко, сухо и, как мне показалось, — очень высокомерно. В отличие от Жарова, добрые впечатления от первой встречи остались о начальнике штаба бригады В. Колеснике.

Заканчивая первую беседу со мной, Колесник предупредил, что на следующей неделе приедет полковник Мосолов, и состоится представление молодых офицеров, на котором комбриг и побеседует с молодежью.

— А пока осваивайтесь в батальоне и роте, — пожав руку на прощание, сказал Колесник. Представление командованию второго отряда капитану Нихимчику и майору Лобадзе состоялось на плацу, куда выходили для построения после завтрака все подразделения соединения.

Здесь же, во время построения шестой роты на развод, старший лейтенант Неделько официально представил меня личному составу подразделения. На плацу перед одноэтажным длинным зданием барачного типа — нашей казармой, стояла моя шестая рота. Здесь начиналась хлопотная непрерывная солдатская жизнь с тревогами, подъемами и отбоями, занятиями в классах и на учебных полях, изнурительными учениями и парашютными прыжками. Сотня пар любопытных глаз с интересом разглядывала меня. «Кто ты, лейтенант? Чего студишь?»

Все мои подчиненные были рослыми и сильными парнями, в основном с европейскими лицами. Рота заняла свое место в строю бригады, а я встал на правом фланге роты, левее командира. Это был мой первый развод на занятия.

Я с интересом наблюдал за построением, но когда зазвучал встречный марш, испытал удивление от разноголосицы звуков, слабо напоминавших то, что положено исполнять военному оркестру и что не шло ни в какое сравнение с тем, как играл оркестр в СВВПАУ. Слушая эту мелодию, я невольно вспомнил марш военного оркестра конармейцев 20-х годов из любимого фильма «Служили два товарища».

Позже я узнал, что по штату бригаде оркестр был не положен, поэтому во вторую группу спецназ нашей роты подбирали солдат и сержантов, которые имели хоть какое-то музыкальное образование и которых можно было научить играть на духовых и ударных инструментах. Поэтому много требовать от музыкантов такого оркестра было нельзя, — они представляли обычное боевое подразделение, которому периодически дополнительно выделялось время для занятий музыкой. Этому коллективу больше подходило название «самодеятельный». Не было и дирижера. Через несколько лет, когда в бригаду пришел лейтенант Сергей Харламов, впервые услышавший ужасное исполнение встречного марша, шепнул мне: «Не стреляйте в музыканта. Он играет, как умеет». И, надо же, по иронии судьбы вскоре ставший командиром этой группы, по совместительству отвечавший и за музыкальные успехи его подчиненных.

В канцелярии роты, куда провел меня старшина, сидели пять офицеров. Запомнил, что мне сразу понравилась нравственная атмосфера, которая царила среди них. Командир роты коротко представил меня четырем взводным командирам, которые были старше меня на пять-шесть лет, но и сдержанный Шамсутдинов, и горячий эмоциональный Крутских встретили молодого замполита уважительно. Все офицеры были одеты в «песочки» — одинаковые комбинезоны песочного цвета без всяких знаков отличия. От солдат их, пожалуй, отличали только более взрослые лица да офицерские поясные ремни.

Ротный же, как мне показалось, не обладал обаянием. Он задел мое самолюбие первой же фразой:

— Вы чего это, Олег Владимирович, такой маленький? Я пожал плечами, — что скажешь на такой пассаж?

— Покойный лейтенант Парамонов был повыше вас ростом, — продолжал ротный.

Помолчав и подавив бурные эмоции, но с обидой, которая, наверное, чувствовалась в моем голосе, ответил:

— В ВДВ ниже 170 см не берут. А это не маленький, а средний рост. Я здоров и годен к службе.

На мою реплику старший лейтенант ничего не ответил, но я понял, что он остался при своем мнении и недоволен моей тщедушностью, ибо все взводные офицеры у него были выше среднего роста и весьма представительной наружности.

— Бывает — мал золотник, да дорог. — Не глядя на ротно-

го, а как бы говоря вслух сам с собой, произнес командир второй группы лейтенант Никитин.

Взводные при этих его словах, молча переглянулись и улыбнулись. Я же брошенную мимоходом фразу принял как первую моральную поддержку. А потом было обстоятельное знакомство с расписанием занятий и расположением подразделения и части в целом.

Зашел я и в курилку, закрытую от солнечных лучей плотными виноградными лозами, где состоялось первое неформальное знакомство с личным составом... Солдаты встали при моем появлении и расступились, освобождая место в беседке.

Предложили закурить.

Эти первые минуты нашего общения для меня очень много значили. Познакомились поближе. Старшиной роты оказался крижистый белорус старший сержант Агиевич, с которым моментально наладились хорошие отношения после моих слов:

— Как же, как же, я был в Минске. Белоруссия — замечательная республика!

— А что вы там делали?

— Полтора месяца стажировался в 120-й Рогачевской дивизии. А вы откуда? — задал встречный вопрос Агиевичу.

— Из Гродно, — ответил тот.

— И под Гродно я тоже был, принимал участие в учениях. Хороший город, — с удовлетворением ответил я.

В той великой интернациональной державе, какой был СССР, все нации очень гордились своей землей и народом. И добрые слова, сказанные вовремя, представителям этих народов, воспринимались с большой благодарностью и сразу располагали к себе.

— Вы откуда родом, товарищ лейтенант?

— Из Челябинска, окончил Свердловское училище. Чистокровный уралец.

А спортом вы увлекаетесь?

— Второй разряд по легкой атлетике и два разряда по лыжам и гиревому спорту.

— Что читаете? — увидев у сержанта книгу, спросил я.

— Владимир Карпов, «Командиры сидят рано», — ответил белокурый крепыш.

— Незнакомый для меня автор. Не знаю такого.

— Ну вы даете, товарищ лейтенант! Это же герой — развед-

чик. Туркестанец! — С гордостью в голосе ответил сержант. Остальные солдаты одобрительно зашумели и засмеялись.

— Этого я пока не знаю, так же как и тонкости службы. Буду учиться у вас, — улыбнувшись, сказал я.

Перебивая друг друга, мои подчиненные начали рассказывать о Карпове и его книгах. И о том, что он должен был быть нашим комбригом. В те времена Родина знала своих героев, и потому солдатская молва о Герое Советского Союза полковнике В.В. Карпове, как оказалась, соответствовала истине. Он действительно мог быть нашим командиром части, так как являлся альтернативным кандидатом на должность комбрига. Вся его биография не вписывалась в стандарты того времени. Он не был ангелом. Сидел в лагере, воевал в штрафбате, вопреки судьбе получил высшее звание отличия.

Впоследствии после тех первых бесед с подчиненными я купил и прочитал все книги с произведениями В.Карпова. Они и сейчас стоят на моей книжной полке «Маршальский жезл», «Вечный бой», «Не мечом единым», «Взять живым», «Полководец», «Маршал Жуков», «Генералиссимус». Когда я беру их в руки, то вспоминаю ту свою первую встречу с солдатами и их эмоциональные рассказы.

— Хорошо, от дел литературных перейдем к службе. Введете в курс дела, ребята? — задал я вопрос.

— Что говорить, товарищ лейтенант, через месяц готовимся к годовой проверке, — ответил степенный старший сержант Агиевич.

— Расскажите о прыжках с парашютом. Часто ли прыгаете? Когда очередные?

— В этом году прыжки уже закончились. За лето каждый совершил по 6 — 7 прыжков с парашютом. Все работало штатно. Три человека получили травмы.

Беседа приобрела оттенок сердечности и доверительности.

С первой минуты я почувствовал, что солдаты отнеслись ко мне вполне доброжелательно, и с удовольствием, добавляя друг друга, отвечали на мои вопросы о жизни и боевой учебе. Весьма дружелюбно отнеслись к новичку и офицеры бригады замкомбрига по ВДП Корлыханов, комбаты М.Лобадзе, Кадацкий, Мельников, Ленский, Тюхов, Вастеев, штабисты Виданов, Ломинин, офицеры рот первого отряда Г.Власов, В.Елисеев, Хайдаров, Рахимов, Мухин, Кобцев, Стеценко, Никонов, Загоруйко, Беков, Ю.Широков, П.Линев, Егоренко, Ю.Тарасов (впоследствии генерал-майор),

комгруппы 2 роты спецназ младший лейтенант Казанцев, замполиты рот Ангезидов, Самуткин, политотдельцы Борисов, В.Бледных и другие.

Так прошел первый день моего пребывания в 15 обрСпН. Вечером в квартире по инициативе сердечных соседей Коновальчиновых состоялась небольшая вечеринка, на которой, кроме хозяев и нас с супругой, никого не было. Ели узбекский плов, пили сухое вино и закусывали крупным виноградом. Один из тостов во время застолья был поднят и за меня, за мои успехи в службе в бригаде. После того как женщины убрали со стола, мы с Витей долго сидели на кухне и разговаривали. Именно он начал вводить меня в курс дел и обстановки в бригаде, которая, как говорили, на протяжении многих лет являлась лучшим соединением САВО.

Наша бригада, по словам Виктора, являлась не только передовым соединением в САВО, но и лучшей по дисциплине и внутреннему порядку в Чирчикском гарнизоне. На тот период в нем дислоцировалось 22 воинских части, в том числе Ташкентское высшее танковое командное училище, 351-й гвардейский парашютно-десантный ордена Суворова полк и 1181-й гвардейский артиллерийский полк 105-й гвардейской воздушно-десантной Венской Краснознаменной дивизии, два авиаполка, полк гражданской обороны.

Город Чирчик, как можно было судить по рассказам Виктора, в максимальной степени отвечал всем требованиям, предъявляемым к местам дислокации частей и подразделений спецназ. К ним в первую очередь относилась имевшаяся здесь инфраструктура, и, прежде всего, первоклассный военный аэродром, на котором в то время базировались бомбардировочный и истребительный авиационные полки. Кроме того, Чирчик находился в таком районе, физико-географические особенности которого позволяли с максимальной эффективностью готовить личный состав бригады к боевым действиям в различных климатических и природных условиях. Для этого бригадой используются межгорная Чирчик-Ангренская впадина, а также расположенные недалеко от города Угамский, Чимганский и Чаткальский хребты, являющиеся отрогами Тянь-Шаня, степные районы Чимкентской и Джамбульской областей Казахстана, обширные пустыни Кызылкум и Каракумы на территории Узбекистана и Туркмении.

Близость к Чирчику столь разных по своим физико-географическим особенностям районов создавала благоприятные условия для

проведения эффективной боевой подготовки с минимальными материальными затратами.

Одной из особенностей 15-й обрСпН было то, что, входя в состав САВО, она дислоцировалась на территории ТуркВО. Это стало возможным потому, что, будучи сформированной 1 января 1963 года в Чирчике, при разделе в 1969 году Туркестанского военного округа на САВО и ТуркВО бригаду подчинили САВО, как округу первого разряда, в состав которого обязательно должно входить соединение специального назначения. В силу физико-географических условий Чирчика, а также, видимо, по материальным соображениям место дислокации бригады менять не стали, поэтому она подчинялась Алма-Ате, а находилась недалеко от Ташкента, где дислоцировался штаб ТуркВО. Для людей непосвященных данное обстоятельство внешне никак не проявлялось, за исключением того, что в бригаде получали газету Среднеазиатского военного округа «Красный боец», которую мы называли не иначе, как «Окопная правда», а войска Туркестанского округа получали свою — «Фрунзевец». Кроме того, определенным разведпризнаком того, что 15 обрСпН не подчиняется Ташкенту, являлось то, что наше руководство никогда не вызывали на совещания в узбекскую столицу, не приглашали на различного рода партактивы и тому подобные мероприятия. Мы допоздна засиделись, разговаривая на разные темы.

На рассвете офицеры шестой роты, как обычно, все в спортивных костюмах, были в подразделении на подъеме, а затем вместе с солдатами пробежали трехкилометровый кросс. Во время интенсивной разминки в спортгородке, которой руководил сам Неделько, Анатолий Артемович озабоченно и серьезно посмотрел на меня, кивнул на перекладину и предложил мне показать, на что я способен. Когда я легко сделал два десятка подъемов переворотом и спрыгнул с перекладины, ротный махал двухпудовой гирей, которую демонстративно бросил мне под ноги, давая понять, чтобы я подхватил эстафету. Мне удалось десять раз поднять вес жимом. На это никак положительно не отреагировав, Неделько заметил, мол, посмотрим, что я покажу на дистанции кросса. Солдаты роты также с интересом наблюдали, как офицеры проверяли готовность молодого лейтенанта к физическим нагрузкам службы в спецназе. По лицам офицеров и солдат нашей роты можно было понять, что это первое и для меня совершенно немудреное испытание я успешно

прошел, обеспечив тем самым основу авторитета в глазах своих будущих сослуживцев и подчиненных. Однако на дистанции один километр, которым мы завершали тренировку, я безнадежно отстал от основной массы военнослужащих роты, мчавшихся как борзые. Когда я последним финишировал, то ротный с сожалением покачал головой, а Шамсудинов, напротив, для того, чтобы поддержать меня, сказал: «Ну что, для начала неплохо, уложился по времени в норматив на оценку «хорошо».

В то утро я осознал — чтобы стать вровень с подчиненными, мне надо серьезно «качаться» и не один пуд пота пролить на тренировках. Потому что подавляющая часть офицеров и солдат моей роты физически подготовлены лучше меня на уровне первого и второго разряда, к чему и мне надо стремиться. А тянуться и брать пример было с кого. Так как среди подчиненных было много незаурядных спортсменов, например, яркой личностью был сержант Александр Яцук из Минска. В период службы в спецназе он установил рекорд не только бригады, но всего спецназа ВС СССР по метанию гранаты на дальность. Его личный результат был зафиксирован на рубеже 98 метров, и который, как говорят, не побит до сих пор. Впоследствии, окончив институт физкультуры и отойдя от спорта, он стал крупным бизнесменом, меценатом, владельцем ряда спортивных клубов.

В первые дни Галине самостоятельно пришлось входить в сложный женский мир взаимоотношений, обживать на новом месте и знакомиться с соседками Валентиной Манченко и Зоей Коновальчиковой. Все они были женами старших лейтенантов, лет на пять старше Галины. Поэтому у нее тоже были свои психологические трудности и возрастные проблемы. В молодости пять лет — эта такая разница!

— Алик, ты представляешь, Зое целых 25 лет! — говорила мне Галя. — О, ужас какая старость... Неужели и я буду когда-то такая!

— Да? Ты подумай. А ведь не дашь ей эти годы?!

Однако она быстро нашла общий язык со всеми и даже подружилась. С Валентиной Манченко съездила на Чирчикский базар, который являлся деловым и торговым центром города, как и всюду на Востоке. Впоследствии они с Валентиной Валентиновной дружили долгие годы.

Когда я вечером пришел со службы, то она на перехваченные

у соседей в долг деньги сумела накрыть ужин. Приказ о моем назначении на должность впоследствии несколько задержался, и мы достаточно долго испытывали финансовые трудности и терпение своих кредиторов, но Галина как-то выкручивалась, и я не помню, чтобы мы сидели голодными.

С первого дня и на всю службу в этом гарнизоне определился мой распорядок дня. Мой рабочий день начинался в шесть утра — с пятидесятиминутной утренней зарядки, и заканчивался после отбоя, в 23 часа. Правда, в дневное время, в самую жару, как и всюду в Азии, распорядком части для всех был закреплен обеденный перерыв на два часа, и я, если не было прыжков, полевых выходов или учений, проводил это время дома.

Прошли первые дни службы. В них все было первое — первое занятие, первые стрельбы из штатного оружия, первое заступление на дежурство. Взаимоотношения в коллективе складывались хорошо. С первым составом командиров групп мне довелось служить недолго. В течение осени все великовозрастные, засидевшиеся на первичных должностях офицеры моей роты ушли на повышение. Выпускник рязанского училища Никитин вскоре был ранен на учениях осколком разорвавшейся гранаты, а после госпиталя комиссован из армии на военную кафедру в Ташкент, ташкенцы-ленинцы Шамсутдинов и Крутских получили назначение: первый в военкомат, а второй на третью роту в первом батальоне. Им на смену следом за мной пришла молодежь — выпускники общевоинских училищ лейтенанты Маковский, Сухомлинов и Золотарев, по возрасту — мои ровесники... Поскольку я прибыл на несколько недель раньше, то принимал их, как положено ветерану. Вводил в курс особенностей службы и правил поведения в коллективе. Мои соратники впоследствии оказались отличными офицерами и хорошими друзьями. Между нами не было ссор и конфликтов, каждый делал свое дело добросовестно и умело.

Командир первой группы Сережа Маковский по московской кадетке, имеющий прозвище «Пыра», был высок, вынослив, практичен, уверен в себя с первых дней пребывания в части. Показательно отменно владел всеми видами оружия. Если бы своевременно у него оказался прикрыт тыл, то наверняка он достиг бы большего. Однако холостяцкий быт превратил его в ярого поклонника Бахуса, а непутевые местные девчонки, без ложного стеснения лазавшие к нему через форточку в комнату, оказались не годными для

роли жены офицера. Поиски спутницы жизни затянулись. Впоследствии Сергей ушел в пехоту, где уверенно командовал мотострелковым батальоном в Афганистане, за что награжден орденом Красной Звезды. Завершив обучение в академии, из родной Москвы выезжать отказался. Вырастил двух сыновей, Петра и Николая, до увольнения в запас служил подполковником, оперативным дежурным запасного командного пункта министра обороны.

Командир второй группы Сергей Золотарев — урожденный азиат, его родители прожили в Ташкенте всю жизнь, из-за этого, пожалуй, он легче всех переносил тяготы службы в жарком климате, ибо адаптировался к нему с малолетства. Женившись на чирчикской красавице, Сергей «нарожал» детей, на пять лет выезжал по замене в Германию, где командовал подразделением спецназа. Во время учений при форсировании водной преграды двое бойцов его роты, воспитанных на фильме «В зоне особого внимания», уходя от преследования, утонули в реке, не успев вовремя снять снаряжения. Это ЧП отразилось на дальнейшей службе Золотарева, но попав в Афган, Сергей Кондратьевич быстро наверстал упущенное, пройдя за два года должности старшего офицера, заместителя начальника разведки армии, старшего офицера разведуправления ТуркВО. В 1994 году командовал родной бригадой. За успехи в службе полковник Золотарев награжден тремя орденами. После развала советской армии навсегда остался в столице Узбекистана.

Командир четвертой группы Сергей Сухомлинов был среднего роста, сухощавым и сосредоточенным в себе человеком. Имея хорошие командирские качества, вдруг неожиданно ушел на спокойную должность переводчика в оперативно-плановое отделение штаба бригады, а с нее завербовался на курсы военных контрразведчиков. Впоследствии мы встречались с ним в Кабуле, а после возвращения в Союз в Одессе, где он получил квартиру и завершал службу в звании полковника КГБ.

Все мы, молодые лейтенанты, были по-хорошему тщеславны, одинаково положительно настроены на службу. Вспоминая себя в то время, могу сказать, что буквально с первых минут пребывания в 15 обрСпН меня охватил необычный душевный подъем. При этом я ловил себя на мысли, что мне здесь все нравится, хотя я еще фактически очень мало знал о службе и бригаде. Я очень гордился тем, что попал в отборные войска разведки и старательно относился к своим служебным обязанностям. Не случайно в ГРУ особым ро-

мантическим ореолом были окружены части специального назначения, получившие устойчивое сокращенное название-спецназ. Это были отборные войска. В последнее время, надо сказать, все больше силовых ведомств обзаводятся подразделениями «специального», или «особого» назначения. Но тогда мы были единственными. В массовом сознании слово спецназ устойчиво ассоциируется с группой накачанных парней в камуфляжной форме и с экзотической раскраской на лице. Но не это его определяющий признак. Спецназ ГРУ — это особо подготовленные подразделения регулярной армии, предназначенные для выполнения разведывательно-диверсионных задач в тылу противника.

Об отличии спецназовца от солдата регулярных частей армии достаточно образно сказал фанатик спецназа, двухметровый и худой командир группы 4 роты капитан Александр Голубович, прибывший в чирчикскую бригаду из Германии:

— Вот дерется деревня с деревней. Петя бац одному ногой, бац другому рукой. Стоит на поле, мускулами играет. Думаете, он спецназовец? Не-а! Спецназовец — Вася. Маленький такой, щупленький. Он сидит тихо в кустах и кирпичи пуляет. Как дал — так Петя с копыт... Если ты хитрый, изворотливый, действуешь нестандартно, то ты спецназовец.

Начав свою историю в пятидесятом году, советский спецназ пережил периоды взлетов и падений. В 1953 году все тридцать пять отдельных рот спецназа были бездумно расформированы. Это был тяжелый удар для разведчиков, которые пестовали свои части, и только личное вмешательство Маршала Советского Союза Г.К. Жукова изменило ситуацию в лучшую сторону. 29 августа 1957 года были сформированы пять отдельных батальонов спецназа, подчинявшихся непосредственно командующим военных округов и групп войск...

В Туркестанском округе размещался 61-й батальон спецназа, который неплохо тогда себя зарекомендовал. На базе этого батальона была развернута наша бригада, которая первоначально считалась скадрованной. Это означало, что в составе бригады часть подразделений были развернуты по штату мирного времени, то есть в период угрозы войны они могли доукомплектовываться приписным составом. Несколько подразделений в бригаде имели только командиров отрядов, все остальные офицеры, сержанты и солдаты находились в запасе. Они периодически проходили соответствующие

сборы, имели специальные военно-учетные специальности, их запрещалось бронировать народным хозяйством и использовать не по прямому назначению. «Туркестанскую» бригаду возглавил один из опытных командиров ТуркВО полковник-фронтовик Николай Иванович Луцев. Большая часть офицерского состава прибыла в бригаду из состава Ферганской 105 воздушно-десантной дивизии. По воспоминаниям генерала Н.И. Луцева, все офицеры-десантники были в основной массе достойны служить в такой элитной части. Сказалось и то, что все прибыли на должности с повышением.

Среди тех, кто закладывал славные традиции бригады были такие известные в ВДВ люди как подполковник А.А.Белобрагин (начальник политотдела), подполковник И.А. Коваленко (начальник штаба), майоры И.А. Афанаскин, В.В. Ленский (начальники парашютно-десантной службы), майоры Колесник А.А., Чупраков Е.И., Маренков Н.П., Лобадзе М.Н., Тюхов В.Н., Вастеев (командиры отрядов), штабную работу добротню тянули старательные офицеры Виданов, Ломинин, Лобанов, Фесак, Финеев и другие...

Основу первого коллектива бригады составил разведывательный батальон майора В.А.Кочетова, который имел хороший костяк, и прибыл в Чирчик в полном составе как бывший разведбат округа. Штаты мирного времени предусматривали минимум личного состава, поэтому каждый солдат и сержант был на учете.

Главными силами был приписной состав, который регулярно проходил сборы при бригаде. Это были сформировавшиеся взрослые и степенные мужчины, как правило, уже семейные. Имея за плечами десантный опыт, «партизаны», как мы их называли, без особых проблем организовано выполняли программы боевой подготовки: прыгали с парашютом, стреляли, подрывали, успешно завершали тактико-специальные учения. Поскольку все они были с рабочими специальностями, то хорошо помогали на строительстве основных объектов нашей части и стрельбища.

Первое время бригада размещалась на территории трех военных городков: полка гражданской обороны, заброшенного военного городка напротив, и в школе военных поваров.

Усилиями офицеров, а также трудолюбием личного состава к 1967 году все подразделения сосредоточились в одном городке, отдельно базировался только медпункт части. За короткое время были построены все казармы, столовая, штаб, боксы под технику,

парашютно-десантный городок, плавательный бассейн и заасфальтированы дороги.

Вновь созданное соединение было под постоянным вниманием военного руководства округа и Москвы. Штатный личный состав мужал на тактических учениях и маневрах. Занимаясь реальной разведывательной и диверсионной деятельностью в тылах «противника» он наводил страх на штабы частей и соединений, привыкших работать в комфортных условиях...

Н.И. Луцев рассказывал:

— Разведчики пробирались пешим порядком, на ишаках, на верблюдах, в штатской одежде в районы расположения частей и штабов, и добывали необходимые данные. А иногда прямо в штабах «добывали» документы, в том числе, бывало, и карты с нанесенной обстановкой. Иногда командование округа благодарило меня за действия личного состава на учениях, а часто и ругало, когда в штабах начиналась настоящая паника по поводу пропажи важных документов, что нарушало планы учений. На разборах прошедших учений от командиров дивизий и полков я часто слышал в свой адрес оскорбления, что я «разбойник», «бандит», «хулиган» и более крепкие выражения. Однако я был доволен действиями своих подчиненных.

Первые годы личный состав бригады прыжки с парашютом совершал на базе 105-й гвардейской воздушно-десантной Венской Краснознаменной дивизии (далее 105-я вдд) со штабом в городе Фергана, прибывшая в ТуркВО из Ивановской области в 1960 году. Это было заслуженное соединение, сформированное в 1944 году из 7-й, 11-й, 14-й, 15-й, 17-й воздушно-десантных бригад, а также подразделений 12-й воздушно-десантной дивизии. На момент формирования в состав дивизии вошли 331-й, 345-й, 349-й, 351-й и 111-й полки и 56-я дивизионная артбригада. Ежегодно десантники подвергались комплексным проверкам и тактическим учениям, показательным занятиям, в ходе которых неизменно показывали отличную боевую выучку к действиям в горно-пустынной местности... Припоминаю, как в 1973 году десантники десантировались на четырех площадках в 300 км восточнее г. Фрунзе и стремительным ударом захватили и уничтожили отдельный ракетный дивизион танковой дивизии. Командующий САВО генерал армии Лященко Н.Г. был поражен смелостью десантников и выставил им отличную оценку.

По единому плану воздушно-десантной подготовки с десанниками прыгали спецназовцы, разведчики разведбата ТуркВО и отдельной разведроты СибВО.

По мере организационного укрепления ВДВ и улучшением материальной базы в Чирчике, распоряжением командующего ВДВ генерала армии В.Ф.Маргелова — прыжки с парашютом стали проводить непосредственно на чирчикском полигоне Багиш. С этой целью, в распоряжение комбрига полковника Луцева, выслались по два самолета военно-транспортной авиации АН-2 и АН-12 из Ферганы.

Особую гордость у первого комбрига вызывал тот факт, что за первые пять лет его командования в бригаде не было парашютных катастроф. Через многие годы Николай Иванович говорил об этом так:

— За мое командование бригадой ни один человек не погиб. Этим я до сих пор горжусь.

За этим фактом, действительно, просматривается высокая профессиональная подготовка офицеров и жесткая исполнительская дисциплина, бытовавшая во всех подразделениях соединения.

О первом комбриге Луцеве ходили слухи, что был он человеком резким и в глаза начальству не заглядывал.

СТАТЬ НАСТОЯЩИМ СПЕЦНАЗОВЦЕМ НЕЛЕГКО

Начало моей службы совпало с нестандартной, несвойственной для спецназа — ситуацией. В моей роте пропал солдат второго периода службы. Отсутствие самовольщика обнаружили примерно через час после его ухода из расположения части. Во время предварительных поисков я собрал первоначальную информацию о нарушителе воинской дисциплины, которого еще не видел. Его становление в коллективе роты и бригаде состоялось через пять месяцев после начала службы. Рядового Б. призвали в армию из Минска, где он учился и являлся чемпионом республики среди юношей по боксу. Поскольку в наших войсках спортивно-массовая работа всегда была на высоте, то на очередное соревнование по боксу шестая рота выставила своего молодого, но уже титулованного представи-

теля. Успешно пройдя через все отборочные бои турнира, наш боец вышел в финал и стал чемпионом в своем весе.

По традиции, заведенной комбригом, несмотря на малый срок воинской службы, победителю было объявлено самое высокое поощрение — отпуск с выездом на Родину. От чего у молодого солдата вскружилась голова. Из отпуска Б. прибыл с большим опозданием и сразу же был определен на гарнизонную гауптвахту, вернувшись с которой и ударился в бега. Для организации поиска был введен план «Кольцо», согласно которому на наиболее оживленные объекты были высажены патрульные группы поиска под командованием офицеров и сержантов.

Одной из таких групп командовал я. Мы с ефрейтором Исаевым и рядовыми Мотькиным и Джумабаевым в течение нескольких суток несли патрульную службу на автовокзале города. Поиск беглеца велся интенсивно, поэтому продукты питания нам привозить было некому, а мы и не ждали, а, как положено десанникам, питались тем, что бог пошлет. Чимкенец Джумабаев хорошо знал язык, местные нравы аборигенов, и это нас здорово выручало. Дважды в сутки расторопный казах обходил находящийся рядом базар и собирал обильную дань. Кроме большого количества фруктов и овощей, которых в это время года было просто изобилие, он приносил душистые лепешки и даже пачки сигарет.

За несколько суток, проведенных вместе, я много узнал о своих подчиненных, а также о привычках и традициях, существующих в роте, о прыжках с парашютом, об истории бригады и ее героях.

Самым говорливым в моей команде оказался рядовой Мотькин, который не выделялся своей внешностью: был сухощавым и немного нескладным парнем, но за этой непримечательной вывеской скрывался выдающийся спортсмен — мастер спорта по парашютному спорту. На его счету было более тысячи прыжков. Он был просто влюблен в небо и мог часами рассказывать байки о парашютах, о чрезвычайных ситуациях в небе, которым он был свидетелем или участником.

У Мотькина не было переднего зуба, и поэтому при рассказе он немного шепелявил, вызывая смешанные чувства у слушателей. Красивый и статный Исаев был сдержаннее и несколько раз осаживал зарвавшегося рассказчика, на что Мотькин совершенно не реагировал. Исаев же мне рассказал, что и зуб-то, якобы, Мотькин

потерял из-за своей болтовни, когда во время укладки парашютов трепался об особых свойствах американского парашюта «Параплайн» и не среагировал на брошенный ему ефрейтором Вафиным молоток.

Все трое разведчиков были из местных, из среднеазиатов, но имели достаточно высокий общий уровень интеллектуального развития. Так, Исаев, уроженец города Джамбула, был призван с третьего курса института, алмаатинец Мотыкин и чимкенец Джумабаев до армии закончили техникумы. С ними было интересно поговорить. Как только спадали дневная жара и основной поток пассажироперевозок прекращался, мы присаживались на лавочки, здесь же, на автовокзале, и начинались рассказы и воспоминания, затягивающиеся до поздней ночи.

Многое из услышанного в те вечера очень остро врезалось в мою память своей нестандартностью. Оказалось, что первый батальон нашей части два года тому назад по просьбе министра внутренних дел бросали на подавление бунта заключенных чимкентской тюрьмы. Десантники высадились на крыши зданий с вертолетов, и, проделав рискованные трюки, спустились вниз, в бушующую толпу уголовников, которая не ожидала такой отваги и быстро прекратила сопротивление. А личному составу нашей роты довелось участвовать в тушении пожара на трансформаторном заводе, что располагается почти в самом центре города. Особыми ореолом таинственности и героизма были окрашены рассказы о действиях нашего батальона во время эпидемий черной оспы и холеры. Все эти экстремальные события превратились в солдатском фольклоре в настоящие приключения, которые, пожалуй, играли мощную воспитательную морально-психологическую роль. Ибо каждый слушающий задавал себе вопрос:

— А смог бы ты действовать так же, как твои предшественники?

К концу недели наше чрезвычайное дежурство закончилось, и за нами приехал дежурный Газ-66 из части. По возвращению в казарму нам сообщили, что нашего беглеца поймали под Алматы, и его ожидает суд военного трибунала. В часть этот «мастер» больше не вернулся.

Но то общение с подчиненными во время патрулирования не прошли даром — я в их лице уже имел твердую опору в роте, и еще не раз уже по — свойски беседовал с ними на различные темы, анализируя и оценивая различные ситуации. В солдатской среде в

войсках специального назначения учеба курсанта в училище не считалась настоящей спецназовской службой, поэтому на молодого лейтенанта здесь всегда смотрели критически, хотя внешне солдаты никогда этого не показывали. Но после тех пяти суток совместного патрулирования мы как-то сроднились, и мои бойцы сумели сформировать вокруг меня добрую ауру участия и дружелюбия, которая очень меня окрыляла. Кстати будет сказано, мой первый друг ефрейтор Исаев прожил очень короткую жизнь. Он трагически погиб через неделю после увольнения в запас. Гоня на мотоцикле, не вписался в поворот. А фамилия Мотькина еще долго и часто звучала из динамиков приемников и с экранов телевизоров, когда передавались сообщения об успехах парашютной сборной союзной республики Казахстан.

Солдаты для частей спецназа отбирались из тех регионов, где дислоцировались бригады спецназа ГРУ. Тем самым готовился мобилизационный резерв на случай войны. Все они имели среднее образование и отменное здоровье, особенно нужное в этих войсках. В моей роте служили в основном представители четырех национальностей — русские, белорусы, украинцы, казахи. Но были татары, литовцы и латыши, которые тоже служили достойно. Имена своих подчиненных я забыл, а вот фамилии большинства я помню до сих пор: Абилов, Аравин, Абдукаримов, Алдабаев, Агзямов, Атяжев, Бовкун, Бондарчук, Васин, Вафин, Воробьев, Воронцов, Вобликов, Водогрещкий, Глаголев, Григорьев, Гребнев, Джумабаев, Дегтярев, Джаркимбеков, Доминас, Зырянов, Исаев, Исачев, Игнатенко, Коваль, Костиков, Кузнецов, Красников, Кулабухов, Лысак, Ладанов, Маметов, Матухнов, Мирошников, Мотькин, Нижегородов, Орехов, Овчинников, Оракбаев, Петров, Пиков, Парпиев, Приезжев, Раскин, Ракитин, Разговоров, Раннев, Расулметов, Скворчевский, Симушов, Фомин, Чура, Хабибулаев.

С большой симпатией вспоминаю своих неутомимых помощников латыша ефрейтора Эдвина Кулу из Риги, старшину Валерия Бахтия из Джамбула, Виктора Агиевича из Минска, Рината Зарипова из Москвы, Карла Раскина из Симферополя, Александра Вобликова из Чимкента и многих других.

Яркой личностью являлся Александр Коробейников, который пришел в армию сложившимся человеком, кандидатом в мастера спорта, имеющим более 300 прыжков с парашютом. Впоследствии Александр Александрович стал кадровым офицером и уволился в

запас подполковником с должности старшего преподавателя кафедры воздушно-десантной подготовки военной академии Узбекистана.

Светлую память оставил о себе Валерий Бахтий, недавний выпускник сержантской учебки в Печёрах. Он был командиром отделения, а затем замкомвзвода в четвертой группе, призывался из Алма-Аты, где работал на заводе после того, как не прошел по конкурсу на факультет журналистики Казахского университета. Ему повезло не только в том, что он попал служить в спецназ, но и в том, что в Чирчике у него жили многочисленные родственники, а в последующем сюда перебрались из Джамбула и его родители. Человек он был серьезный, вдумчивый, что в основном и предопределило его направление после призыва в учебный полк в Печёры. Спецназ очень любил, служил с большим удовольствием, хорошо усвоил программу боевой подготовки по всем предметам. Именно за его неординарность, несмотря на молодость, солдаты шестой роты в шутку прозвали Бахтия «отцом русского спецназа», чем Валерий втайне очень гордится. В будущем он и Ринат Зарипов поступили в школу КГБ. Впоследствии Бахтий дослужился до звания полковника КГБ, но рано ушел в мир иной от сердечного приступа. В Москве проживают его вдова Валентина и оба сына.

Прошли годы, но каждого из своих подчиненных я помню в лицо. У них я многому научился по всем предметам боевой подготовки и не стеснялся этого. Я ими гордился и скажу, что они были достойными своей спецназовской судьбы.

КОМАНДИРЫ СЕДЕЮТ РАНО

К моменту нашего возвращения в часть из отпуска прибыл комбриг, который назначил время для знакомства с молодыми офицерами, прибывшими в бригаду. В один из дней всех девятых лейтенантов вызвали в его кабинет. Кряжистый полковник Мосолов попросил каждого коротко представиться и рассказать о себе. Начали первыми киевляне — выпускники Киевского высшего общевойскового командного училища (КВКУ) лейтенанты Маковский, Пивовар (впоследствии погиб при исполнении служебных обязанностей), Гартунг (зарекомендовал себя очень толковым и грамотным офицером-разведчиком, к сожалению, впоследствии по требованию особого отдела КГБ, за немецкую национальность, пе-

реведен в военно-строительное управление, где быстро стал начальником УНР и получил полковника, но всю жизнь скучал о спецназе), Святенко (в бригаде прослужил чуть более года, после чего был избит сослуживцем за недостойное поведение с женщиной и переведен в пехоту). Ташкентское общевоинское училище представлял лейтенант Золотарев. Выпускников Тюменского военно-инженерного представляли лейтенанты Иван Тяпкин (впоследствии сотрудник ГРУ, полковник, награжден двумя орденами за спецминирование троп используемых бандформированиями в ДРА. Преподавал в Военно-инженерной академии в Москве), Александр Ульянов (впоследствии прекрасно командовал ротой и батальоном спецназа), Полтавского высшее военное училища связи — лейтенант Николай Руденко (впоследствии ставший начальником связи 15 бригады), и я — Свердловское.

Дела и заботы первых дней службы в 15 обрСпН, а также новые впечатления совершенно не оставили места, чтобы задуматься о том, кто наши командиры и начальники, однако встреча полковника Мосолова с молодыми офицерами дала определенный толчок к этому процессу. Во время данного мероприятия я не только внимательно слушал Роберта Павловича, но и наблюдал за ним. Тогда, он показался нам человеком необыкновенным, хотя вел и говорил с нами достаточно просто и интересно. Это было, вероятно, в первую очередь потому, что в своей речи он касался совершенно конкретных вещей, которые в училищах не изучают. Из рассказа полковника Мосолова мы узнали, что собой представляет наша бригада, ее основные задачи в ходе проведения фронтовой наступательной операции Среднеазиатского фронта советских войск на Синьцзянском операционном направлении. Наша же бригада была создана в период осложнения международной обстановки на основании постановления ЦК КПСС от 20.06.1961 года «О подготовке кадров и разработке спецтехники для организации и оснащения партизанских отрядов». В соответствии с данным постановлением 5 февраля 1962 года директивой Генерального штаба ВС МО СССР были даны указания о развертывании соответствующих воинских формирований.

В своем выступлении комбриг особый упор также сделал на том, что мы, молодые офицеры, прибыли служить в одну из самых лучших частей Среднеазиатского военного округа и войск специального назначения ВС СССР. В этой связи все офицеры и солдаты,

попавшие в бригаду, гордятся этой службой и стараются оправдать оказанное им доверие. Мосолов выразил надежду, что мы — молодые офицеры, прибывшие сегодня в бригаду, внесем достойный вклад в повышение уровня ее боевой подготовки.

Комбриг определил ближайшую задачу — сдать в подчиненных нам подразделениях предстоящую итоговую проверку за год как можно лучше, чтобы бригада, как это было и раньше, получила оценку «отлично». Завершил он беседу словами, которые мне, да, наверное, и всем присутствовавшим запомнились навсегда. Мосолов сказал, что мы закончили различные военные училища, имеем неодинаковый уровень подготовки и разные отметки в дипломах. У кого-то они лучше, у кого-то хуже, но для успешной службы в бригаде это особого значения не имеет, так как оценка работы каждого из нас, а тем более выдвижение по службе будет производиться исключительно по результатам работы здесь, в части. Полученные в училищах теоретические знания и практические навыки являются лишь основой для будущих успехов в конкретной работе на тех должностях, на которые нас назначили.

В последующем нам не раз приходилось убеждаться в правоте этих слов Мосолова. Честно говоря, за годы моей службы в бригаде не было ни одного случая, когда бы офицера выдвинули на вышестоящую должность незаслуженно.

Заканчивая встречу с нами, он обратился ко мне — мол, подай-ка, сынок, вон те гири поближе. Для меня эти предметы не были диковинкой, поскольку лет с тринадцати я занимался гиревым спортом, поэтому, подхватив в углу кабинета две черные гири, я легко и элегантно поставил их перед столом командира.

— А теперь покажите мне, как вы со спортом дружите, — с улыбкой сказал командир.

После этих слов по очереди молодые лейтенанты выходили в центр кабинета и жимом или толчком поднимали гири. Все лейтенанты поднимали тяжести по 5 — 10 раз, и только двое оказались слабее всех, не подняв ни разу. Комбриг совершенно спокойно принял их неудачу и объявил должникам срок переэкзаменовки, к которому они должны потренироваться и прибыть к нему для повторного зачета. После чего крепкий полковник вышел из за стола и сам, взяв в руки обе гири, легко и грациозно подбросил их, а потом поднял двадцать раз.

— Ну что, хватит? — спросил он у нас.

— Да, да, товарищ полковник, — дружно закричали мы, пораженные уровнем физической подготовки нашего немолодого командира.

Воодушевленные беседой и личным примером комбрига, мы разошлись по ротам, полные задора готовить свои подразделения к итоговой проверке. В тот период в ротах бригады служили: 1 рота — Михайлов Александр, Артемов, Хайдаров, Рахимов, Елисеев, вышедшие из старшин сверхсрочной службы младшие лейтенанты Бяков, Широков; 2 рота — Власов Геннадий, Самуткин, Мухин, Кобцев, Стеценко и младший лейтенант Казанцев; 3 рота — Тарасов Юрий (впоследствии генерал-майор), Лягоскин, Ангезидов, Коновальчиков, Загоруйко; авторота — Егоренко.

За тридцать лет военной службы мне пришлось работать под началом многих командиров и начальников, которые оставили в моей памяти определенный след. Об одних вспоминаешь с благодарностью, о других — более сдержанно, а о некоторых неохотно. Тем не менее, каждый из них внес свою лепту в мое воспитание и становление как офицера и человека.

О Мосолове мне хотелось бы рассказать подробнее, потому что его влияние оказалось очень мощным и позитивным. В течение всей нашей совместной службы он относился ко мне со сдержанной теплотой и доброжелательностью.

Не будет большим преувеличением, если я скажу, что командир бригады полковник Мосолов Роберт Павлович был всеобщим любимцем. Он обладал особым талантом воспитателя. Многие лейтенанты, начинавшие военную службу при нем, впоследствии стали командирами и начальниками политорганов частей и соединений ГРУ.

Мосолов за войну был награжден двумя орденами Красной Звезды и орденом Отечественной войны II степени. А всего за многолетнюю военную службу имел иконостас из пяти орденов и медали «За боевые заслуги».

В 1963 году, в период службы в Германии, Мосолову поручили сформировать один из первых отрядов специального назначения. Так по случайности судьбы фронтовой разведчик оказался у истоков возрождения частей спецназначения в послевоенный период. Он учился вместе с молодыми разведчиками парашютно-десантному делу, на своем опыте делился премудростями науки следопыта. Часто от него мы слышали:

— Это тебе на войне не надо! А вот это, сынок, будет главным в боевой работе разведчика.

И мы, будучи зелеными лейтенантами, учились отличать нужное от второстепенного.

Роберт Павлович был необычайно крепким человеком, что достигалось ежедневными тренировками с гантелями и гириями, а также ежедневным плаванием в бассейне части.

Мосолов был смел, не боялся нарушать бестолковых приказов. А таких в армии всех времен и народов бывает предостаточно. В частности, для примера, приказом министра обороны в то время для всех военнослужащих была введена единая форма одежды, которая не учитывала особенности военных округов. На летнее время определялось ношение рубашек с галстуками, но в 50-градусную жару в Туркестане воротники рубашек быстро пропитывались потом и выглядели, мягко говоря, неэстетично. Поэтому Р.П. Мосолов своим приказом внес изменения в существующую форму одежды — рубашку носить без галстука, расстегивая две верхние пуговицы, рукава заворачивать. Военный патруль гарнизона буквально зверел при виде спецназовцев с подобным нарушением формы одежды. Комбрига, наверное, на совещаниях ругали начальники, но он был спокоен и тверд в принятом решении. Поведение комбрига в этой ситуации для нас, лейтенантов, осталось примером на всю жизнь. Впредь его воспитанники никогда не боялись идти не в ногу и брать на себя ответственность за заботу о своих подчиненных.

Кстати, как рассказывают, существующий порядок вещей изменил министр внутренних дел СССР Николай Щелоков. «Во время отдыха в Пицунде (Абхазия) Н.А.Щелоков проходил по набережной. Увидев милиционера, разговорился... Стоит жара, милиционер в галстуке и рубашке с длинными рукавами. С него пот градом льется, а министр его и спрашивает: «А что, вы не можете галстук снять, расстегнуться?» Тот отвечает: «Так ведь есть приказ министра обороны о форме одежды, и он касается милиции и внутренних войск МВД». Почесал затылок Николай Анисимович и на следующий день отдал приказ по всему СССР о том, что при температуре выше двадцати градусов сотрудники внутренних дел, милиции и внутренних войск имеют право ходить без галстуков и в рубашках с короткими рукавами. Узнав об этом, министерство обороны встало на дыбы, но Щелоков свой приказ отменять не собирался. Тогда

через четыре года и до армейских генералов дошло — подготовили соответствующий приказ о рубашках с короткими рукавами».

После беседы с командиром для выпускников военных училищ 1972 года в бригаде были организованы учебные сборы, в ходе которых для нас проводились занятия по всем предметам боевой подготовки. Многие из того, что читалось, оказалось для нас новым, и мы с интересом слушали лекции офицеров штаба и начальников различных служб.

Сборы всем нам были очень полезны, так как позволяли в короткий срок изучить все необходимое и скорректировать имеющиеся знания и навыки применительно к новой специфике. И быть готовыми к итоговой проверке боевой подготовки за учебный год, что завершался к ноябрьским праздникам. А закончились наши сборы офицерскими учениями, в ходе которых молодые офицеры со старшими товарищами выполняли учебную тактическую задачу. От бригады сформировали и выбросили три офицерские группы. Наш батальон представляла группа, где командиром назначили лучшего командира-разведчика старшего лейтенанта Владимира Манченко, его заместителем — моего ротного старшего лейтенанта Анатолия Неделько, радистом нашей группы работал лично командир роты связи второго отряда капитан Гаврилов. Десантировавшись в горах, в сумерках мы за ночь преодолели полсотни километров и на рассвете обнаружили и уничтожили налетом штаб условного противника. От тех первых учений у меня на всю жизнь сохранилось чувство удивления безразмерности человеческой выносливости. Наши командиры к тому времени уже прошли десятки учений, имели крепкие тренированные ноги и железную волю, но как тяжело пришлось нам, молодым лейтенантам, не знает никто. Но мы все выдержали напряженный марш-бросок по пересеченной местности, и с помутившимся от усталости сознанием провели практический подрыв толовыми шашками обозначенный нам объект. А после стремительного налета на штаб вероятного противника и отхода в район эвакуации, когда силы окончательно покинули нас, я заметил, что Манченко, Неделько и Гаврилов тоже, оказывается, держались из последних сил. Вот в эту минуту я осознал, что психологически преодолел важный барьер между понятием «могу» и «надо».

На следующий день на совещании офицеров бригады старший лейтенант Манченко, бодро докладывая комбригу о выполнении задания на офицерском учении, констатировал:

— Молодые лейтенанты с нагрузками справились!

Мог ли я тогда знать, что не только множество учений, но и боевые выходы ждут меня впереди, и будет еще не раз так тяжело, что, преодолевая себя, будешь близок к запредельным нагрузкам. Но выносливость начала вырабатываться во мне в виде психологического опыта именно тогда, на первых офицерских учениях.

Не один раз комбриг устраивал нам психологические проверки. Помню, 8 Марта, в женский праздник, часть была поднята по тревоге. Оперативно, за 45 минут, сбежались все офицеры и прапорщики, и перед строем Мосолов сказал следующее: «Я собрал вас, сынки, в связи с тем, что нам нужно набрать сто добровольцев для выполнения срочного боевого задания. Прошу желающих выйти из строя на десять шагов вперед».

И вся бригада в едином порыве вышла вперед. Оказалось, что учения, в которых предстояло участвовать нашему личному составу, должны были состояться только через неделю, но Мосолов нашел минуту для проверки «на вшивость» своих питомцев. Моральный дух же личного состава, как всегда, оказался на высоте.

На высоте были и наши жены. И не случайно в беседах с офицерами командир много внимания уделял вопросам семейных отношений. Эта тема у него была очень часто повторяемая и более душевная, чем другие. На конкретных примерах, в том числе и на примерах офицеров нашей бригады, он призывал нас самым серьезным образом относиться к выбору боевой подруги, спутницы жизни. Его летучая характеристика одной дамы — «дырка с золотой каемкой». Командир не поведал ничего такого, о чем молодой офицер не имел бы представления. Все, что он рассказывал, накладывалось на то, что мы уже знали, и определенным образом трансформировалось в жизненный багаж тех, кто воспринимал его назидания. Каждый офицер из этих бесед делал свои собственные выводы.

Командир был строг. Если «Батя» брался кого-то ругать, а без дела он никого не ругал, то делал это без всякого хамства и мата. Исключительно литературно и вежливо. Но при этом он с едва уловимой ехидцей изображал в лицах всех участников конфликта, да так, что все единодушно сходились во мнении: на язык «Бате» лучше не попадаться, и лучше бы он просто обматерил, чем стоять и слушать его уничтожительную речь. При всем этом Роберт Павлович не был злопамятен и всегда заботливо относился к подчи-

ненным: выделял машину для личных нужд, не отказывался от приглашений принять участие в семейных торжествах. Придет, скажет тост, выпьет три рюмки и уйдет. А память об этом оставалась. Все стремились службой добиться уважения командира. Он хвалил так же, как и ругал — с чувством меры и справедливо. В попытках сослаться на какие-либо трудности, он с присущей ему образностью замечал:

— Знаете, где бывает просто? Писать в баньке! Штаны снимать не надо!

Вспоминаю, как на учениях я по ошибке прошел лишние десять километров. И хотя с рассветом я с разведчиками вернулся в нужный район, но потерял силы и время. Майор Бодров из оперативно-планового отделения штаба бригады при подведении итогов с сарказмом в голосе упомянул об этой моей оплошности.

На что Мосолов спокойно сказал:

— Не ругать, а похвалить надо. Плох тот разведчик, что не плутал по карте! И мне приходилось. А ведь все равно, молодец замполит шестой роты, не последним пришел, а в первой десятке, обошел многих. Некоторым командирам лейтенантам надо пример брать с политработника. У каждого офицера в характере должен быть кураж, желание доказать самому себе в первую очередь, что ты многое можешь. У тебя Кривопалов, по-моему, кураж есть, значит впереди и новые победы. Старайся, сынок!

Прослужив после этого в армии еще лет пятнадцать, я оценил и осознал, как мне повезло с первым командиром. Он хорошо знал боевую подготовку и любил ее, вникал в истоки обучения, всегда требовал нового в методике и учебно-материальной базе. Он часто напоминал нам:

— Обучение войск ведется в роте, меньше — в батальоне.

Ротное расписание занятий он рассматривал, как государственный план, и всякий срыв его требовал считать чрезвычайным происшествием.

Нам, молодым лейтенантам, служить при Мосолове было очень интересно. Один период обучения совершенно не походил на другой. Военнослужащие бригады занимались альпинизмом, совершали непростые восхождения и учебные разведывочные выходы в горах Чимгана, и там же на скалах и на ледниках учились выживать в условиях высокогорья. Последующие разведывочные выходы проходили в бескрайних степях Казахстана, или в пустынных барханах Туркмении... Весь

этот опыт нам потом очень пригодился в Афганистане: и в горах, и в пустынях...

С Мосоловым связано и еще одно яркое воспоминание.

...В 1974 году меня избрали делегатом на окружную партийную конференцию, и это обстоятельство позволило еще ближе узнать своего командира бригады. В числе делегатов были комбриг полковник Мосолов, начальник политотдела подполковник Руденко, командир первого отряда специального назначения подполковник Кадацкий и я, замполит шестой роты спецназа, лейтенант. Впервые оказавшись в компании старших офицеров, я сначала чувствовал себя очень скованно. Но с первых минут общения в купе поезда Ташкент — Алма-Ата Мосолов повел себя просто и по-дружески, и мое психологическое напряжение постепенно прошло. Роберт Павлович достал приготовленные его женой продукты, накрыл стол, сам откупорил бутылку коньяка и налил всем присутствующим по рюмке.

— Подвигайся поближе, лейтенант! — скомандовал он мне, видя мою стеснительность. Во время ужина первое волнение от близкого общения с руководством бригады постепенно прошло, и в многочасовой беседе мы спокойно и долго общались. На мои вопросы о личном участии Роберта Павловича в боевых действиях в годы войны он рассказывал много нестандартного и довольно подробно. Я удивился, когда он рассказал, что начинал военную службу в должности заместителя политрука роты, был ранен. Затем командовал противотанковым взводом. По воле судьбы попал в войсковую разведку и много походил по тылам.

Кроме того, Мосолов интересно рассказывал об истории создания частей специального назначения в 1950 году. В частности, о двойственности и противоречивости подчинения спецназа командованию ГРУ и местному командованию. До сих пор этой двойственностью снимают с себя ответственность за проблемы спецназовцев москвичи и командующие округов. Если отличились — заслуга ГРУ, если проблемы — решайте на месте самостоятельно. Вот и тогда к корпусным учениям Прикарпатского военного округа командующий войсками генерал-полковник А.Гетман привлек 36 отдельный батальон спецназа, которым командовал подполковник Мосолов. Учения проводились в Карпатах под личным руководством командующего войсками округа. Батальону спецназа он приказал выбросить два отряда для разведки и захвата Ужокского и Средневерецкого

перевалов... При проведении этой части плана учений спецназовцы успешно выполнили поставленную задачу, но восемь разведчиков получили травмы при приземлении на деревья и на склоны гор. После учений Мосолова обвинили в использовании батальона не по прямому назначению... А генерал Гетман, который якобы согласовал этот вопрос с начальником генштаба, не защитил своего подчиненного, и того чуть не сняли с должности. Правда, в тот раз для Мосолова все ограничилось взысканием.

После той памятной поездки в Алма-Ату я на празднование очередного Дня Победы пригласил полковника Мосолова, чтобы он лично рассказал спецназовцам шестой роты и роты связи второго батальона о своем боевом пути и подвигах разведчиков во время Великой Отечественной войны. Надо было видеть, с каким интересом бойцы слушали воспоминания фронтовика, полные откровений и жизненной правды. Ведь для нас, молодых офицеров и солдат, подобные воспоминания Роберта Павловича Мосолова были настоящим открытием неизвестных страниц войны. Мы же воспитывались на других, «причесанных» примерах героизма Советской Армии и на безгрешности наших воинов. А он никогда не стеснялся говорить нам жестокую правду той войны, о которой знал не понаслышке. Во время мероприятий, которые я проводил с личным составом в Чирчикской бригаде специального назначения, да и в ходе последующей своей службы я часто использовал воспоминания Роберта Павловича в качестве показательного примера, который иллюстрировал мужество и героизм советских солдат, а также настоящую правду жизни.

Цельная народная натура Роберта Павловича не терпела полутонов дипломатичности, что часто приводило к неприятностям. Все честные, открытые и добрые люди сразу и на всю жизнь влюблялись в него. Все лукавцы, ловкачи, лжецы и «флюгеры» мгновенно им «раскусывались» и тоже сразу и на всю жизнь становились его врагами. В начале 1975 года он ушел на вышестоящую должность заместителем начальника штаба — начальником службы войск штаба САВО, а через год оказался уволенным в запас. Резкая отповедь высокому лицу — члену военного совета — начальнику политуправления САВО генерал-полковнику М.Попкову, допустившему бестактность и оскорбление, стала причиной его ранней отставки. Политработники как и командиры бывают разные: один в трудную минуту спас лейтенанта Мосолова от неминуемой смерти, а

второй оскорбил полковника, как собаку. На что Роберт Павлович молчать не стал, а с достоинством остановил зарвавшегося начальника:

— Товарищ генерал, почему позволяете себе со мной так разговаривать, вы еще в школе учились, когда я по немецким тылам языков вязал. Где же офицерская этика? Пожалуй, я не смогу с вами больше служить! Честь имею! — И ушел, хлопнув дверью. Офицеры штаба округа вспоминая этот случай говорили:

— Хотя и уволили Мосолова, но он продемонстрировал свое духовное превосходство над сановным самодуром с многозвездными погонами. Умер Р.П.Мосолов через двенадцать лет, в конце 1998 года в Алма-Ате, последние почести ему отдали только бывшие десантники 177 отряда спецназа под руководством бывшего комбата, подполковника Б.Т.Керимбаева. Они же собрали средства на достойные похороны и установили надгробный памятник. Казахское военное ведомство от этих хлопот самоустранилось...

Воистину, нет пророка в своем отечестве!

По нравственному потенциалу под стать нашему легендарному командиру стал и начальник штаба бригады подполковник Василий Васильевич Колесник. В тот период рядом с Мосоловым он был молод, ему шел сороковой год. После ухода Роберта Павловича он принял бригаду и продолжил заложенные им боевые традиции.

Василий Васильевич родился 13 декабря 1935 года в станице Славянской Краснодарского края. Украинец. Мать преподавала в школе русский язык и литературу, отец был главным агрономом по разведению риса. Он более пяти лет учился в Китае и в Корее рисоводству, потому достаточно свободно говорил на китайском и корейском языках. В 1934 году, закончив учебу за границей, Колесник-старший начал разбивать первые чеки для разведения риса на Кубани, а в 1939 году ему предложили попробовать разводить рис в Украине, в Миргородском районе Полтавской области. Семья переехала в деревню Алефировку. Здесь отец получил в свое распоряжение большой дом для оборудования лаборатории. В этом доме жила и большая семья Колесников.

Когда началась война, Колесник-старший принял все меры для эвакуации в первую очередь лаборатории и семенного фонда. А семья эвакуироваться не успела. Отец и мать, коммунисты, ушли в партизанский отряд, а четверо детей остались на попечении бабушки и бабушки.

Шестого ноября 1941 года родители пришли проведать детей, но по доносу какого-то предателя их и еще одного партизана гитлеровцы схватили прямо на улице. Отца и мать расстреляли на следующий день на глазах у детей и всей деревни. Потом фашисты заживо сожгли деда.

В оккупации дети выжили благодаря бабушке, которая была сведуща в народной медицине и лечила жителей села. За ее услуги люди платили продуктами. В 1943 году, когда Миргородский район освободили от гитлеровцев, двух сестер Василия взяла на воспитание средняя сестра их матери, а маленького Васю с братом забрала младшая. Ее муж был заместителем начальника армавирского летного училища. В 1944 году его перевели в Майкоп. Здесь Василий впервые увидел суворовцев и захотел стать одним из них. В 1945 году братьев приняли в Краснодарское суворовское училище. Василий попал в шестую роту, где были самые младшие по возрасту. Училище было укомплектовано замечательными преподавателями и офицерами-воспитателями, вкладывавшими в своих подопечных, «подранков войны», всю душу.

С особой благодарностью Василий Васильевич вспоминал начальника училища А.И.Нерченко, потомственного кубанского казака. Будучи кавалеристом, Нерченко безумно любил лошадей и такую же любовь привил своим малолетним подчиненным. У каждого суворовца была своя лошадь. Ребятам обучали вольтижировке и джигитовке. От Алексея Ивановича никто из детей, которых он любовно называл «чадушки», никогда не слышал грубого слова. Питомцы Нерченко сохранили к своему наставнику сыновнюю любовь и часто навещали его вплоть до 1999 года, когда Алексей Иванович скончался в возрасте девятиности шести лет.

В 1947 году училище перевели в Орджоникидзе. Сначала суворовцев разместили на территории пехотного училища, выделив несколько корпусов. По окончании «кадетки» суворовцев автоматически зачисляли на первый курс пехотного офицерского училища. Поступать в другие училища они не имели права. По сути, получалось, что суворовцы жили одной дружной семьей в течение тринадцати лет.

Закончив училище на «хорошо» и «отлично», лейтенант Колесник получил распределение на Дальний Восток. В то время почти треть выпускников написала рапорта с просьбой направить их для службы в этот регион. В Корее шла война, осложнились отно-

шения с Китаем, и многие полагали, что на границе «пахнет жареным». Штаб двадцать пятой армии, куда был направлен молодой лейтенант, находился в Шкотово. Василию и еще восьми выпускникам начальник отдела кадров армии задал вопрос: не желает ли кто-нибудь прыгать с парашютом? Вызвался один Колесник. Заверив, что готов прыгать с парашютом в тыл противника...

Так Василий Колесник попал служить в спецназ.

Имя Колесника сейчас знает каждый армейский спецназовец. Именно он разработал и провел одну из наиболее известных в мире специальных операций. О том, как под его руководством спецназовцы взяли дворец Амина, хорошо известно. Там своя драматургия. Жизнь этого легендарного человека, насыщенная драматическими эпизодами, служит примером для многих поколений разведчиков. Он стал генерал-майором и командовал спецназом ГРУ ГШ ВС СССР. В период первой войны в Чечне потерял сына Михаила, который капитаном, командиром роты спецназа, попал в Грозный из Приморья.

«Когда мой сын Миша решил поступать в Рязанское десантное училище, я был против, — рассказывал Колесник, — но с детства мечтал о десанте. Учился он на факультете спецназа, служил на Дальнем Востоке, в Уссурийской бригаде. За несколько дней до того, как их должны были отправить в Чечню, Миша позвонил мне и сообщил об этом. И он сказал: «Папа, ничего не предпринимай!» Хотя я бы и не стал никуда звонить. Я понимал, что, если я его не отпущу в Чечню, это плохо скажется на дальнейшей судьбе Миши, понимал, как к нему будут относиться и товарищи, и командиры. Хотя уберечь сына от Чечни было элементарно: командир бригады на Дальнем Востоке — мой бывший подчиненный. Да и в ГРУ достаточно людей, которые мне в той или иной степени обязаны. Жена тоже все понимала и не отговаривала сына. Она всю жизнь со мной была во всех передрыгах. Кроме Афганистана, конечно... Миша попал в Чечню 18 января 1995 года, а погиб на следующий день, 19-го... 20-го утром мне об этом сообщили. Тяжело, очень тяжело нам с Катериной...».

С В.В. Колесником мы поддерживали отношения всю жизнь. Я не могу объяснить наличие каких личных качеств он у меня нашел, но могу утверждать, что сторонним человеком я для него не был. Его доброе отношение не только ко мне, но и к другим офицерам можно объяснить его доброй душой. Это качество совершенно

не означает, что он был ангелом, совершенно нет. Когда требовалось, он был строг и крут. Тем не менее, всегда был справедлив и мудр. Его уважали и любили за отзывчивость и чуткость. Смерть сына подкосила Василия Васильевича, в последний день октября 2002 года он скорострительно ушел в вечность от сердечного приступа. Его подзахоронили в могилу сына на кладбище Донского монастыря.

Вспоминая былое, я хочу подчеркнуть и отдать ему должное: лично В.В. Колеснику как командиру и человеку я обязан своей успешной военной судьбой. И об этом следующий мой рассказ в этой книге.

ЖИТЕЙСКИЕ И БЫТОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

У каждого гарнизона, как у человека, свой характер. Кто служил, тот знает. Чем тяжелее служба, тем с большей любовью ее вспоминают.

Наша бригада стояла в предгорье, которое разрезал стремительный, горный, ледяной Чирчик. Площадка десантирования Багиш, или парашютодром, стрельбище находились среди сопок, на которых по весне розово и буино цвели тюльпаны. При такой красотище руки себе хотелось пообломать из-за того, что не умел рисовать. Но прекрасные эти виды я сохранил для истории на любительской киноплёнке. На первом плане батальная сцена, а за ней — голубые снега и сочная зелень оживающей природы.

Наш маленький гарнизон был большой военно-полевой семьей, живущей в сопровождении тревожных звонков громкого боя, музыки стрельб, парашютных прыжков и вечном ожидании мужчин домой с учений... Как правило, все наши занятия планировались и проводились в ходе полевых выходов на стрельбище, на полигоне, на тропе разведчика, в горах, и только меньшая часть теоретических занятий да укладка парашютов проводились в расположении части.

Нашу повседневную жизнь скрашивали праздники. На ноябрьские праздники 1972 года наша молодая семья принимала первых гостей. Из Челябинска прилетели моя мама с Юрой Лаптевым. В это же время, удивительное счастливое совпадение, с контейнерного двора пришла телеграмма с сообщением о прибытии трехтонного контейнера от Галиных родителей из Кушвы. Военская часть

выделила мне грузовой автомобиль Газ-66, и мы с Юркой, разгрузив контейнер, привезли домашний скарб с необходимыми вещами, кроватью и даже швейной машинкой «Зингер». К нашему почти детскому ликованию и восторгу, среди повседневной семейной мелочи мы обнаружили даже целый ящик с отборной рассыпчатой уральской картошкой, по которой уже успели соскучиться. Пользуясь случаем, мы с Юркой прямо на этой же машине заехали на центральный базар, где закупили виноград, дыни, арбузы к праздничному столу.

— Вот это настоящее новоселье, — говорил Юрка с хитрым и довольным выражением лица, закусывая стопочку горькой уральской водки сахарным ломтиком спелого узбекского арбуза.

— Дети, будьте счастливы, — говорила моя мама. Ей в этот момент нездоровилось, так как по дороге к нам она простудилась и заболела ангиной и не могла даже сидеть за столом, потому лежала рядом на кровати.

— А я тебе, Алик, сделаю сюрприз, — таинственно сказала Галина, доставая трехлитровую банку березового сока, что, вероятно, была спрятана в вещах, пришедших с контейнером.

— Я еще весной для тебя лично набрала в нашем лесу. Попробуй, какой он чудесный. Пахнет лесом. Пусть он даст тебе силы.

— Вы представляете, мама, здесь есть люди, которые никогда в жизни не видели березу, — удивлялась Галина, — и куда это нас занесло, что за диковинная страна такая?!

— Ну, вот теперь и жить можно, все есть для существования. Выпьем за наше новоселье! — поднимая тост, радостно говорил я. Наивно, а может и правильно полагая, что стол и кровать — самые главные вещи для существования человека.

Прошло всего несколько дней, и еще до отъезда гостей наша комната Галюсиными стараниями быстро и сказочно преобразилась: на окнах появились шторы, голый пол прикрыл рукотворный половик, солдатские кровати вернулись в казарму, а вместо них развернули нехитрую домашнюю мебель и полуторную кровать. Из военной утвари остались в комнате только две табуретки, которые впоследствии сопровождали нас, как талисман, по всем гарнизонам.

Потекла счастливая размеренная семейная жизнь молодой пары, наполненная любовью и неиссякаемой страстью, радостью физического узнавания друг друга и становлением взаимоотношений. Не-

смотря на напряженную службу и постоянные ссадины и травмы, полученные на службе, я упивался телом женщины. Я обожал минуты, когда моя любимая снимала одежду, без которой ее тело было осиянно той редкостной, зовущей женственностью, превращавшую мужчин в готовых на все идиотов.

Надо сказать, что моя жена до старости сохранила стройную фигуру и особую привлекательность, так нравившуюся мужчинам. Только после сорока пяти девичья, довольно долго сохранявшаяся худоба преобразилась в зрелую стройность со всеми необходимыми женской фигуре обогащениями. Став старше, она подстригла свои длинные отливающие золотом волосы. Но и короткая стрижка ей очень к лицу.

Моя Галюся оказалась отличной хозяйкой, которая, как говорится, «с лету» училась у женщин-соседей Валентины Манченко и Зои Коновальчиковой тонкостям местной узбекской кухни. Они обе родились и выросли в Азии и очень хорошо готовили. Отличительной чертой местной национальной кухни являлось использование разнообразных овощей: моркови, тыквы, картофеля, помидоров, баклажанов, лука и др. Широкое применение в узбекской кухне нашли также различные травы, как культурные, так и дикорастущие. Такие приправы, как кориандр, мята, базилик, красный перец добавляются в кушанья в довольно значительных дозах. Жена научила меня есть все: овощные салаты, лагман, шурпу, маставу. С той поры самым любимым блюдом в нашей семье стал плов. Без преувеличения — нет повара, способного тягаться в его приготовлении с моей Галиной.

Климатические условия и образ жизни узбеков привели и нас к особому режиму питания. Основной прием пищи, когда готовились наиболее калорийные блюда, у них приходился на вечер — время, когда спадала дневная жара. Без особых проблем, быстро, привыкли питаться по-узбекски в этой обстановке и мы.

Материальное положение семьи составляли мое денежное содержание и зарплата Галины, работавшая на должности начальника аптеки медпункта бригады (77 рублей), что составляло около 300 рублей. При всем при том мое денежное содержание ежегодно росло. Если я начинал офицерскую службу со 150 рублей, то через год уже имел 205 рублей, а в 1975 году после соответствующего постановления правительства — 258 рублей. Этих денег хватало на питание и мелкие покупки по дому, а за несколько месяцев, отклады-

вая понемногу и подкопив, могли купить более крупную вещь. Жили мы между собой с Галусей дружно. Мимолетно набегали небольшие ссоры. Об этом периоде для меня дороги записки, оставленные как-то в моем блокноте Галиной. Я приведу их здесь с небольшими сокращениями. Не все бесспорно, по некоторым моментам можно дискутировать, — я не буду этого делать, — поскольку этот подлинный документ нашей внутренней жизни той поры, — и он прекрасно раскрывает непростой механизм становления наших семейных отношений:

«...Если бы знал, Олег, сколько я пережила за эти долгие пять дней. Я никогда не думала, что ты способен меня обмануть. А выходит, можешь, и неоднократно. Как же ты мог? Я же тебе все объяснила, как и что. Ну, а если послал матери перевод, неужели я бы не поняла. Вот мелочи, мелочи, а как они мне надоели, из них я делаю вывод, что мое мнение для тебя ничего не стоит. Вспомни, Алька, хоть раз ты прислушался и сделал так, как я тебе говорила. Или ты спрашивал только из вежливости и слушал из вежливости? Какой же ты вежливый!.. и черствый. Конечно, со мной удобно, жена... хозяйка... и прочее. А хоть бы раз ты подумал (хотя бы подумал, не говорю о другом) что у меня есть и свои заботы, и неприятности на работе, как вот сейчас. И что мне нужна твоя помощь. Вспомни, как и сколько раз я спрашивала тебя, как мне быть, и слышала несколько общих, напыщенных фраз, а в основном — увольняйся! Ну уж нет! Я тоже хочу быть человеком, да, самым обычным. И хочу тоже внимания. Хочу, чтобы меня ждали дома, волновались за меня, переживали, грустили обо мне. Я тебя постоянно жду, я извелась в ожидании. А ты приходишь и вместо того, чтобы поговорить со мной — просто поцелуешь меня, а на логичный вопрос, почему задержался, чаще не объяснишь и коротко крикнешь: «...было то-то». Ты мне рассказываешь многое, но не все. А очень много интересного о твоей службе я узнаю из уст твоих коллег, когда вы собираетесь вместе за нашим столом. Ты еще так невинно скажешь, мол, — я тебе этого не рассказывал?! — Какие же это секреты, если это твоя жизнь и служба! Ты хотя бы раз, хотя бы для интереса поинтересовался, чем я занимаюсь на работе в медпункте бригады, когда заходишь, спросил бы что, где у меня. А сам сколько раз обещал показать свою ленкомнату, свою казарму, свою канцелярию роты. Ленкомната уже устарела. Так

вот и не заметишь, что я «устарею». Как — нибудь посмотришь и скажешь: «На кого ты похожа?».

Я тебя понимаю, Олег, целый день на службе, устаешь, трудно, приходишь домой, хочется сразу спать и ничего больше. А тут еще какая-то жена требует внимания. Да мне и нужно-то его немного. Хотя бы не кричи на меня. У меня тоже своя работа, я тоже устаю. И мне чертовски хочется, чтобы однажды, я пришла бы с работы, а ты мне сказал: «Быстрее переодевайся, умывайся, будем сейчас ужинать!». И я бы, наверное, не сдержалась, разревелась и сказала бы, — неужели мечты сбываются. В это не верится, а верится в то, что если задержусь на 15 — 20 минут, то услышу твой недовольный голос. Ты живешь только собой, своей работой, своими делами, своими солдатами, своими заботами и совсем забываешь, что рядом близкий тебе человек, пожалей хоть раз его (без напоминания). Не кричи хотя бы вечер один, спроси, — что хочу, что думаю, о чем переживаю. Скажи сам, однажды, — давай сегодня ходим в кино! (а то все время я тебя зову и даже уговариваю). Сделай сюрприз — приди вечером с билетами или хотя с хорошим настроением, оставь все заботы в канцелярии роты. Разве я много у тебя прошу. Чуть — чуть внимания.

Алик, как ты уезжал в командировку в этот раз? Не забыл? Я переживаю, забочусь о тебе. Интересуюсь, где ты будешь, и что будет, а ты хоть на прощание мне сказал, — куда ты уезжаешь? Опять военные секреты? Поинтересовался бы, — как я-то буду. Или это неважно, важнее, как будешь ты. Спроси у Анастасии Ильиничны, как я жила эти дни, сколько раз бегала на почту. И все думала, неужели это правда, что я ему нужна только для быта, а серьезного мне нельзя доверять. Ты, наверное, привык, что о тебе слишком много заботились дома. Все внимание Алику, постоянно слышал — береги себя и прочее... А заботиться и быть ласковым с женой всегда — это очень тяжело.

Да ты и не поймешь меня опять, вернее, не примешь всерьез. Выслушаешь вежливо-вежливо и будешь поступать по-своему. Я соскучилась, я не помню зла, но что-то случилось со мной. Мне хочется избегать тебя. Что-то закрылось у меня. Раньше мне очень хотелось ночью, чтобы ты после удовлетворения своих желаний не спал, а поговорил со мной. Видно, вправду медовый месяц один раз в жизни бывает. Раньше ты говорил, что у офицера жена должна быть ему другом, делить все с ним. Я-то с тобой делю, а вот ты-то

сам как? Неужели делишь только постель? Найди как-нибудь время, приходи домой и скажи, — сегодня мы будем отдыхать, ни слова о деле. И объясни мне спокойно, в чем я не права, какую бы ты хотел меня видеть, что во мне хорошего. А если ты во мне не нашел друга, то скажи, что не нужна. Я освобожу тебя от себя. погоди, не фыркай. Не кричи, выслушай до конца. Я устала чувствовать себя ненужной тебе. Серьезного отношения ко мне ты не проявляешь. Сказать про меня можешь что угодно. Я, наверное, тебе надоела. Не горячись, подумай, а потом серьезно разговаривай со мной. Хоть раз представь, что перед тобой серьезная женщина. Спокойно без крика поговори со мной обо всем, о чем хочешь, даже о любви. Расскажи мне о звездах, подари море, подари все гвоздики, сколько их есть... Сделай хоть какую-нибудь глупость — купи десяток шоколадок и скажи, что это мне. Разве я тебя не пойму. Я не хочу, чтобы меня любили только с 11 ночи до 12 ночи. Я все отдам, я все сделаю для тебя за одну вот такую глупость. Ну будь хоть раз обычным человеком. Как мама сказала мне однажды:

— Мне не нужны были его (папы) слова о любви, о том, что я ему нужна, достаточно было однажды, открыв дверь, увидеть его стоящим на руках.

Ведь можно один раз выбрать день и посвятить его мне. Сделать этот день полностью моим. Вот и подумай обо всем, прежде чем высказывать свое мнение. Представь себя очень влюбленным, — прибеги раз так, как прибегал ко мне курсантом. Скажи, что спешил, торопился ко мне, и я все сделаю для тебя. Куда покажешь — туда пойду, скажешь, — сделай — то, — сделаю, скажешь: умри — умру.

Не говори мне об этом ничего, я пишу, потому что очень тоскливо мне и одиноко без тебя, что наболело, высказываю. А тебя прошу, хоть раз пойми меня!».

Прочитав эти строки, конечно, я понял свою любимую и старался всю жизнь впредь исходить из этого твоего нравственного заклинания — помнить о близких... Когда позволяла служба, предпринимал творческие усилия, для того чтобы как-то разнообразить наш досуг и чем-то порадовать тебя. Как ты помнишь, с лейтенантской поры приносил каждый вечер со службы прелестные розы, тайком срезанные мной с клумб части или из клумб окрестных дворов. В этом деле я даже составлял конкуренцию самому командиру бригады, который недоумевал, что это появился за нахал,

объявивший охоту за лучшими цветами, присмотренными полковником к вечеру. А весной набивал наше гнездышко охапками горных тюльпанов, наполнявшими комнату степным ароматом.

Стремительно подкралось время первого отпуска, и я отвез жену — ожидающую ребенка — на Урал. Для этого были веские основания. После новогодних праздников Галина почувствовала себя плохо и весь январь месяц пролежала на сохранении в местном роддоме. Впечатления у нее от общения с местной медициной остались самые скверные.

Она мне писала в записке: «Как ни тяжело мне будет с тобой расставаться, я не хочу оставаться на роды здесь, в этом роддоме, среди узбеков, где и врачей истинно человеческих мало. И все эти узбечки, татарки считают себя везде хозяевами, главными. Не хотят лежать в одной палате с русскими, говорят:

— Все они грязные, дети у них незаконнорожденные. — Ой, кто бы говорил, только не они. Посмотрела я на них, какие они «чистенькие» тут. Им еще 23 года, а у них уже 3 — 4 ребенка. Ругаются с нянями и сестрами из-за халатов (у русской красавей халат, чем у них), из-за того, что русской вперед делают укол, а она, святая мусульманка, вынуждена ждать...».

Оставив жену на Урале и вернувшись на службу, я безмерно скучал о ней.

В круговороте армейских хлопот пролетели весенние недели. А в конце апреля из Кушвы прилетела долгожданная телеграмма: «поздравляем дочкой 4 кг 56 см Галя чувствует нормально напишем = папа мама».

Ура! Радостное чувство переполняло меня. Я стал отцом! В нашей семье появилась еще одна красавица — женщина — дочка Машенька.

Через несколько дней пришло письмо от Галины: «Ну вот видишь, ты и стал у меня папой, молодым усатым. Сейчас смотрю на нашу дочку — она такая миленькая, что-то улыбается, потом сердится. Все черты лица твои, носик, губочки, глаза только еще светлые, реснички, бровки, волосы, но я думаю, что со временем будет таким же, как и у тебя. Я этого так хотела. Ведь мне так дороги твои черты лица, а тут твоя уменьшенная копия. Мне наша дочура очень нравится. Пусть быстрее растет. Какой она вырастет?!».

ОФИЦЕРСКИЕ БУДНИ

Эти радостные весточки я получил вдвойне счастливый для меня в период удачного завершения сдачи первой проверки боевой и политической подготовки за зимний период обучения. Особенно волновался за стрельбу из штатного оружия: автомата и пистолета. Дело в том, что это было наиболее слабой стороной моей личной подготовки в училище. В программу обучения артиллеристов СВВПТАУ входило очень много практических стрельб из пушек и гаубиц, а вот из автомата мы стреляли мало. И то на это выделялось всего по три патрона. Из пистолета стреляли раз шесть — семь за четыре года. Понятно, что из-за этого моя первая учебная стрельба в роте по комплексу целей оказалась провальной. Но потом тренировками мне удалось ликвидировать этот недостаток своей подготовки. Во время еженедельных стрельб, которые проводились днем и ночью, солдаты и сержанты роты в массе своей получали пятерки и четверки. Бесспорно, было очевидно, что это результат постоянных тренировок. Пришлось основательно заняться этим предметом и мне. Вскоре я почувствовал оружие и хорошо владел всеми его видами, находящегося на вооружении в подразделении, а также богатого арсенала трофейного оружия вероятного противника, выдаваемого нам на период стрельб со складов части. Кроме того, мы осваивали и некоторые образцы специального оружия...

Итак, стрельбу в ходе весенней проверки шестая рота сдала на «отлично».

Уверенно отлично отстрелялся и я. Пятерки были получены ротой и ее офицерами по минно-подрывному делу, иностранным армиям, политподготовке. Экзамен по иностранному языку принимал офицер, приехавший из Алма-Аты. Он творчески подошел к тому, что докладывали ему бойцы, не докучал замысловатыми вопросами и ставил оценки с таким расчетом, чтобы рота получила по языку четверку, так как этого было достаточно для того, чтобы ей бороться за звание отличной. Проверяющий прекрасно понимал, как трудно в армейских условиях научить солдата говорить на иностранном языке, тем более китайском. Поэтому, если боец твердо заучил порядок допроса военнопленных различных воинских специальностей, да еще понимает, что ему отвечают, то этого вполне достаточно. Расчет на более высокий уровень должен предполагать

интенсивную специальную подготовку. Для этого в бригаде не было ни времени, ни особых условий, если не считать двух прекрасно оборудованных лингафонных классов с современным по тем временам чешским оборудованием фирмы «Тесла». Таких лингафонных классов не было даже в хороших военных училищах. Во время сдачи проверки чувствовался высокий подъём и настрой на достижение максимального результата, который был характерен для всех подразделений. Офицеры постоянно находились в ротах, солдаты порой не только днем, но и ночами повторяли те предметы, которые надо было сдавать.

Наша рота и я лично сдали проверку на общую оценку «отлично». Мы стали отличным подразделением! Я был очень горд за это. Ибо состоялось мое становление как офицера спецназа. К тому времени в привычную колею вошла моя военная служба, и я к ней адаптировался полностью. От неопытного и неуверенного в себе лейтенанта почти не осталось и следа. К той памятной весне я освоил укладку десантного парашюта и одним из первых среди моих однокашников-лейтенантов в апреле 1973 года совершил прыжок с парашютом из самолета АН-2 с высоты 1000 метров со стабилизацией падения 5 секунд...

Эти незабываемые мгновения я помню в деталях всю жизнь. Моим крестным в небе оказался командир четвертой роты старший лейтенант Манченко. Он был всегда достаточно смелым человеком и не уклонялся от риска, так и в этом случае, когда его рота выезжала на прыжки, он не побоялся взять с собой постороннего офицера.

— Олег, прыгнуть хочешь? — спросил он меня.

— Конечно, — ответил я с радостью.

— Зуев сегодня прыгать не будет. Возьмешь его купол, — деловито сказал Владимир Андреевич.

На аэродроме его взводные, Игорь Стодеревский и Александр Голубович, подогли на меня подвесную систему и еще раз доброжелательно проинструктировали до посадки в самолет. Экипирован я был в типовой модернизированный вариант десантного парашюта Д-1, бесценно служивший десантникам с 1955 года. Создателями которого являлись талантливые братья Доронины — Николай, Владимир и Анатолий. Двадцать килограммов веса вызывали уважение. На данном типе парашюта — Д-1-8 серии 6 можно было прыгать из самолета АН-2 с принудительным стягива-

нием чехла с основного или стабилизирующего купола вытяжной веревкой. При прыжках со стабилизацией падения с более скоростных самолетов типа АН-8, АН-12 для стягивания чехла со стабилизирующего парашюта применялся шаровой вытяжной парашют. Минимальная безопасная высота для прыжка с немедленным введением парашюта в действие допускалась не ниже 150 метров, со стабилизацией 5 секунд — 300 метров. Усилие для выдергивания вытяжного кольца — не более 16 кг. Скорость снижения при общем весе парашютиста до 120 кг не превышала 5 метров в секунду. Основной купол имел площадь 82,5 квадратных метров и изготавливался из перкаля. Вскоре в середине 70-х годов на смену Д-1-8 в десантные войска пришел новый парашют Д-5 серии 2, а в спецназ, кроме того, поступил новый ПСН-71.

И вот тудяга АН-2 поднял нас в небо. Долго тянулись минуты выхода самолета на боевой курс. Сердце сжалось от страха, когда выпускающий старший лейтенант Манченко распахнул дверь. Первым прыгал Игорь Стодеревский, который подошел к люку и, высунув голову в проем, отчего затрепетали его волосы, громко сказал:

— А ведь дует.

Заскрежетал по нервам звуковой сигнал, и вспыхнула зеленая лампочка на табло.

— Первый пошел, — скомандовал выпускающий. — Второй пошел, третий пошел...

— Моя очередь, — мелькнула мысль, — смело вперед, лучше погибнуть, чем прослыть трусом.

Преодолевая инстинкт самосохранения, я с замиранием сердца шагнул в бездну. На мгновение увидел улетающий самолет с красной звездой на крыле и вспомнил предпрыжковый инструктаж Манченко:

— При отделении от самолета считать до пяти и дергать кольцо.

— 501, 502, 503 ... — начал я отсчет для себя. И вдруг мое тело перевернулось, а ноги полетели куда-то вверх к небесам.

«Что случилось?» — с ужасом мелькнула тревожная мысль. И в это мгновение мощный динамический удар вернул все мое тело: и голову, и ноги — на свое место. Искры из глаз. Хлопок, и я завис между небом и землей. Купол наполнился воздухом. И тишина, позволяющая прийти в себя и осмотреться. — Какая красота, — не

сдерживал я эмоций, а организм, переполненный адреналином, просто пел в эту минуту. — Наша земля, оказывается, такая красивая с высоты тысячи метров. На горизонте заметно, что изумрудное море суши округлое по краям, а все остальное пространство небесной голубизны занимает больше места, чем земля под ногами».

И я в этом пространстве три долгих минуты парил, как птица.

Приземление пришлось на ровную площадку, покрытую свежей весенней травкой с вкрапленными красными тюльпанами. Сноровисто собрал парашют и огляделся. Душа моя пела от счастья и пережитых неземных ощущений. И, главное, — радовался я, — что преодолел животный страх земного притяжения, парализующий человека в минуты опасности. После этого в моей жизни было более ста прыжков, и каждый из них носил свои ощущения, но я глубоко убежден, что любовь к десантной службе была рождена в тот момент — между небом и землей — страх и преодоление его при прыжках придавали романтизма десантной службе. На них завашена и верная дружба между однополчанами, которые испытали те же чувства.

ТАКТИКО-СПЕЦИАЛЬНЫЕ УЧЕНИЯ

Определяющим, а поэтому самым важным этапом подготовки спецназа, являлись тактико-специальные учения бригады, к которым и готовились все штатные разведгруппы, радиотелеграфисты, радисты-центровики, автослужба, подразделения тыла. Масштабы, организация и порядок проведения учений впечатляли. Они носили разные наименования: тактико-специальные, командно-штабные, офицерские, когда группы были укомплектованы только офицерским составом. Практиковались учения младших командиров, при которых посредниками и проверяющими были строевые офицеры рот спецназа. Мне часто приходилось возглавлять штатные группы своей роты, не раз подменяя отсутствующих командиров подразделений. На тактико-специальных учениях я особенно почувствовал востребованность знаний предмета военной топографии, полученные в стенах училища. И не раз мысленно благодарил своего преподавателя подполковника Луценко, который требовательно учил нас этому предмету. Именно умением хорошо ориентироваться на местности, — «читать» карту объясняются мои успехи и достижения

на тактико-специальных учениях и соревнованиях разведывательных взводов тех лет. Так летом 1973 года группе, которой я командовал, удалось занять призовое место на соревнованиях разведгрупп бригады.

Учение бригады началось с подъема личного состава по тревоге. Пока разведывательные роты, согласно боевому расчету, готовились к выполнению задач в тылу «противника», хозяйственные подразделения загружали материальные запасы и готовились к въезду в район сосредоточения. При этом на плацу, в автопарке и на складах части присутствовали проверяющие из округа с секундомерами для контроля выполнения установленных нормативов. Заполнит роты никогда не оставался без дела, как правило, он дополнял командный состав, а на многочисленных учениях возглавлял штатную группу своей роты, при этом не постоянную, а ту, где в этот момент не было командира. На тех учениях, о которых я рассказываю, мне досталась первая группа нашей роты, командир которой лейтенант Маковский отсутствовал на службе.

Действия разведгрупп оценивались по нескольким параметрам, основными из которых были: быстрота сбора группы после десантирования из самолета АН-12; стремительный марш-бросок со всем оружием и снаряжением на десять километров; точность стрельбы группой из засады; скрытность ведения разведки; точность расчета ВВ на практическом подрывании; поиск тайника; количество направленных в Центр радиogramм; точность определения координат разведанных целей и своевременность выхода в район эвакуации.

На первом этапе наша группа действовала успешно. В отличие от нескольких групп бригады, где во время десантирования из Ан-12 произошли досадные сбои с потерей оторванной при динамическом ударе полевой сумки с секретной картой, штык-ножом, сапогом, которые пришлось незадачливым разведчикам искать на земле, мои подчиненные быстро собрались на меня. Складировав парашюты и поправив снаряжение, мы начали марш-бросок на десять километров. Трудно назвать бегом наше быстрое передвижение с грузом более 30 килограммов на плечах, но мокрые от пота, делая небольшие остановки для восстановления дыхания мы уверенно приближались к месту организации засады. От нервного и физического напряжения отдельных из нас рвало. В этот момент товарищи подхватывали товарища под руки и волокли с собой, не давая ему сбивать

общей темп движения группы. Благодаря взаимопомощи отставших не было. После выхода в район, во время подготовки к открытию огня по целям, немного приходило в норму сорванное дыхание, однако руки по-прежнему еще предательски дрожали. Огневую задачу выполняли короткими очередями всей группой одновременно. Цели оказались поражены в первые секунды открытия огня. Воодушевленные очередным успехом побежали по указанному азимуту в сторону гор, где состоялись последующие этапы учения. Вечерело. Жаркий диск солнца медленно сползал за горизонт, и от этого начали оживать безжизненные сопки — запели сверчки, над нашими головами распластав крылья завис на одном месте орел. С темнотой не стало прохладнее, но комфортнее. Ближе к полуночи проявились некоторые погрешности. Меня начал смущал азимут движения, указанный контрольной группой, для выхода в определенный нам район разведки.

До сих пор искренне удивляюсь творчеству и глубокому комплексному подходу при планировании учения. Штаб бригады учел многие составляющие с общим планом боевой подготовки других частей гарнизона. В эту ночь местный бомбардировочный полк на Ил-28 выполнял практическое бомбометание на полигон, а оперативно-плановое отделение штаба бригады контрольную точку сбора групп при выходе в район разведки определило на внешней точке ограждения полигона. Что, как оказалось, привело к психологическим сомнениям и сознательному отклонению от маршрута не только моей группы.

— Не могут же нас посылать на полигон под настоящие бомбы? — размышляли мы с замкомандира группы сержантом Рыковым, подсвечивая себе фонариком карту и компас.

— А ну давай примем правее! — после некоторых сомнений ошибочно скомандовал я.

В результате чего за ночь мы сделали крюк и намотали вправо лишний десяток километров. С рассветом были измотаны до предела. Как потом оказалось, действительно нам надо было идти прямо в район, подсвеченный осветительными бомбами. И мы бы ночью вышли в нужном районе. Только к десяти утра мы подошли к очередному объекту нашего задания, располагавшемуся действительно у проволочного ограждения полигона. Вскоре обнаружили тайник и получили дальнейшее задание.

Но, надо сказать, что и кроме нас никто не рискнул лезть

под авиационные бомбы. Все группы пошли в обход и потеряли время и силы. После успешного проведения подрывных работ мы продолжили выполнения учебно-боевых задач в условиях страшной жары и безводья. Когда солнечный диск стал цеплять горные вершины и появился небольшой «афганец», несущий раскаленный песок, мы вышли в район эвакуации, что находился в небольшой роще, выросшей на берегах русла горного ручья. До нас туда уже пришли то ли пять, то ли шесть групп, которые, опустив изможденные ноги в ледяную воду, с аппетитом поедали плоды абрикосового дерева, раскинувшего крону над их головами. Мы, сбросив оружие и снаряжение, присоединились к их райским утехам.

Анализируя пережитые учения, мы с Рыковым и не надеялись на высокие результаты в соревнованиях. Хорошо, что не последние, а пришли в числе первой половины. Только через сутки после возвращения в часть штаб бригады, подводя итоги, объявил:

— Лучшим командиром группы бригады стал старший лейтенант Владимир Елисеев, занявший первое место на учениях.

Одновременно с его поощрением командир приказал подготовить представление для выдвижения его на должность командира роты. Эти учения стали для него трамплином для продвижения по службе и поступления в военно-дипломатическую академию Советской Армии.

Наша группа по баллам вышла на третье место, обойдя семнадцать разведвзводов части. В этом высоком достижении, безусловно, была не только моя заслуга, но и Сергея Маковского, который повседневно готовил своих солдат. И они не подвели. Были выносливы, обучены, дисциплинированы. Особая заслуга принадлежит и моему заместителю сержанту Рыкову, который, являясь опытным разведчиком, хорошо помогал мне в ходе всех этапов учений. За призовое третье место меня наградили почетной грамотой, которой я дорожу и берегу до сих пор, как реликвию. Ибо вместе с поощрительным листом бумаги навсегда остались в памяти воспоминания о нервной рвоте во время марш-броска, стертых в кровь ягодицах, сорванных ногтях и кровоточащих подошвах, о борьбе с собственной слабостью и воле к победе. Такой ценой мы платили за боевую выучку мирного времени.

Впоследствии я выступал в качестве посредника. Посредник — это такой же разведчик, который преодолевает трудности и лишения, что и группа, но оценивающий действия командира и в труд-

ную минуту подсказывающий, как надо правильно поступить. Об одном таком разведываходе интересно написал мой друг бывший командир четвертой группы нашей роты Сергей Александрович Харламов, сменивший лейтенанта Сухомлинова. Харламов был грамотным и очень толковым офицером, гармонично развитым и способным ко многим видам деятельности человеком. Мы подружились с ним в роте с первых минут знакомства, когда обмениваясь информацией, узнали, что оба урожденные уральцы. Родившийся в секретном городе Верхняя Салда, который заинтриговал еще самого Гитлера в сороковых годах прошлого века, бросившего на его поиски в уральских лесах и уничтожение свою лучшую авиаэскадрилью специального назначения, сгинувшую до последнего самолета, Сергей с молоком матери впитал интерес к профессии защитника Отечества. Его родители имели непосредственное отношение к становлению советского ядерного оружия, космоса и космодрома Байконур. Потому закономерно, что пятнадцатилетним мальчишкой он сознательно поступил в Свердловское СВУ, после отличного окончания которого был направлен на разведывательный факультет в престижное Киевское высшее общевойсковое командное училище (далее КВОВОУ). Сергей последовательно прошел все первичные командные должности в спецназе. Впоследствии поступил в Военно-дипломатическую академию Советской Армии. Стал кавалером высоких государственных наград — ордена «За военные заслуги», медалей «За отвагу» и «За трудовое отличие». После увольнения в запас по возрасту продолжал трудиться на благо Родины на дипломатическом поприще. Его супруга Ирина Петровна — красавица женщина и настоящая боевая подруга. О таких справедливо говорят — половина наград мужа ее заслуга. По специальности она преподаватель, родилась и училась в Чирчике. В семье Харламовых выросли двое детей: сын Евгений и дочка Виктория. Несмотря на границы и разные страны Сергей остался моим другом на всю жизнь.

«Когда я прибежал на плац, — вспоминал Харламов учения, — где стояла в строю шестая рота, Голубович был уже на месте. Доложил командиру роты о прибытии и подошел к своей группе. Мое оружие и снаряжение было под присмотром молодого солдата Агзямова.

Пока мы выезжали из района сосредоточения, я уяснял нашу задачу и вместе с посредником Олегом Кривопаловым и сержантами группы изучал район предстоящих действий. Оказалось, что

десантировать нас должны в нескольких километрах восточнее Чимкента, а радиолокационная станция, место дислокации которой нам предстояло разведать и координаты доложить в Центр, находилась в районе, располагавшемся примерно в 50 км от места десантирования. С учетом данного обстоятельства, а также в связи с тем, что, согласно имеющейся программе связи Центр будет принимать наши радиogramмы до 17 часов следующего дня, можно было предположить, что времени на выдвижение в район действий и проведение разведки объекта просто недостаточно. Кроме того, к 18 часам группа должна будет выйти в пункт эвакуации, который также был неблизко от района действий. Когда результатами уяснения задачи и оценки обстановки я поделился с Олегом, сказав, что, если бы в нашем распоряжении был бы вертолет, то смогли бы выполнить стоящую задачу за отведенное время. Олег хитровато улыбнулся, при этом заявил что-то типа того, что я командир и мне решать, как поступать.

Когда после десантирования я довел поставленную задачу до всего личного состава, один из радистов группы обратился ко мне с предложением. Сославшись на явный лимит времени, он предложил зайти домой к его дяде, который живет на окраине Чимкента, и воспользоваться имеющимся у него мотоциклом с коляской, чтобы группа быстрее могла добраться хотя бы до границы района разведки. Несмотря на то, что предложение радиста предполагало нарушение всех канонов, существовавших в спецназе, все-таки пришлось принять его. Иначе задача по разведке объекта будет не выполнена.

Когда свое решение я объявил разведчикам, Олег, как можно было понять по реакции замполита роты, его одобрил, но предупредил: «Смотри, Сергей, если нас обнаружат, то «банан» за итоговую проверку обеспечен не только группе, но и всей роте». Прекрасно понимая это, проинструктировал, как говорят, «до слез» весь личный состав по действиям в случае появления «противника», а именно проверяющих, руководство бригады или милиции. Ситуация осложнялась тем, что, добравшись по бездорожью до Чимкента, нам предстояло пройти достаточно большое расстояние по улицам города, где нас могли поджидать всякие неожиданности.

В конце концов с соблюдением мер безопасности мы прошли по спящему Чимкенту с редкими прохожими и одиночными машинами и добрались до дома, в котором жили родственники нашего

радиста. Он поднялся на второй этаж, где жила семья его дяди и разбудил всех домашних. Мы в это время сидели во дворе на скамейках и в ночной тишине слышали поднявшийся в квартире шум и возгласы радости. Вскоре радист с дядей спустились вниз и пригласили всех нас в квартиру перекусить. Однако я попросил дядю помочь нам его мотоциклом. Он сказал, что уже в курсе всех проблем и прямо сейчас пригонит его из гаража. Мы с Олегом, чтобы, с одной стороны, не стеснять хозяев, а с другой, не обидеть их, заявили, что зайдут к ним домой лишь офицеры, радисты и сержанты, а остальные останутся во дворе и подкрепятся сухим пайком. Радист повел нас в квартиру, а его дядя буквально бегом побежал в гараж за мотоциклом.

Дома нас ждала тетя радиста, которая к нашему удивлению уже успела накрыть на стол и грела на плите полную кастрюлю борща. Поднимаясь по лестнице, мы знаками договорились друг с другом, что обедать хозяев не будем, а в качестве подарка захватили с собой два спецназовских сухпайка. С учетом неожиданности нашего визита накрытый на скорую руку стол оказался просто шикарным, и мы неплохо подкрепились. Однако, следуя предварительной договоренности, Олег, сославшись на отсутствие у нас времени, подал команду на выход. Мы поблагодарили хозяйку за прием и вышли во двор, где бойцы с превеликим удовольствием уплетали грецкие орехи, которых дядя привез из гаража целый мешок. Набрав впрок полные карманы орехов, мы все челночным способом по 2 — 3 человека выехали на мотоцикле в направлении района поиска, и часам к двум ночи группа оказалась примерно в 20 километрах от его границы.

Несмотря на предпринятые меры, даже незамысловатый подсчет показывал, что нам все равно не хватает времени на выдвижение в район, а также для организации и ведения разведки объекта. В этой связи надо было изыскивать еще одну возможность подвезти на автотранспорте. Глубокой ночью, на пустынной проселочной дороге это оказалось делом непростым. Но мы действуя по принципу «на Бога надейся, а сам не плошай», ускоренным шагом упорно шли в нужном направлении. Однако и здесь нам повезло, так как примерно через полчаса движения сзади показались огни идущей по дороге автомашины. Подал команду всем укрыться на обочине с задачей, если это машина посредников, то организованно и быстро улепетывать от гарантированной двойки группе и роте по

ТСП за год на ранее указанный мной пункт сбора, а сам вышел на дорогу, чтобы попытаться остановить машину. Я прекрасно понимал, что не всякий шофер остановится на пустынной дороге для того, чтобы подвезти военного с оружием, да еще в непривычной для простого гражданского взгляда «песочке» и иностранного типа кепи. Однако то были совершенно спокойные и безмятежные времена, чем мы потом достаточно часто пользовались, и ЗИЛ-130 с полуприцепом, что нам вполне подходило, на поднятую мной руку сбавил скорость и остановился. Объяснил шоферу, что нам надо, и буквально через минуту мы уже ехали в нужном направлении.

Таким образом, передвигаясь в основном на попутном транспорте, к рассвету мы вышли в район разведки. Будучи посредником, Кривоपालов на одном из коротких привалов поинтересовался, что я намерен теперь предпринять. С учетом жесткого лимита времени особенно расслабляться было некогда, так как на весь комплекс по выполнению поставленной задачи нам оставалось всего менее восьми часов. В этой связи, исходя из особенностей ландшафта, решил вывести группу в то место, которое, с одной стороны, обеспечивало бы скрытность ее расположения, а с другой, было бы недалеко от центра района. Это позволяло, оставив на дневке только радистов и охрану для них, отдельными разведдозорами «прочесать» максимально возможную площадь за оставшееся время. Для использования классических методов поиска объекта разведки в районе у нас просто не было никакой возможности.

Олег одобрил мой план, и мы с ним по карте выбрали подходящее для дневки место. После короткого завтрака оставил на дневке трех человек, а остальных разделил по парам, определил направления ведения разведки и каждому дозору поставил задачу: скрытно выдвигаясь в указанных направлениях, выявить наличие радиолокационной станции, определить ее координаты и вернуться на базу. Мне пары не досталось, однако, проанализировав местность по карте, я выбрал, по моему мнению, наиболее вероятное направление, на котором могла располагаться РЛС.

Как потом оказалось, объект разведки находился именно там, куда я отправился. Однако с учетом того, что до района его дислокации было примерно 12 — 15 км, для того, чтобы успеть его найти и вернуться на дневку, надо было бежать. Так, передвигаясь, где бегом, где шагом, пришлось фактически пренебречь даже элементарными мерами безопасности и конспирации. Совершенно понят-

но, что, хоть это и было учение, но проверяющие и командование бригады, как это обычно бывает на учениях, могло ездить где-то по дорогам, и на достаточно открытой местности им было легко заметить идущего и тем более бегущего человека. Но расчет был на то, что увидеть-то меня можно было, однако поймать тяжело. В этом же ключе я, как говорится, «до слез» проинструктировал всех своих бойцов, сделав резюме «живыми не сдать».

Пробежав и прошагав около восьми километров, вдруг увидел одного спецназовца, двигавшегося в обратном направлении. Видимо, он также заметил меня, и мы пошли навстречу друг другу. Оказалось, что это сержант одной из групп первого батальона, и у них был тот же объект, что и у нас, только десантировали их в другом районе. Командир его группы, учитывая лимит времени, так же, как и я, принял решение провести разведку района силами отдельных разведдозоров.

Сержант рассказал, что РЛС находится на противоположном склоне оврага, в котором мы встретились, и показал точкой на карте место дислокации объекта. Казалось бы, в этой ситуации осталось лишь точно снять координаты цели, и можно возвращаться. Однако решил, что сержант мог неточно нанести РЛС на карту, и в этой связи мне пришлось продолжить путь к заветной цели, для чего прошел и пробежал по склону оврага еще километра четыре, пока не увидел радионую машину и стандартную палатку, которые изображали радиолокационную станцию. Она действительно находилась на противоположном склоне широкого оврага. От меня до нее по прямой оказалось более двух километров, но в бинокль объект был виден прекрасно, чему также способствовал обращенный в мою сторону скат оврага.

Прежде чем определять координаты РЛС, пришлось, заняв укрытие в кустах, сначала отдышаться, а затем, используя бинокль, глазомер и навыки, полученные в училище, «привязать» объект разведки к карте, как говорят топографы, то есть точно нанести его местоположение на карту. Этому в большой степени способствовало то, что рядом с РЛС была окраина небольшого казахского аула, а также пересечение грунтовых дорог, обозначенное на карте. В результате «привязка» объекта была произведена, но лишь после того, как не осталось никаких сомнений в том, что она максимально точная для данного масштаба карты и условий, в которых эта работа производилась. Определив координаты РЛС и проверив их еще

раз, буквально бегом ринулся назад, на дневку группы, так как времени оставалось слишком мало.

Когда я приближался к месту дневки группы, Кривопапов вышел ко мне навстречу и коротко рассказал, что все, кто к этому моменту вернулся, на своих маршрутах разведки ничего не обнаружили. Успокоил Олега тем, что обнаружил злополучную РЛС, а когда мы подходили к солдатам группы, то заметил, что все они смотрели на меня взглядами, содержащими один вопрос: «Ну, что? Нашли?» «Видишь, как все волнуются и ждут результата?» — спросил Олег.

А сержант-радист из роты связи, видя издалека наши радостные лица, побежал к нам навстречу с листом бумаги в руках. Олег пояснил, что радисты уже зашифровали текст радиограммы в Центр об обнаружении объекта и ждали лишь его координаты, чтобы вписать их в ш/т. Это было совершенно необходимой мерой, так как, согласно программе связи, до конца работы приемо-передающего центра оставалось всего 20 — 25 минут.

В немалой степени меня удивило то, что наш радист вежливо отказался от моего участия в шифровании телеграммы. Он, сказав, что сделает это сам, лишь попросил у меня карту, на обрезе которой были написаны географические координаты объекта. Когда я попытался включиться в процесс подготовки сообщения в Центр, Олег успокоил меня, объяснив, что я еще не допущен к шифрам, поэтому сержант сделает это сам, тем более что Олег уже проверил содержание телеграммы и правильность ее шифрования.

Лимит времени вынудил всех переживать за конечный результат, которым должен являться доклад в Центр о результатах выполнения поставленной группе задачи. В этой связи второй радист держал радиостанцию в развернутом состоянии, а два разведчика помогали ему сориентировать антенну и противовес. Мы с Олегом стали за спиной у радиста и с тревогой наблюдали за его работой. Он, по указанию своего сержанта, сделал одну попытку связаться с приемо-передающим центром бригады, но когда с первого раза связь на Чирчик не «продавилась», сержант заявил: «Все, времени совсем не остается, «дави» на Алма-Ату!» При этом он, взяв в руки компас, дал команду изменить положение антенны и противовеса и сориентировать их в направлении пункта управления начальника разведки САВО. Буквально с первой «потычки», как говорят радисты, связь продавилась с высоким качеством, что не потребо-

вало никаких повторений. Радист с удовольствием доложил о передаче радиограммы и получении квитанции на нее, что вызвало искреннюю радость всех разведчиков. После короткого приема пищи и проверки оружия и снаряжения повел группу в район эвакуации. Так закончилось мое первое спецназовское учение. После окончания учения я почувствовал, что отношение ко мне, молодому офицеру спецназа, изменилось к лучшему как со стороны офицеров роты, так и солдат. Уж не знаю, что Олег рассказывал Голубовичу и другим командирам групп о моих действиях на учении, но они постепенно перестали показывать мне, что я чего-то не знаю или не умею. Тем более, что я постоянно задавал им вопросы и просил командира роты получить в секретке различные учебные пособия, чтобы разобраться с той или иной проблемой».

В нашей роте, так же как и в других подразделениях бригады, существовал порядок, по которому в субботу на парко-хозяйственный день оставался один ответственный офицер, а в воскресенье и праздничные дни — замполит. Однако в период подготовки к проверке, к тактико-специальным учениям выходных дней не было. Более того, мы сами готовы были работать без отдыха.

Коллектив нашей роты считался дружным и сплоченным. Немалую, а, пожалуй, основную роль в его объединении играли командиры. Но, к сожалению, они у нас менялись с регулярной периодичностью. За три года подразделением покомандовали старшие лейтенанты Неделько, Елисеев, Сикорский, Голубович, Тимченко. Каждый из них перестраивал жизнь ротного коллектива под себя, и не всегда это было для пользы дела. Командир — главный человек в коллективе, и не каждому дано быть толковым организатором, руководителем и одновременно отцом-воспитателем.

О своем первом ротном командире я уже начинал рассказывать. Подчеркну, что взаимоотношения с ним у меня были первыми, и потому запомнились острее других. Выпускник Ташкентского ВОКУ, как пехотный офицер он был подготовлен прекрасно: хорошо стрелял, имел великолепные физические данные, хорошо играл в ручной мяч, любил службу, не боялся трудностей. В быту был компанейским парнем, умевшим много выпить и не хмелеть. Однако первый опыт моего общения с ним оказался не совсем удачным. Он в жизни руководствовался известным и не всегда верным принципом: «Выслушай и сделай наоборот!». Хорошо, если командир умеет анализировать обстановку, а если самоанализа не происходит,

то такой начальник превращается в самодура. И в коллективе работать с таким руководителем ой, как нелегко. В отличие от других командиров рот он не всегда умел «умно» показать свою работу, порой проявлял примитивизм. В связи с этим мне приходилось с ним много спорить, доказывая свою правоту, и даже ругаться, поскольку своим самодурством он часто просто вредил общему делу. Ярким примером подобного может служить такой случай. Во время индивидуальной беседы с ефрейтором Разговоровым мне удалось расположить его к откровенному обсуждению недостатков и причин недружеских отношений в коллективе роты, как правило, происходящих после убийства офицеров в ночное время. Информация была очень интересная, содержательная и поучительная, о чем я и рассказал в канцелярии командиру с предложением учесть недостатки в работе наших ответственных офицеров. Однако действия единомышленника превзошли все ожидания и разумные пределы. Конфиденциальная информация, выданная в порыве откровенности солдатом, подействовала на ротного, как красная тряпка на быка. Не думая и пяти минут, он объявил построение роты. Вызвал из строя бедного ефрейтора и приказал доложить личному составу то, что тот только, что «донес» замполиту. Шок! Рота зашумела. Реакция личного состава была понятной, ведь стукачей не любят, но после этого даже когда очень надо было, что-то узнать о жизни подчиненных сам ротный «выбить из них уже ничего не мог». Пример с Разговоровым был поучительный и многие годы впоследствии передавался из уст в уста из поколения в поколение! Я же корил себя, ибо был виновен в том, что отрыв источник полученной информации, что в разведке делать не принято. Странности поведения командира 6 роты были заметны со стороны и командованию бригады, потому, примерно, где-то через год его перевели в оперативно-разведывательное отделение штаба части, откуда он успешно поступил в академию им. Фрунзе. Впоследствии стал полковником комбригом в Чучковской бригаде. Уволился в запас начальником кафедры военной подготовки одного из Липецких институтов. По военной стезе по стопам отца пошел его сын Артем, окончивший факультет спецсвязи Краснодарского командного училища.

На место убившего ротного пришел новый — обаятельный старший лейтенант Владимир Елисеев, тот самый Елисеев, отличившийся на соревнованиях разведывательных групп в 1973 году. Получивший в качестве поощрения за успехи в службе должность

ротного командира, и материальное приложение — отдельную трехкомнатную квартиру в новом микрорайоне за автобазой недалеко от части. Отмечая новоселье, за разговорами я познакомился с новым командиром поближе.

«Я родился в 1947 году в семье инвалида войны лейтенанта госбезопасности Елисеева Петра Дмитриевича, — рассказывал Володя. — Отец был ровесником Февральской революции 1917 года. Род Елисеевых считает свое начало из крестьянской бедноты деревни Дубовицы Старорусского района (тогда) Ленинградской области. В 1933 году семья вступила в колхоз... Однако после окончания начальной школы отец ушел из деревни на Старорусский фанкомбинат маляром. 8 октября 1938 года был призван в армию. Первоначально служил в Первом погранотряде войск НКВД СССР в н.п. Ухта. Через год переведён в военно-строительный батальон погранвойск НКВД СССР в н.п. Кемь Карело-Финской АССР. Участвовал в боевых действиях в войне с белофиннами (Карело-финский фронт). В октябре 1940 года принят кандидатом в члены ВКП (б) и назначен командиром отделения во 2-ю отдельную военно-строительную роту под г. Мурманск.. В 1941 присвоено звание «сержант». 20 июня 1941 года, попрощавшись с женой и двухлетней дочкой, возвращаясь из отпуска, к своему месту службы доехать не успел. С началом войны противник перерезал путь движения на север. Отца назначили начальником гарнизона по охране железнодорожного объекта в пригороде г. Мурманска. Во время одного из авианалётов ему не понравилась медлительность пулеметчика, ведущего огонь по самолётам противника. Отец отправил бойца в траншею и сам вместо него начал вести огонь из пулемёта Дегтярёва. Услышав вой летящей бомбы, пригнулся к земле. После взрыва, осмотревшись, увидел, что диск пулемёта срезан осколком, вскочил и побежал назад в укрытие в траншею. Очнулся через несколько месяцев в госпитале г. Караганды. Как оказалось, обе ноги были перебиты осколками, но врачам их удалось спасти от ампутации, так же, как и жизнь. Однако для военной службы он был окончательно и бесповоротно не годен. Так его война закончилась 5 августа 1941 года.

До 16 февраля 1942 года отец находился на излечении в госпитале г. Молотов. В конце месяца, после демобилизации из армии, фронтовика назначили председателем Калининского райсовета «Осовиахима» с. Журавлёвка Акмолинской области, КазССР. В марте

1943 года принят в члены ВКП(б). Два последних года войны служил комендантом спецкомендатуры НКВД-МГБ по месту постоянного жительства. В 1945 — 1946 годах учился в Алма-Атинской офицерской школе МВД СССР. С 1946 по 1951 гг. лейтенант, оперативный уполномоченный по спецпоселению Есиальского райотдела МВД-МГБ Акмолинской области, Казахской ССР. С конца 1951 по август 1952 года — старший оперуполномоченный. Человек он был чуткий и порядочный, о чем свидетельствуют такие факты. За весь период службы в НКВД-МГБ с 1944 по 1952 гг. он завёл всего два дела, но до суда и ареста не довёл ни одного. Ни один человек от него не пострадал.

В годы лихолетья семью разбросала война, и отец долго искал родственников. Оказалось, что жену и дочь, нашу старшую сестру Киру 1939 года рождения, немцы угнали в Германию. Такая же судьба постигла родителей, младшего брата Анатолия, а младшую сестру Марию и сестёр жены — Клавдию и Марию, немцы загнали в концлагерь на латвийской территории в окрестностях г. Резекне. После освобождения и фильтрационных лагерей они все смогли вернуться на историческую родину. Старшего брата отца танкиста Константина в 1945 году на Западной Украине убили бандеровцы. Младший — Михаил, закончил войну майором.

После счастливого воссоединения семьи, через положенный природой срок в 1947 году родился я, а через четыре года мой младший брат — Александр. С шести-семи лет отец приучил меня к оружию, заступая на суточные дежурства в милиции, брал с собой на стрельбы из пистолета «ТТ» и малокалиберной винтовки. Так что с оружием я стал на «ты» довольно рано.

Село Кийма, где мы родились, в то время было районным центром. Там я пошел в школу и учился до четвёртого класса. Население было интернациональным и разношерстным: высланные немцы Поволжья, украинцы с Западной Украины, ингуши и чеченцы с Кавказа, крымские татары, местные казахи. С малолетства мы, детишки, бегая с друзьями по разным домам, уже могли понимать и даже объясняться в каждом доме на том языке, на котором там говорили взрослые.

В 1957 году райцентр перенесли на станцию Джаксы, район стал называться Джаксынским. С четвёртого по одиннадцатый класс учился там в весьма непростой обстановке. С пятого-шестого класса у нас начались «войны» с учениками казахских школ. До девятого

класса мы регулярно с ними сталкивались и враждовали. Но, правда, они нападали на наших с соотношением как минимум 5 — 6 человек против одного. Однажды меня «взяли» человек 15. Били пряжкой исподтишка, со спины, чтобы я не узнал, кто это. К счастью, недалеко проходил мой одноклассник Коля Синьков, он был повыше меня на голову. Я крикнул ему, он услышал и побежал в нашу сторону. В итоге мы вдвоём быстро разогнали группу, пользуясь щебёнкой, которой была вымощена дорога. Это был последний эпизод моего «выживания», потому что в девятом классе мы стали учиться с казаками вместе (отдельные казахские классы старше восьмого отменили). А в многонациональном классе мы быстро притерлись друг к другу, и конфликты на национальной почве прекратились. Появились новые юношеские увлечения. В девятом-десятом классе я с приятелями занимался в парашютном кружке, который вёл корреспондент районной газеты. Изучали материальную часть парашюта ПД-47, тренировались в укладке, одевании, работе с подвесной системой, гашении парашюта. Но весной 1964 года его перевели в г. Целиноград в редакцию областной газеты и с прыжками у нас ничего не получилось.

Моя мама, Елисеева Анна Алексеевна, была на год моложе отца и являлась уроженкой дер. Сусолово, что в двадцати километрах от Старой Руссы. До войны окончила педагогический техникум. Работала учительницей начальных классов. С пятого класса, — рассказывал Владимир, — я уже помогал ей проверять тетради учеников. В шестом она разрешала мне не только проверять тетради, но и ставить оценки. Так у меня заочно появились любимые ученики и ученицы её классов. А классы были большие, по 30 — 35 человек. Каждый день она приносила домой в портфеле по шестьдесят-сто двадцать тетрадей, которые нужно было проверить к завтрашнему дню. За этот труд она получала целых 45 рублей. Мне же удавалось получать на различных курсах по тридцать рублей в месяц (тогда еще и платили за учёбу), а летом на различных работах — до шестидесяти рублей в месяц. Все деньги я отдавал матери и очень этим гордился. Так, в январе 1962 года, по окончании курсов «трактористов-машинистов-комбайнеров» получил соответствующее удостоверение. В сентябре того же года я закончил курсы автослесарей (по ходовой части). В 1963 — курсы автослесарей (по моторной части).

Всё обучение проходило в период летних каникул. Одновременно

менно на каникулах один год работал смазчиком, на следующий год — автослесарем в моторном цехе в местной автобазе. В 1964 году на каникулах поработал киномехаником в кинотеатре, музыкантом в пионерлагере (один заезд). В том же году, в один из выездов на уборку картофеля, отработал одну ночную смену на тракторе. Трактор был старенький ДТ-54, двери не закрывались, и звук от трубы периодически бил по ушам. К утру, закончив вспашку, выполнив норму, отогнал трактор на полевой стан, вернулся к своему классу. Учительница мне начала что-то говорить, а я не мог понять, не слышал. Она перепугалась, меня отвезли к врачу. Оказалось, что за смену я оглох от рёва выхлопной трубы. Больше меня за трактор не сажали.

В сентябре — октябре 1964, по комсомольской путёвке, направлен в комсомольский оперативный отряд для контроля за доставкой зерна на элеватор. Проверяли наличие и правильность укрытия зерна брезентом в грузовиках, потери зерна при транспортировке, правильность его хранения на элеваторе, потери. В 1965 году, одновременно с окончанием школы, окончил курсы шоферов-профессионалов и мотоциклистов (тогда выдавались отдельные права). Кроме того, по итогам производственного обучения в школе, получил удостоверение штурмана-маяра четвертого разряда. То есть к жизни был готов по многим нужным стране трудовым специальностям, а главное знал цену труду, который попробовал.

Отец же мой до июня 1966 года служил старшим пожарным инспектором Есильского района Акмолинской области в воинском звании старший лейтенант. С этой же должности ушел на заслуженный отдых.

Через год после окончания школы я стал курсантом Ташкентского ВОКУ им. В.И. Ленина. К училищу у меня уже был некоторый опыт практической работы по нескольким специальностям и я себя ощущал достаточно взрослым и состоявшимся человеком. В училище увлекался разными видами спорта. Выступал за свою роту в соревнованиях по штанге, волейболу, футболу, самбо, боксу, гимнастике. Правда, наивысшим достижением в училище было четвертое место в соревнованиях по самбо. В борьбе за 3 — 4-е место проиграл бой лейтенанту, мастеру спорта по классической борьбе и любителю-культуристу. Мне тогда очень не понравилось то, что он не смог меня победить в честной схватке (тем более, что у меня не было ни одного, даже юношеского разряда). Несколько раз мы в

борьбе вылезали за пределы ковра, судья давал свисток, мы возвращались в центр и продолжали схватку. В очередной раз мы вылезли за ковёр, мне показалось, что был свисток. Я встал и пошел к центру ковра, в этот момент лейтенант прыжком сзади схватил меня за ноги и поднял. Ему объявили — чистая победа!

Первый курс училища мне удалось сдать на отлично (где-то пятнадцать экзаменов и зачетов). На втором курсе командир взвода завел со мной разговоры о том, не пойти ли нам на золотую медаль или красный диплом? Так появилась новая задача. Решил взяться за неё. Похожий опыт у меня уже был. Перед выпускными экзаменами в школе выяснилось, что оценки у меня в аттестате могут быть очень слабые, если не сдать все экзамены на отлично. Пришлось взяться основательно. Удалось разобраться самому и выучить наизусть билеты: по физике, математике, геометрии, тригонометрии, иностранному языку, а русский и литературу — половину. Экзамены сдал отлично (кроме литературы — «4»). В итоге аттестат зрелости получился хорошим (т.е. все оценки — «хорошо»). Опыт пригодился, удалось в училище сдать госы тоже на отлично. Но те четвёрки, что пошли в диплом на первом и втором курсе не дали возможности закончить с медалью. Получился только красный диплом.

Накануне выпуска в начале 1969 года к нам начали наезжать десантники — беседовать, отбирать, как оказалось, в спецназ. От округа представителями отборочной комиссии были подполковник Воинов и подполковник Дегтярёв. Председателем госкомиссии на выпускных экзаменах в училище был генерал-майор Луцев Николай Иванович, бывший командир 15-й бригады. Кандидатов отобранных для службы в десант оказалось 65 человек. С учётом этого мы все надели на курсантские красные погоны десантные эмблемы, ходили в этом виде на занятия и экзамены. Преподаватели с сочувствием относились к нам, с учётом тех отношений, которые складывались у училища с десантниками. Многим выпускникам это помогло получить более высокие оценки на экзаменах.

Отгуляв отпуск, я в августе прибыл в поселок Азадбаш, там встретил выпускника Рязанского десантного училища Василия Трисмакова, который тоже искал секретную бригаду. От десантников выяснили, что она находится в Чирчике на Аккаваке. Вернулись обратно в город. Нашли штаб бригады, который тогда размещался на отдельной территории, где в последующем развернули медсан-

часть бригады. Представились временно исполняющему обязанности командира части подполковнику Кочетову (заместителю командира бригады). С этого момента началась моя служба в спецназе».

— А много ли пришло выпускников ТВОКУ с тобой вместе? — спросил я.

— Всего из нашего училища в 1969 году прибыло в бригаду тридцать человек, — ответил Елисеев. — У каждого из них оказалась своя неповторимая военная судьба.

Своя судьба ждала и моего командира. Проработал он в подразделении до обидного мало, так как вскоре был отобран для поступления на учебу в военно-дипломатическую академию Советской Армии, а по условиям отбора должен был отстажироваться в течение года офицером в разведуправлении ТуркВО.

Обязанности ротного командира в течение этого времени возложили на меня. Елисеев приезжал в Чирчик на выходные, а когда приезжал, радовался, что его рота живет и учится военному делу без нареканий. Замполит вполне справляется с обязанностями командира. Для меня же этот сравнительно длительный срок стал настоящей школой становления. Нет на свете большего удовлетворения, чем ощущение доверия, оказываемого тебе как начальнику, и сознание, что по первому твоему слову люди готовы лезть в огонь и воду. Но, как чаще всего бывает, счастливые дни пролетают столь же быстро, как и приходят.

В целом, нормально справляясь с должностью, я попадал под критику, а бывало, и под стружку. Все это способствовало формированию характера и навыков требовательного командира и начальника. Этот стиль руководства, хотя не совсем соответствовал моему характеру, часто претил доброй натуре, но все же был единственно правильным и позволил нашей роте по всем показателям находиться на высоте. Мы остались отличной ротой.

С другой стороны, я еще более укрепился в своих навыках волевого поведения, жесткой требовательности и целеустремленности. Правда, меня в тот период возмущала несправедливость моих начальников, когда в приказах по части объявлялось поощрение отсутствующему на службе командиру роты, а меня, исполняющего его обязанности, забывали.

Странно устроены люди. Как бы ни был человек свободен от честолюбия, он начинает страдать, если его не замечают. Такое было у меня неоднократно и в ходе трехмесячных сборов по воз-

душно-десантной подготовке, в частности, когда рота под моим командованием сделала более тысячи прыжков с парашютом без каких либо травм и происшествий, а также в ходе различных учений, проверок, конкурсов и смотров. Но такова уж, видно, доля заместителя.

Короткое время, после зачисления Елисеева в академию, обязанности ротного командира исполнял выпускник Рязанского высшего воздушно-десантного командного училища старший лейтенант Валерий Сикорский.

Мы сначала обрадовались его назначению и строили большие планы. Ведь по образному выражению одного из десантных командиров, если курсанты-десантники были элитой армии, то курсанты — спецназовцы РВДКУ были элитой элиты. Но он не сумел завоевать симпатий подчиненных, оказался таким ленивым интеллигентом-философом, как и Володя Мотуз из 4 роты, совсем несоответствующим нашему представлению об образе офицера-десантника, и был откомандирован из роты на штабную работу в оперативно-разведывательное отделение штаба бригады. Впоследствии, как мне рассказывали, подполковник Сикорский закончил военную службу в Марьиной Горке.

Доброе впечатление оставили о себе командовавшие ротой капитан А.Голубович и старший лейтенант А. Тимченко. С ними мне работалось душа в душу, я считал их очень хорошими и способными командирами. У высоченного «Дон Кихота» Голубовича был какой-то кураж, он умел зажигать подчиненных своими идеями, и служить при нем было интересно и осмысленно всем. Саша, выпускник Орджоникидзевогo суворовского военного училища, был законченным идеалистом и фантазером, влюбленным в десантную службу. Иногда приходилось его приостанавливать, — вот как об этом вспоминал наблюдательный Сережа Харламов:

«По времени физзарядка уже должна была подходить к концу, но командир роты, судя по его настрою, заканчивать ее не собирался. Олег подошел к Голубовичу и напомнил, что пора бы завершать тренировку на спортгородке, так как, кроме туалета, уборки расположения роты и утреннего осмотра личного состава, распорядком дня предусмотрена еще и политинформация. Александр Леонидович дал команду старшине роты Ковалю вести личный состав в расположение, а сам недовольно пробурчал, что лучше бы хотя бы половина тех многочисленных часов занятий, которые вы-

делены на политинформации и политподготовку, были бы отданы на другие предметы боевой подготовки, и прежде всего на физо».

Комбриг Мосолов, знавший Голубовича еще по Ней-Тимену, ценил увлеченность офицера и предлагал ему возглавить штабную роту, но тот, на мой взгляд, недальновидно резко отказался, хотя был бы отличным командиром на этом элитном подразделении. Однако имея собственное мнение по вопросам планирования боевой подготовки, по методике обучения личного состава, Голубович вынашивал утопические планы строительства под военным городком бригады подземного комплекса учебной материальной базы по американским стандартам. Постоянно вступал в конфликты с вышестоящими начальниками, и в конце концов был переведен в оперативно-разведывательное отделение штаба бригады. Возглавив отряд, в 1979 году внес свою лепту в подготовку подразделений «мусульманского батальона», достойно выполнившего специальное задание правительства. Впоследствии, как мне рассказывали, сменил Володю Шарипова на должности командира десантно-штурмового батальона в 66-й мотострелковой бригаде в провинции Нангархар. А после ДРА командовал отдельным мотострелковым батальоном, дислоцировавшимся в необъятной туркменской пустыне.

Судьба раскидала нас на долгие годы. Только через четверть века мне удалось найти Сашу на самом западе России в Калининградской области. И мы списались. В письме он сообщил о себе следующее:

«Очень рад твоему письму и звонку. Давно тебя не слышал по телефону. Твой голос и голос Сергея Харламова из всех существующих выделяются сразу же очень четко, и безумно меня радуют. И не только потому, что мы все правильно и четко работали, выполняя хорошо свои обязанности, берегли атмосферу десантного братства, весь дух творчества и принципы работы по претворению программы боевой подготовки роты в жизнь, может быть, даже и не сознавая того. Во всем прослеживалась твоя озабоченность, внимательность и настороженность — чуткость ко всему. Спасибо тебе, Олег, за это. Я это и тогда начинал понимать. С 1976 года наша жизнь перевернулась! Не удивителен, а закономерен последующий развал всего целого, что нас как-то радовало, берегло и согревало. Мне мстили потом, когда нас разъединили, нещадно. В понятии наших недоброжелателей нет того, что так можно и нужно было работать. У них в голове это не укладывалось. У них были другие

мерки, другие принципы, другие оценки. Ради того, чтобы все светлое, хорошее очертить, эти люди не остановятся ни перед чем. Мою романтическую настроенность на службу стали обливать волны хладнокровно ухмыляющегося цинизма. Душу мне они изрядно потрепали.

Начиная с твоего сменщика Васи Кушпила (действовавшего по принципу — разделяй и властвуй) и прочих балаболок, типа Тихонова, — не может быть, чтоб у тебя с Кривопаловым не было никаких противоречий? Все разводы на занятия превращались в «шоу», таким образом они создавали себе славу «своих парней» — «тихий» подстрекателей, якобы озабоченных интересами боевой готовности. Раздражали личные интересы твоих коллег, которые как надоедливые мухи были слишком назойливы и в служебном плане далеко не безобидны. Это так у нас изучались настроения и умы основных кадров. На полицейские вопросы как ни ответь: все в дураках!

Ну, а что касается моей дальнейшей службы, то, несмотря, ни на что, она была живая и интересная. Сначала я был комбатом на Самаркандском полигоне, где были частые командировки, не дававшие скучать. Постоянные потоки людей, разноплановые по назначению команды. Успевай поворачиваться — и все в поле. А если где был клуб, то это было просто счастьем. Тут уж мы разворачивались по всей программе своих возможностей.

Когда я в сентябре 1990 года заменялся в Россию, в Узбекистане уже началась национальная дележка портфелей. Как там дальше сложилось, я не знаю. Последних два года военной службы в Пруссии — в Черняховске я провел в боксе: занимались ремонтом автомобилей (замена неисправных частей, консервация, система охраны, сдача техники) — получил небольшую техническую практику. Тоже получал удовлетворение от работы. Заработала машина — радость! Зато жена Зинаида Ивановна уж поругала за «уделанные» в грязи комбинезоны и обмундирование. Два года после увольнения работал военруком в школе — преподавал основы безопасности и жизнедеятельности — но это уже другая история, хотя суть та же — те же войны, только молодые и более циничные. Ведь наступило время сорвавшихся с цепи демократических «патриотов» без тормозов. Дети Инга и Игнат выросли. Сын служит под Ростовом. Вот и все».

Его сменщик, ротный командир Тимченко, наоборот, был скеп-

тичен, сдержан и верен практике. Как он однажды выразился с юмором:

— Я прошел за пять лет в роте большой и славный путь с должности командира четвертой группы до командира первой группы. Пора бы уже и всю роту давать, кажется, уже созрел.

— Быстрая укладка парашюта приводит к быстрому спуску, — любил повторять он. — Имея в виду основательность любой работы и ответственность за ее последствия.

Александр Владимировичу судьбой была отмерена очень короткая тридцатилетняя жизнь. Уроженец Амурской области погиб в Афганистане 29 марта 1985 года. С одиннадцати лет он стал военным человеком — суворовцем, или как он сам себя с гордостью называл, — кадетом... Успешно закончив Уссурийское суворовское военное училище, попал в славное КВОКУ, которое закончили большинство офицеров-спецназовцев, ничуть не уступающее в подготовке рязанцам. После училища Александр Тимченко прошел последовательно все командные должности от командира разведывательной группы, роты, батальона в славном городе Чирчике. О нем в те годы часто писали в окружных газетах и «Красной Звезде» как о передовике боевой подготовки. После окончания академии Тимченко распределили заместителем командира 16-й бригады спецназ Московского округа. Откуда ушел за речку и в вечность...

Александр остался в моей памяти настоящим военным — профессионалом с большой буквы, носившим в среде кадетов прозвище — «Бурый». Что означало, вероятно, — знающий, опытный, уверенный, авторитетный... Он таким и был.

Кроме того, Саша являлся хорошим спортсменом и старался постоянно поддерживать в отличной форме личный состав роты. Меня поражало в нем умение не выпячивать своих достоинств, он как бы всегда оставался в тени. Например, во время тренировок по рукопашному бою или борьбе он никогда не завершал поединок блестящим концом, а как бы укреплял у своего соперника веру в собственные силы. Хотя мог бы быстро и эффектно завершить схватку. Во время разведывающих учил солдат питаться подножным кормом.

После кулинарной «школы» Тимченко его подчиненные без спазмов в горле ели шашлыки из разделанных змей, запросто жарили собачьи тушки, лихо готовили салаты из весеннего разнотравья.

Женился Саша достаточно поздно. Загруженность по службе, лишавшая возможности иметь личную жизнь, не способствовала выбору подруги. Однако после одной вечеринки у него появилась привязанность к местной очень приятной сорокалетней женщине, которая сделала его счастливым. Часто на выходные Саша уезжал к ней и в понедельник приходил на службу светящимся, отдохнувшим, в выстиранном и выглаженном обмундировании, которого коснулись умелые женские руки. Разница в возрасте не давала надежд на замужество, и потому его подруга, как всякая другая женщина бы на ее месте, попыталась привязать к себе молодого офицера беременностью. Это оказалось неожиданностью.

Разгорался нешуточный скандал. «Подруга», потеряв степенность, уже побывала на беседе у начальника политотдела бригады. Надо было принимать незамедлительные меры. Тучи явно сгустились.

Меня вызвал Руденко и спросил:

— Где твой Тимченко?

— В карауле, — ответил я.

— Иди в строевую часть, передай мой приказ об отпуске Тимченко с завтрашнего дня. А Тимченко чтоб вернулся женатым.

Так получилось, что, проявив мужскую солидарность, командование срочно отправило Сашу в отпуск с приказом — холостяком не возвращайся! Через тридцать суток Тимченко вернулся с молодой женой. И хотя свадьба была сыграна впопыхах, и жену себе нашел без особого знакомства, семейная жизнь состоялась. Саша полюбил свою избранницу — врача по специальности. Через год в семье появилось дочка.

— А при каких обстоятельствах он погиб?

В середине восьмидесятых годов его направили в ДРА на должность советника командира 37-й бригады командос афганской армии. Погиб нелепо, если можно так сказать о ситуациях, возникающих в опасной обстановке.

Накануне дня рождения жены, в центре Кабула зашел в дукан, в котором собирался выбрать подарок для своей любимой. Моджахед-террорист подорвал его самодельной миной. Сашу в одно мгновение разорвало взрывом на части. Тимченко оказался одним из 180 военных советников и переводчиков, погибших при выполнении интернационального долга. В их число не входили погибшие гражданские советники — партийные и комсомольские работники,

а также советники из МВД СССР, помогавшие афганской милиции и Царандою.

Первоначально главный военный советник и политической руководство советнического аппарата в Кабуле неоднозначно восприняли гибель подполковника, даже, как рассказывали, высказывались нелепые мысли о личной недисциплинированности покойного, однако справедливость восторжествовала, и через некоторое время погибший был посмертно награжден орденом Красной Звезды.

Его безутешная вдова вернулась на родину — на Дальний Восток, в город Белогорск Амурской области, где останки Александра предали земле.

Я до сих пор вспоминаю его с особой теплотой и горьким сожалением о ранней смерти.

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

В юности мы особенно ранимы из-за преждевременных смертей своих близких и товарищей. В нашем батальоне большое объединяющее нравственное начало вносил майор Кондратович. Ежегодно в родительский день он собирал актив подразделений, вооружал его инструментом, краской, ритуальными венками и уводил за собой на местное кладбище, где покоились останки наших погибших сослуживцев. Их было немало. Все могилы в этот день приводились в порядок: очищались от мусора и ржавчины, подкрашивались или обновлялись. У скромного обелиска моего предшественника лейтенанта Саши Парамонова, в разговоре с Дмитрием Васильевичем мы подняли тему крымско-татарского выселения. Молодой политработник погиб от рук местных убийц этой национальности. Но их преступление нельзя было воспринимать, как акт национального или освободительного движения, поскольку причины их высылки имели веские основания.

Как рассказывал Кондратович, — накануне войны крымские татары составляли меньше одной пятой населения полуострова Крым, где они исторически всегда проживали. По данным переписи 1939 года: татары составляли 19,4% населения или 218.179 человек. Тем не менее, татарское меньшинство нисколько не было ущемлено в своих правах по отношению к «русскоязычному» населению. Скорее наоборот. Государственными языками Крымской АССР явля-

лись русский и татарский. В основу административного деления автономной республики был положен национальный принцип: в 1930 г. были созданы национальные сельсоветы: русских 207, татарских 144, немецких 37, еврейских 14, болгарских 9, греческих 8, украинских 3, армянских и эстонских — по 2. Кроме того, были организованы национальные районы. В 1930 г. было 7 таких районов: 5 татарских. После начала Великой Отечественной войны многие крымские татары были призваны в Красную Армию. Однако служба их оказалась недолгой. Процитирую выдержки из нескольких документов, найденных мной позже в ряде исторических публикаций.

Докладная записка зам. наркома госбезопасности СССР Б.З. Кобулова и зам. наркома внутренних дел СССР И.А. Серова на имя Л.П. Берии, датированную 22 апреля 1944 г.:

«...Все призванные в Красную Армию составляли 90 тыс. чел., в том числе 20 тыс. крымских татар... 20 тыс. крымских татар дезертировали в 1941 году из 51-й армии при отступлении ее из Крыма...».

Таким образом, дезертирство крымских татар из Красной Армии было практически поголовным. Затем началось прислужничество немецким оккупантам.

«С первых же дней своего прихода немцы, опираясь на татар-националистов, не грабя их имущество открыто, так, как они поступали с русским населением, старались обеспечить хорошее отношение к себе местного населения, — писал начальник 5-го партизанского района Красников.

Уже в декабре 1941 года немецкое командование приступило к организации так называемых «мусульманских комитетов». Под руководством немцев стали формироваться вооруженные отряды «самообороны». Многие татары использовались в качестве проводников карательных отрядов против партизан. Отдельные отряды посылались на Керченский и частично на Севастопольский участок фронта, где участвовали в боях против Красной Армии. Но больше всего они прославились расправами с мирным населением.

Обратимся к данным: «В подразделениях немецкой армии, дислоцировавшейся в Крыму, состояло, по приблизительным данным, более 20 тыс. крымских татар». То есть, с учетом сведений, приведенных в процитированной выше записке Кобулова и Серова, практически все крымско-татарское население призывного возраста.

Что такое 20 тысяч человек? Много это или мало? Известно, например, что число фашистских формирований укомплектованных русскими составляло около 50 тысяч человек (РОА Власова, «казачьи части Краснова и др.). Это кажется намного больше. Но относительно общей численности татарского населения и ограниченности региона это практически сто процентов поддержки «нового порядка». Расчет здесь простой — 20 тысяч от общего числа татар, проживающих на территории Крыма, составляли почти все мужское население этой национальности призывного возраста. Очень мало татар ушло в партизанские отряды. По данным Крымского обкома Компартии Украины, среди крымских партизан был 391 татарин. Соотношение татар, проходящих службу в немецкой армии и в партизанах, будет больше чем 30 к 1.

Или вот еще одна выдержка из документа от 10.04.1942 г. Из послания А.Гитлеру, принятого на молебне более 500 мусульман г. Карасубазара.

«Наш освободитель! Мы только благодаря Вам, Вашей помощи и благодаря смелости и самоотверженности Ваших войск, сумели открыть свои молитвенные дома и совершать в них молебны. Теперь нет и не может быть такой силы, которая отделила бы нас от немецкого народа и от Вас. Татарский народ поклялся и дал слово, записавшись добровольцами в ряды немецких войск, рука об руку с Вашими войсками бороться против врага до последней капли крови. Ваша победа — это победа всего мусульманского мира. Молимся Богу за здоровье Ваших войск и просим Бога дать Вам, великому освободителю народов, долгие годы жизни. Вы теперь есть освободитель, руководитель мусульманского мира — газы Адольф Гитлер».

Майор Кондратович рассказывал, как героически погиб под Алуштой от рук татар легендарный «батальон четверых», описанный писателем Л.Соболевым.

Это была «группа 017» (отряд парашютистов-разведчиков группы особого назначения Черноморского флота), в количестве 30 человек, которая под утро 2 июля 1942 года, в результате преследования немцами, была вынуждена раньше времени десантироваться на крымский берег.

В ходе неравного боя с вооруженной группой татар, все, кто остался в живых, были пленены. Над ними стали глумиться и по очереди убивать. Подоспевшие итальянские солдаты успели, приме-

нив силу, предотвратить начавшийся расстрел, и часть пленных спасли — отправив в лагерь в Ялту.

А в июле 1942 года, под Балаклавой, из лагеря военнопленных Куликово Поле привлекались сотни захваченных бойцов и краснофлотцев для разминирования в районе Мекензевых гор. На минные поля направлялись двумя шеренгами по сто человек в каждой с расстоянием в метр или 1,5 между человеком со щупами в руках. После такого «разминирования» в живых оставались единицы. Получивших ранения при взрыве мин добивала палками шеренга крымских татар, идущая на удалении. За ними же, наблюдая за «производственным процессом», шли, покуривая сигареты, немцы с автоматами.

Не отличались татары гуманизмом и в период освобождения полуострова от фашистов в 1944 году. Пользуясь усталостью наступающих бойцов, татары резали ножами спящих солдат на привалах. На так называемые «сонные» кладбища советские бойцы тогда попадали ротами и батальонами.

— Учитывая многочисленные факты сотрудничества с захватчиками и массовые зверства, — объяснял нам замполит, — по распоряжению Сталина 18 мая 1944 г. крымско-татарское население было депортировано в Среднюю Азию.

Могли ли руководители страны при таком развороте событий принять другое решение? Судить об этом достаточно трудно, но если говорить о выселении как об акте возмездия, то оно больше напоминает спасение нации, чем ее уничтожение. После кровопролитных боев за освобождения Крыма на имя народного комиссара внутренних дел СССР Л.П.Берии была направлена такая телеграмма: «20 мая 1944 г. Настоящим докладываем, что начатая в соответствии с Вашими указаниями 18 мая с.г. операция по выселению крымских татар закончена сегодня, 20 мая, в 16 часов. Выселено всего 191.044 лиц татарской национальности, погружено в 67 эшелонов. Кроме того, райвоенкомы Крыма мобилизовали 6000 татар призывного возраста, которые по нарядам Главупраформа Красной Армии направлены в города Гурьев, Рыбинск и Куйбышев. Из числа направляемых по Вашему указанию в распоряжение треста «Московуголь» 8000 человек спецконтингента 5000 чел. также составляют татары. В ходе выселения татар арестовано антисоветских элементов 1137 чел., а всего за время операции — 5989 чел. За время операции изъято: минометов — 49,

пулеметов — 622, автоматов — 724, винтовок — 9888 и боеприпасов — 326.887 шт. При проведении операции никаких эксцессов не имело места. Серов, Кобулов».

Их никто не расстреливал, и они все вернулись в свои семьи. А направь Сталин якобы виновное мужское население на фронт, да еще в штрафные роты, то о существовании крымско-татарской нации говорить было бы затруднительно, слишком многие просто не вернулись бы в свои дома. А из лагерей они вернулись. Пусть не на свою землю, но в свои семьи. Сегодня выселение выглядит актом вандализма. Но это сегодня, тогда это выглядело несколько по-другому... Думается, что если не спекулировать на теме национального унижения и притеснения, а спокойно разбираться в прошлых взаимных обидах, то тут не должно быть недомолвок или оговорок. Не должно быть так, что по причине когда-то принятого властью решения через многие годы сохранялась стена претензий и разборок. Хотя узбекским властям они высказывали знаки благодарности за проявленный гуманизм.

Однако, находясь на благодатной гостеприимной узбекской земле, крымские татары из поколения в поколение сохранили лютую ненависть к советской власти и ее военнослужащим. В Ташкентской области, где проживала основная часть переселенцев, то и дело происходили диверсии и террористические акты. Нападения на военных с целью убийства являлись рядовым явлением нашей жизни. И что характерно — убивали и калечили не только профессионалов-офицеров, но и простых наивных мальчишек-солдат.

На кладбище в Чирчике недалеко от Парамонова мы поклонились могилам двадцати двух солдат, убитых крымско-татарскими экстремистами в разное время, в том числе жертвам бандитского ночного налета на гарнизонный караул...

КРАЕУГОЛЬНЫЕ КАМНИ ОПЫТА

Важнейшим направлением и спецификой моей деятельности являлась индивидуально-воспитательная работа с подчиненными. Это, пожалуй, было, единственное дело, которое с первых дней службы шло достаточно уверенно. Помогали знания основ политработы в подразделении, полученные в стенах училища, опыт трехлетней работы с курсантами в должности нештатного замполита батареи и

две стажировки в войсках. Хотя, откровенно скажу, работа с людьми не обходилась без досадных ошибок, эксцессов, сбоев и неприятностей. Показательным в этом плане оказался первый новогодний вечер и ночь с 1972 на 1973 год. Это сейчас я вспоминаю ту ситуацию со смехом, а тогда мне не было весело.

Произошло следующее. Используя весь арсенал средств культурно-массовой работы и отойдя от стереотипов, сложившихся в части, я решил отметить в роте новогодний праздник «по-домашнему». Предновогодние торжества включали в себя концерт художественной самодеятельности, в ходе которого солдаты сидели за праздничными столами и лакомились золотистым узбекским пловом, приготовленным нашим же разведчиком, работавшим на гражданке поваром. Во главе нашего праздничного застолья восседали приглашенные командиры: хмурый и подозрительный комбат Лобадзе и его замполит Кондратович.

— Не нравится мне все это, Дмитрий Васильевич.

— Запомни, Кривопалов: солдата куда ни целуй — везде жопа, — бурчал про себя комбат, — они тебя еще отблагодарят, помяни мое верное слово.

Но приготовленный плов ему понравился, и он поел с удовольствием. Лица моих бойцов излучали детскую радость. Они пели песни и танцевали, благодарили замполита и повара.

— Вот она, высшая оценка, — думал я, — а не надоевшее брюзжание комбата, который вечно все оценивает с пессимистических позиций.

— Кривопалов, ну что я тебе скажу, молодец, концерт хороший, праздник получился, но комбат прав — запомни, кто не попал в цирк и не сидит в тюрьме, тот служит в ВДВ, — с умным выражением лица, закатив глаза к небу, вставил свою цитату и замполит батальона.

— Еще не вечер. Смотри за ними! — добавил Лобадзе.

— Ну ладно, с наступающим Новым годом! — мои наставники попрощались со мной, оставшись каждый при своем мнении, и ушли праздновать Новый год домой.

Я провел вечернюю поверку, дождался отбоя и, уложив бойцов спать, побежал на полчаса поздравить свою жену и соседей. Когда я вернулся в роту, там уже все главное свершилось. Произошло то, о чем говорили «классики»: мои «благодарные» воспитанники бездарно и безмерно напились дешевого самодельного вина,

какое в народе называли «бормотухой». Конспиративно доставив его заранее в солдатских чайниках, они выпили его после моего ухода. Пойло оказалось страшное. Об этой выходке никто бы никогда и не узнал, если бы солдатские желудки приняли зелье, а не оставили следов «восторга» в туалетной комнате, отчего в казарме стоял дичайший запах «бормотухи», чем они, в конце концов, и выдали свою армейскую «выдумку». Этим своим действием они дискредитировали воспитательные методы и новшества работы с подчиненными молодого лейтенанта.

В первый день нового года состоялся разбор «полетов», от чего мне было очень грустно.

— Это же надо, лейтенант Кривопалов накормил и «напоил» целую роту! — топал ногами и кричал эмоциональный комбат майор М.Лобадзе. — Ну, спасибо за заботу о людях!

— А я думаю: ничего себе придумал — столы по-домашнему, салатки, фрукты, плов. Угощайтесь, товарищ майор! Пфу на тебя! Не нужны мне такие педагогические эксперименты.

— Запомни, лейтенант, недаром говорят, — продолжал мое воспитание Лобадзе, — чтобы служить в ВДВ, нужно иметь наглую морду, железный желудок и ни грамма совести...

Надо сказать, что комбат и его замполит, старые вояки, умели говорить красочными штампами. Первые афоризмы армейского фольклора, услышанного от них, я начал записывать на служебных совещаниях в отряде. А в дембельских альбомах солдат эти цитаты увековечивались среди фотографий. Прошли годы, прежде чем я узнал, что эти крылатые воспитательные выражения, звучащие как философские аксиомы, придуманы были задолго и до Лобадзе, и до Кондратовича, что принесены в коллектив первыми десантными командирами и политработниками, формировавшими бригаду.

Чем не блестящ такой оптимистический пассаж:

— В ВДВ нет больных, есть только живые и мертвые.

Во всех солдатских записных книжках и дембельских альбомах можно было прочитать:

— Кто не служил в ВДВ — радуйся, кто служил — гордись!

— Один десантник может многое, двое — все!

Эта особая гордость осталась у нас на всю жизнь:

— Десантник три минуты орел, а остальное время — лошадь, — говорит каждый из нас, когда его спрашивают о сущности десантной службы.

Набивая первые шишки, я впитывал опыт старших товарищей. Анализировал сказанное, болезненно воспринимал критику в свой адрес и старался не повторять ошибок. Во всем старался мыслить самостоятельно и искал собственный путь работы.

Я очень болезненно реагировал на частую смену командиров и руководителей, что, на мой взгляд, создавало сложности в деле формирования нормальных взаимоотношений в коллективе.

Процесс формирования молодых офицеров в коллективах продолжался непрерывно, и чем мы были моложе, тем нас чаще и больше ругали и воспитывали. Порой даже ни за что. Так, вспоминая, 12 апреля 1973 года на совещании офицеров батальона тот же майор М.Лобадзе резко меня отчитал:

— Мало внимания мы, командиры и политрабтники, уделяем политработе в полевых условиях и на учениях. И прежде всего это касается вас, товарищ лейтенант Кривоपालов... Шестую роту мы отмечают в числе лучших, но как уживаются вопиющие недостатки в роте? На недавних тактико-специальных учениях разведчики роты шли без всякой маскировки и конспирации, как на экскурсии. Зафиксированы просто дерзкие факты хулиганства и баловства с оружием. Видишь ли, оставляют после стрельб патроны, а потом на учениях стреляют по сайгакам. Вместо того, чтобы преодолевать расстояния ножками, себя и солдат жалеют, — ловят проходящие машины, мотоциклы и даже запрыгивают на платформы проходящих товарных поездов. Вы чего людей балуете? А если завтра война? Нечего жалеть подчиненных, надо работать серьезнее, требовательнее относиться и к себе... Развивайте командирские качества.

Мне обидно было слышать замечания, высказанные комбатом в мой адрес. Поскольку на названных тактико-специальных учениях я в должности командира группы полностью выполнил поставленные учебно-боевые задачи. А то, что мы запрыгнули на проходящий мимо поезд и покинули его на ходу в районе, определенном нам для разведки, так на то подталкивало неумолимое время жестких нормативов. Нам часто ставили очень жесткие временные рамки, и на учениях просто идти мы не имели права. Мы или бежали, или искали альтернативные маршруты скорейшего выхода к назначенному объекту. В тех условиях, так я считаю и сейчас, в этом был мой личный пример офицера. Однако о хорошем сказано не было, но почему-то совершенно не подвергся критике засидев-

шийся в должности выпускник РВВДКУ старший лейтенант Владимир Мотуз, который давно забил на службу и, проявив разгильдяйство, сошел с маршрута, не выполнив поставленную командованием учебно-боевую задачу. Его почему-то критика Лобадзе не касалась.

На другом совещании комбат вновь меня «чистил»:

— В 6-й роте проводится недостаточная воспитательная работа с личным составом.

За последнее время среди солдат, прибывающих из городского увольнения, отмечено несколько нетрезвых. Основной причиной этого, я считаю, является недостаточная воспитательная работа и слабая загруженность занятиями в выходные дни. Молодежь мучается и не знает, куда приложить свою энергию. Не оправдывает Кривоपालова и то, что у него в роте осталось всего два офицера. Больше опирайся на сержантов, если нет офицеров. Сам лично займись плотнее людьми. Впереди ночные прыжки с парашютом, а в 6 роте, как докладывают медики, у многих солдат потертости на ногах. Загружать солдат надо, но и беречь, товарищ лейтенант.

— Как докладывает капитан Пашковский, при укладке парашютов в козлах в подразделениях обнаружены ошибки на этапе зачеховки приборов. В 6 роте, где командиром лейтенант Кривоपालов, при осмотре у двух парашютов обнаружены малозаметные разрывы куполов. Немедленно заменить и быть внимательнее с матчастью на укладках. Ведь за этим жизни человеческие стоят. Вы это понимаете, товарищ лейтенант?

— Да, конечно, понимаю! — что еще ответишь.

На совещании офицеров бригады, бывало, попадали мы и под шквал критики командира полковника Р.П. Мосолова:

— Поддержание дисциплины требует не меньших усилий, чем боевая подготовка. Взять, к примеру, шестую роту. Она по уровню боевой подготовки не уступает никому в части. Но во втором батальоне из 25 нарушений дисциплины, третья часть принадлежит шестой роте. Почему она в дисциплине уступает? Выявлены неуставные отношения сержантов к солдатам... Один старший сержант Маметов чего стоит. А лично ротный командир Кривоपालов сделал его своей правой рукой — старшиной роты... Ты что ж, сынок, на кулаках решил дисциплину в роте держать. Не разглядел ты Маметова. Доверяй, но проверяй... Запомните, лейтенант, — три «П». Командир обязан: предвидеть, предусмотреть, проверить.

Прошли многие годы, но те события я до сих пор вспоминаю с глубоким сожалением. Алик Маметов был замечательным старшиной роты. По многим показателям являлся примером для подчиненных. Хороший спортсмен-боксер. Поддерживая уставной порядок в роте, иногда допускал рукоприкладство к двум разгильдяям и «шлангам», — так называли неопрятных, несобранных солдат, а также проявивших малодушие при прыжках с парашютом. Пришедший в батальон новый начальник штаба заинтересовался феноменом лучшей роты, которой командует лейтенант, и нашел этих изгоев-«чмошников». После однодневной душещипательной беседы они рассказали ему о не всегда педагогических методах укрепления дисциплины, бытующих в роте.

— Подчеркиваю, главное для нас — быть в высокой боевой готовности и иметь в ротах здоровый моральный дух. Укрепляйте товарищество и дружбу! Боритесь с неуставными отношениями. Начиная прыжки с парашютом, прошу, не травите молодежь ужасными историями, они и так боятся.

— Хочу похвалить лейтенанта Кривопалова, который снял кинофильм на пленку и показывает в роте — кто как прыгал прошлой сезон. Наглядное и поучительное получилось кино.

Буквально с первых дней пребывания в должности замполита роты меня начали журить за устаревшую наглядную агитацию подразделения. Составив подробный план работы и изучив литературу для служебного пользования по специальной разведке и воздушно-десантным войскам, в библиотеке штаба бригады я приступил к масштабному обновлению всех щитов и стендов в казарме. Полностью переделал ленинскую комнату, добавил в содержание ее стендов большой фактический материал по истории военной и оперативной разведки ГРУ, чего до сих пор не было ни в одной роте бригады. Сам сделал и отпечатал большое количество фотографий, отражающих реальную жизнь подразделения, включающую прыжки с парашютом, боевые стрельбы, практическое подрывание, занятия по рукопашному бою.

Обновил подходы и к стенной печати. С командирами групп лейтенантами Маковским С.П., Золотаревым С.К., Тимченко А.В., Харламовым С.А. мы первыми в бригаде оборудовали в казарме прекрасный спортивный уголок, где красочно оформили стенды с фотоиллюстрациями приемов борьбы самбо, карате, джиу-джитсу. Сам комбриг приходил смотреть на наши труды. Сдержанно похва-

лил на совещании офицеров, после этого по-нашему опыту подобные спортивные уголки, и стенды о разведке в ленинских комнатах, стали делать и в других ротах части.

Не остались незамеченными мои юношеские увлечения киносъемкой, которые здесь оказались востребованы, и однажды позволили умело вписать в канву концерта художественной самодеятельности батальона кинофрагменты вручения бригаде вымпела МО СССР «За мужество и воинскую доблесть, проявленные на учениях в 1973 году», эпизоды повседневной боевой учебы части, прыжков с парашютом. Это в истории бригады тогда оказалось новшеством. Подполковник Д.В. Кондратович писал мне через много лет по этому поводу: «А твой фильм, Олег, для того времени был просто сенсацией, он покорила даже самого полковника Мосолова».

Памятным стал для меня День награждения бригады вымпелом министра обороны СССР. На торжественном собрании, после построения, оказался отмеченным и я. Из премиального фонда, что выдается вместе с вымпелом (он составляла на то время 2.000 рублей), мне была вручена денежная премия — конверт с деньгами. Ни много ни мало — на бутылку хорошего коньяка. Из нашей роты это было единственное поощрение.

Офицеры Тимченко и Золотарев поздравляя меня, прозрачно намекнули:

— Комиссар, премию-то надо обмыть!

— Нет вопросов, приглашаю всех в «Рохат», — ответил я не задумываясь.

Прихватив с собой замполита отряда, мы вечерком завалили в ресторан, что находился на выезде из города. И там весело гульнули. Вернувшись под хмельком домой, я с гордостью сказал Галине:

— Можешь меня поздравить, я получил премию!

— Как здорово, поздравляю, Аленький! Где она? — обрадовалась жена.

— Вот, — сказал я, торжественно протягивая ей красивый конверт с машинописной надписью — «лейтенант КРИВОПАЛОВ — 5 рублей».

— А где деньги, он же пустой! — искренне удивилась Галина.

— Пришлось угощать офицеров в ресторане.

— Так ведь на всех этой суммы не хватит?

— Конечно, дополнительно скинулись. Важна не сумма, главное — внимание и коллективизм...

Добрым словом вспоминаю своих первых комбатов Бориса Борисовича Нехимчука, который был сдержанным, умным воспитателем. К сожалению, переведенного в пехоту по состоянию здоровья. Его сменившего эмоционального и крикливого Михаила Николаевича Лобадзе, человека достаточно простого и доступного в общении, по-своему болеющего за дело и любящего своих подчиненных. Только мы приспособились к нему и полюбили, как его сменил молодой выпускник академии, капитан. Он оказался полной противоположностью своим предшественникам. Проявил полный букет — подозрительность, мелочность, недоброжелательность. Необоснованно стал раскалывать коллектив на два сорта: угодных и не угодных ему. Я в то время исполнял общественную обязанность секретаря партийной организации отряда, и, имея авторитет в коллективе, позволял себе вступаться в защиту попавших в опалу офицеров. Тем самым страшно раздражал нового комбата, и потому сам вскоре попал в число ему не угодных.

После этого комбат стал относиться ко мне, да и к шестой роте в целом предвзято. Так же, как и комбат, не баловал роту и меня лично новый начальник штаба отряда капитан, который запомнился мне этаким бездельником, — целыми днями играющим в нарды. Начальник штаба, занимаясь в основном организационными вопросами и контролем посещаемости, любил поболтать с молодежью «задушевные беседы», во время которых удачно выуживал. Сначала это прозвище было всего лишь простой ассоциацией с его именитым однофамильцем поэтом Демьяном Бедным, который, по его личному мнению, был «мужиком вредным». В этой связи кличка «Капитан Бедный — мужик вредный» нашему начштаба очень подходила, так как определенной вредностью он также отличался. Он любил покопаться в неуставных отношениях, имевших место в наших подразделениях. Его душещипательные беседы по этому поводу нам надоедали, как известная Демьянова уха из басни Крылова. Не обошла молва и его жену, получившую кликуху «дырка с золотой каемкой» за особые пристрастия в жизни. Впоследствии начштаба был назначен командиром дисциплинарного батальона округа, где сумел творчески использовать свой специфический талант воспитателя и стать полковником. К сожалению, эти последние руководители батальона не обладали даром сплачивать кол-

лектив отряда в монолитную семью, как это было при Лобадзе и Кондратовиче.

Во время повседневной службы познакомившись и подружившись со своими коллегами, недавними выпускниками различных военных училищ, мы перенимали опыт друг у друга. У меня особый интерес вызывало вполне естественное стремление многих офицеров тем или иным способом зарекомендовать себя. Это вполне естественно и похвально. В нашем отряде, состоящем из четырех рот, шла незримая борьба за первенство. Наша шестая рота постоянно конкурировала с четвертой ротой, которая по многим показателям выделялась в лучшую сторону. Ею командовал Владимир Андреевич Манченко, обаятельный, мощный, умный, с потрясающей реакцией и прекрасным чувством юмора — настоящий, одним словом, лидер, отличавшийся крепким ядреным характером и здравостью взглядов.

Владимир родился 29 сентября 1947 года в Чимкенте. Мы, как соседи, с ним дружили, и случалось, в рассказах о своей юности он касался отдельных тем своего мужского становления. У мальчика, живущего в сложнейшем межнациональном конгломерате, в детстве и юности часто случались жестокие разборки, переходящие в безжалостные уличные драки, в ходе которых формировалось его железная воля, умение держать удар, фанатичная целеустремленность, помноженная на болезненное честолюбие и тщеславие. С юности он изучил особенности общения с криминальными авторитетами узбекской, казахской национальностей, а также бандитами из числа чеченцев и ингушей, населявших с 1944 года среднеазиатские города. От тех уличных университетов остался поломанный нос и задиристый боевой характер.

Как бы сложилась его жизнь на гражданке, говорить трудно, но по велению судьбы в 1965 году он пополнил ряды российского спецназа. После окончания училища он служил в спецназе взводным, ротным, командиром отряда специального оружия, начальником штаба полка, бригады, командиром бригады, начальником направления специальной разведки ГРУ Генштаба. По моему мнению, он был самым талантливым командиром-руководителем, с которым хотелось общаться и служить. В его роте был хороший офицерский коллектив, мужавшая в руках опытного ротного и успешно продвигался по службе.

Выдающимся командиром стал его взводный Стодеревский

— харизматичный двухметровый красавец со стокилограммовой мышечной массой и такой же энергией, что придавало ему мужского магнетизма. Игорь Юрьевич Стодеревский родился 15 марта 1948 года в Ашхабаде в семье офицера-пограничника, четверть века прослужившего в Туркмении. Игорь и его младший брат Юрий окончили Ташкентское ВОКУ и служили долгие годы в спецназе. Настолько долгие, что полковника Стодеревского и в этом веке знают в российском спецназе. Кавалер трех боевых орденов. Дважды служил в Афганистане. Два года командовал легендарным 154 ооСпН. Игорь оставил после себя добротную книгу воспоминаний «Автобиография» (записки офицера спецназа ГРУ), которую с интересом читают курсанты и молодые офицеры. Ему есть чем поделиться с молодежью. Это неординарный офицер.

Хорошая память осталась о командире группы 4 роты Гартунге А.А., впоследствии служившем на должности помощника начальника штаба бригады. Немец по национальности, выпускник Киевского ВОКУ зарекомендовал себя толковым и педантичным человеком. Удивительные аккуратность, практичность, добросовестность, предусмотрительность, пунктуальность, точность, трудолюбие — всеми этими качествами обладал наш Гартунг. Когда я смотрел на его подтянутую спортивную фигуру и слушал четкий командный голос, то вспоминал выражение Ф.Энгельса, прочитанное в статье «Прусская армия»:

«...Будучи одним из наиболее воинственных народов в мире, немцы находят удовольствие в войне как таковой...».

Александр Адольфович был заметной колоритной личностью среди большой группы молодых офицеров. Его мышление отличалось способностью к отвлеченным понятиям, философичностью. У него было бы яркое будущее в спецназе, но через три года службы, недалеко видя вступив в конфликт на личной почве с «молчи-молчи» капитаном Багировым, он проиграл. Чекист в отместку написал докладную о ненадежности Гартунга для службы в бригаде, — и по указанию особого отдела военной контрразведки округа его убрали от нас в военно-строительные войска. Где он быстро сделал карьеру, но всю жизнь сожалел о несостоявшейся службе в элите армии.

Из роты Манченко вышли такие известные офицеры как Хабиб Холбаев, Исаак Фазиров, Рафис Латыпов и Александр Голубович. Майору Холбаеву и капитану Латыпову выпало первыми выполнять специальные задания командования в Афганистане, воз-

главля отдельные подразделения спецназа. Фазилов возглавлял штаб в 22 бригаде. Толковым офицером у Манченко оказался замполит Александр Зуев. Это был высокий, крепко сложенный, спортивный парень, выпускник краткосрочных курсов политсостава, являющийся примером для других политработников части по выпуску различных образцов наглядной агитации, которые сам он и рисовал. Оформительская деятельность была необходимым элементом работы замполита, потому он был на высоте. Кроме того, Зуев хорошо играл в ручной мяч и много времени проводил на площадке. Например, замполит 4-й роты нашего батальона Зуев Александр Савельевич родился в 1946 году в селе Венгерovo Новосибирской области в семье ветерана войны, инвалида второй группы, местного кузнеца Савелия и продавца матери. Вскоре родители переехали в Казахстан, где в предгорьях Тянь-Шаня обосновались в поселке Фабричный, что под Алма-Атой. Там закончил одиннадцать классов и остался работать преподавателем в средней школе №1. В 1966 году его призвали в армию, и он очутился под Ташкентом в пос. Луначарский, где дислоцировалась бригада осназа ТуркВО. Освоившись в службе, решил стать профессиональным военным и уехал на учебу на 32-е курсы политсостава в город Оренбург. Там познакомился с будущей женой Людмилой Владимировной. После окончания обучения в 1970 году был направлен для дальнейшей службы в 15-ю бригаду на роту спецназа замполитом. В этой бригаде и состоялось его офицерское становление. Он стал пропагандистом бригады, секретарем парткомиссии (участвовал во всеармейском совещании секретарей парторганизаций). В 1976 году поступил на педфак в ВПА им. Ленина. После окончания учебы принял в Пскове должность заместителя начальника политотдела, а через несколько лет возглавил политотдел в Печорском полку спецназа. В 1985 году успешно перевелся в КВО, где служил генералом его старший брат. В Кировограде возглавил политотдел 9-ой бригады, которая тогда была добротным десантным соединением. С началом развала армии и политорганов ушел в областной военный комиссариат, где возглавлял 1-й отдел военкомата. В 1993 году уволился в запас. В семье двое детей: дочь Елена и сын Владимир.

5 ротой командовал рассудительный и интеллигентный выпускник РВВДКУ старший лейтенант Василий Трисмаков. Впоследствии полковник, начальник штаба Уссурийской бригады СпН, затем сотрудник ГРУ ГШ. Его заместителем по политчасти являлся

старший лейтенант Велюк. Группами командовали офицеры Калачев, Цыганов, Сикорский, Чайка.

Командиром роты связи являлся незаменимый капитан Юрий Гаврилов. Группами связи командовали лейтенанты Глушков, Иванчиков.

МОИ УЧИТЕЛЯ И НАСТАВНИКИ

Не могу не вспомнить своих старших коллег-политработников, оказавших большое влияние на мое профессиональное становление.

Первым, конечно, и по справедливости, я назову комиссара начальника политотдела бригады, заместителя командира бригады по политчасти подполковника Руденко В.Г. По авторитету в бригаде он был первым после комбрига. Его слово было для нас законом. Отличительной особенностью Валентина Григорьевича являлось правило — никогда не ругаться матом, что и без этого делало его исключительно культурным, требовательным и справедливым руководителем, пользовавшимся большим уважением. Когда военнослужащим было плохо, они шли к Руденко за помощью, и тот всегда реально им помогал и словом (советом), и делом. Blondин приятной внешности, среднего роста, несколько склонный к полноте и от этого рыхлый. Говоривший с заметным украинским акцентом и небольшой картавинкой. Он в те годы редко бывал на месте в части, поскольку заочно учился в военно-политической академии им. В.И.Ленина и выезжал на долгие сессии в Москву. Но когда он находился в бригаде, все ощущали твердую руку комиссара. Именно у Руденко я научился четкости в постановке задач подчиненным, пунктуальности в исполнении приказаний, твердости в проведении своей линии. Позднее мне очень повезло, в бытность слушателем академии, что Руденко, служивший в ГРУ, отслеживал судьбы своих воспитанников и обеспечивал успешное возвращение достойных в части разведки. Впоследствии полковник Руденко убыл в командировку в одну из наших разведывательных частей на Кубе, ведущих радиоперехват американских электронных систем связи. За успешное обеспечение разведывательных задач Руденко награжден орденами Красной Звезды и «За службу Родине в ВС СССР».

После Руденко начальником политотдела бригады стал подполковник Лысак Н.В. Он был из «варягов», до этого служил замполитом артиллерийского полка под Семипалатинском. Специфики десантных войсках, а тем более спецназа, не знал. Такая кадровая чехарда была обычным явлением в перемещении политработников, что не способствовало росту их авторитета в войсках, ибо дилетанты в профессиональном плане тяжело вписывались в коллектив. Из-за этого отдельные заместители командира бригады первое время не особенно с ним считались, что болезненно ощущали и переживали замполиты рот и батальонов. Николай Васильевич был высок, несколько неуклюж и сутуловат, скромнен, уступал характером и волей своему предшественнику. Однако высокие моральные качества этого хорошего, честного и открытого человека были вскоре оценены в коллективе. К нему потянулись, и он бескорыстно помогал многим. Забота Лысака обо мне лично способствовала продвижению по службе и своевременному поступлению в академию.

У Руденко и Лысака детство совпало с черной полосой войны и немецкой оккупацией. И хотя жили они в разных регионах, но бед и трагедий хватанули оба через край. Валентин Григорьевич жил в с. Пишваново Ростовской области, оказавшимся в эпицентре сражений и двух волн переменчивых наступлений и контратак за Ростов-на-Дону. Сначала похоронил убитого немцами отца, а перед освобождением — умерших от голода и холода брата Николая и сестру Евдокию. Родиной Николая Лысака являлось харьковское село Красная Поляна Змиевского района, которое тоже находилось на линии фронта и беспощадно обстреливалось артиллерией и подвергалось бомбардировкам авиации. Из разрушенного села перебрались в поселок Бабаи, где к 1954 году окончил среднюю школу. Жили голодно и бедно. Все это оставило раннюю седину в волосах Николая. После войны, как и многие сироты, Руденко и Лысак пошли за образованием в военные училища, где и кормили, и одедали, и давали путевку в жизнь.

Валентин Григорьевич окончил училище связи, а Николай Васильевич — Тамбовское артиллерийско-техническое училище. Впоследствии оба окончили гражданские институты и Военно-политическую академию. Служили в отдаленных гарнизонах Средней Азии. Так удачно получилось, что оба друг за другом перебрались из Чирчика в столицу — в Москву. Только Руденко ушел в политотдел ГРУ, а Лысака перевели на равную должность зампо-

литом приемного радицентра Главного управления Генштаба ВС СССР в Подмоскowie. Впоследствии служил в Германии. За успехи в боевой и политической подготовке полковник Лысак стал кавалером ордена Красной Звезды.

Непосредственным моим начальником являлся заместитель командира второго отряда специального назначения по политической части майор Кондратович Д. В. Это был высокий «гренадерского» роста лысоватый блондин. За склонность к красивому слову, ораторские способности и частые выступления перед строем батальона мы называли его «отцом русской демократии». Он не отличался большой глубиной суждений, и знания его скорее были поверхностные, звучащие порой как заученные цитаты. Но по натуре, по внутреннему своему состоянию — это необыкновенно чуткий и душевный человек. Его высказывания запоминали и со смехом цитировали, как классиков марксизма-ленинизма:

— Человеку для жизни нужно многое, а десантнику — лишь вытяжное кольцо. — И что удивительно, его прямолинейные нравовучения не были глупыми и запоминались на всю жизнь. Порой мы бывали не согласны, но скрепя сердце выполняли указания замполита, не только потому, что были дисциплинированы и воспитаны, но и потому что знали — жизнь подтвердит верность его слов.

Всем нам в то время было 22 — 25 лет, и какой-то жизненный опыт был у каждого. Поэтому по большинству из поднимавшихся в его беседах тем у нас имелось свое мнение, однако некоторые из расставлявшихся Кондратом (там мы иногда тоже его называли) акцентов многим молодым офицерам в последующем оказались очень полезны.

Например, мне привитое на улице и в училище чувство принадлежности к определенному дружескому кругу, товариществу, коллективу значило очень много. Хорошо запомнились повествования замполита батальона, направленные на выработку у молодых офицеров чувства особой гордости за службу в 15 обрСпН. Как в последующем показали мои наблюдения, в части весь процесс обучения и воспитания и солдат, и офицеров был направлен именно на это. Мосолов, Колесник и другие представители командования бригады на совещаниях офицеров, а также во время различных мероприятий, носящих официальный или неофициальный характер, постоянно повторяли мысль о том, что все должны гордиться службой в спецназе.

— Десантник, снабженный сухим пайком, практически бес-
смертен!

А это само по себе предопределяет высокий уровень дисциплины и порядка, добросовестное отношение всех военнослужащих к своим обязанностям и результативное выполнение стоящих учебно-боевых задач.

Так вот, Кондратович был одним из тех, кто умел формировать у нас характер и волю. Чего стоит хотя бы такая его крылатая фраза, сказанная вроде мимоходом, перед марш — броском на десять километров, но, как оказалось, которую услышали все — «Десантник бежит сначала сколько может, а потом сколько надо!» — так как многие ее запомнили и часто потом цитировали. Когда мне исполнилось столько лет, сколько ему в те годы, я осознал, что предвидение «комиссара» основывалось на хорошем знании жизни и психологии подчиненных.

— Если у десантника не хватает сил победить, то всегда хватит, чтобы не покориться!

Что-то, а понятия победы и поражения, покорности и твердости характера он усвоил в малолетстве. У нашего батальонного комиссара была трудная человеческая судьба. Дмитрий Васильевич родился 8 ноября 1931 года на Украине, в маленьком городке Во-лынської области. Во время оккупации мать за помощь партизанам расстреляли фашисты. После освобождения от тяжелой болезни и нужды умер отец. Шестеро братьев и сестер остались сиротами. Дмитрию рано пришлось идти работать. Будучи еще второклассником, Дима пас коров, чтобы прокормить семью. Жизнь заставляла работать, чтобы выжить, а у подростка была необыкновенная тяга к знаниям. Когда представилась возможность, продолжил обучение и учился прилежно. К 18 годам в 1950 году отлично закончил 7 классов. Через год его призвали в армию. Судьба распорядилась, чтобы военная служба стала для Дмитрия Кондратовича делом жизни. Четверть века посвятил он военному делу. А началось все на Чукотке в 1951 — 1952 годах, когда заботливый замполит учебной роты, фронтовик, определил его судьбу — убедил стать курсантом военного училища.

Выбор оказался правильным. С отличием закончив Тюменское пехотное училище, Дмитрий служил на Дальнем Востоке, в Германии, в Туркестанском военном округе. С должности «комиссара» отряда спецназа был выдвинут заместителем начальника по-

литотдела 15-й обрСпН. В 1976 году подполковник Кондратович уволился в запас и переехал на постоянное место жительства в Тюмень. Его подкосила скоропостижная смерть от онкологии тридцатилетнего сына, вскоре после тяжелой изнурительной болезни в тоске за сына 28 декабря 1999 года Дмитрий Васильевич ушел в мир иной.

Всю жизнь мы переписывались с Дмитрием Васильевичем, и чем старше я становился, тем еще больше осознавал, как мне повезло на первого наставника. Через пять лет после его смерти из Тюмени на адрес Днепропетровского областного совета ветеранов, где я работал, пришла бандероль в которой до меня дошла посмертная весточка от Дмитрия Васильевича. В 2004 году на страницах тюменского «Военно-исторического альманаха» были опубликованы мои воспоминания о действиях Чирчикского спецназа в ДРА и об особенностях партийно-политической работы в боевой обстановке. Как явствовало из сопроводительного письма В.Чудинова: «Уважаемый Олег Владимирович! Волей судьбы Ваш черновой вариант книги и некоторые фото оказались у меня. Это тот набранный текст, что Вы высылали для правки Д.В.Кондратовичу. После его смерти жена Евгения Павловна передала их мне. Разыскивая Вас, я направлял письма по месту Вашего проживания в Челябинске и Днепропетровске. Но, к сожалению, ответа не получил. Ради правды я поместил одну из глав в издаваемый нами альманах. Напечатана она под Вашим именем и некоторыми словами из рукописного текста. Эта последняя воля Дмитрия Васильевича».

Получив письмо и альманах, я был очень удивлен тем, что отправленные когда-то давным-давно воспоминания не только не пропали, но и были напечатаны. Казалось бы, мелочь, но в этом поступке как нельзя лучше проявился Дмитрий Васильевич — будучи уже на смертном одре, когда надо думать о вечном, он думал о том, чтобы материалы об Афганистане не пропали, а стали достоянием истории и смогли хоть немного, но обогатить опыт новых поколений российских спецназовцев.

Такой же неординарный в поступках он был и в начале семидесятых годов. Кондратович, в отличие от некоторых других заместителей командира отряда, не рвал на груди тельняшку, доказывая, что он «отчаюга»-спецназовец. Он спокойно и уверенно делал свое нелегкое дело: прыгал с парашютом, бегал кроссы, проводил занятия, контролировал подразделения, показывал личный пример в

выполнении служебного долга. И все о нем отзывались хорошо и уважительно, даже те, кому он спуска не давал за нерадивость.

Анализируя обстановку в батальоне в те годы, прихожу к выводу о больших результатах воспитательной работы со всеми категориями военнослужащих под влиянием Кондратовича. Для него не было категорий, недоступных для критики. В этом плане показательным заседанием партбюро батальона по персональному делу двух коммунистов-руководителей. С расследованием их проступка выступил лично замполит батальона. А суть — бытовое пьянство. Замкомандира батальона по ВДП, являясь старшим, выехал с ротой связи на радиотренировку. Уединившихся от личного состава его и командира роты, к тому времени крепко поддатых, обнаружил проверяющий от штаба бригады майор Борисов. В то время уже началась компания борьбы с пьянством, и этому событию придали серьезное значение. Но это бытовое нарушение, в коллективе его оценивали и понимали по-разному.

Например, начальник штаба отряда майор Лобадзе высказался так:

«Есть у них слабость к выпивке. Я Федора и Юрия с немецкой бригады хорошо знаю. Скажу, что все мы не ангелы, но — как и где пить? Надо различать! Мы, бывало, тоже в подразделениях выпивали. Но, не защищая, скажу — Федор Михеевич, командир — то хороший, но может выпить не подумав. А Юра все свои прегрешения пытается списать на болезнь жены — что она, от этого здоровее становится? А потом, я не верю, что они бутылку выпили, что там пить-то для двух здоровых мужиков. Ни в одном глазу бы... Я так скажу — служить необходимо честно, а не обманывать народ... Попался — отвечай!».

Принципиально же этот факт, принижающий авторитет руководителей, оценил только майор Кондратович. О чем он сказал прямо и резко. И это требовало проявления определенного мужества и характера. Своим примером бескомпромиссности он воспитывал нас, своих молодых коллег — юную смену политработников, которая состояла из выпускников краткосрочных курсов политсостава и высших военно-политических училищ. Первые были несколько старше вторых по возрасту. А наш замполит батальона был старше всех по возрасту в бригаде, потому являлся неофициальным наставником для всех, до последнего своего часа сохранивший привязанность ко многим.

По-отечески заботливо относился к Артемову Ю.А.. Вместе с Ангизидовым и Зуевым тот пришел после курсов политсостава в бригаду. Возглавил роту, затем первый батальон. Юра первым убыл на повышение — заместителем начальника политотдела 4-й бригады, в дождливый и пасмурный эстонский Вильянди, где впоследствии стал начальником политотдела. С началом войны в Афганистане возглавил политотдел 56-й десантно-штурмовой бригады. Заслужив орден Красной Звезды, вернулся в Союз на 21-ю Кутаисскую десантно-штурмовую бригаду, в которой вскоре произошло «ЧП» — во время пожара казармы в огне погибли несколько солдат. Министр обороны козлами отпущения сделал комбрига и начпо, сняв их с должностей. Но снятый с должности Артемов не пропал, а с помощью московских друзей уехал советником политкомиссара в жаркую Анголу. После возвращения в Союз заведовал подмосковным арсеналом, а потом служил начальником штаба министерства по чрезвычайным ситуациям Краснодарского Края. Работал в Спецстрое МО РФ, награжден пятью орденами. «Служу и работаю во благо державы, но себя не забываю», — написал он мне. В настоящее время полковник Артемов — начальник дирекции по строительству объектов связи в Сочи в Южном Федеральном округе, в Федеральном государственном унитарном предприятии «Космическая связь».

— Ах, шельмец этот Юрка, далеко пойдет, — говорил Кондратович об Артемове. — И время показало, что он был прав.

В политотделе бригады в разные годы служили офицеры Владимир Михайлович Бледных (впоследствии полковником завершил службу в политотделе ГРУ), Борисов, Шувалов, в подразделениях Леонид Иванович Самуткин, Анатолий Матвеевич Евланов, Валерий Николаевич Измалков, Ангизидов, Павловский. Из моих одноклассников по училищу, пришедших в бригаду после меня, лейтенантов Махотина, Петрова, Козырева, Петрачева только последний быстро поднялся по служебной лестнице. Хотя она оказалась весьма непростой.

Александр Николаевич родился в сентябре 1952 года в Ленинграде. После окончания СВВПТАУ в 15 обрСпН последовательно прошел должности замполита 1 роты, 1 отряда спецназ. В 1980 году поступил и в 1982 году окончил с золотой медалью и дипломом с отличием Болгарскую военную академию им. Г.С.Раковски в Софии. Два года служил в Марьиной Горке заместителем

начальника политотдела 5 обрСпН. С 1984 по 1987 заместитель командира бригады-начальник политотдела в Бердске. С 1987 по 1990 на равной должности в 22-й обрСпН. Сначала в Афганистане, а после вывода в Союз в Закавказском военном округе в н.п. Перекишкюль. С 1990 по 1995 гг. замкомандира 10-й мотострелковой дивизии (г. Ахалцих) и 147 мсд (г. Ахалкалаки). С 1995 по 1998 гг. полковник Петрачев — заместитель командующего 58-й армии по воспитательной работе-Член Военного Совета. Это совпадает с горячим временем боевых действий в Чечне и Владикавказе. В 1998 переводится в Москву помощником начальника Главного автобронетанкового управления МО РФ по воспитательной работе. Награжден орденами Красной Звезды, «За военные заслуги» (РФ), Боевого Красного Знамени (Республики Афганистан), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» 2 степени (с мечами). Имеет 257 прыжков с парашютом. Женат, вырастил трех сыновей.

Радовал службой и целеустремленностью секретарь комитета комсомола 2 отряда прапорщик Славник А.В. Александр Владимирович родился 13 марта 1951 года в крестьянской семье в с.Нижняя Александровка Минераловодского района Ставропольского края. Не помню, почему Саша оказался в Чирчике, но его обращение — принять на службу в качестве сверхсрочника — холодно было оценено командованием. Он не представлял особой ценности как специалист. До призыва в армию работал трактористом и шофером в колхозе. Срочную службу с ноября 1969 года проходил водителем автомобиля в забайкальском мотострелковом полку 39 армии, что дислоцировалась в Монгольской пустыне Гоби на железнодорожной станции Сайшанд, что между Улан-Батором и Пекином. Пытался поступать из армии в военное училище, но по причине безразличия командиров вовремя не уехал на экзамены. После дембеля в село не поехал, а перебрался к брату авиатехнику в Чирчик, где познакомился с начальником инженерной службы бригады спецназ капитаном Яблочковым. Тот посоветовал обратиться к комбригу Мосолову. В октябре 1972 года состоялась историческая беседа, в ходе которой умудренный опытом фронтовик согласился принять Александра на службу, а поскольку утверждался институт прапорщиков, спланировал его отправку в школу прапорщиков. Но для проверки настойчивого парня поставили в котельную, где тот добросовестно отработал несколько месяцев. За этот период многие

начальники отметили у парня душевную чистоту и умение влиять на людей. После командира побеседовал с ним начальник политотдела. Как вспоминал Славник, — на беседу пришел наглаженный, с комсомольским значком на груди, что понравилось Руденко.

— Не занимался ли общественной работой? — спросил комиссар.

— Занимался: в колхозе был членом райкома ВЛКСМ, а в армии комсоргом автороты полка, — ответил Славник.

— А хотел бы себя попробовать секретарем комсомольской организации батальона?

На том и определились. Оформил документы через Чирчикский военкомат, и допуск к службе в спецназе по форме 2.

Полгода учился на курсах комсомольских работников в Хабаровске с сержантом Петром Кисиленко из ОСО. После отличного окончания школы прапорщиков мнение о нем кардинально изменилось, и он занял прочное место в боевом строю спецназовцев. Тем более, что оказался сын в отца — ветерана войны связиста, особо отличившегося при форсировании Днепра и награжденного орденом Отечественной войны первой степени. Высокий и редкий для солдата орден в годы войны.

По личной рекомендации В.Г. Руденко, 19 мая 1973 года, его избрали секретарем комсомольской организации, сменив сержанта Фокичева из роты связи, что в будущем оказалось востребованным. Через год Сашу приняли кандидатом в партию. Проявил характер Славник и в деле освоения парашютных прыжков. Прибыв в мае, он оказался в числе опоздавших на сборы по ВДП по прыжкам из Ан-2. И чуть не потерял год. Замкомбрига полковник Афанаскин только под давлением начальника политотдела поручил лично Лобадзе провести за три часа с ним 42-часовую программу и выбросил в последний день весенних сборов. Что позволило летом вместе со всеми прыгать из Ан-12. Молодого комсорга вскоре закрепили нештатным замполитом в роту связи, где должности замполита не было по штату. Здесь он подружился с Юрием Яковлевичем Гавриловым и его взводными Александром Глушковым и Михаилом Иванчиковым.

Прекрасная статья в газете «Красная Звезда» от 19 июля 1977 года о Славнике «Разведгруппу возглавите вы» написанная журналистом майором В.Штепо по итогам учений еще более укрепила авторитет прапорщика. Которого вскоре назначили на капи-

танскую должность замполитом 4 роты спецназ к ротному Игорю Стодеревскому. Где впервые за службу он получил взыскание от командира за слабую требовательность к офицерам роты. В подчинении у него были взводные разных возрастов и званий. Среди них, например, были капитан Новоселов Александр, старший лейтенант Болдырев Валерий, лейтенант-рязанец Ко Лоренд. Стодеревского взбесил факт отсутствия у капитана Новоселова конспекта на проведение политзанятия, за что он и наказал своего замполита. Тем самым не уронив, а подняв его роль в коллективе. Для продолжения образования экстерном оканчивает СВВПТАУ. Полковник Колесник вручает долгожданные лейтенантские погоны. К тому времени Славник стал помощником начальника политотдела по комсомолу. В 1978 в Ташкенте на выездной комиссии вместе с Коновальчиковым, Фазиловым, Михайловым и начхимом бригады, которые шли в академии, Славник поступил на заочный факультет СВВПТАУ, который с отличием оканчивает в 1984 году. С ноября 1979 года батальоны спецназ вновь стали разворачивать. И опять Славника назначили замполитом батальона к Стодеревскому. Вместе с ним заново набрали полноценный отряд, укомплектовав на сто процентов молодежью из Читы, Новосибирска и Ташкентской области. На этой должности ему шесть лет выпадет командовать отдельным батальоном в 7 городке.

Его командиры Шарипов и Абдуллаев ушли в академии, и в кадрах прорабатывалась мысль назначить Славника командиром, но политуправление ТуркВО этого не допустило. Одновременно были предложения уйти из спецназа секретарем парткома мсп в Кушку, советником замполита батальона в Хост. Вскоре с приходом вместо Маркова начальником политотдела Рузина Славник был назначен в политотдел старшим инструктором по оргпарработе. Поскольку новый начальник пришел из кадров политуправления округа, ему многое удавалось решать быстро и на пользу себе.

В Афганистан политотдел вошел в следующем составе: замначпо — Шлаев Н.А., Баранов Н.П. — пропагандист, Славник А.В., Мищенко (спецпропагандист), Гаренко (комсомолец). Узнав о направлении сына в Афганистан, от сердечного приступа в возрасте 58 лет скоропостижно умерла Сашина мама. С горя за короткий период спились отец и старший брат. Единственной опорой в это трудное время оказалась жена Полина Алексеевна, родившая ему вторую дочь Марию. В конце 1986 года пришла замена из Киевс-

кого военного округа, туда и уехал Славник, награжденный к тому времени медалью «За боевые заслуги». Ему определили место сменщика майора Ипатьева — замполитом рембата 17 танковой дивизии. Это задевало самолюбие, поскольку за спиной уже были шесть лет должности замкомбата. В глаза бросались интриги столичного округа, где все по блату и по протекции, где все покупается и продается... На освободившуюся должность замначпо в 9 бригаде спецназа назначили замполита 668 отряда Юрия Герасименко. Три месяца ждал варианта и неожиданно в коридоре отдела кадров Саша встретил однополчанина по Чирчику Лешу Самуткина, который после Афгана, где был советником, служил в Белой Церкви в 72 мсд.

— Я ухожу на повышение в Луганский областной военкомат, — сказал Самуткин, — а ты выбивай себе мою должность — начальника дивизионной школы партактива.

Этого и добился неугомонный Славник. В 1987 году поступил на общевоинской факультет Военно-политической академии, которую к развалу страны успел окончить. К тому времени военная судьба забросила его в СГВ (Польша), где служил секретарем парткомиссии 20 танковой дивизии. Участвовал делегатом первой Всеармейской партийной конференции в Москве. Когда произошел так называемый путч ГКЧП, Славнику и заместителю командира дивизии полковнику Пащенко поручили провести митинг в его поддержку. А через двое суток членами его парткома начальником ООКГБ и военным прокурором против них было возбуждено уголовное дело.

В этих условиях накачивающейся волны репрессий гражданское мужество и человеческую порядочность проявил член военного совета — начальник политуправления Северной группы войск генерал-майор Домышев, который своим приказом освободил Славника с занимаемой должности и убрал подальше, назначив незаметным замполитом медсанбата дивизии. Через некоторое время представил его на полковничью должность представителем — старшим офицером при аппарате командующего группой войск по работе с личным составом. На тот период командующим был уважаемый всеми генерал Дубинин. Но уголовное дело давило, и его убрали психологом 3 бригады связи СГВ. После ликвидации политорганов оказался он замкомандира бригады по работе с личным составом.

В 1993 году соединение вывели под Ростов, где Славник наладив контакты с кадровиками округа, перебрался старшим пре-

подавателем Новочеркасского высшего военного училища связи, где преподавал психологию и педагогику.

17 октября 1997 года стал последним днем пребывания на военной службе. Двадцать восемь лет в строю и карьера от солдата до подполковника. Через полгода после увольнения получил квартиру в Ростове, чем был удовлетворен и где осел всей семьей. Старшая дочь Елена — военный медик, фармацевт, замужем за военнослужащим мсбр. Принимала участие в миротворческих операциях. Мария — экономист, с мужем-руководителем автопредприятия живут в мире и ласке. У Славника два внука — Денис и Даниил. До сих пор он востребован. Возглавляет отдел кадров газодобывающей фирмы.

ВОЗДУШНОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Прыжки с парашютом были самым экстремальным и увлекательным видом боевой подготовки спецназовцев, а, кроме того, самым сложным и опасным предметом выучки воинов-десантников. Они аккумулировали в себе весь потенциал боевой и политической подготовки. Согласно приказу прыжки из самолетов совершали все военнослужащие части — от командира до солдата-повара. Прыжки формировали высокие морально-боевые качества и являлись элементом гордости и братского единения воинов. От того, как человек прыгает с парашютом, формировался в коллективе его деловой авторитет. Например, смелым парашютистом являлся начальник штаба части подполковник В.В. Колесник. В повседневной службе он был суховат, немногословен. Но как бесстрашно он рвался в небо, как лихо отделялся от самолета. И мы его за это очень уважали и старались брать с него пример.

Вчерашний выпускник пехотного училища Игорь Стодереvский, ставший старшим в команде бригады по парашютному спорту для поддержания уставного порядка, на зависть всем за один сезон совершил со спортсменами более 500 прыжков. Вместе с ним на сборах жила и его жена, которая не уступала в смелости мужу и прыгала вместе с ним. Очень смелым человеком был добродушный белорус капитан Пашковский Ф.М., который заведовал у нас в отряде парашютно-десантной службой (ПДС). Он отслужил срочную, потом сверхсрочную службу. После краткосрочных курсов при

Алма-Атинском общевоинском училище стал офицером. Служил в Германии, в Чирчике, в Капчагае. Позднее Федор Михеевич выполнял интернациональный долг в Афганистане в качестве советника в бригаде командос. Был отмечен двумя орденами и медалью «За боевые заслуги». Ушел в запас с должности командира отряда спецназа в Пскове, где и остановился на постоянное место жительства. Там похоронил в 2004 году свою горячо любимую жену Жанну, прошедшую с ним тернистый путь..

Яркой личностью запомнился и его коллега, прекрасный парашютист — майор А.Лавдырь из первого отряда. Это был человек сложной и драматической судьбы. Высокий и стройный, с седеющими вьющимися волосами, он привлекал и располагал к себе не только женский пол, но и подчиненных приятной внешностью, какой-то особой интеллигентностью и простотой, особой доступностью и человечностью. Мы, лейтенанты, его боготворили. Выпускник престижной военно-дипломатической академии, в прошлом агентурный разведчик, проработавший в Иране несколько лет. Потом, по превратности судьбы, за какие-то прегрешения попал к нам на должность заместителя командира отряда по ПДС. Его жизнь оборвалась неожиданно трагически на улице Чирчика, во время бытовой ссоры с местными уголовниками, что работали тогда на так называемой «химии». Был он смел и, до дерзости отчаян, таким и остался в памяти.

Примером для нас являлся и инструктор по ПДС нашего отряда прапорщик Вячеслав Гомзев — мастер спорта СССР, неоднократный участник соревнований самого высокого ранга. Впоследствии ушедший от нас в морскую пехоту на остров Русский под Владивосток. В июне 1981 года в окружной газете «Красное Знамя» была опубликована пронзительная статья «Двое под одним куполом», что повествовала о его 693-м драматическом прыжке с парашютом. Одним словом, Слава держал марку спецназа и во флоте...

Мы зачитывались литературой о десантниках, о парашютистах. Мы тоже хотели быть такими же бесстрашными, как наши старшие товарищи. Моя Галина — большая поклонница книг, тоже много читала специальной литературы, вникала в особенности десантной службы и хорошо знала премудрости науки о парении в воздухе. Могла рассказать любому штатскому, что означает мудреное слово «парашют» (от греч. para — против и франц. chute — па-

дение). Кто такой французский ученый С.Ленорман? И что он построил и испытал еще в 1783 году? Знала пионеров отечественного парашютизма братьев Станислава и Юзефа Дреницких. Обсуждала нелегкую судьбу Г.Е. Котельникова, который в 1911 году разработал и запатентовал русский парашют РК-1. Я гордился тем, что моя Галя хорошо знала типы современных многокупольных парашютно-платформенных систем, парашютов и поражала окружающих знанием аббревиатур десантной техники: ПСН-71, П-7, Д-1-8, Д-5 или, вообще мудреным, — ПРСМ-915, МППС...

В ежегодную программу подготовки разведчиков спецназа, так же как и бойцов десантников ВДВ, входили 10 обязательных прыжков из самолетов АН-2 и АН-12 и, кроме того, шесть дополнительных прыжков на учениях. Согласно приказу генерала Маргелова одна треть этих прыжков должна была совершаться в ночное время. Для подготовки личного состава к десантированию существовала целая программа наземной подготовки к прыжкам с парашютом.

Помимо воздушно-десантной подготовки у нас были огневая, минно-подрывная, физическая, медицинская, автомобильная, шифровальная, иностранный язык, топография, организация иностранных армий и, конечно, политическая. Все очень интересные и развивающие предметы, но только прыжки укрепляли волевые качества воина, необходимые для того, чтоб шагнуть навстречу смерти в реальном бою. И бояться было чего. Парашютные катастрофы происходили в десантных войсках ежегодно, но привыкнуть к тому, что ты участвуешь в рулетке со смертью, невозможно. Будучи уже зрелым офицером, я выписал себе статистику происшествий из аналитической директивы штаба воздушно-десантных войск, произошедших при прыжках в десантных войсках (ВДВ, десантно-штурмовых соединениях и соединениях и частях спецназа ГРУ), за период с 1975 по 1987 гг. В ней приводились интересные цифры:

Год прыжков	К-во погибших	Год прыжков	К-во погибших
1975	7	1981	4
1976	6	1982	8
1977	1	1983	8
1978	5	1984	8
1979	4	1985	4
1980	5	1986	12

Как видно из таблицы, 1986 год был явно неудачным для десантных войск — 12 погибших на 450 000 прыжков с парашютом.

Помню, в семидесятые годы мы очень гордились своей воздушно-десантной подготовкой, поскольку катастроф и предпосылок к ним в наших частях было несравненно меньше, чем в 35 полках ВДВ. Но в 1986 году пэдээсникам спецназа хвалиться было нечем. Если ВДВ на 384 тысячи прыжков имели 4 трупы, десантно-штурмовые бригады на 43 тысячи прыжков — 2, то спецназ на 22800 прыжков (две бригады не прыгали, — воевали в ДРА) — 6 погибших. Основными причинами гибели парашютистов являлись: 2 — незацепленный карабин; 2 — неправильное отделение при прыжке; 1 — отказ прибора; 3 — слабая обученность парашютистов поведению в воздухе, что привело к схождению и неумелым действиям в критической ситуации; 1 — отсутствие проверки начальником ПДС и как следствие ошибка при укладке и неправильное соединение звена.

В этой связи вспоминаю необычный случай затянувшегося прыжка, произошедшего со мной в 1974 году. У нас всегда была очень напряженная служба, а в период парашютных сборов особенно. Передохнуть было некогда. Распорядок был очень жестким: в 5.00 — подъем, в 6.00 — получение парашютов со склада части и их загрузка, в 7.00 — выход на аэродром. С 10.00 — начало прыжков, которые часто затягивались до вечера. После ужина, в сумраке ночи, проводили занятия с подчиненными на воздушно-десантном городке, затем отбой. Питались, как придется, если получалось — два раза в сутки: утром и вечером. Да ко всему у нас произошло несчастье: воспалением легких заболела дочка Машенька, и Галина вместе с ней лежала более трех недель в больнице Чирчика, а затем в республиканском клиническом центре на жилмассиве Чиланзар в Ташкенте. От неустроенной личной жизни, постоянного отсутствия денег, плохого питания я сильно исхудал. И весил, наверное, без преувеличения — килограммов около пятидесяти (вместе с прыжковыми ботинками). Что послужило первопричиной моего воздушного приключения.

В один из тех жарких дней мне очень повезло — удалось совершить подряд два прыжка с парашютом. Мы все стремились прыгнуть как можно больше, чтобы скорее достигнуть рубежа заветных 40 прыжков и получить звание инструктора — парашюти-

ста. Офицеры имели право сделать за год двадцать прыжков, но командиры и политработники рот, прыгая вместе с личным составом, редко когда могли прыгнуть больше, чем прыгали их подразделения.

Неожиданно эйфория после второго отделения от самолета начала рассасываться. Как только я перенес очень сильный динамический удар, то почувствовал, — произошло что-то не совсем обычное. После осмотра раскрывшегося купола обратил внимание на ускоренный спуск к земле моих товарищей, а это не они опускались быстрее, а я поднимался вверх, и увеличивающееся расстояние между нами мне казалось их падением к земле. Но свой подъем вверх я осознал не сразу, а только тогда, когда увидел у себя под ногами очередной самолет, из которого выпрыгивали парашютисты, фигурки которых стремительно летели вниз, затем над ними вспыхивали алым пламенем стабилизирующие парашюты, а через пять секунд после этого распахивались основные купола...

«Как может быть, что самолет летит ниже меня? Ведь он может зацепить мой купол?! — промелькнуло в голове. И только в этом момент я осознал, что моя высота значительно выше стандартной высадки десанта (1000 метров). От этой мысли стало мучительно страшно и холодно внутри. К общему дискомфорту добавился прохладный и достаточно сильный ветерок, начавший меня раскачивать, как на качелях. Попеременно потягивая лямки с противоположных сторон, я гасил качку, а тем временем земля, покрытая дымкой, все удалялась от меня. Площадка десантирования — Багиш — вскоре скрылась в жарком мареве у горизонта. Голубое небо обхватило меня, серое выгоревшее под солнцем полотнище земли лежало где-то далеко внизу. Земная твердь казалась несколько изогнутой к краям. Но мне некогда было любоваться этими видами, так как я, остро переживая происходящее, продолжал бультыхаться в восходящим потоке. Я плыл в небесах, как ангел. Борясь с воздушной непредсказуемой стихией, пытался предпринимать разные способы глубокого скольжения. Но и вытягивание пучка строп больше чем на половину их длины заметного снижения не давало. Устав в этой схватке с неведомой силой до полного упадка сил собственных, я бросил стропы и спокойно сел на лямках подвешенной системы. — Что же это такое? Что мне делать дальше?» — задал я себе вопрос, и, глядя под ноги, ниже которых разверглась бездна, начал вспоминать уроки ВДП: во-первых, не надо панико-

вать. Погода нормальная, видимость хорошая, все равно где-то опустит. Во-вторых, согласно инструкции, я должен развернуться с помощью купола и строп лицом по ветру и избежать приземления на препятствия или вблизи них. В-третьих, представь себе, что ты только открыл купол и начинай все сначала...

Эти размышления отвлекли и успокоили меня, и я в очередной раз осмотрел местность. С высоты более 2500 метров она была для меня совершенно незнакомой и безлюдной. Я оценил, что угрозу на земле могли представлять высоковольтная линия, что пробегала по диагонали, и небольшая горная гряда, к которой меня несло. Оба варианта представляли собой реальную опасность для жизни.

— Лучше горы, чем ток высокого напряжения, — подумал я.

Но и в горах значительные колебания в скорости ветра на высотах и у поверхности могли сыграть злую шутку. Непостоянство и внезапное изменение воздушных потоков увеличивали вероятность получения травмы и даже гибели. Вспомнились недавние трагедии гибели на валунах и камнях десантников азадбажского полка 105 дивизии. Воспоминание неуместное, но оно впрыснуло в мой мозг адреналина и прибавило силы для борьбы за жизнь. Я опять забарахтался, натягивая стропы своего ставшего непослушным купола парашюта.

При этих телодвижениях незаметно горизонт стал подниматься на меня, значит, оценил я, парашют пошел к земле. Развернувшись по ветру и глядя перед собой на горизонт, я напряг ноги. Как обычно, столкновение с землей было внезапным. Мощный удар сбил меня на правый бок в колючки, но я быстро вскочил на ноги. Купол начал опадать и, подхваченный небольшим ветерком, сначала потянул меня за собой параллельно земле, но, опередив его, забежав сбоку, подтягивая нижние стропы на себя, я успокоил его, и он сник... От счастья я плюхнулся спиной на землю и облегченно вздохнул: «Жив!». Наконец-то сердце забилось спокойно. И в этот момент душевного расслабления и радости я не сразу расслышал крики:

— Эй ты!

Мое благодное счастливое состояние прервал резкий и грубый мужской голос:

— Ну, ты, космонавт е...ый, долго еще валяться будешь? Собирай парашют, поехали. Мы тебя ждем!

На вершине небольшой сопки стоял грузовой автомобиль

Зил-130. В кабине которого сидели два «партизана», призванные на месячные сборы в автороту нашей части. Люди они были среднего возраста, грубоватые и не понимали моего психического состояния, так как сами не являлись парашютистами. Когда я, собрав свой купол, подошел к высокому борту автомобиля и долго трясуцимся руками не мог забросить в кузов свой нелегкий груз, то они посмеивались, глядя на мою неловкость. После того как я залез в кузов и прошел к кабине, приписник, сидящий за старшего в машине, высунулся из окна и пояснил мне, смешивая нормальную речь с неформальной, что они по приказу комбрига около 50 минут ехали за мной по земле и чуть не потеряли из виду в горах, при моем приземлении.

— Летаете тут сам по себе, а мы тебя ищи! Из-за тебя прекратили прыжки, — закончил он зло.

Наивный человек, будто я был лично виноват в этом своем вынужденном полете. Примерно через час, подъезжая к парашютодрому и месту сбора парашютистов, я увидел построенную в каре коробку личного состава бригады, в центре которой — крепкая рубленая фигура комбрига. Мосолов вместе со всеми повернулся на звук двигателя, приложил руку к глазам (закрывшись от солнца) и внимательно смотрел на автомобиль. Увидев меня, стоявшего в кузове, и осознав, что со мной все в порядке, он негромко бросил команду — «По машинам!», и весь личный состав бегом побежал на посадку. Через двадцать минут с неба летела очередная партия парашютистов... В тот памятный для меня день я окончательно бросил курить, чтобы не худеть.

Тот год все-таки дождался своего жертвоприношения. Во время прыжков погиб военнослужащий бригады. Им оказался мой ровесник, выпускник Киевского ВОКУ, командир группы первой роты первого отряда СпН лейтенант Пивовар Михаил Иванович. Это был высокий, худощавый парень с добродушным и покладистым характером, рано женившийся еще в училище и имевший двоих малолетних детей. Парашютная катастрофа произошла в раскаленный полдень 10 июля 1974 года во время массовой выброски десанта из самолета АН-12. Основной парашют у него не раскрылся, а воспользоваться запасным за тысячу метров свободного падения он так и не успел. Причиной гибели лейтенанта оказалось трагически ошибочное распоряжение вновь назначенного заместителя по ВДП

бригады об изменении порядка десантирования помощников выпускающего из самолетов этого типа.

Первая смерть товарища на наших глазах потрясла до глубины души каждого военнослужащего части. Всю жизнь, празднуя в начале августа день Воздушно-десантных войск, мы поднимаем третий тост:

— За тех, кого нет с нами, за погибших друзей! — И мысленно я первым вспоминаю его — Мишу Пивовара. Он возглавляет в моей памяти череду погибших соратников, однополчан, друзей и боевых товарищей, сложивших свои головы в мирное и военное время за три десятка лет моей службы в армии.

Молодым лейтенантом с большим энтузиазмом я приступил к службе в части спецназа. Одев летную форму, фуражку с голубым околышем, пришив петлицы с десантными эмблемами, я не почувствовал себя сразу парашютистом. Я был просто одет в десантную форму. Только после первых прыжков наступило удовлетворение от собственного самоутверждения. Прикоснувшись к небу, вступил в небесное братство... И осознав, что я тоже что-то могу как настоящий мужчина, я полюбил небо, как женщину. Надежно и навсегда.

Переломным стал эпизод с «разбором моих полетов» в 1973 году... Эта история приключилась августовским вечером, когда улети из Чирчика последние самолеты военно-транспортной авиации АН-12, проводившие в течение месяца выброску нашего десанта на парашютно-десантных сборах. Она по-своему поучительная...

Я был помощником дежурного по части, и комбриг приказал мне забрать с аэродрома ставший ненужным полевой караул. На дежурной машине я приехал на аэродром. Отсутствие обычно празднующихся военнослужащих насторожило меня. Но, осмотревшись, я не увидел ничего особенного. Палатка с личным составом караула располагалась за взлетно-посадочной полосой. Потому я, скомандовав водителю: «Вперед!», лихо проскочил напрямик ВПП аэродрома к палатке. Вышел из машины и, построив личный состав, дал распоряжение на свертывание лагеря.

В этот момент к нам на большой скорости подъехала летучка из состава аэродромной obsługi. Ко мне подбежал со страшными испуганными глазами майор в летной форме и закричал: «Кто сейчас приехал на этой машине?».

— Помощник дежурного по части лейтенант Кривопалов! — представился я.

— Садись ко мне в машину, тебя вызывает командир полка!

— Одну минуту, товарищ майор, я дам указания личному составу.

— Немедленно в машину! — заорал бешеный майор и грязно выругался.

У нас в спецназе не принято было ругаться старшим начальникам на младших в присутствии подчиненных, и потому мои удивленные солдаты без команды оказались рядом с матершинником. Готовые, если понадобится, тут же применить силу по отношению к моему обидчику. Тем более «какому-то» авиатору...

Что произошло? Чем спровоцирована грубость? Я не мог этого понять. Успокоив солдат и назначив старшего, я сел в машину с прибывшим за мной офицером.

— А в чем дело? — спросил я немного пришедшего в себя майора-авиатора.

— Как чего? Ты почему во время полетов въехал на полосу — на посадку шел истребитель, и пришлось его уводить на повторный заход.

— Так я посмотрел по сторонам. Помех не было.

— Помехи были в воздухе! Сейчас тебе командир объяснит! — ехидно закончил он.

Подъехали к пункту управления полетами. Я в этом помещении был впервые и разглядывал все с большим интересом. Командир был занят переговорами и, казалось, не обращал на меня внимания. Закончив радиообмен с пилотом, он повернулся ко мне и совершенно спокойно сказал:

— Ты что тут делаешь?

— Прибыл по вашему приказанию.

— Я спрашиваю, ты что тут делаешь в летной фуражке. Сними её на х... Или выбрось!

— Товарищ командир (в авиации командиров называют не по воинскому званию, а по должности), так я не видел!

— Ты что же, флаг ВВС на флагштоке не видел? Раз одел голубую фуражку, изучай летное дело, п-е-х-о-т-а! — сказал он с ядовитым сарказмом. — Передай комбригу, чтобы тебя наказал! Иди.

Больше всего во всем этом меня поразило спокойствие командира полка. Он умел владеть собой искусно. Я легко представил его в кабине стремительно летящего в воздухе самолета. И второе — у нас в то время в армии бытовала поговорка: «Где начинается авиация, там заканчивается порядок!». Оказывается, это далеко не так, — в авиации все подчинено обеспечению полетов. Это то время, когда все службы подчинены воле командира в интересах летчиков. С того дня я испытываю просто суеверное уважение к желто-голубому флагу ВВС, который поднимается на аэродроме во время полетов, прыжков с парашютом и т.д.

БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ВОЙСК

Учиться приходилось много всем — и солдатам, и офицерам. Мы без всякого пафоса готовились к серьезной войне с вероятным на тот период противником — армией Китая. Под руководством наших офицеров-переводчиков мы добросовестно зубрили китайский язык и досконально изучали Синьцзян-Уйгурский автономный район Поднебесной, где планировалось боевое использование групп нашей бригады. Нам внушали, что «Китай ведет открытую пропаганду войны, причем острие этой пропаганды направлено против СССР, в лице которого маоисты усматривают главное препятствие в реализации своих великодержавных гегемонистских целей». Мы изучали рельеф, гидрографию, климат, административное устройство, экономику, нравы и обычаи населения этого самого крупного по площади автономного района Китая. На его огромной площади смогли бы поместиться три таких государства, как Франция. Горно-пустынный характер местности и резко-континентальный климат на театре военных действий с хорошо налаженным административно-полицейским режимом и преобладанием чисто китайского населения были нашими противниками.

Нас ориентировали на то, что подозрительность, природная наблюдательность и дисциплинированность китайцев могут свести

на нет усилия наших диверсионных групп. Каждая штатная группа изучала несколько «своих» возможных объектов: электростанции, плотины, три атомных реактора, химические предприятия, мосты, единственную железную дорогу из Ланьчжоу в Урумчи с пропускной способностью 20 пар поездов в сутки и др. Особое внимание уделялось качеству предполагаемых диверсий. И, как нам всем бросилось в глаза, совершенно не изучались варианты эвакуации разведчиков после выполнения задачи. Но мы были молоды и недолго предавались размышлениям о своей обреченности в случае реальной выброски в тыл противника. Молодым кажется, что они бессмертны, и учебно-боевые задачи мы воспринимали так, как сейчас молодежь принимает виртуальные компьютерные игры в войну. К счастью, война с великим китайским соседом тогда не разгорелась, а вот самый мирный наш сосед, Афганистан, вошел в нашу жизнь и историю страны. Но до этого дня еще оставалось более пяти лет...

Командиры и политработники подразделений бригады по национальному составу были славянами: русские, украинцы и белорусы. Хотя иногда появлялись татары, узбеки, ингуши, казахи. Из редких национальностей отмечались немцы (Александр Гартунг), евреи (Сергей Шапиро), кстати сказать, оба оказались весьма приятными офицерами. Основной костяк командиров были выпускниками Киевского и Ташкентского ВОКУ, незначительное количество закончили престижное Рязанское, ВВДКУ, к которым относились с должным почтением. Однако среди выпускников РВВДКУ было развито чувство «великодесантного шовинизма», они считали себя на голову выше всех. В бригадах они в шутку выпускников других училищ называли «приемными детьми спецназа». Служба же все расставляла на свои места, делая со временем из приемных детей родных. А «истинные» десантники порой не вписывались в боевой строй и выглядели на общем фоне слабовато. Некоторое количество сержантов, а также прапорщиков на должности старшин подразделений, заместителей командиров групп спецназ готовил учебный полк в Печерах Псковской области.

МЕЛОМАН ЯШКА

В жизни военных коллективов всегда есть место анекдотам. Они, как правило, рождались действительностью, а затем обраста-

ли смешными подробностями и превращались в байки. Одна из таких бригадных легенд-анекдотов касалась двух животных — домашних ослов, или ишаков, живших с незапамятных времен на подсобном дворе нашей части.

Эти невысокие в холке до 1,2 метра непарнокопытные животные из рода лошадей использовались в Средней Азии для перевозки грузов под вьюком (до 80 кг) и в упряжи (до 1,5 тонн). Они отличались крупной головой с длинными ушами, узкими копытами, тонким хвостом с кистью длинных волос на конце. По характеру они были управляемыми, но очень упрямыми существами. У нас жила неполная ослиная семья. Мать по имени Роза и её сынок Яшка. Розу редко называли по имени, чаще всего о ней говорили — Яшкина мама. Она была серьезным и обученным существом. Самые старые прапорщики говорили, что она появилась в бригаде с первых дней ее существования и являлась настоящим ветераном части. Я думаю, что это не было преувеличением, так как известно, что продолжительность жизни ослов составляет 80 — 90 лет. Основным практическим предназначением Розы являлся вывоз отходов из посудомойки солдатской столовой на свинарник. В строго определенное время её впрягали в повозку и, не поднимая головы, дисциплинированная скотина сама шла к столовой. При этом очень строго соблюдала правила дорожного движения и воинский этикет. Если, к примеру, навстречу попадалась машина, Яшкина мама принимала вправо и замирала — пропуская её. Если у входа в казарму на дороге стояла рота, то она издавала тревожные неопределенные трубные звуки, свидетельствующие о её недовольстве, и командиры подавали команду:

— Пять шагов вперед! — Чтобы повозка беспрепятственно могла проехать по узкой дорожке тротуара.

Подъезжая к тальному входу в столовую, Яшкина мама ждала ровно пять минут. А затем, грациозно помахивая хвостом, совершала обратный путь. И горе тому кухонному наряду, который проявлял ротозейство и не успевал вынести и загрузить бачки с отходами. Ни уговорами, ни тем более силой нельзя было заставить упрямого животное совершить повторную ходку. В таких случаях несчастный наряд в руках нес свои бачки с отходами и проклинал Розу. Она так вымуштровала суточный наряд, что её прибытие к столовой встречали не хуже, чем дежурный встречает комбрига. С криками: Роза приехала! — наряд метался по подсобным помещениям столо-

вой и буквально бегом выносил и загружал свой груз. Часто бывало, нагружали очень много, и все удивлялись, с каким достоинством и благородством животное завершало свой рейс.

Её беспутный сынок — ишак Яшка — был настоящим бездельником. Он не хотел таскать повозки, и вообще в прошлой жизни был, наверное, сибаритом-аристократом. У него была потешная морда и жизнерадостный оскал. Страстью Яшки была военная музыка. Он сутками отирался у казармы музыкального взвода, который входил в нашу роту. Яшка ходил под окнами ленинской комнаты или клуба, где репетировали музыканты, и, просовывая свою голову в окно, время от времени своим ишачьим ревом одобрения сбивал репетиции. К нему относились, как к большому ребенку. Но наглое поведение Яшки начинало раздражать. Особенно он досаждал по понедельникам, когда проходили торжественные построения и прохождение строем подразделений. Услышав первые аккорды «Встречного марша», ишак несся на плац, и несколько раз это совпадало с торжественными минутами выхода командира бригады на плац и его приветствием личного состава. В те самые секунды, когда бойцы набирали воздух в легкие, чтобы гаркнуть в ответ: «Здравжеламтовполковник!», — происходило анекдотичное. Яшка со счастливым выражением выпученных глаз, роняя слюну, растопырив ноги, задрав голову начинал истошно вопить: «И-а, и-а, и-а!».

Роты содрогались от смеха, а командир части делал очередное внушение начальнику штаба. Попытки дневальных унять любителя музыки, как правило, были безуспешны.

Однажды комбриг обратился к стоящему в строю четвертой роты рослому командиру группы лейтенанту Стодеревскому,

— Игорь, успокой этого козла!

Содеревский, человек горячий и эмоциональный, быстро используя запас жестов и педагогического таланта, не выдержал, — и ударил ногой упирающегося Яшку под хвост. Ударил сильно. Ишак подпрыгнул и убежал прочь. Дальнейшее построение прошло без его опеки. На следующий же день часть содрогалась от острот и шуток в адрес Игоря. Гомерический хохот звучал ото всюду. Оказалось, что к утреннему подъему личного состава 4 и 5 роты Яшка справил большую нужду прямо у входа в казарму... Этим он, надо полагать, отомстил обидчику из четвертой роты.

Игорь пытался поймать и поколотить зарвавшегося ишака, но

Яшка, увидев Стодеревского, резво убежал от него и надежно спрятался.

Но, как показало время, его месть была еще не полностью выполнена...

На территории бригады в летнее время работал плавательный бассейн. Купались в нем по подразделениям, согласно расписанию занятий: совершая заплывы на время, прыжки с вышки, отработывая групповое отделение из самолета Ан-12, спасение утопающего и т.д.

И вот вскоре после перенесенного физического оскорбления Яшка пришел на площадку перед бассейном, где разделся личный состав четвертой роты.

В рядке аккуратно сложенного обмундирования ишак нашел одежду своего заклятого врага. Взял зубами его фуражку и всю изжевал с такой ненавистью и остервенением, что превратил головной убор в сопливый блин. Гольй Игорь с опозданием выскочил из бассейна и долго бегал по бригаде с палкой за вредным животным, нещадно бил его по хребту за очередную хулиганскую выходку и дико матерился. Свидетели этого покатывались со смеху.

Но полезные рефлексy у Яшки от ударов палкой не вырабатывались. И в конечном счете это его погубило.

В один печальный день после срыва очередного развода на занятия командир приказал продать Яшку узбекам для пополнения вечно пропадавших из столовой ложек. Так и сделали. Яшку сплавив в отдаленный кишлак с названием Бричмулла, что располагался в предгорьях. На вырученную за него сумму купили 300 ложек.

Однако не успели о нем соскучиться, как верный ишак, сбегав от нового хозяина и совершив марш в пятьдесят километров, вновь появился к очередному разводу на плацу. По его внешнему виду было понятно, что кормили его не «по-десантному» и принуждали к тяжелому физическому труду. Он был весь в репьях, ребра просвечивали сквозь шкуру, но глаза светились счастьем. Наконец-то он дома!

— Так вы, что его не продали? — строго спросил Мосолов у начальника тыла.

— Сам лично проследил за его отправкой! — взволнованно начал оправдываться полковник Н.Мельников.

— Прапорщик Кенжиев ко мне, в чем дело? Почему Яшка

опять в части? Даю вам времени двое суток, но чтобы этого невоспитанного зверя я больше здесь не видел...

После такого разговора командования солдаты, работавшие в свинарнике, отнеслись к приговоренному со всей добротой и сердечностью, как к блудному сыну относится его родная мать. Яшку обливали водой из шланга, терли плешивую шкуру щеткой, хорошо покормили. В эти последние дни ненависть к Яшке не проявлялась даже со стороны Игоря Стодеревского.

— Ну что, морда, нагулялся? — миролюбиво спросил его при встрече Игорь.

— Хоп майли!

— Хоп!

Яшка преданно смотрел ему в глаза и, как собака, вилял хвостом. Наконец примирение между ними состоялось.

Однако тыловики не могли не выполнить приказ командира; повторную продажу смышленного ишака провели в самом отдаленном горном кишлаке Ташкентской области...

Больше Яшка у нас не появился. Остаток своей жизни это удивительное создание, вероятно, с тоской вспоминало свое счастливое «боевое десантное детство» и военных музыкантов, так радовавших его чуткую и ранимую душу.

ВЫДВИЖЕНИЕ ПО СЛУЖБЕ

...В начале 1975 года командование бригады выдвинуло меня на освободившуюся должность замполита второго отряда спецназа вместо Кондратовича, ушедшего заместителем начальника политотдела. Все соответствующие представления были направлены по двум адресам: в ГРУ и ПУ САВО. Мы с нетерпением ждали приказа о назначении, но он не состоялся, так как в Псково-Печорском учебном полку спецназа нашли кандидатуру более достойную — капитана Захарова, который весной по семейным обстоятельствам был переведен на равную должность в нашу часть и был представлен в коллективе.

Расстроен был не один я.

— Лучше бы ты вместо Петрова или Козырева уехал в Германию! — сетовали товарищи.

Замполиты рот Петров и Козырев были на год-два моложе меня, а замена в ГСВГ всегда являлась мечтой любого советского офицера, поскольку значительно повышала материальное положение семей. Вместо них приехали капитан Анатолий Евланов, человек немолодой, степенный, пролетавший много лет стрелком-радистом на стратегическом бомбардировщике и, естественно, претендовавший на повышение. А также живой спортивный капитан Николай Шлаев. Конкуренция была налицо.

Вместе со мной открыто переживали кадровую неудачу и при встречах морально всячески поддерживали меня командир бригады подполковник Колесник В.В., начальник политотдела подполковник Лысак Н.В., сослуживцы по роте Тимченко А.В., Голубович А.С. и друг Харламов С.А..

Мы не были обделены вниманием своих командиров и начальников, так как регулярно за усердие и успехи в службе командир щедро представлял офицеров и прапорщиков к поощрениям и даже к государственным наградам. Два человека в истории бригады получили воинские звания, одним из них в апреле 1975 года оказался я. Приказом министра обороны мне было присвоено звание старшего лейтенанта (досрочно).

Прекрасно понимая, что это оценка труда всего офицерского коллектива нашей роты: Тимченко, Маковского, Золотарева, Харламова, а также старшины роты прапорщика Лопушанского без дружбы с которыми не могло бы быть общих высоких результатов, я накрыл поляну. В кругу единомышленников мы душевно отметили это событие. Всю жизнь я вспоминаю сослуживцев по роте с большой теплотой и сердечностью. То были настоящие знатоки своего дела, а главное — надежные люди, лучше которых встретить было сложно. Кстати, все они впоследствии прошли войны и награждены боевыми орденами. А двое, Харламов и Золотарев, достигли званий полковников разведки. Через многие годы, читая воспоминания Сергея Харламова, я в деталях окунул в тот период службы, некоторые нюансы которой начисто забыл.

«Весь зимний период обучения 1975 года проходил под девизом достойной встречи 30-летия Победы в Великой Отечественной войне, — писал Харламов. — В отличие от других праздников и памятных дат, к подготовке и празднованию 30-летия Победы все солдаты и офицеры в 6 роте, да и в бригаде в целом, отнеслись с энтузиазмом и искренней заинтересованностью.

Организация и руководство работой по подготовке к юбилею легла, конечно, на замполита нашей роты Олега Кривопалова, который попытался подойти к этому мероприятию неформально, как и ко всему, чем ему приходилось заниматься. Как-то однажды, еще в январе 1975 года он усадил личный состав и предложил написать письма домой, в которых попросил родителей, дедушек, бабушек и других родственников написать о том, как в их судьбах отразилась Великая Отечественная война, как они воевали или обеспечивали нашу Победу в тылу.

Бойцы, конечно же, отправили весточки домой, но особых надежд ни у кого, да и у Олега тоже, на многочисленные и интересные ответы не было. Но каково же было наше удивление, когда письма, при этом очень интересные и содержательные, пошли, и чем ближе к памятной дате, тем больше и больше. В результате письма участников войны, а также родственников наших бойцов были помещены на специальном стенде, который сначала был установлен в ленинской комнате роты. Все мы с неподдельным интересом читали воспоминания фронтовиков, а когда молва о них, как говорится, «облетела бригаду от забора до забора» и к нам зачастили солдаты и офицеры из других подразделений, чтобы почитать эти письма, пришлось вынести стенд на плац и поставить около нашей казармы. Приятно было наблюдать, как возле него постоянно толпился народ, читавший письма и обсуждавший написанное.

Честно скажу, до 30-летия Победы было много запомнившихся празднований этого святого для нас дня, да и после него каждый год отмечался праздник Победы. Однако самое запомнившееся мне чувство подъема и торжественности было лишь на 30-летию, оно осталось в памяти во всех деталях. Этот праздник всегда вызывает особое чувство торжественности у граждан нашей страны вне зависимости от возраста и степени причастности к самой Победе, однако ни до 30-летия, ни после такого особого настроения, как было тогда, в 1975 году, у меня лично почему-то не было. Вполне может быть, что именно искренность тех писем простых солдат войны и тружеников тыла сыграла в этом свою определенную роль. Не знаю. Возможно, такой подъем настроения был вызван еще и тем, что к весне 1975 года стало очевидным поражение Соединенных Штатов Америки в войне во Вьетнаме, за ходом которой мы все наблюдали в течение многих лет. Помнится, 30 апреля, как раз накануне нашего Дня Победы, в Южном Вьетнаме

был освобожден Сайгон. На фоне начавшейся массовой эвакуации американских войск из Южного Вьетнама, нас, спецназовцев, охватывало двоякое чувство. С одной стороны, мы испытывали искреннюю радость за вьетнамцев, которые нанесли сокрушительное поражение супердержаве — США и покрыли позором ее армию, а с другой, — было жаль, что советский спецназ, в отличие от других родов войск и видов Вооруженных Сил СССР, не принимал в победе вьетнамского народа никакого участия. А ведь из книги «Падающий дождь», которую мы на разведывательном факультете КВКУ зачитывали до дыр, было известно, что подразделения американских зеленых беретов широко использовались в рамках операции, получившей название «Операция «Феникс», для проведения разведывательно-диверсионных мероприятий как в Южном, так и Северном Вьетнаме.

Ну, а если говорить в общем, то настроение у всех нас в период подготовки и празднования Дня Победы было крайне приподнятое. 9 мая, когда все официальные торжества в нашей части закончились, Олег пригласил меня к себе домой, и мы с ним и Галей за праздничным ужином выпили не по одной фронтовой чарке за Победу из настоящих алюминиевых кружек, которые Олег использовал лишь один раз в год, во время празднования Дня Победы. Кстати, справедливости ради, надо сказать, что не все наши коллеги и сослуживцы разделяли настроение радости и душевного подъема, которое было у нас в этот день. Подтверждением тому является то, что в то время, когда мы с Олегом и Галей отмечали праздник, их сосед по коммунальной квартире прапорщик нашей же части Валера Саблин «отдыхал лежа (спал)», как трактует это состояние Устав внутренней службы ВС СССР, то есть совершенно мирно и беззаботно спал, видимо, используя праздничный день для того, чтобы хорошенько отоспаться».

Я очень благодарен Сереже, что он оживил мое повествование яркими цветами личного мироощущения. Однако продолжу свой рассказ.

Под неусыпным государственным оком командира ежегодно многие офицеры нашей части отбирались для поступления в военные академии. Я не помню случая, чтобы кто-то из наших не поступил. Поступали все направляемые на конкурсные вступительные экзамены. Кандидаты заранее оповещались командиром о предстоящем отборе и старались добросовестной службой оправдать ока-

занное доверие. Так незаметно и повседневно рождался золотой запас офицерской элиты, ставшей впоследствии нынешним отрядом российских командиров-единоначальников спецназа ГРУ ГШ.

А в моей судьбе с приходом нового замполита батальона Захарова вроде бы новых перспектив в ближайшем будущем не предвиделось. Но вмешался его Величество Случай. В начале лета состоялся военный совет округа, на котором мне оказали высокую честь — выступить с информацией по опыту работы с личным составом роты. Мое невольное присутствие на этом военном совете сыграло весьма существенную роль в дальнейшей судьбе. Во время обеденного перерыва мы стояли с начальником политотдела бригады, и тут к нам подошел его знакомый — начальник политотдела 17-го армейского корпуса полковник Зинченко. Он добродушно поговорил с Николаем Васильевичем, а, уходя, стрельнув в мою сторону глазами, на ходу спросил:

— Твой орел на какой должности?

Мой начальник пояснил, дав краткую характеристику мне, назвав передовым офицером части.

— А на выдвижение ему не пора?

— Пойдешь ко мне в отдельную часть замполитом? — обратился Зинченко ко мне, пожимая руку.

— Что это за часть? — напрягся я.

— Отдельный реактивно-артиллерийский дивизион прикрытия государственной границы. Отдельный! Прямого подчинения командиру корпуса! Замыкаться будешь на меня. Ты какое училище закончил? — спросил полковник.

— Свердловское! — ответил я.

— Ого, вот тебе и по профилю подходит, — с радостью констатировал Зинченко.

— Подумай. — Полковник еще раз доброжелательно пожал мне руку и ушел.

Мой начальник политотдела вернулся к этому разговору во время совещания. Он рассказал В.В. Колеснику о состоявшемся разговоре. Командир повернул голову ко мне и с улыбкой спросил:

— Ну, а ты что думаешь?

— Я патриот наших войск и уходить в пехоту не желаю, — пробурчал я в ответ.

— А где же я тебе должность замполита батальона найду?! — нахмурился комбриг.

— Ничего, я подожду.

— Не валяй дурака, Олег, — раздраженно сказал Василий Васильевич, — соглашайся на эту должность и зарабатывай право поступать в академию, а затем ко мне комиссаром придешь, сменишь Николая Васильевича.

— Я в перерыве сообщу Зинченко о твоем согласии, — вступил в разговор Лысак, — не упускай момент, Олег.

Я промолчал. Масса чувств владела мной в эту минуту...

Вот так случайно и неожиданно состоялось решающее назначение. Мои документы на несостоявшееся выдвижение еще находились в отделе кадров ПУ САВО. И это облегчило дело, так как полковник Олег Владимирович Зинченко оказался влиятельным человеком (как доносила народная молва, — приходился родственником тогдашнему начальнику Главпура СА и ВМФ генералу армии А. Епишеву), которому достаточно было позвонить по телефону начальнику отдела кадров округа и назвать фамилию отобранного им офицера, чтобы представлению был дан ход. И оно вскоре было подписано.

Благодаря зятю начальника Главпура состоялся приказ о моем назначении на высокую самостоятельную должность заместителя командира отдельной режимной части прикрытия государственной границы. Однако об этом мне стало известно месяца через два.

Все раскаленное лето под выжженным солнцем Туркестана прошло для меня на аэродромах и парашютодромах, на сборах по воздушно-десантной подготовке, на укладке парашютов, стрельбах и десантировании на учения в горах и пустынях САВО и ТуркВО.

— А, знаешь, — на ухо шепнул мне прапорщик, начальник секретной части бригады, — месяц уже лежит приказ о твоем назначении на новую должность.

Его по распоряжению комбрига Колесника положили под сукно, чтобы не оголять роту на период самых ответственных занятий летней боевой подготовки.

Честно говоря, в повседневных хлопотах о состоявшейся беседе с неизвестным мне полковником я уже и подзабыл. Не особенно я поверил и в реальность того достаточно будничного разговора. Так что без прикрас — новое назначение оказалось для меня внезапным, радостным и несколько грустным. Настоящее время неузнаваемо изменило отношения между людьми, а мои друзья и товарищи из лейтенантской юности и до сих пор отличаются особым

морально-боевым кодексом, сплоченностью, взаимовыручкой, что является истинной ценностью в жизни и дорогого стоит.

ПО МАРШРУТУ «ТАШКЕНТ — ОТАР — САМСЫ — УНГУРТАС»

Завершив сборы по воздушно-десантной подготовке и весело отгуляв с друзьями День Воздушно-десантных войск, а также свою отвальную, я получил предписание уехать к новому месту службы в 179-й отдельный реактивно-артиллерийский дивизион 17-го армейского корпуса САВО, в казахский поселок городского типа Отар.

...Потеряв в поисках неведомого военного городка два дня, с чемоданом на плечах, пешком по пыльной степи или на попутном транспорте только на третьи сутки я пешком добрался до новой части. На деле же оказалось, что этот забытый богом дивизион дислоцировался не в Отаре, где размещалась полноштатная учебная мотострелковая дивизия, а в отдаленном гарнизоне севернее поселка Самсы, который расположен на автотрассе Алма-Ата — Фрунзе. Напутали мои кадровики и со штабом 17-го АК, так как он дислоцировался в столице Советской Киргизии, г. Фрунзе (ныне Бишкек). Расстояния в сотни километров между названными мне населенными пунктами были сущей мелочью по масштабам того округа.

Короткое пребывание в Отаре скрасила приятная встреча с однополчанином по Чирчику старшим лейтенантом Бисланом Мальсаговым и однокурсником по СВВПТАУ Валерием Барабановым, которые служили в частях, дислоцировавшейся там дивизии. Первое впечатление от увиденной мной панорамы военного городка в Самсах поразило своим патриархальным деревенским покоем. Не было в ней той непрерывной суетни и непонятного для человека постороннего движения масс и техники, характерного для десантной части.

Пункт постоянной дислокации дивизиона быстрого реагирования дислоцировался в степи в 80 км от Алма-Аты. Основную архитектуру городка составляли пять длинных барачных корпусов: в первых двух находились казармы личного состава, в одном — клуб части, в четвертом размещался штаб дивизиона. Параллельно штабу распо-

лагалась солдатская столовая. Севернее жилого городка, за забором из колючей проволоки в автопарке сосредоточилась вся многочисленная автомобильная и боевая техника части. Дивизион был развернут по штатам военного времени и имел три реактивных артиллерийских батареи по шесть боевых машин залпового огня (БМ-21) в каждой, 54 транспортно-заряжающие машины с возимым запасом боеприпасов и большой автопарк с машинами обеспечения. Личный состав срочной службы был укомплектован порядочными и трудолюбивыми парнями в основном уроженцами этих мест. Более половины из которых по национальности оказались таджиками, остальные казахами, русскими и украинцами, немцами — уроженцами населенных пунктов Казахстана, появившимися во время освоения целины. Именно здесь, во всех отношениях отдаленном гарнизоне, мне пришлось развивать свои знания, навыки и умения, полученные в первой своей армейской академии — бригаде спецназа.

Переодевшись в парадную форму, я поехал представляться командованию корпусом, с которым имел честь познакомиться на памятном военном совете, но не увидел знакомых лиц. Оказалось, что в середине лета произошла трагедия: прежний командир генерал-лейтенант Мякушко и ЧВС — начальник политотдела полковник Зинченко попали в автомобильную катастрофу на Курдайском перевале. При ударе комкору оторвало голову, и он погиб на месте, а чэвээса с тяжкими повреждениями черепной коробки в критическом состоянии вывезли в Москву. Должность начальника политотдела корпуса исполнял первый заместитель Зинченко полковник Дорцев Юрий Степанович (впоследствии ставший заместителем начальника политуправления сухопутных войск). Это был серьезный, интеллигентный и взвешенный мужчина. Его внимательные с легкой грустинкой глаза, спокойные и справедливые слова светятся в моей памяти. Не последнюю роль Дорцев сыграл в моей дальнейшей судьбе и особенно при отборе в академию.

Однако судьбе было угодно, чтобы через тринадцать лет в моей памяти вновь всплыла фамилия Зинченко. Во время службы в политотделе 40 армии в Кабуле среди подчиненных мне офицеров отдела пропаганды и агитации оказался родной брат Зинченко Владимир Владимирович. Который рассказал подробности жизни и дальнейшей судьбы Олега Владимировича, которого, я, естественно, боготворил как своего крестного отца.

Родился Зинченко О.В. 29 апреля 1935 года в Ставрополе.

После окончания местного СВУ был зачислен в Ленинградское пехотное училище, которое успешно закончил в 1956 году. Многие годы службы Зинченко были связаны с армейским комсомолом, в котором он вырос от секретаря комитета ВЛКСМ полка до помощника начальника Главпура по комсомольской работе. В последующие годы занимал должности начальника политотдела армейского корпуса в ряде военных округов, члена военного совета — начальника политотдела общевойсковой армии в Киевском военном округе. Окончив Военную академию Генерального штаба, мой визави, проходил службу первым заместителем начальника политуправления Северо-Кавказского военного округа, затем ЧПС-НПУ Уральского военного округа. В июне 1987 года генерал Зинченко был назначен начальником политотдела группы советских военных советников и специалистов — заместителем главного советника по политчасти, советником начальника главного политуправления вооруженных сил ДРА в Кабуле. Впоследствии с 1989 по 1991 год, до развала политорганов и СССР, служил в должности начальника политуправления ПрибВО. За образцовое выполнение служебного долга и Афганистан мой тезка награжден шестью советскими орденами. Умер генерал-лейтенант Зинченко на 73-м году жизни 3 мая 2007 года в Москве.

179 дивизионом, в который я прибыл, командовал сорокалетний подполковник Бинкин Леонид Юрьевич. Его уважительно называли редким, по тем временам, званием — «воин-интернационалист», и «орденоносец»... Так как, в 1968 году ему довелось принимать участие во вводе советских войск в Чехословакию, за что был отмечен орденом Красной Звезды. Его внешность, манеры разговора и поведения выдавали колоритного представителя древней еврейской национальности. Это был черноусый человек, среднего роста, полностью лишенный растительности на голове, которая блестела как коленка. Обладая замечательными способностями командира-организатора и хозяйственника, и при благоприятном служебном раскладе, наверное, готового стать крупным военным руководителем, он не смог подняться выше дивизиона. Бинкин понимал свой потолок и многого от жизни не требовал. Завершил военную службу в канун Афганской войны и благополучно уехал на родину — в небольшой городок в Витебской области. А дивизион впоследствии принимал участие в войне «за речкой».

Профессиональному росту подполковнику Бинкину, вероятно,

мешали определенные личные недостатки, которые были хорошо известны в вышестоящих штабах. Обо всем я не берусь судить, но как человек новый обратил внимание на одно — на систему его взаимоотношений с подчиненными, в которой меня многое поража-ло. Отмечу такой штрих.

У комдива был штатный командирский «уазик», который использовался только его семьей в личных целях. Даже когда подполковник Бинкин покидал пределы гарнизона, то на этой машине ездила его жена, а временный исполняющий обязанности командира части пользовался грузовиком, которых у нас было достаточное количество. Я не помню случая, чтобы командир когда-то брал с собой своих заместителей. Они, как правило, ездили в кузове дежурного автомобиля типа Газ-66 или Урал, что дважды в сутки перевозил на службу и обратно домой всех офицеров и прапорщи-ков части.

Подобное поведение резко контрастировало с линией поведе-ния моих прежних десантных командиров. В Чирчике комбриг лег-ко и щедро выделял свою легковую машину не только своим заме-стителем, но и лейтенантам: молодоженам на регистрацию брака, счастливым отцам для приема жен с детьми из роддомов, для встречи прилетающих родственников и мало ли каких житейских дел... Я не говорю уж про служебные вопросы... Мудрый комбриг говорил по этому поводу:

— Нас не будет, а это железо останется... Чего его жалеть?! Заправить горючим и выделить по заявке. Кто еще этому лейтенан-ту поможет, если не мы.

Жилой городок офицеров и прапорщиков артиллерийской ча-сти располагался в десяти километрах от военного городка части, в поселке с замысловатым названием Унгуртас. Этот забытый богом угол населяли в основной массе местные аборигены — казахи, раз-бавленные немногочисленными русскими и украинцами. Кроме того, менее четверти населения составляли бывшие заключенные — ссыль-ные немцы (бывшие военные преступники — надзиратели концла-герей и т.д.), высланные на вечное поселение после окончания сро-ков заключения. Среди арийцев оказались и советские поволжские немцы, высланные в эти края в соответствии с указом Верховного Совета СССР от 1941 г. В десятке километров от нашего поселка, ближе к горным вершинам, жили депортированные в 1944 году с Кавказа дикие чеченцы, за которыми укрепилась недобрая репута-

ция бандитов и преступников. То и дело доходили слухи о воровстве из близлежащих населенных пунктов техники, они избивали и даже убивали лиц, пытавшихся оказывать им сопротивление. Довольно часто ими совершались изнасилования женщин разных возрастов. Местными органами милиции и прокуратурой мелкие преступления даже не расследовались, а по резонансным случаям уголовные дела часто не доходили до суда. В населенные пункты, где проживали чеченцы, ездить не рекомендовалось. В 50 километрах от нашего села находился районный центр Узунагач. Передвижение между населенными пунктами района осуществлялось только автомобильным или гужевым транспортом, или пешком.

По заведенному порядку рабочий день офицеров и прапорщиков начинался с построения части в 8.00, а завершался, как правило, после смены караула около 20.00. На службу и со службы офицеры возвращались домой все вместе, на одном грузовом автомобиле Газ-66, старшим которого был определен замполит части.

Казахи, проживавшие в поселке, без преувеличения, на уровне средневековья, в основе своей были простые необразованные и не очень чистоплотные люди, проводившие свободное время в постоянных пьянках, матерных ссорах и драках, в которых участвовали и мужчины, и женщины одинаково. В таких ситуациях мне пришлось дважды оказаться в эпицентре событий и попасть в конфликтную ситуацию, испытав нрав аборигенов. В эти моменты логика бессильна и остается правой — сила, потому пришлось махать кулаками и отстаивать свою личную неприкосновенность и честь офицерских погон. Не знаю как сейчас, а в то время мне показалось, нормальным состоянием работающего казаха-агрария было нетрезвое. Как-то в середине лета, в полдень, в наш крайний двухэтажный дом офицерского состава на полном ходу с грохотом врезался трактор. Начисто снес балкон и чуть было не въехал в комнату нашей квартиры. Когда пыль рассеялась и из покореженного каркаса кабины вытащили безжизненное тело тракториста, коренной национальности, то он оказался невменяемо пьян. И врезался в дом не тракторист, а трактор, идущий «на автопилоте», водитель находился в отключке и не осознавал, что давно уже едет на бескрайними степями, которые ему поручили осваивать, а по населенному пункту. А сознание потерял за рулем не от усталости, а от трехдневного запоя.

Ярко иллюстрирует нравы и порядки в Унгуртасе того време-

ни пролежавший перед зданием сельсовета больше чем полгода труп сдохшего от голода ишака, и некому было дать распоряжение убирать его бранные, дурно пахнущие останки. В нескольких грязных магазинах села на полках было совершенно пусто и голо. Хозяйки этих очагов культуры и общественной торговли, тоже из числа коренной национальности, гордо и пренебрежительно поглядывали на офицерш, каждый день заглядывающих в их магазины в надежде что-то купить. Если же какой-нибудь товар все же завозился, то он под прилавком делился между многочисленными сородичами, и «чужим», естественно, не доставался.

Но люди ко всему привыкают. В этих непростых условиях мы тоже вскоре приспособились к добыче своего пропитания. Используя преимущества военного человека, имеющего доступ к боеприпасам. От старожилов мне стало известно, что мясо можно заказывать местным охотникам, которые за одну пачку мелкокалиберных патронов готовы привезти прямо на дом целую тушу сайгака. Для меня не составляло большого труда доставать упаковку патронов, а казахам — делиться со мной своими трофеями. Такой бартер был выгоден всем. Так мы и выживали в холодные зимние месяцы. Мясо на столе не переводилось, а Галюся быстро овладела секретами казахской национальной кухни и очень изысканно готовила мясо диких животных. Зимой у казахов преобладала мясная пища. Из мясных блюд наиболее распространен бешбармак — сваренные в бульоне баранина и куски раскатанного теста. Любимым кушаньем в нашей семье стали манты — большие пельмени, сваренные на пару.

После богатого и зеленого Чирчика угнетала серость окружающей природы, сопков, домов, людей, отсутствие фруктов и овощей. В жилом городке офицерского состава, состоявшего из нескольких двухэтажных домов и котельной, не было ни одного дерева, ни одной травинки. Наш эксперимент с женой по благоустройству двора (посадка травы и цветов под окнами дома) результата не дал: пока мы были в отпуске, их перестали поливать, и они погибли.

Поражал резкий контраст жизни местных жителей (ободранные дома, засоренные и загаженные дворы, посреди которых, а не в сортирах, справляли нужду и взрослые, и дети, — а от этого и большие зеленые мухи, и дурные запахи, и полная средневековая антисанитария), и рядом образцовые чистенькие дома ссыльных немцев, доказавших на деле, что и на этой же земле можно растить

деревья, кустарники, овощи, фрукты. Немецкие дворы выглядели настоящими оазисами в степи.

В декабре 1975 года командир ушел в отпуск, оставив меня исполняющим обязанности командира части. Впервые мне пришлось вплотную заниматься вопросами тыла и обеспечения выживания семей военнослужащих. В зимние месяцы основным топливом в этих местах являлись дрова. И они в условиях острого дефицита действительно было на вес золота. Согласно разнарядке тыл САВО поставил нам под разгрузку десять вагонов саксаула. Вывоз следовало организовать с железнодорожной станции Копа. Это оказалась первая для меня сравнительно небольшая по масштабам, но достаточно непростая срочная операция, потребовавшая работы людей и 75 автомобилей, из расчета на каждый вагон по десять грузовиков. Надлежало разгрузить и вывезти эти дрова в часть и освободить железнодорожные пути и платформы до наступления штрафных санкций за задержку имущества железной дороги. Вывоз осуществлялся ровно сутки: работали день и ночь. К счастью, все обошлось без потерь и жертв (но при одной автомобильной аварии по вине солдата-лихача, превысившего скорость) мы уложились в жесткие сроки. Во всем этом деле, ко всему прочему, большое значение придавалось организации надежной охраны при погрузке, и повторной разгрузке, дабы не допустить разворовывания вывезенного. Местные жители, набежавшие толпами из ближайших сел и кишлаков и сопровождавшие нас эти сутки, тащили дерево прямо из-под носа, только зевни... Взятками и бутылками они пытались склонить отдельных военнослужащих срочной службы из числа казачков к соучастию в воровстве. Но, по большому счету, это нам с офицерами удалось пресечь.

После Чирчика я так и не успел привыкнуть к разболтанности и необязательности подчиненного личного состава. Не раз в связи с этим у меня возникали острые моменты и даже конфликты при воспитании подчиненных, особенно господ офицеров. Вспоминаю случай, когда командира батареи лейтенанта Павленко пришлось даже брать за грудки и заставлять силой выполнять приказ.

подавляющая часть офицеров войсковой части 28746 были моими ровесниками в возрасте до 25 лет. Самым старым после командира дивизиона являлся заместитель командира по тылу капитан Сытько, которому было далеко за тридцать. Он, как и все тыловики, был большой любитель выпить, но с ним у меня были

налажены удивительно хорошие и теплые отношения. Все мои требования Сытько и его подчиненными прапорщиками и солдатами выполнялись безоговорочно. Хотя, бывало, заместитель по тылу позволял схлестываться в крепкой лексике с командиром, который тоже употреблял мат, как он говорил:

— Мы им не ругаемся, мы на нем разговариваем.

Но со мной почему-то ни командир, ни коллеги — заместители, ни подчиненные офицеры ни разу не позволили так «разговаривать»... Возможно потому, что и я старался в повседневности быть корректным и вежливым и обращался ко всем военнослужащим исключительно на «вы».

Командиры подразделений были представлены выпускниками Тбилисского артиллерийского училища, которое впоследствии в годы развала СССР переведут в Екатеринбург в военный городок моего училища на Уктусе. Добрую память оставили о себе командиры батарей старшие лейтенанты Бирюков, Барабанов, Маркушев, служившие добросовестно и с огоньком. Регулярно они направлялись на окружные состязания командиров артбатарей и не подводили часть. Хорошим офицером запомнился командир батареи управления и связи лейтенант Семенов. Добросовестно работал, настоящий трудяга, начальник автомобильной службы выпускник Челябинского высшего военного автомобильного училища старший лейтенант Бердинский. На нем «висела» многочисленная автомобильная техника, и он справлялся успешно. Замечательным и отзывчивым человеком оказался врач, старший лейтенант медслужбы Нанкевич, который лечил от всего и солдат, и жен военнослужащих, и детей. Благодаря его помощи и поддержке я перенес операцию в военном госпитале, а также преодолел жесткий контроль специалистов военно-медицинской комиссии, обративших внимание на мое повышенное артериальное давление. Сожалею, что не проявил к нему в свое время должного внимания и сердечности.

Но, говоря откровенно, мне не со всеми удалось построить нормальные ровные служебные отношения. Таким исключением стал, например, командир батареи Павленко, в контактах с которым сохранялась постоянная напряженность. Был он, на мой взгляд, человеком вздорным и предельно неуравновешенным в отношениях не только с подчиненными, но и начальниками. Но меня это не оправдывало.

Как-то сразу не заладились отношения с начальником штаба

части, старшим лейтенантом Абрамовским. Хотя он был и не из господ, простым рабочим парнем из Актюбинска, сумевшим окончить среднее военное артиллерийское училище и быстро подняться по служебной лестнице, народной простоты и честности в нем не было. А наоборот, казалось, что в нем постоянно боролся какой-то стукот недоверия к людям и собственная неполноценность. В нем явно проявлялся какой-то комплекс собственной ущербности, и от этого он старался держать дистанцию с подчиненными и коллегами, для чего носил личину большого начальника. Держался со всеми как «наполеон», и разговаривал высокомерно, через губу, с заметным вологодским акцентом. Часто из-за своей амбициозности и неопытности допускал промахи, за что его при всех нещадно материл командир. Но после этого общественного унижения начальник штаба еще более старался держаться заносчиво и порой очень неправильно. Мы с ним жили в одном подъезде, но дружбы, какая складывается между соседями, одинаковыми по должности, у нас не сложилось.

Поскольку в части было много воинских специальностей — разведчики, вычислители, наводчики, связисты, командиры боевых машин, водители, то с каждой категорией надо было работать индивидуально. И в этой работе мне подспорьем стали знания и практический опыт артиллериста, полученные в стенах училища, которое я не раз вспоминал с благодарностью... Благодаря случайности мне удалось быстро завоевать авторитет и вписаться в коллектив. Как-то приехал генерал, начальник артиллерии округа для проверки нашего гарнизона и решил провести зачет по артстрелковой подготовке на артвинтполигоне. Думаю, специально, чтобы потом посмеяться надо мной, командир дивизиона без каких-либо предварительных тренировок неожиданно определил меня стреляющим после начальника штаба. Учитывая то, что артстрелковая подготовка требует постоянных тренировок и гибкости ума, а я после трехлетнего перерыва, встав за артиллерийский планшет, достаточно медленно шевелил мозгами и формулами расчета данных, к тому же испытывал запредельное волнение, подготовку данных стрельбы батареи я выполнил с опозданием на две минуты. За моей спиной уже слышались ехидные смешки подчиненных командиров. Моя стрельба должна была стать шоу на арене цирка. Но данные, подготовленные мной, оказались точными, и залп батареи поразил цели.

— Оценка — хорошо. — Генерал пожал мне руку и вызвал следующего стреляющего.

Во время подведения итогов им было отмечено:

— А замполит-то, Илларион Борисович, тебе толковый достался, хорошо стреляет.

— А Федотова ты что-то за многие годы так и не научил стрелять!

Майор Федотов был моим предшественником, ушедшим из дивизиона на повышение замполитом артиллерийской бригады большой мощности. Он оставил о себе хорошую память в коллективе. Отзывы солдат и офицеров радовали душу, так как замполит остался в памяти добрым и сердечным человеком. При нем в части была оборудована хорошая ленинская комната. Но все остальное культпросветхозяйство оказалось в очень запущенном и хилом состоянии. Всю жизнь меня в этом плане сопровождал какой-то злой рок, и в будущем, в других частях, я приходил на «пустыри» материально-технической и идеологической базы. Засучив рукава и отобрав художников из актива, начал работу по созданию стенной печати, наглядной агитации городка, восстанавливать разграбленный и нерабочий радиоузел, клуб, киноаппаратную. Съездил во Фрунзе на кинопункт, где подписал договор о поставках кинофильмов в наш гарнизон и вырвал необходимые ремонтные запасы для восстановления киноаппаратов. Проблемой оказались лампы накаливания, но и их нашли в местном районном кинотеатре. С первых дней пребывания в части мне удалось изменить порядок проведения выходных и праздничных дней: увлечь личный состав организацией спортивных праздников и тренировок по гиревому спорту, комбинированным эстафетам, рукопашному бою. К великой радости солдат подтолкнул самодеятельность и спланировал на год смотры художественной самодеятельности среди батарей. Народ в выходные дни перестал болтаться без дела, а брэнчал на гитарах, учил стихи и пел песни. Сначала для себя, а потом на наши итоговые концерты мы стали приглашать из Унгуртаса гостей — семьи офицеров и прапорщиков. Для них для всех — и солдат, и членов семей — это были радостные, запоминающиеся встречи, к которым женщины задолго готовились — шили новые платья, делали прически, одевались в модные колготки и туфли, пользовались перед выходом лучшей косметикой и парфюмерией.

Активистом-общественником, моим помощником в вопросах

организационно-партийной работы был внештатный секретарь партийной ячейки — прапорщик Марьин, на учете у которого числились всего 4 коммуниста. Что явно было недостаточно, так как одних офицеров в дивизионе было более двух десятков. А прапорщики? В этом направлении за год мы существенно поправили положение и увеличили парторганизацию до 13 членов. Каждому из молодых коммунистов определили задачи по работе с личным составом. Хорошим помощником в работе с личным составом оказался секретарь комсомольской организации дивизиона сержант Науменко. Много разных мероприятий мы подготовили и успешно провели с ним, сплотив коллектив и значительно обогатив быт и досуг личного состава.

Командир молча наблюдал за моей деятельностью, иногда пытался язвить по мелочам, но не мешал. Он был очень сложным человеком, ко всему же между нами существовала дистанция большого масштаба — разница в возрасте, но он относился ко мне, как я чувствовал, доброжелательно, а вскоре и с полным доверием. В подтверждение чего в части утвердилась практика: убывая из части, командир оставлял замполита вместо себя. Доверял только мне, и это радовало. Несколько раз, будучи ВРИО командира, в его отсутствие мне пришлось в буквальном смысле воевать за поддержание боевой готовности части, что не осталось незамеченным. Приходилось обращаясь за поддержкой вплоть до начальника ракетных войск и артиллерии округа и корпуса. И шуму было много.

Запомнилась одна ссора с командованием кадрированной артиллерийской бригады большой мощности, расположенной в нашем гарнизоне, возникшая из-за фактов хищения военного оборудования. Проверя караул и заслушивая начальников караула о выявленных недостатках при смене, я отметил, что в эти дни несения службы караулом бригады происходили многочисленные случаи хищений автодеталей с машин нашей транспортно-заряжающей группы дивизиона, стоящей на боевом дежурстве. Все хищения совершались солдатами исключительно в корыстных целях для обмена у местных жителей на спиртные напитки. Однако мои обращения к командованию бригады с просьбой провести расследование и пресечь хищения воспринимались с прохладцей.

— Твои проблемы с твоими машинами, ты решаешь!

Серьезных мер по прекращению разграбления не предпринималось. Тогда я организовал засаду и поймал двух ворюшек из бригады, пытавшихся вынести снятое оборудование за пределы ав-

топарка. Отправил их на гауптвахту, предварительно собрав объяснительные. О задержании доложил в штаб корпуса. Это произвело эффект разорвавшейся бомбы. Пригласив руководителей штаба артиллерии корпуса, я потребовал организовывать экстренное служебное совещание, на котором провести административное расследование по выявленным фактам в артбригаде. Разгорелся грандиозный скандал. Начальники жутко матерились в адрес командиров артбригады, те оправдывались, а я сидел и ждал решения. С того совещания с соседями отношения были испорчены на долгое время, но до приезда командира дивизиона хищения прекратились, более того — ни одна лампочка с машин более не пропала.

...Мне бросилось в глаза, что в среде армейских офицеров как-то было размыто чувство ответственности за боевую готовность. А ведь наша часть по боевому предназначению должна была немедленно убыть на прикрытие государственной границы в случае ее нарушения китайцами. Зона ответственности охватывала 3150 километров. Машины дивизиона в любой момент должны были готовы к длительному маршу и нанесению огневого поражения.

В округе такой прецедент произошел шесть лет назад в приграничье, в районе казахского озера Жаланашколь Джунгарские ворота Семипалатинской области, в не таком уж далеком 1969 году, богатым на пограничные схватки с китайскими маоистами. Если в марте бои на острове Даманском проходили на полузатопленном уссурийском острове, то 13 августа — в одном из стратегически важных районов советско-китайской границы, на пути в центр Казахстана, Средней Азии, Алтая и Сибири. Две группы кадровых военнослужащих сопредельного государства пересекли кордон в районе Уч-Аральского погранотряда и захватили сопку Каменную. Тогда в течение 65 — минутного боя, в ходе которого советские пограничники потеряли двоих бойцов убитыми и 15 ранеными, важную роль сыграла артиллерия залпового огня. Она своим массированным огнем уничтожила более двух десятков китайцев, а остальных заставила уйти на свою территорию. По сути, на печальном опыте Даманского и Джунгарских ворот была создана отдельная подвижная реактивно-артиллерийская часть, способная одним залпом уничтожить до батальона противника.

Тогда же решением Генштаба из Кушки передислоцировался штаб 17-го гвардейского армейского корпуса. В его состав вошли три мотострелковых дивизии (самая знаменитая среди которых —

8-я гвардейская Панфиловская), одна танковая, несколько сокращенных соединений и частей. Корпус прикрыл своими частями участок советско-китайской границы от Душанбе, Ош, вдоль озера Иссык-Куль, Алма-Ата, Сары-Озек, до Талды-Кургана. Для поддержки с воздуха военную группировку должны были обеспечивать дивизия стратегической авиации и истребительно-бомбардировочная дивизия.

Полный молодого задора и сохраняя чирчикский заряд ответственности за боевую готовность, я вел бескомпромиссную борьбу за ее поддержание в своей уникальной по боевому предназначению части. Системно проверял комплектность, документацию, заправку, техническое состояние боевых и транспортных машин, часто садился сам за руль и осваивал их вождение — гоня по местному бездорожью. Наличие многочисленной автомобильной техники создавало основные проблемы для поддержания боеготовности подразделений части и вызывало постоянную головную боль за своевременность ее восстановления и ремонта. Эксплуатация же лихими водителями этого транспорта всегда была на грани фола. Несмотря на отдаленность, в округе зверствовала военная автоинспекция, встреча с инспектором, как правило, всегда заканчивалась арестом автомобиля и постановкой его на штрафную площадку. Для этого на инструктаже перед выездом все старшие машин наизусть докладывали обходные маршруты движения и дороги в предгорье, минуящие посты ВАИ. И редко кто из наших старших машин попадался.

Несколько слов о бытии, которое, по мнению философов, определяет сознание... Жили мы в военном городке из десятка двухэтажных домов, что размещался на окраине поселка Унгуртас. При заселении из пустующих квартир жилого фонда я выбрал двухкомнатную на первом этаже ближайшего к дороге дома. С трудом, через лейтенанта Скорицкого, по «блату» достал краску для пола и стен, а также инструментарий для ремонта. Все это в те времена являлось большим дефицитом. За две недели самостоятельно с привлечением двух бойцов сделал основной косметический ремонт. После этого съездил в Чирчик и забрал семью, отправил контейнер с вещами по новому адресу. Молодой хозяйке хватило работы по благоустройству, особенно долго пришлось наводить порядок в кухне и запущенной ванной. После ремонта титана, находящегося в небольшой ванной комнате, мы зажили как люди, еженедельно устраивая семейный банный день. Топили титан дровами.

Пока держалось тепло, дикая степная жизнь существовала сама по себе рядом, но, как только похолодало, мы увидели незваных квартирантов. Это было семейство толстых полевых мышей, которые не стеснялись хозяев и обильно обживали уголки нашего жилища. В период ливневых дождей комнаты заливало на пятнадцать-двадцать сантиметров, и мои девочки привычно спасались от наводнения на кровати. Когда бывало свободное время, мы любили семьей гулять в окрестных сопках. Тишина, пахнет разнотравьем степи. Спустился с сопки — и нет Унгуртаса, — будто одни во всей вселенной.

В таком изолированном месте, естественно, среди семей небольшого городка процветали сплетни и нетерпимая зависть друг к другу. Психологически тяжело приходилось неработающим женам офицеров трех воинских частей гарнизона, из общего количества которых только две имели возможность постоянно работать, а остальные крутились в своем мирке. Но иногда обывательские сплетни и неприязнь выходили за рамки сугубо женских проблем, и они аukaлись в мужской среде. Мне по должности приходилось разбираться в этих дрызгах, погашая возникающие мелкие конфликты. Доведенный до кипени, иногда слал проклятия. И тут же их забывал в горниле дел. Ибо служба, она как жена. И попилит, и приласкает. А моя жена умела ласкать и устраивать праздники... В трудные минуты службы с такой боевой подругой я ни разу не пожалел о том, что променял свободную гражданку на эту казенную, неуютную, зарегламентированную и жесткую военную житуху.

Служа под Алма-Атой, я сначала радовался спокойной размеренной службе, но вскоре заскучал — постоянно вспоминая наш сложный и напряженный десантный ритм жизни, воинское братство, которое в отдалении просто стал идеализировать и боготворить... Регулярно по военной связи созванивался с чирчикским «Анилином», и мне сообщали новости: о том, что в городе Капчагае началось формирование новой отдельной бригады спецназа Среднеазиатского военного округа, а наша, 15-я, передается в штат войск Туркестанского... Для укомплектования нового соединения много офицеров и прапорщиков из Чирчика переводят в Капчагай.

Подобные сообщения не оставляли меня равнодушным, и я не раз звонил в разведуправление округа — напоминал о себе. Как-то трубку взял вновь назначенный старший офицер управления майор Н.А.Лобанов, мой последний командир батальона. Он записал все

мои координаты и обещал учесть желание вернуться в десантный строй. Но время шло, бригада формировалась, а изменений в моей судьбе не происходило. Вероятно, Лобанову было не до меня... Жизнь и служба сводили меня с сотнями служивых. Не все остались в памяти, но хорошо сохранились воспоминания о людях исключительно порядочных и людях необязательных, а тем более подлых. Может, и хорошо, что разговор состоялся именно с Лобановым, а то неизвестно, как бы сложилась моя дальнейшая судьба. Она не была бы легкой, она была бы другой. А так только через десять лет мне удалось осуществить свою мечту, но эти прожитые годы дали мне очень много полезного. Не один раз в минуты мужских откровений с товарищами мы признавались друг другу, что та, малоизвестная нам гражданская жизнь, наверное, была намного спокойнее, престижней, сытнее, чем эта — неуютная, кочевая.

Из бригады шли письма, в которых друзья Сергей Харламов, Александр Голубович, сослуживцы Дмитрий Кондратович и Александр Славник и другие рассказывали об изменениях, происходящих в бригаде.

На учениях погиб командир батальона капитан Шапиро. Сережа умер в день своего тридцатилетия. Саша Ульянов возглавил роту. Махотин стал у него замполитом. В первом отряде ротами стали командовать Тимченко и Михайлов. Валера Крутских поступил в академию, и на его место ротным назначен Саша Чубаров, носивший странное прозвище «Боевой слон ВДВ», прибывший из ГСВГ вместе с Расковым и Шлаевым. Кстати, Чубарову суждено будет пройти Афганистан и стать генералом в Таджикистане. Лучший спортсмен бригады Юра Цыганов, наконец-то, принял у Фазилова роту. Замполитом к нему назначили прибывшего из НВВПОУ лейтенанта Измакова. Батальоны получили Тимченко, Цыганов, Голубович. Замполит Саша Петрачев ушел на 2 батальон. В пехоту перевели засидевшегося на должности Сергея Маковского. Вместо полковника Н.В.Лысака пришел Иван Тебенко, на будущее которого смотрели с энтузиазмом и надеждой, а замом у него стал капитан Евланов. После ряда организационных сокращений стали опять формировать нормальные штаты. Вновь ввели должности начальников штабов и заместителей ВДП — отрядов. В роты восстановили должности замполитов. Вновь пришел новый начальник политотдела. Однако Маркова, в отличие от Тебенко, не жалуют, — хоть и трудолюбив, но мнителен, панически боится ответствен-

ности, с подчиненными грубоват. Поговаривают о склонности к спиртному. В общении — накричит, оборвет на полуслове, оскорбит, обзовет последними словами подчиненного. Не смог установить контакт с заместителями командира бригады. Добрым словом сейчас многие вспоминают требовательного Руденко, человеческого Лысака. С ними легко работалось, и эффективность деятельности была высокая. Я регулярно писал письма в ответ, а к каждому празднику слал поздравления командиру. Было приятно, когда товарищи сообщали о том, что полковник Колесник зачитывал мои послания офицерам. Короче говоря, в коллективе бригады меня еще помнили.

ЖИЗНЬ В АРМИИ — ПОСТОЯННАЯ УЧЕБА

...Листаю страницы памяти. Неожиданно в один из студеных январских дней 1976 года позвонил начальник политотдела корпуса. Поинтересовался делами, а в заключение разговора отдал приказ готовить документы для поступления в Московскую военно-политическую академию им. В.И.Ленина. Это указание начальника меня очень взволновало. Я чувствовал, что начальник относится ко мне без особых эмоций — ровно, но доброжелательно. Все проверки в части оценивались хорошо, видны были и немалые результаты моей работы. В общем, мне дали трое суток на оформление документов, прохождение медкомиссии, сбор всех подписей и сдачу комплекта документов в отдел кадров политуправления САВО. Пришлось ретиво поехать по горным и крутым дорогам Курдайского перевала между Фрунзе и Алма-Атой для того, чтобы уложиться в предельно жесткие сроки...

В середине марта в часть пришло радостное сообщение о моем допуске к конкурсным вступительным экзаменам в академию. Надо было начинать подготовку к экзаменам, но текущая жизнь съедала все свободное время. Мне так и не удалось серьезно посидеть над учебниками, а время летело стремительно. Вскоре зазеленели сопки, отцвели горные тюльпаны...

А 14 мая дежурный по части представил мне телефонограмму следующего содержания:

«Согласно приказу командующего войсками САВО № 059 КОМАНДИРОВАТЬ: в город Алма-Ату в в/ч 77800 старшего

лейтенанта Кривопалова О.В. для сдачи вступительных экзаменов в ВПА. Прибыть 27 мая 1976 года, с собой иметь: медицинскую книжку, справку ВВК о повторном освидетельствовании, подлинные документы об общем и военном образовании, командировочное предписание в 2-х экз., денежное довольствие получить на месяц вперед при части, форма одежды повседневная вне строя.

Тлг. № 29/373 полковник Баранов».

Я собрался в дорогу. Вновь Алма-Ата. Столичная окраина — 70 разъезд. Современный благоустроенный городок 186-го мотострелкового полка, что дислоцировался рядом с общевоинским училищем (АВОКУ), ставший на два месяца центром сдачи конкурсных экзаменов абитуриентами всех военных академий. Кстати сказать, этот полк с началом Афганской войны будет переброшен на границу с Пакистаном в Джелалабад. С началом 1980 года понесет первые потери и после реформирования весной того же года станет 66-й отдельной мотострелковой бригадой.

Со всего среднеазиатского региона в военный городок полка съехались офицеры — мотострелки, разведчики, летчики, танкисты, артиллеристы, политработники, медики, тыловики, категории — заместитель командира батальона, командир батальона, замкомандира полка, успехами в службе завоевавшие право продолжать свое военное образование в академии. Прибыли, чтобы сдать вступительные экзамены. В отличие от Москвы здесь конкурс невелик, всего — 1,5 — 2 человека на место, но кто знает, в какой половине ты в конце концов окажешься.

Нас было три офицерских батальона. Среди сотен абитуриентов нашел троих знакомых — капитан Володя Шувалов, бывший помощник начальника политотдела 15 бригады по комсомолу и мои однокашники по училищу 1971 года выпуска старшие лейтенанты Володя Павленко и Вася Карпинский. Среди 32 абитуриентов, поступающих в ВПА, половина делала второй заход, а двое — третий. Эти знали все порядки и особенности. Володя Нуржинский и Толик Семенченко рассказывали нам страшные истории о тяжелых условиях сдачи вступительных экзаменов в Москве, в Кубинке: о жесткой конкурентной борьбе, о хищениях партийных билетов, о последствиях рассказанных анекдотов с политическим душком, об обстановке доноительства. Здесь же обстановка другая — мы вполне доверяем друг другу, и с первых часов и дней в нашем взводе сложились теплые дружеские отношения. Распорядок дня жесткий:

в 6.00 — подъем, 6.30 — физзарядка, до 7.30 завтрак. С 7.40 до 9.00 — развод на самоподготовку. Совершенно бесцельное стояние в строю и разбор полетов. С 9.00 до 13.00 самоподготовка. Обед. С 15.30 до 19.00 — самоподготовка. После ужина с 20.00 и до вечерней поверки в 21.30 — опять самоподготовка. В 22.00 — отбой. Но большая часть ложилась спать в три ночи, в ночное время, сосредоточиваясь на занятиях. Ибо только в этот промежуток времени никто не отвлекал от подготовки. Занимались по своему плану и своим конспектам. Учебная литература отсутствовала полностью. Итак, четыре дня подготовки и экзамен, и так далее. Сдавали последовательно: ППР — 3.06; Историю КПСС — 7.06; Тактику и вооружение — 11.06; Общевоинские уставы — 15.06; Военно-политическую географию — 19.06. Занимались самоотверженно круглые сутки, ибо в повседневной службе не могли выкроить время на подготовку к экзаменам. А пробелов было очень много. Тяготило нервное ожидание, но более всего тяготила атмосфера. Она насквозь пропитана унижением. Впечатление, что такая обстановка сознательно складывалась годами. Ты замполит части, и у тебя за спиной семь лет военной службы. Ты отвечаешь за боевую и политическую подготовку и жизнь людей, привык себя уважать и привык, что тебя уважают. И вдруг ты снова ощущаешь себя молодым и вислоухим щенком, попавшим к усердному сержанту. После первого экзамена начались сбои в психике у отдельных абитуриентов, истерики, пьянки, самоволки. Среди наших, первым сломался капитан с красным дипломом, которому не поставили отличную оценку, а пустили на полный круг экзаменов. С горя он самовольно ушел в город и напился, за что его отчислили за нарушение воинской дисциплины.

Переход из одного качества в другое слишком резок — не все выдерживают. Каждый день с утра — уборка территории: задача — собрать окурки, бумажки.

— А метлы, а грабли?

— С метлами и дурак уберет. Вы вот так — ручками, ручками.

И, конечно, армейские афоризмы, которыми во время бестолкового полуторачасового построения непрерывно сыпал наш временный комбат — тупой пехотный подполковник, назначенный округом для поддержания порядка на учебных сборах, который каждой своей фразой приводил нас в состояние экстаза. Мы записыва-

ли для памяти его наиболее выдающиеся высказывания в своих записных книжках:

— Вчера я прошелся под вашими кроватями, мне непонятно, как вы там живете?

— Захожу в одну тумбочку — бардак, захожу в другую — тоже бардак!

— Это кто там на меня на правом фланге смотрит? Надо смотреть не глазами, а подбородок поворачивать!

— Я вам кто: подполковник армии или паровозный свисток?

— Чтобы отрастить усы, надо накопить очень много знаний!

— Что вы смеетесь, я, хотя академий не оканчивал, но устав иногда читаю!

— Живете здесь, как свиньи в берлоге!

— Потом будете плакать и руки наизнанку выворачивать!

— Разобраться и доложить, что никаких нарушений нет!

Но, как оказалось, это была только тренировка. В академии мы три года мели и красили, долбили лед на Большой Садовой, работали на мебельном комбинате, делая самую грязную работу. С каким удивлением иностранцы фотографировали наших офицеров, когда те трудились за дворников, убирая мостовую!

— Сержант! — порой мы слышали распоряжение коменданта. — Я вам выделяю двух капитанов — наведите порядок на вверенной территории. Если будут плохо работать, напишете мне рапорт.

Я сейчас начинаю понимать, почему военной комендатурой города были отданы приказы о запрете фотографирования у военных объектов.

В самом труде ничего зазорного нет. Дело в подаче этого труда. Офицер должен оставаться офицером всегда. Офицер, подрабатывающий на охране всевозможных коммерческих ларьков, на разгрузке вагонов, перекрывающий крыши, охраняющий поля с огурцами, хочет он этого или не хочет, перестает быть офицером. Если кому-то кажется, что можно безболезненно на месячишко окунуть офицера в дерьмо, а потом вытащить, и ничего, мол, перышки почистит — и дальше, — то это глубокая ошибка. Такого рода действиями наносится колоссальный моральный ущерб человеческому достоинству.

Офицер за рычагами боевой машины — да! Офицер, уклады-

вающий парашют — да! Офицер, копающий окоп — да! Офицер, тянущий вместе с солдатами пушку — да! Офицер, первый бегущий дистанцию марш-броска в полном снаряжении — да! Да что тут перечислять. Любой, самый тяжкий солдатский труд — он в своей основе благороден. Но окурки, метлы на улицах для офицеров... Какой мерой можно измерить ущерб, нанесенный достоинству, самолюбию и чести? Где и на каких этапах дальнейшей службы взорвется эта мина замедленного действия? Не это ли один из источников нетерпимого хамства, чванства, высокомерия со стороны некоторых старших по отношению к младшим? Офицерское достоинство — категория особая. Оно предполагает обязательное наличие достоинства человеческого. И должно быть минимум на порядок выше.

Пролетели экзамены. Потрепал нервы зачет по физической подготовке. При сдаче экзаменационных испытаний мы неукоснительно придерживались двух принципов:

Первый. Никогда, ни при каких обстоятельствах не говори — не знаю. Думай, крути, мычи, сочини фантастическую тактико-техническую характеристику танка. Не знаю — это смертельно! Не знаю — расценивается как свидетельство полного безволия.

Второй принцип — не попадись со шпаргалкой. Это расценивается как признак глубочайшей не порядочности. В обоих случаях при нарушении первого и второго принципа вывод краткий и жесткий: «Гуляй, парень!»

Из пяти экзаменов мне особенно запомнился по технике и вооружению. Какой-то умник сосчитал, что при подготовке к этому экзамену необходимо запомнить 18,5 тысячи цифр. Запоминать эти цифры пришлось в отведенное для подготовки к экзаменам время. В голове у всех образовалась дикая каша исключительно из-за того, что большинство цифр относилось к танкам, «бэтээрам», «бээмпэ» и другой «пехотной» технике. Я же за свою службу в спецназе видел эту технику только на учениях. В Унгуртасе тоже были только автомобили. Мог ли я знать устройство двигателя или подвески танка?

И тут на тебе — досталась мне «гитара» танка Т-62. В общем, на этом дурацком вопросе чуть я не получил двойку. Спасибо появившемуся ангелу-хранителю в лице полковника Склезнева, который проявил ко мне солидарность и убедил преподавателей поставить мне «пролетарскую тройку». Склезнев, позднее уже в Мос-

кве, признался мне, что сам в молодости служил в армейском спецназе, и поддержал меня благодаря только этому обстоятельству. Поскольку он представлял на экзаменах военно-политическую академию, то к его мнению прислушались...

Общий итог экзаменов у меня — одна пятерка, три четверки и одна тройка. Я проскочил проходной балл. Очень помогло и то, что у меня было досрочное воинское звание. Это хотя и не государственная награда, носители которой шли вне конкурса, но тоже давало право выделяться на общем фоне. Многие убеждены, что военные люди обязательно хорошо знают точные науки. Я — вполне конкретный пример того, что военные могут быть и природными гуманитариями (искренне себя таким считаю). Впоследствии отличной учебой в академии и примерным поведением я отблагодарил этого порядочного человека и благородного офицера.

После нескольких дней ожидания наш поредевший за период сдачи экзаменов взвод окончательно разделился на счастливых и неудачников. Мне была вручена справка № 170 от 21 июня 1976 года за подписью председателя выездной приемной комиссии генерал-майора авиации Полунина, в которой сообщалось о том, что я «Решением выездной приемной комиссии Министерства обороны СССР принят на первый курс Общевоинского факультета Военно-политической академии имени В.И.Ленина. Срок прибытия в вуз — 20 августа 1976 г.»

Для того, чтобы отметить это историческое событие, все поступившие в Военно-политическую академию выехали на спортивный конькобежный комплекс «Медео». Он располагался в горах, в пригороде Алма-Аты и по праву считался лучшим в мире. Несколько часов мы полазили по горам, а в заключение зашли в ресторан с тем же названием и весело гуляли.

Мы больше никогда не встречались тем составом «среднеазиатов», но ту братскую атмосферу совместно пережитых испытаний я запомнил на всю жизнь. Я был очень благодарен офицерам Трофимову и Карпинскому, которые помогали мне готовиться к экзаменам, делились со мной своими конспектами и опытом службы в мотострелковых войсках. И наше прощание было особенно душевным и теплым. Мое поступление в академию оказалось большой неожиданностью для всех офицеров и членов семей нашего гарнизона. Я стал первым слушателем академии за всю историю существования части и этого военного городка. Никто до той поры не мог

пройти конкурсные испытания, и все кандидаты, сдававшие экзамены в академии, возвращались обратно с поражением.

Так получилось, что первым меня в Унгуртасе встретил командир подполковник Бинкин, и, раскуривая свою традиционную трубку, с ехидцей спросил:

— Ну, что, двоечник, как настроение?

— Спасибо, прекрасное! Поступил!

Командир поперхнулся табачным дымом. — Ну, ты даешь! Поздравляю. — Он так и не смог взять себя в руки, и, хлопнув дверцей «уазика», бросил на ходу: — Оформляй документы на отъезд, академик.

Потом было расставание с гарнизоном. «Жигуленок» прапорщика Шиш, любезно согласившегося довезти нас до Алма-Аты, покатил от подъезда дома. Прощай, Средняя Азия, прощай, задолбанный гарнизон, где течет из крана ржавая вода, где ты оставил очередной кусок молодой жизни...

— Как молоды мы были.

— С какими друзьями-спецназовцами крестились под куполом парашюта.

— Когда и где встретимся мы вновь?!

— Кто служил, тот меня поймет.

На новое место мы ехали без опаски и особого волнения. В Москве к тому времени уже учились многие сослуживцы по бригаде: в академии им. Фрунзе — командиры Володя Манченко, Голик Неделько; в военно-дипломатической — Володя Елисеев; в военно-политической — политработники Юра Артемов, Саша Зуев; в военно-инженерной — сапер Иван Тяпкин и другие...

Гостеприимная семья Манченко обязала нас прямо с самолета ехать к ним. И действительно, первую неделю мы прожили в их скромной квартирке, — в тесноте, но не в обиде. До сих пор мы вспоминаем с почтением и любовью разносолы хозяйки Валентины Валентиновны, сумевшей по-родственному окружить нас вниманием и заботой, хозяина Владимира Андреевича, поделившегося со мной секретами отличной учебы в академии.

Впереди нас ждала столица нашей родины и, как оказалось, самое лучшее время жизни и службы...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МОСКВА

*Ничто на земле не проходит бесследно,
И юность ушедшая все же бессмертна,
Как молоды мы были, как искренне любили,
Как верили в себя...*

Н.Н. ДОБРОНРАВОВ.

В завершающийся день нашего с Галиной прилета в Москву из Алма-Аты через Актюбинск вечернее небо столицы озарилось ярким праздничным салютом. Великая страна традиционно торжественно отмечала День Военно-воздушных Сил. Для нас же, выбравшихся из пыльных и диких степей Казахстана в светлый современный город, все ликование девятимиллионного мегаполиса стало праздником души. Как оказалось, начиналась самая счастливая пора нашей жизни.

Когда в первый раз из глуши попадаешь в столицу, то чувствуешь себя диким зайцем, которого на ревущем стадионе выпустили на поле во время футбольного матча. Москва оглушает и гипнотизирует. Было в нашем мироощущении что-то подобное.

Москва — это планета на планете. В ней грандиозные события происходили очень часто. На тот же период она еще жила впечатлениями от недавней трагедии в гостинице «Россия», что стояла в пяти минутах от Красной площади. Пожар в ней вспыхнул около 21 часа 25 февраля 1976 года. Выходы оказались перекрытыми огнем. Люди обвязывались матрацами и выбрасывались с 9 — 12 этажей, пытались спускаться на связанных простынях. Пластик и подобные ему материалы способствовали быстрому распространению огня и затрудняли работу по тушению пожара. В огне сгорели 42 человека, в том числе пять секретарей обкомов КПСС, трое

иностранных граждан, два немца и английский лорд. Среди москвичей настойчиво распространялись слухи, что виновны в этой трагедии диссиденты и сионисты. А виновным была, конечно, обычная российская безалаберность...

Годы моей учебы в академии с 1976 по 1979 г. оказались наполненными встречами со многими интересными людьми и выдающимися военачальниками. Ведь Москва не только столица — это и традиционный центр всех культур, министерств и ведомств. О наиболее ярких из них я буду рассказывать по ходу своего повествования.

Каждый, кто бывал в Москве, на многолюдной, оживленной Большой Садовой, неподалеку от метро «Маяковского», невольно задерживал взгляд на фасаде четырехэтажного здания стального цвета. Оно было украшено барельефами трех орденов. У парадного входа была прикреплена доска. На ней поблескивали строки: «Военно-политическая орденов Ленина и Октябрьской революции, Краснознаменная академия имени В.И. Ленина». Здесь, в центре столицы, находилась прославленная академия, а в подмосковной Кубинке — ее полевой учебный центр. Это было старейшее учебное заведение, которое по праву считалось крупным научно-теоретическим и идеологическим центром Советских Вооруженных Сил.

История академии имени ВОЖДЯ МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА

Создавалась академия грозной осенью 1918 г. Народный комиссариат по военным и морским делам по указанию ЦК РКП(б) утвердил положение и штаты первых курсов по подготовке военных комиссаров. Они начали работать в Москве в октябре 1918 года. Через год возникла еще большая потребность в кадрах политработников. Учитывая это, на базе агитаторских курсов в Петрограде был открыт Учительский институт Красной Армии. После окончания гражданской войны для повышения качества подготовки кадров институт аттестовали в Красноармейский Университет. 14 февраля 1923 года его преобразовали в Высший военно-политический институт с правом академии. Начатая М.В.Фрунзе военная реформа коснулась и политработников. Учитывая особую роль ко-

миссаров в твердом проведении политики партии, ЦК партии потребовал предпринять шаги по повышению профессиональной подготовки политработников. Это было крайне важно, поскольку среди политсостава РККА в тот момент 65,9% имели низшее образование, 30,6% — среднее и лишь 3,5% — высшее. В мае 1925 года институт был переименован в Военно-политическую академию, на которую возложили подготовку лиц с высшим военно-политическим образованием.

Что характерно, в тот период в академии учились не только политработники, но и командиры-единоначальники (ее наиболее известные выпускники С.К.Тимошенко, А.И.Еременко стали впоследствии Маршалами Советского Союза, многие другие стали генералами армии и генерал-полковниками). Первоначально подбором слушателей занимался лично Наркомвоенмор и Председатель РВС СССР К.Е. Ворошилов.

В октябре 1937 года обучение в академии было сокращено с четырех до трех лет. Одновременно устанавливались основные штатные факультеты — сухопутный, военно-воздушный, военно-морской, педагогический. На первые три возлагалась подготовка военных комиссаров полкового звена. В начале 1938 года в жизни академии произошли исторические события: ей присвоили имя В.И. Ленина, и она была переведена из Ленинграда в Москву. С передислокацией в Москву академия стала разветвленным высшим учебным заведением. Создаются заочные факультеты, экстернат, вечерние факультеты в Ленинграде, Киеве, Минске, Хабаровске и Львове. Примерно в таком завершенном виде, с небольшими изменениями, я увидел легендарную «ВПА»...

...Академия имела общежитие, но всех слушателей жильем обеспечить не могла. Многим офицерам приходилось искать себе крышу самостоятельно. Потому первую неделю сентября мы прожили у гостеприимных однополчан Манченко, а потом нашли угол для поднаема в г. Железнодорожном Московской области, что расположен в 45 минутах езды на электричке от Курского вокзала по Владимирскому направлению. По моему примеру впоследствии туда перебрались с семьями слушатели Семенченко, Афтахов и другие. По совету однокурсника Нуржинского я сначала снял комнату в маленьком покосившемся домике под двумя мачтовыми соснами недалеко от местного железнодорожного вокзала.

У Железнодорожного были свои преимущества: близость к

Москве, наличие лесного заповедного массива, патриархальная тишина и покой. После шума многомиллионного города в нем просто отдыхала душа. Восточное Подмоскowie с древних времен было покрыто дремучими лесами и топкими болотами. Летопись в качестве курьеза приводит такой факт: в 1175 году во время княжеской междоусобицы два враждебных войска вышли навстречу друг другу из Москвы и Владимира для битвы. Войска заблудились в лесных чащобах и разминулись. Издавна эта часть края была густо заселена. Здесь росли города и развивались ремесла, имелись большие залежи торфа, тугоплавких глин. Восточное Подмоскowie располагалось на важных торговых путях. Великая дорога тянулась из Москвы во Владимир. Это был сухопутный тракт — знаменитая Владимирка. Дорога пересекала промышленные районы и была оживлена торговой сетью. С этой дорогой связаны печальные страницы истории. По ней этапировали ссыльных в Сибирь. Так раньше и говорили: «Повели по этапу». Теперь эта дорога стала современной автомагистралью, вдоль которой проходят железнодорожные линии. Была раньше и судоходная река Клязьма. Еще в IX веке по ней проходил торговый путь с Балтики на Волгу и далее — в Персию. Сейчас, к сожалению, она перестала быть водной дорогой. Если посмотреть на карту, в глаза бросится неравномерность распределения городов по территории. Старые и новые города, большие и маленькие: Балашиха, Раменское, Люберцы, Лыткарино, Ногинск, Электросталь, Орехово-Зуево, Павловский Посад, Егорьевск... Каждый оставил свой след в истории. Существуют легенды и у Железнодорожного. Одна из них связана с трагической неразделенной любовью женщины, которая на станции Обираловской (такое первое криминальное название носил город на большой дороге) бросилась под колеса проходящего поезда. Этот случай Лев Толстой взял для сюжета романа «Анна Каренина». После Великой Отечественной войны город попал в общую систему противоракетной обороны столицы и носил почти закрытый статус. О нем мало писали, а его индустриальное и архитектурное развитие шло своими темпами. Все города Подмоскowie связаны между собой, и каждый из них в отдельности, и все вместе — с Москвой. Большая часть работоспособных жителей Подмоскowie трудится в столице. Поэтому мы были не одиноки в наших ежедневных поездках в областной и республиканский центр.

Первый домик нашего обитания представлял просто дачный

комфорт. Чистый воздух, травушка-муравушка под ногами. Однако с наступлением холодов возникла необходимость в смене жилья. Во-первых, в доме начали появляться неожиданные грызуны. Во-вторых, система отопления дома зависела от хозяев, которые, оказалось, топили экономно, и в комнате было достаточно прохладно. А в третьих, мы обнаружили в нескольких местах внутренней центральной стены щели между бревнами, через которые из своей комнаты еще не совсем старые домовладельцы с интересом созерцали наши ежедневные любовные игры. Это надо было менять...

Вскоре подвернулся неплохой вариант для переезда, и наша жизнь на новом месте к ноябрю 1976 года наладилась окончательно. Мы сняли квартиру в благоустроенном высотном доме с централизованным отоплением, горячей водой и газом, паркетным полом и большой лоджией. Галина вскоре была востребована участковой медсестрой в городскую детскую поликлинику, а трехлетнюю дочь Машеньку устроили в приличный детский сад. В этом городе и в этой квартире нам суждено было испытать и радость пополнения семьи.

Учеба в академии очень во многом напоминала учебу в училище: усыпляющее бормотание лекторов, ползание по тактическим картам и зубрежка билетов, заканчивающаяся схваткой с экзаменатором за приличную оценку. И постоянные напоминания начальника курса:

— Будешь валять дурака, опять в дыру загоним.

Мне нравились многие предметы. Добрым словом вспоминаю преподавателей Антонова В.П., Корниенко Б.Ф., Кузьмичева В.И., Погонина В.Н., Булычева А.П., Соколова П.В., вкладывавших душу в предмет, изучаемый нами. Нам преподавали два легендарных человека, фронтовика, Героя Советского Союза полковники В.Т. Евдокимов и Е.А. Сухарев. Да и в нашей среде слушателей были известные всей стране Герои: пограничники — В.Бубенин, Ю.Бабанский, космонавты — В.Жолобов, Б.Вольнов, Е.Хрунов, моряки — Н.Усенко, Ю.Падорин, вратарь — В.Третьяк.

УНИКАЛЬНАЯ УЧЕБНАЯ ГРУППА

Наша учебная группа (10 отделение) на курсе общевоинского факультета была уникальной в своем роде. Из семнадцати слушате-

лей в ней дюжина офицеров выпускников представляла мое училище, и только пять являлись выпускниками ракетных училищ РВСН. Тот год оказался рекордным по количеству свердловчан, поступившим в ВПА — 45 человек, ни до, ни после такого успеха не было (для сравнения — в 1973 поступил 1; в 1974 — 4; в 1975 — 31; а в 1977 только 25 человек). За этим вроде случайным фактом открывалась закономерность — уровень подготовки курсантов в СВВПТАУ был достаточно высоким, что позволило питомцам вуза за короткое время проявить себя, добиться успехов в службе и успешно преодолеть барьер конкурсных экзаменов. В связи с этим жили мы как братья и учились в добрейшей товарищеской атмосфере единения и понимания.

Вскоре в группе определились свои лидеры. Примером усидчивости для подчиненных служил подвижный, как ртутный шарик, командир нашего отделения капитан Никитич Василий Николаевич. Впоследствии, окончив академию с отличием, он попал в престижный Ленинградский военный округ, где пять лет прослужил замполитом артполка, затем четыре года начальником политотдела отдельной ракетной бригады. За образцовую службу награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени и многими медалями. Выдвинут на должность заместителя начальника отдела пропаганды и агитации ПУ ЛенВО, а с развалом политорганов шесть лет возглавлял окружной дом офицеров, что позволило ему полковником уволиться в запас только в 1998 году. Расторопный и энергичный человек, Никитич был востребован и на гражданке. Начав государственную службу заместителем начальника управления при Верховном суде РФ по Ленинградской области, через год он был выдвинут на хлопотную должность главного судебного пристава Ленинградской области. За четыре года работы заочно окончил юрфак РАГУ при Президенте РФ, получил звание полковника юстиции. Его однокашники по ВПА Алексей Комаров, возглавлявший Департамент кадров и госслужбы Минюста России и Ю.А. Коник, работавший в отделе наград и присвоения классных чинов Минюста РФ, неоднократно представляли Никитича к присвоению классного чина «Государственный советник юстиции 3 класса». Но «доброжелатели» Василия не пропустили. В конце 2005 года он уволился с должности по собственному желанию, так как с приходом нового руководства в Службу судебных приставов России служить стало невозможно. На нервной почве в 2006 году перенес

тяжелую болезнь. В последние годы работал помощником прокурора Ленинградской области.

Светочем нашего десятого отделения был умница и отличник, добрейшей души человек капитан Хузин Фандус Зиевич. Побратски всю жизнь люблю и уважаю Хузина, а поскольку судьба сводила с ним на дорогах военной службы больше чем с другими, расскажу о нем подробнее. Фандус Зиевич Хузин являлся подлинным самородком из Башкирской глубинки, говор которой он сохранил на всю жизнь. Родившись в новогодние праздники 1950 года в простой крестьянской семье в селе Калибай Калтачинского района, затерянном среди сказочных Уральских гор, он свято чтит традиции предков. Многочисленная семья Хузиных, особенно старшее поколение, строго соблюдает ислам и поклоняется Аллаху. Являясь по своей сути атеистом, Фандус никогда не высказывает своих мыслей по этому поводу, а посещая родных, демонстрирует полное послушание и чинопочитание, чем радуется родственников. С малолетства сохранил на всю жизнь увлеченность охотой и рыбалкой, великими мастерами которой являлись его дед и отец.

На благодатной почве уродился Фандус, на славу крепким и крупнокостным пареньком, чуть выше среднего роста, сильным и гибким, что вовремя заметили преподаватели и сделали из него первоклассного гимнаста, защищавшего честь и спортивную славу их школы. Успешно завершив восемь классов, Фандус через местный военкомат оформил документы для поступления в Казанское суворовское военное училище. Барьер вступительных экзаменов преодолел без всяких проблем. В 1968 году отличник суворовцев Хузин был откомандирован во вновь созданное Свердловское высшее военно-политическое танко-артиллерийское училище, где с первых дней зарекомендовал себя серьезным и вдумчивым курсантом, безупречно осваивающим учебный цикл и проявляющим склонности к научной деятельности. При всем при этом он был прост и доступен в коллективе, относился ко всем ровно и по-товарищески. Время не меняет его. За это постоянство его всю жизнь любят окружающие. Он в меру дисциплинирован, осторожен и расчетлив. После окончания с золотой медалью училища его направили в престижный Киевский военный округ в 48-ю танковую дивизию (Учебный центр «Десна», г. Чернигов) на должность заместителя командира учебной артиллерийской батареи по политчасти. За короткое время, успешно освоив должность, он стал замполитом дивизиона. В акаде-

мии учился образцово отлично, вновь получив золотую медаль. После окончания обучения в ВПА получает распределение в н.п. Розенгардовку, что под г. Бикин, замполитом 269 разведывательного артиллерийского полка 15 армии Дальневосточного военного округа. Впоследствии, через шесть лет, как грамотного и перспективного политработника его выдвигают заместителем начальника политотдела 121-й учебной дивизии в Сибирцево (зам. нач. ПО ОУЦ ДВО). А через четыре года назначают возглавлять политотдел 277-й мотострелковой дивизии, что дислоцировалась в Сергеевке Приморского края. Через несколько лет дивизию переформируют в 127-ю пулеметно-артиллерийскую дивизию прикрытия государственной границы. На всех занимаемых должностях Хузин чувствует себя уверенно, поскольку талантлив и рожден для руководящей работы. Трудится серьезно и ответственно. Требователен к себе и окружающим. Его ратный труд неоднократно достойно оценивается командованием. Сначала за успехи в боевой и политической подготовке на груди засияла звезда ордена «За службу Родине в ВС СССР» третьей степени и затем медаль «За боевые заслуги».

После разгона политорганов и многих воинских формирований округа в 1996 году он добивается перевода на должность заместителя начальника окружного учебного центра в г. Самара (нач. ПО ОУЦ ПриУрВО), сменив однокурсника по ВПА полковника Инюточкина А.П., наконец-то перебравшись поближе к малой родине. Когда в 1997 году ОУЦ постигла участь других разогнанных и расформированных частей армии, получил назначение заместителем военного комиссара Удмуртской автономной республики в г. Ижевск. С этой должности по достижению предельного возраста день в день уволился. Но местные руководители приглашают на государственную службу в Министерство национальной политики республики. Для соответствия занимаемой должности в 2003 году с отличием закончил Российскую академию госслужбы. Работает, как и раньше — добросовестно и с юмором. Оценивая свою нынешнюю госслужбу, говорит: «Толкаю национальную политику в бок, так как вперед ум не позволяет, а назад совесть не дает...».

Однокашники шутят:

— А знаешь, где сейчас Хузин?

— Член правительства!

— Ну, то, что Хузин выдающийся член, мы знаем с курсан-

тской поры. Человек должен быть на своем месте. Он бы и президентом потянул!

У него крепкая семья. Свою жену, Мавлиду Кабировну, Фандус заметил еще в школе, и начавшаяся в детстве страстная любовь продолжается и до сих пор. Мавлида всю кочевую офицерскую жизнь учительствовала в школах. В зрелые годы жизни в Ижевске защитила кандидатскую диссертацию по филологии. В семье выросло двое детей: Рустам 1974 и Эльвира 1979 года рождения. В начале века дети подарили Фандусу первого продолжателя рода внука — Айдара. Несмотря на возрастные болячки и проблемы, Хузины всегда гостеприимны и доброжелательны, находятся в постоянных творческих планах и движении. А глава семьи верен кадетскому братству.

Сколько помню, никогда не сидел без дела минский кадет, выпускник СВВПТАУ 1971 года капитан Тымчик Владимир Ильич. Оставшийся после отличного окончания академии в очной адъюнктуре, он здесь же впоследствии успешно защитил научную диссертацию и на очередные три года уехал старшим преподавателем в Ленинградское ВПУ войск ПВО. А с 1986 года началась служба в Военно-дипломатической академии ГРУ ГШ — сначала преподавателем, затем старшим преподавателем, доцентом кафедры, заместителем начальника кафедры, начальником кафедры. За Володей с учебной поры закрепилась уважительная кличка «профессор», и он им стал: доктором исторических наук, профессором, заслуженным работником Высшей школы РФ, академиком академии военных наук и еще 5 академий. За личный вклад в укрепление обороноспособности страны полковник Тымчик награжден орденом «Знак почета». Ушедший в науку, как в подполье, он порой неадекватно оценивает окружающее, поскольку живет глобальными, бесконечно высокими вопросами. Отчего с товарищами и однокашниками встречается редко.

Легко давалась учеба выпускнику СВВПТАУ 1972 года капитану Славе Дрямину. Удивительной харизмы человек, который притягивал людей своей общительностью, нескончаемыми шутками-афоризмами, сердечной добротой. Душа любой компании. Видели бы вы его номер с ложками — это было здорово. Кроме того, хороший спортсмен, лыжник. В училище его называли «совестью курса», — за веселый нрав, твердость характера, принципиальность. Он никогда не вилял и не предавал. Вячеслав Александрович

по выпуску из ВПА удачно распределился в Германию. Однако за пять лет службы замполитом артиллерийского полка строевая служба ему наскучила, и, как творческий человек, он нашел выход своей кипучей энергии — поступил в адъюнктуру Военной академии бронетанковых войск, где впоследствии защитил диссертацию и стал кандидатом исторических наук. Из Ленинграда попал на ликвидацию Чернобыльской катастрофы. За личное мужество награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени и престижной медалью «За спасение утопающих». Полковник Дрямин, профессор, академик Академии проблем безопасности, обороны и правопорядка, уволен в запас в 2000 году. После этого три года преподавал в таможенной академии Санкт-Петербурга. Как человек удивительной подвижности и разносторонних знаний, Вячеслав работал помощником депутата Государственной Думы Игоря Родионова, функционером многих партий и движений. Постоянно увлекался женщинами. Трижды официально женат. Первая жена, Нелли, удивительной красоты и терпения женщина, осталась в Москве, родила Славе сына, а сейчас помогает растить продолжателя рода внука. Второй женой была Света, с которой Дрямин прожил недолго и вновь развелся, третья жена, молодая и обаятельная Оксана, положительно влияет на мужа... Для соответствия жене Слава стал следить за своим здоровьем, не допускает излишеств. Даже, говорят, стал пить умеренно, в основном красное вино. Однако, будучи во Франции в 2004 году, был госпитализирован с высоким давлением именно от этого благородного зелья, еле оклемался. И до сих пор хранит неприязнь и недоверие к «хваленому демократизму» Французской республики.

Великолепными способностями обладал калининский кадет и выпускник СВВПТАУ капитан Швецов Вячеслав Михайлович. Человек во всех отношениях замечательный и надежный, он имел единственный недостаток — увлечение дружбой с Бахусом, который много ему навредил. В период учебы крепкий отличник постоянно выпадал из обоймы передовиков за дисциплинарные проступки, совершенные в быту. В нетрезвом состоянии в добрейшем человеке просыпались агрессия, рефлекс старого боксера, и горе было тому, кто, не зная его, попадался в эту минуту ему под руку. Не способствовала умиротворению и последующая беспокойная и трудная служба. Попав по выпуску в Забайкальский военный округ на станцию Мирная, он четыре года замполитом артиллерийского пол-

ка применял различные методы воздействия, обучал и воспитывал своеобразный личный состав. Там в тяжелых условиях воинской службы и человеческого выживания Швецов тяжело заболел. Консилиум врачей ВВК сделал заключение о признании его ограниченно годным к службе. На основании чего подполковник был переведен на преподавательскую работу в родное Свердловское училище, где впоследствии целое десятилетие Вячеслав Михайлович толково обучал курсантов. Одновременно занимался наукой и подготовил к защите добротную диссертацию, но защитить ее не успел по причине ликвидации вуза. В том же 1992 году уволен в запас. А через десять лет после этого печального события ушла из жизни в результате онкологического заболевания его опора — любимая жена Екатерина, которая поддерживала и боготворила своего Славочку. В эти скорбные минуты спасли его от одиночества и апатии дочь и внука. Вскоре пришло второе дыхание и творческое вдохновение. На многие годы увлекся Вячеслав интересным делом. Его назначили начальником крупнейшего на Урале военно-исторического музея Приволжско-Уральского военного округа. Под руководством полковника Швецова труд коллектива был замечен на республиканском уровне, а сам он неоднократно признавался выдающимся организатором и талантливым историком, за что имел высокие награды и поощрения от Министерства обороны и министерства культуры РФ. Он и сейчас в творческом поиске.

Отлично зарекомендовал себя в годы учебы и выпускник СВВПТАУ капитан Колеров Геннадий Дмитриевич. Будучи убежденным трезвенником, он вызывал подозрение у определенной части нашего коллектива, считавшего его за это «не от мира сего». При всем при том он отличался умением вдумчиво и серьезно анализировать учебный материал и делать правильные выводы для принятия решений. Для слушателей курса Гена был примером образцового ведения документации и творческого подхода к любому делу. Не расставаясь с фотоаппаратом, создавал порой настоящие шедевры высокого искусства. С августа 1979 года Колеров оказался в Дальневосточном военном округе, где принял зенитно-артиллерийский полк в Князь-Волконке. Талант и творческий азарт молодого политработника был вскоре замечен, и подполковника Колерова назначили начальником политотдела зенитно-ракетной бригады. Его соединение выступило инициатором социалистического соревнования в округе и в Вооруженных Силах СССР, отчего имена

командира соединения и его замполита часто гремели со страниц «Красной звезды» на весь Союз. Однако верно гласит поговорка: «Чем выше поднимаешься, тем больше падать». Вскоре до меня дошел слух о якобы какой-то подтасовке фактов, произошедшей в коллективе передовиков, и за моральную нечистоплотность, после резких пререканий опального замполита с председателем комиссии, назначенной Главпуrom, Колеров был сурово наказан министром обороны — остранин от должности и уволен в запас. Это произошло еще в советское время. Дальнейшая его судьба мне неизвестна.

Сурово обкатала жизнь и еще одного нашего однокашника майора Хренова Игоря Степановича, но все испытания по жизни он смог перенести мужественно и достойно. Он на пять лет был старше нас и пришел в академию капитаном с богатым опытом службы в ракетных войсках. После академии служба складывалась успешно. Сначала замполит артиллерийского полка в г. Наро-Фоминске, через два года — начальник политотдела артиллерийской бригады в г. Скопину. Через три года призвали Хренова исполнять интернациональный долг советником начальника политотдела артбригады афганской армии. За успешное выполнение заданий советского правительства награжден орденом Красной Звезды, а от афганского руководства орденом ДРА «Звезда» 3 степени.

После возвращения в Союз ему долго искали вакантное место, определив временно на восемь месяцев замполитом автобазы Министерства обороны, а затем избрали секретарем парткомиссии политотдела АХУ, в должности которого проработал полтора года. В канун развала политорганов выдвинут заместителем начальника политотдела Главного КЭУ МО СССР, а после переаттестации оставлен на четыре года помощником Начальника Главного КЭУ по воспитательной работе. Криминальные девяностые годы дались очень тяжело. Сначала был незаконно осужден на 18 лет сын Алексей, который освобождение от заключения получил через три тяжких года, после повторного пересмотра дела и нового вердикта «из-за отсутствия состава преступления». Однако эти годы не смогла вынести жена Игоря Людмила Владимировна, ушедшая в мир иной в 2004 году. В настоящее время Игорь не работает, старость коротает на даче, радуется за сына и дочь, сумевших выдержать все испытания и остаться твердо стоящими на ногах.

Майор Гребенников Александр Степанович в нашем учебном отделении являлся бессменным парторгом и успешным слушателем.

После окончания учебы направлен в Московский военный округ на должность замполита артполка в г. Мулино. Через четыре года в г. Шуя принял политотдел артиллерийской бригады большой мощности. Пробыв пятилетку на должности, перевелся начальником политотдела спецчастей на родину, в тамбовский гарнизон. Награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медалью «За отвагу на пожаре». Полковником уволен в запас в 1993 году. На месте материнской избушки построил себе новый дом. Сейчас живет на земле, занимаясь огородом. Жена Ольга Георгиевна, дочь Лариса воспитывают внука и внучку.

Добродушным и авторитетным человеком в группе был высокий и могучий от природы майор Ромадин Леонид Владимирович. Рожденный в победном сорок пятом, он, казалось, с генами от родителей перенял уверенность и достоинство русского богатыря. Пришедший в академию из секретных ракетных войск стратегического назначения, он в РВСН и вернулся после учебы, убыв в Прибалтийский военный округ, где достаточно быстро стал начальником политотдела дивизии. Как говорят, в настоящее время давно пенсионер и постоянно проживает в г. Новосибирске.

Ракетчиком по образованию, после окончания Саратовского командного военного училища, был и слушатель майор Царев Владимир Александрович. Человек спокойный, несколько замкнутый в себе, с математическими способностями и светлой головой. Учился уверенно, хорошо, без каких-либо срывов. По выпуску попал в Ульяновское высшее военное училище, где достиг должности старшего преподавателя и стал полковником. Там же спокойно и прожил всю жизнь.

Особую роль в судьбе многих наших однокашников сыграл скромный и сдержанный капитан Хахалев Михаил Борисович. С курсантской скамьи он обладал даром настоящего журналиста, способного «глаголом жечь сердца людей». Годами вел активную переписку с многими боевыми побратимами, от этого знал о жизненном пути и семейных передрягах десятков друзей и товарищей и являлся своего рода связующим звеном многих поколений. За это его почитали и любили многие. После академии он попал в г. Бийск замполитом артиллерийского полка (Сибирского военного округа). Через три года, отметив умение грамотно излагать свои мысли на бумаге, начальник политотдела дивизии забрал его в аппарат своим заместителем. Но Миша там не задержался и в конце 1982 года перевел-

ся на родину жены, на Урал, преподавателем в СВВПТАУ. Вскоре он — заместитель начальника кафедры, начальник кафедры. Лично занимается отбором лучших офицеров из войск на должности преподавателей. Благодаря ему подполковники Черняев, Юрченко, Натаров, Швецов перебрались в СВВПТАУ. Он много занимается научными изысканиями и готовит объемную научную диссертацию, которую не суждено будет защитить, так как после расформирования политорганов бездумно разогнали и политучилища. В 1993 году полковником уволен в запас. Вскоре был приглашен на государственную службу главным специалистом Комитета административных органов Свердловской городской администрации. В многодетной семье Хахалевых под присмотром жены Валентины Николаевны в любви и холе растут две дочери и два сына. Дочки выйдут замуж за выпускников училища и начинают нелегкую жизнь офицерских жен времен развала государства и реформирования армии. Неожиданно от скоротечной болезни умирает старший сын. Все эти стрессы пагубно сказались на здоровье самого Михаила. Он начинает слепнуть. Сначала отказал на 100% зрения левый глаз, чуть позже на 95 % — правый. Работать дальше невозможно, даже выходить один на улицу без сопровождающего он уже не может. Переход на инвалидность ускорил перенесенный инсульт. Вся жизнь ограничилась границами квартиры. Одно радует, что три внука вносят разнообразие в черно-белую старость Михаила и Валентины.

Особенно способностями в сфере военных дисциплин отличался среди всех слушателей нашей группы капитан Калинин Валентин Павлович. Он буквально поражал окружающих умением быстро вникать в тактическую обстановку на учениях, грамотно, каллиграфически красиво наносить обстановку на карту и четко формулировать решения на организацию боя. Мы хорошо знали его командирские способности со времени совместной учебы в СВВПТАУ, где он являлся старшим сержантом замкомвзвода в нашей учебной батарее курсантов и всегда отличался харизмой и твердым командирским началом, но способности военачальника он открыл в академии. Не было более авторитетной личности по тактике, чем Валентин. После окончания академии Калинин откомандировывается в Забайкальский военный округ, где первоначально служит замполитом артиллерийского полка. Расторопный зрелый офицер вскоре был замечен и выдвинут инструктором политотдела

армии, а затем инструктором политуправления ЗабВО. По замене убывает в Германию, где начинал в 60-х свою срочную службу. Через пять лет подполковником становится начальником отделения пропаганды и агитации — заместителем начальника политического отдела общевойсковой армии. Получает очередное воинское звание полковника. При выводе Западной группы войск по стечению обстоятельств оказывается в Белоруссии. В настоящее время пенсионер, живет в г. Барановичи.

На общем фоне не отличались усердием в учебе и являлись большими лодырями, вечно играющими «в балду» на занятиях или спящими на последних рядах были слушатели В.Остролуцкий, А.Шумейко и А.Никитин. Впоследствии судьба первых двух не баловала и сложилась трагически.

Так, например сын влиятельного офицера, близкого к Главпуру, капитан Остролуцкий Валентин Дмитриевич получил после ВПА назначение в Дальневосточный военный округ на должность замполита «придворного» учебного арtpолка в г. Хабаровске-3, однако через короткое время за «особые заслуги» был снят с должности и переведен в кадрированную часть с меньшим объемом работы в г. Ляличи, в 77 танковую дивизию. Однако по ходатайству пробивного отца был переведен из отдаленного округа на преподавательскую работу в политическое училище строительных войск в п. Ягола под Таллинном (Эстония). Жена Наташа, уставшая от выкрутасов мужа, отказалась уезжать с мужем и осталась в Хабаровске с дочерью. Вскоре брак распался. События, произошедшие в начале девяностых годов в Прибалтике, помогли перевестись в С.-Петербург, где Валентин повторно женился. Однако его дни уже были сочтены, — в суровом и влажном воздухе у него развился туберкулез, и в 2003 году подполковник Остролуцкий умер. Похоронен в Северной Пальмире.

Капитан Шумейко Анатолий Владимирович родом из Нижнего Тагила Свердловской области. Хороший и добрый человек, с которым мы долгие годы дружили семьями. После академии его направили в престижный Киевский военный округ, г. Чернигов, в 48-ю учебную танковую дивизию (Учебный центр «Десна») на должность заместителя командира учебного артиллерийского полка. Но в горячем котле учебки со своим темпераментом он не вписался в коллектив и был переведен замполитом отдельной ракетной бригады (кадрированного состава) 6 гв.танковой армии в г. Кременчуг,

где получил квартиру, стал подполковником. В конце 1988 года во время учений пережил автомобильную катастрофу, в ходе которой чудом остался жив, но получил серьезную травму головы. После чего стали отмечаться психические странности в поведении, усугубляемые алкоголизмом. В 1989 году по заключению ВВК он был признан инвалидом и уволен в отставку с небольшой пенсией. В 1990 году его сын Владимир окончил школу, и ко мне обратилась мать, Ольга Сергеевна Шумейко о помощи в поступлении в Киевское высшее военное училище связи. Соответствующая поддержка и помощь с моей стороны были оказаны. Младший Шумейко продолжил дело отца и стал курсантом. В последующие разрушительные годы, связанные с переездами, мы потеряли друг друга.

В немалой степени благодаря жене, строгой Вере Павловне, державшей мужа в руках, удачно сложилась жизнь у Никитина Александра Анатольевича. После достаточно легкомысленной учебы майор попал в придворный Московский военный округ замполитом мотострелкового полка. Годовой променад закончился спецкомандировкой советником в Афганистан, о чем ему напоминает орден «За службу Родине в ВС СССР» III степени. По возвращении подполковника Никитина назначили на два года заместителем начальника политотдела Нахабинского учебного центра. С развалом политорганов он в звании полковника в 1994 году уволен в запас. Успешно реализовал себя в условиях рыночной экономики в должности заместителя генерального директора ООО в компании, торгующей лесом. Место оказалось прибыльным — купил машину и построил хорошую дачу под Калугой. С 2006 года занял должность декана, а впоследствии проректора института экономики, якобы в 2009 году защитил диссертацию и стал кандидатом наук. Однако на встрече с сокурсниками в честь 30-летия окончания ВПА подвергся резкой критике за фальсификацию со стороны Хренова И.С., живущего с Никитиным в одном подъезде и знающего его истинные «заслуги». Несмотря на седьмой десяток лет, товарищи отмечают, что, как и прежде, у Саши «бес в ребре» — способен и выпить, и гульнуть на сторону, что не каждому дается в этом возрасте.

Несколько особняком в группе находился выпускник СВВПТАУ капитан Петр Федоров. Он обладал колоритной фактурой, которая нравится многим женщинам. Был высок и физически развит, довольно часто участвовал в различных спортивных сборах

в рамках академии, московского гарнизона и Вооруженных сил. Однако это не мешало ему отличаться болезненным самомнением и испытывать чувство неполноценности, постоянно кому-то завидовать. От этого он был достаточно замкнутым человеком и друзей в отделении не имел. После окончания академии службу проходил замполитом зенитно-артиллерийского полка в Туркестанском военном округе. Около года был в Афганистане в составе мотострелковой дивизии. В 1986 году выведен вместе с полком на территорию СССР, после чего Федорова назначили старшим инструктором политуправления ТуркВО. Впоследствии говорили, что он стал заместителем начальника отдела кадров ПУ ТуркВО. Большого о нем неизвестно.

Впрочем, пока не буду уходить в прошлое. Вернемся к 70-м годам XX века. Наш общевоинской факультет был самым крупным в академии, поскольку готовил кадры для всех родов сухопутных войск армии, воздушно-десантных войск, морской пехоты, внутренних и пограничных войск. На каждом курсе было десять отделений по 17 слушателей.

КОМАНДОВАНИЕ ФАКУЛЬТЕТОМ

Командовал факультетом заслуженный человек Герой Советского Союза генерал-майор Эдунов Василий Федорович. У него была счастливая судьба. Отличившись при штурме Берлина, еще мальчишкой, старшиной-артиллеристом, поднявшим во время уличных боев вручную на крышу высотного здания 45-миллиметровую пушку. За эту сообразительность он и был представлен к высшему знаку отличия самим Маршалом Жуковым. Даже впоследствии став офицером, он по сути всю жизнь оставался тем фронтовым старшиной — хитроватым, выносливым, мужественным и доступным. Служба в академии не была сложной, разве что два раза в год по три месяца он вместе со своими курсовыми офицерами и слушателями месил грязь на строевых тренировках к параду. Ему, на наш взгляд, не хватало масштабности на этой должности, а оттого и генеральской солидности. Часто устраивал нам жуткие разносы по мелочам, обожал строевые смотры, на которых просто кипел нерастроченной энергией. Один из таких случаев запомнился мне своей анекдотичностью, потому что коснулся лично меня... Свеженький, сразу пос-

ле парикмахерской, я неожиданно получил замечание за небрежный внешний вид и неаккуратную прическу.

— А этот совсем нестриженный! — вскричал начальник факультета, поравнявшись со мной.

Все свои претензии генерал сопровождал такими эпитетами, что провинившемуся слушателю в этот момент казалось — будущего у него нет. Выбрав мне еще несколько товарищей по несчастью, начальник факультета произнес по этому случаю эмоциональную и безобразно корявую речь (он не был оратором) и с чувством исполненного долга торжественно удалился в сопровождении заместителей.

Я же с товарищами побежал по лабиринту академических коридоров к цирюльнику, который меня стриг. Это была опытная пожилая женщина, урожденная москвичка, начавшая работать в академии еще до войны и пережившая вместе с ней эвакуацию в г. Белебей Башкирской АССР в 1941 — 1943 гг. Она знала всех командиров и начальников, всех преподавателей академии, как своих близких.

Выслушав мою взволнованную речь, она сказала просто:

— Знаю я этого м...ка, опять, наверное, с похмелья. Подожди двадцать минут и иди докладывать о выполнении приказа и устранении замечаний.

После некоторого сомнения я так и поступил. В кабинете генерала Здунова мне бросилась в глаза опорожненная бутылка коньяка на его рабочем столе и скромный генеральский закусон. Выслушав мой доклад, раскрасневшийся генерал оторвался от «государственных дел», подошел ко мне и тщательно осмотрел со всех сторон. После этого, видимо удовлетворенный, потер красный нос, вытер крошки с губ, изобразил на лице добрейшее выражение и произнес:

— Сынок, зачем же ты меня сердить, неужели сразу нельзя было этого сделать?! Вот теперь другое дело. К строевому смотру надо готовиться, как к свадьбе.

Яркой и харизматичной личностью остался в памяти первый заместитель начальника факультета, человек строгих правил и принципов — полковник Уланов Александр Николаевич. Первоначально на первом курсе мы его жутко боялись, а когда столкнулись несколько раз и узнали поближе, стали как к магниту тянуться именно к нему — за помощью и поддержкой. Это был отличный

воспитатель из легендарного племени фронтовых политработников-комиссаров, награжденный в годы войны орденами Боевого Красного Знамени и Красной Звезды. Сразу было видно, что пришел он в академию не по блату, а из нелегкого армейского строя. Он хорошо знал и понимал военную службу и нас учил смотреть в корень любого явления. Благодаря его личному вмешательству несколько не в меру загулявших слушателей спасали от отчисления из академии за аморалку. Но после этого устраивал им самостоятельную хорошую взбучку, которую те запоминали на всю жизнь. Мы тогда серьезно анализировали дурацкие выходы своих товарищей и были благодарны Уланову за проявленную человечность и терпение.

Бросалось в глаза излишне большое количество офицеров-воспитателей на факультете, что не делало нашу жизнь ярче и острее. Так, например, замполит факультета полковник Кривенцов А.П. работал на уровне среднего замполита роты: контролировал выпуск боевых листов и молний, организовывал художественную самодеятельность, конференции и утренники, чего было недостаточно в работе с офицерами. Ему под стать был и наш курсовой офицер, полковник Максимцов Владимир Андреевич, обладавший достоинством настоящего разведчика — это был невысокий лысоватый блондин с совершенно незапоминающейся внешностью. Поскольку особыми делами они не были загружены, то и к нам проявляли порой полное равнодушие. Меня обескураживало, что за три года Максимцов ни разу со мной не говорил, когда в войсках я каждого своего солдата знал как облупленного и даже письма писал родным.

В круг общения курсового руководства входили только командиры отделений и старшина курса. Замполит общался с парторганами отделений. Махровым цветом в среде наших воспитателей процветало ежедневное пьянство. Впоследствии мне говорили, что Максимцов из-за этого плохо кончил: бросил жену, увлекся новой женщиной и через шесть лет после нашего выпуска скоропостижно умер. Сердце не выдержало ежедневных «фронтовых» нагрузок и обременительных в его возрасте супружеских обязанностей, исполнения которых требовала ненасытная молодая любовница.

Среди командного состава, набранного из числа слушателей, у нас были шесть человек — старшина курса и командиры учебных отделений. Все толковые и деловые офицеры, постарше возрастом основной массы слушателей. Особенно привлекательным среди них

был старшина курса — майор Коник Юрий Александрович. Колоритной внешности — высокий, плотно сложенный красивый мужчина. Его уважали за прямой, открытый нрав, исключительную порядочность и глубокое знание своих подчиненных. Он всегда поступал трезво, здраво и в интересах кадетского братства. Впоследствии он достиг немалых высот в карьерной лестнице, но и, работая в Главпуре, опекал своих однокашников не только по ВПА, но и армейской службе. Это был высокопочитаемый человек, к которому прислушивались. Развал страны прервал его поступательное движение на генеральский Олимп. Однако после увольнения он занимал ряд ответственных должностей в министерстве труда России до глубоко преклонного возраста. К счастью, мы всю жизнь общаемся друг с другом, и он остался эталоном личной примерности и самодисциплины.

Я сам трепетно относился к соблюдению воинской дисциплины и резко осуждал любые нарушения нравственных норм, но вдвойне и втройне был нетерпим к моральным проступкам, прямо связанным с выполнением служебного, профессионального долга. Как я позднее убедился, именно эти проступки людей как во время войны, так и в мирное время приносили больше всего вреда. И чем выше пост занимал человек, допускающий такого рода безнравственность, тем тяжелее были ее последствия.

В коридорах академии от слушателей военно-морского факультета, по большому секрету из уст в уста, до нас дошли слухи о расстреле выпускника академии — замполита большого противолодочного корабля «Сторожевой» капитана 3 ранга Валерия Саблина за совершение преступления по самовольному захвату власти на судне и выводе его из подчинения командования ВМФ. Факт сам по себе сенсационный, о котором говорили, но детали известны не были. Из-за общей загруженности я тогда разобраться в деталях происшествия не мог, но зарубка в памяти осталась, тем более, что подобную фамилию и имя носил мой чирчикский сосед прапорщик, а такое не забывается. Только через пятнадцать лет, в бурный и крикливый 1990 год, я вспомнил об этом морячке, повторившем подвиг мятежного лейтенанта П.Шмидта. Почти одновременно газеты «Известия», «Комсомольская правда» и журнал «Родина» опубликовали очерки о Саблине. Оказалось, что это был достойный 38-летний морской офицер, в роду которого мужчины на три колена были во флоте. Верный семейной традиции, Валерий Михайло-

вич окончил высшее военно-морское училище им. Фрунзе в 1961 году. Ему прочили большое командирское будущее, а он в 1971 отпросился в политработники. Через три года окончил с отличием ВПА им. Ленина и попал на Балтику. Как вспоминали однокашники и сослуживцы, личность была яркая, запоминающаяся. Душа любой компании. Спортсмен, альпинист, лыжник. Заядлый фотограф. Неплохо рисовал. Брался даже за портреты. В училище его называли «совестью курса», но не за то, что был заклётым отличником, а за то, что он не был занудой, — за веселый нрав, твердость характера, принципиальность. Он никогда не вилял. В академии изучал марксизм с увлечением, без поводырей. Любил поспорить на тему «Так жить нельзя, как мы сейчас живем». И всегда четко и грамотно аргументировал свои суждения. Этим он не отличался от нас всех. Мы все в то время имели одинаковые оппозиционные суждения о застойном характере социально-экономического развития страны той поры. Но, помня слова К.Маркса, что «нравственное государство предполагает в своих членах государственный образ мыслей, если даже они вступают в оппозиции против органа государства, против правительства» и глубоко не заблуждались и не идеализировали возможный ход событий.

Саблин же за ночь с 7 на 8 ноября хотел из Риги пройти в Ленинград и войти в Неву. Но не как «Аврора», а как «прорыватель блокады сановней лжи». И стоять там, в центре города, хотел до тех пор, пока ему не дадут возможности выступить по телевидению для просвещения граждан СССР. Он написал: «Я убежден, что в нашем народе, как и 58 лет назад, вспыхнет революционное сознание, и он добьется коммунистических отношений в стране». Но тогда, в 1975-м, прорыв в гласность был невозможен!

В Ирбенском проливе скоростные бомбардировщики настигли мятежный корабль и сумели остановить его демонстрационным бомбометанием и стрельбой по надстройке. Замполит был ранен. С приходом корабля на базу его арестовали и отправили в Москву. Следствие по делу было несложным. Саблин ничего не отрицал. Он не замышлял военного переворота. Во время следствия он сослался на старинный русский флотский обычай: команда, горячо не согласная с чем-либо, становилась во фронт и не расходилась до тех пор, пока не придет командир и не выслушает ее обиды. Это называлось «заявить претензии». Нечто подобное намеревался сделать и мятежный Саблин. Прощения ему не было. Его лишили воинского

звания и ордена «За службу Родине в ВС СССР», которым он был награжден, после чего 3 августа 1976 года расстреляли. Отец капитан первого ранга Саблин Михаил Петрович пережил сына на полгода, а через шесть месяцев умерла и матушка Анна Васильевна Бунчева. Известно, что Военно-морской флот — самый консервативный вид вооруженных сил из-за особой верности своим традициям. Устоявшиеся правила поведения позволяют сохранять дух романтики, без которого не может быть настоящих моряков, они же берегут и славную историю. Имя мечтателя и «борца с ветряными мельницами» Саблина навеки вошло в морскую летопись.

Как-то на втором курсе обучения, в ходе перевыборной партийной компании, я сам оказался в роли эдакого оппозиционера и резко выступил против навязанного нам руководством факультета кандидата на выборную должность секретаря. Он по возрасту был постарше нас, но не отличался особыми достоинствами, а, пожалуй, даже уступал другим кандидатам. Но своим высокомерием и грубостью отталкивал от себя. Накануне, на негласном совете большинства — «свердловчан» — была принята, как сейчас говорят, альтернативная кандидатура на выборы будущего секретаря. Но в те времена все это было в диковинку, поэтому существовал страх возможного преследования за инакомыслие. Кому-то надо было выступить на собрании и предложить альтернативу Гребенникову.

Славка Дрямин убеждал:

— Алик, ты среди нас самый смелый! Начни ты, а мы поддержим.

Я, окрыленный эпитетом «самый смелый», взялся за это, как оказалось, проигрышное дело. Вышло все по-скотски. Шло собрание, и вот наступил тот миг, когда я вышел на трибуну и, подавив собственное волнение, четко изложил наши взгляды. Один из офицеров выскользнул из аудитории. Еще не закончилось мое эмоциональное выступление, как за ним в комнату ввалились два раскрасневшихся полковника — Максимцов и Кривенцов. И началось «вывертывание рук»...

Мои же сослуживцы, подтолкнувшие меня на это выступление и обещавшие поддержать в ходе обсуждения и голосования, сидели молча, потупив взор в пол. В этот момент все они смалодушничали — и в присутствии руководства побоялись выступать за мои сепаратистские предложения — опасаясь мести начальства. Я оказался в полной изоляции. Не глядя на меня, — почти вся группа

(о, ужас!), — молча подняла руки против собственного коллективного предложения, озвученного мной. Это было такое моральное унижение для меня, что до сих пор нет слов для описания... Но это было не только унижение, и крупное поражение, но и первое пережитое мной большое предательство.

— Ты, молодец, Олег, смелый человек! Здорово ты раздолбал Гребенникова... Я бы так не смог, — заискивающе заговорил со мной «земеля» Толик Шумейко.

— Да и иди ты к черту! Что ж ты -то лично не поддержал меня?

— Я не голосовал против твоего предложения. Я воздержался и заметь — единственный! — ответил дружок.

— Да вы же сами меня уговаривали сделать это предложение! — кипятился я.

— Ну ты же видел, какое давление было со стороны руководства, — вмешались в разговор Хахалев, Дрямин и Остролуцкий.

— Это на кого давление, — разозлился я, — на меня или на вас? Помолчали бы. Я не понимаю вашего малодушия. Ведь осталось только просто поддержать мое мнение. Проголосовать за него. Эх вы, трусы. У нас в десанте так не делается! Своих не предают, а вы меня запросто предали!

Но даже в этом поражении оказались свои плюсы и минусы. Я благодаря этому скандальному поступку стал известен всему факультету. На меня долго пальцами показывали, а начальник факультета, его замполит и курсовой офицер с удивлением вдруг увидели во мне личность. И наконец-то запомнили правильное звучание моей фамилии.

Для меня эта нестандартная жизненная ситуация послужила уроком на будущее, я понял, что надо быть умнее и не особенно полагаться на мнение коллектива. А всякое общественное действие надо серьезно готовить индивидуально с каждым участником и не особенно доверяться легкомысленным обещаниям и лести.

В те времена во главе партии и государства стоял Л.И. Брежнев. Много о нем было сказано плохого после его смерти, как это у нас водится. Но у меня и моих товарищей по большому счету сохранилось о нем хорошее мнение. «Застойный» период жизни оказался не самым худшим в истории нашего многострадального государства. Армия и флот в эпоху Брежнева впервые за послевоенный период

(и особенно после хрущевской демобилизации более миллиона офицеров, уничтожения авиации и надводного флота) стали гордостью народа и вызывали страх и уважение на Западе. Четырнадцать военных округов, четыре группы войск за рубежом, четыре военноморских флота и одна флотилия, размещавшие на своих площадях пять видов вооруженных сил — вот какую силу имел СССР! Мы носили свою военную форму с большим благоговением. Не стеснялись ходить в военной форме в рестораны, в кино и театры и даже ездить в ней в отпуск.

Однажды из-за болтовни чуть было не попали в пренеприятнейшую историю. Дело было в ресторане «София», напротив памятника Маяковскому. Мы с Толиком Шумейко и женами отмечали семейный юбилей друзей. В те времена «София» являлся болгарским питейным заведением с соответствующей весьма приличной национальной кухней. После того как перешли к оживленному обсуждению новостей, шуткам и афоризмам, мы по очереди стали рассказывать анекдоты. Их в то время ходило множество, от эротических до незабвенного героя гражданской войны начдива Чапаева и генерального секретаря партии... Типа того: «Брежнев в США решил обратиться к советскому народу. Стали искать интерпретера, и Никсон предложил провести репортаж из его кабинета в резиденции в Кэмп-Дэвиде. Усевшись за стол американского президента, пока устанавливали свет и камеры, наш генсек принялся нажимать разные кнопки на столе, пытаясь переключить телепрограмму. «Вы поосторожнее, Леонид Ильич, а то Африки, наверное, уже нет!» — пошутил зампред Гостелерадио СССР Юшкявичус. Брежнев мгновенно убрал руки со стола и шепнул: «Только Никсону ни слова!». Поохотали. А потом начались частушки поэта-песенника Дербенева: «Что все чаще год от года снится нашему народу? Показательный процесс над ЦК КПСС», «Каждый день на огороде над дерьмом грачи галдят, а Ульянова Володю даже черви не едят». Опять посмеялись... Заиграл оркестр, и меня пригласила на белый танец молодая женщина. Сексуально прижалась ко мне своими формами и шепнула в ухо: «Капитан, я сотрудник КГБ, вы что творите? Если сейчас не покинете ресторан, у вас будут большие неприятности за антисоветчину...». Вернувшись к столику, я потребовал компании немедленно бежать из «гостеприимного» ресторана, наспигованного секретными сотрудниками. Забрав оставшуюся выпивку, мы продолжили веселье под памятником основателю Моск-

вы Юрию Долгорукому. Однако еще долго я вспоминал позорную минуту страха, охватившую в момент «профилактики»... За это можно было серьезно поплатиться.

Начальником нашей академии являлся боевой товарищ Брежнев по 18-й десантной армии, защищавшей Кавказ, генерал армии Евдоким Егорович Мальцев. Очень авторитетный человек, как говорится, из гущи народа. Родившийся в бедной крестьянской семье в небольшой деревне Лутошкино Липецкой области, он с шестнадцати лет начал рабочим свой трудовой путь, а затем направлен комсомолом в милицию, где и прослужил три года, до ухода в РККА. Закончил Полтавскую военно-политическую школу в 1935 году, стал политруком роты, полковой школы, комиссаром полка. Накануне войны (1938 г.) старшего политрука Мальцева по личному приказу И.В.Сталина назначили, минуя несколько должностных ступеней, сразу комиссаром 74-й стрелковой дивизии. Вдумайтесь, через три года после окончания училища!!! А уж Сталин знал — кадры решают все! Он не ошибся в выборе. Тридцатилетний Е.Мальцев прошел всю войну в должностях начальника политотдела армии, а затем члена Военного совета 12-й, 47-й, 56-й, Приморской, 21-й и 15-й армий и достойно исполнял свои обязанности. Был награжден орденом Ленина и шестью орденами Красного Знамени. После войны был членом Военного совета — начальником политуправления ТуркВО, ПрибВО, ПрикВО, ГСВГ. С 1971 года возглавил Военно-политическую академию. Кстати, при выпуске из академии лично генерал армии Мальцев вручил мне красный диплом отличника в торжественной обстановке в одном из залов величественного музея боевой славы академии. И я посчитал для себя это великой честью.

Евдоким Егорович был высоким, несколько полноватым, невозмутимым и спокойным человеком. Он умел говорить образно, гладко, лаконично, вкладывая в короткие предложения глубокий смысл. Я на всю жизнь запомнил его слова:

— Политработник на войне... Он делает то же, что и командир: поднимает людей в атаку, заботится, чтобы бойцы были вовремя накормлены, борется за укрепление дисциплины, совершает марши, ходит в разведку... Словом, показывает во всем личный пример. Является ли личный пример в бою формой политработы? Да, и при этом самой действенной. Слова должны подкрепляться воодушевляющими делами...

Мальцев оставил в моей памяти о себе самые хорошие чувства. Я с того времени храню в личной библиотеке его воспоминания «В годы испытаний». Это поучительная книга не только о войне, но, прежде всего, о взаимоотношениях людей в экстремальных ситуациях, что так особо необходимо было знать «инженерам человеческих душ», как тогда называли — политработников...

Из заместителей начальника академии особенно хочу выделить генерал-лейтенанта Юрпольского И.И., которому мне пришлось несколько раз докладывать свое решение на тактических учениях. Он был строгим, но уважительным начальником. Не допускал разносов, тем более по пустякам. Под его командой проходили тренировки к параду на Красной площади. Весь комплекс мероприятий по подготовке войск к параду начинался в сентябре: определялся боевой расчет, шилось парадное обмундирование, ежедневно утром и вечером учебный план подготовки ломался выездом на площадки тренировок. После многочисленных тренировок «на измот», которых не выдерживали подчас даже офицеры с бычьим здоровьем, наступал святой торжественный час. Фуражечка с ниткой под подбородок, новенькая парадная шинель голубоватого сукна с таинственным названием «В», желтая шелковая сопля аксельбанта у плеча, золотые погоны и офицерский кортик на боку. И мощный, гулкий, дружный стук подков хромовых сапог 200 человек в академической «коробке». И грозное шипение шеренговых:

— Подбородочек на Мавзолей! Улыбочка!

А следом — еще офицерские «коробки», и ревущая медь тысячетрубного военного оркестра под руководством генерала Михайлова, и колонны боевой техники.

Все наши близкие заранее знали, в каких шеренгах мы идем, и прилипали к телевизору. За участие в юбилейном 105-м параде войск я был награжден памятной медалью. Многочасовые тренировки физически нас закаляли и сближали друг с другом. Вместе с нами ходили парадами Эдунов и все его заместители. Парады в то время любили все, они олицетворяли мощь страны. И мы были убеждены, что нет высшего офицерского счастья, чем служить в армии, которую все уважают...

Приоритетное внимание в академии уделялось физической подготовке. Мы много бегали кроссов, лыжных гонок, занимались гимнастикой на снарядах. Я принимал участие в академических соревнованиях по гиревому спорту и добился звания чемпиона фа-

культета в своем весе. Недаром прошли наши тренировки в роте спецназа, и мой первый разряд по поднятию тяжестей был здесь востребован. На спортивных соревнованиях происходили радостные встречи с бывшими однокашниками по училищу, сослуживцами по ТуркВО и САВО, обучающимся на других факультетах академии. На спортивных площадках мы не раз встречались с А.С. Зувевым, Ш.М. Афтаховым, А.А. Бондаренко и др.

УЧАСТИЕ В КОНФЕРЕНЦИИ У ЕПИШЕВА

По-особенному запомнился конец юбилейного 1977 года. 16 — 17 декабря на Арбате в Главпуре Советской Армии и ВМФ состоялась научно-практическая конференция руководящего состава военно-политических учебных заведений. Для гласности и демократизма на нее были приглашены журналисты и передовики учебы из числа слушателей военных академий. В их числе оказался и я, чем был очень доволен, поскольку хотелось повидать своих учителей из СВВПТАУ и послушать преподавательскую элиту. Мои ожидания оправдались, — встреча была очень приятной и познавательной. Из Свердловска приехали делегация под руководством начальника училища генерал-майора А.Ф. Коростыленко, в ее составе были мои преподаватели полковники Таран, Скробов, Утлик, Эполетов и другие. Не было среди присутствующих только любимого нами первого начальника училища.

— А где генерал Уткин? — спросили мы у Эрнеста Платоновича Утлика.

— Вы что, разве не знаете? — ответил полковник, — Борис Павлович вышел на оперативно-стратегическое звено: пять лет являлся членом Военного совета 2-й гвардейской танковой армии в Германии, а сейчас ЧВС Приволжского военного округа в Куйбышеве. Поговаривают в Главпуре, заместитель главнокомандующего войсками Варшавского договора по политическим вопросам. А там и до начальника Главпура недалеко. — Наш психолог почти угадал военную судьбу Уткина. Но он, став заместителем начальника Главпура, генерал-полковником, первым делом прошел через «горячие точки»: Эфиопию, Эритрею, Анголу, Никарагуа, Кампучию, Лаос, Вьетнам. После чего как талантливый человек, великолепный руководитель и оратор (способный без бумажки говорить часами), рез-

ко выделялся на фоне бездарей и представлял угрозу «авторитету шефа», в 1984 году опять на пять лет высылается из Москвы, вроде бы с повышением, членом Военного совета войск Западного направления. Впоследствии закрученный вихрями «перестройки», задевшими Главпура, вынужден был как убежденный комиссар уйти в отставку. Но на гражданке, с 20 февраля 1989 года, нашел себе отдушину на творческой должности старшего научного сотрудника редакции Военной энциклопедии Института военной истории. Написал десять книг, получил звание почетного профессора Академии военных наук. Удостоен медали Петра Первого Российской академии наук. Несмотря на переживаемые трудности он до конца своей жизни не допускал творческого простоя. Выступил военным консультантом 13-ти серийного телефильма «Стратегия победы». Он для нас был и остался главным настоящим политработником нашей армии.

Однако вернемся к декабрьскому сбору. Конференцию возглавлял лично начальник Главпура генерал армии Алексей Алексеевич Епишев. Маленький невзрачный человек, выглядевший очень болезненным, рыхлым и потому несчастным. Только золотые погоны большого военного деятеля да иконостас из четырнадцати орденов и множества медалей на груди придавали ему сановную солидность. Отдавая должное его богатому и нелегкому боевому пути, нас, молодых людей, удивляло в нем отсутствие способности излагать свои мысли без бумажки. Усердно прочитав приготовленный для него заранее текст, он с чувством исполненного долга медленно удалился и на нашем сборе больше не появился. Доклад начальника Главпура носил общий характер и был по своему содержанию близок передовице газеты «Красная Звезда». Его слова к офицерам, были какие-то шаблонные, малопривлекательные и не дошли из-за своей невнятности до сердец, сработали вхолостую, так и не зажгли и не нацелили по-настоящему...

Бог ты мой... — подумал тоскливо я, — неужели и другие вот сейчас об этом, так же, как я, думают? Лица та у них какие-то безответные. Зачем держать такую старость на посту? И это существо должно служить нам примером для подражания?

Но те, кто знал Епишева ближе, не разделяли моего мнения и говорили о нем как о сильной личности. Некоторые находили в нем и зловещие черты. Бывший начальник Генштаба чехословацкой армии генерал Ян Сейна считал его «самым устрашающим русским, с

которым ему приходилось встречаться». По словам Сейны, Епишев являл собой тайного конспиратора, заговорщика, как бы сошедшего со страниц произведений Ф. М. Достоевского, который «никогда не взглянет человеку в глаза», «никогда не улыбнется и не засмеется». «Мы боялись его инспекций, — писал Я. Сейна, — за ними обычно следовало снятие с должности. Хотя он и имел дипломатический ранг, но вел себя как крупный кэгэбэшный начальник. Он не шел на компромиссы: на тех, кто допускал хоть небольшие отклонения от его линии, ставился политический крест. Даже мой министр Ломски никогда не осмеливался перечить Епишеву».

Нелестную оценку А.Епишеву дает и журналист Генрих Боровик:

«После прибытия в Москву из первой командировки в Афганистан я пошел к Епишеву, тот меня не принял, сославшись на занятость, и мне пришлось довольствоваться беседой с одним из его замов. Часа три мы с ним проговорили про Афганистан, он сказал, что доложит мои впечатления Епишеву, и я ушел с сознанием четко выполненного долга. На другой день мне сообщили, что в лекторскую группу ЦК звонил Епишев, кричал, что таким, как я, нельзя доверять, зачем меня послали в Афганистан, я способен только панику сеять, и т.д., и т.п. В довершение сказал, что будет жаловаться на меня Генсеку.

Однако через два дня ситуация разрядилась. Руководитель лекторской группы Н.Шишлин рассказал о разговоре с Епишевым Черненко, который в ту пору заведовал общим отделом ЦК. Тот немедленно позвонил Епишеву и пристыдил его, сказав: «Ты что? К тебе пришел честный человек, искренне поделился своими размышлениями и тревогой, а ты его за это наказывать хочешь?»

Неудивительно, что с таким подходом к окружающим, будучи 23 года начальником Главпура, Епишев значительно укрепил роль парторганизаций в Вооруженных Силах. В это же время Главпур стал таким мощным и влиятельным, каким никогда не был ранее. По иронии судьбы впервые наиболее подробно о жизни своего начальника — Епишева, я прочитал в некрологе «Красной звезды» 17 сентября 1985 года.

Алексей Алексеевич Епишев родился 19 мая 1908 года в Астрахани в семье рабочего. 15-летним юношей пришел на один из рыбообрабатывающих заводов. Вступил в комсомол в 1926 году и вскоре перешел на комсомольскую работу сначала инструктором, а по-

том заводделом райкома комсомола. В 1929 году в возрасте 21 года вступил в партию. В 1930 году Епишев призван на действительную военную службу. В 1938-м окончил Военную академию механизации и моторизации Красной Армии. Получив техническую и военную подготовку, Епишев назначается парторгом на тракторостроительный завод в Харькове. Его деятельность на этом посту не остается без внимания, и вскоре Епишева избирают первым секретарем райкома партии. Эта должность стала для него трамплином в политической карьере. За год до войны Епишева выдвигают на должность первого секретаря Харьковского областного комитета партии. В этом качестве он ближе знакомится с Н.Хрущевым, тогдашним первым секретарем ЦК КП(б) Украины. По работе контактирует с Л. И. Брежневым — в то время секретарем Днепропетровского обкома КП(б) Украины и Н. Р. Мироновым, который тогда же учился в Днепропетровском государственном университете, а впоследствии стал крупной политической фигурой. В будущем, уже после войны, эти знакомства сыграли важную роль в продвижении Епишева.

Во главе партийной организации Харькова он оставался вплоть до падения города под напором наступавших немецких войск в октябре 1941 года. После завершения работы по эвакуации Епишев работает первым секретарем Нижнетагильского горкома партии. Вместе с Добровольческим Уральским танковым корпусом оказывается в действующей армии. Он уполномоченный военного совета Сталинградского фронта. С мая 1943 года член военного совета 40-й армии генерала К. С. Москаленко 4-го Украинского фронта. По словам Москаленко, Епишев был его опорой. «Что касается меня и членов военного совета К.В. Крайнюкова и А.А. Епишева, — вспоминал Москаленко, — то мы почти все дни и ночи проводили в соединениях и частях, помогая им в решении поставленных задач». Москаленко ценил Епишева. В октябре 1943 года Москаленко назначают командующим 38-й армией 4-го Украинского фронта. Епишев остается у него ЧВС армии. После освобождения Киева Епишеву присваивают звание генерал-лейтенанта. В июле 1944-го, его ранил в позвоночник немецкий снайпер. Тяжелое ранение оказалось не столь опасным, во всяком случае не вызвало паралича, и Епишев после длительного лечения вновь вернулся на фронт, в свою армию, которая к тому времени сражалась за освобождение Западной Украины, Польши и Чехословакии. В 1945

году Епишев служит под началом Л. И. Брежнева члена военного совета 4-го Украинского фронта.

Во время службы в армии Епишев близко знакомится со многими видными военачальниками. Но особую роль в его карьере, безусловно, сыграли Хрущев и Брежнев. В 1946 году Епишев демобилизуется и возвращается к партийной работе. В мае он стал секретарем ЦК КП(б) Украины по кадрам. На этом посту сделал немало для удаления из аппарата ЦК националистически настроенных работников, препятствовавших русификации Украины. Стиль работы Епишева с кадрами не мог не привлечь внимания Москвы. Через год для «чистки кадров», Епишев стал замминистра госбезопасности, и, очевидно, считался «верным Сталину человеком». В то время Епишев сближается с М.А. Сусловым — наиболее влиятельным членом ЦК партии. Это стало немаловажным в судьбе Епишева. Сулов долгое время был его главным патроном.

После смерти Сталина Епишева вернули на прежнюю должность первого секретаря Одесского обкома партии. Сулов, как сталинист, тоже переживал не лучшие времена. Со смертью Сталина он потерял место в Президиуме ЦК, хотя и продолжал занимать высокие номенклатурные посты. Но в 1954 году его выбрали председателем Комиссии по иностранным делам Совета Союза, а через год он стал членом Президиума ЦК и курировал отношения с иностранными компартиями. Сулов привлек Епишева к работе в подведомственной ему международной службе. Так, в августе 1955 г. тот стал Послом СССР в Румынии с присвоением ранга Чрезвычайного и Полномочного Посла. Пребывание Епишева на этом посту пришлось на период растущих трений между КПСС и РКП. Хотя в целом румыны поддерживали СССР, они тем не менее оставались нейтральными по отношению к советско-китайским противоречиям, не одобрили действий СССР в Венгрии в 1956 году и вынудили Москву осенью 1958 года вывести свои войска с собственной территории.

В начале 1961 года Епишев был назначен послом СССР в Югославии, где проявил большую активность. Москва хотела привлечь генсека Броз Тито на свою сторону в идеологической перепалке с Китаем и Албанией. В заслугу Епишеву можно поставить то, что Югославия заняла лояльную позицию по отношению к Москве в ее споре с Пекином и Тираной. Епишев лично участвовал в важных переговорах Хрущева и Тито. Успехи Епишева на дипломати-

ческом поприще позволили сделать ему последний скачок в своей карьере.

Через год Епишев — начальник Главпура. Назначение произошло в период растущих политических разногласий между военным и партийным руководством, вызванных усиливающимся вмешательством партии в жизнь армии. Этому противился и министр обороны маршал Р. Я. Малиновский.

Недовольные своеволием военных, партийные руководители решили сделать ряд важных перестановок в высшем эшелоне Вооруженных Сил. Епишев должен был укрепить роль партии в руководстве армией. Тогдашний начальник Главпура маршал Ф.И. Голиков в числе других военачальников высказался против доставки ракет на Кубу. И лидеры партии желали видеть в руководстве армии более лояльных людей. Но Хрущев не смог сразу найти замену Голикову. И не с его подачи на этот пост подобрали Епишева. Однако в любом случае опыт работы Епишева в ВС СССР и контрольных органах делали его идеальным кандидатом на роль стража партии в армии. Даже Хрущев оценил его квалификацию в данной области. А поскольку он готовился к решительному разговору с военными, Епишев мог помочь ему усилить партийный контроль в армии. Видимо, эти соображения и заставили Хрущева согласиться с его кандидатурой.

Внезапный вызов Епишева в Москву из Белграда в конце апреля 1962 года подтверждает, что решение принималось спешно и согласия у военных не спросили, полагая, что они могли воспротивиться замене Голикова «генерал-полицейским». Поэтому заменить руководителя Главпура следовало как можно быстрее, чтобы поставить маршалов уже перед фактом. О том же, что военные руководители противились назначению Епишева, свидетельствует, например, такой факт: только через 11 дней после вступления его в должность газета «Красная звезда» (11 мая 1962 г.) объявила об этом событии.

Проводя политику партии в армии, Епишев не только пользовался протекцией Хрущева и Суслова, но и поддержкой своего старого друга Миронова, также высказавшегося в его пользу при назначении. А тогда Миронов был одним из наиболее влиятельных людей в Кремле. По свидетельству бывшего полковника О.В. Пеньковского, работавшего в ГРУ и разоблаченного как агента английской и американской разведок, «Миронов был для них (сотрудников

ГРУ) богом и царем. Все стекалось к нему, а от него — к Хрущеву и другим членам Президиума ЦК. Даже тогдашний шеф ГРУ генерал Серов стоял перед ним по стойке смирно».

Неверно было бы считать, что на посту начальника Главпура Епишев не отстаивал интересы военного ведомства. Скорее, сама должность заставляла его лавировать между интересами партийной и военной верхушек. Результатом разногласий того времени явилось то, что в марте 1963 года Хрущев сместил маршала М.В. Захарова с поста начальника Генштаба и назначил на его место маршала С.С. Бирюзова.

Буквально через несколько недель после свержения Хрущева министр обороны маршал Р. Я. Малиновский вновь назначил на пост начальника Генштаба маршала М. В. Захарова. Захаров был сторонником профессионализации армии и слыл защитником тех, кто считал, что излишнее вмешательство партии в дела армии идет вразрез с ее интересами. Однако новое руководство партии во главе с Брежневым стремилось заручиться поддержкой военных, но и не желало ослаблять свой контроль и приняло превентивные меры. Одной из таких мер и стало избрание Епишева в члены ЦК КПСС, что сравняло его по партийному статусу с министром обороны.

Епишев укрепил свой авторитет в партийных верхах, когда еще раз подтвердил, что усиление руководства партии «являются важнейшим условием дальнейшего укрепления Вооруженных Сил». Позицию Епишева не разделяли военные. Их недовольство возросло после того, как Епишев, действуя по прямому указанию М.А. Суслова, запретил военнослужащим подписываться на некоторые либеральные журналы, в частности на «Новый мир». Однако, проводя политику КПСС в армии, Епишев не мог не отстаивать перед партийным руководством интересы армии и даже вступал в противоречие с теми партийными лидерами — А.Н. Косыгиным, Н.В. Подгорным, — кто склонялся к «потребительскому уклону» в тяжелой промышленности и постоянно требовал обоснования необходимости больших военных расходов. Укрепляя роль партии в армии, Епишев тем не менее оказывался рьяным союзником военных в вопросах удовлетворения экономических нужд армии. На XXIII съезде КПСС ряд военачальников поставили под сомнение необходимость нормализации отношений с Западом. Епишев поддержал их с трибуны съезда. Он оказался единственным, кто сказал, что в ответ на пиратские акции США «тысячи наших военнос-

лужащих выражают готовность отправиться во Вьетнам добровольцами, сражаться за свободу многострадального вьетнамского народа».

Но Епишев имеет свое мнение и твердо возражает маршалу Малиновскому, который считает, что только «командир несет единоличную ответственность за боеспособность, организованность, морально-политическое состояние вверенного ему воинского коллектива». Политорганы отвечают за это не меньше, считал Епишев.

После смерти в 1967 году Р. Я. Малиновского министром обороны был назначен маршал А.А. Гречко. Положение Епишева как начальника Главпура мало в чем изменилось с приходом нового министра. С ним у Епишева сложились нормальные рабочие отношения. Его голос, очевидно, имел немаловажное значение в реализации планов военного ввода войск в Чехословакию. Известно, что Епишев был одним из активных сторонников вторжения. Весной 1968 года он неоднократно выезжал в Чехословакию. Так, во время одной из поездок в начале мая 1968 года он многих удивил, когда сказал чехословацким военнослужащим, что «советская армия готова выполнить свой долг, если чехословацкие коммунисты попросят помощи в деле защиты завоеваний социализма». Епишев не был сторонником политики разрядки, что охлаждало его отношения с «пламенным борцом за мир» Брежневым, но еще сближало с «серым кардиналом» Сусловым, а также с Андроповым и Гречко.

Весной 1976 года произошли события, которые нарушили статус-кво во взаимоотношениях армии и партии. После смерти маршала Гречко министром обороны в апреле стал член Политбюро ЦК КПСС Д. Ф. Устинов, долгие годы курировавший оборонную промышленность. В мае 1976 года Брежневу было присвоено звание Маршала Советского Союза (с 1964 года он был Председателем Совета обороны страны). Таким образом, Брежнев усиливал свой личный контроль над Вооруженными Силами во взаимодействии с Устиновым, которому в июле 1976 года тоже было присвоено звание маршала.

И теперь в начальнике Главпура профессиональные военные, чью самостоятельность ограничивает партийное руководство, видят едва ли не противника. В течение последующих лет Епишев без особого успеха пытается насадить в армии культ Брежнева. Поддерживая его, называя «неутомимым борцом за мир», Епишев начинает отходить от своих традиционных взглядов на проблему

разрядки и военных расходов. Это совпадало с взглядами Устинова, которым противостояло, в частности, мнение начальника Генштаба маршала Н.В. Огаркова, выступавшего против сокращения расходов на армию. Видимо, за активную поддержку Л.И. Брежнева Епишев в 1978 году был отмечен самой высокой наградой — званием Героя Советского Союза.

Примерно с середины 70-х годов руководители СССР стали проявлять меньшую активность в использовании своей армии для содействия революциям в странах «третьего мира». Это было следствием, с одной стороны, разрядки, а с другой — необходимости экономить ресурсы. Маршал Устинов охарактеризовал интернациональный долг как «защиту мирового социализма». Поддерживая министра, Епишев писал, что «наши Вооруженные Силы — живое воплощение социалистического интернационализма», что они выполняют «свой долг по защите революционных завоеваний социализма». Очевидно, такие высказывания легли в основу идеологического обоснования необходимости вторжения в Афганистан, где, как ошибочно считали, социализм победил и его завоевания оказались под угрозой. И здесь Епишев сыграл такую же роль, как и накануне вторжения в Чехословакию. Он сам несколько раз ездил в Афганистан. Незадолго до ввода войск, в ноябре 1979 года, Епишев заявил, что советским войскам «надо быть начеку» в условиях, «когда империалистическая реакция раскручивает маховик вооружений», и «поддержать новые внешнеполитические инициативы нашего государства» дальнейшим «повышением боевой готовности».

Считается, что решение о вводе войск в Афганистан было принято узким кругом высших руководителей, однако Епишев активно поддержал его и отметил, что внешнеполитический курс СССР «сочетает последовательное миролюбие с твердым отпором агрессии». Во время польского кризиса, когда советское руководство всерьез подумывало о том, чтобы сокрушить руководимую «Солидарностью» оппозицию силой оружия, Епишев вновь выступил в свойственной ему роли.

Епишев продолжал поддерживать позицию Брежнева в области разрядки напряженности. В военной среде Епишев все больше становился проводником гражданских, брежневских взглядов, порой высказывая мысли, противоположные взглядам маршалов. Тем самым, все больше противопоставлял себя профессиональным военным. Примерно в это время Брежнев призвал маршала Огаркова к

порядку за то, что тот подвергает сомнениям линию партии в вопросах, касающихся расходов на оборону.

Смерть Суслова в январе и Брежнева в ноябре 1982 года стали для Епишева большой личной утратой. Однако на его служебном положении это отразилось мало: с Ю. В. Андроповым у Епишева давно сложились тесные рабочие отношения. А во главе КГБ стал его старый товарищ генерал армии В.В. Федорчук. Андропов же выступал за еще более жесткий контроль над армией, и Епишеву при этом отводилась важная роль. Несомненно, Епишев верил в то, что советская оборона находится на уровне, и все попытки «добиться военного превосходства над СССР тщетны». Не поддерживая генералитет в отношении наращивания военных расходов, Епишев разделял их беспокойство по поводу роста военной мощи США. Наибольший акцент на «новой угрозе со стороны Запада» он сделал, когда смело оправдывал уничтожение корейского авиалайнера в сентябре 1983 года. В феврале 1984 года к власти в партии и стране пришел К. У. Черненко.

Военные относились к нему негативно, и трения между партийной и военной властью усилились. Кульминации же они достигли в сентябре 1984 года, когда Черненко снял маршала Огаркова с поста начальника Генштаба. В этот период Епишев и Устинов в противовес профессиональным военным заняли сторону Черненко. Хотя считают, что Епишев лично был против выдвижения кандидатуры М.С. Горбачева на пост Генерального секретаря и даже предпочитал ему Г.В. Романова, он молча согласился с выбором и даже стал поддерживать линию нового Генсека в области обороны. В ноябре 1985 года Горбачев на сессии Верховного Совета заявил об адекватности оборонного бюджета, высказался в пользу разрядки напряженности против гонки вооружений. Такая позиция не отвечала интересам военного руководства. Недавно назначенный министром обороны маршал С.Л. Соколов, выражал иные взгляды и не поддерживал Горбачева. Дни же Епишева уже были сочтены. В начале июня он серьезно заболел. 17 июля 1985 года было объявлено о его отставке с должности начальника Главпура и замене 57-летним генерал-полковником А. Д. Лизичевым, ранее руководившим политработой в ГСВГ. Лизичев имел немалый опыт политработы, и одно время даже был помощником Епишева по комсомольской работе, а в 1980 — 1982 гг. — его заместителем, начальником управления пропаганды и агитации. Если бы не болезнь, Горбачев все равно бы

уволил Епишева, поскольку окружал себя молодыми людьми, способными поддерживать его идеи перестройки. Генерал армии А.А. Епишев скончался через два месяца после отставки и похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Безусловно, при нем Главное политическое управление достигло своего могущества, с его уходом оно постепенно утратило свое значение... Но этот исторический опус небольшое отступление от событий офицерской юности...

С именем Епишева у меня связано еще одно личное воспоминание. В конце мая 1978 года состоялось долгожданное подписание приказа начальника Главпура о присвоении мне звания капитана. Этого дня с нетерпением ждала вся наша учебная группа, и не потому, что я пользовался какой-то особой любовью однокурсников. Поскольку я предыдущее звание получил досрочно и таким образом выбивался из общего строя ровесников, получивших звание одним потоком и в одно время, то все ждали с нетерпением первого повода для сбора. По существующей офицерской практике коллективного «обмывания» событий, таких как присвоения званий, вручения наград, назначения на вышестоящие должности и т.д. виновник торжества накрывал стол. И потому возможность выпить на халяву все приветствовали.

Вот почему известие, сообщенное 31 мая вездесущим Славой Дряминым, имеющим знакомого в кадрах Главпура, вызвало коллективное оживление и бурную, радостную реакцию. Все меня обнимали, стучали по плечу и тут же прикололи четвертую звезду на погоны. Нормальный ход занятий был нарушен. Слушатели оживленно шептались между собой и советовались со мной, предлагая варианты места «обмывания» звания. Остановились на Охотничьем кафе, что размещалось в подвальчике на улице Горького, недалеко от академии. Как только закончились занятия, я повел группу, сжимая в кармане заветные 50 рублей, которые предусмотрительно месяц носил в кармане, ожидая приказа. В те времена на эту сумму можно было нормально посидеть и выпить компанией. Ну а если появлялся дополнительный аппетит, то собирались вскладчину. При выборе основных блюд мнения разделились.

Часть слушателей во главе с Дряминым требовала отказаться от жульена из дичи по цене 1 рубль 04 копейки за порцию в пользу вторых блюд: взять либо зайца тушеного (по цене 2 рубля 16 копе-

ек), гулять так гулять, либо перепела в соусе всего по полтора рубля.

— Нет, хочу покушать, — кричал майор Хренов, — даешь рябчиков в горшочке (всего по 2 рубля 62 копейки). Как учил пролетарский поэт: ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит, буржуй!!!

Ему бурно возражал Остроуцкий:

— Мы сюда не жрать пришли, а пить! Берем ассорти мясное по полтора рубля, антрекот тушеный из лося по 1 рублю 03 копейки. А на остальное — водку. Тогда денег хватит.

Однако после жарких споров приняли предложение мудрого и взвешенного Тымчика:

— Олег, слушай меня, заказываем салат из огурцов (45 копеек), охотничий суп по 68 копеек, котлеты из дичи фаршированные сыром и маслом по полтора рубля, дополнительно для обжор — биточки из лося по 44 копейки. На остальное, — водку «Охотничью» по 1 рублю 35 копеек. Из напитков — три графина кроушена по 7 копеек... После такой жрачки из-за стола не поднимитесь. Гарантирую...

На том и порешили. В полумраке зала, сдвинув столы, мы начали праздничную трапезу. Полились сладкие речи во здравие вновь испеченного капитана. Досталось старому и больному начальнику, долго испытывающему наше терпение, не нашедшему времени в апреле подписать приказ об очередных званиях. Одним словом — гулянка удалась на славу.

К вечеру, открывая входную дверь, увидев мою счастливую, раскрасневшуюся физиономию и две свежих звездочки на погонах, Галя без слов все поняла. Бросилась мне на шею, чувственно поцеловала в губы, поздравила и быстро накрыла домашний праздничный стол. Вместе с нами неподдельно радовалась и дочь. Как учили в садике, Маша взгромоздилась на стул и громко с выражением продекламировала:

— Папа, разреши и мне поздравить тебя! Я так рада, что ты стал капитаном. Это такое высокое звание! Об этом даже книги написаны «Пятнадцатилетний капитан», «Два капитана»! Я тебе желаю всю жизнь быть капитаном!

Ребенок был просто восхитителен. Надо отметить, что у дочери с детства отмечали острый ум и такой же язык. Припоминаю забавный случай, произошедший в детсаду, о котором рассказала

жена. Когда Галина пришла в группу за Машей, к ней с грустным и участливым выражением лица подошла воспитательница, и начала высказывать сожаление по поводу наших семейных неурядиц.

— Надо же, вы такая примерная семья была, кто мог подумать, что ваш муж уйдет из семьи!

— А куда он ушел? Вы о чем?

— Ну, как же, Маша, сказала, что папа уехал с кубинкой?!

— Не с кубинкой, а в Кубинку, — рассмеялась Галина, — у мужа там полевые сборы. Кубинка — учебный центр академии. ...

Однако я прервал свой рассказ о конференции 1977 года.

Позволю закончить его, ибо речь в нем пойдет о моем родном училище ...

...И только в ходе обсуждения доклада Епишева аудитория нашей конференции несколько оживилась. Посыпались цифры, примеры, сравнения, живой разговорный язык и анализ обстановки по проблемам подготовке политработников. Ведь в тот год отмечалось ровно десять лет после выхода известного постановления ЦК КПСС «Об улучшении партийно-политической работы в ВС СССР». За этот период были апробированы новые подходы в деле воспитания молодого поколения «комиссаров» и политруков. Была создана прекрасная учебно-материальная база новых современных учебных заведений. За шесть лет тысячи выпускников училищ пришли в войска и на флот. Часть из них быстро вышла на академический уровень.

К тому времени в Военно-политической академии уже училось 832 слушателя, имеющих дипломы ВВПУ, из этого количества 106 являлись питомцами моего родного училища, но в этом неофициальном рейтинге лидировали Ленинградское ВВПУ ПВО — 149 воспитанников и Новосибирское — 132. Немного отстали от нашего Киевское военно-морское — 95 и Донецкое — 90. Очень мало среди слушателей было из выпускников Курганского авиационного ВВПУ — 15 человек. Начальник управления кадров Главпура генерал-лейтенант Шаповалов отметил, что сложившаяся система подготовки политработников охватывает: одну академию, девять высших политучилищ, 18 курсов политсостава. За заслуги в подготовке кадров Новосибирскому ОВВПУ было присвоено почетное наименование имени 60-летия Великой Октябрьской Социалистической революции. А моему СВВПТАУ, в 1982 году, было присвоено имя Л.И. Брежнева, чем мы очень гордились. Создан-

ные за десятилетие училища отражали общую структуру вооруженных сил и потребности армии и флота. К тому году с высшим образованием были — 100% начальников полторганов, 80% — замполитов полков и 2/3 замполитов рот. Всего по вооруженным силам этот процент увеличился с 39 до 60.

Первые выпуски офицеров-политработников были обнадеживающими, так как молодежь служила хорошо, а 150 молодых офицеров получили воинские звания досрочно, 60 были награждены правительственными наградами, 73% выпускников 1972 года повышены в должностях. Заметно подросли и преподавательские кадры, например, среди лучших был назван наш полковник Скробов, который за десять лет в училище прошел все ступени от преподавателя до доктора. Стал доцентом, профессором.

В лучшую сторону по уровню подготовки курсантов Главпуrom были отмечены Симферопольское, Новосибирское, Ленинградское и Киевское училище. Свердловское оказалось в золотой середине на пятом месте, а вот по количеству грубых нарушений оно почему-то лидировало, за ним по разгильдяйству шло Львовское ВВПУ. Была названа цифра курсантов отчисленных за недисциплинированность из всех девяти ВВПУ (за период с 1967 — 1977 гг.) — 1666 человек. В том числе почему-то произошел всплеск — только в 1976 году было отчислено 230 человек. Озабоченность у руководства Главпура вызывал и большой процент (20%) офицеров политработников, уволенных из армии.

Короче говоря, отряд офицеров-воспитателей жил теми же проблемами, что были свойственны всем командирам и инженерам армии и флота. Основная ставка в работе делалась на качественный отбор абитуриентов и индивидуальную работу с курсантами и слушателями в ходе обучения.

Политотдел ГРУ выполнял требования Главпура и в течение всей нашей учебы в академии внимательно отслеживал наши успехи и личное поведение. Часто в академии и на ее кафедрах можно было встретить инспектора политотдела ГРУ полковника В.Г. Руденко. Он с удовлетворением заслушивал характеристики на нас и рассматривал портреты на стенде отличников учебы, среди которых был и мой. В этот период, как всегда, шла незаметная конкурентная борьба за выпускников академии между нашим ведомством (ГРУ) и политотделом воздушно-десантных войск.

Подошло время стажировок, и однажды всех десантников и

спецназовцев нашего курса (А.А. Ковальчука, И.А. Ермакова и др.) сняли с занятий и отправили в штаб ВДВ в Матросскую Тишину, что до сих пор дислоцируется недалеко от станции метро «Сокольники».

АВТОРИТЕТ МАРГЕЛОВА

Во время посещения штаба Воздушно-десантных войск нам довелось побеседовать с легендарным командующим генералом армии В.Ф. Маргеловым. До этого я имел честь видеть его дважды, во время его инспекции парашютно-десантного и артиллерийского полков (в Аранче и Азадбаше Базанлыкского района Ташкентской области), 105-й Ферганской воздушно-десантной дивизии.

По внешнему виду Василий Филиппович был колоритен — высок, красив, его приятное славянского типа лицо совсем не портил шрам на щеке, а скорее добавлял мужественности. Твердо сжатые губы и характерные складки подчеркивали решительный характер и волю. Как мне показалось, военную форму Маргелов носил небрежно: китель со звездой Героя распахнут, галстук на боку, фуражка, как обычно, на затылке.

Рассказывали, он и по Москве ездил не как все генералы, а на стареньком ЗИМе, который любил и не хотел менять. Он был неординарен во многом.

— Ну, что, херки-топорики, стажироваться будем по всей программе боевой подготовки, — с улыбкой сказал нам Командующий. — А главное для вас — побольше попрыгать с парашютом, а то расслабились, наверное, на ученических партах. Я дам команду, чтоб не огривали вас в прыжках.

— Ты, академик, по-честному мне скажи — с желанием пришел к нам или нет? Может, уже и служить не хочется? — хриплым голосом спросил Маргелов у одного из нас.

— Конечно, с желанием! Товарищ командующий! Скорее бы закончить академию, и в войска.

Солдаты и офицеры частей спецназа любили и боготворили его, как и все десантники. В дембельские блокноты записывали его изречения и вклеивали его портреты. Это был кумир всех тех, кто носил тельняшку и голубой берет, ставший легендой еще при жизни! Показательно, но в то время каждая советская республика при-

писывала себе родство с Маргеловым. Белорусы заявляли, что Маргелов их. Молдавия опровергала это и заявляли о своем первенстве. Претендовала и Украина, и была права. Ибо Вася Маргелов родился 27 декабря 1908 года в Екатеринославе, ныне Днепрпетровске, в семье рабочего. С юных лет начал трудиться учеником, помощником мастера, рабочим на угольной шахте. В 1928 году добровольно вступил в Красную Армию и в ее рядах прошел путь от курсанта до генерала армии. С 1931 по 1940 гг. последовательно командовал взводом, ротой, батальоном, участвовал в советско-финляндской войне. В Великую Отечественную войну вступил в июле 1941 года, командуя дисциплинарным батальоном, а затем отдельным стрелковым полком, который вел успешные оборонительные бои на дальних и ближних подступах к Ленинграду, совершал глубокие рейды по тылам противника. Затем Маргелов на Сталинградском фронте, участвовал в боях под Котельниково, Ростовом-на-Дону, на реке Миус. С января по ноябрь 1943 года был начальником штаба, затем командиром стрелковой дивизии (Южный фронт), а с января 1944 года до конца войны командовал 49-й гв. стрелковой дивизией в составе 4-го и 3-го Украинских фронтов. В этот период проявил завидное личное мужество, бесстрашие и твердость. За умелое руководство частями дивизии при форсировании Днепра, овладении Херсоном, Маргелову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Он командовал ВДВ четверть века и превратил воздушный десант в элитные, лучшие в мире войска.

Сейчас мало кто знает, что при Маргелове был совершен рекордный прыжок из стратосферы. Это произошло 1 ноября 1962 года. Двое испытателей поднялись в заоблачную высь на аэростате «Волга». Согласно заданной программе парашютист-испытатель полковник Е.Н. Андреев покинул гондолу аэростата первым на высоте 25458 метров, небывалую для того времени высоту. 270 секунд падал он, не раскрывая парашюта. И только когда до земли оставалось менее километра, дернул вытяжное кольцо парашюта. Вслед за Андреевым гондолу покинул П.И. Долгов. Он раскрыл парашюта — основной и запасной — сразу же после отделения, как того требовала программа испытаний. Они и опустили отважного парашютиста на землю, но приземлился П.И. Долгов мертвым. Как потом выяснилось, в момент отделения из гондолы на высоте 25608 метров скафандр испытателя разгерметизировался, что и стало

причиной смерти. Петр Долгов был из племени фронтовиков, еще во время войны прямо из пехотного училища направленный в воздушно-десантные войска, что и определило всю его судьбу. После войны окончил Рязанское училище, стал испытателем парашютов, совершил почти полторы тысячи прыжков, установил восемь мировых и всесоюзных рекордов. Посмертно ему присвоено звание Героя, он навечно зачислен в списки РВВДКУ, которое позже успешно закончил его сын.

Как будто небесная сила отомстила испытателям за освоение ее высот. Сыновья пошли по стопам своих отцов, стали десанниками, но в разное время совершили тяжкие уголовные преступления.

Лейтенант Андреев закончил факультет спецназа Рязанского училища и, прибыв в Чирчик, попал в 6 роту спецназа. Прослужив короткий период на должности командира группы, был осужден судом военного трибунала за участие в убийстве офицера парашютно-десантного полка. Случай сам по себе дикий и нелепый — десантник поднял руку на боевого товарища-десантника. Как позднее мне написали товарищи: «Трагедия произошла поздним вечером. Сменившись после дежурства, лейтенант Андреев вместе со старшиной роты прапорщиком Лопушанским поужинали в ресторане «Рохат», и возвращались домой навеселе. В автобусе вели себя развязно, за что им сделали замечание два старших лейтенанта — десантника из парашютного полка. Это вызвало раздражение у спецназовцев, и они вытащили обоих офицеров из транспорта, затеяли безжалостную драку. Один из старлеев, сообразив о возможных последствиях, бросил своего товарища и убежал за подмогой. Два высоких и физически крепких парня — Андреев и Лопушанский — долго и зверски избивали сопротивлявшегося старшего лейтенанта. Как потом доказало следствие, от полученных травм несчастный скончался на месте. Поиск сбежавших преступников оказался недолгим. В ту же ночь был арестован старшина роты, а через неделю сын героя. Оба преступника получили большие сроки лишения свободы. Андрей Андреев, выйдя на свободу, вернулся к жене, которая проживала с двумя сыновьями в Солотче Рязанской области. Работал на железной дороге. Его старший сын попытался продолжить традицию семьи и стать десанником, но в Рязани не забыли о трагической гибели своего выпускника и отказали сыну убийцы в приеме. В 2005 году А.Андреев скоростно скончался от сер-

дечного приступа. О судьбе Лопушанского мне не известно ничего. Вот такая грустная история.

А через десятилетие в офицерской среде 40 ОА неожиданно загремела знаменитая фамилия Долгова. Но об этом расскажу позднее.

Вернемся к личности командующего ВДВ В.Ф. Маргелова. Под его руководством обновился парк военно-транспортной авиации. Сначала на самолеты Ан-8 и Ан-12, затем на самолеты третьего поколения — Ил-76, Ан-22, и, наконец, четвертого — Ан-124. Войска усилили вооружение и мобильность подразделений за счет бронированных боевых машин десанта БТР-Д и БМД-1. С нуля была создана десантная бронетанковая служба, которая осваивала способы десантирования из любых видов военно-транспортных самолетов. Что было исключительно сложным делом, так как экипажи рассеивались на расстояние до пяти км от своих БМД и порой по долгу их искали. После многочисленных выбросок техники на пятикупольных парашютных системах и специальных платформах появилась идея десантирования личного состава внутри боевых машин, что делало практически немедленной готовность экипажей боевых машин к бою после приземления. В 1971 году Маргелов поручил ее проработку коллективу научно-технического комитета (НТК) ВДВ. Где и начал создаваться комплекс «парашютная система-боевая машина-человек», получившая кодовое название «Кентавр». (Механик-водитель БМД на марше высовывается из люка по пояс — отсюда и взяли аналогию). Через год комплекс был создан и проходил копровые и практические испытания с манекенами и собаками. В короткие сроки были разработаны для экипажей БМД специальные кресла-ложементы, устанавливаемые внутри машины.

Но изготовить «железо» еще не все. Чтобы идея получила признание, надо было испытать, опробовать ее на людях. Риск колоссальный, промышленность не могла гарантировать 100% надежность средств десантирования. Если к концу века десантирование экипажей внутри боевых машин перевалило за полсотню и стало почти рядовым событием, то тогда все было впервые, связанное с огромным риском для жизни испытателей, возможной компрометацией богатой идеи. Маргелов добился разрешения от министра обороны на проведение первого в мире парашютного десантирования боевой техники вместе с экипажем. Во имя признания жизненности

такого способа десантирования, он, как библейский Авраам, жертвовал своим сыном. Только в отличие от старца он знал, на что и ради чего идет на такой шаг. В войсках до сих пор сохранилась легенда, что, уговаривая министра обороны на десантирование, Маргелов ему сказал: «Чем ты рискуешь? А я рискую собственным сыном!»

На счастье, испытания «Кентавр» 5 января 1973 года под Тулой на парашутодроме Слободка, на базе 106 ввд, прошли успешно, геройский поступок испытателей был оценен по достоинству: подполковник Л.Г.Зуев и старший лейтенант А.Маргелов награждены орденами Красной Звезды. Александру Маргелову после этого выпало участвовать еще в двух экспериментах подобного рода. 26 августа 1975 года в Витебске в составе экипажа из шести человек. Но самым сложным и опасным оказался 17 прыжок — эксперимент «Реактавр» по десантированию внутри БМД-1 на парашютно-реактивной системе без платформы, системе новой и капризной. Это произошло под Псковом на парашутодроме Кислово на базе 76 ввд 23 января 1976 г. В системе применялся только один парашют, присоединявшийся непосредственно на боевой машине. «Реактавр» спускался со скоростью вчетверо большей, нежели «Кентавр» — 25 метров в секунду. Благодаря торможению у земли реактивной силой срабатывающих в нужный момент специальных зарядов. Однако все завершилось удачно, и после приземления БМД помчалась по трассе, выполняя учебную стрельбу. За успешную подготовку этого испытания и личное участие в нем испытатели подполковник Щербаков Л.И. и майор Маргелов А.В. — были представлены к званию Героя Советского Союза. Подвиг испытателя. Пожалуй, его не измеришь ничем. Иногда он растягивается по времени, испытатель изо дня в день, поднимая машину в воздух или, совершая парашютные прыжки, ходит «по лезвию бритвы», а иногда спрессован в секунды, мгновения, но за ними — вся жизнь... Только через двадцать лет смельчаки получают высокие награды, но уже в другом государстве — в России.

Несколько слов о Героях: оба являлись сотрудниками НТК ВДВ. Александр Васильевич Маргелов — выпускник МАИ (1970 г.), работал испытателем, специалистом по средствам десантирования. Совершил 145 прыжков с парашютом. Закончил экстерном десантное училище и бронетанковую академию. После увольнения в запас два десятка лет трудился главным экспертом компании «Рос-

вооружение». Его напарник Леонид Щербаков в 1968 году окончил бронетанковую академию, академию Генерального штаба и служил в НТК ВДВ. В звании генерал-лейтенанта уволился в запас.

Прошло уже много времени, но я до сих пор считаю, что Василий Филиппович, приняв такое решение, совершил личный беспримерный нравственный подвиг, который тогда остался как-то незамеченным. Вдумайтесь! Какую ответственность он брал на себя перед женой — Анной Александровной, перед семьей сына Александра. Все хорошо, когда хорошо кончается! В этом факте — весь Маргелов. Отец пятерых сыновей, из которых четверо пошли дорогой отца, при этом Виталий и Геннадий стали генералами, а Василий и Александр — старшими офицерами. Маргелов до мозга костей был командиром, порой достаточно жестким и грубым человеком, грешившим матерщиной. Но этому было объяснение в окружающей его обстановке. Яркая тому иллюстрация. «Командир полка Маргелов после боя прибыл на доклад к командиру корпуса, — рассказывал мне сын Александр, — едва он вошел в кабинет, как Чанчибадзе набросился на него с кулаками. Устояв от неожиданного удара, комполка развернулся и со всей силой врезал в челюсть комкору. Чанчибадзе упал. Медленно поднявшись, он подошел к командиру полка и, потирая подбородок, сказал с сильным грузинским акцентом:

— Маргелов, будешь командиром дивизии!»

Так вскоре и случилось.

Однако его неадекватность и кажущаяся странность в поступках, и поведении были его выигрышным билетом, резкой противоположностью правильных и совсем не интересных начальников. Командуя в годы Великой Отечественной войны бригадой морской пехоты, 49-й гвардейской стрелковой дивизией, он проявил себя бесстрашным офицером. 9 марта 1944 года с 67 бойцами тридцатипятилетний полковник Маргелов первым десантом форсировал Днепр и трое суток держал захваченный плацдарм. Из этой группы храбрцев в живых осталось только 14 человек. Но личная отвага командира дивизии не была оценена командованием. Ведь не даром говорится, — командир обязан думать, а не шашкой махать!

«Ты бросил дивизию, — кричал на Маргелова командир корпуса, — я тебя расстреляю! Под трибунал отдам!»

С трудом сдержавшись (сказывалось нечеловеческое напря-

жение трехдневных бессонных смертельных боев), комдив тогда сказал, грозно сверкнув глазами:

— Один полк уже воюет на том берегу, второй заканчивает переправу. Мы с бойцами выстояли и обеспечили успех соединению. Разрешите продолжать наступление? А список героев я представлю вам на утверждение после взятия Херсона...

Мирное время потребовало от него новых качеств, и пробивной характер Маргелова узнали многие. По оснащению, боевой выучке и моральному духу войска резко выделялись в Вооруженных Силах. Именно под его руководством «голубые береты» обрели славу самого элитного рода войск. Отряды спецназовцев, воевавшие в Афганистане, справедливо причисляли себя к десантникам, ибо боевую выучку они проходили под руководством воспитанников легендарного генерала, выпускников училища, носящего его имя... До сих пор это один из немногих родов войск, куда служить призывают только при добровольном согласии и при жестком отборе из большого количества желающих. Личной заслугой Маргелова стала нынешняя форма воздушных десантников. Мне приятно осознавать, что в псковском небе, где получил десантное крещение — первым парашютным прыжком — командир 76-й воздушно-десантной дивизии генерал-майор В.Маргелов, прыгал и я.

А в 1998 году на полковых учениях дивизии в Пскове, благодаря усилиям и смелости его воспитанника генерал-полковника Шпака Г.И. состоялось десантирование БМД-3 с полным экипажем из семи десантников. Десант получил выигрыш во времени на всех этапах десантирования. Боеготовность ВДВ повысилась на несколько порядков. Символично, что в Псковской Черехе В.Ф. Маргелов навечно зачислен Почетным солдатом в первую роту 104-го парашютно-десантного полка.

Всю мою жизнь и службу в Чирчике, во Пскове и в Афганистане освещал образ этого нестандартного, часто не вписывающегося в принятые рамки поведения крупного военачальника. При высокой требовательности он всегда оставался простым и доступным человеком. При случае не отказывался выпить рюмку-другую водки с подчиненными... спеть любимую свою песню «Варяг».

Мне запомнился один эпизод, имевший место на тактических учениях под Псковом. После десантирования дивизии командующий ехал посмотреть на действия сторон. Дорога шла через лес. На опушке в кустарнике он заметил группу десантников. Пригретые

утренним солнцем, они, обхватив автоматы, крепко спали, не реагируя на шум.

— Спят, стервецы, — проворчал Маргелов, — Пойду, разбужу мудаков.

Старшим группы охранения передового батальона был сержант. Трясая от испуга и неожиданной встречи с самим командующим, он промычал — виноваты!

— Давай сюда свое войско!

С оловевшими от сна и страха лицами отделение построилось в шеренгу.

— Доброе утро, десантники! Как спалось? — насмешливо спросил Маргелов. — Кино «Чапаев» все видели? Скажи, сержант, почему погиб Чапаев?

— Караул заснул, товарищ генерал!

— Вы не десантники, а старые мухоморы! Не поспав сутки, раскисли, как бабы после бани! Ну, смотри, сержант! Если плохо оборудуете позицию и плохо замаскируетесь, всех отправлю в стройбат! Спите там, и не позорьте десантное войско!

Командующий был вправе всех наказать за явное разгильдяйство. Но он поступил мудро. Для всех десантников эта встреча оказалась уроком и врезалась в память на всю жизнь. Те, кто служил при нем, до сих пор с гордостью называют себя маргеловцами. И что восхищает, его популярность не была локальной. Его знали и уважали во всех Вооруженных Силах, и не случайно аббревиатура ВДВ иногда шутливо-уважительно переводится как «Войска Дяди Васи».

«Дядя Вася» добился для десантников и особой военной формы: голубых как небо беретов и тельняшек. Это сразу выделило их среди общего строя военнослужащих. Необычная и красивая форма вызывала у солдат и офицеров, да и всех гражданских лиц особое почтение. У прославленной в годы войны тельняшки история долгая. Считается, что она заимствована Петром Первым у голландских моряков. Ведь Петр строил российский флот, многое перенимая у голландского флота — одного из самых передовых в Европе в те времена. Говорят, против десантных тельняшек парашютистам резко выступил тогдашний главком ВМФ, на что Маргелов ему не менее резко сказал:

— Я сам служил в морской пехоте и лучше знаю, что должны носить мои десантники.

Тельняшки и береты наряду с другими знаками воинской доблести стали символами особой гордости десантников. Не стал исключением и ваш покорный слуга. Я свой голубой берет и значок парашютиста берегу всю жизнь...

Здесь сделаю небольшое отступление. Через много лет, в 2000 году мне удалось с товарищами (бывшими десантниками губернатором области Н.А. Швецом, его заместителем Н.С. Гречиной и председателем областного объединения афганцев Н.С. Касьяном) успешно реализовать проект по увековечиванию памяти легендарного командующего в его родном городе Днепропетровске, куда меня занесла армейская судьба... Этому предшествовал длительный период сбора материала, а осенью 1999 года мне довелось лично познакомиться с Александром Васильевичем Маргеловым и его женой Лидией Константиновной, побывать у них в Москве на Сивцевом Вражке, в кабинете — музее В.Ф. Маргелова. Оба оказались красивыми людьми и простыми в общении, бережно хранящими все, что касается памяти великого отца. Мое знакомство сыграло заметную роль в выборе приоритетов областных руководителей, от которых зависела судьба создаваемого памятника. В новом тысячелетии, в день семидесятилетия ВДВ, в самом центре города на Набережной Днепра четырехметровый бронзовый памятник состоялся. К этому событию в историческом музее имени Д.Яворницкого развернута постоянная экспозиция. В церемонии открытия памятника участвовали младший сын командующего Герой России А.В. Маргелов, начальник разведки ВДВ полковник Е.А. Резник, начальник аэромобильных войск Украины полковник И.Н. Якубец. И хотя кроме Днепропетровска, имя Маргелова увековечено монументами и бюстами в Пскове, Омске, Туле считают, что наш памятник лучший. Его именем назван Рязанский институт воздушно-десантных войск.

В тот памятный августовский день стал парашютистом — маргеловцем мой сын Георгий, смело совершивший два прыжка с парашютом, посвятив их бывшему командующему ВДВ и своему отцу. Памятное удостоверение парашютиста ему и друзьям вручил лично полковник ВДВ Герой России Александр Маргелов. После этого Георгий влюбился в небо и долгое время выходные проводил на аэродроме, совершая тренировочные прыжки с парашютом. Это стало нашей семейной гордостью и памятью, которая останется с нами навсегда! Но это будет потом...

СТАЖИРОВКА

...Мы же вернемся в далекий 1978 год. Завершение обучения на втором курсе академии венчалось стажировкой. В штабе ВДВ состоялась продолжительная беседа с начальником политотдела генерал-лейтенантом И.И. Близнюком, который, «святаясь», предложил мне на выбор один из 35 полков, сведенных в 7 дивизий ВДВ (7, 76, 98, 103, 104, 105, 106). Прямо скажу, что предложение было заманчивым — служить в 70 — тысячном «войске дяди Васи». Но не в моем духе было бросать своих, тем самым как бы предавать прежних начальников. Я дипломатично отказался, сославшись на попечительство ГРУ. И это являлось истинной правдой. Действительно, разведчики меня не забыли и откомандировали стажироваться в 5-ю отдельную бригаду спецназа, что дислоцировалась в небольшом городке Пуховичи Минской области. Запомнились стихи о тех местах:

*На юге от Минска, в дремучем лесу,
Где реченька Титовка вьется,
Там город стоит на крутом берегу,
Он Марьиной Горкой зовется.*

Но часть спецназа дислоцировалась не совсем в лесу, а в современном военном городке с гвардейцами 30-й Иркутско-Пинской танковой дивизией. Конечно, героями этих мест были десантники, так как их боевая подготовка на фоне рутинного труда танкистов была видна всем. Традиционно к десанникам здесь относились по-особенному. В белорусской глубинке они появились еще в 1940 году, когда туда передислоцировали 214-ю воздушно-десантную бригаду. Накануне войны на ее базе был сформирован 4-й ВДК с местом дислокации в Марьиной Горке. Потом была война, и по всей Белоруссии сражались с оккупантами десантники в составе партизанских отрядов. А снова раскрасилось небо белыми куполами в 1963 году. Интересно, что костяк бригады спецназ составили офицеры, проучившиеся один год в Военно-дипломатической академии. Не случайно все последующие годы эта бригада была испытательным полигоном новейших видов спецназовского вооружения, экипировки, а ее личный состав принимал участие в крупнейших учениях «Днепр-67», учениях с пограничниками, КГБ и МВД

(1969 г.), учениях «Эфир-72», «Весна-75», «Авангард-76» и других. Два года подряд ГРУ проводило отмобилизование этой бригады до штата военного времени без ограничений. Это происходило как гром среди ясного неба и представляло невероятные трудности и напряжение для всего коллектива. А в 1975 году лично министр обороны маршал Гречко проводил учения, разместив свой штаб в гарнизонном доме офицеров. И бригада справлялась отлично. Ежегодно подразделения бригады участвовали в 6 — 7 окружных учениях. В этом соединении существовало элитное подразделение — особая рота из офицеров и прапорщиков, отлично подготовленных профессионалов. Признавая особенности и профессионализм подразделения, министр обороны СССР разрешил роте иметь свой личный нарукавный знак — «черная лиса». Для той великой армии это было незаурядное явление, льгота неслыханная. Уровень подготовки спецназовцев этой бригады вполне соответствовал отряду «Вымпел» КГБ СССР.

По дороге в Марьину Горку, глядя на пейзажи из окна электрички, вспомнились все предыдущие стажировки в войсках, среди которых одна проходила в пригороде Минска в 120-й гвардейской Рогачевской мотострелковой дивизии... Именно в свое первое юношеское посещение славного партизанского края мне пришлось столкнуться с гостеприимством и радушием этого славного народа. На всю жизнь врезался в память эпизод дружеского отношения к нам со стороны гражданского населения. В магазинах люди перед нами расступались и приветливо пропускали впереди себя. В общественном транспорте кондукторы отказывались принимать деньги за проезд. За несколько дней до возвращения в училище, сразу после окончания тактических учений, нам, троим курсантам — Греблюку, Афтахову и мне — дали увольнение в город. Ближе к вечеру мы, гуляя по столице, зашли перекусить в вечернее кафе. И здесь неожиданно оказались в центре внимания многочисленных посетителей. Официантка поставила перед нами на стол хорошее дорогое вино и свиные отбивные с картошкой.

Мы высказали удивление:

— Девушка, вы ошиблись, мы не заказывали!

— За вас заплачено, — ответила она с улыбкой. И показала на соседние столики. Солидные мужчины и парни, улыбаясь, наблюдали за нашей реакцией, а затем подошли к нам, — жали руки и выражали свое искреннее уважение к военным, вспоминали свою

военную службу. Эта душевная теплота покоряла своей искренностью.

И вот уже капитаном я вновь оказался на этой гостеприимной земле. На сей раз, стажируюсь в должности заместителя начальника политического отдела бригады. Начальником политотдела в этот период был добродушный толстячок полковник Мельниченко, который встретил и проводил меня очень душевно. Олег Николаевич пользовался непререкаемым авторитетом, являлся старше всех по возрасту и пережил многих командиров, каждому из них он являлся старшим товарищем и духовным наставником. Несмотря на некоторую склонность к полноте, он был в отличной физической форме и мог показать примерное выполнение гимнастических упражнений на брусьях и перекладине. Заместителем у него работал подполковник Ясевич. Роман Болеславович тоже был из категории ветеранов части, так как начинал службу в бригаде рядовым, а позднее — командиром взвода, младшим лейтенантом. Он запомнился мне замечательным и очень деликатным человеком, которому впоследствии в должности начальника политотдела вместе с полковником Григорием Колбом пришлось покинуть гостеприимную Белоруссию и продолжить формирование новой 24-й бригады спецназа в Забайкалье. О Колбе говорили, что он был единственным белорусом — командиром такого соединения. Отличным парнем запомнился шустрый комсомолец политотдела старший лейтенант Володя Кустов. Питерский паренек, будущий подполковник, Лицц Борис Адольфович тоже начинал срочную службу со спецназом сначала во Псковской бригаде, а потом связал свою жизнь с «пятеркой». С воспитанниками этой бригады В.Рыковым, А.Романовым мы встречались в коридорах ВПА им. Ленина. Повезло бригаде и на хороших командиров: в разное время ей командовали такие известные и замечательные люди как Фалеев, Иванов, Крот, Бородач, Герасимов, Вильчковский. С бывшим командиром батальона Виталием Онацким судьба свела позже на Дальнем Востоке, где тот командовал Уссурийской бригадой.

Надо сказать, что все офицеры и прапорщики войсковой части 89417 произвели на меня самое приятное впечатление. Хороши были и солдаты срочной службы. Военнослужащие этой элитной бригады заметно выигрывали по уровню боевой подготовки и дисциплинированности перед военнослужащими местной танковой дивизии. Очень понравились мне, и запали в душу особый дух това-

рищества и верность традициям частей разведки и воздушно-десантных войск, бытовавшие в коллективах 5-й бригады.

Обустройство части тоже было показательным — на небольшой территории размещался весь необходимый комплекс учебно-материальной базы, а также десантный городок и тропа разведчика. Специфику службы подчеркивала добротная наглядная агитация, ориентированная на десантную тематику. В богатой библиотеке бригады я нашел уникальную книгу, написанную ветераном-десантником этой части Вилицианом Наполеоновичем Ридевским «Парашюты на деревьях». Она вызвала большой резонанс в военном коллективе, так как раскрывала трагическую страницу ратного труда разведчиков группы «Джек», действовавшей в 1944 г. в Пруссии. Это была не причесанная цензурой откровенно горькая правда о войне — аналогичная той, что я услышал из уст своего первого командира Мосолова Р.П. Книгу читали до дыр, неоднократно проводили ее обсуждение, приглашая автора и его соратников. На одной из таких встреч ветеранам — разведчикам задали очень острый вопрос, имеющий важное психологическое значение для глубокого осознания понятия «нравственный выбор» и моральность на войне:

— Какие решения принимались, если в группе появлялись раненые?

— Обычно в случае тяжелого ранения, — ответил Геннадий Юшкевич, — когда боец спецгруппы не мог двигаться и был обречен, он принимал последний бой, до конца оставаясь верным воинскому долгу и чести разведчика — десантника. Так негласно было принято у нас. Называли эту традицию «Законом совести» — каждый принимал это решение самостоятельно и поступал безоговорочно.

В качестве примера он назвал легендарную Аню Морозову — руководителя интернациональной советско-польско-чехословацкой группы, успешно действовавшей в поселке Сецца Орловской области, которая впоследствии являлась радисткой в группе «Джек» и погибла в декабре 1944 года в Польше.

С целью воспитания личного состава бригады на боевых традициях советской военной разведки и как проявление сыновей благодарности к предкам — героям Великой Отечественной войны, командование разведуправления округа и командование бригады используя тактические учения, спланировало десантирование груп-

пы спецназовцев от бригады, на место гибели разведчиков группы «Джек», которые установили там памятный знак славы. Через много лет на праздновании 55-летия Спецназа в Москве судьба вновь свела меня Г.В. Юшкевичем, который подарил мне свою документальную книгу «Последний из группы «Джек» с трогательной надписью на память. Вот такое произошло возвращение в юность и встреча с человеком из легенды. А в тот далекий год по ходу стажировки мне поручалось отрабатывать все отчетные документы политотдела, вести занятия по политподготовке со всеми категориями военнослужащих. И самое главное, как требовал В.Ф. Маргелов, заниматься воздушно-десантной и боевой подготовкой — стрелять, ходить с группами на учения, заниматься минно-подрывным делом. Самыми яркими впечатлениями остались именно занятия по ВДП — сложные прыжки из самолетов АН-2 и АН-12, многие из которых в других бригадах не практиковались. Мы совершали затыжные прыжки со стабилизацией падения до 25 секунд.

Заместителем комбрига по воздушно-десантной подготовке был талантливый руководитель и методист подполковник Иванов Геннадий Николаевич, который прививал любовь к десантному делу не только подчиненным, но и своей семье. Достаточно сказать, что вся семья была десантной: прыгали его сыновья, жена, его внуки. Сын Юрий стал инструктором спортивного клуба и совершил почти 3000 прыжков. При Иванове на базе бригады многие старшеклассники совершили свои первые прыжки с парашютом, а сын замкомбрига Андрей к семнадцати годам был безусловным лидером среди них, так как имел более двух сотен прыжков.

Я спросил его — наверное, после школы пойдешь в Рязанское училище?

— Ни в коем случае, я военным быть не хочу, — ответил он мне с мальчишеской непосредственностью.

Прошли годы. В 1987 году к нам в Афганистан, на должность взводного командира прибыл лейтенант с простой русской фамилией. Когда я его увидел, то сразу узнал в бравом офицере того десятиклассника. Оказалось, что жизнь все же повернула его на отцовскую стезю... Не сразу после школы, а через несколько лет гражданской жизни и службы в армии солдатом он все же надел в Рязани голубые курсантские погоны.

Андрей воевал командиром первой группы 3 роты в Газнийском батальоне. Я даже помню его первый боевой результат. Это

произошло 13 декабря 1987 года в засаде под Газни. Он уничтожил трех моджахедов, ехавших на мотоцикле и захватил один автомат. В этот же день на минном поле, выставленном 2 декабря, подорвалась машина духов. Были и другие бои, и большие трофеи. В общем, за Афганистан Андрей получил три ордена Красной Звезды. А через десяток лет после окончания афганской кампании его жизнь опять оказалась вовлеченной в стихию войны и неоднократно буквально висела на волоске. В январе 1995 г. в горах на юге Чечни боевикам удалось взять в плен около полусотни российских десантников из 22-й бригады спецназа. Отряд возглавлял майор Иванов. Этот трагический эпизод из жизни армейского спецназа имел счастливый конец. К весне основная часть разведчиков была освобождена из плена, но офицерская карьера Иванова на этом закончилась — его уволили из армии... Уволили как физически негодного к военной службе. Чеченцы жестоко издевались над пленным офицером, в течение нескольких месяцев регулярно выводили в ночь и имитировали расстрел, безжалостно били прикладами по голове, ломали психически. Помимо развившихся головных болей и физических травм, психика Андрея оказалась надломленной логикой московских руководителей:

— А почему ты майор не погиб, а попал в плен? Лучше бы ты застрелился.

Говорят, что после этого он впал в бурную истерику, в ходе которой кричал:

— И зачем я пошел в эту армию...

Вот такая человеческая трагедия с безжалостным финалом. Поселился он в Москве и до конца своих дней страдал от несправедливости. А как все романтично начиналось...

Однако вернемся в жаркое лето 1978 года. Здесь в Марьино Горке под руководством подполковника Иванова мне впервые довелось прыгать с больших высот (2500 — 3000 м) со стабилизацией падения 20 — 25 секунд. Это было очень волнительно и интересно. И что любопытно — эти прыжки не представляли особых психологических трудностей, они совершались без душевной депрессии и бессонницы, свойственной первым годам службы в десанте, когда даже прыжок с парашютной вышки был тяжелым испытанием.

Справедливо отразил эти ощущения днепропетровский поэт-десантник М.Селезнев, написавший строфы:

*Кричит инструктор:
— Ноги! Ноги!
А ты поешь на целый свет.
Из всех прыжков трудней (ей богу),
Чем с парашютной вышки нет.*

Конечно, это был расцвет моей личности, в годы учебы я плотно дружил со спортом: имея 69 килограммов веса, мог в короткий срок сделать пятьдесят отжиманий от пола, вслед за этим столько же раз присесть и совершить десять подъемов переворотом, при пульсе 62 удара в минуту. Неплохо давались и беговые дистанции.

Быстро пролетело время стажировки, и провожали меня уже как старого товарища сослуживцы по политотделу и командиры подразделений, накрывшие в честь моего отъезда богатый стол в офицерской столовой. Пили красное вино, водка тогда распространена не была, говорили хорошие тосты в мой адрес и убеждали, чтобы приезжал к ним после окончания академии. Об этом можно было и не говорить, так как я просто влюбился в эту часть и ее офицеров. И если бы сложилась судьба, и я попал в дальнейшем служить в 5-ю отдельную бригаду спецназ, то считал бы это за великую честь и большой удачей.

Вернувшись в академию и представив подробный отчет о своей работе в бригаде, а также документы об участии в практических десантированиях на тактико-специальные учения, как мне показалось, я произвел определенное впечатление не только в среде слушателей, но и среди преподавателей. Куратор нашей учебной группы полковник Бородин Н.И. недолго меня пытал и безоговорочно поставил отличную оценку.

Следует отметить, что я не был исключением, все мои однокурсники — десантники с общевоинского факультета академии за период стажировки тоже выполнили годовые нормы прыжков с парашютом, что было благосклонно воспринято командующим ВДВ.

Первые учебные дни выпускного курса оказались омрачены скоропостижной смертью сокурсника капитана Д.Тужилкина. Бедолага сгорел за считанные месяцы от онкологического заболевания. К чести командования академии и факультета, он до последней минуты своей жизни чувствовал внимание и заботу. Преподаватели принимали экзамены и зачеты у его постели в палате госпиталя, что придавала внутренние силы обреченному. Но в итоге верными ока-

зались слова поэта: «Вкус у смерти безупречен в отборе лучших среди нас».

К началу лета 1979 года к финишу пришли только 86 выпускников. Мы тогда и не предполагали, что времени на разбег в службе нам выделено всего тринадцать лет. За этот срок мои однокашники успели немало: семь человек (Альжанов А., Бойко Н., Казаков В., Комаров А., Касьянов А., Патинкас Е., Степанян Л., Типпель Г.) стали генералами, а последний даже стал генерал-лейтенантом ФСБ РФ. 61% моих коллег успели стать советскими полковниками. 30 человек проявили свои способности и добились высоких достижений на научном поприще. Почетное звание «Заслуженного работника высшей школы РФ» было присвоено академику, доктору наук, профессору Тымчик В.И. Кроме него, стали академиками Касьянов А., Степанян Л., доктором наук, профессором Болгов В., кандидатами наук Голиков А., Дрямин В., Кулешов В., Ковальчук А., Подлесный Е., Шишкин М., доцентами Стариков В., Никитин А.

Немалая часть сокурсников прошла через войны и горячие точки планеты конца столетия. Полковник Шоков В.И. получил тяжелую контузию под Кандагаром и стал инвалидом. Награжден орденом Красного Знамени. Девять соратников награждены орденами Красной Звезды (Алмакаев А.М., Корсаков Н.А., Ковальчук В.Ф., Козьярский В.А., Кривоपालов О.В., Стариков В.А., Синчурин В.И., Подлесный Е.Я., Хренов И.С.); 21 — орденом «За службу Родине в ВС СССР» (Воробьев В.Д., Дрямин В.А., Житенев В.П., Инюточкин А.П., Казаков В.А., Корсаков Н.А., Ковальчук В.Ф., Ковальчук А.А., Комаров А.П., Кривоपालов О.В., Никитич В.Н., Никитин А.А., Подлесный Е.Я., Пляскин А.М., Патинкас Е.Е., Синчурин В.И., Стажилов А.А., Човнюк Л.Н., Хакимов Т.Ш., Хузин Ф.Э., Шоков В.И.); 5 — медалями «За боевые заслуги» (Махарев В.И., Комаров А.П., Кривоपालов О.В., Филатов Л.В., Хузин Ф.Э.); 5 — орденами «Почета» (Бойко Н.Н., Есипов В.П., Корсаков Н.А., Пляскин А.М., Тымчик В.И.); 6 — Афганскими орденами «Красного Знамени», «Звезда» и «Дружбы народов» (Шоков В.И., Есипов В.П., Касымов А.М., Козьярский В.А., Кривоपालов О.В., Хренов И.С.).

Медалями «За спасение погибающих» и «За отвагу на пожаре» награждены полковники Дрямин В.А. и Гребенников А.С. Кавалерами медалей Суворова и Жукова стали полковники Воро-

бьев В. и Касымов А. за неоднократные командировки в районы боевых действий в Чечню. Орденами «За военные заслуги» и «Святого Даниила Московского» награжден заместитель начальника ГРУ ГШ генерал-майор Бойко Н.Н.

Погиб в огне гражданской войны в Тирасполе первый атаман Черноморского казачества полковник Кучер А.В. Шесть человек скоропостижно скончались от перенапряжения в результате инсультов и инфарктов.

К периоду ликвидации Горбачевым политорганов мои однокашники-выпускники 1979 г. служили на высоких должностях: так, начальником политотдела корпуса был Стариков В.А., заместителями начальника политотдела армии — Пляскин А., Синчуринов В., Калинин В., Кривопапов О. Возглавляли отделы в Главпуре и политуправлениях округов полковники Коник Ю.А., Дедов Г.Е., Корсаков Н.А. 15 человек являлись начальниками политотделов дивизий или уже прошли эту должность (среди них Дедов Г.Е., Инюточкин А.П., Казаков В.А., Коник Ю.А., Корсаков Н.А., Ковальчук В.Ф., Касьянов А.М., Нуржинский В.С., Пляскин А.М., Синчуринов В.И., Ромадин Л., Хузин Ф.Э.). Полковники Казаков В.А., Ковальчук В.Ф. и Сапожников С.А. служили на должностях начальников политотделов военных училищ. 8 человек возглавляли политорганы отдельных бригад (Никитич В.Н., Хренов И.С., Гребенников А.С., Шоков В.И., Дамбегов Б.М., Човнюк Л.Н., Колеров Г.В. и 10 человек были начпо отдельных полков армии, морской пехоты флота, внутренних войск МВД и пограничных отрядов КГБ СССР (Соколов В.А., Хакимов Т.Ш., Галушкин В.А., Козьярский В.А., Сапожников С.А., Филатов Л.В., Кулешов В.П., Тишель Г.Ф., Степанян Л.В. и другие). К сожалению, в новой армии России только полковники Пляскин А.М. и Синчуринов В.И. остались в боевом строю на должностях заместителей командующего армией по воспитательной работе. Заместителем начальника ГРУ ГШ по воспитательной работе многие годы проработал генерал-майор Бойко Н.Н. Некоторые офицеры из политработников перешли на командные должности: так, заместителем командующего Дальневосточного округа ВВ МВД достойно служил до выхода на пенсию Корсаков Н.А., начальником тыла Северного флота — Житенев В.П., командующим пограничными войсками Армении Степанян Л.В., начальником Новосибирского высшего военного

училища Казаков В.А., военным комиссаром города Семенченко А.Н.

После увольнения из армии 17 наших однокурсников посвятили себя государственной службе (Альжанов А., Гудзенко В.П., Дедов Г.Е., Житенев В.П., Зеневич А.В., Коник Ю.А., Корсаков Н.А., Никитич В.Н., Патинкас Е.Е., Стажилов А.А., Синчурич В.И., Степанян Л.В., Типпель Г.Ф., Филатов Л.В., Хузин Ф.З., Чижевский Ю.В. и др.). При этом, Корсаков Н.А. стал заместителем начальника управления железных дорог Дальнего Востока (госсоветником 1 класса), а Комаров А.П., Стажилов А.А. и Синчурич В.И. соответственно госсоветниками 2 и 3 класса. До сих пор образцово работают начальниками комитетов и департаментов в министерствах труда и национальностей РФ неутомимые ветераны полковники Коник Ю.А. и Хузин Ф.З.

«АКВАРИУМ»

К выпуску из академии, отлежав две недели на сохранении, Галюся подарила мне сына Георгия. Все торжественные мероприятия и банкет с преподавателями академии и родственниками в ресторане «Прага» прошли без ее участия. Шумно отгуляв с друзьями Афтаховым, Шумейко, Харламовым рождение наследника, я в нетерпении юридически оформить этот факт договорился в местном ЗАГСЕ и получил свидетельство о его рождении еще до выписки матери с новорожденным из роддома. То и дело поглядывал на документ регистрации и радовался, не верил счастью. Месяц положенного отпуска был посвящен младенцу.

По итогам предварительного распределения я планировался на должность заместителя начальника политотдела 2-й бригады спецназа в город Псков, однако к выпуску оказалось, что эта вакансия уже занята, и меня по указанию ГУКа МО СССР откомандировали в распоряжение начальника ГРУ ГШ. Так я остался в столице, как шутили друзья, «в Арбатском военном округе».

Конец лета оказался омрачен трагедией, названной в СССР «катастрофой века». 11 августа над селом Куриловка под Днепро-дзержинском на высоте 8300 метров из-за ошибки харьковских авиадиспетчеров столкнулись два самолета ТУ-134. Один борт следо-

вал из Ташкета в Минск, другой — из Челябинска в Кишинев. Все 178 пассажиров и оба экипажа погибли. То, что и до того случая в Союзе бывали авиакатастрофы, безусловный факт, во все времена никто не сумел отменить закон земного притяжения, и самолеты падали и будут падать. Но, во-первых, потери ранее не были столь глобальными, а во-вторых, большей частью они замалчивались. Слухи в народе ходили, но поди в них разберись. А эта трагедия прогремела на всю страну, так как среди погибших оказалось 17 футболистов- «хлопкоробов», так переводится с узбекского «Пахтакор». В спортивном мире этот факт от миллионов фанатиков скрыть было невозможно. Оказалось, что челябинский борт вырвался из-за облаков за 12 км до столкновения. Летчики минского рейса ничего сделать уже не смогли. На таком расстоянии увернуться от столкновения было нереально. В 13.35 мск. времени челябинец врезался в ташкентца, отсек ему часть крыла, хвостовое оперение и взорвался. Пилот, летевший из столицы Южного Урала, при разгерметизированном корпусе еще какое-то время планировал, но на высоте 4500 метров машина стала резко падать и рухнула на приднепровскую землю.

Существует версия объяснения ошибочных действий авиадиспетчеров. Тем же воздушным коридором летел самолет руководителя Монголии Ю.Цеденбала, по устоявшейся традиции в первой половине августа направлявшегося, наряду с руководством других социалистических стран, к Л.И.Брежневу. Для Цеденбала, де, и освобождали трассу. Удивительно, но рассказывали, что на месте падения футбольной команды и чере 30 лет так и не выросли деревья. Вдова заслуженного тренера «Пахтакора» Алла Сергеевна Шулепова-Тауетдинова, верная памяти мужа, создала два монумента на Днепродзержинской земле, на надгробной плите одного из которых хватающие за душу слова:

*Горе не прощено,
Горе немерено.
Все дорогое
Навеки потеряно.*

Под этим надгробием никто не покоится, жители закопали там крыло самолета. Памятник погибшим родился непросто. Деньги собирали всем миром. Особенно подсобили футбольные клубы —

узбекский «Пахтакор», донецкий «Шахтер», киевское «Динамо» и минское «Динамо». На месте памяти посажены семнадцать березок. Ежегодно в село Куриловка навещаются родственники погибших, ибо горе — неизбежно. А тогда весь Союз скорбел о потери двух сотен своих соотечественников.

Отгуляв месяц я впервые, согласно предписанию, побывал на легендарной Полежаевке. Представился должностным лицам, интуитивно с благоговением оценивая происходящее как явление неординарное и историческое. Действительно, тот период службы в центральном аппарате оказал исключительно большое влияние на мое офицерское становление и дальнейшее профессиональное развитие.

Одной из колоритных фигур ГРУ являлся начальник политотдела — заместитель начальника ГРУ генерал-лейтенант Григорий Иванович Долин. В команду которого молодой выпускник академии и был окончательно определен. Начальник политотдела выглядел колоритно, хотя и среднего роста, но крепкокостный мужчина с лихим казачьим чубчиком на лысой голове. Он отличался интеллигентным лицом и умными глазами с цепким профессиональным внимательным и пронизывающим взглядом. Я, увидев его первый раз, оцепенел, как кролик, когда он, проходя по коридору, просто взглянул на меня. Показалось, что он заглянул мне глубоко в душу. Григорий Иванович глядел на меня одну секунду, а для меня это суеверное ощущение длилось минут пять. В этом взгляде было что-то демоническое, гипнотизирующее. Его умение разбираться в людях пугало тех, кто был с грешками... Долин был сдержанным и демократичным руководителем, но его суеверно боялись и очень уважали. Как рассказывали, он родился в разгар гражданской войны (7.12.1918 г.) в Ростове-на-Дону. Однако трудное детство прошло под присмотром талантливых педагогов, одно имя его учителя словесности будущего русского писателя Виталия Закруткина чего стоило. У подобных самородков из народа росла нестандартная и поросль. Как Григорий Иванович вступил на стезю военной разведки, мне неизвестно, но поговаривали, что он сам в молодые годы работал агентурным разведчиком, затем военным, военно-воздушным, военно-морским атташе при посольстве СССР в Иране. Хорошо владел английским языком, непрерывно занимался самосовершенствованием. Ежедневно читал все ведущие газеты США и Великобритании. Просматривал зарубежные журналы. Являлся чело-

веком большой эрудиции, о таких в народе отзываются — «ходячая энциклопедия». Не случайно, он выступал ведущим экспертом на процессе Пеньковского и Винна в 1963 году. Об этом процессе говорят и в новом веке, поскольку в этом из ряда вон выходящем событии на «полях тайной войны спецслужб» определенно имеется скрытый своей недосказанностью смысл. «Стратегический замысел» этого дела достиг уровня нового столетия, но не мне об этом рассказывать. А любопытный читатель найдет и сам интересные источники информации этого главного секрета ГРУ. Одним словом свою лепту в этот сложнейший проект внес и Долин. Отчего его отметили генеральским званием и в 1965 — 1966 гг. сделали секретарем парткома ГРУ. А затем он возглавил политотдел ГРУ. А это была особенная должность и проявление высочайшего доверия к талантливому профессионалу и человеку. Недаром десятилетия его имя было окружено таинственностью и до сих пор не стало открытым.

Поскольку планируемая для меня вакансия оказалась занятой, мне предложили некоторые варианты: должность преподавателя общественных дисциплин на курсах военно-дипломатической академии, замполита центральной автобазы ГРУ и некоторых другие... От которых я отказался. Раздражая этим кадровиков.

В личной беседе с генералом Долиным я высказал желание служить на любой должности только в спецназе. Г.И. Долин выслушав мой темпераментный монолог, сдержанно сказал:

— Мы учтем ваше похвальное стремление, но сейчас служить будете там, куда вас назначим.

— Я думаю, каждый считает счастьем попасть служить в Москву? — бросил реплику присутствовавший на беседе добродушный заместитель начпо полковник Базлов Николай Алексеевич.

— Я еще слишком молод для того, чтобы останавливаться на Москве, — ответил я.

— Этот недостаток быстро пройдет, — добродушно, но с твердостью в голосе сказал Григорий Иванович. — Побеседуйте с начальником политотдела спецчастей полковником Фоминым. Вы у него будете работать на подполковничьей должности старшим инструктором по пропаганде и агитации. Квартиру через полгода-год получите в столице. Все, разговор с вами окончен. Желаю успеха.

...Так я оказался в аппарате ГРУ.

В громадном ведомстве с богатейшими традициями работало

несколько поколений выдающихся людей, составляющих славу и гордость нации. Общение с которыми окрыляло и подталкивало к самообразованию, стремлению глубже вникнуть в суть многогранной деятельности, чтобы быть максимально полезным общему делу. О необычности службы здесь напоминало все: начиная от общего режима секретности до особой атмосферы братских отношений между начальниками и подчиненными. Сильное эмоциональное впечатление на новичков и гостей «Аквариума» производили и музей боевой славы, и памятник разведчикам, что стоял при входе в центральном двореике. Он представлял колонну, увенчанную пятиконечной звездой, окруженную с четырех сторон копьями и щитами с изображением герба СССР, ниже на шаре символизирующим нашу планету начертано коротко и емко: «В ваших делах — величие Родины!»

Здесь, думаю, уместно будет немного рассказать об истории ГРУ ГШ ВС СССР. Приказом Реввоенсовета республики № 197/27 от 5 ноября 1918 года в составе Полевого штаба было создано Регистрационное управление в качестве центрального органа советской военной разведки. Именно День 5 ноября является официальным днем рождения разведки. С этой даты ведет свою историю Главное Разведывательное управление.

Во главе ГУГШ был поставлен бывший царский генерал-квартирмейстер Николай Михайлович Потапов. Опытнейший разведчик царской армии, пользовавшийся в Генштабе заслуженным авторитетом. В последующие годы советской истории руководителями военной разведки были: С.И. Аралов, С.И. Гусев, Г.Л. Пятаков, В.Х. Ауссем, Я.Д. Ленцман, А.Я. Зейбот, Я.К. Берзин, С.П. Урицкий, С.Г. Гендин, А.Г. Орлов, И.И. Проскуров, Ф.И. Голиков и А.П. Панфилов, И.И. Ильичев. В послевоенные годы ведомство ГРУ возглавили Ф.Ф. Кузнецов, Н.М. Трусов, М.В. Захаров, М.А. Шалин, С.М. Штеменко, И.А. Серов.

Выдающейся фигурой в плеяде разведчиков моего времени являлся начальник Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР генерал армии П.И. Ивашутин, проработавший на этом посту дольше других почти четверть века. С его приходом деятельность ГРУ расширилась на всем земном шаре. При нем родилась космическая разведка, на новый уровень шагнула радиотехническая разведка. Особое внимание уделялось становлению частей специального назначения и их оснащению. Создавались новые технические средства разведки, автоматизиро-

ванная система ГУ. В ГРУ ходили легенды о его высокой работоспособности. Как вспоминали ветераны: «Голова у него работала отлично, как компьютер. Он был сообразительным, инициативным и очень уверенным в себе, хорошо знал себе цену». «При принятии решений всегда советовался со специалистами, но при этом всегда имел свое твердое мнение и никто не мог навязать ему неправильное решение». «Лично занимался руководящими кадрами. Знал плюсы и минусы каждого начальника, командира, руководителей разведпаратов. Оберегал их от необоснованных претензий». В свои 75 лет он трудился без выходных по 18 часов в сутки, а в напряженные военно-политические моменты и круглосуточно не выходил из своего кабинета.

Шеф ГРУ не отличался героической внешностью — невысокого роста, лысоватый, однако физически крепкий, выносливый и по повадкам уверенный в себе человек. Биографию имел типичную для самородков, вышедших при советской власти из народа. Родился 5 сентября 1909 года в Бресте в семье железнодорожного машиниста. Юные годы прошли в Иваново-Вознесенске, городе, богатом славными революционными традициями. Здесь в 1927 году начал трудовую жизнь, работал слесарем, рабочим-путейцем, бригадиром слесарей на заводе и одновременно учился на рабфаке. В заводском коллективе и в учебном заведении формировались его характер и взгляды на жизнь. В 1931 году движимые патриотическими чувствами комсомольцы, воодушевленные решением IX съезда партии о шефстве над авиацией идут служить в Военно-Воздушные Силы. В их числе и Петр Иванович, который в 1933 году окончив школу летчиков служит четыре года инструктором-летчиком авиабригады МВО, год — командиром корабля. В 1937 едет учиться на командный факультет Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского. Перед ним открываются широкие пути службы в авиации. Однако жизнь круто повернула его судьбу. Партия принимает ряд мер по укреплению органов госбезопасности. После второго курса капитана Ивашутина по решению ЦК ВКП(б) переводят в органы госбезопасности начальником особого отдела (ОО) 23 стрелкового корпуса Белорусского ВО. В 1939 — 1940 гг. П.И. Ивашутин участвует в советско-финской войне. Накануне Великой Отечественной войны переведен на работу в контрразведку.

В первые годы суровых испытаний он пережил горечь не-

удач и радость побед в должности заместителя начальника ОО ЗакВО, Крымского, Северо-Кавказского фронтов, Черноморской группы войск Закавказского фронта. На войне наиболее полно раскрылись организаторские способности П.И.Ивашутина, его творческий подход к делу, умение глубоко и всесторонне оценить обстановку, принять правильное решение. В самых сложных условиях П.И. Ивашутин в тесном взаимодействии с начальниками других военных органов управления энергично и настойчиво трудился над выполнением специфических задач. Под его руководством боевые коллективы работали дружно, проявляя мужество и отвагу, активно способствуя боеготовности частей и соединений. С 1943 г. он начальник Управления контрразведки «Смерш» на Юго-Западном и 3-го Украинского фронтах. Петру Ивановичу довелось служить с военачальниками Малиновским, Ватутиным, Толбухиным и принимать личное участие в обеспечении наступательных операций фронта. Особенно много сил и энергии вложил в подготовку и осуществление Яско-Кишиневской, Будапештской и Венгерской операций, обеспечение успеха боевых действий войск фронта по освобождению Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии. Там и встретил День Победы.

После окончания войны генерал Ивашутин служил начальником Управления контрразведки в Южной группе войск, в Германии, в Ленинградском военном округе. С 1952 года в течение десяти лет занимал ряд ответственных должностей в центральном аппарате КГБ при Совете Министров СССР, в том числе в 1952 — 1953 — министром госбезопасности УССР. Через десятилетие, с должности первого заместителя председателя КГБ, переведен в военную разведку. С 1963 года генерал армии П.И. Ивашутин являлся начальником ГРУ — заместителем начальника Генерального штаба. Карьера Ивашутина совпала по времени с эпохой правления Брежнева, а это был устойчивый и благодатный для армии и разведки период. Находясь на высоком посту, он умело и с большой ответственностью решал возложенные на разведку задачи. Являясь крупным организатором, внимательно следил за всем новым, что рождалось в военном деле, и смело внедрял в практику разведорганов. За заслуги перед Родиной Петр Иванович был удостоен высокого звания Героя Советского Союза, а также пятнадцатью советскими орденами.

На закате своей трудовой деятельности семидесятипятилетний

Ивашутин попал в опалу. В 1987 году ведомство потрясли ряд предательств: побег в США резидента ГРУ в Индии, задержание предателя генерала Полякова, внедрившегося в аппарат ГРУ. По итогам преступной деятельности которых прокатилась волна серии провалов многих советских разведчиков. Как всегда в таких случаях, нашли козлов отпущения — начальника ГРУ и его замполита. Как известно, при отборе людей для работы за рубежом, решающее слово оставалось «за главным политруком» — вплоть до упразднения политотдела. Поскольку служба в ГРУ была едва ли не высшим счастьем в армейской карьере офицера, протекционизм в различных видах воспринимался как должное. Самый известный ныне из предателей ГРУ — Пеньковский — был вхож в семью тогдашнего начальника ГРУ Серова. Серов был потом снят с должности и разжалован до генерал-майора. После чего быстро умер.

Предателя Сметанина «опекал» начальник политотдела генерал-лейтенант Г.И. Долин, которого тоже сняли с должности, уволили в отставку и понизили в воинском звании до полковника... Генерал Поляков, расстрелянный в 1986 году, был в «хороших отношениях» с бывшим начальником управления кадров, прошедшим пятнадцатилетнюю подготовку в ЦК генералом Изотовым. За что последний и поплатился.

Поспешно, 22 февраля 1987 г., Ивашутин откомандирован в группу генеральных инспекторов МО СССР, где прослужил до 12 мая 1992 года. Безусловно, Ивашутин ушел с должности с большой обидой в душе... Однако, преодолев самолюбие, в апреле 1997 года организовал и провел научную конференцию руководящего состава ВС РФ. На которой выступил с докладом о состоянии дел в развитии вооруженных сил зарубежных стран, и прежде всего — США и блока НАТО.

Выставить его, всесильного начальника секретной службы, виновником в провалах было нельзя, но таковы суровые законы жанра этой профессии... Если вспомнить его предшественника Серова, то тот был снят с должности с понижением в звании до генерал-майора и исключен из партии.

«Независимые» газеты пытались, но не сумели очернить имя Ивашутина. Он был и остается в истории ГРУ флагманом советской и русской военной разведки, кто бы его и как бы ни пытался оклеветать. Последние годы жизни Петр Иванович провел в Подмосковье на даче, жил так же незаметно, как и работал. 4 июня

2002 года ушел в вечность и похоронен на Троекуровском кладбище. Его имя и светлую память хранят разведчики всех поколений.

Многое связанное с ГРУ постоянно окутано туманом таинственности и, естественно, остается за семью печатями. Даже в названии. Впервые название «Аквариум», прочитанное мной в книге предателя Резуна-Суворова, появилось в 1987 году в Англии. Советские офицеры же разведчики главное здание штаб-квартиры ГРУ называли попроще — «стекляшка».

Наш политотдел спецчастей, где я состоял по штату, находился недалеко от метро Тушино на территории вычислительного центра генштаба. Мне же каждый день приходилось бывать и в главном здании управления на Полежаевской, возле исторического Ходынского поля. Несколько раз в месяц приходилось дежурить в приемной Долина.

Эти дежурства в центральном политотделе давали возможность узнать изнутри сотрудников и систему работы аппарата. Кроме того, ежемесячно Главгур проводил по Москве сборы и конференции с сотрудниками центрального аппарата МО СССР, на которые меня приглашали постоянно... Вскоре появились знакомые в различных отделах и службах. Народ там трудился опытный и доброжелательный. Много было бывших моих коллег по бригаде спецназа. С ними вообще были братские отношения.

В круг ответственности нашего политотдела спецчастей входил десяток частей непосредственного подчинения главному управлению, находящихся в городе и ближнем Подмоскovie. Наиболее крупными из них являлись Главный Центр специальной службы, передающий, приемные центры, курсы офицеров разведки, обслуживающие части...

На курсах в это время учился мой друг Сергей Харламов. В том счастливом году у нас с ним почти одновременно родились сыновья. В декабре мне довелось принимать участие в историческом выпуске Серезиной учебной группы. Мы тогда не могли предполагать, что в следующий раз встретимся через десятилетие в полковничьих погонах, уже после развала великой Родины. Сергей Александрович был исключительно преданным своему делу человеком. Он прекрасно владел языком нашего великого восточного соседа.

После СВУ, КВОКУ, курсов офицеров разведки, военно-дипломатической академии долгие годы служил в стране предназна-

чения, по достоинству был оценен государственными наградами и вышел по карьере на генеральскую должность, но по ряду обстоятельств раньше срока вынужден был уйти в запас.

Моя служба в столичном аппарате оказалась нелегкой. Мало того, что приходилось постоянно много ездить по частям и порой ночевать в служебных кабинетах отдаленных гарнизонов. Работая в составе комиссий, испытывал постоянный дискомфорт от своеволия генералов и начальников. Служба в центральном аппарате имела свои психологические особенности. Одной из главных было то, что в нашем коллективе служило немало людей из категории так называемых «блатных», — детей генералов и других начальников, которые нигде, кроме «Арбатского военного округа» никогда и не служили.

В частности, на подполковничьей должности рядом со мной работал старший лейтенант Виктор Яскевич. Выпускник факультета журналистики Львовского ВВПУ и педфака академии, он приходился сыном генерала Станислава Яскевича, начальника одного из управлений Главпура. Парень был добродушный и очень спокойный своей уверенностью в завтрашнем дне. Его отца все знали и относились к Виктору с приятной долей доброжелательности. Соответственно, и спрос с сотрудников был разный. Простолюдину, каким был я, выпадало и больше работы, и командировок, и в разборах со мной не церемонились. Приходилось писать много отчетных документов, справок.

По сложившейся в политотделе традиции бумаги писались очень тщательно и очень долго. Яскевич, обладая навыками журналистской профессии, в этих делах оказался востребован. Мне же с моим темпераментом противно было корпеть целыми днями над бумагами. Хотя с каждым новым отработанным документом я чувствовал, что растет мой эпистолярный опыт.

В общении с различными людьми рос и житейский кругозор, я узнал очень много нового о жизни вооруженных сил. Росло понимание ответственности за отработку документов, а с появлением новых знаний увеличивались глубина и содержание моих докладов и справок. И тем не менее, мне было тоскливо. Мои сослуживцы Бледных В.М., Бухолдин П.В., Козырев С.А., Мачулин Н.Ф., Нагорный А.А., Нагорный В.А., Ткаченко Ю.В., Яцкевич В.С., буквально проросшие в политотделе, не разделяли моего стремления сменить место службы.

ХОЗЯЙСТВО ФОМИНА

Однако мне очень повезло с начальником, который лично уделял мне много внимания. При этом все беседы и разборы моих работ проходили в обстановке бесед без свидетелей. Полковник Фомин Анатолий Федорович был невысокий, несколько склонный к полноте, энергичный человек, обладающий острейшим умом и живейшим темпераментом. Это был настоящий сгусток энергии. Он постоянно был чем-то недоволен. Но ко мне относился по-отцовски строго и заботливо. О начальнике политотдела я знал, что родившийся в 1925 году, он успел побывать на фронтах Великой Отечественной войны, где за отвагу был награжден тремя орденами Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги». После войны формировал Дальневосточную бригаду спецназа, а затем долгое время служил в ней начальником политотдела в г. Уссурийске. Наверное, этим и объяснялся его неподдельный интерес к строптивому выпускнику академии, отказывающемуся от престижной московской службы и стремящемуся обратно в десант.

Анатолий Федорович, помимо обычного образования сановного политработника, окончил институт иностранных языков. Обладая большой эрудицией, хорошей памятью и определенной смелостью (что являлось редкостью в центральном аппарате), он отлично делал свое дело и пользовался большим уважением у подчиненных и начальников. Им в коллективе были заведены традиции обеденных чаепитий. Ежедневно к часу дня заваривался крепкий чай, и в местной булочной, в складчину, закупались баранки или сушки, чем всегда была богата столица. Начальник не заставлял себя ждать, как правило, был пунктуален, и с его приходом все рассаживались за стол для скромной трапезы. В такой непринужденной обстановке, во время приема пищи обсуждались новости, текущие дела и проблемы, требующие немедленного решения. Если происходили знаменательные события, типа дней рождения, юбилеев, то к чаю подкупались пирожные или торты. Пить спиртное в нашем коллективе не было заведено, хотя официально после рабочего дня и не запрещалось. Да и сам Анатолий Федорович с уважением и любовью относился к крепкой рюмке хорошего коньячка или водочки и не был букой на застольях. Такая демократическая форма общения большого начальника с подчиненными в московских штабах, на мой взгляд, была нечастой.

В дни дежурств, в приемной генерала Долина мне неоднократно приходилось сталкиваться с бывшим командиром бригады полковником Колесником, проходящим в то время службу в 5-м управлении ГРУ, этажом выше. Встречи эти всегда были обоюдно радостными и доброжелательными, и, хотя времени всегда было в обрез, непременно я расспрашивал его о делах в Чирчике. Поскольку Василий Васильевич бывал в кабинете начальника политотдела часто, за этим чувствовалась какая-то ответственная подготовительная работа.

— Василий Васильевич, помогите, не могу вырваться обратно в спецназ, застрял здесь. Нет вакансий для меня?

— Пока нет, жди своего часа.

— А может быть, должность замполита батальона есть? Я согласен с понижением.

— Ты туда не подходишь...

— Что, готовится что-то «за речку»?..

Немногословный Колесник внимательно посмотрел мне в глаза, ничего не ответил, пожал руку и ушел. Но за этим молчаливым долгим взглядом, я понял, скрывается что-то важное...

...Вращаясь в аппарате ГРУ, где все окружение представляло государственные секреты, мы хорошо ориентировались в военно-политической обстановке на различных театрах военных действий. Знали и то, что в Афганистане сложилась очень сложная обстановка. Периодически в разных районах страны происходили мятежи, в ходе которых гибли наши советники и разведчики. Пожалуй, все началось с февраля 1979-го года, когда произошло восстание гератской дивизии, которое стало первым серьезным выступлением оппозиции против правительства. Путч подавили силами батальона «коммандос». Не обошлось без жертв. Два советских советника были убиты — заколоты ножами. В апреле произошел еще один мятеж. На этот раз зачинщиком стала джелалабадская дивизия. Путчисты закололи штыками комдива, но и на сей раз положение быстро восстановил танковый батальон. Происходили и грубые оплошности. В частности, в августе 1979 года в Герате группа неподготовленных военных советников во время богослужения зашла в мечеть, не разувааясь и не снимая головных уборов, чем глубоко оскорбили чувства верующих. Они тут же все были растерзаны толпой религиозных фанатиков.

Короче говоря, Афганистан был у нас на слуху...

...27 декабря в основном здании на Полежаевской состоялась партийная конференция всех управлений ГРУ. Готовили мы ее долго и тщательно, с докладом выступил Ивашутин, с содокладом Долин. Закончили конференцию поздно вечером. Все разошлись. В зале на подведение итогов оставили только политработников. Выступал генерал-лейтенант Г.И. Долин. Заметно было, что он был в добром расположении духа. Во-первых, объявил всем задействованным в подготовке конференции благодарность, а затем произнес слова, которые я запомнил дословно:

— Сегодня в столице одного из государств Азии наши разведчики блестяще выполнили поставленную им боевую задачу. Отработано все отлично. Американцы не знают об этом до сих пор. Куда нас занесет колесница истории, покажет время, но Восток надо держать в своих руках. Эта зона стратегических интересов СССР.

— Запомните этот день. Я думаю, судьба многих будет переплетена с этим событием.

Как оказался прав в своих прогнозах Долин! Вернувшись со службы, домой, мы прилипли к радиоприемникам, прослушивая последние известия из Вашингтона. Но эфир молчал. Не было сообщений об Афганистане и на другой день. Только 29 декабря американские репортеры сообщили о высадке десантников Витебской дивизии в Кабуле. О первых убитых советских людях и о перевороте, совершенном против Амина бывшим послом в Чехословакии Бабраком Кармалем.

Из наших средств массовой информации на эти события откликнулась только газета «Правда». В предновогодних номерах можно было прочесть маленькие заметки, в которых со ссылкой на кабульское радио сообщалось, что правительство Афганистана обратилось к СССР с просьбой о предоставлении военной помощи, которая удовлетворена, что президент Амин, агент ЦРУ, по приговору революционного суда казнен. Что все это совершили патристические силы страны.

В собственном комментарии «Правды», подписанном неким А.Петровым, с гневом опровергались вымыслы о причастности советского военного персонала к событиям в Афганистане. Другой информации советские люди не имели и по традиции тех лет всему верили. Потом появились первые слухи о том, что все было совсем не так. Пройдет полгода, прежде чем я узнаю, что мой бывший

командир полковник В.В. Колесник был в самом эпицентре тех событий.

...После новогодних праздников я в очередной раз обратился с рапортом к Фомину о переводе меня в одну из частей спецназначения. Подтолкнули меня на это кадровики политотдела ГРУ, которые по секрету шепнули мне, что в Уссурийске в политотделе бригады освобождается должность заместителя. Разузнав фамилии командира и начпо бригады, я решил не отступать. Неожиданно разговор с Анатолием Федоровичем пошел в мирном тоне. Он не кричал, не топал ногами, как иногда это делал в минуты несогласия, а спокойно, душевно и рассудительно со мной поговорил:

— Ты хочешь в войска?

— Да.

— Куда и на какую должность?

— Я знаю, что в дальневосточной бригаде освободилась должность замначпо.

— Да, освободилась. Но я тебе, если ты настаиваешь, предлагаю должность начальника политотдела нашей части. В том же Приморском крае.

— Я бы хотел в спецназ.

— Спецназ от тебя, Олег, никуда не уйдет. А лучше быть первым человеком в гальской деревушке, чем последним в Риме.

— Хорошо, я подумаю.

— Даю тебе времени четыре часа, позвонишь мне в 21.00.

Я позвонил своему начальнику точно в указанное время и дал согласие.

На другой день, после обеденного чаепития, Фомин вызвал меня к себе и поздравил с назначением на должность. К этому времени уже был подписан приказ начальника Главпура. Так, в неполные тридцать лет, в звании капитана я стал начальником политотдела — заместителем командира войсковой части 51430. В этот же день, изменив все свои послеобеденные планы, Фомин под запись инструктировал меня о предстоящей работе в системе 6 управления ГРУ, осуществляющего глобальную радиоэлектронную и космическую разведку. В оперативном подчинении которого находились центры, бригады, полки и дивизионы радиотехнической разведки. Во время инструктажа Анатолий Федорович обратил внимание на особенности боевого предназначения моей будущей части, на специфику работы начальника политотдела с оперативным составом.

вом, инженерами, командирами подразделений и членами семей военнослужащих. Подробно поделился собственным опытом жизни и службы в Дальневосточном регионе.

...На следующий день на электричке я убыл в Подмоскowie, в войсковую часть 51428, представляться своему новому командиру — начальнику Главного Центра специальной службы (ГЦСС) генерал-майору С.И. Терновому и к его заместителю по политической части полковнику Боневу С.В. Мне по долгу службы уже приходилось бывать в этой части, и я их обоих хорошо знал. Командир встретил меня как старого знакомого. Принадлежа к когорте фронтовиков, прошедших большой армейский путь, он даже в повседневности говорил менторским тоном, часто переходящим на старческую ворчливость. О нем было известно, что прошел войну. В 1949 стал лейтенантом. Шесть лет командовал батальоном. Девять лет полком. За пять лет командования 151-м отдельным радиотехническим полком в Торгау (ГСВГ), окончательно сложился как отец-командир. Не одно поколение военнослужащих получило от него боевую и нравственно-политическую выучку, о которой они вспоминают с улыбкой и благодарностью. Девять лет довелось командовать системой «Звезда». Впоследствии для меня он был не просто требовательным командиром и генералом, а учителем — по своей нравственной сути и качествам руководителя. Степан Иванович свою беседу со мной построил как объявление приказа солдату на плацу.

— Кто пишет аттестацию офицеру? — задал он мне неожиданный вопрос.

— Командир или непосредственный начальник, — ответил я.

— Неправильно, — поморщился он, — аттестацию себе офицер пишет сам, и только вывод в аттестации делает командир Главное, товарищ капитан: соблюдение уставов, работа с офицерским составом, работа с семьями военнослужащих. Запомните: офицер должен быть образцом во всем! Внушайте, что каждый из нас объединяет в себе три качества — командира, начальника и воспитателя.

Обратите внимание на свою специальную подготовку. Часть интересная, и дилетантом быть нельзя. Потеряете авторитет. Главное дело вашей части — эффективная оперативная работа, все должно быть подчинено ей... По мнению специалистов, 95 процентов разведывательной информации добывает техническая разведка. Ваш коллектив обеспечивает разведку мероприятий потенциальных про-

тивников по возможной подготовке к нападению на СССР. А оперативная работа начинается с подворотничка. Свообразием яковлевской части являются следующие обстоятельства:

Первое. Подчинение лично начальнику штаба округа через начальника разведуправления округа. Там сейчас хороший начальник разведки генерал-майор Кузовенко В.Ф.

Второе. Весь оперативно-технический состав части, а также должность командира технического батальона относятся к номенклатуре ГРУ. Все остальные — номенклатура округа. И по ним все кадровые вопросы решайте с командиром вдвоем самостоятельно в Хабаровске, помощи от нас не просите. Это ваши проблемы.

— Часть продолжает строиться, и вам вместе с командиром необходимо жестко отслеживать выполнение плана строительства объектов. Но присутствие солдат-строителей оказывает отрицательное воздействие на наших солдат. В этом году штат вашей части увеличен по солдатам на сто человек, по офицерам на сорок. Со всеми надо работать! По командному составу: командир части на хорошем счету в ГРУ. Ваша часть считается лучшей среди разведчастей в ДВО. Операторы вышли в лидеры системы. Так как наращивают показатели, если в 1977 году полк дал две ценных оценки и 13 представляющих интерес, то в 1978 — три ценных и 22 «ПИ». В прошедшем году заметен прогресс восемь ценных и 18 «ПИ», а также впервые дали две «особой важности». Это очень хорошо, и вы как начпо должны способствовать росту профессионализма операторов. Сумейте с первых дней поставить себя перед командиром и личным составом. Ваш авторитет вы делаете сами. В техническом батальоне: вакант офицеров составляет 6 человек, мы постараемся покрыть его в этом году за счет выпускников Череповецкого училища радиоэлектроники. Что советую. После приема должности соберите весь личный состав срочной службы и расскажите о себе. Отдельно представьтесь офицерам и прапорщикам. Обязательно соберите на четвертой площадке жен офицеров и прапорщиков и побеседуйте по проблемам жизни и быта. Возьмитесь за наиболее болезненные и проблемные вопросы и постарайтесь последовательно их решать. Особый вопрос — работа с магазином военторга, но не вмешивайся в деятельность лавочной комиссии. Пусть это будет в руках общественности. Обязательно познакомься с местными руководителями советской власти, — неожиданно он перешел на доверительное «ты». — Добивайся дисциплины в семьях. Мы все

на виду и далеко не ангелы. Все мы хороши, когда спим, а как только просыпаемся — всего жди от нас. Осторожнее с набором прапорщиков из местных жителей. По докладам о происшествиях обязательно докладывай, что сделал по устранению и что думаешь делать в будущем. Расстояние от Москвы до Хабаровска составляет 8531 км, до Владивостока — 9300 км. Как поедешь? Советую — летите самолетом на Хабаровск. По ходу зайдешь сразу в штаб округа и представишься всем начальникам. Желаю успехов! — он крепко пожал мне руку.

Полковник Бонев, в отличие от командира, беседовал со мной сердечно и доброжелательно, поскольку нас с ним объединяло десантное прошлое. Станислав Васильевич был десантником с курсантской поры. Он окончил первое в СССР Алма-Атинское воздушно-десантное училище, впоследствии переведенное в центр России и ставшее широко известным как Рязанское дважды Краснознаменное высшее воздушно-десантное командное училище. Всю армейскую службу прошел в парашютных частях ВДВ и в войсках спецназа ГРУ. Без отрыва от службы заочно учился и закончил педагогический институт и военно-политическую академию имени В.И.Ленина. Из провинциальной вильяндийской бригады (Эстонской ССР) как один из лучших политработников разведчастей Бонев был назначен на московский пост — заместителем начальника ГЦСС по политчасти. Станислав Васильевич был человеком среднего роста, крепкой кости и отличного физического развития. По характеру простодушным и прямолинейным, по темпераменту холериком, какими в большинстве своем обычно и бывают десантники. С особым шиком и любовью носил военную форму. Парашютный значок на его кителе всегда был надраен до блеска. По его стопам пошел сын, хороший спортсмен-каратист, после Киевского общевойскового училища служивший в спецчастях ВДВ в Подмоскovie в Медвежьих Озерах. В лице полковника Бонева я имел верного и надежного старшего друга и доброжелательного начальника. Он относился ко мне настолько трогательно тепло и сердечно, что у многих на Дальнем Востоке бытовало мнение, что он является близким родственником моей жены.

— Олег, на что обратить внимание в первую очередь?! Ты должен отлично знать офицеров, работающих на КП, в оперативном отделе и несущих боевое дежурство. А также особо работать с солдатами и офицерами, имеющими прямое соприкосновение с про-

тивником. Вести упреждающую спецпропаганду и соответствующие инструктажи. В идеологической работе — не забывать о коллективном и индивидуальном воздействии на военнослужащих, и учете специфики расслоения офицеров на переводчиков, инженерно-технический состав, младших специалистов, солдат. Самому хорошо знать театр военных действий, изучить космическую обстановку в зоне, — все это должно обязательно учитываться и отражаться в планах проводимой партийно-политической работы. Учитывая большое движение офицерских кадров (до 30% в год) не упускать изучение индивидуальных морально-политических качеств не только офицеров, но и их жен. Особое внимание уделяйте вопросам политической бдительности. В связи с увеличением в этом году численности части у вас возникнут проблемы с организацией питания. Имеющаяся столовая мала, в варочном цехе всего три бака по сто пятьдесят литров. Вентиляция не работает. Это тебя должно волновать. В части нет спортзала и клуба. Требуется обновления наглядная агитация в подразделениях. А на территории технической зоны ее вообще нет. Так что едешь на большую и сложную работу. Я дал команду заказать вам билеты на рейс 53, вылетающий из Домодедово в Хабаровск в 10.25. Время в полете на самолете типа Ил-62 — восемь часов. Стоимость билета — 128 рублей, а купейный железнодорожный билет в скором поезде стоит 72 рубля. Но куда же вам, с малым ребенком-то, на поезде шесть суток трястись.

— Спасибо, Станислав Васильевич, за отеческую заботу. До свидания!

— Успехов тебе, Олечка, до свидания! Привет Галине!

Вот так меня провожала столица нашей родины в далекие края. К этому времени в Москве моих сокурсников уже не было, и отправлять контейнер с вещами нам помогли соседи — семья Ефимовых. Вера Павловна и Юрий Алексеевич не могли нас понять и от души сокрушались,

— Как это уезжать в неизвестные края, когда за окном 30 градусов мороза. Вы сумасшедшие, — говорили они нам, — подумайте о детях.

— Есть такая профессия — Родину защищать! — отшутились мы со смехом. Хотя на душе и у меня, и у Галины было очень тревожно...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

И ОСТАНЕТСЯ, КАК В СКАЗКЕ... «ЗВЕЗДА»

*Иду вперед,
Волнуюсь и тревожась
За все, что ни увижу пред собой.
Есть в судьбах леса маленькая схожесть
С большою
Человеческой судьбой.*

Василий ФЕДОРОВ.

Итак, в морозном январе 1980 года я прибыл к новому месту службы в Приморский край. Служба на Дальнем Востоке осталась особенно памятной, яркой и славной страницей биографии. Здесь было чем гордиться и чем восхищаться. Дальневосточный Военный округ огромен и расположен в четырех часовых поясах. Его площадь составляет свыше 3-х миллионов квадратных километров (превышает площадь Европы) или седьмую часть всего тогдашнего СССР. В его состав входили шесть административных единиц — Приморский, Хабаровский края, Амурская, Камчатская, Магаданская, Сахалинская области. И на всем Дальнем Востоке проживает в два раза меньше жителей, чем в Москве.

В героическую летопись освоения этой земли вписано немало ярких страниц. Слава края восходит в далекое историческое прошлое, в те времена, когда землепроходцы начали свой путь «встречь солнцу». Начало освоению восточных земель положил отряд под командой Ермака, который в 1581 году перешел через Уральский хребет. Одним из первых достиг Охотского моря отряд Ивана Москвитина. Затем были Василий Поярков, Семен Дежнев, Еро-

фей Хабаров. На тот период здесь проживали только аборигены — нанайцы, удэгейцы, нивхи, эвены. Их звали голыцы.

В 1856 г. в связи с присоединением к России Приамурья из приморских частей Восточной Сибири России была образована Приморская область. Через четыре года к ней присоединен новоприобретенный по Пекинскому договору Уссурийский край, включающий в себя земли между Амуром, Усури и Японским морем. В 1871 году Владивосток учрежден в качестве главного порта на Тихом океане, и ему придан статус административного центра. В 1889 в составе области образован округ Уссурийского казачьего войска, состоящий из четырех станичных округов. В начале двадцатого века Приморский край осваивали славяне (в основном русские и украинцы) из западных районов империи.

После революции в 1926 году область преобразована в край из четырех округов, и Яковлевка попала во Владивостокский округ. В советское время край и район пережили полосу многочисленных преобразований, но к 1965 году Яковлевский район опять восстановился и таким существует на административной карте России и в двадцать первом веке...

Наш путь лежал в этот таежный Приморский край, расположенный в самом дальнем юго-восточном уголке великой России и получивший свое название за вытянутое размещение вдоль побережья Японского моря. Центральную и восточную часть края занимают горы Сихотэ-Алинь с высотой вершин 1900 метров. Благодаря близкому морю климат в Приморье умеренно-муссонный, а в тайге холодный зимой и богатый осадками летом.

В дороге с нами оказался попутчик — представитель главного центра специальной службы полковник Иванов Н.Н., которого направили в командировку в Яковлевку. Мужик он оказался простой и душевный. И, несмотря на некоторую полноту, очень подвижный и энергичный. Мы подружились и вскоре перестали обращать внимание на его погоны большого начальника, так как он сам проявлял инициативу и как невольный помощник в бытовых проблемах во время длительного перелета и переезда, и как советчик в служебных делах. Он поменял свое место в начале салона и сидел весь перелет рядом с нами. О многом успели переговорить.

— Вам часто приходится летать на Дальний Восток? — спросил я Николая Николаевича. И он как будто ожидал этого вопроса, расплылся в улыбке и подробно стал рассказывать:

— Я с января 1971 года курирую яковлевскую часть по линии главного инженера ГЦСС. Она построена под моим контролем, не побоюсь этого слова, при моем личном участии. За что и полковника получил досрочно. Летать приходится каждые три месяца. В общей сложности ежегодно по полгода провожу в командировке.

— А что там за коллектив? Какие условия жизни? — задал я главные для меня вопросы...

— Несмотря на сравнительно небольшую историю, в полку второй комплект командного состава, — ответил Иванов, — первыми были подполковники Кивров (командир), Барашев (главный инженер), Лежнин (замполит), майоры Ерошов (начальник штаба), Овчинников (начальник отдела), Чудник (начальник отдела), которые практически в глухой тайге начали формирование основных подразделений будущей части и руководили строительством объектов на четырех строительных площадках одновременно. Для строительства полку был придан отряд военных строителей, который круглосуточно строил казармы части, штаб, технические здания, склады, автопарк, жилой городок с современными пятиэтажными кирпичными зданиями, детского сада, котельных, караульного помещения, а также двух юстировочных вышек для проверки аппаратуры и многое многое другое. Зато через девять лет, сейчас мы имеем для жизни все необходимое: и центральное отопление, и холодное водоснабжение, и свою электростанцию. Офицеры с семьями моются в сельской общественной бане, а для личного состава построили помывочный комплекс в складском помещении в городке штаба.

— Мне сказал Терновой, что командный состав недавно почистили? Что стало причиной смены? — задал я каверзный вопрос полковнику. Он не стал вилять, а прямодушно рассказал:

— Не то что почистили, главного инженера, например, забрали в главный центр, а заменили командира и замполита. О командире вам еще расскажут много легенд и небывлиц. Но свою задачу, определенную командованием ГРУ, Кивров выполнил успешно, хотя и говаривали, — что и анархист, и пьяница, и распутник, прости меня господа, чего не знаю — говорить не буду. Свечку не держал... Командиру досталось тяжелое время, но он был крепко сколоченным мужиком с недюжинными организаторскими способностями и медвежьим здоровьем. Не обладая тонким умом аналитика или эстета, он мог на пулеметы отправлять подчиненных, которые работали с ним не за совесть, а за страх. Мало находилось

храбрецов, решавшихся не выполнить его приказ. Несмотря на то, что сам круглые сутки находился подшофе, он не терпел недисциплинированности и мог запросто в морду дать любому независимо от личности и должности: мог и начальнику УНР, и командиру роты охраны, и строителю. Для него авторитетов не было. А потом произошло несколько ЧП с трупами, что ко всем жалобам, поступившим на командира, и переполнило чашу терпения... За это его и замполита сняли. Но им как раз возраст вышел, так что обоих отправили на дембель.

Забегая вперед, скажу, что впоследствии мне довелось встретиться с первым замполитом части подполковником Лежниным, который к тому времени обустроился в городе Арсеньеве. Арнольд Николаевич понравился мне серьезностью взглядов на жизнь и самостоятельностью поступков. Во время нашей беседы он слова плохого не сказал про Киврова. И я понял, что замполит Лежнин был неким противовесом для неуправляемого и непредсказуемого командира. Немного было таких замполитов. Поэтому к его словам можно было прислушиваться и верить: «Командир был на месте. Его присутствие в части было оправданно. Жаль, что его многолетний каторжный труд не был отмечен правительственной наградой. А он ее заслужил. Но почему-то из всего командного состава, создававшего часть, награжден оказался только один — начальник штаба, и тут наверняка можно найти какую-то неизвестную мне интрижку». Очень осторожное умозаключение сделал комиссар, и показался мне порядочным и ответственным человеком...

Итак, вернемся к нашему путешествию. Без сожаления попрощавшись со студеным московским аэродромом, через восемь часов полета мы благополучно приземлились в не менее промерзшем краевом центре — Хабаровске. По предложению полковника Иванова от сорокаградусных морозов мы спрятали Галину с детьми на квартире его друга, военного летчика Ерешко Владимира Савельевича, что проживал вблизи аэродрома на останковке Портовая в доме офицерского состава. А мы с Ивановым уехали на улицу Серышева и в течение дня благополучно обходили кабинеты штаба округа, представляясь в разведуправлении генерал-майору Кузовенко Владимиру Федоровичу, его заместителям полковникам Погодаеву Ивану Николаевичу и Булавину Алексею Антоновичу и руководителям политуправления округа, решая по ходу вопросы дальнейшей службы.

Вечером, выпив на посошок с хозяевами спиртика с лимонником и закусив, вечерним поездом Хабаровск — Владивосток продолжили путь на восток.

Во второй половине ночи наш состав остановился у небольшого засыпанного снегом двухэтажного вокзала станции Спасска-Дальнего, того самого, что прославлен в революционном песенном творчестве: «И останутся как в сказке, как манящие огни, штурмовые ночи Спасска, Волочаевские дни...». В полуосвещенных вагонных окнах замелькали сонные лица, и, к нашей радости, на привокзальную платформу следом за нами из вагонов уходящего дальше поезда вышли еще несколько семей военнослужащих Яковлевского гарнизона с детьми, возвращавшихся из отпуска. Они, узнав статного военного в папахе, подошли поприветствовать его:

— Здравия желаем, товарищ полковник! Вы опять к нам в командировку?

Состоялось и наше знакомство. Из-за облаков выплыла луна, мертво освещая сонный городок. Казалось, она улыбалась нашему приезду. К этому времени на площадь подкатил автомобиль КАВз серого цвета, принадлежавший нашей воинской части, и мы заняли места в салоне. Пригелись, прижавшись друг к другу, и вскоре в автобусе стало уютно и более-менее тепло. Первые разговоры прошли, и народ задремал. Через полузамерзшее лобовое стекло в свете фар автобуса просматривались метровые сугробы, придавленные снегом ветви деревьев вдоль дороги и сочная морозная темнота. Через несколько часов такой езды деревья расступились, и впереди появились редкие огоньки районного центра.

— Вот и Яковлевка начинается! — пояснил мне старший машины.

Конечной точкой нашего трехсуточного пути длиной в восемь тысяч километров стало офицерское общежитие. Наше путешествие закончилось, и автобус, мягко поскрипывая снегом, въехал в жилой городок части на окраине села. Он представлял из себя небольшой современный микрорайон, состоящий из 4-х пятиэтажных домов, двухэтажного здания детского сада, одноэтажного здания магазина, столовой и котельной. В последнем по порядку доме располагались гостиница и общежитие. В одну из комнат на втором этаже и разместили нашу семью. В номере было, мягко говоря, довольно прохладно, и потому мы первым делом хорошо укутали засыпавшую на ходу Машу. Сына уложили спать рядом с собой, на придвинутое к

кровати кресло. Следует отметить, что наши малолетние дети достойно справились с трудностями длительного переезда — ни жалоб, ни истерик, ни воплей и слез не было. В том году Марии отметили шесть лет, а Гошке всего исполнилось шесть месяцев.

С рассветом осмотрели небогатый пейзаж типичной дальневосточной деревушки, лежащей на плоскогорье, окруженном сопками. Адаптация к новым условиям далась нелегко. Во-первых, было достаточно холодно, отчего в комнате общежития, где стояла допотопная круглая электроплитка, на которой готовили еду, одновременно служила и нагревателем, но справлялась с этим недостаточно. Во-вторых, как и всюду, ощущался дефицит продуктов питания. Первое время семья испытывала немалые бытовые трудности, особенно в связи с тем, что не было главных молочных продуктов, так необходимых малому ребенку. После нелегкой дороги и нервных переживаний у Галюси окончательно пропало грудное молоко. Но рынка в деревне не было, а в магазинах ассортимент был типичным для всей Руси. Местные жители питались с приусадебного участка, и картофель, овощи, консервацию, заготовленную за сезон и хранящуюся в погребах, продавать здесь было не принято. На прилавках единственного военоторгового магазина продукты появлялись дважды в неделю в дни завозов и были строго дозированными товаром, что распределялся комиссией общественного контроля. Детского же ассортимента при поставках продуктов никто не предусматривал.

В этой холодной холостяцкой гостинице гарнизона мы прожили первое время, пока не освободил служебную квартиру мой предшественник майор Горев, уезжавший в Венспилс. В отличие от Чирчика, здесь мы долго чувствовали себя одиноко. Особенно тяжело пришлось Галине, потому что меня с первых минут захлестнула служба в части, и все заботы по выживанию лежали на ней. Усугубляло ситуацию отсутствие централизованного газообеспечения, а электроплит в магазинах не было. По случаю мне удалось купить подержанную газовую плиту на две горелки и баллон, который заряжал на газовой станции района. Сейчас, вспоминая то время, с удивлением думаю: «Как ей удавалось кормить детей? Где она находила продукты? Сколько слез пролила, когда полоскала белье в ледяной воде, поступавшей из глубокой артезианской скважины. Это знает только она — мужественный мой друг! Со временем пришло многое, но то начало было очень трудным...

ИЗ ИСТОРИИ РАДИОРАЗВЕДКИ

Часть, в которую я приехал на должность начальника политотдела — заместителя командира по политчасти, была полком стратегической разведки ГРУ — основной тактической и административно-хозяйственной единицей в вооруженных силах. Нашей части пришлось продолжать боевую историю полков в рядах Советской Армии в конце двадцатого века. Полк предназначался для выполнения боевых разведывательных задач самостоятельно в зоне своей ответственности. На тот момент он состоял из управления, штаба, политотдела, девяти основных подразделений, подразделений боевого обеспечения и тыла.

Все, что было связано с этой частью, в тот период являлось глубокой тайной, не зря ее спрятали в уссурийской глубинке. И наименование она носила в форме сложнейшей аббревиатуры. До сих пор не рискую произносить ее вслух. Хотя сейчас другие времена — гласность и доступность, позволяют узнавать самые таинственные вещи со страниц книг, экранов телевизора, мировой паутины — интернета. Я был крайне удивлен, обнаружив в книге А.Колпакиди и Д.Прохорова «Империя ГРУ», г. Москва, Олма-Пресс, 2000 г., на страницах 82 — 89 данные, о которых в наше время в разведке говорили только в узком кругу проверенных людей. Потому опираясь на сведения, давно хорошо известные нашему супостату по ряду публикаций и тем самым давно разрешенные военной цензурой, в качестве вступления хотел бы отметить, что радиоразведка как служба с определенной организационной структурой формировалась в течение всего XX-го столетия. Период её зарождения и исторического становления я бы разбил на несколько основных этапов:

- Русско-японская война (1904 — 1905 гг.);
- Первая мировая война (1914 — 1917 гг.);
- Гражданская война (1918 — 1921 гг.);
- Предвоенный и военный период (1930 — 1945 гг.);
- Послевоенное перевооружение (1945 — 1963 гг.);
- Период военного противостояния «холодной войны» (1963 — 1992 гг.).

Официальной датой рождения русской радиоразведки считается 7 марта 1904 года, когда вице-адмирал С.О.Макаров подписал приказ по Тихоокеанскому флоту о ведении радиоперехвата и

пеленгации неприятельских радиостанций. Наибольшее развитие радиоразведка получила на Балтфлоте, защищавшем Прибалтику и подходы к Петрограду. Первым учебным заведением осуществляющим подготовку специалистов радиоразведчиков стала Петроградская электротехническая школа. В сентябре 1916 года на Северном, Западном, Юго-Западном фронтах русскими разведчиками было сформировано 9 радиостанций особого назначения (ОСНАЗ), предназначенных для шифроперехвата. 13 ноября 1918 года в составе Регистрационного управления было создано первое подразделение радиоразведки — приемно-контрольная станция в Серпухове, начальником которой являлся Х.Иванов. А в 30-е годы радиоразведка обрела самостоятельность — ее подразделения вывели из частей связи и передали в разведывательное Управление штаба РККА, где организовали отдел радиоразведки. Отдел руководил отдельными дивизионами особого назначения (ОРД ОСНАЗ), которые в годы Великой Отечественной войны стали основной организационной единицей радиоразведки. Общая численность радиоразведчиков накануне войны составила 3200 человек. Промышленность выполнила заказ РУ по изготовлению аппаратуры для радиоразведки — пеленгаторы 51ПА-1, 55ПК-3 и приемники 45ПС-1, «Чайка», СВ, КВ. Дивизионы ОСНАЗ увеличили число радиоразведчиков в приемных центрах и радиопунктах, увеличили количество средств радиосвязи, ввели спецгруппы подслушивания по проводам, для обработки шифротелеграмм ввели отделения дешифрования.

Радиоразведку на фронте борьбы с фашистской Германией вели центральная радиостанция, семь отдельных радиостанций и 15 отдельных радиодивизионов ОСНАЗ. В ходе боевых действий радиоразведка завоевала признание как мощное разведывательное средство, способное решать большие и сложные задачи. Нередко ее данные оказывались единственными и являлись основой для принятия решений. Так, в ноябре 1941 года радиоразведка Западного фронта подтвердила почти все немецкие дивизии и полностью вскрыла их группировку. Одновременно была вскрыта переброска 4-й танковой армии с ленинградского направления на московское. Радиоразведка Брянского фронта полностью вскрыла боевой состав и оперативное построение немцев, готовивших удар на Тулу. К началу наступления наших войск под Сталинградом радиоразведкой была вскрыта вся группировка немецко-фашистских войск в полосе действий Сталинградского и Юго-Западного фронтов. Была разведана

аэродромная сеть, установлено количество самолетов на каждом аэродроме, маршруты полетов бомбардировочной, транспортной и разведывательной авиации, переброска авиации на сталинградское направление. С началом контрнаступления радиоразведка добыла большой объем разносторонней информации о противнике: о перемещении штабов и пунктов управления, положении с продовольствием и боеприпасами, потерях и моральном духе солдат и офицеров.

Во взаимодействии с воздушными армиями фронтов радиочасти ОСНАЗ принимали участие в наведении истребителей на транспортные самолеты, подвозившие окруженным войскам военные грузы и продовольствие. За отличное выполнение заданий командования 561 и 394 орд в марте 1943 г. были награждены орденами Красного Знамени. В битве под Курском радиоразведчикам удалось установить уплотнение боевых порядков дивизий первого эшелона и переброску на орловское направление штаба 9 армии немцев из-под Ржева. В ходе сражения данные разведки ОСНАЗ в отдельных случаях имели решающее значение. Например, по их данным было принято решение о нанесении мощного удара по выдвигающимся с обоянского направления танковым дивизиям СС «Великая Германия», «Мертвая голова», «Адольф Гитлер» и механизированной дивизии СС «Викинг». В случае по перехвату сообщений от самолета-разведчика немцев, обнаружившего в районе Прохоровки 600 наших танков, была своевременно поднята в воздух авиация фронта, которая, встретив бомбардировщики противника, часть их уничтожила, другую часть рассеяла.

Немецкое командование, высоко оценивая эффективность нашей разведки, во второй половине 1943 года провело ряд мер, направленных на повышение скрытого управления войсками, введения радиодисциплины и резкого сокращения использования радиосвязи. В этом отношении небезынтересна выдержка, взятая из «Памятки для войсковых офицеров связи», вышедшей в 1943 г.:

«За время войны радиоразведка русских настолько усовершенствовалась, что можно с уверенностью сказать, что она всю радиосвязь, которую технически прослушивала, перехватывает и обрабатывает. Наибольшее количество разведывательных данных и важнейшие из них в настоящее время дает русскому командованию радиоразведка».

Несмотря на усложнение возможностей радиоразведки после

введения ограничений связи в немецкой армии, она продолжала выполнять поставленные задачи. В 1944 г., после прорыва войсками Ленинградского фронта немецкой обороны на р. Нарва, радиоразведка оказалась единственным средством, позволившим командованию фронтом установить направление отхода главных сил фашистов. В Берлинской операции, несмотря на ограниченное использование радиосредств, радиоразведка к началу наступления сумела установить систему управления 9-й немецкой армии, ее связь со ставкой и с соседями, расположение армейских, корпусных и дивизионных штабов. С началом наступления она своевременно уточняла прибытие новых частей, рубежи отхода, перегруппировку, обеспеченность боеприпасами, и другие вопросы боевой деятельности противника. В конце войны радиоразведку вели: одна отдельная бригада ОСНАЗ, один отдельный радиополк ОСНАЗ, 24 отдельных радиодивизиона ОСНАЗ, четыре отдельных радиодивизиона СПЕЦНАЗ и 55 армейских групп ближней разведки средствами связи, входивших в состав армейских полков связи. Изменилось техническое вооружение частей, поступили «Штопор» и модернизированные 51ПА-42, ПКВ-43, КВэк, СВэк и др. Около 3000 радиоразведчиков были удостоены правительственных наград. Девять радиочастей ОСНАЗ были награждены боевыми орденами, а шесть, кроме того, получили почетные наименования. Всю войну крупная группировка из 10 отдельных радиодивизионов была развернута на Дальнем Востоке вдоль государственной границы от Забайкалья до юга Приморья. Здесь осназовцы добыли ценные данные, в частности, отметили и подтвердили 267 соединений и частей японской армии в Маньчжурии и Корее, противостоящие СССР.

После окончания войны сфера деятельности радиоразведки значительно увеличилась — ее начали вести не только с суши, но также с моря и с воздуха. В бытность начальником ГРУ М.Захарова радиодивизионы осназ объединились в бригадные структуры. А при С.Штеменко в ГРУ стали проводить активные научно-исследовательские работы по поиску путей доступа к источникам, пользующимся УКВ и СВЧ диапазонами. В конце 50-х, начале 60-х годов прошлого столетия, околоземной космос стал стремительно «наполняться» искусственными спутниками Земли (ИСЗ), а затем и космическими кораблями (КК). Темпы наращивания космической группировки двух сверхдержав, поставили приоритетную

задачу создания системы, способной контролировать и инвентаризировать космическое пространство, а так же распознавать типы и технические задачи космических спутников потенциального противника. Работы по созданию такой системы, практический одновременно были начаты в США в виде системы «Спадатс», (Space Detection and Tracking System — Система космического обнаружения и слежения), и в Советском Союзе в виде Системы контроля космического пространства (СККП). В начале 1960 года, на базе созданного 4-го Специального Вычислительного Центра (СВЦ 4МО), который возглавил полковник И.М. Пенчуков (в будущем доктор технических наук, профессор, генерал-лейтенант), начались работы по разработке математического аппарата такой системы.

Вскоре стало ясно, теоретические разработки советских ученых, давали техническое обоснование возможности перехвата телеметрических данных и каналов связи с вражеских спутников. Отправной точкой создания системы СККП, стало постановление Совета министров от 15 ноября 1962 г. «О создании отечественной службы контроля космического пространства».

В связи с очевидным расширением фронта исследовательских работ по космической тематике и возникновением новых возможностей, по инициативе профессора А.Л. Горелика, было организовано обсуждение проблемы создания специализированной Системы радиотехнической разведки иностранных ИСЗ. В обсуждении проблемы, приняли участие представители ГРУ ГШ и КГБ СССР, завершившееся Правительственным постановлением о разработке системы «Звезда», реализация которой, должна была проходить в две очереди.

Первая и вторая очереди Системы, получившие шифры «Звезда» и «Звезда-А» были созданы совместными усилиями промышленных предприятий (НИИ-20 Минрадиопрома г. Ростов, ОКБ МЭИ, возглавлявшегося тогда академиком Алексеем Федоровичем Богомоловым), а также соответствующими управлениями ГРУ ГШ, КГБ и 4 ГУМО. В ГРУ этим занималось 6-е управление. Оно включало в себя четыре отдела: радиоразведки, радиотехнической разведки, отдел технического обеспечения, отдел слежения. Среди тех, кто руководил этими работами, первыми по-праву называют П.Костина, В. Кострюкова, Е. Колокова, П.Шмырева, С.Тернового и других. При непосредственном участии и поддержке начальника ГРУ П.Ивашутина реализовывались крупные комплексные про-

граммы развития перспективных направлений радиоразведки — наземной, морской, воздушной и космической.

Интересно о противостоянии двух систем и развитии средств разведки в условиях холодной войны написал в своей книге «Сквозь призму прожитых лет. Вспоминают ветераны. Дела и люди 45-го СНИИ МО СССР» доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник промышленности вооружений, действительный член Международной академии информатизации, почетный член Академии космонавтики им. К.Э. Циолковского полковник Александр Леопольдович Горелик. Автор с 1961 — 1978 гг. возглавлял отдел в этом НИИ. Приведу некоторые цитаты из его воспоминаний, дающие представление о масштабности проектов.

«В связи с появлением на вооружении вероятного противника баллистических ракет, — писал Горелик, — в нашей стране начали разрабатываться грандиозные комплексы противоракетной обороны (ПРО), противокосмической обороны (ПКО) и средств раннего предупреждения о ракетном нападении (СПРН). Вырисовывалась необходимость создания специальной, достаточно крупной военной научной организации, способной решить все множество проблем, связанных с виртуальным проведением испытаний сложных технических систем ПРО, ПКО и СПРН. Первыми над их решением задумались офицеры 4-го Главного Управления МО СССР (4 ГУМО), потому, что именно оно являлось заказчиком названных систем. Более того, офицеры этого управления, при поддержке руководства Войск ПВО страны, приняли деятельное участие в создании организации специального военного института, призванного решать глобальную проблему — организацию виртуальных испытаний систем ПРО, ПКО и СПРН. Идею создания специального института поддержали Белоцерковский Б.Е., дтн Бусленко Н.П., Анютин В.Н., генералы Легасов Г.С., Мымрин М.Г., Ненашев М.И., Трусов К.А., Червяков Н.Ф., начальник 4-го ГУМО легендарный Герой Советского Союза генерал-полковник авиации Георгий Филиппович Байдуков и, конечно же, зам.Главкома Войск ПВО страны по вооружению маршал артиллерии Павел Николаевич Кулешов. Вопрос о создании нового института был включен в проект одного из постановлений ЦК КПСС и СМ СССР по ПРО (1959). После его выхода издана директива Генерального штаба за

подписью Маршала Советского Союза Захарова М.В. — так родился славный 45-й Специальный научно-исследовательский институт МО СССР (45-й СНИИ МО). Из университетов Москвы, Ленинграда, Воронежа были отобраны лучшие выпускники математических факультетов женщины для работы в институте.

В начале 1960 г. в Москву прибыл начальник института «настоящий полковник» Иван Макарович Пенчуков, впоследствии генерал-лейтенант, занимавший до этого должность главного инженера крупнейшего полигона страны Капустин Яр. Институту несказанно повезло с начальником, занимавшим эту должность почти двадцать лет. Прежде всего, Пенчуков — блестящий организатор, сумевший создать два превосходных научно-исследовательских института в Министерстве обороны (45-й, а затем 46-й). Это достижение смело можно внести в Книгу рекордов Гиннеса. Ни до, ни после такое не удавалось никому. Пенчуков И.М. обладает уникальным качеством прогнозировать развитие событий. Именно это весьма ценное для руководителя любого ранга качество обеспечивало отсутствие каких-либо конфликтов в институте за все годы «правления» Пенчукова. Он был исключительно чуткий к разумными инициативам своих сотрудников, при этом «постоянная времени» осознания значимости для института реализации соответствующих предложений была поистине минимальна. Пенчуков проявил способности весьма искусного дипломата. Благодаря неугасимой энергии и умению находить общий язык с властью преобладающими, особенно городского и районного масштабов, директору удалось решить проблему обеспечения отдельными квартирами практически всех сотрудников института, построить на его территории два многоэтажных корпуса, что создало хорошие условия для плодотворной научной работы сотрудников.

Всего за три года (1960 — 1962 гг.) сотрудниками института была создана математическая база, предназначенная для проведения виртуальных испытаний систем ПВО и ПРО. Работа, связанная с построением математической основы проведения виртуальных испытаний системы ПРО, а затем и системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), с разработкой теоретико-экспериментальных методов реализации процедур испытаний были отмечены премией Ленинского комсомола, а затем и Государственной премией СССР. В 1961 г. Институту было предложено принять участие в испытаниях вновь разрабатываемой системы «ИС» (истреби-

тель спутников), которую создавали главным образом две организации, возглавляемые академиками Челомеем В.Н. и Савиным А.И.»

Следует напомнить читателю о замечательном ученом и конструкторе дважды Герое Социалистического Труда Владимире Николаевиче Челомее, жившем и работавшем в Днепропетровске и всю жизнь посвятившему космосу. В конце 30-х гг. прошлого столетия он являлся аспирантом в Киевском институте гражданской авиации. Его научным руководителем был блестящий ученый академик Штаерман. В эти годы в Германии начали разрабатывать высокооборотные двигатели внутреннего сгорания (поршневые двигатели). Однако на испытаниях этих двигателей происходило скручивание коленчатых валов, в результате чего валы разрушались. Немцы не могли понять причину этого явления и обратились с просьбой в АН СССР провести соответствующие исследования возникшей проблемы. Задание решить ее было направлено в Киев, академику Штаерману, который поручил это дело аспиранту Челомею, который очень быстро решил поставленную задачу. Дело заключалось в том, что вследствие большой скорости вращения вала двигателя возникали паразитные скручивающие гармоники. И именно третья гармоника была причиной разрушения коленчатых валов. Установка малогабаритного противовеса обеспечивала компенсацию действия «зловредной» гармоники. Валы перестали разрушаться. Однажды, после того как решение было найдено (конец декабря 1939 г.), академик Штаерман, стоя на табурете у доски (он был маленького роста и, стоя на полу, с трудом дотягивался до середины доски), задал студентам вопрос:

— Товарищ Сталин в связи с 60-летием стал первым в стране Героем Социалистического Труда. Как вы думаете, кто будет следующим Героем Социалистического Труда? — Студенты молчали.

— Я вам скажу. Им будет мой аспирант В.Н. Челомей. — Пророчество академика сбылось. Хотя и не вторым, но дважды Героем Социалистического Труда Челомей В.Н. стал. И так, институту было поручено организовать проведение испытаний системы ИС, и для решения этой задачи в конце 1961 г. в составе первого управления был образован 10-й отдел, возглавлять который поручено было Горелику А.Л.. Разрабатывая проблему организации виртуальных испытаний системы ИС (летом 1962 г.), тот рассуждал так:

— «Ну, хорошо, натурные испытания системы по спутнику-мишени, «сообщающему» о себе все, что необходимо для наведения спутника-истребителя на цель провести, конечно, можно. Но как быть, если целью системы будет не спутник-мишень, а спутник вероятного противника, орбитальные параметры которого с помощью радиолокаторов рассчитать будет несложно, однако, как определить его назначение, как распознать его, как установить, для решения каких задач он запущен в космическое пространство? Кроме того, может быть, обнаруженный космический объект (КО) вовсе и не спутник, а ракета-носитель, или фрагменты, образовавшиеся в результате запуска ИСЗ (например, обтекатели). Более того, если обнаруженный КО и есть ИСЗ, то, может быть, он уже прекратил свое активное существование. Отсутствие ответов на эти вопросы ни мало, ни много ставило вообще под сомнение целесообразность создания системы ИС. А ведь затрачены уже, Бог знает, какие средства! Мне стало страшновато».

После доклада и представления авансового проекта системы, получившей название Системы контроля космического пространства (СККП) они были утверждены начальником Главка Г.Ф. Байдуковым. Аппарату 4-го ГУМО поручили решить организационные вопросы. Был подготовлен проект постановления ЦК КПСС и СМ СССР, предусматривающий создание — Управление контроля космического пространства. Оно и было создано в 1963 г. Возглавил управление полковник Ошанин Е.М., в будущем — генерал-полковник, первый заместитель начальника вооружения МО СССР. В созданном управлении по контролю космического пространства были предусмотрены отделы, предназначенные для решения трех классов задач: космической баллистики, распознавания иностранных ИСЗ. Третье направление — условно можно сказать «аппаратурное», решающее системные задачи взаимодействия со строителями и промышленными организациями, которые под Москвой строили Центр системы контроля космического пространства, получивший название Центр контроля космического пространства (ЦККП). Начальниками Управления контроля космического пространства последовательно являлись Е.М. Ошанин, затем д.т.н., профессор О.А. Чембровский, а вслед за ним А.Д. Курланов (1968 — 1980 гг.), доктор технических наук, профессор, генерал-майор. Именно Курланов внес наибольший вклад в становление, развитие и эффективное функционирование управления контроля космичес-

кого пространства. Горелик работал в управлении распознавания иностранных ИСЗ.

В отделе распознавания иностранных ИСЗ были сформированы следующие направления: 1). Теория и методы распознавания иностранных ИСЗ; 2). Радиолокационное направление, разработавшее оригинальных методов обработки радиолокационной информации о КО в целях определения их некоординатных признаков — характера стабилизации, габаритов, массы, баллистического коэффициента, а также составление каталога радиолокационных портретов всех обнаруженных в космическом пространстве КО. Кроме того, задача этого направления состояла в обосновании и разработке технических предложений по созданию специализированных радиотехнических средств. Так были обоснованы радиолокационные станции «Шпага-1» и «Шпага-2», а затем и комплекс «Крона». Впоследствии последний создан и принят на вооружение Российской армией. 3). Оптическое направление, задача которого состояла в обосновании необходимости создания технических средств фотометрирования КО, позволяющих получать кривую блеска — оптический аналог отраженного от КО радиолокационного сигнала. Исследования в области фотометрирования КО проводили Белоцерковский Б.Е., Мостицкий В.А. и В.И. Яблоков, которые проявили исключительную энергию и настойчивость и решили проблему промышленного производства фотометров и установки их на оптические станции Астросовета и на кинотеодолитных станциях (КТС) испытательных полигонов. Более того, наши «оптики» обосновали необходимость и добились разработки специальной оптической станции «Окно». Эти станции устанавливаются в приграничных районах СНГ, в частности, в Таджикистане и приняты на вооружение Российской армии. 4). Радиотехническое направление. Исследование проблем распознавания, в частности, анализ возможных информационных каналов, предназначенных для получения информации о распознаваемых КО показал, что, кроме радиолокационных и оптических средств в целях получения принципиально иной информации о КО, может быть использована радиотехническая информация, а также информация, полученная соответствующими техническими средствами, установленными на борту отечественных пилотируемых космических кораблей. Вероятность правильного распознавания ИСЗ, резко повышалась, если помимо радиолокационной и фотометрической информации использовалась радиотехническая.

Вооружившись этими данными, Горелик в конце 1963 г. обратился в ГРУ ГШ, т.к. именно оно занималось проблемами радиотехнической разведки, где нашел полную поддержку заместителя начальника Управления радио- и радиотехнической разведки генерал-майора Михаила Ивановича Рогаткина. Совместными усилиями ГРУ ГШ и КГБ при поддержке 4-го ГУМО, было инициировано принятие постановления ЦК КПСС и СМ СССР «О создании системы радио- и радиотехнической разведки «Звезда» в составе трех полков (пунктов) разведки и Центра обработки информации». Первый такой пункт был создан в районе г. Вентспилс в Латвии. Его предназначение состояло в перехвате радио- и радиотехнической информации, которую американские ИСЗ «сбрасывали» на свои пункты приема информации, расположенные в Англии. Система получила шифр «Звезда». Основными разработчиками аппаратуры были Ростовский радиотехнический институт и ОКБ МЭИ (Московского энергетического института), возглавляемый академиком Богомоловым. Предполагалось, что каждый пункт системы «Звезда», должен был иметь на вооружении три станции перехвата «Сатурн», «Уран» и «Плутон». Последняя станция была предназначена для получения информации о составе бортовой аппаратуры распознаваемых ИСЗ. Две других станции работали в интересах ГРУ ГШ и КГБ. Первая очередь системы была создана в 1972 г., вторая в 1978 г. «Не могу не заметить, — писал А.Л. Горелик, — что создание системы «Звезда» в 1979 г. было удостоено Государственной премии СССР, а наиболее отличившиеся участники стали ее лауреатами. Следует отметить выдающуюся роль в создании системы «Звезда» начальника Управления радио- и радиотехнической разведки ГРУ ГШ генерал-лейтенанта Петра Спиридоновича Шмырева, а также первого начальника Системы полковника Евгения Георгиевича Колоколова и сменившего его после смерти Колоколова Е.Г. генерал-майора Степана Ивановича Тернового».

Не стояли в стороне и космонавты. Их привлекали для получения информации о распознаваемых иностранных ИСЗ с бортов отечественных пилотируемых кораблей. В конце 1964 года в результате исследований проблемы распознавания КО была установлена необходимость по возможности создать в стране спутники-инспекторы иностранных ИСЗ. Заметим, что к этому времени практически была доказана возможность наведения отечественного спутника на спутник-мишень. Вспомним систему ИС, о которой речь

шла выше. По инициативе ученых были решены две задачи. Во-первых, постановлением комиссии СМ СССР по военно-промышленным вопросам (ВПК) 20-го августа 1965 г. поставлен вопрос о проведении НИР на тему: «Исследование целесообразности и возможности создания спутника-инспектора». В выполнении НИР приняли участие большое количество организаций, в том числе Институты кибернетики Украинской и Грузинской Академии наук, Государственный оптический институт (ГОИ) им. С.И. Вавилова, ряд космических фирм: Днепропетровская, возглавляемая М.К. Янгелем; Куйбышевская, возглавляемая Д.И. Козловым и др. Во-вторых, постановлением ВПК был создан Координационный совет по проблеме распознавания иностранных ИСЗ. На базе помещения аналоговых электронных машин создан комплекс физического моделирования процесса распознавания иностранных ИСЗ с борта отечественных космических кораблей. В рамках «космического» направления этой работы состояло зондирование возможности участия известных конструкторов ракет и космических аппаратов в создании спутника-инспектора. К сожалению, поездки к Янгелю М.К. в г. Днепропетровск и к Козлову Д.И. в г. Куйбышев оказались отрицательными. Впрочем, говорят, этот вопрос не решен до сих пор.

Тем не менее, космонавтов активно привлекали к разведывательным работам, задача которых состояла, во-первых, в обнаружении ИСЗ на фоне звездного неба и, во-вторых, в сближении с распознаваемым ИСЗ которое осуществлялось за счет управления специальными зеркалами. На лабораторном комплексе разведчиков работали космонавты первой волны — П. Попович, А. Шаталов, А. Николаев, В. Севастьянов, Б. Воинов, Ю. Артюхин и др. Необходимо сказать еще о двух-трех важнейших инициативах сотрудников СНИИ, связанных с решением задач распознавания. Первая их них состоит в том, чтобы после выдачи на борт отечественного космического корабля целеуказания по иностранному космическому кораблю, космонавт мог обнаружить этот корабль и произвести соответствующие наблюдения. В целях подготовки к проведению этого эксперимента в космическом пространстве сотрудники СНИИ разработали систему информационного баллистического обеспечения (СИБО). Все космические объекты, которые могли быть обнаружены в диапазоне высот от 200 до 500 км, становились «известны» системе и по этим объектам могли быть выданы целеу-

казания на борт отечественного корабля. Во время полета Поповича П.Р. и Артохина Ю.П. на корабле «Алмаз» («Союз-14») конструкции Челомея В.Н. в июле 1974 г. на борт корабля было выдано целеуказание по американской станции «Скайлэб», которое блестяще отработал П. Попович, пользуясь отечественным прибором «Сокол». Таким образом, экспериментально была доказана возможность выдачи на борт отечественного космического корабля целеуказания по распознаваемым космическим кораблям вероятного противника, возможность получения информации тем более достоверной, чем на меньшем расстоянии удалось ее получить. Но это уже проблемы энергетики наших кораблей, обеспечивающей сближение кораблей распознаваемого и распознающего. Кстати сказать, по материалам этого эксперимента П. Попович на Ученом совете института защитил кандидатскую диссертацию. Крайне забавные обстоятельства выполнения этого уникального и по сей день эксперимента разведчиков в космическом пространстве, подробно еще никем не описаны. Космическая разведка велась спутниками «Зенит», «Космос-4», «Космос-12», а также с борта разведывательных орбитальных станций (ОПС), получивших название «Алмаз». Правда, в сообщениях ТАСС они назывались «Салютами».

Еще одна инициатива. Представлялось очень полезным провести эксперимент в космическом пространстве, связанный с получением фотографии и телевизионного изображения распознаваемого ИСЗ. Для этого в то время (1974 — 1975 гг.) были необходимы технические предпосылки. Они состояли в том, что вместо боевой части истребителя спутников (система «ИС») можно было установить фото и телевизионную аппаратуру. И в ходе очередного экспериментального испытания система при наведении спутника истребителя на цель — ИСЗ-мишень произвести его фотографирование и получить телевизионное изображение. При этом визуальную информацию можно было бы получать в функции расстояния между спутниками — истребителем и мишенью. В 60-е годы прошлого столетия на ИСЗ в качестве источников электропитания начали применяться ядерные установки. Возникла идея: а нельзя ли создать аппаратуру, которая, будучи установлена на отечественных космических кораблях, смогла бы фиксировать ядерные излучения спутников вероятного противника, при наличии на борту ядерных установок. Этот вопрос имел огромное значение в связи с тем, что в те годы активно обсуждался вопрос о применении на космических

кораблях (а может, и на ИСЗ) ядерных зарядов. А.Л. Горелик договорился о встрече с директором НИЯФ (Научный институт ядерной физики) МГУ академиком Верновым С.Н., который с интересом отнесся к идее и обещал обдумать эту проблему. Прошло несколько лет, и была создана аппаратура «Рябина-1», а затем и «Рябина-2» — усовершенствованный вариант. Это оборудование было установлено на космических аппаратах «Союз-3» и «Союз-4» в целях изучения параметров ядерного фона Земли в космическом пространстве. Кроме того, по целеуказаниям с Земли при появлении на определенном расстоянии от космического корабля отечественных ИСЗ, снабженных ядерной энергоустановкой, аппаратура «Рябина» обнаруживала этот источник и определяла его энергетические параметры, причем дальность обнаружения составляла величину порядка 200 км.

Таким образом, экспериментально была доказана возможность с борта ИСЗ-инспектора обнаруживать наличие на борту инспектируемого спутника или космического корабля источников ядерных излучений. Следует сказать, что знакомство с Козловым Д.И. и установление творческих отношений с его КБ позволило провести крайне интересные экспериментальные исследования в космическом пространстве, связанные с оценкой эффективности распознавания ИСЗ в условиях маскировки. Было предложено провести доработку некоторых ИСЗ, создаваемых в этом КБ, связанную с их маскировкой. Что стало необходимым для оценки снижения эффективности отечественной системы распознавания с точки зрения правильного распознавания ИСЗ при применении на иностранных спутниках маскирующих элементов конструкции, разработанных методов, алгоритмов программ, позволяющих достаточно эффективно распознавать зарубежные космические аппараты в условиях их маскировки.

В связи с построением в рамках СККП системы распознавания ИСЗ рассказывали один курьезный эпизод.

В середине 70-х гг. состоялось совещание, которое проводил Главком РВСН Главный маршал артиллерии В.Ф. Толубко. На совещании присутствовали представители КГБ, ГРУ ГШ, Главного штаба РВСН. Маршал Толубко объяснил цель совещания. Установлено, что американцы определяют назначение наших спутников, как только они выходят на орбиту. Гипотеза этого феномена состояла в том, что в наших рядах имеются шпионы, которые и

сообщают американцам назначение запускаемых в космическое пространство советских ИСЗ.

Ход обсуждения вопроса показал, что участники совещания не имеют никакого понятия о существовании американской системы «Спадатс», о технических средствах наблюдения, входящих в эту систему, их размещении, их оперативно-тактических и технических характеристиках. Когда стало ясно, что других гипотез кроме «шпион» или «шпионы» — нет, генерал Пенчуков И.М. велел Горелику выйти к доске и внести ясность в этот вопрос, т.е. доложить о существовании и возможностях системы «Спадатс». Горелик доложил, что, начиная с запуска первого советского ИСЗ, США стали создавать свою систему контроля космического пространства систему «Спадатс» с центром обработки всей получаемой информации в г. Колорадо-Спрингс, и в этом центре было образовано подразделение аналитиков в составе 200 человек, предназначенное для записи и анализа отраженных от советских спутников радиолокационных сигналов. Эти аналитики радиолокационных сигнатур за прошедшие годы построили радиолокационные «портреты» всех типов наших спутников и на основе этой информации без труда их распознают, определяют те задачи для решения которых они запущены в космическое пространство.

По окончании совещания конфиденциально Толубко В.Ф. доложили, что и у нас в СССР создается отечественная система контроля космического пространства. Это было откровением для Главкома. По этому поводу он заметил: — «Я всегда считал, что у нас между видами ВС заборы такие, что легче узнать секреты американские, чем «секреты» братских видов Вооруженных Сил». При этом хотелось бы отметить, что если у американцев анализировали радиолокационные сигналы по нашим данным до 200 специалистов то у нас эту работу (и надо сказать очень успешно) выполняли два специалиста — А.И. Ладыгин и Ю.И. Дмитриев.

Интересен еще один эпизод, героем которого стал все тот же Ладыгин А.И., связанный с запуском в середине 70-х годов прошлого столетия Китаем своего первого искусственного спутника Земли. Это событие произошло, по-видимому, совершенно неожиданно для всех высших ступеней иерархической лестницы нашей страны. Не знаю, правда это или нет, но говорили, что такая ситуация возникла в связи с тем, что Хрущёв Н.С. ликвидировал нашу разведку в Китае. Из Генштаба поступила команда: дать по воз-

возможности наиболее полную информацию об этом ИСЗ. Получив координатную и некоординатную информацию, радиолокационную информацию о китайском аппарате, наши специалисты определили значения его габаритов и массы, что позволило оценить энергетические возможности ракеты-носителя, с помощью которой был запущен в космическое пространство распознаваемый китайский ИСЗ. Легко понять, что полученная в результате анализа и расчетов информация о китайской ракете-носителе имела большое значение. 45-й СНИИ МО, в частности, Управление космического пространства, может гордиться тем, что его усилиями совместными с рядом организаций промышленности в стране была создана и поныне существующая достаточно эффективная Система контроля космического пространства.

О важности этой структуры радиоразведки свидетельствовал хотя бы только один такой факт, что с центра радиоперехвата ГРУ в Лурдесе (Куба), который обслуживали 2100 специалистов, поступало около 70 процентов всей разведывательной информации по США. Недаром в совместном докладе Госдепартамента и министерства обороны США, подготовленном в 1985 году, говорилось:

«С этого ключевого поста прослушивания Советы следят за коммерческими американскими спутниками, связью военных и торговых судов, а также космическими программами НАСА на мысе Канаверел. С Лурдеса Советы могут прослушивать и телефонные разговоры в США». Ветераны считают, что была сделана стратегическая ошибка, когда по воле верховного главнокомандующего эта часть оказалась расформированной. «Тростнику» равноценную замену найти не смогли.

Кроме всего перечисленного, глобальную стратегическую разведку вели 62 радиоразведывательных корабля ВМФ. Не имея на борту никакого вооружения, корабли были буквально нашпигованы электронным оборудованием. С 1978 года специалисты ГРУ перешли на автоматические системы ведения разведки из космоса. Можно только сожалеть о том, что ряд источников информации этой системы перестал функционировать в связи с развалом Советского Союза.

Из всего вышесказанного читателю понятно, что система «Звезда» стала важной частью СККП. В систему «Звезда» первоначально были включены 11 станций радиоперехвата и стратегической электронной разведки расположенных в СССР и 4 зарубежные

станции: Лурдес (Куба), Бухта Камрань (Вьетнам), Рангун (Бирма) и станция в Монголии. Все данные с пунктов радиоэлектронной и космической разведки, стекались в головной центр, расположенный под Москвой.

Активное строительство первых основных звеньев системы началось летом 1967 года, в глухом лесном месте пограничной зоны, самой западной географической точки СССР, недалеко от местечка Ирбене в Латвии, где и приступили к работе по возведению «Норки» — 649-го отдельного полка разведки. Наравне со строительством технической зоны, создавался гарнизон, жилая зона и инфраструктура для обслуживающего объекта персонала. Работы шли стремительно, и уже в декабре 1968 года к заселению был сдан жилой дом №1, в 1969 году, продолжена постройка начальной школы, детского сада и дома №2, казармы, штаба, гостиницы и клуба. В технической зоне возвели главный корпус, уже функционировала девятиметровая «тарелка» — «Уран». Позднее, впритык к старому корпусу пристроят новый технический корпус. Техническая зона первого объекта системы «Звезда» состояла из технического корпуса и трех антенн, имевших следующие условные обозначения: «Уран» — диаметр 12 метров. Построен в 1969, находился над пристройкой технического корпуса. Демонтирована в 1993 году. «Плутон» — диаметр 16 метров. Построен в 1971 году, находится на западе технической зоны. «Сатурн» — диаметр 32 метра. Построен в 1972 году, находится на юге технической зоны.

Вокруг технической зоны существовал охраняемый периметр, охватывающий как технический корпус, так и все три антенны. Две самые большие антенны, «Сатурн» и «Юпитер», были соединены с техническим корпусом подземным туннелем, по которому проложены сигнальные и силовые кабели. Технический корпус имеет три рабочих и два технических этажа, по которым проложены кабельные люки и система вентиляции и охлаждения. В восточной части подвала технического здания имелся оборудованный ЗКП. После развала СССР об этой части известно много, и зачастую информация откровенно противоречивая. С одной стороны контроль космического пространства, с другой — прослушивание телефонных разговоров госдепа США, штаба ВМС и какого-то количества гражданских линии. Однозначно известно, что она осуществляла практический полный контроль переговоров базы подводных лодок в Норвегии. Станция эффективно функционировала, пока ее не обна-

ружили американские спутники-шпионы, с тех пор ее регулярно снимали каждые несколько дней. Часть снимков станции была рассекречена в 1995 году и попала в разные печатные источники, посвященные электронному шпионажу СССР. В 80-е годы американцы очень строго следили за соблюдением эмбарго на поставку Советскому Союзу т.н. новых технологий. Следует подчеркнуть, что подавляющая часть наших комплексов, приборов, аппаратов была отечественного производства. Несмотря на некоторую громоздкость, они выполняли свои тактико-технические функции. Руководство Генерального Штаба ВС СССР получало от ГРУ своевременную, достоверную и объемную информацию. Наш дальневосточный отдельный полк, входящий в вышеуказанную Систему, являлся бригадой Вентспилсу и имел сравнительно непродолжительную историю, так как подлежал вводу в строй по плану «Звезда-А» второй очереди.

ЗНАКОМСТВО С ЧАСТЬЮ

Прибыв в Яковлевку, как только рассвело, и часы показали девять утра по дальневосточному времени, я оставил семью в гостинице, а сам первым попутным автомобилем убыл в часть, которая находилась в пятнадцати километрах, в заснеженной тайге. Однако командира на месте не оказалось, он находился в командировке. Его обязанности исполнял начальник штаба. Ему я и представился. Подполковник Ерошов Александр Федосович, о котором мне уже рассказывал полковник Иванов, как раз был из той первой когорты «пионеров», строивших часть. Первое впечатление о нем у меня сложилось не самое благоприятное. Он был чуть выше среднего роста, упитанный. Его лицо и особенно глаза имели выражение угрюмой суровости, хотя он не выглядел угнетенным службой. Своим самодовольным видом он напоминал двоечника, только что успешно списавшего трудное задание. Нормальную речь из его уст услышать было трудно. Это был жуткий матерщинник и хам, людей посторонних от общения с ним охватывал парализующий страх. Что там говорить. Я испытал его дикий нрав на себе. Можете себе представить, что свой первый день знакомства с частью и общения с исполняющим обязанности командира закончился потасовкой. Через несколько минут общего ознакомительного разговора он без особых

на то причин вдруг набросился на меня с кулаками. Психологическое потрясение уступило инстинкту самосохранения, и я ввязался в схватку. Ловко увернулся и скрутил ему правую руку за спину. Разъяренный, как бык, от неожиданности он потерял равновесие и начал падать на пол, увлекая своей массой и меня. В последний момент, теряя равновесие, я выпустил его из захвата. Вскочив на ноги, Ерошов вновь бросился на меня, пытаюсь схватить за грудки. Отбив его руки, я по-мальчишески выпалил:

— Вы что делаете, товарищ подполковник!

— Я сейчас тебя, пацан, придушу и яйца оторву. Ты знаешь, кто я такой?

Ситуация принимала комедийный характер. Вспомнив фильм «Чапаев» и разговор комдива с Фурмановым, я ответил:

— Кто? Я начальник политотдела, назначенный ЦК. А ты кто? Зачем пуговицы рвешь, — переходя на ты, — выдавил я, — подполковник? — Напрягая мускулы, я продолжал нелепую схватку. Она длилась еще минуты две, пока в дверь не постучал дежурный офицер, прибывший для доклада. Посмотрев на наши потные и красные возбужденные лица, помятые кители и возбужденное дыхание, тот хитро улыбнулся. Вероятно, такое здесь было не редкостью.

Я вышел из помещения и, зайдя в свой кабинет, долго бесцельно смотрел в окно — успокаиваясь. Ни хрена себе начало! Однако продолжения подобной мизансцены более не последовало. Проверив «на вшивость» и поняв, что морально ему меня не сломать, Ерошов сменил тон в общении со мной на вполне миролюбивый и товарищеский, и до последних дней службы в части у нас с ним сохранялись нормальные деловые отношения. Мы оба впоследствии даже не вспоминали ни разу этот позорный случай нашего знакомства.

Никогда в служебных делах Ерошов не перечил требованиям начальника политотдела, а, бывало, в трудную минуту даже приходил ко мне в кабинет советоваться. Без ложного самолюбия полностью доверялся моей правке ежемесячных проектов приказов по итогам воинской дисциплины в подразделениях части, так как знал, что я владею обстановкой не хуже его. Для объективности следует сказать, что Ерошов по-своему болел за дело. Но его стиль наведения порядка методами грубых разносов оскорблял окружающих. Его недолюбливали многие. Познакомившись поближе, я понял,

что многое в его поведении было родом из детства. Ерошов и его жена были уроженцами одной деревни Черниговской области. Прослужив всю жизнь на Дальнем Востоке, он сохранил многие национально-психологические особенности малоросса-куркуля-единоличника. Я не помню случая, чтобы когда либо Ерошов с кем-либо чем-то поделился. Это был патологически жадный и хозяйственный тип. Можно было считать день пропавшим, если начальник штаба к концу дня не клал в машину какой-то сверток. С этой целью тряся он кладовщиков-прапорщиков, которые часто возмущались жадностью начальника штаба.

Однако с таким стилем общения ему не было замены на совместных совещаниях с военными строителями, продолжавшими строительство в части, а также на служебных летучках с промышленниками, внедряющими новые технические новинки. Специфический интеллект «Федосыча» был близок военным строителям, и они его жутко за это уважали и просто побаивались непредсказуемости. Вероятно, за свой талант руководителя, сумевшего поднять с Кировым часть, Ерошов и был награжден медалью «За боевые заслуги». Мое первоначальное мнение о нем изменилось через три месяца, 27 марта 1980 года, когда под влиянием обстоятельств я обнаружил, что за волевой, наглой личиной Ерошова скрывается подленькая душонка элементарного труса, боящегося за собственную шкуру. А произошел в тот день несчастный случай — на дневального по автопарку рядового А.Паевского упали громадные металлические ворота бокса. Из командного состава части мы были вдвоем, и «Федосыч» струсил и спрятался — буквально «растворился» в пространстве. Получив телефонное сообщение от дежурного по части, я побежал в парк организовывать первую помощь пострадавшему и отправку в госпиталь, а Ерошов куда-то на все это нервное время пропал. Появился он только тогда, когда все было сделано, и жизни солдата ничего не угрожало. Мы вновь услышали оглушительный голос матерящегося начальника штаба. Если бы были какие последствия, то он бы меня точно подставил... Завершив свою службу, Ерошов переехал на постоянное место жительства в Хабаровск. Любопытно, что несколько раз приезжая в гости в Яковлевку, он искренне удивлялся, что мы от него ни разу не отмахнулись и встречали гостеприимно, по-доброму. Когда он был у власти, то таких сентиментов не признавал. Удивительная была по порочности личность! Как будто все темные силы мироздания и безжалостные

законы тайги жили в его душе, пока он являлся начальником штаба. С его уходом время многое поменяло...

Второй день начался со знакомства с руководителями местных органов власти. После представления первому секретарю райкома партии товарищу Сапрыкину Борису Александровичу, председателю райсовета Вавушкову Владимиру Андреевичу, руководителям района Васильеву Владимиру Сергеевичу и Казанкину Владимиру Павловичу и беседами с ним в моем блокноте появились первые записи об истории места нового проживания: «Яковлевка является районным центром, созданным в 1902 году и названным именем инженера-землеустроителя, выбравшего место для поселения на берегу таежной реки с китайским названием Дау-бихе. В наши годы это название реки сохранилось только в бытовой речи, а на всех картах и в документах реку стали называть так же, как и районный центр — Яковлевка. Активное заселение района состоялось накануне революции, в период с 1911 по 1917 годы. Самым старым населенным пунктом района считалось село Новосысоевка. Его рождение связывают с 1895 годом. В Новосысоевке расположено командование местного гарнизона и дислоцировались основные воинские соединения и части: ракетная бригада, гарнизонный госпиталь, военная прокуратура, военный суд, управление начальника работ и некоторые другие части. Неподалеку на аэродроме Варфоломеевка — авиационный полк с двенадцатью истребителями-перехватчиками. В десятке километров южнее, в Сысоевке — коллеги по военной разведке — отдельная радиотехническая бригада ОСНАЗ, где командиром полковник Е.Ф.Сальников, а начальником политотдела полковник Е.А. Канатаев. Яковлевский район, площадью в 2400 квадратных километра, заселяло 17 тысяч человек, однородного по национальности населения — русскими и украинцами, переселенцами из северных областей Украины. Организационно в него входило 8 сельсоветов и 24 населенных пункта. От Владивостока Яковлевку отделяло триста километра непроходимой и незаселенной уссурийской тайги, изрезанной таинственными паадьми и ущельями».

Первыми руку помощи нашей семье протянули майор Васин и его жена Антонина Михайловна, работавшая дежурной по гостинице. Помогли закупить овощей с запасом, подсказали, у кого можно договориться брать молоко для маленького Георгия. Познакомили Галину с местными жителями, торгующими продуктами. Без этих контактов чужаков в селе не принимали. В этом с их стороны не

было никакого конъюнктурного интереса, просто семья Васиных слыла отзывчивой и заботливой и помогала людям независимо от социального положения. И то, что они оказались единственными добрыми душами в гарнизоне, меня поразило.

Наконец-то через несколько дней в часть вернулся хозяин — командир, представительный полковник Кудрявцев Михаил Степанович. Он был среднего роста, склонный к полноте, с заметным брюшком, смуглым лицом с типичными бурятскими скулами и пронзительными умными узкими карими китайскими глазками. Своей родиной Михаил Степанович считал сказочный Алтай, любовь к которому демонстрировал постоянно. Надо отдать ему должное, Кудрявцев относился к той категории руководителей, которые умны, знают свое дело и делают его скрупулезно. Он все умел делать образцово и деликатно. Бросилось в глаза, что все услышанное в докладах или беседах Михаил Степанович постоянно помечал мелким почерком в своей рабочей тетради, и не было случая, чтобы он забыл какую-то мелочь. Так же скрупулезно он отслеживал выполнение собственных распоряжений. Командир безбожно много курил и мог много выпить, почти не хмелея. Только подшофе снимал тормоза и становился веселым и улыбчивым, остроумным рассказчиком, овладевающим аудиторией полностью. Первоначальное образование Кудрявцев получил в среднем радиотехническом училище, а затем, уже офицером, окончил Киевское высшее военно-инженерное радиотехническое училище (КВВИРТУ). Его склонность к глубокой аналитической работе проявлялась во всем. К сожалению, работать совместно с Кудрявцевым мне пришлось всего девять месяцев. В конце года его перевели с повышением в центральный аппарат в Москву. За сравнительно небольшой трехгодичный период командования войсковой частью 51430 он оставил заметный след. Его самоотверженная служба была достойно оценена командованием — осенью 1980 г. вышел Указ ПВС о награждении его орденом Красной Звезды. Действительно, за годы командования Кудрявцева полностью наладилась и состоялась оперативная работа. В активе части появились первые оценки «особой важности» (ОВ) и «ценные» (Ц). К осени 1980 года боевые показатели выглядели таким образом: одна «ОВ», двадцать две «ценных» и 43 «представляющих интерес», что являлись лучшими показателями в округе, так как более чем в два раза превышали результаты предыдущего года. По поводу награждения командира орденом офице-

ры полка с гордостью шутили: «Заслужить орден Красной Звезды в мирное время — все равно что закрыть грудью амбразуру». И все однозначно полагали, что Кудрявцев получил эту высокую награду заслуженно. Кроме разведки под оком командира продолжалось активное строительство основных объектов в технической зоне, в жилом городке, на очистных сооружениях. Наш полк окончательно вышел в лидеры системы «Звезда», занимавшиеся поиском объектов в космосе и снятием радио и электронной информации с них в зоне ответственности.

Первые недели моего пребывания в полку оказались тягостными по многим бытовым и психологическим причинам. Но особенно меня раздражал и напрягал постоянный контроль командира за моей работой. Это угнетало, тем более, что свою работу я привык делать по своему усмотрению и без советчиков; и я деликатно, но настойчиво добивался самостоятельности в действиях, доказывая командиру собственное мнение по обсуждаемым вопросам. Он же, несмотря на что, внимательно изучал мои первые планы работы, делая при этом какие-то пометки в своем еженедельнике. Он пытался корректировать отдельные положения моих документов. Вскоре я почувствовал, что мне удастся убедить его в своей правоте и, наконец, наступил перелом его отношения ко мне и признание стиля моей работы. Холодок и настороженность растаяли окончательно, и на одном из совещаний офицеров командир продемонстрировал абсолютное доверие ко мне: «Как начальник политотдела сказал, так впредь и делать!». И это прозвучало не только как приказ, а как нравственное признание меня в роли политического руководителя и как допуск к самостоятельной работе. Что, судя по лицам, поразило старших офицеров и было оценено младшими офицерами, а не только мною. Работать стало легче. С моей стороны, безусловно, это оказалось первой существенной победой, учитывая молодость, ведь на тот момент я имел за плечами неполные тридцать лет. Как говаривали обо мне за спиной офицеры и прапорщики: «Смотри, молодюшенький совсем». Но возраст — дело «поправимое», и он быстро взял свое...

У командира согласно штату было пять заместителей: заместитель по оперативной работе — начальник первого отдела (подполковник Кечко), главный инженер — замкомандира полка (майор Деменев), первый зам. — начальник штаба полка (подполковник Ершов), помощник командира части по материально-техни-

ческому обеспечению (майор Мячин), и я, замполит-начальник политотдела.

Знакомясь с коллективом, я ежедневно обходил подразделения части. Из первого комплекта постоянного состава части запомнились толковые и порядочные офицеры и прапорщики, фамилии которых помню и сейчас: Алхимова, Александрова, Алешина, Абрамова, Аверина, Балыкова, Бабаева, Базана, Буланова, Белицкого, Бесчастного, Вдовина, Вьюшина, Веселина, Галочкина, Гопенко, Голумбовского, Густова, Глушкова, Глушакова, Давиденко, Демиденко, Долгова (в XXI веке выросшего до главного инженера части), Егорова, Евланова, Жданова (ушедшего в центр по подготовке летчиков), Жаркова, Журавлева, Владимира Зайцева, Зенкова, Зинченко, Ибрагимова, Игнатова Юрия Александровича (ставшего лучшим специалистом системы), Кабина, Кирсанова, Кожанова, Козлова, Костецкого (ушедшего в разведуправление округа), Коврякова, Короткова, Колесниченко, Клочкова, Ключкина, Колядина, Кулишова, Кулиш, Кузнецова, Крюкова, Курбатова, Лапшина, Леонтьева, Лутая, Лысенко, Маргарян, Масякина, Мищенко Игоря, Матвеева, Монахова, Медведева, Миролюбова, Несенюка, Панина Владимира, Парчевского, Паршутина, Парамзина, Паркаева, Паладьева, Педорич, Петрова, Переверзева, Пономарева, Полякова, Потейкало, Подгорного, Помазкова, Пицулина, Пинчука, Пшеничникова, Петряева, Романова, Рябова и его жену Рябову, Резчикова, Сасько, Саратовцева, Самарина, Спириноква, Семенова, Стрижак, Соловьева, Смирнова, Сметанина, Сагуту, Симонова, Становкина, Сухарукова, Сидяка, Туганова, Тябут, Усольцева (впоследствии ставшего полковником офицером группы российских представителей при ОБСЕ в Брюсселе), Чуднова, Цуркана, Федосова, Фролова, Шабалина, Щенникова, Янголь, Якушенко и другие. Знакомился с коллективами, с существующими в подразделении порядками, организацией боевой службы.

Полный сил и азарта, окрыленный надеждой блеснуть академическими знаниями, приступил я к работе начальника политоргана. Надо сказать, что суровая столичная школа и требования полковника Фомина А.Ф. сыграли благодатную роль в моем быстром становлении. Непродолжительная по времени работа в его структуре обогатила меня больше, чем три года нудного курса обучения партийно-политической работе в академии. Партийно-политический аппарат части был укомплектован согласно штату: начальник политотде-

ла — замкомандира полка по политчасти; замначальника политотдела-старший инструктор по оргпарработе; пропагандист; помощник начполитотдела по комсомольской работе; инструктор по учету партийных и комсомольских документов; начальник клуба; заместитель командира батальона по политчасти; пять замполитов рот; секретарь комитета ВЛКСМ батальона.

Основная ставка в воспитательной работе с офицерской молодежью многочисленных отделов делалась мной на старших по возрасту офицеров-наставников и партийные организации. Среди секретарей партийных организаций части в лучшую сторону отличался майор Строганов Борис Германович, в оперативном отделе которого было больше всего и коммунистов и офицеров, своей работой он с первого нашего знакомства серьезно помогал политотделу. Как только уехал мой предшественник, я приступил к изучению своих коллег и сколачиванию команды единомышленников. Политработников постарше и засидевшихся на должностях в течение первого полугодия выдвинул с повышением в мотострелковые части. Капитану В.Д.Ташкову через политуправление помог уехать на родину в САВО, а старшего лейтенанта И.В. Бессонова выдвинул на вышестоящую должность в пехоту в пос. Князь-Волконку Хабаровского края, где он неплохо себя зарекомендовал, о чем с приятной периодичностью сообщала окружная газета.

К сожалению, не получилось долгой совместной службы с моим первым заместителем, майором Васиным Николаем Дмитриевичем, который был на пять лет старше меня. Отличался сложным и динамичным характером, болезненным самолюбием. Он был достаточно зрелым человеком, начинавшим службу в армии еще солдатом-радиотелеграфистом, начальником радиорелейной станции. Когда я только закончил школу, он уже был сверхсрочником. После окончания курсов политсостава принимает в должности замполита роты и батальон в Южной группе войск. В Яковлевку прибыл на три года раньше меня в качестве замначальника политотдела — старшего инструктора по оргпарработе. Васин был высок и сухощав. В целом обладал неплохими данными для организаторской работы. Возглавлял группу народного контроля. С упоением увлекался охотой, даже меня в февральскую стужу вытащил с ружьем в тайгу. В тот свой дебют с пяти утра и до восемнадцати часов вечера мы натоптали много сугробов в окрестной тайге и вернулись домой не с пустыми руками. К сожалению, особенности моей должности не

давали возможности для регулярных занятий каким-либо видом досуга. Служба забирала все время без остатка. Васину было в этом плане проще. Основным недостатком моего зама оказался склочный нетерпимый характер. Работал неровно, без достаточной настойчивости. Порой упускал главное и терялся в мелочах. На критические замечания реагировал бурно отрицательно. С политработниками часто ссорился по пустякам, и мне приходилось выступать «арбитром». В апреле 1980 года замначпо запретил замполитам рот заходить в кабинет общего политотдела, так как они якобы отвлекали его от работы, а все вопросы велел решать через замполита батальона. В течение полутора лет со мной постоянно спорил. Крайне негативно реагировал на работу по срочным вводным. Пытался сбрасывать информацию для дальнейшей работы на молодого начальника, вместо того, чтобы работать самому. Претила мне и его порочная практика постоянного сбора компрометирующих материалов на командование части. Неоднократно пресекал его попытки выносить на обсуждение служебные вопросы политотдела с посторонними лицами. Васин расценивал реакцию окружающих на его неправильные действия как попытки «принизить» роль политотдела. В апреле 1981 года мой заместитель был назначен проверяющим службу войск, однако проверку личного состава организовал безответственно, что вскрылось позднее, в ходе разбирательства двух случаев нарушений воинской дисциплины. За что был подвергнут справедливой критике, но вел себя вызывающе. Временно оставшись за начальника не смог наладить делового контакта с командиром части и допустил грубость с политработниками, а также обслуживающим персоналом предприятий военной торговли гарнизона. Я понимал, что многое в его нетерпимости ко мне было связано с моим возрастом. Но ведь я был начальником, к тому же имеющим определенный опыт, а самое главное — знания, полученные в академии и в период службы в политотделе ГРУ ГШ. Без хвастовства — я чувствовал себя в должности уверенно.

В минуты наших ссор с Васиным я всегда помнил о первых трудных днях нашей жизни и его личном участии в нашем благоустройстве и старался быть предельно тактичным и справедливым. Когда он написал рапорт о переводе в заменяемый район, я сделал все, чтобы ему была найдена хорошая должность в округе. Он убыл с повышением на самостоятельный участок работы с высоким должностным окладом. Через несколько месяцев пришло письмо, кото-

рое меня порадовало и утвердило в том стиле работы, что складывался жизнью. Я часто использовал потом это послание в минуты крутых разборок, с педагогической целью, на совещаниях с коллегами-политработниками части.

Н.Д.Васин достаточно откровенно писал:

«8.05.83 г. Здравствуйте, Олег Владимирович! Часто вспоминаю нашу совместную работу, Вас, политотдельцев, весь коллектив части, в котором прослужил без малого 5 лет. Вспоминаю не без сожаления, так как всему лучшему, что получил, накопил, приобрел, научился и что сейчас помогает мне работать, обязан службе в части... Все формы нашей совместной работы перенес применительно к местной обстановке... Мне сейчас жаль, что я ушел, все-таки за вашей спиной, не чувствуя особой ответственности, было спокойнее; с другой стороны, хотя и прибавилось забот, по уровню и масштабам работы у меня, наверное, не меньше, чем у вас, ответственность исключительно большая. Но и удовлетворенность результатами своей работы чувствовать приятно. В общем, доволен я и благодарен вам за помощь в невольном, наверное, моем выдвижении. Конечно, сейчас, когда я оказался в вашей шкуре, понимаю, что я был больше не прав, чем вы. В связи с этим приношу пусть запоздалые, но все-таки извинения».

Через полтора года в очередном письме еще более возмужавший (уже подполковник) Васин писал:

— Время идет, но не забывается наша совместная работа. Оценивая ее с позиций сегодняшнего дня, с позиции того груза ответственности, который я сейчас везу, и сопоставляя предъявляемые вами ко мне лично и другим требования, я давно убедился в вашей справедливой требовательности и правоте. У вас было чему поучиться, и я рад это еще раз вам сказать...»

Мы переписывались с Васиным долгие годы, вплоть до моего убийства в Афганистан. Его судьба сложилась вполне благополучно. После замены уехал на родину, в Саратов, и там получил жилье. Но в последние годы у него, как он написал, «психически тяжело заболела супруга». Сумасшедшие перемены, принесенные Горбачевым, прервали нашу переписку навсегда. На освободившуюся после Васина должность я выдвинул Платонова Юрия Васильевича (впоследствии сменившего меня). Но об этом чуть позже.

Осенью 1980 года на смену полковнику Кудрявцеву с должности командира Чукотского радиопеленгаторного узла ОСНАЗ

приехал сорокаоднолетний майор Гурьев Александр Александрович. Уроженец города Липецка, известного в истории тем, что в нем в 30-е годы прошлого века находилась объединенная школа ВВС, которую окончили многие немецкие летчики. В результате чего в годы войны верные законам воздушного рыцарства Люфтваффе Германии фашисты не сбросили на этот советский город ни одной бомбы. О военном времени Гурьев знал не по наслышке ибо уже что-то понимал в жизни и в победном году пошел в первый класс. От ветеранов радиоразведки было известно, что после окончания школы Александр до армии работал грузчиком. Этот тяжелый труд его не обременял, поскольку мальчуган с малолетства отличался атлетическим сложением, выносливостью и волевым характером. Имел репутацию отличного спортсмена лыжника и конькобежца. В 1957 году юноша поступил и через три года по первому разряду окончил Тамбовское авиационное радиотехническое училище. В 1972 году окончил военную академию связи. Александр Александрович был статным мужчиной с кряжестой характерной для конькобежцев фигурой и пышной шевелюрой кудрявых русых волос.

Я к тому времени уже твердо стоял на ногах и уверенно помогал новому командиру в становлении. По причине разных темпераментов работалось с ним непросто. Меня, холерика, порой раздражали его флегматичность и заторможенность. Эту черту его темперамента дополняла систематическая несобранность. Командир по ночам много читал и часто по утрам просыпал, бывало, опаздывая на службу — на построение части. Вспоминаю случай, как однажды утром целый час мы, его заместители, простояли возле «азика» ожидая командира, сорвав тем самым развод на занятия. Зайдя в номер Гурьева, я обнаружил его мирно спящим. Даже после того как я растолкал его, нам пришлось ждать его еще долгих 20 минут. Все годы командования частью командир жил один, без семьи. Его жена, Любовь Прокофьевна, с детьми (Владимиром и Ириной) на Дальний Восток не приезжали, а жили в Климовске, «сторожили» квартиру, где до Севера служил Гурьев.

Мы с Галусей психологически понимали одинокого командира и старались делать многое ему в поддержку. Обычным явлением было, когда на праздники, особенно в первые годы совместной службы, мы приглашали его к себе, где он мог отдохнуть душой и среди друзей позволить себе немножко расслабиться. Я не покривлю ду-

шой, если скажу, что и ко мне он относился по-доброму, несмотря на все сложности последующих взаимоотношений. Первое время А.А.Гурьев во всем опирался на меня, считался с моими суждениями, но затем, освоившись в должности и почувствовав самостоятельность, как мне кажется, допустил много погрешностей.

Если Кудрявцев был прекрасным администратором, организатором с хорошей инженерной подготовкой, то Гурьев в первую очередь был прекрасным инженером. Он часами с увлечением вникал в тонкости технических схем, в задумки исследовательской работы пятого отдела и изобретений энтузиастов из других отделов. И ему на этом поприще цены не было. Как командир-организатор он порой допускал личную неорганизованность, был непоследователен в делах, часто терялся во второстепенных мелочах. Однако у Гурьева было не отнять решительности и железной командирской воли. Порой не продумывая сути произошедшего, он наказывал подчиненных незаслуженно, а кое-кто из людей недостойных пользовался его особой расположенностью и благосклонностью. И поколебать в этот момент его решение было практически невозможно.

В этом плане нелепым и страшным по сути стало чрезвычайное происшествие, совершенное приближенным к командиру личным водителем — рядовым Тарабановым, который, находясь в отпуске в Хабаровске, в нетрезвом виде, не рассчитав силы в бытовой ссоре, ударил подростка-суворовца и убил его. Факт дичайший, но не неожиданный. Дело в том, что, пользуясь покровительством командира части, Тарабанов являлся одним из самых недисциплинированных солдат. Близость к командиру разбаловала его, и он прекрасно осознавал, что находился вне зоны критики непосредственных начальников. Более того, он позволял себе нагло дерзить собственным командиром роты и взвода. Когда командир части объявил о своем решении направить «разгильдяя» Тарабанова в отпуск, я резко выступил против и заявил, что он этого не заслуживает, и как в воду глядел. Командир очень болезненно отреагировал на мою критику солдата, а когда произошла трагедия и солдата посадили, то мы все больше и больше начали отдаляться друг от друга... Я об этом сожалею и сейчас, но своей вины не чувствую. Но в целом, прощая ошибки свойственные и мне, и окружающим, вспоминая то время, хочу откровенно сказать, что Гурьев был умным и очень болеющим за дело командиром. А недостатки есть у каждого, не мне о них судить. А часть продолжала жить и

работать в интересах ГРУ, потеряв некоторые добрые традиции, оставшиеся от Кудрявцева. Однако при Гурьеве, как и прежде, часть твердо сохранила все приоритеты боевого предназначения. И это было главным его достоинством. В будущем инженерный талант Александра Александровича был востребован на ответственной должности главного инженера ГЦСС, то есть он стал заместителем у генерала Тернового. И, по отзывам сослуживцев и начальников, он работал превосходно. Наконец-то и семья соединилась в Подмоскowie.

НАШЕ ДЕЛО — РАЗВЕДКА

Обработка информации, полученной из различных источников, производилась в главном нашем отделе — оперативном. Возглавлял его опытный разведчик подполковник Кечко Олег Александрович, имеющий за душой двухгодичные курсы английского языка при ВИИЯ, однако овладевший языком и профессионализмом руководителя, добывающего подразделения на достаточно высоком уровне. Его опыт многолетней службы, закрепленный в двух заграничных командировках, заменял ему диплом о высшем образовании. По штатной категории Кечко, хотя и не являлся первым заместителем, был прямым начальником для всего личного состава полка. Начальники разведки ДВО генералы В.Ф. Кузовенко, Г.Н. Александров и Н.Устьян одинаково высоко ценили его и доброжелательно относились к работе всего коллектива нашего полка, потому что оценки «ОВ» и «Ц» в Дальневосточном регионе получали только офицеры-разведчики, под командованием подполковника Кечко О.А.

Олег был на девять лет старше меня и имел разносторонний опыт службы в разных климатических поясах — ему довелось трижды служить на радиопеленгаторном пункте осна на Чукотке и дважды на острове свободы в Карибском море в «Тростнике». Тщеславие, самолюбие и целеустремленность помогли ему быстро подняться до высокой и престижной должности заместителя командира части по оперативной работе. Кечко представлял собой сложившийся тип хорошего, требовательного и заботливого руководителя, ревниво оберегающего своих подчиненных. При любых возможностях пытающегося облегчить им службу и повседневную жизнь. Он не задерживал подчиненных на службе сверх положенного срока, не перера-

батывал и сам. Рабочий день оперативных работников, как правило, заканчивал вместе со служащими СА в 18 часов, что командиру части и его общевоинским замам и главному инженеру часто было непонятно.

Кечко был красив собой — высокий, физически накачанный мужчина. С юности влюбленный в многочисленные спортивные игры, последние годы особенно тяготел к волейболу. Спортивные состязания по волейболу под его руководством обычно заканчивались традиционной массовой коллективной выпивкой офицеров за счет проигравшей стороны. Ничто человеческое ему не было чуждо, в нетрезвом виде Олег Александрович становился не в меру хвастливым и заносчивым, что порой мешало его высокому деловому авторитету. Всю жизнь он корил себя за оплошность, приведшую к гибели в таежной реке Уссури подчиненного ему переводчика, старшего лейтенанта Мельничука Е.Л., утонувшего в нетрезвом виде во время пикника, организованного оперативным отделом после успешно проведенной разведки крупных учений супостата.

— Не доглядел, — горько сокрушался по поводу этого Олег Александрович, — никогда себе не прощу.

Но именно при Кечко в полку были заложены славные традиции коллектива разведчиков. При нем произошло качественное становление оперативной работы. Под его крылом круглосуточно работала над обработкой информации без малого сотня офицеров. За успешное выполнение специальных заданий командования, в том числе по разведке полетов «Шаттла», ежегодных военно-воздушных и военно-морских учений США и их союзников в Тихоокеанской зоне ответственности, подполковник Кечко О.А. был награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР» III-й степени. Награждения в те годы было явлением редким, и в число кавалеров орденосцев попадали наиболее заслуженные офицеры. Безусловно, Кечко свою высокую награду заслужил. Вручение ордена стало знаменательным событием для всего личного состава части. Ради этого события мы даже приурочили спартакиаду в жилом городке, по итогам которой награды вручал наш заслуженный коллега. После таких приятных и душу радующих торжеств Олег поступил неадекватно, — ушел в запой, продолжавшийся три недели. Чего не простишь родному человечку? Однако эта его слабинка — бытовое пьянство — в итоге отрицательно сказалось на его дальнейшей судьбе. После завершения службы на Дальнем Востоке О.А. Кеч-

ко был переведен в Подмоскowie. Откуда вновь уехал на Чукотку, прожив несколько лет в одиночестве. Молодая жена, отказавшаяся ехать за мужем, вскоре оставила его окончательно. Оставшись один, он еще более опустил, уволился из армии и в последние годы работал кладовщиком на одном из хранилищ воинской части в поселке Загорянка.

И все-таки, несмотря на некоторые издержки, подполковник О.А.Кечко оставил заметный и добрый светлый след в истории системы «Звезда», в судьбах многих офицеров-переводчиков, которые получив закалку под его руководством, наверняка, вспоминают его добрым словом всю жизнь.

Подчиненные Кечко представляли собой довольно разношерстную публику, тяжело вписывающуюся в обычный воинский коллектив. Как могут подтвердить мои соратники ветераны той армии, ВИИЯ формировался по известному принципу тех времен. Многие слушатели этого института были отпрысками генеральских семей, порой высшего рукостава ВС СССР, уроженцами так называемого «Арбатского военного округа». Они постоянно привлекали к себе повышенное внимание политотдела, потому что в любом нарушении дисциплины или общественного порядка в райцентре всегда оказывались замешаны военнослужащие этого подразделения. В определенной степени этому способствовал и особый режим их службы. Они несли суточное оперативное дежурство, меняясь по утрам, и весь световой день, а потом двое суток отдыхали и были предоставлены сами себе. Если увлекались рыбалкой и охотой, то коротали время в тайге, а если не давали покоя гормональные процессы, искали подружек. Таким образом, молодежь, полная энергии, искала приключений в небольшом селе, часто выпив «бузила» и попадала в разные скандальные истории.

Среди основной массы офицеров этого отдела выделялись «настоящие» военные — выпускники Киевского ВОКУ капитаны Кожанов Валерий Степанович и Марков Валерий Валентинович, института им. Можайского майор Семенов Владимир Иванович и другие. Некоторое время заместителем у Кечко служил выпускник военной академии связи майор Михайлов Александр Сергеевич, но после трагедии в семье командование перебросило его на Запад начальником штаба одной из частей нашей системы. Старшими по возрасту среди офицеров отдела являлись майоры Демиденко Алексей Аксентьевич и Коробков Валерий Григорьевич, а также Тро-

фимюк В.Ю., Якушенко А.А., Петряев, Мохов Ю.П., Строганов Б.Г. Впоследствии прекрасно работал руководителем нового поколения операторов капитан Семенов, выпускник института Можайского. Ему суждено было возглавить оперативный отдел. После замены Семенова начальником отдела стал Кожанов, который до перевода в Загорянку продолжительный период руководил оперативной работой. Добросовестно справлялись с обязанностями оперативного дежурного майоры Петряев и Помазков. Быстро набирали обороты в службе переводчики старшие лейтенанты Михаил Абрамов, Анатолий Ваганов, супруги Кургановы В.А. и Ю.А., Рябов И.В., Леонтьев В.В., лейтенанты Поволоцкий В.Д., Зарудный Б.Г., Корнеев С.Н., Клопков В.И., а вот капитаны Золотарь и Булыга брали все настойчивостью и скрупулезным отношением к делу. Неспешно осваивал должность старший лейтенант Орлин Н.М., к тому же он оказался человеком сложного характера и непорядочности. Среди офицеров — переводчиков первого отдела выделялись две женщины — выпускницы ВИИЯ — Курганова и Рябова. Отец одной из них — генерал-майор А.И. Касаткин, приезжавший в 1985 году в Яковлевку, приходил ко мне в гости, беседовал о службе, а на прощание подарил историко-теоретический очерк, подготовленный Главпуrom, под редакцией генерал-полковника Г.В.Средина «Политорганы Советских Вооруженных Сил». Надо отметить, что служили обе женщины добросовестно, одна из них выделялась крутым нравом и мужским характером. Отлично стреляла из пистолета и поколачивала своего мужа переводчика за бытовое пьянство и разгильдяйство. Закономерно, что через несколько лет обе вернулись на постоянную службу в столицу.

Основным вооружением полка того времени являлись три радиоприемных комплекса: ТНА-400, ТНА-110П, ТНА-97, где хозяевами были военные инженеры.

Старшим воинским начальником для них являлся главный инженер полка. При мне это был очень грамотный в профессиональном плане инженер майор, впоследствии подполковник Деменев Юрий Александрович. Выпускник политехнического института, призванный в вооруженные силы на два года, ставший профессиональным военным. Ему бы цены не было, но в конце 1979 года он попал в автомобильную аварию и сломал ногу. Все шесть лет пребывания мной в должности мы боролись за него, так как постоянно ГЦСС будировался вопрос о его увольнении со службы в связи с непре-

рывной болезнью и заменой новым человеком. Аппарат Илизарова практически не снимался с ноги Деменева, но поврежденная кость голени не срасталась. Для соблюдения приличия каждые три месяца мы забирали больного из Хабаровского военного госпиталя, и две недели главный инженер трудился в части, после чего опять уезжал на квартал. Болезнь его физически и психологически изматывала. Потихоньку он стал выпивать, все больше и больше, опустился. Мне пришлось много деликатно беседовать с ним. Поддерживать уверенность в конечном выздоровлении и ограждать от излишней критики московских начальников, которым надоела ситуация перманентной болезни главного инженера. Одно время он даже стал сторониться всех, стесняясь за свое состояние. Кроме того, короткие выходы на службу уже не давали возможности детально разобраться в обстановке, несмотря на самолюбие и тщеславие Юрия Александровича. Отчего он очень переживал. Но непрерывное боевое дежурство и боевая работа сантиментов не допускали. На отделе главного инженера, состоящим из офицеров майоров Ершенико А.А., Пащенко В.И Мищенко И.В., Ключкина В.Н., капитана Аладинского И.А., лейтенантов Долгова Е.И., Дайбова В.А. держалась техническая идеология эксплуатации радиоприемных устройств и конечной аппаратуры. А также все капитальное строительство. Через десять лет заместителем командира части-главным инженером стал подполковник Е.И Долгов, начинавший свою лейтенантскую карьеру при Деменеве в 1980 году.

ТНА-400 («САТУРН») предназначалась для перехвата многоканальных линий коммерческих спутниковых связей, использующих стационарные спутники «Интелсат-4». Она имела антенный комплекс диаметром 32 метра, площадью 800 квадратных метров, что позволяло осуществлять поиск искусственных спутников земли в пространстве по излучению бортовых передатчиков в диапазоне до 4200 МГц. После захвата объекта осуществлялось ручное, автоматическое, программное сопровождение. Это была высококомбинированная машина, для приведения в боевую готовность которой (при работающем МШУ), необходимо было всего 15 минут. Подразделение, обслуживающее эту машину, называлось четвертым отделом. Его возглавлял ветеран части мудрый и грамотный офицер-выпускник КВИРТУ подполковник Овчинников Виктор Васильевич. Замечательный во всех отношениях человек, которого довольно часто в сложных погодных и климатических условиях Приморья подводило

сердце. В связи с этим его супруга в период обострения болезни ходатайствовала о переводе мужа в щадящий район советской Прибалтики. Обращение жены офицера оказалось рассмотренным в ГРУ, и Овчинникова перевели в Вентспилс. Однако с началом развала государства началась такая вакханалия национализма, что его жена, эстонка по национальности, молча согласилась с решением мужа переехать на постоянное место жительства в Россию. Под руководством Овчинникова прекрасно зарекомендовали себя инженеры отдела офицеры Поляков Ю.А., Дегтярь Е.Г., Карabet Н.В., Миролюбов В.А., Нечипоренко О.Д., Тябут С.В., Резчиков В.Н., Зверин Б.М., Балясников А.Г., Волобуев А.В., Янголь В.П., Тарасов С.К., Белицкий В.А., Маякин Ю.А., Саратовцев О.С., Гук А.Н. и другие.

Вторым структурным подразделением, определяющим боевую деятельность части, была станция ТНА-110 («Плутон»), предназначенная для перехвата многоканальных военных стратегических линий спутниковой связи США в диапазоне до 7800 мгц. Сектор поворота антенны: по азимуту до 360 градусов; по углу места от — 3 до +105 градусов. В строю офицеров этого отдела было поменьше, чем в четвертом, возглавлял его вначале майор Пантусов Николай Александрович, а после его отъезда на Запад, молодой и перспективный инженер отдела, уроженец славного города Чернигова, капитан Валерий Николаевич Дворцовой. В дружной обстановке работали майоры Пермяков А.А., Стрегов В.З., Куликов В.Б., старшие лейтенанты Колядин А.А., Буланов А.И., Густов В.М., Лутай В.В., Долгов Е.И., Герасименко А.П. Приняли эстафету подполковник Виктор Крюк и майор Педорич А.П., перешедшие на инженерные должности из технического батальона.

ТНА-97 («Уран»), предназначалась для обнаружения, пеленгации, радиоперехвата излучений бортовых средств иностранных спутников-шпионов в диапазонах до — 2500 мгц. Эта была самая маленькая наша станция имевшая зеркало в дюжину метров в диаметре, т.е. около 30 квадратных метров. Офицеры этого отдела Пицулин А.Н., Мерсалов Л.П., Туганов А.Ф., Марсов А.К., Можаяв Ю.В., Сапожников А.В., Гордиенко В.Ф., Сергеев А.Н. под командованием сначала подполковника Беляева Геннадия Ивановича, капитана Несенюка Виктора Георгиевича, а затем майора Барана А.В. проводили пространственный и частотный поиск и обнаружение сигналов ИСЗ. Осуществляли слежение за ними по

угловым координатам в автоматическом, программном и полуавтоматическом режимах и ручном слежении. Успешно выполняли функции приема, анализа и регистрации сигналов вражеских спутников. Среди офицеров этого отдела у меня появился приятель майор Кулиш Игорь Остапович, с которым сближало десантное прошлое. Ежегодно отмечая в тайге августовский День ВДВ, мы, возвращаясь в глубоких сумерках в городок, распевали лихие десантные песни. А его жена, врач медпункта части, Тамара, с укоризной выговаривала мне:

— Что это вы мне, товарищ начальник политотдела, мужа спаиваете?

У нас с Игорем была бескорыстная мужская дружба. Супруги Игорь и Тамара представляли собой интересную пару, оба — высокие, статные, жгучие брюнеты приятной наружности. Только характером он уступал ей — умной, целеустремленной и волевой женщине, на которой держалась семья. Впоследствии Кулишам удалось вернуться на родину, в Подмосковье.

Собственным научно-исследовательским институтом в структуре части являлся отдел боевого применения. И действительно, незаметная, рутинная работа офицеров этого подразделения под командованием майора Чудника Николая Петровича, а позднее майора Сметанина Бориса Юрьевича, выпускника КВИРТУ, позволяла повышать боевые возможности отделов, занятых радиоперехватом. Это они занимались совершенствованием демоделирующей аппаратуры в выделяющих каналах. Недаром их в первую очередь и регулярно награждали боевыми орденами и медалями. Хорошую память оставили о себе толковые офицеры капитаны Зайцев А.Н., Бессонов В.В., Волобуев А.Н., старшие лейтенанты Воротников С.М., Багай А.В., Панин В.Е., Фролов В.В. В коллективе вырос талантливый изобретатель старший лейтенант Владимир Фомкин, откомандированный руководством ГРУ на учебу в академию.

В распоряжении офицеров отдела, которым руководил выпускник Тамбовского артиллерийского училища подполковник Иван Семенович Спиринков, находились несколько вычислительных машин, позволяющих проводить необходимые расчетные работы по уточнению и прогнозированию траекторий движения ИСЗ. Основным костяком отдела являлись выпускники института им. Можайского, офицеры в основной своей массе очень грамотные и достаточ-

но уверенные в своем призвании. Мне особенно запомнились Логвинович Я.Я., Лихачев С.Н. и другие.

Седьмой отдел связи, возглавлял бессменный начальник майор Иванов Игорь Васильевич. Он остался в памяти как добрейшей души человек, которому часто приходилось выслушивать замечания за нерадивость подчиненных. Но сам он являлся примером самоотверженности в службе. Впоследствии его сменил подполковник Бесчастных Алексей. У Иванова старшим инженером — заместителем начальника отдела работал засидевшийся капитан Павлов Владимир Николаевич, ветеран, 1945 года рождения, относящийся к службе с философским спокойствием. Затем его сменил выдержанный и грамотный офицер капитан Подгорный Александр Степанович (впоследствии убитый в Алма-Ату), ему на замену из училища пришел грамотный, но психически неуравновешенный лейтенант Пшеничников, у которого отмечались постоянные неурядицы в семье, что отражалось на службе. Отделу связи в структуре части уделяли особенное внимание, так как часто бывало перехваченная расшифрованная и обработанная информация за считанные минуты ложилась на стол начальнику ГРУ, а далее начальнику Генштаба и членам ЦК КПСС.

Восьмой отдел занимался вопросами капитального строительства. Его начальником являлся маленький и тщедушный, но живой как ртутный шарик майор Стрижак Василий Васильевич. Под его руководством многие подчиненные выросли до немалых служебных высот.

Самым многочисленным подразделением части являлся технический батальон, состоящий из двух рот радиоперехвата, технической роты, учебной роты, роты связи и роты материального обеспечения. При этом три последних считались отдельными. Позднее им этот статус отменили. Командовал батальоном выпускник академии связи имени С.Буденного подполковник Бойко, который пользовался высочайшим авторитетом у подчиненных. Для большинства солдат, сержантов, прапорщиков и офицеров, служивших в техническом батальоне, память о времени службы и командире осталась на всю жизнь. Образно о военной выучке батальона сказал самолюбивый военный поэт:

Мы познали многое.

Мы выросли здесь.

*Научились столькому,
что всего не счесть.
Но постигли главное —
Что такое честь.
Уяснили краткое
Воинское — «есть!»*

Командный состав рот и взводов в основном был укомплектован офицерами выпускниками Череповецкого высшего военного училища радиоэлектроники, подчиненного ГРУ. Первая и вторая роты радиоперехвата имели в строю по штату по 123 человека. Обе роты несли непрерывную службу на постах регистрации телефонных и телеграфных видов передач. Командный состав по подразделениям распределялись следующим образом: 1 рота — Курбатов, Гунич, Поганов, Цветков, Киревнин, Мелехов. 2 рота — Педорич, Иванюков Л.Б., Крюков, Ханбеков Р.К., Жабчиков, Паркаев, Марунич. 3 рота — Прохоренко, прапорщики Кобылянский, Збарацкий, сержанты Каширин, Пантелеев, Кондратьев, Гурьянов, Комогорцев, Тресков. Командиром роты связи являлся незабвенный капитан Соловьев, имеющий взводными лейтенанта Журавлева, прапорщиков Зеленко и Золотова. Учебная рота по существу являлась собственной учебкой — по подготовке специалистов для разведывательных подразделений. Она по штату имела в строю более шести десятков курсантов. Командный состав учебной роты представляли: капитаны Голомянов, Ерощков, Чанчиков, Кавко. Прекрасно работал старшина роты старший сержант Кайгородов. Это подразделение располагалось прямо в технической зоне в здании одной из станций. Рота материально-технического обеспечения (МТО) играла существенную роль в обеспечении жизнедеятельности части. Ею командовали: капитаны Чмора, Ефграфов, замполитами у которых в разное время были Бондарчук, Путина, взводными командирами прапорщики Трефилов, Чуб, Милетин, Шалабода, Зайцев.

В конце девяностых годов кадровая политика ГРУ изменилась, и наши командиры подразделений перехвата оказались в категории заменяемых специалистов для выезда по замене вграничные части на равных с переводчиками и инженерами. В целом все они были хорошо подготовленными офицерами, и это способствовало закреплению кадров системы. Офицеры Александр Жабчиков, Александр Голомянов, Сергей Поганов, Цветков, Киревнин, Хан-

беков, Крюков, Гунич, Чанчиков и другие начинали при мне службу лейтенантами и дослужились в части до подполковников и полковников. Особенно запомнилась деловая хватка Жабчикова и Соловьева. Двое прапорщиков Горбунов и Збарацкий, а также срочник старший сержант Костин стали офицерами. После этого Геннадий Серафимович Горбунов служил в политотделе 5 армии в Уссурийске, а Александр Яковлевич Збарацкий помотавшись по свету уволился в запас в Киевском военном округе начальником автослужбы Белоцерковской ракетной бригады в звании майора. Дождались замены и командиры подразделений капитаны Курбатов и Чмора, уехавшие к новому месту службы по замене. Первый закрепился в Подмоскovie, а второй, после Германии, мучаясь ностальгией, вернулся добровольно на Дальний Восток, и остался на постоянное жительство в краевом центре Хабаровского края.

Любимцу солдат комбату Бойко довелось стать четвертым командиром части после Гурьева. Эмоциональный, легко возбудимый, нервный, резкий, порой грубый, но удивительно притягательный человек. Полковник Бойко Александр Николаевич имел приятную наружность, средний рост, стройную гибкую и сухощавую фигуру. Русоволосый мальчуган родился за девять месяцев до начала войны в глухой белорусской деревне Беличи, что затерялась в Слуцком районе Минской области. Его родители Николай Николаевич и Елена Андреевна сызмальства занимались крестьянским трудом. И, вероятнее всего, если бы не воинский долг, позвавший Александра в армию, то и он бы провел всю свою жизнь, как его родители.

Профессию кадрового военного Саша выбрал не случайно, а осознанно, еще будучи солдатом срочной службы, когда из-за баранки автомобиля сел на курсантскую скамью. Как оказалось, в деревенской разрушенной войной школе учили его хорошо, потому и учебу в военном училище паренек вытянул уверенно на хорошо и отлично, а после этого прошел все командные должности в частях радиоразведки ОСНАЗ. Бойко, безусловно, без всяких натяжек олицетворял собой тип настоящего командира. Говорил лаконично и складно. Своим внешним видом резко выделялся на общем фоне офицеров части, да и среди всех моих прежних сослуживцев командиров — он, пожалуй, был самым опрятным и даже франтоватым в офицерской форме. Всех его подчиненных, в том числе и заместителей командира части, особенно поражало его умение доводить до

зеркального блеска свои сапоги, которые, казалось, невозможно было человеку довести до такого идеального блеска. Он являлся эталом эталоном воинской красоты.

Офицеры и прапорщики старались походить на своего командира. С особой тщательностью подчиненные по утрам гладили свое обмундирование и драили до зеркального блеска хромовые сапоги. И если не дотягивались до командира, то все равно выглядели опрятно.

После увольнения в запас Ерошова он сменил его на должности — первого заместителя командира-начальника штаба части. А когда подошло время замены командиру подполковнику Гурьеву, то другой кандидатуры, кроме Бойко, мы просто и не рассматривали. Однако надо отметить, что мужественный Бойко долгие недели колебался и не принимал решение. Все думал:

— Принимать часть или уволиться в запас?

Он был очень требовательным к себе человеком, потому анализировал ситуацию и сомневался. В эти минуты колебаний мне пришлось убеждать Александра Николаевича:

— Ведь вы прирожденный командир и должны закончить службу логической точкой. А значит, непременно пройти должность командира полка и получить полковника! Кто, если не вы? — Он слушал и молчал, нервно курия сигарету.

С долгими сомнениями и колебаниями, но положительное решение, наконец-то, было принято. Бойко согласился и возглавил коллектив части, которая под его руководством еще более расцвела. А сам командир за успешное выполнение специальных заданий командования заслужил высокую правительственную награду — орден «За службу Родине в ВС СССР» III степени. Достигнув предельного возраста, успешно заменился в разведывательное управление Ленинградского военного округа.

В Северной Пальмире, ставшей ему родной со времени учебы в академии, жила его семья. Здесь он встретился и женился на умнейшей и красивейшей женщине — урожденной ленинградке Галине Семеновне, родившей ему сына Андрея. Прослужив год в разведуправлении, полковник уволился в запас. Через десятилетие, 3 января 2003 года, похоронил супругу. Через несколько лет и его настигло это страшное заболевание. А дальше их судьбы ушли с земного круга туда, где судят мертвых, о которых мы обязаны говорить или хорошо, или ничего. Александр Николаевич Бойко

был настоящим советским офицером, и пусть ему хорошо спится в земле, на которой он пережил немецкую оккупацию, немало мучений, но и человеческую признательность и любовь окружающих.

После Бойко батальоном командовали подполковники Алхимов Л.В., Онопко А.П., Соловьев В. и Жабчиков.

ОСОБЕННОСТИ СОЛДАТСКОЙ СЛУЖБЫ И БЫТИЯ

Полк занимал большую территорию и дислоцировался, как я уже упоминал, на нескольких достаточно отдаленных друг от друга площадках: Казарменная зона (1 площадка) с двумя трехэтажными казармами, трехэтажным штабом, столовой, автопарком, караульным помещением и многочисленными складами. В километре от штаба в девственной уссурийской тайге дислоцировалась техническая зона части (2 площадка), состоящая из трех технических комплексов станций и основного пятиэтажного технического здания длиной более 300 метров. В полукилометре в тайге для поддержания жизнедеятельности этих городков работали основные котельные, насосные и электроподстанции (3 площадка). В полутора десятках км от места постоянной дислокации полка, на окраине районного центра Яковлевка, находилась 4-я площадка — жилой городок семей офицерского состава. В комплект которого входили девять жилых и служебных зданий и своя автономная система обеспечения: мощная котельная, насосная с глубинной скважиной, электроподстанция, юстировочная вышка.

При таком разбросе по площади в условиях суровых дальневосточных зим постоянно возникали большие трудности по обеспечению жизнедеятельности коллектива, порой ставящие военнослужащих и членов их семей на грань выживания. Главной из них была нехватка топлива.

К началу января ежегодно заканчивались основные запасы угля, и хотя все летние месяцы мы непрерывно завозили уголь на площадки и склады рядом с котельными, этих запасов не хватало; второй проблемой являлись неуправляемые скачки напряжения, коварно выводящие из строя трансформаторы. От этого горели и глубинные насосы, прекращающие подачу воды, что в холодное

время вело к скорому замерзанию в трубах водоснабжения и канализации, полной остановке котельных. Все это в комплексе в один момент парализовывало повседневную жизнь людей. В такие драматические часы вся воинская часть вместе с женщинами и детьми погружалась во тьму и холод и переходила на спартанский полевой быт.

При таких авариях истинное героичество проявляли специалисты тыла, которыми командовал незаурядный руководитель, помощник командира части по материально-техническому обеспечению майор Мячин. Он являлся замечательным организатором и великолепным, деликатным человеком. Виктор Васильевич привлекал внимание своей красотой, интеллигентностью, умением ладить с людьми, осторожным обращением с неформальной лексикой. Среди его друзей были только хорошие люди — главный энергетик части, добрейший и покладистый майор Владимир Ключкин и начальник отдела — заводной и эмоциональный майор Василий Стрижак (впоследствии, после увольнения в запас, работавший председателем сельсовета).

Под руководством толкового руководителя достойно и уверенно нарабатывали опыт молодые начальники служб тыла офицеры Сергей Голумбовский и Володя Парамзин, кладовщики прапорщики Левкин и Снитко. За упущения, которые случались в повседневности, с них строго спрашивали, что способствовало скорой зрелости и профессиональному росту. С целью активизации деятельности всех служб тыла в комплексе с КЭЧ района мы даже проводили партийно-хозяйственные активы. Добрую память оставил о себе мой земляк отзывчивый человек и профессионал своего дела начальник автослужбы части выпускник Челябинского автомобильного училища капитан Александр Гопенко. Который неоднократно помогал нашей семье в трудные минуты в быту. Офицеры Юрий Аверин и Игорь Аладинский тянули на себе сложные проблемы капитального строительства. Одним из незавершенных строительных объектов части, оставшиеся в перечне объектов долгостроя с 1971 года, являлись очистные сооружения. «Строящиеся» десять лет, они являлись незавершенным объектом и в девяностые годы. Их сметная стоимость в те времена составляла немалую сумму в 885 тысяч рублей, на декабрь 1980 по бумагам якобы было освоено строителями 734 тысячи рублей, а объект работающим так никто и не увидел. Хотя завершены были наружная кирпичная кладка ограждения, внутренние перегородки. Полностью выполнен железо-

бетонный первый биофильтр, на 75% второй биофильтр. Однако нагрузка биофильтров проектным гравийным щебнем еле тянула на десять процентов. Начальники УНР (управления начальника работ) и строительных подразделений подполковники Пушин и Цимбровский умело уходили от ответственности за незавершенный долгострой и преступное расходование денежных средств. Насколько мне известно, этот объект незавершенным перешел и в новое столетие.

СЛОВО О КОЛЛЕГАХ

За шесть лет службы на Дальнем Востоке мне довелось многих офицеров провожать к новым местам службы. Среди них были и коллеги. Часть из них ушла на повышение, как Васин Н.Д. и Комлев Б.Ю., а другие уехали в престижные командировки за границу это Сасько А.В., Бондарчук А.Н., Мамеко В.А., Рыбчук С.А., Козачук А.П. и другие.

Прямо скажу, с большой неохотой провожал я в Группу советских войск в Германии замполита первой роты Александра Викторовича Сасько, которого высоко ценил и хотел видеть в рядах своих соратников. Это был сложившийся офицер, всего на пять лет моложе меня, с отличием окончивший Донецкое высшее военнополитической училище. До того успевший послужить курсантом учебного подразделения и пулеметчиком в войсках. Александр обладал колоритной внешностью — высокий, хорошо сложенный, с густыми черными волосами. По выпуску из училища в сентябре 1978 года ему была доверена первая рота радиоперехвата. Традиционно во всех частях первые роты являются лучшими и соответственно комплектуются лучшим личным составом. Сасько со школы отличался светлой головой, склонностью к глубокомысленному анализу и фундаментальности принимаемых решений. Меня иногда раздражала его дотошность, но именно из-за этого качества, я доверял ему наиболее серьезные дела и планировал при перемещении кадров поставить пропагандистом политотдела вместо Платонова. На должность, особенно почитаемую в политотделе. Однако старший лейтенант отказался от предлагаемых мной проектов и попросился за границу. Впоследствии, как оказалась — судьба удалась. В июле 1981 года согласно приказу командующего войсками округа № 0231

его освободили от должности и в соответствии с директивой министра обороны СССР № Д-039 от 13.10.1980 г. откомандировали по замене в распоряжение Главкома ГСВГ. Военная служба оказалась непростой, а порой и очень нелегкой, но благодаря природным способностям и национальному терпению ему все удалось. Первоначально, на немецкой земле он принял роту разведки в 30 отдельном разведбате 6 мсд 20 общевойсковой армии. Затем способного политработника бросили в прорыв на роту материального обеспечения 81 мсп этой же дивизии, для сплочения коллектива и наведения уставного порядка. Вскоре коммунисты избрали Александра секретарем партбюро 48 ортб ПВО 20 армии, что определило на долгие годы его службу в частях ПВО. По замене попадает под старую столицу Украины город Харьков, где очередная должность замполита 12 зенитно-ракетного дивизиона 96 зенитно-ракетной бригады открыла ему карьерную лестницу наверх. Вскоре он — старший инструктор по оргпартработе политотдела 96 озбр. К тому времени перевертышем — генсеком ликвидируются политорганы, и Сасько становится помощником командира 148 зрбр по работе с личным составом. Затем возвращается с повышением в Калиновку Киевской области на должность заместителя командира — начальником социально-психологической службы 96 зрбр. В момент формирования новых идеологических должностей в украинской армии он привлекает начальников своим умением найти доходчивое слово для аудитории и абсолютно грамотным владением украинским языком, а не суржилом на котором говорили и до сих пор говорят многие. Перестроечные страсти и кризисы поднимают полковника Сасько на генеральский олимп — начальником управления военно-социальной работы Главного управления воспитательной работы МОУ. В этот период ему пришлось поработать с генералами Кобзарем, Ситником, Процепко. Работает стабильно и, казалось бы, нет поводов, чтобы не стать генералом новой формации. Очередная должность заместитель директора департамента гуманитарного и социального развития МОУ — начальник управления социального развития, делает его не только сановитым начальником, но и военным дипломатом. Он на виду не только в войсках, но и в государстве, часто бывает за рубежом и поддерживает интересные инновационные проекты в сфере развития процессов адаптации и трудоустройства уволенных в запас военнослужащих, конверсии бывших военных объектов. Однако у нового украинского генералитета на выход-

ца из Черкасщины генеральской звездочки не хватило. После увольнения в запас профессионала высокой пробы прибрал к себе секретариат Уполномоченного Верховной Рады по правам человека. А.В. Сасько возглавил отдел защиты прав военнослужащих, ветеранов и инвалидов. Всю жизнь рядом с ним умная красивая женщина и боевая подруга Людмила Захаровна Витченко. В семье вырос сын Евгений, избравший карьеру военного, которая складывается весьма успешно. К тридцати годам он стал майором военной разведки. Может быть, ему удастся стать генералом? С семьей Сасько мы дружим всю жизнь. Как всегда, Александр честен и безупречен, бескорыстно помогает своим соратникам, надежен, как боевой штык. По моей просьбе он написал несколько строк о своем становлении в нашей части.

«Вспоминая службу на Дальнем Востоке в войсковой части 51430, я подумал, — о чем писать? Человеческая память избирательна. Черные полосы сглаживаются, светлые становятся ярче. Служба, как служба — занятия, дежурства, совещания, партсобрания. Здесь было все первое — первая рота, первые принятые тобой и уволенные солдаты, первая благодарность и первое взыскание, первые организованные занятия и инструктаж караула. И все это первое стало эталоном на последующую службу... Но было несколько знаковых ситуаций, которые носили принципиальный характер и поэтому запомнились.

В конце августа 1978 года в политуправлении Краснознаменного Дальневосточного военного округа я получил распределение для дальнейшего прохождения службы в войсковую часть 51430. В округе толком пояснить, что за часть и чем она занимается, никто не смог. Я ехал с твердой уверенностью в необходимости изучать китайский язык и стремлением как можно быстрее стать в строй. Ночной переезд железнодорожным экспрессом «Россия» из Хабаровска до Спасска и, далее — автобусом до Яковлевки прошел без каких-либо впечатлений. Но после украинских, относительно зажиточных хозяйств, удивила бедность местных, в основном деревянных, жилищ, да бескрайние дальневосточные просторы.

В последнюю пятницу августа, к обеду автобус, высадил меня на центральном перекрестке райцентра, а сам продолжил путь по пыльной проселочной дороге в сторону Арсеньева. Запомнилось, что жара стояла неимоверная, я тогда еще не знал, что нахожусь на одной параллели с курортным Сочи, хотя внешне это было очень

заметно. Где искать часть назначения? Расспрашивать долго не пришлось — на глаза попался капитан из стройбата в запыленных сапогах, с фуражкой под мышкой, в расстегнутой рубашке и с галстуком, зацепленном за погон (это удивило — такого разгильдяйства в центральных округах я не видел). Правда, и в центральных округах мне тогда еще приходилось бывать в отдаленных райцентрах типа Таращи, Томаковки, Миргорода. Капитан же, наверное, встречал меня не первого, хорошо знал, что со мной делать. Два моих чемодана с сапогами, портупеей, полевой формой одежды, в общем, со всей амуницией — были пристроены на проходной какого-то местного предприятия, а я уселся в кабину самосвала и мы тронулись в дальнейшую дорогу. Капитан оказался совсем не таким разгильдяем, как мне показалось вначале. Двадцатиминутный путь по сопкам напрасно не прошел, я получил краткий вводный инструктаж, первые добрые напутствия и пожелания. Мне было рассказано, что офицеры и прапорщики живут в Яковлевке, часть стоит в сопках в 14 километрах от райцентра, служат на станциях космической связи — потому и ходят в авиационной форме.

— Тебе повезло, — сказал с улыбкой он, — здесь служат все веселые, а находчивые служат на западе. — Так в первый же день началось освоение местной фразеологии. Распроцались на КПП части. Капитан на самосвале уехал дальше в тайгу, а я пошел представляться в штаб части.

В моих планах на сегодня было откомендоваться замполиту полка, узнать — где можно остановиться, переодеться, в понедельник представиться командиру части и получить назначение. Начальником политотдела был майор Александр Сергеевич Горев. К нему меня и направил дежурный по части. Обычная в таких случаях беседа долго не продолжалась. Коротко познакомившись, майор Горев позвонил в общежитие, дежурная сообщила номер комнаты, где я буду жить. Начальник политотдела сразу же принял решение представить меня командиру, что и было немедленно сделано в соседнем кабинете. Представление командиру прошло как-то буднично, без ожидаемого пиетета — в повседневной форме одежды, параллельных брюках. Говорят, как корабль назвать — так он и поплывет. За всю свою офицерскую службу я принял тринадцать должностей, но ни разу не представлялся в парадном мундире!

Командир направил меня в технический батальон и уже через 5 — 10 минут начпо передал меня командиру батальона майору

Бойко А.Н. Те же вопросы, те же первые напутствия, первое знакомство с расположением рот, классами, ленинскими и бытовыми комнатами. В канцелярии первой роты с командирского места вскакивает какой-то прапорщик: «Вот Ваше место, товарищ лейтенант!». Комбат пояснил, что рота длительное время живет без командира. Капитан Помазков А.В., по состоянию здоровья переводится на Запад, его обязанности исполняет старшина роты, но и он в отпуске, поэтому сейчас ротой командует командир первого взвода прапорщик Гринев Н.И. Который и уступил мне командирский стул.

Каждая минута нашей жизни несет определенную нагрузку, она неповторима и судьбоносна. Бывают ситуации, которые проходят и в памяти не остаются. Но есть ситуации, которые запоминаешь на всю жизнь. С такой я столкнулся в первый день службы в части. Лично комбат с воодушевлением рассказывал и показывал достижения ратных будней батальона — то что видно и лежит на поверхности. Вот, например, облицовка стен в казарме 3 роты (стены обшиты обожженной рейкой), — как Вам это нравится? — вот Ленкомната учебной роты, — как Вы ее оцениваете?, а это — бытовая комната во второй роте, — что Вы об этом скажете? Мне было сложно вообще что-либо говорить — ленинские и бытовые комнаты, сержантские классы, и казармы в училище или на наглядных пособиях, изданных ЦДСА им. Фрунзе, существенно отличались от увиденного мною в батальоне. Но командир жил этой жизнью — вместе со своими солдатами и офицерами, он каждый день подручными средствами окультуривал и облагораживал солдатский быт. А я должен был дать всему этому оценку. Скажешь, что плохо — человек обидится, может сказать, что неспособен оценить чужой труд. Скажешь, что хорошо — можешь показать свои некомпетентность и некритичность. А хочется показаться лучше. В этой ситуации я мычал что-то невразумительное, изворачивался от ответа, но все-таки умудрился ничего не сказать и не навлечь на себя ни гнев, ни удовлетворение командира.

Да и оценка появляется в результате сравнения. Но если в твоей голове нет представления об исходном, и если ты не видишь идеального, к которому надо бы стремиться — тяжело оценивать что-либо. В моей голове на тот момент и первое, и второе было достаточно туманно. Поэтому и оценивать я много чего не мог. И, наверное, не надо было этого делать. Такой вывод я сделал из первого дня службы и на всю жизнь. Скоропалительные и невзве-

шенные оценки редко когда и кому идут на пользу — они либо обижают, либо расслабляют. Наверное, именно с этого урока у меня начало формироваться очень осторожное отношение к оценкам деятельности, принятых решений, поступков подчиненных, коллег и начальников.

Комбат же, показав свое батальонное хозяйство и отвалив полной мерой своей командирской щедрости, дал мне два дня (субботу и воскресенье) на приведение формы одежды в порядок — поменять фуражку, погоны и петлицы, пообещал дать потом время, чтобы перешить канты на брюках.

В понедельник на разводе перед строем батальона я был назначен заместителем командира роты по политчасти. Комбатом было определено и место в строю — на левом фланге роты. Мудрый командир не доверил с первого дня молодому офицеру роту, но и не поставил его в подчинение прапорщику, своим решением показал, что офицерское самолюбие надо щадить. В течение недели я должен был ознакомиться с положением дел в роте, определить какие-никакие перспективы. В течение недели комбат на совещаниях ежедневно заслушивал меня о проделанной работе, советовал, что мне изучить, на что обратить внимание. К принятию каких-либо управленческих решений я допущен не был, от меня их никто и не ожидал. А через неделю, на разводе перед строем батальона, командир батальона объявил меня исполняющим обязанности командира первой роты. Закончилась моя студенческая жизнь, начались ежедневные совещания, постановки задач, доклады об их выполнении. И, как мне тогда казалось, никакой поправки на мою молодость и неопытность. Впрочем, я этого и не ожидал.

О совещаниях майора Бойко А.Н. надо сказать отдельное слово. Независимо от погоды, задач, вводных они раз и навсегда были назначены на 17.00. Побывав трижды на совещании, ты понимал (при наличии ума; при отсутствии нужных умственных способностей это понимание приходило с пятого раза, не позже) систему работы комбата. Но этот шаблон по форме (доклад командиров рот о работе за день, задачах на завтра, постановка или уточнение задач командиром и разъяснение порядка их выполнения) был обманчив. Совещание проходило гибко и методично, командир держал нас всегда в напряжении, заставляя адекватно реагировать на поставленные вопросы. Заканчивалось совещание элементами методической подготовки. А уж если намечались батальонные мероприя-

ятия или мероприятия по плану командира части — порядок подготовки к ним тщательно расписывался, давался под запись и с неотвратимой решимостью контролировался командиром и его заместителями. Безусловно, совещания носили и воспитательный характер. По крайней мере, методика подготовки и проведения их, уверенность в их необходимости и стремление к высокой их эффективности я пронес впоследствии через всю службу.

Рота же жила своей жизнью. В то время первая рота четырехзвездного состава имела по списку 85 солдат и сержантов. Два командира взвода из трех — прапорщики, третий — сержант. Четвертый, условный, взвод — учебный. (Условный потому, что личный состав числился в списках подразделений, а фактически сведен был в отдельную учебную роту, подчиненную командиру батальона). По итогам весенней проверки в роте был один специалист II класса и, кажется, он же — единственный отличник боевой и политической подготовки. Ежедневное несение дежурства, караульной службы и службы в суточном наряде (сутки через трое) были постоянными задачами личного состава роты. Исходя из них, сформировался и ее коллектив, его микрогруппы, традиции, настроения. Так, независимо от штатно-должностного состава взводов, в роте просматривалось три большие группы. Первая, сравнительно малочисленная, — группа солдат, несущих дежурство. Они жили своей жизнью, в распоряжение роты их калачом не заманишь. Вот уж где родилась притча: «Старшина мне мать родная, командир — отец родной! Не нужна родня такая — буду лучше сиротой!». Да и делать им тут было нечего — зубные щетки, подворотнички, мыло, чай, письма из дому — все было в местах несения дежурства. К занятиям по боевой подготовке, хозяйственным работам они, как правило, не привлекались, проверки, смотры их не касались. И неважно, что спать им приходилось по 3 — 5 часов в сутки. Это была белая кость роты, они выполняли постоянную боевую задачу, гордились этим и очень осторожно допускали в свою группу других солдат. Более того, всячески создавали видимость своей исключительности и незаменимости.

Вторая, несколько большая по численности группа — это группа солдат и сержантов, допущенных к несению караульной службы. Несмотря на жесткие условия подбора личного состава в часть в целом, оружие и боевые патроны доверялись далеко не каждому. Между несением караульной и внутренней службы эти орлы зани-

мались по плану боевой и политической подготовки, привлекались к выполнению хозработ. Первые две задачи требовали всестороннего подбора и тщательной подготовки личного состава, глубоких знаний и твердых навыков, а для этого необходимо стремление, упорство, физические данные и морально-психологические качества.

Третья группа, самая многочисленная, включала солдат, удовлетворенных судьбой дневальных по роте, рабочих по столовой и грузчиков в котельной. Все это определяло и положение солдат в неформальной иерархии коллектива. Они это знали и стремились, в меру своих способностей и миропонимания, занять соответствующее место. Кто-то мирился с позицией вечного дневального или рабочего по столовой, кто-то стремился перейти в элитную группу — нести боевое дежурство. Солдаты перемещались из группы в группу под влиянием многих факторов. И немаловажным среди них, а может быть — и самым значительным при этом, было солдатское самоуправление. Решение, принятое солдатами и сержантами в курилке, кого-то выводило в люди, а кого-то на всю службу оставляло в посудомойках. Как правило, первичное солдатское мнение учитывалось и, после необходимой подготовки, системы допусков, разрешений и приказов солдат перемещался по группам. В это время влияние командования роты на такие перемещения на первый взгляд было весьма ослаблено.

К концу года начались мои серьезные изыскания в области взаимоотношений в коллективе. Увольнение в запас солдат и сержантов, выслуживших сроки службы, пополнение молодыми солдатами и проявления неуставщины, организация подбора сержантов и расстановки людей по должностям и боевым расчетам, допуска к несению службы, в совокупности толкало к глубокому осмыслению этих процессов. На практике я сделал для себя «открытие», что неформальная организация коллектива в идеале должна соответствовать его штатной структуре, которая, в свою очередь, должна отвечать возложенным на него задачам. Эти открытия непросто давались и потому мне понадобилось добрых года два напряженной работы, чтобы осознать эти задачи и приблизиться к их решению. К сожалению, сегодняшняя практика говорит о том, что многие нынешние полководцы на высоких должностях так и не освоили этих таких простых законов управления!

К 1980 году была утверждена новая организационно-штатная структура части, что позволило максимально согласовать штат роты

с расписанием постов боевого дежурства, организовать трехсменное его несение, оптимизировать боевую подготовку, несение караульной и внутренней служб и организацию жизнедеятельности части в целом. К началу моей офицерской карьеры относится и заявление одного из замкомвзводов, сержанта Татолина:

«Мы последние специалисты в роте! Эти молодые ничего не знают, не умеют и знать ничего не хотят! Мы уйдем, а Вы вешайтесь — рота не справится ни с одной задачей!» Мне и по сей день запомнилось эта весьма поучительная сентенция одного из младших командиров, которую мы порой часто слышим и сейчас, но еще с того времени к подобным заявлениям я отношусь очень критически. У меня хватило ума не повеситься, Татолин через два месяца уволился, появились новые специалисты и стали они не хуже прежних, рота продолжала выполнять боевые задачи с заданной результативностью.

Однако само по себе это не приходит. Уж так устроена армейская жизнь, что отличные командиры взводов становятся посредственными командирами рот и их надо выводить в передовики, чтобы потом они, в свою очередь, становились посредственными комбатами. И так бесконечно. Хорошо знаю, что подготовка специалиста требует кропотливой работы, больших затрат сил и энергии. Впрочем, сегодняшние мои наблюдения говорят о том, что в природе есть очень мало руководителей учреждений, подразделений, которые готовы целенаправленно и осмысленно готовить необходимых им специалистов. Да и многие из них такую задачу не ставят.

В 1979 году начальника политотдела майора Горева А.С. сменил капитан Кривопапов О.В. С приходом в часть Олега Владимировича требования к политработе в ротах вышли за пределы боевых листков и сентенций о высокой воинской дисциплине. Работа стала более осмысленной, усилилась методическая подготовка партполитактива, военно-патриотическое воспитание. Появились новые для части, интересные формы морального стимулирования. Листик бумаги, на котором рукой капитана О.В. Кривопапова написана благодарность лейтенанту О.В. Сасько вроде бы ничего и не значит, а хранится в моих архивах по сей день!

Жизнь продолжалась. Далеко не всегда теоретические измышления замполитов рот находили свою реализацию, далеко не всегда приносили желаемый успех. Максимализм молодости требовал всего и сразу, а так не получалось. Формирование коллектива роты,

актуализация его сил на решение текущих и возникающих задач, организация повседневной жизни требовали больше рутинной работы, чем кавалерийского наскока, а ожидаемый результат был несколько отнесен во времени.

Но уроки преподавали не только начальник политотдела с комбатом. Летом 1980 года я получил урок педагогического такта от командира отделения тогда еще ефрейтора Дмитриева М.В. Сильный морально и крепкий физически, Дмитриев выделялся в общей массе с первых дней службы. Какими только видами спорта он не занимался! Многоборье, силовые единоборства, игровые виды спорта... Деда зауважали его на третий день службы, когда он отшил какого-то тщедушного годка, потребовавшего за минуту времени найти ему иголку и нитку. Через полгода Михаила назначили командиром отделения. И все было нормально, да вот, кажется, по весне ефрейтор Дмитриев М.В. во главе команды был направлен на подвоз угля в котельную в Яковлевку, там бойцы купили бутылку вина и, конечно же, попались замполиту. Суд был скорый, расправа жестокой, наказания соответствующие. Дмитриев на два месяца был занаряжен дежурным по роте, гордо и качественно нес службу, холодно-вежливо докладывал по утрам, но не запросился... И вот в середине лета футбольная команда части выезжала на игру с местными футболистами. После игры, обычно футболисты оставались в увольнении и вечером возвращались в часть. В состав команды был включен и Дмитриев. Я был ответственным по роте, Дмитриев свободен от наряда и собран на игру. Но он же у меня в опале, вину-то он еще не искупил, по-моему! Начальник команды в интересах части уговорил отпустить Михаила на игру. Последнего предупредили о необходимости вернуться в часть сразу после игры — никаких увольнений! Это же в присутствии Дмитриева я повторил помощнику дежурного по части и дежурному по парку. Дмитриев с каменным лицом все выслушал, вернулся с игры, как было приказано, доложил о прибытии и пошел отдыхать по плану выходного дня. А к концу дня я вдруг обнаружил, что у меня в роте нет ни одного сержанта, кроме Дмитриева, кто увел бы подразделение на ужин. Отданная ему команда построить роту и вести ее на ужин проигнорировалась им полностью. Никакие приказы, угрозы, увещевания желаемого эффекта не принесли. Весь вечер воскресенья я истратил на индивидуально-воспитательную работу с тихо взбунтовавшимся ефрейтором. Утром в понедельник я милостиво дал сутки

Дмитриеву на поиск путей к покаянию и предупредил, что если он не изменит своего отношения к службе, я его посажу. По-настоящему. «Садите», — гордо ответил Дмитриев. На том и расстались.

Во вторник, во время политзанятий я почти выполнил свою угрозу — написал рапорт о привлечении своего сержанта к уголовной ответственности. Вид деловой бумаги не поколебал Дмитриева, он готов был ко всему. Но к этому не готовым оказался я. Надо было искать выход из конфликта, а прямолинейного выхода я не видел. Пришла мысль, сохраняя штандарты, сдаваться, но кому? Недолгие раздумья привели меня к начальнику штаба батальона майору Л.В. Алхимову. Что говорил Леонид Владимирович Дмитриеву — до сих пор не знаю, но через 10 минут Михаил возвратился на занятия, громко при всех извинился передо мной. С нескрываемой радостью, я порвал свой рапорт и на том вопрос был исчерпан. Впоследствии Михаил закончил службу замкомвзвода, и в звании старшины благополучно уволился в запас летом 1981 года.

Этот конфликт привел меня к нескольким выводам. Во-первых, гайку надо крутить, пока резьба не сорвана. Во-вторых, подчеркнутое недоверие вызывает подчеркнутую неприязнь и невосприимчивость. Ну и, конечно же, элементарная бестактность не только унижает человека, но и подталкивает сильных людей к ожесточенному сопротивлению.

Весной и в начале лета 1981 года, готовясь к переводу в Группу Советских войск в Германии у меня было достаточно времени, чтобы подвести итоги первых трех лет службы. На весенней проверке рота показала хорошие результаты — больше 45 процентов отличников, уверено вышла на II место в части, но обойти 3 роту капитана В.И. Грушко в соревновании было очень сложно; нам это не удалось. Были успехи и неудачи, из которых я тогда сформулировал какие-никакие выводы. Сегодня можно критически смотреть на эти наивные умозаключения. До глубины и остроты Козьмы Пруtkова им далековато, но как принципы они со мной жили.

Запомнилась весенняя отправка уволенных со службы моих солдат. Мы разъезжались в разные стороны. Мне было тяжело расставаться с этими крепкими, возмужавшими парнями, готовыми к жизни во всех ее проявлениях. Мужчинами, так не похожими на мальчишек двухлетней давности. Как сейчас помню глаза старшего сержанта Сережи Вяземского, когда увольняемые построились пос-

ледный раз на отправку домой... Помню их всех, пришедших ко мне мальчишками, ушедших солдатами. Приятно, когда и они меня помнят. Так, уже в 2009 году в «Одноклассниках» нашел я сержанта Александра Шапоренко. Тот ли? Пишу ему письмо: «А помнит ли сержант Шапоренко А.Г. кто у него были командиром и замполитом роты?» Отвечает, — «Командира не помню, а замполитом был лейтенант Сасько». Хотелось спросить, — а помнит ли, как они брили полотенцем молодого солдата рядового Колю Ясева и что им за это было? — Но деликатно спрашивать этого не стал...

Моя первая строевая часть и ее офицерский коллектив заложили в меня те качества, которые по большому счету стали краеугольными в офицерском характере. Здесь я освоил принципы взаимоотношений в офицерском коллективе, методики и технологии работы замполита в боевом подразделении...

История моего перевода в ГСВГ достойна отдельного рассказа, она может подчеркнуть сложность процесса служебного перевода с Дальнего Востока на Запад, героизм и искусность усилий в этом деле начальника политотдела О.В. Кривопалова (что в принципе тогда было маловероятным, если не невозможным явлением). Однако все состоялось и 28 июля 1981 года со сложными чувствами я пересек государственную границу ГДР. Я очень жалел, что уехал из войсковой части 51430. Но я нисколько не пожалел о том, что попал служить в ГСВГ. Впоследствии в каждом случае, в сложной обстановке во время службы в разведбате, радиотехническом батальоне, зенитной ракетной бригаде, мерилом, критерием оценки были нарабатанные на Дальнем Востоке технологии.

Как хорошо, что человеческая память избирательна! Сгладилась в памяти и потеряли свою остроту первое взыскание, переезды на Урале-375 из села к части и развод на плацу в 40-градусный мороз, все, что выводило из равновесия и расшатывало нервы...

Но не часто выпадает счастье сказать спасибо тем, кто вложил в тебя частицу себя. Мне, наверное, повезло. Спасибо вам, боевые товарищи! И особое спасибо комбату Александру Николаевичу Бойко и начальнику политотдела Олегу Владимировичу Кривопалову. Первый внес неоценимый вклад, чтобы сделать из меня офицера, второй — в формирование меня, как профессионала — политработника».

Пропагандист политотдела майор Платонов, наоборот проявил удивительную выдержку и терпение и с 1978 года до увольне-

ния в запас никуда не хотел уезжать, а служил в одной части, ожидая удачи, которая, к счастью, от него не отвернулась. Юрий Васильевич был постарше меня. Родился в сибирской глубинке ранней весной 1944 года, в 20 лет был призван в армию, где освоил специальность радиотелеграфиста. Проявив организаторские качества, вскоре стал командиром отделения, а затем техником отделения.

Завершив обучение на курсах политсостава, с 1971 года лейтенант Платонов — замполит отдельной роты тропосферной связи. Его отношение к службе импонирует командирам, и через несколько месяцев его бросают в прорыв на самостоятельную должность — заместителем начальника пункта радиоконтроля округа. Шесть лет Платонов уверенно служил в должности заместителя начальника узла радиоконтроля округа, а с 7 мая 1978 года стал пропагандистом политотдела нашей части. Без отрыва от службы в 1980 году окончил Уссурийский педагогический институт. На первый взгляд Платонов производил впечатление медлительного, очень спокойного и ровного человека. Он был высок и склонен к полноте. Но за внешним спокойствием скрывался самолюбивый и целеустремленный человек. Он, в отличие от Васина, с первых дней службы сумел наладить деловые отношения со мной и стал соратником в делах.

В первые месяцы службы я отмечал, что Платонов порученную работу выполняет добросовестно. Однако требует контроля и напоминаний, не всегда инициативен в работе, допускает поверхностный анализ, не видит главного звена в работе. Но с годами он набрался опыта и главное — был порядочным политработником, замечательным человеком. Этого не заметить было невозможно. Проявив удивительную человечность, он женился на инвалиде, учительнице Прохоренко Раисе Васильевне, потерявшей руку, и в силу этого обстоятельства всю жизнь тянул семью, являясь не только хозяином в доме, но и хозяйкой. В семье выросли две дочери — Ольга и Наталья. Юрий Васильевич уволился с должности начальника политотдела по выслуге лет, в звании подполковника. И до последнего дня своей жизни работал сначала заместителем главы администрации Яковлевского района Приморского края, а позднее — начальником районной службы занятости населения. Первое время пытался перебраться во Владивосток, но, попробовав не сумел вписаться в бурную жизнь портового города и вернулся опять в Яковлевку. Где и ушел в вечность в 2002 году от сердечного приступа,

после тяжелой и длительной болезни, связанной с развившимся циррозом печени.

К новой плеяде молодых политработников — выпускников высших военно-политических училищ относилась группа моих коллег — замполитов рот. Молодость — понятие относительное. Она быстро проходит. И это не подготовка к будущей жизни, а сама жизнь, ее яркая страница. И она у моих лейтенантов состоялась яркой и насыщенной. Старшим (тогда 25 лет от роду) по возрасту среди них являлся Долбик Сергей Александрович. В описываемый период он был старшим лейтенантом, замполитом роты радиоперехвата. Сергей закончил в 1976 году Донецкое училище. Замечательный человек и хороший, грамотный и надежный политработник. К работе относился с большим интересом, на лету с жадностью впитывал все новое, передовое. Много вместе с женой занимался спортом. Это по предложению его жены Екатерины Борисовны — мы организовали как-то «Лыжный пробег до Северного Полюса», чем внесли некоторое разнообразие в спортивную жизнь части. Большим увлечением Долбика была охота. По темпераменту Сергей обладал качествами холерика и легко заводился во время служебных совещаний. Отчего не мог сдерживать себя — вступал в пререкания с начальниками, но зла не помнил. Мне нравилось в Долбике то, что в моем присутствии он всегда защищал своих подчиненных, хотя в повседневном общении с ними сам бывал крут и часто не прав. Порой замполиты, входящие в его подчинение (он стал замполитом батальона), жаловались мне на его жесткую требовательность. Тяжело было переубедить Сергея в минуты таких разборок. Выделяя его в коллективе и пытаясь достойно отметить его добросовестную службу, я несколько раз представлял Долбика к правительственной награде, однако ему фатально не везло — почему-то награждали менее достойных и заслуженных, чем он. Забегая вперед, скажу, — вернувшись из Афганистана, я нашел подполковника Долбика в политуправлении Прибалтийского военного округа работником отдела кадров, в Риге. В середине 1990 года по секретной почте переслал из Днепропетровска на его имя Почетный Знак ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть», которым он был награжден по моему представлению еще в Кабуле. Впоследствии в годы развала страны он переехал с семьей в Белоруссию, после чего мы потеряли друг друга из виду.

Не просто коллегой, а проверенным другом мне стал Виктор

Дмитриевич Грушко. Наша первая встреча состоялась с ним в январе 1980 года, когда он лейтенантом замполитом второй роты уверенно командовал и воспитывал подчиненных. Он был невысокого роста, красивый черноволосый молодой человек с отличной атлетической фигурой и накачанными мышцами, которые рельефно просматривались даже через форменный китель. Еще в училище, защищая спортивную честь подразделения, получил несколько первых разрядов по военному кроссу, борьбе и гимнастике. Его карие глаза излучали ум и пронзительность. Безусловно, обладая даром рассказчика, он завораживал аудиторию не только словами, но и приятным тембром голоса. Виктор имел незаурядные способности, с одной четверкой закончил школу и с отличием — Донецкое ВВПУ в 1978 году. Через полгода нашей совместной работы я забрал его в аппарат политотдела части, назначив помощником по комсомольской работе. Свое выдвижение на высшую должность Грушко заслужил двухлетним каторжным трудом на роте. Проявив умение обучать и воспитывать личный состав, располагать их к себе, подбирать ключик к сердцам подчиненных. Он отличался системностью и глубиной в индивидуальной работе. По итогам смотра — конкурса ленинская комната его роты была признана лучшей в части. На комсомольской работе Виктор Дмитриевич получил достаточный опыт работы со служебными документами, донесениями и докладами, обрабатываемыми в политотделе. Не все получалось в работе сразу, но Виктор быстро схватывал на лету стиль, формы и методы работы. Его раннее выдвижение с роты в политорган пошло на пользу, в новом качестве он быстро сформировался как офицер-политработник руководящего звена. В масштабах Яковлевского района Грушко хорошо знали, поскольку он принимал активное участие в общественно-политической жизни района, избирался членом Яковлевского бюро РК ВЛКСМ, был участником многих слетов и конференций молодежи Приморья.

В течение ряда лет Витя являлся застрельщиком лыжных агитпробегов, посвященных годовщине Советской Армии и Ленинскому комсомолу. Лыжные пробеги осуществлялись в сложных условиях суровой зимы по заснеженной тайге по населенным пунктам Яковлевского района. По его инициативе и под его руководством по селам района регулярно ездила агитбригада части с концертами и тематическими утренниками. Своим влиянием он охватывал основные предприятия района, такие как два медоносных хозяйства в

Бельцово и Яковлевке, коопзверпромхоз, строительные организации ПМК-63, межколхозстройобъединение, приморсельхозмонтажобъединение, стройучасток №2 и другие, а также совхозы «Яблоневский», «Минеральный», «Арсеньевский», колхозы «Заря» и «Красный партизан», Приморский Электромехзавод в Сысоевке, Яковлевский маслозавод, консервный завод и другие. В трудовых коллективах рабочие и служащие любили военных и с интересом слушали политинформации и беседы проводимые симпатичным офицером. Хорошие отзывы о нем регулярно поступали в райком партии, с просьбой делать подобные встречи с военными регулярными. Виктор Дмитриевич, инициативно подхватив проект кампании, предложенный газетой «Комсомольская правда», провел масштабную работу по сбору трех тысяч подписей под письмом-протестом, осуждающим агрессивную политику Североатлантического военно-политического союза. Пакет с письмом и соответствующими подписями был отправлен из глубинки Уссурийского края в штаб-квартиру НАТО.

Большую военно-патриотическую работу среди гражданского населения района Грушко умело сочетал с основной боевой деятельностью части. В частности, в апреле 1981 года, во время разведки полета первого американского ККМИ «Шаттл», несколько суток безвылазно провел со сменами радиотелеграфистов на боевых постах, личным примером обеспечивая высокую дисциплину и организованность воинов. С началом войны в Афганистане старший лейтенант Грушко организовал сбор и постоянный анализ информации об отличившихся в боях воинах. В тех условиях повышенной секретности дело это было непростым. Помог случай. Как-то на очередную партийную конференцию в полку приехал секретарь райкома партии по идеологии Головачев Н.Н. Обсуждая повестку дня конференции, Николай Николаевич поделился своими впечатлениями о недавнем обучении на краткосрочных курсах политработников в Новосибирске, где развернут хороший музей по воинам-интернационалистам. Впервые от него мы услышали фамилии первых Героев Советского Союза старшего лейтенанта Шорникова Н.А., погибшего 11 мая 1980 г., старшего лейтенанта Демакова А.И., погибшего 25 апреля 1982 г., замполита 191 мсп майора Опарина А.Я., погибшего 17 мая 1982 г. Головачев передал нам почтовый адрес своего приятеля, работавшего в Новосибирске и через него у нас началась переписка с училищем и родными погибших воинов. Вско-

ре мы знали о Героях неизвестной войны очень многое. Неугомонный комсомольский вожак наладил постоянную переписку с политотделом Воздушно-десантных войск, с родными погибших в ДРА первых Героев-десантников Н.Чепика и А.Мироненко и умело использовал полученные пропагандистские материалы для совершенствования воспитательной работы. Неоднократно оживлял боевое дежурство социалистическим соревнованием под девизом «Равнение на мужество», организованным комсомольской организацией части в память о сверстниках, погибших в Афганистане. По его инициативе, мы первыми в округе оформили красочные планшеты с фотографиями погибших героев во всех ленинских комнатах подразделений. На этих примерах наших сверстников актив подразделений сумел приблизить к сознанию каждого военнослужащего память о конкретных людях, ушедших в вечность, что оживляло воспитательную работу и способствовало укреплению воинской дисциплины, помогало шевелить сознание и формировать моральные качества, способствовало мобилизации личного состава на добросовестное выполнение рутинного в своей повседневности служебного долга. На восьмом году службы на Востоке Грушко с должности пропагандиста политотдела поступил на педагогический факультет ВПА им. Ленина и успешно его закончил. За эти годы он окончательно сформировался как боевой офицер разведчик и политический организатор масс. Когда я его как-то спросил:

— Что тебе более всего запомнилось от службы в Яковлевке? Он неожиданно с юмором ответил: «Охота!».

«Помимо военной службы я был покорен тайгой, — вспоминал Виктор. — Прибыв на дальневосточную землю, в родную «звездную» часть в конце августа 1978 года, в ноябре я уже был принят в коллектив военных охотников, который возглавлял Виктор Мячин. Принимали серьезно, с соблюдением всех ритуалов и даже более того... На то время охотколлектив полка насчитывал около 50 человек, но отличался своей разношерстностью, а, вернее, — уровнем подготовки, знанием охотничьего дела. Охотились и «кучковались» по, так сказать, территориально-производственному принципу. Я оказался в когорте «управленцев» части, самой подготовленной и опытной. Первым моим учителем был Николай Дмитриевич Васин — замначпо. Но вот именно он-то и не входил в указанную «когорту», которую называл «волками». Васин охотился в одиночку, имел огромный опыт, был сухощавым, жилистым, сильным и

выносливым мужиком с довольно непростым характером. «Метод толпы себя не оправдывает», — учил он меня, тогда еще абсолютно «нулевого» охотника. Петлями и различными ловушками Николай Дмитриевич «окольцевал» солидную территорию вокруг части, расположенной в девственной тайге. И результаты были... Как-то зимой он «вычислил» свежую кабанью тропу. Взяв меня с собой, расставил на ночь петли на вепра...

Утром следующего дня первой дежурной машиной мы, уже экипированные, прибыли в часть и резво пошагали к известному нам месту. Я — юный «старлей», спортсмен, чемпион Киевской области по вольной борьбе, еле успевал за Дмитриевичем. Походка его напоминала походку Петра Первого: шаги огромные, колени в ногах Васин не сгибал, а выносил их как-то на стороны. Поэтому и называли его «циркулем». Вдруг Васин резко остановился и вскинул ружье. Я повторил то же. Сердце мое застучало чаще. Впереди, метрах в пятнадцати, на кабаньей тропе у ствола кедра лежало что-то большое, темно-серое... Впервые в жизни я увидел дикого кабана в природе. Животное не шевелилось. Снег вокруг его был буквально вспахан до земли. Осторожно ступая, мы приближались к добыче. Васин «нарезал» круги вокруг кабана. Даже мне стало ясно, что грозный хрюшка намертво и окончательно затянул стальной трос на своей холке. Буквально в упор «цикуль» выстрелил животному в ухо. Кабан даже не шелохнулся. Мы запустили замерзшие ладони в густую шерсть красавца. Бедняга был еще теплым, а туша мягкой, и абсолютно не застыла. Стало ясно: попрощался наш кабанчик с белым светом буквально вот-вот...

Освежевав добычу, мы оставили остывать мясо на морозе, а сами, как водится, помянули, а потом и радовались, любуясь прекрасными сопками Сихотэ-Алиня. Однако в душе моей присутствовало какое-то смущение, и возникли вопросы... Но я их не задавал...

— Завтра пойдем на фазана, — говорил, закусывая, Васин.

— Так ведь завтра — понедельник, служба, — продемонстрировал я свою осведомленность.

Ничего не ответив, он хитро улыбнулся... Что такое в армии понедельник — знают все служивые, однако обед — дело святое. Перекусив на ходу, Дмитриевич открыл свой сейф, достал одностволку 20 калибра, повесил ее в разобранном виде на шею, накинул сверху бушлат, на плечо — солдатский вещмешок, подмигнул

мне и исчез. За пять минут до окончания обеда открылась дверь нашего кабинета, и вошел он. Красный от мороза и довольный, как боевой индийский слон.

«Учись, комсомол!» — с плеча Зверобоя к моим ногам полетел вещмешок. Сгорая от любопытства, я извлек из него трех фазанов-петухов. Красавцы! Да. Было у Николая Дмитриевича необычайное чутье на эту птицу. «Валил» он ее почти ежедневно, рационально используя обеденное время. Однако в стаю «волков» он так и не вошел, хотя, конечно, был конкретный волчара, истинный добытчик. Что-то было не так, как бы мне хотелось... Просто так добыть зверя? Без страсти? Не побегав по сопкам и снежным кучугурам дальневосточной земли?

Мало-помалу часть пополнялась. В том числе и «золотым» лейтенантским фондом. Некоторые из «фонда» горели желанием стать настоящими «мачо», то есть, нормальными пацанами, почти что ковбоями...

В процессе охотничьей селекции сформировалась новая группа. Впоследствии Васин назвал ее «волчатами». Это были МЫ: Сережа Долбик, Сережа Ерошков, Володя Парамзин, Миша Абрамов, естественно, я, а уж потом и Володя Хомяков, о ком будет отдельная история... Время шло. Мы с упорством изучали местность. Бороздили тайгу вдоль и поперек.

Появились успехи. «Волки», поняв, что рядом с ними растут конкуренты, стали не всегда приглашать нас на совместную охоту. Иногда даже были и казусы...

Так случилось, что в один из выходов в тайгу, не согласовав действий, мы помешали друг другу, и стадо изюбров ушло. Состоялся разговор... Но охотничий азарт переполнял сердца как у «волков», так и у «волчат». Ведь зверь-то бродил рядом!

Чем жизнь военная интересна? А сам не знаешь чем. И что будет завтра?

Именно на следующий день в срочном порядке мне — помощнику начальника политотдела по комсомольской работе и Володе Парамзину — начальнику вещевого службы, моему другу, было рекомендовано срочно «валить» сначала в Варфоломеевку, потом в Сысоевку, а уж потом посетить град Арсеньев, названный так в честь Владимира Клавдиевича. Резво «ожеребившись» и при этом выполнив поставленные задачи, через сутки мы возвратились в родную часть, при этом были поощрены выходным днем. Скажите,

пожалуйста, что должен делать воин-дальневосточник, а тем более охотник, в выходной день? Отвечать не надо...

Очень ранним утром мы с Володиёй уже были в части, в любимой тайге. Как водится — попили чайку. Мы были настроены конкретно: взять оленя. В процессе чаепития Владимир Иванович сказал: «Вот если бы нас было побольше, а то, что за охота вдвоем?» Светало, потрескивали замерзшие за ночь деревья. Миновав основное техническое здание (ОТЗ), мы подошли к ЛЭП. Свежих переходных следов не было. Решили: я делаю тихо очень большой «крюк» и становлюсь на номер примерно где-то 1,5 — 2 км от линии электропередачи, а Володя — «гонит» в сторону трассы Спасск-Дальний — Арсеньев. И вот я на номере. Передо мной две сопочки, между ними распадок. Ищу место: где встать, нахожу кедровый пенёк. Встал. Замер. Патроны в патроннике. Жарко. Ожидая. Слушаю. Становится свежо... Хрусть-хрусть-хрусть... Никакая птица в тайге не поет таких песен... С распадка примерно в 70 — 80 метрах прямо на меня выходит самка изюбра, и с ней двое молодых оленей. Идут тихо, останавливаются, пощипывая веточки лимонника и орешника. Легкий ветерок — на меня. Я всегда закладывал в свой 12-калиберный патрон подкалиберную пулю. Стадо остановилось. Целиться было не трудно. Выстрел — и самка, как подкошенная, упав на передние ноги, улеглась на снег.

«Есть! Удача!» — пронеслось в голове.

Испуганные молодые олени бросились в обратную от меня сторону. Однако эхо выстрела, отразившись от сопки, заставило их возвратиться обратно... И вот — эти мгновения я помню до дня сегодняшнего — прямо на меня, стоящего на пне, бегут два здоровых молодых изюбра. Я успеваю выстрелить вторым патроном из своей двустволки в одного из них. Животные проносятся мимо меня буквально в 2 — 3 метрах, осыпая снегом. Трудно передать мое состояние в то время, но, поверьте, адреналина в кровушке моей прибавилось, а ручки задрожали...

Сел, закурил, хлебнул из фляжки спиртика, закусил снежком. Тихо подошел к добыче. Передо мной лежал изюбр, огромная самка. Иду по следам двух «беглецов». Кровь... «Подранок! Значит, будет и второй! Но сначала разберемся с первым», — подумал я. И вдруг опять: хрусть-хрусть-хрусть. Это, преодолевая полуметровый снег, упорно шел загонщик — Володя Парамзин. Объятия, поздравления, эмоции... Не всем «волчатам» вдвоем удавалось «зава-

лить» такого мудрого зверя. Да и вообще-то, в Яковлевском районе края Приморского изюбр уже тогда начинать становиться зверем редкостным. Он все глубже уходил в тайгу. Уходил от охотников.

Завалить-то завалили, а как выносить добычу? До части добрых два километра. Освеживали тушу — мяса куча, в рюкзаки не помещается. Естественно, что мышкам, колонкам и хорькам всяким на ужин оставлять мы ничего не собирались... Натягались вдвоём, до седьмого пота... «Уралом» дежурный по парку лейтенант Ерошков доставил нас в родную районную столицу — село Яковлевка. Вечером того же дня мы отужинали, пригласив на «печенку» братву нашу — «волчат».

Маленький гарнизон — маленькая квартира. На утро всем уже все было известно... А к вечеру того же дня был «добран» подраненный мной второй олень. Это профессионально сделали «волки» — Витя Мячин, Володя Ключкин и сменившийся с наряда Сережа Ерошков. Именно он, член нашей команды, «сдал» «волкам» информацию о подранке. И правильно сделал. Зачем мучиться животному. После этой охоты «волки» зауважали нас — «волчат», ибо поняли, что мы научились ощущать землю дальневосточную, запах тайги, ее секреты, премудрости охоты, все то, что нам — «европейцам» в школах и военных училищах не преподавали...

Дальние гарнизоны — интересные люди. Каждому известно, что чувство юмора всегда помогает в жизни, тем более в военной. Одним из «центровых приколистов» был опытейший охотник Володя Ключкин, энергетик нашей части. Кстати, его отец был мудрейший в прошлом охотник, специалист по охоте в горах.

... Поздняя осень. Официально открыт сезон на копытную дичь. Выехали на дамбу, недалеко от части по трассе Яковлевка-Андреевка. Было где-то 3 — 4 группы охотников по 2 — 3 человека. В одной из групп был подполковник Спиринов — начальник всех мудрых «ЭВМщиков». Человек необычайного ума, но в то же время увлекающийся охотой. Расположились на номерах. Дело к вечеру. Пошел «лет». Звучат выстрелы. Недалеко от меня в засаде Володя Ключкин. Вижу, как с соевого поля, поднятая выстрелами, прямо на дамбу, на него скачет косуля. Выстрел... Дело сделано. Я подхожу к снайперу и поздравляю. «Домой», — говорит Володя, берет за заднюю ногу косулю и тащит ее по дамбе к своей машине. Я помогаю.

В нескольких метрах от машины — 4-ой модели «Жигулей»,

в ожидании охотничьей фортуны в кустах сидит товарищ Спиринок. Ключкин подтягивает косяку к багажнику, открывает его, Спиринок выходит из кустов. Я наблюдаю эту сцену со стороны. Челюсть Спиринокова начинает медленно опускаться. И тут звучит вопрос Ключкина: «А что, Иван Семенович, гусь еще не пролетал?». Видели бы вы лицо Семеновича... Смех — смехом... Но бывает на охоте всякое.

Миша Абрамов — мой друг, из «оперативников», умных «кубинских пацанов». Зарабатывали они тогда в пору железного противостояния для наших «ГРУшных» своим добросовестным трудом «ценняки», «особой важности» и т.д. Как ни крути, а все-таки мы держали руку на «пульсе планеты». Был март. Снега — масса. Он таял очень быстро. Дул конкретный «южняк». Под ногами месиво. Природа радовалась весне. Решили мы со своим дружкой закрыть сезон. Я был в отпуске. На «запад» не полетел. Миша сменился с боевого дежурства. Вид его был явно уставшим. Решили отработать «классику». Почему «классику»? А потому, что мы — «волчата» — нащупали место, где всегда были косяки, кабаны, а иногда и проходные изюбры. Практически всегда мы имели успех в этом заповедном месте.

Уставшего после суток друга я отправил на номер, а сам пошел в загон. Гнал вдоль ЛЭП в сторону Андреевки. Иду тихо, крадусь. Ноги мокрые, ичиги потяжелели. Остановился, чтобы прилечь и осмотреться.

Вот они... Три косяки с козлом! У него роскошные ветвистые рога. Явно не молодой. Животные мирно пощипывают на южном склоне небольшой возвышенности освободившуюся от снега растительность. «Стрелять? Неудобно», — передо мной густой орешник. Пытаюсь отыскать «окно».

Косыли меня учуяли и, как на крыльях, начали удаляться. Но удалялись-то они на номер, на стрелка...

Ожидая... Почему Абрамов не стреляет? Куда подевался «квартет»? Выхожу на след маленького стада. Иду тихонько, волоча за собой ноги. Не могу понять: следы опять же ведут в сторону номера, а выстрела почему-то нет?

Что делать? «Толкну» стадо, — решил я. Отдуплетился вверх — для шума... И вдруг в ответ слышу выстрел, второй, чуть-чуть позже — третий. Я бегу по следам стада в величайшем предвкушении желанной охотничьей удачи. Следы приводят меня к месту, где

обосновался на номере под опорой линии электропередачи Миша Абрамов... Наши взгляды встретились. Мой — вопросительный, а Миша отвел глаза в сторону.

— Миша, — а где козы? Четыре штуки, ведь они прошли в трех метрах от тебя?».

— Брат, я уснул. Понимаешь — солнце, теплый ветер, да и дежурство...

— А в кого и зачем стрелял?

— Ты выстрелил — они стоят передо мной, потом как рванули, а я уже стрелял вдогонку...

— Попал?

— Не знаю, — усы Миши Абрамова опустились...

Я не помню точно содержание нашего разговора... Вообще-то, мы — охотники — никогда не «доставали» братьев наших по поводу неудач. Попили чайку с лимонником... Через полчаса мы добрали подранка. Картечь одного из трех «сонных» выстрелов Абрамова была в козле. Он закровил, оставляя за собой след. «Тропили» мы его по науке. Последний выстрел был мой.

Рога добытого, трофей охотничий, я отдал Мише, ведь он же — мой друг!

После этого случая Михаил написал стихи:

*«Охоты смысл поймешь тогда,
Когда пройдешь неоднократно
Надежды полный путь ТУДА
И огорчений путь ОБРАТНО...»*

Так вот, возвращалась как-то наша «бригада» обратно из тайги в часть. До отъезда дежурной машины оставалось пару часов. Солнце пряталось за сопками, быстро темнело. Охота не удалась... Последний загон. Я встал на номер, залез на дерево. Среди загонщиков — Сережа Долбик. Выстрел, второй, третий. Картечь «косит» ветви дерева, на котором я обосновал стрелковую позицию. В одно мгновение я соскочил вниз. Прямо передо мной косуля. Кто кого испугался — я не знаю, но зверь резво прыгает от меня. Мгновение — и опять выстрел. Картечь прошивает рукав моего бушлата... Коза — в конвульсиях... Поохотились... На небе рождалась полная луна... Не «фартовый» ли я? «Прощайте, пьянки и гулянки! Прощай, любимый комсомол...»

В конце августа 1982 года я стал пропагандистом политотдела. А сменил меня Володя Хомяков. Боже! Сколько в нем было энергии! Если бы все комсомольские руководители страны работали бы как он — на знамени ВЛКСМ, наверняка, был бы еще один орден. Установленным порядком Володя оказался в когорте, среди нас, «волчат». Хотя к тому времени наши зубки уже превратились в клыки.

Первая охота Володи. Глаза горят. Готов на все... Решили мы прогнать орешник вниз за «110-ой» станцией, левее стрельбища. Зверья в этом густом непроходимом орешнике было просто масса. Однако достать, вытолкнуть его на номера было очень и очень трудно. Особенно трудно было загонщикам. На «выходные» тропы Витя Мячин лично расставлял самых опытных бойцов. Володя был поставлен согласно его замыслу.

Я — в загоне, почти что на четвереньках, колючие ветки элеутерококка придают незабываемые ощущения... На линии стрелков слышны выстрелы... Выкарабкавшись из этого ада, иду к номерам... Наблюдаю полные счастья и восторга глаза Володи. Рядом с ним две косули! Вот это дебют! Мы все рады его успеху. Еще бы! Первая охота, и такая удача! Вдвойне, а то и втройне радовался я. Не подвел комсомол!

Помню, во время «последнего загона», то есть ужина, под поджаренную печеночку с лучком да спиртик с кедровыми орешками было сказано много теплых слов и пожеланий в его адрес. Ну, а уж охотничьих воспоминаний было еще больше...

Говорят, что охотники и рыбаки — мастаки басни сочинять. Может быть. Однако герои моих воспоминаний о днях минувших, если когда-нибудь прочтут мой «опус», думаю, подтвердят истину каждого слова.

«Вымысел — не есть обман, / Замысел — еще не точка...» — писал Окуджава...

Кстати, «Замысел» — позывной нашей части, а «Точка» — это наша родная дальневосточная часть... — остроумно напомнил он. — Как памятно все это!»

За добросовестную службу я пять раз представлял Грушко к награждению Почетным Знаком ЦК ВЛКСМ «ВОИНСКАЯ ДОБЛЕСТЬ». Однако бюрократическая система молодежного коммунистического союза оказалась такой неповоротливой, что она проявила неспособность и нежелание на реагирование даже обращений

отдельных политорганов. А кое-где и откровенно лгала. Так, например, в апреле 1987 года из секретариата XX съезда ВЛКСМ мне ответил замзав.отделом спортивной и оборонно-массовой работы ЦК комсомола В.Криворотенько: «Награждение состоялось, виновные в задержке наказаны». — Хотя ни того ни другого на деле не произошло. Через несколько лет, уже находясь в Афганистане, я включил фамилию Грушко в наградные материалы своей воюющей Джелалабадской бригады и по возвращении в Союз лично вручил Почетный Знак своему коллеге, в стенах академии, где он в то время учился.

Окончив академию, Грушко хотел вернуться в стратегическую разведку, но к тому времени произошла ротация руководящих командно-политических кадров и необходимой поддержки в системе «Звезда» ему оказать было некому. По разнарядке Главпура Виктор Дмитриевич уехал преподавателем артиллерийского училища в приморский город Одессу. Одновременно продолжая обучение в адъюнктуре и работая над диссертацией, но «перестройка» подтолкнувшая к развалу Союза, расформирование академии и кафедры на которой учился Грушко, сделали бессмысленными научные разработки молодого ученого. Все пришлось бросить на полпути. Никому не нужной стала идеология, наука и судьба конкретного человека. В ситуации жесточайшего жизненного стресса Виктор, воспользовавшись вакансией, перебрался в родной город Белую Церковь, где последние годы армейской службы находился на должности заместителя командира ракетной бригады 6-й гвардейской танковой армии. 2.12.1993 года у полковника родилась долгожданная дочь Виктория. Счастливым отец мне написал: «Итак, у меня новый этап жизни. Случилось то, что должно было произойти давно. Я никогда не считал (вернее считал, но не воспринимал всерьез) свои года. И так было до второго брака. А теперь — и особенно с рождением доченьки — задумался всерьез: «А сколько мне осталось жить и любить? Успею, смогу ли поднять всех на ноги?». Хлопот и забот — полон рот. Сыну Василию — 16, учится в техникуме. Учится неровно. Необходим контроль. Наталочке 19 мая — 7 лет. Ребенок с характером. А у нас за плечами — 37. Вы удивитесь, что я так подробно о быте... Ответ прост: до моего появления Танюша, как «раб божий», все тянула сама. Теперь — как вы поняли — мы живем по-иному. Девиз семьи знают все. Он со смыслом. И провозглашен мною. Авторское право имею, так

сказать. Итак, девиз: «Все лучшее — детям, но в первую очередь — маме». А она у нас уважаемый и любимый многими человек — заведует канцелярией директора домостроительного комбината. Нагрузка колоссальная. И главная забота — Викуля. 2 мая нам исполнилось 6 месяцев. Мы похожи на папу. Живем в трехкомнатной квартире. В семье машина. Строю два гаража — детям будут. Кратко о службе... Да, писать нечего».

После увольнения в запас в августе 2002 года Виктор Дмитриевич перешел на престижную государственную службу в ранг помощника народного депутата Украины генерал-полковника Рудковского Дмитрия Александровича. С 2006 года стал заместителем главного врача по экономическим вопросам Киевской областной детской больницы № 2. Мы с ним, как и прежде, общаемся. Я всю жизнь ему благодарен за большую преданность, заботу и участие в судьбе моей семьи в период моей службы в ДРА. Какими-то небесными силами было начертано именно ему в Северной Пальмире встречать меня в незабываемую февральскую ночь 1989 года, после завершения афганской службы. Такая сердечная щедрость и верная дружба не забываются...

Однако, возвращаясь к воспоминаниям о Дальнем Востоке с его напряженным ратным трудом, который порой не знал даже границ времени: при ведении разведки противника, на тактических учениях, когда случалось, по несколько суток кряду некогда было глаза сомкнуть. Мы были молоды, заряжены на дело и воспринимали эти трудности и неудобства как обычное дело. Часто бывало, впечатления менялись от смены обстановки. С ежемесячной регулярностью на три-четыре дня мне приходилось выезжать на совещания и сборы в штаб округа в Хабаровск. Командировки, как и любое другое дело, имеют свои преимущества и недостатки. Для карьеры военного человека эти служебные командировки оказывались исключительно полезными, независимо от того, с какой целью совершались. И действительно, если вы едете в командировку, чтобы решить какую-либо проблему, это хороший шанс удовлетворить свои карьерные амбиции. Если вы едете в командировку перенимать опыт, это, несомненно, будет весьма полезно. Когда возвращаешься, то становишься знающим специалистом. Начальство и коллеги относились к моим рассказам об увиденном и услышанном с большим интересом и уважением. Если вы едете, чтобы изучить ситуацию на месте, это тоже не повредит. Общаясь с людьми,

узнавая их внутренние проблемы и, вернувшись домой перекладывая их на собственный опыт, я безусловно, лучше ориентировался в ситуации. А подготовленный мной четкий доклад о положении дел в подразделениях собственной части позволял начальству оценивать меня как грамотного работника. Если вы едете делиться опытом, это тоже неплохо. Приехав лично, вы увидите тех, с кем, собственно, вы делитесь, «засветитесь», заведете полезные знакомства и «связи на местах». Находясь в командировках, я скучал по своим близким. Конечно, старался звонить каждый день, но телефонные звонки не заменят живого общения. Никак не мог привыкнуть и смириться с бытовыми неудобствами — отсутствием сна в поезде, неуютностью гостиниц, порой не всегда съедобной еде. Но зато командировка была отличным шансом попутешествовать и осмотреть достопримечательности — ведь не всегда же мы работали. Даже в командировке выдавались свободные вечера.

Мне выпала честь участвовать во множестве заседаний военного совета ДВО, и хотя в то время каждый выезд к начальству на доклад: волновал и тревожил, прошло время и я оцениваю эти поездки положительно. После каждого совещания и военного совета я получал новые мощные импульсы для работы. Рос мой военный интеллект и кругозор. Вместе с другими командирами и начальниками политорганов, я учился мыслить стратегическими категориями, а не замыкаться только в небольшом мирке собственной части. Слушал и впитывал передовой опыт лучших воинских коллективов, аккуратно и подробно помечал в тетради общие недостатки. Эти черновые записи помогали позже при подведении собственных итогов, подготовке приказов по дисциплине, на различных совещаниях и инструктажах в части и подразделениях.

Вместе со мной в это время в различных частях округа на разных начальствующих должностях служили мои друзья — однокурсники — бывшие отличники учебы Хузин, Колеров, Петухов, Пляскин. К Колерову я заезжал перенять опыт в Князь-Волконский военный городок, (под Хабаровском) где он был замполитом лучшего зенитно-ракетного полка округа. С большим интересом осматривал его городок и казармы, послушал его рассказ о работе. Поинтересовался бытом. Жили они с женой в типовой пятиэтажке, построенной военными строителями, в которой зимой было холодно, а летом жарко. Холодная вода подавалась строго по часам, в связи с чем все емкости в квартире были заполнены ржавой водой.

Из-за вечных проблем с водоснабжением военный гарнизон то и дело потрясали эпидемии гепатита и дизентерии. Долгий период имя Колерова и положительный опыт его работы с личным составом гремел на все Вооруженные силы СССР, а потом до меня дошли слухи об его опале и досрочном увольнении из армии в достаточно дееспособном возрасте.

Встречаясь на совещаниях с Фандусом Хузиным, служившим в Розенгардовке Бикинского района Хабаровского края или Сашей Пляскиным в Хабаровске, мы непременно заканчивали наши встречи в ресторане, где за рюмкой обсуждали опыт своей работы войсках. В тот период посещение даже ресторана, не было большой роскошью и обходилось командировочным недорого. За вечер мы могли заплатить по пять рублей с человека. При средней зарплате в 360 рублей в месяц это были сущие пустяки. Наши посиделки не били по бюджету семьи и в основном оплачивались за счет командировочных. Хузин и Пляскин после окончания академии прошли должности замполитов полков, замначпо дивизий и стали начальниками политотделов солидных мотострелковых соединений. С ними интересно было пообщаться и поговорить о работе, так как они обладали разносторонним опытом и отличными аналитическими способностями. Работали не стандартно. С Леонидом Петуховым, начпо укрепрайона, я впоследствии встретился в Афганистане, где он возглавил политотдел Кундузской 201-й дивизии. А впоследствии ушел в военный отдел ЦК КПСС, где до развала державы успел стать генералом.

Частые командировки рождали добрых друзей и теплые встречи. Нельзя не любить те места, где долго живешь. И я полюбил этот суровый город с его красивыми улицами, изломанными холмами, и даже железнодорожный вокзал, несколько пугающий вечно забитым мигрирующим уголовным элементом. Полюбил грубоватый матерщинный дальневосточный народ. Обожал величественную реку Амур, на высоком берегу которого проводились наши совещания в стенах окружного Дома офицеров. Громадная река начиналась с обрывистого берега под нами и простиралась на долгие-долгие километры до китайского берега.

На набережной реки стояла двенадцатиэтажная гостиница «Интурист» в которой нам с семьей довелось как-то провести несколько дней, ожидая самолет на Свердловск.

Несколько слов об этом. После того как нас оформили по

знакомству в номер, и мы поднимались на лифте на свой этаж, произошел характерный для времен «холодной войны» казус. В названной гостинице должны были проживать только иностранцы, и потому весь комплекс находился под жестким контролем спецслужб. В лифте вместе с нами оказалась англоязычная пара, которая, увидев на голове Георгия солдатскую пилотку с красной звездой, буквально потеряла дар речи.

Дежурный администратор нам по этому поводу сделала внушение:

— Вы что, военный? Ни в коем случае не одевайте военную форму, мы не имеем права вас селить рядом с иностранцами. И с сына снимите пилотку. А то будут неприятности от определенных служб.

Я не хотел неприятностей, и мы строго выполнили указания стража порядка.

В тот благоприятный период отпуска мы с детьми побывали в интересных исторических и археологических музеях города, прокатились на теплоходе по величественной реке, отдыхали на городском пляже. Хабаровск удивительный город — зимой его замечает, как Мурманск, и средняя температура держится около сорока градусов ниже нуля, а летом здесь настоящий курорт. Изобилие солнца, тепла и цветов.

В районе гостиницы, в центре, недалеко от Амура, жил командующий войсками округа. Местные аборигены рассказывали о нем такую историю. Однажды утром генерал армии Третьяк в спортивном костюме вышел на зарядку. Во время пробежки по набережной наткнулся на группу подвыпивших дембелей, которые вульгарно громко делились впечатлениями об армейской жизни. До мозга костей военный, Иван Моисеевич не прошел мимо, а как хозяин начал стыдить солдат. На что один из них ответил:

— Дед, ты бы куда-нибудь пропал, а то ведь накостыляем!

«Дед» — командующий принял угрозу к сведению и, вернувшись домой, тут же связался с военным комендантом города. В этот день поезда ушли в разные края без этих «ветеранов-дембелей», а впредь в районе дома военачальника и набережной реки круглые сутки дежурили военные патрули, чтобы «не накостыляли».

Я показал семье центральную улицу города, носящую имя Степана Серышева, руководителя Забайкальского, Амурского и

Восточного фронтов ДВР. Настоящим архитектурным украшением на этой улице стояло величественное, добротной царской постройки — из красного кирпича, громадное здание штаба округа, на фасаде которого красовались мемориальные доски, напоминающие о великих людях, что служили на Дальнем Востоке: маршалы Советского Союза Блюхер, Крылов, Конев, Буденный, Ворошилов, Рокоссовский, Москаленко, Мерецков, Василевский, Малиновский, Бирюзов. А сколько было известных генералов...

Политуправление округа работало спокойно и стабильно, его не потрясали постоянные смены руководства. При мне его возглавляли всего два члена Военного совета-начальника политуправления генерал-полковник В.П. Новиков и генерал-лейтенант Н.Ф. Кизюн. Первый оставил о себе воспоминания барского и высокомерного поведения с подчиненными, а второго, наоборот, все любили — за простоту и удивительно светлое обаяние. Он пришел к нам из Афганистана, где был награжден высоким орденом Красного Знамени, что добавляло ему авторитета и являлось для нас эталоном мужества и отваги.

При всех руководителях бесменным оставался только первый заместитель начальника политуправления добродушный генерал-лейтенант А.Н. Колениченко. С первых месяцев службы я познакомился и подружился с главными людьми политуправления кадровиками Кирилловым М.К., Корякиным К.В., Коровиным В.В. с которыми сложились доверительные товарищеские отношения, помогающие в решении проблем подбора кадров. Особенно удачным оказался 1981 год, когда с их разрешения я отобрал из сотни выпускников высших военно-политических училищ, прибывших для службы в ДВО, двух кандидатов для себя. С моим мнением согласились. В итоге наш полк получил прекрасных и перспективных офицеров. Оба лейтенанта были выпускниками Донецкого ВВПУ, до поступления в училище получили опыт армейской службы, оба оказались женаты. Побеседовав с ними, я с надеждой распределил их по подразделениям. И они оправдали доверие.

На первую роту радиоперехвата назначили высокого красивого лейтенанта Хомякова Владимира Алексеевича, уроженца Егорьевска Московской области. На роту обеспечения утвердил смекалистого украинца из Молдавии лейтенанта Путину Михаила Константиновича. Который в отличие от Хомякова, был невысокого роста, среднего телосложения. Время показало, что ошибки не про-

изошло. Молодые офицеры справлялись с работой, хотя существенно отличались друг от друга.

Например, Володя Хомяков был открытым, эмоциональным, темпераментным человеком с сильной положительной энергетикой. Профессию офицера выбрал еще мальчишкой. В 1976 году, после окончания средней школы, поступал в Курганское высшее авиационное военно-политическое училище, но не прошел по конкурсу. До призыва в армию работал электриком на комбинате «Вождь пролетариата» в Егорьевске. Получал 90 рублей и чем существенно помогал родителям: отцу — Алексею Евсеевичу (экскаваторщику деревообрабатывающего комбината) и матери Анисье Ивановне, оператору газовой котельной. Готовясь к военной службе, занимался в аэроклубе ДОСААФ, где совершил два десятка прыжков с парашютом. Символично получилось, что 5 ноября, в день советской военной разведки, его призвали в армию, и направили в разведывательный батальон мотострелковой дивизии Центральной Группы войск. Где пришлось осваивать специальность радиотелеграфиста радиостанции Р-118БМ. Летом следующего года отличник боевой и политической подготовки Хомяков поступает в Донецкое высшее военно-политическое училище по своей военной специальности, на факультет связи. С первых же дней сержант Хомяков становится командиром отделения. Товарищи выбирают его комсоргом отделения. Володя берется за все: он и фотограф, и артист, осваивает игру на гитаре, хорошо поет и декламирует. Имея атлетическую подготовку, смело участвует во всех спортивных соревнованиях училища, получает первый спортивный разряд по лыжам. На одном из мероприятий встречает свою любовь — красавицу Ларису Горелкину. В 1980 году в курсантской семье рождается дочь Олеся. Через несколько лет — сын Лешка. С первых дней службы лейтенант проявляет себя самостоятельным человеком с высокими моральными, волевыми и деловыми качествами. Его приезд совпадает с печальным событием в роте — гибелью рядового Егораева. В этой нестандартной ситуации Владимир Алексеевич быстро сошелся с людьми, и буквально через неделю создается впечатление, что он работает у нас уже давным-давно. На следующий год молодому лейтенанту поручают командовать ротой. Он оправдывает доверие и успешно справляется с обязанностями, но, став единоначальником, в масштабах большей по объему работы, проявляет некоторую сосредоточенность на организационной составляющей, порой прояв-

ляя досадные промахи и несобранность в мелочах, что раздражает некоторых начальников. В моменты разборок службы лейтенант допускает излишнюю горячность и болезненную реакцию на критику. Самым нетерпимым, по мнению замполита батальона капитана С. Долбика, являлось то, что молодой командир-политработник стал меньше внимания уделять родной политработе, что послужило созданием конфликтной ситуации между ними, которую пришлось мне долго разругивать.

Я сам, бывало, поругивал Хомякова, но глубоко уважая и по-братски любя, внушал — умей промолчать...

Чтобы разрешить конфликт между Долбиком и Хомяковым, я принял решение о назначении последнего помощником начальника политотдела по комсомольской работе. Мне нравился Володя своей разносторонностью, а его бьющий через край комсомольский задор и инициативу нужно было направлять в полезное для службы и дела русло. На этой должности Володя работал прекрасно. Его заслугой стала постоянно действовавшая художественная самодеятельность части, на концерты которой ходили многие жители села и одобрительно отзывались даже первый секретарь райкома, председатель исполкома. После всеобщего признания творческий коллектив, в который, кроме Володи, входили самодеятельные талантливые певцы и артисты командир роты А. Голомянов, инженер А. Мелехов и другие, объехал весь район.

Под руководством Хомякова сооружен первый спортивно-оздоровительный комплекс из детского и спортивного городков на четвертой площадке, ежеквартально организовывались массовые мероприятия для семей военнослужащих. При моем покровительстве, что не особенно поддерживалось командиром и начальником штаба по причине риска аварийности на дорогах, Владимир возглавлял экскурсии с членами семей и детьми по достопримечательным местам Приморья. Наши люди побывали в Чугуевке, Новосысоевке и других исторических местах, которыми богат Дальний Восток. Много впечатлений оставили в памяти поездки на родину писателя А. Фадеева, который около года жил в Яковлевке, прежде чем переехал в село Чугуевку; братские могилы воинов-авиаторов, погибших при выполнении боевых заданий в районе Новосысоевки.

Мне почему-то особенно запомнилось торжественное собрание 24 октября 1982 года, посвященное 60-летию освобождения

Дальнего Востока. Затаив дыхание весь личный состав с интересом слушал боевую историю наших мест: «4 мая 1918 года согласно декрету СНК, подписанному В.И.Лениным, на Дальнем Востоке был учрежден военный округ со штабом и управлением в Хабаровске. ...Партизанский отряд в с.Яковлевке был сформирован в феврале 1919 года. В марте стали прибывать в Яковлевку отряды партизан из других районов и сел: Достоевский, Чугуевский, Тетюхинский. В Яковлевке создали главный штаб партизанских отрядов Спасского партизанского фронта. Японские оккупанты и колчаковский карательный отряд вступили в село в июле 1919 года. Они жестоко расправились с местными жителями. Партизаны из отряда Ивана Шевченко часто нападали на японцев — не давая им покоя. В январе 1920 года японцы были вынуждены оставить Яковлевку. 6 апреля 1920 года по решению Советского правительства создана Дальневосточная республика. Из партизанских отрядов и частей 5-й Краснознаменной армии была организована Народно-революционная армия, которая одержала победу в Волочаевском бою при освобождении Бикина и Спасска и победоносно завершила гражданскую войну на Дальнем Востоке. В апреле 1921 года в Яковлевском районе появились капшелевцы. Партизанская война в тайге продолжалась до 31 марта 1922 года, когда части НРА и партизан решительным ударом со стороны с.Андреевки вышибли из волостного центра — с.Яковлевки — белогвардейцев. Именно в этот студеный день 31 марта навсегда восторжествовала Советская власть в Яковлевском районе...» Вечным напоминанием об этом осталась на горке братская могила, в которой похоронены командир — Маслов Константин и 12 красногвардейцев, погибших в последнем бою за Яковлевку. У этой могилы ежегодно наша часть проводила торжественный ритуал принятия военной присяги молодым пополнением.

А какие масштабные спортивные мероприятия проходили в заснеженной зимней тайге! В военизированных кроссах принимали участие не только комсомольцы и молодежь, но и все офицеры во главе с командиром части и начальником политотдела. Лыжные тренировки проходили под личным контролем командования части всю зиму по четыре раза в неделю, летом на той же таежной дистанции совершались марш-броски на 6 километров и проходили занятия по рукопашному бою.

Наиболее яркой заслугой нашего главного комсомольца, оста-

вишего свой исторический след, явился поэтический конкурс среди подразделений на сочинение строевой песни (или марша), посвященный нашей части. Состязание прошло успешно: из десятка предложенных текстов экспертной комиссией был отобран один вариант песни с лучшими, на наш взгляд стихами, хорошо ложившимися на мелодию популярной в Приморье строевой песни времен Гражданской войны «По долинам и по взгорьям».

*Посреди приморских склонов
Наши станции видны,
Здесь они стоят заслоном
Против атомной войны.
И в жару, и в злую стужу,
Нашей Родине верны,
Мы с тобой, товарищ, служим
На окраине страны.
Сопки горбят свои спины,
Ветром тянет от тайги,
Нам Отчизна поручила
Службу здесь свою нести.
И в жару, и в злую стужу,
Нашей родине верны,
Мы с тобой, товарищ, служим
На окраине страны
Пусть враги не торжествуют.
Им внезапно не напасть.
Ведь не зря же существует
Наша воинская часть!*

Эта песня после прослушивания была объявлена победительницей конкурса и утверждена основной строевой песней части. Всякий прибывающий в часть молодой солдат во время прохождения курса молодого бойца учил ее наизусть и пел во время строевых занятий в составе подразделения. Хочется верить, что эту традицию сохранили и песню помнят до сих пор.

Впоследствии в звании старшего лейтенанта В.А.Хомяков стал замполитом батальона. За четыре года его пребывания в должности сменилось три командира (подполковник А.Онопко, майор В.Соловьев, майор А.Жабчиков), а опытному замполиту удалось избежать

преступлений и происшествий в батальоне. Одним из факторов удачной работы являлось личное участие замполита в отборе призывников. Он не ленился ездить по военкоматам в Подмоскowie и в города Сибири и Дальнего Востока, отбирая в команду №170 наиболее подготовленных и дисциплинированных призывников. Так еще в середине 80-х годов Хомякову пришлось самостоятельно ознакомиться с основами профессионального психологического отбора, что впоследствии оказалось востребованным на новом уровне. С этой нележкой, но уважаемой комиссарской должности в августе 1989 года он поступил в академию на педагогический факультет по специальности «психология». Окончание учебы пришлось уже не в ВПА, а в Гуманитарной академии ВС РФ (ГАВС), а сейчас просто Гуманитарный университет, так как совпало с катаклизмами вселенского масштаба — рушилась великая держава, раскалывалась армия. Начиная с 1990 года главное управление воспитательной работы, что пришло на смену Главпуру, шесть раз подвергалось различным реорганизациям и сокращениям. Моральная патология российского общества, отсутствие в ней должной духовно-нравственной атмосферы пагубно отразились на уровне состояния правопорядка и дисциплины. В системе воспитательной работы выявились нелепые парадоксы и откровенные провалы. Например, офицер по социальной работе со штатной категорией «майор», отвечающий за организацию и состояние военно-социальной работы, проведение мероприятий по укреплению дисциплины, имел всего лишь третий тарифный разряд, равный командиру взвода. Естественно, что эти должности нередко комплектовались теми, кто не справился на других должностях. Психологически тяжело было служить в этой волне дискредитации должности и работы. Володя не избежал этого уныния, так как после академии тоже попал на должность с понижением оклада и воинского звания — на командный пункт ВВС.

«Не зря были мне посланы все испытания, пережитые на Дальнем Востоке, — делился он со мной своими размышлениями, — оказалось, что они подготовили меня к придворным интригам службы в Москве. Майором мне пришлось ходить шесть лет. В этой обстановке научился, наконец-то, сдерживать эмоции, где надо лавировать в интересах службы, семьи и своих личных».

К счастью, через несколько лет армии опять понадобились опытные кадры воспитателей. Вспомнили и о Хомякове — его ут-

вердили на должность заместителя начальника отдела 178-го Научно-практического центра Генерального Штаба РФ. Новая высокая должность принесла и бытовые изменения. Наконец-то семья получила хорошую квартиру. Дочь Олеся стала студенткой, а сын Алеша пошел в кадетский класс по стопам отца — с усиленной спортивной подготовкой, после чего успешно закончил школу и поступил в институт картографии.

В 2000 году центральный аппарат МО РФ подвергся очередному существенному реформированию ну и сокращению. Хомякова откомандировали в департамент военно-технического сотрудничества в Министерство торговли с сохранением на военной службе. Казалось бы вся жизнь еще впереди. Я ожидал, что полковник В.А. Хомяков станет генералом достойным руководителем новой формации российских офицеров и сможет передать славные боевые традиции прежней армии новому поколению. У Владимира Алексеевича для этого были все: деловые качества и опыт работы, полученный на далеком, но любимом Дальнем Востоке. Однако человеческая судьба непредсказуема. Зимой того же года он чудом не погиб, и не на улицах горящей Чечни, где в это время шли тяжелые бои, а на улицах ночной столицы. В нелепой стычке с хулиганами Владимир Алексеевич получил тяжелейшее ножевое ранение в грудь. Удар, нанесенный прямо в сердце, был жесток и точен. Просто чудо и мастерство медиков спасли ему жизнь в эти минуты. Однако 26 марта 2001 года по болезни он вынужден был уволиться в запас, а на другой день приступил к работе в Центре занятости населения Центрального округа г. Москвы в должности начальника инженерно-хозяйственного отдела. Впоследствии поднялся до начальника отдела кадров и спецработ ОАО «Объединения Союз-легконструкция». В 2002 году возглавил прокольный отдел Министерства имущественных отношений РФ. Пережил не одну волну сокращений, но сумел достойно перенести реформы и сохранить востребованность на госслужбе. Служил начальником отдела управления имуществом силовых ведомств, правоохранительных и судебных органов Федерального агентства по управлению государственным имуществом Российской Федерации. В 2009 году по его стопам в этом же ведомстве пошел сын Алексей, успешно завершивший учебу в институте. Володя остается моим надежным другом всю жизнь.

В отличие от Хомякова, второй мой крестник — Путина

Михаил Константинович, не был простым и открытым в общении человеком. Жизнь в узкой системе, где все на виду, вскоре выявила достоинства и недостатки этого удачливого человека. Обладая пронырливостью украинца и ловкостью молдаванина, помноженными на немалый практический опыт докера в Одесском порту и на судоремонтном заводе, Михаил быстро вписался в своеобразный воинский коллектив роты МТО. Ему, как и Хомякову, довелось служить срочную службу в ГСВГ в разведбате, работать оператором на пеленгаторе «Орленок». А в 1977 году стать курсантом ДВВПУ. С отличием его окончили. Отобранный мной и назначенный на самостоятельную должность заместителя командира роты, он сразу ощутил некоторые преимущества своего положения среди коллег, так как напрямую подчинялся командиру части и начальнику политотдела, что приближало к начальству и давало некоторые преимущества. С первого дня он оказался на виду. В это время умение подстраиваться под начальника заметили в нем многие командиры и политработники. И недолюбливали за это. В частности, его терпеть не могли прямодушные Бойко и Долбик. Миша с училища имел хорошую спортивную закалку — 1-й разряд по борьбе и гиревому спорту. Однако во время совместных тренировок на спортплощадке и на лыжне он откровенно «сачковал». Тем не менее, Миша неплохо работал и тянул непростое подразделение части. Бывало, и кулаком помахивал. Командиры этой роты опытный автомобилист капитан Чмора, затем сменивший его молодой инженер старший лейтенант Евграфов порой сами нуждались в постоянном контроле. Отмечая усердие первых лет службы в должности, я представил Путину к медали «За боевые заслуги». И не поверите, без всяких задержек, в феврале 1984 года он получил высокую правительственную награду, что вызвало понятное чувство зависти у более опытных его коллег. В Путине бродило немало темных сил, отдельные из них проявлялись отчетливо. Одну из них отметил наблюдательный Виктор Грушко, который мне писал: «Меняется стиль работы у Путины. Раньше как было? — Сделай то-то... А в ответ: А как это? — Я не знаю... — Долбик смотрел на это дело, молчал. А затем как взялся за Мишу... Сейчас я не узнаю Путину. Он все знает и все может. Инициатива бьет ключом. Однако о чем с ним говорил Долбик, — не признается, думаю, что беседа была на уровне...»

Впоследствии Миша прослужил на разных должностях в политотделе части, дважды поступал в академию. Вторая попытка

оказалась успешной, и он благополучно ее закончил (заочно), но с сослуживцами дальневосточниками и однокашниками (Хомяковым, Комлевым, Аракеляном), которые в этот период тоже учились в академии, не встречался ни разу! После увольнения Платонова в запас ему пришлось примерить на себя должность заместителя командира части по воспитательной работе. Через некоторое время добился перевода на Запад и переехал в Загорянку заместителем начальника склада ГРУ ГШ. Получил звание полковника и квартиру в Щелково. Однако вскоре оказался замешанным в каком-то коррупционном скандале и был уволен в запас. С той поры с соратниками не общается вообще.

Отличным политработником остался в памяти замполит 3-й роты лейтенант Комлев Борис Юрьевич, пришедший в часть в 1982 году. Высокий, спортивный, имеющий первые разряды по военному троеборью, волейболу и боксу. Борис был настоящий атлет. Он обладал к тому времени тоже уже немалым житейским опытом. Дважды поступал в военное училище, служил срочную службу в Криворожской учебной мотострелковой дивизии (г. Николаев), где старшим сержантом, был начальником радиостанции командующего армией. Участвовал в крупных войсковых учениях под названием «Березина», состоявшихся в 1978 году. Как наиболее опытный, в училище исполнял обязанности замкомвзвода.

На роте лейтенант Комлев служил хорошо и без особого нервного напряжения. Практически без замечаний. Я с ним беседовал, правда, о его порой излишней самоуверенности. Но он для меня являлся первым кандидатом на выдвижение в череде нескольких лучших политработников. Как только представилась такая возможность, без сомнений, выдвинул его на должность замполита отряда спецрадиосвязи в Уссурийскую 14 отдельную бригаду специального назначения. И не ошибся, он зарекомендовал себя хорошо подготовленным специалистом и служил безупречно. Закончив Военно-политическую академию распределился преподавателем на курсы офицеров разведки в Загорянку, где и служил в звании полковника. По примеру отца Комлева и все три сына пошли по его стопам. Успешно закончили Московское СВУ и Череповецкий военный университет радиозлектроники. В XXI веке Комлевы продолжают служить в Системе «Звезда», при этом Денис и Максим неоднократно принимали участие в боевых действиях на Северном Кавказе.

После увольнения в запас Борис Комлев продолжил государ-

ственную службу в должности начальника Шелковского офиса департамента комплексного страхования открытого страхового акционерного общества «Ингосстрах». Когда приходится бывать в столице мы встречаемся с Борисом и его семьей. Он верный и преданный товарищ и всю жизнь поддерживает дружбу с Володией Хомяковым, который по существу стал главным связывающим звеном всех дальневосточников, проживающих в столице и в Подмосковье.

Не могу не вспомнить добрым словом славного сына Кавказа Валерия Альбертовича Аракеяна. Он родившийся 18 ноября 1958 года в столице Армении закончил Львовское высшее военно-политическое училище. В июле 1980 года приехал к нам в часть начальником клуба. Он мог решать такие задачи, какие другим офицерам были бы просто не по плечу. Будучи трудоголиком мог сутками не уходить со службы. Солдаты в нем души не чаяли, так как ему удавалось строить с ними душевные человеческие отношения. Хотя не сюсюкал, порой бывал грубоват, но они его по-своему любили и не боялись. Среди военнослужащих, обслуживающих культпросветоборудование клуба, особенно запомнился москвич — трудолюбивый, смекалистый и порядочный солдат Ларкин Владимир Евгеньевич, которому можно было поручить любую работу. Хорошо эксплуатировал киноаппаратуру и радиоприемник рядовой Шмаков.

Начальник клуба первые годы жил холостяком, однако за ним закрепилась стойкая репутация женского угодника и «playboy», наверное, проверенная, и в его комнате в общежитии перебивало много красивых женщин. Приезжали дамы даже из Владивостока и Хабаровска. Мне регулярно жаловались дежурные по общежитию на его сомнительные знакомства, и приходилось по-отечески на него ворчать за неразборчивость связей. Резкий перелом в его личном поведении и повседневной жизни наступил после 18 сентября 1983 года, когда в нетрезвом виде с офицерами Лентьевым, Ждановым и Вахрушевым они устроили дебош на станции Лимонник, в ходе которого повздорили с местными жителями из числа бывших заключенных. В завязавшейся нечеловеческой драке горе-товарищи бросили Аракеяна и позорно ретировались, оставив его одного. Валеру чуть было не забили насмерть. Сломали нос, ребра. В бессознательном состоянии с сильнейшей черепно-мозговой травмой его на два месяца уложили на госпитальную койку в Новосысовку. Долго после этого он приходил в себя, и как-то немножко успокоился, остепенился.

Вскоре мы отгуляли на свадьбе Аракеляна, любуясь его выбором — красивой черноволосой хабаровчанкой Светланой Клепиковой, выпускницей института народного хозяйства. Как положено, вскоре Света отяжелела и родила ему дочку. В семье наступили мир и благодать. На свадебные торжества к сыну приезжал из Еревана отец Валерия — рассудительный и степенный прапорщик КГБ Альберт Ваганович Аракелян. Довелось познакомиться и с родителями жены.

Поскольку клуб был постоянно востребован, там проходили все многочисленные совещания, мне приходилось постоянно контролировать энергичного подчиненного, или хотите — опекать, как будет угодно это понимать; многое в его работе мне нравилось, так как делалось на совесть и хорошо, кое-что же правилось по ходу работы. При нем в части сложилась добрая традиция выпускать ежедневные радиогазеты. Помимо содержательной информационной части в ней была особо любимая солдатами музыкальная страничка, которая исполнялась по заявкам. Свободные от службы воины выходили в эти минуты на плац или садились на табуретки вдоль стен в казармах и слушали любимые мелодии. Радовались, если слышали свои фамилии передовики боевого дежурства, хмурились попавшие под критику. Эти радиогазеты не стыдно было представлять для прослушивания приезжающим московским начальникам.

— Молодцы, совсем не плохо звучит, — отмечал ворчливый генерал Терновой, — надо и в других частях добиваться подобной практики.

Как-то с инспекцией в часть прилетел на вертолете начальник разведки округа генерал-майор Устьян. Обошел все подразделения. Побывал и у Аракеляна, где его поразил громадный портрет маршала Баграмяна.

— Ты откуда родом, сынок? — спросил он Валеру на армянском языке. — Молодец.

На подведении итогов генерал высказывал замечания по ряду подразделений, а в пример поставил только одно «подразделение, которым командует старший лейтенант Аракелян»!

— Вот что значит родная кровь, — смеялись в коллективе.

В связи с тем, что нам по штату не полагался духовой оркестр, мы с Валерой вынашивали голубую мечту — создать полноценный духовой оркестр. И заложили этому основу — приобретая при

случае отдельные духовые инструменты. Уже после нас это дело успешно завершили наши последователи, политработники политотдела. В части появился самодеятельный, но настоящий военный духовой оркестр.

С Аракеляном, Грушко и Хомяковым мы в течение двух лет выполнили объемную работу по созданию наглядной агитации вдоль дороги в техническую зону. Она опередила свое время и, в отличие от безликой — посвященной Компартии и ее съездам, была посвящена истории и боевой славе русского оружия. Когда после развала государства в 1992 — 1993 годах начали громко говорить на эту тему, я вспомнил своих дорогих коллег, которые десять лет тому назад отошли от навязываемых догм и мастерски исполнили свою работу.

Подшло время, и пришлось выдвигать Аракеяна на повышение. Уйдя в пехоту, он оправдал оказанное доверие, став лучшим пропагандистом необъятного Дальневосточного края, о котором много говорили и отмечали в СМИ. Валерий Альбертович описал мне свое становление в новой должности, такими словами:

«Я перенял ваш, Олег Владимирович, специфический метод работы с людьми. Он хорошо помогает мне и оправдывает себя. Особенно — конкретная постановка задач на день, и контроль за результатами работы. Я поддерживаю вашу марку и считаюсь боевым офицером-разведчиком, чем горжусь и стараюсь держаться на высоте».

Много раз офицеры нашей части с восторгом зачитывали друг другу газетные статьи и очерки, в которых писалось о передовом пропагандисте капитане В.Аракеяне. Я бережно сохранил отдельные заметки о нем. Так, например, 16 апреля 1986 года окружная газета «Суворовский натиск» написала: «Капитан Аракеян умело организует и проводит идеологическую работу, активно вникает на все стороны жизни и службы воинов. Его выступления неизменно пользуются популярностью у личного состава. Всю работу он проводит живо, интересно, учитывая возросший общеобразовательный и культурный уровень воинов». Валера добился высоких результатов в повседневной работе. И командование мотострелковой дивизии направило его в числе лучших на учебу. Успешно сдав конкурсные экзамены на выездной комиссии в Уссурийске он поступил военно-политическую академию, окончание учебы в которой совпало с развалом армии и политорганов. Где он только ни служил

после этого — и в стройбате, и в военной комендатуре на Белорусском вокзале, пока не прошел «демократический» запал, и армии вновь не понадобились грамотные и преданные делу офицеры. Со всем не случайно Валера попал в центральный аппарат министерства обороны. Последующие годы полковник В.Аракелян отлично работал в информационно-аналитическом управлении Главного управления воспитательной работы Вооруженных Сил России. В конце 2001 года стал вынашивать планы об увольнении в запас. К сожалению, в ходе неувязок со службой начались шероховатости в семейных отношениях. В Москве Валера познакомился и серьезно увлекся красивой москвичкой Мариной. После некоторого колебания сочетался с ней браком. В новой семье воспитываются сводные дочери Лена и Ольга. Однако, к чести Валеры, он не забывает и первую жену — Свету, которая к зрелости тяжело душевно заболела и ударилась в религию.

В середине первого десятилетия XXI века многие наши сослуживцы-дальневосточники, прослужив более десяти лет в заменяемом районе, перебрались в столицу и ближнее Подмосковье: а Аракелян, Комлев, Путина, Воронин, Панин, — получили квартиры даже в одном подъезде новостройки в Щелково. Позднее других здесь же обосновались однополчане Дрождевы, Помазковы и другие...

Надо отметить, что практика переписки с убывшими военнослужащими существовала в нашем полку долгие годы. И солдаты, и офицеры не забывали нас и регулярно напоминали о себе, присылая к праздникам поздравления и свои письма-размышления, которые радовали душу. Так как-то из Германии пришло письмо от бывшего замполита роты Василия Афанасьевича Мамеко: «В отношении существующих здесь порядков я удивлен. Учиться здесь мне нечему. Дай бог не забыть того, чему вы нас учили».

Борис Комлев в уссурийском спецназе тоже хвалился нашей яковлевской школой. Сейчас, когда служба позади, эти воспоминания приятны. Выходит — не даром мы прожили жизнь, и многие молодые люди прошли свой офицерский путь, держа равнение на яковлевскую школу.

Особенно доверительные отношения у меня сложились с бывшими спецназовцами. Таких в полку было трое: Л.Алхимов, С.Курбатов, В.Марков. Первый, Леонид Владимирович Алхимов, был моим соседом по подъезду (жил за стенкой), с которым мы, как

правило, проводили все праздничные застолья. Он был постарше нас. К тому времени прослужил без малого два десятилетия на Дальнем Востоке. После окончания Одесского ВОКУ попал в Уссурийскую бригаду спецназа, где командовал группой. Затем был переведен к нам с повышением — командиром роты охраны, а впоследствии возглавил штаб технического батальона, и вершиной его службы стала должность начальника штаба части. Алхимову на тот момент было под сорок. Грузная широкоплечая фигура, хотя он был высоким, статным человеком, казалась квадратной. По территории городка Леонид двигался неторопливо. И что бы при этом ни происходило — сбор по тревоге, пожар или приезд высокого начальства — ничто не могло поколебать или вывести из равновесия невозмутимого, на диво спокойного умного, образованного и доброго человека. Текла в жилах Алхимова медлительно-застойная кровь селянина-тавричанина. Все его предки жили на раздольной благодатной земле, под вечно щедрым на тепло и жизнь украинским солнцем, родились, росли, обрабатывали и пользовались ее дарами. Здесь наследовалась и лепилась безмятежная алхимовская натура. Отец, дед, прадед носили длиннющие рубахи и широченные шаровары, покрывали головы большими капелюхами или брилями. Сын же носил мундир с голубыми петлицами и хромовые сапоги. Ходил так же по-хозяйски, расчетливо, с мужицкой сноровкой, как хаживали его отец и дед. Вероятно, за его внешние особенности за ним в Уссурийске закрепилась кличка «Батон». Ко всему прочему Леонид был ярким фанатом футбола. Увлекался рыбалкой. Читал много и обо всем. Порой поражал окружающих своей общей эрудицией, легко считал в уме большие цифры и так далее... Его подразделение, которым он командовал, считалось благополучным. Даже самые отпетые головы, кто в других подразделениях не вылезал с гауптвахты и привык выкидывать разные цирковые номера, у Алхимова утихомиривались. Никто не мог приписать ему мягкотелость или простецкое добрячество. Здесь ли в батальоне это родилось, или в бригаде, где он до этого служил, но все за глаза отзывались о нем по-доброму, не сговариваясь. Он об этом не знал, а узнал бы — несказанно удивился и не поверил. После замены с Дальнего Востока он попал в родственную разведывательную часть под Одессу. Но начальником штаба части пробыл там недолго, во время очередной инспекционной проверки вступил в пререкание с окружным начальником, и в 44 года был с треском уволен в запас. Выслуги

для пенсии у него хватало, а психологически, конечно, было ему неприятно и очень обидно. Даже квартиру не успел получить и машину купить о которой мечтал. Последние годы жил на своей родине, на Херсонщине, в Казачьих Лагерях, что под Цюрупинском. Многогранно, но с большой любовью копался в земле: выращивал разнообразные овощи и фрукты. После напряженного дня читал, смотрел телевизор, принимал свои пятьсот «наркомовских», после чего по-богатырски, с храпом отдыхал. А с раннего утра опять брался за тяжелый крестьянский труд. Умер внезапно от сердечного приступа в 2003 году.

Женой у Алхимова была роскошная украинка Галина Романовна, которая не уступала мужу ростом (где-то под метр восемьдесят), да и плотностью фигуры тоже. Была она женщиной чрезвычайно деловой, общительной, без преувеличения являлась душой женсовета части. А офицерские жены составляли очень важную часть нашего полка. Нам регулярно приходилось проводить с ними беседы, совещания, совместно планировать праздничные дни, детские утренники и концертные программы. Продолжительный период Галина Романовна проработала заведующей детсадом и являлась опытным руководителем, которому любое дело по плечу. Своим красивым колоритным украинским говором она увлекала соседок на ночные колядки, пасхальные праздники и различные чествования взрослых и детей. В семье она считалась, конечно же, главным человеком. Сослуживцы смеялись: «Там, где прошла Романовна, делать нечего». После возвращения в Украину, Галина Романовна работала в Одесской средней школе преподавателем, а впоследствии, как рассказывали, в годы развала, «выживала», торгуя овощами на базаре. В семье выросла прелестная дочь Ирина, унаследовавшая бурный темперамент матери и сохранившая военную династию отца, после окончания Херсонского пединститута став кадровой военнослужащей. Вернулась в последний военный городок, где вышла замуж за военнослужащего, и до сих пор, говорят, служит прапорщиком в части, из которой уволился в запас ее батюшка.

Бывший командир роты, спецназовец 14 бригады, выпускник череповецкого училища Сергей Курбатов объехал полстраны, пока не остановился в Загорянке, где майором руководил работой военно-технического склада ГРУ. Лет десять пытался заочно окончить институт иностранных языков, но так и не завершил обучение. С

должности начальника склада и ушел на пенсию. С женой отношения были достаточно сложные. Одно время поговаривали, что он один растил единственного сына Дениса. Но после добровольного ухода супруги из жизни мнение о Сергее переменялось. Друзья, которые чистосердечно считали его простым и надежным товарищем, принципиально высказали, что он своими постоянными изменами оказался главным виновником разыгравшейся семейной трагедии. Он принял это молча, по-мужски, без оправдания, так как возражать было бесполезно. С этим грузом на душе и коротает оставшиеся годы жизни, но с соратниками встречается регулярно.

НА ПЕРЕДОВЫХ РУБЕЖАХ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

Располагая «дальнобойными» радиотехническими комплексами и средствами дешифровки, хорошо подготовленными инженерными специалистами, способными найти в необъятном космосе нужный объект и снять информацию, офицерскими кадрами переводчиков, владеющими языком, наш полк вел разведку в глобальном масштабе, охватывая своим наблюдением вооруженные силы противника на континентальном и морском театре Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в воздухе и в космосе. Главное внимание было сосредоточено на разведке стратегических наступательных сил США. В это время развертывались МБР «МХ», ракетная система «Трайидент» на подводных лодках, создавалась новая мобильная МБР «Минитмен», были построены и приняты на вооружение стратегические бомбардировщики «Стелт» и В-1В. Широко осваивался космический театр войны, активно отрабатывалось боевое применение космического корабля многоразового использования «Шаттл». Особый интерес для нас представляли космические спутники глобальной системы оперативного управления МО США, разведывательные системы, спутниковые системы связи. Ежегодно проводилась тщательная разведка крупномасштабных учений войск США, Японии, Южной Кореи.

Параллельно с техническими экспериментами противника Минкосмос и Минобороны СССР проводили испытания собственных космических аппаратов многоразового использования по проек-

ту «Буря». И хотя это держалось в глубокой тайне, мы, собирая данные о противнике, отслеживали и собственные секретные испытания.

В 80-е годы прошлого века, в период ослабления конфронтации и обеспечения безопасности в регионе, снижения военного противостояния на Дальнем Востоке не происходило. Более того, ставка делалась на расширение американского военного присутствия и активизацию различных мероприятий оперативной и боевой подготовки. Крупномасштабные учения и маневры вооруженных сил (ВС) США и их союзников в АТР на деле являлись реализацией доктринальных установок военно-политического руководства этих стран. Основная цель учений состояла в отработке практических действий в рамках американской концепции «передовых рубежей» («передовой обороны») по упреждающему разворачиванию своих ВС и подготовке их к ведению различных по масштабам, интенсивности и продолжительности военных действий с применением как обычного, так и ядерного оружия.

Ежегодно в районах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (ЮВА) проводилось свыше 120 национальных и совместных учений и маневров, большинство из них с привлечением крупных сил, как правило, по единому замыслу. При этом наибольшую дестабилизацию военно-стратегической обстановки в АТР вызывали совместные учения и маневры вооруженных сил США и их союзников в непосредственной близости от дальневосточных границ СССР. Как отмечали в то время западные военные исследователи, концепция «передовых рубежей» в АТР держалась, образно говоря, на двух якорях. Первый расположен в северной части региона и представлял собой военные базы США в Японии и Южной Корее, а второй — в Юго-Восточной Азии, где дислоцируются и до сих пор американские базы на Филиппинах. До сих пор в распоряжении Соединенных Штатов в зоне Дальнего Востока и ЮВА находятся более 280 военных объектов различного предназначения, которые создают благоприятные условия для обеспечения разворачивания крупных группировок войск и сил флота и активно используются в ходе оперативной и боевой подготовки войск.

К наиболее крупным совместным учениям вооруженных сил США и Японии, систематически проводимым у дальневосточных границ СССР, относились учения ВМС под условным наименованием «Кайэн», ВВС — «Соэн», «Коул норт», сухопутных войск

— «Ямасакура», «Ориент шилд». Итоговые учения ВМС Японии типа «Кайэн» с участием кораблей и авиации 7-го флота ВМС США проходили регулярно с 1981 года. Постоянно увеличивалось количество привлекаемых к ним американских сил, усложнялись отработываемые задачи. В ходе учений решались задачи по переводу соединений и частей ВМС в повышенные степени боевой готовности, развертыванию сил в районы боевого предназначения, борьбе с подводными лодками и надводными кораблями противника, блокаде проливных зон, защите морских коммуникаций, по взаимодействию с видами национальных вооруженных сил и ВМС США.

В среднем в учениях было задействовано более 30 тыс. человек личного состава, 100 кораблей и судов, около 120 боевых и вспомогательных самолетов ВМС Японии, 60 кораблей, в том числе атомные авианосцы «Карл Винсон» и «Энтерпрайз», и около 250 боевых самолетов (палубные, морской пехоты и базовые патрульные) ВМС США.

Американские ВМС совместно с ВМС Японии отработывали задачи ПЛО, ПВО и РЭБ на коммуникациях южнее и восточнее о. Хонсю, а также по завоеванию господства на море. Итоговые учения ВВС Японии с привлечением ВВС США в западной части Тихого океана проводились ежегодно. Их цель состояла в проверке боевой готовности и боеспособности соединений, частей и подразделений ВВС, отработке планов ведения совместных с авиацией США операций начального периода войны на Дальнем Востоке. Основной тенденцией итоговых учений ВВС являлось возрастание объема и сложности отработываемых задач. Японо-американские летно-тактические учения типа «Коуп норт» проводились ежеквартально. Их основными целями были: отработка совместных боевых действий японских и американских авиационных подразделений при организации ПВО объектов и группировок войск на территории Японии, а также тактических приемов нанесения ударов по наземным и морским (надводным) целям; решение задач управления авиацией с использованием самолетов ДРЛО и управления Е-3В и Е-2С. Для проведения учения этого типа задействовались одна-две авиабазы и зоны боевой подготовки ВВС одного из трех авиационных направлений: Северного — авиабазы Титосе и Мисава (о. Хоккайдо и северная часть о. Хонсю), Центрального — Комацу (о. Хонсю), Западного — Ньютабару, Цуйки (о. Кюсю) и Ивакуни (юго-западная часть о. Хонсю), а также авиабазы Наха

и Кадена в районе о. Окинава. Продолжительность учения составляет 5 — 6 суток.

Опыт участия в учениях «Коуп норт» имели практически все подразделения боевой авиации ВВС Японии, с американской стороны к ним наиболее часто привлекались подразделения из состава 18 и 432 тиакр ВВС (аэробазы Кадена и Мисава — соответственно), 1 акр морской пехоты (аэробаза Ивакуни) ВМС США. С каждым годом расширялся состав участников учений и усложнялись решаемые в ходе их задачи. Все большее внимание уделялось совершенствованию тактических приемов нанесения ударов по наземным и морским (надводным) целям, приобретению навыков ведения боевых действий в условиях применения средств РЭБ. Кроме итоговых учений ВВС, летно-тактических учений типа «Коуп норт», ежегодно организовывались до 16 других совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки, в том числе одно японо-американское КШУ и около 15 летно-тактических учений и тренировок для отработки задач ПВО и нанесения ударов по наземным и морским целям. Японо-американские командно-штабные учения типа «Ямасакура» проходили с 1982 года 2 раза в год поочередно в Японии и США (на Гавайских островах). До 1986 года состоялось 11 таких учений. Число участников, продолжительность и круг задач постоянно возрастал. На этих учениях, как правило, решались вопросы ведения совместных боевых действий в ходе противодесантной операции на о. Хоккайдо.

Японо-американские тактические учения типа «Ориент шилд» проводились с 1982 года (ранее имели условное наименование «Ямато», «Митиноку») в центральных и северных районах Японии. Продолжительность учения составляло до трех недель. К ним привлекаются подразделения из состава дивизий сухопутных войск США и Японии. Общая численность участников с обеих сторон превышала 3000 человек. В ходе учений решались задачи организации тактического взаимодействия командиров и штабов при ведении оборонительных и наступательных боевых действий. Большое внимание уделялось обучению войск в сложных условиях (ночью, в лесу, в горах, зимних условиях). Как правило, учения заканчивались учебно-боевыми стрельбами из штатного оружия. В учении от вооруженных сил Японии принимали участие оперативные группы штабов сухопутных войск, Северной армии, части и подразделения 7 тд (всего до 80 танков, 1500 человек); от вооруженных сил США —

оперативные группы штабов 9 ак, 25 лпд и подразделения из их состава (всего около 1800 человек личного состава). К учению привлекалась также авиация ВВС и армейская авиация Японии. В его ходе значительное внимание было уделено вопросам организации взаимодействия пехоты и танковых войск с авиацией, осуществляющей непосредственную авиационную поддержку действий сухопутных войск. Расширяемые масштабы американско-японских учений, предусматривали ведение совместных боевых действий с морской пехотой США и соединениями сухопутных войск Японии при поддержке авиации и флота. Так, три раза в районе о. Окинава состоялись учения под условным наименованием «Бич крест». В нем участвовало более 1000 морских пехотинцев США, личный состав 2 омбр сухопутных войск Японии, были задействованы самолеты и вертолеты десяти типов, в том числе истребители-штурмовики F/A-18, истребители F-15, самолеты ДРЛО и управления E-3B АВАКС.

Наиболее крупными ежегодными совместными мероприятиями оперативной и боевой подготовки вооруженных сил США и Южной Кореи являлись объединенные американско-южнокорейские учения под условным наименованием «Тим спирит», командно-штабные учения «Фокус лэнз», «Фокус клиар», учения войск специального назначения «Фоул игл», летно-тактические учения «Коуп джейд» и «Коуп страйк». Учения оперативно-стратегического масштаба типа «Тим спирит» проводились с 1976 года, как правило, в феврале-апреле. Главные цели учений предусматривали — отработку задач усиления группировки американских войск в Южной Корее за счет переброски соединений и частей с континентальной части и военных баз в зоне Тихого океана, ведение совместных оборонительных и наступательных боевых действий на Корейском п-ове, демонстрация силы и готовности США в кризисной ситуации к оказанию военной помощи союзникам в регионе. Всего к учению (общей продолжительностью 70 — 90 суток) привлекалось более 200 тыс. человек личного состава, в том числе 60 — 80 тыс. американских военнослужащих, до 1000 самолетов и вертолетов, несколько десятков боевых кораблей.

Особенностями учений «Тим спирит» являлось расширение и усложнение обрабатываемых в их ходе задач. Все большее внимание уделялось подготовке и проведению совместных наступательных операций вооруженных сил Южной Кореи и США с высадкой

крупных морских, а также воздушных десантов. Показательно в этом отношении учение «Тим спирт-83».

Согласно «Белой книге» по вооруженным силам Южной Кореи, наряду с «Тим спирт» ежегодно проводились совместные американо-южнокорейские КШУ типов «Фокус лэнз» (с 1976 года) с привлечением сил обозначения. Они проходили, как правило, первые — летом, а вторые — зимой. В них участвовали командный состав американских и южнокорейских вооруженных сил дивизионного ранга и выше. В ходе учений обоих типов отрабатывались наступательные и оборонительные действия против ВС КНДР. По окончании командно-штабной части учения командиры корпусов и полевых армий организовывали учения сил обозначения по замыслу КШУ. Общая продолжительность учений составляла 3 — 10 суток. С 1976 года ежегодно (обычно осенью) на территории Южной Кореи проходили американо-южнокорейские учения войск (сил) специального назначения под условным наименованием «Фолл игл». Масштабы учений за последние годы существенно возросли, с 1982 года они являлись двусторонними. Основной целью этих учений была отработка действий подразделений американских и южнокорейских войск специального назначения в составе воздушных десантов и диверсионно-разведывательных групп в тылу противника.

К крупным учениям американских и южнокорейских ВВС относились летно-тактические учения типов «Коуп страйк» и «Коуп джейд», которые систематически проводились над территорией Южной Кореи. На них отрабатывались совместные боевые действия авиации ВВС США и Южной Кореи по завоеванию господства в воздухе, оказанию авиационной поддержки сухопутным войскам и морской пехоте, прикрытию войск и военных объектов. Ежегодно проводились пять-шесть учений «Коуп страйк» и одно-два «Коуп джейд».

Проведение этого неисчислимого количества учений вблизи Советского Приморья справедливо расценивалось как провокационная демонстрация военной мощи США, ведущей к искусственному нагнетанию напряженности в АТР. Для личного состава нашей части это была изнурительная непрерывная круглосуточная деятельность на боевых постах в режиме максимального усиления, когда использовалась основная масса военнослужащих, прекращались плановые отпуска офицерскому составу оперативного и технических отделов. Входя в общую глобальную систему стратегической раз-

ведки «ЗВЕЗДА», наша часть работала по-боевому. Вся жизнь коллектива была подчинена разведке по вскрытию мероприятий нашего реального противника, которые в перспективе в любой момент могли перерасти в настоящие боевые действия и войну. Нередко наши офицеры оперативного отдела командировывались на корабли специального назначения радиоразведывательного флота. Выходя в районы интересующие командование они перехватывали информацию и на месте обрабатывали ее, в течение нескольких месяцев находясь в открытом море. Не имея вооружения на борту, корабли были настигнуты электронным оборудованием, а в состав экипажей входили специалисты-электронщики и эксперты по внешней политике. Одновременно с самостоятельной обработкой данных радиоперехвата, большую часть информации моряки сбрасывали с помощью спутников в Москву. Среди героев тех дальних морских походов оказался талантливый переводчик и аналитик нашего оперативного отдела старший лейтенант Усольцев, впоследствии ставший полковником разведки и постоянным представителем России в Брюсселе.

НЕЗАУРЯДНЫЕ ЛЮДИ

Всей сложнейшей системой «Звезда» управлял Терновой Степан Иванович, который являлся цельной и незаурядной личностью, отличным организатором, интереснейшим человеком, жестким и требовательным начальником на службе, и душевным и доступным в быту, которого побаивались и одновременно глубоко уважали подчиненные. Старый вояка, он начинал свою военную службу в суровую зиму сталинградского триумфа. С августа 1943 по май 1945 года принимал участие в боях с фашистами, а с 1946 года, поступив в военное училище, стал профессиональным военным. Пройдя все командные должности в радиоразведке, он по сути стал хрестоматийным героем этих войск. Неслучайно и новая стратегическая структура складывалась при его участии. Он отвечал за ее строительство в тайге, в горах, в тропиках. В условиях строжайшей конспирации отдельные полки разведки радиоизлучений космических объектов своевременно были приняты госкомиссиями и приступили к боевой работе в интересах ГРУ. За успешное решение этих задач полковник Терновой в 1979 году награжден орденом Трудового Красного

Знамени. Несколько раз представлялся к званию генерала, но только к шестидесяти годам надел долгожданный генеральский мундир. Несмотря на преклонный возраст, его энергии мог позавидовать любой молодой офицер. Надо сказать, что он не был исключением, — так самоотверженно работали в те годы большинство офицеров разведки. Действительно не жалея себя трудились во имя идей защиты своего Отечества. По праву можно считать офицеров систем «Круг» и «Звезда» интеллектуалами технической разведки. Под стать им подбирался и личный состав срочной службы.

Оправдывало себя решение правительства о призыве в части разведки студентов дневных отделений вузов, имеющих языковые навыки и инженерный профиль подготовки. Вспоминаю фамилии Коблов, Коргутлов, Корзевич, Ястребов, Калмыков, Скороходов, Ульянов, Мельников и др., которые профессионально грамотно и толково работали на боевых постах. Подразделения комплектовались в основном москвичами и дальневосточниками, несколько раз пополнение происходило за счет сибиряков. Для наглядности, приведу данные только по одному призыву ноября 1981 года. Из 111 прибывших призывников 93 оказались городскими жителями: из Москвы — 19, из Красноярск — 42, все остальные из Московской области: из Серпухова — 23, из Орехова-Зуева — 10, из Павлова Посада — 4 и т.д. Если интеллект первых очень помогал в профессиональной работе, то в вопросах выживания они уступали ушлым дальневосточникам. Которые, однако, привнесли в коллектив распространенные привычки бывших осужденных, составлявших костяк дальневосточного общества. Они приучили товарищей сначала «чифирить», а потом пытались подсаживать своих сослуживцев на более тяжелые наркотики. Проведя разведку окружающей тайги, дальневосточники нашли заросли дикой конопли и обрабатывали ее для употребления в примитивных условиях мастерских и кочегарок части. Бывало, что во время рейдов мы мешками изымали из тайников солдат это зелье и плоды конопли. Дальневосточники, в отличие от европейцев, не боялись тайги и даже в ночное время смело совершали десятикилометровые самоволки-переходы по тайге в местные деревни за брагой и самогонкой. От них в подразделениях начала распространяться дикая туземная и экзотическая татуировка.

Наши солдаты и сержанты несли, на первый взгляд, рутинную службу на постах боевого дежурства. Однако им выпадали

высочайшие психологические и физические нагрузки, так как несение дежурства осуществлялось непрерывно. Даже в ракетных войсках и ПВО дежурства являлись эпизодически. А в нашей части несло двухсменное дежурство, через 6 часов по 6 часов. Что это значило? А это значило, что личный состав не имел полного ночного отдыха в течение 250 — 280 суток в году. Они хронически недосыпали, а многие ли знают, что такое накапливающаяся усталость? Без перерывов, праздников, без выходных день за днем делать одну и ту же монотонную работу, да еще в условиях, которые комфортными не назовешь?

Тянут ляжку, дуреют, но тянут...

Это становилось большим испытанием для человека. Стараясь изучить динамику психики подчиненных в этих условиях, поддерживать в них чувство ответственности, мы практиковали регулярный обход боевых постов с целью проверки организации службы, порядка и бесед с подчиненными.

На совещания мы постоянно напоминали офицерам о внимательном отношении к людям. Требовали соблюдать неписаное правило: ни в коем случае не отмахиваться от острых тем, не переносить разговор «на потом». Железо не выдерживает больших нагрузок, а уж о людях (девятнадцатилетних пацанах) и говорить нечего. Напоминали психотравмирующие факторы боевой службы: повышенная опасность для здоровья и жизни (все под высоким напряжением), измененная пространственная структура. Невозможность удовлетворения многих естественных потребностей. Рассогласование режима сна и бодрствования. Ограниченная общая информированность (сенсорный голод). Групповая изоляция, вызывающая усталость от одних и тех же лиц, монотонность. Все эти «прелести» в определенном моменте могли привести к психологическим травмам. Первыми признаками легкой усталости считались чрезмерная раздражительность, нервозность, замкнутость, потеря аппетита, головные боли, быстрая утомляемость. Средняя степень характеризовалась истерическими реакциями, агрессивностью, временной потерей памяти, депрессией, чувствительностью к шуму, патологическом страхе, переходящем иногда в панику, потеря ощущения реальности происходящего. К счастью, тяжелых степеней психических травм в форме нарушения слуха, зрения, речи, координации движений, психомоторных расстройств, ступоров (оцепенений) у нас не отмечалось. От этой усталости люди могут с ума сойти. А если из дома чего-

то неважное сообщат или сам себе человек придумает — тут и вовсе беречься, ожидай чего угодно и следи за ним. Не дай бог.

С целью изучения психического состояния человека, его способности здраво оценивать ситуацию мы активно проводили анонимные анкетирования в среде несущих боевое дежурство и с категорий военнослужащих, увольняемых в запас, в ходе которых они имели возможность смело высказываться о порядках, существующих в подразделениях, о наиболее неблагоприятных факторах службы. Первоначально военнослужащие осторожно относились к заполнению анкет, ожидая какого-либо подвоха и оглашения их личных мнений, но, убедившись в полной конфиденциальности, стали откровенными. Обработывая эти анкеты, мы старались ликвидировать негативные моменты, беспокоящие военнослужащих, и шире использовать положительный опыт. Ответы солдат и сержантов убеждали нас в том, что проводимая политическая работа с разведчиками оправдывает себя, поддерживает живой интерес у них к конечным результатам разведки.

Свою лепту в поддержание боеготовности части вносил комсомольский актив подразделений — прапорщик Горбунов (технический батальон), лейтенант Близнюк (организация отделов), лейтенант Киревнин (1 рота), Бутрамеев (2 рота), Дегтярев (3 рота), Кузнецов (4 рота), Пантелеев (5 рота), комсгруппорги рядовые Жунусбеков, Павлов, Пасконов, Молчанов, Коновалов, Шевчук, Филонов, Костин, Повагин, Сорокин, Сумцов, Баранов, Волков, Володин, Аблаев, Новожилов, Фролов, Пустогаров, редактор боевого листка рядовой Митин.

Сенсорный голод ликвидировали различного рода инициативами, нарушающими размеренную и напряженную жизнь коллектива части, и социалистические соревнования, организованными по инициативе комсомола в памяти остались некоторые названия, к примеру: «60-летию СССР — 16 недель ударного ратного труда», «50-летию со дня рождения Ю.А.Гагарина» и другие. которым сопутствовала интенсивная работа по политическому информированию личного состава. Особый интерес в коллективах вызывала организованная переписка с родственниками погибших в Афганистане офицеров Шорниковым, Демаковым, Чепиком, Мироненко. Несколько лет комсомольцы части регулярно переписывались с матерью погибшего героя Файной Егоровной Демаковой из Кемеровской области, которая благословляла воинов на примерную службу.

Первые портреты воинов-интернационалистов появились у нас в 1980 году и украшали не только ленинские комнаты, но и залы боевого дежурства в ОТЗ. Потому обсуждаемые неизвестные темы были интересны для солдат, чей каждодневный рутинный труд радиоразведчика был равен ратному на войне. Каждый имел возможность задать себе вопрос и ответить: «Мог бы я перенести такое же? Моя служба в сравнении с афганцами — санаторий!»

Долгое время по итогам соревнований лучшим отделением части являлось отделение мл.сержанта Ефремова А.В. Хорошим помощником в работе оказался нештатный замполит роты связи военнослужащий срочной службы Костин Николай Алексеевич, 1956 г.р, уроженец Севастополя. Выбрали мы его первоначально из общего списка военнослужащих, поступивших в часть по графе — образование высшее. Побеседовав, приняли такое нестандартное решение — назначить солдата на офицерскую должность. У него была непростая жизнь. Окончание школы совпало со смертью родителей. Сначала скончался отец — офицер-политработник. Не пережив утраты, буквально следом ушла и матушка. Однако, преодолев душевную боль, круглый сирота поступил в Московский институт народного хозяйства, на факультет экономики и финансов. В 1978 году, на третьем курсе обучения, его по обмену направили в институт народного хозяйства им. Благоева в Болгарию, на факультет экономики и организации международного туризма. В 1982 году, успешно окончив учебу, был трудоустроен в госкомитет по иностранному туризму СССР — инспектором. В ноябре того же года призван в армию. Учитывая общую подготовку Костина, политотдел части рекомендовал командиру части назначить рядового Костина нештатным заместителем командира роты связи по политчасти. В этой должности он состоялся как помощник командира и общественный комсомольский лидер. Вскоре дослужился до звания старшего сержанта и умело занимался сплочением коллектива, пресечением неуставных взаимоотношений между призывами в подразделении, организовывал досуговые спортивные и развлекательные мероприятия, проводил беседы, политинформации, занимался выпуском стенной печати, осуществлял переписку с родными военнослужащих. В канун увольнения был направлен на курсы офицеров в г. Уссурийск, где на базе 5-й армии прошел подготовку и получил воинское звание «лейтенант». После увольнения в запас Костин мне сообщил свои наблюдения об этой «бурсе»:

«Забрав с собой все тетради и записи, я приехал на курсы. Но пополнить свои знания политработы мне не удалось, так как курсы были организованы по формальному признаку. С утра день начинался по распорядку, а потом делай, что хочешь. Вначале это было вроде санатория, но скоро надоело, и я заскучал по части, где нашел бы чем заняться. Иногда привлекали для хозяйственных работ, — корчевали деревья, рыли траншеи и т.д. Ближе к окончанию написали несколько рефератов, в том числе по политработе, сдали экзамены за якобы прочитанные нам лекции и выпустили нас командирами взводов связи. Вот так я стал лейтенантом, командиром взвода, а ведь я по образованию не инженер и в работе войск связи ничего не понимаю. Это меня пугает, но думаю, что поговорю в военкомате об изменении моего предназначения на особый период. 10 мая нас уволили в запас и самолетом отправили по маршруту «Воздвиженка — Актюбинск», а дальше добирался поездом. Домой вернулся 14 мая. Хотя внешне мало что изменилось, но я отвык от гражданской жизни и сейчас постепенно к ней привыкаю. Скоро выхожу на прежнюю работу в госкомитет, но в другой отдел. Часто вспоминаю часть, службу, товарищей, офицеров и политотдел. И хочется мне высказать вам большое спасибо за то, что эти полтора года жизни прошли для меня не бесцельно. Многому вы меня научили, и главное — все-таки много положительного я приобрел».

Важной особенностью службы солдат-разведчиков являлось и то, что их непосредственные командиры и начальники (командиры подразделений и оперативная смена) с ними на боевых постах не находилась. И добывание информационного материала и его качество осуществлялось солдатами самостоятельно. Все это происходило в условиях непосредственного идеологического воздействия противника. Они в полученных первоисточниках-развединформации читали много такого, что не вписывалось в существующие советские пропагандистские стереотипы. Задачей командиров и политработников являлось знание обстановки и соответствующее разъяснение полученной информации. Вспоминаю невиданный энтузиазм всех солдат и офицеров, во время ведения разведки полета первого американского корабля многоразового использования «Шаттл «Колумбия» STS-1. Это событие совпало по времени с 20-й годовщиной полета Ю.А.Гагарина и являлось ответом США в борьбе за превосходство в космосе. Первый корабль системы «Спейс Шаттл»

строился в условиях полной конспирации с 1975 по 1979 гг. Он получил название «Колумбия» в честь парусника, на котором капитан Роберт Грей в мае 1792 года исследовал внутренние воды Британской Колумбии (ныне это штаты США Вашингтон и Орегона). Данное название также было призвано увековечить наименование командного модуля космического корабля «Аполлон-11». Первый полет американского корабля многоразового использования был уникальным, поскольку осуществлялся с экипажем на борту. Командиром корабля летел Джон Янг, а пилотом — Роберт Криппен. Кстати сказать, судьба «Шаттла «Колумбия» впоследствии оказалась трагической. Совершив большое количество полетов с экспериментальными целями, рентгеновским и ультрафиолетовым телескопом, с лабораторией микрогравитации на борту и полетов с разведывательными задачами (запуск разведывательных ИСЗ, фотографирование местности и т.д.), 1 февраля 2003 года, за 16 минут до плановой посадки он подвергся разрушению теплоизоляционного слоя на левом крыле челнока, в результате чего горячие струи плазмы проникли внутрь, что повлекло прогорание и разрушение конструкции аппарата от взрыва, унесшего жизни семи астронавтов на борту. Но первый его полет все участники боевых смен технического батальона запомнили в деталях навсегда. Даже после дежурства 12 и 13 апреля 1981 года военнослужащие не хотели уходить в казарму на отдых. Все испытывали эмоциональное возбуждение и горели боевым азартом.

Имея в виду подобные случаи боевого единения коллектива в деле, не случайно, что наши «дембеля» писали в анкетах опроса общественного мнения, что самым интересным временем их службы было оперативное дежурство: «...потому, что чувствовали, что мир зависит от нас». Да, для этой службы необходим был особый морально-психологический настрой, глубокое понимание необычности своей службы. И от руководителей зависело создание особой обстановки несения службы для активизации деятельности личного состава.

Введение нами подробных инструктажей по реальной военно-политической обстановке первое время не приветствовалось, и мне пришлось проявлять настойчивость, цитируя известные слова В.И.-Ленина «о массах, идущих на все сознательно». Не без труда нам удалось вывесить в Основном Техническом Здании (ОТЗ) стенд «Воин, ты здесь защищаешь Родину!» и стенд, посвященный геро-

ям — разведчикам. Критики этого ссылались на пресловутую секретность. Это замечание было несуразно — ведь мы находились в совершенно секретном объекте, куда допуск осуществлялся строго по пропускам.

Ярко вспоминается работа по усилению разведки в связи с выступлениями польской «Солидарности» в 1980 году.

Со 2 апреля по 14 июня 1982 года во время войны на Фолклендах между Великобританией и Аргентиной вся часть была задействована в работе по усиленному режиму ведения разведки. Военный конфликт унес около тысячи человеческих жизней. В ходе боевых действий потоплено 25 военных кораблей (из них 17 аргентинских), сбиты 35 самолетов (из которых 27 потеряла Великобритания). Одним из интересных вопросов анализа использования войск в операциях оказались действия сил быстрого реагирования — спецназа ее величества. Опыт действий спецразведки был обобщен оперативным отделом части и впоследствии получил ценную оценку ГРУ. Обработав материалы радиоперехвата, выяснили, что командование британских экспедиционных сил возлагало на разведчиков-диверсантов следующие основные задачи: подбор и подготовку участков побережья для высадки десанта и посадочных площадок для вертолетов; рекогносцировку местности; корректировку огня корабельной артиллерии и наведение самолетов и вертолетов на цели; захват аэродромов, диверсии, уничтожение боевой техники, складов боеприпасов и горюче-смазочных материалов, нарушение линий связи и другие; разведку дислокации гарнизонов противника; действия в качестве передового эшелона сил десанта. Решение этих задач облегчалось наличием на островах большого количества отдельно расположенных ферм (владельцы их — подданные Великобритании) и имеющимися между населенными пунктами линиями телефонной связи, которая не контролировалась и не была выведена из строя аргентинцами.

Разведчики-диверсанты, как правило, действовали группами (отрядами), выполнявшими боевые задания самостоятельно или в тесном взаимодействии друг с другом. По данным иностранной печати, в зависимости от конкретной обстановки и поставленных задач в состав группы входили 7 — 12, а в отдельных случаях — до 50 человек, вооруженных автоматическим оружием и подрывными зарядами. Для наблюдения применялись бинокли, инфракрасные приборы ночного видения, другие специальные средства. Передача

полученной разведывательной информации осуществлялась с помощью быстродействующих передатчиков. При этом время подготовки данных с записью на магнитофон составляло около 10 мин, а передача — не более 1 секунды, что значительно снижало вероятность перехвата сообщений и пеленгацию работающей радиостанции. В связи с тем что разведчикам-диверсантам пришлось действовать в условиях холодной зимней погоды, они были одеты в специальные костюмы с электрообогревом. Разведывательно-диверсионные подразделения высаживались на побережье за несколько суток, а иногда и недель до высадки основных сил. Так, например, на о. Южная Георгия за 3 суток, а на Фолклендские острова — за 25 суток. Доставка их к побережью осуществлялась подводными лодками, самолетами, вертолетами, надводными кораблями и быстроходными катерами с последующим подходом к берегу на специальных средствах, а также вплавь в подводном или надводном положении с помощью ласт. Впервые в данном конфликте разведчики-диверсанты использовались для захвата о. Южная Георгия. Группа боевых пловцов (14 человек) была десантирована ночью на парашютах с самолета С-130 в заранее обусловленной точке Атлантического океана. Там ее подобрала английская подводная лодка и 22 апреля высадила на побережье в 5 — 6 км от бухты Гритвикен, где располагались главные силы аргентинского гарнизона. Разведчикам были поставлены следующие задачи: подбор и подготовка района высадки морского десанта и посадочных площадок для вертолетов; разведка оборонительных сооружений, позиций артиллерии и минометов; вскрытие численности обороняющихся войск. На берегу группа разделилась на два отряда: один обследовал морское дно с целью обнаружения подводных препятствий и произвел промер глубин для безопасного подхода десантно-высадочных плавучих средств, а другой осуществлял разведку сил противника. Оба отряда в основном действовали в темное время суток. Выполнив поставленные задачи, боевые пловцы уничтожили радиостанцию, прервав тем самым связь обороняющихся с основными силами аргентинских войск на Фолклендских островах, и на надувных лодках возвратились на подводную лодку.

В ходе дальнейших боевых действий за захват острова разведчики еще раз использовались 25 апреля непосредственно перед проведением десантной операции. Вертолетами были высажены две разведывательные группы сухопутных войск, которые обеспечили

прием первой волны десанта и корректировку огня корабельной артиллерии. Кроме того, одна из групп обнаружила входящую в бухту аргентинскую подводную лодку «Санта Фе» и навела на нее вертолеты. В результате обстрела ракетами лодке были нанесены серьезные повреждения, и командир был вынужден посадить ее на мель. По-иному была осуществлена высадка разведывательно-диверсионной группы на остров Пелл. В ночь с 14 на 15 мая под прикрытием огня корабельной артиллерии с вертолетов была высажена группа (48 человек) 22-го диверсионно-разведывательного полка. Она также разделилась на два отряда. Одному из них была поставлена задача — связать боем аргентинский гарнизон, а другому — захватить аэродром. Оба отряда выполнили их. В ходе операции было уничтожено шесть самолетов «Пукара», транспорт, радиолокационная станция, склады горюче-смазочных материалов и боеприпасов.

Английское командование высаживало разведывательные подразделения на материковую часть Аргентины. Они доставлялись подводными лодками и корабельными вертолетами. Так, группа из семи человек высаживалась в район авиабазы Рио-Гранде для наблюдения за взлетом аргентинских самолетов «Супер Этандар» на авиабазе Рио-Гальегос. Помимо этого, за сутки до высадки морского десанта на Фолклендские о-ва планировалась диверсия по уничтожению аргентинских самолетов «Супер-Этандар» на авиабазе Рио-Гальегос. План операции предусматривал высадку двух групп численностью по 20 человек: одна должна была уничтожить самолеты, а другая — обеспечивать действия первой. По ряду причин, в основном из-за метеорологических условий, операция оказалась неуспешной. Закончилась провалом также высадка разведывательной группы в район ВМБ Ушуайа. Экипаж вертолета «Си Кинг» в условиях плохой видимости потерял ориентировку и совершил вынужденную посадку на территории Чили.

В ходе операции по захвату Фолклендских островов разведчики-диверсанты часто привлекались для действий в первых рядах десантируемых подразделений, что способствовало успеху наступления английских войск.

Под впечатлением от полученных данных, командир части поручил бывшим спецназовцам майору Алхимову и мне, отработать инструкцию по усилению обороны объектов технической зоны от возможного проникновения на объект разведывательно-диверсион-

ных групп противника. Мы с ним облазили весь район, составили схему, выбрали лучшие точки наблюдения по границам части, маршруты возможного выхода на объект, подлежащие минированию в особый период, сделали расчет необходимых средств минирования и разведки. Инструкция получилась. Это оказалось своевременным, поскольку вскоре группы спецназа из Уссурийска, громко напомнили о себе, всколыхнув на долгие годы беспечное прозябание многих частей округа.

На одном из военных советов округа ЧВС-НачПУ ДВО генерал-полковник М.И. Дружинин с возмущением рассказал командному составу о банде в военной форме, которые с ножами и оружием ворвались на военный аэродром в Воздвиженке, связали дежурного и пытались разоружить караул. А произошло тогда следующее.

«Глубокой душевной июльской ночью 28 человек спецназовцев из «хулиганской» бригады («Спецназ») во главе с и.о. командира роты старшим лейтенантом Кордановым совершили дерзкое нападение на военный аэродром, — рассказывал мне подробности ЧВС-НПО 5 армии генерал-майор В.Ф.Плеханов, — Действовали одновременно четырьмя группами. Обезоружили наряд на КПП. У прапорщика отобрали пистолет и сунули его в тумбочку. Всех четырех человек, несущих дежурство на КПП связали и сложили штабелями. Обезоружили и связали наряд в двух автопарках и устроили переполох в казармах и в жилых домах военных летчиков. В каждый подъезд подкинули горящие дымовые шашки. Люди в панике выбрасывались из окон. Пробрались по-пластунски мимо часового, бесшумно проползли в 40 метрах от него на объекты аэродрома, разложили взрывпакеты и сигнальные ракеты на взлетно-посадочной полосе (ВВП) около самолетов и, вернувшись назад, радиосигналом все это подорвали. Эффект был потрясающим».

Вверх по команде доложили о реальном нападении неизвестного противника, думая, что это китайцы начали войну. Когда страсти улеглись, поняли, что это была имитация нападения. Двое суток искали «нападавших» и нашли виновников. Один из них «наследил», потеряв на месте происшествия эмблему своих войск. Она то и привела в десантную бригаду. А ведь в ночь нападения патруль в этом военном городке во главе со старшим лейтенантом Лисицыным задержал двух человек в десантной форме. Молоденькие десантники прикинулись наивными школьниками:

— Дяденька, — обратились они к офицеру, — А стрелять в нас не будешь?

— Нет, — ответил офицер, — А что вы здесь делаете?

— Играем в «Зарницу».

— Почему так поздно?

— Так решили командиры, — четко ответили «школьники» и убежали от офицера.

Когда вышли на старшего лейтенанта Корданова, он ничего не стал отрицать и заявил, что все это сделал по собственной инициативе. За неделю до «операции» провел рекогносцировку на аэродроме и лично убедился в безопасности и отсутствии какой-либо бдительности. Решил все это использовать для обучения личного состава на реальном объекте.

— Я был вынужден отменить разоружение караула, — с досадой пояснил он, — один из подчиненных уснул в засаде и не прибыл в указанное время в назначенное место.

— Как же вы не опасались, что вас перестреляют? — спросили его.

— Все было продумано до мелочей, — пояснил он, — Перед караульным помещением часового нет. Позвонил бы. Когда открыли дверь — сам бы обезоружил открывающего, два человека бросились бы в комнату начальника караула, а три человека к пирамиде.

Эта «специальная операция» стала известна Министру Обороны СССР и правительству. Она вызвала грустные размышления. В случае подготовки к войне китайцы, как и фашисты в 1941 году, обязательно забросят подобные диверсионные группы к нам в тыл, где они будут скрываться до определенного момента, изучать обстановку и по команде «Ч» одновременно нанесут удар по аэродромам, базам, складам, военным городкам и другим объектам. То, что старшего лейтенанта Корданова не представили к награде — однозначно. Но на какое-то время эти смелые и рискованные ребята расшевелили болото безопасности, и старшие начальники сделали некоторые выводы по усилению бдительности. Штрафника наказали, а потом решили назначить с повышением командиром разведроты в мотострелковую дивизию. Вскоре его имя опять прогремело на весь округ. Из части на бэтээре уехал в самоволку пьяный солдат, и комдив генерал Станислав Шевченко поставил задачу Корданову:

— Остановить беглеца!

Разведчик настиг бронетранспортер на мотоцикле и, рискуя жизнью, на ходу запрыгнул на броню, а затем проник вовнутрь и, применив силу к водителю, остановил машину.

После этого случая командиры и политработники регулярно «страдали» бойцов при заступлении в караул — не злыми, но далекими и абстрактными китайцами, а безжалостными и хитрыми спецназовцами ГРУ, которые «регулярно проверяют бдительность» несения караульной службы своих же войск. Это производило впечатление на короткое время. Караульная и внутренняя служба войск были постоянной заботой командиров и политработников. Поскольку часть дислоцировалась на большой территории в дремучей тайге, ее сложно было охранять и оберегать. Только в казарменной и технической зоне части караул охранял пять постов, вплотную расположенных в таежном лесу. Красота местных чащоб, распадков и сопок, покрытых смешанным лесом, никого не оставляла равнодушным. Но кроме эстетического наслаждения, окрестности несли и реальную опасность жизни, ведь в зарослях, подступающих к проволочному ограждению обитали тигры, медведи, кабаны, волки и прочие хищники. Среди всех перечисленных особенно выделялся тигр — животное в этих местах почти мистическое. Его боятся и мечтают увидеть. Он — символ здешних лесов. Поражает его умение охотиться. При обилии кабанов и оленей тигр добывает еду играючи и не стремится все добытое съесть до конца. На его территории до четырехсот квадратных километров может разжиться едою медведь и много пернатых и четвероногих «прихлебателей». Даже охотники не брезгают куском со стола тигра. Для охоты и развлечения зверь обходит свои владения, метит границу мочой и задирами на деревьях. Неуважающих эти границы зверь не помилует. Однажды он выследил несчастного охотника из Яблоневки и откусил ему левую руку в районе локтя. Спас мужика истошный вопль и сытость хозяина тайги, который не стал догонять жертву. «Я увидел тигру (для таежника тигр-женского рода) в пяти шагах. И остолбенел. Глядим друг на друга и не знаем, что делать...» — рассказывал мне лесник Соломатин. Для него эта встреча стала главным событием жизни.

Нетронутых вольных просторов в тайге осталось мало, ее прорезали дороги, по которым тигры, избегая глубоких снегов, с удовольствием и стали ходить. Черода встреч людей с тигром, небезопасных для обеих сторон, приходилась на конец 70-х начало 80-

х годов. Тигры без боязни появлялись в таежных селах, на глазах пастухов убивали коров. Но, беспокоясь за жизнь личного состава, мы больше побаиваясь солдатского разгильдяйства, и при организации службы охраны ОТЗ и основных комплексов разведки, дневальных вооружали только штык-ножами. И за всей этой любознательной и энергичной армией «кибальчишей» необходим был тщательный круглосуточный контроль со стороны дежурных офицеров. А бывало всякое...

Вспоминаю прелюбопытные случаи солдатской находчивости и разгильдяйства, когда, пользуясь халатностью часового, солдаты 3-й роты укатили в тайгу с поста бочку спирта, через узкую горловину налили себе литра два в котелок, пролив при этом на землю литров пятьдесят. А емкость с оставшимся богатством бросили за ненадобностью в кусты. Во время построения смены они были обнаружены с признаками опьянения и задержаны. Перед обедом ко мне в кабинет ворвался главный инженер, майор Деменев, и с ходу прокричал: «Да что же это делается, Олег Владимирович, у меня из технического склада пропала двухсотлитровая бочка «шила».

— Бойцы из третьей роты задержаны пьяными. Сейчас на гауптвахте отсыпаются. Как придут в себя, надо их спросить, — ответил я. — Явно это их рук дело.

— Я лично проведу расследование, — грозно заверил Юрий Александрович. — Но часовой-то куда смотрел?

Впоследствии главный инженер разобрался в деталях. Нашлась и бочка, которую укатили «для расследования» в кабинет Деменева на третий этаж ОТЗ, где она благополучна и опустела. Однако пролитое на землю «шило» майор Деменев, сам большой поклонник Бахуса, простить не мог и при разборе проступка с личным составом, сержантами, инженерами части блеснул многими оборотами неформальной русской лексики!..

— Нет большего преступления в мире, чем сознательное уничтожение «светлейшей», ведь она не просто жидкость — это целебный напиток «брыкаловка»! — говорил он. — Я как мужик вас, товарищи солдаты, должен вас понимать, поскольку и сам люблю в свободную минуту «двинуть от всех скорбей», «пройтись по маленькой», «тюкнуть», но вот не понимаю, как можно было бросить «адамовы слезы» в придорожных кустах? Отвечать будете по всей строгости устава и мужского кодекса чести за поруганную нашу радость! — грозился он. Событьельники и вступивший в сговор

часовой отсидели по десять суток. Дежурный инженер получил строгий выговор.

Память подсказывает другой случай, интересный по своей уникальности, 28 июля 1981 года отличник всех подготовок, рядовой Дудак, балуясь с оружием на таежном посту, тремя пулями прострелил себе левую ступню и при этой «ворошиловской» стрельбе не задел ни одной косточки. Но урок этот был усвоен недостаточно, и 27 апреля следующего года солдат 4-й роты рядовой Щербаков повторил его подвиг и почти так же прострелил себе левую ногу на посту при тех же обстоятельствах.

Были нарушения и другого рода. В часть проникали «диверсанты» — в юбках, к появлению которых мы сначала оказались совершенно не готовы. Как-то во время проверки караула меня заинтересовала одна из камер для содержания арестованных. Что-то мне показалось подозрительным. Какие-то пошлые надписи. После длительного опроса должностных лиц один из военнослужащих рассказал, что по ночам таежными тропами за десятки километров из окрестных сел, где ощущался постоянный дефицит мужиков, в часть неоднократно приходили, гонимые желаниями к продлению рода человеческого, молодые женщины, мечтающие о близости с мужчинами. При том голодные на это дело до такой степени, что не отказывали никому и давали всем желающим. Самым надежным укрытием от зоркого ока дежурного по части изобретательные солдаты выбрали одиночную камеру на гауптвахте, в которой закрывали гостью с ее порой многочисленными меняющимися поклонниками. Где происходило таинство, образно описанное Сергеем Есениным: «Лижут в очередь кобели истекающую суку соком». После соответствующей профилактической работы с местными органами власти эти женские визиты на некоторое время прекратились, а личный состав проверен на наличие заболеваний, передающихся половым путем.

По-своему культурно решалась демографическая проблема в регионе для наших многочисленных офицеров-холостяков. Ведь во всех ближайших селах района — Бельцово, Озерное, Михайловка, Загорное, Краснаяровка, Яблоневка, Покровка, Андреевка и даже на железнодорожной станции Лимонник созревающие по возрасту и нуждающиеся во внимании мужчин дамы искали возможности для знакомства с молодыми офицерами из таежной Яковлевки. С этой целью, пользуясь определенными полномочиями депутата мес-

тного совета, совместно с работниками райкома партии и сельсоветами мы помогали в этом и не раз планировали и проводили в гарнизоне различные культурные мероприятия с приглашением женщин из ближайших сел. Состоялись приятные знакомства, офицеры в свободное время стали меньше пить водку, встречались и ухаживали за женщинами. Нас с командиром это радовало. В канун выходных, все чаще по вечерам автобусы из ближайших сел и даже города Арсеньева стали привозить к офицерскому общежитию будущих претенденток в офицерские жены. И надо сказать, немало дальневосточных девчонок преуспели во время этих встреч и впоследствии разъехались со своими мужьями-офицерами на новые места службы, разбросанные по всему миру, вплоть до далекого Карибского моря. Местное население, так же, как и командование части, воспринимали эти браки положительно, тем более, что основная часть населения района являлись малороссами. В деревнях и райцентре играли громкие украинские свадьбы со всеми ритуалами, свойственными обычаям славян, на которые приезжали многочисленные родственники из Черниговской, Житомирской, Полтавской и Сумской областей далекой Украинской ССР.

КРУПНОМАСШТАБНАЯ ПРОВОКАЦИЯ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГРАНИЦЕ

Большой интенсивностью отличалась работа подразделений части в момент инцидента с южнокорейским самолетом. Эта трагедия наделала тогда много шума, а правду о ней и сейчас знают немногие. Расскажу об этом подробнее. Я не могу утверждать, что мои сведения об этой истории являются абсолютной истиной. Однако суждения опирается на аналитический материал, озвученный на заседании Военного совета Дальневосточного военного округа о действиях войск ПВО округа и ПВО страны в той драматической ситуации, а также часть рассекреченных документов, перехваченных разведчиками нашей части. Прошло много времени, и подробности той трагедии уже забылись. Я постараюсь напомнить некоторые ее частности, опираясь на документы.

Из сообщения ТАСС, опубликованного в «Правде»:

«В ночь с 31 августа на 1 сентября с.г. (имеется в виду

1983 г.) самолет не установленной принадлежности со стороны Тихого океана вошел в воздушное пространство Советского Союза над полуостровом Камчатка, затем вторично нарушил воздушное пространство СССР над о. Сахалин. При этом самолет летел без аэронавигационных огней, на запросы не отвечал и в связи с радиодиспетчерской службой не вступал. Поднятые навстречу самолету-нарушителю истребителя ПВО пытались оказать помощь в выводе его на ближайший аэродром. Однако самолет-нарушитель на подаваемые сигналы и предупреждения советских истребителей не реагировал и продолжал полет в сторону Японского моря».

И все. И ни слова о том, что пресекая провокационный полет, советский подполковник ВВС Осипович Геннадий Николаевич, выполняя приказ, сбил самолет-нарушитель, который упал в море. Советской пропаганде в этом случае явно не хватало наступательности. Подобное нарушение государственной границы в то время не было единичным. Только в том роковом 1983 году американские военные самолеты, в том числе и палубной авиации, девять раз нарушали нашу границу в районе Курильских островов. Кроме того, имели место нарушения в Беринговом проливе в районе острова Ратманова.

По сложившейся традиции умалчивания, эта трагическая история должна была уйти в небытие, если бы она не являлась тщательно спланированной акцией спецслужб Америки, которые использовали этот факт для срыва Женевских переговоров с СССР 6.09.1983 г. по ограничению вооружений в Западной Европе. В свою очередь, администрация президента США Рейгана используя этот факт, развязала кампанию, направленную на дальнейшее обострение международной обстановки и подрыв авторитета СССР. Множество фактов убедительно свидетельствовали о преднамеренных действиях спецслужб США по разведке и проверке наших частей ПВО, которые в подобных ситуациях работали недостаточно четко. Как отмечалось на ноябрьском заседании Военного совета ДВО, первый эшелон рот ПВО своевременно не засек южно-корейского нарушителя воздушного пространства из-за отсутствия дизельного горючего на боевых постах. Поэтому части второго эшелона, внезапно обнаружив нарушителя, не успели, вовремя поднять самолеты на перехват. Своевременно сработали только оповещенные летчики ПВО о.Сахалин, получившие приказ остановить пролет неизвестного самолета-нарушителя...

В отличие от ПВО разведчики нашей части с первых минут полета южнокорейского нарушителя знали о его присутствии в советском воздушном пространстве, нанесли его изображение на планшет воздушной обстановки и своевременно оповестили об этом оперативного дежурного «Арендатора» (Разведуправление ДВО). Нашими же средствами была перехвачена информация о падении авиалайнера в Японское море.

Удивительно, но в этой ситуации Советский Союз в лице его политического руководства проявил старческую медлительность. МИД и ГШ ВС СССР неделю находились в режиме обдумывания ситуации, прежде чем начали оправдываться на пресс-конференциях и печатать контрпропагандистские статьи в центральных газетах под названием «Кампания клеветы», «Провокация с дальним прицелом», «Вашингтону не уйти от ответа», «В угаре антисоветизма», «Клеветническая речь главы Белого дома», «Летел самолет из Анкориджа», «Филиал американской разведки», «Факты изобличают Вашингтон», «Звенья одной цепи» и другие, сделанные с явным опозданием и без наступательных аргументов.

А почему, собственно, СССР должен был оправдываться за свои действия по защите своей территории из-за пресечения факта нарушения его госграницы? Самолеты-разведчики США вторгались в воздушное пространство СССР с началом холодной войны практически каждый месяц. Демонстрируя свое превосходство в воздухе. Из рассекреченных документов МО США за два десятилетия с 1950 по конец 60-х годов американские самолеты осуществили свыше десяти тысяч шпионских полетов, направленных на выявление ПВО вдоль границ СССР. Бывало что нарушителей сбивали в 1950 г. — один раз, в 1951 — 1952 гг. — 4 раза, в 1953 г. — 3 раза. Но это было редко. Хотя случаи происходили беспрецедентные по своей наглости. Так 8 октября 1950 года два американских самолета F-80 атаковали аэродром ВВС ТОФ у села Сухая речка в Хасанском районе Приморья и уничтожили бортовым оружием 7 (семь!) советских самолетов на стоянке, после чего успешно ушли за границу в море. В апреле 1954 года зарегистрировано наглое вторжение трех самолетов типа RB-45 с ядерным оружием на борту, которые вышли на рубеж — Новгород — Смоленск — Киев. Самолеты шли на громадной высоте и оказались недоступными для авиации и ПВО СССР. Это было вызывающее нарушение международного права. Наглость американцев

не имела границ. Их могли отрезвить только решительные меры по уничтожению ракетами. Самолеты Б-29, Б-52, В-47, RB-47 имели возможности на больших высотах уходить от ПВО. В 1958 году над Каспийским морем наши средства ПВО сумели сбить два американских самолета. В этой обстановке министр обороны СССР издал приказ № 0049 от 4 июля 1958 года с предписанием сбивать нарушителей. Вскоре наши истребители сбили пять бомбардировщиков США. До печально знаменитого полета Пауэрса, самолеты «Ангел» (U-2) двенадцать раз летали над нашими городами и оборонными объектами. Но и после того, как обломки самолета-шпиона упали на окраине Косулино, американцы продолжали летать. 25 мая 1960 г. сбит разведчик Си-47, 1 июня RB-47... и т.д.

Поскольку разведывательные полеты были засекречены, то об общих потерях Пентагона знал только узкий круг специалистов. В книгах Вячеслава Федорова «Приказано-сбить», Евгения Шолоха «Американские истребители над Приморьем» впервые опубликованы редкие архивные данные США о понесенных потерях над территорией СССР. «252 американских летчика оказались сбиты во время осуществления этих разведывательных полетов. «У нас не было иллюзий, — признавался американский пилот, — насчет того, что к нам относятся так же, как к вещам одноразового пользования». Из обнародованного общего списка: 24 американских летчика погибли, 138 бесследно исчезли. 90 горе-авиаторов оказались задержаны контрразведывательными службами КГБ на советской земле после приземления».

Начало же 70-х годов стало пиком в противостоянии в воздухе и на море в «холодной войне» между сверхдержавами СССР и США. Несли потери и наши летчики разведывательной авиации. В черном списке наших потерь за эти годы значатся 14 самолетов уничтоженных авиацией или артиллерией с палубы авианосных групп противника. Назову несколько известных фактов. Так в 1964 году в 200 милях на восток от Японии при отслеживании авианосца был сбит и пропал без вести экипаж самолета разведчика ТУ-16Р. Через четыре года трагедия повторилась только в Норвежском море, а в Японском море в 1978 году при таких же обстоятельствах пропал без вести экипаж первоклассного самолета ТУ-95РЦ.

В начале 60-х, когда сбили Пауэрса под Свердловском, советские руководители ни перед кем не оправдывались.

Выступая же на пресс-конференции в Москве по «Боингу»,

начальник ГШ-первый замминистра обороны СССР маршал Н.В. Огарков, не очень убедительно сказал: «Американская сторона сейчас всячески пытается доказать, что «Советы будто бы с самого начала ставили своей целью преднамеренно уничтожить гражданский авиалайнер». Но это абсурд. Если бы такая цель задавалась, то мы могли бы многократно и при том гарантированно уничтожить нарушителя еще над Камчаткой, даже не поднимая в воздух истребителей...» И все? Но почему-то он не привел главные аргументы — факты, свидетельствующие о преднамеренном характере этой разведывательной операции ЦРУ. Хотя разведчикам эти аргументы были известны с самого начала, и было, конечно, обидно слышать пустую речь военачальника. Что же знали разведчики? И о чем промолчал или не был проинформирован Огарков?

Во-первых, достоверно было установлено, что «Боинг-747» вылетел из Анкориджа на Аляске на 40 минут позже обычного графика. Такая задержка нужна была для того, чтобы строго синхронизировать по времени подход самолета к берегам Камчатки и Сахалина с полетом американского разведывательного искусственного спутника «Феррет-Д». Этот спутник предназначен для ведения радиотехнической разведки в широком диапазоне частот, на которых работают радиоэлектронные средства СССР. Он способен выявлять эти средства в полосе местности шириной около 3 тысячи километров. Период его обращения на орбите вокруг Земли составляет 96 минут.

Первый раз «Феррет» появился над Чукоткой в 18.45 (мск.вр.) и в течение 12 минут летел восточнее Камчатки и Курильских островов. На этом витке спутник имел возможность непосредственно перед вторжением южнокорейского самолета в воздушное пространство СССР прослушать советские радиоэлектронные средства на Чукотке и Камчатке, работающие в обычном режиме боевого дежурства, уточнить их местоположение и уровень активности, обеспечив этим первый этап полета нарушителя. На следующем витке «Феррет» в 20.24 появился над Советским Союзом и в 20 часов 30 минут, то есть точно в момент вторжения самолета-нарушителя в воздушное пространство, находился над районом Камчатки, когда начался второй этап разведывательного полета над советскими стратегическими объектами в южной части Камчатского полуострова. Естественно, что нарушение границы спровоцировало увеличение интенсивности работы наших радио- и радиотехнических средств,

на что и рассчитывали организаторы этого полета. Все это фиксировалось «Ферретом». Кроме того, он контролировал также работу радиотехнических средств (РТС) ПВО на Сахалине и на Курилах, в их повседневном режиме.

Наконец, с абсолютной точностью совпал по времени и очередной виток спутника с последним, третьим этапом полета «Боинга» над Сахалином. Известно, что нарушитель вошел в воздушное пространство СССР в этом районе в 22.05. А «Феррет» в 22.04 появился над районом севернее Якутска и в 22.07 вышел на широту о.Сахалина. В это время, он фиксировал работу всех дополнительно включенных наших РТС ПВО на острове и в Приморье. Никакой случайностью нельзя объяснить такое точное и многократное совпадение полета самолета-разведчика с полетом ИСЗ-шпионом.

Во-вторых. Полет самолета-нарушителя на всем его протяжении осуществлялся не только в зоне РТС управления воздушным движением, но и рабочей области радионавигационной системы «Лоран-С», позволяющей с высокой точностью и в любой момент определить истинные координаты самолета. Это тщательно скрывается американцами. Доказывается, будто бы все дело в случайном вводе в бортовой компьютер ошибочных координат полета. Но при этом умалчивается, что столь устойчивое отклонение от курса в течение двух с половиной часов могло произойти лишь при условии, если бы ошибка была допущена не по одной, а по семи контрольным точкам на трассе. И если это произошло, то «ошибка» введена преднамеренно теми, кто готовил этот разведывательный полет. Англичанами было проведено моделирование полета с использованием ЭВМ и тренажера «Боинг-747» по 27 вариантам. В итоге выявилась абсолютная невозможность большого отклонения самолета от заданного маршрута, как в случае неисправностей в навигационной системе, так и в случае неправильного ввода в компьютер самолета полетного задания. Специалисты подчеркнули, что командир экипажа, используя бортовую РЛС, мог сразу же выявить отклонение самолета от курса, сличая местность с картой. Все действия самолета подтверждают, что он во всех случаях четко управлялся. Только этим можно объяснить его маневрирование по курсу, скорости и высоте. Экипаж видел предупредительные маневры советских самолетов ПВО и пытался уклониться от них, хотя понимал, что это грозит применением силы.

В-третьих. Накануне и в ходе нарушения воздушного про-

странства в районе полета южного корейца, помимо разведывательного самолета США RC-135, находились самолет «Орион» севернее Сахалина, а второй самолет такого же типа в Японском море. В районе Владивостока нес боевую службу американский фрегат «Беджер». Кроме того, в зоне нарушения действовал самолет Е-3А («АВАКС»), контролировавший полеты как самолета-нарушителя, так и советских истребителей.

Короче говоря, с 31 августа до 1 сентября в районе Советского Дальнего Востока был развернут и функционировал целый разведывательный комплекс, в который вошли: самолет «Боинг-747», оснащенный соответствующими разведывательными радиотехническими средствами; несколько специальных разведывательных самолетов; ряд кораблей ВМС США; наземные станции слежения на Алеутских островах, Гавайях, в Японии, в Южной Корее и, наконец, спутник радиотехнической разведки «Феррет». Обращают на себя внимание и некоторые другие, на первый взгляд, «странные» обстоятельства. Обычно экипаж «Боинга-747» с обслуживающим персоналом составляет до 18 человек. Корейская сторона попыталась скрыть фамилии сотрудников разведывательных служб-специалистов по шпионскому оборудованию, установленному на самолете. Конечно, они являлись специалистами, работавшими на разведывательной аппаратуре, установленной на самолете. Наконец, неслучайно и то, что пилотирование самолета было возложено на одного из опытейших пилотов — полковника резерва ВВС Южной Кореи Чан Бен Инна, который известен своими связями с американской разведкой. Не скрывается сотрудничество со спецслужбами и второго пилота — подполковника резерва ВВС. Чуть позже в западную прессу просочилась информация о предупреждении министерства обороны США секретарем конгресса Л.Макдональдом о нежелательности полета конгрессмена данным рейсом. Понятно, почему Пентагон обладал таким даром предвидения. На всем этом фоне не трудно задать вопрос: кому это выгодно? В чьих это интересах?

Тем более, что подобные действия имели место в прошлом. Хочу напомнить. За пять лет до трагедии в Японском море 20 апреля 1978 года самолет южно-корейской компании «Боинг-707» совершал полет по маршруту Париж — Анкоридж (Аляска) — Сеул. Неожиданно вторгся в воздушное пространство СССР в районе северо-восточнее Мурманска, отклонившись от

трассы на многие сотни километров, пролетел над одной из баз стратегического назначения и благодаря действиям истребителей ПВО был принужден к посадке в районе города Кемь Карельской АССР. Тогда всем было ясно, что полет носил явно выраженный разведывательный характер. При анализе, бросается в глаза схожесть этих полетов.

И в том и другом случае тщательно выбирались районы и время операций. В обоих случаях это происходило над стратегически важными районами в темное время суток. Для провокации использовались пассажирские самолеты одной и тоже авиакомпании KAL, имеющей связи с ЦРУ США. В обоих случаях маршрут пролегал через Аляску с посадкой на американском аэродроме Анкоридж. Для обеих ситуаций характерна огромная величина отклонений от международной воздушной трассы, которая с технической точки зрения невозможна для самолетов данного типа. И в том, и в другом случае отсутствовали доклады с борта самолета о потере ориентировки и запросы о помощи. Экипажи не выполняли международных правил полетов, игнорировали законные требования истребителей ПВО осуществить посадку на ближайший аэродром и пытались уйти безнаказанно. Наконец, в этих случаях имела место точная синхронизация времени и района полета самолета-нарушителя с полетом трех американских ИСЗ двух — «Феррет-Д» и «Ласп-14», каждый из которых в 1978 году совершил по два витка. Показательно, что в то время в воздухе и в районе нарушения находился американский разведывательный самолет «Орион», активно работали более 50 постов радио-и радиотехнической разведки США в Норвегии. Короче говоря, там так же, как и на Дальнем Востоке, был задействован комплекс разведывательных средств, «Боинг» использовался как цель, провоцирующая систему ПВО. Оба полета оказались очень похожими звеньями одной цепи. Вот это аргументы! Железная логика.

Через несколько месяцев после случившегося, по указанию начальника ГРУ, подполковник Кечко О.А. со своими офицерами обобщил весь оперативный материал, взятый нашей частью, и практически без сокращений передал в Москву. А затем, как говорили, этот объективный сборник документов объемом в полтысячи страниц был передан неизвестному американскому публицисту для обработки и публикации в западной прессе. Такая независимая книга действительно была выпущена. Но ее читали немногие. Время горя-

чих споров уже ушло, как говорится, «хорошо яичко к христову дню». Контрпропаганда США, а затем голоса отечественных «демократов» полностью заглушили правду о трагедии в Японском море. Провокаторам пока удалось уйти от суда истории за преступную акцию, унесшую жизни 250 человек...

После громкого разбора полетов состоялась полоса отставок, Главкома ПВО отправили на пенсию, а вместо него назначили нашего генерала армии И.Третьяка, освободив его от должности командующего войсками ДВО. Впоследствии он проделал большую работу по повышению боевой готовности частей и соединений ПВО страны в условиях холодной войны и их обустройства, что он делать умел прекрасно. Однако чувство сожаления от пропагандистского и политического поражения СССР, после уничтожения «Боинга» жило в нем постоянно, и он доступными средствами при случае всегда убеждал страну об обоснованности действий осенью того года. В одном из интервью газете «Труд» он сказал о том, что в тот период «Ежесуточно для предотвращения нарушений воздушного пространства производилось более 90 включений РЛС и давалось около 100 команд о приведении в готовность №1 зенитно-ракетных комплексов, в воздух поднималось около 20 самолетов и вертолетов. За месяц к границам СССР приближалось более 220 самолетов разведчиков». Таким образом, получалось, что данный самолет являлся лишь одним из звеньев в общей системе крупных разведывательных операции той невидимой для гражданского общества настоящей войны, острейшего противостояния армий СССР и США.

ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С ПОДЧИНЕННЫМИ

Одним из основных направлений деятельности командиров и политработников всех уровней являлось пресечение неуставных взаимоотношений (НУВ). Которые, к сожалению, отмечались практически во всех ротах части круглый год и по любому поводу. Мой рабочий дневник сохранил множество подобных записей: «Козлов ударил Рыбкина, Черевко Безумова, Кастыркин Постникова, Цырюльник пререкался с Демченковым, Терновенко и Овинников были остановлены товарищами от попыток вскрыть вены и повеситься в

летнем туалете». Как-то, разбираясь с фактом хамства хлебореза рядового Юшкова в отношении молодых курсантов учебной роты, я познакомился с двумя интересными личностями — аборигенами Дальневосточной земли. Солдаты были нанайцами (до революции эту народность называли гольцами) — Оненко Алик Тимофеевич и У Николай Николаевич. Оба из многодетных семей, где кроме них было еще по 5 — 7 братьев и сестер, уроженцы забытых богом леспромхозов Хабаровского края, где они родились и работали скотниками и рубщиками сучьев. Поразило, что, находясь в контакте с суровой природой, они не потеряли душевной чистоты и искренности. Были обидчивыми, мнительными. С малых лет изучали искусство танца своих народов, чем славились известные на Дальнем Востоке ансамбли «Магбо» и «Гива», а также искусство рукоделия, вышивки по ткани, резьбы по дереву, окраске кожаных изделий с использованием стойких растительных красок. Старейшины яранг передавали им свои знания свойств местных растений, в том числе обыкновенных огородных сорняков. К примеру, в качестве синего красителя они использовали сок цветов коммелины (синеглазки, лазорника). При том рядовой У имел опыт жизни в крупном городе, окончил два курса института культуры.

Он мне рассказывал:

— С четвертого класса я жил вдали от родителей в интернате, но за всю жизнь ни с кем никогда не ссорился. Отношения же в роте просто ошеломили своей жестокостью. Какие-то клички для молодых — «шнур», «сынок», «молодой», придуманные так называемыми «фазанами» и «дедами». Задолбали дополнительными тренировками по отжиманию, которые просто изматывают. В знак протеста я ушел на три часа в тайгу и был объявлен самовольщиком. Если будут обижать, я вообще уйду жить в тайгу. Она добрая.

«Дети тайги, какие им разведывательные задачи, английский язык, физика? — думал я. — Куда же тебя девать?» — И забрал рядового Николая У в распоряжение начальника клуба части, где использовали его навыки и умения в декоративно-прикладном искусстве для оформления наглядной агитации части. Через некоторое время мне показали первую работу солдата — громадный планшет с изображением бравого офицера с призывом достойно служить родине. У капитана на рисунке было такое страшное выражение лица, что я пришел в ужас.

— Николай Николаевич, такое агрессивное лицо может быть

у кровожадного империалиста? А ведь это наш защитник отечества, ты не перебрал? — спросил я его.

Меланхолический нанаец спокойно ответил:

— Однако нет, товарищ майор, я взял его из жизни. Есть в четвертом отделе капитан Смирнов, я писал портрет по нему.

На очередном совещании офицеров я всмотрелся в лицо Смирнова и с удивлением отметил, что наш голецкий самородок не лжет. Он схватил суть образа и передал его художественным способом, особенно подчеркнув незаметное для житейского глаза. Долго мы потом смеялись по поводу этого творения художника. А я был рад, что нашел применение этому нежному представителю дикого края. Впоследствии Николай активно участвовал в жизни части — писал стихи, танцевал и пел свои народные песни в художественной самодеятельности, но до конца службы остался стеснительным парнем. По увольнению вернулся к учебе в институте.

Но от суровой казарменной жизни страдали люди и достаточно крепкой закалки. Однажды я разбирался с ситуацией напряженности в роте вокруг молодого солдата Павелкина Сергея Михайловича, который самостоятельно пытался защитить свое человеческое достоинство. Его, выпускника мореходного училища, судового электрика из Находки, «учили» жизни два кочегара из роты МТО, тоже, кстати сказать, дальневосточники (вопреки понятию землячества), которым показалось, что он недостаточно физически развит... За оскорбление товарища наказывался рядовой Тимофеев Э.А., за грубое нарушение боевого дежурства снято 100 баллов с рядового Козлова И.В.

Особый контроль требовался за солдатами 5-й роты, самостоятельно работавшими в котельных. Во-первых, наши доблестные коচেгары обладали таким же крепким сном, как и разведчики, поэтому их необходимо было регулярно будить, чтобы они не взлетели на воздух вместе со своими котлами. А во-вторых, в весеннее время, когда начинались православные религиозные праздники, наши сердобольные христиане-защитники ходили на кладбище (благо, которое было в Яковлевке под боком) и поминали всех усопших самогонкой, оставленной на могилах, закусывая обильной пищей, находившейся здесь же, и также «посланной богом»...

В условиях большого разброса личного состава по четырем площадкам шефская помощь многочисленных офицеров отделов командирам подразделений была просто незаменимой. Сложилась прак-

тика, когда на двух-трех солдат приходился один офицер, который постоянно курировал их службу и во время боевых дежурств на сменах, и в повседневности, в казармах. Понятное дело, что подобный контроль не мог полностью снять проблемы неуставных взаимоотношений, существовавших в казармах, но в большой степени смягчал противоречия, не доводил их до вспышек, во время пресекал.

Мы, изучая личный состав, учитывали достоинства и характеры молодых солдат с развитым чувством самоуважения и высоким уровнем общей культуры, отбирали их на сержантские курсы, после которых они цементировали ротные и взводные коллективы. Ежегодно лучших из них мы направляли в военные училища, увольняемым в запас вручали характеристики-рекомендации для зачисления в гражданские вузы.

Некоторые фамилии я помню и через тридцать лет, — это сержанты Каширин, Пантелеев, Кондратьев, Гурьянов, Комогорцев, Тресков, Дементьев, Барахтенко, Савинов и другие. Для обучения и воспитания мы практиковали еженедельные совещания сержантов части, в ходе которых командир и начальник политотдела проводили разборы несения службы за неделю и воспитывали младших командиров. Это давало свои результаты. Служба в целом была организована неплохо. За шесть лет только одного военнослужащего не удалось спасти от суда военного трибунала. 16 августа 1984 года на открытом судебном заседании в полку рядовой Щербakov был осужден на два года за неуставные отношения.

Через четверть века, 15 ноября 2008 года, мне пришло электронное послание от сержанта запаса Говядкина Вячеслава Олеговича, которое меня потрясло своей искренностью: «Читая сообщение на форуме СВВПТАУ, наткнулся на ваши строки: «...А еще для нас был примером генерал-майор Уткин. Вы не поверите, но он знал каждого курсанта в лицо и по фамилии». И тут я вспомнил, что еще со времен службы в в/ч 51430 хотелось высказать вам свое восхищение. Дело в том, что самое первое воспоминание о вас у меня связано с подобным случаем. В мае 1981 г. вы зашли к нам в карантин, располагавшийся на 3-м этаже технического батальона. До того момента, как мне казалось, мы даже ни разу не видели друг друга в лицо, а тут вы, проходя мимо строя, вдруг спрашиваете меня: «Как служба, Вячеслав Олегович?» Я был поражен. Не прослужил и трех недель, а меня сам начпо величает по имени-отче-

ству. Вот теперь-то я все понял. Такие моменты приятно вспоминать. Не то, что когда какой-нибудь прапор Кобылянский окликнет: «Этот, как тебя? Боец! Ко мне!» Тварь была та еще. Скажите откровенно, Олег Владимирович, ведь вы же знали, какие у нас отцы-командиры? Почему же тогда подобные этому Кобылянскому «защитники Родины» чувствовали себя вольготно и безнаказанно? Прошло столько лет, но эта мысль не дает мне покоя. Кстати, для вас, наверное, будет новостью, что я внук генерала Василия Михайловича Говядкина. Дед родился в 1896 году в Тверской губернии. Участник первой мировой войны. Активно поддержал Октябрьскую революцию и в составе Красной гвардии сражался за установление советской власти на Урале. После Гражданской войны, не оставляя военной службы, учился на рабфаке, а затем в Казанском политехническом институте.

По окончании Военно-технической академии имени Ф.Э.Дзержинского (1929 г.) был направлен в Управление связи Красной Армии и до 1933 года возглавлял один из отделов, а затем проходил службу в Военной электротехнической академии в качестве преподавателя, начальника кафедры. Успешно защитил диссертацию и вскоре получил ученое звание доцента. В ноябре 1938 назначается начальником Военной электротехнической академии имени С.М. Буденного и исполняет эту должность до убытия в 1942 году в действующую армию заместителем начальника войск связи Западного фронта. В 1943 году присвоено звание генерал-лейтенанта, награжден орденами и медалями».

Да, для меня это оказалось полной неожиданностью. Вячеслав Говядкин служил добросовестно и честно. И свою репутацию заработал без дополнительной поддержки авторитета героического деда. Завершая письмо, он писал: «Всех вам благ и здоровья, и огромное спасибо вашей супруге Галине Александровне за медицинскую помощь. Я до сих пор общаюсь со своим сослуживцем и другом Николаем Забегайловым из нашей 3-ей роты. Он после армии окончил институт. По специальности инженер-горняк, живет в Хабаровском крае, работает начальником смены на шахте».

Таких смысленных и грамотных военнослужащих, к нашему удовольствию, в ротных коллективах было немало. В числе передовиков отмечались Молотков, Смуглов, Тютюков, Тачаев, Кулаков, Чайковский, Аксенов, Перминов, Осипов, Петраченков, Коренков, Юничкин, Сапожников, Губар, Матвеев, Емельянов, Горовин,

Павлов, Евсюков, Белов, Карьгин, Киселев, Первунинский, Быстров и другие.

Иногда в часть приходили взрослые и сформировавшиеся ребята. В памяти остался один из них, днепропетровец Тараненко Геннадий Федорович (1958 г. рождения). Украинец. Студент 3 курса Хабаровского политехнического института, по путевке комсомола несколько лет проработавший на БАМе (Ургалстрой) на станции Сулук Верхне-Буреинского района Хабаровского края. Начавший свою трудовую биографию сначала плотником, рамщиком, а впоследствии овладевший профессией машиниста колесного крана. Геннадий являлся членом КПСС с 1980 года. Ставка на Тараненко в работе по укреплению дисциплины оправдала себя. Служил он хорошо, положительно влияя на окружающих. Впоследствии, как говорили, после увольнения в запас Тараненко успешно завершил затянувшуюся учебу в вузе.

ПОТЕРИ

Не обошла наш коллектив и горечь невозможных утрат. Еще до меня в 1977 году в части погибли двое военнослужащих (в феврале повесился на юстировочной вышке рядовой Катасонов (1 рота), в апреле придавило котлом в котельной рядового Шорназарова (5 рота). Осенью 1978 года отравился дихлорэтаном рядовой Петров (4 рота), в июне того же года умерли Ермаков (5 рота) и Уляшов (рота молодого пополнения) от заболевания кишечника и менингита. В 1979 году застрелился на посту рядовой Маслов из 4 роты. Летом того же года утонул в реке Яковлевка малолетний сын майора Михайлова.

5 июля 1980 года нелепо принял смерть в водах Уссури офицер-переводчик старший лейтенант Мельничук Евгений Александрович. Его тело было отправлено по просьбе родителей для захоронения на родину, в Симферополь. Через год, 27 августа 1981 г., во время регламентных работ по покраске помещения щитовой комнаты станции ТНА-400 «Сатурн» был смертельно поражен электрическим током (380 вольт) ефрейтор Егораев Сергей Николаевич. При решении вопроса об отправке тела погибшего на родину возникли проблемы — над Сахалином, откуда был военнослужащий, пролетел циклон, принесший большие разрушения. Наша телеграмма со

скорбным известием не дошла до родителей. Мы с командиром подполковником А.Гурьевым приняли решение похоронить погибшего солдата на деревенском кладбище в с.Яблоневка, в десяти километрах от пункта постоянной дислокации части. Прибывшие через неделю родители солдата готовы были разорвать нас на части, и мне пришлось убеждать их не беспокоить тело покойного — оставить в приморской земле. В разгар суровой уссурийской зимы, 1 февраля 1982 года, внезапно от двухсторонней субтотальной очаговой пневмонии скончался курсант учебной роты Федотов Сергей Руфович. Его тело отправили для захоронения в подмосковный город Орехово-Зуево. Убитая горем матушка пять лет писала жалобы на командование части во все инстанции. В это же время в «Красной Звезде» появилась публикация о гибели в Афганистане однофамильца покойного пулеметчика рядового Федотова. Ухватившись за эту заметку, безумная мать дошла до ЦК с требованием сказать ей правду о сыне:

— Если мой сын погиб в Афганистане, то почему мне рассказывают небылицы про какой-то Дальний Восток?

Скоропостижно от заболевания крови умер в Хабаровском окружном госпитале двадцатидвухлетний офицер 5 отдела лейтенант Марунич. 22 мая 1983 года внезапно от сердечного приступа скончался сорокалетний командир автомобильного взвода прапорщик Трефилов Николай Васильевич. По просьбе жены тело покойного отправили в город Березняки на Урал. Во время сопровождения специальной техники на Горьковский ремонтный завод, на железной дороге, 28 сентября 1985 года, в результате личной недисциплинированности был поражен током рядовой Пахтанов Олег из 4 роты, который залез на крышу вагона.

А кроме мужчин пришлось отправлять тела двух женщин, скончавшихся на приморской земле. В начале марта 1982 года во время родов первенца погибла жена молодого лейтенанта Гунича. К счастью, врачам удалось спасти малышку, и мы добились перевода вдовца в город, где проживали его родители. Активистка женсовета части с грудничком на руках улетела с убитым горем отцом и телом покойной.

Смерть женщины, инженера-наладчика из военно-промышленной группы, трагически погибшей в автомобильной катастрофе, переживалась нами наиболее тяжело от прессы угроз со стороны высшего руководства Минобороны. Поскольку погибшая была при-

знанным знатоком в своем деле. Расскажу об этом подробнее. Ежегодно в части работали многочисленные группы инженеров из московских НИИ и заводов, доводящие на объектах изделия промышленности, поступившие на вооружение в войска. Одна из таких групп из столицы, в составе молодых инженеров Березкина, Ершова, Беляевой и Семьянских ранним утром 4 декабря 1984 года прилетела в Артем. Добрались до Владивостока, взяли билеты на автобус до Кавалерова, но из-за бытовых проблем опоздали на отправку, что стало предпосылкой к разыгравшейся трагедии. Прибывшие вынуждены были добираться до трассы и ловить проходящие машины. Остановили Газ-24, идущую через Яковлевку на Спасск-Дальний, и убедили молодого водителя взять на свободные места хотя бы девушек. Мужчины добирались следом попутками и с пересадками. К вечеру, прибыв в гостиницу части, они обнаружили отсутствие своих коллег и вернулись обратно на автостанцию, где очевидцы рассказали, что на трассе в районе Лазаревки видели аварию — столкновение легкового автомобиля с автобусом. Есть пострадавшие. К этому времени майор Жарков уже получил сообщение из районной больницы, что к ним доставили двух пострадавших женщин из Москвы. Старший группы промышленности Гурулев сразу доложил в Москву. Вскоре к телефону меня пригласил генерал Терновой и резко начал отчитывать за невнимание, проявленное к прибывшим людям, ведущее к тяжелейшим последствиям.

— Как мне теперь докладывать начальнику ГРУ? — спрашивал он меня.

«Можно подумать, в чем-то наша вина?» — думал я отрешенно.

Минут через тридцать душещипательной беседы начальник ГЦСС приказал «взять огонь на себя» и организовать объективное расследование, подготовить доклад наверх, в Генштаб, после чего проинформировать родных и отправить тело погибшей для захоронения в Москву.

Я немедленно выехал для разбирательства в хирургическое отделение ЦРБ. Встретивший меня доктор был лаконичен:

— Да, поступали две женщины. Нина Беляева жива. Травмы незначительные. Галина Семьянских мертва. Можете убедиться сами, что я сделать уже ничего не мог. Пойдемте, покажу. — Мы зашли в соседнее помещение, где на операционном столе лежало обнаженное тело молодой и красивой женщины. На котором еще не появи-

лось уродующих трупных пятен и казалось, что она сейчас поднимется.

— Вот смотрите. У погибшей единственная травма в районе правого виска, — пояснял мне доктор, — во время столкновения с автобусом осколок стекла размером три на четыре миллиметра проник в головной мозг. Она умерла моментально, даже крови не было. А более ни травм, ни гематом на теле не обнаружено. — Он бесцеремонно перевернул труп, демонстрируя чистые кожные покровы несчастной.

Вскоре подошли следователь Евгений Сапаенко и судмедэксперт Игорь Киричек, которые, поздоровавшись, начали беспристрастно составлять акт осмотра тела и протокол.

«5 декабря 1984 г. в 15.35 водитель Владимир Трофимович Плутенко, управлявший автомобилем Газ-24 (регистр. номер 47-47ПРЧ), принадлежавшего Кокшаровскому ЛПХ Чугуевского района, на 63 км трассы Спасск-Дальний — Михайловка превысил скорость, на опасном участке не справился с управлением и выскочил на встречную полосу, где столкнулся с автобусом Паз-672 (регистр. номер 65-75 ПКМ, водитель Александр Радийчук, Арсеньевского ПТП). В результате столкновения травмы различной тяжести получили двадцать человек. На месте аварии погибла гражданка Семьянских Галина Ивановна, 34 года, не замужем, проживала в Москве, работала ведущим инженером на почтовом ящике А3706, прибывшая в командировку в в/ч 51430. Виновник аварии Плутенко не пострадал...»

Мы своевременно выполнили все, что нам приказала Москва. Как обычно, произвели добровольный сбор денег с офицеров на перевозку тела и погребальные дела, определили сопровождающих. Тело погибшей было предано земле в родном городе, но вспоминая эту потерю, я до сих пор сожалею о трагически ушедшем человеке, которого, оказывается, высоко ценили в 45 СНИИ МО СССР и считали одним из способнейших специалистов. Такая получилась короткая несостоявшаяся жизнь. Часто судьба раскладывает свои крапленые карты не на тех. Если бы инженеры не торопились и взяли билеты на поезд, то благополучно приехали бы на станцию Лимонник утром следующего дня. И была бы впереди целая жизнь. Но мы всегда торопимся жить. Кто его знает, сколько кому суждено...

Ровно через два месяца в прикомандированном к нам строи-

тельном батальоне (в/ч 65553) произошло ЧП — во время строительных работ попал под обрушение стены рядовой Якубов Хамид Касымович, прослуживший в армии всего три месяца. Уроженец Узбекистана скончался от болевого шока, наступившего в результате закрытого перелома левой ключицы, обеих костей голени, разрыва селезенки.

По сложившейся практике для проведения печальных ритуальных миссий командиры всегда направляли политработников. Считалось, что если они занимаются моральным духом воинов, то и на тот свет провожать должны они. Мне лично пришлось хлебнуть через край всей остроты переживаний, какие выпадают человеку в скорбные минуты прощания. Переживал и оскорбления за оплошности.

Надо сказать, что в суровых условиях Дальнего Востока люди раскрывались быстрее и вели себя достойнее. А мне повезло — среди моих коллег были весьма приличные люди, которые не были способны на предательство и подлость.

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ХОЗЯИН ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО КРАЯ

Если десантники всех поколений почитают генерала армии Маргелова, то ветераны-дальневосточники своим кумиром считают генерала армии Третьяка. И вполне заслуженно. Неподражаемый генерал армии Иван Моисеевич Третьяк (20.02.1923 — 3.05.2007 гг.) с 1976 по 1984 гг. был «царем, богом и воинским начальником» на громадной территории Дальнего Востока. Традиционно в Советской Армии на этот пост назначали самых опытных военачальников, которые после ДВО возглавляли главкоматы. Одно перечисление имен предшественников: В.А. Пеньковский, И.Г. Павловский, О.А. Лосик, В.Ф. Толубко, В.И. Петров — для человека, знакомого с армией, говорит само за себя.

Мне довелось многократно встречаться с командующим войсками ДВО генералом армии И.М. Третьяком, поскольку, ежемесячно принимал участие в заседаниях Военного Совета округа, во время которых зауважал эту незаурядную личность.

Третьяк был среднего роста, крепкого телосложения. Боль-

шие залысины на голове открывали большой лоб мыслителя. Выходец из крестьян Полтавской области сохранил на всю жизнь своеобразие и образность речи малоросса. У Ивана Третьяка была необычная, как говорят, счастливая военная биография. Большой и славный воинский путь остался за плечами. Окончив в 1941 году Астраханское стрелково-пулеметное училище, 18-летний лейтенант принял боевое крещение в битве под Москвой, на легендарном Бородинском поле, и прошел всю войну. В двадцать лет командовал ротой, батальоном. В 21 год с августа 1944 и до конца войны доблестно командовал гвардейским стрелковым полком 29 стрелковой дивизии, форсировал псковскую реку Великую, освобождал город Опочку. За подвиг, совершенный на земле Прибалтики, под городом Мадона, когда руководимый им полк совершил дерзкий и смелый обходной маневр, И.Третьяку было присвоено звание Героя Советского Союза. В послевоенный период он прошел ряд высоких должностей, а в 1967 году стал командующим Белорусским военным округом. Там, на гостеприимной белорусской земле, раскрылся талант Третьяка как созидателя. За короткий период он качественно обустроил военные городки своего округа. Эти качества были замечены руководством страны, и через девять лет его перевели в Дальневосточный военный округ, который нуждался в волевом и толковом командующем. Тем более, что с 1974 года началось активное строительство БАМа, где немалые усилия приложили и войска округа... Он был государственным человеком, членом ЦК КПСС и депутатом Верховного Совета СССР, имел одиннадцать орденов и две Золотые Звезды Героя. На военных советах слушали его всегда очень внимательно и затаив дыхание. Он умел «снимать стружку», но, как правило, был справедлив и заботлив.

Для него не существовали командиры и политработники, недоступные для критики. На памяти — разбор дисциплины в авиадивизии, которую возглавлял воин-афганец, Герой Советского Союза генерал-майор Кот. Третьяк устроил ему «разбор полетов», а в заключение сказал:

— Если ты Кот — лови мышей. Спать тебе, как Ваське, не дадим. Иди, Герой, работай.

Его уважали в округе и боялись. Особенно его «заборного» строительства. При нем все гарнизоны частей были огорожены добротными железобетонными или кирпичными заборами, которые порой простирались на километры. Третьяк требовал, чтобы все они

стояли геометрически ровными прямыми. Горе было для командира, если командующий во время инспекции обращал внимание на покосившиеся пролеты ограждения части...

— Командир, это что же у тебя забор-то, как бык поссал? Разобрать и установить по-новому. Срок — две недели. О выполнении доложить.

А что такое разобрать и заново поставить: двойная тяжелая и неблагодарная работа. Лучше что-то новое соорудить. В условиях же лютой дальневосточной зимы с ее морозами и просадками грунта подобная реставрация заборов повторялась часто. Но в бытность Третьяка пощады не было. Кроме того, масштабное обустройство войск, помощь в строительстве гражданских объектов поглощало громадные финансовые средства и отвлекало войска от боевой подготовки. Командиры направляли большие группы солдат на кирпичные заводы, где практически не хватало рабочей силы, зарабатывали кирпич, в основном белый. Заводы план перевыполняли, а народное хозяйство для строительства получало все меньше и меньше кирпича. Львиная доля его шла к военным. Как-то первый секретарь Приморского крайкома КПСС сказал:

— Ведь этот кирпич мог бы пойти на многие десятки жилых домов, но ничего с Третьяком мы сделать не можем.

Командующий обустройство войск не считал второстепенным делом. Являясь энергичным и мобильным человеком, он на вертолетах и самолетах добирался до самых отдаленных гарнизонов. Его государственный масштаб мышления и хорошие навыки в строительстве нашли достойное применение. После смены командования в громком скандале с «Боингом» его бросили в прорыв — главным командующим ПВО — на укрепление «проштрафившихся» войск и создание инфраструктуры войск ПВО страны. А за строительные успехи в ДВО он единственный из командующих военными округами был отмечен высшей государственной наградой — званием Героя Социалистического Труда. На что он отреагировал со свойственным ему юмором:

— Я вот так в войну хотел, чтобы меня наградили медалью «За отвагу», но мне ее так и не дали...

До ГКЧП (в августе 1991 года) Третьяк командовал ПВО, одновременно являясь замглавкома Объединенными силами — командующий войсками ПВО государств-участников Варшавского договора.

На его место в Хабаровск прибыл его ровесник, генерал армии Д.Т. Язов, до того командовавший Центральной группой войск и Среднеазиатским военным округом. После Третяка Дмитрия Тимофеевича приняли настороженно в офицерской среде. Еще до его приезда среди командного состава ДВО ходили разговоры о его начальственных бзиках. В частности, о том, как он чуть не вышиб ногой дверь в бытовке одной из казарм, потому что она оказалась не так опечатанной; то как в сорокаградусную жару приказал сопровождавшим его в инспекторской поездке офицерам надеть шерстяные кителя, а сам при этом оставался в рубашке с короткими рукавами.

На первых военных советах округа он пытался покорить сердца подчиненных командиров и политработников своими интеллектуальными способностями. Язов с трибуны наизусть декламировал достаточно большие фрагменты стихов Пушкина и Некрасова. И в первое время это производило впечатление, но когда во второй и в третий раз от него слышали это же на партийных и комсомольских активах и конференциях и служебных совещаниях, — то розовый туман рассеялся.

После поездки М.Горбачева на Дальний Восток в Москве заговорили о восторженных откликах Генсека о командующем ДВО. Наиболее прозорливые карьеристы предрекли, что ждет его головокружительная карьера, и не ошиблись. Уже вскоре Язов оказался в должности начальника Главного управления кадров Минобороны, и все понимали, чьих рук это дело.

Приземление Матиаса Руста на Красную площадь дало Горбачеву повод сместить некоторых спящих на должности высших генералов и поднять Язова на пик военной власти.

Язов, после маршала Соколова, стал последним министром обороны СССР. Надо отдать должное — он умел работать по 20 часов в сутки. Усталость изматывала, и он частенько срывал нервное напряжение на подчиненных. С таким стилем поведения Язова смирились в ДВО, а на Арбате не скоро свыклись. Про него ходили постоянные разговоры. Стоило Язову побывать с визитом в США, и оттуда раньше его самолета прилетели к нам вести о том, как министр реагировал на знакомство с американской армией. Например, когда он узнал о размерах жалования американских военнослужащих, то бросил свою знаменитую реплику: «Мне бы поллучку американского солдата». В то время рядовой армии США

получал от 700 до 2000 долларов в месяц, а министр обороны СССР — менее 2 тысяч рублей.

Язов еще был в США, а в десантных войсках пересказывали детали его разговора с командующим ВДВ генерал-лейтенантом Владиславом Ачаловым сразу же после показательного учения воздушно-десантной дивизии США. Американцы на этих учениях выложились в доску и с гордым превосходством поглядывали на русского министра. Язов спросил у Ачалова:

— Ну, как ты оцениваешь американскую десантуру?

— Дмитрий Тимофеевич, за такую подготовку и показ учения вы бы мгновенно сняли меня с должности!

Язов довольно улыбнулся, уж он-то знал, на что способен Ачалов и его гвардейцы-десантники. Очень многое в его жизни носило личностный оттенок. Он имел любимчиков и когорту отверженных. Ко второй категории почему-то относился уважаемый мной генерал Б.В. Громов. Командарм 40-й армии вспоминал: «Министр был чем-то крайне недоволен. Он принял меня в возбужденном состоянии...».

В отличие от И.Третьяка, спокойно завершившего свой военный путь, Язова ждали не только маршалский жезл, но и тюремные нары. 23 августа 1991 года он был арестован. Когда началось расследование уголовного дела ГКЧП, многих арбатских начальников таскали на допросы. Они признавались сослуживцам, что даже по характеру вопросов можно было понять, что некоторые следователи откровенно выстраивают концепцию участия министра обороны СССР в «государственном перевороте». Но им так и не удалось доказать, что маршал Дмитрий Язов и многие другие высшие армейские генералы в августе 1991-го помышляли о захвате власти. «Можно ли назвать преступлением то, что министр обороны выполнил указания, данные ему лицом, исполняющим обязанности президента?» — такой вопрос адвоката, прозвучавший в зале суда, внес некоторый раздрай в ряды судей, которые еще задолго до суда твердо знали, чем он должен закончиться...

В августе 91-го Язов принял «правила игры», которые определялись высшей госвластью, точно так же, как Грачев в 1993 (расстрел Белого дома) и 1994 году (начало чеченской войны). Разница лишь в том, что маршал Язов не приказывал своим подчиненным стрелять в соотечественников. Три смерти пьяных молодых людей, бросившихся на проходящие мимо боевые машины — не на

его совести. В октябре 1993-го по приказу Грачева в Москве погибли сотни человек. Грачев получил орден Мужества, а за август 1991-го Язов получил камеру в тюрьме.

Но у меня сохранилось уважение к маршалу Язову за то, что он пошел на судебный эшафот по-офицерски достойно. В ходе допросов даже следователи, которые явно «шили» ему очень крупную статью уголовного кодекса, намекали бывшему министру, что можно «поделиться» ими с подчиненными и скостить срок. Как это сделали в истории небезызвестные Тухачевский, Егоров, Блюхер и другие. Он взял вину на себя, не стал унижительно просить снисхождения. Его последний бой за Союз был проигран.

Однако я забежал вперед.

СТРОЙКА ВЕКА — БАМ

Вернемся в 80-е годы. В описываемый период на Дальнем Востоке шло активное строительство Байкало-Амурской магистрали. Это была действительно стройка века. Протяженность трассы составляла 3145 километров. Всего строилось 200 станций и 70 вокзалов. В сложных складках местности пробивалось 7 туннелей, воздвигалось 126 больших мостов. В их числе мост через Зейское водохранилище длиной в 1,5 км, высота опор которого составляла 60 метров. Строились 33 тысячи искусственных сооружений, в среднем по одному на каждый километр. Впервые идея создания широтной железнодорожной магистрали, проходящей севернее озера Байкал, была сформулирована в 1887 году генералом А.П. Прозенко в связи с проектированием и строительством Великой Сибирской магистрали (Транссиб). Однако после изучения результатов обследования экспедициями полковника Волошина в 1889 году комиссией императорского Русского технического общества 1 декабря 1890 года утвердили южный вариант строительства транссиба через Иркутск. В последующем выдвигались предложения о строительстве железных дорог, в частности Ленской для транспортного обслуживания золотоносного района Бодайбо, а также к судходной части реки Лены. В 1931 г. Дальневосточная краевая парторганизация направила предложения о проектировании и строительстве второго Транссиба с выходом к Тихому океану. В этом документе впервые она названа Байкало-Амурской магистралью. В

соответствии с решением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 13 апреля 1932 г. о сооружении БАМа, были начаты изыскательские работы. В 1937 создана спецорганизация по изысканиям и проектированию, которая в 1939 с началом строительства была передана НКВД. С 1937 по 1942 гг. БАМпроект окончательно определил генеральное направление магистрали. В эти годы построены подходы к магистрали железнодорожные линии: Бамовская — Тында, Волочаевск — Комсомольск, Известковая — Ургал. Началось строительство на конечных участках: Тайшет — Лена и Комсомольск — Советская Гавань. Но в период боев под Сталинградом в ноябре 1942 года работы были прерваны. Верхнее строение пути было разобрано и использовалось под строительство Волжской рокады под Сталинградом. С победой ГКО принял решение о возобновлении строительства. Однако со смертью Сталина работы приостановили и проектно-изыскательские работы возобновились только при Брежнев.

Основная нагрузка легла на плечи воинов Дальневосточного военного округа. Они строили восточный участок от Тынды до Зейска, далее на Ургал и Комсомольск-на-Амуре. Общая длина военного участка составляла 1470 километров. Если гражданских строителей привлекали на стройку романтика, большие деньги и льготы, то военных отправляли согласно приказу. Основные задачи на БАМе выполняли железнодорожные войска двух корпусов, так 1-й железнодорожный корпус на Востоке имел в своем составе четыре бригады: 37-ю и 1-ю на станции Ургал, 7-ю ждбр на ст.Березовая, 39-ю ждбр пришедшую своим ходом автотранспортом до трассы БАМа. Чуть позже этому корпусу добавили 33-ю ждбр, и эскадрилью вертолетов МИ-8. Что намного упростило руководство войсками и переброску отдельных подразделений. Прибыв к намеченным планам местам дислокации, воины рубили лес, устанавливали палатки и вагончики. На западном участке БАМа в Тынде разместили штаб 35-го жд корпуса, который тоже достаточно тяжело, но мужественно осваивал дикие таежные районы. Организация быта военных потребовала помощи со стороны местных органов власти, так как в городках не было воды. Все замерзло. Надо отметить, что вместе с воинами-железнодорожниками мужественно переносили тяготы семьи офицеров. Жили в промерзающих насквозь вагончиках, порой греть воду было негде. Только через год начали создавать щитовые домики для семей. А объемы строительных и земляных работ росли и в сутки доходили до 100 тысяч кубометров.

Хорошую репутацию у строителей получила иностранная техника: японские экскаваторы «КОТО», бульдозеры «КАМАЦУ», немецкие самосвалы «МАГИРУСЫ» и другие. Но прежде всего нужны были люди, так как помимо мостов, земляного полотна строились станции, вокзалы, котельные, жилые дома, депо и т.д. Вблизи трассы БАМа велась вырубка леса. К этому процессу привлекались граждане КНДР. Известны своей выносливостью и трудолюбием корейцы. Они заготовленную древесину делили поровну и удивляли окружающих тем, что в тех тяжких условиях бытия на гальке выращивали картошку и капусту. Они же прокладывали и содержали лесовозные дороги. Через каждые 10 — 15 км стояли их домики с обслугой в 5 — 7 человек. Они легко переносили морозы и контрабандным путем доставляли из Кореи японские товары, необычную водку в бутылках с заспиртованными маленькими змеями. Поскольку иностранцы доставляли дополнительную головную боль для МИДа и посольства, то по просьбе руководства принимались решения о привлечении дополнительных воинских контингентов для рубки просек. Однажды и в нашу часть, несущую непрерывное боевое дежурство, пришло распоряжение о направлении бригады военнослужащих для работ на участке трассы. С помощью своего шефа — начальника разведки округа генерал-майора Александра мы с командиром, он — через командующего войсками, а я — через ЧВС-НПУ округа, добились сокращения разнарядки до предельных минимальных размеров и начали подготовку команды к отправке. Убывающих на работы обеспечили всем необходимым. Из 30 воинов я выбрал командира отделения Александра Песецкого и дал ему наказ — держать дисциплину и периодически писать в часть отчеты о ходе работ. Саша добросовестно выполнял задание, и мы получили несколько писем, которые вывешивали перед штабом для всеобщего обозрения и чтения. Эти письма из поселка Сапони Верхнебуреинского района Хабаровского края оказались интересны всем военнослужащим части.

В своем архиве я нашел одно письмо и приведу его полностью:

«Привет с Бама! Здравствуйте, Олег Владимирович! Просим прощения, что долго не писали. Причиной была нехватка времени, да и первоначально писать особо было не о чем. Однако, как появилась свободная минута, сел вам писать письмо от всех наших ребят.

Первоначально опишу, как мы добирались до места постоянной дислокации части, в которой сейчас работаем. Это в 50 километрах от Ургала Хабаровского края.

Сразу после части мы пять дней жили и работали в Шкотово, где грузили и разгружали различные грузы. Все наши ребята работали хорошо, за что были поощрены командиром батальона. В Шкотово мы прибыли 29 июня, а только 4 июля погрузились на эшелон и тронулись в путь. Пять суток были в дороге, из-за этого она показалась очень длинной и тяжелой. Стояли подолгу на многих станциях, к примеру, в Хабаровске стояли сутки. В дороге не обошлось без ЧП. В нарушение инструкции и устных указаний командования один солдат из соседней роты залез на крышу вагона. Его стукнуло током, и через 20 дней он умер. За дорогу устали больше, чем за время на грузах. Наконец приехали на место рано утром, к обеду выдали палатки. Природа вокруг удивительно красивая, не опишешь. Сопки зеленые, и рядом с нашим лагерем речка. Надо отметить еще такую немаловажную деталь — тайга кругом такая, что не проедешь ни на чем, кроме как на своих двоих.

Наша задача — прорубить просеку в неприступной и непроходимой тайге шириной 40 м, длиной 80 км. Я пока не знаю, справимся ли мы с этой задачей. Иначе и быть не может, это знает каждый — свое дело мы должны закончить до конца, но порой охватывает сомнение, так как бывает очень тяжело. Работы пока все вручную, и к вечеру устаем страшно. Рабочий день наш здесь такой: подъем в 6 утра, отбой в 12 ночи, работа с 8 утра до 19.30 вечера.

Настроение у всех — не могу передать словами. Все знают, что просеку надо делать, и в трудную минуту просто иногда вспоминаем Павла Корчагина. Сейчас на своей шкуре понимаешь, как им было трудно. От этого силы прибавляются, потому что для нас они пример, образец, к которому стремишься. Верим, что сделаем дело, потому что РОДИНЕ нужна эта ЛЭП-500. Эта линия электропередачи протянется от Зейской ГЭС почти по всему Дальнему Востоку.

Наша работа заключается в валке леса. Первоначально идет бригада, которая вырубает топорами весь кустарник и выносит за пределы просеки, следующая бригада выпиливает все деревья, эти деревья распиливают по 4 метра, обрубает все сучья и скатывают со склонов в сторону. По словам одного старшего лейтенанта,

который здесь работает уже 3 года, это самая трудная просека в его практике. Норма в день на взвод — 300 м просеки. Иногда мы это делаем, иногда не выполняем. Склоны достигают крутизны 40 — 60 градусов.

От ближайшей деревни находимся в 6 км. БАМовская дорога находится от нашего лагеря в 120 м, ее еще полностью не закончили, всего одна колея, которую расширяют, подсыпая с платформ. Составы ходят в основном грузовые, а пассажирские — 1 — 2 вагона. Вот такая одноколейка идет до самого Комсомольска-на-Амуре.

Немного о быте, хотя все мое письмо об этом:

- раз в неделю к нам приезжает автолавка;
- политинформации, как и везде в армии, в понедельник и в четверг;
- в подразделении, в одной из палаток, есть телевизор;
- почти каждый день показывают кино.

К новому распорядку жизни мы уже привыкли, сейчас хватает времени даже почитать книги, есть промежутки свободного времени с 7 до 7.30 утра. Одели нас в интересную специальную форму — костюмы против комаров, клещей и мошек.

Наши разведчики все на хорошем счету, нарушений воинской дисциплины не допускали, все попали в один взвод, в нем 26 человек, командир взвода — капитан. Меня оставили комсгруппоргом, как и определили вы перед нашим выездом из части. Редактор боевого листка во взводе тоже наш, рядовой Сафьяник, агитатор — рядовой Андреев. Кроме наших во взводе ребята-связисты и шоферы из Сыроевской радиотехнической бригады, а также несколько химиков.

В работе появились первые итоги: за 20 дней прорубили 5 км просеки, а дальше, говорят, дело пойдет быстрее, т.к. появился опыт. Вот так и живем. Перед сном вспоминаем часть, своих товарищей и друзей. Передайте большой привет всей части от нас, пусть служат серьезно, мы только здесь начинаем понимать, какие важные дела доверили нам, взрослым и серьезным людям.

До свидания!»

Через полгода наши героические хлопцы вернулись в часть, и мы ахнули. Отправляли самых дисциплинированных, а вернулись обветренные, бесшабашные парни, которые уже не смогли вписаться в прежний строгий, размеренный режим боевого дежурства.

Начались разборки за разгильдяйство, пьянство, неуставные отношения. В итоге многие бамовцы сидели на гауптвахте и были разжалованы в рядовые. Сейчас вспоминаю то время и жалею ребят, которых после выполнения трудового задания следовало уволить в запас. Они свое Родине отслужили. Но о признательности за их самоотверженный труд в вековой тайге забыли. А звание Героя Социалистического Труда за ввод БАМа получил генерал армии.

Чуть позже в район БАМа попали на стройку века наши сослуживцы майор Васин и два прапорщика. Работа на строительстве магистрали считалась делом чести и героизма, а главное — хорошо оплачивалась. Всем троим откровенно завидовали. Отказываясь от поездок в отпуска на родину, офицеры части навещали товарищей, работающих на БАМе, в частности, в Эльбране побывал Владимир Хомяков, в Тынде — Леонид Алхимов.

Окончательный ввод БАМа растянулся на четверть века. В печати мелькали высказывания о напрасно вложенных огромных средствах в бессмысленное строительство. С чем согласиться было нельзя, и тогда и сейчас, мы однозначно понимаем, что построенные дороги развивают промышленность, осваивают районы богатые полезными ископаемыми, что безусловно развивает страну. К сожалению, только летом 2009 года был запущен в эксплуатацию последний стратегический объект — Северо-Муйский тоннель, что по сути стало финалом всей эпопеи освоения этого края. Но в России об этом событии СМИ рассказали очень скупо, так как мода на магистраль, пережившую разрушительную перестройку, вроде как закончилась. К тому времени основная масса бывших комсомольцев и ветеранов железнодорожных войск покинула суровый край по причинам экономического характера, перебравшись в более благоприятные для существования края, но в душе они сохранили задор, романтику молодости и сожаление о недальновидных действиях временщиков, разрушивших страну.

ШИПЫ И РОЗЫ

Память человека устроена таким образом, что она отмечает и хоронит все плохое, с чем приходилось сталкиваться, и живет добрым. Но для того, чтобы у читателя не сложилось иллюзии райско-

го места на земле, для объективности мне хотелось бы рассказать о следующем.

В части постоянно происходила ротация кадров оперативного и инженерного состава. Первый отдел находился под личным контролем начальника политотдела, поскольку лично на нем лежала ответственность за знание людей, направляемых за границу. Начальник политотдела нес как бы двойную ответственность: давал им партийные рекомендации и подписывал вместе с командиром служебные характеристики. Изучение кандидатов для заграничных командировок являлось ответственным занятием, поскольку вопросы политической бдительности не были абстрактной категорией философии, а подтверждались реалиями жизни.

На слуху в войсках были недавние истории о предателях и перебежчиках. Да и в самом Приморье в это время произошло громкое коварное предательство. Из-под Владивостока летчик, старший лейтенант Виктор Беленко, угнал в Японию новейший для того времени боевой самолет МИГ-25. Это был самый современный летательный аппарат, развивавший скорость 3600 — 3800 километров в час, имеющий потолок 36 километров, который мог находиться в воздухе в течение 22 часов. На тот период он считался лучшим самолетом в мире, по словам американцев — «самолетом века». На задание Беленко вылетел в паре с ведомым. Во время полета неожиданно отклонился от курса в сторону Японии. Ведомый доложил об этом на КП. Пока принимали решение, прошло несколько минут, которых хватило на то, чтобы самолет ушел далеко в море. По команде с земли ведомый начал преследование и даже выпустил вдогонку ракету, но промахнулся. Самолет предателя проскочил над проливом Лаперуза (противовоздушные части острова Сахалин проморгали), и с востока Беленко зашел на посадку в аэропорту Хакодате на острове Хоккайдо. Как рассказывали чекисты, после посадки Беленко выскочил из самолета, выхватил пистолет и несколько раз выстрелил в воздух, остановив подбегающих полицейских, предупредив их, чтобы к самолету никто не подходил и не фотографировал. Потребовал накрыть самолет брезентом, заявив, что он «сверхсекретный». От репортеров и телевидения лицо закрывал. Двадцать пять экспертов, совместно с американскими специалистами, усиленно изучали угнанный самолет, разобрав его на части. Обследовав его по узлам, в собранном виде гоняли двигатели и засекали аппаратурой спектры звуков, чтобы в

дальнейшем эффективно бороться с ним. Посол СССР в Японии добился встречи с Беленко. Разговор велся на расстоянии. Летчик-предатель подтвердил свое решение остаться на Западе и попросил политического убежища в США. На пресс-конференции Беленко заявил о причине своего побега: бытовая неустроенность, притеснение по службе и т.д. МИД Японии отказалось вернуть самолет, обосновывая это тем, что он нарушил территориальное пространство Японии. Только после тщательного изучения самолета и всех его узлов он был возвращен на один из советских кораблей. Предателя же увезли в США, где он получил семь миллионов долларов.

Нашему же государству был нанесен огромный ущерб, не только моральный, но и материальный: ведь только одна система опознания «Я — свой», которую пришлось менять в масштабе всех Вооруженных Сил, обошлось в несколько миллиардов рублей. Этот факт удивил тогда многих. Не могли понять причину предательства. Вроде был такой же, как и другие офицеры. Ничем не выделялся. Воспитывался в семье приличных людей — школьных учителей. Рассказывали, что готовился он к этому поступку заранее, несколько лет. Собирал секретную информацию, в том числе вывез с собой какую-то карту Китая с базами. А завербован был американскими спецслужбами, якобы, когда находился в составе группы специалистов, работавших в Египте.

Поэтому от командиров и политработников требовали особенно глубоко изучать моральные качества офицеров-разведчиков, направляемых за границу. За шесть лет пребывания в должности начальника политотдела мне пришлось несколько раз отстранять от спецкомандировок отдельных офицеров. И несмотря порой на волево́й нажим отдельных начальников из Москвы, я своего мнения не изменил ни разу.

В системе ГРУ время от времени происходили позорные случаи предательства, совершались они и бывшими офицерами нашей системы. Само по себе это явление в спецслужбах нередкое. В истории ГРУ было достаточно много предателей. Спросите, почему? Во-первых, предательство и шпионаж все время следовали рука об руку. Во-вторых, для того чтобы причины, толкнувшие офицеров разведки на предательство, были понятны, приведу выдержки из документа ЦРУ, относящегося к концу 70-х годов:

«Советские граждане представляют группу высокодисциплинированных людей. В то же время многие из них склонны к самым

разным приключениям. Акт предательства, будь то шпионаж или побег на Запад, почти во всех случаях объясняется тем, что его совершают неустойчивые в моральном и психологическом отношении люди. Предательство по самой своей сути нетипично для советских граждан... Во всех случаях, с которыми нам приходилось сталкиваться с перебежчиками, они располагали тем или иным серьезным недостатком в поведении: алкоголизмом, глубокой депрессией, психопатией. Подобные проявления в большинстве случаев явились решающим фактором, приведшим их к предательству». (см. Калугин О. «Прощай, Лубянка!», Москва, 1995, стр 148 — 149.)

К разряду подобных личностей можно смело отнести и наших предателей. Предательство, в какие бы одежды оно ни рядилось, всегда остается самым отвратительным, что существует на свете. Мне неприятно вспоминать эти фамилии, но постараюсь быть объективным и расставить точки над «i» в этих историях...

Первым «нудой» оказался старший лейтенант с простой русской фамилией Иванов. О нем впоследствии было опубликовано несколько объемных аналитических статей в газете «Красная Звезда» за 10 — 12 ноября 1983 г. Он родился через десять лет после победы в поселке Пограничный Приморского края в семье офицера-фронтовика, полковника артиллерии. После школы поступил в Московское ВОКУ, но, обескураженный муштрой и нагрузками, проучился там только год. На следующее лето перевелся в военный институт иностранных языков. Учебу закончил с отличием, в годы учебы являлся штатным активистом, которого любили преподаватели и руководство. Близких друзей не имел. Женился на дочери полковника главного управления кадров МО СССР. Умело использовал это обстоятельство и был направлен для работы в Болгарию. Оказался склонным к спекуляции. Проявив инициативу, вышел на контакт с американской разведкой. «Александром Васильевичем Ивановым шпионское ведомство США заинтересовалось еще несколько лет до описываемых событий, — писала «Красная Звезда». — Тогда он служил военным переводчиком за границей. В заведенном американской разведкой досье на Иванова уже в то время попали кое-какие сведения об особенностях его поведения, личных качествах и привычках. Особое внимание, конечно, привлекали его недостатки: тщеславие, болтливость, склонность к спиритному». Сотрудничал с ЦРУ и передал немалую информацию, как рассказывали чекисты, в том числе и по нашей части, куда планиро-

вали его командировать для дальнейшей службы. Информацию о ней собирал от своих однокурсников, которые и не подозревали, что их откровенность станет оперативной информацией агента...

«Я много думал о мотивах, — писал на допросах Иванов, — в силу которых стал изменником. Задумываться об этом стал вскоре после того, как со мной установила связь американская разведка — ЦРУ. Уже с того времени меня угнетало сознание того, что я стал предателем, совершил самое тяжкое преступление против своей Родины. Оценивая совершенное мною деяние, я не могу назвать какую либо причину, ибо ее просто нет. На путь преступления я встал в силу целого ряда обстоятельств субъективного характера, в силу присущих мне черт личности, которым в то время не смог дать правильную оценку. У меня были искаженные представления о ценностях жизни. Мне были присущи высокомерие и болезненное самолюбие, излишнее самоуверенность и самонадеянность, честолюбивые амбиции, переоценка своих способностей и деловых качеств. Стремление к достижению цели без учета моральных сторон избираемых для этого средств и способов». Иванов приговорен Военной коллегией Верховного Суда СССР 25 февраля 1983 года к 10 годам тюрьмы с лишением воинского звания «старший лейтенант».

Второго, старшего лейтенанта Солонникова, тоже переводчика, я лично один раз отставлял от загранкомандировки. В отличие от Иванова, служил он неровно. В свободное время до безобразного состояния злоупотреблял спиртным. Постоянно отмечался в разных историях и дисциплинарных проступках. По замене уехал из Яковлевки в Главный центр спецслужбы в Загорянке. Обдумав свои преступные деяния, целеустремленно собирал информацию по центральному и местным частям разведки. Во время заграничной командировки обратился к спецслужбам США и попросил политического убежища.

Не был образцовым офицером и капитан Лобастов А.Ю. Во время откомандирования для дальнейшей службы на Кубу в канадском аэропорту попросил политического убежища. Позднее, по сообщениям из КГБ, якобы дал развернутую информацию обо всем, что знал по разведке и дальневосточной части, в которой служил — о ее организации, командно-политическом и оперативно-техническом составе, технических средствах разведки, размещении объектов и городков на местности, задачах подразделений части и т.д. Пото-

му, как рассказывали чекисты, неслучайно у американцев в то время появились полные данные по нашей сугубо засекреченной части, а также даже развернутое досье на руководящий состав, вплоть до подразделений. Как заявляли источники ЦРУ, наша часть в тот период имела в своем строю около тысячи человек, из них 200 офицеров; 35 прапорщиков; 75 сержантов; более 600 солдат и 30 служащих СА.

Хотя основная оперативная работа с развединформацией лежала на офицерах, без солдат срочной службы обойтись в этой масштабной работе было невозможно. Поэтому на боевых постах круглосуточно в напряженном режиме — через шесть часов по шесть — несли службу смены солдат-разведчиков, которые из-за специфики своей деятельности находились под негласным наблюдением уполномоченного отдела КГБ. Ему хватало работы. Так, только за 1984 год особым отделом КГБ были профилактированы 5 военнослужащих, которые в ночное время, отклоняясь от плана-задания, прослушивали передачи западных голосов, а затем к кругу товарищей делились антисоветской информацией. Для чекиста основанием для беспокойства было распространение враждебной информации, а для командования — отклонения от задания по смене. Так 10 апреля 1984 года, военнослужащие второй роты рядовой Игорь Козлов попытался уничтожить полученную со сбоем телеграмму, а рядовой Андрей Васенков уничтожил четыре криптограммы. Большим скандалом обернулась выходка шифровальщика военнослужащего Скляра, пригласившего приятелей на чай в кодировочную комнату. Рядовой Губарь был снят с боевого дежурства за уклонение от его несения. Особый контроль особисты осуществляли за маршрутами передвижения по части гражданских представителей промышленности, которые не имели права, работая в одном подразделении, без соответствующего разрешения посещать другое.

Несмотря на отдаленность, мы ежедневно чувствовали подчиненность Москве. Все наши крупные и мелкие дела оценивали командованием с позиций «арбатского военного округа». Я как-то еще в 1983 году откровенно высказал полковнику С.В. Боневу свое несогласие по сути резких оценок командования ГЦСС в наш адрес.

«Хотел бы обобщить обстановку в части. В целом настроение у личного состава бодрое, все заняты своим делом. Однако элемент неорганизованности дает себя знать. Я не забываю о своей роли в

части, веду себя принципиально и активно по главным вопросам, но ведь многие мелочи приходится упускать. Иногда они накапливаются и проявляют себя. Вот в настоящее время отмечено некоторое снижение ответственности у отдельных офицеров за порученный участок. Кстати, о состоянии воинской дисциплины! Сегодня получили два анализа воинской дисциплины за 1983 год — от начальника РУ ДВО генерала Александрова и от ГЦСС. Полезно будет сделать сравнение оценок, цитирую: исх. № 50\037 от 16.01.84 в/ч 74240 (г. Хабаровск): «...ряд частей разведки успешно решают поставленные перед ними задачи по повышению боевой готовности, поддерживают на должном уровне воинскую дисциплину, живут без происшествий и преступлений. К таким частям относятся: указано семь, среди них первая — наша. Среди названных частей лучшими являются две, одна из них — наша». Приятно, верно? Беру ваш Исх. № 047 от 13.01.84 в/ч 51428 (г. Москва): «...вместе с тем в некоторых воинских частях и подразделениях разведки задачи по укреплению воинской дисциплины и правопорядка выполнялись в 1983 году без должной эффективности (в/ч 51430; в/ч 12151)».

Становится обидно за часть, за дела командиров и политработников подразделений, за свою работу. Хотелось бы напомнить, что в 1983 году, в исключительно сложной обстановке, без командира части (долгий период Гурьев был в отпуске, январь — февраль, июнь — июль месяцы) совместно с подполковником Бойко А.Н. нам удалось удержать дисциплину. Ведь это же убедительный факт, что в прошедшем 1983 году у нас не было чрезвычайных происшествий. Я сознательно не поехал на курсы офицеров разведки, потому что понимал — надо помогать Бойко, только вступившему в должность начальника штаба и принявшему на целых полгода управление частью. Тогда мы решили этот вопрос в пользу части. В сентябре того же года, не догуляв 2 недели отпуска, я добровольно вышел на службу, готовить часть к проверке. Работаете, как заведенный, а оценка вышестоящего командования отрицательная. Эта несправедливость раздражает.

Хотелось бы вам напомнить известную, но, вероятно, забытую историю. В 1978 — 79 годах в нашей же части, которая была по количеству меньше сегодняшней, произошло 4 ЧП и 44 факта грубых нарушений дисциплины. И все были хороши на местах. Как отмечали вы, были хорошими и прежний командир, и прежний

начальник политотдела. Оба переведены к новым местам службы на Запад.

— А у нас все плохо? По каким же критериям ведется оценка?

Суждения разведуправления ДВО отличаются от вашего. И это не случайно, просто они оценивают нас в условиях суровой дальневосточной действительности. В укладе жизни частей много бытовых трудностей, которые не учитывать нельзя, т.к. они влияют на политико-моральное состояние. Вот и сейчас, зимой, наши солдаты, офицеры, члены семей не живут, а выживают. Ведь не случайно отмечают нас с лучшей стороны (см. приказ командующего округом №139 от 24 ноября 1983 года: «...в сложных условиях текущего года наиболее организованно провели заготовку картофеля и овощей воинской части... названы 14, среди них третья — наша»).

Основной причиной негативных оценок нашей работы в столице являлись непрерывные жалобы, поступающие в ЦК КПСС, Министерство Обороны и т.д. Они касались чаще всего бытовых вопросов, плохого обеспечения продуктами. Например, гражданка Соболева из Торжка писала лично министру обороны Устинову: «Мой сын служит в Яковлевке. У них там очень плохо с продуктами. Нет ни молока, ни яиц, даже макароны и крупы приходится посылать отсюда. Вам, конечно, неизвестно об этом. Пожалуйста, посодействуйте, чтобы снабжение продуктами там стало лучше...».

Работа военторга была постоянной головной болью из-за дефицита товаров. Продавцами работали жены офицеров Деменова, Демиденко, Пащенко, Стрижак. Все женщины шустрые и бойкие на язык. Отчего часто на них жаловались, разве что только на Веру Александровну Стрижак не поступало жалоб от покупателей. Ей удавалось оставаться деликатной с большинством обитателей городка. Для равномерного распределения продуктов и других товаров, поступающих в магазины городка, мы избрали комиссию. Возглавлял ее самоотверженный человек, начальник химслужбы части, майор А.В. Становкин. Сколько он выдержал оскорблений в свой адрес, знает только он, но подавляя частую депрессию, упорно тянул общественную нагрузку, порой по сантиметрам распределяя поступившую колбасу или мануфактуру на всех офицеров и прапорщиков. Помимо военторговского магазина в районе действовало 38 магазинов системы райпотребкооперации и 22 магазина ОРСА, 4 столовых Райпо и 5 столовых Орса. Но система торговли не полно-

стью выполняла свои обязанности, а план бытового обслуживания района не выполнялся на 40%. Усугубил ситуацию пожар на базе Райпо в 1982 году нанесший урон в 50 тысяч рублей (по тем временам достаточно большая сумма).

Но приезжих (у нас неоднократно подолгу жила моя мама, один раз гостила теща Татьяна Михайловна) наши сельские магазины поражали своим богатством ассортимента: на прилавках лежали дефицитные японские товары, им, приезжим было неведомо, что не каждый их мог купить эти товары — так как продажа осуществлялась только пайщикам-таежникам и через «заднее крыльцо»... Однако, по данным райисполкома, на одного жителя Яковлевского района приходилось на 30% покупок больше, чем в среднем по краю. За три года было реализовано товаров на сумму 42 миллиона рублей, что само по себе было рекордом. Эти цифры справедливо свидетельствуют о том, что Яковлевка середины 80-х годов была не самым последним местом в Приморском крае.

Были недовольства и другого рода. Писались жалобы в московские инстанции и в связи с суровыми условиями проживания в зимнее время. Приведу выдержку из одной коллективной жалобы, которая много испортила нервов нам с командиром. Ее подписали три офицера и 8 прапорщиков соседней части ведомства КГБ, находящиеся на нашем обеспечении:

«Зимние холода донимают... И что обидно, приходится мерзнуть в собственных квартирах. Батареи греют плохо. А на дворе декабрь, и температура воздуха доходит до -30 градусов. В комнатах же около $10 - 12$ градусов тепла. Страдают наши дети. Мы неоднократно обращались к командованию в/ч 51430, в ведении которой находится этот дом. Однако должных мер по устранению недостатков в теплоснабжении принято не было...».

Проблем в теплообеспечении не было, проблема была в отсутствии угля. В это время ежегодно перед нами стояла насущная задача — добиться срочных поставок угля из единственного местного карьера в Приморье. Добиваться приходилось, обращаясь напрямую лично к командующему и члену военного совета-начальнику политуправления округа. Сначала писали с командиром докладные в обо адреса, а потом не один раз звонили, поясняя, что летние запасы угля кончаются к концу декабря — началу января. «Выбивание» угля становилась животрепещущим вопросом выживания части в условиях тридцати — сорокаградусной зимы. На этот период

котельные работали по самым предельным нормам, экономя уголь, для поддержания минимального теплового режима. В домах было, мягко говоря, не жарко, но системы работали исправно. К чести командующего и члена военного совета, они всегда своевременно давали команды и принимали меры нам в помощь, направляя на станцию разгрузки Лимонник очередные экстренные вагоны с углем.

В офицерской среде нашлось несколько не порядочных и подлых людей, практикующих анонимками порочить руководство части и тем самым мстя за требовательность и презрительное к себе отношение. Часто брались реальные факты, обыгрывались в нужном ракурсе и фальсифицировались. Бывали и примитивные нелепые выдумки. Подтверждением этого мне в личном архиве под руку попало письмо главного инженера части подполковника Деменева:

«У нас с Нового года начались приключения. Вначале аноним подал жалобу в «Красную Звезду», приезжал разбираться полковник Булавин. Прошли три фамилии: Семенов, Бойко, Кривоपालов. По твоей фамилии Булавин из-за твоего отсутствия ничего не сказал, а по Семенову в основном зацепили жену его подчиненного Марину. По характеру и стилю жалобы мы решили, что писал Орлин, он как раз учился на курсах в Москве. Только схлынул шум по этому поводу, объявилась жалоба в ЦК, которую якобы написал рядовой Горшенин из первой роты. Тема жалобы — пьянство. Подобраны факты за четыре года, что простой солдат сделать просто не мог. По этой жалобе прозвучали фамилии Долбика, Мищенко, Стрижака, Матвеева, Веселина. Наш безупречный Долбик показан законченным алкоголиком и организатором коллективных пьянок. Бред, одним словом. Жалоба провалилась, но нервов потрепали много. Недели не прошло — вновь жалоба! Мать умершего солдата Федотова пожаловалась в ЦК. И опять всех трепали, разбором жалобы занимался лично ЧВС округа. Если так дело пойдет, то нас задавят жалобами и враньем, в пору закрывать часть и идти на фронт. Было бы не обидно, если бы жаловались по существу и по делу. А так — одна нервотрепка. Ну а в целом по оперативной работе у нас первое место в системе и даже по капстройству отметили в числе лучших. 28.02.1986 г.»

Мне по должности приходилось отвечать за проступки своих командиров. Самым безупречным из всех отношениях командиром части, что были у меня за 6 лет, являлся Кудрявцев. Про Гурьева

я рассказывал. Последний год его пребывания в должности основная нагрузка лежала на его начальнике штаба Бойко, которого Гурьев мечтал оставить за себя командиром, готовя варианты для возвращения к семье в Подмоскowie. Именно в этот переходный период разыгрался многосерийный скандал под названием «Разлучница».

Суть этой банальной истории такова: симпатичный мужчина, офицер нашей части, приглянулся замужней женщине Марине, муж которой тоже служил у нас. Близкое окружение и друзья — соседи семьи вскоре распространили слухи о состоявшемся бурном романе и желании офицера Б. развестись со своей женой и сойтись с женой офицера Д. При помощи «доброжелателей» об этой любовной интрижке сплетни дошли и до руководства Системы «Звезда». Пик разбирательств пришелся на 1983 год, но продолжался еще долгих три года. Мне как начальнику политотдела в этой ситуации пришлось приложить усилия, чтобы сохранить репутацию обеих семей и не дать им развалиться. Много беседовал с самим офицером Б. и его женой. В общении с вышестоящим командованием и в рамках коллектива части оградил от очернения его доброго имени. Благодаря этой поддержке офицер впоследствии продвигался по служебной лестнице, а мы остались с его семьей друзьями на всю жизнь. Но наиболее активной стороной этого увлечения была женщина. Я несколько раз беседовал с «разлучницей» Мариной, которая на мои вопросы ответила цинично откровенно и просто:

— Да, он мне нравится, но я же не девочка, чтобы встречаться под часами. Как представилась возможность, я легла с ним в койку. Мужем я недовольна, надо приложить массу усилий, чтоб хотя бы раз в месяц добиться от него исполнения супружеского долга. А я молодая, и, наверное, родилась такой, мне все время хочется секса. Однако не беспокойтесь, с мужем разводиться не собираюсь. Мы вместе уже десять лет. У нас дети. А разговоры меня не пугают. Пусть говорят.

Для разрядки конфликта по моему ходатайству командование ГЦСС перевело офицера Д. в другую часть. Через двадцать лет мне рассказывали сослуживцы, что на новом месте семья Д. сгладила конфликт и сохранила свой статус.

Сложные отношения, близкие к разводу, наблюдались в семьях офицеров Жаркова и Якушенко. В феврале 1986 года Деменев мне сообщил:

«Обо всех этих случаях поступили жалобы в Москву, будто командование части недорабатывает. Нам что, в кроватях их проверять? Очень обидно. Короче, одна нервотрепка и дезорганизация. Хотя по главным вопросам мы по-прежнему держим первое место в системе по оперативной работе и по капитальному строительству. Воем с супостатом на невидимом фронте, пока порох есть. Спасибо тебе за поддержку, за письма и внимание. Хочу поделиться радостью, мне пришла бумага о том, что замминистра продлил срок службы до марта 1988 года. Может, и поскриплю, хотя, конечно, все держится на нервах и самовнушении. Остаюсь от прежнего руководства я один. А уж когда все твои подчиненные стали твоими начальниками — пора уходить. Это справедливо, но жизнь почему-то чаще всего делает все наоборот. Поэтому идет постоянная борьба внутренняя и отнимает что-то от борьбы внешней, что-то нивелирует и усредняет. А это уже не человек, без сомнения движущийся вперед».

За годы службы у нас сложился отличный коллектив единомышленников, — через командиров, начальников, политработников, партийные организации и через активистов нам удавались проводить любые мероприятия. Все работы осуществлялись по отлаженному технологическому процессу. Каждый командир и политработник знал сроки и порядок обеспечения мероприятий боевого дежурства. Мы имели хорошую справочную базу, позволяющую в короткий период обеспечить политическую работу по военно-политическим мероприятиям противника в Тихоокеанской зоне ответственности.

РАБОТА С СЕМЬЯМИ

Однообразную жизнь части постоянно оживляли различные инициативы, исходящие от политотдела и поддержанные женсоветом части. Причем, кроме военнослужащих срочной службы и офицеров, мероприятия охватывали членов семей военнослужащих, с которыми мы регулярно проводили встречи, беседы, собрания, различные конкурсы и состязания. Согласно приказу командира части два раза в месяц с рабочими и служащими части проводились занятия в трех группах подготовки: на 4-й площадке — ответственная сл. СА Шаматонова Л.П., в детском саду — ответственная Алхи-

мова Г.Р., на 1-й площадке — сл.СА Збарацкая В.В. Большинство женщин было охвачено занятиями по стрелковой подготовке, в ходе которых женщины регулярно стреляли из пистолетов и автоматов. Ко всем праздничным датам женщины привлекались для участия в художественной самодеятельности клуба части, занятиям с детьми в спортивных секциях и кружках народного творчества. На собраниях женсовета мы рассказывали женщинам о том, как служат их мужья, о наших полковых результатах, достижениях и возникающих проблемах. Не забывали поблагодарить жен офицеров-передовиков за оказываемую ими помощь мужьям, что благотворно отмечается на качестве их службы. Приходя после этого домой, некоторые супруги задавали своим благоверным вопросы:

— А почему это тебя не называют в числе лучших? Или я тебе мало помогаю в жизни?

Все это способствовало созданию сплоченного коллектива, живущего общими государственными интересами.

Незабываемые впечатления у детей военнослужащих нашего гарнизона оставляли ежегодные празднования в жилом городке Дня Воздушного Флота, когда все жители городка выходили на спортивную площадку, и в воздух одновременно поднимались десятки самодельных моделей летательных аппаратов, шаров. Торжественно гремели фейерверки и музыка.

Однажды мы оказались на волосок от трагедии. В один из выходных дней для детей гарнизона был спланирован выезд на могилу героического экипажа самолета, погибшего во время выполнения планового полета под Сысоевкой. Возложив цветы и исполнив песню, созвучную событию («стрела самолета метнулась с небес, и вздрогнул от взрыва березовый лес...»), дети уже возвращались обратно, когда им пришлось пережить острый стресс. На горном серпантине у автобуса КАВЗ отказала рулевая тяга, и неуправляемая машина начала стремительно падать с обрыва в реку. Спасло от трагедии дерево, застрявшее между колесами и остановившее падение вниз. Из двадцати детишек, находящихся в салоне, около десятка получили ушибы и царапины, среди пострадавших оказались и двое моих детей.

Любопытные детские впечатления о тех годах сохранила дочь Маша в статье «Наши вожатые», опубликованную в местной газете «Сельский труженик» 16 ноября 1982 года.

«В каждом начальном классе у октябрят и пионеров есть стар-

шие друзья и помощники — пионерские вожатые. Они помогают младшим товарищам и в учебе, и в отдыхе. Есть пионервожатые и в нашем 3 «б» классе. Это комсомольцы Лена Репка и Света Гулай. Мы очень любим наших вожатых, ведь именно они проводят в нашем классе столько интересных и увлекательных мероприятий. Это и рассказы о подвигах героев-пионеров, и беседы об искусстве, и чтение интересных книг. А недавно Лена и Света провели с нами КВН. Это было очень увлекательное занятие, и приняли в нем участие все октябрята. Мы состязались в ловкости, находчивости, умении быстро отвечать на самые неожиданные вопросы. Особенно мне и моим одноклассникам понравился конкурс «Самый ловкий». По условиям этого состязания мы должны были быстро найти конфету, спрятанную в муке. Время, которое было отведено для конкурсов, прошло очень быстро и интересно. Все вожатые в нашей школе молодцы, но мои одноклассники считают, что Лена Репка и Света Гулай самые лучшие.

Маша Кривопалова, ученица 3 «б» класса Яковлевской средней школы».

В Яковлевке рос крепким и энергичным мальчуганом Георгий. Детям на пользу шел суровый дальневосточный климат, который формировал бойцовский характер и мужество. Они не болели и росли, окруженные заботой и вниманием женсовета части.

Моя Галюся все это время успешно работала в медпункте, заведовала аптекой и тоже жила общими интересами нашей части. Она не раз указывала мне на недостатки в бытовом обеспечении той или иной роты, о выявленных медиками фактах неуставных отношений. Работы медпункту хватало. В округе традиционно бытовала неблагоприятная эпидемиологическая ситуация. Особенно плохо было в Приморье и Приамурье. Вся зараза шла от необорудованных источников воды, которая не отличалась чистотой. В связи с тем, что соединения и части округа дислоцировались Генштабом по стратегическим соображениям по карте, без учета особенностей местности, как правило, войска испытывали постоянную нехватку водных ресурсов. Даже под Хабаровском в гарнизонах отсутствовала регулярная поставка воды. Ее давали в жилые дома по часам. В казарменной зоне воду подавали только в столовую и баню. Поэтому в зимнее время личный состав косил грипп, а в летнее — массовая дизентерия. Болезнь выводила личный состав из строя ротами. В нашей части выбывших заменить было некем.

Людей не хватало. Смены боевого дежурства оголялись до предела. Дополнительная нагрузка ложилась на офицеров командного и инженерного звена.

В памяти осталась масштабная эпидемия гепатита. В армии в то время ходила шутка: солдаты болеют желтухой, офицеры — болезнью Боткина, а генералы лечатся от гепатита. Округ и часть буквально захлестнула эта эпидемия. Опять связанная с гигиеной и водой. У нас однажды одновременно заболело более сотни, то есть каждый пятый солдат. У каждого человека инкубационный период гепатита протекает по-своему. Некоторые недели две проходили в гриппозном состоянии — высокая температура не спадала, постоянно кружилась голова, и ломало все тело. Ни есть, ни пить не хотелось. Даже о сигаретах больные солдаты не вспоминали. Медики за ними ухаживали, как за своими детьми, зная всех по именам. Бывало не раз, что для больных освобождали целый этаж казарменного здания технического батальона, превращая его в изолятор.

В этих условиях большая нагрузка ложилась на наших медиков, которым довелось увидеть и пережить многое. Врачи — капитан медслужбы С.Щенников, Миролюбова, медсестра Гопенко, заведующая аптекой Кривопалова работали самоотверженно. Их жизненный опыт, бесконечное терпение позволяли в ограниченных условиях части выхаживать многих. Тех же, кто нуждался в более квалифицированном лечении, вывозили автотранспортом в Новосибирский военный госпиталь.

Так получилось, что я сам пользовался его услугами дважды. Перенес в его стенах хирургическую операцию. Госпиталь являлся весьма приличным медицинским учреждением, но и в нем обстановка с водой была не лучше, чем в большинстве частях округа. При посещениях больных, находящихся на лечении, первейшее из того, что привозили посетители, была вода, которую хранили в канистрах под кроватями в палатах. Большим дефицитом являлись и медицинские препараты.

Мы с Галиной были влюблены в службу, гордились воинской частью, как своей большой семьей. Как и большинству дальневосточников, нам нравился этот дикий край с его замечательной красотой. Уссурийская тайга — удивительное творение природы, необычайно богатое и еще во многом не познанное человеком. Летом пышная, необычайно богатая, она неизменно покоряла и удивляла всех, кто с ней знакомился. Много поэтических строк своих книг

посвятил этой тайге В.К. Арсеньев, который отзывался о великолепии природы Приморья: «Иногда случается, что горы и лес имеют привлекательный и веселый вид. Так, кажется, и остался бы среди них навсегда».

А Н.М.Пржевальский писал, что «Здесь на каждом шагу встречаешь роскошь и разнообразие, так что не знаешь, на чем остановить глаз. То высится перед вами громадный ильм, то стройный кедр, то дуб и липа с дуплистыми от старости стволами, то орех и пробка с красивыми пористыми листьями». В тайге можно увидеть самые разные леса — от обычных широколиственных и пихто-еловых до лесов маньчжурского типа с лианами.

Приморские леса ученые справедливо называют реликтом. Действительно, студеное дыхание Сибири порой бывает такое, что ледяные ветры, кажется, выстудят все живое, но наступает лето — и в тайге распускаются нежные деревья белой акации, маньчжурского ореха, бархатного дерева. Буйно цветут сирень, лотос и эдельвейс. Только здесь встречаются корень жизни женьшень, лимонник и дикий перец, как его окрестили в народе, «чертов куст» — элутерококк. А где еще можно увидеть виноград, обвивающий могучее хвойное дерево...

Мы наслаждались экзотикой жизни таежной стихии: тучами летающих бабочек — махаонов, красными полянами, заросшими цветами-пионами просто громадной величины, экзотическими дикоросами и медовым воздухом. Кстати, два медоносных хозяйства района обеспечивали Яковлевскому району первое место в крае. Липовый и гречишный дальневосточный мед поднимал больных со смертного ложа. Неслучайно, улетая в отпуск, мы привозили домой родителям яковлевский мед, — ароматный и полезный, который помогал им коротать длинные зимние вечера.

И в этой сказочной тайге, казалось, застывшей на уровне первобытности, мы жили полноценной и насыщенной жизнью. Суровые будни сменяли праздники. В памяти остался вечер 6 марта 1982 года, когда в тридцатем от холода сельском клубе всей полковой офицерской семьей с приглашенными представителями исполнительной власти района мы отмечали Международный День 8 марта, совпавший с 30-летием моей Галюси. Звучали песни и играла музыка. Под грохот аплодисментов и раскаты смеха проходили развлекательные конкурсы. О том вечере сохранилось приветствие, что написали В.Хомяков и В.Аракелян для юбиляриши:

*Мне сегодня позвонили,
по секрету сообщили,
у него видать, подмога
в канцелярии у Бога.*

Мои коллеги не преминули здесь задеть обывательскую тему, о которой шептались за спиной, что моим покровителем в Москве якобы является какой-то генерал, а может быть, даже и целый маршал.

*Кто сегодня в этот час
за столом сидит сейчас.
Дева красная младая,
в списках числится, как Галя...
Признавайтесь, кто из вас,
смел родиться в этот час?
Разрешите мне восславить,
и от всей души поздравить!
Ангел, стой! Ведь мы родня,
Дай добавить от себя!
Пожелать ей много лет
Украшать собою свет!
И как роза быть прекрасной
и такую же щипастой.
Трех детишек народить
и всегда любимой быть!
Ангел, стой, да ты того?
Надо же спросить его...
Ты, лукавый, не мешай,
Лучше ей подарок дай.
Мы от Бога и чертей,
от сидящих здесь друзей
Поздравляем дружно вас,
это дар от всех от нас.*

Все жены военнослужащих приняли этот вечер как прекрасный подарок, приуроченный к началу весны, которую еще ждали полтора месяца.

В скромном местном кинотеатре нам удавалось организовыв-

вать премьеры новых кинофильмов, только что сошедших на экраны столичных киноцентров. И не беда, что они крутились на малоформатной пленке. Мы радовались возможности со всей страной посмотреть эти киношедевры. Хорошо запомнились и торжества, посвященные сорокалетию Победы в Великой Отечественной войне. К этой дате на главной площади села с помощью военнослужащих нашей части был воздвигнут величественный памятник, в гранитном центре которого стояла 45-мм противотанковая пушка. Открытие памятника было доверено председателю райсовета В.А. Вавушкову, командиру нашей части и ветеранам. Ярко и эмоционально на его открытии выступил лейтенант Хомяков. Оказывая помощь райкому партии в подготовке аналитического материала по участию приморцев в войне, я вспоминаю следующие показатели.

Отдаленный Яковлевский район направил на фронт борьбы с фашизмом 3896 жителей, из которых на стеле памяти засветились имена 1039 человек — погибших на войне односельчан-уссурийцев. Таким образом, сельская глубинка потеряла каждого третьего. А ведь эта таежная глубинка дала фронту подготовленных бойцов — прекрасных снайперов и разведчиков, которые достойно применили свой охотничий и следопытский опыт на полях сражений. 716 участников боевых действий — жителей района были награждены медалями, а 461 стал кавалером-орденоносцем.

В это время гремящая далеко от нас Афганская война напоминала о себе редкими в этих таежных краях гробами с телами погибших да командировками офицеров и прапорщиков. Из нашей части таких было отправлено в Афганистан 5 человек. Счет списку воинов-интернационалистов открыл убиравший в 15 обрСпН в Джелалабад секретчик капитан Каменев Виктор Петрович. Впоследствии он был награжден медалью «За боевые заслуги», но не вернулся на Дальний Восток, а был откомандирован к новому месту службы в САВО, где и осел в Капчагае.

Дальний Восток — край экстремальных явлений, где постоянно случаются масштабные стихийные бедствия. Такими стали, например, жестокие наводнения 1981 и 1984 годов на Сахалине, в Приморье и Приамурье. Ураганные ветры с корнями выворачивали вековые деревья, срывали крыши домов, валили заборы и легкие строения. С неба упругими струями, не переставая, хлестал холодный дождь. Это могло продолжаться сутками, а иногда по трое и четверо суток. В результате местные водоемы и реки выходили из

берегов, безобидные горные речки превращались в огромные бурлящие потоки, а мосты либо сносило, либо, запруженные наносами, они представляли собой ревущие водопады. Каждый год приносил свои циклоны, тайфуны, наводнения, аварии, утраты и воспоминания. Скромная повседневная самоотверженность дальневосточников в этих условиях была равносильна подвигу. Выезжать в такие периоды из Яковлевки было очень непросто. Потому многие наши сослуживцы годами не покидали насиженных мест.

Нам же пришлось выезжать на Урал почти каждый сезон, так как были обстоятельства, связанные с болезнью родителей. Эти поездки оставили массу воспоминаний о приключениях и трудностях во время перелетов. Так, в памяти засели занозой воспоминания об одной аварийной посадке нашего самолета на военный аэродром Воздвиженка. Мы должны были завершить полет в аэропорту Артем, однако из-за непогоды наш борт не приняли, и на пределе возможностей, с заканчивающимся горючим, экипаж плюхнулся в Уссурийске. Пассажиры перенесли очень жесткую посадку, а потом были срочно эвакуированы с борта самолета по надувному аварийному трапу. Помню: вопли, крики, панический испуг женщин и детей, скатывающихся на заднице под ливень на бетонку полосы. А после этого — самостоятельный многокилометровый переход с вещами от аэродрома до пригорода Уссурийска. Но, пережив психологический стресс, мы через год вновь полетели на запад — к родителям.

Благодаря этим вынужденным переездам мы познакомились с лучшими городами этого романтического края — Хабаровском и Владивостоком. Если в Хабаровске я бывал по делам службы очень часто и любил его, то Владивосток неплохо знала Галина, которая бывала там не раз без меня. Оба города были похожи своей архитектурой и рельефом местности. Дома располагались на склонах многочисленных сопок, и воды Амура в Хабаровске, залива Петра Великого во Владивостоке омывали их берега.

В этих поездках на родину мы видели реальное проявление собственного сыновьего, дочернего долга перед родителями. Денег на перелет нам хватало. По тем меркам я получал весьма приличное денежное содержание в 550 рублей, и Галина зарабатывала 140 рублей. К отпуску мы накапливали тысячу рублей и чувствовали себя обеспеченными людьми. В последние годы к воздушным путешествиям принуждала суровая необходимость навещать боль-

ного папу, на которого осенью 1982 года обрушилось тяжелое онкологическое заболевание. В ноябре того года, когда вся страна переживала неделю траура после смерти генерального секретаря ЦК Л.И. Брежнева, наш папа — Александр Терентьевич перенес операцию. Галина, бросив все, срочно улетела в Свердловск и месяц ухаживала за больным отцом.

Я занимался с детьми. Они на всю жизнь запомнили отцовское питание того сурового времени. Но все сложилось хорошо, и пережили мы это испытание с честью. Маша училась, Гошка ходил в детский сад, бурная семейная жизнь начиналась вечером, когда я возвращался со службы и заменял хозяйку — готовил немудреные блюда. Для меня не было большей радости, когда Галяуся вернулась домой, и я сдал ей здоровых детей.

Однажды вечером, просматривая многочисленную почту дня, а выписывали мы много газет и журналов, ко мне подошла самая заядлая читательница в нашей семье, Галяуся, и подсунула статью в военно-историческом журнале под рубрикой «Герои гражданской войны». В ней рассказывалось о кавалере двух орденов Красного Знамени, конармейце подполковнике Федоре Георгиевиче Кривопалове. Мне стало любопытно до крайности. Почему я этого не знал раньше? И с того памятного вечера я начал вспоминать многочисленные рассказы своей бабушки о предках. А всплывающие в памяти отдельные фрагменты тут же старался записать на отдельных листках бумаги, что подворачивались под руку... И, надо сказать, дело пошло достаточно успешно.

Оказывается, баба Маня, заложившая в мою голову свое личное прошлое, передала генетический код моего «я». Ее воспоминания, как что-то вполне материальное, продолжали жить во мне все эти годы, смецаясь и перемешиваясь, теряя детали и приобретая обобщение. И жило это прошлое, в общем, спокойно, не бунтуя и не требуя немедленного обнародования. Да и некогда было думать об этом — мы мотались с Галиной по гарнизонам, меняя города и регионы, выросли дети, обрастали заботами, и тут было не до рассказов. Но воспоминания уже забродили во мне, как бродит виноградное вино, меняя букет, вкус и крепость, но оставаясь тем же в основе своей. Я ждал, когда подрастут дети, потому что, в отличие от меня, они никогда не спрашивали о прошлом. Но эстафета требует передачи, если бегун донес ее до финиша, не упав по дороге, а прошлое требует воскрешения. А воскрешение — это уже

скорее легенда, чем реальность, скорее романтика, чем бытовой реализм. Все это постепенно зрело, копилось и накалялось во мне, пока я не осознал, что пора сохранить их для истории.

Катализатором этого решения стала ожидаемая и все же внезапная смерть отца — Александра Терентьевича Новокрещенцова. Когда я стал обрабатывать рабочие записи его предсмертных рассказов о своей жизни, то ужаснулся, — оказывается, кроме меня, никто этого не знает. А у меня появилась масса вопросов, на которые отец уже никогда ответить не мог. На них надо было найти ответы. Вот тогда появились мои первые запросы в государственные и военные архивы, музеи, появились дневниковые записи и записи опросов родственников. Папки с бумагами стали разбухать от собранных материалов.

Да, книга «История нашего рода» начала писаться именно тогда, на Дальнем Востоке. Это потом, в начале девяностых, когда после развала армии я оказался не у дел, записки на промокашках стали вырастать в строки и главы. Впоследствии это и стало главным моим увлечением или, как говорят еще, хобби — на всю жизнь. Кто рыбачит, кто охотится, а я люблю покопаться в ветхих бумагах.

В августе 1983 года, приехав на Урал, мы застали последние минуты жизни Александра Терентьевича. Тогда дети и видели деда последний раз — он был большой, мужественный и волевой человек. Подавляя адские боли, приласкал внуков, рассказал им несколько забавных историй, угостил лакомствами и через несколько дней умер.

После его смерти мы с Галиной чувствуем утрату всю жизнь. Часто говорим друг другу:

— А если бы об этом узнал папа?!

— Как бы на это реагировал папа?!

— Если бы он был жив, было бы сейчас не так?!

— Если бы папа был с нами, то мы не чувствовали бы себя такими одинокими и забытыми?!

Каждый человек — это целый мир. С уходом его из жизни окружающие навсегда теряют все его богатство. Тем более что Александр Терентьевич был необыкновенным человеком, прошедшим Великую Отечественную войну, высоко ценящим настоящее мужество и благородство. Как оказалось, на нем держалась громадная связка семьи Новокрещенцовых и Сухановых, после его смерти

эта связка рассыпалась. Родственники рассорились между собой, родственные отношения не поддерживаются.

СУДЬБОНОСНЫЙ ГОД

Последний год нашего пребывания на Дальнем Востоке оказался особенно памятным из-за обстоятельств, среди которых главным оказалось награждение орденом «За службу Родине в ВС СССР». Это был мирный орден, введенный для поощрения офицеров за высокие показатели в боевой подготовке и успешное освоение новой боевой техники. Человек, отмеченный тремя степенями этого ордена, как и кавалер 3-х орденов «Славы», приравнивался к Герою Советского Союза. В войсках получить эту награду можно было тяжелой напряженной работой и этой наградой гордились. За шесть лет моего пребывания в должности можно было однозначно подвести некоторые итоги. Во всех главных делах нашей части просматривался и труд моих близких коллег и друзей Платонова, Грушко, Хомякова, Долбика, Семенова и многих других, без поддержки и самоотверженности которых все могло быть иначе.

Мы заслуженно гордились успехами нашего полка. Если в 1980 — 1981 гг. вклад коллектива части в общий итог оперативно-разведывательной деятельности десятка разведывательных соединений и частей ДВО составлял около 20%, то в 1982 году она стала лидером, получив 8 — «Ц» и 70 — «ПИ», что составило уже 40% от общих итогов деятельности дальневосточной армейской разведки. В 1983 году получено 13 — «Ц» и 61 — «ПИ». В 1984 году мы блеснули, единственная часть работавшая в АТР, получила оценку — «ОВ», а «Ц» было в 3 раза больше, чем у всех остальных вместе взятых частей, и кроме того, мы имели 56 — «ПИ». В 1985 году наметился еще более качественный прорыв в перехвате информации. В этом громадная заслуга наших талантливых инженеров и способных оперативных работников, умело находящих и обрабатывающих информацию, интересующую военную разведку и политическое руководство страны. Велика в этих оценках заслуга командиров и политработников подразделений, сумевших сплотить коллектив военнослужащих срочной службы, несущих боевой дежурство на постах. Это морально-политическое единение коллектива полка проявилось и в том, что с 1983 по 1985 гг. в

части не было ЧП и преступлений. Я думаю, что не только настоящие кадровые военные понимают серьезность и доказательность этих итогов.

А в предпраздничную перед Днем Победы ночь мы все одной семьей, единым офицерским коллективом веселились, как дети, с песнями и плясками «обмывая» мое кавалерство в столовой военного городка. Одним днем мы не ограничились, а с фирменными шашлыками «а ля Аракелян» у костра следующим вечером продолжили празднование уже с политработниками на таежной опушке.

Как показало время, великую мудрость в этом деле проявила моя Галина, которая настояла на таком широком праздновании этого события. Через неделю в стране началась антиалкогольная кампания, начатая постановлением ЦК и Совета министров СССР от 7 мая 1985 г., захватившая армию и поставившая заслон всяким сборищам с употреблением спиртного. Начинание генсека было доведено до абсурда. Несмотря на территориальную отдаленность от столицы, это вскоре коснулось и всех нас. Коллективные гулянки оказались под запретом, нарушителей исключали из партии и снимали с должностей. Впоследствии у меня были и другие ордена, но этот первый я ценю выше остальных. Он дорогого стоит.

Нам не просто жилось на Дальнем Востоке в бытовом плане и психологически — давила отдаленность от родственников и неустроенность, но все побеждало духовное удовлетворение от интересного дела, которому служили, осмысленная жизнь, которая скрашивала повседневные трудности. Но скажу откровенно — на шестом году службы мне уже хотелось изменений в судьбе... Все эти годы мне не давала покоя мечта о возвращении в десантную спецназовскую часть. И вот она неожиданно начала сбываться. Отчетливо помню зимний вечер, когда после предварительного разговора с Колесником мне позвонил из Москвы инспектор отдела кадров политотдела ГРУ подполковник Козырев и предложил равную должность начальника политотдела отдельного учебного полка спецназа в г. Печоры Псковской области. После некоторого размышления и сомнений (все — таки на равную должность) я дал свое согласие.

К ноябрю 1985 года я считал, что уже готов на выдвижение, и очень хотелось вернуться в спецназ. К указанному сроку я прилетел в столицу на беседу в ГРУ, в Главное политуправление СА и ВМФ, в штаб и политуправление Сухопутных войск и, наконец, в святая святых — ЦК КПСС. По действующему в то время поряд-

ку назначения на должности, начиная с командира и начальника политотдела дивизии (в спецназе ГРУ — бригады) производилось только после утверждения в военно-административном отделе ЦК КПСС, который курировал вооруженные силы. Я с особым волнением заходил в комплекс зданий на Старой площади, хотя беседовавший со мной заведующий отделом административных органов Н.И. Савинкин оказался демократичным, деликатным и приятным человеком. Но каждая из этих бесед являлась по сути экзаменом. Надо было хорошо знать и быть готовым доложить суть приказов Министра обороны по боевой подготовке, по дисциплине, по службе войск, по сохранению военной тайны, указаний начальника главпура, командующего войсками округа. Приглашенный на беседу должен был показать знания последних решений партии, сделать оценку военно-политической обстановки в мире и в отдельных регионах планеты. И многое другое...

В ходе многочасовых бесед произошло событие неординарное — мое назначение изменили. Посчитав, что нерационально назначать на полк опытного подполковника, уже шесть лет проработавшего на боевом развернутом полку в нелегких условиях Дальневосточного региона. Поэтому с нескрываемой радостью я согласился на кадровое предложение идти начальником политотдела на 2-ю отдельную бригаду спецназначения Ленинградского военного округа.

25 ноября вышел приказ Министра обороны СССР, и я, сердечно прощаясь с сослуживцами на конспиративной поляне в студеной тайге, по колено в снегу, разложив закуску на капоте автомобиля, распивал «крайние» сто грамм с прицепом. До сих пор вспоминаю эти проводы как очередное моральное унижение, так как в ходе антиалкогольной кампании расцвело доноительство и охота на пьяниц. Поощрялось составление черных списков алкоголиков и просто людей пьющих. По войскам пошла гулять злая шутка: «Лучший нарколог не Чазов (министр здравоохранения), а Язов».

Категорически запрещалось поддерживать старую офицерскую традицию обмывания званий, наград, ухода в отпуск и прочих событий; уличенные в нарушении запрета заносились в списки на увольнение. Снова, как в сталинские времена, расцвело сексотство. Крепкие напитки выдавались по талонам (две бутылки в месяц на человека), но во многих гарнизонах командование по собственному рвению офицеров их лишало, заявляя в исполкомах: нам талонов не

надо, у нас все непьющие... в войсках снова стал популярен самогон, а в нашей части увеличился объем похищаемого спирта.

Поэтому, прощаясь, мы от недобрых глаз выехали в занесенную снегом таежную просеку, подальше от людских глаз, и на 40-градусном морозе пили спирт, закусывая ледяными консервами. Мне было высказано много добрых слов и пожеланий, которые вызывали ответное чувство признательности и уважения. К сожалению, с большинством своих сослуживцев по Дальнему Востоку мы больше не встречались, хотя почти весь офицерский коллектив впоследствии заменился на Запад.

Начало 90-х прошлого столетия ознаменовалось рядом значимых геополитических событий, произошедших в СССР, который стремительно приближался к своему развалу. Все это немедленно сказалось на боеготовности Системы «Звезда». Кто бы мог предполагать, что за несколько лет окажутся потеряны для оперативной работы «Шатровый» в/ч 12151 г. Акстафа на Кавказе, «Прохладитель» в/ч 48657 г. Одесса, «Норка» в/ч 51429 г. Вентспилс в Латвии. Особенно показательным для всего мира оказался разгром «Тростника», базы в кубинском Лурдесе, разведчасти части в бухте Камрань (Вьетнам), базы в Рангуне (Бирма), станции радиоперехвата в Монголии.

О «Норке» расскажу несколько подробнее. Страны Прибалтики ценой смелых усилий, направленных на обретение независимости, путем референдума 17 марта 1991 года отстояли право на самоопределение, правда... ценой развала сверхдержавы. В том же году, 24 августа 1991 года, президент РФ Б. Ельцин подписал указ о признании независимости Латвии. Бывшая союзная республика официально стала независимой, после чего посылка военнослужащих осеннего призыва на территорию суверенного государства, конечно же, могла быть расценена недемократично. Объект остался на попечении офицерского состава, который, как мог, поддерживал его работоспособность и хозяйственную часть. 28 октября 1992 года состоялось специальное заседание Совета безопасности РФ, целиком посвященное проблеме вывода российских войск из Прибалтики. После чего настал этап подготовки к выводу с территории Латвии. В соответствии с международным договором о выводе частей армии РФ, объект был сдан, и ворота в/ч 51429 были закрыты 1 августа 1994 года. Последним ее командиром стал наш дальневосточный воспитанник, а к тому времени подполковник Миролюбов.

Показательно, что уже на следующий день на объекте работала группа технических специалистов управления национальной безопасности США, которая внимательно изучала оставленное недвижимое имущество бывшего секретного объекта. Больше всего заморских шпионов интересовали механические части объекта «Сатурн» (32-х метровой антенны). В частности, внимательному изучению подверглись зубья шестеренок поворотного механизма башни антенны. По их износу они пытались установить точку или зону в пространстве, куда чаще всего была направлена чаша антенны. Судя по тому, что хозяевам звонили они по спутниковому телефону сразу и по форме, можно заключить, что результаты для них стали неожиданностью, и им многое очень и очень не понравились. А в это время на объекте, по международному договору переданному из рук в руки на попечительство латвийской армии, уже какие то «загадочные» злоумышленники-мародеры, из числа местного земессардзе (национальной гвардии Латвии), всю резали автогенном, рвали тракторами кабели, трубопроводы жилых и административных зданий, — в общем, тащили все, что можно упереть в хозяйство или сдать на цветмет. Так продолжалось, пока в открытой технической зоне и военгородке еще было что воровать. Позднее стали красть кирпич, разбирая кирпичные постройки. А в это время наши американские друзья, изучив объект, предусмотрительно пожелали финансировать уничтожение «Плутона» и «Сатурна». Подчеркну для читателя, что снос (подрыв) РЛС РРП в Скрунде целиком финансировался из за океана и с участием заморских спецов по подрыву таких масштабных сооружений как РЛС проекта «Дарьял-УМ».

Возможно, и уникальный в своем роде «Юпитер» не удалось бы спасти, не вмешайся в это трезвомыслящие представители АН Латвии и России и лично тогдашний президент РФ Б. Ельцин. После двух лет мародерства и запустения, летом 1994 года, группа энтузиастов АН Латвии приступила к переоснащению станции в радиотелескоп. В 1995 году обе антенны были официально переданы в ведение радиоастрономов, после чего на базе «Юпитера» был создан RT-32, а на базе «Сатурна» — RT-16. Отсутствие технической документации создало серьезные проблемы с освоением трофейной матчасти. Так, например, «Сатурн» в 2004 так же совместно с радиоастрономами использует НАТО для управления своей спутниковой группировкой, однако, несмотря на вложенные на переоборудование заморские средства, аналог «Сатурна» было

бы проще построить заново, поскольку местами износились пластины отражателя и из-за того, что в них отсутствуют отверстия для слива воды. Из-за этого «тарелка» отражателя набирает в себя осадки, корродирует поверхность отражателя и поворотного механизма. На месте демонтированной девятиметровой «тарелки» «УРАНа» теперь установлена небольшая двухметровая антенна, завязанная на коррекцию спутниковой группировки GPS.

«ЗВЕЗДА» ЖИВЕТ

...Через полтора года службы в Пскове меня неожиданно вновь вспомнила «Звезда». В один из серых ленинградских дней, когда я участвовал в заседании Военного совета Ленинградского Военного Округа, что размещается в здании Генштаба России на Дворцовой площади, меня срочно вызвали к телефону в разведуправление округа.

— Вам звонил из ГРУ начальник ГЦСС генерал-майор Терновой С.И., — сказал замначальника разведки, — выйдите на него немедленно, — показав на свой засовский телефон.

— Откуда он узнал, что я в этот день нахожусь в Ленинграде? — удивился я, связываясь с начальником ГЦСС.

Без долгих вступлений, будто и не было полуторагодовой разлуки, генерал меня ошарашил:

— Олег Владимирович, я бы хотел забрать тебя к себе заместителем, на место Бонева. Как ты на это смотришь?

— А что с Боневым? — спросил с тревогой я.

— Он уходит на повышение за границу. Подумай и сообщи через сутки свое решение!

— Я, товарищ генерал, долго думать не буду. Скажу сразу, спасибо за высокое доверие, я полагаю за честь служить под вашим руководством, тем более заместителем.

— Тогда решено. Жди приказа министра обороны, — твердо объявил Терновой.

Но, увы, этот приказ не состоялся. А вместо Бонева прибыл политработник — спецназовец, полковник М.Г. Таранов, до того служивший начальником политотдела в Афганистане. Он оказался в этой системе временным человеком, но перешел мне дорогу и изменил мой жизненный путь.

Говорят, что Терновой горевал об этом. Но вскоре началась такая чехарда, что стало не до отдельных личностей. Уйдя в отставку в начале 90-х годов, генерал остро переживал происходящие на его глазах безобразия и развал системы «Звезда», что имело место при попустительстве руководства ГРУ и страны. После ушедшего в отставку П.И. Ивашутина в июле 1987 года начальником ГРУ был назначен генерал-полковник В.Михайлов, никакого отношения к разведке до этого не имевший.

Неудивительно, что при таком начальнике в ГРУ пыльным цветом расцвела показуха. В результате, по отчетам добывающих управлений, количество агентуры резко возросло. И в то же время адмирал И.Бардеев (1-й зам нач. ГРУ) с сожалением констатировал, что из 100% добываемых документов 97% составляют открытые источники: книги, брошюры, газеты, журналы и т.д., 2,7% — документы с грифом «для служебного пользования» и только 0,3% приходится на документы с грифом «секретно».

Ввиду полной некомпетентности нового начальника ГРУ практическое управление аппаратом военной разведки взял в свои руки так называемый триумvirат в составе И.А. Бардеева, начполитотдела генерала В.И. Прохорова и начальника отдела кадров генерала В.А. Иванова. Разумеется, это не способствовало нормальной работе. Однако это не помешало В.М. Михайлову получить звание генерала армии. Его сменил на короткое время генерал-полковник ПВО Евгений Тимохин, человек в разведке тоже случайный. В 1992 году он покинул негостеприимные стены «Аквариума». Именно при таких грустных обстоятельствах и закончился советский период российской военной разведки. С распадом СССР для военных разведчиков начались новые времена.

Закат жизни у генерала С.И. Тернового оказался трагическим. Его личную трагедию усугубила семейная драма — смерть любимой жены Марии. Рассказывали, что эти два события сломали «стального Степана», он опустился до такого состояния, что стал выпивать по подвалам с забуддыгами и бомжами, и в один роковой день в нетрезвом состоянии был убит неизвестным на лестничной площадке в подъезде собственного дома.

Как часто водится — преступников никто не искал. Трагическая кончина этого выдающегося организатора и разведчика осталась незаживающей раной в сердцах всех, кто хорошо знал генерал-майора Тернового. Жаль, что Терновой не узнал о том, что вскоре

в ГРУ наконец-то пришел профессионал, 55-летний генерал-лейтенант Федор Иванович Ладыгин. Во многом благодаря которому ГРУ, в отличие от службы внешней разведки, сумело избежать назойливых попыток «реформировать» и еще более сократить. А имидж военной разведки в глазах руководства МО РФ, да и в общественном мнении страны возрос.

Прошло время, политотдел ГРУ возглавил мой однокурсник по академии — полковник, а затем генерал-майор Николай Николаевич Бойко. А я с русской фамилией оказался на Украине. И еще одно воспоминание...

Прошло много лет, 24 октября 2000 года в Москве на торжествах, посвященных пятидесятилетию армейского спецназа, я встретил своего бывшего начальника политотдела спецчастей ГРУ полковника А.Ф.Фомина. После того как схлынули первые эмоции от радости встречи, он строго спросил:

— Олег, ты почему не ответил на мое письмо?

— Анатолий Федорович, я не получал вашего письма. Когда вы писали?

— Писал я тебе в конце 1995 года, когда искали кандидата на должность заместителя начальника курсов усовершенствования офицеров разведки в Загорянке. И ты был основным кандидатом на эту должность. Я хотел, что бы ты их возглавил!

— А по какому адресу вы мне писали?

— По Днепропетровскому, на Рубиновый бульвар!

— Так, но к тому времени я уже работал в Кабинете министров Украины.

— Для нас это роли не играло! Очень жаль, что ты тогда не ответил.

— Я вашего письма не получал, о чем очень сожалею. Я бы с радостью уехал в Москву и до сих пор бы, наверное, еще служил Родине!

Это было сказочно заманчивое предложение, ведь Курсы — одно из старейших учебных заведений, готовившее многие поколения разведчиков. В частности, на этих курсах проходили подготовку известные разведчики Евгений Березняк, Зоя Космодемьянская и много других.

А Система «Звезда» живет, эффективно функционирует, интенсивно развивается и совершенствуется «Трезубец», «Замысел» и «Лунный». Более того, недавно коллектив разработчиков новых

модификаций Системы удостоен Государственной премии России. В настоящее время программа СККП реализуется в рамках программы «ЗАСТАВА» комплексами ОКНО и КРОНА.

Как сложилась жизнь у моих сослуживцев и однополчан? О некоторых из них я получал информацию. Например, Платонов после увольнения в запас остался в Яковлевке и трудился заместителем мэра Яковлевки.

Пользуясь привилегиями должности, выстроил рядом с типографией в центре села дом-особняк-дворец. Жил, как говорили, на широкую ногу. Квартиру в военном городке оставил старшей дочери Ольге, которая впоследствии вышла замуж за нашего офицера и уехала с мужем на Кубу.

После переизбрания на должности Платонов трудился начальником службы трудоустройства. Очень сильно болел циррозом печени и лежал в инфекционном отделении райбольницы. Умер от сердечного приступа. Младшая дочь Наташа окончила Владивостокский университет международных отношений.

Самый старый ветеран части С.С. Ерошков пополнил, перенес обширный инфаркт и уволился в запас с должности заместителя начальника оперативного отдела. Жена Наташа, как писали, «работала в налоговой инспекции и делала хорошие деньги. В семье было две крутые машины». Дочь Татьяна окончила Владивостокский университет международных отношений. Продолжительный период Ерошковы не решались перебраться на Запад, боялись срываться в неизвестность, на переезд в Европу. Однако к 2009 году семья все-таки переехала в Курскую область.

Бывший начальник автослужбы майор А.А. Гопенко вернулся в родной город Челябинск, где открыл автосервис и успешно трудится.

В 2006 году в Яковлевке побывал Владимир Алексеевич Хомяков, находившийся в командировке в Приморском крае. Он писал:

«В городке ничего не изменилось. Отрадно, что в подразделениях сохранены все традиции воспитательной работы, заложенные нами. Поддерживается хороший армейский порядок. От прежнего офицерского коллектива остались подполковник Е.И. Долгов (в 1980 — 1985 гг. был инженером 8 отдела у майора Стрижак), он сейчас замкомандира по техчасти. Подполковник Виктор Крюк начальник ТНА-110, у него майор А.П. Педорич (помните, был в

1983 году командиром 1 взвода 2 роты). Начальник отдела связи подполковник Бесчастных Алексей, в очередном году увольняется в запас и переезжает в Подмосковье. Майоры Помазков и Демиденко работают гражданскими специалистами в оперативном отделе. Помазкову уезжать некуда, ибо его жена из Спасска и от родины отрываться не хочет.

Все прапорщики-хозяйственники — Шалабода, Чуб, Левкин, Снитко, Вилязов уволились в запас и успешно работают на гражданке. Зяблый охотник Снитко перестал ходить в тайгу после того, как повстречался с тигрицей и чудом остался жив. Володя Шалабода король местного рынка и бизнеса. Развелся с женой, но новую взял по габаритом крупнее первой. Левкин по-прежнему любит многих женщин. Отчего часто переживает и сильно выпивает. Прапорщики Милетин и Зеленко умерли. Оперуполномоченный КГБ Аксютин увел жену Софью у прапорщика Валеры Кириллова и перевелся от скандалов в столицу Хабаровского края. Майор Становкин уехал на родину в Мордовию.

Нынешнее командование части представляют молодые офицеры. Музей части в хорошем состоянии. Есть в нем и наши фотографии. Так что 35-летие часть встречала в нормальном рабочем ритме боевого нужного стране коллектива ГРУ».

Что ж пожелаем ей и каждому военнослужащему в частности дальнейших успехов! Мы, ветераны, гордимся, что нам выпала честь служить в этом полку.

* * *

А наша семья совершила перелет самолетом «Аэрофлота» на северо-запад, в Ленинград. В последний день уходящего 1985 года в вечернем аэропорту Пулково нашу семью встретил мой сослуживец по Чирчику, бывший командир 459-й отдельной роты спецназа майор Р.Р. Латыпов, который по поручению начальника разведки округа генерал-майора Пияльцева А.Н. встретил и разместил нас в гарнизонной гостинице «Орбита».

Во время представления начальнику штаба округа и начальнику политуправления, а также начальникам соответствующих отделов в сложных лабиринтах коридоров и комнат штаба округа меня сопровождал вездесущий Латыпов. В завершение мы зашли в старинное здание министерства иностранных дел царской России (что за памятником конной скульптуры Петру Первому), где тогда раз-

мещалось разведуправление округа (сейчас там Конституционный суд России). Состоялась душевная встреча с начальником 3-го отдела полковником Игнатьевым Геннадием Владимировичем, который буквально окружил меня вниманием. Подробно рассказал о делах в бригаде и особенностях боевой подготовки последнего времени.

Пригласив офицеров своего отдела, представил меня полковнику Ковалю Г.И. и подполковнику Ващуку. Александр Павлович Ващук только выписался из госпиталя, был очень бледен, в глаза мне бросался страшный шрам на его лицо — след от тяжелого ранения, полученного в Афганистане. Чудом оставшийся в живых разведчик стал кавалером ордена Красного Знамени. Под началом Игнатьева проходил службу старшим офицером и Рафис Рафакович Латыпов, который прибыл к нему тоже после тяжелого ранения и окончания академии им. Фрунзе.

Во время нашей беседы в кабинет зашел старый мой знакомый по дальневосточной службе, начальник 6-го отдела полковник Житников В.Т., с которым мы по-братски обнялись и обменялись информацией по изменениям в жизни радиоразведчиков ДВО. Виктор Тихонович служил командиром на Сахалине, сменив на должности полковника Матвеева. Обменялись информацией и по последним стихийным действиям. После этого за тесным столиком совместно распили по чашечке крепкого чайку с питерскими кренделями. Как показала дальнейшая служба, Игнатьев оказался действительно человеком очень деликатным, деятельным и болеющим за дело.

Короче говоря, разведчики приняли меня радушно, как родного, и произвели впечатление крепкого коллектива опытных, боевых, стреляных вояк.

В Ленинграде, мучась от сбоя часовых поясов, мы и встречали Новый 1986 год.

Запомнился эпизод, во время вечерней прогулки с детьми по празднично-нарядному и ярко освещенному Невскому проспекту нас нагнала и, поравнявшись, остановилась старинная карета-«ретро», запряженная лошадьми. На глазах ошеломленных детей из нее вышли «настоящие» Дед Мороз и Снегурочка и подошли поприветствовать нас:

— С Новым Годом вас, молодые люди! — обратились они к детям. — Счастья вам на всю вашу большую и светлую жизнь! — Запомните эту ночь навсегда!

Видели бы вы счастливые глаза детей в этот миг. Начиная новую жизнь на цивилизованном Западе, безмерно счастливыми чувствовали себя и мы — их родители. Но судьбе было угодно, чтобы это состояние душевного комфорта продолжалось недолго. Впереди нас с Галусей ждали новые горизонты, трудности и потери.

Второй раз в моей жизни сбылись пророческие слова генерал-лейтенанта Долина: меня ждала другая судьба. Мы не имеем возможности ее выбирать.

И я свою тоже не выбирал.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СПЕЦНАЗ

*Разберись , кто ты — трус иль избранник судьбы?
И попробуй на вкус настоящей борьбы...*

Владимир ВЫСОЦКИЙ.

В неяркий полдень, когда на небе гуляла недобрая низкая туча и хлестал ледяной дождь, наш автобус, скользя на асфальте, осторожно въехал на автовокзал старинного русского города Пскова. Расположенный на берегах трех рек, он был заложен на торговом пути, связывавшем Балтийское море с Днестром и Черным морем. Древнейшими городами-крепостями этого пограничного края являлись Изборск, Печоры и Псков. Много веков они служили надежной защитой западных границ России. Псков упомянут в истории под 903 годом, когда летописец впервые упоминал, что к киевскому князю Игорю привезли из Пскова девушку — псковитянку Ольгу, которая стала его женой. После смерти Игоря княгиня Ольга почти двадцать лет управляла Киевской Русью.

В десятом веке Псков считался крупным городом. Его крепость находилась на мысе у впадения реки Псковы в реку Великую. Внутри «детинца» — крепости, или «крома», была построена Троицкая церковь. Все поречные города наши исстари делятся на две части: либо на правую и левую (это если река — через город как Днепропетровск), либо на верхнюю и нижнюю, на Подол и Гору как в Киеве. А Псков делился на три: на Кром, Завеличье и Запсковье. Ну, Кром — это понятно. Это лучшая часть города на холмах правого берега реки Великой, обнесенная стеной, построенной еще перед Смутным временем. Это историческая часть города.

А нам, когда впоследствии выделили квартиру, довелось жить в новом микрорайоне, в Запсковье, на землях, расположенных на

левом берегу реки Пскова, впадающей в реку Великую, на современной окраине разросшегося города.

С двенадцатого века город входил в состав Великого Новгорода. С тринадцатого века усиливается военное значение Пскова, ставшего крепостью на западном рубеже Новгородской земли. Являясь форпостом Руси на Западе, он все века подвергался нашествиям и прошел через многие войны. Например, с немецкими феодалами в 1240 — 1242 годах. Знаменитая битва на льду Чудского озера 5 апреля 1242 года сорвала Крестовый поход на Русь. С 1348 года город-крепость являлся центром Псковской феодальной республики, вошедшей в 1510 году в состав Московского государства.

Наиболее славной страницей богатой боевой истории Пскова, Изборска и Печер является совместная борьба против войск польского короля Стефана Батория. Летом 1581 года 47-тысячная армия Батория осадила Псков. Более пяти месяцев псковичи мужественно отражали штурм поляков. Обороной города руководил Иван Шуйский. Псковичи бились, не щадя своей жизни.

«Русские при защите городов не думают о жизни, — писал Антоний Поссевино на основании слов самого Батория, — хладнокровно становятся на места убитых или взорванных действием подкопа и заграждают пролом грудью, день и ночь сражаясь; едят один хлеб, умирают с голода, но не сдаются».

Важную роль в этой обороне сыграли Печорская и Изборская крепости. В Печорской крепости, основанной на базе монастыря, оборону держали 300 стрельцов, переселенных сюда из Москвы, и монахи-отшельники. Последние поселились в естественных пещерах в песчаных склонах оврага реки Каменец в давние времена. О первых пустынножителях ничего не известно. Как рассказывает летопись «О начале пещерного монастыря», основателем его был священник Иван, бежавший от преследования немцев. Для православного населения западной окраины России Псково-Печерский монастырь был крепким политическим оплотом. В этом отношении роль его близка роли Троицко-Сергиевской лавры для средней России или Киево-Печерской лавры для юга.

В битве с Баторием печеряне с тыла били и захватывали обозы с припасами для поляков. Через многие года по указу Петра I на Петровской (надвратной) башне Печорской крепости был установлен государственный герб-знак признания общегосударственного

значения крепости. А Изборская крепость вообще вошла в историю, по словам немцев, — «железным городом». Она была построена на горе с поэтическим названием Журавлиная. Каменные стены крепости имели толщину более двух метров. Под стенами был сложен тайник — подземный ход к воде. Начиная с 1240 года до начала XVI века Изборск выдержал восемь крупных осад(!) и ни разу не был взят неприятелем. Мужество защитников Печер и Изборска имело очень большое значение для Пскова, который в годы правления Александра Тверского заключил с Новгородом Болотовский договор(1337г.), официально признавший независимость Пскова.

Победоносной обороной Пскова русские сорвали захватнические планы Польши и позволили Ивану Грозному закончить 24-летнюю Ливонскую войну без каких-либо территориальных уступок. А через 140 лет твердой ногой на Балтийском побережье стал царь Петр I. С основанием Петербурга и появлением новых торговых путей Псков потерял прежнее стратегическое и экономическое значение и превратился в рядовой губернский центр.

Псковичи традиционно поклонялись воинам Александра Невского, князя Довмонта, кавалеристам псковитянина, молодого генерала Я.П. Кульнева, в июле 1812 года сорвавшего план захвата Наполеоном Петербурга. Жители города с большим уважением относились к солдатам и офицерам современных Вооруженных сил. Несмотря на массовое мужество воинов и горожан, город — крепость Псков попадал во вражескую оккупацию трижды:

— в 1240 году псковский предатель Твердило Иванкович тайно впустил в город немцев;

— в феврале 1918 года немецкие войска не смогли прорвать оборону первого красноармейского полка и хитростью запустили через железнодорожный мост состав с батальоном пехоты, который и захватил город;

— в июле 1941 года почти таким же образом немецкий бронепоезд проскочил с отступающими частями Красной Армии через мост за три минуты до его взрыва и высадил десант, захвативший город. Под Псковом в первых боях с немцами в феврале 1918 года была создана Красная Армия. Об этом событии напоминает памятник в местечке Кресты, недалеко от аэродрома. Однако, копаясь в исторических документах той поры, я сделал открытие: 23-го февраля 1918 года боевые позиции 2-го красноармейского полка, с

которого и зародилась новая армия, находились не там, где стоит монумент, а на территории нынешнего военного городка бригады спецназа на берегу Черехи — в Промежицах.

Дважды на памяти одного поколения в XX веке этот город подвергался немецкому нашествию и дважды так или иначе это было связано с пригородом Промежицами.

В 1941 гитлеровцы заняли Псков на третьей неделе войны. Внедрение «нового порядка» началось с переименования улиц: Октябрьская стала улицей Гитлера, Ленина превратилась в Плаунер, Карла Маркса — в Покровскую... В первый же день они повесили на арке Базарной площади двух схваченных граждан «за саботаж». С этого началась борьба с оккупантами. Вскоре в канализационном колодце на гоголевской улице был найден труп одного из «завоевателей». Оккупанты объявили по радио: «Мы взяли десять заложников. Если горожане не выдадут убийцу, заложники будут расстреляны». 17 августа 1941 года в центре города на ул. Советской, прямо в тротуар были вкопаны 10 столбов. Сюда на площадь согнали весь город, привязали к столбам арестованных, схваченных на улице случайных людей, и публично их расстреляли. Этим было положено начало массовому террору, который только в Пскове унес жизни 239 тысяч 702 человек. Город был наводнен войсками вермахта — численность его гарнизона достигала двадцати тысяч солдат и офицеров. Через Псковский железнодорожный узел ежедневно проходили тысячи тонн грузов для войск. А в Промежицах размещались немецкие секретные службы главного управления имперской безопасности (РСХА), в частности, в марте 1942 года здесь был создан специальный орган — «Цепелин», развернувший подрывную деятельность в советском тылу. Кадры для этого органа готовили специальные разведшколы, численность которых перевалила за шестьдесят. Среди них самыми известными были в деревне Печки, на берегу Псковского озера, в поселке Стремутка, и в самом Пскове. В последнюю ночь сорок третьего года советские чекисты и разведчики обезглавили школу в Печках, захватили важные документы. Этой операцией они по существу обезвредили одну из крупнейших немецких шпионско-диверсионных школ «Цепелина».

Была у меня задумка установить памятные знаки об этих двух событиях на территории части. Даже придумывал надписи, что-то вроде того: «На этом месте 23 февраля 1918 года проходил

оборонительный рубеж 2-го красноармейского полка от германских захватчиков. Слава Советской Армии!». Но мое короткое проживание в этом прекрасном городе и такая же стремительная служба в бригаде не позволили реализовать этот проект.

Псков самобытен и красив — в нем присутствует гармоничное сочетание архитектурных памятников древнего зодчества с современными административными и жилыми зданиями. Летом 1986 года я использовал свой отпуск для благородного дела — изучения родного края. Нам с семьей удалось побывать во многих священных для каждого русского человека местах, связанных с именами А.С.Пушкина и Петра I, Екатерины и Меншикова. Мы обошли все тропки в Михайловском, Тригорье, Святогорском монастыре, Изборске, в Печорском монастыре, Петродворце, Павловске, объехали многие исторические музеи и окрестности красивейшего города мира — Ленинграда. На экскурсионном теплоходе прошли по Финскому заливу до легендарного Кронштадта...

ОСОБЕННОСТИ ОКРУГА

Особенностью Ленинградского военного округа всех времен было то, что многие экспериментальные учения проводились не только на его территории, но и стратегически охватывали другие регионы вплоть до западных границ. Именно здесь на северо-западе в наших местах ГРУ ГШ проводило крупномасштабные маневры, в ходе которых разведывательные группы реально забрасывались парашютами на глубину их деятельности, согласно определенным задачам. Радисты обеспечивали связь работающих органов специальной разведки. Группы спецназа успешно работали против реальных войск и объектов глубокого тыла «противника» на территории Белоруссии, Прибалтики, Карелии и Кольского полуострова. Начало подобным масштабам положил руководитель специальной разведки ГРУ Иван Николаевич Щелоков, организовавший подобные учения, позволявшие реально отработать вопросы боевой деятельности войск. Его работа была высоко оценена руководством ГРУ и лично контролирующим учения заместителем начальника ГРУ Героем Советского Союза Х.Д. Мамсуровым. Человеком легендарным, тем самым, что в тридцатые годы формировал разведывательно-диверсионные отряды в республиканской Испании. После его одобрения

подобные учения на территории трех западных военных округов стали традиционными.

С началом войны в Афганистане соединения и части Ленинградского военного округа отправляли по ротации в 40-ю армию своих офицеров и прапорщиков. Не была исключением и наша войсковая часть 64044. Питомцы бригады воевали в восьми отрядах двух бригад спецназа и мушаверами — советниками работали в афганских частях командос. Поскольку люди уезжали на реальную войну, то соединение несло постоянные потери в личном составе.

Первым погиб в афганских горах 28 октября 1983 года заместитель командира бригады полковник Василий Васильевич Патлач, 1941 года рождения, украинец, уроженец Кировоградской области. Патлач подорвался на минном поле высоко в горах. Ему оторвало ногу, и он мучительно долго умирал без врачебной помощи от потери крови. Затем привезли для похорон останки капитана Смирнова Евгения Александровича, погибшего в сбитом вертолете. Лейтенант Рудометов Виктор Петрович получил свой осколок в сердце при подрыве мины, установленной моджахедами на горной тропе в провинции Кунар. Замкомандира роты старший лейтенант Гончар Валерий Николаевич был расстрелян душманами из засады на горной дороге, во время выхода группы на реализацию разведанных.

Гордостью и особой болью бригады стал лейтенант Кузнецов Николай Анатольевич, которому выпало посмертно попасть в когорту Героев Советского Союза. Его жизнь оказалась короче всех. Круглый сирота, после детдома поступивший в Ленинградское СВУ, а затем Ленинградское ВОКУ. В Пскове прослужил всего полгода и убыл в Марьину Горку к месту формирования батальона спецназа для Афганистана, где в районе кишлака Даридам попал с ротой в окружение и геройски сложил голову. Никто не плакал на его могиле, — у него не было времени на знакомство с девушками.

Среди «афганцев», прошедших через горнило войны и вернувшихся в родную часть, были такие прекрасные люди, как подполковник Егоров Сергей Петрович, который, будучи советником, получил тяжелейшее осколочное ранение шеи и нижней челюсти. Он долго находился на грани между жизнью и смертью, — менялись госпитали, а у него было стабильно тяжелое состояние. Его выхаживала жена, сутками не отходившая от кровати любимого.

Благодаря ее усилиям через год он все же поднялся на ноги, а ее сердце не выдержало — она умерла от пережитого напряжения...

Прекрасным офицером был замполит батальона спецрадиосвязи украинец подполковник Чабаненко Григорий Алексеевич, который советником в афганском командосе попал под перекрестный огонь, перенес ранение и тяжелую контузию. У него была классная, показательная биография парня из народа. Начав трудовую жизнь трактористом в глухом кировоградском селе, призванный в Вооруженные силы, два года летал солдатом стрелком-радистом в авиации. Остался на сверхсрочную. После курсов политсостава попал в 350 пдп 103-ю Витебскую дивизию, а позже — в 104 Черехинский полк 76-й ввд. Когда появилась вакансия, перебрался на капитанскую должность замполитом роты спецназа. Стал замполитом батальона. Дослужился до дембеля, но после увольнения в запас скоропостижно скончался от сердечного приступа. Видно, не прошли даром для его сердца сотни часов налета на борту стратегического бомбардировщика и два года афганских испытаний.

Не обошла война «за речкой» и моего бывшего чирчикского начальника — заместителя командира 2 отряда по ВДП. В Пскове подполковник Федор Михеевич Пашковский командовал отрядом. Сюда же вернулся после мушаверской службы в командосе с орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

Добрый и светлым человеком остался в моей памяти земляк, уроженец Челябинска старший прапорщик Тарасов Борис Николаевич. Ему довелось служить в 154 ооСпН в Джелалабаде. Его боевыми командирами являлись легендарные Стодеревский, Портнягин, Дементьев, Абзалимов.

И список афганцев можно продолжать...

Бригадой в год моего приезда командовал полковник Гвоздь Владимир Андреевич. Он был высок, грузен, имел внушительную, настоящую «десантскую» внешность. У него все было большое — большие глаза на выкате, большой мясистый нос, приподнятые толстые выступающие губы и низкий широкий подбородок. Как всегда, важный и строгий, с привычным, никогда не сходящим с лица выражением достоинства, но до крайности утомленным. У моего нового командира была умная голова. Он с отличием закончил военное училище и академию имени М.В.Фрунзе. Полковник являлся бесстрашным человеком, боготворившим прыжки с парашютом и не пропускающим ни единого прыжкового дня. Владимир

Андреевич родился за неделю до начала Великой Отечественной войны, в поселке Узнаш Гомельской области. Отец и мать были рабочие. Владимир Андреевич рассказывал мне о себе в 2003 году:

— «Родился я в селе и прожил собственно всю юность там, потом, на всякий случай, после 10-го класса, по дури, по всей вероятности, поступил в торгово-кооперативный техникум, и, на всякий случай, его окончил. Но, в принципе, почему я поступил в техникум, а не в училище, я до сих пор не пойму. Потому что профессия военного мне всегда нравилась. Ну, а потом Ташкент — ВОКУ им. Ленина. 4 года учебы. Окончил неплохо и, имея право выбора, благодаря жене, которой нравилась Прибалтика, я попал в ПриВО. Сначала служил командиром глубинной разведки разведбата, а через год меня забрали в Вильянди. Там был командиром взвода, роты, помощником начальника штаба, командиром отряда, оттуда ушел в академию. После окончания учебы в должности старшего офицера разведуправления три года проработал в славном городе Чите, а потом оттуда, на всякий случай, почти на 10 лет попал в Псков — командиром бригады. А затем до 1992 года возглавлял военную кафедру Ленинградского педагогического института. Принимал участие в 1968 году в событиях в Чехословакии, из Вильянди в Чехословакию входила целая армия, а я по мобилизационному плану был там командиром отдельной роты спецназа. Из кадровых офицеров я был один, а остальные на сто процентов были партизанами, кстати, об этом много говорят, а я лично убежден, что во время Великой Отечественной войны победу одержали именно резервисты, у меня в роте это было точно. Все были нормальные хорошо обученные люди. Спросят:

— Что там делали?

Отвечу:

— Дурью маялись.

Вспоминаю службу, и особые неприятности у меня связаны с несколькими моментами. Однажды, когда ты уже был в Афганистане, у нас перевернулась машина с людьми, тогда погибло 7 человек, и многие получили тяжелые увечья.

А второе — это десять лет непрерывной афганской войны. Долгие годы отправляли людей одного за одним, и хорошо запомнил момент, когда в бригаде осталось целых два командира взвода: лейтенанты Прокашев и Макаров. А сейчас они уже полковники замкомбрига. А тогда кроме них больше не было никого. А кадры

все требовали, — давай еще, давай, давай... Очень сожалею о Коле Кузнецове, которого я почему-то очень не хотел отпускать, но его забрали, и он погиб. И вот опять приходит молодое поколение, начинаешь с ними работать, учишь их и готовишь к войне, по программе как ты сам ее понимаешь. Только подготовил и опять не с кем работать, а все остальное мелочи жизни. В эти годы я познакомился с Пашковским. Его перевели к нам на службу. Он приехал и представил письмо от Шинкарева Альберта, с которым мы в свое время вместе учились в академии. Он был тогда начальником штаба 22-й бригады в Капчегеае. В письме мне пишет, что к тебе переводим Ф.М. Пашковского, посмотри и прими его как положено. Пожили вместе, присмотрелся — действительно толковый парень, и, кстати, с тех пор мы дружим семьями».

Прослужив с Гвоздем полтора года, я его почитал как командира, но тогда в 1986 его первая фраза, сказанная мне при встрече, не блистала умом и остроумием:

— И что это вы, Олег Владимирович, с Дальнего Востока за собой семью притащили? Квартир у нас нет. И когда будут, неизвестно. Пожили бы они пока там.

С этой первой минуты я сразу как-то настроился на негативное к нему отношение. Критически слушая его дальнейшие рассуждения о жизни и службе, я с неприязнью рассматривал его усыпанный перхотью китель с полуоторванной пуговицей, непричесанные и сальные волосы. К горлу подступила тошнота, когда он, разговаривая со мной, начал выдавливать — пальцами с давно не стриженными ногтями — гнойники на своем нечистом лице. На левом погоне кителя болталась звездочка...

Такой же беспорядок был у него и на рабочем столе...

— Да, это тебе не Бойко! — думал я, вспоминая добрым словом своего предыдущего образцового дальневосточного командира.

Начальником штаба у Гвоздя оказался обаятельный, но жуткий матерщинник, невысокий и подвижный, как ртутный шарик, подполковник Владимир Васильевич Квачков. Родившийся 5 августа 1948 года в поселке Краскино Приморского края в семье военнослужащего, он с одиннадцати лет учился в суворовском училище, после окончания которого учился в девятой роте Рязанского воздушно-десантного училища. Служил в Пскове командиром группы и роты. В 1978 — 1981 гг. — слушатель академии им. Фрунзе. С

1981 года — старший офицер разведуправления Ленинградского военного округа. На правой стороне кителя у него краснела нашивка (о контузии), а слева — колодочка ордена Красной Звезды. В 1983 — 1984 г. Квачков успел повоевать, полгода откомандовав в Афганистане 177-м отрядом спецназа. Едва не погиб, когда 13 января 1984 года, со своей усиленной ротой в районе Суруби попал в окружение, и при выходе из него подорвался на бронетранспортере. С 1984 по 1986 г. служил начальником штаба бригады.

Он стоял рядом со мной в этот момент в кабинете командира, и, взяв меня за рукав, шепнул на ухо:

— Не обращай на этого дуристика внимания. Он сам будто не ездил и не знает, что такое офицерский переезд.

Так с этого мгновения мы с ним незаметно и подружились. Вскоре он уедет начальником штаба в Германию. Через несколько лет в Чирчике сменит Старова на должности командира 15-й бригады. Станет популярной личностью в стране, так как под своим именем снимется с личным составом бригады в известном кинобоевике того времени «Черная акула» об Афганистане... Пройдет горячие точки Азербайджан (1990 г.), Таджикистан (1992 г.). После развала Союза и армии с 1994 г. будет служить в центре стратегических исследований Генштаба РФ. В новой российской формации получит два ордена Мужества, станет кандидатом военных наук, автором исторического очерка о спецназе в альбоме «Спецназ-50». Уволится в запас в 1998 году. Подготовит докторскую диссертацию, связанную с проблематикой проведения спецопераций, но защитить ее не успеет. В 2005 году будет арестован по подозрению в покушении на жизнь главы РАО «ЕЭС России» Анатолия Чубайса. Этот роковой день — 17 марта — круто переломит его удавшуюся жизнь, а его фамилия войдет в историю современной России как вольнодумца и бунтаря.

Командиром бригады станет и Поляков Леонид Леонтьевич, в те годы замкомбрига по боевой подготовке. По специальности Поляков был сапер, выпускник Тюменского высшего военного инженерного командного училища. А сапер, как известно, права на ошибку не имеет. Эта специфика и сказалась в его поведении: прежде чем принять какое решение, он сто раз его обдумает, «обкрутит» со всех сторон. В спецназ попал еще лейтенантом. И сразу пришелся ко двору. Служба шла успешно. И не было Полякову равных не только на занятиях по минно-подрывному делу, но и по другим

предметам боевой выучки спецназовцев. Вникнув в тонкости спецназа, он отменно обучал подчиненных всем премудростям, без которых не обойтись в разведке. Сам подполковник Поляков был богатой стати. Высокий, красивый, прямой и честный в общении человек. Примечательной чертой Леонида в то время были выдержанность и корректность в общении. За эти его качества любили и уважали подчиненные. Однако душевного покоя он не находил. Его, вечного холостяка, сопровождали постоянные любовные истории и скандалы со стороны многочисленных отвергнутых им женщин. После Пскова увез с собой жену Морковину Руфину Вячеславовну, бывшую секретаршу штаба бригады, родившую ему дочь. В 2000 году возглавил учебный центр в Подмоскowie и, как говорили, один из немногих спецназовцев получил высокое звание генерал-майора. Многие годы работал на ответственной работе за границей.

Мой ровесник, высокий и статный замкомбрига майор Русков Сергей Иванович вырос в деревне Луневка Тульской области. Призванный в армию солдатом, год прослужил в Чучково в спецназе, а затем стал курсантом РВВДКУ. С 1974 командовал группой, ротой, был заместителем по ВДП отряда, начальником оперативно-планового отделения в Изяславской бригаде. В августе 1987 получил звание подполковника и уехал в Афганистан в 22 бригаду. В 2004 году стал генерал-майором, приняв от генерала Тишина направление специальной разведки ГРУ, а через некоторое время выдвинулся заместителем начальника 5-го управления ГРУ. По словам сослуживцев и соратников впоследствии изменился в худшую сторону, стал высокомерен и заносчив, несколько растерял авторитет в войсках и ветеранской среде.

Большим работягой был замкомбрига по воздушно-десантной подготовке подполковник Владимир Григорьевич Мищенко. Благодаря его напористости и хватке в бригаде был построен современный воздушно-десантный городок. Невысокого роста, нервный, постоянно себе на уме, недоброжелательный к окружающим, оборотистый Мищенко был заядлым рыбаком-браконьером и таким же охотником. Именно из-за этого своего круглогодичного увлечения, он специально не перевозил из Печор во Псков (а всего расстояние-то 52 км), свою семью, чтобы не мешали ему в минуты досуга. А природа позволяла здесь развернуться рыбакам и охотникам.

Первую весну жизни в Пскове мы бегали на берег и наблюда-

ли удивительный праздник ледохода, когда Великая неистовствовала в разгуле, с оглушительным треском срывая с себя ледяные покровы. В это время наши рыбаки-однополчане всеми доступными и запрещенными способами ловили беззащитную рыбу, но ни разу Мищенко (организатор этих рыбалок) не угостил нас из своих богатых уловов, чем очень удивлял мою Галюсю. Жили мы тогда все вместе в одноэтажном холостяцком офицерском общежитии, что располагался рядом с военным городком. Занимали семьей одну комнату, в которой рядком стояли четыре кровати, шкаф и небольшой столик, кое-как притулившийся у окна. По вечерам после моего возвращения со службы мы всей семьей гуляли в прекрасном сосновом лесу, окружавшем городок, превращенном в учебно-тренировочный центр бригады, так как в нем располагались наша полоса препятствий «тропа разведчика» и стрелковый тир. Туда по утрам в выходные мы с детьми бегали упражняться в стрельбе из пистолетов Макарова и Стечкина. Стреляли с увлечением всей семьей — и отец, и мать, и Маша, и малолетний Георгий.

Это экзотическое место нашей боевой учебы в выходные дни привлекало большое количество отдыхающих из города. Люди загорали на зеленых лужайках вдоль берега реки, а в хвойном лесу устраивали пикники. Это была настоящая зона отдыха. Ах, какие там росли ландыши и земляника! В это время судьба одарила нас поездкой в Михайловское, куда слетаются в июне со всей планеты поэтические соловьи, где шершавая кора «дуба уединенного» хранит тепло пушкинских ладоней. И почти повсюду и в светелке Арины Родионовны, и на аллее Анны Керн, у стола поэта, на котором ветерок шевелил страницы, испещренные его, подобным резьбе, почерком, и под сенью задумчивых прибрежных ракушек — мы ощущали душу России.

Однако наша повседневная жизнь быстро сдувала налет романтики и высокой поэзии. Быт в офицерской общаге мало соответствовал современным стандартам. На все общежитие была общая уборная и один умывальник. Но жили мирно и дружно, хотя мужская компания поначалу не особенно соблюдала правила совместного проживания, потому Галина с Машей взяли наведение порядка в свои руки. Выдраили окна и полы, расстелили половики. Стало домашнему чисто и уютно. На стене закрепили план-график наведения порядка по общежитию, к соблюдению которого привлекли всех — независимо от воинских званий и должностей: Лысюк, Шаку-

рин, Макаров, Вершинин, Прокышев, Зайков, Дроздов, Груничев, Сурудин, Авдеев, Подворный, Отто, Бабийчук, Образцов, Поздняков, Черноусов, Савчиц, Кривоपालов. Спецназовцы безропотно подчинились нововведениям, тем более что я со своей семьей показывал в этом личный пример...

Часто одинокую жизнь мужчин, не только холостяков, но и живущих без семей офицеров, скрашивали посещения страстных псковитянок, которые лазали по ночам к ним в окна... Но бытовыми проблемами холостяков они, естественно, не занимались. Звучала веселая музыка, песни. Некоторые молодые пары после этих встреч регистрировали свои отношения. Молодой лейтенант Сергей Александрович Шакурин перед отъездом в Афганистан сыграл свадьбу. Оставил беременную жену, вскоре родившую ему дочку. Благополучно вернувшись домой, он дослужился в родной части до должности комбрига. Стал полковником. Пройдя до этого заграничные командировки с миротворческими миссиями и горячие точки Северного Кавказа. В семье, рожденной в те лейтенантские годы, царили лад и взаимная любовь.

Боевая подготовка подразделений спецназа в основном проходила в поле. Прыжки, тактико-специальные учения, стрельбы. Особенностью бригады являлись ежемесячные десятидневные разведывательные выходы. Мороз ли за окном, дождь ли, — разведчики уходили в леса и выполняли учебные задачи. Каждое возвращение офицеров-разведчиков домой сопровождалось веселыми гулянками, уходящими за полночь. А поскольку подразделения непрерывно меняли друг друга, то и богатырское веселье никогда не прекращалось.

Вспоминаю, как однажды глубокой ночью под окном нашей комнаты остановилось такси, из которого практически выпала молодая пара загулявших людей. Смешливая женщина поддерживала под руку могучего попутчика прапорщика Игоря Авдеева, недавно прибывшего к нам из Афганистана. Он пытался тихо говорить, но это получалось с трудом:

- Не шуми, у нас здесь замкомбрига живет.
- Давай на цыпочках в мою комнату...

Хлопнули двери. С хохотом началась схватка полов. Тонкие стены общежития предательски завибрировали в такт скрипу кровати, стоящей в комнате моего земляка — алапаевского паренька, вчерашнего старшины разведроты 350 парашютно-десантного полка.

Утром следующего дня я после построения части пригласил к себе Игоря Сергеевича:

— Ты что это, уралец, вчера за сабантуй устроил?

— Да нет, мы вроде не шумели, — неуверенно ответил Авдеев.

— А зачем было под окна на машине подъезжать, что, на дороге не мог выйти?

— Да я трезвый был! — неуверенно невпопад ответил прапорщик.

— Я не говорю о том, что ты был пьян. Как разведчик ты должен быть конспиратором, а ты все общежитие разбудил.

— Исправлюсь, товарищ подполковник.

Через несколько дней Игоря догнала медаль «За отвагу» и, естественно, все общежитие по-братски разделяло радость этого события.

В тот вечер я был в командировке в Ленинграде, а когда на другой день приехал домой, то Галя показала мне на ящик чешского пива, что приволок «отважный» Авдеев.

— Это, сказал он, — пояснила жена, — компенсация за беспокойных соседей и выпитый кефир и лимонад, беспечно оставленный нами в общественном холодильнике.

В условиях бытового неуютта были и свои маленькие радости. В Пскове подавляющая часть населения любила попариться в банях. В городские общественные бани стояли постоянные длинные очереди. Субботний банно-стаканный ритуал строго соблюдали в бригаде командир, начальник штаба и другие офицеры части. Полковник Гвоздь на эти часы демократического общения с народом набирал полный «уазик» проверенных сослуживцев — любителей попариться, и на день они гуртом выезжали в одну из городских бань, где за разговорами и выпивкой проводили время. Командир отличался выносливостью и железным здоровьем, что позволяло ему совершать пару десятков заходов в парилку, во время которых он нещадно, мазохистски хлестал себя дубовым веником и чувствовал себя нормально... А водку после этого пил вообще безмерно, но голову при этом никогда не терял.

Нам было проще, в Промежицах недалеко от нашего общежития офицерами роты минирования Самсоновым и Карабенюком была построена самодельная небольшая банька из трех комнат: раздевалка, моечная и парилка. Пользуясь благосклонным отношением

ко мне офицеров, мы согласно очередности раз в неделю всей семьей ходили туда мыться. Сначала с женой мыли детей, одевали и отправляли их домой, а потом приступали к таинству. Я раскладывал на лавке свою прелестную половину, и, взяв мыло и вехотку, оглаживал длинноты ее ног и рук, альковы подмышек и межножья. Заканчивался ритуал омовения взаимоманнитным апофеозом телесного ликования.

Несколько степеннее и старше других заместителей был начальник тыла бригады полковник В.Д. Хорошко, вышедший на свой пост из командиров отряда спецназа. О нем отзывались как о хорошем спецназовце. На тот период зам. по тылу готовился к увольнению на пенсию и больше хлопотал о себе, о своем будущем: доставал лес на дачу, перевозил цистерну под воду, сажал фруктовые деревья, клубнику, строил забор. Как бы предчувствуя скорую кончину (после выхода на пенсию полковник Хорошко Владимир Дмитриевич скоропостижно скончался от сердечного приступа), он вкладывал в свое личное хозяйство душу. Однако и тыловое бригадное дело делал отменно, по-хозяйски. Его подчиненные работали слаженно и замечаний не имели. В бригаде существовал мощный свинокомплекс, поэтому в солдатской столовой готовились достойные сытные блюда. Кроме того, бригаду ежегодно с завидной регулярностью «трясли» по материальной части — присылая распоряжения о направлении на целину очередных команд и подразделений, автомобилей и оборудования для палаточных городков. И тут уж тоже приходилось крутиться хитроватому Владимиру Дмитриевичу, — как бы сделать поменьше, без ущерба для себя и бригады...

Часть на тот период считалась кадровой и по количеству личного состава была сравнительно небольшая. Народу всегда ощущался большой дефицит, потому каждого человека считали персонально и относились к нему, как к родному... При таком психологическом климате в коллективе складывались дружеские и прочные отношения. Каждому солдату с первых дней пребывания внушали мысль об исключительности службы в бригаде и рассказывалось не раз и не два о ее славной истории. А в ней действительно было много самобытного и героического. Я приведу некоторые выдержки из исторического формуляра:

2-я отдельная бригада специального назначения сформирована на основании Директив ГШ ВС СССР и Командующего войсками

Ленинградского военного округа в городе Псков в период с 17 сентября 1962 года по 1 марта 1963 года. Сроки формирования бригады были жесткими. В декабре 1962 года формирование бригады, в основном, закончилось. Уже в феврале 1963 года бригада успешно провела десятисуточное зимнее учение. В трудных условиях зимы личный состав, прослуживший только полгода, показал высокую физическую выносливость, умение действовать в сложных условиях, взаимовыручку и разумную инициативу.

В июне 1965 г. генерал-полковник Мамсуров проводил на базе бригады опытные тактико-специальные учения. Действуя на большой территории от полуострова Рыбачьего до Старой Руссы, от Калининграда до Новгорода и Витебска, личный состав показал умение решать сложные задачи на любой местности, в любой обстановке, совершать марши, хорошо ориентироваться, поддерживать постоянную и устойчивую радиосвязь. Генерал-полковник Мамсуров остался доволен действиями штаба и личного состава, ему понравилась организация быта и боевой подготовки; смекалистые, развитые солдаты, хорошо подготовленные и инициативные офицеры. Он выразил надежду в том, что личный состав бригады добьется еще больших успехов. Несмотря на смену руководства, как естественный процесс роста офицеров и признания их способностей, бригада не сдавала завоеванных позиций. В эти же годы в коллектив влилась большая группа хорошо подготовленных солдат и офицеров, впоследствии много сделавших для повышения боевой готовности части.

Увеличение личного состава остро поставило вопрос о его размещении. Начинается усиленное строительство, возводятся новые казармы, строится спортзал и сушилка для парашютов, автопарк, благоустраивается территория городка. Улучшаются жилищные условия офицеров. Не считаясь со временем, работая много и целеустремленно, личный состав добивается того, что городок бригады в сравнительно короткое время становится одним из лучших городков Ленинградского военного округа, и внешне — неузнаваемым: зеленым, с асфальтированными дорожками, хорошо освещенным аллеями и городками. Одновременно с обустройством городка шла напряженная боевая учеба в поле, на плацу, в учебных классах и на аэродромах. Личный состав настойчиво совершенствовал свою полевую выучку, совершал парашютные прыжки днем и ночью, на лес и на воду, десантировался из самолетов и вертолетов, подводных

лодок и катеров, принимал участие в совместных учениях с флотом, сухопутными частями и пограничными войсками. Благодарности командования удостоился личный состав подразделения майора Медведева А. А., который в течение трех суток, действуя на острове Сааремаа (бывшей Эстонской ССР), успешно уходил от преследования превосходящего «противника» и выполнил поставленную задачу на «отлично». Особенно больших успехов в этот период достигли наши радисты. 100% военнослужащих этого подразделения стали классными специалистами. За этими успехами стоял большой и напряженный труд всего воинского коллектива, целеустремленная работа командования бригады.

Восьмидесятые годы явились тем периодом, когда основное внимание личному составу бригады пришлось уделять освоению новой боевой техники и оружию, настойчивому изучению и практическому использованию этой техники. В эти же годы военнослужащим бригады была оказана честь первыми из родственных частей Вооруженных Сил, в ходе выполнения программы по воздушно-десантной подготовке, совершить прыжки из нового военно-транспортного самолета Ил-76. Успешное выполнение этой правительственной задачи стало возможным благодаря усилиям всего личного состава бригады и в первую очередь — специалистов воздушно — десантной службы майора Асеева (в 2000 году трагически погиб — сбит машиной на обочине дороги), прапорщиков Капустина, Мишакова, Егоренко. Воздушно-десантная подготовка как средство закалки воли разведчиков, заставляет проявлять смелость и мужество, формирует характер и, что очень важно, — вырабатывает высокие морально-психологические качества. Для разведчиков, выполняющих прыжки с парашютом, в гораздо большей степени, чем для воинов других родов войск, необходимы эти качества. Результатом этих усилий явились отличные действия личного состава на учениях «Океан», «Горизонт-74» и в ряде других крупных учений. Действуя на учениях «Океан» в условиях Заполярья личный состав прекрасно выполнил поставленную задачу. Все участники учений были награждены адмиралом Флота Советского Союза Горшковым.

За отличные действия на тактических учениях, морально-политические и психологические качества, проявленные в ходе их, в 1977 году бригада была объявлена отличной и награждена Вымпелом Министра обороны СССР «За мужество и воинскую доблесть».

В этот период за успехи в боевой подготовке, поддержание высокой боевой готовности, освоение сложной боевой техники лучшие офицеры бригады были отмечены высокой правительственной наградой — орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3 степени. Это полковники Голоусенко Ю.Я., Быковский В.С., подполковники Жаров О.М., Аксютю А.И., Ельчанинов А.Н. Прапорщики Тютюн А.И. и Гузанов были награждены медалью «За отличие в воинской службе» 2 степени. Большинство офицеров и прапорщиков были награждены юбилейной медалью в связи с 60-летием Вооруженных Сил.

За прошедшие годы коллектив бригады много труда и сил вложил в благоустройство военного городка, улучшение бытовых условий личного состава. Улучшилась наглядная агитация, изменился строевой плац, спортивный городок. В результате большого личного вклада каждого офицера и солдат вступили в строй новые автопарк, механизированные склады артиллерийского вооружения и другой боевой техники. Для снайперов меткого огня построен стрелковый тир. Введен в строй учебный корпус. Личный состав бригады неоднократно принимал участие в составе различных подразделений в ведении боевых действий. При этом умение и навыки, приобретенные в ходе боевой учебы офицеры, прапорщики, солдаты и сержанты бригады умело применяли в реальных боевых действиях, показывая при этом образцы мужества и героизма. Именно они укрепили славные традиции старших поколений своим ратным трудом, приумножили их. Многие военнослужащие бригады принимали участие в боевых действиях в Афганистане, показав при этом образцы мужества и героизма. Подавляющее большинство воинов-интернационалистов награждено орденами и медалями. Семь из них и более 160 военнослужащих 177 отдельного отряда специального назначения, влившегося в состав бригады в 1989 году, отдали свои жизни, выполняя интернациональный долг.

Несколько слов о командирах и начальниках бригады. Первым командиром части был фронтовик, полковник Гришаков Алексей Николаевич, награжденный в годы войны четырьмя орденами. Комиссар ему был под стать, тоже фронтовик, разведчик и партизан, полковник Коноплев Степан Сергеевич. С 1966 по 1974 год бригадой командовал полковник Креховский Игорь Викторович. «Отметился» на бригаде бывший первый замкомбрига из Чирчика Жаров Олег Михайлович. В 1975 году его сменил тоже наш чир-

чикский соратник, полковник Голоусенко Юрий Яковлевич, замечательный командир и душевный человек. А с 1979 года на десять лет псковское хозяйство перешло в руки полковника Гвоздя.

Политработники на своих должностях тоже служили подолгу: например, полковник Рыбак Альберт Павлович — с 1964 по 1974 год; полковник Аксютю Леонид Иванович — с 1974 по 1978 год; полковник Грушковский Юрий Иосифович — с 1978 по 1986. Мне, в отличие от них, суждено было прослужить всего полтора года, но я тогда этого и предполагать не мог. Мечтал служить здесь до конца — до выхода на пенсию.

Штаб бригады и два отряда дислоцировались в Промежицах — живописных окрестностях Пскова, в еловом лесу, в месте слияния рек Великой и Черехи. А один отдельный отряд бригады (в/ч 20604) размещался в Заполярье, в поселке Кильдинстрой (Мурмаши) под Мурманском. Командирами этих батальонов являлись зрелые офицеры сорокапятiletние подполковники Пашковский, Шарпатых и Середа.

О первых впечатлениях жизни в части сохранилось письмо другу-десантнику:

«Пошел второй месяц нашей жизни во Пскове. Живем в одной комнате общежития, рядом с частью. Квартиры пока и не обещают. Осваиваюсь в должности. Побывал трижды на военных советах в Питере и один раз в Мурманске. Успел сделать несколько прыжков с самолетов АН-2 и ИЛ-76. Боевая учеба напряженная, недавно принимали участие в учениях «Дозор-86». Побывали в Литве, Латвии, Эстонии и должны были прыгать в тыл условного противника в Белоруссии. Но в базовый лагерь приехал для инспекции начальник ГРУ генерал армии П.И. Ивашутин. К этому моменту организовали несколько показательных учебных мест: по минно-подрывному делу, рукопашному бою, воздушно-десантной подготовке. В момент проверки укладки и роспуска парашютов обнаружили, что они смерзлись. Если бы не эта «показуха», то во время десантирования у нас были бы трупы. Случайность сберегла людей...

По сравнению с Яковлевской частью здесь общий внутренний порядок значительно уступает. В казармах грязновато. Нет твердого постоянного руководства. Просто удивлен такому состоянию в лучшей части ЛенВО. Мой предшественник, полковник Грушковский, оставил мне весьма примитивное наследство, все находит-

ся в запущенном состоянии. Клуб значительно уступает нашему дальневосточному. Ленкомнаты и комната боевой славы бригады не оформлялись с 1969 года.

Я могу объяснить общий невысокий уровень уставного порядка тем, что здесь большая текучка кадров — по 20 и более человек в год уезжают в ДРА. А временность командования не дает складываться традициям. Но непростительно то, что работа с личным составом на царегороховом уровне. К примеру, в Афгане погиб офицер — лейтенант Кузнецов (См. «Красную Звезду» от 30.11.85 года). Не просто погиб, а стал Героем Советского Союза! Думаете, этим фактом гордятся? Об этом приходящие и служащие сейчас в части солдаты и часть офицеров даже не знали...

В ленинских комнатах, в стенных газетах, в наглядной агитации — нет ни единого слова... А про «боевого комиссара» рассказывают анекдоты и приводят цитаты из его выступлений на совещаниях офицеров типа:

— Это что же делается в части! Я вчера целый день стоял у КПП и курил; смотрел и сделал выводы — ни один прапорщик за день ничего не сделал...

Лучше было, если бы он сам этот день не стоял, а работал. Так что надо нажимать. В работе упор делаю на своих политработников. Некоторые старше меня, двое уже были в Афганистане. Среди офицеров много орденосцев. Награждены орденами Красного Знамени — 3 человека, Красной Звезды — 13 человек, «За службу Родине в ВС СССР» — 7, медалью «За отвагу» — 6, медалью «За боевые заслуги — 21 человек». Все безусловно очень достойные и уважаемые люди».

Мне удалось достаточно быстро вписаться в коллектив. И этому способствовали обычные наши спецназовские «вводные». Сразу по приезде, разместив семью в холостяцком общежитии при части, я на другой день убыл с командиром на три дня в Ленинград на Военный совет округа. В день же его окончания меня вызвал к себе начальник разведки округа и приказал: выехать на неделю в Мурманск для разбирательства по факту поступившей жалобы от родственников одного нашего солдата. Через полтора часа полета я приземлился под северным сиянием в студеном аэропорту Мурманска, где меня встретил грузный и высокий десантник подполковник Иван Михайлович Середа.

Он как командир отдельного отряда спецназа чувствовал себя

несколько независимым в структуре военной иерархии нашей бригады, и с первой минуты знакомства подчеркивал мне это... Но, кроме отдельного пребывания, ему хвалиться было и нечем. Я к тому времени хорошо знал все азы жизни отдаленных гарнизонов и ничему не удивлялся... Нельзя, конечно, было сравнивать Заполярье с Дальним Востоком, но продолжительная зима с резкими перепадами температуры воздуха, сильными влажными ветрами, смена светлого и темного времени (продолжительность полярных дня и ночи — до 70 суток), действовали на людей специфически — вызывая т.н. синдром полярного напряжения. Снежный покров здесь удерживался более 200 дней в году и достигал трех метров. Для Заполярья были характерны ионосферные возмущения, магнитные бури и полярное сияние, которые сильно затрудняли работу наших связистов. Хозяйство Середы дислоцировалась в нескольких казармах военного городка части «осназа», и, по существу, была для командования этого радиопеленгаторного узла РУ ЛенВо обузой. Между командирами, то и дело происходили различные конфликты на бытовой и хозяйственно-административной почве. Поскольку комбат спецназа не отвечал ни за быт, ни за материальные запасы, а имел такой же должностной оклад и воинское звание, то командир узла справедливо требовал братского, партнерского распределения обязанностей по тылу: подвоза угля, продовольствия со складов, топки бани, смены белья и т.д. Что Середа воспринимал отрицательно...

Зашли в солдатскую казарму, где располагался штаб части. Во время предварительного доклада, сделанного комбатом о положении дел, который он излагал лениво и несколько небрежно, я обратил внимание, что на его кителе рядом с парашютным значком красуется знак «Отличник погранвойск». Будь я менее опытен, мог бы подумать все, что угодно. Но я знал еще с лейтенанта, что подобные награды вручались лучшим спецназовцам за успешные действия на совместных учениях с «зелеными фуражками».

Наш отряд, которым командовал Иван Михайлович, по плану боевого применения в особый период должен был перейти государственную границу с Норвегией и с началом войны приступить к спецоперациям в тылу противника. А для того, чтобы грамотно выполнить подобные действия, и был назначен командиром «гроза пограничников» — Середа.

Утверждение о непроходимости государственной границы СССР было истиной для всех граждан Союза, кроме разведчиков

спецназначения. Им частенько приходилось противодействовать пограничникам на учениях по прорыву или переходу госграницы. Нельзя сказать, что эта задача была пустяковая. Бывало, что группы попадались в полном составе, но не при пересечении контрольно-следовой полосы, где, как показывали советские фильмы, под каждой коровьей лепешкой сидел пограничник и звонил на заставу по телефону. Ее разведчики проходили относительно спокойно. Даже применение собак не всегда помогало...

Середа отличился на одном из самых первых учений по реальному переходу государственной границы с Польшей. Против разведгруппы, которой он, тогда еще старлей, командовал, действовали польские пограничники. Идя по следу разведчиков, они пустили двух собак, действуя не совсем так, как положено, Середа остался прикрывать отход группы. Обладая феноменальной физической силой, он в считанные секунды зарезал первую овчарку, бросившуюся на него. Вторую он удавил поводком и повесил на дереве. Сам же спокойно ушел догонять подчиненных. Поляки были потрясены, найдя трупы лучших овчарок, и попросили им показать людей, которые это могли сделать. Руководители учений сказали союзникам, что это сделал один человек. Поляки в это верить отказались. Тогда им представили Середу. Внешний вид его и слова: «Пускайте еще двух, если не жалко. Покажу, как это делается», убедили поляков, которые потом ходили вокруг советского спецназовца, как вокруг инопланетянина. Вообще, вид Середа имел внушительный.

Рассказывали, что как-то бригада выезжала на прыжки. В Промежицах в части остался только суточный наряд, под командой дежурного майора Середы. Внезапно в городок приехал командующий округом, который инспектировал воздушно-десантную дивизию. Не застав в части командира, он выехал на площадку приземления, где и поделился своими впечатлениями с комбригом: «Приезжаю к тебе в часть, а там никого нет. Один майор перед штабом с лопатой стоит...». Комбриг не понял юмора и решил, что Середа зачем-то решил лично что-то окопать лопатой, но далее из разговора стало ясно, что «лопатой» командующий назвал ладонь Середы, которой тот отдавал честь.

Таких колоритных личностей в частях бригады было немало, и подчинить их себе было очень непросто. Тем более что подавляющая часть офицеров прослужили в этих местах всю службу и прекрасно ориентировались в особенностях этого уникального округа.

В политотделе, который я принял, было по штату пять человек, из них инструктор по оформлению партийных документов женщина — Нестерова Раиса Ильинична. Тогда уже преклонных лет, очень выдержанная и умная, грамотная, хорошо помогающая в работе. Незаменяемым помощником мне и уважаемым в бригаде человеком был «вечный» пропагандист майор Алексеев Евгений Петрович. Почему «вечный»? Потому что всю жизнь отказывался от переездов к новому месту службы для выдвижения на вышестоящие должности и довольствовался своим положением. Несмотря на преклонный возраст, он был спортивен и очень вынослив. Безумно любил парашютные прыжки. Был хорошим оратором, многословным в общении. Алексеев умело воспитывал своенравную молодежь — политработников Нефедова А., Кравцова Е., Слободского Ю., Воронкова В. и командиров групп...

Моим заместителем оказался майор Мультах Анатолий Иосифович, выпускник десантного факультета НВОВПУ, на год моложе меня. Так же как и Алексеев, прослужил в Пскове всю жизнь. Начинал лейтенантом в 76-й гвардейской воздушно-десантную дивизию, а затем с повышением перешел в спецназ. Анатолий по характеру являлся человеком сложным, порой несоборанным и крайне неуравновешенным, но деловым и порядочным. Он был среднего роста, рыжеволосый, с роскошными усами и типичными замашками, выдающими его национальность.

Когда с ним впервые познакомились, то все высказывали недоумение — как так, еврей — десантник? — Но было именно так. С курсантской скамьи вся жизнь его была связана с парашютными прыжками и воздушно-десантными войсками. У Мультаха было одно большое достоинство — коммуникабельность. Он всех в городе и области хорошо знал, и все знали его. Мужик он был невредный, незлопамятный. Мы его уважали и по-человечески жалели. Выпала ему тяжелая человеческая судьба — Анатолий дважды пережил семейную драму: сначала похоронил горячо любимую дочь, а через несколько лет после этого и жену Надю. С которой познакомился еще курсантом во время стажировки в Рязани, где она жила с родителями. После ее смерти, наступившей в результате тяжелой онкологической болезни, Толик один воспитывал двоих дочерей. После моего отъезда в ДРА освободившееся место начальника политотдела бригады занял прибывший с Дальнего Востока офицер-политработник. Он до этого служил в Уссурийской бри-

гаде спецназа заместителем начальника политотдела. Однако проработал подполковник Распопин недолго, так как оказался законченным алкоголиком. Из-за безобразных пьяных горячечных заповедей он был вскоре снят с должности, и Мультях вполне заслуженно стал полноправным начальником. А через определенное время получил и звание полковника. Вопреки общему ходу развала военно-политических органов и увольнению из армии всех опытных политработников, ему удалось остаться на должности сначала помощника, а затем заместителя командира по воспитательной работе и пережить многих реформаторов, которые разрушали государство и армию. Уволился он в запас по возрасту уже в новом веке.

В первом батальоне за политработу отвечал застенчивый капитан Воронков Валерий Николаевич. Уроженец Николаевска-на-Амуре, выпускник инженерного факультета Донецкого ВВПУ, служивший до спецназа в строительных частях. С сентября 1980 по декабрь 1981 г. был в Афганистане в качестве замполита строительномонтажной роты 1705 отдельного дорожно-строительного батальона 154 отдельной дорожно-строительной бригады. По замене попал замполитом роты минирования нашей бригады. Затем возглавил воспитательную работу в батальоне Пашковского. При мне поступил в академию им. Ленина. После отправки в Афганистан подполковника Муратова начальником связи стал подполковник Валерий Каранин. Его становление прошло быстро, так как командир батальона спецрадиосвязи подполковник Шарпатых и замполит подполковник Чабаненко хорошо знали свое дело, и непрерывная боевая работа радистов не вызывала нареканий у командования.

В первый год службы в Пскове я особенно сдружился и сблизился по работе с начальником штаба подполковником Владимиром Квачковым. В свободные минуты мы находили возможность посидеть и спокойно поговорить о жизни. Он мне был интересен как разносторонне развитый человек. Я интересом расспрашивал я его об Афганистане, где ему пришлось послужить несколько месяцев, и из его рассказов о том времени почерпнул много полезного для своего будущего. Мне особенно запомнилась одна поучительная история:

— Я пришел к выводу, что афганцам нельзя доверять после одной сложнейшей операции, где они нас «подставили». Дело было рокового 13 января 1984 года, — вспоминал Квачков. — По данным Хада (служба безопасности ДРА) и агентурной разведки,

накануне в кишлак Вака прибыл караван из 20 вьючных животных с оружием и боеприпасами. Я сформировал отряд в составе роты спецназа с приданными танковым взводом и двумя ротами афганской армии. Вышли на реализацию данных разведки. В ходе прочесывания местности данные не подтвердились. А в районе оказалась банда численностью около 300 человек, с которой мы ввязались в открытый бой. Нас обложили со всех сторон, а как стемнело, оказалось, что все афганские подразделения самовольно оставили указанные им позиции и ушли. Полтора суток мы выбивались из окружения. У меня в том бою погибло четырнадцать разведчиков. Если бы не наша авиация и артиллерия, то мы бы все остались там. Вот тебе боевое братство...

Подобный непринужденный обмен боевым опытом играл очень большое значение для необстрелянных офицеров. По себе скажу, что элемент бдительности и недоверия к республиканским военнослужащим с того рассказа засел в меня крепко. Когда подошел мой час общаться с афганцами, я работал с ними уже с учетом их психологии. Беседы с Квачковым не прошли даром. Судьба много дала Квачкову, но и поставила немало испытаний, которые бы были не каждому по плечу. Владимир Квачков преодолел их. По причине многолетнего заключения в следственном изоляторе «Матросская тишина» по обвинению в покушении на российского олигарха Чубайса не успел защитить докторскую работу по теории специальных действий Вооруженных сил России в современных условиях. Его устранили из армии сразу же после того, как начальник Генштаба подписал директиву, в основе которой лежала концепция Квачкова о создании войск специального назначения. Но и в застенках Владимир продолжал работу над военной доктриной будущей Русской Армии. Его брошюра «О военной доктрине и русской армии», изданной издательством МООФ «Народный протест», 2007 г. и книга «Главная специальная операция впереди» Челябинск «Танкоград», 2009 г., написанные за три года в тюрьме, разошлась среди соратников и патриотов страны. Владимир женат. Имеет четверых детей, двоих внуков.

Псков — экзотическое место, которое давно облюбовали для стажировок все военные академии. Здесь побывало не одно поколение слушателей и курсантов. Как-то к нам в бригаду приехала на стажировку группа курсантов Рязанского десантного училища, и на «тропе разведчика» с одним из них произошла трагедия. Самоволь-

но занимаясь на горке, хороший спортсмен сержант Ларин Е.В., работая без страховки, сорвался с вышки и сломал шейный отдел позвоночника, ребра и левую руку. Через три дня скончался в госпитале, не приходя в сознание. Этот нелепый случай лишний раз напомнил нам об опасностях, постоянно сопровождающих службу десантника.

А риска было достаточно...

Только в 1986 году во время совершения прыжков с парашютом погибли 6 парашютистов из частей спецназначения. Половина из них оказалась из учебных частей. 20 февраля у меня на глазах погиб лейтенант Глушков К.В. (командир взвода из 1071 УПСпН (из г.Печеры Псковские). Он, в отличие от новичков, курсанта рядового Донского С.В. (467 УПСпН), погибшего 15 апреля при совершении первого прыжка, и курсанта рядового Мукашова Т.М. (546 УПСпН), разбившегося 28 мая, был опытным парашютистом, имеющим за спиной более 200 прыжков. Более того, Костя окончил десантное училище и был членом сборной команды ВДВ по парашютному спорту. Спортсменкой была и его жена. При отделении от самолета лейтенант запутался в стропях вытяжного парашюта, что не позволило воспользоваться запасным парашютом, который обмотал колбасу основного купола.

Рядовым явлением на прыжках являлись ушибы, переломы и т.д. Так, однажды получили травмы, прыгая со мной из одного борта, почти все офицеры нашего корабля: майор Соколов, капитан Курдюков, лейтенант Белоконенко... У земли парашютистов понес сильный ветер — после жесткого удара о землю парашютистов еще поволокло по целине. Меня оградил от неприятностей, наверное, просто случай и небольшой вес. Я отделался небольшими царапинами и синяками.

Во время очередного разведывочного выхода простудился и перенес менингит в тяжелой форме сосед по общежитию командир группы роты минирования лейтенант Тимур Лысюк, который после излечения стал инвалидом и был списан с военной службы в военкомат.

Особой отметиной в памяти осталась короткая служба в части одного офицера. 16 сентября 1986 года бригада простилась со всеми воинскими почестями с воином-интернационалистом майором В.В. Юдаевым, бывшим командиром 177-го отряда в ДРА, прослужившим у нас всего около полугода. Его определили в оперативно-плановое отделение, но он на службе бывал редко. Жаловался на

здоровье. Это раздражало товарищей, которые не очень верили в болезнь высокого красивого молодого мужчины. Но Слава буквально задохнулся у нас на глазах. Вероятно, сказались перенесенные в Афганистане стрессы, болезни и контузия. Хотя он болел все полгода после приезда из Афганистана, лег в госпиталь только 14 июля. Вскоре военные врачи развели руками и перевели его в областную больницу. Обследовали в гематологии. Высказывали сомнения в диагнозе, так как многие афганцев привозили с собой неизвестные ранее инфекции. Больному становилось все хуже и хуже. 1 сентября его прооперировали с диагнозом «рак поджелудочной железы» 4 степени. Когда стало возможно, я приехал проведать больного. Он лежал в отдельной палате с мертвенно-бледным лицом, с синими впадинами у глаз.

— Как вы себя чувствуете, Владимир Васильевич?

— Иду ко дну, мне конец, — ответил он и начал с кашлем выплевывать в тазик куски спекшейся крови. Его мучения продолжались еще две недели. На руках у безутешной вдовы Аллы Александровны остались двое сыновей. Поскольку семья оказалась на грани выживания, мне пришлось лично заниматься решением жилищной проблемы и пенсионного обеспечения семьи.

Для этого пришлось обращаться лично к командующему войсками ЛенВО генерал-полковнику Снеткову и выбивать для осиротевшей семьи квартиру. Как оказалось, далось это нелегко, с большими нервными стрессами. О многозвездном командующем же осталось пренеприятнейшее воспоминание как о высокомерном задржавшемся барине и грубияне. Не забуду никогда того мига унижения, когда я переступил порог его кабинета и начал докладывать суть обращения. Не дослушав и до половины, он вдруг смешно выпучил глаза, и, прервав меня на полуслове, закричал:

— Подполковник, что написано в уставе об обязанностях военнослужащего?

«Для чего он это говорит?» — подумал я.

Для того, чтобы не сбиться от волнения, я отбросил его нелепый вопрос в сторону и продолжал по возможности коротко, но логично завершать свой доклад.

Командующий встал, ударил кулаком по столу и закричал:

— Ты мне не нравишься, подполковник! Я тебя сниму с должности! Ты хам! Посмотрите на него, я ему задаю вопрос, а он не отвечает!

Собрав волю в кулак, я твердо сказал:

— Товарищ командующий, речь не обо мне, все в ваших силах, но сироты боевого офицера не имеют крыши над головой, и им надо помочь. Их отец — кавалер ордена Красной Звезды и медали «За отвагу».

— Пошел вон! — рывкнул на меня Снетков.

Когда я вышел в приемную, меня трясло. Подошел адъютант. Спросил, что случилось.

Я рассказал ему. На что он мне с усмешкой посоветовал:

— Товарищ подполковник, не нервничайте, это обычная форма разговора командующего с подчиненными. Перезвоните на приемную командующему на следующей неделе, я вас с ним соединю, — доброжелательно посоветовал он. — Если вы действительно хотите помочь семье умершего, подавите страх. Позвоните.

Этот телефонный разговор состоялся в указанный срок.

Командующий на сей раз без лишних слов и нервов ответил мне коротко:

— Я уже дал распоряжение в Псковский горисполком. Проверьте исполнение! Доложите!

«А для чего надо унижать меня?» — с обидой подумал я. Прямо скажу, — эту обиду я до сих пор ношу в сердце. Лет через двадцать с того дня я встретил в Кривом Роге подполковника, ветерана танковых войск, который с обидой вспомнил своего бывшего командира дивизии полковника Снеткова.

— Это не тот ли Снетков?

— Да, который стал командующим войсками ЛенВО и Западной группы войск!

Обида ветерана армии заключалась в том, что в далеком июне 1968 года вступивший в должность командующего войсками КВО генерал-полковник Куликов В.П. поднял для проверки боеготовности 17 танковую дивизию. Комдив Снетков растерялся, и проверку вынесли на плечах его подчиненные. 224 танковому полку, где мой собеседник являлся зампотехом, довелось в короткие сроки подготовить бронетехнику и форсировать реку Десна под водой. Единственный отличившийся полк спас ситуацию за все соединение. Дивизии была выставлена тройка. При подведении итогов Куликов разнес комдива, а подполковника Гриниченко приказал представить к награде, но уязвленный полковник Снетков не выполнил приказ командующего, а наоборот, отомстил передовому офицеру, найдя

повод для претензий. Когда военные судьбы Куликова и Снеткова перекрестнулись, в конце 80-х годов, то памятный маршал добился снятия с должности зарвавшегося на хищениях главнокомандующего ЗГВ генерала армии Снеткова. Произнеся такие слова:

— Вас надо было гнать с командной должности еще в 1968 году...

А в деле Юдаевых все сложилось хорошо. Через месяц мы перевезли семью покойного офицера в новую трехкомнатную квартиру, в доме, что построили по престижному проекту для работников горисполкома. Через четверть века на страницах «Литературной газеты» я наткнулся на пронзительный очерк соратника по 15 бригаде, бывшего начальника разведки отряда майора Карена Таривердиева «Комбат», и всколыхнулись воспоминания:

«Юдаев меня поставил исполнять обязанности начальника разведки через четыре месяца, как я в батальон пришел. Я не то что был «соплив» по тем временам, а вообще ничего в этом деле не смыслил. Но старый начальник разведки «ушел», а нового пока еще не прислали, а я язык знал. Вот Юдаев меня и поставил. Он батальоном, как князь дружиной управлял. Кого хотел, того и ставил, а кого не хотел, того загонял за Можай... Плевать ему было на больших начальников. И вот начинаем вспоминать Комбата. И говорит один из нас:

— Чем Юдаев был хорош, так это тем, что никогда не совал в нос, — мол, я — Комбат, а ты — подчиненный. Я сказал, а ты выполняй, и мне насрать, как ты это сделаешь. Он до нас не опускался с Олимпа, он просто с нами одной жизнью жил. И приводит примеры человечности Юдаева. А ведь «Васильичу» и впрямь было не в падлу зайти по утрам в палатку к любому из командиров рот и сказать — у тебя сегодня день рождения? Поздравляю! С этим делом у нас плохо, но у меня есть. Возьми в подарок два пузыря и вечером, чтобы солдаты не видели, отметь со взводными. Но с утра чтобы все как огурцы! А то прибью, ты меня знаешь! Ему ничего не стоило заехать за мной на «уазике» и сказать — поехали! Интересно куда, думаю я, но на всякий случай беру автомат. Комбат сам за рулем, я рядом. Выезжаем за КПП местного полка и уезжаем в Газни за двадцать километров! Да туда два БТР не всегда проходят, а тут мы вдвоем на «уазике», и сам Комбат за рулем. Ну, само собой, я в некотором напряге пребываю, особенно когда через «зеленку» едем. Там засада на

засаде. Доехали благополучно, и Юдаев говорит:

— Сам понимаешь, что здесь наши БТРы по номерам знают. А нам к агентурщикам надо. Зачем светиться? А водителя своего я специально не взял. Вдруг засада, убьют же пацана!

«Во, блин, — думаю я, — вообще-то ездить к агентурщикам — это моя работа, Комбату и напрочь не надо такие эксперименты над собой ставить! Однако вот как вышло. Время у него было свободное, да и слово его на пять порядков выше моего. А информация важная. Вот он сам и поехал. А солдата пожалел просто».

«Возглавил» я как-то батальон. В смысле, пошел в головном дозоре ночью на север от Газни. Комбат с основным отрядом. А я впереди болтаюсь. Ну, и заблудился напрочь. Карты у нас были неточные, попробуй-ка не заблудись безлунной ночью. Залегли... Я пытаюсь сориентироваться. Комбату не докладываю, потому что стыдно. Думаю, выкручусь как-нибудь. Толкает меня боец, что рядом лежит и шепчет: «Духи сзади!» Я оглянулся, точно! Две фигуры и явно чего-то ищут. Поднял ночной бинокль — опана! Комбат! — Что, лейтенант, забрел и сам не знаешь куда? — Да я... да мы... Вот тут чуть-чуть... — Ну, а теперь смотри, как это дело делается... И сам пошел впереди. И по дороге мне краткий курс лекций читает полусшепотом. Да так доходчиво, что больше я уже никогда не блудил. Оказалось, что Юдаев к тому же еще мастер спорта по «спортивному ориентированию». Просто я совсем молодым лейтенантом был, у меня училищные розовые сопля до колен еще висели и нормально шагать мешали. Я в своих соплях еще сам путался... Ничего, доходчиво объяснил Комбат, и больше я уже не путался. — Он никогда на авторитет не давил, — сказал один из моих вчерашних товарищей, — он учил нас, дураков. Откуда у него только силы на это брались, не сорваться! Потом я вернулся, снова стал начальником разведки и не смог найти нового комбата в бою, когда нас прижало. Просто не там искал. Я искал его среди нас, а он, оказывается, забился с радистом за мешки с мукой, на взятом нами духовском продскладе. Я его все-таки нашел, и что надо было мне, доложил. Новый комбат ответил: делай как знаешь! Что у тебя, мозгов своих, что ли, нет, лейтенант?! Ты начальник разведки и отстань от меня, сопляк, у меня другие заботы! В другой раз, когда нас снова прижали, он сел в первый же приземлившийся вертолет, и когда мы все-таки выбрались, то встречал нас на посадочной площадке и пафосно благодарил за

службу. Вчера вспоминали умершего Юдаева (ему и сорока не было, когда Он умер), а его заменика даже и не вспоминали. Пес с ним, чего прошлое бередить. Для чего написал? А для того, чтобы имя его вспомнить! Книг о нем нет, фильмов тоже, да и не будет, наверное, никогда. Так хоть имя его помянуть — Владимир Васильевич Юдаев. Командир 177-го отдельного отряда специального назначения, место дислокации провинция Газни, ДРА. Прочитает хоть кто-то, и то ладно...»

С десантниками 76-й дивизии мы дружили, так как многие командиры и политработники заканчивали одни училища, да и порой были знакомы друг с другом с курсантской поры.

Сначала командиром дивизии был достойный генерал-майор Георгий Шпак, а затем его сменил полковник Вячеслав Халилов. Если первый черноусый командир дивизии был высок и строен, то второй — наоборот, был небольшого роста, и рядом с ним его заместитель полковник Александр Лебедь казался гигантом. Халилов после дивизии убыл в заграничную командировку, после чего осел в столице, стал генерал-лейтенантом, возглавив управление боевой подготовки штаба Московского военного округа, навсегда без сожаления простившись с десантом. Шпаку суждено было достичь высот должности командующего ВДВ, а после увольнения в отставку — губернатором столицы ВДВ России — Рязани. Его заместитель А.И.Лебедь поднялся тоже высоко, став известным политиком, а позднее — губернатором могучего Красноярского края. К сожалению, Лебедь прожил всего 52 года и 7 дней. В своей жизни после десантного училища ему довелось командовать батальоном в 345-м опдп в Баграме. После Пскова, с 1988 по 1991 год командовал 106-й Тульской дивизией ВДВ. По словам сослуживцев, «тульские десантники гордятся тем, что им довелось служить под командованием Александра Лебеда. Он был командиром от Бога, все решения принимал быстро и четко ставил перед подчиненными задачи».

Именно Лебедь, не подозревая о черной неблагодарности, определил победу Ельцина во время так называемого путча, когда привел танковый батальон к Белому Дому. Неординарный и смелый человек нелепо погиб в авиакатастрофе. 28 апреля 2002 года вертолет Ми-8, на котором он летел с двадцатью пассажирами и членами экипажа, упал под Абаканом в районе озера Ольское. По свидетельству очевидцев и из данных, полученных при расшиф-

ровке бортовых записывающих устройств, стало очевидным, что решение на взлет в отвратительных погодных условиях было навязано экипажу волевым генералом. Бортовой самописец бесстрастно зафиксировал, как Александр Иванович своим знаменитым грозным начальственным басом приказал взлетать. «Всю ответственность за полет я беру на себя», — сказал он. Это был типичный стереотип поведения волевого офицера-афганца.

Примерно при таких же психологических обстоятельствах 19 января 1982 года в Афганистане погиб вертолет с генералом Петром Шкидченко на борту.

Эту катастрофу с Лебедем сразу же окрестили «трагической случайностью», но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что эта случайность была запрограммирована. Ведь вертолет был сильно перегружен. И посадочной площадки в месте назначения не было — машина должна была садиться на пустое место, без средств связи и без метеообеспечения. До сих пор не ясно, что послужило причиной аварии — по одной версии, вертолет в густом тумане задел линию электропередач и упал на землю. По другой — врезался в склон горы. Александр Лебедь очень любил крылатые машины, и при первой же возможности сам садился за штурвал, часто говоря одну и ту же фразу: «Там, где начинается авиация, заканчивается порядок»... Так получилось, что избитая цитата стала страшной былью не только для него, но и еще десяти человек, ушедших с ним на тот свет.

По решению президента России В.В. Путина генерал-лейтенант А.Лебедь был похоронен на Новодевичьем кладбище. Он оказался вторым десанником после Маргелова, удостоенным такой чести в нашей стране. На аллее Славы героев-десантников 106-й дивизии в Туле установлен бюст генерала Лебеда. Со вдовой Инной осталось трое детей, два сына — Александр и Иван — избрали суровую военную судьбу...

Кстати, и у Георгия Ивановича Шпака сын Олег продолжил семейную традицию и закончил Рязанское высшее воздушно — десантное училище. Многие настоящие десантники в то время воспитывали своих детей на традициях В.Ф. Маргелова, а для себя брали нравственный пример самопожертвования «Бати». Именно так поступил и Шпак, он знал, на что шел...

Профессия офицера, тем более десантного, предполагает постоянную опасность для жизни, вот почему отец хотя и волновался,

но проводил своего единственного сына на первую войну в Югославию. Там в 1994 году его кровинушка совершил свой первый подвиг. Сержант — миротворец подорвался на минном поле, и ему оторвало ногу. Олег, рискуя жизнью, вытащил парнишку. Но вытащил не только его самого, но и часть ноги, а американские врачи умудрились эту часть приживить, и сержанту даже не понадобился протез. Потом началась война в Чечне, и сын Шпака командовал там взводом, оборонял позиции под Комсомольским. Потом были многие операции, но погиб Олег за день до вывода его батальона. Надо было сопровождать колонну по броду. Олег сопровождал переправу через Аргун на БМД, и его боевая машина нарвалась на две противотанковые мины. Олега вышвырнуло из машины, оторвало ноги, кисти рук. Умер он сразу...

Генерал Шпак рассказывал:

«Между прочим, когда я ездил в Чечню с проверкой, встретился там с Павлом Грачевым (министром обороны). Когда-то он был у меня в подчинении. Грачев спрашивает: «А ты что здесь делаешь?». «Ну, я сказал, что с проверкой, да и сын здесь. Так он очень удивился, что мой сын служит в Чечне»...

Начальником политотдела 76-й дивизии в тот период был высокий и стройный полковник Юрий Копейкин. Интересен он был тем, что являлся ветераном, прослужившим в одной дивизии, без выезда из Пскова, от рядового-стрелка до полковника-заместителя командира дивизии по политчасти.

В 234-м парашютно-десантном полку замполитом служил мой одноклассник по СВВПТАУ (выпускник 1976 года) майор Ярков Сергей Алексеевич. Позднее мы с ним встретились в Кабуле, где он служил в 350-м полку 103-й ввд. Рассказывали, что после вывода войск, он прошел обучение в военно-дипломатической академии Советской Армии и стал профессиональным дипломатом и разведчиком. Стал генералом в погранвойсках. Замполит 37-го полка афганец подполковник Коваленко Валерий Григорьевич, блистал на эстрадном поприще. Талантливый поэт, популярный бард, часто в те годы исполнявший по центральному телевидению свои песни на афганскую и патриотическую темы, пользовался большим авторитетом в гарнизоне. Замполитом артполка был майор Крамарев Николай Петрович, а соседом, замполитом в Черехинском 104-м парашютном полку являлся подполковник Щербаков. Александр Петрович гордился тем, что в его полку почетным солдатом 1 парашют-

но-десантной роты был сам В.Ф. Маргелов. Впоследствии славные традиции своего полка полковник Щербakov передавал молодым курсантам в Рязани, куда его занесла военная судьба на должность заместителя начальника училища по воспитательной работе. Командиром батальона в 104 полку служил майор Владимир Шаманов, выходец из Ташкентского танкового училища, переведенный из Чирчика в 1976 году в составе учебной роты на последние два курса обучения в РВДКУ. Впоследствии карьерный маршрут этого офицера оказался удачным: взводный самоходно-артиллерийского дивизиона 76-й дивизии, комроты в десантном училище, академия, один год замкомандира 300 пдп (98 ввд), командир 328-го пдп в 104 ввд (Гянджа, Азербайджан). «Умиротворял» Карабах, работая на стороне азербайджанской армии. Летом 1992-го десантники взломали армянскую оборону, обеспечив продвижение бакинских сил. В марте 1995 года начштаба 7-й ввд попадает в Чечню. Отличился при взятии Ведено. Стал Героем России. На следующий год его отправили в академию Генштаба. В августе 1999 года Шаманов принял 58-ю армию. Взаимоотношения с командующим группировкой генералом Казанцевым не сложились, поэтому через год самый молодой командующий покинул армию, чтобы баллотироваться в губернаторы Ульяновской области. Осенью 2004 года становится помощником премьер-министра по социальным вопросам военнотружущих. С ноября 2007-го указом Путина вновь возвращен в строй и возглавил главное управление боевой подготовки и службы войск МО РФ. В 2009-м президентом Медведевым генерал-губернатор назначен командующим Воздушно-десантными войсками.

Жили мы между собой в гарнизоне дружно и взаимоуважительно. Встречались на аэродромах и продуваемых всеми ветрами площадках приземления, а также на торжественных мероприятиях гарнизона. Пировали за общими праздничными столами, вспоминая недавний афганский ветер и боевое взаимодействие на операциях. Приезжал к нам в бригаду для отбора кандидатов в курсанты и бывший командир этой дивизии генерал-майор, Герой Советского Союза Альберт Евдокимович Слюсарь, уже в то время начальник Рязанского высшего воздушно-десантного училища. На учениях в районе Пскова довелось встретиться после длительной шестилетней разлуки с бывшим командиром 15 бригады Героем Советского Союза полковником В.Колесником. Но ни он, ни мои бывшие сослуживцы по Чирчику офицеры ГРУ полковники Василий Трисмаков

и Владимир Манченко словом не обмолвились тогда о том, что я определен кандидатом в Афганистан... Хотя решение об этом состоялось еще в мае 1986 года, когда весь руководящий состав частей спецназа ГРУ встречался с генералом армии П.И. Ивашутиным. Это была моя последняя встреча с ним и начальником политотдела генерал-лейтенантом Долиным.

На том сборе в Чучково Ивашутин сказал исторические слова:

«Нашего разведчика должна отличать прежде всего честность и правдивость. Разведчик должен пользоваться абсолютным доверием». Что стало его завещанием для нас.

Мы тогда и не могли знать, что в недрах КГБ шло расследование побега в США заместителя руководителя советской военной разведки в Греции полковника С. Бокова. Позднее этот предатель выдал лейтенанта ВМС Греции В. Попелуса, который 8 лет работал на СССР и дал большую информацию по вооружению НАТО (в частности, по системе «Гарпун»). Вскоре после этого Ивашутина и его замполита Долина сняли с должностей.

По счастливому совпадению, рядом со мной в зале сидел бывший командир 15-й обрСпН подполковник В.М. Бабушкин, отстраненный от должности за бой на границе с Пакистаном. Мы с большим интересом выслушали его доклад о положении дел в ДРА и опыте боевых действий спецназа. Я долго расспрашивал его об афганской службе и в перерывах между занятиями. Мог ли я тогда знать, что ровно через год буду именно в тех местах, о которых нам рассказывал Владимир Матвеевич. Что сказочный восточный город Джелалабад станет для меня явью. Не мог я знать и о том, что мой бывший сослуживец по отряду, бывший командир 4-й роты, когда-то сосед по коммунальной квартире Владимир Андреевич Манченко станет заместителем начальника 5-го управления ГРУ, всесильным начальником всего армейского спецназа. Вынесет на своих плечах первую чеченскую войну. Потеряет в кровопролитных боях 153 разведчика и уволится в запас, так и не получив генерала. А ведь это был один из лучших командиров — воспитанников комбрига Р.П. Мосолова.

На этих последних сборах в военном городке 16-й бригады Московского военного округа мы собрались почти все: Манченко, Зуев (4-я рота), Трисмаков, Холбаев (5-я рота), Неделько, Кри-

вопалов (6-я рота). Больше в таком составе мы не встречались никогда...

К августу освободилась трехкомнатная квартира, занимаемая моим предшественником, и мы скоренько переехали в собственный угол на проспект Энтузиастов, что в микрорайоне на Запсковье. Моим соседом оказался Евгений Петрович Алексеев, который помогал обживаться и обустраиваться. В этой квартире мы купили первую свою мебель. Галина устроилась на работу медицинской сестрой в городскую школу гребного спорта. Выезжала вместе с детьми на соревнования, в спортивный лагерь в эстонский поселок Ямм, приучая к спортивным нагрузкам и наших детей.

Здесь, в Пскове, начал учебу в первом классе Гоша, а Маша окончила среднюю школу. Для детей это были значительные по содержанию годы детства и юности. О том времени у меня сохранились Машины девичьи наблюдения и впечатления об окружающем мире и полноправном члене нашей семьи: «У нас дома живет кошка, ее зовут необычно — Наташка. Ей два года. Появилась она у нас маленьким пушистым комочком и умещалась на ладошке. Она спала в маминой меховой тапочке и любила, когда ее катали в ней по всей квартире. Она очень игривая и любит, когда с ней занимаемся. Однако очень не любит оставаться одна. И когда мы возвращаемся, она с радостью бросается к нам, мурлыкает, будто рассказывает нам, как ей плохо и скучно было одной. Когда она одна — ее любимое место на маленьком пуфике у телефона. Прошлым летом мы всей семьей ходили в поход в лес. За спиной у нас были рюкзаки, а в руках корзинка с Наташкой. Лес Наташку просто очаровал. Она бегала за бабочками, ловила комаров, мух, смешно бежала за лягушками. Но самое удивительное было то, что мы шли, собирая грибы, а Наташка бежала рядом, не отставая и не теряясь. А в это лето мы взяли ее на пляж, и там она потерялась. Поздно вечером мы с мамой пошли ее искать. И нашли! Она бросилась к нам растрепанная, испуганная. Облизала нас всех, будто бы рассказала нам все, что она пережила без нас. А в июле мы брали ее на месяц в спортивный лагерь. Она стала любимицей всего лагеря, все мальчишки приносили ей пойманную рыбу и ласкали ее. Ей очень хорошо было на природе, она выросла, повзрослела. И хотя она у нас неизвестной породы — не сибирская, не ангорская, не сиамская — самая обычная — она самая лучшая, самая красивая, самая, самая хорошая, моя Наташка!».

В 1986 году мы, как это часто бывало, отмечали Машин день рождения на природе. Под высокой раскидистой сосной на прибрежном золотом песочке взрослые жарили на мангале шашлыки, а дети кидали камни в холодную еще воду реки Великой. Погода стояла замечательная: по-летнему грело солнце, дул небольшой ветерок, на небе лениво ползли небольшие тучки. Мы с Мультахами выпивали и радовались жизни, глядя на резвящихся детей. Никто в этот момент не знал, какая трагедия произошла накануне. Лишь через 18 суток, где-то после 14 мая, нам стало известно, что 26 апреля в 1 час 24 минуты на 4-м энергоблоке Чернобыльской АЭС в результате серии тепловых взрывов был разрушен реактор. Суммарный выброс радиоактивных веществ составил 50 млн. кюри, что равнозначно последствиям взрыва 500 атомных бомб, сброшенных в 1945 году на Хиросиму. Зараженной оказалась громадная территория. Из числа пострадавших от аварии за 10 лет умерли около 170 тысяч человек. Радиоактивные облака на различной высоте облетели весь земной шар. И над нашими головами в тот день прошли эти на вид беззаботные тучки. Скрывать информацию стало невозможно только 30 апреля, когда на одной из шведских атомных станций бешено застучал счетчик Гейгера. Иностранцы узнали правду первыми. То, что на протяжении нескольких недель люди ничего не знали об аварии, не было злым намерением Генерального секретаря Горбачева. Он не отдавал себе отчета, что случилось на самом деле. Никто не знал, как остановить взрыв, как справиться с радиацией, пожаром на ЧАЭС. И в тот памятный день наше пребывание на открытом воздухе было ошибочным. И даже опасным. Но кто же знал?!

Псков — город небольшой, и все друг у друга на виду. Поэтому и взаимоотношения между людьми строились сердечно, как в большой семье. Как и на Дальнем Востоке, я взялся за офицерские семьи, уделив особое внимание женам и матерям наших сослуживцев, проходящим службу в ДРА. А их количество с каждым днем становилось все больше и больше, так как уезжали один за другим. Запись в моей рабочей тетради напоминает об этом: 10 марта 1986 года — уехал в Афганистан подполковник Муратов А.Н.; 11 июня — проводили прапорщика Дворникова С.В.; 11 августа — лейтенанта Седельникова В.А.; 15 августа — подполковника Шарпатых В.С.; 15 сентября — прапорщика Амелина В.М.;

и далее пошли — капитаны Нефедов, Кочергин, майоры Борисов, Дроздов, Руссков, Самсонов...

Перед каждым праздником я лично объезжал семьи наших афганцев, вручал подарки и поздравительные открытки, интересовался проблемами и помогал в их решении. На особом счету была забота о семьях и вдовах погибших товарищей.

Боевая подготовка в бригаде стояла на должном уровне. Одним из важнейших ее элементов была огневая. Стрельбы из автомата проводились еженедельно. Боеприпасы получали из такого расчета, чтобы каждый стреляющий смог выполнить упражнение учебных стрельб 8 — 10 раз. Сначала проводилась индивидуальная огневая подготовка разведчиков. Стреляли все упражнения, которые позволяла выполнить мишенная обстановка стрельбища. Как сейчас помню, все три упражнения были очень сложными. Например, упражнение №1 выполнялось из автомата с глушителем (ПБС). Для того чтобы получить оценку «отлично», надо было из 4 мишеней поразить все, в том числе первую с первого выстрела. Это по сути снайперская стрельба. Не проще было и упражнение №2 из автомата. Упражнение выполнялось в движении, огонь велся из положения стоя с короткой остановкой или с колена. Чтобы получить «отлично», надо было поразить все 4 мишени и попасть гранатой в окоп. Упражнение №3, пожалуй, было самым трудным. Его мишени требовалось поражать первыми выстрелами, днем на три мишени — три патрона, а ночью на один патрон выделялось больше (т.е. на три мишени — четыре патрона). Для того чтобы стать мастером такой стрельбы, приходилось много тренироваться. Среди личного состава настоящими снайперами считались подполковник Пашковский, капитаны Воронов, Колосков, Карабенюк, которые при стрельбе из пистолета выбивали 29 — 30 очков. Отменными стрелками являлись срочники ефрейтор Юрий Анисимов и рядовой Сергей Шевченко, которые буквально наступали на пятки офицерам, выбивая по 28 очков. Не буду скрывать, для меня наука отличной стрельбы далась не сразу. Тренироваться приходилось три раза в неделю на полигоне, на стрельбище в тире части. По утрам в выходные дни мы стреляли в тире вместе со спортсменами. Все это положительно сказалось на моих навыках и умениях. Эффективным оказался и способ обучения, который смахивал на игру: стрельба по предметам, явно показывающим попадание. Стрельба по банкам, бутылкам, коробкам развивала интерес к стрельбе и

прививала уверенность в своем оружии. Кстати сказать, эти навыки с первых дней очень пригодились мне в Афганистане и подняли боевой авторитет.

В бригаде существовали и некоторые организационно-штатные особенности. В частности, в состав соединения входило несколько кадрированных отрядов, которые разворачивались до полного штата только в военное время. Ими командовали опытные спецназовцы, подполковники Селиверстов В.И., Недосеков В.И. и Якимовский В.И. Ежегодно на полевой базе бригады (в скрытом от посторонних глаз в глухом хвойном лесу), они с помощью военкоматов призывали на сборы приписной состав. Батальоны укомплектовывались под штатную завязку по полтысячи человек в каждом. С личным составом планировалась полноценная боевая подготовка: совершались тактико-специальные учения, парашютные прыжки, выполнялись стрельбы из всех видов оружия, проводились практические минно-взрывные работы... Большая часть «партизан», как их называли, соответствовала военно-учетной специальности, так как в прошлом имела опыт десантной или спецназовской службы. Так что особых проблем с их дополнительной подготовкой не возникало.

Примечательно, что в нашем городе все военнослужащие гарнизона носили одинаковые голубые околыши на фуражках. Кроме десантников, здесь дислоцировался гвардейский краснознаменный Берлинский полк военно-транспортной авиации, без которого невозможно представить существование десантных войск. Летчики этого полка выполняли самые разные задачи по всему миру, летали они в то время и в Афганистан.

На зависть друзьям-десантникам из 76-й дивизии наши разведчики, помимо базовых самолетов Ил-76, Ан-2, которые обеспечивали прыжки десантников, прыгали из вертолетов Ми-8 и Ми-6, прилетавших по распоряжению штаба округа к нам из Ленинграда. Очень часто офицеры парашютно-десантной службы полков и дивизии приезжали к нам в гости, и, по договоренности с замкомбрига Мищенко, осваивали особенности прыжков из неподвижного, завысшего на месте летательного аппарата.

Боевая подготовка всех воинских частей гарнизона была на виду у гражданского населения. Два раза в неделю над городом взлетали, перестраивались и кильватерным строем шли на выброску десанта могучие военно-транспортные самолеты ИЛ-76. А когда

они раскрывали рампы и боковые двери, то редко кто из прохожих не застывал на месте, разглядывая в голубом небе над Кислово тысячи распутившихся парашютных куполов. Это романтическое волнующее незабываемо красивое зрелище. Со стороны Черехи, на Стругокрасненском полигоне, круглосуточно, шесть дней в неделю, гремели автоматнo-пулеметные очереди, ухали пушки и гранатометы. Там шла боевая учеба и обкатка десантных подразделений ВДВ и спецназа для афганской войны.

Всенародная любовь к армии особенно выплескивалась на улицы в праздничные дни, когда парадным строем по городу шли войска. Посмотришь, и дух замирает... У каждого офицера и прапорщика на груди светились боевые ордена и медали. Город Псков воистину был городом боевой славы. Во всех горячих точках планеты побывали псковичи. Полкладбища за восьмидесятые годы заняли свежие могилы летчиков, десантников, спецназовцев, вернувшихся на вечный покой из Афганистана. А кто знал, что впереди у наших друзей будут горячие точки СНГ, Югославия и Чечня... и новые потери.

Забегая вперед, скажу, что для бригады навсегда останутся наиболее скорбными даты:

18 октября 1999 года, 24 января, 21 февраля, 14 марта, 12 мая 2000 года. Это даты гибели наших разведчиков на Кавказе. Так 24 января 2000 года погиб при выполнении воинского долга в Чеченской Республике прапорщик Шанцев Сергей Владимирович. Уроженец украинского городка Каменец-Подольский он был лучшим спортсменом-парашютистом спецназа (совершил 1495 прыжков), летал на парапланах и дельтапланах, мастерски владел оружием. Он прожил всего 41 год, но достиг много. Придя в 1981 году из школы прапорщиков, последовательно прошел должности начальника узла связи, начальника контрольно-пропускного пункта, техника, инструктора. Но большую часть времени служил заместителем командира разведгруппы. Сергей участвовал в 1-й чеченской кампании и был награжден медалью «За отвагу». А во второй своей войне ценой своей жизни спас боевых товарищей. Высокий профессионализм Сергея, его поразительная супервыносливость и способность мгновенно принимать решения спрессовались в боевой обстановке в монолит, имя которому подвиг. А через месяц, 21 февраля 2000 года, под Шатом полностью погибнет разведгруппа старшего лейтенанта Сергея Самойлова, сына заместителя комбри-

га по тылу. Самойлову, капитану Калинину Александру Анатольевичу и капитану Боченкову Михаилу Владиславовичу посмертно присвоят звание Героев России. При этом вдвойне печально, что Михаил Боченков достойно отвоевал свою вторую войну и должен был улетать домой, но сломалась вертушка, и ему отменили отъезд на несколько дней. Как тут не вспомнить народную поговорку «загад не бывает богат». Что это, судьба, злой рок, стечение обстоятельств? Вместо возвращения домой он навсегда ушел на последнее задание... Небольшой Псков содрогнется — привезут сразу 33 гроба с телами спецназовцев. Война к тому времени разгулялась вовсю. Двадцать девятого февраля в Аргунском ущелье 6 рота псковских десантников примет смертный бой с отрядом боевиков Хаттаба и Басаева, имевшим тридцатикратное численное превосходство. Когда силы будут на исходе, уцелевшие бойцы вызовут огонь артиллерии на себя. В марте псковичи будут хоронить восемьдесят пять героев шестой роты 104-го парашютно-десантного полка... Об их подвиге в кинопрокат вышла военно-патриотическая драма «Прорыв», возрождающая лучшие традиции отечественного кино. Всего же за период с ноября 1994 г. по апрель 2006, когда ВДВ окончательно были выведены из Чечни, десант потерял убитыми 350 человек (из них 50 офицеров), ранеными более тысячи человек (200 офицеров). Стали Героями России 33 десантника 76 гвардейской воздушно-десантной Черниговской Краснознаменной дивизии. Достойно показали себя и разведчики псковской бригады, так из 38 Героев-Спецназовцев ГРУ четверо — псковитяне. А всего полсотни спецназовцев сложили свои головы в Кавказских горах. Спецназовцы же 2-й бригады начали воевать в Чечне с 1995 года и воюют более десяти лет до сих пор. Умелые действия командира соединения полковника Блажко А.А. и его организаторские способности, а также совместные усилия всех офицеров, прапорщиков, солдат и сержантов бригады помогли в минимально-сжатые сроки сформировать сводный отряд, экипировать всем необходимым и направить его для выполнения задания правительства в Республику Дагестан (гор. Махачкала). В дальнейшем отряд был передислоцирован в город Буйнакс, где личный состав принимал участие в боевых действиях (населенные пункты Чабан-Махи и Кара-Махи) проявил мужество, отвагу, героизм и успешно выполнил поставленные командованием задачи не понеся при этом потерь. За время участия в контртеррористической операции отряд

прошел боевой путь от Махачкалы до н.п. Борзой, и везде личный состав отряда отличали высокий профессионализм, взаимовыручка и высокая боевая готовность. Ныне все имена погибших разведчиков, кровью вписанные в историю бригады, высечены на гранитных плитах памятника, возведенного на территории части. Ко второму десятилетию нового XXI века в военных городках в Пскове и бывшего учебного полка в легендарных Печорах, будут готовиться полноштатные отряды разведчиков комбрига Шакурина. Эти новые группы и роты будут предназначены для своевременной замены воюющих разведчиков в Чечне. Необъявленная война, целое десятилетие, будет жадно ждать новые порции пушечного мяса...

... Я хотя и увлекся, но не забыл о логике своего повествования. Одним словом, что сейчас, то и тогда в таких боевых коллективах и в такой обстановке любой из нас, военных, хорошо осознавал, что и ему придет час убыть на войну. И исключений не было ни для кого. Подошел мой черед. При этом хотелось бы сказать правду, — находилось много ловкачей, которые различными путями уклонялись от командировок в Афганистан. Только в моем окружении их оказалось несколько. Конечно, в коллективе все это знали, но в открытую никто не высказывался по этому поводу, хотя, безусловно, авторитета этим лицам не добавляло. При прохождении медицинской комиссии в гарнизонном военном госпитале со мной случился неприятный казус: меня забраковали по состоянию здоровья. Терапевт отметил развивающуюся гипертоническую болезнь. В тот момент я, вспомнив уклонистов из собственной части, с ужасом представил себя в их числе. Какой позор! А потом докажи в коллективе, что ты действительно нездоров.

— Надо что-то предпринимать! — Вскоре по ходу родилось рациональное решение, и через знакомого врача удалось подписать заключение о годности к службе в ДРА. Инцидент был исчерпан.

«ДАН ПРИКАЗ ЕМУ... В ДРУГУЮ СТРАНУ»

В тот памятный день, когда молодой немецкий пилот совершил свой дерзкий полет и посадку на Красной площади, я в очередной раз в жизни прибыл на беседу в здание ЦК КПСС на Старой Площади. Примечательно, что в эту высшую инстанцию никакие

пропуска не выписывались, а основным документом являлся партийный билет. Со мной общались руководители военного административного отдела ЦК перед окончательным утверждением решения о назначении на должность начальника политотдела 15-й бригады спецназа, воюющей в составе 40-й общевойсковой армии в Афганистане. Через несколько лет после того дня я узнал, что, оказывается, вместе со мной 28 мая 1987 г. в ЦК КПСС находился и генерал-лейтенант Б.В. Громов в связи с назначением на должность командарма. В тот момент я его не знал и потому, учитывая собственное психологическое состояние напряжения и ожидания, не обратил никакого внимания на присутствие в числе соискателей невысокого красивого генерал-лейтенанта.

Упустил я в этот день (в День пограничника!) и еще одну историческую возможность — поглазеть на самолет немецкого нарушителя, который вызвал тогда большой скандал и смещение с должностей многих военачальников. В тот момент, когда прямо на Красной площади на легкомоторном самолете «Сессна-172» приземлился 19-летний гражданин ФРГ Матиас Руст, я находился менее чем в километре от площади на высотном этаже здания ЦК КПСС на Старой Площади. И этот момент мы хорошо видели в окно. Позор случился потому, что после 1983 года, когда над Сахалином сбили южнокорейский «Боинг», было принято решение по гражданским судам не стрелять. Как впоследствии говорили пэвэошники, они видели, что из Финляндии летит самолет. Сначала его заметила 6-я армия ПВО, потом «передала» Московскому военному округу. Над нарушителем прошли несколько истребителей, и если бы сверхзвуковой МИГ-29 на полной скорости промчался рядом, то «Сессну» опрокинуло и перевернуло бы воздушной волной, но кто же думал, что эта жестянка летит, чтобы скомпрометировать армейское руководство. Об этом, по словам специалистов, свидетельствовали два бака с горючим, чего хватило бы долететь до Москвы и вернуться обратно в Гамбург. «Наивный» мальчик почему-то летел через самый незащищенный участок воздушной границы и точно следовал по границе ответственности различных соединений ПВО, чтобы их командование считало нарушителя «соседским». Руст аккуратно огибал радиолокационные поля, так как безусловно знал систему боевого дежурства. До сих пор неясно, кто подготовил ему баки с советским керосином на аэродроме промежуточной посадки для дозаправки. В итоге министра маршала Сергея

Соколова освободили от должности, а назначили вместо него Дмитрия Язова, который приглянулся Горбачеву во время поездки по Дальнему Востоку. Говорили, что Соколов раздражал Горбачева своими спорами на Политбюро по вопросам сокращения ракетного вооружения, так же как и маршал Ахромеев. В частности оба военачальника прямо сказали генсеку и Шеварднадзе (который возглавлял МИД), что фронтальная ракета «Ока» под договоренность не подпадала, а ее все же в угоду американцам решили уничтожить. Генсек воспользовался немецкой провокацией для того, чтобы избавиться от оппозиционного, как он полагал, руководства Вооруженными силами, открыто не скрывающими чувства собственного достоинства в общении с аграрием, ничего не смыслившим в военном деле.

После беседы в ЦК, погруженный в свои мысли о будущем, я не зашел на Красную площадь, где еще стоял тот самолет-нарушитель. Не глядя по сторонам, погруженный в свои невеселые мысли, прошел мимо по аллеям Александровского сада... И не удивительно, когда много послужишь — есть о чем вспомнить и хорошо подумать. И уж тем более человеку не оседлому. Надев погоню, ты зачисляешься в касту служилых людей, больше не принадлежащих себе. Государство швыряет, куда захочет. И ты не волен роптать. Так надо... Я сам эту судьбу выбрал в восемнадцать лет и шел на все добровольно и сознательно. И в Афганистан я ехал добровольно.

Из Москвы во Псков с Ленинградского вокзала меня проводили друзья-дальневосточники — супруги Грушко. Виктор Дмитриевич в это время был слушателем педагогического факультета военно-политической академии им. В.И.Ленина.

Вскоре в секретку бригады пришел пакет, в нем находился только один документ:

ПРИКАЗ

Министра обороны СССР

По личному составу № 0363

8 июня 1987 года г. Москва

Назначить:

*1. Подполковника Кривопалова Олега Владимировича
начальником политотдела 15-й отдельной бригады специально-*

го назначения, освободив его от должности начальника политодела 2-й отдельной бригады специального назначения.

*Министр обороны СССР
Генерал армии ЯЗОВ.*

Мой волнительный для родных отъезд был омрачен неожиданной болезнью Георгия. Это приключилось за несколько дней до моего отъезда. Не приведи господи. Мы удивлялись — предыдущие шесть лет жизни в суровых условиях Дальнего Востока никак не отражались на здоровье детей. Они там не болели. Выходит, тот суровый климат для них был здоровее.

Я и Галина по очереди дежурили у его постели в отдельной палате в специальном боксе инфекционной больницы. Там мы и простились — когда я улетал, Гошка лежал один на больничной койке...

И еще — остро, каждой клеточкой своего тела я запомнил последние вечера и ночи, проведенные с женой. Когда поздним вечером, ложась спать, моя любимая Галюся, подавленная горем расставания и болезнью сына, выполняла мои желания и плакала при этом навзрыд на моей груди — сердце мое буквально разрывалось на куски. Мы страстно, как последний раз, ласкали друг друга, а в это время из приглушенного динамика магнитофона раздавался хриплый баритон Владимира Высоцкого, терзающего душу словами:

*Разберись, кто ты — трус иль избранник судьбы?
И попробуй на вкус настоящей борьбы...
И когда рядом рухнет израненный друг,
И над первой потерей ты взвоешь, скорбя,*

*Если, путь прорубая отцовским мечом,
И соленые слезы на ус намотал,
Если в жарком бою испытал, что почем,
Значит, нужные книги ты в детстве читал...*

В минуты прощания на аэродроме у трапа самолета не скрывали слез мои женщины, тепло и сердечно простились со мной и

сослуживцы. Для нас же с Галиной начинался новый период жизни...

Особенно сложно на первом этапе оказалось для нее поддержание материального положения семьи. На тот момент мой должностной оклад на 25% был меньше, чем на Дальнем Востоке, и, кроме того, первые три месяца пребывания в Афганистане на основании какой-то нелепой инструкции Минфина денежное содержание по аттестату почему-то не выплачивалось, и ей пришлось жить с детьми впроголодь на свою заплату медсестры в 75 рублей. Только в конце сентября пришел первый перевод из полевого банка 40 ОА на 730 рублей.

Но и в психологическом плане наша разлука далась ей очень нелегко, однако это отдельная драматическая история, которая требует своего летописца. Главное — моя Галюся оказалась сильным и мужественным человеком, достойно пройдя свой сложный крестный путь жены офицера. Через долгих три года и два месяца наша семья воссоединилась вновь.

Я же и не мог предполагать, что эти годы разлуки станут такими значительными в нашей жизни, да и в судьбе страны, что вернусь я в другое государство и в другую армию, в которой вскоре не будет для меня места... А история государства окажется разрублена, как мечом, — позади советский период, впереди — разброд, шатание, перестройка и капиталистические отношения...

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ДОЛГИ

*«Генерал! Только душам нужны тела.
Души ж, известно, чужды злорадства,
и сюда нас, я думаю, завела
не стратегия даже, но жажда братства:
Лучше в чужие вступать дела,
коли в своих нам не разобраться».*

Иосиф БРОДСКИЙ.

Войну любить невозможно, так как она противоестественна человеческому существованию, но все-таки в ней есть что-то от романтики, и сейчас, когда из памяти выветрилось многое трудное, приятно перебирать, как четки, дни и события того тревожного времени.

Мой путь в Джелалабад из Пскова лежал через Ленинград, Ташкент и Кабул.

* * *

Вылетел из Питера на Ил-86 в 5.50 московского времени. Четыре часа комфортабельного полета, и я уже в Средней Азии. Для истории записал: «Рейс на столицу Узбекистана носил № 5060. Стоимость билета — 68 рублей». За предыдущие перелеты на Дальний Восток мы платили в три раза дороже. Самолет и обслуживание мне понравились. В салоне, вмещавшем 350 пассажиров, было уютно и просторно, прощаясь с Родиной, я наслаждался первоклассным обслуживанием и вниманием стюардесс. У них профессиональный взгляд на пассажиров, и, увидев среди общей массы

сосредоточенного военного в десантной форме, они легко и безошибочно определили мое будущее. Верные этике летающего племени девчата уделяли мне внимания весь полет больше, чем другим пассажирам — поднося лишний раз соки и минеральную воду, а также заводя со мной легкомысленные беседы. Этим они как бы снимали с меня отрицательные эмоции предыдущего дня.

Новые впечатления вытесняли из памяти страсти вчерашнего дня, когда я буквально штурмовал кассу Аэрофлота, располагавшуюся в небольшом полуподвальном помещении в 200 метрах от штаба Ленинградского военного округа на Дворцовой площади. Единственная касса для служилого брата оказалась забита военными до предела. Все были взвинчены и агрессивны в своем желании добраться к заветному окошку кассы: большинство посетителей стремились скорей уехать в отпуск, другие возвращались на службу, и только я один в этой безумной толпе убывал на войну.

С большим трудом удалось пробиться к единственному окошку кассы. Долго и отнюдь не мирно, переругиваясь, уговаривал пропустить меня без очереди, однако мои проблемы оставались моими, и никто не хотел пропустить меня впереди себя. Только через тягучие и нервные полчаса «борьбы за существование» один из очередников шепнул мне:

— Бери билет, подполковник, — и освободил место.

Протянув командировочное предписание злобной от усталости кассирше, я через пять минут получил билет, как говорится, в другой мир. После чего с облегчением вздохнул и, потный, вышел на улицу. Поскольку, прилетев в Питер из Пскова, я сразу оставил свои вещи в камере хранения аэропорта Пулково, то налегке побродив напоследок по городу, на вечер я поехал к Бойко. Жена Александра Николаевича Галина Семеновна и дочь Лена провели со мной за разговорами вечер, а к утру вызвали такси к подъезду, и я уехал в аэропорт. Начинался новый день. В Ленинграде, как обычно в это время, было нежарко и сухо, стояли белые ночи...

Прибыв в Ташкент, я сразу окунулся в 30-градусную жару. За полтора десятка лет моей разлуки с этим городом — «жемчужиной Востока» — он заметно изменился, стал еще чище и красивее. Многие жилые районы, комплексными усилиями союзных республик были отстроены практически заново и показались мне совершенно незнакомыми. Два часа добирался до штаба ТуркВО, который стоял достаточно далеко от аэропорта. Здание штаба было

отстроено по современным архитектурным проектам. Единственное, что выдавало его милитаристское содержание, это полутораметровый чугунный орден Красного Знамени, венчавший фасад центрального парадного входа.

Приближаясь к бюро пропусков, я был крайне удивлен большой очередью ожидающих посетителей и сам долго ждал оформления пропуска. Все-таки эти вопросы в Ленинградском военном округе решались намного оперативнее. А потом до позднего вечера, а если быть точным — до 20.30, ходил по кабинетам штаба и политуправления.

Первым представился начальнику штаба округа генерал-лейтенанту Ю.А.Гусеву (поскольку он в военной иерархии курировал спецназ), начальнику разведуправления генерал-майору А.Корчагину, а затем первому заместителю начальника политуправления округа генерал-майору Ю.Панкратову, так как члена военного совета генерал-лейтенанта Г.А. Стефановского на месте не оказалось. После инструктажа полученного от высших начальников, начал обход кабинетов руководителей пониже: начальников основных отделов политуправления полковников В.Гаврилова, Ю.Красикова, В.Виноградова, подполковников Ф.Федоришина, Г.Арзуманова, майоров А.Клочкова, В.Репринцева.

В партучете от доброжелательного инструктора по оформлению партдокументов и просто симпатичной женщины Лидии Васильевны Шпилевской узнал, что «за речкой» в Баграме начальником политотдела 345-го отдельного парашютно-десантного полка служит мой сокурсник Саша Греблюк. А в разведуправлении округа мне дали развернутую характеристику руководящего состава бригад, среди которых я с удовлетворением услышал еще ряд знакомых фамилий. В частности, в 22-й бригаде (в Лашкаргахе), воюющей на юго-западе Афганистана, проходят службу мои сослуживцы по Чирчику: начальником штаба бригады подполковник Виктор Коновальчиков, начальником политотдела подполковник Саша Петрачев. Воспользовавшись любезно предоставленным разведчиками телефоном, я тут же перезвонил жене Виктора Зое, которая проживает в Ташкенте, и с удовольствием поболтал с ней о жизни, о подросших детях, о судьбах наших общих знакомых.

В длинных коридорах политуправления столкнулся еще с одним знакомым — однокурсником по академии, подполковником Петром Федоровым, которому уже довелось замполитом зенитного

полка побывать в Афганистане, выведенного решением правительства летом 1986 года в Союз. С той поры его определили в отдел пропаганды и агитации политуправления округа, где и служил.

Кадровик политуправления, подполковник Сергей Николенко, услышав о моем прибытии из Пскова, тут же с сарказмом не преминул сообщить, что наш земляк, псковский политрабработник, бывший замначпо 15-й бригады подполковник Евланов, вернувшись из ДРА, сразу же написал рапорт об увольнении из армии по возрасту. Удивительно, но это бросается в глаза: многие офицеры после Афгана не желают служить и уходят из армии. Казалось бы, наоборот, — отличились, получили боевой опыт, составляют золотой фонд армии, их нужно держать для сохранения боевых традиций и опыта, а с ними никто из кадровиков и начальников не работает — легко подписывают рапорта... Они — уже отработанный материал...

Пока я бегал по кабинетам, из Джелалабада позвонил мой новый командир полковник Старов и мой сменщик полковник Рузин, которого я ехал сменять. Оба дружески поговорили со мной и сообщили, что с нетерпением ждут на месте... Честно говоря, приятно, когда кто-то о тебе вспоминает и ты кому-то нужен! После всех инструктажей мне было предписано вылететь в Кабул сегодня же, в ночь с 17 на 18 июня. Начальник штаба округа, вручая предписание, был строг и немногословен:

— Вас ждут. Вылетать немедленно! Там идет война!

Среди офицеров политуправления встретились и знакомые по службе на Дальнем Востоке. Этим встречам я был рад не меньше, чем они. Один из них, замечательный человек и руководитель полковник Красиков, выделил мне свой служебный автомобиль «Уазик» для перевозки личных вещей из аэропорта в пересыльный пункт Тузель. Старший машины, молоденький лейтенант, помогая разгрузить мои вещи, высказал уверенность в моем благополучном вылете в Кабул. Слово за слово, оказалось, мой лейтенант — выпускник Свердловского военно-политического училища, и не проявить братскую солидарность к старшему товарищу тот просто не смог. Однако, проявив осторожность, я попросил не уезжать его и подождать минут десять. И моя дальновидность была вознаграждена.

В штабе пересыльного пункта военного аэродрома Тузель меня ждало разочарование. Я был, мягко говоря, удивлен репликой зарвавшегося военного коменданта, прокомментировавшего мое предписание и указанные сроки убытия:

— Видали мы такие лихие предписания. Много тут желающих улететь немедленно, ну и что из того, что начальник штаба округа приказал? Я здесь царь, бог и воинский начальник, когда смогу, тогда и отправлю, а пока гуляй, подполковник, до завтрашнего вечера. Вылетать будешь не раньше чем в 8.00 19 июня...

— Помоги, брат, — обратился я к сопровождающему меня лейтенанту, — получается задержка на сутки. Отвези на ночь к знакомым на Чиланзар.

— Да вы что, товарищ подполковник, не могу я. Я должен возвращаться в штаб.

— Неужели ты бросишь меня здесь? Красиков тебе этого не простит.

— А, ладно, что-нибудь придумаю в оправдание, поехали! — после нескольких минут сомнений принял он решение.

Сдав вещи в камеру хранения пересылки, мы больше часа добирались до отдаленного микрорайона Ташкента к родственникам Галины Семеновны Бойко, адрес которых предусмотрительно мне толкнули в Питере при прощании. Мой приезд в 22.10 оказался неожиданным и доставил хозяевам больше хлопот, чем радости. Однако люди оказались гостеприимные, встретили и разместили меня по-родственному. Осталось воспоминание от сытного ужина, удовольствие от прохладной воды в ванной, размышления о предстоящей войне и здоровый эротический сон... Сон человека, настроенного на жизнь, — в котором обнаженная женщина с крутой грудью курила сигарету.

Проснулся я с первыми лучами солнца. Наступило «крайнее» утро моей мирной жизни. Тепло попрощавшись с хозяевами, приютившими меня на ночь, я вышел в раскаленный от жары среднеазиатский город. Ташкент был всегда прекрасен, но в тот момент он как бы демонстрировал мне свои чудесные розарии и молодую зелень. Прокатившись от Чиланзара в центр на новом метро, я оценил достоинства нового вида транспорта и разглядывал фрески местного восточного колорита, бережно сохраненные в деталях архитектуры и интерьере станций. На тот период еще функционировали только две первые ветки движения от центра в отдаленные районы города, народу на платформах и в вагонах было немного. Интервал между составами, по московским меркам, был просто громадным — 4 минуты.

Вышел в центре города — пообедал в кафе «Голубые купо-

ла». Как и в прежние годы, заказал традиционный узбекский плов и лепешку. На сытый желудок погулял по центру, который хорошо знал. Долго в раздумиях сидел у искусственного водопада около здания республиканского правительства. Здесь было прохладно и уютно. Под струями падающей воды со смехом бегали ребятишки, фотографировались влюбленные пары, на лавочках сидели аксакалы, обсуждая с ровесниками животрепещущие новости жизни планеты. Скоротав таким образом время, после обеда начал добираться до Тузеля.

Местные старенькие трамваи я не любил с лейтенантской юности, так как они ходили с большими интервалами и потому всегда были забиты под завязку. Между тем беспощадное белое солнце продолжало жарить город, воздух буквально дрожал над раскаленными улицами. Простояв около часа на солнцепеке, а потом, втиснувшись в забитый салон, обливаясь потом, с раздражением переносил неспешное движение по маршруту старенького трамвая, который то и дело, надолго, как будто навсегда, застывал на остановках. Наконец-то, когда мое терпение дошло до критической точки, путешествие завершилось, и я с облегчением выскочил на свежий воздух на пустыре около пересыльного пункта.

— Все теперь позади — впереди только Афган!

Торопиться было некуда, и, зайдя на территорию военного объекта, я обошел и внимательно осмотрелся. Пересыльный пункт Туркестанского военного округа под названием «Тузель» представлял из себя стандартный военный городок с рядом соответствующих казарменных построек, зданием общежития и столовой. Через городок за восемь лет войны прошло несколько поколений военнослужащих, ожидавших здесь порой по несколько суток своей отправки в ДРА. И сейчас накопилось большое количество офицеров, прапорщиков и солдат, убывающих за кордон. Для меня как представителя руководящего состава соединения, действительно, сделали исключение и отправляли очередным бортом, — все-таки получалось «вне очереди». Для некоторых ожидание своей очередности растягивалось на 3 — 4 суток. Среди ожидающих отправки были разные люди, в том числе и гражданские, в основном — женщины в возрасте от 20 до 45 лет, которые вольнонаемными выезжали на работу за кордон по контракту.

На общем фоне личного состава заметно выделялись бывалые афганцы, возвращающиеся после отпусков и лечения в госпиталях в

свои части. Во-первых, потому что они держались своими небольшими группками. Во-вторых, вели себя непринужденно в сравнении с придавленными ожиданием неизвестности остальными обитателями городка. А в-третьих, среди них было много выпивших. Что являлось редкостью, так как в стране велась активная борьба с алкоголизмом.

Большинство из афганцев были в обмундировании нового образца, какое до сих пор мы могли видеть только на страницах «Красной Звезды». Глядя на их обветренные и загорелые лица, на орденские планки на груди, все новички испытывали одинаковое чувство уважения и зависти к ним — фронтовикам, ведь им было известно то, что пока еще было неизвестно нам. Это неизведанное составляло для нас привлекательную и завораживающую тайну... Одновременно неизвестность во многом, что касалось войны, внушала какие-то плохие предчувствия и излишнюю напряженность.

На территории военного городка, созвучно настроению ожидания, располагалась наглядная агитация с аллеей портретов Героев Советского Союза, отличившихся в ДРА, с описанием правительственных наград, правил поведения в стране пребывания. В другой обстановке вряд ли бы я обратил внимание на эту наглядную агитацию, а здесь все это трогало душу. Окружающее произвольно настраивало на некую боевую волну, глубокое осмысление привычных шаблонных слов того времени, как «интернациональный долг».

В штабе части, сотрудники пересылки сказали, что в 2 часа ночи всех улетающих «за речку» вывезут из городка на аэродром в таможенную, которая начнет работать с 7 утра. Предложили до этого времени лечь отдохнуть. Не знаю, как другие, но сам я спать не ложился и провел последнюю свою бессонную ночь на лавочке в воспоминаниях и размышлениях. В точно указанное время, нарушая покой глубокой ночи, подошла колонна из нескольких грузовых автомобилей Газ-66. Ярко загорелись лампы и пересылка оживила — забегали с чемоданами убывающие, а сотрудники пересылки зачитывали списки, проверяя свои данные по отправке. Забросив свои многочисленные пожитки, мы взгромоздились на них сверху и выехали в темноту на пограничный и таможенный контроль. Наступало длинное утро памятного дня прощания с Родиной...

Все прибывшие разместились до утра в просторном помещении на креслах и стульях для ожидания начала работы таможи Тузель. Я не могу объяснить, почему нас вывезли так рано, но

сотрудники этого последнего советского органа, перед пересечением границы, начали свой рабочий день строго по распорядку — в 7.00. Наше же пятичасовое ожидание спрессовалось в психологические эмоции — прифронтовой «перестройки сознания» с мирного на военный лад.

Таможенный контроль я проходил в числе первых. Опытные специалисты, как только взглянули на меня: с иголки одетого в повседневную военную форму, тянущего за собой чемодан, парашютную сумку и портфель, сразу определили во мне новичка, не имеющего афганского стажа. А значит и не представляющего для них интереса. Практически за одну минуту, без досмотра моих вещей и других процедур, они пропустили меня на пограничный контроль. Сам же процесс пересечения государственной границы оказался для меня нов, серьезный неулыбчивый пограничник посмотрел на меня стальным пронизательным взглядом в котором не скрывалось подозрение, что перед ним законченный японский или английский шпион, но вынужденный к подчинению шлепнул штамп в мои документы. И небрежно махнул рукой: — Проходи, не задерживай!

Преодолев последний пограничный барьер, условно разделяющий меня от СССР, и, разглядев первый штамп в своем новеньком служебном паспорте, я почувствовал себя именинником. — Вот оно, началось! Впереди таинственный Афганистан! Втянув свои неподъемные вещи в глухое помещение, называемое «накопителем», я сел на длинную и просторную лавку ближе выходу на перрон и стал ждать дальнейшего развития событий. Ждать пришлось долго, так как работа таможни затягивалась. Где-то часа через три помещение «накопителя», наполнилось людьми, как консервная банка сельдями, сумками, чемоданами и какими-то неизвестно откуда взятыми необъемных размеров баулами. Вскоре дышать в этом помещении от недостатка кислорода и обилия табачного дыма было нечем. Думаю, ни один я ждал завершения проверки всех трехсот человек, вылетающих в Кабул, как прекращение этой пытки кислородным голоданием. Но все имеет свое начало и свой конец, наконец, двери широко распахнулись, свежий ветерок ворвался в помещение, и хмурые пограничники скомандовали:

— Выходи!

Мы оказались на бетонке взлетной полосы военного аэродрома. Невдалеке стоял красавец (лучшее достижение советской авиа-

ционной промышленности тех лет), военно-транспортный самолет ИЛ-76.

Мне хорошо знакомы были эти самолеты по Пскову, где дислоцировался авиаполк, бросавший нас с небес с парашютами в Кислово. Поскольку я оказался ближе всех к самолету, то в числе первых и поднялся по аппарели сразу выбрав себе посадочное место по правому борту в районе иллюминатора. В самолет же следом за мной шли и шли сотни людей. Посадочные места вскоре кончились. Военные вынуждены были садиться на свои вещи, чемоданы, сумки, ящики с боеприпасами и куда придется. «Цыганский» табор гудел как улей. Борттехник включил гидравлику и рампа закрылась. Загудели прогреваемые турбины, заглушая голоса пассажиров, рассаживающихся на свободных местах внутри фюзеляжа..

Я осмотрелся. Через иллюминатор была видна большая часть аэродрома, где базировались самолеты полка военно-транспортной авиации, располагающей летательными аппаратами типа АН-8, АН-12 и ИЛ-76, обслуживающие 40-ю общевойсковую армию.

Подготовка к взлету закончилась, надрывно взрвели турбины, и наш самолет стремительно пробежав по полосе, легко взлетел, а затем резко пошел вверх в небо. Его полет выровнялся, когда мы поднялись на свой эшелон, однако волнение не проходило не только у меня, но и у большинства пассажиров. Спали или просто дремали совсем немногие. Новички, волнуясь больше других, переглядывались между собой. В глазах у всех одна мысль:

— Что там впереди?..

* * *

Во время полета с высоты 10000 метров видел широкий изгиб Аму-Дарьи, по другую сторону которой лежала афганская земля. Стоял солнечный ясный день, позволявший рассматривать освещенную солнцем вздыбленную горами зарубежную землю южного соседа. Нагромождения заснеженных скал, однообразные в своем беспорядке, тянулись к нам, мимо которых, как нам казалось, особенно медленно проплывал наш самолет. Картина фантастическая и захватывающая: шапки ледников тянутся к небесам, а черная глубина ущелий будто уходит проваливается в недра земли... Наивно пытался я разглядеть людей на массивах обработанной земли и в селениях. Дело, конечно безнадежное, но хотелось скорее посмотреть — что же это за люди — афганцы, и кто такие душманы?

Полет до столицы Афганистана занял всего один час тридцать минут. Вот, оказывается, как недалеко от нас эта восточная страна. Местное (кабульское) время отличается от московского всего на полчаса. В 9.30 местного времени наш самолет круто пошел на снижение, будто пытаясь поближе взглянуть на Кабул с воздуха... Я прижался к стеклу иллюминатора, напряженно вглядываясь в разворачивающуюся подо мной картину. Первое, что бросилось в глаза — это гроздь тепловых ракет, уходящих к земле с борта нашего самолета. Они предназначены для сбоя наводки зенитно-ракетных комплексов противника, но новичок принимает их гроздь как забавный фейерверк или праздничный салют.

А второе — величественная красота громадного миллионного города, разбросанного по склонам гор и на кабульской равнине, сплошь разделенной на мелкие квадраты и прямоугольники. Все внизу унылого красновато-коричневого глинистого цвета. Как мне бросилось в глаза, в городской архитектуре преобладали типичные плоские азиатские глинобитные строения с деревянным каркасом и земляной крышей. Окон в таких жилищах нет: свет проникает через двери или небольшие отверстия в крыше или стенах. Вообще настоящее типичное средневековье!

Мы шли к земле стремительно и неотвратно, и чем ниже мы опускались, тем выше становились окружающие горы. На горизонте они стояли ярусами, дальние — со снежными пиками, ближние — куполообразные и столовые горы, с отрогами, седловинами и промоинами. Наконец, удар колесами о землю, короткая пробежка по бетонке, и самолет круто зарулив, встал на отдаленной стоянке. Вот мы и в городе Кабуле...

Когда летчики открыли рампу, нас опажнула удушающая жара и неласковое солнце заграницы. Состояние было такое, будто тебя в одежде засунули в раскаленную сауну. Прозвучала непонятная команда, мы начали переспрашивать друг у друга ее суть, а потом, действуя по армейскому принципу «делай, как я», потянулись за бывальыми афганцами. Бетон полосы жег подошвы, мой груз вскоре показался неподъемным. Солнцепек... жара... духота... пыль...

Просить о помощи было некого, у каждого были свои вещи. Но при всей сложности переживаемой обстановки мне все же показалось, что жара переносится здесь легче, чем в Ташкенте. И я не ошибся, позднее узнав, что мое первое ощущение оказалось вер-

ным, — ведь Кабул располагается на высоте 1800 метров над уровнем моря.

Кое-как добрался до вертушки КПП пересыльного пункта ОКСВА в/ч пп 61339. За ней плотной стеной стояла толпа зевак, судя по внешнему виду, таких же новичков, как и мы. И вдруг неожиданно толпа расступилась, и мои затуманенные потом глаза увидели бросившегося мне навстречу сослуживца по Пскову, шифровальщика бригады майора А.И. Дроздова, которого мы проводили в ДРА на неделю раньше. Оказывается, он все это время просидел на пересылке.

Александр Игоревич бросил в толпу фразу:

— Это наш начпо приехал!

Раздвигая толпу плечами, следом за ним ко мне протиснулись два загорелых офицера в выгоревшем от солнца ХБ с десантными эмблемами защитного цвета. Без лишних слов все трое подхватили мои вещи и повели с собой в один из модулей (так в Афганистане называли легкие сборные барачные строения, используемые под жилье), где располагались прибывшие офицеры. Внутри здания оказавшегося типовой казармой, где рядами стояли обычные солдатские кровати, на которых сидели и лежали офицеры и прапорщики всех родов войск, было необычайно жарко и душно.

Один из моих новых знакомых — высокий и худой майор, представившийся Панкратовым, начальником автослужбы бригады спецназ, сняв с плеча автомат с вставленным в него магазином из двух рожков, скрепленных синей изолентой достал из тумбочки и протянул мне невиданный экзотический напиток, трехсотграммовую баночку лимонада «Сиси».

— Какое училище закончили? — спросил его я.

— Челябинское, — ответил мой радушный хозяин.

«О, земляк. — Это хорошо». Подумал я.

Выпив лимонад, распространенный для продажи в местных военторговских магазинах, я не только не утолил жажду, а еще более захотел пить.

Второй офицер тоже являлся зампотехом отряда спецназ из Газни выпускником Рязанского автомобильного училища.

— Майор Луганский Александр Иванович, — представился он. — Завершаю службу в ДРА и лечу с последними отчетами в штаб бригады.

Немного передохнув в душном помещении, я вышел на терри-

торию военного городка. Условия быта пересылки меня неприятно поразили. Основным недостатком являлось отсутствие воды. В этом скопище тысяч людей вода подавалась два раза в сутки на ограниченное время, поэтому ни умыться, ни попить в настоящий момент не представлялось возможным. Большие массы военнослужащих мучились от безделья и находили развлечение в наблюдении за непрерывными взлетами и посадками самолетов и вертолетов на взлетно-посадочной полосе аэродрома.

Гонимый нестерпимой жаждой, я зашел в военторговский магазин, на прилавках которого обнаружил в изобилии различные напитки. Стояли рядами бутылки минеральной воды, лимонада «сиси», баночки с виноградным и апельсиновыми соками. Достав оставшиеся деньги — советские рубли — я попросил продавца продать мне несколько бутылок «Боржоми». Развратного вида крашенная толстушка с бурным раздражением отшвырнула мои деньги, объяснив «в десятый раз», что торговля осуществляется только на чеки внешторга. Таковых, естественно, ни у меня, ни у тысяч горемык прибывших из Союза не было. Потому и полки ломались в избытке. Вот уж, действительно, изощреннее восточной пытки не придумаешь. Этот парадокс меня, мягко сказать, удивил.

— Кто для кого работает?

Забегая вперед скажу: такой порядок просуществовал до самого вывода войск. Потому предприимчивые торговые работники и кладовщики выгодно сдавали стоящий мертвым грузом товар в местные магазинчики-дуकаны.

Подошло время обеда, о чем оповестил громкоговорящий радиоузел пересылки, и мои новые знакомые повели меня в столовую. Где за большими солдатскими столами рассаживались на равных и солдаты, и офицеры, и вольнонаемные. В больших десятилитровых бачках принесли пищу, которая не отличалась изыском, но состояла из трех блюд. К этой коммунистической заботе о питании прибывающего личного состава мы привыкли с первой же минуты. Все находящиеся в Афганистане военнослужащие, рабочие и служащие немедленно ставились на бесплатное питание по нормам солдатского пайка в столовых частях.

Над территорией пересылки непрерывно звучали команды громкоговорителя, которые объявляли новости. После обеда колонки известили всех прибывших, о необходимости подойти к штабу пересыльного пункта для перерегистрации убывающих команд. Когда я

подошел к штабу, там уже шло построение команд и перекличка солдат. Прибывшие офицеры сдавали свои предписания в строевую часть штаба и уходили отдыхать в модули. Меня же предупредили, чтобы я был готов в ближайшее время убыть в штаб 40-й армии для представления руководству.

— А вот, кстати, товарищ подполковник, и замчэвэса приехал, — сказал начальник пересылки. — Идите представляйтесь! Это полковник Иванушкин.

Я глянул в окно и увидел, как из легкового автомобиля УАЗ без боковых передних стекол вылез черноволосый стройный полковник средних лет в афганском обмундировании с кобурой пистолета на ремне. К нему бросились докладывать и представляться командиры и начальники. Я тоже подошел к этой свите. дождался удобной минуты и представился. Он выслушал мой доклад доброжелательно, но, как мне показалось, совершенно равнодушно и без всяких эмоций на лице. Однако через час, закончив работу на пересылке, Иванушкин вспомнил обо мне и вызвал через посыльного в свою машину, для поездки в штаб ОКСВ, который размещался на южной противоположной окраине города в районе именуемом Дар-Уль-Аман.

Из окна автомобиля замчэвэса и состоялось мое знакомство со столицей Афганистана. Это не была экскурсионная поездка, — трое моих спутников внимательно оценивали обстановку в готовности применить автоматы, что лежали у каждого на коленях. Для меня оказалось полной неожиданностью то, что штаб располагался так далеко от аэродрома. Мы ехали около часа. А город бурлил, жил своей деловой жизнью. Бросилось в глаза слияние средневековья и достижений XX-го века. Европейская одежда и современные автомобили легко и непринужденно сочетались с выгоревшими на солнце накидками, одеялами и паранджой. Хотя в то время четверть афганских женщин одевались по-западному, и ее не носила. Над улицами висел дымок от мангалов с шашлыком, размещенных тут же, рядом с лавками многочисленных торговцев.

Что я знал об Афганистане? Да, пожалуй, многое. У нас в спецназе к командировкам на войну готовились все. Ежедневно и равнодушно впитывали информацию — открытую и секретную, рассказы очевидцев и газетные публикации. Наш сосед граничил с СССР на протяжении 2346 км. Вплоть до середины XVIII века афганцы не имели своего собственного государства. Земли, заселен-

ные афганцами, входили в состав различных феодальных деспотий Востока. Лишь в 1747 году в результате распада державы НаDIR Шаха вождю афганского племени Абдали Ахмед Шаху удалось объединить в рамках национального государства несколько племен. Столицей государства тогда стал сначала Кандагар, а только в 1774 году определились с Кабулом...

На оживленных перекрестках города и у шлагбаума при въезде в военный городок Дар-Уль-Аман глаза выхватывали дорогие моему сердцу голубые береты, дежуривших пикетов советских десантников. Наконец, совершив стремительный подъем по серпантину горной дороги, наш автомобиль остановился у входа в красивое трехэтажное здание, своей монолитностью напоминающее крепость. Это был дворец Амина — «Топайн Таджек». С декабря 1979 года до середины января 1989 года здесь находилась постоянная резиденция командующего 40-й общевойсковой армии и его штаб.

Поднявшись вместе с Юрием Николаевичем Иванушкиным на третий этаж, я оказался в политотделе армии. Именно здесь и состоялось первое знакомство с новыми командирами и начальниками. Первая и достаточно подробная доброжелательная беседа прошла с начальником отдела кадров подполковником Сосновым А.Н. Это был человек среднего роста, сухощавый, с приятными и интеллигентными манерами. Соснов рассказал мне о политработниках моей бригады, о специфике работы и требованиях к начальникам политорганов. Не без гордости показал наградные материалы, подготовленные к отправке в Москву, на замполита одной из рот 15 бригады. Старшего лейтенанта представляло командование 40 армии к званию Героя Советского Союза.

Соснов мне сказал:

— Представление к такой награде очень редкое явление, так как по сложившейся традиции политработников, а их в армии всего по штату 1179 человек, представляют к наградам достаточно сдержанно, так как, по мнению командиров, их долг, как это раньше считалось и с комиссарами — быть примером для подчиненных. Однако несмотря на ограничения ежегодно около 600 офицеров политработников и 70 — 80 прапорщиков полита состава получают боевые награды. А вот Героев пока получили только четыре человека: Николай Шорников, Александр Демаков, Александр Опарин и Геннадий Кучкин. При этом, — подчеркнул начальник отдела кадров, — трое из них посмертно. Обратите внимание, Олег Владими-

рович, чтобы на местах было меньше волокиты и зажимов. Не стесняйтесь представлять к наградам отличившихся в ходе боевых действий, независимо от срока службы. А то у нас до сих пор придерживаются существующего негласного правила: пока год не прослужил, не представлять. Для тех, кто воюет, а ваши подчиненные не выходят из боев, представлять по заслугам и не тянуть. Толковых политработников представляйте на выдвижение по службе. У нас имеется 165 должностей замполитов батальонов и дивизионов, которые периодически обновляем кадрами, получившими боевой опыт. И, последнее, берегите людей. Потери среди политработников составили на сегодняшний день 131 человек убитыми и три с половиной сотни ранеными. Но лиц не соответствующих предъявляемым требованиям терпеть не будем, когда возникает необходимость — возвращаем в Союз. Если нужны будут кадровые перестановки, мы всегда пойдем вам на встречу. Особенно должны быть нетерпимы факты грубого нарушения воинской дисциплины. Так в армии за 1985 — 1986 годы привлечены к партийной ответственности за злоупотребление спиртными напитками, за халатность по службе, недостойное поведение — 249 политработников, из них 79 замполитов батальонов, 109 замполитов рот. В этом плане добивайтесь личного примера политработников!

ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА АРМИИ

После беседы подполковник Соснов проводил меня в соседний кабинет, где представил члену военного совета — начальнику политотдела армии полковнику Захарову. Александр Иванович высокий и стройный мужчина, с пышной кудрявой шевелюрой светлых волос. Его голубые глаза смотрели на меня доброжелательно и в то же время, оценивающе:

— Кто такой? Что от тебя ждать? Посмотрим?

Чуть позже мне открылась биография самого комиссара армии. Его судьба оказалась простой, но на зависть многим его недоброжелателям — счастливой. Александр Иммаметдинович родился 13 апреля 1938 года в татарской семье служащих. В Самаре закончил 8 классов и пошел работать фрезеровщиком на заводе, по вечерам продолжая учиться в школе рабочей молодежи. В 1955 году поступил в Энгельское военно-морское училище ПВО. Закончил

его с отличием, однако в связи с изменением оборонной доктрины государства на флот не попал, а был выпущен в сухопутные войска Советской Армии. Через год офицерской службы его направили на комсомольскую работу. Эта случайность и определила дальнейшую военную судьбу. Он проходит службу секретарем комсомольской организации полка, бригады, корпуса ПВО. Выдвигается в отдел комсомольской работы политуправления Уральского военного округа, заочно заканчивает учебу в ВПА им. В.И. Ленина. На Южном Урале, в Чебаркуле, в должности заместителя начальника политотдела учебной мотострелковой дивизии, осваивает руководство политотделом соединения. По замене попадает в Германию. Там возглавляет политотдел элитной 3-й гвардейской бригады спецназначения, а затем мотострелковой и танковой дивизий. По замене уезжает на Дальний Восток, где назначается первым заместителем начальника политотдела сахалинской армии. Затем переезжает в Днепрпетровск на политотдел 6-й гвардейской танковой армии. Однако служба в «придворном» Киевском военном округе не складывается с самого начала, и прямолинейный и резкий Захаров быстро попадает в опалу и отправляется в «ссылку» — в Афганистан.

С июня 1987 года он — Член Военного Совета — начальник политотдела 40-й общевойсковой армии в ДРА. На этой должности, по мнению многих, полностью раскрылся талант Захарова как боевого политработника. Он отличался личной смелостью, был отважен и изобретателен. Его чаще видели в бригадах спецназа, парашютных полках ВДВ, чем в кабинете политотдела армии. Он не скрывает своей любви к смелым разведчиков и десантникам; неоднократно бывая в частях, вылетает с досмотровыми группами на вертолетах под огонь моджахедов, на борьбу с караванами мятежников... Мне однажды пришлось под Джелалабадом вместе с Захаровым на двух танках прорываться в духовский кишлак, спасая подорвавшихся на фугасе мотострелков. Впечатление от искалеченных тел убитых и раненых, от перевернутой взрывом бээмпэшки было не из приятных, но после того авторитет Захарова в моих глазах стал исключительным. Я задавал себе вопрос:

«А нужно ли было заместителю командующего собирать по тревоге сборное подразделение и таким неожиданным десантом без прикрытия с воздуха и с земли лезть в самое пекло? Не было ли тут доли авантюризма? Ведь мы могли вместе с Захаровым попасть в засаду и увеличить список потерь. — И тут же сам себе отвечал:

— Наверное, Громов бы в отличие от Захарова, поступил несколько иначе, но и он часто вылетал или выезжал в опасные районы для изучения ситуации на месте, как это не раз бывало на боевых действиях».

По предложению ЧВСа, чем гордились политработники, во время операции «Магистраль», была применена военная хитрость — выброшен демонстративный ложный десант над логовом бандитов под Хостом, что позволило вскрыть систему огневых точек противника и спасти жизни многих наших солдат и офицеров.

Отличительной чертой Захарова была независимость от командиров, он всегда имел собственное мнение, что особенно раздражало московских начальников из Главпура, привыкших к чиновничеству. Неслучайно, что после награждения командарма звездой Героя Советского Союза и представления к этому званию его боевого комиссара, начались склоки и интриги. В результате награжденной лист на Захарова «теряется» в арбатских кабинетах. Для того, чтобы как-то сгладить шероховатости в общении с Захаровым, Главпур в феврале 1989 года назначает его первым заместителем ЧВС-начальника политуправления ТуркВО. Однако Захаров остается на своем посту в армии до полного вывода войск из Афганистана. Через год генерал А.И.Захаров уже ЧВС-начальник политуправления ТуркВО, но служить на этой должности ему уже не пришлось. С развалом СССР, ликвидацией политорганов, Александр Иммуметдинович со своим независимым характером первым попадает в последнюю для него опалу. В эту трудную минуту он сполна испил чашу презрения и предательства. От него отвернулись даже бывшие заместители командующего 40-й армии, с которыми он вместе выполнял интернациональный долг.

Справедливости ради, следует сказать, что сохранил верность Захарову только Громов, но и тот, человек очень осторожный, и тоже гонимый не менее чем Захаров, в своей книге «Ограниченный контингент», уделил замполиту несколько сдержанных строчек.

В этот трагический период молодой и цветущий генерал-лейтенант переживает психологический надлом и начинает тяжело болеть, а 28 ноября 1992 года скоропостижно уходит из жизни от цирроза печени в Днепропетровском военном госпитале. Может быть всему виной стали невидимые последствия непродиагностированных амёбных процессов в печени, а может психологическая травма? Кто знает?

Хоронили его в Днепропетровске только бывшие подчиненные и афганцы. Командование 6-й гвардейской танковой армии проигнорировало смерть бывшего члена военного совета, и дипломатично, а может наоборот демонстративно, отстранилось от участия в похоронах. А человек-то это был заслуженный, не кабинетный работник, а настоящий боец-десантник, мужественный политработник и благородный человек.

За годы многолетней военной службы Захаров был отмечен орденами Красного Знамени, «За службу Родине» II и III степени, орденом Почета. А через десять лет после его смерти из Москвы пришло сообщение о награждении Захарова орденом Красной Звезды. Его жена Эрнесса Викторовна, не смогла существовать без любимого Сашеньки и умерла, — зачахла на глазах, — через четыре года после мужа, 11 июля 1996 года. Так они и лежат сейчас в одной общей могиле на центральной аллее Сурско-Литовского кладбища в Днепропетровске.

...Но, да простит меня читатель за сумбурность изложения, вернемся в июнь 1987 года... Короче говоря, член военного совета встретил меня весьма дружелюбно, выслушал и дал свой наказ по службе:

— Вам выпала честь служить в строю 40-й армии, которая имеет более 120 тысяч человек личного состава. Это самая мощная советская военная группировка, уступающая только Группе советских войск в Германии. Основными видами боевой деятельности частей армии являются: охрана административных центров и транспортных артерий (осуществляемая со сторожевых застав и постов); рейдовые действия; разведывательно-боевая деятельность; поражение бандформирований огнем артиллерии и БШУ авиацией; а также перевозка грузов в колоннах. Особое внимание командования армии, — подчеркнул Захаров, — приковано к боевым действиям двух бригад спецназ, которые ежедневно дают боевые результаты за всю 40-ю армию. Очень хорошо действуют ваши подчиненные, вот, к примеру, одного представляем к высокому званию Героя Советского Союза. — С этими словами он с заметным чувством удовлетворения протянул мне наградной материал на старшего лейтенанта П.Г. Трофимова, замполита роты спецназ 668 ооСпН, 15 обрСпН, что принес в папке начальник отдела кадров. Наградной лист был испещрен большим количеством подписей заверяющих и утверждающих и скреплен гербовыми печатями. Вам, товарищ

Кривопалов, повезло на командира бригады. Полковник Старов большая умница, я о нем слышал давно и много доброго. Не стесняйтесь брать с него пример, но не забывайте, что вы начальник политотдела и не подменяйте должностных лиц — работайте над своими проблемами. Вам предстоит непростая задача в короткий период влиться в этот боевой и заслуженный коллектив. На сегодняшний день потери 15 бригады составляют 471 человек. Берегите людей! Особое внимание обратите на моральный климат в соединении и ищите человеческие формы работы с подчиненными, быт личного состава, его размещение, а также изучайте нравы обитателей военных городков. Их в вашем соединении пять. Они не отличаются изыском.

Я скажу прямо, разведчикам командование армии уделяет внимание меньше, чем другим. Я побывал во всех отрядах вашей бригады и скажу, что живут они тяжело. Часть обитает в землянках, а часть все эти годы прозябает в палатках. Как коммунист коммунисту, скажу, что отношения между людьми во многих частях нашей 40 армии далеки от идеала. Не случайно было написано последнее постановление ЦК КПСС озабоченное издевательствами и неуставными отношениями, преступлениями, в нашей армии. Солдаты, проявлявшие в ходе боевых действий образцы взаимовыручки, самопожертвования и отваги, могут по возвращении в городок довольно жестоко избить сослуживца, если тот, по их мнению, нарушил негласные правила кодекса.

Конечно, здесь не институт благородных девиц. Как показало анкетирование, проведенное недавно политотделом армии, до 85 — 90% рядовых и сержантов выходцы из рабочих и крестьянских семей, многие воспитывались в распавшихся и неблагополучных семьях. Откуда тут взяться хорошему тону. Нравы здесь жесткие — в духе окружающей обстановки, — спокойно и доверительно говорил мне А.Захаров. — Чаще всего рукоприкладство, которое называется «разборками», происходит после возвращения с операции. Поводы для этого бывают разные. Например, во время пребывания в горах молодой солдат выпил всю воду, предназначенную для группы, или от усталости во время пешего перехода не смог нести свой груз — «сдох», как говорят, или заснул во время дежурства. Пока группа находится «работая» в горах, его никто не трогает, но стоит ей вернуться домой — провинившегося бойца сурово наказывают. Запомните, в эти часы отдыха и надо интенсивно работать с

личным составом. В наш адрес поступает много писем от родителей обеспокоенных отсутствием писем от своих сыновей. Обратите внимание всего командного состава и политработников на этот совсем не личный вопрос. Заставляйте писать не только солдат, но и командиров подразделений, пусть не жалеют писем — благодарностей за воспитание сыновей.

Информируйте партийные и советские органы по месту жительства о достойной службе и героическом поведении их призывников. Это очень важно для практического воплощения в жизнь лозунга: народ и армия едины! Однако если быть объективным, в том, что касается неуставных отношений в виде мордобоя или издевательств над личностью, в частях спецназа их поменьше, чем в других подразделениях и частях, находившихся в Афганистане. Но не обольщайтесь. И у вас этого добра хватает. Но вы же необычные части и разведке такие случаи вдвойне не терпимы! Недавно решили с командующим представить ваш 668 отряд, что дислоцируется в Бараках, к выпелу министра обороны, и все насмарку. Таковую взбучку получили от министра обороны. Там как раз в это время просто дикий случай произошел. Доведенный до отчаяния солдат-разведчик младшего призыва ударил ночью садиста-старослужащего топором по голове. Убить не убил, но сделал инвалидом, в ходе следствия, прокуратурой вскрылись такие дикие факты, что пострадавшего ничуть не жалко, но отряд-то опозорили.

Член военного совета встал, вышел из-за стола. Подошел к столу на котором стояло несколько бутылок с газированной минеральной водой «Боржом». Открыл две бутылки и одну со стаканом поставил передо мной. Налил себе воды, аккуратно без жадности, в отличие от меня, выпил. И продолжил разговор, проникновенно сказав:

— Части спецназа у нас с командующим на особом счету. Мы ценим их работу, но и требуем с командования бригад больше чем с других. Ведь это части специального назначения! Они ввиду своей малочисленности должны быть очень слаженными коллективами: антагонистические отношения между дюжиной людей — не позволят ей успешно действовать. У вас, Олег Владимирович, особый ритм службы — большая часть времени у спецназовцев проходит на операциях. В частях разведчики находятся гораздо меньше, чем в горах. И вам придется помотаться по частям. Особое внимание обратите на промежуток времени, когда люди приходят с

боевых — старайтесь сделать все для организации досуга, дать людям выспаться, отдохнуть и подготовиться к очередному выходу.

Захаров задумался о чем то о своем, а потом продолжил:

— Одинаково жестоко карается в коллективах военнослужащих, независимо от срока службы, допустивший трусость, малодушие, доноительство. Разница в различных сроках службы, которая определяет отношения между солдатами повсюду в воинских частях в Союзе, здесь особой роли не играет. Чрезвычайно редко происходят столкновения на национальной, религиозной почве или из-за личных антипатий. Со своей стороны мы стараемся делать для вас все. При направлении личного состава в отряды спецназ мы требуем тщательного отбора по физическому развитию, выносливости, скорости реакции и направляем только после чирчикского учебного полка. Но изучайте молодое пополнение. Не гоните сразу в горы, где солдаты могут сломаться. Для этого лучшим средством естественного отбора оказываются большие физические нагрузки, которые переносят спецназовцы на операциях.

Он вновь помолчал, читая характеристики в моем личном деле, а затем продолжил:

— Вы не новичок в спецназе и знаете, что офицеры наравне со своими подчиненными несут все тяготы службы и подвергаются точно такому же риску во время боевых операций. Они не имеют права прятаться за спины солдат.

Внезапно зазвонивший телефон вновь прервал нашу беседу. Дежурный по ЦБУ армии сообщил, что нападение бандитов на колонну с продовольствием в районе Пули-Хумри, благополучно отбито. Потерь нет. Захаров выслушал информацию. Поблагодарил и улыбнувшись мне, спокойно продолжил инструктаж:

— В подразделениях спецназа невозможна ситуация, которая считается обычной в других частях: во время пеших переходов по горам снаряжение офицера, все его личные вещи за исключением оружия несут закрепленные бойцы. В группах спецназа офицер не только сам несет весь свой груз, который весит порой 35 — 40 килограммов, но и берет на свои плечи что-нибудь дополнительное, если возникает такая необходимость. Повторяю, пресекайте барство. На операции офицер питается тем же пайком, что и солдаты, спит в точно таких же условиях. Если подчиненные видят, что их командир обладает высокими профессиональными качествами, бережет людей, не заставляя их понапрасну лезть под пули, готов

помочь солдату, то, как правило, в группах складываются очень дружеские отношения, что во многом способствует выполнению боевых задач. В группах спецназа офицер гораздо ближе к солдатам, чем в остальных частях «ограниченного контингента», потому в спецназе существуют более дружеские, доверительные отношения между солдатами и офицерами.

Член военного совета помолчал, а затем коснулся еще одной важной темы: борьбе с наркоманией:

— Чтобы вы с первых дней знали. В основном в подразделениях комендантской службы, обеспечения и тыла военнослужащие выходцы из азиатских республик покуряют чарс — самый распространенный афганский наркотик. Он недорог, прост в обращении, и достать его не сложно. Зачастую афганцы отдают его советским военнослужащим бесплатно для того, чтобы сформировать наркотическую зависимость. При этом расходы афганцев, будь то торговец в дукане или мальчишка из соседнего кишлака, оплачиваются моджахедами. Солдаты предпочитают курить чарс еще и потому, что водка стоит дорого, да и алкогольное опьянение сильнее бросается в глаза, нежели наркотическое. Среди военнослужащих срочной службы, особенно среди выходцев из республик Средней Азии, существует наркотическая зависимость. В маленьких группах спецназа командир может сразу заметить наркомана и проводить с ними работу по избавлению от этой зависимости. Но я не считаю правильным, когда некоторые ваши офицеры, в частности в Джелалабаде и Газни, — подчеркнул А.Захаров, — избирают довольно жестокую форму борьбы с заядлыми курильщиками чарса — отобранные сигареты с наркотиками тушат о запыстье наркомана, безжалостно избивают появляющихся новых курильщиков... При встречах и беседах с личным составом просматривайте наличие этих меток... Обязательно держите под контролем медицинских работников частей, заслушивайте их, совместно с ними анализируйте положение дел с травматизмом и неуставными отношениями, борьбе с наркоманией, расходом специфических медпрепаратов... И в заключение — начальник политотдела должен быть примером в боевой службе. Мне в прежней жизни пришлось много общаться с ветеранами Великой Отечественной войны и запали в душу высказывания одного, когда ему сказали, что он чрезмерно рисковал своей жизнью, он ответил: «Я комиссар, а не мокрая курица!» Учитите

это и работайте с первого дня на свой авторитет... опыт службы в спецназе у вас есть, так что желаю успехов!

Он встал, вышел из-за стола. Крепко пожал мне руку и дружелюбно по-товарищески хлопнул по плечу.

КОМАНДАРМ ГРОМОВ

Так было определено обстоятельствами, что в конце мая 1987 года, мы, одновременно с моим с будущим начальником — командармом 40-й, проходили собеседование и утверждение на должности в административном и военном отделе ЦК КПСС на Старой Площади. Хотя мы и вместе ожидали вызова на беседу, но разговора между нами не было, и как такового знакомства не состоялось, да и не могло состояться. Я — подполковник, а он вновь испеченный генерал-лейтенант. Между нами, естественно, было большое отличие не только в звездах на погонах, но и в житейском опыте. Я ехал в Афганистан новичком, а он, прожженный войной опытный вояка, уже делал третью ходку. На одном из первых июньских военных советов армии, который проходил в Кабуле, я представился командующему армией генерал-лейтенанту Громову Борису Всеволодовичу. Он был невысокого роста, опрятно одет и по поведению производивший впечатление воспитанного и интеллигентного человека. Но при всем этом Громов демонстрировал себя — очень жестким и требовательным начальником. Я никогда не слышал, чтобы Борис Всеволодович ругался матом, однако, его разборы «пробивали» до мозга костей. Первый мой разговор с командармом после представления закончился очень быстро и неожиданно недружелюбно. Громов вдруг начал меня отчитывать за низкую дисциплину в частях бригады и пригрозил снять с должности. Я, признаться, опешил и хотел возразить — ведь в бригаде я после прибытия из Союза провел всего три дня. Но сдержался, а чуть подумав — осознал, что командующий по-своему прав. Позже я неоднократно вспоминал этот разговор и мысленно благодарил генерала за то, что он сразу «приземлил» меня. Начало было «обнадеживающее»...

Впоследствии мне пришлось с ним общаться достаточно часто — и на военных советах, и на боевых действиях, и по его вызову в

кабульском кабинете... Он лично провожал в Союз нашу бригаду в Джелалабаде, встречал в Кабуле и отправлял дальше на Саланг. Много раз я получал от него взбучку, но всегда она носила скорее воспитательный, чем карательный характер. При этом, почему-то, ему проще было назвать меня Криволапов, чем Кривоपालов. Даже через десять лет после окончания войны, когда мы встретились в Киеве, его память не подвела, но он произнес:

— Здравствуйте, Криволапов!

Второй раз в Афганистане я служил заместителем начальника политотдела армии, эта должность достаточно близкая к командарму, потому встречались мы часто, даже один раз выпивали вместе. Но он умел держать дистанцию с подчиненными, потому похвалиться большой близостью с командармом я никак не могу...

Это был один из самых популярных генералов, биографию которого знали во всем СССР. Родился 7 ноября 1943 года в семье солдата Великой Отечественной войны. Окончил Калининское суворовское военное училище и общевоинское командное училище. В войсках Прибалтийского округа прошел все первичные командные должности. Два года был командиром стрелкового взвода и один год и восемь месяцев мотострелковой роты. После академии в 1972 попал в Северо-Кавказский округ комбатом мотострелкового батальона. Служил добросовестно и через два года стал начальником штаба полка. Через девять месяцев принял этот же полк. За два года овладев структурой части, был назначен начальником штаба мотострелковой дивизии. Ровно через три года начинается война в Афганистане, и его отправляют на равную должность в боевую развернутую дивизию. Через десять месяцев он — командир Шиндандской 5-й мотострелковой дивизии. В это время здесь же на войне стал генералом. После замены как перспективный офицер Громов становится слушателем Военной Академии Генштаба, которую закончит с золотой медалью. Через два года, в 1984 году, он, будучи первым заместителем командующего армией в Прикарпатском военном округе был вызван на телефонный разговор с первым заместителем начальника Генштаба В.Варенниковым.

— За речкой создается группа представителей Генштаба. Возглавите?

Возглавил. С марта 1985 по апрель 1986 — он генерал по особым поручениям начальника Генштаба — начальник группы представителей Генштаба ВС СССР в ОКСВ. Согласовывал воп-

росы, добивался решений, даже настаивал на отмене указаний, поступивших от более высоких начальников, прилетавших в Афганистан на несколько дней. Отбив положенный срок, вернулся в Союз. Но, наверное, прав Р.Киплинг: «Кто услышал зов Востока, вечно помнит этот ЗОВ». Слишком много было связано с ДРА, да и представительство от Генштаба показало, как важно быть там тем, кто знает обстановку. В Союзе все у него складывалось прекрасно (если брать службу), но он решил, позвонил генералу армии В.Варенникову и сказал:

— Готов лететь обратно за речку. На любую должность.

— Я подумаю, — ответили из Москвы. Думали три месяца. Вернее решали. Ставший министром обороны генерал армии Д.Язов, до этого ведавший кадрами вооруженных сил, согласился с кандидатурой Громова. Так он стал командармом. В связи с назначением на высшую должность ему в мае 1987 года присваивается звание генерал-лейтенанта. С июня 1987 года — он полномочный командующий легендарной 40-й общевойсковой Армии.

РАЗВЕДОТДЕЛ АРМИИ

После соответствующего представления начальнику штаба армии генерал-майору Грекову, вылетать в бригаду мне надлежало немедленно. Подобная команда уже была мне знакома по штабу округа и вроде начала восприниматься с сомнением, но я отогнал этот скепсис, учитывая военную обстановку я подумал, что на этот раз произойдет именно так как приказывает начштаба.

Но после разговора с офицерами штаба, рассказавшими мне, что в связи с повышением активности ПВО мятежников полеты на Джелалабад сейчас осуществлялись только в ночное время, после 22 часов. Потому обладая запасом времени, которого у меня оказалось в избытке, я пошел представляться заместителю начальнику штаба армии, начальнику разведотдела армии и офицерами его отдела.

Когда я зашел на «Экран», то неожиданно столкнулся со старыми своими приятелями по чирчикской бригаде подполковниками Плешаковым и Золотаревым. Время, конечно, немного изменило их внешность, особенно Золотарева, который заметно погрузнел, а в волосах Толика Плешакова заблестела седина, но не узнать их

было невозможно. Легко в них просматривалась прежняя стать и глаза светились так же бесшабашно и молодо как прежде.

Мы заулыбались издали увидев друг друга, и я (по дурацки блеснув остроумием), брякнул первую фразу неожиданно всплывшую у меня из блока памяти, относящегося к совместной лейтенантской юности:

— Ни хао! (Здравствуйте по-китайский)

— Ни хуй бу хуй шо чжунго хуа? (Вы разговариваете по-китайски?) — ответил мне в ответ Плешаков.

— Нидэ шанхо хе шенти цзема ян? (Как жизнь и здоровье?) — продолжал я балагурить.

— У вас хорошее произношение! Вы случайно не выпускник МГИМО? — включившись в игру, съязвил в ответ с простодушной улыбкой Сергей Золотарев.

— Во хэ ни ицзин цзянь гомянь? (Мы с вами где-то встречались?).

— Шэй ши нида чжихуйюань хэ чженчжи вэйюань? (Кто ваш командир и политкомиссар?) — ответил он.

— Моя часть, — подыгрывая, со смехом, переходя на русский ответил я, — шестая рота спецназначения. Бурса КВОКУ. Командиры и курсовые преподаватели Тимченко, Калининко.

— Надо же какая тесная наша планета?! Кругом свои люди. Ни хао! Здравствуй Олежка! С приездом! — Мы крепко по-братски обнялись. Эта неожиданная встреча, несказанно, меня порадовала, ведь одно удовольствие работать с людьми, чьи человеческие качества знаешь с юности. Ведь старая дружба — самая надежная и крепкая.

Забегая вперед скажу, что никто из нас мог предполагать, что после Афганистана судьба этих людей тоже сложится непросто и драматично. Свердловский кадет, заместитель начальника разведки армии полковник Анатолий Иванович Плешаков уедет в Москву, где обоснуется старшим преподавателем военной академии им. Фрунзе. Перенесет тяжелую болезнь, сделавшую его инвалидом, и будет уволен из армии. В 61 год в новогодние праздники 2010 года уйдет из жизни в реанимационном отделении госпиталя им. Вишневого. Похоронен со всеми воинскими почестями слушателями разведфака Общевоинской академии на Шереметьевском кладбище столицы.

Полковник Сергей Кондратьевич Золотарев, завершит службу в ДРА на должности заместителя начальника разведотдела ар-

мии. Затем перейдет в разведуправление округа. После развала Союза, станет последним комбригом в Чирчике, сменив на 15-й бригаде полковника Квачкова, но командиром пробудет недолго, поскольку начавшаяся национализация командных кадров узбекской армии сметет всех славян с должностей. Останется на постоянное место жительства в Ташкенте в расцвете лет с разбитыми надеждами и планами на будущее...

Но тогда в 1987 году мы были откровенно счастливы от встречи, полны честолюбивых планов и радовались друг другу как малые дети... Они тут же представили меня всем офицерам разведотдела.

Народ оказался простой и сердечный. С этой первой минуты нашего общения мы сохранили на всю жизнь доброжелательность в отношениях. После бурных эмоций обмена первой информацией, — где служил? как семья? — офицеры Плешаков, Золотарев, Сокурченко, Сляяр, Фатеев, Рыжик повели меня на доклад к начальнику разведки полковнику Кокорину, который сразу и не понял причину радостных эмоций, излучаемых его подчиненными. Выслушал мое представление, он повернулся к своим подчиненным:

— Вам чего делать нечего, вы чего ко мне все завалились?

— Так вот, наш товарищ приехал, вместе служили, вот и привели представляться. — ответил за всех Плешаков.

— Раз ваш товарищ, то забирайте его и вводите в курс дела!
— добродушно проворчал Кокорин.

— Желаю удачи Криволапов, — сказал с улыбкой начальник разведки и проводил меня до двери своего кабинета. Так все месяцы нашего общения он впоследствии меня и обзывал «Криволаповым».

После первых страстей и обменов любезностями мы приступили к работе. Толик Плешаков поставленным менторским голосом стал рассказывать о структуре военной разведки 40-й армии.

— Олег, в условиях высокой активности исламских оппозиционных вооруженных формирований роль разведки как главного вида боевого обеспечения войск велика. Для добывания информации привлекаются все виды разведки, имеющиеся в нашем распоряжении: агентурная, войсковая, специальная, воздушная, радио и радиотехническая. Основными задачами специальной разведки являются: разведка и уничтожение формирований моджахедов и их караванов, вскрытие баз и складов мятежников и их уничтожение, захват пленных, лидеров душманов, командиров отрядов противника, ведение

воздушной разведки на вертолетах и досмотр караванов идущих из Пакистана и Ирана, минирование караванных маршрутов и установка на них разведывательно-сигнальной аппаратуры, выявление районов сосредоточения банд и наведение на них авиации и огня артиллерии, проверка достоверности разведанных, полученных другими видами разведки, особенно афганской, в полосе ответственности вашей бригады находятся 43 основных караванных маршрута. Ежесуточно десятки разведорганов бригады находятся на реализации разведанных в рейдах, в засадах или в воздухе. Более подробно о военно-политической обстановке тебе расскажет Сергей.

Подошел Золотарев и развернув на столе рабочую карту продолжил рассказ, используя карандаш как указку:

— Военно-политическая обстановка в ДРА остается сложной. Группировка мятежников, по данным разведки, насчитывает 3670 отрядов и групп общей численностью 133,2 тыс. человек, из них наиболее активных — 1425 отрядов, численностью — 51,4 тыс. человек. На вооружении мятежников состоит 450 ПУРС, 341 ПЗРК (в том числе 47 ПЗРК «Стингер»), 92 безоткатных орудия, 1830 минометов, 410 зенитных горных установок, 3070 пулеметов ДШК, 7500 ручных гранатометов. По сравнению с аналогичным периодом 1986 года группировка мятежников возросла более чем на 23 тыс. человек, по количеству тяжелого оружия: ПЗРК — более чем в 2 раза, ПУРС — в 1,7 раза, МНМ, ДШК, РПГ — на 30-40%. Военное противостояние вступило в новую фазу. Мятежники стали более интенсивно применять ПУРС и ПЗРК. Так если в 1984 году было отмечено всего 62 пуска ПЗРК, в 1985 г. — 141, то в 1986 году — 847 (при этом сбито 26 самолетов и вертолетов). А с 1 января по 1 июня 1987 года ВВС 40-й армии потеряли 120 самолетов и вертолетов... Количество обстрелов советских гарнизонов, постов охранения и колонн составило 620 случаев (за этот же период прошлого года было в три раза меньше — 210). Подвергались обстрелам административные центры — 2865 раз, что тоже в два раза выше, чем за прошлый год, когда произошло — 1585 случаев. Не наблюдается расширения зоны влияния государственной власти. Так, из 290 уездов и волостей под контролем госвласти находится только 69, что составляет 29%; из 30203 кишлаков госвласть контролирует только четвертую часть.

Опять подошел Плешаков, послушал, а затем вставил свои дополнения:

— Олег, одной из особенностей обстановки в стране является то, что органы государственной власти, вооруженные силы ДРА в 1987 году заметно снизили интенсивность борьбы с моджахедами. Политико-моральное состояние личного состава ВС ДРА остается низким. По-прежнему не удается решить вопрос комплектования войск, опять сорван весенний призыв в армию. В последние месяцы наблюдалось массовое дезертирство (до 2500 — 3000 человек в месяц). В этих условиях войска 40-й армии продолжают оставаться основной силой стабилизации обстановки в ДРА. Выполнение этой задачи требует высокого напряжения и активной боевой деятельности со стороны советских частей и прежде всего разведки... Пойдем, Олег Владимирович, я покажу городок в котором мы живем.

Анатолий Иванович вывел меня из дворца. С юга и запада микрорайон штаба армии окружали серо-желтые, лишенные растительности невысокие горы, за которыми белели горные вершины покрытые снегами. На одной из ближайших к нам вершин располагалось необычное строение напоминающее диск или летающую тарелку.

— А это бывший ресторан-казино шахской гвардии «Зальмо», — перехватив мой взгляд, сказал мой добровольный гид. — Там сейчас сторожевая застава парашютно-десантной роты.

С востока и севера за небольшими холмами панораму местности дополняло разноцветное панно садов и виноградников, земельных наделов с редкими дувалами под плоскими крышами. Городской шум миллионного города едва долетал до обитателей этой почти сельской идиллии. Мы спустились по лестнице вниз холма, на котором стоял дворец, в современный жилой городок, застроенный стандартными двухэтажными и одноэтажными домами барачного типа. Архитектуру дополняли железные бочки, диаметром в 6 — 8 метров, приспособленные под жилье, прикрытые от прямых солнечных лучей камуфляжными сетками.

Вечерело. После ужина в офицерском кафе, что располагалось рядом с домом офицеров, где сослуживцы-разведчики за чеки внешторга накормили меня жареной картошкой и мороженым, я возвращался на пересыльный пункт аэродрома на броне дежурного

бэтээра, на который меня посадил сопровождающий майор Петр Сокуренько, крикнувший на прощание:

— Старову от меня привет передавайте, я у него служил в 3-й бригаде в Германии.

Трясясь на броне по разбитым колдобинам дороги, я вспоминал все услышанное за день и мысленно благодарил всех, кто подробно и не жалея времени побеседовал со мной. Эти встречи и беседы позволяли более осмысленно представлять окружающее, и свою будущую работу... Мой мозг автоматически независимо от моего желания — раскладывал по полочкам полученную информацию и систематизировал ее. Побеседовав с командирами, политработниками, а также офицерами комендантской службы я усвоил первые азы организационной структуры ограниченного контингента советских войск в Афганистане, правила поведения в стране пребывания. С этого, по сути, начался мой личный процесс адаптации в новых условиях боевой действительности. А время не стояло на месте, темнело стремительно. В военный городок 606-го пересыльного пункта мы въехали уже в глубокой темноте. Меня с нетерпением уже ждали мои новые знакомые, развернувшие бурную деятельность по подготовке к вылету в Джелалабад.

К этому времени они собрали всех военнослужащих нашей бригады, ожидающих вылета. Представили мне составленный список в котором числилось 12 человек, кроме офицеров в нем были солдаты и сержанты бригады, выписанные из 650-го военного госпиталя, 713-го и 743-го военных инфекционных госпиталей и баграмского реабилитационного центра. Майор Луганский рассказал мне порядок отправки команд из пересыльного пункта, и я пошел к начальнику пересылки — «выбивать борт» на Джелалабад. Тот согласился с моими доводами: выдал предписания и включил в единый список всех моих людей. Оставалось только ждать самолета. Однако нам в эту ночь не повезло — в горах восточнее Кабула разыгралась гроза и была нелетная погода.

В половине первого ночи стало ясно, что придется ждать сутки — следующую ночь. Но одно дело ждать в нормальных условиях, а другое — в раскаленном модуле пересылки, без воды и нормальных условий. Все страшно расстроились из-за этой непредвиденной задержки. Неутомимый Панкратов сел за телефон, звонить на центральный диспетчерский пункт и изучать обстановку.

Вскоре он доложил мне информацию по завтрашнему (уже сегодняшнему) выходу автомобильных колонн. Он сказал:

— Товарищ подполковник, от Кабула до Джелалабада сто восемьдесят километров. В 7.00 с Теплового Стана на Джелалабад начнет движение смешанная автоколонна 66-й мотострелковой и нашей бригады. Для того, чтобы подсесть на автомобили нашей бригады, нам следует в 5 утра выйти из пересылки, пересечь ВПП аэродрома и выйти на дорогу, по которой пойдет колонна. Прошу вашего решения, а колонну я остановлю. К вечеру будем дома.

— Одобряю, — ответил я.

МАРШ НА ДЖЕЛАЛАБАД

Всю ночь в штабе пересылки, не давая дежурным покоя, я собирал оставшиеся документы на своих людей. Делать это было непросто, потому что работа по отправке команд не прекращалась ни на минуту и офицеры комендатуры были заняты комплектованием очередных бортов улетающих маршрутами на Шинданд, на Кандагар, на Пули-Хумри и т.д. Однако наша настойчивость была вознаграждена и около четырех утра 20 июня мы вышли через вертушку КПП пересыльного пункта, согласно составленного списка. Чемоданы и сумки вновь прибывших офицеров (Дроздова и мои) равномерно распределили между всеми солдатами. Впереди нашей колонны шли хорошо ориентируясь в темноте опытные автомобилисты и вместе с ними я. Зная маршрут, мы не плутали и шли довольно энергично, пролезали под колючей проволокой ограждения, на минутку останавливаясь для объяснения о цели пересечения ВПП аэродрома с бдительными часовыми, на чьи посты мы попадали по маршруту нашего движения.

С рассветом, когда нежаркое, ленивое красное солнце начало выползть из-за горной гряды, мы были на условленном месте на трассе Кабул — Джелалабад. Дорога еще была чиста, лишь изредка по ней проезжали экзотические афганские автомобили, как их называли — «бурбухайки». Некоторые из них имели странный вид: без капотов, с голым двигателем, без подфарников, со смешным аляпистым раскрасом, обвешанные украшениями, с резными деревянными дверями и массой висячих безделушек... Они были загружены ящиками, узлами и мешками до небес, а по бортам, как бы в

качестве приложения висели пассажиры, которые всю дорогу держались за хлипкие доски руками и каким-то чудом не падали под колеса...

Мы немного передохнули на обочине. Пользуясь паузой майоры Луганский и Панкратов рассказывали мне о нравах, обычаях, бытовавших в частях нашей бригады, о службе на этой земле, о войне и потерях... Наконец, на дороге появилась большая колонна, которую возглавляли бронетранспортеры охранения. На каждом четыре бортовых автомобиля в колонне приходился один бэтээр или бэмпэ. Экзотически выглядели Уралы с зенитными установками, закрепленными в кузовах. Останавливать колонну не пришлось, поскольку как раз в месте нашего сосредоточения она сама встала для подтягивания машин по подразделениям.

Без проблем Панкратов нашел грузовые автомобили нашей бригады. Это были Уралы, КамАЗы и Зилы, забитые ящиками с боеприпасами и продуктами, но в кабинах было достаточно свободных мест и мы спокойно, загрузив личные вещи в кузова, распределились по колонне.

Поскольку я все же был старшим по должности, то подавив неловкость из-за своей неопытности, по неискоренимой военной привычке, построил водителей и провел с ними инструктаж по соблюдению мер безопасности во время марша. Оглядывая свое войско, я ужасался их внешнему виду: одеты кто в чем, обуты в кроссовки, сандалии и черт те во что... У каждого «водилы» экипировку дополняли автомат и бронежилет, который во время движения они надевали на левую дверцу кабины. Профессионалы автомобильной службы Панкратов и Луганский не вмешивались в мой инструктаж, а молча стояли рядом. Когда водители разошлись по машинам я спросил Панкратова:

— Ну как инструктаж? Я ничего не сморозил?

— Нет, все нормально.

— Товарищ подполковник, в общей системе подвоза материальных средств в армии главное место отводится автомобильному транспорту. По последним данным, что прозвучали на военном совете, удельный вес видов транспорта по перевозкам составляет: автомобильный — 79%; трубопроводный — 12%; водный — 6%; а такой на первый взгляд распространенный, как воздушный всего — 3%. За пять месяцев этого года боевые потери армии составили: автотранспорт подвоза (бортовой) — 134 единицы; автоцис-

терны — 28 единиц. Однако чего скрывать, — улыбнулся Панкратов, — в этих цифрах и аварии, происходящие на сложных горных дорогах по вине самих солдат, которые в автошоколах прекрасно научились давить на педаль газа... Местные поэты посвятили этому даже стихи:

*Духи в нас порою не стреляют,
Что им толку тратить свой заряд?!
Наших «каскадеров» горы знают —
Сам машину разобьет солдат!*

В разговор вмешался энергичный Александр Иванович Луганский:

— Здесь, Олег Владимирович, по меткому определению военных остряков, существует три типа шоферов: 1. Военный водитель. 2. «Водила». 3. «Ездюк». Если с первым можно ехать спокойно, то второго надо контролировать, а третий тип вреден и опасен так же, как и душман... Кстати часто употребляемое слово «душман» означает — «неверный, враг». Нас так называют мусульманские партизаны, а мы их, что не совсем правильно... А вообще-то, значение автотранспорта очень высоко. Отсутствие железных дорог и слабое развитие автомобильных предьявляют исключительные требования по обеспечению автономности существования военных городков. Хотя около 70% личного состава армии размещается в сборно-щитовых казармах — «модулях», которые оборудованы отоплением и водоснабжением, части спецназ в это количество не попали, — сказал Панкратов. — Так в Бараки и Асадабаде наши как жили, так живут в землянках.

— А что Вам тоже приходилось там бывать? — спросил я у начальника автослужбы.

— Конечно, мы вместе с зампотылу бригады Турбулановым, а сейчас Серзиным бываем во всех отрядах от Газни до Асадабада. Доставляем от границы из Хайратона материальные средства и боеприпасы.

Тем временем в колонне почувствовалось оживление, свидетельствующее о скором начале марша. Водитель «Урала», рядовой Эдуард Ворохов, с которым я должен был ехать, достал из бардачка грязное солдатское ХБ и протянул мне:

— Переоденьтесь, товарищ подполковник, чтобы не маячить.

Я с сожалением снял с себя повседневную советскую форму и переделался в предложенное грязное одеяние. Взглянув на себя в зеркальце заднего вида, успокоился — внешний вид скрыл мою неопытность, — я стал, как мне показалось, как все, — «бывалым афганским рэмбо». Но у меня, в отличие от окружающих, не было оружия, и потому по хозяйски я подвинул ближе к себе автомат моего водителя с двумя магазинами, скрепленными изоляционной лентой. Запихиваю перевязочный пакет в железный приклад автомата и по новому обматываю его резиновым жгутом. От наличия оружия я почувствовал себя намного увереннее.

Раннее утро уже пообещало испепеляющую жару днем, и каждый из нас, кому предстояло идти в колонне, жадно, кажется каждой клеточкой тела, впитывал растворяющуюся в лучах злого рыжего солнца рассветную прохладу. Ветер начал гонять пыль от встречных афганских машин, то и дело закрывающих плотным облаком нашу колонну. Когда пыль осела мы увидели, что впереди идущие машины начали движение и поспешно тронулись сами. Наша колонна набирая скорость энергично двинулась в сторону синюющих на горизонте гор.

Дорога на Джелалабад шла через перевал Латобанд. Откуда-то доносились грозные звуки канонады, которые с каждой минутой становились все громче. Я оглядывался на 360 градусов, но кроме деревьев на обочине и кишлаков ничего не видел. Вдруг с правой стороны деревья расступились, и на горной террасе взору открылась подготовленная к бою артиллерийская батарея гаубиц Д-30, которая вела беглый огонь на полных зарядах, о чем свидетельствовали откаты противооткатных устройств.

Стреляли орудия в сторону гор прямо впереди головы нашей колонны. Однако автотранспорт нашей колонны не снижая скорости втягивался в мрачное ущелье. Сначала мы шли в колодце каньона, где слева параллельно дороге бежал бурный поток реки Кабул. Затем горная складка расступилась, и мы увидели прекрасную панораму гор. Пейзаж портила небольшая малость — на вершине столовой горы в этот момент плясали грозные букеты артиллерийских разрывов.

С вершины по промоинам вниз катились потревоженные артиллерией могучие глыбы камней. С небольшим опозданием до на-

ших ушей докатывались звуки разрывов и грохот камнепада. Через некоторое время над нашими головами вдоль колонны прошли четыре «крокодила» (вертолета МИ-24) и обстреляли ракетами следующую вершину, откуда, вероятно, моджахеды ранее наносили удары по нашим колоннам. Судя по всему, мы приближались к трагическому месту гибели в духовской засаде наших соотечественников, так как вдоль дороги в кювете началось кладбище из ржавых останков более чем двух десятков сгоревших автомобилей, бронетранспортеров, танков, башня одного из которых, отброшенная взрывом, лежала метрах в 100 от корпуса в середине бурного потока горной реки.

— Сколько же здесь погибло наших бойцов? — подумал я. И тут же увидел на обочине небольшой самодельный памятник под красной звездой с несколькими фамилиями. Таких следов боя и обелисков на 200 — километровом участке пути я увидел в тот день множество. В 1988 — 1989 годах, перед выводом советских войск на Родину, по приказу командования все эти памятники должны были быть демонтированы и отправлены на родину.

Эта стрельба, битая техника и придорожные монументы оставили во мне острое неизгладимое впечатление на всю оставшуюся жизнь. Наверное, если бы я тогда добрался в Джелалабад самолетом, то мое осознание пребывания в условиях войны пришло бы намного позднее. А так я всеми органами чувств отчетливо осознал: это война. И ощущение опасности войны вошло в меня и присутствовало, так же как у большинства, постоянно — и когда по тебе стреляют, и когда обстрела нет.

Муторная дорога на Джелалабад заняла целый день. Было много остановок для подтягивания колонны, для проверки маршрута и отдыха. Без аппетита мы ели сухие пайки, пили воду из флаг и потели-потели, худея на глазах. Жара стояла градусов за пятьдесят. Вся окружающая действительность казалась мне была новым, совершенно неведомым сказочным восточным сном. Неизгладимое впечатление осталось от нашей первой остановки для подтягивания растянувшейся колонны и привала...

Это произошло уже ближе к Суруби. Слева от нас в горах стремительный Кабул с маху ударялся в плотину ГЭС Наглу и, откатившись, вливался в водохранилище. Как только остановилась колонна, водители без каких-либо команд бросились к котловине справа от дороги.

Поскольку все они бежали молча и сосредоточенно, с автоматами наперевес, меня вдруг охватило волнение от неизвестной не виданной мной опасности. Вскоре там началась беспорядочная интенсивная стрельба. Я выпрыгнул из кабины и побежал посмотреть — что там происходит? Мой ум на ходу выбрасывал различные предположения: типа нападение душманов, — но, оказалось, что десятка два вырвавшихся на свободу пацанов-водителей лихо поливали из автоматов окрестные камни и кочки. Вверх летели фонтанчики земли, и рикошетом над нашими головами свистели пули. У меня было желание немедленно вмешаться, но я остановил себя.

— Кто я такой?

Солдаты ведут себя по заведенным здесь порядкам. Ведь на грохот автоматных очередей не прибежал ни один офицер из автоподразделений, входящих в колонну. Солдаты стреляли, пока не кончились патроны. Потом также молча, они начали расходиться по местам. К машине подошел и мой водитель. На мои вопросы Ворохов объяснил кратко:

— Это делается на всех привалах. Ведь у водителей тоже должна проходить боевая подготовка? Вот мы и тренируемся. Да, кстати, товарищ подполковник, время еще есть, давайте съездим на королевскую дачу, искупаемся.

— А разве это возможно? — спросил его я.

— Конечно, вы видите — все уже поехали.

Действительно, наша колонна рассыпалась на глазах, груженные автомобили, поднимая тучи пыли, сворачивали на грунтовую дорогу, уходящую на север.

— Ну, давай съездим, раз это не запрещается — сказал я, не чувствуя правильности в принимаемом решении, и уверенности в своем голосе.

Водитель дал по газам, лихо развернул машину, и мы помчались по серпантину горной дороги куда-то вниз. От страха у меня похолодела спина. Дорога была настолько узкая, что мне казалось колеса сбивают камни в пропасть. В глубине под нами синела гладь водохранилища, а с правой стороны оцетинилась гранитной кладкой горная стена. Эта смертельная игра продолжалась минут пятнадцать. Наконец на горизонте появилась цель нашего движения — дворец из сказок Андерсена, он стоял непосредственно на берегу водохранилища. Высокие готические башни и добротность кладки свидетельствовали о национальной принадлежности архитектора.

На небольшой площадке у дворца уже стояло с десятков наших автомобилей. В воде смывали пыль с разгоряченных тел десятка два голых шурави. В воздухе висел гомон, смех и отборный русский мат.

Подъехали к шлагбауму, перекрывающему дорогу, около которого неожиданно появился афганский солдат. Он вдруг навел на нас автомат и картинно-смешно топнув ногой, грозно, гортанно прокричал:

— Дриш!

Я понял, что это как предупреждение, останавливающее нас. Эдуард дружески замахал ему рукой, ловким движением волшебника вытащил из-под сидения сухой паек и заорал перекрывая шум двигателя:

— Шурави аскер. Ассалам алейкум, бача — бакшиш!

В переводе с афганского это должно было означать: «Здравствуй, мальчик, тебе подарок!» Афганский сарбаз был настоящим интернационалистом — он тут — же опустил ствол своего автомата.

— Проезжайте! Добро пожаловать, шурави! — неожиданно на понятном русском языке ответил часовой. Подхватил сухпай и щедрым жестом гостеприимного хозяина показал нам направление, куда следовало заезжать. После этого он скрылся, как джин из кувшина...

Мы сбросили на ходу свою потную одежду и в чем мама родила бросились в прохладную голубую воду, присоединившись к группе голых бойцов, приехавших ранее нас. После купания забежали на пять минут в пустой дворец, осмотрели эмирские хоромы и организованной колонной вернулись на трассу Кабул — Джелалабад. Нас никто не терял. Мы встали на свое место, и вскоре общая колонна потянулась дальше...

При въезде в Джелалабад, рядом с водохранилищем Дарунта, перед мрачным тоннелем, прорубленным в громадной глыбе горы мы стояли очень долго. Движение возобновили, когда окончательно стемнело. Поэтому первое впечатление о Джелалабаде оказались призрачными. Деревья вдоль дороги казались необыкновенно высокими и раскидистыми. Мазанки и дувалы с плоскими крышами при свете фар казались белоснежными дворцами и не реальными. Людей видно не было.

Наконец к 21.00 мы проскочили ворота КПП военного го-

родка, и колонна остановилась. Заглушили последний двигатель, и в ушах зазвенела тишина. Слышно было, как поют сверчки. Вдоль колонны в темноте ходили люди, переговаривались с водителями, кого-то искали. Услышал я и свою фамилию. Мужской голос спрашивал:

— А начпо приехал?

— В какой машине Кривопалов?

Значит, меня ждали. Я в ответ крикнул в темноту:

— Я здесь!

Ко мне подошел высокий и худой военный, представился моим заместителем, майором Зозулей. Помог в темноте найти все мои вещи и сноровисто повел в темноте в командирский модуль.

В городке пахло пряным запахом эвкалипта и прелыми листьями. Мы зашли в длинный коридор душежного здания, в одной из свободных комнат бросили мои пожитки. Майор Зозуля сказал:

— Товарищ подполковник, первым делом после дороги надо помыться. Сегодня у нас банный день, пойдемте я провожу вас в нашу баню.

По затемненным улочкам военного городка мы прошли к одноэтажному зданию с большой цистерной на крыше. Отбросив маскировочную сеть, закрывающую вход в небольшое помещение с бассейном размером 4 на 4 метра, наполненным прозрачной голубой водой. Провел в раздевалку, показал небольшую комнату отдыха с самоваром на столе, где на тапчане лежала стопка чистого белья и полотенце.

— Это ваше, — прокомментировал Зозуля.

— Есть кто в бане? — крикнул он в приоткрытую дверь.

— Да, да, — услышали мы в ответ, — старший лейтенант Туаев! — к нам вышел обмотанный простыней, как римский патриций, черноволосый и крепкий молодой офицер.

— Легкого вам пара! Принимай нового начпо!

— А мне, товарищ подполковник, разрешите идти? До завтра. — Зозуля пожал мне на прощание руку и удалился.

Мой новый знакомый оказался интересным рассказчиком. Серафим как опытный гид начал свою экскурсию по бане. Я снял пропахшее бензином и маслом солдатское обмундирование и нижнее белье, в которое облачился еще в Кабуле, и одев предложенные тапочки, прошел вслед за Туаевым в парилку.

Надо сказать, что основу общественной бани составляла сау-

на. Парилка была обшита первоклассным деревом и состояла из деревянного настила к которому вверх вели четыре ступеньки. Справа в углу на раскаленных камнях стояла емкость с эвкалиптовым настоем от которого в помещении стоял необыкновенный лечебный запах. Ощущение легкости наполнения элексиром здоровья охватывало с первых минут пребывания в парилке. Это была настоящая восточная сказка перевоплощения! С внутренней температурой, зафиксированной термометром в районе 110 градусов.

Мы забрались со старшим лейтенантом на верхнюю полку и сели рядом.

— Товарищ подполковник, — начал рассказ Серафим, — как вам самому хорошо известно, в солдатской жизни баня — первое удовольствие! С первых дней пребывания наших войск на этой земле очень большое внимание наши люди уделили строительству бань. Да и начинали обустраиваться в этих местах с эпидемии холеры. Для ее ликвидации даже развернули на территории 66 бригады на постоянной основе госпиталь особо опасных инфекций. Я сам с Кавказа, но у нас также как в России традиционно обожают бани. Они и лечат, и взбадривают. А здесь, в жарком климате, они просто необходимы для соблюдения гигиены и защиты от многих болезней.

— В Афганистане три радости — письма из дома, баня да водка. Существует такая поговорка: Баня дает — 50% наслаждения, водка — тоже 50%, и только женщина, способна дать все — 100%. А если женщина да в бане — это все 300% наслаждения. Вот и вся арифметика, да только — где их взять-то! Женщины вольнонаемные работают у нас, но на перечет.

Мой собеседник засмеялся и плеснул густой эвкалиптовой настой на раскаленные камни. Поднявшаяся волна жара обдала нас и заставила выскочить наружу, где с разбегу мы прыгнули вниз головой в прохладную воду бассейна. После чего помылись в небольшом зале под душем.

— Олег Владимирович, — продолжал свое повествование рассказчик, — самые лучшие бани в Афганистане традиционно у летчиков, в нашем гарнизоне лучшая «Бучила», которая построена в конце взлетной полосы нашего аэродрома. Построенная над целебным источником, бьющим из земли, — рассказывал Серафим, — превращенная, благодаря запруде — в небольшое озеро, окруженное от выжженной солнцем земли высоким камышом, она стала

настоящим оазисом в этой пустыне. Обязательно побывайте там. Я бывал. Просторная парилка, отделанная плотно подогнанными, гладкими, без единой зазубринки, березовыми досками, душевая, выложенная розовым кафелем. Красиво. При этом из бани на середину озера тянется деревянный мостик, с которого открывается сказочный вид. Вода в водоеме такой кристально чистой, что виден каждый камешек на дне. Оживляет водоем стая крупных рыб, выращенных по приказу командира. Эта рыба по праздникам вылавливается для застолья. Представляете, в ста метрах на ВПП садятся самолеты и вертолеты, а камыши поглощают звуки, от этого в «Бучиле» свой микроклимат и своя атмосфера покоя, нарушаемая только звонками телефона с командно-диспетчерского пункта. В таких местах на время забываешь, что рядом идет война. У летчиков учились обустривать свою баню и мы, когда прибыли на территорию бывшего оливкового завода. Помните, в Союзе продавались консервы с оливками, так вот они с этих мест, с этого городка... У афганцев не принято мыться в банях. Мы как-то затянули с собой офицеров из местной пехотной дивизии, так они чуть аллаху душу не отдали... — он засмеялся весело и беззаботно, видимо вспомнив комичность той ситуации — у них моются из кувшина.

КОМБРИГ И ЕГО ЗАМЕСТИТЕЛИ

*«Те, кто сражается на войне, —
самые замечательные люди,
и чем ближе к передовой, тем
более замечательных людей
там встречаешь».*

Эрнест ХЕМИНГУЭЙ.

Через час, обновленный после бани, переодевшись в помятую советскую повседневную форму, что в темноте видно не было, я был доставлен к командиру бригады. Но не в штаб, а в комнату командирского модуля, где он жил. Как оказалось, в бригаде было принято, что частные товарищеские ужины проходили именно у него. Номер командира состоял из гостиной и небольшой спальной комнаты. В гостиной был накрыт богатый стол, в честь убывающего

в Союз Петра Ильича Рузина и прибывшего сменщика, то есть меня...

За нашим гостеприимным дастарханом собралась достаточно разношерстная компания: весь командный состав штаба бригады, военный прокурор гарнизона подполковник Юрий Токарев, председатель военного трибунала Владимир Животов, начальник инфекционного госпиталя Алексей Наседкин. Особым отрядом в гражданкой одежде сидела группа разведчиков из оперативно-агентурных групп «Дельта»: подполковники Сергей Тюрьменко, Юрий Шоновым, Василий Калугин, Владимир Анциферов, командир группы «Каскад» полковник Владимир Коршунов и несколько советников (мушаверов). Среди последних в афганской военной форме без знаков различия был только один — полковник Александр Фролов, остальные в гражданском.

Уж сейчас и не вспомню, чем нас кормили в тот вечер, единственное, что к чему тянулась моя рука после изнурительного 16-часового марша, это бутылки с минеральной водой «Боржоми». Мой организм не мог насытиться, обезвоженный за дорогу. Основным напитком на столе являлся неразведенный спирт, который и пили, запивая минералкой.

Когда прошли первые минуты представлений и торжественных тостов я смог спокойно оглядеться. По центру стола у наглухо задрапированного окна сидел хозяин — мой новый командир — полковник Старов Юрий Тимофеевич. В его облике было много от внешности известного киногероя Джеймса Бонда.

Он был сухощав, высок и спортивен. Короткая стрижка, красивое вытянутое лицо с характерными морщинами на лбу и возле рта. Проницательные и умные глаза с хитринкой. Аккуратная военная форма, которая в отличие от других, выглядела на нем очень эффектно... Невольно в этот момент я сравнил Старова со своим дальневосточным командиром Бойко, тоже обладавшего способностью одухотворять обычную стандартную одежду.

Юрий Тимофеевич был непринужден, весел и общителен, его простота и оптимизм импонировали окружающим. Командир объявил причину сбора в этот вечер и поблагодарил полковника Рузина за совместную службу. Приглашенные по очереди подходили к нему, произносили тосты и дарили подарки. Петр Ильич был хорош собой — высок, строен и вполне гармонировал по комплекции коман-

диру бригады. Выпили за убывающего на Родину и подошла моя очередь. Старов сам представил меня коллективу:

— А это мой новый комиссар! Прошу любить и жаловать, кстати, мы с ним земляки-уральцы. Я из Магнитогорска, а он из Троицка. А уральцы прирожденные солдаты. Недаром даже поговорка есть, — уральцы бьются здорово!

— Откуда он обо мне знает? — спросил я у сидящего рядом со мной приятеля по Пскову начальника связи бригады подполковника Муратова.

— Как откуда?! В разведке служим. Все он, это самое, про вас знает, — ответил Ахмет Нигматович. — Олег Владимирович, раскрываю секрет — это мы с Юрием Тимофеевичем сделали все, чтобы вы попали к нам в бригаду...

— В ГРУ у вас хорошая репутация, и я рад, что мы продолжим впредь работать вместе.

— Да, Олечка, я рад, что будем работать вместе, — сдержанно поддержал сказанное Старов, который оказывается услышал наше перешептывание и неожиданно перешел на ты.

— Спасибо на добром слове, командир — ответил я. — Не подведу!

Как возникают и крепнут человеческие симпатии? Это дело в высшей степени сложное. А вот со Старовым у нас с первых минут знакомства наладились доверительные и дружеские отношения, которые сохранились на всю жизнь. Какое-то двойственное первоначальное ощущение оставил о себе и мой предшественник полковник Рузин П.И. Как-то нелепо и не умно получилось, что буквально в первый и единственный вечер нашего знакомства, Рузин совершенно не зная меня — пытался несколько раз унижить, съязвить в мой адрес, что вполне могло быть естественным, поскольку ни ростом, ни габаритами, по сравнению с ним, я не вышел. Но я тактично сдержался на его колкости, и промолчал...

И до сих пор считаю, что поступил тогда правильно.

При этом я ощутил деликатную поддержку и одобрительный тон слов командира Старова. Позднее мне передали сплетню, что мой предшественник не вполне соответствовал высоким требованиям комбрига к своим заместителям. Но был со своим начальником политотдела предельно дипломатичен и на конфликты не шел. Хотя имел полное право быть им недоволен, ибо за два года службы в Афганистане полковник Рузин ни разу не был на боевых действиях.

Редко и осторожно выезжал с инспекцией и в наши воюющие отряды. Да и вообще был, как говорили, «кабинетным политработником».

По сути он два года находясь в спецназе, так и оставался чужаком. Придя в коллектив бригады из политуправления Туркестанского военного округа, где он работал инспектором, Петр Ильич считал себя выше всех по положению. Тем более, что был полковником, а в тот момент и комбриг Бабушкин, и его заместители Дементьев и Турбуланов являлись подполковниками, а начальник штаба бригады Корунов даже был еще майором.

С приходом полковника Старова положение Рузина не изменилось, новый комбриг оказался умен, энергичен, осторожен и видел главное в боевой деятельности соединения, а не в подковренных интригах. Потому Рузин занимал свое неподконтрольное изолированное положение в коллективе, жил как бы сам по себе. Вдалеке от боев и главных дел коллектива. Грозил время от времени шалопаям и вольнодумцам партийными взысканиями, парткомиссией и отказом подписывать наградные документы. Впоследствии, вернувшись в Союз, Рузин продолжил службу в столице Узбекистана начпо радиотехнической бригады осназ РУ округа.

И что удивляло тогда многих, уехал из Джелалабада и как отрезал, ни разу не предпринял попытки созвониться или встретиться с однополчанами, продолжавшими службу в ДРА. Хотя из его части был прямой выход по закрытой линии связи на наш узел связи «Бретань». После же возвращения бригады в Чирчик, он единственный, из прежних сослуживцев кто ни разу не встречался с прежними соратниками. Не стал он своим в нашем коллективе. И это его характеризовало не лучшим образом. На этом и поставлю точку на повествовании о своем предшественнике.

А ночное веселье продолжалось. Вскоре за столом, хотя командир и не курил, объявили перекур, и вместе со всеми мы вышли на крыльцо модуля охладиться. Над нами шумела листвою на ветру ветвистая шелковица, полностью закрывающая ночное небо. Вдалеке рокотал в воздухе авиационный двигатель, это заходил на посадку борт из Кабула.

«Как хорошо, — подумал я, — что мы не стали ждать этот самолет. Сколько впечатлений и информации получил я за этот день нашего марша в составе колонны. Настроение было и радостное оттого, что наконец-то я на месте и одновременно очень тре-

возное, какое появлялось у меня всегда при прибытии в новый воинский коллектив. Тем более что не все было радужным. Что за люди меня окружают? На первый взгляд все открытые и общительные, какими и бывают десантники. Как они примут меня?»

— Ахмет Нигматович, расскажи мне о командире, я понял, что вы давно знаете друг друга? — спросил я у Муратова.

В обычной речи начальник связи был изрядно неуклюж: слегка заикался, подмекекивал, а в качестве междометья не вполне адекватно использовал «это самое».

— Да, я Старова, это самое, знаю многие годы по совместной службе в Германии, где он был начальником штаба бригады, а до того возглавлял штаб в Пскове. Если говорить коротко — человек он, это самое, очень порядочный! — начал свое повествование Муратов.

— Я не рассказчик, это самое, ну, что сказать: родился Старов как раз в день праздника великого Октября за семь месяцев до войны. Отец прошел всю войну командиром разведывательной роты, получив тяжелое ранение, стал инвалидом, и вскоре после возвращения домой умер. Вот почему еще мальчишкой, это самое, Юра пошел по стопам отца и поступил в Свердловское суворовское военное училище, а затем — учился в Московском ВОКУ. Службу молодым офицером начинал в ГСВГ в 3-й гвардейской отдельной бригаде. На первом этапе своей службы, будучи еще старшим лейтенантом, командиром группы спецназа, был награжден орденом Красной Звезды. А это самое, было очень редким явлением и давалось, это самое, действительно лучшим из лучших. В Германии Старов служил второй раз уже в звании полковника, на уже в должности командира этой же первой своей бригады. Кстати, Юрий Тимофеевич в одно время учился в академии им. Фрунзе с нынешним командующим армией Громовым. Они, это самое, оба хорошие спортсмены. В народе ходит молва, это самое, что в одной команде защищали честь академии в сборной по волейболу.

— А давно командир в Афганистане? Насколько я помню, на сборах в Чучково в 1986 году его не было? — спросил я, ничуть не смущаясь своего любопытства.

— Вот как раз в том году, это самое, Старов и приехал в Афган как старший офицер ГРУ. Его приезд совпал с разборкой итогов операции на Карере, слышали наверно, что состоялась на границе с Пакистаном. Боясь скандала, высшее командование тогда

сняло комбрига Бабушкина, а на его место назначили попавшего под руку опытного Старова, прокомандовавшего до этого многие годы старокрымской и нейминской бригадами спецназ. Действительно опыту Старову не занимать. Он грамотный командир и умело руководит боевыми действиями бригады. При этом, это самое, — в голосе Муратова появились нотки нескрываемой гордости, — частенько комбриг сам ходит в горы на рекогносцировки, большую часть времени проводит в отрядах на местах анализирует просчеты и недостатки боевых операций. И толк от этого есть. При Старове значительно снизились потери личного состава, отмечены высокие результаты в разведывательно-боевой деятельности (захвачены секретные образцы ПЗРК «Стингер» и «Блоупайп», уничтожены два самых крупных каравана мятежников). Его любят в бригаде, так как при нем заметно изменилась и кадровая политика — он бережет своих офицеров от опалы, от необоснованных репрессий и снятий с должностей, смелее и чаще представляет отличившихся в боях к награждению.

Да, уж, что-что, а впоследствии, я убедился в настойчивости комбрига по вопросам поощрения своих подчиненных. А самого командира незаслуженно забывали и начальник разведки, и начальник штаба армии, только накануне вывода бригады в Союз, спохватившись с недельным разрывом представили сразу к двум орденам Красного Знамени. Да афганское правительство наградило комбрига «1-й советской особой бригады» высоким орденом Боевого Красного Знамени Республики Афганистан. После вывода бригады в Союз Старов несколько лет прослужил в Чирчике. Затем с большим трудом перевелся в центральный аппарат в Москву, сотрудничал в ГРУ, но вскоре, по инициативе командования, увольняется в запас по возрасту. Его единственный сын Михаил, тоже продолжил традицию семьи, закончив разведфак Киевское ВОКУ, служил в Заполярье в отряде спецназ псковской бригады, и оттуда поступил в военно-дипломатическую академию, После ее окончания успешно служил в Российской Армии.

Закончился перекур и мы шумной толпой вернулись к столу. Между тем, веселье за столом, пережив пик наливания, перешло к разговорной части. Старов по-прежнему был душой компании, остроумно шутил, с большим мастерством рассказывал массу анекдотов, вызывающих у сидящих за столом неудержимый гомерический смех. А затем гомон разговоров плавно оборвался и все сгрудилось

возле песни. После очередной рюмки, по просьбе собравшихся, Старов потянулся за гитарой и стал петь, — аккомпанируя себе, он запел. Играл Старов любительски, но сам процесс игры ему нравился, и он ничуть не смущался своего музыкального несовершенства. Командир резко ударил последний раз по струнам и отставил гитару в сторону.

Скомандовал зампотылу:

— Игорь Александрович, наливай!

Выпили еще по одной. Здесь же, в непринужденной обстановке за столом, состоялось мое знакомство и со всеми заместителями командира бригады. После перерыва рядом со мной присел веселый и остроумный человек невысокого роста, полноватый и лысый, которого комбриг и назвал Игорем Александровичем.

— Замкомбрига по тылу подполковник Серзин. — пожал мне руку, представился он.

— Игорь Александрович, как в спецназ попали? Откуда роду племени? — спросил я Серзина.

— Родился в середине октября 1948 года в Хабаровском крае в семье морского офицера, — начал свой рассказ Серзин. — Отец Александр Степанович контрразведчик Тихоокеанского флота. Мать Анна Федоровна — учительница начальных классов. После окончания средней школы, имея музыкальное образование, год работал художественным руководителем и баянистом в клубе леспромхоза под Вяземским. А в 1970 году поступил в Уссурийское автомобильное училище, которое закончил с отличием. Служил взводным и ротным командиром в Уссурийске и в Смоляниново на Дальнем Востоке. С должности командира роты со второго раза поступил в академию тыла и транспорта. С отличием ее закончил. Затем служба заместителем командира 5 танкового полка в учебной дивизии Киевского военного округа, а после этого пять лет замкомандира танкового полка в Германии. В августе 1986 года вернулся по замене в Кривой Рог в 17-ю танковую дивизию, где возглавил тыл мотострелкового полка. С февраля 1987 в Афганистане. В спецназе новичок, но уже освоился. Вот, пожалуй, и вся моя биография...

Мы выпили по стопке разведенного спирта за знакомство. Мое первое пробуждение в Джелалабаде, утром следующего дня 21 июня 1987 года, было связано с Серзиным. Я еще крепко спал на новом месте после трех суток мытарств, когда зашел он.

— Олег Владимирович, с добрым утром! — сказал он, —

Докладываю утренние новости, пришло распоряжение командарма: вы сегодня с комбригом вылетаете на военный совет в Шинданд и Кушку. Надо переоблачаться в полевое обмундирование. Примерь ХБ, мне кажется, тебе этот размер будет в самый раз. Он держал в руках новое полевое хлопчато-бумажное обмундирование с уже подшитым белоснежным подворотничком. На воротнике были закреплены защитные десантные эмблемы, на погонах подполковничьи звезды.

— Спасибо, как раз по мне, — ответил я после примерки.

— Да, вот возьми с собой в командировку немного денег — с этими словами Игорь протянул мне 20 чеков, — для того, чтоб водички в военторге купить можно было.

— Поскольку оружие с собой в Союз брать не будешь, то возьми гранату «Ф-1», корпус толкни в левый карман рукава, а запал в правый. В случае чего — подорвешься...

«Ни хрена себе начало», — подумал я, окончательно просыпаясь ото сна.

То утро и поступок Серзина мне запомнились на всю жизнь. В этом ненавязчивом внимании к людям ярче всего открывались душевные качества этого человека. Впоследствии, узнав поближе Игоря, я полюбил его, как брата. Он был прост, бескорыстен и надежен. Серзин соответствовал облику руководителя тыла. Для связки слов, красочно ругался матом. Когда он появлялся в штабе, то казалось стены начинали шататься от его неформальной лексики в процессе воспитания и мобилизации на доблестную службу подчиненных ему офицеров, кладовщиков-прапорщиков, которые хотя и побаивались своего шефа, но не упускали возможности, при случае, что-либо утянуть налево и сдать в дуکان.

Что греха таить, в свободное время любил Игорь Александрович заложить за воротник, но от этого в нем проявлялось еще большее усердие к службе, и его приходилось притормаживать. За период службы в Афганистане наш зампотылу прошел 15 тысяч км. Будучи старшим колонн, провел в боевых условиях более 30 армейских колонн (по 200 машин и более). Для обеспечения безопасности грамотно организовывал взаимодействие с боевым обеспечением: артиллеристами, зенитчиками, авиацией, мотострелками, танкистами, машинами для разминирования местности и разграждения. За свой самоотверженный труд по обеспечению боевых действий

бригады И.А. Серзин был награжден орденом Красной Звезды и почетным Знаком ЦК ВЛКСМ «За воинскую доблесть».

После вывода бригады в Чирчик в течение года добивался перевода на родину к семье. Перевод удается и с октября 1989 года он продолжает службу в должности заместителя командира по тылу зенитно-артиллерийской дивизии (базы хранения) в Кривом Роге. В разваливающейся армии дотянул до января 1993 года, а потом уволился в запас по болезни. С Украины семья Серзиных переехали на Кубань в небольшой курортный город Горячий Ключ, где дед Татьяны Константиновны оставил по завещанию небольшой домик под тремя развесистыми яблонями. Курортное место, чудный воздух, благодатный край, казалось бы жить и жить... Однако дни пребывания Игоря на брэнной земле были сочтены. Скончался внезапно 12 ноября 1999 года в возрасте 51 года, от артериального тромбоза. За несколько часов до этого, как рассказывала вдова, он как-бы отдаленно предчувствуя кончину сказал:

— Татьяна Константиновна! В этом году у нас с тобой 30-летие. Давай обвенчаемся в церкви.

— Да мы же никогда в Бога с тобой не верили? — ответила она.

— Я тебя так люблю, хочу, чтобы мы были вместе и здесь, и там...

Светлый образ Игоря окружают и воспоминания о повседневной жизни и бытовых мелочах.

Не менее сердечные отношения с первых дней сложились и с заместителем командира бригады по вооружению подполковником Якубой. Он оказался отменным специалистом и верным товарищем. В отличие от Серзина, Василий Иванович по характеру был деликатен, мягок и вежлив. Хотя был урожденным сибиряком, родившимся 1 апреля 1951 года в селе Шипуново Алтайского края в семье зоотехника и учительницы. Его отец, четырнадцатилетним мальчишкой-добровольцем сбежал на фронт, и вскоре в феврале 1945 года попал под жестокий артиллерийский обстрел.

В первом бою Иван Якуба получил тяжелейшую контузию, которая на два года приковала его глухонемым калекой к госпитальной койке. На всю жизнь сохранил отметки той войны: в своем теле носил два осколка — в ключице и под глазом. Мама Василия, Полина Ивановна, была старше своего мужа-фронтовика на восемь лет. Как-то особо мудро по-матерински любила своего Иванушку и

оберегала от житейских трудностей. Все нагрузки жизни тянула на своих плечах, а вот сердце у самой не выдержало нечеловеческих нагрузок, и остановилось в 1986 году, когда ее младшенький сынок Вася уехал выполнять воинский долг в Афганистане.

Вася в детстве радовал свою мать — учительницу, он был послушным ребенком и хорошим учеником. Показательно, что выпускник деревенской школы сразу поступил в сложный политехнический институт. Завершив обучение на военной кафедре института и получив звание лейтенанта, он был призван на два года в вооруженные силы. Служба в армии неожиданно стала его судьбой. Два года в проклятом богом ЗаВО, на должности заместителя командира танковой роты по технической части, а затем три года начальником бронетанковой службы дивизии — не отпугнули от службы... Подошло время замены и Якуба переезжает на Запад и попадает в город Белгород-Днестровский, в 1979 году командирится в Германию на должность начальника БТС дивизии, но, местные кадровики переназначают его на скромную должность зампотеха мотострелкового батальона. В 1984 году по замене возвращается в Кривой Рог зампотехом танкового батальона. Там на благодатной украинской земле он написал рапорт о направлении его в ДРА. Просьба патриота вскоре удовлетворяется, и 15 мая 1985 года Якуба становится начальником БТС (бронетанковой службы) 66-й омсбр в Джелалабаде. Через два месяца его переводят старшим офицером БТ службы в штаб армии в Кабул. С января 1986 года подполковник Якуба — заместитель командира 15-й отдельной бригады по вооружению. Влюбленный в бронетехнику, он обожал в ней покопаться, напевая при этом известную песню Великой Отечественной войны: «Нас извлекут из под обломков,/ поднимут на руки друзья./ И грохот башенных орудий/ в последний путь проводит нас. /И полетят тут телеграммы /родных и близких известить /о том, что сын их не вернется/ и не придет погостить. /И молодая не узнает /какой у парня был конец...»

Неоднократно храбрый танкист, совместно с отчаянными спецназовцами, бывал в тяжелых боевых переделках: вытаскивал боевую технику с минных полей, а летом 1987 года взял на себя руководство боевой операцией в Бараках, когда отряд спецназа уничтожил крупный караван с мятежниками. В сентябре 1987 года приходит указ о его награждении орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени. Командир бригады представляет его ко второ-

му ордену — Красной Звезды, но новый своенравный заместитель командарма по вооружению полковник Иванов отозвал наградной сциничной и несправедливой формулировкой: «награда не соответствует заслугам». Он бы сам послужил бы и повоевал-то как Якуба, чтобы делать такие выводы.

Но, как бы то ни было, наградной не был реализован по причине неоправданно больших потерь бронетанковой техники в бригаде, а также замечаний рабочей комиссии отметившей большое количество небрежностей в оформлении актов на списание подбитой и подорванной техники. Бросать ее было нельзя. Для подрыва не месте акт нужен. В шести экземплярах, ещё и с фотографиями. Целый том наберётся, как все бумажки соберёшь. И объяснительные приложить надо обязательно, что действительно боевой подрыв, а не на базаре, к примеру, машину пропили. Да не одну, а минимум от трёх свидетелей объяснительные. Иначе не спишут машину. А пока не спишут — новой не дадут. На чём воевать тогда? Иной раз до полугода волынка тянется, пока новую технику не пригонят, а задачи ставят — будто всё у тебя налицо. Плевать начальники хотели, что в отрядах из дюжины боевых машин в отдельных ротах только три-четыре на ходу. Это твои трудности... Ругался Василий, но «кнут обуха не перешибет»...

В повседневности Василий любил поспать, из-за чего бывало опаздывал на построения бригады. Имея твердое мужское начало и характер, порой был сентиментален, поражал нас своим увлечением слушать сентиментальные девичьи песенки о несчастной любви. Которая и ему выпала в жизни. Но встречаясь с женщинами, и закручивая с ними легкие флирты, ни одну близко к себе не допустил. Как он говорил нам по этому поводу:

— У меня в жизни было два несчастливых брака, я женщинам не верю, я им всю жизнь мшу!

По замене после Афганистана Василий Иванович попал в Благовещенское танковое командное училище преподавателем. Служил доцентом, старшим преподавателем до самого увольнения в запас по предельному возрасту и болезни. По дембелю, вернулся на родину, в Алтайский край, в село Быково Шипуновского района. В Барнауле подрастает внучок от дочери. Сам не стал жить бобылем. Нашел себе душевную женщину — сошелся. Но война не прошла бесследно. Он часто болеет, а в 1999 году попадает в Московский военный госпиталь имени Бурденко, где переносит тя-

желую операцию на сердце. В эти месяцы его морально поддерживает комбриг Старов и болезнь отступает... Последующие годы жизни Якуба посвятил своей пасике. Занимался общественными делами в ветеранском движении края, объединил афганцев и прошедших войну на кавказских перевалах.

Первым заместителем командира бригады являлся кряжистый симпатичный голубоглазый блондин среднего роста.

— Подполковник Безручко! — лаконично представился он мне при встрече. — Анатолий. Образца одна тысяча пятидесятого года, учился в Рязанском училище, окончил 9 роту, факультет спецназа, а также разведфак академии им. М.В.Фрунзе. В Афгане завершаю второй год.

Его квадратное волевое лицо с хорошо выбритым мощным подбородком, крепко сидящее на тренированной шее, добродушно расплылось в улыбке. От него излучался приятный запах здорового и опрятного мужского тела, слегка смягченный хорошим парфюмом. Мне показалось, что в военной одежде Анатолия Ильича было что-то интеллигентно-франтоватое. Обычное стандартное обмундирование на нем выглядело будто бы несколько ушитым. Первое наблюдение оказалось верным, действительно он любил подгонять обмундирование под себя, но имея крепкую стандартную фигуру — это делать было необязательно, а наши солдатские портные своими талантами к «выпендрежу», могли поспорить с известными кутерье.

Безручко был очень цельной натурой, хорошо подготовленным офицером, атлетически развитым физически, прекрасно стрелявшим из всех типов оружия, находящемся на вооружении у разведчиков. Умело руководил боевыми действиями разведорганов соединения. На мой взгляд, к тому времени он давно уже созрел на самостоятельную командирскую должность и ему нравилось оставаться при штабе бригады за командира. Анатолий был властным и честолюбивым человеком. Иногда его заносило и он становился достаточно высокомерным в общении с подчиненными.

Доходили до меня жалобы о том, что в такие минуты Безручко мог взять за грудки строптивого командира отряда и напомнить, кто есть кто... и разъяснить должностные субординации. Находясь в расцвете лет, он был равнодушен и внимателен к слабому полу, работающему в штабе бригады и в отрядах. Женщины чувствовали это и кокетничали с симпатичным мужчиной, отвечая ему взаимность. Это был во всех отношениях настоящий офицер и мужчина.

За два года службы в Афганистане А.И. Безручко был награжден орденами Красной Звезды и «За службу Родине ВС СССР» III степени и афганским орденом «Славы». Министром обороны ему досрочно присвоено звание полковника.

Мы с ним дружили и по многим вопросам службы нашли общий язык и взаимопонимание. Существующий между нами хороший душевный и деловой контакт, позволял выступать единомышленниками, что было с одобрением замечено в воинском коллективе. Я уважал его, а он уважительно прислушивался к моим проблемам и требованиям. Мы много служебного времени проводили вместе, а в свободное время посвящали общему увлечению — стрельбе из пистолета. Я испытывал естественное чувство гордости, когда бывало на равных состязался с признанным мастером своего дела. Подошло время замены и на должность вместо Безручко приехал и Бердска подполковник Кириллов Николай Федорович.

Анатолий Ильич же получил назначение в Псков командиром второй бригады. Служба на новом месте оказалась для Анатолия скоротечной, а к финалу и неудачной. Конфликт назревал с первых дней. Как, с сожалением, рассказывали псковские сослуживцы, Безручко не совсем правильно сориентировался в обстановке на новом месте. Уважая себя и свой боевой опыт, он невольно продолжил принятую в Афгане несколько грубоватую манеру общения со своими новыми начальниками, которые в подавляющем своем большинстве в Афганистане не были.

Именно на этой психологической почве родилось негативное отношение к нему, которое быстро сформировало противостояние: с одной стороны всесильного начальника штаба — первого заместителя командующего войсками Ленинградского военного округа генерал-лейтенанта Владислава Алексеевича Ачалова (в будущем, с 1989 года командующего ВДВ, а с декабря 1990 года заместителя министра обороны СССР), — и строптивым комбригом, с другой стороны. «Подливал масло в огонь» и начальник псковского гарнизона, командир 76-й воздушно-десантной дивизии генерал-майор Вячеслав Халилов, с которым, кстати, Толик вместе оканчивал одно училище. Ни своевременного примирения, ни дружбы, ни взаимопонимания между однокашниками не получилось. Потому Безручко пал жертвой интриг «невоевавших генералов».

Ветераны бригады рассказывали, как во время одного из

последних своих приездов в Псков генерал Ачалов, заехал в бригаду, буквально рычал на Безручко:

— Я с тобой цацкаться не буду. Этому не обучен. В моей деревне Атамыш, что в Татарии, за такие дела в юности легко и по сусалам можно было получить.

— Пацан, ты еще учился в школе, когда я в шестьдесят шестом уже училище закончил, — продолжал свой обличительный монолог начальник штаба округа. — Ты только стал сопливым лейтенантом, я уже полком командовал. Когда ты еще был никто, я уже командовал танковой армией. И ты мне дерзишь. Я этого не потерплю. — И как отрезал, — мы вместе с тобой работать не будем!

Действительно, вскоре по представлению начальника штаба округа и военный совет округа поддержал ходатайство Ачалова об освобождении тридцативосьмилетнего полковника от занимаемой должности. Кадровики ГРУ перевели Безручко на должность начальника отдела спецразведки в город Хабаровск в разведуправление Дальневосточного Военного округа. Об этом решении многие сожалели, поскольку у А.И. Безручко могло быть большое командирское будущее.

Для того чтобы у читателя не складывалась лубочная идеальная картинка нашего бытия, я отойду от правила не говорить о плохом и набросаю небольшой портретик человека из окружения командира бригады, который не являлся нам ни товарищем, и тем более ни афганским «братом». Но это исключение из правил только еще более подчеркивало положительный фон нашего товарищеского бытия. Не простые личностные отношения имели место быть с ним не только у меня, но и других заместителей комбрига. По образованию он был как и Безручко, профессионалом-спецназовцем, выпускником девятой роты Рязанского десантного училища, разведфака Военной академии имени Фрунзе и имел хорошую военную подготовку.

Умело и грамотно проводил занятия по командирской подготовке с офицерами штаба и управления, отслеживал деятельность оперативных дежурных на ЦБУ, контролировал караульную и внутреннюю службы комендантской роты. Бывая в отрядах, принимал участие в планировании боевых операций, лично выходил с бронегруппами на реализацию разведданных, несколько недель провел в

Асадабаде под ежедневными артиллерийскими и минометными обстрелами.

В этот период тяжело заболел несколькими инфекционными заболеваниями и лежал в госпитале. Он был высок, крепок, несколько сутуловат, высокий лоб не прикрывали рано реденеющие черные волосы. Его однокашники по училищу отзывались о нем положительно, рассказывая мне, что определенный отпечаток наложили на него трудности бытия и семейные проблемы. Отличительной чертой этого человека была заметная в узком кругу единомышленников замкнутость и нелюдимость. Являясь воспитанником комбрига по Старокрымской 10 обрСпН, он почему-то существовал в коллективе сам по себе и не имел приятелей.

Еще до моего приезда в среде командного состава сложилось общее мнение, что кто-то из близкого окружения комбрига, постоянно доносит в ГРУ и РУ ТуркВО о поведении и якобы прегрешениях комбрига. Почему-то подозрение пало на этого человека. Особое состояние его нервной системы, осторожность и подозрительность к людям, ожидание постоянного подвоха, обмана являлись признаком эмоционального неблагополучия и свидетельствовало о внутреннем недоверии и обиде к людям. Что за этим стояло мне не удалось узнать, поскольку мы с ним не сдружились, а даже наоборот рассорились. Однажды, я высказал ему замечание за слишком резкий и грубый разговор с подчиненным офицером, на что он, неожиданно, мне с горячностью заявил:

— А ты кто такой, я тебе в комнату гранату заброшу, чтоб ты не выступал.

После этих слов мы с ним крепко поругались, и вся наша совместная служба впредь проходила в нейтрально-напряженных отношениях. Возможно, что-то подобное происходило и в общении с другими заместителями командира, но и у них холодок в отношениях с ним присутствовал. Так уж сложилось, я склонен полагать, только по вине этого человека, на дружеские застолья командира или узкого круга его заместителей этого человека не приглашали. А в этом в тех специфических боевых условиях была особая форма недоверия.

Тем не менее, после вывода бригады в Чирчик добродушный и незлопамятный полковник Старов, выдвинул этого офицера на должность командира мотострелковой бригады в Таджикистан. В непростых условиях горной войны выдвиженец, ставший полковни-

ком, достойно справился с должностью, а через несколько лет вернулся в систему военной разведки, где продолжил службу старшим преподавателем на курсах офицеров разведки в Загорянке. Как рассказывали его коллеги, характер у него не изменился, и, уходя в вечность по болезни, он так и остался одиноким.

Прибывшие из Сибирского военного округа, сменщики Безручко и Якубы подполковники Николай Кириллов и Владимир Васильев за оставшиеся несколько месяцев захватили очень напряженное время активизации боевых действий под Хостом, в провинциях Кунар, Газни и организационно-технической подготовки отрядов бригады к операции по выходу на территорию СССР. Оба добросовестно выполняли свой воинский долг, за что получили ордена Красной Звезды. При этом подполковник Кириллов Николай Федорович, хороший профессионал-спецназовец, отлично владеющий английским языком, по приказу комбрига, оставался с двумя отрядами нашей бригады в Афганистане вплоть до февраля 1989 года, прикрывавшими на финальном этапе Кабул. Впоследствии полковник Кириллов, получивший назначение на Украину, продолжил службу в Изяславской бригаде спецназ, а потом до момента полного расформирования КВОКУ, возглавлял кафедру спецназа. В настоящее время живет в столице Украины, вырастил сына, который продолжил профессиональное дело своего отца и служит в украинском спецназе. Подполковник Васильев после сдачи излишков бронетанковой техники и вооружения соответствующим службам Туркестанского военного округа убыл в родной Сибирский военный округ.

СОВЕТНИК ЦК КПСС СЕРГЕЙ БЕКОВ

Беков — фамилия известная... Судьба свела меня с ним в первые дни прибытия в Афгане. Место все та же судьба для нашей встречи выбрала прекрасное — бывшую зимнюю резиденцию афганского короля — город Джелалабад, который всегда считался воротами в Афганистан.

...Я знал, куда и зачем лечу. Все мы знали и были готовы к любым неожиданностям Неприятных было много. Приятная, пожалуй, одна — знакомство с советником ЦК КПСС в зоне оперативной и войсковой ответственности «Восток» Сергеем Мажитовичем

Бековым. Его ставка как раз и находилась в Джелалабаде, а точнее, в кишлаке Самархель. Кое-что я слышал о Бекове от своих новых товарищей в первый вечер пребывания в бригаде. Горец, ингуш, известный на Северном Кавказе партийный и советский руководитель, лет около пятидесяти, умен, храбр, человечен. Забегая вперед, замечу: был Сергей Мажитович ко всему сказанному остроумен, сдержан, полон обаяния. Но по порядку.

Слетав из Джелалабада в мою первую командировку и решив все срочные дела, мы с командиром бригады полковником Юрием Тимофеевичем Старовым наконец-то выбрали время и отправились к Бекову, как положено, представляться. Навстречу нам из-за стола вышел человек одетый в гражданскую одежду, выше среднего роста, подтянутый и красивый, той мужской красотой, которой зачастую отличаются горцы. Так получилось, что даже льдинки настороженности между нами не возникло.

Беков после обязательной в таких случаях беседы по существу моих обязанностей в Афганистане, пригласил к столу. Еда была столовская, но это обстоятельство не делало ее невкусной. Тем более, что хозяин был само гостеприимство. После обеда мы вновь вернулись к делам. Обстановка не радовала.

Война шла восьмой год, и конца ей не было видно. Похоже, что мы застряли в Афганистане, как когда-то США во Вьетнаме. Приказ, конечно, приказ, но никто не мешал нам самим думать. По стране гуляла перестройка, много говорилось о гласности и демократии. Однако армия оставалась армией с ее жесткими написанными кровью уставами. И все же в тот день у Бекова мы не смогли не поинтересоваться его мнением о происходящем. Прежде всего о перспективах нашего пребывания в стране, раздираемой своими внутренними противоречиями. У них шла борьба за власть не на жизнь, а на смерть. А тут еще мы...

Немного поколебавшись, я все-таки спросил:

— Сергей Мажитович, как вы думаете — долго ли...

Беков перебил:

— Я понимаю, что вы хотели спросить. Отвечаю.

Он отодвинул от себя столовый прибор и встал. Мы тоже встали.

— Против нас в зоне оперативно-войсковой ответственности «Восток» за кордоном сосредоточено до 70% душманских лагерей, учебных баз, объектов их снабжения и госпиталей. Джелалабад все-

го в 55 км от Хайберского прохода и как кость в горле для противника. Надо беречь людей... Что касается нашего пребывания здесь, то я думаю, что дело скоро склонится к развязке.

Мы со Старовым были не мальчики и прекрасно понимали язык недоговоренностей. Беков награждал нас надеждой. Надеждой на близкое возвращение домой. Провожая нас к двери кабинета, Беков вдруг сказал:

— Сегодня в клубе у нас будет кино «В бой идут одни «старики». Рекомендую посмотреть еще раз. Леонид Быков — майор Титаренко, ответ на все ваши вопросы. Надо беречь молодых солдат и офицеров.

И, обращаясь к полковнику Старову, добавил:

— На днях у командующего будет совещание командиров. Речь пойдет о том, чтобы четко и умело выполнять те рекомендации, которые есть в отношении наших пленных. Это очень важная задача разведки. Очень.

— Да, Сергей Мажитович, вы правы.

— Вот и хорошо, что вы все понимаете. Прошу завтра ко мне на совещание. До свиданья.

Беков обнял каждого из нас. Улыбнулся мне:

— Так, говоришь, в Приморье служил? Я везде был, а вот на Дальнем Востоке не пришлось...

Приехав в свой штабной городок бригады, мы выслушали доклад дежурного на ЦБУ и улеглись спать. Но ночь оказалась для комбрига бессонная: в районе Абчакана наша группа, находясь в засаде, уничтожила вооруженное формирование мятежников, и Старов руководил и координировал действия авиации и артиллерии. После обеда, ближе к вечеру, мы вновь встретились с Бековым. На этот раз речь шла о сугубо военных делах. Кроме нас в совещании принимали участие афганские и советские товарищи: уполномоченный ЦК НДПА и Реввоенсовета ДРА, председатель Совета обороны зоны «Восток», энергичный и просоветски настроенный писатель и поэт Мехтобутдин Сафи; начальник управления МГБ провинции Нангархар, сдержанный и немногословный пуштун Мазула (просидевший при Амине 9 месяцев в тюрьме); командир пехотной дивизии генерал Барикзай и его замполит полковник Миджит; начальник разведцентра Мирр; начальник афганского госпиталя № 1 полковник Муин Зерматаль, а также советники А.Корнилов, А.По-

носов, С.Тюрьменко, Ю.Шонов, В.Калугин, В.Анцифилов, В.Арцыков, В.Микадзе и др..

И вновь меня поразила уровень военной подготовки Сергея Мажитовича. Я сам семь лет тому назад окончил академию и, казалось, что объем информации, почерпнутый мною во время учебы, более чем достаточен, для того, чтобы ориентироваться в обстановке. Так-то оно так, но слушая Бекова, явственно ощущал пробелы то по одному вопросу, то по другому. Очевидно, так оно и должно было быть: ведь на стороне Сергея Мажитовича был опыт, эрудиция, конкретика, а мне только предстояло «сапогами мерять отроги Гиндукуша», да пройти с бригадой сотни километров в провинциях Нангархар, Кунар, Пактия, Кабул, Логар, Газни, сидеть в засадах на караванных тропах.

Сейчас, когда пишу эти строки, словно слышу выразительный голос Бекова:

— Все караваны с оружием, идущие из Пакистана, для нас важны. Но особенно — несущие зенитно-ракетные комплексы «Стингер».

— Юрий Тимофеевич, — обратился Беков к Старову, — еще раз доведите до личного состава, что главное — «Стингеры». За взятый «Стингер» командир группы спецназа будет представлен к Герою, а все разведчики, входящие в группу будут награждены орденами.

— Сергей Мажитович, — ответил комбриг, — мы делаем все. Люди знают приказ министра обороны и не жалеют себя. Потери бригады в этом году уже составили 58 убитых. На минных полях и во время обстрелов мы потеряли 25 единиц техники...

Совещание закончилось поздно ночью. Дневной зной сменила пропахшая эвкалиптами темень. Все время хочется пить, только стакан осушил, рука тянется за другим, хбэ — влажное от пота. Мы все потом научимся разумно общаться с водой. И это станет первым, но таким важным контактом с окружающей нас средой, который помогал выжить.

Потянулись боевые будни. Дни, не похожие один на другой. Подъем. Зарядка. Завтрак. Постановка задач. Ежесуточно десятки разведорганов бригады выполняют боевые задачи. Кто уходит на сутки, кто на трое, а кто и того дольше.

Ох уж эти караваны, эти «Стингеры»... Порой приходится ждать караваны несколько суток в засадах. Разведгруппы вышед-

шие для ночных засад делают все, чтобы остаться незамеченными. Их время — ночь! Мучительно медленно тянется время на дневке. Ждешь не дождешься, когда солнце упадет за горизонт. Почти сразу же появляются большие звезды. Становится прохладнее. Воют шакалы. Наскоро ужинаем и скорым шагом вытягиваемся в колонну по-одному. Скорее в район засады. Занимаем господствующие высоты на караванной тропе или в русле пересохшего ручья и безмолвно ждем до утра.

Издали караван вызывает надежду. Представьте себе пустыню или голое предгорье, палящее солнце, пустое без облачка небо. Неподвижный пейзаж растапливает душу. И вдруг из-за бархана или из ложины горной гряды показывается змеиная голова переднего верблюда, за ним шествует второй, третий... Движение! Вместе с движением мир как бы приобретает устойчивость и систему координат. Но, чу! Будь осторожен, разведчик!

Чуть что с верблюжьих горбов огрызнутся свинцом моджахеды. Опытные караван-баши вмиг положат верблюдов на песок. Организовывать круговую оборону им не впервой. А уж стрелять басмачи умеют. В дневное время досмотр караванов осуществляют разведгруппы, летающие над горами и пустынями на вертолетах. Это высокий риск, но пропустить караван с оружием нельзя. Нас интересуют далеко не все караваны, а только те, которые несут оружие, боеприпасы и «Стингеры». Переносные зенитно-ракетные комплексы — оказались оружием стратегическим. Они изменили ход всей афганской войны. И мы действуем наверняка. Внезапность — наше оружие. Бои носят яростный характер. «Стингеры» — дорогая добыча. И мы, и они мертвой хваткой цепляемся за ракеты. От наших действий зависят судьбы вертушек и самолетов. Зависят сотни жизней наших и афганцев.

Вскоре задание было выполнено. Отважные офицеры спецназа Е. Сергеев, В. Ковтун (из 22 обрСпН), Г. Похощев, С. Лафлазан и В. Борозинец (из 15 обрСпН) захватили первый десяток американских ПЗРК. Однако Героя получили не они, а генерал армии.

Днем летаем на разведку на МИ-8. Трудяги-машины, стремительно идут на бреющем над землей, иллюминаторами всматриваясь в местность. Сознание четко фиксирует каждое изменение в пейзаже под тобой. Внезапный блеск может оказаться прицелом ПЗРК, или снайпера. Каждый дрогнувший куст у кучи камней — огневой точкой откуда могут взлететь ракеты. И хотя вертушка

набита оружием, лететь над территорией, контролируемой моджахедами, страшно. Можно, конечно, никого не встретить, но можно и напороться на беду. Как это недавно произошло с группой старшего лейтенанта Вадима Матюшина. Светлая им всем Память!

Досмотровые группы летают парами. Под прикрытием «кротидов». Так надежнее...

Как-то уже от Шахидана ложимся на обратный курс. Летим над бурной гладью горного Кабула. Навстречу нам вертушка, кто бы это?

Пилот замкомандира полка подполковник Валера Крушинин говорит:

— Беков! — сказал и чему-то улыбается. Скорее всего, ему тоже нравится Сергей Мажитович.

За те месяцы, что я провел в Джелалабаде, мне пришлось познакомиться со многими людьми. Разведчики, мотострелки, врачи, журналисты — все они неизменно, услышав «Беков», — многозначительно, но по-доброму улыбались. И начинались всякие истории, так или иначе связанные с Сергеем Мажитовичем. Вот некоторые из них.

Как-то случилось в провинции Нангархар событие, которое никак не вписывалось ни в какие рамки. Умер 110-летний святой, лидер пуштунов Абдул Гафар Хан. В мусульманском мире он был значительной фигурой. Завещал он похоронить себя на родине в Джелалабаде. Мероприятие на международном уровне. До границы Пакистана с Афганистаном за траурным кортежем следовало около полумиллиона человек. Но это их заботы. А вот от границы до самого провинциального центра траурную церемонию пришлось проводить С.М. Бекову. Конечно же ни местные власти, ни армейские наши части в стороне не стояли. Однако главная забота о сотнях тысяч верующих пала на плечи Бекова. Было очень трудно, экстремисты сумели все-таки провести два теракта с человеческими жертвами.

Вот что писала газета «Правда» 23 января 1988 года по этому поводу:

«Джелалабад: 150-тысячная манифестация. В административном центре пограничной афганской провинции Нангархар-Джелалабаде 22 января состоялась грандиозная траурная манифестация и похороны известного борца против британского колониализма, признанного лидера пуштунов Абдул Гафар Хана.

Однако враги единства пуштунов предприняли гнусную акцию. В то время, когда у могилы А.Г.Х. шел траурный митинг, среди скопления оставленных на стоянках машин прогремело два взрыва — взлетели на воздух автомобили со взрывчаткой. Погибло шесть человек, в том числе дети».

...Шурави в меру своих сил старались делать все, чтобы соблюдать основные традиции и привычки афганцев. И порой этому хорошо помогали советники, такие как Беков, которые хорошо знали обычаи и традиции.

Вот уже прошли многие годы, но мы с теплотой вспоминаем афганский народ, так как никогда не объединяли его с моджахедами, и объединять никак нельзя. Простой народ, который нас окружал, был прекрасен. Свободолюбивый, красивый народ. Мне очень нравились афганские мальчишки — они мне напоминали моего сына, о котором я скучал — такие же черненькие и шустрые. Я также как все солдаты и офицеры ОКСВ во время выезда в сиротские дома «Ватан» и в населенные пункты всегда делился с бачатами своим сухим пайком.

Беков справлялся со своими обязанностями, нашел общий язык со всеми. Помогли дюжина языков и наречий, которыми Сергей Мажитович владел безупречно. Я сам был свидетелем, как советник беседовал с людьми, пришедшими из отдаленных горных кишлаков и из глухомани горных ущелий. Он наравне говорил с муллами, поражая их знанием и толкованием Корана.

Однажды перед выходом в засаду, я встретил машину с Бековым. Он остановился, порылся в бардачке и протянул мне несколько целлофановых пакетов.

— Зачем они?

— Пригодятся. Когда понадобится утолить жажду, найди куст селина или верблюжьей колючки, засунь в целлофан, оставь на ночь. Поутру обнаружишь влагу.

Беков обнял меня, крепко пожал руку и дал по газам.

Он то знал, что наша группа не скоро вернется в родной городок. Пять суток просидели мы в засаде, то была одна из утомительных охот за «Стингерами». А что такое дневка под раскаленным солнцем?

Ад.

От жары спекаются глазные яблоки. Плавятся мозги. Воспаляются губы. Отлетает душа. Все мысли — о воде. Наш запас уже

давно кончился. Только ночью в темноте можно будет направить пару разведчиков на берег к Кабулу. Но ночью — в темноте у нас боевая работа. Тогда-то я и вспомнил о подарке Бекова. Сделал как он велел. И что же вы думаете? Получилось. Немного влаги, но на двоих по глотку вышло. Бойцы группы лейтенанта В.Федорченко, в основном жители равнины, были поражены как малые дети. Все мы твердо усвоили, что в пустыне без воды человеку быстро приходят кранты, а тут на тебе — пораскинь умом и живи!

Надо сказать, что сказочная красота Джелалабадской низменности не являлась раем на земле. Воздух здесь, как в парной, со специфическим ароматом эвкалиптового дерева. Правда, грунтовые воды здесь подходят к поверхности земли очень близко, потому и создается благодатный для растений и живого мира климат. Но очень жарко. Отмечаются случаи смертей солдат и офицеров от солнечных ударов от перегрева организма. Даже ночью здесь не ниже 30 градусов по Цельсию, люди мучаются от жары, практически не могут спать ночами. Тяжело приходится нам, северянам, но и афганцам достается от жары, о чем свидетельствуют водоносы, снующие по городу.

Да и средняя продолжительность жизни местного населения всего 45 лет, что свидетельствует о неблагоприятных условиях жизни. Эпидемиологическая обстановка здесь непростая. То и дело отмечаются вспышки холеры, чумы, натуральной оспы, брюшного и сыпного тифа, бактериальной дизентерии, тропической малярии, сибирской язвы, туляремии, бруцеллеза, инфекционного гепатита, трахомы и проказы. 30% населения болеют туберкулезом.

Не обходят болезни и наших солдат и офицеров. Так только в 1987 году у нас в бригаде переболели две трети личного состава, в том числе даже замкомбрига майор Исаков. А сколько наших однополчан от этих болячек умерло уже на родине? Кто считал?

ДЖЕЛАЛАБАД

Здесь на постоянной основе дислоцировались два советских соединения и несколько отдельных частей. Когда проводились боевые операции, то к этой группировке перебрасывались дополнительные части мотострелковых и парашютно-десантных войск Ограниченного контингента. Истории Джелалабадских частей советс-

ких войск по-своему интересны, я постараюсь рассказать о некоторых из них более подробно.

Старожилами в гарнизоне по праву считались мотострелки. С мая 1980 до августа 1988 гг. в двух километрах от Самархеля ближе к реке Кабул находилась 66-я отдельная мотострелковая бригада (в/ч пп 93992). Она была сформирована 1 марта 1980 года на базе 186-го отдельного мотострелкового полка и 48-го отдельного парашютно-десантного батальона.

За мужественные и решительные боевые действия с мятежниками в первые годы пребывания наших войск 66-я омсбр была награждена орденом Ленина. Вручение состоялось в 1981 году. Зона боевой ответственности мотострелковой бригады включала три провинции: Нангархар, Кунар, Лагман, в которых все годы пребывания советских войск происходили непрерывные бои с мятежниками. Задачей бригады являлось прикрытие границы с Пакистаном на восточном направлении. 66-я омсбр была достаточно мощным соединением, которое кроме мотострелковых батальонов в своем составе имело десантный батальон, значительно повышавший мобильность бригады.

Командир 66-й бригады был старшим воинским начальником в Джелалабаде — начальником советского воинского гарнизона. Бригадой в описываемый период командовали подполковники Смирнов, Дыбский, полковник Оздоев, подполковники Матюнин, Посохов, Жариков и Авласенко. Большая часть личного состава мотострелков располагалась на сторожевых заставах вдоль основных автотрасс, а также стояла гарнизонами в Асадабаде и Митерламе.

Местечко, где базировались основные силы и управление бригады, размещалось на небольшом пятачке, прижатом с одной стороны невысокой горной грядой, а с другой широкой и полноводной рекой Кабул, несущей свои воды с бешеной скоростью. Окрестности окружали заболоченные участки местности, заросшие камышом. На территории бригады рос цитрусовый сад, принадлежавший некогда богатому человеку — директору ирригационного канала. Здесь же стояла его белоснежная вила. Старики говорили, что в этом городке раньше была база англичан, откуда они три раза пытались наступать на Кабул, чтобы завоевать Афганистан. Сюда же англичане возвращались после поражений.

В ноябре 1981 года в Джелалабад пришел 1353-й отдельный батальон охраны (в/ч пп 43164), для обеспечения безопасности

аэродрома, на котором дислоцировались 292-й отдельный вертолетный полк, который с сентября 1981 года сменил 335-й отдельный боевой вертолетный полк (командирами которого были полковники Целовальник, Грачев).

Взаимоотношения между командным составом частей были дружеские и доверительные. Меня приняли доброжелательно. Однако времени на адаптацию не было. Не успев освоиться на новом месте, я через сутки вылетел в командировку через весь Афганистан через аэродромы Кабула и Шинданда в советскую Кушку.

Кушка была, как известно, самым южным городом Советского Союза и представляла уникальное явление. Как нам рассказали местные жители, Кушка была основана ссыльными украинцами. До революции сюда ссылали прогрессивно настроенных офицеров. В те годы и сложилась поговорка «Дальше Кушки не пошлют», так как до нее добирались три месяца — сначала в Тбилиси, потом через Каспий, затем караваном на верблюдах и лошадях: железной дороги еще не было. По мнению историков, слово «кушка» означает деревянное приспособление для хранения строительного материала.

В 1917 году генерал-губернатор этого города перешел на сторону советской власти. И хотя природа там также не балует: жара, песчаные бури, безводье, но военный городок, построенный к 80-м годам, ничем не отличался от западных частей. Да и солдаты, и офицеры ничем не отличались от своих собратьев по оружию, разве только загар у них бронзовее, чем у других. На тот момент в Кушке проживало 13 тысяч жителей, вместе с солдатами местной дивизии. Зеленый жилой городок тоже соответствовал современным стандартам, в котором было все: кинотеатр, парикмахерская, цех мороженого, фотография, своя газета, театр и т.д. Понятное дело, что учеба на сборах мне в голову не шла, поскольку все мысли были сосредоточены вокруг проблем бригады, оставшейся в Джелалабаде.

Через неделю с немалыми трудностями, связанными с ожиданием самолетов и вертолетов, я вернулся в Джелалабад.

...Часы показывали 22.35, когда колеса шасси нашего самолета коснулись полосы аэродрома. Он был по-фронтовому затемнен. Самолет подрулил прямо к зданию аэропорта, где размещался штаб и ДКП нашего 335-го боевого авиационного полка. Открылась рампа, и в самолет ворвался влажный и жаркий тяжелый воздух. Обмундирование враз прилипло к телу. У рампы самолета нас встре-

чала большая группа военных, улетающих этим же бортом обратно в Кабул, и встречающие из частей. Ждали и меня. Хорошо ориентируясь в темноте, офицеры штаба бригады провели нас на площадку с автотехникой. Там стояли два бэтэера и мой «Уазик». Вместе со мной из Кабула прилетела группа наших военнослужащих, четырех из которых вместе с вещами я взял к себе в машину. Остальных рассадил на броню машин сопровождения. Впереди пошел бронетранспортер, а второй пристроился за мной для прикрытия.

Проехав мимо примитивного КПП и погнутого шлагбаума, наша колонна выехала по большим рытвинам и колдобинам на прекрасную бетонку Кабул — Джелалабад — Пешавар и повернула направо. Водитель лихо поддал газа, и мы полетели в темноту ночи. Я с интересом вглядывался в местность, открывающуюся за окном машины. Это была безлюдная часть дороги. Проехали «соловьиную» рощу — так называемый сад цитрусовых культур, из которого моджахеды частенько обстреливали машины советских войск.

Проскочили небольшой кишлачок Самархель, где в сосновой роще расположен городок советских военных и партийных советников. Три десятка каменных особнячков западноевропейского типа. В этих виллах советники живут со своими семьями. В центре городка голубела вода великолепного бассейна. По веткам эвкалиптов сновали ручные обезьяны. Одним словом — райский уголок для белых людей. Недалеко от нынешнего советнического городка в камышовых зарослях, как рассказывали, эмир Афганистана любил, сидя на слонах, поохотиться со своей свитой... Одним словом, места исторические. Однако шестеренки истории закрепились, напоминая о настоящем. На мой вопрос, далеко ли отсюда до противника, мне спокойно ответили:

— Нет, двести метров в любую сторону.

Свернув с шоссе и форсировав небольшой ручей, сразу после моста повернули налево. Метров через триста от шоссе начался длинный забор из двойного ряда двухсотлитровых бочек из-под горючего. Сопровождающий прокричал мне в ухо:

— А это место дислокации нашего легендарного 154-го отряда! Они прибыли сюда первыми в начале 1984 года. Отрядом командовали Портнягин, Дементьев. Сейчас командирствует Владислав Гилуч из Пскова. Первыми комбатами были Холбаев и Стодеевский.

После этого импровизированного забора мелькнули несколь-

ко дувалов небольшого афганского кишлачка, плотную примыкающего к забору следующей советской части. Свет фар автомобиля выхватил из темноты здание КПП 66-й отдельной мотострелковой бригады, а мы резко повернули направо в городок штаба нашей бригады. На воротах ярко высвечивались родные десантные эмблемы. Вот я и дома. Прошло десять дней как я в Афгане, а в городке бригады нахожусь всего вторую ночь...

Мое экскурсионное знакомство с Джелалабадом состоялось через несколько недель. Поводом для этого послужил отъезд в отпуск командира — полковника Старова. Стоял жаркий солнечный день. Во всем ощущалась экзотическая атмосфера Востока.

Одно- и двухэтажные здания, пирамидальные тополя и эвкалипты мелькали вдоль дороги. Здешняя жизнь концентрируется вокруг базара — души города. Он находился на центральной неширокой улице, застроенной двухэтажными зданиями. Первые этажи занимали дуканы. На правой стороне в основном торговали вещами и промышленными товарами, а на левой, прямо на улице, варили плов, жарили шашлык, продавали овощи и фрукты.

Тут же размещались мастерские, где ремесленники шили, чеканили, лепили горшки и другую посуду. На вторых этажах домов жили торговцы, хозяева дуканов и мастерских. К главному торговому ряду проезд машинам был запрещен, и в качестве ограждения стояли те же 200-литровые бочки, наполненные камнями.

Мы вышли из машины и, проверив оружие, подошли к неказистым лавкам, где шла неторопливая утренняя торговля. Как и положено на старом Востоке, все прилавки были забиты товарами из Индии и Пакистана. Удивили местные нравы. Щепетильные в вопросах собственной наружности продавцы — всегда умытые, гладко бритые или с тщательно ухоженными бородами, в чистых тюрбанах, питающие слабость к западной парфюмерии, абсолютно равнодушные к тому, что можно назвать средой общественного обитания. Окна лавок немыты, нечистоты сбрасываются в придорожную канаву, разбитое стекло заменяется куском фанеры или пластиковой пленкой. Но в лавках есть все, что душе угодно.

Такое в своей жизни я видел впервые.

У торговцев много образцов советского военного обмундирования, различных консервов, сгущенного молока, попавших к хозяевам дуканов от делового отряда наших прапорщиков и служащих. По центру торгового ряда горделиво шествовали караваны верблю-

дов и ишаков, перевозящих товары. Сновали извозчики в пестро изукрашенных пролетках, которые когда-то в старой Индии именовались «Викториями». Многие женщины в кадре — белое одеяние с прорезью для глаз укутывало их с головы до пят. Молодые женщины и девушки позволяют себе ходить здесь с открытыми лицами.

В восточной стране мы продолжали жить по своим законам и привычкам. На Востоке у мусульман пятница выходной день, а мы для себя делали выходные по воскресеньям. Вот и сейчас, 18 июля 1987 года — у нас выходной день, мы в торговой части провинциального центра. Зашли в очередной лавочку известного и богатого торговца Даяна. Он одет соответственно национальным индусским традициям. Вместе с ним с малолетства торгуют и двое его сыновей — десяти и четырнадцать лет от роду, которых он приучает к будущей трудовой деятельности.

Это их жизненные университеты. Хозяин, как и положено, приветливо встретил нас. Переводчик штаба капитан О.Воронин и следом за ним мы приветствовали его словами:

— Хубасти, джурасти, чатурости? (Как ваше здоровье? Благополучие? Близкие?).

— Ташакор! Баомона худо хафес! (Спасибо! Да хранит тебя бог!).

Осмотрелись. Глаза радовали монтановские костюмы, японские часы, косметика, магнитофоны и аудиопленки, а также рулоны многочисленных тканей. Вся наша многочисленная компания, включая и Олега Воронина, оказалась лишенной торговой хватки. Через считанные минуты 200 чеков Старова ушли в бедонные карманы широких штанов хозяина лавочки, а на дне целлофанового пакетика незадачливого покупателя появились очень небольшие и скромные покупки...

В ушах еще звучали слова Даяна:

— Сафар ба хайр! (Счастливого пути!), — а мы начали подсчитывать произведенные расходы. Даже командиру не хватило денег на серьезные покупки. Военные, в отличие от советников, получали в 5 — 10 раз меньше, а кроме того, началась так называемая военно-финансовая реформа. Она как раз совпала с моим приездом и вступила в силу с 1 июля. — Кто придумал аферу выдавать военнослужащим ОКСВ чеки внешторга с красной полосой и надписью «для военной торговли»? История не сохранила его «славного» имени. Но с той поры бумажки с «лампасами» стали недействи-

тельны в союзных «Березках», а здесь шли по меньшему номиналу, чем прежние.

Я к тому времени денежное содержание еще не получал. Такой порядок выплаты карманных денег в ДРА для военных был определен Москвой не случайно. А вдруг служивого убьют в течение первого месяца — разор государству получится. Но это серые будни... Лучше поговорим о вечном и прекрасном.

Из письма жене во Псков через месяц после приезда в Афганистан 21 июля 1987 года:

«Природа Джелалабада поражает обилием флоры. Только здесь, в Афганистане, растут банановые пальмы и эвкалипты... Эвкалипт — во многих отношениях замечательное дерево. Он быстро растет и достигает 100 метров (абсолютный рекорд среди цветковых растений). Не знаю, кто и когда завез их из Австралии, но эвкалипты прижились в Джелалабаде и успешно использовались для осушения переувлажненных местных грунтов. Насколько я помню, в Союзе их много только во влажной Колхиде...

Популярность эвкалипта очень высока благодаря ценному эфирному маслу, убивающему многих микробов. Мы широко используем эвкалиптовые веники в бане, поскольку они создают своеобразный лечебный дух в парной, помогающий избавиться от недугов. Благодаря особому химическому составу, у эвкалипта очень мало вредителей и болезней. Это настоящее дерево жизни, которое оберегает нас от болезней. Много фруктовых деревьев, которые в условиях жаркого климата источают необыкновенный чарующий цитрусовый аромат. На ветках томно висят темно-зеленые плоды грейпфрута размерами в средний лимон, которые к осени созреют и станут большими и желтыми.

Впервые в жизни здесь я увидел необыкновенно богатое изобилие цветов. Особенно на меня произвела впечатления необычная лиана из семейства ночцветных под названием бугенвиллия. Она встречалась всюду — на ухоженных газонах королевского дворца и у бедных лачуг. Одно такое пятиметровое сокровище растет рядом с нашим командирским модулем. Бугенвиллия нравится всем своими ярко окрашенными чистыми и теплыми тонами. Как ни странно, самые яркие розовые органы являются не цветками, а прицветными листьями.

В условиях субтропиков Джелалабадской низменности они цветут круглый год и производят какое-то необычное праздничное

оживление. Но и фауна не уступает своим многообразием. Первое знакомство с ней у меня состоялось с варанами, которые бегали по стенам и потолку наших жилых и служебных помещений. Они относятся к семейству наиболее крупных ящериц, обладающих стройным и мускулистым телом с хорошо развитыми пятипалыми конечностями. Более или менее вытянутая, тупо закругленная спереди голова венчает длинную и толстую шею.

Афганские вараны имеют разнообразную окраску (полосатые, желтые, пустынного или серого цвета), но приглушенного не слишком яркого оттенка. Они удивительно хорошо лазают по деревьям и охотно заходят в воду. Убежищами им служат норы и дупла деревьев. Часто пугают нас, когда неожиданно взбираются на кусты и деревья для разорения птичьих гнезд и спрыгивая с высоты на землю рядом с нами. По словам афганцев, вараны не покидают территории своих участков и являются их хозяевами. Вараны — активные хищники, поедающие птиц, ящериц, змей, мышей, черепашек, скорпионов, фаланг, насекомых, хотя некоторые из них разнообразят свой рацион плодами и семенами растений. От человека варан старается убежать. В движении они быстры и грациозны, бегают со скоростью 100 метров в минуту, высоко приподняв тело на растопыренных ногах и не касаясь хвостом земли.

Однако наш боец любопытен и в свободное время охотится за варанами, поэтому в случае опасности тот яростно защищается от них и кусается как собака. При этом сильно раздувает тело, отчего оно становится широким и плоским, громко шипит, высовывает язык и, широко раскрывает пасть, пытаясь укусить. Для устрашения он с силой хлещет хвостом направо и налево, не позволяя взять себя в руки. Укусы его довольно болезненны, причем, как рассказывают, крупные вараны в состоянии перекусить человеку палец. Подтверждая поговорку, — ему палец в рот не клади.

Но грозой животного мира здесь являются многочисленные змеи. Наиболее распространенные среди них индийские кобры. Я познакомился с представительницей этого мерзкого племени при забавных обстоятельствах на собственной территории штаба бригады. Однажды, проходя мимо стоянки техники спецрадиосвязи, увидел дюжину солдат хозяйственного и автозвода, оживленно разговаривающих, издававших истошные вопли и взрывавшихся при этом гомерическим смехом.

Молодежи свойственно веселье, но такое неадекватное пове-

дение многих бойцов насторожило меня. Поэтому я подошел к ним. Они поднялись, приветствуя меня, и в этот момент я увидел на площадке между ними вертикально поднятую переднюю часть тела полуметровой очковой змеи, которая, грозно опустив голову и раздув капюшон на шее с ярко проступившим рисунком, очень похожим на настоящие очки, танцевала грозный танец. Дикий суеверный страх охватил меня мгновенно.

— Вы что, совсем обалдели, ребята? У нее же смертельный укус, — сказал я приглушенно.

— Не бойтесь, она ручная, — ответил мне громко и нарочито задиристо рядовой Сызранцев из комендантского взвода, — мы ей рот зашили нитками. — При этих словах он опустился перед коброй на колени и вытянул вперед руку, как заклинатель змей, демонстрируя мне и притихшей компании «магическое искусство колдуна». Однако наша кобра не захотела повиноваться шарлатану и нанесла резкий удар для укуса, а потом попыталась отползти в сторону, но ей преграждали путь пыльные солдатские ботинки, и она вновь приняла боевую стойку. Но на этот раз ловко схватил змею за хвост и поднял в воздух рядовой Данышин.

Я отпрянул, когда взглянул в небольшие с круглыми зрачками глаза этого наводящего всеобщий ужас чудовища.

— Где вы ее поймали! — спросил я.

— В фундаменте нашего модуля, — ответили, перебивая друг друга, санитары — рядовые Данильченко и Тарасюк.

— А еще одну видели под корнями деревьев, рядом с магазином «военторг», но поймать ее не сумели. Уползла, — добавили Михайлов и Слюняев.

— Как же вы не побоялись взять ее в руки и зашить пасть?

— А мы хотели сначала просто ей зубы выломать, но побоялись, вот и зашили, — пояснил Мухамеджанов.

— Немедленно прекратить это баловство. Насколько я знаю, самцы и самки держатся парами, так что побаивайтесь мести второй змеи.

Вечером на совещании офицеров мы с командиром подробно проанализировали этот факт и дали жесткие указания командирам и политработникам тщательно проверить всю территорию и обеспечить безопасность в местах человеческого жилья. Напомнили, что среди 14 видов кобр, встречаются плюющие змеи, способные выбрызгивать яд в направлении врага на расстояние до 2 метров. При

попадании яда в глаза наступает помутнение роговицы и полная слепота. А легенды об обломанных зубах необоснованны, так как даже обломанными основаниями змея может нанести ранение и выпрыснуть яд. А вместо сломанных зубов быстро вырастают не менее ядовитые. Врачи медпункта бригады доложили о наличии в аптеке противоядия от укуса кобры и проведенном инструктаже санитаров и любопытного личного состава.

Все оживились, ветераны отряда спецрадиосвязи начали вспоминать, что раньше змей не было, так как на территории бывшего оливкового завода жил мангуст, который выслеживал и бесстрашно нападал на заползающих змей, но как-то в 1986 году ночью его застрелил испуганный часовой комендантского взвода. Жаль, а ведь этих защитников людей описал еще легендарный Редьярд Киплинг, — помните рассказы о Рикки-Тики-Тави...

Серьезный тон служебного разговора оказался на время нарушенным, и на перебой старожилы бригады стали вспоминать проделки еще одного животного — любимца соединения мартышкообразной обезьяны по кличке Тарас. Необычайно юркая обезьянка этого типа, если верить рассказанным индийским легендам, в древние времена была объявлена священной за то, что украла для своего народа чудесный плод манго, который рос тогда только в саду злого цейлонского великана. Обезьянка была поймана на месте и брошена в огонь, но смерти избежала — только лицо и руки навсегда остались обожженными, черного цвета. Складывалось впечатление, что Тарас чувствует свою исключительность и поэтому ведет себя со многими очень заносчиво и цинично.

Во-первых, он сумел влюбить в себя командира бригады, который позволял ему многое, в том числе сидеть на своем правом плече. Тарас не разлучался с командиром, а когда тот выезжал на боевые и закрывал его в модуле, он очень скучал и издавал печальные звуки. Во-вторых, если командир начинал журить за недостатки своих подчиненных офицеров, то и Тарас порой бросался на объект критики и начинал его бить кулаками и кусать за погоны и плечи.

При этом стараясь больше демонстрировать усердие и злость, чем делать больно. В-третьих, во время обхода, созерцая городок с плеча командира, он ловко и быстро запрыгивал на ветки эвкалиптов и скакал с кроны одного на крону другого дерева — осматривая территорию. Если обнаруживал незваных гостей, то начинал громко

и противно кричать, а кошек из местного афганского кишлака с невероятной скоростью настигал и с остервенением насиловал. Но Тарас очень боялся змей и являлся индикатором опасности — обходил стороной те участки, где они могли находиться.

В отличие от животного мира, наши же бойцы инстинктивно не боялись ничего. Смесь мальчишеского интереса к азиатской экзотике и поиск экстрима толкала их порой на минные поля. На днях одного разгильдяя из комендантской роты потеряли. Долго искали и нашли спящим на минном поле. Когда его спросили:

— Осознавал ли он, что его жизнь подвергалась опасности?

Ответил:

— И что вы нервничаете, ничего страшного не произошло. Хотя выпался вдоволь, и никто не мешал. Я уже раз пять там отсыпался, и ничего.

Вот уж, действительно, такого солдата победить нельзя.

«Жемчужиной Джелалабада является зимняя резиденция бывшего короля, которая строго охраняется афганцами. Роскошный дворец словно спустился с небес из арабских сказок под голубыми куполами. Именно сюда перебирался Шах, с наступлением январских холодов в Кабуле. Летом здесь адская жара, а зимой же наоборот самая низкая температура составляет плюс 18 градусов.

Вся резиденция круглый год утопает в сиреневом цвете. В самом дворце поражает обилие мрамора. Стены, колонны, полы, туалетные комнаты все отделаны этим камнем. Вся эта красота напоминает музей. С балкона дворца открывается большой бассейн, в котором, якобы, по словам нашего сопровождающего, плавали обнаженные ханум, из которых король выбирал себе собеседницу на очередную ночь... Рядом расположены теннисные корты и конюшня. Сад вообще трудно описать словами. За дворцом берег реки Кабул и горы провинции Кунар на противоположном берегу».

«...Высылаю вам листья эвкалипта. Если их заварить, то почувствуете запах, какой сопровождает нас в этой жизни. Воздух здесь, как в парной, со специфическим ароматом эвкалиптового дерева. В Джелалабадской низменности грунтовые воды подходят к поверхности земли очень близко, потому и создается благодатный для растений и живого мира климат. Даже ночью здесь не ниже 30 градусов по Цельсию, люди мучаются от жары, практически не могут спать ночами. Постоянно хочется пить. Я это хорошо ощущаю на себе — внезапный приступ жажды, неутолимой и не-

прекращающейся, задервенелое небо и окаменевший язык, воспаленные губы и бешено колотящееся сердце. Тяжело приходится нам, северянам, но и афганцам достается от жары, о чем свидетельствуют водоносы, снующие по городу. Средняя продолжительность жизни местного населения — 45 лет. Непрерывно болеют и наши солдаты, офицеры. Эпидемиологическая обстановка здесь, мягко говоря, непростая. Отмечаются вспышки заболевания холерой, чумой, натуральной оспой, брюшным и сыпным тифом, бактериальной дизентерией, тропической малярией, сибирской язвой, туляремией, бруцеллезом, инфекционным гепатитом, трахомой и проказой и другими болезнями. 30% населения провинции больны туберкулезом. Узнав все это, я окончательно отказался от питья сырой воды».

Если в центре Джелалабада относительно спокойно, то в окрестностях идут постоянные бои, минируются дороги, обстреливаются наши военные городки.

«Да, отвечаю на вопрос Георгия, — я имею штатное оружие: автомат Калашникова и пистолет Стечкина. На боевые хожу с АКМом, а в повседневной жизни — с АПС. Автоматический пистолет Стечкина (АПС) внешне похож на ПМ, но больше по размерам и является грозным оружием ближнего боя. Он имеет 20 патронов в магазине. Способен поражать одиночными выстрелами и автоматическим огнем цели на расстоянии до 200 метров. Я пристрелял свой пистолет и на 50 метров попадаю в пуговицу. Так что оружие точное и надежное. Многие просят посмотреть мой пистолет и цокают языком от восторга. Он носится, как маузер, в кобуре на ремне через плечо...»

ИСТОРИЯ 40-й АРМИИ

Аналогов 40-й общевойсковой армии в Вооруженных Силах СССР просто не было. Сформированная в первые дни войны в августе 1941 года на Юго-Западном Фронте, она имела доблестную боевую историю. Первоначально в нее входили 2-й воздушно-десантный корпус, две стрелковых и одна танковая дивизии, которые были развернуты на правом фланге фронта на реке Десна в районе севернее г. Конотопа. Вела тяжелые оборонительные бои. Не имея достаточных сил для обороны 100-километрового участка

фронта, ее войска под ударами превосходящих сил противника были вынуждены отступать.

В конце декабря 1941 г. по февраль 1942 г. армия провела ряд частных наступательных операций на курском и белгородском направлениях. С июня 1942 г. вела тяжелые бои в Воронежско-Ворошиловградской операции. К концу операции отошла к Воронежу, к реке Дон, где оборонялась до конца 1942 года. В начале 1943 года во время Острогожско-Россошанской операции совместно с танкистами ЗТА завершила окружение группировки противника и ее уничтожение.

В Воронежско-Касторненской операции наступая на направлении главного удара Воронежского фронта, в трудных условиях многоснежной зимы успешно прорвала оборону противника. В Харьковской наступательной операции 5 февраля освободила г. Старый Оскол, 9 февраля — Белгород, 16 февраля — Харьков. В марте участвовала в Харьковской оборонительной операции, а в августе-сентябре 1943 в Белгородско-Харьковской операции и освобождении Левобережной Украины.

В октябре в составе войск 1-го Украинского фронта вела упорные бои на букринском плацдарме. В ноябре 1943 — январе 1944 года принимала участие в Киевской наступательной, Житомирско-Бердичевской операциях. В Корсунь-Шевченковской операции сыграла важную роль в отражении контрудара крупных сил противника, который пытался деблокировать группировку, окруженную нашими войсками. В последующем с боями форсировала крупные реки Южный Буг, Днестр, Прут, Серет и вышла на территорию Румынии. Участвовала в Яско-Кишиневской операции в составе 2-го Украинского фронта. В Будапештской операции 6 ноября 1944 года форсировала р. Тиса и, преодолевая ожесточенное сопротивление противника вышла на венгерско-чехословацкую границу, где перешла к обороне. В 1945 году вела боевые действия на территории Чехословакии и завершила войну в Пражской операции в 50 км северо-западнее Брно. За Великую Отечественную Войну 352 воина армии стали Героями Советского Союза. В те огненные годы армией командовали генералы К. П. Подлас, М. А. Парсегов, М. М. Попов, К. С. Москаленко, Ф. Ф. Жмаченко.

До Громова 40 ОА командовали Ю. В. Тухаринов, В. Ф. Ермаков, Ю. Н. Родионов, В. П. Дубынин и только Борис Всеволодович стал самым известным командармом нашего времени.

За Афганистан награжден орденами Ленина, Красного Знамени, «За службу Родине в ВС СССР», медалью «За боевые заслуги». С февраля 1988 года — Герой Советского Союза.

Первым его заместителем — начальником штаба армии в тот период был генерал-майор Юрий Павлович Греков. Он считался нашим шефом, поскольку курировал спецназ. Но, надо отдать должное, командующий тоже хорошо знал положение дел в частях и соединениях спецназа. Более того, он знал по-фамильно всех командиров групп специального назначения, что непрерывно участвовали в боях, и давали весомые результаты армии. Память командарма не раз поражала нас. Рядом с колоритным Громовым начальник штаба был скромен и незаметен: невысок ростом, лысоват, немногословен. На его озабоченном, вечно серьезно-сердитым и сосредоточенным лице редко появлялась улыбка. Он казался неприсутственным и нелюдимым, но за этой суровой внешностью скрывалась добрейшая душа и талантливая личность.

Мне открылась его внутренняя доброта после ряда встреч по делам службы у него в кабинете, и не было случая, чтобы я не получил немедленную и конкретную помощь и нужную консультацию. Открылись мне и некоторые странички биографии незаурядного начальника штаба армии. Он родился в 1943 году в оккупированном Петергофе. Возмужав, поработал токарем на заводе, затем был призван в армию. Закончил военно-политическое училище им. Кирова. Служил в Германии, окончил академию им. Фрунзе, после чего в далеком Забайкалье прошел все должности от замкомандира полка до командира дивизии.

Академия Генерального штаба открыла ему выход на генеральские должности, сначала в Заполярье — начальником штаба 6-й армии. А в феврале 1986 года, простившись с карельскими красотоми, убыл в Кабул на штаб «ограниченного контингента» советских войск. Греков Ю.П. после войны, так же, как и Громов, стал генерал-полковником. Летом 1992 года был назначен командующим войсками Уральского военного округа. Через 8 лет ушел в запас. Являясь исключительно порядочным и совестливым человеком, он отправил своего единственного сына, командира мотострелковой роты, старшего лейтенанта, в чеченскую бойню, где тот в жесточайших боях был тяжело ранен и чудом остался жив. До сих пор младший Греков, награжденный орденом Мужества, продолжает служить России... А отец после увольнения из армии работал совет-

ником губернатора Свердловской области. Я думаю, для читателя такие факты лучше слов свидетельствуют о нравственных качествах этого человека...

Прекрасно дополняли командующего и другие его заместители: Пищев Николай Павлович, Профотилов Валерий Григорьевич, Шеенков Анатолий Григорьевич, Захаров Александр Иванович, Моторин Николай Петрович, Васенин Вячеслав Александрович, Соколов Владимир Сергеевич.

На ежемесячных военных советах армии с руководящим составом соединений подводились итоги боевой деятельности, анализировалась работа по укреплению воинской дисциплины, намечались меры по уменьшению потерь от мятежников, от болезней, вопросы организации питания и медицинского обеспечения личного состава ОКСВ. Там впервые я услышал и начал анализировать потери не только по армии, но и по частям. Из 620 тысяч, прошедших через войну, санитарные потери составили 469685, из них вернулись в строй — 455071, инвалидами стали — 10751, а повальные инфекционные заболевания оказались для наших воинов пострашнее ранений!

В числе переболевших оказались первые лица армии командарм Б.В.Громов и его заместитель, сын маршала Соколова Владимир. Перенесенные заболевания оказались очень коварными. Вскоре после возвращения из Афганистана скончались с одинаковыми симптомами генералы В.П. Дубинин, А.И. Захаров, М.В. Шатин, Щербиков, подполковник Н. Лымарь и др.

Данные по армии по годам наглядно демонстрируют, что наибольшие потери приходятся на 1982 — 1985 годы, когда велись интенсивные боевые действия. За всю войну состоялось много крупномасштабных боевых операций. Только в Панджшере их прошло шесть, а кроме того были Ниджрабская (апрель 1983 г.), одновременные боевые действия в провинциях Парван, Каписа, Лагман (февраль-март 1984 г.), разгром отрядов оппозиции, их баз и складов в провинциях Баглан, Каписа, Парван (октябрь 1985 г.), уничтожение основного базового района и перевалочной базы ИПА Джавара («Волчья яма») в округе Хост (февраль-апрель 1986 г.), боевые действия по деблокированию дороги Гардез-Хост и проводке в Хост автоколонны (ноябрь-декабрь 1987 года и январь 1988 г.), операция «Восток» под Асмаром апреле 1988 г. Все они в чем-то походили одна на другую. И все-таки каждая операция

имела свои особенности, зависевшие от ряда обстоятельств. Общим у них было одно: наш значительный перевес в людской силе и технике. В них участвовали многие тысячи солдат и офицеров плюс десятки танков, сотни БМП и БТР, орудий и минометов, вертолетов и самолетов.

Соответственно масштабам были и потери. Далеко не все операции достигли цели. В ходе боевых действий допускались серьезные просчеты, ошибки: война есть война. Так, операция 1984 года в четырех провинциях не дала возможности вытеснить противника на ледники и вечные снега, как задумывалось. К тому же в ходе эвакуации личного состава после завершения боевых действий были неоправданные потери. Последние вертолеты забирали людей под автоматным и пулеметным огнем противника, так как авиационного прикрытия не было.

В другой операции — по уничтожению базы международных торговцев наркотиками в Рабати-Джали, где в обмен на опиум отряды оппозиции снабжались оружием и учились владеть им, — произошло следующее. Рано утром цель была обозначена светящимися авиабомбами (САБами). Су-17 отбомбились и уступили место вертолетам с десантом. И тут САБы сыграли злую шутку. Ветер отнес их на территорию Ирана, вертолетчики сориентировались на них и высадили десант неподалеку от кишлака на иранской территории. Высадили и ушли на заправку. Заметив оплошность летчиков, командиры подразделений повели десантников на восток.

Только через пять часов они оказались в районе, откуда следовало начинать боевые действия... Многие торговцы наркотиками успели удрать через границу с запасами долларов. К тому же могли возникнуть международные осложнения. А всего-то ветер отнес САБы... Назначение Громова имело важное значение, он лучше других понимал, что нужна была новая тактика. Об этом 5 июня 1988 г. отметила газета «Нью-Йорк таймс»:

«Русские в Афганистане, как и американцы во Вьетнаме, по-видимому, поняли, что крупномасштабные рейды с применением пехоты и моторизованных частей для нанесения ударов по ускользающим партизанам не приносит особого успеха, а их результатом является большое число жертв среди военнослужащих, погибающих от мин и засад. Обе армии поняли, что больших успехов можно достичь путем тайного проникновения небольших разведывательных отрядов на территорию, оккупированную партизанами, для высле-

живания мятежников и последующего нападения на них с применением вертолетов, доставляющих части к месту сражения».

Снижение потерь в 1988 — 1989 г. объясняется не только постепенным свертыванием боевых действий (в этот период воевали в основном только отдельные отряды двух бригад спецназа), но и тем, что в 1988 г. значительная часть советских войск была уже выведена из Афганистана, а в феврале 1989 г. они полностью покинули страну. Потери военной техники за афганскую войну составили: самолетов — 118, вертолетов — 333, танков — 147, БМП и БТРов — 1314, орудий и минометов -433, автомобилей — 11309, инженерной техники — 11369, радиостанций и командно-штабных машин 1138, инженерных машин — 510, автомобилей бортовых и бензовозов — 11369. Я уважаю память о покойном генерале Л. Рохлине, но не принимал его сопоставления афганской войны с чеченской. Он как-то сказал: «Афганская война была прогулкой по сравнению с тем, что происходило в Чечне...»

К 1994 году в России уже не было той армии, что достойно воевала в Афганистане. Опытные военачальники, такие как Б.Громов, В. Востротин, М.Шатин были выдворены из армии или ушли сами, заявив о своем несогласии воевать с собственным народом. А приведенные цифры сухо свидетельствуют об ожесточенном характере военного противостояния, о мужестве солдат и офицеров нашего ограниченного контингента. Не имеют права судить воинов-афганцев те, кто там не был. А генерал Б. Громов справедливо заявил: «Да, мы в Афганистане потеряли в четыре раза меньше, чем скажем, американцы во Вьетнаме. Но я не думаю, что матерям, вдовам и детям погибших от этого легче».

Из моего письма тех дней:

«В этом году в 5 раз увеличилась активность мятежников против наших войск. С начала 1987 года советские гарнизоны и посты 715 раз подвергались обстрелу артиллерией. Противник провел 964 диверсии, из них 107 подрывов на минах, 147 обстрелов колонн. Только за первый месяц моего пребывания на этой земле было 58 обстрелов постов, 26 обстрелов гарнизонов, 21 обстрел колонн, 11 подрывов на минах».

К этим цифрам примешиваются и большие личные переживания той поры. Так, 29 июня 1987 года (через десять дней моего пребывания в Афганистане) я чуть не погиб.

Завершая перелет из Кабула в Джелалабад, наш АН-26 (бор-

товой № 46), был обстрелян из пулемета ДШК и получил существенные повреждения крыльев и фюзеляжа. Мастерство летчиков, сумевших посадить сбитую машину, спасло мне жизнь. Осознание этого факта пришло несколько позже... Мне просто повезло с летчиками-профессионалами, а то бы и моя фамилия добавилась в скорбный мартиролог той войны...

Из письма того времени:

«Все эти трудности сказываются на ограничении масштабов боевых действий, которые мы ведем. А нас начальство ругает за снижение боевой активности подразделений спецназа... Командующий требует: «Ищите караваны мятежников и бейте их...». Что мы и делаем! Могу твердо сказать: личный состав бригады воюет хорошо, почти каждую ночь бьем караваны оппозиции. А вчера в районе Джелалабада в 6.30 разведчики уничтожили банду душманов и взорвали склады с 200 реактивными снарядами для пусковых реактивных установок типа «Катюш». Последние месяцы духи проводили обстрелы провинциального центра — были убитые и раненые из числа местного населения. Подумайте сами, сколько жизней спасено от этих 200 снарядов. Безусловно, наше присутствие здесь обеспечивает безопасность простого населения. Так, 20 октября нами перехвачен груз взрывчатки для проведения диверсии в городе. Задержаны 9 диверсантов. Объектом повышенного внимания является дорога Джелалабад — Торкхам (пограничное КПП на границе с Пакистаном). Духам удалось взорвать два моста и заминировать объездные пути с целью нарушения плановых перевозок. Отмечено минирование дорог из уездных центров в Джелалабад...»

Однозначно можно сказать — 40 армия силой своего оружия стабилизировала обстановку в стране. При «шурави» афганский народ получал разнообразную экономическую помощь от СССР, жил небогатой, но гарантированной жизнью. После выхода советских войск из Афганистана, например, близкий моему сердцу — цветущий город Джелалабад, как и многие другие населенные пункты страны, был просто разрушен моджахедами.

Джелалабадское сражение было первым наиболее крупным сражением, навязанным правительственным войскам моджахедами после ухода советских войск. План вооруженной оппозиции состоял в том, чтобы сразу после убывтия советских войск из Афганистана овладеть Джелалабадом, разместить там оппозиционное правитель-

ство и развернуть широкое наступление против режима Наджибуллы по всей стране.

Как стало известно позднее, главную ставку они делали на предателей. Неустойчивость некоторых частей 1-й армейского корпуса, где многие офицеры и солдаты, оскорбленные тем, что их удалили из Кабула, проявляли большое недовольство.

В частности, у лидеров оппозиции была определена договоренность с некоторыми офицерами 11-й пехотной дивизии, обороняющей Джелалабад с востока. На подступах к провинциальному центру Нангархар уже в феврале — марте 1989 года шли тяжелые и кровопролитные бои, но в результате убийства руководителей обороны город пал. Сдача господствующих высот на этом направлении сразу вывела отряды моджахедов к важным объектам города.

Части 11-й дивизии сопротивление противнику не оказали. Эта дивизия с началом наступления противника практически перестала существовать. 35 человек во главе с командиром дивизии вырвалась из окружения. Основная часть личного состава капитулировала. Для дальнейшего руководства обороной был направлен в качестве представителя Ставки ВГК — начальник Генштаба генерал Асеф Делавар. Однако необходимую помощь защитникам джелалабадского направления Кабул не оказал, так как резервов было немного.

Министр обороны Танай и наш главный советник М.Соцков боялись во время бросить в Джелалабад 15 танковую бригаду (20 — 30 танков) и остатки так называемой 37-й десантно-штурмовой бригады (300 — 400 человек).

Оборона города была организована разрозненными, перемешанными частями армии, МГБ, МВД и племенными формированиями. В ряде случаев один и тот же участок обороны занимали по 20 — 30 человек от различных ведомств, которые не только не подчинялись друг другу, но и внутри одного и того же ведомства различные группы военнослужащих не были объединены в единые подразделения. Все это крайне затрудняло управление и снижало эффективность боевого применения войск. Со взятием Джелалабада для моджахедов Талибана открывалась дорога на Кабул. Это стало началом конца режима президента Наджибуллы. Но эта трагедия случилась после нас...

Кто мог предвидеть, что нас ждут собственные трагедии и предательства на родной земле.

Последним, как известно, пересек государственную границу

командарм Громов. На середине моста он встретил старшего сына, воспитывавшегося без отца (жена Бориса Всеволодовича погибла в авиационной катастрофе). Сын Громова первоначально продолжил семейную традицию: окончил суворовское училище в городе Киеве, где служил отец, а затем высшее военное училище. Но офицерская служба в вооруженных силах Украины у него не состоялась, — уволившись в запас, он сейчас занимается бизнесом...

— В том, что престиж армии сегодня упал, — горевал Громов-старший, — не просто беда — трагедия нашего общества, которую мы пока до конца не осознали. Назначение же на Киевский военный округ он получил накануне вывода войск из Афганистана: позвонил министр обороны, поздравил. И тут же спросил:

— Как идет подготовка к выводу, штурму Саланга?

В этот момент понял командарм, что до тех пор, пока последний солдат не ступит на родную землю, никто не снимет с него ответственности за армию.

Рассказывали, что кто-то из штабистов подсунил новому командующему округом карту Украины: смотри, командарм, на места своей будущей службы. Громов, говорят, вспыхнул. Нет, не вспыхнул, просто в голосе появился металл, — уберите! Он посчитал безнравственным даже думать о Киеве, пока не перейден Саланг. Хотя, если честно, волнение испытывал от известия сильнейшее. До этого, судя по слухам, он должен был командовать то Туркестанским, то Прибалтийским, то Закавказским округами. Киевский в этих слухах не фигурировал, а именно в тех краях погиб отец.

— Я не знаю, где его могила. В таких случаях русский человек кланяется всем солдатским обелискам...

Недолго работал на окружной должности Б. Громов. В 1989 году он снял свою кандидатуру при выдвижении в Верховный Совет СССР.

— Совмещать пост командующего и плодотворно работать в Верховном Совете — это нереально. Человек должен иметь мужество отказаться от собственного престижа, — говорил Громов, — если это идет во вред главному делу.

А главным делом он видел военную службу, но она, как оказалась, уже шла к концу. Бывший командарм генерал-полковник Б. Громов пытался сохранить 40-ю армию, которую постигла участь расформированных соединений и частей, вышедших из Афганистана. 22 мая 1991 года он, изгнанный из министерства обороны пер-

вым заместителем министра внутренних дел, с трибуны первой (и, как оказалось, последней) Всеармейской конференции воинов-интернационалистов, что состоялась в Центральном Академическом театре Советской Армии, обращался министру обороны СССР маршалу Д.Язову:

— Я предлагаю восстановить номер 40-й армии, номер, объединяющий сотни тысяч людей. Его знают во всем мире. Ведь эта армия уже в наши дни доказала преданность молодого поколения Родине, присяге, воинскому долгу.

Министр обороны удовлетворил просьбу Громова о восстановлении 40-й армии. Ее боевое знамя и орден Красного Знамени был передан командованием Среднеазиатского военного округа 32-й армии, что дислоцировалась в Алма-Ате.

За годы Афганской войны военнослужащие 40-й армии продемонстрировали массовый героизм. Звание Героя Советского Союза было присвоено 86 воинам-афганцам. В их числе 15 рядовых и сержантов, 29 младших офицеров и 35 старших офицеров и генералов. Двадцати шести это звание присвоено посмертно и один (майор Гайнутдинов) погиб уже Героем Советского Союза. И их слава должна была бы быть сохранена в воинских традициях, но, к сожалению, дни непобедимой Советской Армии и Великого Советского государства уже были сочтены...

К началу нового тысячелетия наладилась непростая жизнь нашего командарма. В 2000 году москвичи единодушно избрали Б.В. Громова губернатором Московской области, а воины-афганцы поручили возглавить объединение СНГ «Боевое братство». Таким образом, его активная государственная, общественная и политическая жизнь на благо народу продолжается и до сих пор...

ПОЛИТРАБОТНИКИ

Свое знакомство с состоянием политической работы и воинской дисциплины в частях бригады я начал с оценки личной примерности политработников. Сделать это можно было из анализа участия в боевых действиях офицеров политотдела, замполитов отрядов и рот. Поскольку бригада была развернута по штатам военного времени, то состояла из пяти батальонов, среди которых четыре

были отдельными. Части дислоцировались в сотнях километров друг от друга в полосе ответственности бригады в восьмьсот километров.

В моем непосредственном подчинении находилось около шести десятков офицеров-политработников. Назову их пофамильно: в политотделе — майоры Зозуля С.Г., Глоба А.Н., Черепанов С.П., Ипатьев В., капитан Гончар Г.М., старшие лейтенанты Яремко Н.И., Бондаренко М.М., Гоговский Э.В.; в отряде спецрадиосвязи — капитан Смирнов В.Н., прапорщик Пудиновский С.К.; в 154-м ооСПН — майор Клоков В. И., старшие лейтенанты Баяндин В.Н., Бобров О.Ю., Майоров В.Ю., капитаны Соколов Е.Б., Щепелев С.П., старшие лейтенанты Почтовик И.А., Бессонов Н.А., капитан Тукманбетов М.А.; в 177-м ооСПН — майоры Волош В.В., Чернов А.А., Мясников И.Б., капитан Козлов А.Н., лейтенант Шарафутдинов Ф.З., старший лейтенант Хальзов И.В., капитан Гусев Г.В., лейтенанты Сагатдинов В.В., Губин С.Г.; в 334-м ооСПН — капитаны Кулюкин В.И., Нимко М.И., Чайка А.И., Машонкин М.А., Голубев С.А., старшие лейтенанты Самойленко С.А., Карлов А.В., старшие лейтенанты Кадыров А.Х., Щигорев В.В., Бойко Ю.Т., Бородавка А., Афанасенко А.А., Галкин А.В., лейтенант Никокошев В.В.; в 668-м ооСПН — капитаны Тукманбетов С.А., Компанеев Ю.П., Берзин Ю.В., старшие лейтенанты Смогулов Е.К., Трофимов П.Г., лейтенант Садовников М.И., Трофимов М.И., капитан Кара-Олы Л.В., старший лейтенант Быков Н.В., лейтенанты Яцута В.В., Галаганюк С.В. и другие...

Среди них особенно выделялась группа офицеров, принимавшая постоянное участие в боевых действиях и от этого пользующаяся особым авторитетом в коллективе. Это Георгий Борецкий, Александр Чайка, Илья Рыжанков (перенес тяжелое ранение и три года пролежал в госпитале), Александр Карлов, Николай Яремко, Павел Трофимов, Михаил Трофимов, Михаил Садовников, Владимир Клоков, Игорь Мясников, Владимир Майоров, Николай Быков, Фаим Шарафутдинов, Александр Галкин... Два года отслужил в Газнийском батальоне кавалер трех орденов Красной Звезды замполит роты старший лейтенант А.В. Казаков, совершивший 23 боевых выхода, перенесший ранение в ногу и две контузии. После второй контузии замполит двое суток пролежал без сознания. Смерть поймала его при вылете на родину. Саша сгорел в сбитом вертолете. Очень горевали об этой потере комбат Юдаев, замполит Мовенко

и ротные офицеры О.Кульчиковский, В.Романенко, Б.Атоходжаев. Два Михаила Трофимов и Садовников впоследствии погибли в горючих точках Югославии и Азербайджана.

По причинам постоянной нехватки личного состава из-за ранений, инфекционных заболеваний в подразделениях спецназа наблюдался дефицит командного состава, что заставляло равномерно распределять боевую нагрузку между всеми штатными офицерами роты. Потому замполиты рот наравне с командирами групп летали на воздушную разведку, досмотр караванов, выводили в район реализации разведанных данных бронегруппы. Действовали решительно и смело, бывало, что давали высокие результаты.

Хорошая репутация закрепилась за выпускниками Новосибирского и Свердловского высших военно-политических училищ, которые имели неплохую профессиональную подготовку и хорошо знали бронетехнику и ее вооружение. Как рассказывал мне командир 177 ооСпН подполковник Блажко, он после прибытия молодого пополнения офицеров-выпускников поручал замполиту роты лейтенанту Король О.В. проводить с ними сборы по изучению техники, находящейся на вооружении рот. Олег срочную службу командовал танком, потому отлично водил бронетехнику и мог с закрытыми глазами устранить возникающие неисправности.

— Гонять до седьмого пота, но референты должны знать броню не хуже тебя, — говорил он замполиту.

Ради справедливости следует отметить, что незначительная часть политработников замполитов отрядов, секретарей парторганизаций, находясь на некотором отдалении от подразделений, ведущих непосредственные боевые действия, либо не утруждали себя боевыми выходами, либо откровенно уклонялись от них. Это бросалось в глаза и вызывало неприязненные отношения. Требовательные командиры не терпели таких «рохлей». Им либо напоминали о необходимости личным примером воспитывать подчиненных, либо теряли к ним всякое уважение и интерес.

Не секрет, что на этой почве в некоторых наших отрядах складывались непростые отношения между рядовыми спецназовцами и их командованием, начиная с батальонного звена и выше. За злоупотребление спиртным в первом отряде были сняты с должности майор Петров, старший лейтенант Баяндин, во втором — майор Чернов, за низкую требовательность к подчиненным отстранен в пятом — капитан Кулюкин. В зоне особого внимания личного со-

става и офицеров находились и офицеры политотдела. За ними наблюдали сотни глаз, и, если они не отсиживались в кабинетах штаба, а ходили в горы, летали на досмотры и воздушную разведку, наравне рисковали с разведчиками, то таких уважали и принимали за своих. Но, к сожалению, были и такие, кто избегал опасности, а когда приходило время, начинали бомбировать командиров и начальников:

— Я в Афгане второй год, пора представлять меня к награде, — так говорили не только отдельные мои коллеги, но и штабные офицеры, дежурные по ЦБУ, тыловики, медики, ремонтники и другие. И совершенно правильно, что у большинства рядовых солдат и офицеров, честно заработавших ордена и медали на боевых, складывалось мнение, будто «штабные», не принимая непосредственного участия в боевых действиях, получали награды за их счет. Я с первого дня посчитал это несправедливым явлением и потребовал жесткого контроля за каждым политработником. Отныне на стене моего кабинета висела большая таблица учета участия офицеров политработников во всех видах боевых действий.

А начал эту воспитательную работу с себя. Прошел через семь засад на Панджшерской тропе в районе Шахидана, раз тринадцать летал на воздушную разведку, досматривал караваны с личным составом разведгрупп отрядов бригады, а потом потребовал и с подчиненных неперемного и активного участия во всех видах разведывательно-боевой деятельности подразделений. Для того, чтобы это дело прижилось, стал ежемесячно подводить подробные итоги этого участия. Конкретная работа с людьми вскоре дала первые результаты. Припоминаю, как однажды мне на подпись поступил наградной лист на капитана Т., секретаря парторганизации отряда. В его реляции было написано: «В ходе боя личным примером мужества и отваги мобилизовал воинов на решительные действия. Достопин медали «За боевые заслуги». Я пригласил Мухаметжана на беседу, спросив:

— Когда вы были последний раз на боевых действиях?

Отвечает без минуты колебания, нагло глядя в глаза:

— 14 сентября, в районе кишлака Шивукала, провинция Лагман.

Подвожу его к ведомости учета и показываю список участников того боестолкновения.

— Что-то я вашей фамилии, товарищ капитан, не вижу, и тем

более уж несколько месяцев даже не слышу. Вы здоровы? А почему тогда отсиживаетесь? За вовремя оформленные партийные протоколы и проведенные собрания я вас к боевым наградам представлять не буду. Идите и войте.

Начал разбираться. Представление было подготовлено по договоренности с помощником начальника штаба старшим лейтенантом Никоновым. Замполит, старший лейтенант Баяндин, долго не хотел подписывать наградной, но потом уступил, и комбат майор Воробьев не стал противиться. Все же парторг.

Пришлось направить в части телеграмму следующего содержания:

«На подпись командиру бригады и начальнику политотдела поступают наградные материалы на политработников без учета их участия в боевых действиях. Считаю это неправильным. Впредь прошу ежедневно через дежурных по ЦБУ начальникам штабов докладывать в штаб бригады для начальника политотдела фамилии политработников, принимающих участие в различных видах боевых действий и мероприятиях, обеспечивающих боевые действия. К боевым наградам представлять только за боевые заслуги. О. Кривошолов».

Юрий Тимофеевич Старов поддержал мое указание и принятое решение. Это заметно укрепило авторитет политработников. В штаб бригады на утверждение чаще стали поступать наградные документы на политработников на ордена и медали.

В ходе этой работы вскрывались и явления противоположного характера, когда молодые офицеры служили «не жалея живота своего», а на них не писали наградных по субъективным причинам. Пришлось говорить с такими командирами и политработниками.

— Почему не представлен к награде старший лейтенант Шигорев?

— А его не за что еще представлять, — отвечает командир отряда.

— Как же так, он входил в состав разведгруппы под Суруби и на Дарунде, когда были получены боевые результаты. Весь личный состав представлен к наградам. Я беседовал с солдатами, и по их словам, замполит проявил себя выносливым и смелым офицером. А потом уточните у своего заместителя майора Дмитрука, Шигорев же во время операции «Магистраль» под кишлаком Мелан подорвался на бэтээре и получил легкую контузию.

— Да, но если честно, товарищ подполковник, то я его не представляю из-за того, что у него в роте отмечены неуставные отношения.

— Но командира роты и командиров групп вы же представили? Я подписывал их наградные, а ведь они тоже отвечают за воспитательную работу с личным составом. Давайте, не делайте из замполита козла отпущения. Отличился в бою — не скупитесь на доброе слово и награду. Есть упущения — поругайте. Все под Богом ходим. Награда — тоже мощное средство воспитания и стимулирования.

— Ладно, представляю его к медали «забэээ»!

— Дорогой мой Владислав Петрович, только не делайте мне одолжения, ведь это ваш подчиненный. Старайтесь быть объективным командиром и не жалейте для людей доброго слова, а это и вам зачтется.

Вот так под персональным контролем и осуществлялся процесс вовлечения политработников в главные дела, которыми жила бригада. А по итогам получилось, что, кроме нескольких не награжденных, отосланных в другие части за непригодность, правительственные награды получили все мои молодые коллеги.

Так и в моем окружении майор Зозуля был награжден орденом Красной Звезды, майоры Ипатьев, Глоба, Черепанов — «За службу Родине в ВС СССР», старлей Яремко получил Красную Звезду и «За службу Родине в ВС СССР», капитан Гончар — Красную Звезду и медаль «За боевые заслуги», старлей Гоговский — медаль «За боевые заслуги». Они заслужили свои награды в облетах и засадах, в колоннах и на спецминировании — за реально проявленное мужество и героизм с личным составом конкретных подразделений.

Конечно, инстинкт самосохранения добавлял вместе с адреналином мощные переживания и эмоции, появлялся неоценимый опыт, который в будущем формировал человеческую мудрость, сопереживания, терпимость, а также бойцовские качества и осмысленную отвагу. Сначала под нажимом сверху, а потом уже самостоятельно офицеры стремились испытать себя и рвались на боевые.

Политработники подразделений не были какой-то особой кастой. Среди них многие оканчивали командные училища и по ряду обстоятельств оказывались в составе политаппарата. Через несколько десятилетий развала страны и армии оказалось, что те из политра-

ботников, кто не поддался стихии масс и остался на военной службе, перешли на командные должности. Кто-то работал замкомандира по воздушно-десантной службе, кто-то пошел по техчасти, а кто стал командиром. Так, бывший партийный секретарь 334 отряда подполковник Чайка стал командиром отдельного отряда СпН и три командировки успешно воевал со своими подчиненными в Чечне. Бывший замполит 154 отряда Александр Гулевич стал полковником и достиг высшей должности в воздушно-десантных войсках став заместителем командующего по воспитательной работе.

Чрезвычайно раздражающе действовали на командование бригады и всех спецназовцев случаи некомпетентности, безграмотного командования со стороны старших начальников, особенно если в итоге погибали люди. После серии таких трагедий командиров и политработников снимали с занимаемых должностей. Всеобщее негодование вызывали ситуации, когда начальство прилетало на вертолетах в район боевых действий, чтобы набрать для себя лучшее из захваченного трофейного имущества. Эти визиты, естественно, происходили после боя.

Потребительское отношение старших начальников, которые требовали достать им уйму вещей, начиная с оружия (пистолетов, сабель, кинжалов и другого холодного оружия), удобного импортного полевого обмундирования, спальных мешков и кончая деньгами, превратилось в весьма распространенное явление. Нередко отменялись требования «бакшишей» и в кадровые органы штаба армии, для того, чтобы наградные своевременно прошли все подписи и были реализованы.

Коллекционированием раритетов оружия и сбором трофейной японской радиотехники и других материальных средств особенно грешили отдельные генералы, которые таможей при пересечении государственной границы не досматривались... Мне довелось видеть это самому, и почти все опрошенные мной разведчики приводили по несколько примеров, иллюстрирующих эту неприглядную сторону войны. Мне лично пресечь эту проблему было невозможно, но как мог, пассивно ей противился, и никогда, ни одному начальнику не уступил. Хотя много раз получал приказы:

— А ну-ка, комиссар, дай команду завернуть и забросить мне в машину вот эту шашку.

— Передайте моему адъютанту трофейный радиотелефон!

— Генерал приказал забрать магнитофон «Тошиба»!

Конечно, мне эту несговорчивость не прощали, и где-то, и когда-то все вспоминалось и играло против меня... Мы с комбригом старались не отступать от наших принципов, а потому и отмечались редко и дозированно.

Важнейшим вопросом политработы, который пришлось решать на ходу, стало восстановление и сохранение для истории примеров мужества и героизма личного состава. Для этого во всех штабах частей хранились специальные исторические формуляры, но их оформление офицерами штабов велось преступно формально. В них были отмечены безликие цифры отличников и классных специалистов, количество преступлений и нарушений воинской дисциплины.

Штаб бригады и штабы отдельных отрядов, которые с 1979 года участвовали в боях на Афганской земле, формировали отдельные подразделения и направляли военных специалистов, — в исторических формулярах об этом не записали ни строчки. Пришлось начинать историческое исследование — просматривать боевые донесения, опрашивать очевидцев боев и описывать боевой путь частей, составлять общий список погибших и восстанавливать обстоятельства их гибели. Понадобились месяцы кропотливой работы, прежде чем мы приступили к следующему этапу — восстановлению записей в формулярах начиная с 1979 года.

Откопав в секретной части бригады Книгу Почета, с сожалением обнаружили, что последние записи в ней обрывались в далеком 1975 году. Я в тот год еще был старшим лейтенантом и командовал 6-й ротой в бригаде. И по иронии судьбы в книгу последними были занесены солдаты и сержанты-передовики боевой учебы именно моей роты. Это был просто парадокс и форменное безобразие. Сменилась большая команда командиров и политработников, и никто за двенадцать лет Книги Почета не смотрел и не пополнял в ней записи...

Восстановление всех Книг Почета частей взял на себя мой помощник по комсомолу старший лейтенант Н.И. Яремко. И со свойственной ему энергией и волей сделал очень многое, что позволило ликвидировать прорехи в истории бригады и ее боевых отрядов. Следует отметить большой положительный потенциал и командира бригады, который на лету схватывал передовое и был мне единомышленником и другом. Обсудив с Юрием Тимофеевичем Старовым план подготовки к двадцатипятилетию соединения, кото-

рый приходился на новый 1988 год, мы приступили к интенсивному сбору экспонатов и боевых трофеев для музея бригады. У нас сосредоточилась большая экспозиция стрелкового оружия, клинков и кинжалов, зенитная установка, переносной реактивный комплекс, масса трофейной пропагандистской литературы, печати, знамена разгромленных исламских комитетов. Особую ценность представляли личные вещи погибших товарищей, фотографии и письма ветеранов.

Свои пожелания молодым воинам и фотопортреты прислали Р.П. Мосолов, В.В. Колесник, В.Г. Руденко. Надо сказать откровенно, что не все командиры частей с радостью делились своими реликвиями. Например, хозяйственный и прижимистый командир Анатолий Блажко, всячески уваливал от возложенных на него обязанностей, ссылаясь на накопление собственного фонда будущего музея отряда. Ради справедливости надо отметить, что было им сделано, и сейчас кое-что из афганских трофеев хранится в музее второй бригады во Пскове.

Большую помощь в оборудовании музея боевой славы оказал советник ЦК КПСС в провинции Нангархар С.М. Беков. По его указанию нам поставили необходимые строительные материалы, стекло, бумагу, бархат и др. У командования местной пехотной дивизии мы с командиром выпросили две английские пушки XIX века, которые хорошо вписались в интерьер местности на крыльце музея. К планируемому сроку 25-летию бригады усилиями агитатора политотдела майора Черепанова и группы художников музей был открыт. Это стало необычным явлением в жизни ОКСВА, и его оценило командование армии.

В последующем при любом визите начальников в Джелалабадский гарнизон в программу посещения обязательно включали осмотр музея спецназа. Только за первый месяц его смотрели командование ТуркВО; командующий 40-й армией; ЧВС — начальник политотдела армии; группа сотрудников ГРУ во главе с начальником направления 5-го управления ГРУ Героем Советского Союза генерал-майором В.В. Колесником; первый секретарь ЦК ВЛКСМ А. Мироненко; главный военный прокурор ВС СССР; начальник военного отдела газеты «Правда» адмирал Тимур Гайдар и многие другие.

Наш музей показывали по Центральному телевидению, о нем писали в газетах. Это был качественный прорыв в сохранении истории бригады. Музей стал центром политработы. В его стенах про-

водились совещания, вручались государственные награды, партийные и комсомольские документы. Отсюда после соответствующего инструктажа и знакомства с боевыми традициями спецназовцев убывали в части молодые офицеры, прибывшие служить в бригаду.

В мае 1988 года музей был вывезен на территорию СССР в пос. Азадбаш Бастанлыкского района Ташкентской области. К сожалению, в результате нервозности и безалаберности, в период раздела военного имущества между Россией и Узбекистаном, в 1994 году музей забыли вывезти в Самару вместе с личным составом, убывающим эшелонами в Россию. Весь накопленный материал оказался безвозвратно утерян.

СТРОКИ ИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО ФОРМУЛЯРА БРИГАДЫ

Как уже упоминалось, наша бригада выполняла ответственные задачи по борьбе с бандформированиями мятежников и была разбросана без малого в полосе ответственности в тысячу километров вдоль границы с Пакистаном. Специфика деятельности требовала особых командиров и солдат, имеющих опыт, знания, навыки и умения ведения войны в тылу противника. Большую роль в улучшении качества командного состава сыграл факт передачи отрядов в состав 15 бригады, штаб которой был передислоцирован из Чирчика в Джелалабад в 1985 году, где к тому времени уже находился 154 отряд.

Как показало время, эта реорганизация пошла на пользу делу и придала действиям разведчиков большую осмысленность. В батальоны начали приходить офицеры, большинство из которых уже имело опыт службы в частях специального назначения. Некоторые из них пришли на повышение из воюющих в ДРА отрядов спецназа. Нам с командиром бригады приходилось постоянно кочевать по частям, контролируя организацию боевых действий и инспектируя повседневную деятельность командования 177, 668 и 334 отряды, которые располагались достаточно далеко от штаба бригады. Как правило, на каждые выезд в отряды приходилось по 4 — 5 суток, а если в день отлета не складывалась летная погода, то и больше. За месяц успевали побывать в двух — трех отрядах.

...Все перемещения на большие расстояния осуществлялись с помощью самолетов и вертолетов. Если перелет осуществлялся через Кабул, пользовались услугами «полтинника», так называли 50-й ОСАП, который всю войну базировался в столичном аэропорту, обеспечивая основную часть перевозок по Афганистану. Полк состоял из трех эскадрилий: 1-я «самолетная» летала на Ан-12, Ан-24, Ан-26, 2-я «вертолетная боевая» на «крокодилах» Ми-24 (всех модификаций В, Д, П) и 3-я «вертолетная транспортная» на технике типа Ми-8МТ.

«Полтинником» командовал полковник Александр Серебряков, с которым судьба несколько раз сталкивала меня на военных дорогах. Кстати сказать, после Афгана он служил начальником отдела авиации в 6-й гв.ТА в Днепропетровске, где ему достался Чернобыль. Там он здорово отличился, и ходили слухи, что его даже к Герою представили, но эти слухи не подтвердились...

В начале 90-х вслед за генералом Шатиным он ушел в Приволжский округ командующим армейской авиацией, где получил звание генерала. Звеном в третьей эскадрильи командовал капитан Владимир Кучеренко — мой хороший знакомый по Ленинградскому военному округу. Наше знакомство произошло во Пскове, где он прикомандировывался к нашей бригаде в 1986-1987 гг. на период парашютно-десантных сборов для выброски личного состава с борта вертолета. В Афгане В.Кучеренко особо отличился в районе кишлака Алихейль, когда доставлял нашему отряду спецназа боеприпасы и забирал раненых, за что получил звание Героя Советского Союза. Вот об этом отряде я и начну рассказ о наших отрядах спецназа.

Он являлся самым отдаленным батальоном в зоне ответственности в нашей бригаде. Ему пришлось с лихвой хлебнуть кровушки. Он был из тех самых первых легендарных, что называли «мусульманскими», и прошел формирование на базе 22-й бригады спецназа в Капчагае под Алма-Атой в Среднеазиатском военном округе. 21 октября 1981 года его ввел в ДРА первый командир майор, а затем подполковник Керимбаев Борис Тукенович. С 29 октября 1981 года 177 ооСпН приступил к выполнению боевых задач в районе н.п. Маймене, затем в Рухе, Гульбахаре. Весной 1984 года 177 отдельный отряд специального назначения (в/ч пп 43151, позывной «Лаура», он же по легенде прикрытия «2 омсб»), пришел в провинцию Газни из Панджшерского ущелья с целью перекрытия

основных караванных маршрутов из лагерей оппозиции на территории Пакистана.

В Панджшере боевая деятельность батальона была мало связана с его прямым назначением, но там он закалился в боях. В этом печально известном ущелье состоялось шесть крупномасштабных армейских операций. Самой громкой стала первая операция 1982 года. По ее итогам, заместитель главного советского военного советника в Афганистане генерал-лейтенант Д.Г. Шкруднев, в частности, сказал:

«Боевые действия войск по уничтожению мятежников в районе Панджшера нельзя сводить к обычной акции по уничтожению бандформирований. Если в операциях, проведенных до этого времени, войска, как правило, имели дело с одной или несколькими объединенными в группу бандами, не имеющими определенного, заранее разработанного плана ведения боевых действий, то в Панджшере мы встретились с заблаговременно подготовленной, хорошо продуманной системой обороны и огня в горах, хорошо обученными, отличающимися высокой стойкостью, довольно многочисленными бандформированиями противника, объединенными единым командованием и единым планом действий. Поэтому эту операцию нужно отнести к разряду войсковых, проведенных в сложных условиях высокогорья...

Подобного рода боевых действий с применением таких сил и средств наши Вооруженные Силы не имели с 1945 года...».

В Панджшере полновластным хозяином ощущал себя Ахмад Шах Масуд, возглавлявший отряды «Исламского общества Афганистана» (ИОА). В обширной долине реки Панджшер, протянувшейся на 70 километров при ширине 12 километров, простирающейся вплоть до пакистанской границы, имеющей огромное количество пещер, нор, ущелий, перевалов, господствующих высот, проходов, прилегающих к основной долине и имеющих свободный выход в различные районы и на основную автомагистраль, соединяющую Кабул с СССР через перевал Саланг. Именно поэтому Панджшер, к тому же имеющий значительные запасы изумрудов, рубинов и лазуритов, позволяющие мятежникам свободно ими торговать и закупать необходимое вооружение, боеприпасы и снаряжение, и был избран для размещения так называемой центральной партизанской базы Ахмад Шаха.

Советским командованием было решено подготовить и прове-

сти крупномасштабную операцию для уничтожения существующей там базы мятежных формирований. Общим замыслом боевых действий предусматривалось нанесение главного удара по противнику в долине реки Горбанд. Решающую роль должны были сыграть тактические воздушные десанты с одновременными действиями сухопутных войск. В общей сложности привлекалось 12 тысяч воинов. Общая глубина операции доходила до 220 км, ширина полосы наступления с учетом действий артиллерии и авиации — 60 км, продолжительность операции — 13 — 15 суток.

К концу дня 15 мая первые советские части, совершив марш, сосредоточились в районе Чарикара. К этому времени на аэродром Баграм начали прибывать десантируемые части. Действуя согласно плану, в ночь на 16 мая наши разведчики (из 177 ооСпН) захватили почти без боя все господствующие высоты у входа в долину Панджшер. С 4 часов утра 17 мая началась крупномасштабная операция.

Вначале был нанесен мощнейший авиационный и артиллерийский огонь на максимально возможную глубину занимаемой противником территории, затем состоялось его уничтожение сухопутными войсками в долине, и массовыми десантами на пути отходящих и подтягивающихся группировок мятежников. Очень помог захват разведчиками господствующих высот. В операции участвовали 104 советских вертолета и 26 самолетов, а также часть афганских машин. Были высажены 4200 десантников.

В долине решительно действовали 108 и 201 мотострелковые дивизии. При этом батальоны шли по горам, при поддержке артиллерии и вертолетов захватывали высоты, ущелья, тропы, выходящие к долине, и прикрывали продвижение передового полка, двигавшегося по долине на БМП и БТР.

Люди Ахмад Шаха оказывали ожесточенное сопротивление. Оборона в горах Гиндукуша была организована на уровне регулярной армии, а фанатичность мятежников, пожалуй, превосходила все то, с чем ранее сталкивались наши солдаты. Практически боролись две отменно обученные армии. Наши разведчики и десантники, закрепившись на отбитых высотах, основными силами вели бои на окраинах и в населенных пунктах, где застигнутые врасплох «духи» пытались вырваться из окружения, вступая даже в рукопашные бои.

Едва темнело, как они отчаянно начинали штурмовать высо-

ты, стремясь вернуть утраченное преимущество. Несколько сотен моджахедов с диким устрашающим ревом то и дело бросались на наших ребят.

Но спецназовцы держались стойко, отражая «психические» атаки.

Все ли удавалось нашим войскам в ходе операции? Конечно, нет. Фронтальное наступление по отдельным направлениям подчас не приводило к успеху. «Утюжка» артиллерией в горах себя не оправдала. Тактика и формы маневра постепенно менялись. Главным было захватить господствующие высоты. Это делали вертолетные десанты и так называемые обходящие отряды. Но они часто не достигали желаемого, то и дело утыкаясь в скалы и глубокие ущелья, которые не могли преодолеть.

Приходилось возвращаться назад и искать обходы. Позарез требовались специальные альпинистские подразделения, а их не было. И в этих условиях афганская природа проверяла наших спецназовцев на выносливость и психологическую устойчивость. Разведчики были вынуждены около 20 суток действовать в очень тяжелых условиях высокогорья на высотах 3 — 4 тысячи метров, как правило, в пешем порядке, с полной боевой выкладкой до 40 кг. Неясность обстановки, когда не знаешь, откуда последует нападение, давила на психику разведчиков.

Потеря в весе у разведчиков за эту неделю пребывания в горах составляла до десяти кг. Часто отмечалось, что, спустившись с гор, разведчики окончательно теряли силы. Особенностью было и то, что впервые десанты пролетали через перевалы на высоте до 5000 метров, впервые им подавались боеприпасы, вода, продовольствие на высоте до 3500 метров. Не все здесь было отложено, грузы сбрасывались с 70 — 100 метров, часть их утрачивалась, емкости с водой разбивались.

Разведданные, без которых нечего было и мечтать о выполнении операции, в определенной степени подтвердились, но далеко не все. Много в обороне осталось невыявленным. Как самокритично признал тогдашний заместитель начальника разведки армии подполковник И.П. Иваненко, «...из-за отрывочных и часто противоречивых данных, а также их несвоевременного получения разведке армии не удалось выявить местоположение руководства бандформирований во главе с А. Шахом и обеспечить его захват».

Но эти и другие промахи и просчеты в конечном результате не повлияли на общий исход Панджшерской операции.

«В ходе операции мы уничтожили несколько тысяч мятежников, — подытожил НШ армии генерал-лейтенант Н. Г. Тер-Григорьянц, — многих пленили и отправили в Кабул. Наши потери оказались незначительными, вот только раненых, в основном в ноги, было достаточно много. Взяли огромные трофеи, особенно боеприпасы. Склады Ахмад Шаха были забиты продовольствием, прежде всего пшеницей и сахаром. Раздали его жителям Панджшерской долины».

Операция закончилась, и встал вопрос — что делать? Как стало известно, руководство контрреволюции бросило клич: отомстить советским воинам при их выходе из Панджшера. Часть уцелевших мятежников притаилась в пещерах, норах, трещинах скал и совершала внезапные нападения на наши подразделения. Это требовало повышенной бдительности и крайней осторожности от спецназовцев, которые прикрывали выход советских войск. Именно эта операция убедительно показала командованию армии необходимость пересмотра способов оперативного применения в условиях ДРА спецназа. Впоследствии во многом благодаря успешным действиям спецназа против отрядов полевого командира Ахмад-Шаха Масуда, мятежники пошли на перемирие в этом районе, но и потери отряда составили там около 30% от всех потерь за 7 лет пребывания в Афганистане. Например, только за 1982 год отряд потерял убитыми 50 человек и двое пропали без вести. Начальник разведки сухопутных войск генерал-лейтенант Ф.И. Гредасов о том драматическом периоде вспоминал:

«Думаю, что здесь уместно сказать о подвиге уроженца г. Орджоникидзе Днепропетровской области офицера-разведчика В.Г. Радчикова из 177 ооСпН. У него в Панджшере в результате подрыва на минном поле в бою были оторваны ступни обеих ног. После излечения в госпитале Валерий нашел силы и мужество вновь пробраться в Афганистан. Долго просил командующего войсками ТуркВО Ю.П. Максимова оставить его в Афгане, направив в свою родную роту, «ребята которой» вынесли его с поля боя.

И все-таки Юрию Павловичу пришлось уступить. Радчиков с честью выдержал все немислимые физические и нравственные испытания и трудности, участвуя в боевых операциях и преодолевая на протезах в горных тропах завалы, чтобы вновь утвердиться в

жизни и продолжать военную службу. Мне лично пришлось докладывать маршалу С.А. Соколову о нем. Как-то прибыв в штаб 40 ОА, Сергей Леонидович лично увидел Валерия в тот момент, когда тот упорно преодолевал крутые лестницы дворца Топайи Таджек, направляясь на службу в разведотдел армии. Позднее Радчиков успешно окончил военную академию. В звании полковника погиб в автомобильной катастрофе».

Батальон мало находился на одном месте. То и дело подразделения отряда выполняли частные боевые задачи по реализации разведанных во многих провинциях Афганистана. Так памятным для разведчиков стало 13 января 1984 года, когда усиленная рота отряда с приданным танковым взводом и двумя ротами афганской республиканской армии блокировали кишлак Вака в районе Суруби.

Полтора суток наши разведчики вели неравный бой в окружении и только поддержка советской артиллерии и авиации позволила отряду выйти из района боевого столкновения, потеряв при этом четырнадцать человек убитыми. Вскоре после этих событий подполковник В.А. Грязнов, заменивший раненного и контуженного командира отряда, успешно завершил передислокацию его на новое место в высокогорный район под Газни. В ноябре 1984 года капитана Б.М. Кастыкпаева сменил майор-десантник Вячеслав Васильевич Юдаев. Это было сложное время замен офицеров и начала большой кадровой неразберихи. За лето и осень 1985 года в отряде произошла ротация кадров, в результате чего сменился почти весь офицерский состав, включая комбата и всех его заместителей. Сложилась ситуация, когда основная масса офицеров того штата отряда до службы в Афганистане не имела, за редким исключением, ни малейшего понятия о специфике действий войск специального назначения.

Гредасов Ф.И. вспоминал: «Вся эта чехарда с оргштатной перетряской частей и соединений спецназа свидетельствовала о недооценке командованием в тот момент роли и значения специальных форм боевых действий». С июля 1985 по сентябрь 1986 года частью командовал выпускник Киевского ВОКУ майор Попович Алексей Михайлович. А 1 октября 1986 года батальон принял нового командира майор Блажко, которому суждено было через два с половиной года вывести отряд на Родину в последний день войны 15 февраля 1989 года. За эти годы авторитет личности Блажко и его

офицерское обаяние сыграли особую роль в истории боевого становления отряда.

Военный городок отряда, или, как принято тогда было говорить, пункт постоянной дислокации (ППД) располагался на ровном плато у горы Пачангар высотой 2424 м над уровнем моря. Лето на плоскогорье стояло жаркое. Температура воздуха днем составляла 25 — 30 градусов, ночью 20 — 25, что существенно отличалось от субтропического климата Джелалабадской низменности и переносилось легче. Растительность была очень скудная, в основном засухоустойчивые травы (полынь, ковыль, типчак).

Правда, вблизи афганских населенных пунктов, где осуществлялся полив, росли и сады, и виноградники. Городок мало изменился с первых лет размещения здесь отряда. Личный состав жил в стандартном палаточном городке. Перед палатками подразделений стояли уставные грибки дневальных, бойцы были одеты и зимой, и летом в бронежилет и каску. Разведчики войск спецназа бронежилеты не носили никогда, а вот для дневальных и часовых они выделялись. Солдаты их ненавидели, поскольку они были тяжелы. Летом грели, как сковородки, а толку было мало, особенно когда работали снайперы.

Со временем рядом с палаточным городком построили стандартное металлическое здание столовой и два щитовых модуля под штаб и общежитие офицеров. Недалеко за оградой из колючей проволоки размещался автопарк, где под открытым небом стояла боевая и автомобильная техника. Перед штабом отряда командиры и политработники силами местных умельцев поставили величественный памятник погибшим при выполнении боевых заданий, ставший одним из лучших в 15 обрСПН. Сто шестьдесят фамилий на его плитах напоминали о нелегком боевом пути, что прошел этот батальон по афганской земле.

Кроме нашей спецназовской части, недалеко, в пятистах метрах друг от друга, были расположены 191 отдельный мотострелковый полк, а также медико-санитарный батальон. В двенадцати километрах от отряда находился полевой аэродром 239 смешанной вертолетной эскадрильи, обеспечивающих боевые действия спецназовцев. Обустроившись в Газни, с началом холодов батальон приступил к выполнению своих основных задач. Холодная зима наложила свой отпечаток на специфику боевой деятельности отряда.

В это время она сводилась к облету местности с воздуха дос-

мотровыми группами да редким выходам на поиск и уничтожение складов. При подъеме в горы, окружающие плоскогорье, группы спецназа, высланные для проведения засад, особо страдали от холода. Разведчики жаловались, что к утру полторалитровые фляги с водой промерзали почти на треть, как их ни пытались уберечь от мороза. Приходилось раздалбливать лед через горлышко шомполом. Из-за сильных снегопадов горные перевалы были непроходимы для автомобильной техники «духов», а вьючные караваны в этой местности встречались редко. Ведь провинция Газни находилась в глубине страны, и тащить оружие и боеприпасы в такую даль на верблюдах командование мятежников, по-видимому, считало нецелесообразным.

Зима угнетающе действовала и на противника, духи в это время года не предпринимали интенсивных действий. Разведчики шутили по этому поводу, что у нас с мятежниками зимнее перемирие до весны. В этой связи отряд занимался разведкой на себя, а основным видом боевых действий стала чистка кишлаков и базовых районов противника в горах силами всего отряда. Все проведенные боевые операции оказались нестандартными и яркими. Тактика действий групп 177-го отряда складывалась исходя из особенностей рельефа и плотности населения провинции. Еще при майоре Поповиче начали проводить засады-однодневки.

Перед наступлением темноты группа в составе 20 человек (норма загрузки двух Ми-8 в этой местности) десантировалась в район, в котором была отмечена или предполагалась активность ночных перемещений противника, на удалении 5 — 10 км от места предполагаемой засады, а с рассветом вертолетами или бронегруппой спецназовцы эвакуировались в пункт постоянной дислокации. Следующим вечером другая группа той же самой роты вновь высаживалась, но только в другом месте.

Некомплект личного состава в ротах из-за ранений, болезней и прочих причин достигал 40 — 50%, и поэтому от роты могло работать не более двух групп попеременно. Одна с утра вернулась, вторая готовится к вечернему десантированию... В октябре 1984 года по тылам «духов» от Газни до Мукур-Газы и обратно (в общей сложности 200 км) прошла группа лейтенанта Павла Дмитриевича Кулева. Все разведчики были одеты в афганскую национальную одежду и умело использовали свое преимущество... Впоследствии это практиковали достаточно регулярно.

Особых успехов в этом маскараде добились лейтенанты Евгений Линьков и Эдик Ибрагимов. Запомнился один такой трехсуточный выход РГ № 220, под командованием Линькова, когда разведчики в национальной одежде на трофейном автомобиле провели разведку у кишлака Цопаи и благополучно вернулись без потерь в часть.

Добрые воспоминания оставили о себе начальники штаба отряда капитаны Марк Фомин (1984 — 1986 гг.), впоследствии ставший Героем России, Сергей Куцов (в январе 1987 г. при перелете из Газни в Джелалабад вертолет, на борту которого находился Куцов, был сбит из ПЗРК. Не теряя самообладания, Сергей сбил пламя и, воспользовавшись парашютом, покинул горящую машину. Впоследствии Сергей Николаевич стал генерал-лейтенантом, начальником разведуправления ГК ВВМВД России), начальник разведки Андрей Лубинец, зампотехи отряда Александр Луганский, Сергей Карагодин. Достойными командирами рот остались в памяти подчиненных Миша Алексеев, Александр Алексеев, Юрий Родин, Андрей Иванов, Владимир Масюк, Капустин, Максимов, Степанов, Деревянко, Бобылев, Петр Мухаровский. Получили ранения и травмы замполиты рот Феим Шарафутдинов, Игорь Хальзов. Гордостью отряда и отличными командирами групп по праву считались Петр Ковальчук, Сергей Кантышев, Вячеслав Куприенко, Валерий Плахотнюк Олег Окуловский, Павел Кляуз, Сабельников, Акаев, Фарид Хайдаров, Залуев, Олег Матаков, Черный, Сергей Сидченко. Заботливым старшиной и смелым бойцом зарекомендовал себя старший прапорщик Григорий Карпенко (впоследствии ставший уполномоченным госкомветеранов Украины в Луганской области), отважными разведчиками запомнились сержанты Александр Загинайко, Дмитрий Поповский, Валентин Липов и другие. Орденом Красного Знамени были заслуженно награждены лучшие лейтенанты Таривердиев К.М., Деревянко А.В., Кольчус П.И., лейтенант Залуев А.Н., сержант Третьяков С.Н., рядовой Бондарь В.Н.

Во многих славных боях участвовали разведчики, однако самой удачной и наиболее громкой операцией отряда оказалась по разгрому каравана в 204 вьючных животных. Получалось, по слова комбата Блажко, до банальности просто: «один майор «с бодуна» перепутал маршрут полета досмотровой группы лейтенанта Деревянко.

Они должны были лететь по одному, а он указал другой. Во время полета вертушки со спецназом вышли на Шутанское ущелье, обнаружив караван, десантировались и начали бой, сообщив об этом по связи. Клич был один: «Наших бьют!». Собрались по тревоге все, вплоть до роты обеспечения. Выстроились на плацу, экипированные для боя, и ждали, пока комбат запрашивал КП ВВС на добро к вылету. Комэск Перфилов Владимир Алексеевич на свой страх и риск уже поднял первую пару в воздух под командованием замкомандира эскадрильи Петра Лецишина. После получения разрешения уже пара за парой вертолетчики стали подходить к месту боя. Практически вся эскадрилья работала в этом бою. Ми-24 встали в круг и били по ущелью, а вертушки с десантом садились одна за другой. Когда лейтенант Деревянко и вертолеты стали бить «духов», те начали разбегаться и прятаться, но шестерых моджахедов разведчики все-таки нашли и взяли в плен. Караван же под огнем разбрелся на отдельные стада по 40 и 60 голов.

Вот к ним комбат и сажал группы с вертолетов. Спецназовцы сначала валили животных и снимали груз, а потом начали ловить верблюдов, ишаков и подводить их прямо к вертолетам для разгрузки. Тогда захватили очень много трофеев. Все крупное взяли с собой на борт, а то, что помельче, подорвали на месте.

«И что характерно, — отмечал с гордостью Анатолий Блажко, — в той операции с нашей стороны был только один раненый боец. Припоминаю, — продолжал он, — что во время боя мы грохнули какого-то голландца. Я не думаю, что он был специалистом, наверное, просто журналистом. В караване, кроме оружия, было очень много пропагандистской литературы и других бумаг, но нам сначала это было совершенно не надо, и она была свалена в кучу на ЦБУ. А чуть позже к нам приехали особысты от советников и мне говорят: «Командир, дай покопаться».

Покопались, нашли две исписанные тетради на фламандском языке, билеты на Пешавар, корешки счетов на проживание в гостинице и т.д. Просят: «Отдай». Отдали, а они это оформили себе как результат, а потом ко мне прибежал наш контрразведчик и в крик: «Зачем ты отдал?». А я ему говорю, мол, ты чего орешь, неделю лежали эти документы, и никому не надо было, чего же ты не покопался там».

Второй момент. Когда начали разбирать и сортировать трофеи, то обнаружилось большое количество классного оружия. В

частности, хорошие карабины в смазке. Тут, конечно, нас опередили летчики, которые перевозили груз. Они же охотники, и многое успели разворовать. К слову, вот такой характерный пример. В куче трофеев нашли много мешков с обувью и обмундированием. Начальник штаба Михайлов мне говорит: «Командир, большой мешок нашли с чешскими ботинками с пластмассовой подошвой, а они почему-то все на правую ногу». Но я сразу сообразил, звоню командиру эскадрильи и говорю: «Вова, давай как-нибудь поделимся. У меня правые ботинки, а тебя наверняка есть левые...». Так побратски и порешили. Полбатальона потом одели в эту трофейную обувь.

Несколько строк о главном герое того боя лейтенанте Деревянко Артуре Валентиновиче. Это его досмотровая группа №211 вела воздушную разведку в районе 50 км севернее Газни. Это было обычное патрулирование. Нарушавшие тишину гор трудяги-вертолеты иллюминаторами всматривались в местность. Ничего настораживающего. Только десантники давно заметили: беду надо ждать тогда, когда ее, казалось бы, абсолютно ничего не предвещает.

Это правило сработало и сейчас. Совершенно неожиданно вдаль показался караван. Подлетели поближе, осмотрелись. Верблюдов, вроде бы, не так и много. Досмотровую группу решили высадить, чтобы преградить душманам путь. «Вертушки» вновь поднялись в небо. Надо уточнить, сколько всего навьюченных животных шли с территории Пакистана. Первые минут двадцать спецназовцы огонь не открывали. Выжидали, что предпримет противник. Увидевшие их душманы остановились.

Они не знали, какими силами встали шурави на их пути. Тоже решили выждать, пока не спустится к ним в низину идущее слева и справа от каравана боевое охранение. Когда же поняли, что пробиваться придется с боем, начали стрелять. Десантники отвечали меткими очередями. До этого сумели занять выгодные места. Тогда они еще не знали, что встали на пути одного из самых больших по тем временам караванов — в 204 верблюда... Что животные навьючены оружием. Что охранение составляло около 300 человек, а их горстка — семнадцать парней. Оставалось надеяться на самих себя, и лишь потом на подмогу, за которой умчались вертолетчики.

Артур вспоминал: «Наши позиции методично обстреливались крупнокалиберными пулеметами и зенитными установками. Справа по нам с высоты били две ЗГУ, а с левого фланга от кишлака по

нам злобно долбил духовский ДШК. На головы непрерывно сыпались какие-то щепки и мелкие камни, свистел рикошет, но прямых попаданий, к счастью, не было. Горный гребень надежно защищал нас от огня. Четыре наших пулемета стреляли короткими очередями по группе душманов, пытавшихся помочь охране каравана спасти верблюдов, которых мы уже навалили несколько десятков. Все разведчики, сосредоточенно, как в тире, экономно расходуя патроны, стреляли по приближающейся массе туш с выюками груза на спинах.

Разведчики с правого наблюдательного пункта сообщили по радио, что караван огромен, его конца не видно. Все ущелье забито верблюдами. Я перешел на частоту 45200 и вызвал «Воздух». Рация ответила утвердительно. Я дал целеуказание. «Крокодилы» зашли в хвост каравана. Дым и пыль поглотили ущелье. А на нас шли и шли. Усилили огонь и начали окружать нас подразделения охраны каравана...»

Наконец-то с неба пришло спасение. Но не в виде Божьей помощи. Это два вертолета МИ-8 доставили подкрепление. Через полтора часа после начала боя десантировалась и сходу вступила в бой группа лейтенанта Пучкова. С двух направлений спецназовцы разбили караван душманов наголову: «завалили» всех выючных, захватив при этом огромную партию оружия. Во выюках обнаружили четыре пусковые установки для реактивных снарядов, 998 реактивных снарядов, два миномета, три безоткатных орудия, два пулемета ДШК, более 1000 боеприпасов к тяжелому оружию и 206 тысяч боеприпасов к стрелковому оружию.

И все это в немалой степени благодаря тем, первым семнадцати смельчакам. Не будет преувеличением сказать, что они стояли насмерть. Всех десантников представили к наградам. Лейтенант Деревянко за тот бой был отмечен первым своим орденом — Красной Звезды. А затем были и другие отличия. Четвертая награда — орден Красного Знамени — нашла Деревянко после операции «Барьер». Тогда наши перекрывали афгано-пакистанскую границу. То была задача особой сложности. Их подразделению определили для охраны участок более десяти километров по фронту. На войне побеждает не тот, кто метко стреляет, но и тот, кто, не растерявшись, первым открывает огонь. Офицерам и его бойцам удалось это делать быстрее противника. Этим и вызвали в его рядах панику. Ну а дальше — дело решительности и меткого огня...

В составе 177 ооСпН отряда прошли суровую школу многие заслуженные офицеры В.Сисин, А.Лисаев, К.Панов, О.Самойлов, В.Мартаков, В.Степанов, А.Кулиев, И.Яриков, А.Кондрашов, А.Плаксин, А.Астапов, Н.Рубан, А.Шапарин, Н.Милов, В.Суслов, С.Ржеуцкий, Галкин, Губин, А.Козлов, М.Садовников, Тукманбетов, врач С.Лихонос, начальник радиостанции Птухин... хочется не забыть никого, но, к сожалению, человеческая память коротка и обо всех не вспомнишь и расскажешь...

Особо в исторический формуляр отряда вписаны фамилии командира третьей роты капитана Бекоева Павла Викторовича, начальника разведки старшего лейтенанта Таривердиева Карена Микаэловича... Карен — сын известного советского композитора Таривердиева, отлично воевал и был награжден орденом Красного Знамени и двумя орденами Красной Звезды. Начав взрослую жизнь студентом философского факультета МГУ, он внезапно для родителей очутился в девятой роте РВДКУ, а затем в Афганистане.

Его имя занесено в исторический формуляр части по итогам захвата так называемой «блуждающей» залповой установки. Эвакуация группы из района засады прошла спокойно, если не считать того, что первая попытка поднять в воздух вертолет с трофеем спецназовцев на борту едва не закончилась плачевно. Подъемной силы у Ми-8 не хватило, и он упал на землю. К счастью, высота была небольшая, и никто не пострадал. Вторая попытка оказалась более успешной, и разведчики с захваченным «результатом» добрались до своего городка.

После доклада командующему армией установку через неделю затребовала Москва, куда она и была отправлена самолетом. Все разведчики были представлены для награждения орденами и медалями. И они ходили героями. Вскоре Карен Таривердиев подорвался на минном поле. После госпиталя до развала Союза служил в Старом Крыму, а затем вернулся в Москву, где некоторое время работал на телевидении. Обострение болезни, развившейся после ранения конечностей, привело к тяжелой инвалидности.

Гордостью отряда являлся и капитан Бекоев, командовавший ротой спецназа. «Скромный в быту и неудержимый в бою», — так отзывались о нем его командиры и подчиненные. Рассуждая с сегодняшних позиций, наверное, трудно понять, почему главный хирург группы советских войск в Германии полковник медицинской службы Бекоев В.Д., — «не порадел родному человечку?». Для

него было бы несложно забрать сына — офицера в престижную группу войск. Ему бы это ничего не стоило.

А сын пошел в десант и три с лишним года доблестно воевал в Афганистане! Бекоев, прибывший из 154 отряда на должность командира роты в Газни, первое время был чужаком. Он, по выражению офицеров, был «пиджаком», то есть он не заканчивал нормального офицерского училища, а стал лейтенантом на военной кафедре Минского радионститута, однако боевых качеств, необходимых спецназовцу, у него отнять было нельзя. Бекоев успешно командовал группой в Джелалабадском 154 отряде, потом там же был выдвинут на должность заместителя командира роты. Воевал грамотно и смело. Комбат 177-го А.Попович был очень доволен, получив командиром подразделения такого опытного офицера. Он к нему прислушивался с первого дня, поскольку нельзя было не доверять опыту Бекоева, который к тому времени служил в Афганистане уже второй срок. И, кстати сказать, уже тогда имел два ордена Красного Знамени и орден Красной Звезды, а такие награды заслужить было очень сложно.

«Непросто Павел вписался в коллектив. Некоторые командиры видели в его самобытности вздорность характера. Для Бекоева не было авторитетов, он был совершенно неуправляем в боевой деятельности, — вспоминал майор Владимир Волош. — Его имя постоянно находилось на устах сослуживцев. Кто говорил о нем с восторгом, а кто завидовал его многочисленным удачам, которых было много. Помню, 17 октября 1985 года он со своей ротой без потерь разгромил опорный узел душманов в районе Парзубай.

10 декабря 1985 года десантировался в 60 км западнее Ургун, выдержал четырехчасовой бой и захватил 9 ПЗРК, 2 ДШК, большое количество боеприпасов. 14 января 1986 года капитан Бекоев с двумя бойцами вступил в бой с 26 «духами» и победил. Ровно через месяц, 14 февраля, Павел во главе отряда из 32 человек десантировался из вертолетов в районе Лой-Мана.

После трехчасового боя уничтожил пять складов «духов» Успехи роты, которой командовал П.В. Бекоев, во многом определялись его личным мужеством и хорошим знанием своих подчиненных, с которыми он делил и скромный палаточный быт, и постоянный риск боя. Он был очень честолобив и храбр».

Помимо организационно-кадровых изменений, укрепивших подразделения специального назначения, большую роль в повыше-

нии их боевых возможностей сыграло и то, что каждой бригаде и отрядам спецназа придали авиацию. Наличие своей авиации сразу же самым благоприятным образом сказалось на мобильности и результативности разведывательно-боевой деятельности спецназа.

Разведчики в основном перестали «привязывать» свои выходы к собственным бронегруппам, поэтому радиус действий подразделений увеличился до 150 — 180 километров. В условиях сильно пересеченной местности и чрезвычайной плотности минирования, которую применяли «духи» в этом районе, поход «брони» даже километров на 50 — 60 от ППД можно было смело приравнять к подвигу. Так что в этих условиях добрые отношения с «воздухом» были нам просто необходимы.

Отличными коллегами и помощниками, поставляющими достоверную информацию, были офицеры оперативных агентурных групп ГРУ(ОАГр). Эти группы из четырех-пяти офицеров сидели за многие сотни километров от ближайших советских частей в крайне скучных условиях, но работали отлично. Начальник разведки отряда Игорь Яцшишин высоко оценивал их вклад в общее дело: «Наши разведчики практически ни разу не возвращались пустыми, если вылетали на реализацию данных ОАГр.

С начала декабря 1985 и в течение полугода 1986 года все основные наши успехи были связаны с провинцией Ургун и, соответственно, с информацией, которую нам предоставляли наши агентурщики. И это при том, что наша «броня» в Ургунское ущелье не ходила. В тот район, расположенный в непосредственной близости от границы между Афганистаном и Пакистаном, за девять лет войны, по-моему, ни разу и армейская операция не доходила, не говоря уже о нашей ничтожной (по пехотным понятиям) бронегруппе в семь-восемь БМП и БТР. Больше количество боевых машин мы, как правило, разом не выставляли. Поэтому можно с полным основанием говорить о том, что своим удачам в этот период войны мы были обязаны агентурщикам из Ургуна и вертолетчикам из Газни».

В Ургунских горах боевики чувствовали себя полноправными хозяевами. наших частей в том районе не было, афганская армия и Царандой, если где-то там и дислоцировались, то вели себя крайне смиренно, в горы не совались. Ближе нас к этому району находилась только гардезская 56 десантно-штурмовая бригада. Но у них были свои задачи. У «духов» там царил тишь да гладь. Наши агентурщики каким-то чудесным образом сумели составить подробнейшую

карту расположения банд в этом районе и определить, где располагаются их склады с оружием и боеприпасами.

Сами склады, по полученной информации, находились вне населенных пунктов, но, как правило, в тактической близости от них, что для спецназовцев было удобно. Поэтому можно было предположить, что в близлежащих кишлаках располагались на зиму крупные «духовские» отряды, готовые быстро оказать помощь отрядам охраны складов.

Командование отряда довольно долго обдумывало способ, как бы их нейтрализовать. Вопрос этот был серьезный, потому что использование бронегруппы, по описанным выше причинам, исключалось, а одним бомбоштурмовым ударом подход резервов противника, как известно, не предотвратить. Тем более, что в этой части Афганистана горы сплошь лесистые, причем хвойных пород, а значит, на зиму не опадающие, и это обстоятельство сильно ограничивало возможность наблюдения с воздуха за перемещениями на земле.

В феврале 1986 года обязанности начальника разведки отряда исполнял К.М. Таривердиев, который вспоминал: «Наш комбат майор Попович решил рискнуть. Не последнюю роль в его решении сыграл Павел Бекоев. В вопросе о проведении серии налетов на Ургунские склады голос командира третьей роты имел большой вес.

Впрочем, к этому времени капитан Бекоев сумел практически доказать свое умение совершать успешные налеты и засады. В качестве первоочередной цели комбат выбрал склад оружия и боеприпасов, расположенный в горах, километрах шестидесяти юго-западнее Гардеза. От Газни до цели расстояние было вдвое большим, и мы рассчитывали использовать гардезский аэродром, как аэродром подскока, или как аэродром ожидания, если можно так выразиться. По нашему плану, транспортные вертушки, десантировав наш отряд в район склада, не возвращались на свой аэродром в Газни, а должны были сесть в Гардезе. Таким образом, в течение пятнадцати-двадцати минут они могли вернуться в район проведения налета и эвакуировать нас оттуда. Склад располагался неподалеку от селения Лой-Мана, в котором вполне могли оказаться «духовские» резервы. По нашим сведениям, численность охраны была сокращена с шестидесяти человек до пятнадцати. 239 вертолетная эскадрилья могла выделить нам для этой операции только шесть Ми-8мт.

Число вертолетов и определило наш боевой состав — 60 че-

ловека, по десять на каждый борт. На всю операцию отводилось не более часа с момента десантирования отряда. Мы надеялись, что за это время «духи» не успеют собрать и подтянуть достаточно сил, чтобы оказать успешное сопротивление нам. Десантирование предполагалось произвести на ровную площадку у подножья гор, которая находилась в непосредственной близости от склада.

У летчиков были сомнения в ее пригодности, так как заказанная нами аэрофотосъемка местности ничего путного не дала, так как весь район предстоящих действий был сильно занесен снегом, поэтому аэрофотоснимок к нормальной работе был мало пригоден. Мы рассчитывали, что снежный покров не превышает 10 — 15 см и не слишком затруднит движение, однако в реальности он составлял около 50 см и сильно повлиял на наши действия на конечном этапе операции. Возможный огонь зенитных средств (ДШК и ЗГУ) планировалось подавить с воздуха, но все-таки наибольшие надежды мы возлагали на внезапность нападения и скоротечность боя».

Командир 15 бригады согласовал со штабом 40 армии вопрос о том, чтобы, если возникнет необходимость и бой затянется, то разведотряду на помощь выдвинулась 56 дшбр в полном составе. При неблагоприятном развитии событий спецназовцам пришлось бы держаться в окружении не менее 10 — 12 часов, а это было чревато непредсказуемыми потерями с нашей стороны. Оперативная агентурная группа предоставила в распоряжение спецназовцев афганца-проводника, знающего местность и расположение огневых точек.

Налет был осуществлен 14 февраля. На первом этапе все шло согласно плану. Охрана не ожидала нападения, зенитные средства не были подготовлены к немедленному открытию огня, и после короткого бомбоштурмового удара Су-25 и Ми-24 все шесть «восьмерок» удачно десантировали спецназ на площадку приземления. Прыгать пришлось из положения зависания с высоты метр-полтора, может чуть больше, но тут нам помог глубокий снег. Кроме того, место десантирования было скрыто от «духов» плотной снежной пеленой, поднятой винтами вертолетов. Разведчики оказались на небольшой площадке, в нескольких десятках метров от подножья гор. Поначалу по ним никто не стрелял, и отряд довольно организованно сумел подняться к складу.

Метод захвата был предельно прост: подгруппа обеспечения

открывала по домикам ураганный огонь с расстояния 30 — 50 метров, под ее прикрытием к домикам подбирались два-три разведчика. Как только они занимали безопасное положение в «мертвой зоне» у стен, огонь по окнам и дверям прекращался, подгруппа нападения вставала с земли и забрасывала домик гранатами через окно. Такого воздействия на противника оказалось вполне достаточно, чтобы полностью подавить сопротивление. К этому времени ситуация принимала неблагоприятный поворот — противник все-таки сумел организовать и занял господствующие высоты, то есть оседлал или начал оседлывать тактический гребень выше отряда. Поначалу огонь был не очень плотным и прицельным, но «духи» довольно быстро наращивали плотность огня. У них с каждой минутой прибавлялось огневых точек.

Павел Бекоев опасался подобного развития событий, но предотвратить его все равно не мог из-за малочисленности отряда. Однако еще в самом начале боя рота Бекоева, составлявшая костяк отряда, поднялась выше по склону и захватила горное орудие на подготовленной огневой позиции. Орудие было самым тщательным образом замаскировано от наблюдения с воздуха и развернуто в сторону той самой площадки, которую рота Бекоева использовала для приземления. Во время первого бомбоштурмового удара эта позиция ничуть не пострадала. Однако когда 3 рота добралась до него, выяснилось, что расчет на позиции отсутствует. Можно предположить, во что могла превратиться наша операция, если бы орудие в момент зависания вертолетов для выброски отряда оказалось бы в готовности к открытию огня. Кроме этого, солдаты Бекоева уничтожили и расчет ЗГУ, который смог добежать до своей зенитной установки, но так и не успел открыть огонь. Сейчас можно предполагать, что площадка, на которую высаживались, была заранее пристреляна, и если бы расчеты успели вовремя занять свои места по боевому расписанию, десантникам пришлось более чем туго.

В этом отношении Павел Бекоев, больше всех рассчитывающий на успех внезапности и твердо уверенный, что спецназовцам удастся подавить противника прежде, чем он успеет развернуться к бою, оказался совершенно прав. К сожалению, спецназовцы потратили слишком много времени на поиск склада и выкуривание из него охраны. В конце концов сообразили, что с «духами» можно поступить значительно проще, чем пытаться проникнуть вглубь пе-

щеры: нужно просто поставить заряд, установленный на неизвлекаемость, прямо на стеллаж с пластидом. Наши саперы, во главе с лейтенантом Сергеем Кантышевым, быстро создали этот заряд из трофейного же пластида и дали ему получасовое замедление.

Что именно получилось в результате взрыва нескольких тонн пластида в пещере, можно себе представить и без дополнительных объяснений. Однако все это заняло время, и операция затянулась почти на полчаса сверх запланированного. Поэтому, несмотря на самую активную поддержку с воздуха, которую разведчикам оказывали пары Ми-24, сменявшие над разведчиками друг друга, без потерь все-таки не обошлось. Двух бойцов сразил огонь противника буквально у самых трапов вертолетов. Корпуса вертолетов также были довольно сильно изрешечены пулями и осколками, хотя вертолетчикам удалось избежать потерь. Эта операция была признана успешной и стала одной из самых «красивых» операций 177 отряда. Имя капитана Бекоева гремело на весь спецназ!

«Газнийцы» еще несколько раз придерживались подобной схемы нападения на склады оружия и боеприпасов, причем делали это не без успеха. Но в итоге командование бригады и штаб армии (в лице заместителя начальника штаба 40 армии полковника Симонова, отвечавшего за наши действия) посчитали, что успех налетов на Ургунские склады каждый раз находится, что называется, «на острие бритвы» и прекратили подобную деятельность.

Вскоре при штурме крепости Бекоев погиб, замполит майор Волош рассказал об этом так: «Бекоев, который не привык отступать и чья личная храбрость поражала всех, решил штурмовать крепость Сахибхан. Действуя личным примером, он подобрался к ближней стене и через пролом влез вовнутрь. Вылез на крышу крепости и побежал по ней, бросая во двор гранаты. «Духи» открыли огонь на звук шагов сквозь саманный потолок и ранили его в бедро. Бекоев упал во внутренний дворик и был добит автоматной очередью».

Здесь уместны слова моего друга летчика, подполковника Юрия Владыкина, воевавшего с Павлом Бекоевым, написанные после его гибели: «Появилась возможность кое-что записать для памяти. Говоря о летчиках, техниках, мы часто забываем, для чего вообще нужен их труд.

А все, начиная от пробы вертолета и заканчивая нажатием на

боевую кнопку, предназначено в итоге для обеспечения боевых действий десанта. Несколько первых месяцев я причислял себя к людям необычной профессии, гордился, что принадлежу к особой группе — летчикам, о них с давних пор ходит по земле добрая слава, которую они добыли в небе. И все же, не очерняя летную рать, должен признаться, что те, кто десантируется, а потом бывает несколько суток под огнем, пробивается к рубежам, поставленным их командиром, должны обладать не меньшими, а лучшими, чем мы, качествами...

Только в слабеньких фильмах про войну смерть воспринимается как междометие, а порой как эффектная заставка. Видно, торопятся режиссеры, уповая на то, что о всех погибших по отдельности не расскажешь. Наяву же — кто-то сжимает гортань и с трудом подбирает слова перед прощальным троекратным залпом. Видел это сам и чувствовал.

Покойный Паша Бекоев мне рассказывал о своих бойцах, с которыми вместе карабкался по горам, где даже без душманского огня было трудно. И я представил себе состояние человека, которому нужно в составе группы прочесать кишлак, пробираясь через лабиринты дувалов, где неожиданно может ударить в спину пулеметная очередь, и понял, что к этому привыкнуть невозможно. Поэтому, наверное, летчики часто здороваются с солдатами спецназа, первыми подавая руку».

177 отряд за годы афганской войны потерял погибшими 160 человек. Из них 18 офицеров, 7 прапорщиков. Не вернулись из операций в свою часть трое разведчиков. Их тела не найдены. А в день окончания афганской войны 15.02.1989 г. сложил голову последний военнослужащий отряда, комгруппы старший лейтенант Олег Борисович Матаков. Афганское правительство отметило массовое мужество воинов отряда Почетным Красным Знаменем ЦК НДПА на бамбуковом древке. ЦК ВЛКСМ наградил отряд Почетным Знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

Блажко передал командование отрядом майору Ю.Пимонову, замкомандиру 668 ооСпН, кавалеру орденов Красного Знамени и Красной Звезды, которого сменил майор Ю.Самсонов, уроженец Алтайского края, кавалер двух орденов Красной Звезды и медали «За боевые заслуги», выполнявший интернациональный долг в Афганистане начальником штаба 154 ооСпН.

ПЕРВАЯ ЗАСАДА

Первый бой, как первая любовь, не забывается никогда. Потому что трепещет в ожидании его живая душа. Потому что бой этот ставит на карту случая и будущее, и жизнь, и судьбу. Подробности, приметы, голоса, цвета и запахи этого боя въедаются в память прочно, вплоть до незначительных мелочей и каких-то пустяков, и станут потом заслонять собой все последующие события, быть может, и более опасные, батальные. Такова мужская, воинская природа.

Мое участие в боевых действиях нельзя равнять с солдатом или командиром группы. Я выходил в засады семь раз. Пожалуй, цифра не имеет значения. Для кого-то и один бой — первый и последний — невозможно ничем измерить. Для других, родившихся в рубашке, пять или десять схваток с врагом не имеют особого значения. Хотя всем одинаково хочется жить. И страшно тоже каждому, — один раз живем.

Вспоминаю строчки: «Смелого пуля боится, смелого штык не берет». Так ли это на самом деле? Трудно сказать. Может, этой фразой-призывом поэт хотел выдать желаемое за действительное? В действительности же и смелых, и решительных настигает смерть. Вспоминаю дерзких и смелых ребят, погибших в боях: В.Головко, П.Бекоева, Х. Нафикова, О. Злуницына, С. Ковальчука, О. Севальнева, В.Матюшина и других.

У меня не было выбора. Существует конкретное понятие — личный пример. Я считал и считаю — плох тот руководитель, который не разделит тяжелый труд своих подчиненных. В противном случае он не имеет морального права командовать людьми и давать какие-то распоряжения. А когда сам с командиром группы полaziшь по горам, — у подчиненного отношение к тебе не как к начальнику, а как к соратнику, боевому товарищу. Он начинает тебя уважать и распоряжения принимает как законные.

Командир бригады в первые недели службы противился моим попыткам выйти на боевые. В тот период мы много объехали с ним провинций, побывали во всех отрядах. Но каждый раз, когда я заикался о желании выйти с группами, говорил:

— Подожди, Олег Владимирович, еще не время. Приглядывайся, адаптируйся. Мы лейтенантов-то через месяц вводим в боевой строй, а ты подполковник.

Юрий Тимофеевич побывал со мной на стрельбище. Как бы ненароком оказываясь на тех рубежах, где я в этот момент стрелял из автомата или гранатомета, огнемета или из АГС-17.

А потом наступило время, когда он мне просто сказал:

— С Богом. — И не стал провожать при отъезде в 154 ооСпН. Подчеркнув этим обыденность моего первого выхода.

Любое участие руководителя в боевых действиях с подразделением немедленно обрастает подробностями и передается по солдатскому телефону из роты в роту, из батальона в батальон. Это создает, особенно в спецназе и десантных войсках, необходимый авторитет. Я был удивлен, узнав однажды, что мой рядовой вылет на воздушную разведку с досмотровой группой по маршруту Дарунта — Льязхель — Шевунала оказался в центре внимания большого района. Мотострелки соседней 66-мотострелковой бригады передали по радиосвязи в группы наших разведчиков, сидящих в засадах: «...в воздухе ваш начпо бригады». Как я потом узнал от них, им в этот момент было приятно слышать подобные слова. Но как им об этом стало известно, для меня навсегда осталось загадкой...

Память большинства людей обладает избирательной способностью запоминать отдельные события и факты. Особенно острые впечатления до сих пор, которые я переживаю с волнением и сейчас, — о первом участии в боевом выходе в засаду.

Расскажу об этом подробнее.

Мой первый боевой выход состоялся с разведчиками первой роты 154 ооСпН. После 16 часов, когда жара стала спадать, все участники разведывочного и провожающего от подразделения сосредоточились в автопарке части. С помощью офицеров роты я начал собирать все необходимое для боя, стремясь унять неожиданно появившуюся мелкую противную дрожь в руках. Она появлялась каждый раз, когда принимался за рискованное дело, как у спортсмена перед стартом, а тут не старт — первый бой. И чем он закончится — никому не ведомо. В ящике с боеприпасами взял пулеметные рожки. Они хотя и тяжелее, зато патронов больше. Уложил в рюкзак все что положено: гранаты, распотрошенный сухпай, ракеты...

Мои старлеи стояли и молчали, а когда я закончил, один из них взял у меня рюкзак и высыпал содержимое на землю.

— Вы, товарищ подполковник, отдохнете со всем этим, — сказал он. — Начинаем по новой. — И отбросив часть сухпая,

оставил самый минимум консервов, сохранив при этом полностью боеприпасы.

Замполит роты старший лейтенант Майоров надел на меня трофейный китайский нагрудник и распилил пластмассовые магазины и четыре гранаты по его карманам. Второй боекомплект уложил мне в десантный рюкзак. Ощутив тяжесть металла, я успокоился.

Ненасытность к боеприпасам характерна для всех новичков. Собираясь на войну, они мыслят верно: чем больше прихватил патронов, тем выше вероятность вернуться живым. Хотя в афганской войне, без передовой и тыла, действовали свои законы, и можно было погибнуть, даже не выходя за территорию части, от разрыва снаряда или пули снайпера. Война шла в гущу народа. Кто друг, а кто враг — понять и разобраться было затруднительно.

— Напрасно вы, товарищ подполковник, сразу идете в засаду. Сходили бы первый раз с бронегруппой, — сказал мне Майоров, закрепляя парашютной резинкой к рюкзаку теплую меховую куртку (судя по подкладке воротника, это была десантная куртка для полярного спецназа, серого цвета, какие выдавались только во псковской бригаде) и «духовский» легкий трофейный спальный мешок.

— Ничего не напрасно, я боевой офицер и прошел десятки учений в мирное время.

Рядом со мной экипировался высокий худой солдат Олег Попов, уроженец Днепропетровской области. Он ловко упаковал свой рюкзак, спрятал боекомплект для снайперской винтовки, любовно смазал и спрятал прицел.

— Попов, ко мне! — скомандовал Майоров.

Снайпер не спеша встал и, повесив винтовку на плечо, подошел к замполиту.

— Слушай боевой приказ... — дальнейших слов я не слышал, так как старлей отвел Попова за угол здания и о чем-то долго инструктировал. Только через несколько часов неусыпного контроля за мной я понял, что бойцу поставили задачу — опекать новичка. Группа построилась в две шеренги. Подошел комбат Владислав Гилуч, уточнил позывные, кодировку на карте и коротко объявил боевой приказ. Ровно в 18 часов 30 минут, взглянув на часы, комбат дал команду:

— По машинам! Желаю боевой удачи!

Моторы одновременно взревели, из выхлопных труб и реше-

ток пыхнули блестящие искрами клубы сизого дыма, и колонна начала вытягиваться из городка отряда, напоминая сцепленные вагоны железнодорожного состава.

— Неплохо, — подумал я. — У каждого сколоченного боевого коллектива есть тонкости, которые характеризуют его сплоченность и слаженность. Из таких тонкостей складывается главное — ритм. Он либо есть, либо его нет. В роте капитана Козлова он был. Вдоль дороги стояли свободные от службы военнослужащие и с серьезными лицами молча махали нам руками. В их глазах читалось, — возвращайтесь живыми!

Смеркалось. Возле КПП белая стена сверкала огнем, будто пламя пробегало по ней. Я посмотрел на казармы, на горы и удивился — они тоже стали красными. Уж не предостережение ли мне. Прощальные солнечные лучи наполнили все вокруг огненным светом, прорываясь в узкую полозку между плотно нависшими над горами тучами. Все окружающее в этот миг казалось призрачным, нереальным, словно окунулся в сказочный мир.

— Неужели все это со мной? — подумал я.

Еще стояли густые сумерки, когда наши машины шли по узким окраинным улицам Джелалабада. На дороге в это время было много взрослых и детей.

— Шурави, дай бакшиш, — кричали дети. По сложившейся традиции наши бойцы щедро бросали детям галеты и сахар из своих скудных сухпайков.

Когда колонна выехали за город, одним махом опустился занавес чернильной темени. БМП, нещадно чадя, увеличив скорость, приближались к предгорью, что ощущалось надвигающейся от него прохладой. В темноте рассмотрел, что голова колонны повернула к дамбе электростанции Дарунта, где пустынные горы вплотную подступали к самому водохранилищу.

Впереди и несколько сбоку мы увидели огненные сполохи, беспорядочные росчерки трассирующих пуль, а затем по ушам ударила какофония канонады, перекрывшая даже рокот двигателей БМП. Как мне пояснили бойцы, мы проезжаем митерламскую «зеленку», где идет бой между вечно враждующими племенами. Незамеченными, под шумок боя, мы проскочили эту рискованную зону межплеменного конфликта аборигенов.

Наконец передние машины остановились. Разведчики прыгнули на землю, и бронегруппа под командованием замполита роты

без дополнительных команд организованно развернулась и ушла в ночь, оставив нас наедине со своими чувствами и страхами. Мы окунулись в крошечную темноту, остро почувствовав пугающую тишину и духоту ночи. Командир группы лейтенант Федорченко Валерий Петрович негромко довел боевой порядок. Мое место определено в голове группы, рядом с командиром.

Психологическое напряжение росло и, казалось, достигло своего пика. Иду строго в затылок, не видно ни зги, всматриваюсь в пятки впереди идущего и стараюсь ступать след в след... Дышу ему в спину, стараюсь рассмотреть камни и землю, на которую ступаем. А вдруг мины! Хорошо помню пример старшего лейтенанта Валерия Радчикова, подорвавшегося на противопехотной мине. Тяжелое увечье на минном поле получил Карен Таривердиев, командир группы Газнийского отряда.

Через несколько минут быстрой ходьбы группа подошла к безлюдному темному кишлаку. У меня, как и у всех, патрон в патроннике. Рука на предохранителе, палец на спусковом крючке. Готов в любую секунду открыть огонь. Не останавливаясь, прошли мимо дувалов и вновь вышли в предгорье. Специфический запах афганского жилья сменила прохлада горной долины.

Возбуждение боевого настроения помогало двигаться, я долго не ощущал усталости. Затем для бодрости сунул под язык таблетку сиднокарба, снимающую усталость. Спина к тому моменту уже была мокрая от пота. И хотя в моем достаточно тренированном 37-летнем теле не было лишних жировых накоплений, и марш шел уверенно, я волновался за свою выносливость. Так как знал изнурительные трудности длительных пеших переходов, — больше всего боялся устать на марше. Уж мне-то в лейтенантскую пору пришлось много походить! Но в те годы при своем бараньем весе я ходил командиром группы и определял темп движения. А сейчас, имея 69 килограммов, я начинал потихоньку плавиться и боялся показать надвигающуюся усталость перед солдатами.

Обратной дороги нет! В эти минуты я отчетливо ощутил, что переступаю ту невидимую черту, за которой расплывчатое определение «боевая и политическая подготовка» наполняется реальным содержанием. Именно для этого я учился в училище и служил в армии, чтобы идти на огневой рубеж не с безответными мишенями, а с настоящим врагом, ждущим меня в горах. Мы в группе по сути были все одинаковые: в однообразном обмундировании без знаков

различия, с одинаковым штатным вооружением, с трепетным чувством опасности в груди. Я был обут в китайские кроссовки. Как показал опыт афганской войны, это была самая удобная обувь, легкая и прочная. Земля под ногами неровная, каменистая. Ступать трудно, но поскольку, боясь мин, шли осторожно, то особых проблем не было. Неожиданно под ногами стал попадаться песок, и я сообразил, что мы пересекаем дно пересохшего ручья. Первое время я пытался самостоятельно ориентироваться по звездами, но петлянье по горным складкам мешало этому.

Некоторые участки пути были особенно сложными. Как мне показалось, никогда еще у меня не было так обострено зрение и настрожен слух. Отчетливо воспринимался каждый блик, каждый звук в горах, освещенных мертвенно-серебристым светом крупных звезд, огромными самоцветами рассыпанных по черному небу.

С первых минут нашего марша я начал ощущать таинственный шепот невидимых насекомых, сливаясь с учащенным дыханием моим и рядом идущих разведчиков, он создавал ощущение нереальности происходящего. В темноте, подав условный сигнал, подошли несколько солдат с командиром группы, десантировавшейся в другом районе и вышедшей в район разведки рядом с нами. Обменялись шепотом краткой информацией и разошлись.

Остановились на отдых в 2.30 ночи 19 октября, преодолев последнее препятствие — ущелье шириной около 2-х метров. Я уже сильно устал, ноги не держали, а когда оттолкнулся и прыгнул, падая вперед, ухватился руками за выступ скалы. Солдаты, несшие боеприпасы, тоже были на грани физического срыва. Пока приходили в себя, я услышал, как один солдат, ругаясь матом, сказал другому, что не рад жизни... Но на сегодня все для нас кончилось.

Распределились на отдых. Командир группы, я с радистом и двумя переводчиками остались в расщелине на вершине горы, а остальной личный состав с лейтенантом Марковым спустился вниз и укрылся на дневку в пещере. Мы с лейтенантом В. П. Федорченко, сменяя друг друга, немного поспали. Днем, несмотря на октябрь, было довольно жарко. Из укрытия в бинокль мы осматривали местность, поддерживали радиосвязь со сторожевой заставой 66-й бригады на дороге Кабул — Джелалабад. Несмотря на все усилия радистов, связь с «Розой» (нашим ретрансляционным пунктом) отсутствовала. Это напрягало. К 18 часам в складку горной гряды поднялась вся группа, отдыхавшая внизу. Как стемнело, дви-

нулись в путь. Сначала, пока видимость позволяла, шли очень быстро, почти бежали. Как только опустилась темнота, темп движения замедлился. Наше передвижение в горах и преодоление возникающих препятствий на пути показались сложнее, чем в предыдущую ночь.

Внимательно осматривая окрестности, мы не могли не заметить сполохи огней от костров на горных вершинах и хребтах, выдававших расположение постов мятежников, их явное присутствие вокруг нас заставляло идти еще осторожнее и более сосредоточенно соблюдать маскировку. Два десятка людей молча шли друг другу в затылок, стараясь бесшумно преодолевать россыпи камней и перепрыгивать расщелины. Хотя на марше соблюдалась строжайшая дисциплина, абсолютной тишины не было, — слышно было тяжелое дыхание людей и шорох падающей земли, хруст камней, а часто — звуки падения и стук оружия. Один раз наш разведчик потерял равновесие и упал головой вниз со склона достаточно глубокого оврага, но не произнес ни звука. Так же молча бедолагу достали обратно. В начале одиннадцатого вечера горный ветерок донес до нас запаха человеческого жилья. Группа присела в ожидании команд командира.

— Олег Владимирович, видите крайний дувал, — прошептал мне на ухо комгруппы, — это наш кишлак. — Мы вышли в район самого кровопролитного маршрута из Пакистана, во владения Ахмад Шаха Масуда.

Действительно, при свете звезд в серой ночной мгле среди деревьев просматривались светлые строения кишлака. С облегчением вздохнули. Наконец-то вышли к Шахидану, за которым на караванных тропах нам предстояло ждать в засаде душманов. Кишлак казался заброшенным. Разведчики осмотрели несколько домов и выбрали два разрушенных, без крыш, дверей и окон, но примыкающих друг к другу. Группа разделилась на две части и расположилась на отдых. Назначенные часовые заняли позиции для обороны, остальные забылись тяжелым сном.

— Бывало, к месту засады добирались и двое-трое суток, — вспоминал Федорченко. — Представьте, чего это стоило при полной экипировке, да еще в местах, где зимой мороз под сорок, а летом под сорок жара. Плюс высокогорье с разреженным воздухом.

Сидеть в засаде — испытание особое. Днем, замаскировавшись, должен «умереть», чтобы себя ничем не выдать. Все пере-

движения исключительно ночью. И так столько времени, сколько нужно. А сколько — никто не знает. Пока враг не появится. Более половины всех засад оказывались безрезультатными. А что значит — результативные? Старов говорил так: «Если захвачен лишь один автомат и у нас все живы и здоровы — это хороший результат, если захватили много оружия и техники, имея при этом хоть одного раненого, — это плохой результат».

Мне, как обычно, не спалось, я вместе с ближайшим часовым лежал в разломе дувала и вслушивался, всматривался в темноту. Что-то настораживало нас. Чувствовалось какое-то колебание воздуха... Вскоре наши интуиции подтвердили звуки движения нескольких человек, шорох и треск веток. Вся группа бесшумно заняла места для стрельбы. Но мы не имели права открывать огонь первыми.

Наша главная боевая задача — караван с оружием и снаряжением, а это мог быть простой разведдозор. Поэтому, когда в нос ударил тяжелый запах немых тел, мы проводили проходящую группу исламских партизан только движением автоматных стволов, ни единым звуком не выдав себя... Только сердце колотилось так сильно, что казалось, его гулкие удары слышат все.

Пропустив группу боевого обеспечения каравана с миром, мы быстро заняли главные высоты при выходе из кишлака. Другой удобной тропы, кроме как по руслу высохшей реки, здесь не было. Я был в правой подгруппе. Приготовился к стрельбе прямо на голом склоне. Как только представил, что в этом положении по мне будут стрелять, сразу стало страшно и неудобно. Но искать в темноте другое место было невозможно. Вскоре мы услышали сначала непонятный гул, а затем — стук копыт, шорох камней, ржание лошадей. Шум приближался, затем я отчетливо увидел длинную, как гусеницу, вереницу каравана.

Мы должны были начать стрельбу по команде. Вероятно, командир группы дал ее пулеметчикам, которые одновременно открыли огонь с флангов. Я тоже нажал на спусковой курок и послал очередь за очередью в гуцу каравана. Душманы открыли ответную стрельбу. В разных местах ложины вспыхивали огоньки автоматов. Захлебывался пулемет. Несколько раз ухнули гранатометы, и все слилось в бешеный грохот. Казалось, время остановилось. Неожиданно я почувствовал — кто-то приближается ко мне справа. Оказалось, это рядовой Олег Попов, закрепленный за мной

командиром группы, для страховки в бою. Он передал приказ командира:

— Товарищ подполковник, нашей подгруппе надо через ручей двигаться к основным силам.

Побежали — я впереди, Попов сзади. Вокруг свистели пули. Неожиданно, уже перебежав русло и поднимаясь по склону, я ощутил мощный толчок в грудь, и неведомая сила попыталась вырвать из моих рук автомат. Я еще крепче сжал его в ладонях и упал рядом с рядовым Поповым. Вскинул автомат, начал стрелять, но очереди не последовало, как будто оружие захлебнулось. Судорожно я передернул затворную раму, но АКМ не стрелял. Я почувствовал полную беспомощность и страх от необычности ситуации.

— Может быть, закончились патроны? — подумал я и, повернувшись на бок, стал доставать из трофейного китайского «лифчика» очередной магазин. И только в тот момент, когда я отстеги-вал пустой, я нащупал рваное железо.

Оказалось, что пуля, выпущенная в меня, попала в магазин. И он спас меня. Эта мысль только на миг промелькнула в голове. К реальности вернули пули, бьющие по земле недалеко от меня. Слышен был их цокот, и мелкие камешки брызгали в лицо. Я прильнул к цевью и начал стрелять. Очень быстро кончились патроны.

Доставая очередной магазин, я решил метнуть гранату. Вырвал кольцо эргэдэшки и, приподнявшись, метнул ее, как мне казалось, метко и далеко. На голову в очередной раз посыпалась земля вперемешку с камнями... Пристегивая магазин, я обратил внимание на полусогнутую фигуру справа от меня, — это был недавно прибывший в бригаду врач, старший лейтенант Ильдус Шайхутдинов из Ташкента. Он, несмотря на свист пуль и риск быть убитым, перевязывал раненого разведчика. Очень ярко видны были алая кровь и белый бинт. В эту минуту я осознал, что начинает светать... Бой продолжался еще некоторое время, затем стал стихать. Все реже слышался пронзительный свист пуль.

Неожиданно появились новые звуки — это заработали движки БМП. Вскоре дружно ударили пушки и пулеметы бронегруппы, и мы перестали стрелять, посмотрев с Поповым друг на друга. Он широко улыбнулся и поднял большой палец вверх — мол, все хорошо! Действительно, это была победа. Мы остановили и уничтожили караван с девятью лошадьми и пятью ишаками. Захватили

несколько десятков автоматов, мины, боезапас к гранатометам, цинковые ящики патронов с китайскими иероглифами.

Прямо передо мной лежали вниз лицом два душмана. Один был молод (около 30 лет). В его карманах мы нашли партийный билет исламской партии и пакет с фотографиями. Он был снят с оружием на горной тропе. Я взял его фотографию себе на память. Она хранится в моем фотоальбоме до сих пор.

В автомате убитого оставалось четыре патрона. Этот человек мог бы убить меня, но судьба распорядилась иначе, и здесь нет моей вины. А его автомат китайского производства я взял в качестве боевого трофея. Он исправно служил мне до 15 февраля 1989 года. Покидая Афганистан в районе Кушки, я бросил его в общую кучу вооружения, что собирали у нас на границе. Второй убитый был в возрасте около 50 лет. Кроме этих душманов в разных местах лежали еще четыре человека. Остальных, судя по кровавым следам, моджахеды забрали с собой при отступлении.

На востоке загорался рассвет, и в легкой утренней дымке уже просматривался весь кишлак, склоны хребтов, окружающие его. Всюду виднелись следы запустения и разрухи. Обвалившиеся стены дувалов обросли распускающейся акацией. В брошенных садах буйно разрослись гранатовые деревья. Природа медленно пожирала следы небогатой цивилизации. Для Шахидана продолжалось десятилетие безвременья.

Вышли в эфир.

На этот раз «Роза» ответила с первого запроса. Сообщили об итогах и выходе в район эвакуации к берегу. Подошла бронегруппа. Мы загрузили трофеи на БМП, сами прыгнули на броню и пересекли по броду реку Кабул, показавшую свой бешеный нрав на нашей машине, и вышли на дорогу Джелалабад-Кабул. Мотострелки сторожевой заставы 66-й бригады, как всегда с восторгом, приветствовали нас с победой. Настроение у всех было радостное. Убитых среди наших разведчиков не было, а двое раненых были не тяжелые.

В описанный мною период большая часть караванов шла через зону боевой ответственности Газнийского и Баракинского батальонов. Основным местом пересечения границы с Афганистаном был Парачинарский выступ. К этому времени в связи с крупными поставками новых средств борьбы с нашими летательными

аппаратами — ПЗРК «Стингер» ситуация в военном противостоянии резко изменилась.

Превосходство советской авиации в воздухе закончилось. Только за полгода моджахедами было сбито более ста самолетов и вертолетов ВВС 40-й армии... Правда, не обошлось и без курьезов, — по данным агентурной разведки, Раббани продал 11 «Стингеров» из поставок США в Иран за 14 млн. долларов. Контроль за использованием этих ПЗРК был утерян, в результате чего «Стингерами» в Персидском заливе сбили два самолета и один вертолет.

Американцы оказались в неудобном положении, но свою помощь моджахедам не прекратили. Для сопровождения караванов мятежники стали использовать сторожевых псов, которые издавала чувствовали наших воинов. Широко использовалась душманами японская радиосвязь.

За 9 месяцев того года разведчики нашей бригады совершили 861 боевой выход. Результативность держалась на уровне примерно 18,8%. Всего же за тот год в засадах и в ходе досмотровых действиях военнослужащими бригады уничтожено 1479 мятежников, 996 вьючных животных, 25 автомобилей, 6 тракторов, 5 пусковых установок реактивных снарядов, 12 пулеметов ДШК, 16 минометов. Захвачено 167 пленных, 256 вьючных животных, 6 автомобилей, 1 трактор, 12 пусковых установок реактивных снарядов, 9 пулеметов ДШК, 62 ПЗРК и многое другое.

Эти цифры сами по себе свидетельствуют о напряженном ратном труде разведчиков-спецназовцев. Потери бригады на тот период составляли 54 человека убитыми и около трехсот ранеными. Из них 6 офицеров и двое служащих (по сравнению с таким же периодом в 1986 году мы имели более 70 убитых). Небоевые потери за 10 месяцев 1987 года составили 7 человек (из них один погибший офицер). На минных полях и во время обстрелов наших колонн мы потеряли 25 единиц техники.

АСАДАБАДСКИЕ ЕГЕРИ

Мой первоначальный облет для знакомства с Афганистаном продолжался несколько недель. После Газни побывал в Баракинском батальоне. Он, так же, как и Газнийский, был обустроен

недостаточно. Если баракинцы всю войну жили в землянках, то газнийцы — в палатках.

После возвращения в Джелалабад вылетел на восток в провинцию Кунар в Асадабад. И каждое из мест дислокации наших частей не походило одно на другое. У каждого было свое обличье и характерные особенности. С первых дней пребывания в ДРА о 334 отдельном отряде спецназначения ходило много слухов. В декабре 1985 года, в главной газете страны «Правда» появилась заметка о том, что китайская газета «Жэньминь жибао» писала о приграничном бое советской роты с моджахедами, о подвиге Героя Советского Союза лейтенанта Николая Кузнецова.

Отмечалось, что среди моджахедов были китайские советники, которые непосредственно участвовали в том сражении и могли рассказать подробности о гибели тридцати трех военнослужащих элитного отряда спецназа, недавно прибывшего в пограничную провинцию Кунар. Сами понимаете, что появление такой заметки в центральной партийной газете не могло быть случайностью.

В то время вообще не писали о спецназе ГРУ, хотя с приходом Горбачева именно на него была сделана основная ставка в борьбе с вооруженными формированиями афганских мятежников. И раз статья появилась, она должна была привлечь внимание международной общественности на факт использования спецслужб Китая, для подготовки специалистов подрывной войны против республиканского правительства Афганистана и ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Вот так громко об этом отряде узнала вся планета.

А вскоре о мастерстве, мужестве и боевых подвигах спецназовцев, находящихся в Асадабаде, заговорили уважительно американские и западноевропейские специалисты, работавшие советниками на базах подготовки афганских террористов на территории Пакистана. Кем-то из них, явно западных военных, и было дано громкое название «Асадабадские егери», подхваченное вскоре местным населением и мятежниками, сначала в провинциях Кунар и Нангархар, а позже по всему Афганистану. Почему именно егери? Это не азиатское название...

Слово «егерь» — немецкого происхождения, имеет три значения: 1) разновидность лёгкой пехоты; 2) Егери конные — лёгкая кавалерия, предназначались для ведения разведки, поисков и рейдов в тыл противника; 3) специалисты-охотники.

Западное название «Асадабадские егери» прижилось в Афганистане и стало своеобразным брендом качества, характеризующим конкретную боевую часть спецназа 40-й армии. А заслужить это разведчикам оказалось очень непросто.

Наш 334 отдельный отряд специального назначения (войсковая часть полевая почта 83506, позывной «Тариф», он же по легенде прикрытия 5-й отдельный мотострелковый батальон), был сформирован, в соответствии с Директивой ГШ ВС СССР № 31/4/2/00919 от 30 декабря 1984 года. Формирование осуществлялось на базе 5-й отдельной бригады спецназа Белорусского военного округа в Марьиной Горке из военнослужащих частей спецназа Белорусского, Ленинградского, Дальневосточного, Прикарпатского и Среднеазиатского военных округов. Боевое слаживание сформированных подразделений было завершено к 8 января 1985 года. А 13 января отряд уже был передан в состав ТуркВО и прибыл в город Чирчик Ташкентской области. После пересечения государственной границы СССР в районе Термеза, с 17 по 29 марта отряд, совершил шестисоткилометровый марш через обледенелый Гиндукуш по маршруту: Хайратон — Пули-Хумри — Джабаль-Уссарад — Кабул — Джелалабад — Асадабад.

Это было нелегкое дело. Для того, чтобы просто дойти до Асадабада, была проведена крупномасштабная армейская операция. В последующем, благодаря активным боевым действиям этого отряда с душманами, дорога стала более безопасной и соединила два административных центра Джелалабад — Асадабад, тем самым стабилизировав обстановку в районе. Давалось это большой кровью и постоянными потерями.

Местом дислокации прибывшей части был определен небольшой пограничный городок, центр провинции Кунар. Эта провинция узкой полосой протянулась на 200 км по ущелью вдоль границы с Пакистаном.

В долинах Кунара была особая экзотическая природа субтропиков. Здесь произрастали банановые пальмы, апельсины. Город Асмар и его окрестности знающие люди называли афганской Швейцарией. Места красивые: сланцевые горы, много речушек и ущелий, вполне подходящих для курортов. Правда, в вечернее время масса гнуса — комаров и москитов — опускалась на городок, и это было опасно не только для населения, но и наших воинов, потому что эти насекомые несли малярию и другие опасные заболевания...

Маленький город Асадабад, столица провинции, расположился на берегу реки всего в 15 км от пакистанской границы. Это был самый восточный пункт дислокации советских войск. А за границей — сплошные тренировочные центры моджахедов. Южнее Асадабада душманов учили советники из Пакистана, в районе Асмара — американцы, французы. Много было и китайских инструкторов. Через провинцию Кунар проходило 25 транзитных караванных маршрутов из Пакистана. Неслучайно эти места называли краем непуганых духов. Гадкое место. Не на голом месте и не случайно родилась солдатская поговорка:

— Если хочешь пулю в зад — поезжай в Асадабад!

Первым командиром отряда спецназа стал майор В.Я. Терентьев. Честолюбивый, молодой и весьма перспективный офицер, прибывший из печорского учебного полка, где, как отмечали, он был очень приличным руководителем. Отряд вошел в ДРА и одновременно был включен в состав легендарной 15 обрСпН. Командир которой, полковник Старов Ю.Т., вручил отряду 1 февраля 1987 г. Боевое Знамя части.

Боевая история «пятого отдельного мотострелкового батальона» началась весьма неудачно. Уже через месяц после прибытия в ходе первого боевого выхода всего в десяти километрах от пункта постоянной дислокации отряд потерял 29 человек убитыми и половину личного состава ранеными. Эта трагедия связана с печально известным Мараварским ущельем... Причем, неудача была настолько громкой, что отряд еще долгое время не мог отмыться от пятна, которое легло на него в самом начале боевой деятельности.

Впоследствии батальон выполнял весьма сложные задачи, которые были под силу не каждому из отрядов, за кем закрепилась слава успешно воюющих. Но, несмотря на это, отряд все равно считался слабым в боевом отношении. Одной из причин такого суждения было отсутствие трофеев — главного показателя результативности в Афганистане. Дело в том, что частенько отряд забирался в такие места, откуда трофеи вытащить было невозможно. Самим бы ноги унести. Поэтому склады подрывали, вынося только образцы вооружения. Другая причина крылась в больших потерях, которые нес отряд из-за такой своей деятельности. В этом отряде за три года погибло 104 солдата и офицера. Но все же, по большому счету, именно тень самой первой неудачи висела над отрядом, омрачая его славные дела и подвиги.

Ветеран отряда Андрей Дорогин вспоминал: «Теперь много переосмыслено, но Маравары дали начало новому батальону. Были извлечены уроки из того боя. И индивидуальная подготовка солдата, знание им задачи подразделения, боевое слаживание подразделений, работа командиров — на это все повлиял этот печальный опыт». После разбора с пристрастием, проведенного комиссией из ТуркВО и штаба 40 ОА, 16 мая, командира отряда майора В.Я. Терентьева и замполита майора В.С. Елецкого сняли с должностей и откомандировали обратно в Союз. Не было унижительнее наказания для военного человека, чем это... По сути они тоже стали жертвами того боя.

Долгих четверть века жгла боль о потерях сердце Владимира Елецкого. Только 23 октября 2009 года военный комиссар Пуховичского РВК Минской области полковник Казак А.В., реализовал ходатайство командования и ветеранов 5-й обрСпН, и вручил офицеру запаса Елецкому В.С. «Свидетельство о праве на льготы» и юбилейную медаль «20 лет вывода Советских войск из Афганистана». Судьба репрессированного комбата Терентьева В.Я. неизвестна.

На вакантную должность командира Асадабадского отряда был назначен капитан Г.В. Быков, бывший до этого начальником штаба 154-го отряда. Будучи человеком волевым и неординарным, он сумел из почти деморализованного поражением отряда сделать настоящую боевую единицу. Замполитом к нему был назначен капитан В.Д. Петрухин.

Позднее в Афганистане в частях спецназа не было более популярной личности, чем командир 334 ооСпН майор Григорий Васильевич Быков. Он навсегда врубил свое имя в историю спецназа. Под руководством капитана Г.Быкова, отряд отработал тактику штурмовых действий и внезапных налетов на укрепленные районы и отдельные их элементы. Из-за того что, избранная тактика была весьма рискованной, потери в этом отряде были наиболее высокие.

В отместку разведчикам, расположение отряда, систематически подвергалось обстрелу моджахедами как из минометов, так и эрэсами. Близость границы с Пакистаном, отсутствие возможности авиационной поддержки и применения вертолетов, разветвленная сеть хорошо оснащенных высокогорных укрепрайонов, многократное превосходство со стороны моджахедов — все это привело к

необходимости применения особой тактики действий, единственно возможной в этих сложнейших условиях.

Став хорошо подготовленной, легко управляемой боевой единицей, отряд в полном составе, с тяжелым вооружением на плечах (ПТУРы «Конкурс», минометы), ночью, под прикрытием дальнобойной артиллерии стал осуществлять дерзкие марш-броски, завершавшиеся налетами на укрепрайоны моджахедов. После короткого ночного боя захваченный укрепрайон минировался, взятое оружие и имущество уничтожалось, а батальон до восхода солнца, с пленными и особо ценными трофеями уходил в безопасную зону.

За ночь отряд мог пройти по высокогорью до двадцати километров. В случае, если в темное время не удавалось уйти в безопасное место, то тяжелое оружие, огонь артиллерии и правильно выбранное место дневки позволяли отряду выдерживать дневной бой с превосходящими силами противника. В результате активных боевых действий менее чем за год в провинции были уничтожены почти все известные разведке укрепрайоны, базы и склады моджахедов. С джелалабадским отрядом проводились совместные операции. Яркими примерами успешных боевых действий двух отрядов служат операции в Гоште, на перевале Гулпрай и в районе Джигдалай (провинция Кабул).

Несколько слов об этом.

В январе 1986 года был разгромлен базовый район «Саргандчина» в уезде Гошта провинции Нангархар (тогда было захвачено 2 ПЗРК, 2 ЗГУ, 7 ДШК, 3 миномета, 2 БО, большое количество боеприпасов и взрывчатки). органами безопасности Афганистана отряду был передан «язык» из укрепрайона Карера, который подтвердил имеющуюся информацию и дал дополнительные сведения о численности личного состава, вооружения и расположении исламского полка имени Абдул Вакиля. Командованием 334-го и 154-го отрядов специального назначения, совместно был разработан план проведения совместного налета на укрепрайон «Карера».

Задача была выполнена, но получала скандальную международную оценку, что, совершенно, не имеет отношение к разведчикам и ничуть не принижает их героизма и мужества. Они работали безупречно и среди личного состава Асадабадского отряда убитых не было. Вот как о работе 334 отряда рассказал бывший начальник разведки 154 отряда Вадим Особенко:

«На хребте, по которому шли асадабадцы, около полуночи

разгорелся бой. Из кишлака работали безоткатные орудия, ЗГУ, ДШК. Радиостанции и у нас, и у 500-го отряда для связи внутри подразделения одинаковые, Р-392, и мы прослушивали их переговоры. Если можно так сказать, асадабадцы шли красиво. В переговорах — никакой нервозности, суеты, — чисто рабочие моменты. Не знаю, кто у них шел в головном дозоре, но как сейчас помню его фразы: «Первый, я Второй. По мне работает ДШК, попробую подойти поближе...». Пауза. Потом: «Первый, я Второй, работаем гранатами...» Пауза. Опять: «Первый, я Второй, идем дальше». И вот такая работа в море огня.

По мнению офицеров разведчиков 40-й армии, 334 ооСПН был самой мобильной и боеспособной единицей на территории Афганистана, которого привлекали на все армейские операции вплоть до последних лет войны. Создать такое уникальное подразделение комбату удалось благодаря личному мужеству и высокому профессионализму всего офицерского состава. И прежде всего таких как В.И. Дмитрук, В.В. Качура, О.А. Якута, А.М. Кистень, А.Г. Чепурной, А.В. Пылявец, С.В. Макаров, А.В. Зюбин, Ю.Н. Боровской, А.И. Чайка, Н.И. Яремко, А.Г. Киртаев, И.И. Матвейчук, А.В. Мусиенко, И.В. Семенов погибшие в боях В.Рудометов, С.А. Татарчук, И.А. Тупик, В.А. Матюшин, А.А. Винник и многие другие...

Заключительным аккордом боевой деятельности Г. Быкова в Афганистане является операция, проведенная 25 — 26 мая 1987 года в районе Джигдалай.

В отличие от других выходов, проводившихся только ночью, здесь выдвижение отряда происходило днем, на виду у душманских наблюдателей. После выхода в район разведки, уже в сумерках, начался поиск, который продолжался до утра (обычно советские подразделения в ночное время операций не проводили).

В результате было обнаружено и уничтожено 11 складов с большим количеством вооружения и боеприпасов. В июне 1987 года майор Быков, по личному указанию генерала армии Варенникова, был принят на учебу в военную академию имени М.Фрунзе. Жизнь Быкова оборвалась нелепо и не на войне. 6 июля 1995 года. Вернувшись со своей второй войны на Балканах, он, потрясенный изменениями на родине, развенчанием идеалов, которым служил, а также неурядицами в личной жизни — толкнули его на самоубийство. Хоронили подполковника запаса Быкова на одном из москов-

ских кладбищ только верные его памяти разведчики — спецназовцы.

Одним из талантливых воспитанников Быкова был начальник разведки 334-го отдельного отряда спецназначения старший лейтенант Якута. Якута Олег Александрович попал в Афганистан двадцатилетним лейтенантом, сразу после окончания Московского высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета РСФСР.

За мужество и проявленный героизм офицер был представлен к пяти орденам и Званию Героя Советского Союза. Он отличился во время выполнения спецзадания в Барикоте Якута оказался в эпицентре крупной военно-политической акции, спланированной ЦРУ и спецслужбами Пакистана, совместно с лидером моджахедов Гульбеддином. Суть планируемой ими операции, под условным названием «Сердце Азии», заключалась в стремительном захвате двухтысячной группировкой Гульбеддина исторической области Нуристан с объявлением, при поддержке международного сообщества, нового государства Сердце Азии со столицей в городе Барикоте.

Наступление моджахедов началось через несколько дней после десантирования Якуты в городе. В первые же часы в ночь с 27 на 28 декабря 1986 года моджахеды уничтожили или рассеяли личный состав двух батальонов пограничного полка Афганской армии, прикрывающие город с востока и севера. Тяжелый, кровопролитный бой вел 3 батальон, наиболее морально устойчивый и преданный командир полка.

Началась паника и попытки массового дезертирства и предательства со стороны сарбозов. В этой обстановке, как явствует из доклада советников, лейтенант Якута быстро сориентировался в обстановке и находясь в рядах обороняющихся, вместе с командиром пограничного батальона увлек личным примером остатки «зеленых» на отражение атак мятежников, чем спас ситуацию в самый критический момент ее развития.

Командир афганского погранполка, четверо советских советников и часть комендантской роты полка предприняли попытку выехать из города в сторону Асадабада. Но лейтенант Якута, проанализировав ситуацию, принял решение не оставлять пункт постоянной дислокации, а организовать оборону на территории старой крепости (где дислоцировался штаб полка), с использованием всех имеющихся средств, в том числе секретных мин «Охота-2», приве-

зенных с собой для минирования караванных маршрутов моджахедов.

Ему удалось убедить в верности своего решения командный состав пограничного полка и советников, которые положились на опыт и интуицию лейтенанта спецназовца. — Это только кажется, что Асадабад совсем рядом, — убеждал их Якута, — а зимних условия высокогорья эти 60 километров покажутся в десять раз больше. А вы учитываете возможные засады на серпантине дороги?! Куда вы денетесь в случае чего? С одной стороны — обрыв и ледяной Кунар в ущелье, с другой — неприступная скала. Духи расстреляют вас как куропаток. Выход один — организовать оборону и стоять насмерть. Помогите мне, я все спланирую! — подвел итог Якута.

Советники не успевшие утвердить свое решение на эвакуацию в Асадабад у своего руководства из-за отсутствия связи задумались. А позже полностью подчинились боевому чутью разведчика.

И как они сами признались — не ошиблись. Оборона крепости, выбранная Якутой, для отражения штурма массовых сил противника, профессионально подготовленная система огня и минно-взрывных заграждений, позволила отразить атаки в дни боев превосходящих силы моджахедов. Организацию нескольких рубежей обороны населенного пункта Якута взял на себя, с помощью советников, — привлек все имеющиеся силы афганских пограничников.

При этом он спланировал прикрыть Барикот с юга первым батальоном, с запада вторым, с севера — третьим. Грамотно используя имеющиеся у разведчиков специальные инженерные средства, заминировал открытые участки местности на подходах к городу, и лично принял участие в минировании переправы через реку Кунар, по которой осуществлялась переброска основных сил моджахедов из Пакистана.

И, действительно, правильная организация обороны превратила штаб полка в настоящую крепость, имеющую стратегическое значение, поскольку являлась центром города и самым важным его объектом. Непрерывный бой продолжался трое суток. Не сумев взять крепость с первого штурма моджахеды понесли существенные потери, и отошли на ранее оставленные пограничниками позиции, начав длительную осаду обороняющихся.

Обстреливая крепостное сооружение реактивными снарядами, артиллерией и минометами, они вновь и вновь повторяли атаки, но

встреченные упорным сопротивлением обороняющихся откатывались назад. Со слов советников С.М. Бекова, А.П. Вавилова в этот период лейтенант Якута был душой обороны. Он демонстрировал спокойствие и уверенность в своих силах и в устойчивости созданной обороны. Когда опускались сумерки, лейтенант скрытно выходил из крепости и осуществлял эшелонированное минирование путей движения мятежников от переправы к городу. При этом, после подрыва моджахедов, пользуясь бесшумным оружием расстреливал оставшихся бандитов, уцелевших на подрывах и в районе переправы. Его действия были дерзкими и наносили ощутимый урон противнику. Они начали паниковать и отказываться идти на афганскую территорию.

Американские советники, получившие информацию о действующем в крепости «шурави-шайтане», устроили за «ночным охотником» настоящую контрохолоту, но удача была на стороне Якуты, который, по словам советников, стал еще более осторожен и изощрен. За неделю боев в Биркоте слухи об отважном лейтенанте дошли до Джелалабада и Кабула. Генерал армии Варенников В.И. вылетел в Джелалабад в штаб 15 оБрСпН и заслушал комбрига Старова по развитию ситуации в Барикоте. Обсуждались и неприятные моменты связанные с нежеланием афганцев воевать с душманами.

После принятия решения об эвакуации из города советников и группы разведчиков, во главе с лейтенантом Якута, Варенников вызвал на связь лейтенанта Якута, и выслушал его мнение о целесообразности дальнейших боевых действий. Лейтенант Якута проявил в этот момент высочайшее мужество и доложил, что, на его взгляд, город оставлять нельзя, а целесообразнее закрепить ситуацию в нашу пользу и удерживать город.

Генерал армии Варенников согласился с доводами лейтенанта и утвердил это решение, для поддержки защитников крепости он добился направления в Барикот элитного президентского подразделения командос, которое вскоре было десантировано на 20 вертолетах в район боевых действий. С прибытием подкрепления, кровопролитные бои в Барикоте продолжались еще трое суток, но противник повсеместно был выбит с занимаемых ими позиций и вынужден был уйти на пакистанскую территорию. Таким образом, планы Гульбединна и его советников по изменению геополитичес-

кой ситуации в Нуристане оказались сорванными благодаря мужеству и героизму советских и афганских военнослужащих.

Решающую роль в обеспечении стойкости гарнизона Биркота оказало личное влияние на окружающих, как пример стойкости и боевой активности, советского офицера — начальника разведки 334 ооСпН лейтенанта О.А. Якуты. Как позднее выяснилось из агентурных источников, подкрепленных визуальным наблюдением, моджахеды потеряли в боях под Биркотом убитыми и ранеными более 600 человек. После возвращения лейтенанта Якуты полковнику Старову было отдано распоряжение подготовить наградной материал для представления Якуты к званию Героя Советского Союза. Но Звание присвоено не было.

За два года боевой службы в Афганистане, в неполные двадцать три, он был награжден тремя орденами Красной Звезды.

После ухода легендарного Быкова-Кунарского в академию, на отряд назначили самого опытного комбата бригады, до того уже в течение года командовавшего 154-м отрядом. Им оказался хладнокровный и очень сдержанный, даже медлительный латыш Владислав Гилуч. Новый комбат был высок и статен. Глядя на него невольно вспоминалось шутивное выражение «о горячих прибалтийских парнях». Хотя при всей своей медлительности он являлся очень грамотным спецназовцем, смелым, решительным офицером и порядочным человеком. За мужество и успешное командование частью Гилуч был впоследствии награжден двумя орденами Красной Звезды.

Замполитом к новому командиру 334 ооСпН был назначен капитан Михаил Иванович Нимко, который до того служил в Брестской десантно-штурмовой бригаде. Эта кадровая замена, произведенная комбригом, влила свежую струю в моральную атмосферу отряда. Подполковник Гилуч со своими заместителями: майорами Дмитруком Владимиром Ивановичем, Качурой Вячеславом Михайловичем, Судаковым Евгением Геннадьевичем, Мамощуком Василием Дмитриевичем, капитаном Нимко Михаилом Ивановичем, каждый на своем месте, вскоре стабилизировали положение дел в отряде, и умело и грамотно организовывали и обеспечивали боевые действия в ходе ряда армейских операций и реализации разведанных. Особенно показательными в этом плане были боевые действия групп спецназа в провинции Пактия и округе Хост в ходе армейс-

кой операции «Магистраль», что проходила в ноябре 1987 — январе 1988 гг. в провинции Пактия.

В батальоне, чтобы получить награду, нужно было ее заслужить. Например, орден Красной Звезды — минимум пять боевых выходов. В батальоне, как и во всех батальонах спецназа, незаслуженных наград не было. Несмотря на свою худобу, наши парни на марше не «умирали».

«Когда я пришел в нашу первую роту, — вспоминал Александр Карлов, — меня поразила положительная атмосфера, царившая там: солдаты, сержанты, офицеры были одной большой дружной семьей, один за всех — и все за одного. Моральный дух, отношение к службе солдат и офицеров были на высочайшем уровне, так что служить было легко. Огромная заслуга в этом Игоря Семенова, за что я ему бесконечно благодарен. Это он взрастил секретаря комсомольской организации роты Женю Оленева. Такие как Женя рождаются раз в тысячу лет, он всего себя отдавал службе, делу: стенгазеты, конкурсы, художественная самодеятельность — любая инициатива шла от Жени. В роте он был непререкаемым авторитетом: «Женя сказал!». Скажешь: «Женя, надо!» — и сделано. Рота жила, работала, пела, воевала».

...Так распорядилась судьба, что тоже символично, ровно через три года после кровавого крещения в Мараварском ущелье, асадабадцы, навсегда вышли из провинции Кунар и, совершив десятичасовой марш, благополучно прибыли в провинциальный центр Джелалабад, где расположились полевым лагерем на одной из ровных горных террас за 154 отрядом, недалеко от штаба бригады, для подготовки к дальнейшему маршу на Союз. Городок же 334-го отряда спецназа, оставленный разведчиками в Асадабаде, представлял собой жалкое зрелище: он был весь перепахан снарядами и минами, щелями и укрытиями.

...Сиротливо торчали сгоревшие перекрытия строений и мазанок. Более-менее сохранившиеся здания солдатской столовой и кухни были переданы по акту афганским военным властям. В автопарке навсегда остался ржавый металлолом сгоревших автомобилей, боевых машин и БТРов, другой битой техники.

Можете себе представить, что творилось в ППД накануне выхода отряда, если только за двадцать минут одного дня (14 апреля) с 14.00 по 14.20 во время обстрела было зарегистрировано одиннадцать прямых попаданий реактивных снарядов в автопарк. В

том море огня и стали сгорели два Зил-131, а у шести бэтээров осколками искрошило все колеса. Разведчики рассказывали:

«Духи в конце совсем обнаглели, среди белого дня из-за Басмача снарядами нас закидывали... Голое место, и мы, как тараканы на дне стакана». «Басмачем», — разведчики прозвали конусообразную вершину, нависающую над рекой и местом дислокации отряда со стороны Пакистанской границы. В ходе марша на Джелалабад вскрылись многочисленные технические неполадки побитой в боях техники, и поэтому командованию рот с заместителями по технической части предстояло до 15-го мая сделать невероятное — восстановить технику к сложнейшему маршу к государственной границе СССР. А в части на ходу на тот момент осталось всего ничего 46 единиц боевой техники (БТР-80 и БМП-2) и 74 автомобиля. В строю находилось 485 человек, из них 57 офицеров, 28 прапорщиков. Восемнадцать военнослужащих к тому времени находились с ранениями и болезнями в госпиталях. Их эвакуацией занималась медслужба 40-й армии. Все рабочие и служащие СА, к тому времени уже были отправлены в Союз.

Однажды на огневой позиции батареи под огнем погибли почти все номера расчетов артиллерийских орудий. А накануне вывода отряда — в укрытие, где в очередной раз прятался от обстрела личный состав, влетел реактивный снаряд и одним взрывом изуродовал шестерых разведчиков — рядовых Коржанова И.И., Левшука В.И., Дорофеева Э.Д., Камбурова В.В., Демидова Н.Н., Абрамяна Т.И.

Под огнем противника бесстрашные вертолетчики сумели вывести всех пострадавших на Джелалабадскую площадку «Сеялка» на территории 66 омсбр. На операционном столе двое из них потеряли ноги и находились в тяжелейшем состоянии — в реанимации госпиталя 66-й бригады. Я пришел к ним в палату, после того как они очнулись после операции. Они, еще одурманенные наркотиками, не осознали полностью того, что с ними сделала война...

— Товарищ подполковник, сегодня ночью нас отправят в Союз! Какое счастье, что этот кошмар для нас кончился! — сказал мне один из раненых. — Товарищ подполковник, я во время обстрела потерял письмо от девушки, которое только получил, но не успел прочитать. Позвоните, пожалуйста, нашим, пусть найдут его и перешлют мне. Оно для меня дорого, — трогательно вежливо попросил потерявший зрение солдат. — Хорошо! — пообещал я. —

Бедные парни, как сложится у вас жизнь? — думал я, глядя на их изможденные лица, горящие глаза и кровоточащие бинты на обрубках конечностей. Разведчикам 334-го ооСпН есть чем гордиться. За годы войны в Афганистане 334 отрядом было уничтожено и захвачено: 2917 душманов, 15 минометов, 10 ЗГУ, 4491 реактивный снаряд (РС), 9 автомобилей, 4 каравана, 185 вьючных животных с грузом, 29 ПТУРС, 420 единиц стрелкового оружия, 750 мин и др.

Более тысячи солдат и офицеров этого отряда были награждены боевыми орденами и медалями.

Отряд же, выполнив свой воинский долг, согласно приказу благополучно вышел в Союз 18 мая 1988 года. В Термезе загрузился на эшелон и через двое суток гордо прошел походной колонной по улицам Чирчика, осыпаясь цветами ликующего местного населения. А после частичного сокращения и расформирования отдельных подразделений отряда, он был передан в состав 5 обрспн КБВО. 6 июня 1988 года эшелон 334 ооСпН вернулся в Марьину Горку. Отряд торжественно встречали на привокзальной площади командование и личный состав 5 обрСпН, местное население. Исполняющий обязанности командира отряда майор Дмитрук В.И. доложил командиру 5-й бригады, ветерану 15-й обрСпН, полковнику Герасимову Д.М. о прибытии отряда.

Так завершился славный боевой путь 334 ооСпн. Его служба в составе 5 обрСпН продолжается в Вооруженных Силах независимой Республики Белоруссии и поныне. На территории военного городка, где дислоцируется отряд, установлен мемориал, на котором увековечены фамилии 105 разведчиков, погибших в Афганистане. А имя Героя Советского Союза лейтенанта Н.А.Кузнецова занесено навечно в списки первой роты спецназ.

ОПЕРАЦИЯ «МАГИСТРАЛЬ»

...И вот наступил тот час. Десятки Ан-12 по три в кильватерном строю высypали в голубое небо сотни парашютистов. Подхваченные небольшим ветерком, они плавно спускались на белоснежные горные вершины перевала Сатыкандав. Но неожиданно вся гармония этой красоты была нарушена грохотом сотен пушек и пулеметов, обрушивших на беззащитные фигурки сосредоточенный

губительный огонь. И на эти сплошные огненные потоки опускался парашот почти каждого десантника. Они были обречены. Спасения в этом аду десанту просто быть не могло...

Через годы моджахед Али Ахмат Джалали в своей книге «По другую сторону горы» Тактика моджахедов в Советско-Афганской войне «The Other Side of the Mountain: Mujahideen Tactics in the Soviet-Afghan War» изданной в США (Quantico, Virginia), на стр.165 — 175 признавал: «Советские войска начали операцию по захвату перевала Сатыкандав мощными ударами авиации и огнем артиллерии. Затем, остановив наступление, они начали выброску парашютистов на перевал и проход. Мы встретили парашютистов мощным огнем нашей ПВО и всем стрелковым оружием. Когда парашютисты спустились ниже, мы поняли, что нас обманули. «Парашютисты» оказались куклами, а самолет разведки, летающий выше, фиксировал огонь наших огневых точек, точно определяя координаты. После этого нам пришлось тяжело от ударов тяжелой артиллерии. На другой день, 1 декабря 1987 г., они возобновили огонь. Всепобеждающая сила их артиллерии и воздушных сил забрали у нас инициативу...».

Действительно, успех операции «Магистраль» начинался именно тогда. Вся заранее подготовленная и надежно замаскированная оборона духов была за один ход полностью раскрыта. Артиллерия и штурмовая авиация массированным налетом накрыла огневые точки, и освободила дорогу для наших солдат. А изрешеченный пулями и снарядами парашютный полк «ватных десантников» открыл путь группировке советских войск на Хост.

Нашу бригаду эта операция не обошла стороной. Как ее участник, я в свое время пытался сохранить для потомков детали боевых действий спецназа в декабре 1987 — январе 1988 гг. Эти записи были включены в исторический формуляр бригады, но они оказались еще менее долговечными, чем человеческая память. После передачи части в состав ВС Узбекистана в 1994 г. штаб бригады сгорел при таинственных обстоятельствах, при этом все штабные документы погибли. В огне превратился в пепел бесценный материал. Пожалуй, это печальное обстоятельство и подтолкнуло меня попытаться реставрировать хотя бы часть тех пережитых событий. И пусть простит меня читатель за несколько общих обзор обстановки, за эти мои, может быть, порой пространные воспоминания.

...Почти каждому гражданину нашей страны довелось в со-

ветское время хотя бы однажды отдохнуть на Черноморском побережье Кавказа, где есть населенный пункт со звучным названием — Хоста...

Вот и в Афганистане мы услышали созвучное название — Хост. Административный округ Хост — один из городов провинции Пактия, всегда занимал важное оперативное, а по афганским меркам просто стратегическое положение, ибо расположен на важнейших путях, ведущих вглубь страны, и непосредственно граничит с Пакистаном.

Последнее обстоятельство позволяло мятежникам беспрепятственно организовывать снабжение своих формирований с баз, расположенных в Пакистане. Вместе с тем правительственные войска в этом районе были уязвимыми, так как действовали в изоляции. Овладение этим городом открывало моджахедам путь для беспрепятственного наступления на Гардез и Газни, и выхода к Кабулу.

События того времени разворачивались для нас так. В один из вечеров командир 15-й бригады получил приказ командующего армией о немедленной переброске соединения в район боевых действий — в провинцию Пактия. В кабинете командира работал кондиционер и нес освежающую прохладу собравшимся заместителям командира и начальникам служб. Все молчали. Говорил только Старов. Он отметил:

— Обстановка в районе Хоста остается сложной и напряженной. Мятежники не оставляют попыток взять под свой контроль всю территорию округа. Основные усилия мятежников направлены на продолжение экономической блокады путем срыва торговли с Пакистаном; обстрел г. Хост; уничтожение сторожевого поста на 36-м караванном маршруте и возобновление поставок оружия во внутренние провинции Афганистана.

В соответствии с приказом командующего армией № 042 от 10 ноября с 17 ноября началась операция 40-й армии с целью прорыва блокады округа Хост и срыва планов контрреволюции по отторжению его территории от Афганистана. Согласно приказу наша бригада в составе оперативной группы, подразделений штаба бригады и двух отдельных отрядов привлекается для ведения разведывательно-боевых действий в районе Гардеза. Я назначен руководителем боевых действий.

Замолчав на секунды и пошелестев бланком шифротелеграммы, он отдал боевой приказ:

— Командному пункту бригады, 334-му и 668-му отрядам спецназ 16.12.87 совершить марш в район боевых действий и к исходу 17.12 сосредоточиться в районе Гардез. Мы с Кривопаловым, начальником разведки и начальником особого отдела вылетаем сегодня ночью в район боевых действий. Начальнику штаба майору Исакову обеспечить убывающую оперативную группу бригады средствами связи, для чего подготовить «Чайку» и станцию тропосферной связи, а также соответствующую охрану в составе взвода коммандантской роты. В состав ЦБУ (центр боевого управления) включить майора Куфтина, лейтенанта Шакурина и переводчиков Золкина и Казанбаева. Заместителю по вооружению подполковнику Васильеву передать бронетехнику и личный состав управления бригады в колонну пятого батальона при его подходе к Джелалабаду. Место встречи определить дополнительно. Начальнику связи подполковнику Муратову отобрать для работы в районе операции самых опытных радистов из отряда спецрадиосвязи. Вылетать, Ахмед, будете со мной и начальником политотдела. Начальнику тыла подполковнику Серзину лично связаться со штабом тыла армии и подготовить колонну для получения со складов и доставке в район операции всего необходимого для боевых действий в горных условиях. Первый заместитель командира бригады подполковник Безручко остается в Джелалабаде за меня и осуществляет общее руководство боевой деятельностью в районах боевой ответственности бригады. О принимаемых решениях докладывать мне немедленно.

Комбриг снял телефонную трубку и приказал дежурному по ЦБУ:

— Вызвать на связь со мной командиров четвертого и пятого батальонов!

Через несколько минут комбаты ответили.

— Здравствуйте, Анатолий Васильевич и Владимир Иванович, слушайте боевой приказ...

С той минуты все завертелось в нервном круговороте. Забежали солдаты и офицеры: из секретки понесли рулоны топографических карт на марш и район боевых действий, начали укладывать в ящики документацию, рюкзаки. Загрело и забряцало, вытаскиваемое из ружкомнат и сейфов, оружие и амуниция. Перекрывая звуки из автопарка могуче ревели прогреваемые двигатели. Но во всей этой на первый взгляд общей неразберихе у каждого был свой маневр. Быстро собравшись — надев лифчики боевой разгрузки,

прицепив кобуры с пистолетами и закинув на плечо автоматы, подхватив парашютные сумки с необходимыми вещами, — мы запрыгнули в «уазик» и выехали на аэродром Джелалабада. В 23 часа самолет оторвался от взлетно-посадочной полосы.

В то время, пока мы летели в Кабул, из Асадабада и Бараков быстрым порядком двинулись окутанные соляным маревом боевые колонны наших отрядов. Особенно тяжело дался внезапный ночной марш для побитой техники пятого батальона, который ежедневно подвергался обстрелам с пакистанской территории. Впоследствии вызванные этим многочисленные поломки бронетранспортеров и автомобилей на марше стали поводом для злорадства у некоторой части штабной братии 40-й армии, которые не особенно жаловали спецназовцев.

Для нас же одним мгновением пролетела бессонная ночь. В столичном аэропорту, прямо по полосе мы прошли на вертолетную площадку, где уже ожидал Ми-8, выделенный нам под оперативную группу бригады. Она была невелика: мы с комбригом, начальник разведки бригады с начальником связи, а также начальник особого отдела КГБ бригады. Поначалу мы спокойно расселись в выделенный нам вертолет и без всяких сомнений ожидали взлета. Действительно, вскоре винты вертолета дрогнули и начали с легким и нарастающим шумом набирать обороты.

Рев двигателя дошел до максимального, под ногами мелко задрожал пол. Но вдруг обороты начали спадать, и двигатель заглох. Из кабины летчиков вышел командир и равнодушно сказал:

— Товарищ полковник, пока отбой. Ждем приказа.

— Какого еще приказа? — с раздражением переспросил Юрий Тимофеевич.

— Диспетчеры разрешение на вылет не получили. Подождите немного. — Ответил летчик.

Мы просидели пять, потом десять, двадцать минут... Терпение командира лопнуло. Он поднялся:

— Всем оставаться на местах, а я схожу на КДП, уточню причину задержки, — сказал комбриг и растворился в темноте аэродрома.

Мы просидели еще около часа. Командира не было. Все испытывали нервное напряжение и от этого немного мерзли. Для того чтобы согреться и размяться, вышли из салона вертушки на полосу. Погода стояла хмурая — по ночному небу низко плыли тучи, и мы,

уже теряя надежду, начали обсуждать, где остановимся на ночлег в случае отмены вылета. Я не выдержал и пошел в сторону КДП искать Юрия Тимофеевича. Метров через триста столкнулся с ним в темноте. Вместе пошли обратно. Он был невероятно раздражен и немногословен.

— В чем задержка, Юрий Тимофеевич? — спросил я.

— А ну их, и говорить не хочу! — ответил комбриг, — пошли к вертолету. Пришлось выходить сначала на дежурного по перелетам, потом на оперативного дежурного по КП ВВС. Все полусонные. У них, видишь ли, приказ, а мы по собственной инициативе дурака валяем. Пока их матом не покрыл, — сославшись на Громова, — не зашевелились. В общем все нормально. Сейчас полетим.

— Все по местам! — сказал он.

Действительно, на этот раз, рассказываясь по бортам вертолета, мы уже чувствовали иную реакцию — в эфире у летчиков журчал интенсивный радиообмен, вспыхнули прожектора, и забегала обслуга на вертолетной площадке. Лопасты нашего вертолета дрогнули и пошли по кругу. Через несколько минут двигатель набрал обороты, и вертушка пошла на взлет... С рассветом мы уже находились на продуваемом всеми ветрами аэродроме Гардеза. Впереди над вершинами уже засветлела полоска слюдяного цвета. Быстро набухая, она плыла навстречу, смывая звезды. И, словно раздуваемые кем-то ростки пламени в костерке, над горной грядой затеплились первые краски зари.

Сойдя по трапу на металлические плиты взлетной полосы, мы, не сговариваясь, одновременно начали сладко и сонно потягиваться, сбрасывая путы бессонной ночи. Как мальчишки, со смехом приседать и махать руками, хлопать по плечам, поправлять друг на друге боевое снаряжение.

— Ну что, оклемались, орелики? — шутливо спросил Старов, — тогда вперед на минные поля!

Подхватив свои пожитки, мы энергично направились в расположение братьев-десантников. Начиналась историческая среда 16 декабря 1987 года. В этот день советские и республиканские войска продолжили боевые действия за перевалом Сатыкандав в провинции Пактия. Прибыв в штаб 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады, мы с сожалением услышали от дежурного о том, что, оказывается, комбриг полковник Раевский по замене убыл в Союз.

Считалось большим счастьем для каждого из нас дожидаться замены, но в среде остающихся о приличных людях скучали, и не раз вспоминали добрым словом. Нишу, которую они занимали в наших душах, новичку удавалось захватить не скоро и не каждому.

Виталий Анатольевич Раевский был как раз из тех, кого вспоминали добром. Мое первое знакомство с Раевским произошло еще в период лейтенантской службы в Туркестане, где он, мой ровесник, командовал взводом в парашютно-десантном полку. Мы встречались на совместных прыжках и учениях 105-й дивизии, на которой наш батальон спецназа действовал за условного противника. В одно время довелось учиться и в Москве в академиях. В 1985 году начинается афганская служба Раевского. С должности командира полка он попадает в Гардез, где проявляет лучшие командирские и человеческие качества. Под непосредственным командованием полковника Раевского впервые за годы афганской войны была разработана и проведена успешная ночная высадка десанта с захватом базы моджахедов. Он всегда был надежным товарищем и в совместных операциях со спецназом.

— Жаль, не повидались с Виталиком, — сказал Юрий Тимофеевич. — Ну, дай бог ему удачи!

Забегая вперед, скажу, что это чистосердечное пожелание сбылось. Удача сопровождала его. Впоследствии Раевский окончил академию Генштаба, с 1991 года командовал дивизией в Прибалтике, а после распада СССР, в 1992 году, создавал аэромобильные войска Украины. Однако долгой службы не получилось, через шесть лет в возрасте 49 лет и в звании генерал-майора был уволен из рядов вооруженных сил в запас. Через десять лет после тех событий на мой вопрос, почему не пошла служба, генерал Раевский ответил:

— Всему виной бестолковое постперестроечное время, когда особенно процветало равнодушное отношение к кадрам.

В комнате дежурного по бригаде Старов связался по телефону с командармом и зычным командирским голосом доложил о прилете и готовности к выполнению поставленных задач. Задача была поставлена немедленно. Ее Старов записал в блокнот как первое боевое распоряжение. Суть его сводилась к тому, чтобы встретить подразделения 4-го батальона и его силами разгрузить прибывающую из Союза автоколонну с боеприпасами.

— А кто сейчас у вас комбриг? — спросил Старов у дежурного.

— Подполковник Евневич, — ответил тот.

— Звони ему!

Новый комбриг 56-й, выдвинувшийся из заместителей Раевского, отсутствовал. Но наш ранний прилет не остался незамеченным. Вскоре к нам бодро подошел и поздоровался начальник политотдела бригады подполковник Александр Тулин. Среднего роста, крепкий и симпатичный мужчина. Тут же на ходу отдал распоряжения дежурным:

— Выделить технику — для переезда к месту встречи колонны, обеспечить боевое охранение из комендантской роты, немедленно накрыть завтрак для гостей в комнате для приема пищи.

— Распоряжения мудрое, спасибо, комиссар! — добродушно улыбаясь, похвалил Старов. — Чувствуется настоящая школа! Молодец.

После доброго завтрака, состоявшего из гречневой каши с тушенкой и крепкого индийского чая, позволившего окончательно сбросить с себя состояние усталости, мы на двух БМД выехали на склад боеприпасов, что располагался на окраине города. Склад представлял из себя ровную площадку в несколько гектаров пустынной территории, обнесенной забором из колючей проволоки с примитивной будкой КПП у ворот. Навстречу нам вышел малорослый, полноватый для своего возраста майор — начальник склада, судя по всему уже оповещенный о том, кто к нему придет, и будет помогать с разгрузкой. Надо отдать должное, он, как положено военному человеку, подошел к полковнику Старову почти строевым шагом и представился.

— Здравствуйте, я полковник Старов — командир бригады! — ответил ему на приветствие Юрий Тимофеевич.

— Я знаю, кто вы! — с нескрываемым уважением и обожанием в голосе ответил начальник склада, — извините за назойливость, но позвольте обратить ваше внимание на меры безопасности, которые необходимо строго выполнять личному составу бригады на нашем складе.

— Товарищ майор, — оборвал его комбриг, — я с малолетства военный человек. Инструктаж личного состава пребывающей части проведем с вами вместе.

— В ваше распоряжение поступает один из моих лучших

батальонов. Заранее продумайте вопросы обеспечения прибывающего личного состава пищей и водой.

— Обязательно, товарищ полковник! — бодро заверил начальник склада. В этот момент к нам подъехал на бэтээре замкомандующего по тылу полковник Васенин. Ловко спрыгнул с брони. Дружески пожал нам руки и сказал:

— В Кабуле, на Теплом стане мы сосредоточили все запасы материальных средств. Переброска многих тысяч тонн на 130 километров из Кабула до Гардеза требует времени. На трассе за переброску отвечает генерал Кондратьев, но Громов недоволен сроками доставки. Приказал обеспечить фронт погрузки и разгрузки. Отправляем колоннами по пятьдесят машин. А таких колонн двадцать. Этот склад Старов — на вас! Твоих шесть колонн. На разгрузку машины даю не более двадцати минут. Задача боевая, время пошло! О выполнении доложить командующему.

Наших ждать пришлось недолго. Вскоре на БМП приехал авангард колонны баракинского батальона. Все разведчики — в плотных зеленых штормовках, в горных коричневых свитерах, сдвинутых на затылки вязаных шапках-масках. Комбат Анатолий Корчагин, узнав задачу, не смог скрыть своего разочарования оттого, что его отборному воинству доверили работать грузчиками.

Мы разделяли его чувства. Нам самим уже не раз приходилось удивляться порой нелепым задачам: охране штабов руководства, сопровождению колонн других частей, штурме укрепрайонов в пехотной цепи. Однако приказ есть приказ. Через короткое время к складу начали подтягиваться головные машины ожидаемых армейских колонн.

Вскоре три сотни «Уралов» и «КАМазов» заполнили своей массой все окрестности. Они доставили боеприпасы всех калибров. И закипела тяжелая физическая работа, которая была не в тягость нашим физически крепким разведчикам. Они играючи ворочали стокилограммовыми ящиками со 152-мм и 122-мм снарядами. Но сотни машин одновременно под разгрузкой изматывали бойцов, которые вскоре уже работали по пояс обнаженными.

Командиры и политработники подразделений, показывая пример, работали наравне со своими подчиненными. Поработал вместе со всеми и я. Снимая ящики, вспомнил далекий 1969 год, когда мне с моими сокурсниками по СВВПТАУ впервые пришлось занимать-

ся разгрузкой боеприпасов на полигоне Камышлова, накануне боевых стрельб из противотанковых пушек Т-12.

Именно в тот морозный уральский день я оценил и полюбил на всю жизнь вкус соленого сала и замороженного черного хлеба, которым кормили нас тогда заботливые службы тыла училища. Уместное воспоминание. Надо проверить подготовку к обеду, — подумал я, и пошел искать начальника склада, обещавшего продумать этот вопрос совместно с замполтулу баракинского батальона.

Работа по разгрузке была длительная, поэтому определился стандартный режим деятельности: 45 минут разгрузка, пятнадцать минут отдых. Разгружали прямо на грунт в штабеля на территории полевого склада. Для обеспечения безопасности на его территорию въезжало только необходимое количество автомашин. В десять минут на разгрузку машины мы укладывались. К очередному перерыву, в местах отдыха подразделений, прямо на голой земле расстелили плащ-палатки. На них выложили нехитрый рацион из общевойсковой сухая №1 (каши, тушенку) и поставили зеленые термосы с горячим чаем. После непродолжительного обеда настроение у личного состава заметно поднялось, и уверенно к вечеру разгрузка была завершена.

Вся территория склада была буквально забита ящиками с реактивными, гаубичными и пушечными снарядами. А в этот промежуток времени командир бригады, командир 4-го батальона и офицеры штаба вникали в военно-политическую обстановку и замысел предстоящих боевых действий, которые доводил недавно назначенный на должность начальника разведки полковник Сивачев, приехавший к нам с КП армии. Народная молва уже оповестила, что Николай Зиновьевич — не новичок в Афганистане и быстро адаптировался в новой обстановке.

Рассказал о нем майор Сокурченко:

— Полковник Сивачев первый раз служил в Афгане в должности начальника разведки 108-й мотострелковой дивизии... Среди его лучших воспитанников бывший командир разведроты 285-го танкового полка капитан Валерий Гринчак. Один из первых Героев Советского Союза! Опытный по афганским меркам полковник мог бы сейчас отсиживаться в штабе, но его чаще видели на передовой, чем в тылу. Это был среднего роста плотный офицер, не похожий на штабных «работяг». Правда, если быть объективным, то он более тяготел к родной и понятной ему войсковой разведке, а к

спецназу относился, как бы мягче сказать, — настороженно. Слушать начальника разведки было приятно. Он говорил четкими и грамотными фразами бывшего слушателя военной академии.

...Летом и осенью 1987 года особую озабоченность у афганского руководства и советского военного командования вызывала обстановка в провинции Пактия, а именно в округе Хост. Вооруженные отряды оппозиции практически завершили блокирование города. Как следствие, сложилась критическая ситуация с продовольствием, и население города голодало.

Минимально продукты доставлялись в город преимущественно самолетами, а с осени 1987 г. и по воздуху перебрасывать их стало очень опасно. Летали по ночам. После выхода советского гарнизона из города сложилась реальная угроза гибели и самого населенного пункта и всего округа. Положение осложнялось тем, что округ находился в двойной изоляции. Первое кольцо состояло из бандформирований контрреволюции, а второе проходило по горной гряде перевала Сатыкандав, высота которого достигала 3-х тысяч метров.

Воспользовавшись отсутствием советских войск в том районе, душманы восстановили одну из крупных своих перевалочных баз «Джавара», что в переводе означает «Волчья яма», которую наши войска вроде бы окончательно разгромили еще весной 1986 года. После многократных и настойчивых просьб афганского руководства, командованием Ограниченного контингента было принято решение спланировать и провести крупную совместную войсковую операцию советских и афганских войск, основной задачей которой был прорыв блокады с целью обеспечения населения заблокированного Хоста продовольствием, горючим, медикаментами и т.д.

— Замыслом операции, — говорил начразведки, — предусмотрено встречными ударами главных сил армии из Гардеза и частью сил 108-й дивизии из Хоста после массированных ударов авиации и артиллерии прорвать блокаду и нанести поражение главной группировке противника. Силами 108-й дивизии и 191-го полка захватить предперевальный участок, а силами 103-й дивизии — перевал Сатыкандав. Затем, наращивая усилия вводом в сражение 56-й дшбр, 345-го опп и соединений правительственных войск, занять господствующие высоты вдоль главной коммуникации, блокировать маршрут на всем его протяжении, уничтожить основные группировки противника в районе Хоста, расширить безопасную зону и

тем самым обеспечить проводку колонн с материальными средствами. Размах операции составляет 15 км, средний темп наступления — 5 — 6 км/сутки. Всего в операции принимают участие 51 батальон, из них два ваших, спецназовских.

Сивачев на минуту замолчал, а потом продолжил:

— Группировка оппозиции в этом районе состоит в основном из военизированной части племени джадран. Это гордый народ, который не подчинялся вообще никакому правительству и действовал так, как считал нужным. Общее руководство формированиями моджахедов осуществляет пуштун Джелалуддин. Племя джадран, населяющее юго-западные районы провинции Пактия и округа Хост, одно из многочисленных (140 тысяч человек, из которых 15 тысяч способны носить оружие) Их усиливают воинственные пуштунские племена, имеющих влияние во всем Афганистане.

В настоящий момент войска, захватив перевал, ушли вперед, а в тылу наших частей беспрепятственно хозяйничают вооруженные формирования. Они настолько активны, что даже несколько раз подвергли обстрелу командный пункт армии. Есть потери. Исходя из обстановки, командующий армии приказал: силами бригады спецназа обезопасить северное и северо-восточное направления. Захватить господствующие высоты, вести наблюдение и огнем артиллерии уничтожать душманов при подходе. Провинция Пактия должна быть очищена от боевиков. Вопросы есть?

Посыпались уточняющие вопросы, на которые отвечал не только Сивачев, но и его разведчики. Послушали. Осмотрелись.

Город Гардез являлся обычным провинциальным центром. В провинции, расположенной на высоте 2,5 тысячи метров над уровнем моря, проживает полмиллиона человек. Горные ледники и ветры определяют климат и условия жизни аборигенов. Здесь свежо и даже холодно.

Мы были готовы к этому.

Перед выходом командование частей обратило серьезное внимание на экипировку личного состава. Все военнослужащие были одеты в зимнее обмундирование (шапки ушанки, теплое белье и ватные куртки).

Проезжая через город, отмечали, что городская архитектура не отличается особым изыском. Обычной восточной застройки и со средневековым уровнем развития инфраструктуры. Грязные улицы,

глинобитные дувалы, ишаки и верблюды — основная тяговая сила. Заметно было, что народ здесь жил беднее, чем в Джелалабаде.

На улицах немногочисленно, совсем не видно женщин. Группами и поодиночке попадаются мужчины и мальчишки, которые, не обращая внимания на низкую температуру, бегают в резиновых галошах или тапочках на босую ногу.

В центре города, на европейский манер на перекрестке нескольких дорог, стоял высокий гранитный столб, от которого на юго-восток уходила прямая магистраль в административный округ Хост.

— Дорога в ад, — мрачно пошутил контрразведчик подполковник Виктор Семенович Варивода.

— А нам именно туда и лежит путь, — ответил Старов. — Кстати, знаете ли вы, что в приграничном округе Хост проживает почти половина населения провинции Пактия, и, что характерно, преимущественно все пуштуны.

Выехав за город, мы поразились совершенству древнейших инженерных ирригационных сооружений, которые, казалось бы, вопреки законам физики обеспечивали водой террасы полей, находящиеся даже высоко в предгорье. В этот час еще не зимы, но глубокой осени на всем лежала печать запустения. Но порядок, заведенный тысячи лет назад, поражал воображение своей масштабностью и кропотливостью исполнения. Местные племена жили по суровым законам раннего средневековья. Вся власть в кишлаках и городах находилась в руках старейшин, без согласия которых не делалось ничего.

— Интересный народ, — включился в разговор старший офицер разведотдела армии, бывший командир Баракинского батальона подполковник Модест Рыжик:

— За тысячи лет в нем сложилось особое почтительное отношение к земельным ресурсам. Под страхом смерти категорически запрещалось покидать свои земли. Уход с земельных наделов своих предков считался нарушением племенной чести и наказывался безжалостно. Помимо скотоводства и земледелия, коммерцию в провинции определяет торговля деревом (при этом топливо стоит очень дорого, так, к примеру, 0,1 куб. м дерева обходился в 1000 афгани). Бешеные деньги.

По территории провинции проходят караванные маршруты №№ 36,37, по которым осуществляется переброска караванов с

оружием и боеприпасами для бандформирований в провинции Вардак, Кабул, Газни, Парван, Каписа. Что интересно, — отметил Модест Иванович, — для переброски в округе Хост создаются духами специальные отряды и группы, обеспечивающие охрану и сопровождение грузов. Они имеют хорошее вооружение, современные средства ПВО и связи. Нашей разведкой выявлено 76 отрядов и групп. Наибольшую активность проявляют мятежники из северной части уезда Джадран (11 отрядов), и из базового района Срана, где находится отряд оппозиции численностью около 220 боевиков.

Тем временем колонна вышла на окраины. Кишлаки закончились, дорога побежала среди холмов и столообразных гор. Местность оказалась сильно пересеченной, с преобладанием вершин в 2000 и более метров. Земля под колесами и гусеницами нашей колонны, выглядевшая, как сахарная пудра, со специфическим коричневым оттенком, медленно, тяжело поднималась в воздух, зависала и так же медленно опускалась обратно.

Несколько выше трассы Гардез — Хост горы были покрыты растительностью, состоящей из реликтовых хвойных пород — тибетской ели и сосны. Полуразрушенные серпантинные горные дороги и многочисленные горные речки и арьки серьезно затрудняли продвижение нашей боевой колонны... Мы часто останавливались, поджидая отставших. Нам навстречу попадали бронетранспортеры и бэмпэ, поднимающие невероятную пыль.

Мы обгоняли неповоротливые тяжелые колонны инженерных машин разграждения и танков, транспортно-заряжающих машин реактивной артиллерии. Слева и справа от дороги в лощинах и площадках размещались дивизионы гаубиц, пушек и «катюш». Такое количество боевой техники в одном месте встретить было сложно, и мы с интересом крутили головами. Картина впечатляла, так как вся эта боевая техника жила. То и дело с направляющих реактивных установок с воем срывались и устремлялись в голубое небо ракеты, сопровождаемые снопами огня.

Над нашими головами на небольшой высоте прошла четверка вертолетов. Вертушки, казалось, не снижались — падали в ущелье. Вся эта картина напоминала фильмы о войне. Было интересно наблюдать за этим. Но наше движение вперед вдруг остановили регулировщики комендантской службы. Под очередную какофонию рева и взрывов командиру показали направление движения, и мы, прыгнув

с брони, полезли по узкой тропинке круто вверх по склону.

Поднявшись на высоту 3026, увидели окопы полного профиля, и командный пункт армии генерала Громова, в который он переместился после очистки горной гряды и перевала. КП представлял собой вместительный блиндаж длиной метров тридцать и шириной семь метров, он был обращен амбразурами на восток, в сторону Хоста. Сверху он был искусно прикрыт маскировочными сетями.

От увиденной панорамы перехватывало дух. Думаю, немногим приходилось видеть красоты горной местности с высоты 3 тыс. метров над уровнем моря. Вокруг — только горы и дальше — тоже горы: снежный хребет упирается в небо. Те, кому доводилось бывать в горах или видеть произведения Рериха, могут понять, какие чувства испытали мы в этот момент, когда перед нами открылась неземная, сказочная красота тех мест. Но любоваться горными пейзажами нам пришлось только несколько минут.

В момент нашего прибытия для доклада командарму, по громкоговорящей связи линии ВВС неожиданно прозвучала информация о поражении на высоте 4000 метров нашего вертолета МИ-8МТЯ, предназначенного для ведения радио и радиотехнической разведки. Вертолет находился над кишлаком Ханкала. Это название повторно я услышал через десяток лет со сводок боев на Северном Кавказе. Удивительное совпадение. Там тоже был сбит вертолет федеральных сил. Прервав доклад, командующий и все его заместители, а также многочисленные начальники служб и присутствующие, как по команде, бросились из блиндажа в траншею. Когда следом за командующим и мы выскочили наружу, то увидели северо-западнее — в воздухе — последние мгновения падения сбитого летательного аппарата и два купола парашютов, опускавшихся к земле по вертикальному дымному следу, оставленному ранее упавшей машиной. В несколько секунд с вертолетом все было кончено.

— Сколько человек было на борту? — нервно крикнул командующий. Ему никто вразумительно ответить не мог.

Эта трагедия, произошедшая у нас на глазах, стала толчком для второй боевой задачи, поставленной командующим армией перед подразделениями нашей бригады. Он, не меньше, чем остальные, был потрясен увиденным, отдал приказ:

— Товарищ полковник, — с окаменевшим и враз побледневшим лицом; голосом, отдававшим металлом, не сказал, а выдавил из себя Громов, обращаясь к Старову, — немедленно вывести брига-

ду в район гибели вертолета МИ-8. Блокировать его. Прочесать местность в квадрате 1634 и двух прилегающих кишлаках Утманай и Сипахихель. Предпринять все меры для спасения экипажа. Смотри карту: вот эти кишлаки. По вертолету стреляли из них. В твоё распоряжение, Юрий Тимофеевич, поступает батарея самоходок из 191-го полка. Задача ясна?

— Так точно, товарищ командующий!

— Мои радиочастоты и позывные... Жду доклада. Вперед!
— он резко повернулся и вбежал в блиндаж.

Мы тоже побежали вниз по отвесным ступеням тропинки на дорогу Гардез — Надиршахкот — Хост, где стояли наши бэтээры штаба бригады и колонна 4-го батальона. Мгновения, мы запрыгнули на броню. Взревели моторы, и мы двинулись. По основной магистрали вернулись назад километра на три в сторону Гардеза, а у кишлака Ханкала свернули направо на север с целью скорейшего выхода в район блокирования. Шли на большой скорости одной колонной. Из-за густого пыльного облака опустившегося на дорогу видимость была нулевая. В районе высоты 2481 машина комбрига встала. Подтянулась и встала вся остальная техника.

— Подполковника Корчагина к командиру, — прокатилась команда от одной машины к другой.

Подбежал комбат. Козырнул.

— Анатолий Васильевич, спешить первую, вторую и третью роты! Развернуть цепью. Прочесать местность по направлению — окраина кишлака Сипахихель: левый фланг — высота 2633, правый — исключительно кишлак Ханкала. Прочесывание начинать после завершения артобстрела кишлаков Утманай и Сипахихель. В кишлаки входить по моей команде.

Подкатили самоходки мотострелков и лихо развернулись, обдав нас тучей пыли и солярного смрада. Выскочили расчеты, каждый артиллерист сноровисто делал свою работу: одни отбросили броневые щитки с тыльной стороны башен, а артиллерийский комбат в танковом шлеме склонился над развернутым планшетом.

— Основное направление стрельбы ..., прицел, уровень, стрелять осколочно-фугасным... — долетали до нас резкие команды офицера.

«Скоро начнется, — подумал я, поправив лифчик боевой разгрузки и побежал на левый фланг, в первую роту. Впереди развернутой цепи стоял коренастый ротный командир капитан Шуба, ин-

структурирующий своих взводных офицеров — лейтенантов Корытина, Бугу, Слипченко и Похвощева.

— Сдуру никуда не лезть, беречь людей! — донеслись до меня последние слова ротного. В это время ударили гаубицы, и земля заходила под нашими ногами. Выстрел. Над кишлаком Утманай поднялся черный гриб взрыва. Второй выстрел — удар. Затем третий и четвертый. Все заволочло дымом и пылью. Последующие разрывы уже не были видно, и считать их можно было только на слух. Мы нервно шли вперед к лежащему перед нами неведомому населенному пункту, который на наших глазах менял свои очертания. До ближайших дувалов осталось всего метров триста, уже прозвучала продублированная командирами групп команда:

— Приготовиться к атаке!

И вдруг над изрытым снарядами кишлаком наступила сжимающая сердце холодом тишина. Наша батарея прекратила стрельбу. Начинало смеркаться. Со стороны расстрелянного кишлака время от времени раздавались гулкие взрывы, и в небо взметались облака огня, освещаая тревожным светом окрестности...

— Наверное, склады с боеприпасами взрываются, — сказал Игорь Буга. — Бандитское гнездо...

Когда после прочесывания я вернулся на командный пункт бригады, уже совсем стемнело. Старов разговаривал по телефону с офицерами разведотдела армии. До меня долетали отдельные фразы.

— Здравствуйте, Юрий Тимофеевич, майор Сокуренко. Какие результаты поиска?

— Да, привет, Петр Григорьевич! Коркишко вышел на обломки вертолета. Позже нашли всех. Очень долго пришлось искать третьего летчика. Всего их было трое.

— Только трое?

— Да, только трое.

— Разведчики лейтенанта Игоря Дубровы отогнали «духов», пытавшихся захватить летчиков в плен. От летчиков и узнали, что пока еще не найден третий член экипажа, прапорщик, техник вертолета.

— До сих пор не найден?

— Нет, сейчас уже найден.

— Где-то через полчаса после обнаружения первых летчиков

лейтенант Гопиенко со своей группой нашел и третьего члена экипажа.

— Живого?

— К сожалению, мертвого.

Уже смеркалось, когда наткнулись на останки погибшего. Рядом лежал полураскрытый купол парашюта, но он ему все равно бы не помог. Осмотр тела показал: парню не повезло — в момент выпрыгивания из падающей машины его настигла лопасть винта и разрубила в районе таза. Вот так. На войне, как и в жизни, в одной ситуации у каждого своя судьба...

Таким запомнился мне второй день нашего участия в операции и боевая задача, и первый бой.

— Юрий Тимофеевич! — спросил я, — вы прекратили атаку?

— К чему людьми рисковать при прочесывании кишлака, — ответил Старов. — Главная задача завершена. Летчиков нашли. Я командарму доложил, что задачу, поставленную им, мы выполнили.

— Да, вы правы, Юрий Тимофеевич, — поддержал я, остро почувствовав в эту минуту всю глубину личной ответственности комбрига за подчиненных ему людей. Конечно, в случае неудачи спросили бы и с меня, а в критической ситуации на нас двоих легла бы и вся полнота ответственности. Но я в тот момент был в пехотной цепи, наступавшей на мятежный кишлак, а командир бригады морально взвалил на себя весь груз переживаний и не побоялся поступить вопреки приказу вышестоящего начальника.

В этом большое командирское мужество.

У каждого на войне свой кругозор. Солдат видит ее из окопа, взводный — с уровня своего подразделения, а комбриг, мысля более широкими понятиями, решает и высокие нравственные проблемы. Правильный приказ или нет?! Как его выполнить с меньшими потерями?

Для справедливости надо сказать, что человеческий фактор в Старове был развит необычайно. Он не был солдафоном, бездумно выполняющим приказ. Пожалуй, к нему в полной мере можно отнести слова из известной газмановской песни, — он не делал карьеры на солдатской крови...

В эту минуту я почувствовал большое моральное облегчение. А вместе с ним и чувство голода. Немудрено, ведь почти сутки мы ничего не ели. Как бы угадав мое желание, командир сказал:

— А не пора ли нам перекусить?

На эти слова начальник разведки бригады достал несколько банок тушенки и ловко вскрыл их финкой. Ею же порубил замерзший хлеб. Мы набросились на незатейливую пищу, чистосердечно считая в тот момент, что ничего вкуснее в жизни не едали. Наш Михаил Васильевич Коркишко — разведчик от бога. Мне рассказывали, что перед дембелем в ГСВГ его, способного сержанта зенитно-ракетного дивизиона, сосватали в КВОКУ, где он и стал разведчиком.

Через четыре года учебы судьба возвратила его в полюбившуюся Германию на должность командира группы в 3-ю гв. обрСпН. Долгих пять лет серьезной боевой учебы пролетели как одно мгновение. В 1981 по замене он убыл в Забайкалье, где за очередную пятилетку принял последовательно долгожданную роту и штаб батальона. В 1986 переводится начальником штаба баракинского батальона в Афганистане. В 1987 меняет Витю Головку на должности начальника разведки соединения. Михаил был высоким и сильным мужчиной, обладающий, помимо привлекательной для женщин наружности, добрым и деловым нравом, которого смело мы все называли настоящим боевым товарищем.

— Денек выдался памятный! — сказал Миша.

— Да уж эти кишлаки, что раздолбали, помнить будем всю жизнь, — ответил я.

— Что-то еще будет, посмотрим, — сдержанно ответил Старов.

Нервное напряжение не отпускало нас, поскольку вся окружающая действительность напоминала о войне. Тишины и покоя не было — земля непрерывно дрожала от грохота артиллерийской канонады. Стреляли наши и афганские дивизионы. Над горами, справа от Сатыкандава, висели осветительные бомбы, и от этого в том районе было светло, как днем. То и дело грохотали мощные взрывы от бомбоштурмовых ударов авиации. Кстати, и впоследствии эта артиллерийская какофония сопровождала нашу жизнь круглыми сутками. За время боевых действий мы настолько привыкли к этому шуму, что могли спокойно спать только тогда, когда стреляла артиллерия, и как живая дрожала и вибрировала под нами земля... Вспоминаю, как однажды нас с командиром охватило ночное беспокойство, близкое к состоянию испуга или даже шока, когда перерыв между залпами реактивной и ствольной артиллерии оказался длин-

нее, чем обычно. Мы, сонные, одновременно подпрыгнули и бросились на ЦБУ к майору Куфтину, узнать:

— Александр Николаевич, что произошло? Почему наступила тишина? Почему не стреляет артиллерия?

В Афганистане артиллеристов справедливо называли настоящими «тружениками» войны. Потаскайте тоннами снаряды к орудиям, не поспите сутками... Все имели минуты расслабления, но только не боги войны. У них были плановые и неплановые цели, им сообщали координаты разведчики всех родов войск, в том числе и наш спецназ. И реакция на запросы должна была быть быстрой, точной и адекватной запрашиваемой помощи...

40-я армия участвовала в операции силами частей 108-й и 201-й мотострелковых дивизий, 103-й воздушно-десантной дивизии, 56-й отдельной десантно-штурмовой бригады, 345-го отдельного парашютно-десантного полка, 191-го отдельного мотострелкового полка, 45-го отдельного инженерно-саперного полка, а также рядом других частей и подразделений. Для выполнения боевых задач привлекались авиачасти и эскадрильи с территории Союза. В частности, боевые задачи выполняла бомбардировочная дивизия из Тарту (Эстония), которой командовал в то время один из лучших летчиков ВВС СССР генерал-майор Д. Дудаев (ставший впоследствии первым президентом Чечни и погибший заложником трагических обстоятельств 90-х годов XX века).

Для обеспечения боевых действий активно использовалась агентурная и специальная разведка, которую представляла и наша бригада. Сколько же нас было? От 15-й обрСпН были выделены: оперативная группа штаба бригады (всего 30 человек), во главе с командиром полковником Ю. Старовым; подразделение отряда спецрадиосвязи, прапорщики Олег Неупокой и Пудиновский с дюжиной бойцов (станция тропосферной связи Р412А, КШМ-142), под общим командованием незаменимого и толкового начальника связи бригады подполковника А. Муратова; 668-й ооСпН, под руководством подполковника А. Корчагина, в количестве 365 человек (из боевой техники имевший 18 — БТР, 9 — БМП, 1 — БРМ, 2 — «Шилки», приданный взвод артиллерии, вооруженный гаубицами Д-30. Временно обязанности замполита отряда исполнял офицер политотдела бригады капитан Г. Ганчар, назначенный мной, в связи с отсутствием штатного замполита, ушедшего в отпуск; 334-й ооСпН в составе двух рот, более 250 человек. Обязанности командира

батальона исполнял опытный разведчик первый заместитель командира отряда майор В. Дмитрук, так как командир отряда подполковник В. Гилуч в этот момент находился в плановом отпуске в Пскове. Воспитанием и политическим обеспечением личного состава занимался штатный замполит батальона капитан М. Нимко.

Всего наша бригада на операцию «Магистраль» сумела выделить более 30 разведорганов (восемь штатных рот спецназа и три отдельных взвода), что, как показало время, позволило успешно выполнить поставленные перед нами задачи. Бок о бок с советскими частями боевые задачи выполняли и «зеленые». В предгорьях и ущельях приготовились к сражениям республиканские 8-я, 11-я, 12-я, 14-я и 25-я пехотные дивизии, 15-я танковая бригада и несколько подразделений специального назначения. Группировку усиливали 10 батальонов Царандоя и госбезопасности (Хада).

Во второй половине третьего дня нашего пребывания на операции с большим опозданием подошла колонна из Асадабада. С приходом 5-го батальона саперами Корчагина уже была проведена инженерная разведка местности в районе крепости и кладбища Джадранкала, выбранном комбригом под дислокацию штаба бригады и асадабадцев. Предусмотрительность и осторожность командира бригады были вознаграждены — саперы сняли с десятков мин. Особенно отличился один сапер из роты минирования. К сожалению, память не сохранила его фамилию, но о нем было отмечено в историческом формуляре бригады. Солдат был собаководом, и его овчарка по кличке Геза входила в число лучших минно-поисковых собак. Более чем за год боевой работы Геза не ошиблась ни разу. Именно тогда, на операции «Магистраль» я открыл для себя, что боевая служба у собак рот минирования очень трудна. Непосвященному неизвестно, что горький запах тола притупляет, убивает обоняние, и чем оно тоньше, тем быстрее происходит губительный процесс. Запах тола разведает легкие животного, но это не влияет на поиски мин, а со временем сказывается только на здоровье собаки. Помня об этом, саперы берегли собак. Особенно трепетно о них заботился начальник инженерной службы отряда капитан Владимир Николаевич Гореница.

— Собаке разрешается работать не более двух часов в день, — пояснял он мне, — потом обязательно должен быть отдых. В жаркую погоду, когда запах тротила становится особенно острым и вредным, ее лучше вообще не выводить на поиск.

— Но ведь работать-то надо?

— Мне их жалко, я ведь разумом понимаю, что они тоже на войне, и мое чувство жалости — неуместное чувство. Однако люблю их и жалею...

Доброе сердце полковника Гореницы Владимира Николаевича перестало биться в неполные 50 лет. Смерть настигла его в Краснодаре 25 июня 2005 г. К этому времени, помимо Афганистана, он прошел все горячие точки СССР и несколько раз выполнял боевые задачи в Чечне.

Рано утром следующего дня из разведотдела армии поступило распоряжение силами группы спецназа провести разведку в районе высоты 2473, что находилась в пяти километрах северо-восточнее места дислокации полевого командного пункта армии. По мнению разведчиков, именно с этой двугорбой возвышенности, напоминающей наш кавказский Эльбрус, кочующие огневые точки противника стреляли по КП армии.

Тактика действий была несложной — подвижные группы душманов на ишаках поднимали на господствующие высоты реактивные снаряды, разворачивали огневые позиции на седловине, производили пуск и уходили. Район боевых действий был настолько велик, что всех преобладающих высот не смогли охватить, поскольку войска уже шли вперед — к Хосту. Захватом перевала Сатыкандав (высотой около трех тысяч метров) советское руководство обеспечивало продвижение войск и надежное блокирование дороги Гардез — Хост. А охрана КП армии оказалась недостаточной. Да и войск не хватало. Получилось, что войска занимали отдельные высоты, ложины и перевалы, но оставляли без прикрытия соседние высоты. Это давало возможность противнику просачиваться в тыл советских и афганских войск и занимать отдельные господствующие высоты, а затем с выгодных позиций фланкирующим огнем наносить поражение нашим войскам. Вот почему ключевые высоты в район КП армии оказались не занятыми и не укрепленными. Начальник оперативного отдела армии полковник Турлайс, выполняющий на операции и роль начальника штаба оперативной группы, поставил задачу комбригу:

— Выслать группы спецназ для разведки противника на все преобладающие высоты. Проверить их на предмет возможного использования для обстрела ППД КП армии. Заминировать возмож-

ные пути подхода к вершинам и обеспечить безопасность командного пункта на определяемых рубежах.

Для выполнения этой задачи от батальона Корчагина были направлены несколько групп. С одной из них, которую возглавлял опытный командир — старший лейтенант Роберт Яшин, пошел и я. Мне нравился этот разумный, взвешенный офицер, пользующейся репутацией доброжелательного и смелого человека. Впоследствии в 2005 году он вместе с полковником Владимиром Квачковым, будет арестован за попытку покушения на самую одиозную фигуру российского бизнеса Анатолия Чубайса.

Выехав из расположения батальона на рассвете, мы благополучно на двух бэмпэшках прибыли к подножью горы. Яшин с командиром бронегруппы лейтенантом Теслей согласовал вопросы прикрытия огнем и секторы его ведения. Повторили сигналы и дополнительные частоты связи. Бронемшины, подняв стволы пушек, заняли боевые позиции, даже механики-водители, сев на броню и взяв бинокли, стали рассматривать склон, по которому должны были подниматься их товарищи. Группа вытянулась в длинную гусеницу и пошла в неизвестность...

Внимательно осматривая местность и тропу перед собой, впереди шли три разведчика, составляющие головной дозор. За ними на удалении в сотню метров двигалось ядро группы. Разведчики шли в колонну по одному на расстоянии два-три метра друг от друга. Все это делалось для того, чтобы в случае внезапного обстрела противником одной пулеметной очередью либо взрывом гранаты или мины пострадавших было как можно меньше. После того как мы вышли из зоны видимости и сектора возможной поддержки огнем бронегруппой, отстав от основной группы, на расстоянии ста метров пошел тыловой дозор, который тоже вел разведку и следил за тем, чтобы группу не преследовал противник.

Поднимались перекатами, поскольку в этих условиях одновременного подъема невозможно было заранее захватить господствующие высоты и выставить пулеметчиков для прикрытия в ходе движения. Это был самый ответственный участок движения, ибо разведгруппа более всего подвергается риску на переходах. На ее пути могут оказаться как одиночные мины, так и целые минные поля. Разведчиков может ожидать засада, и неминуема смерть многих, если головной дозор прозеваает ее.

Только получив доклад дозора о благополучном подъеме на

вершину и готовности к страховке, следом энергично стали подниматься остальные. Подъем был достаточно крутым, поэтому людям, груженным до предела боеприпасами, минами, средствами взрыва, взрывчатыми веществами и другой инженерной премудростью, пришлось трудно. Выползая на вершину, все валялись на землю и несколько минут тяжело дышали, молча, как рыбы открывая рты.

— Бабенко, хватит лежать! Давай со своими орлами обследуй вершину и проведи разведку на предмет наличия минно-взрывных заграждений, — привел всех в чувство голос командира группы.

Саперы из роты минирования, оставив свои рюкзаки, начали неспешную работу. Проверив с помощью шомпола, не заминировано ли оборудованное кем-то на вершине стрелково-пулеметное оружие, они махнули нам рукой, и мы устроили в нем свой командно-наблюдательный пункт. Огляделись. Пустынный высокогорный мир открывался по обе стороны долины. Тянулись бесконечные цепи гор и вершин, а где-то там, на востоке, за ними располагался Хост.

Для обеспечения безопасности на всех трех господствующих высотках залегли наблюдатели с пулеметчиками. Все было тихо. Саперы мирно копались среди больших валунов и камней, обращая особое внимание на явные места недавнего пребывания моджахедов, о чем свидетельствовали СПСы, брошенная бухта проводов для пуска стартовых двигателей эрэсов, три примитивных деревянных станка, с которых пускались эти РС, горстка стреляных гильз от английского карабина «Бур-300», растяжка с гранатой Ф-1, обезвреженной саперами, да еще свежий навоз. Однако явного противника вблизи, к счастью, не просматривалось...

Высота и хребет, уходящий на юго-запад, были чисты. Духи, скорее всего, вычислили наши маневры на подходе и ретировались по руслу высохшего ручья вниз по противоположному склону хребта. Закрепившись на вершине, командир группы и шесть разведчиков начали спускаться по вероятному маршруту ушедших моджахедов. Мы шли осторожно по естественной тропке, проложенной природными силами, среди беспорядочного нагромождения камней. Когда тропа стала делиться на несколько распадков, мы остановились.

— Саперов со всем арсеналом ко мне, — передал Роберт по радиации на вершину.

Тяжело топая, с горы скатились четверо бойцов из роты

минирования, груженные мешками и ящиками с инженерным имуществом.

— Слушай боевой приказ, — сказал Яшин, — на этом месте и выше тридцать метров по склону производим комбинированное минирование местности. Это самые лучшие подходы к вершине. Здесь ставьте МОН-50, — показал командир группы, — с направлением в эту расщелину. Растяжку натягиваем на высоте 15 см, ОЗМ — 4 выставим вот на этом рубеже. Под центральную мину вот сюда, — показал он, — заложите мину-сюрприз разгрузочного действия.

Минеры достали инженерные средства различного назначения: мины, взрыватели, детонаторы, кронштейны, растяжки. Аккуратно разложили на ровной площадке и спокойно и деловито начали собирать конструкции и минировать тропу. Командир контролировал их работу. Последовательно поднимаясь к вершине, группа оставила после себя несколько рубежей сложного минирования.

Когда все разведчики собрались на вершине, Яшин, укрывшийся в СПС, еще раз долго разглядывал в бинокль местность вокруг нас. С высоты видно было очень далеко. В северо-западном ущелье хорошо просматривались кунги, машины связи, антенны, палатки, бронетехника и автомобили штаба армии. Наше минирование в определенной степени должно было сбить охоту у моджахедов лазить в этих горах.

— У нас остались мины? — спросил он у командира отделения из 4 роты. — Минируйте вершину и все СПСы, мы сюда уже не придем.

Определив порядок отхода и прикрытия спускающейся группы, Яшин дал команду на начало спуска к подножью горы — к бронегруппе. Спускаться с вершины оказалось делом не таким простым, как это может показаться. Но с матом и синяками, полученными от падающих камней, разведчики благополучно скатились вниз. Их потные и грязные физиономии излучали радость и чувство удовлетворения от успешно выполненной боевой задачи. Невольно у бойцов бронегруппы родилось и тут же улетучилось чувство некоторой зависти к этим парням, что ходили в горы. Разведчики отряхивались от пыли и с удовольствием рассаживались на броне. Колонна тронулась. Отъехав метров на пятьсот, Яшин развернул бэмпэшку и сказал, обращаясь ко мне:

— Что обрабатываем на всякий случай вершину, товарищ подполковник!

— Давай, не повредит.

— По вершине десять снарядов беглый огонь!

Ударил 30 мм пушка 2А42 по горной складке, что была несколько ниже вершины, и прикрывала бывшую огневую позицию «духов». Фонтанчики разрывов подняли пылевую завесу, а когда стрельба прекратилась, неожиданно до нашего уха отчетливо долетел звук одиночного взрыва. Трудно было определить, где именно он произошел, но эхо опять повторило его реальность.

— Это не душманы ли на нашей mine подорвались? — спросил волгоградец рядовой Александр Бабенко.

— Вполне возможно, значит они были совсем рядом с нами, — ответил взводный. — Ну, б... дела. Хорошо хоть не обстреляли.

Уже смеркалось, когда мы вернулись в ППД батальона. За один световой день лагерь заметно изменил свои очертания. Кругом кипела работа — рыли землянки, огневые позиции для гаубиц, капониры для машин КП батальона, натягивали ограждения автопарка, из камней выложили прямую линию, означающую место построения подразделений на плацу, установили шлагбаум при въезде в батальон со стороны дороги Гардез — Хост...

Активно велась инженерная разведка. К исходу вторых суток площадка в районе высоты 2532, была досконально проверена саперами. Тщательно осмотрены и развалины небольшого кишлака, отмеченного на карте как кладбище Джадранкала. Джадранкала по решению комбрига стала штабом бригады. За стены этого азиатского сооружения загнали часть машин связи и два штабных кунга, а также оборудовали огневые позиции и посты охранения комендантского взвода. За дувалами установили палатку, в которой развернули центр боевого управления бригады. В жилых и подсобных помещениях крепости Джадранкала оборудовали спальные места для воинов комендантского взвода штаба бригады. На этом месте и располагалась оперативная группа штаба бригады с 20 декабря 1987 г. по 22 января 1988 г.

В трехстах метрах юго-западнее штаба бригады на ровной площадке развернули полевой городок 334-го отряда. Личный состав рот батальона зарылся в землю. Землянки, прикрытые сверху брезентом, стали незатейливым домом для разведчиков. На повер-

хности у входа в землянки круглосуточно дежурили дневальные в полном боевом облачении, включающем каски и бронежилеты.

Полевой лагерь выглядел пустынно — большая часть личного состава рот основное время проводила в горах — в засадах и на постах наблюдения. 668-й отряд дислоцировался в километре восточнее от 334-го ооСПН, в таких же полевых условиях, на противоположном юго-восточном гребне высоты 2530 — в ложине. Такие же землянки, прикрытые брезентом, автопарк под открытым небом, капонир, приданного от 56-й одшбр, артиллерийского взвода гаубиц Д-30.

В ходе обустройства, в центре полевого лагеря обнаружили выход на поверхность глубокого кяриза. Его стали использовать как помойку для сброса мусора. За месяц этот кяриз был забит отходами под завязку. Таким образом, наш полевой быт был весьма незатейливым: спали в вырытых в каменном грунте землянках, не снимая обмундирования, бок обок, на деревянных нарах. Через неделю боевых действий появились дополнительные трудности — началась борьба с педикулезом. После первых выходов на боевые задания у отдельных солдат появились вши, которые из-за большой скученности личного состава быстро распространились почти на всех. Это явление до сих пор мало изучено наукой. От переживаний и страха, сопутствующего бойцам, вдруг появляются насекомые...

Хотя приказом командующего по тыловому обеспечению предусматривалось для организации помывки личного состава в каждом полку иметь ДДА и комплект белья на 100%. У нас ДДА не было по штату. Комбриг обратился к заместителю руководителя боевых действий генералу Н.П. Пищеву, и он оперативно решил вопрос об обеспечении нас соответствующими установками. Люди были помыты, но это все равно кардинально не решало вопроса. Поэтому Старов приказал строить свои стационарные полевые бани. Используя для этого дувалы развалины крепости Джабранкала, а в 4 батальоне рыть специальный котлован — землянку под баню.

Строительству понадобилась техника, и для этих целей при поддержке начальника инженерной службы армии полковника Поварчука нам перегнали трактор с ковшом. Землеройная техника 45-го инженерного полка в течение дня вырыла котлован под землянку. Местные умельцы обшили ее стены досками от снарядных ящиков. На бревнах лег потолок. Из камней, обмазанных глиной,

сделали кожух для буржуйки. В бане была даже предусмотрена небольшая парилочка, вход в которую прикрыли плотным байковым одеялом. Рядом с баней установили большую емкость с водой, форсунку для ее нагрева, и система заработала.

Как говорится в народе, — дым стоял коромыслом. С удовольствием в этой бане помылся весь личный состав батальона. Много ли надо солдату для полного счастья. После помывки сразу поднялось настроение, люди заулыбались, пошлышались шутки и бодрый смех. Не стали исключением и мы с командиром бригады — мы тоже спустились в баню, где с большим удовольствием отмыли вьевшуюся грязь. Баня хотя и была примитивной, но функционировала как надо.

Для того чтобы легче было соблюдать гигиену, все коротко подстриглись. Здесь уж было не до красоты. Да и, пожалуй, в этот момент у нас у всех были другие эстетические понятия. И комбриг, и солдат имели совершенно одинаковые прически под ноль, которые творили нам «самородки из народа». Этот солдатский быт как-то еще более сближал нас друг с другом.

Нельзя не отметить, что в боевой повседневной работе и повседневной жизни шло незримое соперничество между командованием асадабадцами и баракиндами. И чаще всего победителями выходили подразделения 4 батальона. Этому было и объяснение: они имели возможность больше захватить с собой строительных материалов и имущества. А 5 батальон совершил очень длинный марш из Кунара. Поэтому брал только необходимое. Даже необъявленный конкурс банных инженерных сооружений признал более удачной конструкции Анатолия Васильевича Корчагина. Котлованная система позволяла эффективнее сохранять тепло внутри бани, чем в сооружении, сотворенном в развалинах крепости.

В начале января, согласно плану командарма, в район Хоста был высажен десант в составе одного советского мотострелкового батальона, двух групп спецназа нашей бригады и бригады афганских командос всего в количестве более трех сотен человек. Таким образом, были созданы достаточно выгодные условия для продвижения навстречу друг другу наших и республиканских войск и окружения бандформирований, противодействующих наступлению наших войск.

Действовавшие по направлению от Гардеза к Хосту части наших войск последовательно захватывали господствующие высоты

вдоль дороги и, освобождая территорию, тут же брали трассу под свою охрану. Однако противник и не думал сдаваться или рассеиваться в горах. Военизированная часть племени джадран продолжала упорное сопротивление. Душманы вели прицельный огонь по артиллерийским позициям советских войск и даже по командному пункту армии.

С целью обеспечения безопасности армии 15 обрСпН была поставлена задача захватить господствующие высоты в указанном районе. Сдержанный прибалт полковник Дайнис Антонович Турлайс, конкретизировал задачу: в последующем вести разведку действий моджахедов. В случае обнаружения и выдвижения банд в контролируемый район, уничтожать огнем приданной артиллерии, бомбоштурмовыми ударами авиации, а также огнем стрелкового оружия из засад. В ходе этих боев нашими войсками был сначала блокирован, а потом и уничтожен базовый район Срана, который находился чуть южнее перевала Сатыкандав, ближе к Хосту. Отличились 39 воинов-десантников 9 парашютно-десантной роты 345-го отдельного пдп.

На первых порах рота прикрывала действия саперов 45-го полка, а затем прохождение колонн с грузом. Обеспечивая безопасность сверху и с двух сторон гор. Заняв 26 декабря 1987 года высоту 3234, парашютисты под командованием старшего лейтенанта Сергея Ткачева, попали под непрекращающийся обстрел противника. А в ночь с 7 на 8 января моджахеды несколько раз поднимались в атаку для того, чтобы отбить высоту у десантников.

В ходе этих боев «востротинцы» потеряли шесть человек убитыми, но держали оборону до последнего. Никто не дрогнул и не покинул поле боя. Особенно отличился пулеметчик «Утеса» Вячеслав Александров. После его гибели, духи пытались обойти скрытно с флангов, но устойчивость обороны обеспечил второй пулеметчик Андрей Мельников. Однако моджахеды подползли к позициям десантников совсем близко и забросали их гранатами. В этот момент рота понесла основные потери.

Спасло ситуацию только то, что основной костяк роты, замполит Виталий Матрук, командиры взводов Виктор Гагарин, Сергей Рожков, прапорщик Василий Козлов, сержанты и рядовые — Анатолий Кузнецов, Владимир Веригин, Владимир Цигорев, Сергей Бобко, Олег Федоренко, Владимир Криштопенко и другие не дрогнули и отбросили мятежников. А под утро на усиление подошли

разведчики взвода Александра Меренкова. На этот момент в строю подразделения оставалось пятеро десантников, остальные получили ранения различной тяжести. За этот бой все его участники были награждены орденами. А двое — А. Мельников и В. Александров — посмертно удостоены звания Героя Советского Союза.

Однако успех операции по проводке колонн в Хост во многом зависел от саперов начальника инженерных войск армии полковника Тараса Поварчука: дорога была сплошным минным полем, ее перегородили завалы из щебня и скальных глыб. Согласно донесению, только в один из декабрьских дней на подступах к перевалу саперам удалось пройти 1800 метров. Обезвредить: мин противопехотных — 64, противотанковых — 126, фугасов — 32. По нескольку раз подрывались боевые машины разминирования, по саперам моджахеды били «эресами».

Но люди шли, и за ними шла колонна. Когда встретились подразделения Владимира Козловского — оно продвигалось от Хоста — и подразделения Олега Бота, им даже не пришлось докладывать своему командиру Юрию Проворову, что задача выполнена. Об этом все узнали и так: встреча вышла шумной — с трассерами в небо, салютом сигнальных мин.

На это мальчишество командарм не сердился. Это был по сути финал боевой части Хостинской операции. 30 декабря, за сутки до начала нового 1988 года, саперы 45-го инженерно-саперного полка подполковника Белоуса Геннадия Леонидовича полностью очистили дорогу от мин, фугасов и завалов. Поварчук доложил командующему о готовности полотна дороги к пуску по ней первых колонн с продовольствием.

В рабочей тетради полковник записал для памяти: саперы армии проверили на наличие МВЗ 570 км дорог; 30 квадратных км местности. Обнаружили и уничтожили ПТМ — 667 штук; ППМ — 36 штук; фугасов — 207 штук. Была проведена громадная работа и по восстановлению дороги общей протяженностью 18,5 км. Солдатскими руками построено 8 мостов, открыто 176 укрытий для техники и 208 для личного состава, установлен 31 узел заграждения. За умелое руководство инженерными частями полковник Поварчук Тарас Петрович был награжден орденом Красного Знамени.

С того самого часа ежедневно из Гардеза в город Хост уходило по 2 — 3 колонны. 19 января последняя, уже порожняя колонна

вернулась из деблокированного нами города. За это время, по докладу начальника тыла, водители 40 армии перевезли более 24 тыс. тонн различных грузов. В основном это было продовольствие и горючее. Почти три недели советские войска стояли на «блоках» вдоль дороги, оберегая проходящие колонны. Все это время наши воины-разведчики выполняли боевые задачи по разведке и уничтожению противника в полном отрыве от основных войск на господствующих высотах, превышающих 3000 метров. Это было очень нелегкое дело.

26 декабря из «Шоколадного города», так мы здесь называли между собой Джелалабад, пришла первая колонна с продуктами и бельем. Ее возглавлял лично замкомбрига — начальник тыла Серзин. Игорь привез с собой письма и газеты, накопившиеся в наше отсутствие. Как только их раздали, наш полевой лагерь на глазах опустел. Все военнослужащие расплзлись по укромным уголкам лагеря и крепости читать полученные весточки из дома. Я тоже испытал большую радость, получив сразу пять писем от жены.

Но время не терпело, поэтому вскоре пришлось прервать эту лирическую идиллию. Надо сказать, что мы пытались разнообразить скромный полевой быт наших частей. Так, например, политработники 4-го батальона вывезли с собой все необходимое для организации отдыха. Неплохо работал радиоузел, были включены два стареньких телевизора, способных принимать сигнал от ретранслятора. Несколько раз в неделю полевые клубы крутили под открытым небом художественные фильмы, которые бойцы смотрели стоя, так как сидеть было невозможно от холода.

И независимо от содержания картины все солдаты и офицеры смотрели эти незатейливые сюжеты, на мгновения отвлекаясь от просмотра на огненные хвосты реактивных снарядов, срывающихся с направляющих с недалеко расположенных огневых позиций. Эти просмотры хоть и не надолго, но вырывали людей из обстановки окружающей войны, и снимали психологическое напряжение. Они как бы напоминали, что все скоро кончится, война не вечна.

В эти минуты как никогда была высока роль политработы. Мне в той обстановке не раз и не два приходилось наставлять молодых коллег, дабы не скатывались на позиции дублирования командиров. Понятно, что политработник в боевой обстановке делает то же, что и единоначальник, но, когда появляется минута и командир отдыхает, комиссар должен делать свою работу, которую

никто, кроме него, делать не будет. Для улучшения полевого быта мы провели конкурс «на лучшую землянку».

В состав комиссии вошли солдаты и сержанты с обоих батальонов. Пропаганда передовиков подстегивала отстающих. Этому способствовала и наглядная агитация, которая помимо боевых листовок, представлялась сатирическими бюллетенями и фотогазетами с критикой фактов ротозейства, неряшливости, забывчивости, потери имущества (ложек, котелков, ремней, рукавиц). У стендов с материалами всегда толпились бойцы, и слышен был гомерический смех, а где эмоции, там всегда ненавязчивое воспитание. Этой творческой работе приходилось учить молодых коллег, как говорится, с нуля.

Мои замполиты рот, вроде бесстрашного холерика Садовникова или хладнокровных лейтенанта Цигорева и капитана Голубева, более склонны были к действиям, чем к кропотливой и вдумчивой работе. Меня очень раздражал своей неисполнительностью секретарь комсомольской организации 5 батальона старший лейтенант А.Самойленко. Понаблюдал за ним и выяснил, что он не может сидеть в лагере, — то он ушел с разведгруппой в горы, то улетел под Хост. Ну как не ругаться на такого помощника. Однако кроме нас никто наше дело не сделает. Все-таки «выловил» комсорга и сдержанно, но жестко заставил выполнить задание — записать для исторического формуляра батальона все примеры мужества разведчиков за прошедшие недели операции. Иначе завтра в текучке боев и новых впечатлений многие мелочи будут забыты...

Я внушал политработникам на совещаниях:

— Политработник — летописец истории. Ему по долгу положено знать людей, уметь находить подход к каждому. Кого поддерживать добрым словом, а с кого спросить за нерадивость. Находить время для писем родителям отличившегося воина. Оставить для истории записи о мужестве, о подвигах, о славном и героическом... Пройдет немного времени и все, чем мы сейчас живем, что кажется сегодня важным и главным, уйдет в прошлое как вода в песок, даже не оставит и следа...

Я рассказывал офицерам о трагической судьбе своего дяди Павлинина Василия Михайловича, сложившего голову под Сталинградом. Весь личный состав 7-го стрелкового полка 24-й Самаро-Ульяновской Железной дивизии, в котором он служил, погиб в декабре 1942 года. От людей, техники, штабных документов не осталось ничего. В архиве МО СССР полковой документации за

этот жесточайший период боев не было ни бумажки. А моя бабушка Мария Петровна в декабре того же скорбного года получила письмо, в котором политрук роты благодарил мать за хорошее воспитание сына-героя. Политрук погиб вместе с полком, а мать до последнего своего часа вспоминала это незатейливое письмо, плакала и гордилась сыном.

Для матери это письмо было равносильно ордену. Как велика оказалось роль человека, который под огнем фашистов нашел время написать несколько строк матери, тем самым сделав еще более мужественным солдата Павлинина, воодушевляемого комиссаром на подвиг. Ориентируясь на работу фронтовых политработников, мы практиковали отправку писем на родину отличившихся воинов. Один из таких героев оказался земляком моей жены Галины. Я сфотографировал Павла Рыбина и фотографию отправил вместе с письмом в редакцию газеты города Кушвы. Вскоре получил письмо от своей тещи, к которому была приложена газетная публикация «Кушвинского рабочего» от 21.06.1988 г. Привожу полный текст:

«За мужество и отвагу»

(так служат наши земляки)

Двадцать восемь выпускников ПТУ № 44, призванные в ряды Советской Армии для выполнения интернационального долга, оказания помощи в защите революционных завоеваний в Афганистане, оправдали звание советского солдата, показав пример мужества и героизма. Инженерно-педагогический коллектив училища гордится своими воспитанниками. На имя первого секретаря Кушвинского горкома КПСС из войсковой части, где проходит службу Павел Рыбин, пришло письмо (оно публикуется ниже), в котором рассказывается об отличной службе выпускника СПТУ-44.

Письмо из части

Здравствуйте уважаемые товарищи! Сообщаем вам о том, что ваш земляк, рядовой, разведчик-пулеметчик Павел Рыбин указом Президиума Верховного Совета СССР награжден орденом Красной Звезды. Мне приятно сообщить, что Павел мужественно выполняет свой воинский долг. Воин-десантник рядовой Рыбин смел и отважен в боях с мятежниками. В августе прошлого года в районе населенного пункта Суфла он был тяжело ранен, но не покинул поля боя и продолжал вести огонь из своего пулемета, чем обеспечил выполнение подразделением поставленной задачи. Павел активен в общественной работе, является комсомольским вожаком. За

успехи в коммунистическом воспитании молодежи, личное мужество и героизм он награжден знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». В декабре прошлого года — январе нынешнего Рыбин принимал участие в составе подразделения в операции «Магистраль», обеспечивая проводку афганских колонн в блокированный административный округ Хост. В суровых зимних условиях на высокогорье десантники достойно выполнили поставленную задачу. Сообщая о службе рядового Павла Рыбина, не могу не сказать спасибо его матери, проживающей в Кушве на улице Горняков, за хорошее воспитание сына, настоящего героя, воина-интернационалиста.

Здесь, в Афганистане, уроженцы Урала достойно несут боевую службу. Героями Советского Союза на афганской земле стали младший сержант Юрий Исламов из Талицы Свердловской области, подполковник Валерий Востротин из г. Касли Челябинской области. Славой покрыло себя десантное соединение, которым командует полковник Юрий Старов из Магнитогорска. Достойными продолжателями дела военных комиссаров гражданской и Великой Отечественной войн являются выпускники Свердловского высшего военно-политического училища, кавалеры боевых наград старшие лейтенанты В.Майоров, Н.Быков, капитан В.Смирнов, майор С.Зозуля, подполковник А.Греблюк и другие.

Знайте, земляки: уральцы бьются здорово!

С десантным приветом начальник политотдела О.Кривопапов».

Прошло время, Рыбин вернулся из Афгана домой, где его, героя войны, городские власти встретили как почетного гражданина и вне очереди предоставили отдельную однокомнатную квартиру в престижном доме... Вот и знай, как наше слово отзовется...

Солдатский труд всегда труден, но в тех горных условиях он был особенно тяжелым. Нечеловеческие усилия приходилось прилагать с выходом в районы разведки. Разведчики поднимались с грузом в 40 — 45 кг на высоты, значительно превышающие 3000 метров, выходили в указанные им районы и сутками мерзли на каменных, продуваемых всеми ветрами площадках, ведя разведку и ожидая противника. За афганскую историю воевать в условиях высокогорья нашей бригаде пришлось несколько раз, однако в описываемый период ветеранов-альпинистов в строю уже никого не осталось. Вспоминая свою лейтенантскую юность, с собственным небольшим чимганским опытом, я с недоумением отмечал, что обес-

печенье частей, вышедших на афганские трех- и четырехтысячники, было, мягко говоря, недостаточным.

Наши части были не полностью снабжены специальным горным снаряжением и оружием. Да, в экипировку личного состава нашей бригады входили удобные горные брезентовые куртки с капюшоном, брюки и свитера, ватные спальные мешки, темные очки. Да, наши военнослужащие, идущие в горы, обеспечивались высококалорийным питанием — горным пайком.

Однако ни палаток, ни походных спиртовых индивидуальных кухонь и примусов, ни меховых жилетов, носков, шерстяных и кожаных печаток, ни подшитых валенок, ни горных ботинок, положенных горным стрелкам, мы не получили. Выходя на задания, разведчики не имели элементарных снегоступов, скальных молотков, лавинных шнуров, ледорубов, десятизубых «кошек», веревок, скальных и ледовых крючьев и карабинов, горнолыжных ботинок и лыж, горных спасательных средств.

Мне могут сказать, что высоты в районе боев не были такими сложными, как это могло быть на подобных высотах в Тянь-Шане или Гималаях. Но сложность подъема в горах провинции Пактия определялась и оценивалась связкой бойцов-разведчиков, идущих в горы, а не тыловыми службами, беспечно пьющими чай в автомобильных кунгах. Да, наверное, несправедливо их обвинять в этом. Вопросы обеспечения войск решались в Москве. И делалось это часто с большим опозданием.

Добрым словом хочу помянуть медслужбы обоих батальонов, которые регулярно проверяли состояние здоровья личного состава, наличие у бойцов промедола, ИПП и резиновых жгутов. Многократно проводили занятия и беседы по приемам оказания первой помощи раненому товарищу, а также при обморожениях, что было достаточно актуальным. Невольно вспоминаю очень холодные дни и ночи, когда одна группа 5 батальона вышла в эфир с сигналом «SOS». Люди попросту замерзли. Учитывая это, комбриг принял решение сократить пребывание разведгрупп в горах с шести до трех суток, поскольку среди разведчиков начались простудные заболевания и обморожения.

Не избежал простуды в это время и я. А получилось это очень буднично. Однажды вечером с перевала Сатыкандав спустился начальник разведки бригады, где он проводил рекогносцировку местности перед отправкой групп. Докладывая командиру о труд-

ностях выхода групп пятого батальона в район разведки, он охарактеризовал боевую обстановку и географию маршрута вывода. В качестве одного из практических выводов сформулировал :

— С целью сохранения физических сил бойцов предлагаю для облегчения подъема разведгрупп в горы выделять дополнительно личный состав в качестве носильщиков грузов, как это принято в Гималаях, на Памире и уже практиковалось на Гиндукуше.

Обдумав это предложение, комбриг Старов согласился:

— Хорошо, так и сделаем. Впредь в приказах назначать основную разведывательную группу и дежурную группу для вывода в район разведки на перевал.

Поддерживая мнение командира, я заявил о своем решении выйти в горы с очередной дежурной группой, выходящей на задание. Утром следующего дня перед землянками первой роты пятого батальона началась подготовка к выходу на боевые группы старшего лейтенанта Александра Бирюкова. Снаряжали магазины, укладывали рюкзаки, потрошили сухие пайки, распределяли пулеметные ленты, гранаты подствольников и патроны россыпью. Большую часть грузов распределяли на личный состав дежурной группы, выполнявший роль носильщиков. Всего разведчиков вместе с дежурной группой, которых возглавил я, набралось более тридцати человек. Я присматривался к Бирюкову, о котором слышал ранее, что он перенес ранение, награжден медалью «За отвагу». Мне говорили, что это опытный офицер, за полтора года службы в ДРА прошедший многими тропами в провинциях Кунар, Нангархар, Кабул. Познакомившись с ним, я отметил, что он произвел на меня самое приятное впечатление.

Часам к девяти утра подготовка группы закончилась. Все выходящие на задание были одинаково вооружены, но основной состав группы Бирюкова был освобожден от тяжелых рюкзаков с боезапасом и продовольствием. Разведчики несли только притороченные к РД спальные мешки и свое зимнее ватное обмундирование. Носильщики зимнее обмундирование не одевали, так как им мерзнуть было некогда. Все они были в горных брезентовых костюмах и свитерах. Нас от мороза должны были спасать энергичные действия по подъему грузов в горы, а после этого стремительный спуск к месту эвакуации, где нас ожидала бронегруппа.

Запрыгнув на броню, я высунулся по пояс из люка старшего, а по бортам и у ствола крупнокалиберного пулемета КПВТ рядком

расселись бойцы и носильщики. Колонна, начав движение по маршруту, предварительно проверенному саперами армии, через час зашла в ущелье под высотой 2996, непосредственно входящей в горный массив перевала Сатыкандав. В том месте разместилась сторожевая застава 191-го отдельного мотострелкового полка из Газни.

Пехотинцы хорошо знали спецназовцев нашей бригады, так как дружили с разведчиками отряда «Батьки Блажко» и отнеслись к нам по-родственному. Тем более, что высокий авторитет разведчиков всегда подкреплялся непрерывной боевой работой, из чего и складывались в армейском фольклоре легенды о спецназе ГРУ... Я даже от летчиков порой слышал восторженные отзывы и пожелания по-настоящему повоевать вместе со спецназом. Газнийцы помогли разгрузить бронетранспортеры и с большим сомнением смотрели нам вслед, после того, как весь груз мы взгромоздили на свои заливки и пошли вверх — на перевал.

— Ни хрена вы нагрузились! Как бы пупки не развязались!

— За нас не ссыте, есть еще порох в пороховницах и ягоды в ягодицах! — отвечал за всех остролов ефрейтор Фоменко.

— Всего вам доброго, мужики! — кричали оставшиеся на прощание.

На душе у каждого из нас было тревожно и волнительно, но эмоциональное напряжение заменила физическая нагрузка. И хотя погода стояла сумрачная, небо было затянуто серыми тучами, и дул сильный северный ветер, наши спины вскоре стали мокрыми, а дыхание прерывисто-поверхностным. Преодолев перепад высоты почти в 400 метров, одолев отдельную отвесную стенку, мы поднялись на высоту 3300 метров. Отдышавшись, уже спокойно пошли в колонну по одному по хребту на север. За спиной у нас остались последние советские посты и застава 3 роты газнийского полка. В этот момент Бирюков вышел на частоту мотострелков и связался с «Триумфом». Буквально после первого запроса услышал в ответ:

— Вас слышу и вижу на хребте. Впереди чисто, счастливого пути! В случае опасности давайте целеуказания — прикроем огнем.

Тропа и местность, открывающаяся вокруг нас, представляла собой интересное зрелище. Все напоминало о недавних горных боях: то и дело нам попадались торчащие из земли корпуса неразорвавшихся мин и реактивных снарядов, при внимательном осмотре земли под ногами бросались в глаза многочисленные ржавые осколки от взорванных боеприпасов.

— Смотрите себе под ноги. Взрывчатые объекты обходить! Идти след в след, — напомнил я разведчикам, пройдя вдоль колонны.

Через десять километров пешего передвижения по хребту, в районе отметки 2921, мы остановились. Сняли с себя рюкзаки и передали их разведчикам, уходящим на боевые. Тепло попрощавшись, мы повернули обратно, а Бирюков, помахав нам рукой, повел свою группу на север, на обозначенную ему приказом вершину... В эти минуты и так-то неудобная погода переменилась на шторм. Налетели черные тучи, которые выбросили мелкий холодный дождь со снегом. Резкий порывистый ветер буквально сбивал разведчиков с ног. Держась друг за друга, мы сползали по скользким склонам по еле заметной тропе. В этом аду отчетливо запомнился напряженный момент, когда мы, проходя по местам недавних боев с моджахедами, увидели противника.

— Внимание! Опасность, — подал знак разведчик рядовой Сергей Яковлев. Прямо над тропой на гребне горной складки сидел человек. Он был одет в афганскую национальную одежду, руки держали автомат, а обнаженная голова гордо, по-орлиному смотрела мимо нас в ущелье. Группу сдуло с тропы, она затаилась, передернув предохранители и приготовившись к бою.

— Отбой! — прокричал замкомвзвода. — Товарищ подполковник, это убитый на прошлой неделе бандглаварь, — пояснил мне старший сержант Вычугжанин, — его после боя наши бойцы убрали с тропы и посадили на этом выступе как предупреждение остальным душманам. Подходы к трупам хорошо заминировали.

Духи несколько раз пытались забрать тело, но подрывались на минах и уносили восвояси своих убитых и раненых. За прошедшие дни после гибели процесс разложения совершенно не коснулся останков моджахеда. Особые специфические условия высокогорья: ледяной ветер и яркое солнце сделали лицо убитого джадрана бронзовым, и он сидел, как памятник, провожая нас — пришельцев из другого мира — своим мертвым ненавидящим взглядом. Я достал фотоаппарат и запечатлел эту страшную мумию.

Спускаться вниз под проливным дождем и снегом оказалось очень сложным делом. Особенно мне запомнилась почти отвесная стена, которую преодолевали поодиночке. Цеплялись за небольшие трещины и уступы, срывая ногти с пальцев, сползали вниз как в преисподнюю. Ну, вот спуск закончился...

Сторожевая застава 191-го полка, на которой бойцы продемонстрировали нам настоящую солдатскую дружбу. Забытые Богом и своими командирами бойцы-пехотинцы неделю не получали продукты и голодали. Но, увидев наши изможденные лица, достали свой последний «НЭ» — булку замерзшего хлеба. Развели костер и напоили нас чаем (название жидкости чисто условное), и он показался нам в тот момент лучшим напитком в мире.

Поджарили на сковородке хлеб и выдали каждому по кусочку. Тронутый их солдатской заботой, я вышел по радио на КП бригады и попросил Старова прислать с бронегруппой, что придет за нами, десантные пайки. Наш «сухпай №9» включал деликатесы: сгущенное молоко, тушеное мясо, сосисочный фарш, печеночный паштет и сало в стограммовых консервных баночках, шоколад, витаминки, соки, галеты. Для подогрева придавались сухой спирт и непромокаемые охотничьи спички с мощными головками. Юрий Тимофеевич мою просьбу выполнил. Бронегруппа доставила коробку с шестнадцатью пайками.

При прощании с нами грязные и обветренные пехотинцы не скрывали своих добрых чувств, а отдельные даже смахивали слезы за проявленную о них заботу. Им впервые было есть такие деликатесы. Как оказалось, этот ничего не стоящий для нас жест доброй воли еще более укрепил братскую дружбу между военнослужащими. Прошли годы, и я встретил в Днепропетровске бывшего солдата этого полка по имени Руслан. И с удивлением услышал от него:

— Товарищ полковник, а вы помните меня? Помните, под Хостом мы вас с гор встречали?

— Да, помню.

— Я служил в Газнийском батальоне спецназа.

— Но 177-й отряд на операции «Магистраль» не участвовал. Там были мотострелки 191 полка.

— Нет, что вы, я в вашей бригаде служил.

Я не стал дальше развивать эту тему, потому что понял, что парень выдает себя за одного из наших бесстрашных солдат. Но случай этот показательный. Очень многие после Афгана на встречах ветеранов одевают голубые береты и «косят легенды», к которым отношения не имеют...

...Вернувшись в лагерь, я слег с температурой. Простудился, но болел недолго к профессиональной гордости наших эскулапов, которые с помощью мощных трофейных американских антибиоти-

ков быстро подняли меня на ноги. Валяясь в поту, я думал о разведчиках, что находились в эти минуты на горных вершинах и перевалах.

Им требовалось большое мужество. Даже просто прожитая ночь в высокогорье под постоянным ветром и снежными зарядами — уже само по себе большое испытание: спальные мешки леденеют от проникающего снега. За длительные часы лежания на снегу от тепла тел образуются ямки. Движения ограничены маскировкой. Рядовой Джумаев мне рассказывал о своих чувствах особой обреченности именно в эти ночи, проведенные в горах:

— Ночи были темные и безлунные. В таких условиях ночные бинокли помогали слабо, и приходилось надеяться на зрение и слух, чтобы не прозевать духов. Мне кажется, что ужаснее ситуации, когда ты неподвижно лежишь на камнях, нет ничего. Было просто дико холодно. Ночью мы ждали наступления дня. В светлое время легче переносить неподвижность и мороз. Бывало, наступит утро. Наверху — ясно и холодно. А далеко внизу, над долиной, висит туча, закрывающая все. Создается впечатление, что мы находимся в космосе.

Пока я валялся больной, под кишлаком Мелан опять подорвался наш бронетранспортер. Невольно набежали собственные воспоминания о недавно пережитом подрыве в том же месте. Было это на неделю раньше, 25 декабря в 2 часа 34 минуты ночи, во время вывода в район разведки двух РГСПН 4 батальона. Бронегруппу возглавлял майор Пимонов.

При спуске в ложбинку колонна напоролась на минное поле. Я ехал на втором БТРе, под правым задним колесом которого взорвалась мина. Механик-водитель получил ранение, а мы, сидевшие на броне, были разбросаны взрывом в разные стороны. Очнувшись я, как все, на земле, все тело трясло, из уха и разбитых губ текла кровь. Пронзительно остро болело плечо. Рядом стонали и матерились разведчики. Остатки резины колеса дымилась.

Преодолев слабость, я поднялся и стал оказывать помощь разведчикам. Ранены были четверо, остальные — такие же чумные и полуоглохшие, как я. К нам вплотную подъехал третий БТР и загрузил всех. Тяжело раненого и контуженого заместителя командира роты по технической части лейтенанта Олега Чукина положили за башней между десантными люками. Во время движения он стонал, его била мелкая дрожь. Он пытался, но не мог говорить,

только мучительно заикался. Для того, чтобы он не свалился при движении, с двух сторон его поддерживали бойцы.

По прибытии в батальон Олега, как самого тяжелого, отправили в госпиталь, и больше я его не видел.

Кроме нас, в том проклятом районе чуть позднее подорвались еще три машины. И ведь местным жителям все сходило с рук, так как кишлак Мелан был «неприкасаемый» — в нем родился президент Афганистана Наджибулла. Это обстоятельство и спасало его от мести «шурави» и полного уничтожения.

Потери на подрывах вызывали раздражение. Миша Коркишко ворчал:

— И зачем спецназ надо было привлекать. Это не наши функции — сидеть как пехоте — и наблюдать. Наше дело активные боевые действия — облеты, засады, налеты. А тут мы как не у дел.

По мнению же командования армии, наши разведыводы в ходе операции имели исключительное значение, ибо мятежники регулярно пытались прорвать боевое охранение, выйти в тыл нашей группировки и к трассе и сорвать перевозки. Сделать это им не удалось. Почти все основные высоты были захвачены десантниками и спецназом, и мы их не отдали.

В книге «По другую сторону горы» Тактика моджахедов в Советско-Афганской войне отмечалось на стр.165 — 175:

«Внезапный захват советскими войсками тактически важных возвышенностей дал им огромное преимущество. Они начали направлять артиллерию и ракетный огонь на кишлаки, расположенные в долинах, идущих от перевала Сатыкандав на Хост».

Особенно показательными в этом плане были боевые действия групп спецназа, умело организованные первым заместителем командира 334-го отряда майором Дмитруком и начальником штаба майором Качурой. С 29 декабря 1987 г. по 7 января 1988 г. РГСПН №№ 511, 512, 533, 534, занимающие высоты отм. 2735 и отм. 2803, вели постоянную разведку местности методом наблюдения за перемещениями моджахедов в горах Каламайгар, перевал Саротикандав. Тропы, ведущие к кишлаку Гундай, по их указанию были заминированы «Лепестками», район подходов к высоте 3169 перекрыт «Охотой-2». В результате действий разведорганов отряда и полученной информации от радиоперехвата были собраны ценные

разведывательные данные о скоплении моджахедов, которые впоследствии уничтожили авиация и артиллерия армии.

Выявленная реактивная установка мятежников, размещенная на высоте 3192, была поражена огнем приданной отряду артиллерии по целеуказаниям и наводке командира группы старшего лейтенанта Бирюкова. В условиях холодной и снежной зимы пребывание разведчиков на продуваемых горных пятачках было настоящим мужеством. За участие в той операции более 200 разведчиков отряда были представлены к наградам. Среди них более десяти процентов бойцов прослужили в Афгане всего три месяца.

В четвертом батальоне разведывательная деятельность планировалась для РГСпН №№ 411, 412, 413, 421, 422, 423, 431, 432, 433. Начальник штаба батальона майор Головкин только вернулся после ранения из госпиталя, и сходу окупился в планирование. Свою ставку он сделал на лучших офицеров рот Гопаенко, Яшина, Похощева, Жогло, Бокова, Кравченко, Барышева, Буга, Дуброва, Бобылева, Клименко, Бородавку, Лупенко, Прохоренко, Олэфрик и других... Доброй памяти заслуживает и замполит 1-й роты старший лейтенант Михаил Иванович Садовников. Дело в том, что он 26 июля 1987 года получил пулевое ранение в лоб. Но чудом остался жив. В свойственной ему манере шутил по этому поводу:

— Хорошо, что мозгов нет, а то было бы сотрясение. Но черепно-мозговая травма была очень серьезной. Кое-как он оклемался, и, скрыв от врачей сильнейшие головные боли, сбежал в часть. Когда добрался до Суфлы, то военный городок части испугал его своей пустотой. Кроме караульных, охранявших расположение батальона, весь личный состав убит на боевые действия по прорыву блокады под Хостом. Недолго размышлял Миша. Вскоре запрыгнул на броню проходящей колонны и через полсутки, как снег на голову, объявился в полевом лагере отряда. Командир отряда майор Корчагин, увидев Мишу, его страшный кроваво-розовый шрам на лбу, синеву под глазами, не сдержался и накричал на него:

— Зачем приехал? Кто тебе разрешил? Надо было остаться в Бараках...

Комбриг Старов, который в тот момент находился в командирской машине комбата, сдержанно промолчал. Он уважал мужественных людей. Безусловно, этот поступок Садовникова по достоинству оценили все офицеры и солдаты части. В характере Михаила было много командирского: он говорил грубым баритоном, красоч-

но ругался матом, тяготился политзанятиями, но был бесстрашным боевым офицером. Впоследствии Садовников очень хорошо показал себя во время боевых выходов в горы. Рядом с такими офицерами быстро проходило становление и молодых солдат, только что пришедших из учебного полка из Союза.

Иногда повседневная действительность приносила и комические ситуации. Рассказывал командир группы 4-го батальона Сергей Полозов:

— Моя группа вела наблюдение с высоты 2737. В один из дней в кишлак Мач с гор спустилась группа вооруженных моджахедов. Доложив по команде, я начал наводить огонь артиллерии. После нескольких пристрелочных выстрелов, когда кишлак уже был захвачен вилку, над дувалами населенного пункта вдруг на шесте подняли в небо развевающийся красный флаг. Мы приостановили стрельбу, а из кишлака в горы бросились убежать моджахеды. Вот в предгорье мы их и накрыли огнем. А по поводу кишлака мои сослуживцы потом шутили, что «Полозов установил советскую власть в отдельном взятом населенном пункте».

Своеобразным рубежом в ходе операции стал проход первой колонны. С этого момента, помимо боевых действий, началась политическая фаза операции. В район боев для осведещения реализации гуманитарной ее части было стянуто большое количество журналистов, которые передавали материал в различные компании мира. Проехали они и в Хост, чтобы убедиться, что дорога в этот район и в город действительно свободна, и по ней беспрепятственно идут грузы для населения. Это было главное.

Операция закончилась полной победой.

Для усиления афганского республиканского влияния и обеспечения безопасности одновременно вдоль всей трассы началась передача афганским военным застав и постов, созданных «шурави» во время операции. Мне же в этот предновогодний период первый раз пришлось близко познакомиться с руководителем информгруппы Центрального телевидения СССР Михаилом Лещинским. «Афганцы» называли его главным «телесказочником» за надуманные сюжеты, которые он подавал на экраны телевизоров...

Встреча с ним произошла в домике Варенникова, что находился на аэродроме Гардеза. Заканчивалось 30 декабря, оставались сутки до Нового года, и Лещинский со своей группой пытался улететь на вертолете в Кабул для передачи собранного материала.

Его вылет соответствовал и нашим планам, поскольку мы с командиром бригады получили разрешение от командарма на полет в Джелалабад, для участия в праздновании 25-летия образования 15-й обрСпН. Командующему армии от советника президента Афганистана товарища В.П. Поляничко (бывший первый секретарь ГК КПСС г. Челябинска) стало известно, что 31 декабря в бригаду прибывает официальная делегация Афганского правительства в составе министра госбезопасности Якуби, министра внутренних дел Гулябзоя, члена политбюро НДПА Моманда, председателя агентства Бахтар Юриша, секретаря комитета НДПА провинции Нангархар Машана. Для скромной бригады высокопоставленных гостей не многовато ли? Пожалуй, нет!

Уникальность нашей бригады заключалась в том, что в далеком 1979 году все эти министры и военачальники, а тогда молодые лейтенанты Гулябзой и Якуби начинали свой боевой путь из Чирчика. На одном самолете вместе с разведчиками мусульманского батальона нашей бригады вернулись на родину и принимали участие в штурме Дворца Амина, осуществляя захват власти у диктатора. Естественно, наше присутствие на подобных торжествах было обоснованным. Однако в тот вечер и ночь мы по метеословениям не смогли улететь. А Михаил Лещинский с женой Адой Петровой и оператором Романенко, торопясь в столицу Афганистана, уехали на бэтэрах.

Торжества в Джелалабаде прошли без нас. Тов. Моманд с подполковником Безручко перерезали символическую ленточку при открытии музея боевой славы бригады. Нас же с комбригом в ночь с 30 на 31 декабря командующий армии вернул обратно в связи с резким осложнением боевой обстановки и понесенными потерями. Как сейчас, отчетливо помню 31 декабря. Выпал глубокий снег. Резко похолодало, воздух был необыкновенной чистоты. В частях царило праздничное оживление, к новогодним торжествам в горах были срублены голубые елочки, и во всех подразделениях их украсили одинаково — патроны автоматные, патроны пулеметные, патроны пистолетные, снежинки из бумаги, конфеты-карамель... Командир дал команду тыловикам во всех частях улучшить ассортимент продуктов.

Этот Новый год остался в нашей памяти самым необыкновенным. Мы со Старовым встречали его с личным составом в частях и подразделениях, ходили из землянки в землянку, поздравляли

солдат и офицеров. Во всех ротях умельцы приготовили торты из галет, обильно смазанных сгущенкой. И, не стовариваясь, гостеприимные хозяева угощали нас, убеждая, что их пирог самый вкусный. Разведчики радовались празднику, как малые дети. Были ряженные Деды Морозы и Снегурочки с усами, которых под дружный смех обнимали. Зашли мы и к семнадцати артиллеристам взвода, приданного нам из состава 56 десантно-штурмовой бригады. Они тоже сидели в своей землянке за праздничным столом. Поздравили их, а на 24.00 командир объявил готовность к плановой стрельбе. К этой минуте по радио связались с группами, находящимися на боевых постах, поздравили их с необычным Новым годом в афганских краях. С последним ударом кремлевских курантов земля вздыбилась от грохота артиллерии. Стреляли наши, стреляли реактивные дивизионы, стреляли и «зеленые». Все кричали:

— Ура! — и высказывали общее пожелание: «Вернуться домой живыми!»

Из письма того времени:

«Пишу вам 4 января. Днем солнечно и тепло, снег тает. Земля подсыхает, но пыли еще нет. Сажу на камне и пишу на планшетке. Передо мной прекрасный вид — горы, покрытые шапками снега. Время от времени под горой бьет реактивная артиллерия, и все тонет в грохоте. А в сторону снежных вершин летят, сверкая огненными хвостами, наши «бакшиши» для «духов». О наших делах в этом районе вы знаете из газет и теленовостей. Противник сломлен, и сегодня в Хоста ушла шестая колонна с материальной помощью, а это ни много ни мало — 310 автомобилей...»

Но до завершения было еще далеко, боевые действия в Новом году продолжались еще три недели...

Война напоминала о себе ежеминутно. Мы теряли людей убитыми, ранеными, больными. В памяти осталось несколько фамилий: 27 декабря 1987 г. в районе Хоста на mine, стоящей «на разгрузке», подорвался младший сержант Мухин. Умер он мгновенно. Огненный смерч разметал его тело. Хоронить было просто нечего. Останки убитого поместились в одном вещевом мешке... Я запомнил, что Дмитрий Владимирович перед призывом в армию закончил второй курс Минского университета. Тогда студентов брали в армию. И хотя прослужил-то он совсем немного — все его знали и любили, отзывались о нем с большой теплотой, что делало потерю горькой вдвойне. Погиб он во время работы по подготовке СПС к

засаде. Через три дня погиб молдаванин прапорщик Михаил Кузьменко, тоже из 668-го отряда... 5 января погибли младшие сержанты Игорь Пряхин и Заур Синякаев, 17 января рядовой Игорь Савинов, ефрейтор Алексей Еремкин. А в самом конце операции, 18 января 1988 года — белорус младший сержант Виктор Гранков. Через пять дней умер от ран в госпитале рядовой Иван Бодиштян. А 19 января из Хоста в Гардез вернулась колонна, которая отвезла туда последнюю тысячу тонн груза. 20 января мы получили приказ на возвращение наших подразделений из районов разведки в места базирования частей для подготовки к маршу и на снятие войск с блоков вдоль дороги.

В эти последние дни и часы боевых действий погода вновь переменилась, напомнив, что мы находимся в суровых условиях высокогорья. Налетел сильный шквалистый ветер, и всю ночь выла метель, до неузнаваемости преобразившая местность. С утра — серое мрачное небо. Ветер рвет брезент палаток. Все, кто могут, попрятались в землянках.

Разведчики, в невероятно трудных условиях пурги спустившиеся с гор, отсыпаются. Оживление присутствует только на площадках с бронетехникой. В грязном промасленном обмундировании под руководством заместителей по технической части работают мученики-водители. Лица синие, руки озябшие — копаются с техникой. Наступает их время. У каждого своя работа на войне. Как бы сказал по этому поводу Роберт Павлович Мосолов:

— Богу — Богово, а кесарю — кесарево! Скоро марш.

С перевала Сатыкандав мимо нас сплошным непрерывным потоком идут колонны пехоты и десантников, уже вышедших из боя. Мы еще на месте, так как ждем возвращения своих бронегрупп, которые забирали разведчиков из-под Хоста. Командир сидит в палатке на ЦБУ и по телефону отдает распоряжения на подготовку наградных материалов.

Накануне сам Громов приказал не тянуть с оформлением документов, особо подчеркнув фактор своевременности прохождения наградных материалов по инстанциям, поэтому Старов лично составлял списки для награждения. Всего от бригады представлялось к правительственным наградам более 400 солдат и офицеров, активных участников боевых действий и специалистов из подразделений обеспечения.

Первыми в список для награждения попали первый заместитель командира бригады Анатолий Безручко, который на операции не был, но руководил боевыми действиями частей в полосе ответственности всей бригады. По приказу комбрига штаб подготовил на него два представления: к досрочному званию полковника и наградной лист к ордену «За службу Родине в ВС СССР» III степени; вторым значился начальник разведки — Михаил Коркишко — к ордену Красной Звезды, следом мои однополчане — псковичи — начальник связи Ахмед Муратов — ко второму ордену Красной Звезды, старший лейтенант Сергей Шакурин — к ордену «За службу Родине в ВС СССР» III-й степени.

Меня представили к ордену «За службу Родине в ВС СССР» II-й степени, но в Москве в ГУКе с представлением не согласились, и в августе 1988 года в Чирчике перед строем части был зачитан Указ, в котором называлась моя фамилия.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета О награждении орденами и медалями СССР военнослужащих, рабочих и служащих Советской Армии

За успешное выполнение задания по оказанию международной помощи Республике Афганистан и проявленные при этом мужество и героизм наградить:

ОРДЕНОМ КРАСНОЙ ЗВЕЗДЫ

Кривопалова Олега Владимировича — подполковника.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

А. ГРОМЫКО.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

Т. МЕНТЕТАШВИЛИ.

Москва, Кремль.

26 июля 1988 г.

Самому же комбригу напоминает об этой операции орден Красного Знамени и навсегда застуженная поясница...

23 января, солнечным морозным днем, наша колонна благопо-

лучно дошла до Кабула, и, находясь уже в районе Теплого Стана, мы с командиром были вызваны на доклад к командующему армией. Прибыв во дворец Тадж-Бек, попали на служебное совещание, посвященное итогам прошедшей операции. С докладом выступал сам командарм. Я записал следующие строки:

«Подводя итоги, можно смело сказать, что, помимо политического значения операции, противнику был нанесен серьезный урон в живой силе и материальных запасах. Так, за время боев было захвачено и уничтожено только складов с оружием и боеприпасами более ста, а кроме того большое количество различного рода вооружения, среди которого даже были 4 танка и девять бэтэров, десять машин залпового огня. Подобные трофеи оказывались у нас и раньше, но не в таком количестве. Потери группировки войск 40-й армии были сравнительно небольшими, можно даже сказать минимальными...».

После краткого заслушивания, во время которого комбриг доложил о ходе марша, Громов отпустил его обратно к личному составу бригады, а мне поставил задачу по работе с заместителем начальника штаба армии полковником Дыбским в провинции Логар, где резко обострились отношения между органами местной власти и советским командованием, дислоцирующихся там воинских частей.

— Ни в коем случае не допустить обострения отношений, — инструктировал меня командарм. Вылетать в Бараки будете сегодня вечером.

Меня, конечно, это расстроило, так хотелось прийти в себя после операции, помыться и отоспаться, но приказ есть приказ. Колонна под руководством Старова ушла из Кабула в Джелалабад без меня.

Прошли многие годы, но сентиментальные воспоминания о Джадранкале, о перевалах под Хостом то и дело посещают меня.

Откуда мы могли знать тогда, что война в том краю и в той стране будет продолжаться и в XXI веке, а дети, принимавшие радостно продовольствие от советских солдат в 1988 году, будут опять воевать. Но теперь уже с американским спецназом, и, если сильно не повезет, окажутся в американском лагере для пленных талибов на далеком острове в Карибском море...

ОПЕРАЦИЯ «ВОСТОК-88»

...Этот день, 17 апреля 1988 года, мог стать последним в жизни для меня, и моих товарищей: старшего лейтенанта Яремко, сержанта Коблова и рядового Гиниядова, по воле судьбы вместе со мной выполнявшим боевой приказ командарма, который я получил от Громова в самый разгар боевой операции под Асмаром:

— Вам, товарищ подполковник, немедленно убыть в Джелалабад. По прибытии доложить для постановки следующей задачи!

Пожалуй, это было полной неожиданностью, так как операция, продолжавшаяся третьи сутки и носившая условное наименование «ВОСТОК — 88» вступила в затяжную фазу. В этом месте сделаю небольшое отступление.

...К середине апреля духи взяли в блокаду пехотный полк 9-й пехотной дивизии афганской армии, что дислоцировался в отдаленном населенном пункте Асмар провинции Кунар. К тому времени от полка осталось около двух сотен солдат и офицеров, и их призыв о помощи не остался неуслышанным в Кабуле.

Поскольку боеспособность афганских соединений 9-й дивизии (штаб в Асадабаде) и 11-й дивизии (штаб в Джелалабаде) были невысокими, то командование 40-й армии спланировало операцию по деблокированию окруженных силами советских войск. В состав группы входили: мотострелковый полк 201-й дивизии (возглавлял мой однокашник по училищу, уже к тому времени — начальник штаба дивизии полковник Борис Егоров), два батальона 66-й мотострелковой бригады (командир подполковник Авласенко) и два отряда спецназа нашей бригады под командованием комбрига полковника Старова.

Руководителем операции являлся недавно прибывший из Союза на должность замкомандарма генерал-майор. Это был высокий белобрысый мужчина, с заметным брюшком (отчего сильно потел), с толстыми выступающими губами и овальным, узким и скошенным подбородком. На его лице неестественно смотрелся добродушный курносый нос, который не соответствовал свирепому взгляду и зловредному характеру хозяина. Для генерала это была первая самостоятельная боевая операция, и поэтому он старался не показывать своей неопытности. Что давалось с трудом.

Пожалуй, спецназовцы и мотострелки 66 бригады лучше других знали эти места. Здесь часто бывали наши разведгруппы. Ас-

мар и Барикот являлись самыми отдаленными в провинции гарнизонами, находящимися в двух километрах от границы с Пакистаном. К ним вела единственная дорога, пробитая в отвесных скалах на высоте от 30 до 100 метров над рекой Кунар. Подобная блокада уже имела место в истории тех афганских частей. И в 1988 году, вокруг Асмара удавкой все туже сжималось кольцо, обстрелы становились все интенсивнее и точнее.

Гарнизон держался, и в этом была большая заслуга пяти наших офицеров-советников. Душманы захватили все господствующие высоты в округе. Снайперы били без разбора, по первому показавшемуся человеку из-за дувала. Все попрятались и ждали помощи, работы проводились только в ночное время. На исходе у окруженных было все: и боеприпасы, и продовольствие, и терпение. Кончилась даже соль.

Армейская операция началась в намеченные сроки. Путь от Джелалабада до Асадабада, где был развернут командный пункт руководителя операций, прошли без помех за один день, вышли за город, а дальше дорога стала намного сложнее, и темп движения снизился. Колонну из 110 машин с личным составом, боеприпасами и артиллерией возглавлял саперный взвод и дорожный батальон 45-го инженерно-саперного полка из Чарикара. По горам слева и справа прикрывали колонну группы спецназа и сторожевые посты 40-й армии.

Около 18 часов на ровной площадке в предгорьях остановились на ночевку. С востока ее обрамляла высокая длинная гряда отвесных гор. Стало прохладно, и у всех враз разыгрался аппетит. Забренчали консервными банками, зашелестели пакетами сухпайков, задымил походный чай... А наши бойцы приступали к своей работе. Почти по вертикальной стене поднялась на гребень группа лейтенанта Маркова из первого батальона. Марков ничем особым не выделялся: невысокого роста, худенький, подвижный, спортивный. Однако пользовался в отряде репутацией боевого офицера. Мне он — выпускник КВОКУ, запомнился своей неординарностью и душевной простотой. Как-то после совместного выхода на боевые, во время служебного совещания, при большом количестве личного состава, он подошел ко мне и запросто протянул руку для приветствия.

— Здравствуйте, Олег Владимирович!

Я заворчал на него за нарушение субординации:

— Товарищ лейтенант, военнослужащие, согласно уставу, при встрече отдают друг другу честь. При этом младшие это делают первыми. А вот руку первым должен подать старший.

— А меня, товарищ подполковник, родители учили подавать руку тому, кого я уважаю! — отпарировал он.

«Надо же, как он меня отбрил!» — подумал я, — молодец!

Марков остался в моей памяти замечательным разведчиком и человеком. За войну получил два ордена, а в Союзе, в разваливающейся армии, адаптироваться не смог и уволился старлеем в запас.

Но это было потом. А сейчас была война.

...Через несколько минут после восхождения на вершину Марков по радио передал:

— Вижу группу вооруженных людей,двигающихся по хребту в нашу сторону. По внешнему виду духи. Буду атаковать!

— Ни в коем случае, — вскричал генерал, — пусть разведчики обозначат себя, но в бой не вступать!

— Как не вступать? — опешил комбриг Старов, — их надо уничтожить! За ними идут основные силы. Ночью противник начнет бить нас сверху!

— Старов, никаких стычек с противником, вы меня поняли?

— Я понял, но не совсем. Моя группа должна обеспечить безопасность основной группировки. Значит, она должна владеть инициативой. Я поднимаю наверх дополнительные силы.

— Юра, — с гневом в голосе произнес обладатель генеральских погон, — не надо паниковать. Не гони волну. Наша задача — Асмар, и не к чему ввязываться в бой здесь под Асабадом. Предупреди своих разведчиков, чтобы были корректны. Лишний шум нам не нужен.

Юрий Тимофеевич не стал объяснять несмышленому новичку, замкомандующего, прописные истины горной войны. По которой — кто выше, тот и прав. Он отошел к начальнику связи, вызвал комбатов Воробьева и Гилуча. Подавив отрицательные эмоции от разговора с генералом, комбриг спокойно и дружески объяснил каждому, что надо сделать.

Тихо и мирно все разошлись.

Около девятнадцати часов, когда окончательно стемнело, и в жаркой южной ночи застрекотали цикады, да ядерной тыквой выползла в небо луна, обеспечившая черноте ночи удивительную прозрачность, три наши группы уже цепко держали господствующие

вершины. Время от времени где-то там, наверху, вспыхивали перестрелки, но по походному лагерю никто не стрелял.

В эфир выходили командиры групп и толково рассказывали оперативному дежурному на ЦБУ о своем противодействии противнику. Мы со Старовым слушали переговоры и не спали всю ночь. Перед рассветом на КП бригады пришел руководитель операции. Кстати сказать, однокашник Старова по свердловской кадетке. Но, в отличие от Юрия Тимофеевича, тактом не обладавший. Не стесняясь постороннего присутствия, обращаясь к комбригу, с ехидцей сказал:

— Вот и утро, а ты, милая, боялась? А это, оказывается, и не больно.

— Валера, ты напрасно иронизируешь, — ответил ему Старов, — у меня на высотах в эту ночь сидело 60 человек! Три усиленных группы. И всю ночь они били духов! А ты спокойно спал.

— Так ты что, не выполнил мой приказ? Юра, я тебе этого не прощу! — с обидой в голосе прорычал генерал.

— Валерий Григорьевич! Есть такая поговорка: «Поздно, батенька, пить «Боржом», когда почки отпали!» Не нарывайся на комплемент, я в Афгане уже три года, а ты считанные дни. Плевать я хотел на твои генеральские амбиции! Ночь прошла штатно, потерь нет. Как руководитель операции ты должен радоваться, ведь в этом твоя заслуга.

— Ну, Старов, смотри — я тебе твоего хамства не забуду!

На этом они недружелюбно и разошлись.

Как только начало светать, колонна двинулась в горы.

Поднимаясь все выше и выше, я удивлялся грозной красоте, окружавшей нас. Слева движение войск ограничивала отвесная скала, справа внизу, под дорогой, зажатый меж отвесных скал, мчался бешеный Кунар. Машины едва умещались на полотне дороги. Впереди двигался саперный взвод, обнаруживающий мины и уничтожающий их накладными зарядами. От саперов зависело многое. Надо отметить, что миноискатели не обнаруживали эти мины, и одна надежда у саперов была на щупы (палка с шилом на конце) и на свое чутье. Опытные командиры, воспитанники полковника Тараса Поварчука, учили саперов не мину искать щупом, это в каменистом грунте было бесполезно, а, втыкая щуп в каменистый грунт, чувствовать его состояние. Если плотность грунта отличалась от окру-

жающего, значит, здесь копали, значит, здесь что-то было. Но это чутье приходило с боевым опытом.

Внезапно голова колонна подверглась мощному обстрелу из ДШК и минометов, а также стрелкового оружия. Прятаться было негде. Часть личного состава юркнула в броню. Часть бойцов спешилась и, укрывшись за камнями, вела ответный огонь.

Куда стрелять, никто не знал. Эхо в горах и яркое солнце в глаза сбивало ориентировку. Но все куда-то стреляли... командиры прокричали секторы огня и ориентиры. В перестрелку включились танки, БТРы, артиллерия. Бессмысленная стрельба через некоторое время все-таки начала стихать... Все звуки погасил знакомый рев движков.

Прямо над колонной прохлопала лопастью и ушла куда-то в сторону гор «вертушка». За ней еще три. Медленно дернулась и пошла вперед колонна. Скалы раздвинулись, и моему взору открылась живописная панорама. Слева на горочке одиноко стоял дом, его огораживал дувал — побитый снарядами, террасами от него вниз спускались обработанные участки плодородной земли.

Склон как ножом разрезал овраг, на дне которого по мелководью текла прозрачная как слеза горная речка или, точнее, ручеек. Пересекая дорогу, она стекала в грязный и мутный Кунар. Наша дорога, петляя бежала по дну длинного ущелья, а потом круто поворачивала вправо. Там, в голове колонны, началась беспорядочная стрельба, затем раздался мощный взрыв, и в воздух полетели какие-то доски и бревна. Как оказалось, духи взорвали мост через реку, и все движение прекратилось до подхода саперного подразделения 45-го полка.

Без особых команд личный состав бросился выполнять повседневные задачи. Побежали артиллеристы с приборами, на солнце блеснули лопаты... Техника расползлась от дороги, ища естественные укрытия. За несколько минут местность преобразилась.

Под десятком одиноких, но раскидистых деревьев выросли палатки. На площадках развернули огневые позиции батареи гаубиц М-30 и Д-30. Чуть в низине, поворачивая направляющими в сторону гор, разместилась батарея реактивной артиллерии. Вскоре вдоль дороги появились небольшие свежеврытые окопы и укрытия. Выполнив инженерные работы по укрытию от огня противника, солдаты и офицеры группами и поодиночке потянулись к ручью.

На ходу раздеваясь догола, прыгали в ледяную воду. Стирали

пропотевшую и пыльную одежду и белье. Разбрасывали ее на раскаленные сковородки прибрежных камней. Показалось, что вода закипела от разгоряченных тел. Жарища стояла страшная. Я тоже привел себя в порядок. Пока мы купались, наши прополосканные маскхалаты, брошенные на камни, высохли под солнцем. От этого омовения поднялось настроение. Но это библейское купание было прекращено начинающимся артобстрелом.

— В укрытие!

Разрывы одиночных снарядов взяли вилку часть дороги, и залпом ударили реактивные снаряды. Дым и пыль скрыли все с глаз. В ответ наши артиллеристы начали пристрелочную стрельбу. В небе, проскочив «горкой» хребет на крейсерской скорости, появились восемь МИ-24.

Еще несколько минут и они уже перемахнули невидимую линию фронта. Теперь под ними лежала чужая, враждебная земля. Вертушки зарыскали змейкой, уклоняясь от невидимых прицелов, и ухнули нурсами. Заложив крутой вираж, они уже повернули на обратный курс, а там, куда они ударили — вздыбилась земля, взметнулись в небо камни, какие-то искореженные железки и куски досок. Но обстрел нашей колонны реактивными снарядами в полукилометре от нас приземлился вертолет. Из него вышел командарм Б.Громов, одетый в простую солдатскую форму без знаков различия. Мы с полковником Старовым оказались к нему ближе других, потому подбежали и представились первыми. Командарм поздоровался с нами за руку и удалился на КП. Я ушел заниматься своими делами, но вскоре прибежал посыльный и передал команду: всем командирам и замполитам частей прибыть на командный пункт.

Когда я пришел к полуразрушенному дувалу, где стояла прикрытая масксетью кашээмка (КШМ — штабная машина) руководителя операции, то Громов уже начал заслушивать генерала П. и других командиров частей. Старов призывно махнул мне рукой, и я протиснулся к нему. Мы только уютно пристроились рядком в тени, как вдруг земная твердь разверзлась, и мы все, потеряв равновесие, упали друг на друга и ударились о стену. Нас поглотило густое облако желтой пыли, которое противно пахло тротилом.

В эти мгновения все стали едины — и командиры, и подчиненные. Командарм протирает глаза и кашляет вместе с нами. Сначала я подумал, что недалеко от нас упал снаряд, и его взрывная

волна пронеслась над нами. Но оказалось, мы чуть не погибли под собственными бомбами. Для поддержки войск с воздуха и уничтожения артиллерии моджахедов была вызвана родная фронтовая авиация ТуркВО, которая с высоты 10 тысяч метров небрежно сбросила свой бомбозапас.

Сбросила раньше времени, и по своим войскам. Фугаски упали очень кучно, всего в каких-то 200 метрах от КП группировки, на излучине реки, где проходило наше совещание. Просто чудо, что нас не задели эти разрывы.

— Передайте этим разгильдяям, — спокойно сказал начальнику связи и дежурному по авиации Б.Громов, — что они безобразно работают. Штурману — двойка! Пусть не попадают мне на глаза. Командующего авиацией ко мне на связь... Товарищи командиры, разберитесь с потерями...

Вскоре сообщили первые итоги: убитых нет, несколько машин дымили, получив повреждения, одна бээмпешка лежала вверх гусеницами. Бежали военные медики, оказывая первую помощь пострадавшим. В этот момент общий драматизм ситуации сгладила комичность обстановки: от дувала к небольшому ровчику полз на животе руководитель операции генерал П. Первый раз попав в подобную обстановку, генерал сильно испугался и еще не пришел в себя. Увидев его, все дружно, как по команде, засмеялись. Не смог погасить улыбки и суровый командарм.

— Куда это вы ползете? — спросил он у своего заместителя, — вставайте, товарищ генерал, лучше продолжим совещание! — Громов буднично продолжал давать текущие распоряжения, неожиданно, как будто что-то вспомнив, повернулся ко мне и, ткнув вперед указательный палец, резко сказал:

— Подполковнику Кривопалову приказываю выйти из боя, взять два бронетранспортера и прорываться на Асадабад, а затем совершить марш по маршруту Асадабад — Джелалабад. О прибытии доложить мне лично по радио, для постановки специальной задачи!

Через двадцать минут все было готово к выезду. Я взял с собой троих: проверенного и надежного товарища, помощника по комсомольской работе старшего лейтенанта Яремко и экипаж бэтэра из 5-го батальона в составе двух бойцов. Второго бэтэра просто не было под рукой.

— Олег Владимирович, заедешь в 5 батальон, возьми второй

БТР. На одном не иди! — хлопнув меня по плечу и пожав руку, коротко проинструктировал комбриг.

— Хорошо, Юрий Тимофеевич, — ответил я. В этот момент посмотрел на часы. Стрелки показывали 15.05. Все нормально. Успеваем. Светлого времени — три с половиной часа. Но во времени я ошибся. Пока было светло, мы долго и с большим трудом пробирались по серпантину горной дороги, занятой войсками, порой движение шло прямо по станинам развернутых для ведения огня гаубиц и по нашим тылам. Я сидел на броне рядом с водителем, с опаской поглядывал в обрыв, командовал ему:

— Правее, левее, прямо!

Коля Яремко шел впереди БТРа с палкой и орал матом, разгоняя ревнителей порядка, пытающихся помешать нашему движению. Наконец-то колонна закончилась, и мы, прибавив газу, полетели к центру провинции Кунар — городу Асадабаду. Я смотрел и не узнавал недавно пройденные места — то в одном кювете, то в другом, то в пропасти под дорогой лежали наши автомобили и бронетехника. Особенно меня поразила одна транспортно-заряжающая машина для «Урагана» — ее переломило посередине, и грозные длинные ракеты оказались сломаны, как сигареты.

«Живы ли люди, которые сидели за рычагами этой техники?» — подумал я.

Так еще и не вступив в бой с противником, мы понесли первые потери от неприступных афганских гор. На сердце было тревожно... Мы не разговаривали между собой, только иногда я кричал водителю отдельные команды.

Проезжая центральную торговую площадь Асадабада, я принял решение не делать остановку в батальоне спецназа, а ехать дальше. Вспомнив слова комбата В.Гилуча о том, что на операцию он забрал все исправные БТР и БМП.

Значит, мой поиск второго бэтэера затянулся бы на часы. Все равно я бы выехал в ночь один, а чем бы это закончилось, не знает никто. Скорее всего, нас бы недолго выслеживали, ведь агенты моджахедов вели непрерывное наблюдение за ППД батальона. Одинокое транспортное средство — лакомый кусочек для духов. И они бы нас уничтожили. А тут неожиданно для всех, в сумраке наступающей ночи, город проехал какой-то одинокий ошалелый БТР с горсткой «шурави» и покатил в неизвестном направлении...

С другой стороны, выполняя приказ Старова, я бы не выпол-

нил приказ Громова. Размышлять было некогда. Командир обязан проявлять инициативу для точного выполнения поставленного приказа. На войне часто сталкиваешься с подобными парадоксами...

К тому времени уже стемнело, а впереди лежала дорога, полностью контролируемая духами, вплоть до самого Джелалабада. Сердце замирало от необъяснимого волнения, которое всегда бывает при сближении с опасностью независимо от того, труслив ты или смел: я убежден, что спокойных нет в бою под огнем. Можно держаться с достоинством и не спешить поддаваться воздействию внешних обстоятельств, но на душе у меня бушевала буря. Мне кажется, моим солдатам в психологическом плане было проще — они не осознавали, в какую опасную ситуацию мы попали. За них думал старший машины — начальник политотдела... Все поняли опасность момента только тогда, когда по нам стали стрелять на поражение. Мы не слышали звуков выстрелов и сначала не осознали, что за горюх настойчиво застучал по нашей броне. А потом Коля Яремко наклонился ко мне и прокричал в ухо:

— Кажется, по нам стреляют? — Я кивнул в ответ. — Ты прав.

Первый раз нас обстреляли с вершины горы несколько автоматчиков. Мы хорошо разглядели вспышки огня справа, но не ответили — до противника было метров 200, и поворот дороги, вскоре закрыл нас горной складкой. А вот второй и третий обстрелы мы встречали организованным огнем, автоматы в руках раскалились. Мы расстреляли по два магазина. Надо сказать, что не было ни времени, ни желания обсуждать происходящее.

Гудел двигатель, свистел ветер в ушах. Я стоял по пояс в люке командира. Между мной и водителем, опустив ноги в люк, сидел на броне Коля Яремко, а оператор стоял в заднем левом люке. Скажу честно, что после третьей перестрелки с душманами я уже не думал, что мы останемся живыми. Мне много приходилось слышать о том, что перед смертью человек мысленно вспоминает прожитое.

Честно скажу, — не было у меня видений о всей прошедшей жизни. С грустью про себя одной короткой фразой попрощался с родными и близкими и ждал развязки. Вероятно, в тот момент все мои чувства были так обострены, что я, будто через прибор ночного видения, заметил в темноте перебегающего от зарослей к дереву у дороги душмана с гранатометом, а следом другого...

Вскинув автомат, я дал короткую очередь по гранатометчику, и мой трассер пронзил его тело. Порция адреналина и радость от собственной меткости налили мое тело боевым азартом. Время как будто остановилось.

Рядом загрохотали автоматы моих товарищей. На меня посыпались горячие отстрелянные гильзы. В эти секунды наш водитель испугался выстрелов и непроизвольно нажал на тормоз, БТР плавно остановился. Я заорал на солдата нечеловеческим голосом, отборным матом. Ведь эти секунды могли стоить нам жизни... Мы с Яремко стреляли по мечущимся теням до тех пор, пока БТР не унес нас прочь от места засады. Нам показалось, прошло минут 20, а на деле все произошло в считанные минуты.

Мы прекратили стрельбу только для смены магазинов. Вот только тогда нам вслед стали стрелять, но мы были уже далеко. Грохнул выстрел гранатомета. По броне отчетливо продокали пули. Над нашими головами уходили по курсу нашего движения автоматные трассеры, как бы указывая нам дорогу, и гасли в темноте... Примерно через час мы подъезжали к центру провинции Нангархар городу Джелалабаду.

На пустынных улицах этого населенного пункта наш одинокий бронетранспортер вызвал удивление и оживление афганских часовых, стоящих на переездах. Ведь в том году уже никто не имел права так ездить. Это рассматривалось в высшей степени безрассудством. Однако наперекор всему мы благополучно добрались до дому.

По приезде в штаб бригады к нашему БТРу подошел мой друг, подполковник И.Серзин и сказал:

— Олег, мы тебя уже похоронили.

— По радио выходил Старов и передал, что ты погиб на маршруте Асадабад — Джелалабад. У нас сегодня уже три трупы. Погиб Витя Головки.

— Игорь, так ведь я выполнял приказ командарма!

— Куда ты полез? Кому нужно твое геройство? — И крепко при этом прошелся по матушке, как умел делать только наш начальник тыла бригады. В адрес кого он ругнулся, я так и не понял.

Зайдя в штаб на ЦБУ, я связался по телефону с командующим армией, — он уже был в своем кабинете в Кабуле. Доложил о благополучном прибытии в Джелалабад и готовности исполнить его

приказ. И вы не представляете, что он мне сказал.

— Кривоपालов, завтра в Джелалабад прилетает член ЦК КПСС, первый секретарь ЦК ВЛКСМ Мироненко. Приказываю вам лично встретить его на аэродроме, разместить в гостинице и познакомить с частями гарнизона. Вы, товарищ подполковник, в этом деле — старший воинский начальник! Но смотри, чтобы не осрамился, чтобы не стыдно было перед Москвой. Понял?

— Так точно. Есть, товарищ командующий! Понял, — ответил я.

Положив телефонную трубку, я подумал, — и ради этого стоило рисковать жизнями? Ну и дела. Неужели нельзя было это поручить замполиту 66-й бригады подполковнику Рашидову, который на боевые не ходил? Что тут скажешь. Спасибо за доверие! Мы с Яремко покормили солдат бронетранспортера, устроили их на ночлег, помылись под душем, но никак не могли успокоиться от перенесенных переживаний и стресса. Очень кстати я вспомнил, что в комнате у меня стоит «НЗ»: 400-граммовый флакон медицинского спирта, и пригласил своего молодого коллегу к себе.

— Пойдем, Коля, поужинаем!

Полночи мы сидели, разговаривали с Яремко о жизни, вспоминали пережитые эпизоды боевого марша и пили спирт, не пьянея. Утром я приказал Яремко подготовить наградные листы к медалям «За боевые заслуги» на Игоря Александровича Коблова и Илься Робертовича Гиниядова. Когда они были отпечатаны — подписал их и лично сдал в штаб бригады. Вытащил из сейфа два Почетных Знака ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть» и прикрутил на пропыленные гимнастерки ставших мне близкими солдат уважаемые боевые награды. Обнял каждого и сказал:

— Спасибо, ребята. Спасибо, что живы! Это все, что могу!

Этот день — 17 апреля — я считаю вторым днем своего рождения.

А через два дня в Джелалабадский гарнизон прилетела московская свита молодых чиновников, которые долго парились в бане, пили водку и к личному составу воинов-интернационалистов особого внимания не проявляли... 20 апреля ублажать высокого гостя прилетели сам командующий армией и член военного совета. Только тогда я понял, какого большого «шишку» мне поручено было встречать... Но почему-то уважения к Мироненко это не добавило.

И в качестве заключения следует сказать, что наша операция

под Асмаром закончилась благополучно, но по иному варианту. Наша тактическая группа войск, оттянув на себя большие силы духов, создала благоприятные условия для вывоза афганского полка на вертолетах.

Что и было сделано в течение следующей ночи. Через двое суток потрепанные колонны наших частей возвращались в пункты постоянной дислокации для того, чтобы начать подготовку к выводу в СССР. Общие затраты и наши потери за время операции мне, к сожалению, неизвестны, но советские войска своими действиями спасли афганских республиканцев, с честью выполнив в очередной раз свой, действительно интернациональный долг.

Однако эта война, участие в которой для СССР было обречено на неудачу, не могла быть выиграна даже при целом десятке блестяще проведенных армейских операций.

А на той дороге, под Асмаром и Асадабадом, помимо ржавых останков советской боевой техники, навсегда осталась часть моей души.

ОПЕРАЦИЯ «ПАМИР». НАЧАЛО ВЫВОДА ВОЙСК ИЗ АФГАНИСТАНА

Вопреки бытующему мнению, выводить отдельные части советских войск из Афганистана начали еще 9 января 1980 г., когда в полном составе был выведен «мусульманский» батальон 15-й обрСпН. Его возвращение домой было весьма скандальным. Перед вылетом солдаты и офицеры передали все оружие и боевую технику соответствующим службам 40-й армии.

Перед посадкой в самолет контрразведчики подвергли обыску личный состав и изъяли два пистолета, несколько образцов холодного оружия, транзисторный приемник и магнитофон. На фоне этого скандала офицеры батальона опасались, что они могут не долететь до Чирчика, поскольку все являлись носителями большого государственного секрета. Как рассказывали ветераны, все два часа полета домой они были в невероятном напряжении.

К счастью, все обошлось. Однако факт породил слухи о том, что спецназовцы якобы вывезли огромное количество ценностей, захваченных при штурме дворца Амина.

В том же году, как говорят, под руководством Л.Брежнева серьезно обсуждался вопрос о выводе наших войск, но некоторые события послужили причиной переноса срока. А именно — в Кабуле подверглось обстрелу советское посольство, в результате которого несколько наших специалистов были убиты. Одновременно по стране прошло несколько массовых демонстраций протеста и даже военных мятежей, в т.ч. наиболее известный — в Герате.

Афганская армия в это время была еще слаба и не могла самостоятельно справиться с беспорядками. В связи с этим было принято решение — советские войска пока не выводить, оказать разностороннюю помощь в формировании афганской армии, а потом вернуться к вопросу о выводе. С приходом Ю.Андропова было заявлено о неременном выводе советских войск, о чем начались даже переговоры с ООН. Но только в 1985 году удалось сдвинуть все с мертвой точки.

Мне лично довелось выходить из Афганистана дважды: в первой колонне 18 мая 1988 г. и 15 февраля 1989 г. в последней колонне советских войск. Впечатления об этом были яркими и в принципе отличающимися друг от друга. В чем отличие, думаю, вам будет интересно узнать?

...Май месяц в 1988 году показался нам очень жарким. В условиях стопроцентной влажности в районе Джелалабада в 8 утра температура в тени уже была плюс пятьдесят градусов.

Даже нашим ребятам, привыкшим к экстремальным условиям и высоким температурам, грозили тепловые удары. Особенно тяжело им приходилось на боевых. А откуда взяться тени в голых горах, когда солнце в зените, а ты на вершине? Поэтому такие случаи как тепловые удары и даже смерть от солнечных лучей были не единичны.

И это было серьезной проблемой выживания. Человеку не просто надо было оказывать немедленную медицинскую помощь, а спасать жизнь. В таких случаях, если позволяли обстоятельства, пострадавшего спускали вниз.

Почти бездыханное тело передавали из рук в руки, подхватывая ношу так, чтобы не упустить ее в пропасть, да и самому не свалиться. Внизу его раздевали, укладывали на плащ-палатку в тени и отливали водой. А если этого не могли сделать, то в часть возвращалось безжизненное тело. Как правило, жертвой солнца становились физически слаборазвитые, неупитанные солдаты, а десантники

упитанными не бывали. Все спецназовцы нашей бригады были поджарыми, как волки, без лишнего грамма веса.

В конце апреля — начале мая боевая деятельность спецназа сворачивалась. Однако результаты боестолкновений подтверждали данные разведки о повышении активности мятежников. Так, 20 апреля разведчики РГСПН № 513 завязали тяжелый бой с противником. При отходе подорвались на минном поле и получили ранения мл.сержант Заднепрянный Евгений Васильевич из Днепропетровска и рядовые Вашкеба и Цховребов. 21 апреля командиры РГСПН №№ 124 и 121 лейтенанты Лафазан и Рыбаков уничтожили группу из 7 моджахедов и две зенитные горные установки (ЗГУ). 21 апреля РГСПН № 431 (командир ст.лейтенант Полозов) обнаружила караван и завязала тяжелый бой, в ходе которого с нашей стороны были убиты рядовые Лукица Ю.В. и Грибов В.П., а Николай Булатов ранен. 22 апреля, вышедшая им на помощь бронегруппа № 435 (командир майор Пимонов) подорвалась на минах. Разведчик рядовой Черников С.В., входивший в РГСПН № 512, подорвался на ППМ и потерял правую ногу. 23 апреля бронегруппа № 505 под командованием капитана Дикарева обнаружила и уничтожила караван мятежников из 10 вьючных животных. Захвачено большое количество боеприпасов, мин, стрелковое оружие, 10 реактивных снарядов, 200 выстрелов к пулемету ДШК, 12 к РПГ. В ходе боя убиты 7 мятежников. 24 апреля РГСПН № 433 (командир ст.лейтенант Дуброва) вела двухчасовой бой с охраной каравана, предположительно до 100 вьючных животных. Геройски погиб чирчикский паренек рядовой Дымов Анатолий Иванович. И так каждый день...

Вот ведь какая сложилась противоречивая ситуация, — наглого противника надо бить, а спецназу уже не до него. Сознательно, согласно приказу, все меньше спланированных групп выходило в засады и вылетало на боевое патрулирование.

Все больше времени бойцы и офицеры проводили в парках боевой техники. Полным ходом шла подготовка к выводу частей бригады на территорию СССР.

Первыми движение к границе Родины начали асабабдцы. 23 апреля, в третью годовщину гибели в Мараварском ущелье роты капитана Цебрука, однодневным переходом пришла потрепанная колонна под командованием подполковника Гилуча. Прибывшие расположились лагерем на одной из площадок в предгорье, за го-

родком 154-го отряда. В ходе марша, который шел очень медленно, вскрылись технические неполадки побитой в боях техники, и поэтому командованию батальона предстояло до 15-го мая сделать невероятное — отремонтировать всю матчасть. В батальоне на тот момент осталось 46 единиц боевой техники (БТР-80 и БМП-2) и 74 автомобиля. В строю числилось 485 человек личного состава, из них 57 офицеров, 28 прапорщиков. Отсутствовали 18 военнослужащих, находящихся в госпиталях по причине ранений и болезней. Их эвакуацией централизованно занималась медслужба 40-й армии. К этому моменту все служащие СА уже были отправлены в Союз самолетами.

Особенно тяжелое время пришлось пережить разведчикам за последние три месяца до вывода войск. Непрерывные обстрелы изматывали психику и увеличивали количество пострадавших. Городок отряда спецназа, оставленный в Асадабаде, был весь перепахан снарядами и минами. Сиротливо торчали в небо сгоревшие перекрытия строений и мазанок. Сохранившиеся здания солдатской столовой и кухни передали по акту афганским властям.

В автопарке навсегда осталась ржавый металлолом из сгоревших автомобилей и боевых машин. Только 14 апреля в полдень при обстреле ППД было зарегистрировано 11 прямых попаданий реактивных снарядов в автопарк. В итоге — сгорели два Зил-131, а у шести бэтээров осколками искрошило колеса. Осколками были ранены шестеро разведчиков. При этом двое из пострадавших находились в тяжелейшем состоянии. Один из бойцов лишился глаз. Несмотря на сложную противовоздушную обстановку, вертолетчики вылетели в Асадабад и вывезли всех раненых в госпиталь 66-я омсбр на «Сеялку». С каждым днем действия противника становились более наглыми, масштабными и скоординированными по месту и времени.

На плечах уходящего из Асадабада спецназа в ночь с 23 на 24 апреля моджахеды перенесли свою диверсионную деятельность из Кунара в провинцию Нангархар, совершив нападения на объекты советских и афганских частей в Джелалабаде... В 2.20 ночи была предпринята попытка налета на территорию штаба бригады.

Группа моджахедов обстреляла часового 5-го поста рядового Белова. В стену рядом с солдатом одновременно попали четыре пули и трассер. Но Белов чудом не пострадал в этой ситуации. Оставшийся живым, часовой сумел победить страх, занять позицию

для стрельбы из окопа и расстрелял 24 патрона... тем самым успешно отразив нападение — рассеяв нападающих.

Примерно в это же время в районе Соловьиной рощи, на дороге, ведущей с аэродрома в городок штаба бригады, подверглась обстрелу из засады наша колонна. К великому счастью, в ней никто не пострадал. Все закончилось нервной встряской... Среди пострелянной техники оказался и мой служебный автомобиль Уаз-469, получивший серьезные повреждения. Утром, после технического осмотра, автомобилисты сделали заключение, что он не подлежит восстановлению. В итоге автомобиль разобрали на запчасти.

Неспокойно было и в горах. С началом боя в районе Соловьиной рощи и кишлака Самархель обстреляли и дежурную смену станции тропосферной связи Р412(А) отряда спецрадиосвязи бригады, находящаяся на господствующей высоте выносного поста «Роза». После успешного отражения нападения бойцы прапорщика Неупокоя потушили пожар и с рассветом спустили в 154-й отряд раненого и обгоревшего солдата.

Синхронно в Джелалабаде ночную тишину разрезали автоматные очереди. Там моджахеды напали на несколько постов караула афганской 11-й пехотной дивизии. В ходе перестрелки один часовой погиб, а трое «сарбозов» получили ранения различной тяжести.

Вот на таком фоне готовился вывод наших войск, в соответствии с подписанными 14 апреля 1988 года в Женеве документами по политическому урегулированию положения вокруг Афганистана... Министры иностранных дел Афганистана, Пакистана, СССР и США решили, что ограниченный контингент советских войск должен покинуть территорию Афганистана через девять месяцев.

— Что за особый смысл у этого срока? Не знаю. Что касается состава выводимой группировки, то целесообразность ее у нас тогда вызывала большие сомнения. Возникали вопросы:

— А почему в первую очередь выводятся боевые части?

Ведь восемь батальонов спецназа твердо контролировали обстановку на границах с Пакистаном и Ираном. И вдруг враз оголяется, и бандитам открывается дорога вглубь Афганистана. Тогда вразумительного ответа мы не получили. Только через шестнадцать лет в книге воспоминаний генерала армии Варенникова «Неповторимое», т.5, «Советский писатель», 2001 г., стр.294 —

295, я получил ответ на этот вопрос. Валентин Иванович описал это так:

«Я прозондировал настроение Наджибуллы — как он посмотрит на то, что мы выведем несколько боевых полков из Афганистана в Советский Союз. При этом было сказано, что с его, Наджибуллы, приходом к руководству страной внутренняя и внешняя политика должна быть изменена коренным образом, в частности, в области стабилизации ситуации. Наджибулла колебался недолго. Мало того, что согласился с нашим предложением, он заглянул еще дальше и, сказал: «Вывод Советских войск будет полностью соответствовать интересам и Афганистана, и Советского Союза. Афганистан продемонстрирует свою готовность мирным путем разрешить все проблемы с оппозицией. А СССР еще раз докажет миру, что никаких захватнических целей он не преследует, как это ему приписывают, и что он готов вывести войска так же, как и вводил».

Я переговорил по телефону с начальником Генштаба С. Ф. Ахромеевым и подробно рассказал о нашей беседе. Он сразу ухватился за эту идею и начал с вопросов:

— А вы уверены, что Наджибулла действительно воспринимает такой акт положительно? А не получится ли так, что накануне вывода он позвонит нашему руководству и скажет, что не хотел бы, чтобы наши части уходили? Не может ли он сказать, что поторопился со своим согласием.

Я успокоил Сергея Федоровича, сказав, что Наджибулла, в отличие от других, не станет отказываться от своих слов и свое решение не изменит. Затем последовали другие вопросы, касающиеся непосредственно вывода наших войск: «Какие части вы предполагаете выводить? На каких направлениях? Как это отразится на общей обстановке?» Думаю, что это будет пять-шесть боевых частей. Именно боевых — другие не прозвучат».

В этом месте я считаю необходимым сделать небольшое отступление для пояснения отдельных деталей. Практический опыт у командования по выводу наших войск из этой горной страны уже был. За полтора года до этого, в сентябре 1986 года, вышли на территорию СССР несколько мотострелковых, танковых и зенитно-артиллерийских полков 5-й, 108-й и 201-й дивизий. Они дислоцировались в гарнизонах, где достаточно сильны были афганские войска и присутствовали наши части и подразделения.

Однако тот вывод растянулся на несколько этапов. Из которых первые были приостановлены в связи с большим скоплением банд мятежников у дорог, готовых выдвинуться и массированным огнем бить наши колонны. Войскам была дана команда: «Отбой!». Артиллерийские части и особенно авиация получили команду нанести массированные удары по скоплениям душманов. Первые два часа удары наносились фактически непрерывно. Огневые налеты артиллерии чередовались с бомбоштурмовыми действиями авиации. Затем авиация повторяла удары через каждые два-три часа. Остальное время методическим огнем артиллерии огневыми налетами уничтожались отдельные цели. Об этом времени генерал армии Варенников рассказывал:

«Через сутки в афганских средствах массовой информации по нашему требованию появились подробные сообщения о том, что, несмотря на просьбы и предупреждения не мешать советским войскам возвращаться на свою Родину, не провоцировать боевые действия, во многих местах банды изготовились к нападению на колонны частей 40-й армии, предназначенные для вывода. В таких условиях вместо нормального движения войска вынуждены были вести боевые действия. И все это — только по вине главарей «Альянса семи», в ущерб афганскому и советскому народу. В итоге все подтянутые к магистралям банды были разгромлены. Гульбетдин Хекматияр хотел «баню»?! Он ее получил. И мы постарались это разъяснить народу не только во всех средствах массовой информации, но и традиционными каналами — на базарах, через караваны, просто через ходячих в кишлаки. При этом оппозиция строго предупреждалась о том, что если кто-то еще раз посмеет перейти к нападению, то последуют наши удары, и будут во много крат мощнее предыдущих».

После такой «чистки» в сентябре 1986 г. войска вышли без потерь. И вот новое «масштабное» испытание. Как-то оно пройдет в 1988 году?

...В начале года, как только закончилась операция «Магистраль», в 40-й армии в рабочем порядке фактически были согласованы все вопросы по выводу. В принципе, вся группировка армии делилась ориентировочно на две равные части, каждая из которых составляла около 50 тысяч личного состава.

Боевым распоряжением командующего 40 ОА № 01 от 13.03.1988 г. нашей бригаде вывод был определен своим ходом в

три этапа. 1 из Джелалабада — 15 мая — 228 единиц техники одной колонной; 2 из Газни — 28 мая — 139 машин 177 ооСпН; 3 из Бараклов (Суфла) — 10 июня — последней колонной 668 ооСпН из 127 машин. Предстояло своими силами этими колоннами вывести весь личный состав и грузы: 72 тонн боеприпасов, 236 тонн ГСМ, 60 тонн продовольствия, а также 365 тонн прочего имущества.

В апреле 1988 г. министр обороны СССР генерал армии Д.Ф. Язов прислал директиву, в которой определялись все вопросы, связанные с организацией и обеспечением вывода войск. Указывалось, что все войска выводятся за 9 месяцев. Первый этап вывода — с 15 мая по 15 августа 1988 года, второй — с 15 ноября 1988 года по 15 февраля 1989 года. То есть на каждый из этапов давалось по три месяца и на перерыв между ними еще три месяца.

Практика же показала, что мы способны были решить эту задачу и в более сжатые сроки, а время, определенное на январь-февраль (снегопады в горах и морозы), было ошибочным. Министр обороны СССР определил и направления вывода. Это были те же маршруты, по которым 40-я армия вошла в Афганистан в 1979 году. На западе: Кандагар — Шинданд — Кушка. На востоке: объединявшиеся в Кабуле маршруты из Газни, Гардеза и Джелалабада. Далее войскам этого направления предстояло преодолеть перевал Саланг высотой более 3000 метров, выйти в район Пули-Хумри и завершить марш в Термезе. Более пятидесяти тысяч солдат и офицеров из 15-й и 22-й бригад спецназа, 56-й десантно-штурмовой бригады, 66-й и 70-й мотострелковых бригад, а также частей 201-й мотострелковой дивизии, покидали Джелалабад, Газни, Гардез, Кандагар, Лашкаргах, Файзабад, Кундуз на первом этапе.

Варенников вспоминал о вроде бы второстепенных, но важных моментах:

«В середине апреля 1988 года меня вызвали на заседание комиссии Политбюро ЦК КПСС, где я докладывал готовность войск 40-й армии к выводу и способность армии Афганистана защитить независимость страны. Заседание вел председатель комиссии Шеварднадзе. Он же, и особенно Яковлев, проявляли исключительную активность в обсуждении проблем. Но в итоге все улеглось...»

Вернувшись из Москвы, генерал армии В.Варенников приле-

тел в Джелалабад, где инспектировал нашу бригаду. Заслушал командира и заместителей, осмотрел части и в целом остался доволен состоянием дел, а перед вылетом вдруг неожиданно приказал:

— Силами бригады в течение недели соорудить бункер для остающихся советников на территории Джелалабадского аэродрома.

Приказ был шокирующим, — ну какие из наших разведчиков строители? Но обсуждению он не подлежал, тем более что к руководству были сразу приставлены специалисты-строители инженерной службы штаба 40-й армии. Строящемуся объекту было присвоено кодированное название «Саркофаг».

Основная тяжесть работ легла на плечи личного состава 154-го отряда нашей бригады. 334-й ооСпН не привлекался, так как он занимался восстановлением своей материальной части и боеспособности. В этой ситуации мы с командиром бригады нервничали необычайно, ведь проблем с подготовкой к выводу было «выше крыши», а приходилось отвлекаться на совершенно ненужную нам работу. Не скрою, у нас с первой минуты твердо укрепилось мнение об этом строительстве как об очередной авантюре. Основным строительным материалом были избраны бетонные «хумы» из периметра ограждения военного городка штаба бригады, расположенного на территории бывшего оливкового завода. «Хумы» — полые бетонные кубы со сторонами в полтора метра. Было решено этими блоками прикрыть по бокам и сверху стандартный жилой модуль, в котором до того жили летчики.

Сооружение должно было полностью обеспечить безопасность, т.к. не имело окон, а у выхода блоки были выложены изгибом, чтобы пуля или осколок не залетели в помещение. Наши разведроты работали по-стахановски круглые сутки, в темное время на площадке включались прожектора для подсветки.

Мы с командиром, меняя друг друга, круглосуточно контролировали стройку — мотаясь между аэродромом и штабом бригады. Все наши усилия объять необъятное были оправданы, и, несмотря на ряд сложностей, задача была выполнена полностью. Благодарности за работу над объектом мы не дождались, так как завершили строительство с некоторым опозданием по времени, за что получили разнос вышестоящего командования по этому поводу.

Объект получился далеким от совершенства. Бетонные блоки выглядели угрюмо, тяжеловесно и устрашающе. Жилое помещение

советников было обнесено монументальной стеной — огромными металлическими сетками, заполненными валунами, в два ряда. Вдоль стены шли минные поля: подвешены на туго натянутых проволоках осколочные гранаты, мины вкопаны в землю.

Все было продумано. Это сооружение предназначалось для последнего смертного боя, и инженерная служба армии вместе с нашими солдатами потрудились на славу. Стоять «Саркофаг» будет вечно, как монумент «шурави». Наши друзья советники, так же, как и мы, отзывались очень скептически о новом фортификационном сооружении.

Всем было понятно, что это решение принималось в Москве, в удобном кабинете какого-то начальника, не ведавшего, что такое Афганистан.

Остающаяся группа советников была убеждена, что долго здесь не задержится. Так оно и получилось. На другой день после августовского выхода последнего подразделения 66-й бригады в Кабул поступила тревожная радиограмма о неотвратимости наступления мятежников и срочной эвакуации советников.

В тот же вечер прибывшие из Кабула самолеты забрали группу. В середине лета к нам в Чирчик заезжали двое наших друзей-чекистов (Ардыков В.Д. и Микадзе В.) из той группы советников. И с возмущением рассказывали нам свои впечатления о разграбленных военных гарнизонах, переданных царандою, о выброшенных на ветер материальных средствах, и о том, что они (советники) и не думали задерживаться в Джелалабаде. Технические неисправности в подаче электроэнергии и воды делали невозможным их пребывание в «саркофаге». Боевого контакта с противником не было, но в двухстах метрах разорвалась одна мина, что оценили как «подготовку противника к штурму».

Задумка начальников не получилась. Важно было показать, что мы остаемся с защитниками города, не бросаем его на произвол судьбы. Нужен был символ нашей стойкости. На деле вышло другое.

Два чувства — страх перед противником и недоверие к союзнику — превращались в решающие факторы поведения наших советников. Аппарат советников в Кабуле знал, что делается на местах, но их информация в Москве оценивалась иначе. А мы во всем этом безобразии кляли В.Варенникова...

Несмотря на «строительный бум», нарушающий ход подго-

товки подразделений к выводу, как и было решено ранее, нашей бригаде оказали честь покинуть территорию Афганистана первой. А учитывая показательность и сложность вывода авангарда войск армии, ее организацией занимался лично командарм Б.Громов, который часто бывал в эти дни в Джелалабаде. Он же лично проводил строевой смотр готовности походных колонн и личного состава частей.

Стремительно пролетели две недели мая. Джелалабад, представлявший особую значимость, заблаговременно (т. е. до вывода советских войск) максимально усиливали. Перебросили дополнительно армейские части правительственных войск, боевую авиацию, направили пополнение для доукомплектования частей гарнизонов, боевую технику и вооружение (особенно БТР, БМП, артиллерию). Шла большая организаторская работа наших советников, не прекращаясь ни днем, ни ночью, — строилась оборона, проводились тренировки. К тому времени в Джелалабадском гарнизоне были сконцентрированы неприкосновенные запасы боеприпасов, горючего и продовольствия на три месяца.

Военные городки, в которых жили части бригады, — казармы, столовые, бани — остались в таком образцовом состоянии, что складывалось впечатление, будто солдаты лишь на минуту покинули его. Кровати были аккуратно заправлены новыми постельными принадлежностями, которые накануне вывода завез из Союза неутомимый заместитель командира бригады по тылу Игорь Серзин. На установленных местах лежали даже прикроватные коврики, а под тумбочками — тапочки. Казармы усилиями нескольких поколений военнослужащих выглядели обжитыми и были оборудованы всем необходимым. Без перебоя работал водопровод.

Объединенной комиссией советских и афганских тыловых служб были подписаны акты о приеме и передаче имущества. Афганцы, подписав соответствующие документы, выставили в гарнизонах свою охрану. Утром 14 мая мы полностью освободили военные городки. И остановились лагерем в роще на берегу мелкого ручья, недалеко от места постоянной дислокации 154 ооСпН. В сотне метров от нас проходило стратегической шоссе Кабул — Джелалабад — Пешавар, по которому буднично катились бурбухайки в Пакистан и обратно.

Афганские водители призывно сигналили нам клаксонами, их пассажиры дружелюбно махали руками: «Счастливо, шурави!»

Вечером того же дня, возвращаясь после совещания у Громова из военного городка 66-й мотострелковой бригады, мы заехали на территорию бывшего штаба бригады.

Полковник Старов, обуреваемый чувствами ностальгии к месту, где он прожил два года, решил на прощание заглянуть в свой модуль — в свою комнату. Лучше бы он этого не делал, так как увиденное шокировало его. К этому времени (за один день!) военный городок практически уже полностью был разграблен. Все более или менее ценное имущество — телевизоры, радиоаппаратура, кондиционеры, мебель, кровати, постельные принадлежности — были похищены и проданы через лавочки города.

В большинстве помещений не осталось даже ни дверей, ни оконных рам. Последние, кстати, пользовались особым спросом у населения. Увиденное разграбление вызвало очень горькие мысли у нас:

— К чему все наши усилия? Нужны ли были мы здесь?

Парадокс! Мы загружали в машины и вывозили на Родину ржавые пустые сейфы, а новую бытовую технику оставляли афганцам. А ведь тогда в Союзе кондиционеры были диковинкой, да и телевизоры, холодильники тоже не были бы лишними.

Совершенно понятно, что банальным воровством в массовом масштабе занимались не простые афганские солдаты или гражданские лица со стороны, — это могли сделать только власть имущие. Те, на кого оставляли мы наш гарнизон. За всем этим отчетливо чувствовалось, что все эти командующие и губернаторы — временщики, люди без будущего...

Уже тогда они предвидели, что кабульское правительство продержится без советской военной поддержки считанные недели-месяцы-годы.

Так и получилось. Но вернемся к логике нашего повествования.

И вот наступило то историческое утро — 15 мая. День начала вывода советских войск. С первыми утренними лучами, наскоро перекусив, наша колонна с личным составом на борту вернулась на территорию 66-й бригады. Спешилась.

Управление, штаб бригады, два отряда спецназначения, отряд спецрадиосвязи и подразделения обеспечения построились на строевом плацу. От командования армии на трибуне находился член военного совета армии генерал-майор Захаров. Все представители

местной афганской власти и общественности прибыли в бригаду для личного участия в церемонии прощания.

Надо отдать им должное, руководство провинции Нангархар организовало сердечные проводы выводимых частей. Быстро пролетел митинг, завершившийся торжественным прохождением войск, и колонна неотвратно пошла на север. И хотя на часах было только 7 утра, расплавленный солнечный диск уже давил своим безжалостным жаром все живое. В движении лица обжигала просто мартеповская духота...

Мой БТР был «особого назначения», так как имел на борту ящики с партийными документами. Согласно приказу командира в/ч пп 71351 № 49 от 7 мая 1988 г. за партучет отвечал секретарь парткомиссии политотдела бригады майор Глова:

«В соответствии с боевым распоряжением командующего армией в период с 15 по 19 мая часть совершает марш по маршруту: «Джелалабад — Кабул — Пули-Хумри — Хайратон — Термез». В целях обеспечения качественной подготовки техники к маршу и организованного движения машин приказываю:

...Закрепить бронетанковую и автомобильную технику управления соединения за водителями и старшими машин:

БТР-80, № 113 (партучет) — водитель рядовой Кононыхин К.Ю., старший — майор Глова А.Н., состав экипажа А.Червинский (радист), О.Лаврентьев (пулеметчик), стрелки рядовые Ю. Скурилин, В. Непогодин, В. Кондратьев.

Для обеспечения охраны документов партийного учета в ходе марша на привалах назначать комендантский взвод, командир взвода лейтенант Головин А.Н.».

Естественно, я чувствовал личную ответственность за перевозку этого груза на территорию СССР и весь марш до границы находился в люке старшего. По рекомендации начальника ОО КГБ бригады для экстренного уничтожения ящиков с партийными документами были предусмотрены средства уничтожения, состоящие из 3 кг тротила снизу и по бокам — двух МОН-50, а сверху — одной МОН-90. От этого соседства все члены экипажа испытывали психологическое неудобство и порой покрикивали друг на друга:

— Эй, ты, поаккуратнее там возись, а то полетаем...

Прощание афганцев с нашими воинами было просто трогательным. При прохождении колонны через Джелалабад с солдатами, сержантами и офицерами вышли проститься более двенадцати

тысяч местных жителей. Стоя плотной стеной на обочине шоссе, простые дехкане бросали на броню проходящей техники цветы и бумажные венки, открытки с приветствиями и пожеланиями, написанными на русском языке, флажки с выдержками из Корана. Думали ли они в тот момент, в какое тревожное время вступают после выхода советских войск? Совсем скоро провинциальный центр будет разбит огнем артиллерии талибов. Тысячи людей бросят свой кров и уйдут в безопасные места. Кто-то откровенно радовался выводу, кто-то мечтал о возмездии, но тем не менее при прохождении нашей колонны провокаций отмечено не было.

Командование армии провело огромную работу по организации боевого охранения войсковых колонн в ходе марша и в местах отдыха. Все используемые коммуникации были основательно заблокированы войсками.

На маршруте Джелалабад — Кабул на блоках находились десантники 103-й вдд. На участке Кабул — Джабаль — Уссарадж подразделения 108-й мсд, на перевале Саланг и далее до Чаугани — силами 345 опдп. Далее до Хайратона ротами 395, 149 и 122 полков 201-й мсд. Были тщательно спланированы действия артиллерии и всей авиации ВВС армии. На весь личный состав выходящих частей из Афганистана были доставлены каски и бронежилеты.

Провоевав девять лет, разведчики спецназа только перед началом последнего марша получили средства индивидуальной защиты. Кстати, деньги на эти цели были потрачены немалые, например, только один бронежилет типа 6-Б-2 стоил 960 рублей! Это тогда были очень приличные деньги. А бронежилетами обеспечили всех военнослужащих — от комбрига до последнего солдата-повара... Принятые меры безопасности не были лишними, — благодаря им наши колонны вышли без царапины и погибших.

Об этом памятном дне написал и генерал армии Варенников:

«В первый день выхода войск из своих гарнизонов я был в Джелалабаде. Там располагались 66-я отдельная мотострелковая бригада и 1-я бригада специального назначения Главного разведывательного управления Генштаба. Кроме того, здесь же, на аэродроме, располагался и небольшой авиационный гарнизон. Он включал в себя не только самолеты и вертолеты, перелет которых был спланирован отдельно, но и значительную часть наземного эшелона, куда входили различные подразделения обслуживания. Все они, конечно, шли с общей колонной под прикрытием боевых частей.

Все, что было в Джелалабаде (и, естественно, по соседству — в Асадабаде), — переходило в Кабул и располагалось там в специально отведенном районе неподалеку от кабульского аэродрома. Имелось в виду, что с утра 16 мая часть войск кабульского гарнизона и все те, кто подошел 15 мая в Кабул, тронутся на Термез. Набиралось несколько тысяч.

Вообще церемония вывода наших войск приобрела не просто торжественный, а величественный характер. В Джелалабаде, в военных городках только населения собралось более 15 тысяч человек. Были здесь и военные, и местные авторитеты, и местные власти. Проводились митинги. Теплые речи с обеих сторон: мы клялись, что в беде Афганистан не оставим, а афганцы клялись, что будут дружбе вечно верны и с помощью Советского Союза укрепят демократические свободы. К сожалению, ни того, ни другого не получилось: с 1992 года по решению Ельцина мы Афганистан вообще бросили, а «демократией» стали заниматься фундаменталисты — с помощью талибов они вообще разрушили страну».

Добавлю, что на маршруте движения колонн до Кабула во всех кишлаках устраивались теплые встречи и сердечные проводы «шурави». На окраине Кабула первые машины колонны встречал сам командарм Громов и при подходе всей массы машин возглавил ее марш при прохождении по городу. При этом колонна была поделена на две части.

Первая боевая из 114 БТР-80 шла за машиной командарма через Кабул, а вторая тыловая пошла вокруг города на отстойник «Теплого Стана». В столице в этот момент творилось что-то необыкновенное. Далеко не в каждый праздник на улицах бывало так много разряженной публики. По оценкам службы безопасности, на проходящую колонну смотрели более ста тысяч человек. Повсюду море цветов, кругом лозунги на русском и афганском языках, флаги и флажки, музыка. По-моему, этот праздничный настрой свидетельствовал о многом.

С наступлением ночи разместились на отдых на стоянках Теплого Стана — в отстойнике. По-походному перекусили сухими пайками, укутались в теплые куртки и шинели, и, как смогли, переночевали, устроившись прямо на броне своих машин... Да и что той ночи-то — в три легли, в пять часов встали.

Короткая и беспокойная ночь кончилась. Как только рассве-

ло, на часах было 4.30 местного времени, начали вытягивать колонну к месту построения. В 7.15 16 мая колонна вошла в столицу.

Все волновались. Командарм на вечернем совещании предупредил, что выход из города советских воинов будут провожать лично президент Мохаммад Наджибулла Ахмадзай, или коротко Наджибулла, все члены Политбюро ЦК НДПА, все афганское правительство, многие общественные организации.

На выходе из города нашли удобную площадку, где построили огромную трибуну-шатер для руководства страны, там же разместили большой оркестр и несколько тысяч горожан. К 9 утра приехал Наджибулла. Все его ждали у трибуны. В числе приглашенных находились чрезвычайный и полномочный посол Советского Союза в Афганистане, руководящий состав посольства, командующий 40-й армией, члены военного совета, начальники служб армии, представители — от ЦК КПСС, Минобороны, КГБ, МВД и др., главный советский военный советник, представители общественных организаций СССР в Афганистане. Кроме того, на трибуне присутствовало много иностранцев, а также всё представительство ООН во главе с генерал-майором Раули Хельминеном — руководителем комиссии ООН, осуществляющей наблюдение за выводом советских войск, и Беноном Севаном — помощником Генерального секретаря ООН Диего Кордовеса. Гостевые трибуны примыкали к центральной, где располагались руководители Афганистана.

Торжественность обстановки достигла такого уровня, что описать ее невозможно.

— Да, хоть мы разной веры, — думал я, — но за эти годы мы породнились с афганцами, а дружба наша скреплена кровью. И какие бы испытания наши народы ни прошли в последующем, эта дружба не будет забыта никогда.

Хотя, забегая вперед, можно сказать, что вместе с лидерами наших стран менялись и отношения, что, конечно, бросало тень на наши народы. По крайней мере, нас сильно изменить не удалось. Мы до сих пор сохранили добрые чувства к афганскому народу.

Когда все было готово, прозвучали фанфары.

Начинал митинг командующий войсками ТуркВО генерал армии Н.И. Попов, зачитавший Обращение ЦК КПСС к советским воинам-интернационалистам, возвращающимся из Афганистана. После этого было четко объявлено — перед народом Афгани-

стана и перед советскими воинами в Афганистане выступает президент Республики Афганистан Наджибулла!

Наджибулла выступал в свойственной ему манере — страстно и ярко, часто не дожидаясь полного перевода своих слов. Говорил о том, почему советские войска пришли в Афганистан, что у них не было других целей, кроме примирения афганцев, которые затеяли борьбу за власть. А для СССР не безразлично, что творится у его соседей. Что только по неоднократной и настоятельной просьбе Советский Союз согласился ввести свои войска, но при условии, что он не будет вести боевых действий в Афганистане, и афганский народ благодарен Советскому Союзу за то, что он откликнулся на эти просьбы. Однако оппозиция спровоцировала боевые действия, в результате чего погибло много афганцев и русских, а этого могло и не быть, если бы мира хотели США, Пакистан и оппозиция — «Альянс семи». Именно на их совести сотни тысяч погибших людей и миллионы беженцев, которые скитаются сегодня по земле и не могут вернуться к своему очагу. «Политика национального примирения» внесла коренные изменения в нашу позицию — мы за мир на любых условиях и, в первую очередь, с проведением всеобщих открытых выборов под наблюдением ООН, — говорил Наджибулла. — Сейчас советские войска уходят. Кое-кто старался обвинить их в дестабилизации обстановки. Сегодня советский солдат уходит к себе домой. Ему ничего от Афганистана и афганского народа не нужно. Он сделал все, чтобы помирить нас. И не он виноват, что не все получилось. Теперь он будет смотреть из Советского Союза, как мы это сделаем сами во имя народа. Мы, мусульмане.

— В эту минуту, — говорил Наджибулла, — мы обращаемся к советским матерям. Ваши доблестные сыновья возвращаются домой. Низкий вам поклон за воспитание настоящих интернационалистов. Наш народ никогда не забудет имена тех, кто отдал свою жизнь. Прошу почтить их память минутой молчания. Мы выражаем свою сердечную благодарность всему советскому народу за всестороннюю бескорыстную помощь. Советские воины уходят, но дружба с Советским Союзом остается.

В таком духе Наджибулла выступал минут сорок с переводом. Речь его прерывалась аплодисментами. Мне довелось несколько раз встречаться с ним в штабе 40 ОА и бывать в его Президентском дворце в центре Кабула, при вручении мне афганского ордена Боевого Красного Знамени. Он был приятным в общении челове-

ком и красивым мужчиной. Его любили советские военнослужащие. В его внешности и поведении чувствовалась какая-то внутренняя надежность. Он до последнего дня был верен СССР.

Забегая вперед, скажу, что 13 апреля 1992 года последние семь военных советников под руководством генерала Перфильева Б.С. отбывали из Афганистана, но когда администрация кабульского аэродрома стала чинить им препятствия, позвонили Наджибулле. Он лично приехал на аэродром и обеспечил их отправку в Ташкент, сказав на прощание, что в ближайшее время к власти придет оппозиция, ему самому на посту президента осталось находиться 5 дней, и, хотя советские и предатели, он считает своим долгом отправить их домой целыми и невредимыми.

К нему же в трагические минуты жизни благородства проявлено не было. Его бросили на растерзание.

От имени афганского руководства Наджибулла вручил бригаде спецназ памятное Почетное Красное знамя ЦК НДПА.

Ответное слово было представлено командиру «1-й специальной бригады советских войск» полковнику Старову. Наш Юрий Тимофеевич был прекрасным оратором и сразу приковал к себе внимание аудитории. Своими яркими простыми фразами он как бы говорил за нас о том, что было на сердце у каждого советского военнослужащего.

— Мы гордимся тем, — сказал комбриг, — что с честью выполнили свой интернациональный долг. Нас радует высокая оценка, которую дало правительство дружественной республики всему личному составу, награждение части высшим афганским военным орденом Красного Знамени. В нашей памяти навсегда останутся не только совместные бои против врагов афганского народа, но и помощь, которую мы вместе оказывали жителям кишлаков и городов. Мы внимательно будем следить за жизнью республики, будем радоваться вашим успехам в решении задач экономического и социального развития, претворения в жизнь политики национального примирения...

В этот момент произошел трагикомический случай. Фотографируя Старова, между собой повздорили два иностранных журналиста, судя по внешности, один англичанин, а другой азиат. Отталкивая друг друга плечами, они долго боролись за самый лучший ракурс для кадра, а затем опустив на асфальт фотоаппаратуру, бросились в рукопашную — обмениваясь тумачами и пинками. После

чего, громко ругаясь на разных языках, разошлись в стороны. Солдаты и офицеры, перед строем которых это происходило, приглушенно смеялись:

— Вот она — капиталистическая сущность конкуренции...

А в это время на трибуну поднимается Биби Гамар — вдова, мать солдата, член общества жен и матерей павших борцов революции. От имени афганской армии советских воинов поблагодарил Герой Республики Афганистан военный летчик полковник Барата. Президент республики, другие афганские руководители спускаются с трибуны, подходят к строю и вручают советским воинам медали «Воину — интернационалисту от благодарного афганского народа».

Раздается команда: «По машинам!»

Под звуки военного оркестра колонна, растянувшаяся на несколько километров по всему городу, медленно вытягивается по дороге, ведущей к перевалу Саланг. А поскольку все машины шли в колонне по одной дороге, то выход войск из Кабула занял около пяти часов. Машины нашей бригады шли первыми.

Надо отметить, что за ночь, проведенную в Кабуле, бойцы по-неуставному «украсили» свою технику. На башнях танков и БТРов, на солнцезащитных щитках в кабинах автомобилей появились большими буквами написанные наименования населенных пунктов, откуда были родом водители и механики-водители. Таким способом бойцы славил свою малую родину и отыскивали земляков и друзей, обменивались новостями. Над штабным БТРом асадабадского батальона неугомонный майор Качура опять закрепил военно-морской флаг. Но изменить что-то уже было нельзя, и грозный командарм просто раздраженно махнул рукой...

Момент прощания с первой колонной советских войск описал В.Варенников:

«Первой пошла колонна 1-й бригады спецназа полковника Старова. Я прекрасно знал его солдат и офицеров в бою. Уставшие, даже изнеможенные, всегда настроженные, гимнастерка мокрая, по лицу бегут ручейки пота с грязью, как правило, все в пыли и, конечно, небритые. Такими я их видел во время боя. А сейчас на БТРах сидели красавцы бойцы-молодцы, чистые, румяные. Все улыбаются. Одежда выглажена. Белоснежные подворотнички, у всех на груди награды — залюбуешься. Все без исключения машины (боевые или транспортные) были в цветах. Вообще, прощание с советскими солдатами было трогательным, а с такими героями —

тем более. Я искоса поглядывал на Наджибуллу. Он, как и другие, постоянно помахивал рукой и говорил: «Какие солдаты, какие солдаты!» Явно было видно, что он переживал. Это заметил и Юлий Михайлович Воронцов, наш посол».

На обочине в тысячной толпе провожающих бросались в глаза милые славянские лица русских женщин, которые вышли замуж за афганцев и проживали в Кабуле. Многие из них, обливаясь слезами, кричали нам: «Мальчики, на кого вы нас бросаете!», «Ребята, заберите нас на Родину!», «Что же мы без вас будем делать?». Эти эмоции запали мне в душу. Еще тогда, в горячке вывода я подумал, а, действительно, что же будет с несколькими тысячами русских женщин, создавших смешанные семьи, нарожавших детей и остающихся один на один с мусульманским средневековьем?

Будущего у них не было.

Эту надвигающуюся катастрофу не ощутил тогда никто, кроме них.

Как показала жизнь, к марту 1996 года в Афганистане осталось в живых всего семь русских женщин. Остальные были безжалостно вырезаны поголовно вместе с детьми и мужьями как пособники Наджибуллы.

...Шоссе втягивается в ущелье. Мы вышли на маршрут Кабул — Хайратон протяженностью 530 км. Изредка под откосами — сгоревшие наливники и бэтээры. Чем выше мы поднимаемся, чем ближе Саланг, тем этих кладбищ техники больше и больше. За кюветом, словно верстовые столбы — обелиски водителям и бойцам: где поставлен камень, где на плиту положили руль, и имена наших ребят под красной звездой. Это памятники погибшим. Сидящий рядом со мной на броне майор Глоба вздыхает:

— Печальное зрелище, следы войны...

Глоба всматривается в заснеженные горы и замечает:

— А красота — то какая!

Я молчу, потому что такую же «красоту» уже видел под Хостом, когда ходили на операцию «Магистраль». Становится холодно. Надеваем теплые вещи, что попадет под руку. Мне из чрева бэтээра подадут шинель с майорскими погонами, — откуда она? Неважно. Облачаюсь. Становится уютнее. Облака — вот они, рукой подать. Это самый трудный участок дороги Чарикар — Доши, на котором расположен перевал Саланг. Местность в полосе прохода высокогорная, сильно пересеченная, непроходимая вне дорог для

всех видов транспорта. Шоссе с асфальто-бетонным покрытием и шириной проезжей части 6 — 7 метров.

Саланг — это система тоннелей с принудительной вентиляцией, расположенных на высоте 4100 метров. Здесь постоянно фиксируются сходы снежных лавин. Вот они — тоннели, протяженность самого большого из них 2 километра 675 метров. Эти крытые галереи стали в 1979 году братской могилой для 12 бойцов, весной 1980 — для 2, в ноябре 1982 — для 64, в 1985 — для 16 наших солдат и офицеров. Все погибшие умерли от отравления угарным газом от работающих дизелей двигателей. Опасное место!

Наконец, дорога выкручивается вниз. Веселее побежали машины. Вырываемся на равнину.

— Слава богу, самый трудный участок прошли.

К вечеру дошли до Пули-Хумри. Городок дислоцируется на равнине, среди полукружья гор. Нас встречают тыловики подполковника А.Рыбакова. Очень быстро, образцово показательно сотни боевых машин были заправлены горючим, а затем расставлены на ночлег. Лагерь этот без преувеличения можно отнести к вершинам творчества тыловой службы, возглавляемой заместителем командующего полковником В.А. Васениным. В Пули-Хумри для нас есть все: баня, столовые и казармы для ночного отдыха. Нас с командиром встречает и размещает для отдыха лично начальник разведки армии:

— Как прошли маршрут, Юрий Тимофеевич?

— Колонна обстреливалась дважды. Техника выдержала, потерь и отставших нет, — спокойно, с достоинством отвечает Старов.

— Полковник Чуркин докладывал командующему, что вас крепко обстреляли.

— В 13.40 из района Дахи-Нау по колонне были выпущены эрессы, накрыли дорогу вблизи Дакай-Бала, но мы проскочили без потерь. Повторного обстрела не было, так как авиация и артиллерия нанесли ответный удар.

— Как же вы проскочили без потерь? Докладывали, что зарегистрировано сорок шесть разрывов снарядов. Мы думали, все конец — дым, пыль!

— Значит, повезло! Не так страшен черт, как его малюют.

Разговор прервал дежурный по связи:

— «Бронза» (позывной комбрига), вас вызывает на связь генерал-лейтенант Кочкин!

— Юрий Тимофеевич, здравствуйте, слышал, «западные голоса» твердят сейчас, что первая советская колонна «пробивается к границе с боями»? Доложите обстановку!

— Товарищ член военного совета, потерь не имею. При выходе из Кабула отличился отряд обеспечения движения под командованием капитана Мальцева. Быстро заставил замолчать огневые точки духов. В районе кишлака Дакай-Бала грамотно сработал «Барсук» (позывной комбата Гилуча), увеличил дистанцию между машинами и взял на прицеп поврежденный осколками грузовик. Так что все штатно! Сказки все это. Попытка выдать желаемое за действительное. Интересно, а что скажут по поводу марша иностранные журналисты, что идут у меня на броне? Дайте им возможность сбросить в свои агентства информацию о ходе марша!

Проходя вдоль колонны для инструктажа командиров и политработников, я разговорился с командиром роты минирования капитаном Колесником, волнуется: нет на собаку — полуторогодовалую овчарку Шейха, документов. Бойтся, что не удастся перейти с ним границу.

А ведь пес замечательный — с жаром убеждал меня он, — может запросто отыскать духовский схрон с оружием и снаряжением, успешно искал мины. Был дважды ранен. Одним словом, проверенный боевой товарищ! Что делать?

— Верить в справедливость, но думать самому! Смекай, — отвечаю Колеснику.

Несмотря на общую загруженность маршрута, по словам офицеров диспетчерской службы, по 25 — 30 колонн в день, нашей колонне отдан приоритет. Нас не останавливают для подтягивания колонны на диспетчерских контрольно-пропускных пунктах, а бойцы только машут на прощание руками. Идем на хорошей скорости.

Внезапно нормальный рокот двигателя начинает меняться на хлопки, а наша машина дрожит всем корпусом и, наконец, замирает при въезде в ущелье Александра Македонского под Таш-Курганом. Вот так на последнем этапе движения к границе наш БТР-80 № 113 продемонстрировал своенравный характер. Практически это началось с раннего утра последнего дня марша, 17 мая, — мы то и дело останавливались и подолгу чинили технику: полетел блок шинных кранов, в итоге сгорели три колеса, барахла система подачи

масла, электропроводка и др. В итоге трудная дорога к дому показалась на последних километрах непреодолимой. Мне не хотелось расписываться в слабости перед подчиненными, и несколько раз, когда останавливались наши машины и добровольные помощники бросались нам помогать, я отправлял их в надежде на собственные силы. И действительно, механики-водители рядовые Кононыхин и Чучин, справились с задачей, поменяв в очередной раз сгоревшую резину и наладив забарахлившую систему подкачки.

После устранения неисправности ко мне на броню залезает грязный по самые плечи мой земляк Игорь Чучин и с улыбкой говорит:

— Товарищ подполковник, сейчас бы пельменей наших, уральских!

— Живы будем, не помрем, — отвечаю я ему, — будут и уральские пельмени со сметаной, и с холодной водочкой.

Командую — Вперед, ребята, поехали потихоньку!

— О чем мы говорим, товарищ подполковник, — включился в наш разговор Давид Бахтадзе, — всех приглашаю к себе. Лучше Кавказа нет ничего. Сядем на самой высокой вершине, будем жарить шашлык, пить вино и петь песни. У нас такие красивые места!

— Рановато размечтались о жратве, — оживились Саша Червинский, Виталик Харьков и Слава Непогодин из комендантского взвода, — до дому еще дойти надо...

— Дойдем, двадцать километров всего до Хайратона осталось, — отвечает Костя Кононыхин. — А там прошу всех в гости на крымскую землю.

Через двадцать лет судьбе было угодно, чтобы мы выполнили свое обещание и встретились с героем того перехода кавалером медали «За боевые заслуги», солидным сорокалетним мужчиной Константином Юрьевичем Кононыхином. Эта радостная встреча первый раз состоялась на его родине, в столице Крыма, в конце бархатного сезона 2009 года. В братской обстановке мы душевно тогда посидели: вспоминали войну, товарищей, смотрели пожелтевшие военные фотографии и пили коктельский коньяк семилетней давности, закусывая его черным шоколадом...

А в тот угасающий майский день, когда в небе боролись дневные и ночные краски, мы медленно ехали по шоссе, въезжая в мрачноватое ущелье названное именем Великого Александра.

Повернув в правую сторону пулемет и сняв автоматы с пре-

дохранителей, мы все настороженно вглядывались в трещины и расщелины громоздящихся вдоль дороги монолитных горных вершин. Однако горы, остановившие в свое время слонов завоевателя, сохранили мрачное спокойствие. Наш одинокий бэтээр, на броне которого краснел кумач с надписью: «Родина, мы выполнили свой долг!», гордо замыкал ушедшую вперед колонну.

— Что такое долг? — думал я. В словаре Ожегова это слово трактуется как «то же, что и обязанности», т.е. определенный круг действий, возложенных на кого-нибудь и безусловный для выполнения.

— А ведь совсем не звучит «...мы выполнили свои обязанности»?!

Странное словосочетание. А мой долг сейчас — добраться с ребятами к месту сбора колонны, в противном случае — стыд и позор. Кто угодно может отстать, но не заместитель же командира бригады.

К сумеркам, уже после 18 часов, догоняем колонну. Ищу командира. Докладываю о прибытии. Он очень удивлен поломками:

— У тебя же новый БТР-80? Ну, дела! Скажи, пусть зампотех посмотрит. Сам не отвлекайся. Журналисты замучили. Возьми их, Олег Владимирович, на себя. И поработай, пожалуйста, с таможней. Я ушел на доклад к командарму.

Да уж, действительно, в пограничный город-порт Хайратон на встречу первой колонны прибыло рекордное количество корреспондентов (117 советских и 135 зарубежных). На голом пустынном пяточке, между машинами, я провел с ними подробную пресс-конференцию. Позади восьмисоткилометровый марш.

Впереди ночевка. Бойцы приводят себя в порядок прямо на броне. Таможня и пограничники с особистами частей «шерстят» подразделения. Мгновением пролетела бессонная ночь. Когда рассвело, всех охватило необычное волнение. Мы с командиром тоже привели себя в порядок: помогая друг другу, из кружки помылись, побрились, подшили свежие подворотнички, закрепили награды.

По команде комбрига подразделения начали вытягивать колонну. На нашем командирском бэтэере разместили Боевое Знамя бригады.

Открытое наименование предусмотрительно зашито куском материи. Хотя скрывать было совершенно излишним, так как «духи» были информированы о многом.

На последнем митинге в Хайратоне попрощались с афганскими товарищами. От советской стороны опять ярко выступил Ю.Т. Старов.

И вот, наконец, тронулись — уже видим ажурные контуры моста через Амударью. Когда наши войска входили в Афганистан этого моста не было. Да и город узбекский Термез благодаря только последнему десятилетию получил известность во всем мире. Хотя давным-давно здесь проходил «Великий шелковый путь». Как писали исторические хроники, караваны с большими трудностями перебирались через Амударью, которую в народе называли Джейхун, что значит «бешеная». Караванбаши, перебравшись на другой берег, подавали голос спутникам, не успевшим форсировать реку:

«Тырк мыз!» — «Мы живы!»

Может быть, спустя века «тырк мыз» трансформировалось в сегодняшний Термез? Наверняка, наши парни, возвращающиеся домой, не знали этой легенды, но многие на своих боевых машинах написали на кумаче: «Мы живы!».

Газета «Правда» 19 мая 1988 г. об этом моменте написала так:

«Туда, на мост дружбы, внимание множества людей — жителей Термеза и многочисленных гостей. И вот на серо-стальной вязи моста пламенем забилося под ветром развернутое знамя: движется головной БТР колонны — командирская машина полковника Ю.Т. Старова. Бесконечной вереницей идут к советскому берегу боевые машины. Здравствуй, родная земля! Звуки маршей, приветствия, рев моторов сливаются в мощный гул. Вглядываемся в лица возвращающихся: радость и волнение. Дорогие наши бойцы в объятиях Родины. С честью вернулись они домой. Интернациональный свой долг, задачи, которые поставила перед ними страна, они выполнили. Подходим к командирскому бронетранспортеру.

— С возвращением, Олег Владимирович! — обмениваемся рукопожатием с политработником подполковником Олегом Кривопаловым. — Как дошли?

— Все нормально. Безмерно рады возвращению домой.

В люке боевой машины видим рядового Виктора Набоху. — Как самочувствие? — знаем, что водителю-механику, сидящему за рулем, пожалуй, труднее всего дался марш. Виктор улыбается, машет рукой: мол, рад. Видим, многим бойцам волнение мешает выра-

зять словами все то, что нахлынуло на них сейчас среди улыбок и цветов родной земли».

Замер строй на высоком берегу Амударьи напротив пограничной стелы и портретов Политбюро. Звучит величественный гимн родной страны. Начинается митинг.

— Это событие войдет в историю как свидетельство миролюбия, стремления решать сложные международные вопросы на основе уважения национального суверенитета государств и народов, — сказал Председатель Верховного Совета Узбекской ССР П.Хабидуллаев. Узбекский народ встречает и приветствует воинов-интернационалистов как самых дорогих и славных своих сынов.

Слушая оратора, я думал о своем:

— Почему на митинге нет ни одного представителя союзной власти? Такое исторически важное событие мог бы отметить и президент СССР! Ведь он — главный организатор вывода войск. Ведь есть примеры: лидер кубинской революции Фидель Кастро лично встречал у трапа самолета или на причале каждого воина — интернационалиста, возвращавшегося на Родину.

Это невнимание тогда задевало самолюбие и солдат, и офицеров. Во многих курилках и казармах потом обсуждалась эта тема.

Через десятилетия другой человек боевой генерал, участник той войны, написал созвучные нам слова:

«Первый этап вывода наших войск прошел выразительно, был под всеобщим контролем и освещался всесторонне. И был он знаменательным — никаких потерь! Но знаменательным было и другое: провожал народ Афганистана, местные и центральные органы власти до президента РА включительно, а в СССР наших ребят встречал наш народ и местные органы власти. Правда, московских начальников не было, как всегда, они были заняты. А ведь полно членов Политбюро ЦК, в аппарате ЦК — целая дивизия работников, а еще руководство Президиума Верховного Совета, руководство правительства... Конечно, если всех их посчитать, наверное, столько не наберется, сколько выводилось войск. Для встречи наших воинов после почти 9-летней войны можно было бы найти человек пять, которые встретили бы наши части на Термезском и Кушкинском направлениях. Но этого не произошло. Конечно, солдату обидно и стыдно за таких предводителей».

У трибуны стояло множество родственников, приехавших со всего Союза. В толпе увидели Надежду Петровну Старову — жену

нашего комбрига. Рядом с ней утирает слезы Нугазама Фарвазова, — она приехала из Челябинска, встречать сына Виталия, водителя бэтэера нашей бригады.

Мы стоим лицом к Амударье. За ней — афганская земля. Думаю:

— Неужели это момент истины!

Вспоминаются слова философа Николая Бердяева: «Прошлое призрачно потому, что его уже нет, а будущее призрачно потому, что его еще нет!»

Какое будет у нас будущее?

Митинг окончен. Первый секретарь Сурхандарьинского обкома партии С.Мамарасулов приглашает воинов на обед. В роще на берегу реки развернули праздничные скатерти-самобранки двенадцать районов области. И у каждого свой фирменный дастархан. Солдат и офицеров потчевали золотистым пловом и прелестной бараниной, свежими овощами, сухофруктами и зеленым чаем.

У меня на всю оставшуюся жизнь осталось сожаление, что не успел попробовать эти лакомства. Как и положено начальнику, я рассказывал своих голодных бойцов, а там уж и команда прозвучала: «По машинам!».

Глубокой ночью четырьмя воинскими эшелонами мы начали движение от станции погрузки Уч-Кизыл, что под Термезом в сторону столицы Узбекистана. Шли, как говорится, под фанфары. На каждой железнодорожной станции нас встречали местные власти с приветствиями. Труднее всех пришлось первым двум эшелонам — им вообще не давали спать. В ночь — полночь при подходе к населенным пунктам и станциям, блокированным ликующей толпой народа, им объявлялось построение. И проводились соответствующие торжественные ритуалы: митинги, вручение хлеба-соли, цветов и т.д.

Уже рассвело, когда на одной остановке меня нашел мой однокурсник по СВВПТАУ, а теперь заместитель областного военного комиссара области подполковник Юрий Чезганов.

Он извинялся:

— Олечка, прости, с первыми эшелонами тебя встречал. Уже и надежду потерял, что увижу. Приготовил на встречу с тобой ящик шампанского, да выпили с вашими офицерами из первых эшелонов, и тебе не сохранил ни бутылки...

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ЧИРЧИК

И вот ранним утром 20 мая родной для меня город лейтенантской юности Чирчик встречал нас музыкой военного оркестра. Такого радушия простого населения ни до того, ни после я не видел нигде. По накалу добрых чувств это можно сравнить с легендарной хроникой встречи первого эшелона из Германии в 1945 году.

В газете «Социалистический Чирчик» 21 мая 1988 г. был опубликован репортаж, довольно точно описавший это событие:

«Солнечным и ярким было утро 20 мая в Чирчике. Тысячи и тысячи чирчикцев вышли на центральную улицу Ленина встречать воинов-интернационалистов, следующих в район постоянной дислокации. Мужественные лица, на гимнастерках ордена и медали, светятся радостью глаза. За плечами трудные дороги Афганистана, холодные камни перевала Саланг, барханы с высохшей колючкой. Цветами и улыбками встречают чирчикцы воинов — интернационалистов. На площади им. Ленина состоялся городской митинг, посвященный возвращению их на родную землю. Строевым маршем идут воины-десантники по площади, со всех сторон несутся приветственные возгласы чирчикцев. Девушки в национальных нарядах угощают воинов хлебом-солью.

Митинг открывает председатель горисполкома Н.Ф. Шарипов:

— 15 мая 1988 г. вступили в силу женевские соглашения по политическому урегулированию внешних аспектов афганской проблемы, — сказал он, — вы возвратились на Родину. Приветствуем вас, честно и мужественно выполнивших свой воинский долг, проявивших на деле высокие чувства интернационализма. Все мы сейчас внимательно всматриваемся в ваши лица. Вы молоды и красивы, полны энергии. Рядом с вами боевые командиры, прошедшие вместе с вами огненные дороги Афганистана. За это всем вам великая благодарность и земной поклон. Разрешите от имени горкома партии, горисполкома, горкома комсомола, всех чирчикцев приветствовать вас в нашем городе, пожелать здоровья, счастья, свершения всех ваших желаний и больших успехов в деле созидания светлого будущего! Торжественный митинг объявлен открытым. Звучит Гимн СССР. Слово представляется Р.А. Попову, второму секретарю обкома партии.

— Вы с честью выполнили свой интернациональный долг, —

сказал он, обращаясь к воинам-десантникам. — За вашими плечами остались трудные дни суровых испытаний. Одни из вас возвратятся к мирным профессиям, другие останутся в боевом строю. Вас ждут большие и трудные дела и ваша энергия нужна сегодня нашему делу перестройки, защите завоеваний социализма.

От имени бюро обкома партии, облизполкома поздравляю вас с возвращением на нашу землю и желаю новых успехов в труде, боевой и политической подготовке.

Воинов-интернационалистов приветствует председатель совета ветеранов войны и труда ПО «Электрохимпром» Х.М. Мирзянов.

— Мы, ваши отцы-участники Великой Отечественной войны, горды за ваш ратный подвиг. У нас нет сомнений, что нынешняя наша молодежь, в вашем лице, еще раз доказала, что защита социалистических завоеваний находится в надежных руках.

— Долго мы ждали этого дня, — говорит председатель городского совета женщин, учительница школы № 12 К.М. Мурадова. — Сегодня мы встречаем вас, своих сыновей. И вот вы стоите перед нами, немало повидавшие, не по годам возмужавшие наши мальчишки. Это вы, не боясь пуль, выносили под свинцовым дождем с поля боя раненых товарищей, щедро делились своим армейским пайком с афганской детворой, восстанавливали взорванные мосты, сожженные школы и больницы. Нам матерям и вашим учителям есть чем гордиться. Мы верим вам, ждем вас и рады приветствовать на родной земле.

Под аплодисменты и приветствия участников митинга дети вручают воинам — интернационалистам цветы и подарки.

— Дорогие матери и отцы, братья и сестры, дорогие наши соотечественники, — говорит участник боев в Афганистане офицер О.В. Кривопалов. — Трудно передать словами наши чувства, которые мы испытываем в эти счастливые часы пребывания на родной земле. Нам оказан радушный, родительский прием. Спасибо вам за это. Воины нашей части, действуя самоотверженно и мужественно, вписали немало страниц в летопись Туркестанского военного округа. Но не все наши товарищи дожили до счастливой минуты возвращения на Родину. Они навсегда останутся в нашей памяти молодыми. Вечная им память. От имени воинов нашей части заверяю Коммунистическую партию, советский народ, военный совет округа, что готовы выполнить любое задание Родины.

Обращаясь к воинам-десантникам, председатель городского совета воинов — интернационалистов М.А. Островский сказал:

— Вы возвратились на Родину. Дни суровых испытаний и потерь остались позади. Пройдя через огонь сражений, вы научились крепче любить нашу Родину. Мы — воины-интернационалисты запаса можем с уверенностью сказать, что та моральная и физическая закалка, которую вы получили, очень пригодится. И мы хотим пожелать вам быть непримиримыми к тем, кто мешает нам жить и работать, к тем недостаткам, которые у нас еще есть.

Н.Ф. Шарипов предлагает направить делегацию из числа прибывших воинов-интернационалистов и представителей общественности города для возложения цветов к могилам воинов-интернационалистов.

На машинах делегация отбывает для возложения цветов. Минутинг объявляется закрытым. Звучит Гимн Узбекской ССР.

Снова звучат приветствия в адрес воинов-десантников. По площади Ленина проходят парадные расчеты полка. На несколько минут замирает площадь, а затем оглашается ревом моторов — это десантники в походном строю на своих боевых машинах двинулись к месту дислокации. Чирчиқты радостными возгласами и цветами провожают колонну боевых машин. Цветы в руках у воинов, на броне машин. Через людское море и половодье цветов медленно идут машины. И не скрывать слез радости, улыбок, радости возвращения на Родину».

После эйфории встречи командование учебного полка полковник Крот и подполковник Шлаев разместили нас в полевом лагере за аэродромом, где был заблаговременно обустроен палаточный городок. Вот в нем то и начался процесс сокращения частей и откомандирования офицеров и прапорщиков, чьи должности в результате сокращения ликвидировались. Это был малоприятный бестолковый ритм работ, растянувшийся на месяц.

Командиры и начальники вызывали на беседы подчиненных, уточняли их планы и личные желания, после чего оформляли проекты приказов и характеристики. Передавали в строевую часть штаба личные дела и документы. По мере накопления материалов кадровики везли все бумаги в Ташкент, в штаб округа, и сдавали их для принятия решений. Как правило, приказы не задерживались, и большая часть офицеров и прапорщиков разъехалась по тем округам, откуда их командировали в Афганистан.

Хотя полевой лагерь специально был размещен на удалении от города, жизнь вокруг него кипела и днем и ночью. Заинтересованных лиц расстояние не пугало. Тут же появились продавцы, из-под полы и втридорога предлагавшие спиртное, перекупщики имеющих заграничных товаров, смазливые девицы и женщины постарше, предлагавшие свои древние как мир услуги.

Это общение с населением приносило дополнительные хлопоты и проблемы командованию. Через полтора десятка дней наши медики доложили о первых пациентах кожно-венерологического отделения военного госпиталя, среди которых значились молодые офицеры и солдаты. Ежедневно головную боль доставляли лихие самовольщики, которых удержать в палатке было очень сложно. Дисциплинирует дело, а пустое ожидание, даже сдобренное политзанятиями, беседами, массовыми мероприятиями и просмотрами кинофильмов, всегда демобилизует.

Однажды малоприятный сумбурный ритм работы командира бригады и его заместителей неожиданно был прерван докладом дежурного по части начальником химслужбы майором Анатолием Федоровичем Коробкой, который после уставного обращения вдруг вплотную подошел к Старову и как-то очень торжественно, как это делает вновь прибывший посол, предъявляющий свою верительную грамоту главе государства, протянул газету «Правда».

— Посмотрите, товарищ полковник!

На первой странице газеты под рубрикой «Награды — героям», официально сообщалось о вручении орденов Ленина и медали «Золотая Звезда» группе награжденных. Среди которых были: капитан Я.П. Горошко, генерал-майор П.С. Грачев, сержант Н.И. Крениш, сержант Ю.Н. Миролюбов, младший сержант В.П. Сеницкий. Как сейчас помню, бурный всплеск эмоций захлестнувший нас всех. Мы смеялись и обнимались, били друг друга по плечам, как будто произошло событие неординарное. Газету вырывали и по очереди громко читали:

«А.Громько заявил: «Сегодня в этом зале стоят воины. Двое из них — офицер и генерал — на действительной службе. Трое — совсем недавно уволены в запас. Вам вручены награды в то время, когда начался вывод контингента советских войск, и наши солдаты возвращаются на Родину. А она высоко оценивает ваши подвиги, совершенные во имя мира.

— Дорогие товарищи! Все вы молодые люди — от сержанта

до генерала — в возрасте от двадцати до сорока лет. Можно сказать с уверенностью, что впереди у вас вся жизнь. А живем мы сейчас в замечательное время великой перестройки», — убежденно говорил А.А. Громыко.

Чувствовал ли Андрей Андреевич, что ошибается в этот момент?!

Как оказалась, для многих из этих награжденных лучшая часть жизни осталась в Афганистане. Грачев стал министром обороны, погряз в мздоимстве и преступной войне с собственным народом. К нему намертво приклеилась позорная кличка «Паша-мерседес». А сколько матерей и вдов проклинают его как одного из главных виновников начала кровопролитной чеченской войны...

Наш однополчанин Юрий Миролюбов, мечтавший стать офицером, вынужден был вернуться в разрушенное «перестройкой» сельское хозяйство и в один трагический вечер погиб на окраине своего села.

Ярослав Горошко на волне квасного малороссийского национализма и бурных политических страстей повел себя таким свободолюбивым «мазепой» и потерял доверие у подчиненных офицеров Иязславской бригады спецназа. В связи с чем по требованию офицерской общественности был переведен разведуправлением Украины начальником учебного центра ВМС и тоже трагически погиб в водах Днепра в 1993 году.

Но мы не могли тогда знать о своем будущем, поскольку простому смертному этого не дано. Мы от души радовались за наших ребят, которые, как поется в песне, прославили десант! Надо сказать, что волна наградений только начиналась, и сотни солдат и офицеров вскоре получили свои ордена и медали перед строем бригады прямо здесь — на благодатной узбекской земле.

В этот период у нас с командиром состоялось много памятных и приятных встреч и знакомств. Из этой серии оказался приезд в гости бывшего командира Джелалабадского вертолетного полка полковника Валерия Васильевича Крушинина. Он стал старшим инспектором отдела боевой подготовки авиации сухопутных войск, и, попав в ТуркВО, не забыл своих боевых товарищей. Состоялось доброе товарищеское застолье, сопровождаемое обилием воспоминаний и выпивки.

А 24 мая в Ташкентском аэропорту я встречал свою любовь — Галину, которая вместе с сыном Георгием прилетела ко мне на

встречу. Дочь Машенька готовилась к выпускным экзаменам в школе и приехать не смогла. Сына я сразу заинтриговал рассказами об Афганистане и возможностью увидеть настоящую воинскую часть, которая должна вскоре прибыть в город. Гошка откликнулся настолько, что даже ночь не спал, чтобы не проспать выезд со мной на станцию разгрузки. И его интерес был вознагражден. На рассвете предпоследнего майского дня он лазил по побитой бронетехнике 7 батальона спецназа, крутил маховиком башню БМП и трогал боевые медали солдат, которые с ним возились. Эти и подобные им мгновения знакомства с армией и войной остались в памяти у сына на всю жизнь.

Возвращение очередной части также не осталось незамеченным местными газетами:

«В день, когда очередная воинская часть следовала через наш город в район дислокации, было пасмурно. Колонна боевых машин на медленной скорости шла через город и цветы, подарки передавались чирчикцами из рук в руки, раздавались приветственные возгласы. На бортах машин надписи «Здравствуй, Родина!», «Мы выполнили свой интернациональный долг!», а сама броня машин испещрена вмятинами и царапинами от пуль. У многих солдат и офицеров боевые ордена и медали».

Вот так, в предпоследний день мая, нас догнали два эшелона 186 Шахджойского ооСПН 22-й бригады под командованием майора А.Е. Борисова. Алексей был моим сослуживцем по Пскову, и поэтому наша встреча была вдвойне радостной и полной воспоминаний. Как показало время, судьба отмерила Борисову очень короткую жизнь. Вернувшись домой, он вскоре скорострительно умер от обширного сердечного приступа. Его дело продолжил сын, окончивший Новосибирский военный институт.

Но встречи встречами, а где же наши два отряда? — задавали мы вопрос себе и командованию ТуркВО.

— Ведь наша бригада уже не вписывается во временные графики, и вышла не полностью!

Командование ТуркВО больше месяца держало от нас в секрете решение МО СССР о приостановке вывода двух отрядов спецназа. Как позже выяснилось, резко изменившаяся обстановка в провинциях, покинутых частями спецназа, заставила командарма изменить первоначальное решение и остановить выход 668 и

177 отрядов нашей бригады в районе Кабула. Без них безопасность наших войск оказалась под угрозой.

В это же время, в середине июля, часть представителей от СССР и ООН находилась на Гератском направлении, через которое продолжали выводить группировку войск: 70-ю омсбр и 22-ю обрСпН из Кандагара и Лашкаргаха. Хотя к этому времени в МИД и миссию ООН в Кабуле сыпались многочисленные жалобы о фактах нарушения Пакистаном международных соглашений. Основными из них являлись: оказание Пакистаном помощи афганской оппозиции в подготовке мятежников в учебных центрах и лагерях, их формирование и снаряжение, а иногда и прямое участие пакистанских военнослужащих в переброске вооружения и боеприпасов на территорию Афганистана.

После оголения афганской границы резко увеличилось количество перебрасываемых в Афганистан караванов с военными грузами. Только в сентябре — октябре 1988 г. на территорию Афганистана прибыли 172 крупных каравана с оружием, предназначенных для активизации боевых действий против госвласти. Характерно, что переброски караванов и отрядов мятежников осуществлялись с разрешения пакистанских властей, которые выдавали специальные пропуска на автотранспорт и утверждали списки личного состава направляемых в Афганистан. Для пополнения запасов стрелкового оружия и боеприпасов оппозиция переправляла в Пакистан захваченное у афганских частей тяжелое вооружение, которое она обменивала или продавала пакистанским властям.

По данным советских спецслужб, неоднократно отмечалась переброска мятежников, оружия и боеприпасов к афганской границе на автомашинах ВС Пакистана. Так, в конце сентября пакистанские военные доставили в район Парачинар из Пешавара около четырех тысяч реактивных снарядов, которые впоследствии были переброшены в провинции Кабул, Логар, Пактия.

После подписания Женевских соглашений руководство оппозиции при помощи властей Исламабада взяло курс на всяческое воспрепятствование процессу возвращения афганских беженцев на родину, привлекая для этого пограничников, отряды малишей и мятежников. Особенно частыми были случаи насильственных действий по отношению к беженцам в районах пограничных пунктов Ланди — Котал, Тери — Мангал и Чаман. Кроме того, в лагерях беженцев в Пакистане с ведома и при участии властей Исламабада

была развернута активная пропагандистская деятельность по пресечению переселенческих настроений, вплоть до запугивания и публичных расправ. Поэтому, несмотря на усилия Афганистана по приему беженцев (развертывание сети палаточных городков, подготовку гостиниц, организацию медицинского обслуживания и питания, выделение крупных финансовых средств в основном за счет безвозмездной помощи СССР), количество семей, возвращающихся из Пакистана, практически не увеличилось. При этом необходимо отметить, что около 80 процентов беженцев вернулись в Афганистан, минуя пограничные пункты.

ВТОРАЯ КОМАНДИРОВКА НА ВОЙНУ

В этой непростой военно-политической ситуации, вспомнив эффективную боевую работу соединений спецназ ГРУ, командующий армией и член военного совета приняли решение о частичном возвращении в Кабул командного состава 15-й бригады. Сначала в разведотдел армии был прикомандирован первый заместитель комбрига подполковник Николай Кириллов, а затем и меня вернули в Афганистан. Новым местом службы, согласно приказу, мне был определен политотдел 40-й общевойсковой армии в Кабуле.

ПРИКАЗ

Министра обороны СССР

По личному составу

№ 0841

8 августа 1988 года

г. Москва

Назначить:

Подполковника Кривопалова Олега Владимировича — начальником отдела пропаганды и агитации — заместителем начальника политотдела 40-й армии, освободив его от должности начальника политического отдела 15-й отдельной бригады специального назначения.

Министр обороны СССР

Генерал армии

Д. Язов.

Во всем есть свой смысл. Был он, вероятно, и в этом приказе. Я позже не раз задумывался над этим: с чего вдруг меня, простого офицера, подняли на такой уровень? С какой целью это было сделано? Кого я должен благодарить за свое выдвижение по службе?

Как мне думается, командарм к тому времени изменил свое отношение к частям спецназа в лучшую сторону. И произошло это не сразу. Припоминаю, как на одном из военных советов мне было поручено выступить с анализом состояния воинской дисциплины в бригаде. Кому приходилось бывать на подобных совещаниях, тот знает, насколько это неблагоприятное занятие. У нас существовало даже такое вульгарное выражение «задницей гвозди дергать», то есть многократно подниматься с места во время совещания, когда звучала критика в твой адрес.

Однако мне удалось найти аргументы в защиту наших военнослужащих, которые переносят неслыханные трудности, совершают самоотверженные поступки, дают результаты за армию, но в повседневной жизни остаются людьми со свойственными многим слабостями.

Командующий внимательно слушал меня, а потом прервал выступление вопросом:

— А вы думаете, в других частях армии солдаты не переносят таких трудностей?

— Трудно здесь всем, а вы можете оценить хотя бы трудности выхода в горы с грузом 40—50 кг за спиной? Не каждому офицеру такое довелось испытать, да и среди сидящих здесь руководителей подобное испытывали только командиры — десантники и спецназа — ответил я.

— Говорить, мы все горазды, а вы сами-то испытали? — раздраженно бросил Громов.

— Так точно, товарищ командующий, я сам лично ходил в засады и знаю это на своем опыте с лейтенантской поры, — ответил я, напрягаясь и ожидая обострения разговора.

Но Громов вдруг миролюбиво подвел итог:

— Во многом прав Криволапов, но я к 1-й мотострелковой бригаде отношусь по-особенному, и спрашивать с вас, полковник Старов, и с вас, товарищ подполковник, буду строже, чем с других. Садитесь.

После этого, действительно, поблажек мы не получали, но

лично мне командующий стал ставить дополнительные задания, которые порой не входили в круг обязанностей замкомбрига.

Все месяцы службы в Афганистане доверительные отношения ко мне проявлял и член военного совета генерал-майор Захаров А.И.. Забегая вперед, скажу, что по его рекомендации я попал в Днепропетровск, в Киевский военный округ, где командующим стал генерал-полковник Громов.

Накануне моего отлета в ДРА Старов, Серзин и Муратов организовали мне теплые товарищеские проводы в Ташкенте. Утром 5 сентября я вылетел в Кабул. Скажу честно, второй раз лететь в Афганистан мне было психологически легко. За свою первую, как здесь говорили, «ходку» я узнал очень много и теперь шел на все уже осмысленно. А самое главное — в Афганистане была интересная настоящая боевая служба.

Стремительный полет — и я опять в Кабуле.

На этот раз прямо у трапа самолета меня ожидал подчиненный по службе офицер и служебный «уазик», закрепленный за мной по должности. И размещен я был сразу в условиях, гораздо лучших, чем прежде, — в такой комфортной «диогеновой бочке». Это действительно была бочка из серии домиков в северном варианте, которые сотнями забрасывали в тайгу при освоении каких-нибудь новых месторождений. На бочке были даже специальные петли приварены, чтобы перевозить с места на место по воздуху: поддел домик тросом, трос бросил на грузовой крюк вертолета — и вперед! Условия были царские-кровать, тумбочка, зеркало, умывальник, душ, телевизор и кондиционер. На иллюминаторах — занавески. Уютно, все по-человечески. Бочка стояла в наибольшем закутке из подобных жилищ, закрытая сверху маскировочной сетью, у подножья холма, над которым возвышался величественный Дворец Амина. В этом здании и размещался штаб ограниченного контингента наших войск. На третьем этаже которого меня ждал служебный кабинет.

Мой предшественник подполковник Марчук Николай Иванович не дождался замены и накануне вечером улетел к новому месту службы на должность начальника кафедры во Львовском военно-политическом училище. Поэтому входил в должность я самостоятельно. Отныне в круг моих новых обязанностей входили: анализ, обобщение и выработка предложений члену военного совета по идеологической работе; связь с управлением пропаганды и агитации

Главного политуправления СА и ВМФ; обеспечение участия штатных пропагандистов в проводимых совместных идеологических мероприятиях с афганской стороной; руководство работой культурно-просветительских учреждений; организация ведения переговорного процесса по спорным вопросам; организация международных пресс-конференций и встреч с общественностью и некоторые другие.

Новый коллектив встретил меня радушно. Большинство офицеров я знал по прежней службе, остальные слышали обо мне заочно, и все относились ко мне с большим почтением и уважением.

Я не раз потом вспоминал этот дружный коллектив. В нем было пятьдесят человек, и все ощущались как родные. Какая-то замечательная психологическая обстановка окружала нас! Безусловно, многое зависело от руководителя.

Начальник политотдела генерал-майор Захаров А.И. был сдержанно суровым и очень справедливым руководителем, главным достоинством которого была постоянная забота о своих подчиненных. Никогда не забуду его телефонный разговор с вновь назначенным начальником политотдела дивизии, допустившим пререкание с одним из начальников отдела политотдела армии.

— Объясните мне, пожалуйста, почему вы не выполнили распоряжение моего офицера? — спросил он с того.

— Виноват! — ответил новичок.

— Я вас, товарищ подполковник, знаю неделю, а это заслуженный боевой офицер, два года в Афганистане. Прошел через многие боевые операции, имеет контузию. Немедленно выполнить указание и доложить ему лично!

— Есть, товарищ член военного совета, — только и ответил в ответ начподив.

— Если такое повторится, — с металлом в голосе продолжил Захаров, — я буду вынужден с вами расстаться.

— Не повторится.

К тому времени политработников по штату в 40-й армии оставалось 1035 человек. За период с 1979 по 1989 год через войну прошло 7262 человека. 480 политработников были убиты или получили ранения. Награждены орденами и медалями 5391 офицер и 619 прапорщиков-политработников. Молодое поколение достойно и мужественно выполняло свой интернациональный долг.

Хорошую память о себе оставил первый заместитель начальника политотдела полковник Юрий Николаевич Иванушкин. Я не

помню случая, чтобы он на кого-то повысил голос, всегда был добродушен и человечен. Впоследствии, заменившись в Германию, он пережил процесс ликвидации политорганов, но остался помощником командующего Западной группы войск по воспитательной работе и получил генерал-майора. Позже служил в Академии Генштаба. Кое кто хотел связать его имя с массовым разворовыванием военного имущества и спецтехники группы, однако компетентная следственная группа генеральной прокуратуры сделала заключение, что генерал Иванушкин к этим преступлениям отношения не имел. Кроме этого, сумел приобрести легковой автомобиль, бывший уже в употреблении. Безупречной порядочности был человек.

Моими непосредственными подчиненными оказались подполковники Смолка А.П., Пинчук Е.А., Немчук Е.Ф., Зинченко В.В., Щербаков А.А., майор Черкашин А.М., капитан Бочкарев Ю.В., старший лейтенант Шемейко П.А.. За месяцы совместной службы они зарекомендовали себя надежными боевыми товарищами и преданными мне людьми.

Дружескими складывались отношения с коллегами из отдела организационно-партийной работы (начальник отдела — подполковник Дашкевич А.И.), отдела технических средств пропаганды (майор Латышев О.А.), отдела спецпропаганды (подполковник Танчук В.П.), отдела комсомольской работы (начальником которого являлся выпускник СВВПТАУ капитан Потоня Е.С. (впоследствии рано ушедший из жизни при невыясненных обстоятельствах в Одессе), отдела кадров (подполковник Соснов А.Н.), редакции газеты и отряда спецпропаганды армии (командир отряда майор Надыршин В.Х.).

С первых дней удалось наладить хорошие отношения с большинством офицеров штаба и управлений армии. Вспоминая сейчас то время, без преувеличения считаю, что это было самое психологически комфортное состояние. Наблюдалось полное взаимопонимание в коллективах, и от этого все удавалось и ладилось с полуоборота.

На первом совещании офицеров я почувствовал поддержку и самого командующего генерал-лейтенанта Громова, который, увидев меня, подошел, пожал руку и поздравил с возвращением в родную семью. А меня представил всем такими словами:

«Это бывший комиссар Джелалабадской бригады спецназа, прошу всех любить и жаловать!»

— С вашими «архаровцам» работать моим подчиненным очень сложно, — говорил мне А.И. Захаров на первой инструктаже. — Поэтому берись круто и работай! Как и прежде, отвечать за них будешь ты!

— Твои бандиты неуправляемые, — вторил ему менее дипломатичный замначпо полковник Григорий Бондарев, — не надо мне рассказывать сказки про некую исключительность спецназа. Мы этой «исключительности» уже нагляделись. Если в Кабуле происходит какой-то скандал, значит, опять спецназовцы бедокурят. В ваших двух отрядах больше всего потерь и подрывов за всю армию.

— Так они больше всех и воюют, — нервно ответил я.

— Сброд это и разгильдяи, а не вояки. Вот посмотри десантную дивизию и сравни с вашей шайкой хулиганов.

Наша перебранка была прервана полковником Иванушкиным.

— Григорий, прекрати этот базар, спецназовцы делают большую работу, и придет время, им отдадут должное.

Подобные оценки спецназа я потом слышал не раз от многих штабных работников и очень злился. Мне до головной боли приходилось ругаться, доказывая начальникам управлений и отделов штаба объединения, что наши малочисленные подразделения выполняют неподъемную задачу. В частности, на этот период 70% периметра миллионного города Кабула определили зоной ответственности для двух отрядов спецназа. А оставшиеся 30% периметра перекрывались 103-й ввд и 108-й мсд.

Яркий пример этой несправедливости — наблюдательные посты на горах Ходжа-Раваш и Ходжа-Бурга, которые были оборудованы отдельной разведротой 103-й дивизии в далеком 1980 г., с них просматривалась местность на севере на глубину до 15 км, а также весь аэродром. На постах несли службу посменно в суточном режиме разведчики парашютно-десантных полков.

По сути, это были сторожевые заставы, оборудованные, как маленьки крепости. Такую поставленную службу наблюдения нельзя было называть разведвыходами, в отличие от наших бойцов, которые каждый раз искали новые места для организации наблюдения и засад. Находясь в постоянном движении, естественно, подрывались на минах, попадали под огонь противника и несли потери.

На последнем этапе пребывания наших войск специальную разведку представляли всего два отряда и отдельная армейская рота спецназа. В 668-м отряде, что дислоцировался в городке штаба

армии, произошла почти полная ротация командного и политического состава. В большинстве сменщики пришли на повышение из частей 22-й бригады. Командиром отряда стал опытный офицер, свердловский кадет и выпускник 9 роты РВВДКУ подполковник Валерий Горатенков. Он мне понравился сразу своим тактом и интеллигентностью. Это был высокий, стройный, красивый человек с быстрой реакцией и железной командирской волей. Жаль, что после войны его служба не сложилась, и он мало послужил армии.

В 177-м отряде командирский состав остался почти прежний. Подполковнику Блажке был выделен приличный военный городок одной из частей недалеко от взлетно-посадочной полосы кабульского аэропорта. Впервые наши разведчики имели комфортные условия для жизни, сменив землянки и палатки на казармы модульного типа.

Мы с подполковником Кириловым Н.Ф. регулярно бывали в наших отрядах на служебных совещаниях по разбору боевых действий, анализу и прогнозированию предстоящих операций и текущим событиям. В этот период я особенно хорошо изучил стиль работы Анатолия Андреевича Блажки и высоко его ценил.

Боевую деятельность отрядов контролировал Кирилов. Я же, конечно, как и требовал Старов, который звонил мне из Чирчика ежедневно, старался в самых жестких формах поддерживать должный порядок, воинскую дисциплину и требовал от командиров и политработников подразделений повышения эффективности воспитательной работы с личным составом. При этом, признаюсь, умалчивал руководству армии о своих педагогических работах, фактах неадекватного поведения отдельных солдат, прапорщиков и офицеров спецназа и вскрываемых мной отклонениях.

Совместно с командирами отрядов переживали мы потери личного состава, и хотя они были минимальными, но, в конце войны, жалко их было особенно остро. За эти месяцы в 177-м и 668-м ооСПН погибли в боях и умерли в госпитале от ран восемь человек. Фамилии рядовых Захарова А.Г., Панченко А.Ф., Мороза С.Г., Шкробова Е.Н., Бабичева А.Н., сержантов Третьякова С.Н., Мирзоева О.А. и старшего лейтенанта Матакова О. Б. я буду помнить до последнего своего часа.

В ходе операции «Затвор», что началась 13 сентября и проходила в близких пригородах Кабула, 20 разведчиков из отрядов спецназа были ранены и около ста переболели различными инфекциями.

Близость госпиталей позволяла командирам и политработникам раз в неделю посещать их в палатах и оказывать знаки внимания, передавать почту, дарить подарки и сладости. После одного из таких посещений раненых я забрал в музей боевой славы 40-й армии простреленный и окровавленный лифчик боевой разгрузки замполита роты 668 ооСпН старшего лейтенанта Галаганюка, попавшего под пулеметную очередь моджахеда. К счастью, политработник оправился от ран и позднее служил в Киевском военном округе. Старший лейтенант Яремко Н.И., продолжающий службу в отделе комсомольской работы со мной в политотделе армии, как и прежде, придирчиво требовательно и заботливо работал с комсортами отрядов. Не обижал их при поощрениях личного состава и широко пропагандировал боевой опыт героев-разведчиков. В канун окончательного вывода войск, мы с Николаем подготовили представления и добились у командования армии и советников награждения обоих отрядов Почетными Красными Знаменами ЦК НДПА, а отряда А.А. Блажко, кроме того, почетным Знаком ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть». Удавалось без проблем влиять и на кадровую политику в отрядах, выдвигая толковых офицеров на повышение, заменяя нерадивых. Так, осенью 1988 г. был выдвинут на должность замполита 177 ооСпН майор Игорь Борисович Мясников, который оправдал наши надежды и впоследствии долго служил Отечеству и спецназу. По ротации кадров пришли замполитом 1 роты спецназ 177 ооСпН старший лейтенант Олег Король, комсоргом 668 ооСпН лейтенант Владимир Федосов. Оба — выпускники Новосибирского военно-политического училища.

Используя достаточно широкие возможности своей должности, я часто направлял в отряды спецназа журналистов и съемочные группы центрального телевидения для подготовки статей, репортажей и фильмов об афганской службе воинов-интернационалистов. С разрешения командующего армией некоторые из них выходили с нашими разведчиками на боевые и сняли интересные сюжеты. Как показало время, это пристальное внимание прессы серьезно подняло авторитет наших войск, и более того, в послевоенные документальные фильмы об Афганистане навсегда включены кадры, что были сняты осенью того года в наших отрядах. Используя дружеские отношения с журналистами центральных газет и журналов, мы передавали материал о наших героях и подвигах спецназа. Яркой публикацией того времени в газете «Комсомольская правда» стала не-

большая заметка «Вдова обивает пороги», которую сумел протолкнуть в массу редакционного материала незабвенный Михаил Кожухов.

Историческим событием того времени стал приезд советских космонавтов в столицу Афганистана. 27 сентября общественность города и воинские части с энтузиазмом приветствовали смешанный экипаж корабля «Союз ТМ», благополучно завершивший полет в космос к орбитальному комплексу «Мир». Особое оживление было вызвано тем, что третьим членом экипажа являлся афганец уроженец кишлака Сарда провинции Газни подполковник ВВС Абдул Ахад Моманд. О нем было известно, что тридцатилетний Герой учился с 1976 по 1978 гг. в Кабульском университете, а по мере укрепления советско-афганского сотрудничества прошел курс обучения в авиаучилище СССР. После чего занимался подготовкой к полету в околоземное пространство.

Командование армии поручило мне организовать посещение космонавтами Центрального советского военного госпиталя и встречу с ранеными военнослужащими.

Не остался в стороне и генерал армии Варенников, который лично сопровождал космонавтов В.А. Ляхова, В.В. Полякова и А.А. Моманда по отделениям ЦСВГ. Увиденное потрясло космонавтов. Герой Советского Союза полковник Ляхов мне сказал:

— Страшное зрелище, истинное лицо войны, можно увидеть только в палатах этого госпиталя. И не надо лишних слов. Может, и хорошо, что мы ничего в Союзе не знаем об этом, а то реакция на эту войну среди народа была бы еще более негативная.

— А вы думаете, родные, близкие и знакомые жертв этой войны поддерживают ее? — ответил ему я, — она непопулярна. Но уважать военных, которые выполняют здесь свой воинский долг, в Союзе должны все. К сожалению, этого нет.

Но знакомство с Кабулом для космонавтов было бы не полным, если бы они не попали еще и под обстрел. Вечером духи подвергли массированному удару реактивными снарядами центральную часть города, где находился и госпиталь. Я уезжал поздно ночью на БТРе в штаб армии окружной дорогой через Теплый Стан, а в городе грохотали разрывы. По данным следующего дня стало известно, что жертвами налета стали 35 человек, 156 получили ранения. Разрушенными оказались десятки жилых домов.

На следующий день космонавтов привезли на встречу с офи-

церами штаба армии в Доме офицеров кабульского гарнизона. Она прошла в обстановке взаимной любви и уважения. Так бывало не всегда, например, когда в Кабул приезжал один известный журналист по фамилии Бовин, позднее ставший послом СССР и РФ в Израиле, так его буквально освистали за недостойное поведение и оскорбительные высказывания и оценки периода пребывания советских войск в ДРА.

С каждым днем той осени наших войск в Афгане становилось все меньше. 40-я армия отходила на север, словно море в отлив. Призрак предстоящих боевых действий витал в колком прозрачном воздухе, постепенно обретая плоть в виде штабной нервозности, приготовлений к возможным контрмерам повстанцев — терактам и диверсиям. Возле модулей впервые за войну в городке появились щели для укрытий, вдоль стен зданий поднялись штабелями мешки с песком.

Как-то утром в штабе армии до меня довели к исполнению шифротелеграмму № 9442:

«Во исполнение директивы Генштаба № 314/8/01094 в связи с сокращением концертной деятельности в войсках армии 32-го концертного ансамбля песни и пляски 40-й общевойсковой армии, Командующий войсками ТурКВО приказал: К 1.11.88 г. 32-й концертный ансамбль песни и пляски рассчитать и вывести на территорию СССР».

— А как же ноябрьские праздники? Кто и где решил, чтобы ансамбль сократил свою концертную деятельность? И так уже директивой Начальника Главпура СА и ВМФ к 8 ноября откомандирован в ГСВГ доморощенный афганский ансамбль «Каскад» (руководитель майор В.Халилов). Мы что, не люди? Для наших бойцов прежде всего нужно сейчас внимание, а на нас уж рукой махнули, — возмутился я и пошел к генералу Захарову с обоснованием своего мнения о необходимости задержки вывода ансамбля до декабря месяца...

Как всегда, Захаров выслушал меня внимательно, а потом как отрезал, — составляйте график поездки и выступлений ансамбля до конца октября. Но подготовьте телеграмму за моей подписью в политуправление следующего содержания: «В связи с большой загруженностью концертной деятельностью ансамбля армии выполнить приказание о выводе его на территорию СССР к 1.11.88 г. не представляется возможным. Прошу утвердить предлагаемый мной

график концертной деятельности ансамбля в ноябре-декабре 1988 г. На заключительном этапе вывода войск из Афганистана политическая и культурно-просветительская работа в частях армии приобретает особое значение. Кроме этого, прошу для усиления направить в Кабул дополнительные творческие коллективы для выступлений перед личным составом в дни празднования Великой Октябрьской социалистической революции. Эти массовые мероприятия должны продемонстрировать афганскому народу уверенность Ограниченного контингента в собственных силах и верности традициям пролетарского интернационализма. Член военного совета генерал А.Захаров».

Не знаю, что выслушал Захаров за свою попытку самоуправления, но его просьбу-решение, изложенное в телеграмме, мы выполнить не смогли. Только конец сентября и октябрь месяц ансамбль в количестве 32 человек (2-офицеров, 22-сверхсрочников и 8 вольнонаемных), музыкантов, танцоров и певцов отработал в отдаленных гарнизонах и на сторожевых заставах. Надо отметить, что народ в коллективе ансамбля подобрался опытный, так, например, танцоры сержанты Олег Герасев, Владимир Кодатко, Александр Михайленко прослужили в Афганистане 4 года, а ударник сержант Юрий Боровенский служил в Кабуле солдатом, а после выхода приказа об увольнении написал рапорт о переходе на сверхсрочную службу. Тридцатилетний начальник и художественный руководитель ансамбля капитан Иван Васильевич Нестеров, выпускник военно-дирижерского факультета Московской консерватории, совместно с душой ансамбля симпатичной артисткой балета Мариной Владимировной Герасевой представили мне на утверждение концертную программу. Старший лейтенант Борис Клешинов, выпускник Таллиннского военно-политического училища, исполнявший обязанности заместителя начальника ансамбля, доложил о полной готовности всех инструментов, аппаратуры и костюмов. Через день, 28 сентября, музыкальный десант выехал на перевал Саланг. Их выступления в непростых условиях зимнего высокогорья солдаты и офицеры принимали исключительно тепло и сердечно. Дарили самоделки, накрывали скромные полевые застолья. Завершив творческую программу, все артисты ансамбля благополучно улетели из Кабула в Ташкент, где были размещены на фондах 12 армии ПВО. Перед отъездом мы с майором Олегом Латышевым попрощались с ними, поблагодарили за работу, а наиболее заслуженных из них, Кодат-

ко В.М., Герасева О.В., Дмитриева А.И., Маринина В.Г., Голубкова И.Н. и Герасеву М.В. представили для награждения медалями «За трудовое отличие». Исполняющий обязанности начальника штаба армии полковник Дыбский благосклонно принял представленные наградные документы и обещал реализацию, ибо артисты этого действительно заслужили.

После завершения Афганской войны мне пришлось не раз слышать признания многочисленных артистов о своем участии во «фронтовых» бригадах на территории Афганистана. Многих я слушал с сомнением, поскольку в ограниченном войной пространстве каждое выступление деятелей культуры западает в памяти. А все выступления записывались на магнитофон и потом множилось-переписывалось из поколения в поколение. Вот почему совершенно однозначно можно сказать, что любимыми и хорошо знакомыми артистами у воинов-интернационалистов являлись певцы И.Кобзон, А.Розенбаум, Л.Зыкина, узбекский ансамбль «Ялла»...

А завоевать любовь и доверие народа непросто. Даже с годами эта привязанность не проходит.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕЧЕР В КАБУЛЕ

В конце октября 1988 г. ярким событием общественно-политической и культурной жизни ОКСВ стал поэтический вечер, организованный мною со старшим инструктором культпросветработы политотдела армии подполковником А.А. Щербаковым. Мысль о проведении сбора поэтов появилась давно. Нашу идею живо поддержал член военного совета — начальник политотдела генерал-майор Захаров, добавив ряд существенных предложений и придавший ему масштаб не только регионального в масштабах столицы мероприятия, но и всеармейского уровня, вызвав талантливых военнослужащих из всех гарнизонов объединения. К работе по подготовке вечера были подключены комсомольские работники политотдела Потоня, Еремко и председатель профсоюзного комитета Серенко.

Читатель, вероятно, заметил, что в своих воспоминаниях об Афганистане я уже активно использовал ростки народного творчества — чаще всего поэтического, песенного, порой неуклюжего,

необглаженного изящной рифмой, эффектной мелодией и четким размером, но обязательно близкого и понятного, а потому истинно народного.

Так вот, на этом фоне афганские песни, стихи, баллады, любовная лирика сыграли большую роль в нравственном воспитании личного состава нескольких поколений. А по большому счету, именно через них тогдашний СССР узнавал об Афганской войне. Следом за «двухсотыми» возвращались домой мальчишки-фронтовики, которые везли с собой в деревни и города магнитофонные кассеты с любительскими песнями, напетыми непрофессиональными голосами воинов-интернационалистов.

Так независимо от правительства эта война «за речкой» вошла в каждый дом. В жизни народа ничего не остается неосмысленным. Чаще этому помогает литература — и тогда становится гласом народным, но Афган долго скрывали, и настоящих откровений об этих событиях в том десятилетии было немного. Заполняя образовавшуюся брешь, развернулась солдатская поэзия, которая стала явлением того времени.

Анализируя и обобщая итоги идеологической работы политотдела за девять лет, я, объезжая редакции и типографии дивизионных газет «Ленинское знамя» (108 мсд), «Гвардеец» (5 мсд), «Гвардейская доблесть» (103 вдд), «За честь Родины», обращал внимание на то, что пропаганда героических подвигов, боевого опыта на местах шла недостаточно гласно. Газетные публикации о службе и быте воинов были затерты цензурой до серого уровня, в которых даже слово «противник» было закавычено. На скудной площади «дивизионок» большое место занимали материалы «литерные» и юбилейного характера. И хотя в отдельных редакциях отмечались случаи сознательного нарушения запретов ради показа действительных событий — это было скорее исключением из правил. Как докладывали редакторы газет капитан С.Анисько, подполковник В.Ковалев, майор А.Матеев, капитан Могильницкий, во время участия выездных редакций в боевых действиях журналисты выпускали листовки непосредственно в районах дислокации частей, в которых (по мере цензорских разрешений) коротко рассказывали о подвигах и героях. Так, в газете «Гвардеец» за 9 лет опубликовано свыше 500 очерков, зарисовок, корреспонденций, рассказывающих о кавалерах боевых наград. Начиная с 1986 года после незначительных ослаблений цензорских лимитов несколько улучшилось ка-

чество и информационная насыщенность боевых корреспонденций. Появились рубрики «Мужество. Отвага. Благородство», «Представлены к наградам», «Равнение — на подвиг»... Что, по-существу, являлось каплей в море.

А вот в архивах редакций, на страницах «выходного дня» было накоплено много поэтических проб солдат, прапорщиков и офицеров, ярко определяющих духовную высоту наших воинов. В них были мысли, созвучные времени, пафос жизни, вечные слова о любви, о мире, о мужестве, о войне.

Как оценивали профессионалы, в подавляющем своем большинстве представленные стихи «военных поэтов» были слабыми, но шли «самотеком». И это живое слово доходило до широких масс читателей.

С целью обобщения этого народного творчества и собрали мы в армейском кафе поэтов и бардов со всего Афганистана. Помещение украсили, как сумели, нарядно, чтобы все было, словно на большой земле, по-домашнему. Микрофон стоял посреди зала. В президиуме вечера солидное жюри — генерал-майор Захаров, подполковник Щербаков, помощник по комсомолу армии капитан Потоня, председатель армейского территориального комитета профсоюза Серенко, друзья советники. Стыл чай на столах под белыми скатертями. Не для этого собрались. Солдатский инструментальный ансамбль грохотал в перерывах между поэтическими чтениями. Но песни, которые пел солист, были не о доме.

«Афганистан живет в моей душе...»

«Вновь мелькают скелеты машин на раскисших обочинах. На металле, изъеденном ржавчиной, — капли росы...»

«Бывшие мирными, ставшие минными, стонут от боли поля...»

Открывая вечер, я рассказал собравшимся о поэтическом творчестве и короткой трагической судьбе выпускника Киевского высшего общевойскового командного училища им. М.В. Фрунзе лейтенанта Александра Стоббы. Он погиб в начале войны 30 марта 1980 года под Джелалабадом. Его разведгруппа попала в засаду, и он с сержантами Михаилом Литвиновым, Владимиром Вальшевым, ефрейтором Алексеем Ильиным и рядовым Вячеславом Богомолковым приняли огонь на себя, обеспечив отход остальных разведчиков. Уже потом, когда лейтенанта не станет, товарищи прочтут его тетрадки со стихами и изречение великого А.В. Суворова на обложке: «Я забывал себя, когда дело шло о пользе Отечества». Он оказался

одним из многих солдат, честно сложивших голову в бою, но его стихи попали в надежные руки, и искусство, поэзия сделали его бессмертным. Он не был профессиональным литератором и писал для себя и для души. Отдавая дежурные знаки внимания погибшему, в одной из публикаций напечатали его стихи. Литераторы Днепропетровска сетовали:

— Симпатично, мол, но слабовато для печати...

После посмертного награждения героя — разведчика высшей наградой Родины появились обстоятельные очерки о нем с публикацией отдельных его стихотворений в газетах «Красная Звезда» и «Комсомольская правда». А измятые полевые Сашины блокнот и тетрадка, сохраненные и переданные маме бригадными друзьями, все еще блуждали по коридорам областного «Дома печати», не находя поддержки и приюта. Мнения высказывались одинаковые:

— Жалко, конечно... Способный был юноша. И подвиг его, бесспорно, заслуживает прославления. Но у поэзии свои каноны и требования. Поэтому, при всем сочувствии, что тут можно сделать? Ну, отберем ради мамы три — пять стихотворений для коллективного сборника, а об отдельной книжечке стихов и разговора быть не может...

И вот произошло волшебное действие. 2 февраля 1981 года рукописи Стовбы передали для отбора материала в поэтический сборник фронтовику — ветерану воздушно-десантных войск, поэту и писателю Михаилу Сергеевичу Селезневу, которого покорила мужественная поэзия погибшего. Его не оставило равнодушным личное, душевное продолжение воина-интернационалиста приведенного на обложке тетради суворовского откровения:

*Ты знаешь,
Как словарь толкует слово «смерть»?
Естественный процесс дряхленья тела...
Вот почему я тороплюсь уснуть
Не пожалеть себя во имя дела.*

И Селезнев вернул в редакцию отпечатанную начисто рукопись сборника Александра Стовбы вместе с предисловием. Вскоре первый посмертный сборник стихов поэта «Песня грозы сильнее» вышел в свет — и мгновенно разлетелся по Днепропетровской области. Спустя две недели стихи Стовбы ходили по рукам, их декла-

мировали в школах, в молодежных общежитиях, на вечерах книголюбов. Но если молодежь восприняла стихи, то пресса продолжала замыкаться на его биографии и подвиге, а стихи преподносили на «десерт».

Энтузиаст М.С. Селезнев подключил к процессу «раскручивания» поэтесс Юлию Друнину и Людмилу Щипахину. В союзной «Литгазете» они опубликовали замечательную статью о поэзии Стовбы. Отозвалась «Литературная Россия», альманах «Поэзия» и т.д. И свершилось — состоялось признание Поэта. В марте 1984 года лейтенант Стовба был принят в Союз Писателей СССР. По-смертно.

Лейтмотивом в его строчках звучали идеи сыновнего долга, готовности защитить свою честь и своих друзей.

*Метеорит живет мгновенья,
Сгорая в дымной синеве.
Его отвесное паденье
Сквозь смерть направлено к земле.
И я готов, летя сквозь годы,
Метеоритом в синей мгле
Сгореть,
Сжигая все невзгоды,
Во имя жизни на земле.*

Рассказывая об этом в октябре 1988 года, я не мог и предполагать, что впоследствии судьба меня забросит в Днепропетровск, что не раз я буду поминать Стовбу в Днепродзержинске, а убеленный сединами ветеран М.С. Селезнев станет моим старшим товарищем по делам десантников и спецназовцев запаса, девиз которых — «Никто, кроме нас». Под покровительством лауреата премии В.И. Ленина Селезнева я издал несколько своих первых книг, а за день до 65-летия Победы навсегда простился с 87-летним наставником на Сурско-Литовском кладбище г. Днепропетровска.

На вечере поэзии хорошо выступил со своими стихами о мужестве, положенными на музыку, подполковник А.Греблюк из 345-го отдельного парашютно-десантного полка. Прапорщик Ирина Морозова по случаю торжественности момента одела на грудь медаль «За боевые заслуги» и прочитала свои стихи о саперном

подразделении, о своих товарищах, которые, «щупая склоны, автоколонны зимним Салангом везут».

Великолепно прочитал свои стихи боевой израненный заместитель командира отряда спецназа из Фарахруда майор Владимир Кошелев:

*Нас не увидишь на парадах:
Мы — не придворные войска,
В отрядах наших и бригадах
Готовность первого броска.
За целый мир спецназ в ответе:
Везде разведке есть дела,
Прикажут нам, и в Новом Свете
Свои распустим купола...*

Мы услышали немало стихов, в которых преобладала драматическая тональность. Вижу в этом причины, о которых нелишне сказать. Сколько ни разговариваешь с бойцами, побывавшими в боях, слышишь рассказы о том, как «духи их «зажали», как приходилось отстреливаться до упора, как уходили из-под огня, нарвавшись на засаду. Об этом — поэзия замполита 668-го отряда спецназа майора Виктора Ткаличева.

Главным считал военное мужество и хирург подполковник медслужбы Марат Величко:

*Спросите у каждого, бывшего в Афганистане
И он подтвердит, что нынче скрывать не резон,
Что все «шурави» прячут где-то в заветном кармане
Для смерти своей припасенный последний патрон.*

Почему нет рассказов о победах?

Почему в памяти остаются трагические страницы?

В чем причина такой избирательности?

Мне ответил на эти вопросы военный хирург подполковник Геннадий Костюк:

— Почему вспоминается негативный опыт? Потому что он самый крепкий, из которого вырастают успех и каждая будущая победа. И главная забота живых — помнить павших.

И прочитал свою балладу «Реквием»:

*На афганской земле
За прошедшие годы немало
Разложила по скалам
Россия своих сыновей.
Почему же на их обелисках
Всегда не хватало
Слов о том, что ребята
Погибли за наших друзей?*

Чем жили наши доморощенные поэты? Как и всякий человек, оторванный от дома — мыслями о нем. О близких людях.

Об этом были стихи офицера-артиллериста Владимира Конарева, авиатора Александра Перлова, рядового Станислава Речинского, рядового Сергея Пензева, майора Виталия Черемховского.

Одна песня мне особенно нравилась, — она называлась «Письмо жене в Свердловск». Поскольку ее часто крутили во всех частях нашей бригады спецназа, думаю, что нравилась она и другим.

*Как мне надоели эти расставания,
Становятся все больше меж нами расстояния,
Как бы ни был долог путь до нашей встречи,
О том, что не вернусь я, не может быть и речи.*

*На земле афганской пролетят два года,
У нас характер крепкий, уральская порода.
Выдержим и это наше расставание,
Ведь не привыкать нам к встречам и прощаниям.*

*Под уральским солнцем пусть вырастут дети,
За их жизнь и счастье мы с тобой в ответе.
В ответе перед ними и перед собою,
Пусть мирным будет солнце, небо голубое...*

*У вас сейчас метели воют за окошком,
Но будет и теплее, подожди немножко...
Пролетит и лето, осень сбросит листья,
И тогда зимою ваш папа возвратится.*

*Средь сугробов белых мы пройдем семьейю,
Пусть хрустят снежинки тихо под ногою,*

*Расставанье вечно ведь не длится,
Я вернусь домой, мне эта встреча снится.*

*Махнула, как на фронте, нас судьба не глядя,
Ты с семьей в Свердловске, а я в Джелалабаде.
Пусть сейчас тепло у нас, все зелено и прочее...
По мне бы, лучше быть сейчас,
с тобой и с сыном, с дочерью.*

*Год пройдет пусть долгий, но и он не вечен,
Чем длинней разлука, тем теплее встреча.
Я без вас скучаю, но стерплю и зубы стисну.
Не впаду в отчаянье, пиши мне чаще письма.
Ведь этот срок огромный сокращают ваши письма.*

*Рассветают зори, реки бьют в пороги,
Ждут меня афганские пыльные дороги,
Если б их в одну свести, то выйдет, безусловно,
Прямая, как стрела, дорога до родного дома.*

*Как мне надоели эти расставания,
Становятся все большие меж нами расстояния.
Как бы не был долг путь до нашей встречи,
О том, что не вернусь я, не может быть и речи.*

Эту песню молча слушали все — и генерал, и солдаты, кратив разговоры и опустив в раздумье головы. Она объединяла аудиторию, в которой главным желанием каждого было — вернуться домой к своим любимым женщинам.

Взаимоотношения мужчины и женщины на войне — эта тема в военной истории считается деликатной, хотя присутствие последних в составе ОКСВ, безусловно, делало ее актуальной.

В отличие от Джелалабада, в столице Афганистана было большое количество советских женщин — служащих армии. Подавляющая часть из них состояли на должностях машинисток штабов, врачей, медицинских сестер, поваров, телефонисток, продавцов, работников эксплуатационных служб и т.д. Все они попадали в Афганистан по собственному желанию через систему военкоматов. Как правило, вольнонаемные уже в Союзе знали, на какие должности

они направляются. В общем количестве их было более восьми тысяч человек. Они самоотверженно трудились, и 800 из них были награждены боевыми наградами. Абсолютное большинство из этого числа являлись медицинскими работниками. Но среди героинь были и другие профессии... в боевых частях их было очень мало.

О мужестве повара Асадабадского батальона спецназа Людмилы Масиной рассказывали легенды. Эта часть в течение трех лет непрерывно подвергалась обстрелам с территории Пакистана. И несмотря на непрерывные обстрелы, во время которых весь личный состав прятался в укрытия, она под огнем готовила обеды. Ее оружием были золотые руки повара. Это о таких Некрасов писал: «...коня на скаку остановит, в горящую избу войдет...».

Мне рассказывали: Масина может работать сутками, но каждое утро бегаёт на физзарядку, безотказна в общественной работе, стрижет ребят вместо парикмахера, пишет стихи...

Сама Люда говорила:

— Вы не представляете, как жалко ребят! Первое время плакала, думала, не выдержу, уеду домой. Но на кого их бросишь? Они же еще мальчишки нецелованные...

Однажды реактивный снаряд, пробив крышу модуля, влетел в кухонное помещение, упал рядом с котлами, где работала Людмила, но, к счастью, только все разбил, а сам не взорвался. Отважная повариха выскочила из поврежденного здания с окровавленной рукой.

— Помогите!

К ней подбежал молоденький солдат, растерялся и замер, застеснялся. Кровь из перебитой вены хлестала струей. Тогда она заорала: «Как е...ть, так готов весь батальон, а помощь — руки трясутся?». Эта фраза вывела солдата из шока. За самоотверженность мужественная советская женщина в ноябре 1987 года была награждена почетной солдатской медалью «За боевые заслуги».

Война не выбирает свои жертвы по признакам пола, она жестока и безжалостна ко всем. В списке потерь нашей бригады есть и женские фамилии. 5 апреля 1987 года в Баракинском батальоне спецназа сложили свои головы Любовь Шевчук и Людмила Присакарь. Машинистка по секретной переписке штаба 15-ой бригады спецназ Татьяна Лыкова погибла во время полета из Кабула в Джелалабад на борту самолета АН-12, сбитого моджахедами ракетой «Стингер».

Война — войной, а присутствие женщин сразу меняло обстановку существования мужчин. Суровая походно-полевая жизнь скрашивалась ими. В обстановке взаимного влечения многие ценили в женщинах не только то, что они выполняли определенные служебные обязанности. Любая, даже самая несимпатичная женщина здесь становилась видной красавицей, за которой начинали активно ухаживать поклонники. Они попадали в плотное кольцо мужского внимания.

В лучшем положении в смысле «амуров» оказывалось командование: в их распоряжении хотя бы были отдельные комнаты, а то и «бочки». Те, кто занимал высокие посты, вам подтвердят: есть некая магия власти. Мужичок сам по себе мог быть незавидным, но если он был командиром или начальником, если имел какие-то возможности, бабы к нему сами липли, как мухи. С овладеть с сексуальным желанием и тем самым продемонстрировать подчиненным твердый морально-боевой дух не удавалось даже именитым командирам и военачальникам.

Женщинам подобные отношения с мужчинами нравились, они и не скрывали, что ехали в Афганистан не только для того, чтобы заработать денег, но и в надежде найти себе мужа, друга, любовника. Устроить свою судьбу, если, конечно, повезет. Ничего плохого в этом нет: это — жизнь.

Но всех их объединяло одно — они ехали сюда работать. Они на выжженной солнцем земле Афганистана особенно знали, как необходимы на войне ласковые женские руки, что снимают у раненых боль, возвращают к жизни.

Люди здесь все были в основном молодые, тянулись друг к другу и, ночная жизнь бурлила. Меня поразила откровенная фраза одной шиндандской официантки, работавшей в офицерской столовой, которая, никого не стесняясь, однажды сказала: «Да мне ваши жены спасибо сказать должны, что я сохраняю им здоровых мужиков...».

Были и любительницы острых ощущений, которые вели себя не слишком достойно. Мне рассказывали, что групповые пьянки и откровенные оргии с военнослужащими устраивали в военном городке Кабула раскрепощенные работницы военторга армии.

Об этом наиболее красноречиво свидетельствуют цифры профкома армии. Так, начиная с 1984 года и до полного вывода войск из частей и учреждений армии было откомандировано за пьянство

139 женщин, 777 служащих женского пола откомандированы за грубые нарушения трудовой дисциплины. Это немного от общего количества женщин, находившихся в ДРА, но слов из песни не выкинешь.

Отмечались отдельные случаи заражения военнослужащих болезнями, передающимися исключительно интимным путем. Таких женщин тоже немедленно отправляли в Союз. Некоторые женщины, приехав «за боевой романтикой», начинали зарабатывать древним способом. Что греха таить, такие тоже пользовались спросом, но их презрительно называли «чекистками», за то, что за оказанные услуги они требовали чеки внешторга, которые были в ходу вместо денежных знаков...

Среди военных было много холостяков, особенно среди молодых офицеров и прапорщиков. Некоторые из них здесь женились. Браки регистрировались в советском консульстве, в Кабуле.

У меня в Джелалабаде инструктором по оформлению партийных документов работала сорокалетняя татарочка по имени Фанера из Казани, которая от старшего лейтенанта-летчика родила ребенка в военном госпитале 66-й бригады. Она до последнего дня скрывала от всех свою беременность, и рождение ребенка было для нас полной неожиданностью.

ЧВС генерал Захаров после моего доклада об этом добродушно проворчал:

— Ну, спецназ опять отличился!

Мать назвала сына по-восточному: Кабулом Джелалабадовичем. Пожалуй, это был единственный известный мне случай рождения ребенка на земле Афганистана. Обычно женщины на это здесь не решались. Много Фанера пережила за два года в Афганистане: пыль, жара, горячий ветер, неустроенный быт, обстрелы городка — к этому все быстро привыкают.

— Нет, Афган меня не изменил: какой пришла, такой и остаюсь. Уезжаю счастливая, ведь у меня уже предельный возраст — замужем не удалось побывать — так хоть сын будет. Поживу, пока сынок маленький, у родственников в Ташкенте, а потом поеду на родину, к матери, в Татарию.

— Не страшно одной сына воспитывать? — спросил я у нее.

— Страшно одной к старости идти...

...С приближением сроков окончательного вывода войск всех служащих — и мужчин, и женщин начали отправлять в Союз.

Без женщин нам жилось очень непросто. Всякий мужчина, которому в расцвете лет пришлось жить одному, без подруги, поймет это особое состояние неудовлетворенности.

Любовь... как подумаешь, какое место занимает она в нашей жизни, дух захватывает. Без любви существование человека не имело бы никакого смысла. Смысл и радость бытия познается только через любовь. Способностью испытывать любовь человек наделен с рождения. Однако качество это весьма индивидуально. Ощущения, эмоции, которые испытывает любящий человек, настолько различны у людей, что порой мы и понять друг друга не можем.

Мы привыкли воспринимать суть любви через ее физиологическую сторону, то есть секс. Но, увы, секс, являясь одним из наиболее приятных наслаждений человека, сутью любви быть никак не может хотя бы потому, что существует сам по себе — с любовью ли или без нее. Любовь — это эфир, который заполняет собой пространство и время; и сила тяготения, которая притягивает нас друг к другу. Любовь... Спросите у любого человека — что он думает по этому поводу — такое услышите! И что самое интересное — все будет истиной, вернее, долей ее. Всей истины ни один смертный знать не может, так как ощущения наши слишком индивидуальны.

Человек способен испытывать чувство любви ко всему существу: к другому человеку, к работе, животному. Но каждое состояние этой любви разное. Любовь между мужчиной и женщиной — это одно; любовь к родителям — это другое...

Но есть, на мой взгляд, три составляющие, определяющие состояние любви.

Во-первых, это наличие жизненной потребности в объекте любви. Если потребность отсутствует, то отсутствует интерес, откуда ж чувствам взяться? Из множества женщин я выбрал одну — Галину, ставшую моей женой. Никогда ни одна женщина не могла поколебать во мне святость ее образа. Для меня лучше ее не было и нет.

Во-вторых, это явная или неявная потребность самого объекта любви в любящем, в противном случае — чувству не на чем строиться... Моя Галина написала мне в Афганистан более двухсот пятидесяти писем. Никому так не писали, как она мне. Я жил вечным ожиданием весточки от любимой женщины... Так много они для меня значили. После каждого письма от жены я болел по два-три дня, тоскуя по Галине.

В-третьих, объект любви должен вызывать у любящего приятные ощущения. В моей комнате и в Джелалабаде, а позднее и в Кабуле над кроватью висели ее фотографии, напоминавшие мне о нашей с ней любви и жизни.

Форм проявления любви существует великое множество: это и страсть, и ревность, и забота, и преданность, и жертвенность, и сопереживание и многое, многое другое...

Древние религии учитывали это в своих учениях. Например, согласно мудрому исламу, муж обязан каждую четвертую ночь проводить с женой, с которой он состоит в постоянном браке. Он не имеет права не посещать законной жены в течение более чем четырех месяцев. Что греха таить, мы учитывали это обстоятельство и часто устраивали засады на духов в предполагаемые дни их возвращения на ночь к женам. С четверга на пятницу.

Нормы шариата запрещают посторонним мужчинам и женщинам смотреть друг на друга. Мужчинам запрещено смотреть даже на волосы посторонней женщины. Но мусульманину разрешается смотреть на лицо, руки и другие части тела «женщины священного писания» (христианки или иудейки). А от мусульманок шариат требует закрывать тело и волосы от посторонних мужчин и даже несовершеннолетних мальчиков, которые «отличают хорошее от плохого»...

Вот так-то, а мы по воле рока на долгие месяцы оказались оторванными от жен... Основная масса военнослужащих самоотреченно сносила сексуальный голод, хранила супружескую верность. Для многих военных и их женщин жизненной философией стало стихотворение военной поры «Жди меня».

Об интимных ощущениях того периода рассказывают сохранившиеся письма:

20 сентября 1987 года. Джелалабад.

«...Второй раз ты пришла ко мне в разлуке в сновидениях. Весь мой организм, все клеточки моего мозга и тела живут памятью о тебе. Потому, не случайно, отсутствие тебя дает галлюцинации. Я сна не видел всю ночь и вдруг, как удар — «проснулся»: почувствовав рядом твое голое тело, теплое и такое бархатистое. Ты лежала на моем левом плече сначала на правом боку, а когда я стал с жадностью гладить твои груди, живот и бедра, то послушно повернулась на спину. Сладостное ощущение страсти распространилось по всему телу. Я проснулся и очень жалел, что это сон...

Благодарю, что хотя бы во сне ты пришла ко мне, моя любимая, мое божество, моя религия, мое наслаждение и моя радость жизни. У меня сегодня прекрасное настроение — я встретился с тобой! Мое тело и разум живут не войной, а мыслями и чувствами о тебе».

Страдали мужчины, но не были бесчувственными и наши жены... Трудно было соблюсти моральные принципы — тело требовало половой разрядки.

Из письма Галины от 2 октября 1987 года.

«...108 дней и ночей прошло с начала нашей с тобой разлуки! Я женщина, мне в этом плане, видно, легче, но и мне мое тело доставляет беспокойство. Ты возбудил во мне страсть в общении и познании тебя как мужчины, поэтому я тоже неспокойна. Сны вижу эротические... Я о тебе очень скучаю!»

Из письма жене через год 20 октября 1988 года. Кабул.

«Вечер... Заканчивается тяжелый день, наконец-то я могу побыть один. Смотрю на последнюю твою фотографию. Ты на ней получилась такая грустная, такая красивая, хотя заметно похудевшая, но очаровательная женщина! Особенно на фотографии меня привлекли твои губы, ведь я хорошо знаю, какие они сладострастные и зовущие... Получив фотографию, поверь — две ночи подряд приходили воспоминания ощущения именно от твоих поцелуев, от страстных поцелуев, которые сопровождали наши наслаждения друг другом. Я просыпался, поворачивался на другой бок и вновь засыпал. За этот год нашей разлуки мой организм заметно перестроился, я стал спокойнее. К сожалению, ты мне во сне не снишься. Какое у тебя шелковое нежное тело, какой у тебя приятный волшебный запах — я вспоминаю часто, но только когда бодрствую. Думаю о нашей с тобой жизни и стараюсь возродить в деталях сладкие минуты узнавания друг друга. Вспоминаю твои жаркие объятия, глубокие и долгие поцелуи, твою руку, блуждающую по моему телу. Дай нам бог, чтобы было продолжение наших совместных воспоминаний. Чтобы были любовь и страсть».

На чужой земле мы часто вспоминали любовные стихи К.Симонова. Такие стихи можно написать только в разлуке. Вот одно из них.

«О чем вспоминают мужчины?».

О белом полотне постели,

*О верхней вздернутой губе,
О гнущемся и тонком теле,
На пытку отданном тебе.
О нежной и прохладной коже
И о лице с горящим ртом,
О яростной последней дрожи
И об усталости потом...*

Так война брала и ту жертву, о которой не принято было говорить вслух, — любовную.

Таким запомнился мне тот необычный вечер: воспоминаниями о пережитом, чувстве товарищества, рожденного в бою, памятью о близких.

Лауреатам вручили почетные грамоты, а ночью все разлетелись по своим частям. Война продолжалась еще три с половиной месяца.

Обобщенный поэтический материал был отправлен в Союз, где под общей редакцией Петра Ивановича Ткаченко приобрел законченную форму. Он первым собрал и издал в течение 1989 года в Москве и Ташкенте солидным тиражом сборники стихов воинов-интернационалистов, которые быстро нашли своих почитателей. Надо сказать, что военный журналист кубанский казак полковник Ткаченко П.И. стал автором наиболее популярных книг об афганской войне «Когда поют солдаты», «Время выбрало нас», «Афганистан болит в моей душе», «Из пламени Афганистана», «Письма из Афгана».

Подхватив у меня в 1990 году предложенные черновики по трагедии асадабадского батальона, он провел собственное профессиональное художественно-документальное исследование и написал пронзительную повесть «Слово о мараварской роте».

Не все в ней получилось складно, возникла полемика в афганском окружении, но это не главное. Книга, рожденная по горячим следам, увидела своего читателя только в 2004 году, когда была окончательно побеждена агрессивная идеология «цинковых мальчиков», и опять стало востребовано человеческое сострадание, на котором держится мир.

НАБОР ДОБРОВОЛЬЦЕВ ПРОВАЛИЛСЯ

Когда 4 ноября 1988 года первый замминистра иностранных дел СССР Александр Бессмертных, выступая на брифинге для журналистов, заявил о временной приостановке вывода войск из РА, мы это восприняли как должное. Жалко было все бросать. Мы не понимали мягкотелости решений нашего руководства, явно уступающего моджахедам стратегическую инициативу, не предъявлявших противной стороне выгодных нам и Республике Афганистан требований. Невнятность нашей внешней политики усугубляли и торопливые решения ООН, ноябрьская сессия генеральной ассамблеи которой навязала резолюцию по полному завершению вывода советских войск. Оппозиция, чувствуя международную поддержку, нагнала и наращивала военную активность по всей стране. Поток через границу хлынуло оружие. Положение в Кабуле стремительно ухудшалось, так после 15 мая только в столице жертвами террористов стали 750 афганцев, разрушено 550 домов и 50 административных зданий. Разгул терроризма, поощряемого американскими военными советниками, почувствовали на себе и советские военные.

По официальным данным, отправленным штабом 40 армии в генеральный штаб ВС СССР, за лето и осень 1988 года наши подразделения и части 555 раз подвергались обстрелам и нападениям, из них 88 раз были нанесены ракетно-минометные обстрелы, 26 раз обстреляны аэродромы и летательные аппараты, отражено более 400 нападений на сторожевые заставы. Даже в военных городках наших частей все приобретало вид осажденного лагеря. Повсеместно рядом с жилыми и служебными сооружениями рылись щели и возводились баррикады и укрытия из мешков с песком.

Несмотря на это, ноябрьские праздники в частях прошли традиционно торжественно. В Доме офицеров состоялся концерт узбекского ансамбля «Ялла», исполнившего на бис хит того времени, песню «Учкудук — три колодца». А утром состоялось торжественное построение советских войск. На параде кабульского гарнизона присутствовал президент Афганистана, который, я думаю, в глубине души еще надеялся на остановку вывода «шурави». Тем более, что последующие дни подтвердили драматизм обстановки. Помимо ежедневной гибели наших военнослужащих и специалистов, жертвами моджахедов стали иностранные граждане из ГДР, ФРГ, Болгарии...

Для давления на международную общественность, сознательно моджахедами были обстреляны журналисты Д.Мещанинов, представляющий «Известия»; Ю.Тиссовский, «ТАСС»; Протар Черкворти, «Франс Пресс»; специальный представитель Бундестага ФРГ Иохан Хиллер; арабские корреспонденты Саяд Халлед и Нурул Хак.

Трагической страницей стало 13 ноября, когда во время обстрела 50-го смешанного авиационного полка было убито 10 советских летчиков, а получили ранения 11 человек. На другой день список погибших продолжили военнослужащие Валов Виктор и Халилов Муса.

Только за 15 ноября наши части подверглись тринадцати обстрелам, а две транспортные колонны подорвались на минах. Вновь был обстрелян эрэсами столичный аэродром.

Поскольку обстановка становилась угрожающей, генерал Варенников распорядился до принятия окончательного решения в Москве приостановить уже начавшийся второй этап вывода войск. В такой неопределенной ситуации, когда территорию Афганистана уже покинули более 50 тысяч наших солдат и офицеров, пришлось бы вновь отбивать у моджахедов оставленные ранее важнейшие объекты.

Для сдерживания наступления оппозиции весь месяц активно использовалось новое оружие, которое до этого ни разу не практиковалось в Афганистане. Советский 47-й отдельный ракетный дивизион, сопровождаемый спецназовцами 668 отряда, тайно прибыл в Кабул. На другой день начальник РВиА армии полковник Корякин, учитывая дополнительные возможности ракет СС-1, с дальностью полета до 300 км, поставил первую боевую задачу. Стартовая позиция ракетчиков хорошо просматривалась из Дворца Амина, и мы часто становились свидетелями одновременного пуска трех-четырёх ракет по целям, выбранным разведотделом армии. По оценке агентурных органов в итоге противник нес немалые потери от этих точечных ракетных ударов.

Окончательное решение нашей судьбы затягивалось. Появлялись и пропадали различные слухи, порой носящие совершенно противоречивый характер.

Припоминаю, как уже в первых числах января, мне позвонил замполит 350-го парашютно-десантного полка, мой однокашник по училищу, майор Ярков, и озадачил вопросом:

— Олег Владимирович! А что вы посоветуете по предложению Варенникова?

— Сергей Алексеевич, я только из командировки, что за предложение, не знаю.

— Как же так. Все об этом только и говорят, — удивленно ответил он.

— Ну, поясни, пожалуйста.

— Вчера состоялось совещание офицеров нашей дивизии, на котором генерал Варенников объявил о начале регистрации добровольцев для продолжения службы в Афганистане после вывода советских войск. Предполагается выплачивать добровольцам из числа офицеров пять тысяч рублей в месяц, солдатам до тысячи рублей. (По тем временам это были очень большие деньги. К примеру, месячное содержание полковника было около 300 рублей).

— Как отреагировали офицеры? — спросил я.

— Офицеры отреагировали резко отрицательно, и некоторые из них послали генерала в известное фольклорное место. На что он очень обиделся.

Полученная информация заинтересовала меня. Выйдя на коммутатор, попросил телефонистку соединить с «Моторкой».

Начальник политотдела 103 ввд подполковник Кичигин был на месте.

— Николай Михайлович, что у тебя стряслось? — спросил я у него.

— Ты уже слышал? Вчера крепко «вздрычил» генерал Варенников за низкое политико-моральное состояние офицерского состава. Об этом уже и Москва знает. Только что отчитывался по этому поводу перед командующим ВДВ. Сухоруков матерится.

По взволнованному голосу Кичигина я понял, что ситуация достаточно напряженная.

Для детального уточнения этого вопроса я спустился к заместителям начальника штаба армии полковникам Дыбскому и Кицаку, которые обычно знали очень многое из того, что варилось в кулуарах и порой не обсуждалось даже на совещаниях.

Кицак Стефан Фролович мне подтвердил, что, действительно, министр иностранных дел Шеварднадзе выступил с предложением оставить 12 тысяч добровольцев для охраны международного аэропорта Кабула и центральных автодорог. Но эта идея неожиданно оказалась отвергнута офицерской общественностью даже в элитной

десантной дивизии, где состоялось первое совещание по этому вопросу.

После того Борис Всеволодович Громов выдержал серьезный разговор с Варенниковым, но, как говорят, высказался по этому предложению тоже осторожно отрицательно. Тем самым поддержав мнение офицеров-десантников. А штабу армии командарм запретил собирать рапорта у желающих остаться, если такие появятся. По его мнению, 12 тысяч — это капля в море, а если оставлять личный состав, то контингент должен быть не менее 30 тысяч. Тогда возникает главный вопрос: зачем мы выводим войска?

Тем не менее, среди офицеров штаба армии ходили разговоры, что план о добровольцах-контрактниках серьезно обсуждается в Москве для реализации на базе личного состава 40-й армии. Для этих целей, якобы, кадровикам даже приказали задержать отправку в Ташкент личных дел офицеров.

И только к 27 января 1989 года здравый смысл возобладал, и Политбюро приняло окончательное решение — не оставлять никаких войск в Афганистане, а вывод завершить в ранее установленные сроки.

Я и сейчас убежден, что решение о наборе добровольцев не было принято в немалой степени благодаря дружному отрицательному отношению офицеров-десантников к этому предложению. Это был своего рода пробный шар — социологический опрос общественного мнения, которое генерал Варенников умело использовал как аргумент для принятия правильного решения.

И он оказался показательным, ибо народ устал от этой войны. А служили тогда на идейном, а не материальном начале. Однако пройдет несколько лет, и немалая часть афганцев, брошенная перестройкой и демократическими преобразованиями в нищету и прозябание, изменит свое мнение. И потянется «дикими гусями» — по контрактам в горячие точки планеты.

Моя служба этого последнего периода, конечно, во многом отличалась от службы в бригаде, но было и общее — постоянные командировки по всему Афганистану. Я как-то прикинул, и получилось, что половину всего времени, проведенного за кордоном, затратил на дорогу, добираясь из одной части в другую. Дорога эта чаще всего тянулась по воздуху, проходила сквозь просверленные временем скалы, бежала по земле. Она была скучной и страшной, дневной и ночной, покрытой льдами и песком, солярой и кровью.

Выполняя приказы командарма и члена военного совета, мне довелось побывать в большинстве провинций страны. Для выполнения служебных заданий, связанных с инспектированием войск, проведением переговоров с местными руководителями, разбирательствами в конфликтных ситуациях между советскими командирами и местными органами власти, в мое распоряжение без задержек выделялись разнообразные виды транспорта — самолеты, вертолеты, бронетехнику, автомобили.

Хочу добрым словом вспомнить водителя своего служебного «уазика», уроженца Белгородской области, старшего сержанта В.А. Давиденко. Это был высокий симпатичный голубоглазый блондин. По темпераменту шустрый, умный и энергичный паренек, по характеру общительный, обладающий талантом быстро налаживать отношения с незнакомыми людьми. Хорошо ориентируясь на узких улицах миллионного города, он проявлял смелость и осторожность. По сути Володя являлся моим ординарцем. Его наличие рядом со мной существенно облегчало жизнь. Незаметно и ненавязчиво постоянно он проявлял заботу о моем быте: получал на складе полагающиеся продукты, менял постельное белье, договаривался о времени посещения бани. В мое отсутствие прослеживал маршруты командировок, и когда бы я ни прилетал обратно (хоть в полночь), он преданно ждал меня на аэродроме. Вместе с Володей 7 января 1989 г., загрузив нашу машину в Ан-12, мы улетели в Шинданд на вывод войск западного направления. Откуда в начале февраля я отправил его в составе первой колонны сначала в Кушку, а потом в Ташкент — на дембель.

Последний вечер своего пребывания в Кабуле я провел на аэродроме в 177-м ооСпН. Провожал меня командир. Уже смеркалось, когда у аппарели военно-транспортного самолета мы с Анатолием Андреевичем Блажко выпили по 50 грамм коньяка, пожелав друг другу напоследок: «Чтобы за нас не пили третий!»

ЧЕКИСТЫ НА ВОЙНЕ

Когда Горбачев стал Генсеком, КГБ представлял собой огромную империю службы безопасности и разведки, насчитывавшую около четырехсот тысяч сотрудников в СССР, двести тысяч в погранвойсках и обширную сеть осведомителей.

Самым престижным подразделением КГБ оставалось его оружие внешней разведки. Персонал первого главного управления (ПГУ) вырос до двенадцати тысяч к середине восьмидесятых. Отбор в КГБ осуществлялся очень тщательно. Евреи, крымские татары, карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, греки, немцы, корейцы и финны в КГБ не допускались. С подозрением относились к полякам, литовцам, латышам, эстонцам, армянам. Однако, как пишут некоторые источники, внутренняя статистика КГБ показала, что грузины, азербайджанцы, узбеки были надежнее русских и украинцев.

В 1990 году ПГУ сделало первое публичное заявление относительно качеств, необходимых для отбора чекистов: «Разумеется, желательно крепкое здоровье и способность к иностранным языкам. Однако главное требование ко всем без исключения оперативникам, занимающихся сбором разведанных, это абсолютная надежность и преданность своему делу». Было объявлено, что кандидатам на работу в ПГУ придется прыгать с парашютом с самолета: «Труслявые нам не подходят».

Все эти качества в достатке имели многие наши сослуживцы-спецназовцы ГРУ. Неслучайным явлением было то, что многие чекисты в прошлом проходили срочную службу в качестве солдат подразделений бригад спецназа. Даже мои бывшие воспитанники (В. Бахтий и Р. Зарипов), закончив андроповский институт, пополнили ряды бойцов невидимого фронта. Это были смелые и прекрасные люди.

Масштаб и накал политических страстей на рубеже 70-х и 80-х годов был связан с ситуацией на южных рубежах СССР, в Афганистане.

В своей книге «Нужная работа» бывший начальник управления нелегальной разведки КГБ СССР генерал-майор Ю.И. Дроздов так описывает сложившуюся обстановку:

«Впервые с афганской проблемой мне пришлось столкнуться в Нью-Йорке. Внимательное наблюдение за этой проблемой еще в 1978 — 1979 гг. указывало на обоснованность тревоги руководства СССР за положение на самых южных границах. Изменения, которые произошли в политической жизни Афганистана в 1978 г., серьезно обеспокоили противников СССР, ибо затрудняли осуществление их планов. В ЦРУ, например, было решено активно, с помощью специально подготовленной агентуры противодействовать ук-

реплению режима Тараки. Американские разведчики, готовившие агентуру из числа афганцев, утверждали, что так просто русским Афганистан не отдадут, что создадут международную вооруженную коалицию сопротивления новому демократическому режиму и будут способствовать ослаблению советского влияния в стране, вплоть до развертывания басмаческого движения в советской Средней Азии. Как бы я хотел, чтобы приведенное выше было только отражением неосторожных высказываний американских разведчиков в беседах с агентами, но все свершившееся потом было практическим осуществлением этих замыслов».

В то время, когда политики искали выход из создавшейся ситуации, разведке, в силу ее «коварного» предназначения, в числе других была поставлена задача — подготовиться к возможному силовому воздействию в Афганистане с целью сохранения установившегося там режима.

История войны в Афганистане, которая, можно сказать, вергла нашу страну в состояние перманентной войны, хранит много примеров участия в боях сотрудников госбезопасности, или, по старому названию — чекистов.

О первой операции по штурму Дворца Амина написано немало...

На тот период в составе КГБ в результате многочисленных реформирований практически отсутствовало штатное подразделение, способное выполнить эту сложнейшую задачу. Снятые фильмы о том, что дворец штурмовали группы КГБ «Альфа» и «Вымпел», имевшие тогда название «Гром» и «Зенит» соответственно, не в полной мере отражают правду событий. По непонятному недомыслию авторов фильма была искажена сложнейшая ситуация штурма дворца, когда героическим, но малочисленным группам чекистов была оказана основная существенная помощь армейского спецназа, о чем не было даже упоминания. А ведь это были немалые силы поддержки: пять рот «мусульманского» батальона 15 обрСпН (около 600 человек), 9-я парашютно-десантная рота 345 опдп (100 человек). Читатель, знакомый с моими книгами «Колыбель Чирчикского спецназа», «15 бригада спецназ» найдет в них документальный материал об истинных исполнителях этого штурма, без участия которых штурм просто бы не состоялся. Не развенчивая заслуженной боевой славы чекистов, мною объективно рассказано, как было... «Правда, как бы горька она ни была, всегда лучше, чем

ложь». Кто не подпишется под этим положением? Кто не слышал, не говорил этих слов? Создается, однако, впечатление, что «горькая правда» благожелательно принимается только тогда, когда она чем-то существенным «сладка» и «мила». В противном случае и совсем негорькая правда отвергается. Впрочем, с какой стороны считать.

К профессии чекистов с детства отношусь с большим уважением, тем более что в наше время они были окружены достойным ореолом доблести и героизма, и я, будучи подростком, с товарищами начитавшись книг о Дзержинском и его соратниках, мечтал стать сотрудником госбезопасности. Потому, став старше и общаясь с коллегами из ведомства КГБ, относился к ним как к наиболее подготовленным бойцам невидимого фронта, с которыми можно было профессионально беседовать о многих проблемах не только разведки, но и повседневной жизни. Потому что многие из них обладали высоким интеллектом. К сожалению, история госбезопасности изобилует теми же периодами расцвета, разрушения и восстановления из пепла, что произошли и в армейском спецназе.

В 1954 году части спецназа бывшего 4 управления МГБ СССР, действовавшие в годы войны в тылу врага, а также боровшиеся с бандитами, ошибочно были расформированы. А ведь подготовка специалистов подобного профиля была очень сложна.

К примеру, из общего количества групп, заброшенных в тыл к немцам, более 50% или не выходили на связь, или были разгромлены. А в военной разведке эти цифры были еще выше. Накануне афганских событий была только небольшая группа «Альфа» (около 70 человек) со специальными антитеррористическими функциями. Формировали спецгруппу «Зенит», прообраз будущего «Вымпела». Эти две группы, «Гром» и «Зенит», брали дворец Амина. Опираясь на положительный опыт действий этих подразделений, Андропов в 1980 году дал указание о начале формирования спецподразделения в одну тысячу человек. Поэтапно были сформированы внештатные разведдиверсионные боевые подразделения (отряды) «Каскад» и в 1984 году «Омега», направленные в Афганистан.

...19 августа 1981 года на совместном заседании Совета министров и Политбюро ЦК было принято решение о создании в КГБ совершенно секретного отряда для проведения операций за пределами СССР — «Вымпел». По приказу председателя Комитета государственной безопасности СССР Ю.В. Андропова он был сформирован на базе в Балашихе, где раньше готовили разведчиков и

диверсантов для войны в Испании. Командиром был назначен участник штурма дворца Амина Герой Советского Союза Эвальд Григорьевич Козлов.

Хрестоматийным стал случай, когда в одной из стран Ближнего Востока были захвачены заложники, граждане СССР, и как четко сработали в той ситуации чекисты. Переговоры с террористами не дали результатов. И вдруг при невыясненных обстоятельствах погибают один за другим лидеры бандитов. Оставшиеся получают ультиматум, — если они не выпустят заложников, то пусть выбирают сами, кто будет следующий... С той поры у международных бандитов появилось трепетное уважение к русским.

— Русские своих не бросают, — вторят и нынешние пираты двадцать первого века, — с ними лучше не связываться...

Отряды «Каскад» для Афганистана формировались из офицеров разведки КГБ в различных регионах СССР одновременно с июня 1980 по апрель 1983 г. Всего было сформировано четыре штата отряда: «Каскад-1» проработал шесть месяцев, «Каскад-2» — шесть месяцев, «Каскад-3» — девять месяцев, «Каскад-4» проработал один год. В зависимости от мест формирования его команды «Алтай», «Кавказ», «Карпаты», «Урал», «Тибет», «Север» и получали свое наименование. К примеру: «Каскад-Карпаты» формировался из чекистов Украины и Молдовы. В Джелалабаде работали подчиненные «Бороды» — подполковника Сергея Шестова из «Каскада»-«Тибет». В Газни базировались сибиряки из «Каскада»-«Алтай». В Чаквардаке работали подчиненные подполковника Табакова. В Кабуле работали уральцы. Команды имели в своем составе: штаб, узел связи, два оперативных направления (16 оперативно-боевых групп) и подразделение обеспечения. По разным данным, в «Каскаде» находилось около 800 человек, из них 215 офицеров, 30 прапорщиков, 30 переводчиков и 500 солдат. В основной своей массе офицеры спецназовцы-каскадеры были сложившимися людьми среднего возраста (30 — 35 лет), все с высшим образованием, полностью лишённые жажды накопительства пресловутых «чек» (при этом командировочные в афганиях от командира до рядового в командах отряда получали все одинаково), непритязательные к бытовым условиям, готовые оказать помощь гражданским специалистам, а по тревоге подняться и выйти в рейд, на боевую операцию. Костяк составляли кадровые офицеры госбезопасности Владимир Гриценко, Анатолий Тимошенко, Владимир

Зверев, Степан Горбач, Петр Нечипоренко, Виталий Койнов, Владимир Куропятник и др. Многие из них прошли срочную службу в частях спецназа ГРУ и имели хорошую военную подготовку. Так, воспитанник 3-й гв. обрСпН в Германии старший сержант Михаил Васильевич Исаев два года отслужил под руководством легендарного Юрия Старова. После увольнения и окончания вуза прошел доподготовку и стал офицером КГБ запаса. В восьмидесятом в команде КГБ «Карпаты» он командовал всей автомобильной и бронетехникой. Впоследствии же достиг должности заместителя генерального директора известного всему миру Харьковского завода им. Малышева, производящего превосходные танки и БТРы, что оказалось лучшим внедрением его боевого опыта в жизнь.

Следует отметить и такой нюанс — взаимоотношения в командах. Как вспоминал каскадовец полковник КГБ Владимир Покутный, в команде «Карпаты» существовал особый психологический микроклимат в коллективе. Царил дух товарищества и братства, взаимопонимания и доверия, терпимости и взаимоуважения. «Обращались друг к другу по имени — отчеству и только в документах — по званию и должности. Сохранялась строгая субординация, хотя знаков различия не носили. Все были одеты в форму спецназа песочного цвета и никаких планшетов и сумок. С первых дней пребывания в ДРА по предложению командира полковника Г.С. Лобачева и единогласному решению всего коллектива дополнительный офицерский паек отправлялся на общий стол. Командир принимал пищу за общим столом и мыл за собой личную посуду. На утреннем построении он подчеркнуто «не по уставу» здоровался с личным составом: «Доброе утро, товарищи». Но при всем при этом командир был требователен, весьма жесток и даже крут, но неизменно вежлив и справедлив. От этого авторитет командира и уважение к нему было всеобщим».

В бойцах «Каскада» великолепно соединились все необходимые качества и профессиональные навыки для работы в Афганистане. Действительно, сотрудники органов госбезопасности, имевшие большой опыт агентурно-оперативной работы, прошедшие специальные диверсионно-разведывательные курсы, соединенные в мобильные, достаточно независимые от центра подразделения, являлись именно той оперативно-боевой единицей, которая, по оценкам военных, представляла грозное оружие в условиях боевых действий в Афганистане. Организация и тактика действий отрядов «Каскад»

аккумулировала мировой опыт ведения партизанской и противопартизанской войны, известной в России еще с 1812 года. Все, что касается «Каскада», долгое время было покрыто глубокой тайной. Я не слышал об особенно громких операциях чекистов против душманов, а с созданием мощной группировки ГРУ, состоящей из восьми отдельных отрядов спецназа, и тем более отпала необходимость использования отряда КГБ «Каскад».

Однако хотелось бы отметить, что руководство КГБ, в отличие от армейского, оберегало своих людей от излишнего риска. Образцом личного мужества в этом вопросе был командир отряда спецназа «Каскад» генерал-майор Лазаренко А.И., находившийся в Кабуле. Он жестко требовал: «Имейте в виду, что ценнее жизни наших товарищей ничего нет. Если видите, что без жертв не обойдется, лучше откажитесь от операции. С центром я все решу сам». Однако известные мне факты боевых действий чекистов не особенно отличались от спецназовских... проходили с риском для жизни. Неслучайно при этом шесть офицеров «Каскада» героически погибли в боевых операциях.

Командир команды «Карпаты» полковник Геннадий Сергеевич Лобачев вспоминал: «Погибшие ребята до сих пор стоят перед глазами, а тогда вообще не могли найти себе места. И, воздавая должное организаторским качествам и личной смелости Александра Ивановича, хотя бы в своих воспоминаниях хочу поблагодарить его за то, что не позволил сломать мне на этой трагедии карьеру. А в то время для оперработника это означало ой как немало. С уверенностью утверждаю, что всем «каскадерам» очень повезло, что нашим командиром был именно такой железный человек как Лазаренко». В начале восьмидесятых «Каскаду» на несколько лет оперативно подчинили отряд спецназ МВД «Кобальт», имевший в своих рядах около шестисот сотрудников милиции.

На смену «Каскаду» пришел отряд «Омега», которым командовал Валентин Кикоть. В его составе было 9 оперативно-боевых групп. Восемь в провинциях и одна со штабом на территории представительства КГБ в Кабуле. Его история оказалась непродолжительной. Мнение офицера «Омеги» Э.Абдулаева: «Скорее всего, нас держали в качестве последнего аргумента в сложной политической игре, конечной целью которой была замена двуличного афганского лидера Бабрака Кармая на более надежного Наджибуллу». В апреле 1984 года Михаил Цыбенко официально зарегистрировал

ликвидацию отряда. Война в Афганистане переходила в новое качество. Теперь основное бремя вооруженной борьбы с моджахедами по линии госбезопасности ложилось на плечи советников и партнеров.

История отряда «Вымпел» тоже оказалась до обидного короткой. «Вымпел» перестал существовать по причине отказа его сотрудников штурмовать Белый дом в октябре 1993 года. Его передали в состав МВД. Сотрудники отказались от работы в милиции и уволились в запас. В декабре 1994 года они создали Ассоциацию ветеранов подразделений спецназначения и спецслужб «Вымпел-Союз»... По тем же причинам недолго поработалось в госбезопасности и ветерану армейского спецназа, бывшему командиру 22 обрСпН Дмитрию Михайловичу Герасимову. После окончания Академии Генштаба он был переведен в Министерство госбезопасности России. Командовал группой «Вымпел», возглавлял управление специальных операций, был заместителем руководителя департамента по борьбе с терроризмом-начальником штаба департамента ФСБ. Он имел уникальный опыт.

Но помимо разведывательно-диверсионных подразделений, ведущих оперативно-агентурную и боевую работу, очень серьезной структурой госбезопасности являлись особые отделы военной контрразведки, которые работали во всех соединениях и частях 40-й армии, а в отдельных батальонах имели своих представителей.

Военную контрразведку КГБ СССР в 40-й армии в мое время возглавлял достойный человек, генерал-майор Черемикин В.С. Заместителем у него работал полковник Белеенко И.Г. Секретарем парторганизации являлся подполковник Калпинский Е.Е. Гордостью особого отдела армии по праву являлись Герой Советского Союза майор Б.И.Соколов, дважды раненый кавалер ордена Красной Звезды и медали «За отвагу» подполковник А. В. Артемчук, кавалеры двух орденов подполковник Э.С. Мусаханов, майоры Н.Л. Качурин и А.Н. Березнев.

С особой теплотой вспоминаю фамилии сослуживцев-чекистов подполковника В.С. Вариводу, майоров Н.В. Бакума, И.Л. Решетова, А.Н. Калмыкова, капитанов С.М. Балышкина, А.А. Иванова, В.И. Сурмач, Е.Л. Красникова, Н.Г. Чернышова.

За описываемый мной период несколько чекистов особого отдела нашей бригады погибли, например, капитан Ломакин был убит при выходе в засаду под Джелалабадом, майор Романов рухнул в

сбитом Ан-26 при подлете к посадочной полосе Джелалабадского аэродрома. Оба были почитаемыми людьми в 154 и 668 ооСпН.

К сожалению, память не захотела хранить фамилию предшественника Виктора Семеновича Вариводы, и слава Богу. Это был матерый интриган, за годы службы поднаторевший в искусстве подковоерной борьбы. Доведенные им до предела терпения, однажды мы с комбригом Старовым всю ночь вели неллицеприятный разговор с ним — об офицерской чести и порядочности. К сожалению, консенсуса не получилось, и нам пришлось ходатайствовать перед командованием армии и ООКГБ армии о смене начальника особого отдела бригады. Нам пошли навстречу, и мы вскоре без сожаления с ним расстались. Его перевели в 56-ю дшбр в Гардез.

Да. Порой непросто у нас складывались отношения с некоторыми представителями ОО КГБ. Но, как показал опыт, генерал В.Черемикин всегда проявлял государственную мудрость, деликатность, гибкость и уважение к мнению комбрига и начальника политотдела, ни разу не защищал и не оправдывал, не выгораживал своего провинившегося сотрудника, а менял ему место работы. На высоких моральных качествах руководителей и строилось продуктивное сотрудничество и взаимодействие с органами. И не могло быть иначе. Мы находились в одной боевой обстановке, в Джелалабаде даже жили в одном модуле, правда, у чекистов был свой вход, и за время службы я ни разу не был на их служебной половине и у них в комнатах. Однако сама жизнь вынуждала идти на четкое взаимодействие. Да и внешне, для окружающих, все выглядело респектабельно. Мы поддерживали постоянные связи, имели основательные беседы. Собственно, у нас с ними не было особых расхождений в оценке военно-политической обстановки.

Высокий профессионализм волжанина начальника особого отдела подполковника Вариводы вызывал достойное уважение. Он был прост и доступен, живо откликался на все предложения по совместному проведению мероприятий и сам лично участвовал в их планировании и проведении.

По большинству вопросов анализа ситуации и деятельности в боевой обстановке у нас с ним были единые толкования. Но то обстоятельство, что КГБ в СССР превратилось в своего рода государство в государстве, давало о себе знать и в наших подразделениях. С этим приходилось сталкиваться. Скажу сразу: в ряде возникающих сложностей и противоречий в работе мы не видели злосла-

ренных козней со стороны представителей КГБ по отношению к командованию частей и подразделений. Думаю, что само положение органов и сложившаяся система их работы вынуждала даже их лучших представителей действовать теми методами, которые затрудняли работу, порой вызывали законный протест.

Во-первых, больше всего нездоровых явлений и возмущений вызывало плохо скрываемое недоверие к нашим людям, доведенные до абсурда подозрительность и всеобщая слежка за людьми. Хотя на этом фоне были и правильные сообщения о недостойном, неблагоприятном поведении отдельных. Но не так уж мало было искалечено судеб в результате совершенно несправедливых и необоснованных доносов. Чекистам приходилось, как говорится, «копаться в грязном белье», на помойках и в отхожих местах. Обычным явлением в Афганистане в частях были «временные жены» у командиров, или, как в Отечественную войну их называли — походно-полевые жены, ППЖ. Женщины-служащие, работавшие в частях ОКСВ, считали за удачу, если из общежития им удавалось перебраться в отдельные апартаменты своего начальника. По советским понятиям это являлось моральным разложением, ведь у каждого подобного начальника дома была семья. Компромат по этим фактам ложился в основу досье на каждого из них. Если, как правило, на политработников не могло быть подобных материалов, так как сама должность обязывала их быть примером нравственности, то на них возлагалась другая вина — за сокрытие аморального поведения отдельных командиров от старших начальников.

Во-вторых, не способствовала хорошему взаимодействию излишняя, не всегда оправданная закрытость и изолированность в работе особых отделов. На служебных совещаниях офицеров частей чекисты либо не появлялись, либо бывали иногда. И в ряде других вопросов считали нужным держать себя в особом независимом положении.

Одним из принципиальных направлений совместной деятельности командиров, политработников и чекистов являлось выявление и пресечение путей проникновения в подразделения наркотиков. Это не было необычным явлением, но массовое применение наркотиков в СССР началось в годы войны и перестройки и связывалось с их основными поставками из Афганистана. Хотя традиция их применения пришла из древности, в России с конца XIX начала XX века и до настоящего времени сохранилась аристократическая привычка

нюхать кокаин для получения дополнительных сексуальных ощущений или усиления уже привычных. А потом, по мере привыкания и увеличения дозы, его применяли просто для улучшения самочувствия и настроения. Нюхали его во все времена очень многие известные и богатые люди страны. В годы первой мировой войны для смягчения тягот существования военнослужащие использовали морфин. Во время Второй мировой войны наркотики активно использовались в отборных частях СС для поддержания стойкости и боеспособности. Отвечая на упреки общественности за негуманность подобной практики, военные медики Германии отвечали, — а гуманно ли посылать на неслыханные трудности цвет немецкой нации? Но если солдату суждено умереть в бою, пусть он примет этот час в нормальном человеческом состоянии, в азарте боя.

В 60-е -70-е годы XX века распространение наркотиков в СССР регламентировалось очень строго. Они были практически легальными только в Средней Азии. В основном так называемый насавай (план) в форме легкой наркотической жвачки растительного происхождения, который клали под язык. Робкие попытки Советской власти запретить ее наталкивались на полное непонимание со стороны местного населения, а при более жестких мерах начинались беспорядки, грозившие перерасти в возрождение басмачества. Гашиш, анаша, даже опиум распространялись в местах произрастания конопли и мака. Производство наркотиков носило кустарный характер, и за пределы региона они выходили в ограниченном количестве. Очень популярным в Азии был плов с анашой. Вкус наркотика в нем совершенно отсутствует, поскольку других специй предостаточно. Но по мере потребления продукта начинается легкое головокружение, эйфория, создается приятное настроение, и народ расковывается и веселится...

Помимо Средней Азии, были курящие районы в Украине и на Дальнем Востоке в Хабаровском и Приморском краях. Но по сравнению с нынешними временами то были сущие мелочи.

Синтетические наркотики распространялись в крупных городах, в среде артистической элиты и так называемой золотой молодежи. Например, Владимир Высоцкий сидел на морфине, одна ампула которого в Москве стоила тогда до семи рублей (две бутылки водки). Кокаин, а тем более героин в те времена были редкостью. А вот наркосодержащих таблеток в аптеках было достаточно — кодеин, кодтерпин, солутан. Из эфедрина и марганцовки наркома-

ны варили «джефф». Мощным допинговым средством являлся марамантан, шоколад-кола.

Активным поставщиком наркотиков в нашу страну стал Афганистан, советское присутствие в котором продолжалось почти десять лет. Действительно, за время службы в ОКСВА немалая часть военнослужащих попробовала наркотики. Особенно распространен был чарс, который курили не все, но многие. Кому-то это понравилось, кому-то нет. Его распространяли афганские торговцы и мальчишки, вечно бегавшие у воинских частей, в виде палочек по длине сигареты или пластин с клеймом Пакистана. Продавались такие изделия по цене 50 афоек за штуку, а также при натуральных расчетах за оказанные услуги. Отдельные военнослужащие, считавшиеся в коллективе изгоями, кололи себе опиум и считались законченными наркоманами. Для приобретения очередных доз эти люди способны были на любое воровство и преступление. Конечно, подобные проявления фиксировались чекистами, но единой борьбы с этим явлением не осуществлялось. Потому с опозданием мы иногда обнаруживали случаи хищения промедола из аптек частей и санитарных сумок медперсонала, отмечали неадекватное поведение отдельных военнослужащих (Изотов, Степанов, Кузьменко).

Следует отметить, что во время боевых выходов в частях спецназа официально, с разрешения медиков, использовался сиднокарб, который стимулировал организм во время длительных переходов. Но, по моему ощущению, у него было побочное проявление — бессонница, что в условиях рейдов и засад не являлось отрицательным явлением, а наоборот, способствовало выполнению боевой задачи. А последствия были угнетающими. Особое внимание командиров отрядов и рот сосредотачивалось на работу непосредственно с личным составом разведгрупп, возвращавшихся с боевых после засад или досмотров караванов, которые имели возможность присвоить себе наркотические препараты уничтоженных или плененных моджахедов. Их конфискация и уничтожение ограждало коллективы разведподразделений от наркотической заразы. Учитывая малочисленность подразделений спецназа и более доверительные и близкие отношения между солдатами и офицерами, фактов использования наркотиков спецназовцами выявлено было немного. Этим больше грешили подразделения обеспечения, охраны, перевозки грузов, солдаты которых не имели таких физических нагрузок, как разведчики, и часто были предоставлены сами себе.

Тема борьбы с наркотиками актуальна и сейчас, поскольку поток героина идет из Афганистана в Россию и Украину через Среднюю Азию. Потому, поддерживая операции международных сил против терроризма, на мой взгляд, следовало бы активнее проводить точечные бомбоштурмовые удары по хорошо известным местам дислокации подпольных героиновых лабораторий и заводов, как это делал наш спецназ в годы той войны. Это было бы благом для всего человечества.

Одним из острых конфликтов в общении с чекистами было разное отношение к фактам рукоприкладства среди солдат разных призывов. Порой получилось, что все усилия, которые мы предпринимали по борьбе с неуставными взаимоотношениями в отрядах, оборачивались против нас же. Мы оказывались виновными в том, что сами вскрывали слабые места и начинали принимать затем меры. А некоторые чекисты, не отвечая за личный состав, «выявляли жареный факт» и докладывали начальству наверх. А с горы на нас катилась «бочка»... Часто подобные факты происходили на виду, как говорится, под носом и особого отдела, и политотдела, и штаба бригады. Припоминаю, как в начале 1986 года в казарме комендантского взвода бригады произошел случай неуставных взаимоотношений, и доведенный до состояния аффекта молодой солдат из Крыма Игорь Шевмин метнул в своих обидчиков наступательную гранату, потеряв при этом руку. Самое обидное в этой ситуации оказалось, что о казарменных хулиганах знали в том числе и компетентные органы, но ждали драматического развития событий...

Наша позиция в подобных ситуациях была простая: поскольку вы занимаетесь фискальной деятельностью, то своевременно информируйте командиров и политработников о подобных проявлениях в подразделениях. Если же вы используете только наш материал для докладных, — значит, вы не работаете сами. Я никогда не оправдывал своих подчиненных командиров и начальников за недостаточное знание обстановки в коллективах, но они жили в другом временном измерении — их основной повседневной задачей являлись боевые действия, которые длились без перерыва на обед или на ночь. Планирование боевых действий по реализации разведданных, обеспечение их и взаимодействие с другими родами войск, личное участие, требующее выходов на боевые...

После нескольких неприятных случаев подобного рода я стал сознательно согласовывать тексты наших донесений с сотрудниками

особого отдела. Поскольку они формировали мнение у руководителей, мне важно было, чтобы они доходили в подлинном, а не в искаженном или препарированном виде. К тому же, через шифровальщиков они самостоятельно узнавали о содержании некоторых наших донесений. После подобных совместных анализов обстановки ситуация изменилась к лучшему, надо было быть большим негодяем, чтобы после откровенного совместного обсуждения вскрытых проблем подставлять комбрига и начальника политотдела как неведжд. Работая в таком тандеме, нам удалось установить доверительные и даже, не побоюсь сказать, братские отношения с представителями контрразведки. Осенью 1987 года во время боевого выхода в засаду пропал без вести разведчик нашей бригады рядовой О.Янковский. Активно подключившись к его поиску, чекисты достаточно быстро нашли плененного солдата и на границе с Пакистаном организовали обмен на бандглаваря с дополнительным материальным вознаграждением за сделку. Так успешно закончилась образцовая и прекрасно организованная и проведенная спецоперация чекистов.

Поводов для тщательной фискальной работы с нашими подчиненными было достаточно — от банальных примеров мародерства во время досмотров мирных караванов, хищений прапорщиками имущества со складов для сдачи их в дуканы с целью личного обогащения, до презренного малодушия и предательства.

Война — страшная разрушительная сила, уродующая людей и физически, и морально.

Когда я услышал об осуждении судом военного трибунала бывшего командира кандагарского отряда спецназа, который проявил жестокость к пленным афганцам: выбросил моджахеда из вертолета, — мне было, конечно, стыдно за спецназ. Не зря на Западе за нашими подразделениями закрепилась устойчивая репутация голворезов.

Как рассказывали, подсудимый — в целом неплохой майор — спецназовец, бросил тогда на суде:

— Почему войну разным судом судят? Вот вы наказываете меня за преступление против мирного населения. А что творят вертолетчики, а артиллеристы? Они ведь, бывает, тоже подобные преступления совершают. Целые кишлаки стирают с лица земли. И вы, судьи, об этом знаете не хуже меня. Кто их за это осуждает? Они за свою работу получают ордена и спят спокойно. Ни летчики, ни

артиллеристы не видят своих жертв. А мы знаем врага в лицо, я казнил душмана, у которого руки по локоть в крови, который активно против нас воевал. И этого изверга я взял в рукопашном бою. В ходе которого, как вам известно, потерял своих подчиненных убитыми и ранеными... Кто перед их матерями ответит: за что погибли сыновья? За интернациональную идею, которую придумали в московском кабинете? Я убежден, что родители моих погибших солдат меня за самосуд не осудят. И не раскаиваюсь...

Это была очень щекотливая и болезненная тема. Особенно в таких частях как спецназ. «Начальники разведок у нас долго не держались, — вспоминал ветеран 177 отряда майор Карен Таривердиев, — два-три месяца, и привет. И там уж кому чего выпало. И не только «убыль» в боях. Можно было даже и просто под трибунал угодить за негуманное отношение к пленным... Попробуй, объясни прокурору, отчего получилось так, а не иначе... Да что я, эсэсовец, что ли? Просто работа у меня такая: «информацию» батальону поставлять. А эту «информацию» добыть надо. Иногда даже и негуманно. Это сказки, что военнопленные на допросах молчат. И то, что их всегда мучают, тоже сказки. По-разному бывает. А надо еще и с агентурщиками работать, а на это деньги нужны, а денег не положено, где взять, спрашивается? В разбитых караванах, естественно... А из караванов положено все сдавать... А не сдал, значит, под трибунал, потому что никто не верит, что не себе взял. Словом, сложная работа, и со своими хуже, чем с другими...».

Если взяли «языка», то он должен был дать информацию. Любой ценой. Для проведения допросов разведчиками привлекались «специальные» военнослужащие, которые независимо от военной специальности (он мог быть даже гуманистом-медиком), обладали одним качеством — имели садистские наклонности, были безжалостными. Я страшно удивлялся, когда видел загорающиеся недобрым желтым огнем глаза подобных заплочных дел мастеров, подходящих к своей жертве. При всем чистоплюйском нравственном осуждении их, такие были нам нужны. Они не были чувствительными людьми, но чаще всего после этого и они оправдывали свои действия местью за погибших товарищей. Жестокость проявлялась с обеих сторон, что свойственно любой войне. Противоположная сторона — моджахеды — тоже не церемонились и пытали наших военнослужащих, при этом убивали их по-восточному долго

и мучительно: сдирали с живых кожу, вырезали половые органы, звезды на спине, вспарывали животы, отрезали пальцы, носы и уши, забивали камнями...

— Да мало ли каких пыток не придумало человечество за тысячелетия своего развития... И некоторые из них имели место то в одном лагере, то в другом. Десантники рассказывали о своих «методах» применения кувалд и «ластах», мотострелки — о нестандартном использовании аппаратов проводной связи к нежным частям человеческого организма, спецназовцы — о шомполах от автомата и границах болевой терпимости при зондировании ран и др.

При определенных обстоятельствах терпимые чекисты считали некоторые методы получения информации недопустимыми и передавали компрометирующие материалы соответствующим органам. Доля воинских преступлений в частях ОКСВА с 1980 по 1989 гг. была сравнительно небольшой (по данным военной прокуратуры СССР было осуждено две с половиной тысячи военнослужащих). Много это или мало? Считайте сами от общего количества 620 тысяч военнослужащих, прошедших через войну. Наверное, немного, но из этого количества были осуждены 12,6% — за хулиганство, 12,4% — за кражи личного имущества, 11,9% — за грабежи, 11,8% — за изнасилования, 8,5% — за умышленные убийства, 7,3% — за нарушение правил дорожного движения, 5,8% — за умышленные телесные повреждения, 1,1% — за хищения в особо крупных размерах, 0,8% — за хищения военного имущества, 0,9% — за контрабанду. Измена Родине — один человек, массовые беспорядки — один человек, уклонение от выполнения воинской службы в военное время — двое. А сколько не было осуждено... Не поймали с поличным, не узнали о совершенных преступлениях или сознательно прикрыли их.

Мне кажется, справедливым было бытовавшее мнение, что чекисты совместно с командирами и политработниками могли более эффективно пресекать неуставные отношения. Ведь не секрет, что, имея сеть информаторов, они владели ситуацией в подразделениях порой достаточно хорошо. По рассказам тех, кто ушел из расположения частей и затем оказался в плену, за редким исключением причиной ухода были издевательства, унижение со стороны своих же товарищей по оружию. Предпочитали бежать куда глаза глядят (вплоть до духов), чем терпеть этот ад. И хотя таких было не так уж много, тем не менее, они были. Разные причины толкали воен-

нослужащих на бегство из частей. Кто-то из солдат не выдерживал «дедовщины». Кто-то в невыносимо трудных условиях бытия не хотел умирать. Кто-то стремился удрать «за кордон», пожить на Западе и использовал для этого любую возможность. Редко к дезертирству побуждали политические разногласия с нашей системой. И вели дезертиры себя у моджахедов по-разному. Одни (и таких было большинство) тяготились обстановкой, стремились под любыми предложениями вырваться в Европу или в США. Если они и принимали ислам, то вынужденно, под давлением. И от боевых действий против своих бывших товарищей увиливали, как могли, либо выполняли пассивные роли. Но находились и такие, кто воевал против подразделений 40-й армии осознанно и активно. Были среди таких не только солдаты, а даже офицеры. Один из них — Демиденко — был пойман чекистами, кое-кто ушел от возмездия. Бывший подполковник, бывший начальник разведки одной из частей, пониженный в должности за беспробудное пьянство и моральную распущенность, завладел обманным путем боевой машиной и, захватив с собой кипу секретных документов, вместе с собутыльником — афганским офицером укатил в одну из банд, наводивших ужас на жителей провинции Кундуз. Позже следы предателя были замечены в Турции. Бывший рядовой А.Оленин (кличка в банде — Рахматулло) угнал автомобиль к моджахедам. Принимал участие в боях против своих сослуживцев в составе вооруженной группы Суфи Паяндо. Бывшие рядовые В. Синчук, Н. Выродов, С. Падаруев в плен сдались добровольно. На двух последних было заведено уголовное дело за «утерю», т.е. продажу боевого оружия. Они исчезли из гарнизона. Их долго искали, искренне веря, что с ними что-то случилось. А они в это время уже были в банде муллы Шамса и стреляли в своих. И кто знает, может быть, Николай Журавко и Сергей Олейник погибли от пуль, выпущенных этими предателями. Ведь не случайно им дали престижные клички: Насратулла, Бисмулла. Их продолжала искать контрразведка, а мать Выродова слала одно гневное письмо за другим, называя всех командиров преступниками, а сына невинным мальчиком. Что ж, для матерей мы до старости — мальчики.

Но для чекистов важнее были задачи государственной безопасности, которые решались достаточно сложно...

22.1.92 г. в газете «Труд» была опубликована сенсационная статья В.Снегирева «Среди моих агентов были и советские генера-

лы». Нашему журналисту удалось встретиться с Ахмад Шахом Масудом — «неуловимым мстителем из Панджшера». Интервью, взятое у него, развеяло многие мифы о наших победах в Панджшерском ущелье, где, кстати, войсками руководили известные советские маршалы и генералы, получившие за это Героев.

Ахмад Шах говорил:

— Мои люди были везде — в том числе и среди ваших офицеров и генералов. Некоторые из них работали за деньги, другие — потому что втайне симпатизировали нам. Кроме того, у нас были свои осведомители в кабульских посольствах. Один из лучших источников сидел в посольстве Индии.

Снегирев по этому поводу писал:

«Конечно, я бы мог заподозрить Масуда в бахвальстве, если бы к тому времени не знал о том, что в 85-м нашей контрразведкой была раскрыта его агентурная сеть, действовавшая в разведуправлении афганского генштаба. А возглавлял ее начальник разведки генерал Халиль. Позже один из высокопоставленных офицеров КГБ говорил мне о том, что работу по выявлению агентов Масуда среди советского офицерства кто-то сверху активно тормозил. «Там, видно, очень большие деньги замешаны, — высказал догадку мой собеседник. — Или камушки. И часть уплывает в Москву».

Факт остается фактом: на протяжении почти всей кампании Ахмад Шаху Масуду становилось заранее известны все решения, принимаемые нашим командованием».

А Масуд в беседе даже сказал такую фразу: «Я до сих пор храню карту, переданную мне из Кабула с обозначением плана предстоящих боевых действий».

Вероятно, разоблачения по выявленным фактам рукоприкладства в подразделениях были нужны, но это были мелочи, а что-то недорабатывалось в других высших сферах изучения поведения личного состава ОКСВ.

Практически неподконтрольными оказались старшие и высшие военные руководители. Они не стесняясь спали с женщинами, служащими ОКСВ, собирали с частей дань «бакшишами», вывозили самолетами в Союз материальные ценности, оружие и наркотики, очень часто по их приказу в местные дуканы сдавались по спекулятивным ценам товары из военторговских складов, которые вывозили машинами или выменивали у них на ходовой товар — джинсы, зонтики, бусы, часы, магнитофоны...

А глядя на старших, появлялись воры и ниже званиями. Начальники служб тыла, кладовщики — прапорщики, пьяницы-командиры, которые обеспечивали, как мы говорим, воинский быт. Который оказывался не менее тяжелым, нежели боевые операции. Многие тысячи наших военнослужащих жили в землянках, в палатках, по 8 — 10 человек в каждой. Зачастую кроватей не было: стелили либо доски от снарядов, либо поролон. Так как мыло и белье сдавались старшинами и каптерами в дуканы, солдаты постирушки устраивали в бензине или солярке. От вшей боролись бензином. Мылись кое-как. Спали без простыней. Зимой спали одетыми. Кормили из банок: каша перловая, тушенка плюс чай, два куска сахара, хлеб, и все. Регулярно приезжали на заставы и на сторожевые посты «очищенные» автолавки военторга с товаром из «Березки». Смех один: конверты, тетради, сигареты, иногда сгущенка. И все это за чеки...

Фронтвики-десантники во Пскове рассказывали мне в долгие часы ожидания на аэродромах и площадках десантирования, что из боевых рейдов и с операций наши ребята возвращались на боевых машинах, как правило, доверху груженных трофеями. Что там было? Обычно ковры, старинное оружие, дубленки, — может, самое ценное в домах духов. «Трофеями» они называли и то, что удавалось под шумок грабануть в дуканах или в домах афганцев.

— Ну, а кому же все это предназначалось?! — наивно поинтересовался я.

— Начальству — кому же еще. Мы отдавали трофеи в полк, оттуда товары шли в дивизию и выше, до самой Москвы. А поскольку, особенно вначале, авиация была своя и таможи не было, то вывозили награбленные бакшиши вплоть до Пскова.

Я не придал тогда значения небольшому скандалу, разыгравшемуся в нашем городе в связи с возбуждением уголовного дела против сына заместителя главы областной власти, который обвинялся в незаконном хранении оружия и неосторожном убийстве. Оказалось, все пошло от замкомандира дивизии по тылу, полковника, который сделал афганский бакшиш местному начальнику, который в руках его отпрыска сыграл злую шутку. В ходе следствия за полковником потянули большую группу мародеров в больших погонах. Многих военных тогда судили. Только бывшего командира дивизии спасла звезда Героя. Подобное практиковалось с первых дней войны, и попробовал ли ктонибудь поступить иначе в течение

всех девяти лет войны. Грабили немногие, но регулярно. На протяжении всей войны. Дорожные патрули грабили проходящие машины. Мотострелки и десантники на заставах и постах грабили местных жителей. Один из звездных сыновей, выпускник РВВДКУ, капитан Игорь Долгов был откомандирован в Афганистан, где определен начальником сторожевой заставы на дороге Кабул — Джелалабад. И вскоре его арестовали за совершенное преступление. Вина доказана.

— Что случилось?

— С целью личного обогащения Долгов останавливал проходящие афганские машины, производил их досмотр, задерживал состоятельных афганцев, имевших много денег. Машины отпускал, задержанных расстреливал, а деньги присваивал. Тела убитых закапывались недалеко от заставы. Среди его жертв оказался даже посол Индии в ДРА. Но сколько веревочке ни виться, конец бывает. Расследование по факту пропажи дипломата вывело на советского офицера. Сын Героя, парашютиста — испытателя, командир взвода 357-го ПДП 103-й ВДД капитан Долгов был приговорен к высшей мере наказания за мародерство и убийство мирных жителей... Однако от осведомленных людей я слышал, что расстрелял он избегал благодаря вмешательству летчика-космонавта Валентины Терешковой, добившейся смягчения наказания.

Однако из песни слов не выкинешь — что было, то было...

Прапорщики грабили собственных солдат, продавая афганцам войсковое имущество, горючее, продукты и даже боеприпасы. Особенно поживились тыловые службы и комендатура при выводе войск. По ночам снимали кондиционеры и продавали местным. Рассказывали, что когда штаб армии переместился на аэродром, то в городке хозяйничали уже днем: подгоняли грузовики к модулям и, взяв ключи, спокойно вскрывали оставленные комнаты. Например, только в моем номере оставались холодильник, электроплита, телевизор, приемник, водонагреватель и мебель. Все исправное и хорошего качества. Все это было продано прапорщиками афганцам за бесценок. Может быть, у нас в спецназе в этом плане было чуть лучше, но во многих частях картина была грустная. И на эти безобразия порой никто не обращал никакого внимания. Ко всему привыкает наш человек...

На личностном уровне я долго оставался наивным человеком. С элементарным воровством столкнулся на последнем этапе своей службы в Афганистане. Накануне вывода войск в январе 1989 года

в Шинданде у меня за неделю дважды воровали зимнюю куртку в офицерской столовой штаба 5-й мотострелковой дивизии. И если первый раз я нашел другую, в карманах которой было полно пачек с деньгами и я, наивный, стал искать хозяина. Им оказался начальник химической службы дивизии. Я искренне радовался, когда вернул ему его бесценную куртку. И не понимал, почему тот выразил дикое удивление моим поступком. А вот после второго похищения я остался раздетым среди зимы. На что мои коллеги сказали, что кто-то из «чистильщиков» сдал ее за афшки в шиндандский дуکان. Только личное вмешательство командира дивизии, давшего команду выдать мне новую куртку, спасло мое незавидное положение.

На последнем этапе вывода войск ко мне обратился мой подчиненный, подполковник Смолка, за разрешением воспользоваться «уазиком» для выезда по срочным семейным обстоятельствам в Союз. Естественно, я отреагировал адекватно и разрешил ему выезд. Перед отправкой бросил в машину и свою неказистую парашютную сумку с заготовленными подарками жене, детям, матери и сестре с племянником. Смолка по договоренности оставил ее в офицерском общежитии на территории военного городка в Кушке. После пересечения госграницы, я, естественно, занятый другими проблемами, ничего не обнаружил, а вот когда вернулся домой во Псков, то, разбирая парашютную сумку, определил, что ее серьезно почистили. Удивляюсь, как ее вообще не украли?!

Несмотря на проводившуюся организаторскую и воспитательную работу в армии отмечались не единичные случаи мародерства, воровства и пьянства, но на это просто не обращали должного внимания из-за сосредоточения на главных вопросах боевой деятельности. Наверное, двойной стандарт в оценке событий был характерен и в работе органов военной контрразведки, которые часто били по мелочам, не касаясь крупных вопросов, неактуальных на этот момент. Не все по силам и компетенции было даже таким профессионалам как чекисты. А о том, что они ситуацию знали хорошо, сомневаться не приходилось.

ОТЧЕГО ПРОИЗОШЕЛ ВЗРЫВ?

...В первых числах октября, около полуночи, меня неожиданно

вызвал к себе начальник политотдела армии. А.И. Захаров встретил меня у входа в кабинет и поставил задачу, до предела краткую:

— Олег, немедленно вылетай вместе с начальником артиллерии армии полковником Корякиным в Мазари-Шариф для расследования взрыва на сторожевой заставе!

Захватив оружие, через полчаса мы с моим бывшим командиром взвода по училищу уже были на бетонке аэродрома. Стояла полная черных чернил ночь. Очень долго не было видно ни одной звезды, но вот, наконец, разливая вокруг себя мягкий зеленый свет, зажглась одна, потом другая. Небо очищалось от облачности. Задул прохладный ветер. Мы подняли воротники своих утепленных курток и, чтобы не мерзнуть, ходили по площадке. Разговор сначала шел на нейтральные темы, как бы сознательно не касаясь причины нашего срочного сбора.

— Ты знаешь, Олег Владимирович, — сказал мне Анатолий Иванович, — здесь много наших выпускников. Вчера через советников получил письмо от Афтахова. Он был советником замполита артиллерийского полка в Хосте, а сейчас переведен в Кабул.

— Если увидите его, передавайте привет, — ответил я, — давно его не видел. С академических времен. Афган всех в кучу собрал.

— Вот уж действительно, земля круглая.

— Что там произошло? — спросил я, подбираясь к причине нашего срочного вылета.

— Контрразведка доложила о диверсии на складе боеприпасов сторожевой заставы, — ответил Корякин.

— Есть погибшие?

— Да, есть. Но подробностей не знаю. Начальник артиллерии дивизии сам ничего не знает.

Наконец, на стоянку зарулил военно-транспортный АН-26, развернулся, обдав нас горячим керосиновым смрадом. В полумраке кабины сноровисто, все же профессионалы-десантники, мы быстро одели подвесную и пристегнули парашюты. Через минуты наш самолет резво взлетел в ночное небо. Спираль за спиралью, ввинчиваясь в темное небо над аэродромом, летчик набирал нужную высоту. Полет был непродолжительным, и через сорок минут под крылом появились смутные очертания долгожданного города. А ночь уже подходила к концу...

С первыми лучами утреннего солнца мы сели на аэродроме

Мазари-Шарифа. У выхода нас уже ждали сопровождающие офицеры-артиллеристы. Все запрыгнули на броню бэтэера, и небольшая колонна устремилась на север, рокотом двигателей будя просыпающийся город. Слева и справа от дороги проплывали сторожевые заставы. Многие из них были обнесены рядами колючей проволоки с вплетенными в них пустыми консервными банками. Когда налетал ветер, банки резко позвякивали, а эхо разносило этот перезвон. На вершинах гор едва виднелись одинокие выносные посты. Странные названия носили они: «Ласточкино гнездо», «Марс», «Луна», «Мечта». Чем романтичнее название, тем удаленней и выше пост. А я вспомнил в эти минуты нашу джелалабадскую «Розу», — выносной пост над городком первого отряда.

Через несколько часов мы были на месте трагедии.

Это был один из самых опасных участков трассы Термез — Кабул — первый перевал в районе Айбака. Тут постоянно обстреливались наши колонны, минировались дороги. Об этом красноречиво напоминали ржавые остовы сгоревших наливников, лежавшие грудями на обочинах. Ведь наливники шли отдельными колоннами. Их старались не смешивать. Заправляли «под завязку» — каждый литр топлива был дорог. Емкости изготавливались из сплава, который не искрил при попадании пуль. Автоматы наливникам не были страшны. Если образовывались дырки, водители затыкали их самодельными пробками. А вот когда «духи» использовали гранатометы, тогда был большой костер...

Как ни пытались уберечь водителей, гибли они по несколько сотен в год. Подрывались на минах, падали в пропасти, попадали под обстрелы. На моих глазах взлетела машина, подорвавшаяся на фугасе. Ничего от нее не осталось...

Проход каждой колонны тщательно готовился. «Камазы» двигались под эскортом машин обеспечения. Зенитные установки помещались на кузовах машин. Расчет состоял из командира и двух операторов. Вначале они сидели в кузове открыто, а с 1985 года стали их «укрывать» броневыми листами. Полагалось по три таких установки на колонну. «Духи» называли их «шайтан-арба» и стремились во время обстрелов выбить первым делом.

Что только не предпринималось в тщетных попытках обезопасить магистраль! На расстоянии полтора-два километра друг от друга создавались постоянно действующие заставы. Дополни-

ные сторожевые заставы появились с началом вывода первых колонн в Союз...

...1-я застава 738-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона (оиптд) 108-й мсд была из «новеньких» и располагалась в трехстах метрах от этой дороги Кабул — Хайратон. Застава была по-военному чумаза. Всего полгода, с 29 мая 88-го, батарея находилась на данном участке зоны ответственности. Местность в этом районе была преимущественно равнинная, с небольшими холмами и оврагами.

Сторожевая застава на тот момент представляла из себя небольшую глинобитную крепость с обнесенной колючей проволокой территорией. Начальник заставы командир батареи 100-мм противотанковых пушек Т-12 капитан Равиль Сайфутдинов встретил нас и коротко, натужно заикаясь от недавней контузии, доложил обстоятельства трагедии.

На сутки раньше, в 6.15 утра по кабульскому времени, на складе боеприпасов заставы произошел взрыв, унесший жизни трех военнослужащих. Шестеро получили ранения и контузии различной тяжести. Среди погибших значились командир взвода лейтенант Валерий Иванов, младший сержант Фролов и рядовой Ржавин.

Иванов и Фролов погибли во сне на своих кроватях, под развалинами рухнувших на них стен. Откопанные через 15 — 20 минут, они уже не дышали. Сергея Ржавина взрывом разнесло на мелкие кусочки. Тщательно обследовав местность, мы нашли висевший на проволочном ограждении небольшой кусочек мяса размером 2 на 7 см. Это все, что осталось материального от некогда живого человека...

Предполагали, что Сергей оказался рядом с эпицентром взрыва, около двери или в проеме в момент детонации боеприпасов на складе. Не взорвались только 15 ящиков с ручными гранатами, 320 подствольников ВОК-25 и два выстрела РПГ-7.

Пострадавших при взрыве сержантов Дешекова, Колмычека, Муратова, ефрейторов Иванкевича, Курунина и рядового Еломанова отправили в госпиталь. Следом за ними мы отправили и контуженного комбата. Командование батареями принял на себя командир взвода молодой лейтенант Виктор Клюев.

Побеседовав с оставшимися в живых артиллеристами, я многое понял. Передо мной открылась пестрая картина сурового быта и существовавших взаимоотношений на заставе.

За короткий период собственными силами артиллеристы на голом месте построили казарму и другие объекты своего полевого лагеря. Сами месили глину и делали из нее кирпичи. Из ящиков от снарядов и укупорки выполняли столярные работы. Окна обтягивали целлофановой пленкой. Работали на равных все: от комбата до солдата. Обычный распорядок жизни определял завтрак и с 8.30 утра до 14.00 — строительные работы... В самую жаркую пору — обед, а после него непременно отдых до 16.00, так как в пекло работать невозможно. Затем опять брались за работы вплоть до наступления темноты. А она здесь наваливалась с закатом солнца сразу после 18 часов. В сумраке на ощупь бойцы и офицеры ужинали, и в 20.00 все уже ложились спать.

Бодрствовала только дежурная смена из семи человек, несущих караульную службу.

Если сказать, что условия жизни на заставе были спартанскими, значит не полностью раскрыть трудности их бытия. Самым трудным в их жизни была полная изоляция от окружающей действительности. В рутинной повседневной работе без света, без средств информации (потому что не было никакого радиоприемника и телевизора) люди просто дичали. Очень редко, хорошо, если раз в неделю, на заставу привозили небольшое количество газет. Единственную информацию об окружающей жизни они получали только из писем, получаемых с родины.

Брошенные в жаркий климат, испытывая постоянную жажду от недостатка воды, моясь один раз в две-три недели — все — и офицеры, и солдаты испытывали жесткий психологический дискомфорт.

Организация питания тоже была на грани выживания. Располагаясь на автотрассе, по которой шли из Хайратона на Кабул богатые колонны с продуктами, бойцы сами себя кормили. Основу питания составляли мучные изделия. Повар узбек рядовой Худжиниязов по национальным рецептам готовил незатейливые блюда. Пек лепешки. На первое из той же муки готовил лагман, отваренную в воде длинную лапшу. Вместо чая заваривал верблюжью колочку. Как вспоминали солдаты, прослужившие вместе с комбатом полтора года, их однажды побаловали. Мимо заставы проходила колонна, в составе которой оказался друг детства Рауиля Наиловича. После загрузки колонны на обратном пути он под предлогом

поломки сделал остановку на заставе и выгрузил своему приятелю деликатесы: виноград, яблоки, арбузы, кефир и сметану.

Артиллеристы после того счастливого случая были убеждены, что кабульский гарнизон питается именно так. Конечно, перечисленные продукты поглощались узким кругом генералитета и их обслуги, потому что ни в Кабуле, ни в Джелалабаде подобного мы тоже не видели.

Занимаясь масштабными, но однообразными хозяйственными и строительными работами, войны очень мало занимались боевой подготовкой. Не проводились и политические занятия. Эта нищенская и по настоящему убогая жизнь просто поражала. Ведь батарея входила в артдивизион подполковника Севастьянова, который должен был контролировать положение дел на заставах. Я спросил об этом Александра Ивановича:

— Как же могло получиться, что на подчиненной вам батарее люди фактически превратились в строителей?

— А кто же мне построит казарму? Ведь впереди зима.

— Почему нерегулярно подвозилась вода? Разве достаточно привозить одну бочку на неделю?

— У нас у всех трудности с поставками воды.

— Вы знаете, что личный состав батареи организовывал баню один раз в три недели? Это крайне нетерпимо в жарком климате. Ведь у солдат и офицеров поголовно кожные заболевания.

— Согласно отданному мною приказу, помывка личного состава должна проходить еженедельно, но иногда срывалась...

— Товарищ подполковник, осмотрев воинов, я пришел в ужас от состояния их обмундирования и нижнего белья. Х/б стоит колом от пота и грязи. От трусов остались одни резинки. Носков нет, маек нет. Рваные ботинки одеты на босую ногу.

— Вещевое обмундирование поставлялось на батарею регулярно старшиной — старшим прапорщиком Уржунцевым.

— Я с Уржунцевым буду разбираться, наверняка «загнал» солдатское имущество в лавочки. Но почему «дядя» из Кабула должен вам указывать на прописные истины. Почему нет надлежащего контроля. Ведь у вас полный штат офицеров, где начальник штаба капитан Клименко, что делает замполит дивизиона Брусницын? Чем они у вас заняты? Боевой подготовки на батарее нет, политзанятий тоже. Газет нет. Вы знаете, что солдаты подчиненной вам батарее полгода не получали денежного содержания?

ДЕНЬГИ — ЭТО ОСОБАЯ ТЕМА ДЛЯ РАЗГОВОРА...

Начальник Генштаба ВС СССР Н.В. Огарков, командуя- шему войсками ТуркВО, в свое время приказывал:

«Материальное и финансовое обеспечение личного состава, направленного за пределы СССР (в Афганистан) для выполнения специального задания, производить в следующем порядке:

1. За время нахождения за границей офицерскому составу, прапорщикам, военнослужащим сверхсрочной службы, рабочим и служащим выплачивать в советских рублях вторые оклады... по занимаемым штатным должностям, а офицерскому составу, прапорщикам — и оклады по воинским званиям.

2. Выплачивать местную валюту (чеки) за счет денежного содержания и заработной платы в советских рублях за время фактического пребывания за границей в следующих размерах в месяц:

А) младшим офицерам, прапорщикам, военнослужащим сверхсрочной службы, рабочим и служащим — до 100 рублей.

Б) старшим офицерам — до 150 рублей.

В) генералам — до 200 рублей.

3. Военнослужащим срочной службы выплачивать денежное содержание в местной валюте в следующих размерах в месяц:

рядовой — 4 рубля;

ефрейтор — 5 рублей;

младший сержант, сержант — 6 рублей;

старший сержант, старшина — 8 рублей.

Сержантам и старшинам выплату в местной валюте производить за счет денежного содержания в советских рублях с зачислением остающихся сумм в советских рублях на вклады.

Рядовым и ефрейторам денежное содержание в советских рублях не выплачивать.

4. С выплачиваемых офицерскому составу, прапорщикам, военнослужащим сверхсрочной службы, рабочим и служащим вторых окладов в советских рублях взимание подоходного налога не производить».

Так в жизнь советских военнослужащих в ДРА вошли чеки. Они враз размежевали людей. Огромной была разница в получаемых чеках: жалкие солдатские и более менее приличные офицерские.

При мне оплата возросла, к примеру: сержант получал 27, а солдат 22 чека в месяц. Но часто бывало, что эти деньги просто не доходили до владельцев. Оседая в так называемой общей «казне» подразделения. Которой распоряжался прапорщик или старшина, якобы «покупающий» на солдатские деньги подшивочный материал, обувной крем, мыло и т.д. К великому позору отдельных начальников, даже эти солдатские крохи нагло присваивались... Начальниками складов, как правило, во всех частях были прапорщики. Среди которых особенно процветало воровство. Была даже в ходу такая шутка: душманы захватили в плен нашего прапорщика, а местные жители выкупили его, ибо в противном случае некому было бы их снабжать товарами.

— Мною проверены постовые ведомости караула. Вы изви-ните, Александр Иванович, но для артиллерии такой бардак — позор! Почему на двухсменном посту молодой солдат нес службу пять часов. Вы знаете, что в момент взрыва оба часовых первого поста были на одной наблюдательной вышке? И вообще, в ночь трагедии караул никто из офицеров не проверял.

Командир дивизиона, опустив голову, молчал. Он чувствовал свою вину. Он не мог найти веские оправдания за ситуацию, сложившуюся на заставе.

Уж я — то видел и хорошо знал, что в этом районе, прилегающем к границе с СССР, давно не было прямых столкновений с противником. Боевая беспечность просматривалась и в схемах ориентиров, и таблицах огня, и полузасыпанных мусором оружейных окопах, и укрытиях. В ружейной пирамиде стояли грязные, давно не чищенные автоматы.

Меня интересовал главный вопрос — что произошло в 6.15 утра? Почему прогремел взрыв?

Я проанализировал взаимоотношения между призывами. Вот тут-то и начала просматриваться некая закономерность.

В батарее было восемь солдат и сержантов, завершавших службу. Семь из них пострадали в результате взрыва (один — погиб). Это не могло быть случайностью... Молодых солдат было шесть, погиб один — рядовой С.Г. Ржавин.

О погибшем мне рассказали как о невезучем человеке. Служба у него не ладилась с самого начала. По прибытии из учебного подразделения его закрепили водителем за самым неисправным на батарее тягачом МТЛБ. Сергей постоянно копался в нем, но на

проверку всегда получалось, что МТЛБ опять неисправен. Начало складываться ошибочное мнение, что Ржавин «сачкует» от тяжелых строительных работ. И его стали дергать — подай то, принеси это, ты все равно ничего не делаешь! Таким образом молодой парень попал в разряд никудышных. После рабочего дня, когда все отдыхали, его, как «бездельника», привлекали к выполнению различных поручений.

Офицеры видели это, но никто не придавал этим фактам особого внимания. Комбат и взводные сами были в коллективе на правах этаких «дедов», которым вовремя подавали чашку с едой, мыли за них посуду и с почестями первыми укладывали спать. Они не вникали в неуставную жизнь подразделения, не занимались воспитательной и индивидуальной работой.

С каждым днем судьба отворачивалась от некогда веселого коренастого и физически крепкого парня. Подавая на стену кирпичи, выбил пальцы, подшивая обмундирование — оказалось, что проглотил иголку. Над ним все потешались, как в цирке над клоуном. И в ту последнюю для него ночь он не спал. Хотя не входил в состав дежурной смены.

Почему он не спал? Чью злую волю он выполнял? Часовые видели его копающимся в тягаче... Светало, он подошел к складу с боеприпасами, и вскоре грохнул мощный взрыв. Смерть у него была мгновенной, но если можно её как-то объяснить, то простить невозможно. Его погубила человеческая черствость и равнодушие. Так без войны на войне погибали неплохие люди.

Таких застав и сторожевых постов в Афганистане были сотни. Боевую готовность, четкость выполнения распорядка дня, боевую и политическую подготовку и элементарный быт на них определяли офицеры. Ибо только они являлись душой и мозгом подразделения. Я объехал множество таких мелких гарнизонов от Кабула в сторону Баграма, Чарикара и до перевала Саланг; в районе Шинданда и Герата. Образцовые посты и заставы были у десантников и разведчиков. Особенно те, что были отстроены давно. В таких гарнизонах было все необходимое для жизни: и дополнительные емкости с водой, и бани, и погребки со льдом для хранения быстро портящихся продуктов. Много беспечности и разгильдяйства отмечалось у мотострелков. Хотя лучшей сторожевой заставой, на мой взгляд, была именно пехотная, — СЗ № 42, где размещался командный пункт 2-го батальона 177-го мотострелкового полка (севернее Джабаль-Уссарадж).

На Западном направлении вывода войск в зоне ответственности 5-й дивизии было 45 застав и 118 постов. Потеря бдительности на заставах и постах не раз приводила к потерям. Накануне вывода войск мне запомнился печальный случай, когда при въезде на сторожевую заставу подорвалось на фугасе бэмпэ 371-го полка. Погибло два человека, четыре были тяжело ранены. Среди убитых оказался командир батальона майор Владимир Каржишьян, который буквально накануне вернулся из краткосрочного отпуска в Спитак, где он навещал семью, пострадавшую от разрушительного землетрясения.

Как могли моджахеды произвести минирование в режимной зоне в непосредственной близости от часовых сторожевой заставы? Значит, кто-то нес караульную службу недобросовестно и беспечно. А за беспечность, за ошибки всегда кто-то расплачивается, а на войне — кровью и жизнью.

Можно ли говорить о намеренной жестокости наших солдат в Афганистане? Я бы не стал утверждать это. Мы и в Союзе порой сталкивались с непонятным, немотивированным поведением военнослужащих. Что же говорить о войне, тем более такой, снимающей ограничители, тормоза...

По прибытии я обо всем доложил Захарову. Он слушал внимательно, а потом подытожил:

— Значит, диверсия! — и посмотрел на меня долгим и умным взглядом... Война все спит!

«БАРИН» С КОРОВОЙ

Когда речь заходит о последних годах войны в Афганистане, многие первым делом почему-то вспоминают командующего 40-й армии Б. Громова, якобы бывшего там «самым главным». Однако находился в Кабуле начальник и поглавнее Громова. Это был генерал из племени ветеранов Великой Отечественной войны, особо отличившийся двадцатилетним капитаном, начальником артиллерии стрелкового полка при форсировании древнего Славутича в районе Днепропетровска. Ему в победном 45-м было доверено нести Знамя Победы на июньском параде. Через три десятилетия, вот он, пожалуй, и являлся теньвым хозяином Афганистана, ключевой фигурой советской армии 80-х.

На уровне офицерского состава его звали в войсках «барин». Он мог позволить себе разъезжать по Кабулу на «Мерседесе» в окружении «Тойот», при виде которых афганцы прятались по щелям, а советские машины должны были съезжать с дороги и останавливаться. Он привез в мусульманскую страну коров и возил их с собой на вертолете, чтобы регулярно пить парное молоко. Он утвердил в штат доярку, которую наградил впоследствии боевым орденом.

Подобные выходки раздражали воображение, но они не были исключительными. Когда мы в академии по курсу военной истории изучали русско-японскую войну, то от души смеялись над царским генералом Сахаровым, который возил в теплушке корову... А советский командующий 43-й армией Калининского фронта генерал-лейтенант Голубев оказался похлеще. Он держал для собственного довольствия две коровы (для производства молока и мяса), три — пять овец (для шашлыков), пару свиней (для колбас и окороков) и несколько кур. Это делалось у всех на виду, и фронт об этом знал.

Не менее впечатляли и хоромы командарма, которые строило два инженерных батальона почти месяц. Его трудно было назвать КП, так как он размещался в тридцати км от переднего края. Пятистенный боярский теремок состоял из четырех комнат и двух комнат подземелья. Вход в который был отделан лучше, чем московское метро. Недалеко был построен и маленький коптильный заводик, на котором трудился специалист, хорошо знающий ремесло копчения, освобожденный от тягот военной службы...

Генерал Еременко по этому поводу с горечью написал: «Это делалось в то время, когда чувствовалась острая нехватка саперных частей для производства инженерных работ на переднем крае... Может ли быть хорошим воином такой генерал? Никогда! Ведь он думает не о Родине, не о подчиненных, а о своем брюхе. Ведь подумать только — он весил 160 кг. Все это было при тяжелом положении со снабжением войск продовольствием...»

Мне довелось с нашим афганским «барин» встречаться несколько раз. Впервые это произошло в первых числах мая 1988 года, перед выводом войск из Джелалабада, на строительстве «Саркофага», где он давал указания по ходу строительства. А 8 мая поздно вечером мы с командиром бригады получили приказание к 7.00 следующего дня подготовить для него выступление об истории бригады и ее героях к предстоящему торжественному построению,

посвященному вручению боевых наград. Почти всю ночь мы со Старовым Ю.Т. писали и правили речь генерала. А утром «барин» не стал даже его смотреть, не то что читать. А после вручения наград советский генерал грубо обругал начальника госпиталя, проявившего нерасторопность по представлению спирта для дезинфекции рук «барина», прикасавшегося к солдатам, дабы не заразиться от советских воинов какой-либо болезнью. Третий раз осенью 1988 года в кабульском военном госпитале я был свидетелем подобной процедуры после посещения палаты раненых советских офицеров.

А его «радения о родных человечках» просочились из народного фольклора в прессу. 22 апреля 1989 года в «Комсомольской правде» появился материал «Двое на одной войне», вызвавший огромный резонанс в стране. В публикации рассказывалось о судьбе молодого лейтенанта Сергея Тесли, направленного служить в кабульский мотострелковый полк 108-й мсд. Командира этого полка Н.Кравченко тогда срочно вызвали в штаб армии — для встречи новобранца. Приказали найти парню местечко поспокойнее, коим стала девятая застава на дороге Кабул — Джелалабад.

В скором времени о службе лейтенанта на заставе знало пол-Афганистана: как он, затеяв по пьянке драку в кабульском военном госпитале, попал в военную комендатуру, откуда был отпущен по одному телефонному звонку. И как вскоре после приезда в Афганистан получил отпуск на 45 суток для женитьбы. После возвращения на заставу лейтенанту построили баню чарикарские саперы. Потом Тесля был уличен в вооруженных грабежах машин и избиениях солдат, но вместо тюрьмы получил японские часы «Сейко» за «отличную» службу Родине и орден Красной Звезды, несмотря на протесты командования полка и особенно начальника политотдела дивизии подполковника Н.Иванова. В отместку которому «барин» не пропустил представление на досрочное воинское звание.

Особое место в истории ОКСВА занимает и подлинная картина службы младшего сына «барина», который прибыл осенью 1988 года на должность командира мотострелкового полка в Пули-Хумри. За короткий период самодурского командования он допустил пожар и взрыв боеприпасов на местном складе, в результате чего были убитые и раненые. Сгорел и штаб полка, чудом удалось спасти знамя части. Виновным в пожаре объявили замполита склада боеприпасов, который поступил по-офицерски — застрелился. Но в посмертной записке он написал, что перегруз склада произо-

шел в результате преступного приказа майора начальника гарнизона. При этом, добиваясь выполнения преступных распоряжений, майор избил офицеров склада, отказавшихся выполнять его распоряжения. Покровительство старшего увело от ответственности. Взрывы и пожар списали на моджахедов. Погибших отправили на Родину. Сына «барина» на всякий случай спрятали в отдельный блок инфекционного госпиталя, под охрану роты десантников. Через месяц его наградили орденом, присвоили досрочно звание подполковника и назначили с повышением начальником штаба 5-й мсд в Шинданде. Я встречался с этим чванливым молодым человеком в штабе дивизии. Со стороны отчетливо было видно, что он только числится на должности. Печать дивизии держал у себя заместитель командира дивизии полковник Дружинин, и все обязанности НШ выполнял он же.

С первой колонной дитятко «барина» убыло в Кушку и находилось там до завершения вывода войск. А 16 февраля отец прилетел в дивизию и забрал своего сыночка в Москву, к маме. В том же году тот стал слушателем академии Генерального штаба. Генералом.

Несколько подробнее о роли самого «барина» в трагической судьбе Афганистана.

19 октября 1988 года в Кабуле состоялось совещание «О принципах освещения средствами массовой информации событий в Афганистане», на которое были приглашены все аккредитованные советские журналисты. От политотдела ОКСВА принимал участие ваш покорный слуга. С докладом выступил «барин» о мерах, предпринимаемых афганским и советским политическим и военным руководством по стабилизации обстановки в РА. Он убеждал:

«Афганистан вступил в решающий этап борьбы, который определит ближайшую историю страны. Мы с вами, с журналистами, обязаны иметь один подход в складывающейся обстановке. Ваше оружие — слово — должно больше служить интернациональному долгу... В связи с проводимой политикой национального примирения четко просматривается разрешение афганских проблем политическим путем. Военные меры способствовали проведению в жизнь этого курса... Образовались целые районы, где сложилась благоприятная обстановка. Это Джелалабад, Газни, Гардез, Кандагар... Мы своими последними боевыми действиями нанесли поражение мятежникам и создали благоприятные условия для вывода наших войск. Первый этап прошел нормально. Запад предрекал падение

режима сразу после вывода войск, но он как всегда ошибается... Противник силой не смог решить ни одной задачи. (Ну, разве что исключение: Кундуз, Талуکان, Баиан, Асмар, Асадабад, где налицо предательство). Но посмотрите, как спокойно в Герате, Шинданде. Ведь сейчас там можно передвигаться, а в 1985 году из БРТ высунуться было невозможно... Наша экономическая поддержка колоссальная, утверждены сегодняшние поставки и перспективные на будущее, особенно в районы, оставленные Советской армией. В этих условиях важно, чтобы пресса нам помогала. Нужны хорошие публикации, но боевой дух начал иссякать. Вы посмотрите, в журнале «Огонек» статью Цаголова. Она нанесла большой ущерб нашему делу. А какова позиция Проханова, ко времени ли его публикации? Я вспоминаю исторический факт: В 1415 году католическая церковь сожгла на костре Яна Гуса. Во время казни было сыро, и костер горел плохо. Из толпы вышла старушка и бросила в огонь сухие дрова. Ян Гус якобы на это сказал: «Вот она, святая простота!» Наша печать партийная, она должна служить партии. А мы ориентируемся на информацию ради информации. Я ставлю перед вами цель: не поддерживать в печати разговоры о противоречиях. Боевые действия крепнущей афганской армии успешны...»

Однако журналисты не поддержали тональность влиятельного доклада генерала. Михаил Лещинский сказал: «Здесь не поднималась тема работы СМИ в Союзе? Ведь афганская тематика в СССР в корне противоречит нашей работе. На фоне их материалов мы выглядим «лакировщиками». Хотя стараемся говорить правду. Нам не доверяют. А чтобы нам верили, мы должны говорить горькую правду, тогда наши слушатели не будут ориентироваться на западные голоса».

Ю.Тыссовский: «Нас призывают давать розовую водичку. А я убежден, что формулировки должны быть жестче. Нас призывают убеждать, что власть сильна, а в это время в 50 км от Кабула проходят совещания командиров моджахедов. Нас убеждают, что республиканская армия сильна, а духи берут города...»

М.Кожухов: «Я, в отличие от докладчика, по-иному вижу развитие ситуации в Афганистане. И считаю, что мы должны готовить общественное мнение миллионной аудитории о том, что скоро будет. Сожалею о том, что владею малой информацией...»

В.Ожегов: «Афганская сторона не может дать отпор запад-

ным пропагандистским центрам. Это задача наша. Мы должны усилить свою работу. Как говорил В. Ленин: «Света больше, света, пусть партия знает все...» Но важно знать — какую позицию нам занимать? Если мы не в состоянии говорить правду, то лучше промолчать...»

Кроме того, на совещании выступили Ю.М. Воронцов, посол в РА В.П. Поляничко, советник Президента Афганистана. Их выступления были предельно дипломатичными и особого интереса не представляли.

В заключительном слове «барин» сказал:

— Розовый оттенок у меня в докладе умышленный, этим я вас настраиваю, как вы должны писать. Вас никто не будет упрекать, если вы с розовых позиций будете давать информацию о наших друзьях... Афганцы — люди тонкие, что-то ему недосказал, он понял и действует не так, как нам бы хотелось. Мы должны после себя оставить дружественную страну».

Я вспоминал эти напыщенные слова в январе 1989 года, когда авангард армейских колонн поднимался на Саланг, а вдоль дорог лежали десятки трупов мирных жителей кишлаков, погибших в результате БШУ и огня артиллерии. В последних боевых действиях под условным наименованием «Тайфун» было задействовано значительное количество сил и средств ОКСВА. Военно-воздушные силы 40-й армии выполнили в общей сложности более 1000 самолетовылетов для нанесения ударов по базовым районам моджахедов. Например, 24 — 25 января было совершено более 600 самолетовылетов и нанесено 46 бомбово-штурмовых ударов авиации. Артиллерией было выполнено более 400 огневых задач.

Как я уже упоминал, с начала ноября 1988 года для сокращения потерь авиации в армию был включен отдельный ракетный дивизион «Луна-М» с ракетами 8К14. В период с ноября по конец января дивизион применил 92 ракеты с обычными боеголовками и нанес 88 ударов по групповым целям. Согласно распространенной тогда легенде, дивизион был афганским и командовал им «подполковник Хабибулло».

Приказ на последние массированные бомбежки и обстрелы отдал «хозяин» Афганистана. Думал ли он, отдавая этот приказ, — добрые ли чувства останутся к нему в «дружественной» стране? Ведь не секрет, что с момента завершения первого этапа вывода войск ухудшение обстановки приобрело катастрофический характер. Островки стабильности были исключением из правил. Политика

национального примирения зашла в тупик, а отдельные ее аспекты — либерализм, серия уступок — имели эффект бумеранга и принесли потерю военной инициативы, подрыв боевого духа армии. По мнению афганской интеллигенции, велика вина партийных и государственных советников, создававших иллюзии о характере афганского общества, значении и механизме племенных и клановых связей. Непродуманный характер носило отношение к исламу, положению женщин, подход к роли племен в различных регионах страны. В итоге — нагромождение ошибок, приведшее к необратимому развитию событий, обрекшее правящий однопартийный режим на медленную агонию в присутствии советских войск...

Несколько лет после возвращения из Афганистана я слышать не мог его фамилию. Но после расстрела Ельциным Белого Дома и ареста Верховного Совета осенью 1993 года меня поразила мужественный поступок единственного узника «Матросской тишины», отказавшегося от амнистии и добившегося по суду признания своей невиновности... Этим человеком оказался «барин». Как тяжело понять внутренний мир человека!

Сейчас у меня нет однозначно отрицательной оценки его личности. Пусть в истории его запоминают таким, каким он был. Пусть мужество и недальновидность останутся рядом. Но искренне жаль людей, которые ему верили. Жаль бывшего руководителя Наджибуллу, которого не стали спасать и попросту бросили. Вскоре талибы, считавшие его предателем и ставленником СССР, казнили вместе с братом Шахпуром Ахмадзаем. Они избивали бывшего президента «кебалами» (куском бронированного кабеля с болтом на конце) и железными прутьями. Ему выбили зубы и переломали кости, а потом окровавленное тело повесили на столбе. Печальная участь ждала и простых афганцев. Талибы насильно надевали женщинам паранджу, за неповиновение их убивали или отрубали фаланги пальцев на обеих руках, избивали и убивали мужчин, не носящих бороду или головной убор. А этот разгул средневековья и усиления позиций США и Пакистана должен был предвидеть представитель Минобороны...

Розовый оттенок докладов, вероятнее всего, был у «барина» и в донесениях, направляемых в ЦК КПСС и Генеральный штаб. И хотя принимались решения, конечно, М.Горбачевым и Э.Шеварднадзе, документов, дающих объективную оценку Афганистана силовыми структурами Москвы, представлялось недостаточно. В ана-

лизах подстраивались под генсекретаря. Подстраивался и «барин», потому и стал Героем Советского Союза, а по возвращении занял высокий пост в армии.

Прошло несколько лет, и руководство движения «Талибан» установило контроль над всей территорией Афганистана. Вышло к государственной границе бывшего Советского Союза, непосредственно угрожая территориальной целостности Узбекистана и Таджикистана.

«ГОСПОДИН ГЕНЕРАЛ»

За свою службу в Афганистане мне довелось повидать множество прекрасных офицеров, среди которых были командиры и политработники, инженеры и тыловики, медики и юристы, их должности и военные специальности стояли на втором месте после понятия «настоящий и порядочный человек». Таких в Афгане мы называли — Брат!

Но даже там, в условиях исключительных, к сожалению, попадались люди неприятные, подлые и даже отвратительные. В обычной обстановке с такими стараешься не общаться, в условиях же неординарных, напряжения всех нервных окончаний — на войне их присутствие страшно раздражает и способно довести до чудовищного взрыва эмоций.

На памяти трагический случай, произошедший в дорожно-комендантской бригаде, когда находящийся в состоянии аффекта старший лейтенант перед строем бригады застрелил из пистолета своего обидчика — командира бригады. Полковник заслужил смерть своим недостойным, просто оскорбительным отношением к подчиненным. Он достал этого старшего лейтенанта, на месте которого человек психически более слабый застрелился бы сам от отчаяния, а у этого хватило мужества убить обидчика и без сожаления пойти под суд военного трибунала.

Мой рассказ о моральной деградации одного командира, который стал подлецом не в раз, — он шел к пропасти своего падения всю жизнь. Особенно наглядно это проявилось в период службы в Афганистане и после этого. Мы служили в ДРА в одно время. Иногда встречались, но дружеских отношений между нами не было, хотя мы принадлежали к одной должностной категории. И поводов вроде для близости было более чем достаточно: совместное участие

в боевых действиях во время операций, частые заезды в военный городок, где дислоцировалась его бригада, давнее его знакомство с моим коммуникбельным и приятным в общении командиром.

Он родился в семье профессионального военного — прапорщика, служившего верой и правдой в 10-й крымской бригаде спецназа, которой командовал мой комбриг. Потому вполне закономерно, что выпускник средней школы — рослый и физически крепкий парень с благословения старшего воинского начальника — комбрига ушел учиться военному делу в Рязанское высшее воздушно-десантное училище. Как было тогда принято — продолжать военную традицию семьи.

После успешного окончания училища служил ревностно и как офицер сформировался быстро, а в военной карьере в ВДВ достиг многого. Досрочно получил несколько воинских званий. Одним словом, когда Старов и Валерий встретились вновь в конце восьмидесятых годов, то один по-прежнему командовал бригадой в Джелалабаде, а другой уже был подполковником и служил заместителем командира бригады у полковника Раевского в Гардезе. А вскоре стал молодым комбригом. Но не возраст определяет авторитет руководителя в войсках. На первом месте всегда стоят деловые и личные качества.

О тогдашнем комбриге 56-й у нас сохранились воспоминания как о непорядочном человеке. Он постоянно «закладывал» командарму ошибки, мальчишеские выходки и проделки (бытовые пьянки, праздничные фейерверки) наших разведчиков из Баракинского батальона, которые соседствовали с его подчиненными, размещенными в старых английских казармах. Вместо того чтобы по-свойски позвонить своему крестному отцу и сообщить о случившемся, он выслуживался перед командованием 40-й армии и докладывал напрямую Громову, тем самым подставляя под удар Юрия Тимофеевича, которого нещадно «драли» на военных советах армии за недостаточную воспитательную работу с личным составом. После таких разносов Старов на правах старшего по возрасту брался «за воспитание» болтуна, но я не помню ни единого случая признания им своей вины. Валера нагло отказывался от своей информационной деятельности. Но ведь шила в мешке не утаишь. Мы-то знали, кто на нас «капал»... Потому мы с ним принципиально не дружили. Пожалуй, это был единственный командир, которого сторонился общительный и добродушный Ю.Т. Старов. Уж что-что, а понятие

офицерской порядочности, которое внушали с ранней юности в стенах суворовского училища, у него были жесткие... Подлецов «кадеты» не терпели.

В послевоенное время эта недостойная черта поведения Валерия — выслуживание — прогрессировала. Именно благодаря этому обстоятельству его имя вошло в историю постсоветского времени. У него получился образцово-показательный послужной список. Он кроме Афганистана побывал в Оше, Намангане, Баку. У него появился специфический «опыт» и вкус к подавлению народных выступлений. Но особенно он «прославился» как командир 2-й гвардейской Таманской дивизии в Москве при расстреле Белого Дома. По линии военной контрразведки в то время проходила секретная цифра о 1412 убитых и раненых защитников парламента, которых безжалостно расстреляли из танковых пушек. Страшная цифра! А сколько погибло под пулеметами в Останкино?!

Многое до сих пор неизвестно. Из — под глыб запретов, умалчивания возвращаются к нам имена людей и названия организаций, ставших символами сопротивления режиму. Ярчайшая из них — Союз офицеров С.Терехова. Всего среди защитников было более 600 офицеров, которым в случае поражения грозило позорное увольнение без всяких прав и льгот. Ряд командиров частей Московского военного округа призвали подчиненных выступить на защиту конституции и парламента. Почти 80 удалось пробраться в Белый Дом. Большинство команд было остановлено на подходе. Отдельные военнослужащие были убиты либо покончили жизнь самоубийством. Недавно стали известны фамилии погибших офицеров 1-го Московского добровольческого мотострелкового полка особого назначения, сформированного 1 октября 1993 года бывшим командующим ВДВ генерал-полковником В.Ачаловым. Все они были бойцами московского Союза офицеров: капитан Ермаков В.А., ст.прапорщик Журавский В.В., полковник Ключников Л.А., капитан Краюшкин Е.Д., капитан Морозов А.В., капитан 2 ранга Пономарев Г.П., майоры Сурский А.М., Зотов А.Б., Шлыков П.А. Вечная им память нашим современным «идеалистам — декабристам»! Они не ушли, не предали своих идеалов. Стали заложниками своей чести.

Как вы помните, состоялся настоящий штурм Белого Дома. И там под пулями офицеры-защитники собрались на последнее совещание. Повестка дня была короткая — стрелять или не стрелять, сдаваться или стоять на смерть. Казалось бы, о чем еще думать? В

тебя стреляют из сотен стволов, из танковых пушек и пулеметов — бей в ответ. Но для офицеров все это выглядело по-другому. Режим Ельцина бросил против них на штурм солдат-мальчишек. Омоновцы по привычке прятались за их спинами. И стрелять надо было в мальчишек — в своих сыновей, одурманенных ложью, потерявших голову от страха и непонимания. И они решили воздержаться от стрельбы, применять оружие только внутри здания для самообороны.

Потом я не раз слушал от солдат и офицеров, штурмовавших непокорный Верховный Совет, слова удивления: «Мы же были все на виду. Почему они не стреляли?». Весьма вероятно, что своеобразной мстью «господину генералу», командиру той дивизии, со стороны родственников и соратников погибших защитников Белого дома был поджог дачи комдива, случившийся вскоре после октябрьских событий.

Командир же другой 4-й гвардейской Кантемировской танковой дивизии генерал Борис Поляков в декабре 1994 года сам подал рапорт об увольнении из армии после того как столичная ФСК провела в его частях неуклюжую вербовку военнослужащих в Чечню, пообещав им 5-миллионные гонорары...

В проникновенном обличительном стихотворении на его имя народный поэт написал:

*Вы довольны ли суммой, отваленной вам
Из народной казны за народные жизни,
Или надо еще поднатужиться нам —
Всей слезами и кровью залитой Отчизне?
А довольны ли ими полученной мздой
Сослуживцы, что били по «Белому Дому» —
Офицеры Ермолин, Брулевич, Рудой?
Или надо накинуть хотя б фон-Рудому?
А повышен ли в звании Серебряков?
Неужели остался в погонах майора?
А его одногодок майор Петраков?
А как вся остальная кровавая свора?
Говорят, горько запил майор Башмаков,
Повредился умом капитан фон-Баканов.
Или это лишь рассказы для простаков,
Совесть ищущих даже в душе истуканов?..*

Примерно через год после октября 1993 года, во время беседы с командиром Таманской дивизии генерал-майором одним из журналистов был задан вопрос:

— Как у вас отношения с подчиненными после разборки?

Валерий настороженно посмотрел на задавшего вопрос, вздохнул и вымолвил:

— Лучше бы ты мне этого вопроса не задавал...

Иногда казалось все же, что его не очень-то мучает совесть за свою прямую причастность к братоубийственной разборке. Со временем он даже стал подыскивать лукавую форму оправдания. Но она была рассчитана на простачков. Иногда Валерий даже позволял себе еще и припугивать тех, кто напоминал ему о былом. Вот что говорил он об октябрьских событиях накануне второй годовщины расстрела российского парламента:

— Хочу сразу развеять один укоренившийся в общественном сознании миф. Воины Таманской дивизии по собственной инициативе и в одиночку ничего штурмом не брали: они только помогали это осуществить подразделениями других силовых структур. За это мне сегодня и достается со всех сторон. Но для меня истина такова: победы тогда в Москве противоположные силы — многим бы не поздоровилось. И в первую очередь, полагаю, тем средствам массовой информации, которые позволяют себе допускать в мой адрес некорректные словесные пассажи. Он, конечно, имеет право на собственную точку зрения.

Господин генерал стал одним из опорных игроков в команде наиболее преданных Грачеву генералов. Ведь не случайно же весной 1995 года министр обороны продвинул его на должность первого заместителя командующего армией в Смоленске. Генерал только-только прибыл в Смоленск и не успел, как говорится, нагреть под собой кресло, как пришла шифровка из Министерства, что он назначается командующим 14-й общевойсковой армией в Приднестровье. Вместо генерала Александра Лебеда.

В Тирасполь генерала первый раз вез представлять зам. главнокомандующих сухопутных войск генерал Головнев. Но самолет, в котором они летели, не смог приземлиться на Тираспольском аэродроме — жены офицеров и прапорщиков армии заблокировали посадочную полосу. Самолет ушел на Кишинев. Пришлось Валерию и Головневу возвращаться в Москву. Повторно решил представить нового командующего личному составу замминистра обороны генерал ар-

мии Константин Кобец. Вторая попытка ему удалась, хотя, прилетев в Москву, он тут же доложил Грачеву, что нового командарма генералы и офицеры штаба армии приняли крайне прохладно. На первом же служебном совещании в штабе армии Валерий объявил, что никаких чисток и преследований не будет. И даже передал слова министра обороны о том, что судьба каждого генерала и офицера будет решаться с максимальной внимательностью. Не пройдет и месяца, как в армии начнется кадровая чистка. Ранее обещанная командиру дивизии генералу Попову учеба в академии Генерального штаба была вдруг заменена на должность в Забайкальском военном округе. Такая же участь постигнет и десятки других людей, с которыми у бывшего командарма были наиболее теплые отношения. Возглавив оперативную группу российских войск в ПМР, Валерий замелькал на страницах российской прессы. Создавалось впечатление, что он занимается саморекламой. В его словах и между строк часто читалось: при Лебеде почти все было плохо, при мне стало все хорошо. Он как бы пытался реабилитироваться, но он, как и Грачев, никогда не отмоет со своих рук кровь погибших соотечественников.

Я не думаю, что этот генерал когда-то будет испытывать какие-то муки совести, у него отсутствует это качество, но то, что он попал в историю в позорном списке палачей своего народа — это тяжкое наказание для военного человека. Это навечно. 7 октября 1993 года он стал Героем России, но без особой радости сотрудники музея ВДВ в Рязани внесли его фамилию в список Героев, прославивших воздушно-десантные войска...

Пророчески Коран предупреждает: «Поистине то, что вам обещано, наступит, и вы этого не в состоянии ослабить».

ПЕРЕГОВОРЫ С ОППОЗИЦИЕЙ

В круг моих обязанностей как начальника политотдела входила работа с местным населением, с афганскими руководителями всех уровней, а при решении конкретных разведывательно-боевых задач — с сочувствующими нам людьми, или просто агентами. По согласованию с органами военной контрразведки и совместно с ними мы общались с идущими на контакт представителями вооруженной оп-

позиции. Кроме того, политотделам поручалась «внешняя политработа», как иногда называли спецпропаганду, которая велась в организационной связи с ходом боевых действий. Ее главной целью было содействовать успешному решению боевых задач, стоящих перед войсками.

Первоначальную школу организации и ведения переговоров с населением, оппозицией, работе с агентами мне преподали командир бригады спецназа полковник Ю.Т. Старов, его заместитель подполковник В.И. Безручко. Но меня учили работать комплексно, не особенно доверяя нашим добровольным помощникам и тщательно перепроверя информацию, полученную от них. Жизнь не раз подтверждала правильность этих действий.

А вот общение с военнослужащими афганской армии, простым народом, с детьми в сиротских домах «Ватан» доставляло подлинное человеческое удовольствие.

Вспоминаю свои первые наблюдения. В один из июньских дней 1987 года мы прилетели с комбригом в Газнийский батальон, где сложилась напряженность во взаимоотношениях между командованием нашего отряда и местными провинциальными руководителями. Комбриг собрал всех авторитетных старейшин населенных пунктов, среди которых, естественно, были и моджахеды, пришедшие послушать грозного командира шурави. Комбриг пришел на Джиргу (встречу) не переодеваясь, как был одет во время перелета — в полевом обмундировании с лифчиком разгрузки на груди и при оружии. Вид у него был достаточно воинственный, и говорил он с мятежниками смело и решительно, типа того, что «альтернативы в наших отношениях нет, или вы с нами будите жить дружно, или мы били и будем бить всех, кто против нас».

— Запомни, Олег Владимирович, на Востоке уважают силу, — учил он меня. — Никогда не показывай свою слабость. Основной тон — угрожающий, но самые острые вещи нужно говорить вежливо, ругаться не следует.

Через несколько дней после возвращения из той поездки, уже в городе Джелалабаде, я получил прекрасную возможность начать собственный «дипломатический» опыт и пережить первые ощущения и впечатления от общения с простым афганским народом. Вот какие записи сохранил для памяти мой блокнот:

«Сегодня впервые беседовал с живыми афганцами. Мы работали с комбригом в 154-м отряде, а их разведчики накануне захва-

тили в окрестностях двух подозрительных субъектов. Мы выезжаем за КПП части, а дорогу преграждает большая толпа местных жителей, мужчин в возрасте от 13 до 70 лет. Все они кричат и машут руками, выражая свое неодобрение задержанием соплеменников. Остановились. Вышли из машины.

— В чем дело, мусульмане? — спрашивает Старов.

— Командир, — на хорошем русском языке обратился один из мужчин среднего возраста, — ваши люди задержали нашего доктора, специализирующегося по малярии. Он не моджахед. Он не пришелец из Пакистана. Освободите его! Он один нас лечит.

— Давай, комиссар, разбирайся и принимай решение, — повернувшись ко мне, сказал Старов.

— Сейчас с вами будет разбираться по факту задержания начальник политотдела, — громко и четко почти прокричал командир.

Толпа стихла, и, когда машина со Старовым уехала, плотной стеной обступила меня. Остро пахло незнакомыми запахами. На меня в упор смотрели с настороженностью и надеждой десятки глаз людей, которые, возможно, в ночное время брали оружие и стреляли по советским воинам, а сейчас они выглядели такими «мирными» и этакими беззащитными. Стало немножко не по себе. Со мной для охраны остался только один боец комендантского взвода штаба бригады, вооруженный автоматом, который тоже волновался. Однако начали неспешный сдержанный восточный разговор.

Минут через тридцать на бронетранспортере приехал мне в помощь переводчик штаба капитан О.Воронин. Совместно с ним, изучив документы и побеседовав с задержанными жителями кишлака Сурхруда Хабибом Рахманом и Мамадом Амином, а также местными жителями, я несколько минут принимал решение. Доктор Хабиб оказался худощавым человеком с изможденным лицом, ввалившимися щеками, черными влажными глазницами, одетым в светло-кремовую пушгунскую одежду. При виде меня пленники слегка побледнели. И тут я осознал, какая у меня сейчас страшная власть над ними. Ведь они от каждого моего слова или жеста то обмирают, то в надежду входят. Ведь я сейчас над жизнью и смертью другого человека волен. Захочу — живыми останутся, захочу — прикажу сдать их в афганское МГБ, где часто принимаются революционные и скорые на расправу решения. Мне от этого даже как-то не по себе стало. Да и афганцы, конечно, понимают, что в моих руках

находятся полностью. А что им про русских наплели, одному Аллаху известно!

— Ладно уж, — сказал я им, после нескольких минут раздумий — успокойтесь.

— Товарищ лейтенант, — отдал приказ начальнику караула Рыбакову, — освободите задержанных афганцев.

Распоряжение немедленно было выполнено сопровождающими арестованных караульными отряда. Хабиб Рахман сразу в лице изменился, ожил, бледность сошла, и он заулыбался своим щербатым ртом. Мое решение афганцы встретили радостными возгласами и рукопожатиями. Все одновременно что-то говорили. В этом гомоне мы и расстались, как настоящие друзья»...

Впоследствии мой опыт пополнился неоднократными и достаточно самостоятельными переговорами с представителями администрации, партийных органов, командования частей в зоне ответственности «Восток». Опыт общения с такими замечательными людьми как уполномоченным ЦК НДПА и Реввоенсовета ДРА, председателем совета обороны зоны «Восток», энергичным и просоветски настроенным писателем и поэтом Мехтобутдином Сафи; начальником управления МГБ провинции Нангархар, сдержанным и немногословным пуштуном Мазулой (просидевшим при Амине 9 месяцев в тюрьме), начальником афганского госпиталя №1 полковником Муином Зерматалем дал мне необходимые знания национальных особенностей и обычаев афганцев и навыки ведения переговоров с ними, а главное — уверенность в своих силах.

Дружеские отношения с военными руководителями афганских соединений, частей и военного госпиталя во многом обуславливались дружбой с нашими советниками (С.Бековым, А.Корниловым, А.Поносовым и др.). Совместная работа с агентурными разведчиками из «Дельты-1,2,3» С.Тюрьменко, Ю.Шоновым, В.Калугиным, В.Анцифировым, позволили перенять тонкости в работе с непредсказуемыми восточными характерами. Каждая наша дружеская встреча на нашей территории или в разведпункте давала очень многое. Короче говоря, каждый день рос бесценный опыт непосредственной деятельности с афганским народом и его противниками. Все мы были под негласным наблюдением высшего командования, и вскоре я почувствовал большое доверие со стороны командарма. В связи с этим в феврале-апреле 1988 года по личному указанию Б.Громова я уже неоднократно вылетал для ведения переговоров в

провинции Логар, Газни и Кунар, когда там возникали конфликты различного уровня между властями, местным населением и командованием наших отрядов. Часто конфликты сознательно провоцировались оппозицией для разжигания ненависти к нашим военнослужащим, а часто были связаны с результатами разведывательно-боевой деятельности подразделений, в ходе которой происходили неприятные моменты.

В сентябре 1988 года по поручению политотдела армии мне было поручено организовать большую международную пресс-конференцию для журналистов и телевизионщиков всех стран в министерстве иностранных дел Афганистана, в самом центре Кабула. Она посвящалась завершению первого этапа вывода советских войск из Джелалабада и Кандагара. От советского командования на ней присутствовали всего два человека, два политработника: генерал-майор А.И.Захаров и ваш покорный слуга. Это мероприятие, а также встречу афганских космонавтов в Кабульском советском военном госпитале широко транслировало центральное телевидение на всю планету.

Однако среди множества встреч и переговоров с афганцами особое место в памяти занимают последние переговоры, состоявшиеся накануне вывода первой колонны в Кушку, в начале февраля 1989 г. Вероятно потому, что они проходили в особо драматической обстановке последнего периода пребывания наших войск на чужой земле.

А дело обстояло так.

Согласно приказу руководителя боевых действий на южном направлении генерал-майора Пищева, под моим руководством, в шиндандском лицее, состоялась джирга с тридцатью одним местным религиозным деятелем и старейшиной. Задание было весьма ответственное, если вспомнить «диверсию века», которая искусно была совершена именно здесь, в уезде Шинданд 13 июня 1985 года. Опытные детективы во главе с руководителем госбезопасности, доктором Наджибуллою — будущим президентом страны, быстро выяснили тогда механизм диверсии. В тот трагический день моджахеды взрывами мин с часовыми механизмами уничтожили 13 истребителей Миг-21 и шесть штурмовиков СУ-17. Характерно, что минирование произвели «завербованные» афганские солдаты, которые рассчитывали списать подрывы за счет обстрела аэродрома «эрэсами». В ходе следствия было выявлено шиндандское подпо-

лье, в которое моджахеды вовлекли тридцать человек, из них 13 оказались афганскими офицерами, а 8 солдатами...

Вспоминая об этом факте накануне вывода советских войск на Родину, ждать от местных борцов сопротивления можно было чего угодно. В зоне 5 мсд проведена мобилизация членов НДПА в партийные батальоны. По инициативе губернатора Халекьяра обсуждался вопрос о снятии с должности начальника МГБ генерала Дастагира. Дастагир проводит особую работу с договорным главарем Ахмадом, создавая впечатление о его личной исключительности среди других племенных командиров. УМГБ покрывает бандитов, подрывает веру в государственную власть. При поддержке командира 4 АК генерала Дауда, первый секретарь НДПА провинции Халила Сепай ведет раскольническую деятельность в партийных организациях: фабрикуя дела против «халькистов». Проводит работу, противоположную установкам руководства провинции.

Так, весной 1988 г. во время конфликта между бандами Сагира (ИПА) и Яхье (ИОА) Совет обороны помогал первому, а УМГБ — второму, в частности, прислал два автомобиля с оружием. Дастагир отвлекал внимание аппарата УМГБ от работы среди оппозиции по привлечению их к госвласти. А реально вел контакты с бандитами — с целью их поддержки.

В связи с выводом советских войск делаются шаги к координации действий между МГБ, Царандоем и ВС. В уезде Гульран произошло стихийное объединение всех племенных формирований для противодействия оппозиции. Войска 4АК не на высоком уровне. Вооруженные столкновения между племенными формированиями Даубхана и Ахмада. До вывода войск ВПО консервируется и ждет разрядки. Ужесточение борьбы за союзников: дискредитация Ахмада; отстранение Дастигира. Туран Исмаил призвал избегать столкновения с нашими войсками и беречь силы.

На джирге командование советских и афганских войск, руководство местных органов власти представляли девять человек. Смешанный переводчик агитотряда армии майор Иванов по очереди торжественно представил участников. Учитывая важный фактор чиновничества, особо распространенный на Востоке, начал с афганских руководителей — товарища Вазира, губернатора уезда Шинданд; генерал-майора Наби, председателя военного совета уезда, командира 7-й пограничной бригады; полковника Расула, начальника авиационного гарнизона; Шир Ахиата, начальника штаба авиационного

гарнизона; Мухаммада, секретаря уездного комитета НДПА. Советских представил ненавязчиво — подполковник Кудрявцев, зам-начальника политотдела 5-й дивизии по работе с местным населением. Примечательно, что мы с ним заканчивали одно военное училище на Урале; майор Подопригора, ст. инструктор политотдела дивизии. В работе совещания были представлены официальные и неофициальные руководители кишлаков Чахар-Бурдалак, Дехалибек, Старый Шинданд и другие. Меня как заместителя члена военного совета 40-й армии объявил последним. Ко мне и было приковано внимание слушателей, так как я выступал первым.

Все афганские и советские руководители прибыли на встречу безоружными, в чистом и отглаженном обмундировании, со всеми знаками различия старших офицеров. Нашим оружием в эти минуты были уверенные действия, уважительный разговор и строгая логика объявляемого ультиматума.

— «Достопочтимые мусульмане, уважаемые старейшины уезда Шинданд! — начал я свое выступление. — Старой и доброй традицией стали встречи советско-афганского командования с вами, уважаемые старейшины, в этом зале. Во время этих встреч мы решали многие проблемы, которые волновали вас и нас. Это хорошо, что вот так в мире и согласии мы обсуждаем волнующие нас темы. Вот и сегодня мы с вами должны обсудить ряд важных вопросов, которые требуют немедленного решения.

Бросалась в глаза бедность одевания основной массы старейшин. Хотя их одежда имела ярко выраженный национальный характер и все они были одеты в белые или синие рубахи, белые или черные широкие штаны и суконные безрукавки, но все одежды имели довольно поношенный вид. Многие из присутствующих афганцев были в ботинках, резиновых сапогах и дешевых калошах, одетых на босую ногу.

— Уважаемые старейшины! Вы все знаете о том, что Советский Союз, выполняя решения Женевского соглашения, продолжает планомерный вывод войск с территории Афганистана. Наша страна верна своему слову, в отличие от Пакистана, с территории которого не прекращается засылка банд на территорию вашей страны, продолжают существовать базы, на которых американские инструкторы продолжают обучать наемных убийц методам уничтожения мирного населения. Обстановка в Афганистане сейчас сложна, как никогда. Основной смысл вывода войск ОКСВ из Афганистана —

прекращение кровопролитной войны. Мы надеемся, что с выходом советских войск народ Афганистана сам, мирным путем, создав коалиционное правительство, сможет разрешить все свои противоречия, и на вашу землю придет долгожданный мир.

Любопытным «реликтом» среди всех был один из аксакалов в добротной серой советской офицерской шинели без погон, но с черными бархатными артиллерийскими петличками. На другом ладно сидел советский госпитальный байковый халат коричневого цвета, явно когда-то похищенный из местного госпиталя и сданный в дукан. Несколько человек были в демисезонных пальто, основная масса была в накидках. У всех присутствующих на головах возвышались белые чалмы, только один был в тюрбетейке. В первом ряду гордо сидел «хаджи» — обладатель чалмы зеленого цвета. Этот цвет свидетельствовал о том, что ее хозяин совершил хадж в священную для каждого мусульманина Мекку (Саудовскую Аравию) и тем самым прибавил к своему имени уважительное слово «хаджи», т.е. «совершивший хадж».

— Советский народ, — продолжал я, — лично генеральный секретарь ЦК КПСС тов. М.С. Горбачев от души хотят мира многострадальной афганской земле. Этого хотим и мы командование советских войск, расположенных в провинции Герат. Многоуважаемые старейшины, все вы являетесь свидетелями мирных намерений советских войск в уезде Шинданд. Всегда действия нашего командования были направлены на оказание помощи органам народной власти, в поддержку мира в этой зоне! Советские воины оказывали и оказывают материальную и моральную помощь мирному населению. Так, только за прошлый год агитотрядами, врачами местного военного госпиталя была оказана медицинская помощь 14 тысяч человек, населению передано 140 тысяч тонн керосина, была организована раздача материальной помощи от советского народа на сумму более 500 тысяч рублей. — Советские солдаты и сержанты оказали помощь в строительстве и ремонте 5 школ и 5 мечетей, в ремонте 25 километров дорожного полотна. В январе и марте прошлого года наши части, как вы помните, оказали помощь в перевозке мирных жителей из волости Фарси в уезд Шинданд. В мае и июне по просьбе командования 7-й пограничной бригады наши войска оказали помощь в перевозке пограничных малишей в уездный центр. Можно было бы продолжить это перечисление

добрых дел братского отношения шурави к жителям уезда, да и вы сами уважаемые старейшины помните многое.

Среди почтенных стариков и зрелых мужчин мой взор выхватил два молодых лица, что видеть в подобной аудитории было непривычно. Один из них, несмотря на юный возраст, имел окладистую ухоженную бороду настоящего мусульманина, а второй, бледнолицый и безбородый, с цепкими волчьими зелеными глазами и рыжими волосами, совсем не походил на пуштуна, и мог быть либо американцем, либо англичанином.

— Наверняка западный советник и моджахед, — подумал я и не ошибся...

— Но сегодня я не могу не сказать и о другом. В последнее время наши дружеские отношения, установившиеся давно, определенная часть военной оппозиции пытается подорвать. Что я имею в виду под этим? Вы знаете, что большое беспокойство у нас вызывают участвовавшие случаи минирования дороги в районе кишлаков Зиркух, Тахте-Адраскана. От этих мин мы несем потери. Только за прошедший месяц больше десяти солдат и офицеров стали калекми. Есть и погибшие. Уважаемые старейшины, неужели кому-то выгодно, чтобы в ответ на вылазки диверсантов наше командование отдавало приказы об уничтожении врагов в тех районах, где были выставлены мины. В результате ответных действий, и вы знаете об этом, часты жертвы и среди мирного населения. Почему невинные люди должны расплачиваться своими жизнями за авантюризм кучки негодяев? Я призываю вас, уважаемые мусульмане, к мудрости. Были мы друзьями все эти годы и должны ими расстаться. Все военные городки, столовые, автопарки, заводы, котельные, мастерские и склады после нашего ухода останутся вам. Поэтому неразумно огнем артиллерии уничтожать материальные объекты. Я прошу вас разъяснить это и передать тем, кто находится в Зиркухе. Совсем скоро наступит тот день, когда шурави навсегда расстанутся с вами.

Мир вашему дому!

Аудитория слушала мое выступление внимательно и настороженно.

— Покинув Афганистан, мы всю оставшуюся жизнь будем вспоминать эти годы, проведенные вместе с вами. Кто-то и из вас будет вспоминать нас добрым словом, а чтобы не плодить число наших врагов, давайте расстанемся мирно. Мы приглашаем населе-

ние Шинданда, вас, уважаемые старейшины, принять участие в торжественном прощальном митинге. Да здравствует на века дружба между нашими странами!

Спасибо за внимание!

Сказанное мною переводчик Сергей Иванов переводил громко, быстро и с хорошо поставленной дикцией.

Реакция слушателей на выступление была разная: часть самых древних старейшин, как говорится, засыпала на ходу, те, кто помоложе, слушали внимательно и пронзительно смотрели в глаза выступающему, как бы стараясь понять глубину сказанного.

Некоторые, наоборот, в глаза не смотрели, а только искоса бросали недобрые стреляющие взгляды. Отличительной чертой афганцев, к какой народности они бы ни относились, является обычай «бадал хистал» (компенсации-мести) за обиду и оскорбление. Афганец не прощает обиды и стремится действовать по принципу «око за око, зуб за зуб, кровь за кровь». На этой почве даже среди самих афганцев имеют место межплеменные трения, вражда, кровная месть, а иногда и вооруженные столкновения. Подчас небольшая ссора, поводом для которой может служить недоразумение из-за участка земли или нарушение установленной очередности при поливке полей и т.п. приводит к открытой ссоре с применением кинжалов, автоматов и гранатометов и может стоить жизни многим людям. Срок осуществления мести не имеет для афганца особого значения. Считающий себя оскорбленным добивается отмщения до тех пор, пока есть силы и возможность для этого. Если отец семейства умирает, не осуществив свою месть, то он обязательно завещает ее своим детям. Поэтому кровная месть часто становится тяжелым наследием, а вражда передается из поколения в поколение, как «самая святая обязанность и долг, возложенный и завещанный предками». Этот обычай имеет и другую сферу применения. Он требует, чтобы на добро отвечали добром. Афганец считает поведение человека презренным и низким, когда тот не платит взаимностью за оказанную ему услугу, помощь, угощение. К примеру, приглашение в гости обязательно должно быть компенсировано тем же. Это правило, как и месть, стало среди афганцев своеобразной традицией и обязательной нормой поведения, не учитывать которые перед выводом войск было бы большой ошибкой.

На встрече обсуждался очень конкретный вопрос — что нужно сделать, чтобы вывод войск прошел без потерь с обеих сторон?

Я прокомментировал требования советского командования, изложенные в письменном ультиматуме, текст которого был вручен каждому участнику джирги. Вручены были и листовки, а также непрременные «бакшиши» (подарки) — журналы «Советский мусульманин» и «Советское военное обозрение», которые они с большим интересом сразу стали листать.

Итоги встречи от афганцев, подчеркнуто обращаясь только к собратьям, подводил благообразный, с приятными европейскими манерами, сорокалетний мулла Акбар. Он был высок и строен, пожалуй, даже красив. Одежда на нем была богатая: уютная вельветовая рубаша со стоячим воротником и рукавами, слегка расширяющимися книзу, одетая нараспашку зеленая бархатная безрукавка.

— Дорогие соплеменники и братья, поддерживающие пророка Мухаммада в борьбе! Приветствую всех собравшихся здесь! С того самого дня, когда над нашей страной опустился мрак коммунизма, прошло 9 лет и два месяца. За это время наш народ не видел спокойствия. Коммунизм стал источником смерти и разрушения. В течение этого времени за каждые четыре минуты в нашей стране погибал человек. Каждые 54 секунды страну покидал один из наших братьев. Не найдешь ни одного кишлака, чтобы не увидеть разрушений и смерти. Не осталось ни одной семьи, которая не потеряла хотя бы одного человека. Нет таких, кто бы не видел всех ужасов и горя от этой продолжительной войны. Кто в этом виноват? Виноваты те, кто при помощи Красной Армии сначала обрели силу, а затем разрушали дома рабочих и дехкан, превращая их в многочисленные кладбища. Вместо обещанного и привезенного хлеба, наш народ получил бомбы и порох. Русские посягнули на наш суверенитет с одной целью — навязать нашему народу ненавистное, наемное правительство Халькистов и Парчинистов. Но они не учли один фактор: наш народ никогда и никому не покорился — вот поэтому и мы взяли за оружие. Война для всех кто воюет — это ад, но для воинов, сражающихся за веру — это война за свободу! Хорошо, что Горбачев вспомнил уроки истории. Англия, завоевавшая весь мир, так и не смогла одолеть Афганистан. Тогдашний премьер-министр Великобритании заметил, что «демона невозможно победить!». И это будет продолжаться до тех пор, пока русские находятся на нашей земле.

Во время выступления муллы его руки жили своей жизнью, они машинально перебирали четки. Непроизвольно я обратил вни-

мание на его руки с длинными музыкальными пальцами, которые не выглядели натруженными, они были чисты, и ногти на пальцах отличались аккуратностью.

— Только при условии выхода советских войск, — продолжал он, — возможно окончание этой войны, возможно прекращение кровопролития и разрушений. После их ухода прекратится эта волна насилия. Присутствие русских продолжает войну. Если русские действительно хотят решить эту проблему, они должны уйти. Нам не нужна их помощь. Наш народ без какой-либо помощи извне сам будет писать свою судьбу. Но ключ к прекращению кровопролития находится в руках русских. Мы никогда не забудем наших правоверных братьев, погибших моджахедов, — с особым пафосом и угрозой в голосе произнес оратор в заключение, — и первый среди них — всегда памятный для нас мулла Саид Баши. Он убил много «кяфиров», сторонников кабульского режима. Он был сторонником воссоздания шахского государства, обучал неграмотных, но ему, голубю, сломали крылья. Вспоминая его, мы должны помнить о мести за его смерть, он выдержал экзамен на преданность нашей единой вере!

Судя по всему, мулла Акбар был очень авторитетным в уезде, поскольку слушали его необычно сосредоточенно, и заключительные слова сопровождали гулом одобрения, что у нас делают аплодисментами.

— Шурави, бурубахай! Благодарим за оказанную помощь СССР. Будем писать письма в горы и другие кишлаки, чтобы они не воевали против русских. Мы сделаем все, чтобы посадить оппозицию за стол переговоров. Шурави вредили нам десять лет, но мы сейчас должны сделать все по-хорошему, трогать их не будем. И вообще мы поручаем их аллаху! Он найдет время и место воздать должное за преступления. Аллах Велик! Мы верим, что победа будет за нами и аллах нас не подведет. Да здравствует победа Ислама!

То, что он не побоялся высказаться достаточно смело, свидетельствовало о его крепком тыле.

Шурави бурубахай! (Русские уходят!), — эти слова я впервые услышал в мае прошлого года в Джелалабаде, когда нашу первую колонну провожали афганцы. И тогда не было ни одного злого, мстительного, жестокого выражения лица. Даже сидящие на корточках белобородые старики, изредка отводившие взор при виде

наших ответных приветственных взмахов руками, просто отводили взор — но не кричали брани и не сжимали кулаки. Важнее этих слов сейчас нет ничего. По сравнению с этим так долго ожидаемым моментом все иное — злоба, жажда мщения, жестокость — уходит на задний план, гасится необычностью момента... Однако сказанное этим авторитетом не давало полной гарантии безопасности, так как отомстить «советам» могли совершенно неуправляемые небольшие группы, а то и отдельные лица.

Для каждого из нас любая поездка по Афганистану несла в себе опасность и могла закончиться трагически, не стал исключением и этот день... Как раз на крутом повороте дороги при выезде из уездного центра раздалась длинная автоматная очередь, водитель резко крутнул руль, и мы потеряли переводчика разведывательного пункта капитана А.Шишкина. Он во время маневра не удержался на броне и упал с бронетранспортера на землю, при ударе получил тяжелейшую черепно-мозговую травму, перелом позвоночника и основание черепа. Через несколько дней, не приходя в сознание, бедолага Андрей скончался в Марах, в советском госпитале. Любая смерть вызывает чувство большой скорби, но его было жаль вдвойне, ибо Афганистан стал для него судьбой. Это была его третья командировка. Он и не жил нормальной человеческой жизнью, все было подчинено этой стране. Еще курсантом в период учебы в военном институте у него была годовая стажировка в ДРА в качестве переводчика. Завершив учебу, он два года службы провел здесь же, офицером в агентурной разведке. Благополучно заменился, а через полгода после возвращения в Союз поступило новое предписание, ставшее для него смертным приговором. Как специалиста по фарси его уговорили в конце 1988 года уехать в Афганистан до вывода войск. Двое детей, родившихся без него в Москве, знали отца по фотографиям и рассказам молодой мамы. По сути, это стало первым жертвоприношением после проведенных переговоров... Кто стрелял по бэтээру на повороте, мы так никогда и не узнали...

Об итогах джирги я доложил Пищеву. Он внимательно выслушал мое сообщение от начала до конца. Проявив особый интерес в части выступления муллы Акбара.

— А все правильно перевели?

— Да, — ответил я, — переводил хорошо знающий язык переводчик отряда спецпропаганды политотдела армии майор Ива-

нов. Вот письменный стенографический отчет, в том числе и выступление Акбара.

— А как вы думаете, кто эти молодые люди? — уточнил генерал.

— Думаю, это полевые командиры среднего звена. Под накидками, которыми они кутались, хорошо просматривалось оружие. А у рыжего на груди был лифчик боевой разгрузки, — ответил я.

— Кого вы брали в охранение? Удивительно, как они вас не постреляли, — буркнул Николай Петрович.

— Охрана мероприятий с нашей стороны осуществлялась одним отделением разведчиков. Майор Подопригора, совместно с афганскими летчиками, тоже выставили свои посты у лица. А убивать им нас было совершенно невыгодно.

— Страшно было?

— Только тогда, когда мулла Акбар начал говорить. Первоначально его выражение лица было страшным. Честно говоря, я подумал, что он призывает их разделиться с нами. Но наши бойцы были готовы ко всему и постреляли бы всех. Если бы в нас начали стрелять, то и они все остались бы на месте.

— Ну, смотри, комиссар, если они слов не сдержат — я их жалеть не буду, — подвел итог нашего разговора заместитель командующего.

Для более масштабного оповещения населения уезда и местных кишлаков об итогах нашей джирги по маршруту предстоящего вывода группировки войск наши авиация, артиллерия и агитотряд залистовали большую территорию.

План этой работы, представленный мной, без изменений был утвержден генералом Пищевым, но он не скрывал своих сомнений и неверия в большую результативность этой специальной работы. Но мешать нам он не имел права.

Таким образом, район залистования местности в период вывода войск из Шинданда и Герата на Турагунди, включал:

1. Сбросом авиацией: двух авиабомб типа АГИТАБ в район Джагарах — 75.000 штук листовок; двух авиабомб АГИТАБ в район Славушан — 75.000 штук

2. Стрельбу артиллерией: 38 артиллерийских снарядов в районе Халирати — 30.000 штук.

3. Агитотрядами разброс с помощью ракетниц типа ХЛЦ, в 15 районах.

Итого на эту операцию было израсходовано:

- 38 артиллерийских снарядов;
- ракетниц ХЛЦ — 100 штук;
- авиабомб — 4 штуки.

Общее количество листовок составило 190 тысяч штук.

...Но реакция противника превзошла все наши ожидания. Меньше чем через сутки с 17.50 до 18.20 местного времени (как раз уже смеркалось) военные городки дивизии и авиагарнизона были подвергнуты залповому огню реактивными снарядами. Упало около сорока снарядов. Сгорело несколько строений и единиц техники. По докладам разведчиков, обстрел велся из кишлаков, находящихся в районе горы Миназ. Немедленно в ответ был открыт огонь на разрушение по кишлакам Музаффар и Зульмабад, откуда и велся огонь по гарнизону.

Как удалось узнать агентурной разведке, стрельбу эрэсами по дивизии и аэродрому устроил отряд Доврана, принадлежавшего к партии Хезбе Алла («Партия Аллаха»). В его отряде было до 60 человек; большинство из них во главе с командиром долгое время отсиживались в Иране. Спешно вернулись, видимо, для того, чтобы успешно отомстить шурави. И ему было все равно — о чем договорились на Джирге в Шинданде его собратья. Но Довран недооценил степень нынешнего сотрудничества советского командования с местными «неформалами», уже сообщившими нам точный район сегодняшней ночевки его отряда. С наступлением темноты по этому району открыла огонь дивизионная реактивная артиллерия...

В ночь с 29 на 30 января вновь был подвергнут артиллерийскому обстрелу пункт постоянной дислокации нашей мотострелковой дивизии. Предположительно стрельба велась из гаубиц Д-30, переданных накануне афганским блокпостам, находящимся северовосточнее городка. Расследование по этому факту поручили нашим советникам, работающим в местной республиканской части, совместно с сотрудниками афганского МГБ. Генерал Пищев на разборе этого провокационного инцидента, строго-настрого предупредил, что если с позиций афганский войск и царандоя раздастся еще хотя бы один выстрел, то мы оставляем за собой право открыть огонь на поражение. Чтобы потом не обижались!

А с рассветом наша авиация в течение дня совершила 30 самолето-вылетов, в ходе которых сбрасывала бомбы весом в 500 и 1000 кг на кишлаки Музаффар и Зульмабад. Война есть война, у нее своя справедливость, но порой с ней трудно смириться...

Наблюдая за заходами на бомбометание наших штурмовиков, на дым и пыль от разрывов, я особого душевного разлада не ощущал. Мы играли честную игру, о правилах которой предупреждали на джирге и в тексте ультиматума... А раз враг стреляет по нам, то мы обязаны отвечать и стрелять по нему, вернее, в ту сторону, где он, возможно, еще находится... И жалость здесь была бы совершенно излишним чувством.

Вывод шиндадской группировки войск начался 1 февраля. В первой колонне марш совершали семьдесят девять машин. Начав движение в семь сорок утра, она прошла от Шинданда до Кушки благополучно. Обстрелов не было. Все радовались. И поздравляли друг друга с почином! Дай бог и дальше так! Старейшины слово сдержали. Но наша радость была преждевременной. Через сутки, в ночное время, когда шли интенсивные перевозки наших военнослужащих и их посадка в самолеты, наш аэродром подвергся интенсивному обстрелу реактивными снарядами. Батальон охраны на действия экстремистов ответил организованным огнем по заранее спланированным целям.

А утром 3 февраля, как рассвело, вторая колонна, состоявшая из 235 единиц техники, могучим рокотом сотрясая окрестности и накрыв дорогу облаком солярного смрада, вышла из Шинданда в направлении Турагунди. На ее бортах в тот день вывезли 664 человека. На взлетной полосе аэродрома круглые сутки взлетали и садились могучие «илы» и «аны» вывозящие в Союз личный состав по воздуху. К 5 февраля наши соколы уже перебросили на своих бортах — 5142 человека.

Однако оппозиция не дремала. По всему маршруту движения колонн то и дело возникали острые ситуации. Так, 6 февраля около 11.30 в районе элеватора (уезд Гузора, южнее Герата) 2-я разведрота 650 разведбата ст. лейтенанта А.Лазоренко подверглась шквальному обстрелу реактивными снарядами и сосредоточенным огнем из стрелкового оружия. В эти минуты особенно отличились разведчики старший сержант А.Скрыга, рядовые А.Пилипенко, Ю.Жовнерик. Не ожидая такого организованного отпора, противник вскоре был рассеян и скрылся в ближайших горах. Его преследование не проводили. Когда обстановка разрешилась, разведчики вышли в район прошедшего боя. Но после схватки моджахеды забрали всех своих убитых и раненых. По крайней мере, прибывшие воины не увидели поблизости ни одного мертвого душмана.

Но налеты и обстрелы, беды и кровь на этом не закончились. Через два дня в 9.50 утра подверглась внезапному обстрелу 7-я застава, что расположена в двух километрах севернее Герата. За несколько минут на позиции 2-й артиллерийской батареи упало шесть реактивных снарядов. Среди пострадавших оказался и командир батареи капитан Листовский, получивший тяжелое ранение в обе ноги и руку. Ему была оказана первая медицинская помощь, но учитывая сложность обстановки, он, раненный, не покинул командный пункт и в течение трех часов продолжал командовать батареей. Это позволило нашим артиллеристам ответным огнем уничтожить две пусковые установки мятежников в районе кишлака Сайнам (зеленая зона западнее Герата).

Уже почти рядом с советской границей, в 15 км южнее Турагунди, из развалин бывшего кишлака была обстреляна колонна тыла 2 батальона в/ч пп 51883. Основной огонь был сосредоточен по топливозаправщику, шедшему в голове колонны. В результате обстрела у него оказались пробиты переднее колесо и лобовое стекло. Чудом пулеметная очередь не задела водителя рядового И.Болиева, который не растерялся — увеличил скорость, включил подкачку колеса и благополучно вышел из зоны обстрела.

Прочитав эти строки, читатель может задать вопрос: «А нужны ли были переговоры со старейшинами?». Безусловно. Опыт войны показал, что командиры всех степеней без подсказок, на свой страх и риск договаривались со старейшинами, разрешали местным жителям свободно передвигаться, вести хозяйственные работы, помогали продуктами и топливом. И такая тактика давала свои плоды. Число диверсий против советских войск, особенно на дорогах, сокращалось. Другое дело, что подобная «дипломатическая деятельность» резко осуждалась наверху, однако она продолжалась несмотря на запреты, все годы пребывания наших войск, так как сохраняла людей.

Тем более, что я знал, что осенью 1988 года в Джабаль-Уссарадже подобные переговоры проводил генерал-армии В.Вареников с самим Ахмад Шахом Масудом. Он склонял его к перемирию на заключительном этапе вывода наших войск на встрече, что состоялась в одной из казарм на территории советского мотострелкового полка.

Для этого здание было отремонтировано, все внутренние помещения застелены коврами и оборудованы с восточным гостепри-

имством для ведения переговоров с военным руководителем оппозиции. Знаю об этом не понаслышке, а потому что наши разведчики доставляли Масуду письмо в Панджерское ущелье с приглашением на эту встречу...

Поэтому на последнем этапе войны не грех было вспомнить и этот испытанный метод предотвращения кровопролития — переговоры с моджахедами.

Правильно говорили мудрецы: «Лучше худой мир, чем добрая ссора». Говорить стоило даже с врагами!

ОПЕРАЦИЯ «ВОЗДУШНЫЙ МОСТ»

Из учебников военной истории и рассказов ветеранов известно, что одним из самых тяжелых видов боевых действий является отступление. Не каждый военачальник способен без потерь или при минимальных потерях провести организованный отход своих войск. Это могут подтвердить ветераны Великой отечественной войны.

Примером высокой эффективности боевых действий при отводе своих войск может служить эвакуация из Одессы под командованием генерала Петрова в 1941 году. Вот и вывод советских войск из Афганистана был не паническим бегством, а тщательно спланированной, многоэтапной операцией с дерзкими эпизодами и боями. Одной из последних точек, поставленных в той войне, была операция «Воздушный мост», которая могла бы стать образцом мужества и высокого профессионализма командарма Б.В. Громова, штаба 40-й армии, офицеров и солдат афганской войны. Они, несмотря на бездарное политическое руководство, показали противнику умение воевать, до которого еще не доросли хваленые американские «зеленые береты».

В 1992 году состоялась прелюбопытная беседа политического обозревателя газеты «Труд» В. Снегирева с известным руководителем афганских моджахедов Ахмадом Шахом Масудом, во время которой последний признал: «Несколько раз советские коварно обманывали нас...».

Да, действительно так бывало, но перехитрить противника в Афганистане было очень непросто. Последний этап боевых действий советских войск в Кандагаре в январе-феврале 1989 года, и в

частности, операция «Воздушный мост» — это был как раз тот случай, когда душманов удалось обвести вокруг пальца.

Немногим известны ее детали, однако как непосредственный участник тех событий, хотел бы поделиться с читателями своими воспоминаниями.

Эта операция по-своему поучительна для современных разведчиков спецназа, поскольку была проведена с большим мастерством и характеризовалась небольшими потерями. А было это так...

...В период подготовки к выводу частей западного направления из Шинданда на Родину вышестоящим командованием неожиданно была поставлена задача по завозу материальных средств и боеприпасов в окруженный гарнизон Кандагара.

Первоначально предполагалось привлечь для участия в операции подразделения 15 обрСпН, под командованием полковника Ю.Т. Старова, а затем остановились на 56 десантно-штурмовой бригаде, которая к тому времени уже дислоцировалась в Туркмении недалеко от государственной границы. Благодаря своему географическому положению и национальному составу город Кандагар и одноименная провинция на юго-западе Афганистана всегда играли особую роль в стране. Здесь исламские партизаны предпочитали действовать в составе мелких (20 — 40 человек), хорошо вооруженных групп. Национальный состав жителей провинции был достаточно однороден. Кандагар населяли пуштунские племена: дуррани (жемчужные), нурзай, баракзай. Показательно, что все короли Афганистана были выходцами из группы племен дуррани. Среди многочисленных племен нурзаев было много сторонников бывшего короля Захир-Шаха. Наиболее воинственным племенем являлись баракзай. О силе баракзаев свидетельствует тот факт, что с их помощью была сделана попытка восстановить правление Захир-Шаха в 1976 году. Все названные племена объединяла ненависть к кабульской власти.

В провинции Кандагар на протяжении всех лет пребывания наших войск группировки оппозиции, используя особенности местного населения, а также удобное географическое положение, проявляли очень высокую активность. Это объяснялось как историческими причинами, так и целями оппозиции.

Как известно, с образованием в 1747 году Афганистана его столицей стал г. Кандагар, и в течение десятков лет он был центром общественной и политической жизни страны. Кроме того, в

конце прошлого века Кандагар был центром, сплотившим народ в борьбе против английских экспедиционных войск, пытавшихся покорить Афганистан. В местечке Майванд, вблизи Кандагара, англичанам было нанесено сокрушительное поражение, сорвавшее их захватнические планы. С тех пор битва при Майванде стала гордостью и символом доблести афганцев. О ней сложено много песен и легенд, посвящено много книг. Играя на чувствах и достоинстве афганцев и их любви к родине, лидеры оппозиции призывали жителей провинции Кандагар устроить русским «второй Майванд» и, приравнивая советские войска к английским захватчикам, призывали всех жителей, включая стариков и детей, взять в руки оружие и стать на защиту «ислама и поруганной родины».

Надо признать, что в ряде случаев их пропаганда была эффективной. Народ стоял на стороне оппозиции. Но в то же время часть населения понимала прогрессивную роль пребывания наших войск. Многие племена поддерживали проводимый НДПА курс на развитие страны и поддержку миролюбивых отношений с частями ОКСВА. Но, несмотря на это, обстановка в провинции все годы пребывания наших войск была очень сложной.

Видимо, поэтому на этапе вывода советских войск моджахедами вынашивались планы захватить город и создать там оппозиционное правительство в противовес законной власти в Кабуле. С этой целью обстановка в Кандагаре постоянно нагнеталась, а с ноября 1988 года приняла критический характер, так как разрозненные отряды оппозиции стали объединяться в более крупные формирования для ведения открытых боевых действий с подразделениями ВС ДРА. Город был блокирован мятежниками. Под контролем государственной власти оставались лишь его центр и территория аэропорта.

Обороной областного центра руководил генерал-лейтенант Улюми, командир 2 армейского корпуса, в составе которого было всего 1500 бойцов и командиров. В центральной части города размещался полк, на аэродроме — батальон, центральную дорогу в аэропорт прикрывал батальон 7 танковой бригады 4 армейского корпуса. Кроме того, в распоряжении генерал-лейтенанта Улюми находились смешанные вооруженные отряды НДПА, МГБ и Царандоя.

Кольцо блокады вокруг Кандагара имело форму эллипса, вытянутого с юго-запада на северо-восток. Расстояние от центра горо-

да до расположения бандформирований на внешнем кольце блокады составляло от 40 до 10 километров. Тактика и характер действий группировок мятежников во многом определялись тем, что местность в Кандагаре в основном равнинная и малонаселенная. Это лишало необходимости проводить крупные подрывные акции против экономических объектов, нападать на посты ВС ДРА с привлечением больших сил и средств, создавать крупные базовые районы, склады оружия и боеприпасов.

По данным советской разведки, мятежники собрали 260 отрядов и групп общей численностью более 10 тысяч человек. Из них 3,5 тысячи имели хороший боевой опыт. Силы явно были на стороне противника. Из Пакистана осуществлялось их бесперебойное снабжение оружием, боеприпасами и продовольствием (4 — 6 караванов в неделю).

Афганские правительственные войска, наоборот, испытывали острую нехватку боеприпасов, продовольствия, топлива и были измотаны непрерывными боями. В этой связи к середине августа, особенно после вывода в СССР 70 и 22 советских бригад, обстановка в районе Кандагара потребовала принятия экстренных мер, направленных на предотвращение захвата города мятежниками и образования в нем контрреволюционного правительства.

Вот почему именно Кандагару, а не Джелалабаду или другому оставленному советскими войсками городу было уделено такое внимание в конце афганской эпопеи.

Предложенный 40 армией план проводки колонн 56 дшбр с территории СССР в Кандагар, не был утвержден советским командованием, как не реальный. В немалой степени данное решение было принято потому, что мятежники провели массированное минирование местности вдоль предлагаемого маршрута движения колонн из СССР, захватили все сторожевые заставы и посты, переданные советской 70 мотострелковой бригадой «зеленым» перед возвращением в Союз. Используя захваченные у правительственных войск заставы, посты, девять танков, пять БТРов, пять БМП, три БРДМ, две установки реактивного огня БМ-21 «Град», четыре гаубицы Д-30, 18 — 76 мм пушек, 67 автомобилей, мятежники создали группировку войск высокой боеготовности, более половины которой находилось под контролем ИПА Хекматиара.

Исходя из сложившейся в районе Кандагара ситуации, командованием 40 ОА была разработана операция, получившая кодовое

наименование «Воздушный мост». Руководителем оперативной группы назначили генерал-майора Николая Павловича Пищева. Я, от политотдела армии, у него был заместителем по политчасти.

Согласно замыслу операции, планировалось 21 января 1989 года пятью самолетами АН-12 перебросить первый эшелон десанта, состоящий из разведчиков, связистов, оперативной группы армий и средств охраны. За 2 — 3 последующие ночи, наращивая усилия, перебросить главные силы 650 отдельного разведбата (около 600 человек), с задачей удержать под контролем территорию аэродрома Кандагар. В последующем, до 4 февраля обеспечить прием самолетов с грузами для 2 афганского армейского корпуса. Продолжительность операции определялась в 15 суток.

В целях обеспечения проведения операции планировалось перебросить около 800 человек личного состава, 20 бронетранспортеров, шесть гаубиц, две БМ-21 «Град», пять тягачей ГАЗ-66, ТЗМ «Урал», две станции космической связи, две радиостанции Р-145 и одну Р — 140.

Однако все получилось не так, как планировало руководство.

...Переброска началась в 6 часов 10 минут утра, на сутки раньше намеченного срока. Первым должен был десантироваться комбат разведбата подполковник Н.Н. Мауренко и 52 его разведчика. В момент закрытия ramпы первого самолета Ан-12 внутри фюзеляжа смотреть было страшно, так как он оказался под завязку забит оружием и боеприпасами. Риск при этом был очень большой. Самолет садился на аэродром Кандагара на свой страх и риск — без связи, без диспетчеров, без информации о погоде.

Основной задачей первого отряда десанта был внезапный захват аэродрома и обеспечение приема последующих самолетов. И он свою задачу выполнил отлично. Сходу захватили выгодные огневые позиции и создали опорные пункты обороны по периметру аэродрома. С небольшим разрывом по времени сели еще два борта. На втором самолете были десантированы солдаты и офицеры под общим руководством и командованием офицера оперативного отдела штаба армии подполковника А.И. Чесакова. Третьим бортом были доставлены семнадцать радистов с радиостанцией Р-140.

Первая высадка десанта лежала особой ответственностью на экипажах военно-транспортных самолетов. Только пилот, пожалуй, может полностью понять, что это такое — ночной полет на тяжелом, нагруженном до предела корабле, посадка без огней, без прожекторов на обожженную «эрэсами» кандагарскую полосу.

Я был свидетелем того, как, подавив волнение, подполковник Виктор Царалов инструктировал свои экипажи: «Садимся, не выключая движков. На разгрузку пехоте — минуты. Следить за мной, взлетаете следом».

Прогноз опытного летчика оправдался. Не успели мы выпрыгнуть из самолетов и стянуть основную часть грузов, как два душманских «эрэса» шлепнулись с правого борта невдалеке от нас. В тот первый знаменательный день по аэродрому было выпущено 47 «духовских» ракет.

В ответ артиллерия «зеленых», по уточненным целеуказаниям нашего офицера-артиллериста из оперативной группы, выпустила 88 снарядов и в течение ночи вела беспокоящий обстрел и подсветку местности в районе аэродрома.

Юго-западнее Кандагара советской авиацией был нанесен БШУ по Короту, где сосредоточилось много мятежников. По данным разведки, у противника потери там составили 20 человек убитыми, уничтожено одно безоткатное орудие, один миномет. Потерь с нашей стороны не было. Но это было только начало...

На следующий день в результате массированного обстрела полосы аэродрома и оборонительных позиций наших воинов был поврежден санитарный самолет АН-26, в результате чего он взлететь уже больше не смог.

Нашей авиацией из Маров было совершено 28 самолето-вылетов, из Шинданда — четыре, в результате чего перевезено и разгружено 326 тонн грузов, в том числе 241 тонна боеприпасов для артиллерии. Кроме того, в целях усиления разведбата переброшено шесть бронетранспортеров, два миномета, три «Утеса», три автоматических станковых гранатомета АГС-17, шесть пулеметов и 14 огнеметов.

Третьи сутки начались с интенсивного обстрела из минометов и «эрэсов» всего аэродрома. В непосредственной близости от разведчиков и опергруппы упало 28 снарядов. В результате был поврежден еще один военно-транспортный самолет, который находился под разгрузкой. За сутки 37 бортами переброшено 313 тонн груза. Наша артиллерия, совместно с правительственной, или «зеленой», как мы её называли, выпустила по противнику 220 снарядов.

23 января летчики смогли перебросить, а мы разгрузить только 17 бортов (173,5 тонны). На полосу упал 31 «эрэс». При посад-

ке очередного борта АН-12 с боеприпасами он был обстрелян сосредоточенным огнем и получил существенные повреждения. Героический экипаж сделал невозможное и посадил сбитый самолет на аэродром. Но удар о землю был такой силы, что самолет развалился и загорелся. Летчики чудом остались живы. По данным радиоперехвата стало известно, что в район аэродрома из глубины провинции выдвинулись две автоколонны противника из восьми грузовых автомобилей с моджахедами и различным вооружением. В темное время суток диверсионная группа мятежников проникла на территорию аэродрома с целью повреждения восстановленной системы освещения ВПП. В завязавшейся перестрелке получили ранения наши солдаты-разведчики младший сержант А.Ю. Аристанов, сержант В.Р. Чечелюк, ефрейтор С.П. Богуцкий, рядовой С.Н. Бабенко.

В ночь на 24 января противнику удалось сорвать воздушные перевозки. В 21.54 по двум садящимся самолетам АН-12 с боеприпасами был произведен мощный огневой налет «эрэсами», из минометов, пулеметов и стрелкового оружия. Самолеты вынуждены были круто набрать высоту и уйти на аэродромы базирования. Рассвело. Я запомнил, что в этот день было удивительно тихое утро. Но около двенадцати часов пополудни нас всех подбросило вверх взрывной волной. Оглушительный взрыв накрыл окрестности. Оказалось, что диверсионная группа «духов», пользуясь усталостью афганских часовых, спрятавшихся от раскаленного солнца в укрытия, «сняла» сарбосов, проникла на завезенный из Союза склад боеприпасов и уничтожила его взрывом. К счастью, все наши военнослужащие отделались легкими ушибами и временной потерей слуха. Больше всех пострадал старший сержант Саидмуратов, который получил закрытый перелом таза и тяжелую контузию. Это был опытный разведчик, узбек по национальности. К осени 1988 года закончилась у Халмурата срочная служба, но он, кавалер медали «За отвагу», написал рапорт с просьбой не увольнять его в запас до вывода батальона на территорию СССР, то есть до 15 февраля 1989 года. И таких сознательных ребят «пятого периода службы» в частях оставалось много, они понимали, что прибывшие вместо них молодые необстрелянные солдаты просто не успеют вписаться в боевой строй. Этим людям не стоят памятники, но мы помним об их готовности пожертвовать собой «за други своя».

А вывод войск был сложной войсковой операцией. Радио-

станция БИ-БИ-СИ в тот день вещала: «В районе южного и северного Саланга идут тяжелые бои. Убиты сотни гражданских лиц. Несколько деревень стерты с лица земли обстрелами артиллерии и БШУ. Основная цель советско-афганского командования — пробить дорогу на север».

Все последующие дни противник на нашем фронте подтягивал свежие силы к аэродрому. Наш артиллерист подполковник Исаченко запросил дополнительно взвод гаубиц Д-30 и одну машину БМ-21 «Град». Шиндандский авиационный истребительно-бомбардировочный полк стал активнее прикрывать посадку на аэродром советских транспортников Ан-12. Благодаря принятым жестким мерам безопасности и прикрытия, в дневное время на аэродром сел самолет, доставивший техническую группу для демонтажа разбитых и поврежденных самолетов, а также запчасти к артиллерийским системам.

Однако противник наглед на глазах. Применив «Стингеры», моджахеды поразили наш СУ-25 (пилот — старший лейтенант Б.В. Гордиенко). Штурмовик так и не вышел из пике на выявленную им пусковую установку... и взорвался при столкновении с землей. На удалении 110 км, азимут 102 от Шинданда не дотянул до аэродрома и упал в горы МИГ-27, который работал над районом боевых действий в режимной зоне Кандагара. Летчик, к счастью, сумел катапультироваться и был спасен поисково-спасательным отрядом...

Стемнело. Во время посадки нескольких самолетов вновь сосредоточенным огнем был поврежден один борт. Однако нелегкая работа продолжалась, и при посадке бортового номера 804 трассеры и дым вновь закрыли фюзеляж самолета. Самолет проскочил полосу и сломал переднее шасси, попав при рулежке в арык. В эти часы и минуты много добрых слов мы мысленно сказали нашим летчикам, совершавшим те полеты. Среди них не было суперменов без страха и упрека. Даже зная о поддержке боевой авиации, лететь в зону сплошного огня было страшно. Тем временем потери авиации начали раздражать командование армии, округа, министра обороны СССР, а наши разведчики физически ощущали существенное повышение активности мятежников, которые, подтянув тяжелое оружие, стреляли по ним и по аэродрому, как в тире.

В последние дни января, по приказу командарма, дальняя бомбардировочная авиация из Союза сбросила несколько трехтонных

бомб на позиции «духов» в районе Домана. После удачных БШУ активность противника на некоторое время спала, но затем они все же вышли к северной окраине аэродрома и дважды подрывались на выставленном нами минном поле. Разведчикам после этого пришлось провести перегруппировку сил и выделить дополнительно еще пять человек на дальний привод аэродрома. Несмотря на описанные трудности, задачи, поставленные командованием 40 ОА по проведению операции «Воздушный мост», выполнялась успешно. На 1 февраля общий завоз грузов составил 2600 тонн.

Газета «Правда» в те дни писала:

«Снова наши в Кандагаре? Разве не «ушел» этот город из советских армейских сводок мучительно жарким августом прошлого года? Да, из наших сводок ушел. Несколько месяцев не было в этом городе ни одного советского солдата. Сейчас они есть... безостановочно действует воздушный мост. В афганских же сводках кандагарский мотив обязателен. Там не прекращаются тяжелые бои — в этом смысле ситуация стабильная...».

Появилась нервозность и в наших отношениях с «зелеными». Чем меньше времени оставалось до вывода советских войск, тем сложнее мы понимали друг друга. Генерал Улюми и его подчиненные осознавали, что это — последние активные действия «шурави», и скоро они останутся одни. Их разведка перестала делиться с нами полной информацией о противнике. Анализируя представленные ими данные, мы приходили к выводу, что наша артиллерия бьет по одним и тем же целям, а по тем местам, где наши разведчики сами выявляли огневые точки «духов», «зеленые» просили не стрелять. Сами засекают точные координаты мы не могли, не было артразведчиков, да и задача перед нами стояла другая...

Полеты авиации неожиданно прекратились по метеоусловиям. Низкая облачность, дождь и ветер, несущий пыльную бурю, не позволили продолжать переброску грузов.

— Аллах на стороне моджахедов, — горько шутили мы.

На исходе 3-го февраля радисты оперативной группы получили приказ командарма Громова о немедленной эвакуации всего десанта. Это было полной неожиданностью. Можно представить, что даже для нас, знавших и ожидавших приказа на эвакуацию, оказалось неожиданностью, когда с неприветливого афганского неба на аэродром буквально «свалились» на нас шесть АН-12. «Духи», расслабленные непогодой, сначала опешили, а затем открыли по

садящимся самолетам очень плотный огонь. Ситуация была драматическая.

Представьте себя на месте командиров разведчиков, которые, как утки за своими утятами, следили за подчиненными. По полосе катит самолет, раскрыв рампу, а к нему со всех сторон бегут, закрывая лицо руками от песка и мелких камней, наши солдаты и офицеры. Падают, поднимаются и, матерясь, на ходу заскакивают во чрево самолета. Фонтаны разрывов справа и слева, треск очереди и мелькание трассеров. Всю эту картину покрывает грохот работающих двигателей. Самолеты вырываются, закрывают ramпы и один за другим резко уходят вверх в черноту ночи, а когда мы были уже в воздухе и стрельба стихла, на аэродроме осталось только брошенное вооружение и техника. Советских в Кандагаре не осталось ни души. К пяти утра 4 февраля вся авиagrуппа с батальоном разведчиков и офицерами оперативной группы благополучно приземлилась на шиндандском аэродроме.

В экстремальной обстановке в ходе операции «Воздушный мост» высокий организаторский талант, мужество и железную волю проявил прежде всего командир разведбата. Во время операции были потери техники, но, главное, — его разведчики убитыми не потеряли ни одного человека. Это ли не показатель воинского таланта и мастерства руководителя. По приказу командарма Громова все участники операции «Воздушный мост» были представлены к правительственным наградам. В указе о награждении была и моя фамилия.

В Днепропетровске, через год после тех событий, меня нашла медаль «За боевые заслуги». С ней у меня связаны особые чувства и воспоминания.

Через одиннадцать лет, на торжествах, посвященных 50-летию спецназа ВС РФ в Москве, когда я услышал песню А.Балева о том времени и той последней малоизвестной боевой операции на аэродроме Кандагара, у меня екнуло и учащенно забилося сердце от нахлынувших чувств:

*Это плавится небо с землей,
И свинцовая вост пурга,
Это лютый февраль, день седьмой.
Кандагар.*

*В обороне разведка полка,
Только семьдесят восемь ребят,
С ними аэропорту приказ:
Выстоять!*

*У разведки особенный стиль,
И аллах ей совсем не акбар.
Только этого ей не простит,
Кандагар.*

*Вот уже пара диких атак,
Захлебнулась тупой тишиной.
Но взлетают, взлетают борта
За спиной.*

*Держит марку бродяга — десант
Против нескольких тысяч стволов.
И не надо в приказах писать
Лишних слов.*

*И доволен, и горд командир
И потери пока ни одной.
Значит, Лешка достойно крестил
Пацанов.*

*Может, в том командирский престиж,
Тайный смысл офицерских бравад,
Чтоб тельнички красила лишь
Синева.*

*Чтоб собой заслонить от солдат
Приоткрытую райскую дверь
И на базу доставить отряд
Без потерь.*

*Может, в том офицерская честь —
Груз войны выносить на плечах,
Не скулить и в герои не лезть,
И молчать.*

*А потом будет марш на Союз,
И Крещатик, и старый Подол,
Где разведчику минус и плюс
Отчий дом.*

*А покуда — взрызайся в бетон
И песком набивай вещмешки.
В обороне разведчики — кто?
Смертники.*

*И опять наблюдательный пост
Знать дает о подходе врага,
И неделя — до вывода войск.
Кандагар!*

ФИНАЛ

Вывод войск в зимнее время был спланирован нашими политиками, как я уже упоминал, неверно. Всю тяжесть ошибочности этого решения испытали на себе войска. Продвижение колонн в засыпанных снегом горах было очень сложным и опасным делом. Наши части несли неоправданные потери не только от моджахедов, но и от погодных условий. По официальным данным, за полтора месяца 1989 года только погибшими 40-я армия потеряла более 60 человек.

На северном направлении хронологию движения наших частей можно описать так.

С 3 января 1989 г. 350-й пдп под командованием подполковника А.В.Попова блокировал дорогу на северном Саланге, а 345-й опдп подполковника В.А. Востротина — южнее перевала, где вел бой с противником. Так в районе кишлака Калатак разведчики полка окружили банду местного главаря Карима. Майор Анатолий Токарев выступил парламентаром: сдайте оружие и уходите! В ходе боя погиб начальник штаба батальона майор Олег Юрасов.

18 января подразделения 317-го парашютно-десантного полка навсегда оставили королевский дворец в городе, в котором они располагались с 1980 года, и переместились на аэродром.

26 января, после окончательной передачи сторожевых застав, 3 пдб 357-го пдп был усилен дивизионом 152-мм гаубиц 2С5 «Гиацинт» и принял охрану аэродрома, на котором в тот момент остались только две вертолетные эскадрильи и части аэродромного обеспечения и обслуживания.

На 31 января спланирована последняя колонна, в которую вошли КП 103-й ввд, орр, часть батальона связи, артполк, обмо, 357-й пдп, орвб.

4 февраля в 4.00 последняя войсковая колонна советских войск покинула Кабул. В столице остались только батальонная группа на аэродроме и пограничники на охране советского посольства. При

прохождении Саланга колонна 357-го полка десантников попала под лавину. В результате разгула стихии был сметен в пропасть автомобиль «Урал», в кабине которого находилось двое солдат. Сержант из третьего самоходного дивизиона был затянут под днище САО 2С9 «НОНА» и получил смертельную рану головы. Были потери и в технике. Колонна смогла продолжить движение только к сумеркам, после того как бульдозеры расчистили дорогу. Пройдя тоннель, остановились на ночлег прямо на северном Саланге. С утра 5 февраля части продолжили движение на Пули-Хумри и далее к границе...

6 февраля выведен на территорию СССР весь личный состав 668-й ооСпН под командованием подполковника В.А. Горатенкова. Его батальон прикрывал выход в Союз 47-го отдельного ракетного дивизиона, который они же, в режиме большой секретности, и вводили из Хайротона в Кабул осенью 1988 г.

15 февраля границу пересекла последняя колонна 177-го ооСпН подполковника А.А. Блажко. На броне разведчики вывезли тело последнего убитого командира группы СпН нашей бригады старшего лейтенанта Олега Матакова. Да, к сожалению, уход последних наших частей осложнялся боями.

Все видели не раз и не два повторяющиеся кадры вывода советских войск из Афганистана. Знамена на БТРах, идущих через мост, встреча командарма Громова с сыном, цветы... Но это все было в Термезе, а на западном направлении была своя история и своя неповторимая обстановка.

Вывод войск на Западном направлении осуществлялся двумя путями: по воздуху (перевезено — 5142 человека) и наземным путем (6986 чел.) 10 колоннами из 4 гарнизонов (Шинданд, Адраскан, Герат, Турагунди). Всего выводилось 49 частей, общей численностью 11907 человек, 2016 единиц боевой техники, 45 боевых самолетов. Вывод осуществлялся по одному маршруту Шинданд — Турагунди, своим ходом.

Для обеспечения организованного вывода войск была сформирована оперативная группа штаба 40 ОА, в количестве 31 человека от оперативного отдела, разведотдела, политотдела, управления вооружения, управления тыла, управления ВВС. Ее возглавлял заместитель командующего генерал-майор Пищев Н.П. На меня возлагалась политработа и переговорная политическая часть операции.

Оставшуюся группировку советских войск к тому периоду представляли:

5 мсд, которой командовал полковник В.В.Андреев, начальник политотдела полковник Чистяков Г.И. 274 оапиб (авиаполк на самолетах Миг-27) командир подполковник В.В.Маркелов, начполитотдела полка подполковник А.И.Бесчеревных; звено апиб (на Миг — 23) командир майор Савкин С.В.; звено ошап (на самолетах СУ-25) командир подполковник Сушкин Ю.Л.; 302 овэ командир эскадрильи подполковник Емелин С.К.; 13560 обо(батальон охраны) командир майор Нурмухамедов Т.Х., замполит майор Палкин С.Н.; обмо майор Бунин В.О., замполит майор Кушнарев А.И.; 1770 орвб командир подполковник Зарипов Р.Г., замполит капитан Тарковский В.А.; отдельный медбатальон командир подполковник Мищенко В.И., замполит майор Тараненко И.Н.; военный госпиталь, начальник подполковник Халиков Ю.Н., замполит майор Кушнарев А.И.; 1377 оипгд, командир подполковник Дроздов В.А., замполит майор Башкиров С.И.; 650 орб командир подполковник Мауренко Н.Н., замполит капитан Воронин В.И.; 371 мсп подполковник Ликомцев В.С., замполит подполковник Турлаков А.А.; ООКГБ начальник подполковник Мусаханов Ж.С.; 101 мсп, где замполитом был подполковник Маслов М.И.; 1060 ап, где замполитом был выпускник СВВПТАУ подполковник Зыбин Е.А. 388 обс; 1496 оавтб; 105 оавтб; 1461 ортб; 1472 впк и другие.

Следует отметить, что в ходе подготовки и вывода частей Западного направления оперативной группе и командованию частей пришлось решать ряд ответственных задач, не предусмотренных планом командующего армией. Так, с 20.01. по 4.02.89 г. — разведбату 5 дивизии, совместно с оперативной группой армии и ВВС, пришлось оказывать помощь в принятии и разгрузке, охране имущества, боеприпасов, грузов для государственных органов власти в провинции Кандагар. Всего было десантировано на аэродром Кандагара: 129 человек, из них 34 офицера, 3 прапорщика, 92 солдата и сержанта. Особенностью операции являлась большая активность авиации, оторванность десантированной группы 650 ОРБ от основных сил дивизии, самостоятельные действия личного состава разведподразделений в составе малых групп по всему периметру аэродрома, с целью охраны подступов к аэродрому, приему и распределению материальных средств и координации действий с ко-

мандованием 2АК ВС Афганистана. В ходе операции особо отличились: генерал-майор Пищев, полковник Дружинин, подполковник Мауренко А.И., офицер оперативного отдела подполковник Чесак А.И., подполковник С.В. Громов, старшие лейтенанты Карпов И.Г., Лазоренко А.А., Извеков А.В., Шебеко С.А., Дыба В.В., Арихин И.В., сержанты Покрещук И.И., Саидмуратов Х.Э. и другие. По приказу командующего армией все 129 военнослужащих «кандагарского десанта» были представлены к награждению орденами и медалями.

29 января для обеспечения безопасности при выводе основной группировки на блоки выделено дополнительно 818 человек из батальонов 371 и 101 мотострелковых полков. Одновременно сложнейшей задачей являлась передача сторожевых застав и сторожевых постов афганской стороне. В зоне ответственности 5 мсд передаче подлежали 163 объекта (45 застав и 118 постов), при том в режимных зонах Шинданд, Герат, Турагунди их количество составляло 137 (соответственно 28 застав, 109 постов). На самом маршруте движения основных колонн группировки 17 застав и 9 постов. Согласно приказу и временному графику наши подразделения сдавали заставы и посты афганским военнослужащим со всем штатным вооружением. Часто это играло негативную роль. Припоминаю, как ночью с 29 на 30 января моджахеды подвергли обстрелу обширную территорию мест дислокации 5 мотострелковой дивизии. Стреляли реактивными снарядами из кишлаков Музаффар и Зульмабод. Кроме этого, как показало расследование, обстрел осуществлялся с бывших сторожевых застав из наших гаубиц Д-30, которые накануне были переданы афганским войскам. Никаких серьезных мер воздействия мы предпринять не могли, так как были заняты подготовкой к выводу, и, выполняя решение вышестоящего командования продолжали и далее вооружать «зеленых». После этого обстрела, утром 30.01. по актам были переданы афганцам еще 10 сторожевых застав.

К вечеру этого же дня из Кушки, преодолев перевал Рабаты — Мирза, на котором в этот день был сильный ветер при температуре минус 7 градусов, снегопад и гололед, пришла автоколонна 424-го оавтб (автobatальон) в/ч пп 19920 полковника Геннадия Рудометова. Ко мне пришел его замполит майор Владимир Юдаев и доложил:

— Благополучно доставлены 543 тонны авиационных боепри-

пасов для Шиндандской авиабазы афганских ВВС. Во время марша особо отличился старший колонны замполит автотранспортной роты батальона капитан Баяндин.

— Владимир Алексеевич, а Баяндина не Василием Николаевичем зовут?

— Василием. Он из десантников, — ответил тот.

— Это мой бывший замполит 154 отряда. До января 1988 года девять месяцев прослужил в Джелалабаде. Как он сейчас служит? — спросил я.

— У нас с командиром батальона о нем очень хорошее мнение. Боевой офицер, правда, немножко резкий и развязный в поведении. Но смелый мужик, я был бы рад, если бы таких офицеров у нас было побольше.

— Он оказался жертвой антиалкогольной компании, — пояснил я Юдаеву, — будучи в командировке в Кабуле, встретился с друзьями и за товарищеским ужином крепко выпил. В нетрезвом виде набил физиономию одному законченному негодю, а когда тот привел в модуль военный патруль, то вытащил пистолет «Стечкина» и чуть не застрелил пострадавшего. Утром приказом командующего армией Баяндина сняли с должности. Мы еле уговорили начальника штаба генерала Грекова, чтобы парня в Союз не отправляли, а назначили с понижением в Афгане... Я не знал, что он у вас служит. Передайте ему привет от меня.

— А еще у нас недавно вручена медаль «За отвагу» капитану Голубеву, вашему бывшему замполиту роты из Асадабадского батальона, — сказал Юдаев, — будет минута, постараюсь организовать для вас встречу с обоими.

— На перевале условия просто адские, как пойдет основная колонна, не знаю. Нас это очень беспокоит, — сказал на прощание замполит батальона.

Для обеспечения войск на период с 1 по 8 февраля в районе перевала был развернут сборный пункт поврежденных машин (СППМ) от в/ч пп 93986. Начальник пункта капитан Роман Керницкий и начальник эвакогруппы старший лейтенант Юрий Михалевич со своими подчиненными с задачей справились, проявив личное мужество и высокий уровень профессионализма. За указанный период они оказали техническую помощь и отбуксировали через перевал более 80 автомобилей и бронесредств. Настоящими героями, уходящими с перевала последними, были солдаты и сержанты эвакогруппы, назову их поименно:

Старший сержант Хамитов Сергей Фавильевич, татарин. Водитель Маза-537 в течение трех суток без сна и отдыха отремонтировал поврежденный танковый тягач и восстановил его.

Рядовой такелажник с громкой русской фамилией Теркин Василий Иванович отказался от госпитализации в связи с болезнью (гепатитом) до полного выполнения задач эвакогруппой. Так и проработал все это время с посеченным снежной крупой лицом, замороженными конечностями и температурой.

Украинец рядовой Гусачинский Виталий Яковлевич, водитель Маза-537, попал под обстрел мятежниками в минуты загрузки на платформу танка. Проявив хладнокровие и выдержку, не поддался панике и выполнил задачу.

Таджик рядовой Хасанов Исмаил Абдуллаевич, водитель БТС. В течение всех восьми суток находился на самом перевале и обеспечивал буксировку застрявшего транспорта.

Такелажник, немногословный литовец Алексеус Сигитас Броневич продемонстрировал пример добросовестного отношения к порученному делу. Он лично погрузил и оттранспортировал за перевал более 50 машин.

Помимо погоды, нервную обстановку создавали и регулярные происки оппозиции. В районе 38 заставы среди белого дня подорвалось на фугасе БМП, при этом погибли военнослужащие 371 мсп майор Владимир Каржишьян и младший сержант Абдул Аристанов, ранения получили три человека. 6 февраля около 11.30 южнее Герата в районе элеватора (уезд Гузора) 2 разведывательная рота под командованием старшего лейтенанта А.Лазоренко подверглась обстрелу реактивными снарядами и стрелковым оружием. В ходе боя отличились ст.сержант А.Скрыга, рядовые А.Пилипенко, Ю.Жовнерик. 8 февраля в 9.50 в 2 км. севернее Герата шестью снарядами была обстреляна огневая позиция 2 батареи 101 мсп. Ранение получил комбат капитан Листовский А.К. Почти у самой советско-афганской границы (в 15 км южнее Турагунди) была обстреляна колонна тыла в/ч пп 51883. В ходе боя топливозаправщик Урал-4320 (водитель рядовой Болиев Ильхон) получил повреждение переднего колеса и лобового стекла. Раненый солдат увеличил скорость, включил подкачку воздухом пробитого колеса и вывел машину из-под обстрела.

Происходили и нелепые случаи, характерные для того времени. Как я уже писал, вывод колонн сопровождался не только на-

блюдателями от ООН, но и представителями средств массовой информации. В частности, в этом районе работали советские журналисты Виктор Верстаков и Петр Силантьев, а также из американской компании NBC Артур Кент, операторы Стивен О'Нил, Энтони Купер и продюсер Кевин Бишон. Их группа 10 февраля пересекла госграницу с машинами трубопроводного батальона и неожиданно была подвергнута тщательному досмотру. К великой радости туркменских таможенников, у Энтони Купера были обнаружены и изъяты 800 советских рублей купюрами по 50 рублей. Вот уж было шуму-то — контрабанда! Хотя эти деньги нельзя было считать очень крупной суммой, она была равна трехмесячному денежному содержанию советского подполковника того времени. А журналист поменял свои зеленые на предполагаемые расходы в Кушке.

То есть, по большому счету это выявление не оказалось крупной удачей таможни, но продемонстрировало, что она — таможня — бдит. В основном же спецслужбы, пограничники и таможня специализировались на изъятии трофейного оружия. Я припоминаю особенно громкий скандал подобного плана, разразившийся в августе 1988 года здесь же, на Кушке, когда у командира 70 омсбр, и его начальника политотдела (кстати, моего однокашника по СВВПТАУ — Эполетова) в ходе досмотра обнаружили, соответственно, трофейные пистолет и револьвер. Ох уж, тогда пошумели...

Однако продолжу повествование.

В начале февраля началась интенсивная переброска войск на территорию СССР. 2 числа пересекла границу в Кушке первая колонна войск из Шинданда, командир подполковник В. Дроздов. Это был 1377-й оиптд в составе — 80 единиц техники и 214 человек личного состава.

Свой 39-й день рождения я отмечал в хлопотах по подготовке и выводу очередной колонны. На строевой смотр личного состава убывающей части из 235 машин приехал крупный чиновник — член военного совета — начальник ПУ войск южного направления генерал-лейтенант Кочкин Г.В. Во время знакомства с личным составом с его стороны произошла нелепая выходка, которую запомнили многие. Обходя строй, генерал вдруг начал бранить сопровождающего командира части:

— Полковник, вы совершенно не готовы к маршу! Смотрите, у солдат даже каски не покрашены!

— Какой бред? — схватились мы за головы, — и каски, и

оружие, и обмундирование у солдат и офицеров — все имело потрепанный и поцарапанный не раз, порванный и перештопанный вид. Но ведь это не парадная рота, а боевая часть, кстате сказать, впервые собравшаяся в таком количестве после передачи застав и постов, которые они занимали всю афганскую войну.

Ситуацию спас генерал Захаров, который вмешался в разговор и вместе с командиром дивизии увел ворчливого проверяющего в штаб соединения.

— Это же надо, как он далеко находится от народа, — бурно отреагировал на замечание проверяющего заместитель начальника политотдела дивизии подполковник Кудрявцев. — Вместо того, чтобы воодушевить бойцов, поднять настроение и пожелать удачного марша, какие-то нелепые ефрейторские придирки... Крики и ругань. Стыдно. Еще так же неадекватно ведет себя командующий войсками Южного направления.

— Лучше бы они в штабе в Баку «сидели и помогали нам»!

— Чего они ведут себя так глупо в войсках?

Я вспомнил генерала армии Зайцева — высокий и крепкий, в камуфлированном комбинезоне с неременной золотой звездой на груди, он не гнушался вмешиваться даже в мелкие дела, которые по праву мог решить даже сержант.

Разделяли наше недовольство и руководители 40-й армии. Командарм Б.В. Громов отмечал:

— Многие из прилетающих в ДРА военачальников интересовались лишь размещением частей, питанием и тому подобными вопросами. Кое-кто из них никогда не принимал участия в реальном бою. Поэтому свое время пребывания в Афганистане они нередко посвящали проверкам заправки солдатских кроватей, тумбочек и наличию тапочек. Если же они появлялись в районе боевых действий, да и то лишь на несколько часов, то интересовались, почему отсутствует громкоговорящая связь между руководителем боевых действий и командиром батальона или артдивизиона и тому подобное. Одно дело, когда они, находясь в Союзе, проводили показательные занятия или учения. У них там стояли полированные столы, дорожки были аккуратно посыпаны песком, солдаты ходили в выстиранной и тщательно выглаженной форме. В Афганистане же был другой интерьер.

Поэтому меня нередко смущали те вопросы, которые задавали прилетавшие военачальники.

Неудивительно, что, как показало время, в результате подобных действий начальников «не воевавшего» поколения в выведенных частях или частях, принявших военнослужащих-«афганцев», стали создаваться очаги взаимной нетерпимости, регистрироваться отдельные нелепые случаи неадекватного поведения военнослужащих. Лучшими вариантами из которых было массовое увольнение в запас.

А спектр побудительных причин, толкавших военнослужащих на решительные действия, вплоть до сведения счетов с жизнью, оказался достаточно широким. Это и личные проблемы, и трудности адаптационного периода, и неудовлетворенность условиями службы, а порой и притеснения со стороны сослуживцев и начальников.

Характерно, что высоким оказался процент таких случаев в среде младших офицеров. Здесь явно просматривались психические отклонения: неярко выраженная неврастения, психопатия. Находясь в обычной боевой среде, человек привыкал и жил без всяких обострений, а в условиях тяжелейших испытаний мирного «демобилизационного» периода происходили сбои. Трудности вывода оказались серьезным психологическим стрессом, который смогли выдержать не все. Вроде бы радостное событие — возвращение на Родину, а у отдельных лиц психическая реакция на событие оказалась неадекватная. Очень жаль этих молодых людей, ставших последними жертвами той войны.

Не покраску касок и порядок в тумбочках надо было проверять нашим военачальникам, а подумать о реабилитационных мероприятиях.

Понятное дело, что умершие таким образом на Родине в мартиролог Афганской войны не попали...

На 5 февраля 1989 года из Шиндадской группировки самолетами были отправлены в СССР 5142 человека. А к утру 6 февраля весь воздушный эшелон Шиндандской авиабазы вылетел в Союз на аэродромы Калай-мор, Мары и Ташкент. Наших летчиков в этом районе больше не осталось. До 12 числа основная наземная группировка передислоцировалась на север — к границе. 12 — один день — вывода войск не осуществлялось. К этому времени на броне выходящего полка я завершил свой последний марш по заснеженному Афганистану в Турагунди. Всю дорогу сидел в люке старшего машины и на своей шкуре испытал все «прелести» зимнего выхода войск. В районе перевала наша колонна была обстреляна, и

убили одного солдата (к сожалению, память не сохранила его фамилию). В Турагунди товарищи, приехавшие раньше нас, подготовили нам места для ночлега и главное — баню. Мои однокашники по училищу, замначпо подполковник Валерий Анатольевич Кудрявцев и замполит артиллерийского полка подполковник Евгений Алексеевич Зыбин, взяли шефство над моим бытом и обеспечили продуктами и чистым бельем. В тех условиях это братское участие и внимание много значило.

13 вышел 3 батальон 101 мсп из Герата. 14 февраля пересекли границу тыловые части и перевальная база. На ночь остались только два батальона — 2 мсб 371 мсп и 650 орб.

Приближался последний день войны!

...В эту последнюю ночь на 15 февраля 1989 года погода испортилась окончательно — разыгралась сильная метель. Остро врезалась в память совершенно заиндевшая овчарка, сидевшая на броне одного из БМП между передними люками. Ни ветер, ни мороз не могли загнать ее внутрь машины. Она была на службе, она была на посту.

Так вот этих, в прямом смысле, фронтовых друзей бойцам приходилось оставлять на границе, на ее афганской стороне. Таковы были суровые правила пограничного карантина. Брошенных же на афганской земле собак ждала верная гибель. Причем очень скорая. Дело в том, что афганцы ненавидели наших собак. Те отвечали им взаимностью, издавек чужая специфический запах тела и одежды, готовы были разорвать каждого в клочья. И вот теперь у границы афганцы безжалостно убивали из автоматов оставленных нами верных псов. Их предсмертный вой был укором нам. Тогда я ощутил впервые обескураживающее чувство подлого предательства. Теперь оно не покидает меня все эти годы, но тогда пришло впервые. Неужели ничего нельзя было сделать, позаботиться заранее о наличии ветеринарных врачей на границе, проведении ими специального контроля и т.д.? Насколько мне известно, только один командир Анатолий Блажко сохранил своего пса, спрятав его внутри боевой машины. И, пользуясь привилегией арьергарда боевого охранения полевого штаба Б.Громова, сумел незаметно от таможенников и пограничников вывезти овчарку в Союз и отправить к своим родителям в город Самарканд.

В последней ночной вакханалии нарастающей злобы на нас и страха перед моджахедами, которые уже подошли к Шинданду,

Герату и Турагунди, буквально на наших плечах афганские солдаты падали из всех видов оружия. Наблюдая за тем, что творилось, я вспоминал оставленный Джелалабад и прекрасно понимал, — ничего и никому не было нужно. Никому не нужны были судьбы афганских солдат, так же, как потом никому оказались ненужными судьбы наших солдат и офицеров, прошедших Афганистан. И началось это именно тогда, в последние дни и часы той войны. Помню, как равнодушно раздавались солдатам и офицерам памятные часы от министра обороны... Для того, чтобы не было претензий со стороны таможенной службы, в Москве предусмотрели сопроводительные удостоверения о выдаче материальных средств. Они представляли из себя картонки белого цвета размером 8 на 13 см со следующей типографской надписью:

*Уважаемый товарищ _____
За образцовое выполнение воинского долга по оказанию интернациональной помощи Республике Афганистан Вы награждены Министром обороны СССР наручными часами.*

*Начальник Управления делами Министерства обороны СССР
генерал-майор Л.Ивашов*

1989 г.

Эти с позволения сказать «удостоверения» почему-то выдавали незаполненными и не скрепленными печатями.

Я подумал тогда:

— Почему ветераны Великой Отечественной войны так трепетно хранят бланки благодарностей от тов. Сталина?

И сам себе ответил:

— Потому что они были индивидуальные, с конкретной фамилией награждаемого и заверенные подписью боевых командиров. А здесь срамота получилась!

А последние боевые награды?

Даже члену военного совета армии генералу Захарову так и не вручили орден Красной Звезды. Через девять лет (!) после его раннего ухода из жизни семью боевого комиссара стали «искать» для того, чтобы вручить запоздалую награду от Президента СССР... Это генерала такого уровня искали десятилетие?!

Все видели не раз и не два повторяющиеся кадры вывода

советских войск из Афганистана. Знамена на БТРах, идущих через мост, встреча командарма Громова со своим сыном, цветы. Но это все было в Термезе, а на кушкинском направлении было менее торжественно, хотя волновались мы не меньше — ведь последний день войны! А в тот день, на рассвете 15 февраля 1989-го, мы, как будто предчувствовали, что вступаем в темную полосу истории. Прозвучала команда:

— Заводи!

Махнули флажками регулировщики, открылся шлагбаум, и головная машина, в люке которой под развернутым Боевым знаменем стоял замкомандующего армией генерал Пищев, въехала... Последним в колонне советских войск, как и положено, выходил наш разведывательный батальон. На небольшой территории Кушкинской таможни собралась большая группа советских и иностранных журналистов для того, чтобы запечатлеть этот действительно исторический момент. Но кино и фотосъемки разведчиков не удалось. Был такой сильный снегопад, необычный для этих мест, что даже прекрасная японская видеотехника не смогла качественно снять выход последней колонны. Да для нас это было и не самое важное... Так в долгожданную среду 15 февраля 1989 года закончилась для нас эта война. Формально закончилась, для истории.

В Кушке на вертолетодроме состоялся митинг, в ходе которого выступили начальник штаба 5-й дивизии подполковник Владимир Варенников, младший сын генерала армии В.И. Варенникова; замкомвзвода минометной батареи 371-го мсп старший сержант Николай Щербина, представленный к ордену Красной Звезды; отец водителя комендантской роты А.Слепцова подполковник запаса Слепцов Виталий Стефанович, приехавший из дома встретить своего ребенка.

Поздним вечером, уже в Кушке, мы собрались за товарищеским столом, который ломился от вскрытых банок тушенки и различных паштетов, что заранее подготовил политотделец подполковник Смолка, разлили в кружки водку. Выпили за то, что остались живы, вспомнили погибших товарищей. Мы пили и не пьянели. Не верилось, что завтра разлетимся в разные стороны навсегда. Я сердечно поблагодарил своих коллег за службу и сказал: «Мне кажется, мы будем вспоминать эти годы, как лучшие в нашей жизни!». Потом я не раз слышал подобное и от многих. Ведь это было время, когда

каждый из нас чувствовал свою незаменимость, нужность Родине и товарищам. Каждый был, словно истребитель на взлете...

17 февраля глубокой ночью я прилетел на военном самолете АН-12 из Маров в Ташкент. На аэродроме было очень холодно, хотя снега здесь, как в Кушке, не было. Ввалив на плечи свою парашютную сумку с нехитрым скарбом, я сошел по трапу на родную узбекскую землю. Меня ждали сослуживцы для сдачи должности в политотделе армии и встречи с боевыми друзьями по бригаде спецназ.

К тому времени в одном из лучших залов Чирчика был развернут Музей боевой славы нашей бригады, собранный по крупицам в Джелалабаде. За короткий период через него прошла четверть населения города. На экскурсии приходили военнослужащие гарнизона, курсанты местного военного училища, школьники целыми классами, ветераны-афганцы с женами, родителями и детьми. Равнодушных просто не могло быть у витрин с экспонатами, личными вещами, сохранившими тепло и кровь наших погибших солдат и офицеров. Народ долго толпился у стендов с захваченным в боях трофейным оружием и документами моджахедов. Учитывая общественный интерес и высокое военно-патриотическое значение, по просьбе горкома партии, боевую выставку бригады дважды продлевали еще на месяц.

23 февраля — День Советской армии — праздновали всей бригадой, в центре города, в Доме культуры. При этом офицеры и прапорщики находились в приподнятом расположении духа. Война закончилась! Все в парадной форме, при орденах и медалях, вместе с женами и подругами. После череды торжественных мероприятий расселись за праздничные столы. Поднимая тосты, высказали много добрых и правильных слов о дружбе и службе, о десантном братстве, поминули погибших. В тот вечер все единодушно поклялись вместе с комбригом полковником Юрием Тимофеевичем Старовым, — впредь ежегодно встречаться в Чирчике у памятника «Трем журавлям». Расставались глубокой ночью, как оказалось, навсегда.

Волей-неволей вспоминая то время, я высоко оцениваю подавляющую часть солдат, прапорщиков и офицеров, которые окружали меня. Суровая обстановка Афганистана очень быстро выявляла истинную сущность человека. Это потом, через годы, в мирной жизни некоторые из них стали меняться. И я разочаровывался в отдель-

ных людях, но там — на войне — они были настоящие. И это было главное.

Утром следующего дня я простился с командованием и личным составом бригады и выехал из Чирчика в Ташкент. Крылья Аэрофлота унесли меня на северо-запад на встречу с любимыми и дорогими людьми — в новую полосу жизни, которая захлестнула, как бушующая волна морского прибоя.

В Пулково, в толпе ожидающих я сразу увидел прекрасные глаза любимой женщины Галины, держащей в руках громадный букет красных гвоздик. «Аленький, вот ты, наконец-то, и вернулся!» — услышал я ее нежный голос.

Рядом с ней, улыбаясь в усы, стоял стройный офицер в авиационной форме Виктор Дмитриевич Грушко, мой преданный дальневосточный друг. Так уж распорядились история и моя судьба, что он в мае 1987 года провожал меня в Афганистан из Москвы. Ему довелось и встречать меня после Афганистана, но на этот раз в Питере!

Как не вспомнить слова мудреца, что в жизни случайностей не бывает...

На душе было тепло и радостно от чувства исполненного долга и одновременно тревожно от мысли — что же нас ждет впереди?

А впереди нас ждала новая и, как оказалось, совсем не мирная жизнь. Особенно это касалось офицеров, ибо почти все солдаты, прошедшие войну, были уволены в запас к лету-осени 1989 года.

Не прошло и десяти месяцев, как в январе 1990 года отряд 15-й обрСпН вновь ушел на войну, но уже на территории СССР. Разведчикам поручили осуществлять блокирование и охрану коммуникаций в Азербайджане, охваченном национальной ненавистью. Снова пули летели в тех, кто думал, что навсегда забудет их свист после афганской войны, в тех, кого так неласково встретил Союз эпохи «демократических преобразований». Наверняка, покидая Афганистан, они не могли себе представить, что в них снова будут стрелять, и что до их ушей вновь долетит клич джихада. А моим товарищам Анатолию Блажко, Сергею Шакурину, Александру Чайке еще выпадет судьба вынести со своими разведчиками 2-й обрСпН две войны на Северном Кавказе, которые по напряженности боев, по потерям и продолжительности не уступят афганской войне...

Несмотря на прожитые после этого годы и то, что афганская эпопея навсегда ушла в историю, в наших сердцах и жизнях она продолжается до сих пор...

Как живет в нас и трогательная песня побратима Игоря Морозова:

*С покоренных однажды небесных вершин
По ступеням обугленным на землю
сходим
под прицельные залпы наветов и лжи
мы уходим, уходим, уходим.*

*Прощайте, горы, вам видней,
Кем были мы в стране далекой.
Пускай не судит однобоко
Нас кабинетный грамотей.*

*До свиданья, Афган, этот призрачный мир,
Не пристало добром поминать тебя вроде.
Но о чем-то грустит боевой командир,
Мы уходим, уходим, уходим.*

*Прощайте, горы, вам видней,
В чем наша боль и наша слава.
Чем ты, земля Афганистана,
Искупишь слезы матерей?*

*Друг, спиртовую дозу делю на троих-
Столько нас уцелело в лихом разведзвезде.
Третий тост. Даже ветер на склонах затих...
Мы уходим, уходим, уходим.*

*Прощайте, горы, вам видней,
Что мы имели, что отдали.
Надежды наши и печали
Как уживутся средь людей?*

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПЕРЕСТРОЙКА ИЛИ КАТАСТРОФА СТРАНЫ?!

*«История бросками и рывками
Эпохи вытрясает с потрохами,
И то, что затевало жить веками,
Внезапно прорастает лопухами».*
Игорь ГУБЕРМАН.

1989 год стал для меня годом потрясений. По решению командования 40-й армии я был откомандирован на равную должность в престижный и бластной Киевский военный округ (КВО). В истории государства Российского этот округ существовал дважды — с 1862 по 1917 гг. и с 1938 года до начала нового столетия. Было время, он величался иначе — Юго-Западным, Украинским, Особым военным округом, однако прижилось «Киевский». На первом этапе своей истории КВО, созданный вместе с Виленским и Варшавским военными округами, включал территории Киевской, Вольнской, Подольской, Курской, Харьковской и Черниговской губерний. В канун развала СССР он включал Киевскую, Донецкую, Луганскую, Днепропетровскую, Харьковскую, Сумскую, Кировоградскую, Полтавскую, Черниговскую и Черкасскую области. КВО в разные годы командовали известные в истории военачальники: М.И. Драгомиров, В.А. Сухомлинов, М.В. Фрунзе, А.И. Егоров, И.Э. Якир, И.Ф. Федько, С.К. Тимошенко, Г.К. Жуков, М.П. Кирпонос, А.А. Гречко, В.И. Чуйков, И.И. Якубовский, В.Г. Куликов, Г.И. Салманов, И.А. Герасимов, В.В. Осипов. С февраля 1989 года командующим округом стал генерал-полковник

Громов. На тот момент на его территории дислоцировались две гвардейские армии (6-я танковая и 1-я общевойсковая), авиационную поддержку осуществляли 17 и 24 воздушные армии, воздушное прикрытие 8 армия ПВО.

Прибыв в конце марта в столицу Украины, на бюро пропусков штаба округа я встретил многих своих сослуживцев по Афганистану. Большинство из них выглядели растерянными, так как оказались в положении безработных. Вывод контингента советских войск на родину оказался сложнейшей проблемой для кадровиков армии. Несмотря на общую благосклонность бывшего командарма (Громов стал командующим округа), у каждого из нас оказались свои проблемы и трудности. Многие просто не смогли найти себе должности и вскоре были уволены в запас по сокращению штатов. Должность, на которую меня планировали еще в Кабуле, оказалась занятой. И, как мне сказали, освобождать ее для меня не думали, а вывели меня за штат. Прошел месяц, прошел второй... я платил большие деньги за проживание в гостинице «Красная Звезда», что размещалась на самом Крещатике, но пребывание в лучшем городе планеты — древнем Киеве — не радовало. В Пскове Галюся одна воспитывала детей и тосковала о муже. А я завис без настоящего и без будущего. Болтаться за штатом мне страшно надоело. Это было крайне неприятно — чувствовать себя сродни безработному. Куда-то стремился, рвался, был нужным и полезным, от тебя зависели судьбы — и вдруг... на полном ходу тебя остановили.

В это время вся страна ударилась в политику, все смотрели прямую трансляцию заседаний Верховного Совета СССР, слушали и не понимали генсека. Начатая по инициативе Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях быстро теряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждалось злобное глумление над всеми институтами государства, в том числе и над армией. Страна по существу стала неуправляемой.

Для меня местом службы кадровиками была определена 6-я гвардейская танковая армия, дислоцировавшаяся на территории Днепропетровской, Харьковской, Донецкой и Полтавской областей. Она в своем составе имела пять танковых дивизий, зенитно-

ракетную и ракетную бригады, отдельный полк связи, отдельный понтонно-мостовой полк, отдельный РТ батальон, отдельную авиационную эскадрилью и другие. Штаб объединения размещался в Днепропетровске (бывшем Екатеринославе), городе, прямо скажем, престижном во все времена, задуманным императрицей Екатериной II с 1783 — 1784 гг. как южная столица империи на правом берегу Днепра, являвшимся жемчужиной в золотом ожерелье южных городов России — Херсоне, Николаеве и других, сотворенных фаворитом царицы князем Потемкиным. В годы гражданской войны эти места прославил украинский «Робин Гуд» батька Махно, в борьбе с отрядами которого участвовал мой прадед конармеец и краснознаменец Федор Кривопалов. В советское время Днепропетровщина стала кузницей кадров: Брежнев, Березняк, Маргелов родились здесь. С этим городом связана известная поговорка, что «Днепропетровск не первый город в СССР, но и не второй». Да и впоследствии многие представители политической элиты независимой Украины оказались выходцами с берегов седого Славутича. Кроме того, здесь был закрытый стратегический объект, в котором работала основная кузница кадров ракетной промышленности державы — объединение «Южмаш» и конструкторское бюро «Южное». Как говорили, в этом современном зеленом мегаполисе осуществлялось интенсивное социальное строительство, и офицеры, прибывающие в Днепр, в течение месяца обеспечивались качественным жильем, что казалось сказкой. Это была столица богатого индустриального и интеллектуального края с населением почти в четыре миллиона жителей (равного Нидерландам или Бельгии).

В этот психологически трудный для меня период с помощью сокурсника по академии полковника Юрия Александровича Коники, работавшего в Главпуре, я все же добрался до определенного мне места службы. Пролетело полгода, как я вышел из Афганистана. На календаре — 27 июля. Под давлением из Москвы в Днепропетровск меня привез лично начальник отдела кадров политуправления округа полковник Одегов. В его присутствии состоялась моя первая встреча с членом военного совета — начальником политотдела армии генерал-майором Васильковым. Это был приятной наружности пятидесятилетний русоволосый, высокий, сухощавый, спортивный мужчина. Говорил он громко и этим как-то компенсировал свой небольшой недостаток — нечеткую дикцию. Приходилось внимательно вслушиваться в его слова, чтобы понять смысл сказанного.

Мне к тому времени было известно, что Анатолий Леонидович родился в центре России, в Горьковской области. После окончания школы стал курсантом военно-медицинского училища, а после его расформирования переведен в Киевское танко-техническое училище, которое закончил в 1960 году. Два года служил техником-лейтенантом, заместителем командира танковой роты по техчасти, а затем перешел на комсомольскую работу сначала в батальоне, затем в полку. Одновременно заочно учился в военном институте физкультуры и спорта им. Лесгафта. Зачем ему это было надо, понять сложно. Переход в политуправление Северо-Кавказского военного округа определил его генеральскую будущность. В те времена в армии 95% генералов-политработников были выходцами из комсомола. Трудно попасть в эту категорию замордованному службой и подчиненными замполиту батальона или полка. У него свои заботы и круг общения. Освобожденными же комсомольцами становились люди с хорошими связями и неплохими организаторскими данными. Корпоративная поддержка товарищей по цеху позволяла быстро продвигаться по служебной лестнице. В 1973 году из политуправления Сибирского округа майор Васильков уезжает советником политкомиссара Северного военного округа в Анголу. Много занимается фотографией и даже проводит персональную фотовыставку в столице. Вернувшись в Союз, получает должность начальника политотдела 17-го армейского корпуса САВО, дислоцирующегося во Фрунзе (Бешкеке). Вскоре становится полковником. После откомандирования А.И. Захарова в Афганистан Васильков занимает его пост в Днепропетровске и на спокойной мирной должности в престижном округе становится генералом, награждается орденами Красной Звезды и «За службу Родине в ВС СССР». Почему он из САВО не поехал в Кабул? Почему отправили Захарова?

Я думаю, что три года службы в Африке и шесть лет в Германии позволили ему найти покровителей из московской челяди в кадрах МО СССР.

В моей памяти генерал Васильков остался человеком общительным, незлобным и деликатным. В коллективе политотдела существовал избранный круг его любимчиков, которым он создавал особые условия существования. К отдельным он демонстрировал или равнодушие, или негативное отношение, кстати сказать, основанное на верном чутье человека, имеющего опыт общения с масса-ми. Однако в отличие от ряда других генералов, проходивших службу

в Киевском округе, Васильков был безусловно честным и порядочным человеком. Не воровал, в отличие от ряда других. Единственным его недостатком являлась чрезмерная скромность, которая порой народом осуждалась. Он не любил обострять отношения с отдельными начальниками по вопросам обеспечения своих подчиненных. В связи с этим мне пять лет пришлось ждать квартиру, а на первом этапе с боем и скандалом, «по-десантному», самовольно въезжать в общежитие гарнизона. Можно ли себе подобное представить? Да достаточно было бы одного звонка от ЧВСа, как все бытовые вопросы немедленно были бы решены местными бюрократами.

Прошло немного времени, и его буквально сместил на должности полковник Виктор Ключников, зять замначальника главного управления кадров МО СССР генерал-полковника Арапова. А Василькова «загнали в ссылку» — первым заместителем начальника политуправления Забайкальского военного округа, где он и уволился в запас. После чего благополучно вернулся на постоянное место жительства в Днепропетровск.

Итак, передав меня Василькову, довольный Одегов вернулся в Киев, но моя судьба так и не была окончательно решена. Мою должность по-прежнему занимал полковник Горенко Анатолий Карпович, который в ближайшее время увольняться в запас не планировал. Я оставался все так же не у дел. В начале августа место мне нашли — отправили представителем командования армии в оперативную группу 1025-й отдельного автомобильного (целинного) батальона, сформированного 6ТА. Он к этому времени уже трудился в Белгородской и Курской областях. После завершения основного объема работ в регионе его, погрузив в эшелоны, перебросили в Казахстан. Я вылетел за ним следом в Актюбинскую и Кустанайскую области. Целинная эпопея занимает отдельную страницу в моей памяти, но она не главная, поэтому расскажу о ней коротко. Батальон по штату имел более тысячи человек личного состава (что хватило бы на полноценный полк) и более полутысячи автомобилей, из которых 465 являлись грузовыми, а 28 — специальными. Батальоном командовал полковник Ачилов, узбек по национальности. Хороший, добросовестный офицер. Мы с ним подружились на почве общих воспоминаний о Чирчике. В связи с интенсивным использованием средств повышенной опасности регулярно происходили аварии, уносящие человеческие жизни и калечащие людей... Так,

только за 17 дней работы целинных батальонов в районе российского Нечерноземья погибло 50 человек, из них пятая часть — офицеры и прапорщики. Не зря говорили, что уборка урожая — это битва за хлеб, после которой всегда отмечались потери.

В мои обязанности входили разборы в существе происходящих ЧП, а также принятие мер по предотвращению подобных случаев впредь. Еженедельно представлял докладные о работе батальона и воинской дисциплине — в штаб армии в Днепропетровск. Так что поездок по частям для разбирательства и эпистолярной работы мне хватало. Происшествия сыпались как из рога изобилия: двое солдат были поражены электротоком, трое в пьяном виде разбились при превышении скорости. Десятки легли в местные больницы с болезнями и травмами. Но задачу свою батальон выполнил — особенно хороший урожай был вывезен с полей России, а по казахским степям можно было нас и не гонять, так как там урожай оказался как никогда слабый.

Глубокой осенью 1989 года, с боем, через министерство обороны, выбив необходимое количество вагонов и платформ под технику, загрузив батальон в эшелоны, мы вернулись в места постоянной дислокации, Днепропетровскую область. Пользуясь паузой, я вылетел в Москву к друзьям — полковникам Ю.Конику и А.Бочкареву в Главпур. Пояснил ситуацию и попросил совета. Юра Коники возмутился киевской нераспорядительностью и заверил, что возьмет мой кадровый вопрос на особый контроль:

— К твоему приезду должность будет освобождена! — заверил он.

Действительно, его очередное вмешательство не оказалось лишним. Состоялся приказ командующего войсками КВО о моем назначении на должность начпропа-замначпо армии.

Наконец-то я менял на должности обаятельного пятидесятидвухлетнего полковника Горенко Анатолия Карповича, достигшего предельного возраста пребывания на военной службе. Карпыча, как его звали за глаза, отличали доброжелательность, корректность, крестьянская простота в общении с людьми и исключительная порядочность. Красивый, высокий крепыш, выходец из беднейшей крестьянской семьи села Марьяновка Васильковского района Киевской области, он, как и великий его земляк, народный артист СССР певец Иван Семенович Козловский, хорошо учился у жизни и представлял законченный продукт настоящего советского интеллигента,

умеющего представить и оценить культуру и каждую свободную минуту своего досуга отдающий любимой книге.

Его отец, Карп Харитонович, родившийся за семь лет до начала двадцатого века, прошел через череду тягот и трагических испытаний. В первом браке потеряв в голодомор жену и пятерых детей, самостоятельно поднимал на ноги оставшихся в живых пятерых осиротевших малолеток. Для того, чтобы выжить, повторно женился на Харитине Савовне, которая на два года была его моложе. Выйдя замуж за Карпа в 1935 году, она отчаянно смело в сорок лет родила ему еще двоих последышей, одним из которых оказался и крепкий сыночек — Толя.

Первые годы осмысленной детской жизни Анатолия Горенко пришлось на обстрелы, бомбежки, немецкую оккупацию, страшнейшие бои при освобождении Украины. В восемь лет мальчуган остался без отца, которого арестовали и отправили с большим сроком на Печеру, а в тринадцать похоронил мать, но не озлобился, а пытался приспособиться к окружающей жизни. Учился в разных местах, успешно окончил десять классов и трудоустроился путевым рабочим на ПМТС под Киевом. Год отработал на строительстве железнодорожного пути «с балласта на щебенку». Тяжелая физическая работа закалила парня. В 1956 юношу призвали в армию и отправили в 137 отдельный минометный дивизион «Катюш» в Термезский гарнизон Туркестанского военного округа. Грамотных парней в тот период в армии было немного, и командование части через год отправило его учиться на офицера в Ташкентское ВОКУ им. Ленина. Служба Анатолию нравилась, — ему, наголодавшемуся за годы войны и пережившему суровый сорок седьмой год, праздником казалось трехразовое питание, баня, добротное обмундирование и уютная постель в казарме.

«Для меня армия, — вспоминал он, — была прекрасной светлой стороной жизни. Увлекался гимнастикой и пулевой стрельбой. Легко учился. Радовался жизни». Через год курсантскую роту Горенко перебросили в Бакинское общеевойсковое училище, которое он с красным дипломом и окончил.

Пользуясь привилегией отличника, следующим местом службы предпочел родной Киевский военный округ. Попал командиром взвода в 224 танковый полк 17 танковой дивизии, которым командовал Герой Советского Союза полковник Мясников. Его первая рота оказалась укомплектована талантливыми офицерами, впослед-

ствии ставшими видными военачальниками — ротный командир Архипов — заместителем министра обороны СССР по тылу, взводные Мамудов — командующим армией, Скорик — членом военного совета армии.

Не обошла благосклонностью военная судьба и самого Горенко. Поскольку он увлекся общественной работой и неплохо себя зарекомендовал, политотдел дивизии вынес его кандидатуру для избрания секретарем комсомольской организации 230 танкового полка. Тогдашний командир дивизии, генерал-майор Герасимов И.А. (впоследствии командующий Киевским военным округом) очень неодобрительно отнесся к переводу перспективного офицера с командной должности на политработу. Но служба на воспитательном поприще у Анатолия состоялась: последовательно прошел должности помначпо по комсомолу отдельного полка гражданской обороны в Верховцево, помначпо по комсомолу 22 танковой дивизии в Днепропетровске (штаб которой в то время стоял в Феодосийских казармах у Нагорного рынка).

Новой ступенькой карьерной лестницы для офицера Горенко стала учеба в прославленной ВПА им. Ленина, в которую он поступил на педагогический факультет. После успешного окончания учебы два года преподавал философию и научный коммунизм в Ленинградском высшем зенитно-ракетном училище. Получив приглашение командования, перешел на Дворцовую площадь в политуправление ЛенВО в отдел пропаганды и агитации, где курировал ВВУЗы. В этот период, с января по апрель 1980 года, принимал непосредственное участие в организационных мероприятиях по формированию и вводу на территорию Афганистана в Герат и Шинданд полков и медучреждений 5 мотострелковой дивизии. По возвращении уехал по замене в ГСВГ в город Дрезден, в 1-ю гвардейскую танковую армию на должность начпропа-замначполитотдела армии.

В 1984 командующим 6-й гвардейской танковой армии в Днепропетровске стал друг лейтенантской юности генерал Мамудов, а ЧВС армии генерал Скорик, которые и запросили отдел кадров группы полковника Горенко к себе по замене. Так Карпыч в очередной раз вернулся в родной Киевский военный округ. В политотдел армии после Александра Владимировича Скорика по замене прибыл с острова Сахалин полковник Александр Захаров, волевой и обаятельный человек, немало сделавший для сплочения непростой

го в психологическом плане разношерстного коллектива политотдела, в котором постоянно бурлили какие-то невидимые разборки и подковерные склоки. Нередко нервничать приходилось и общительному Карпычу, как известно, в структуре политотдела среди начальников отделений только он один — начальник отдела пропаганды и агитации — имел статус заместителя начальника политотдела и служебный легковой автомобиль. Его коллеги полковники Низенко и Попадчук относились к этому очень болезненно, и не раз сдержанный Горенко вынужден был осаживать их: «Вашу работу можно увидеть только тогда, когда возьмешь в руки протоколы, а моя деятельность все время на виду, что наглядная агитация, что массовые мероприятия с людьми...» Его знали в армии и уважали. Первым заместителем в это время у Захарова работал полковник Марьяшин, впоследствии ставший генерал-майором начполитотдела академии Генштаба им. К.Е. Ворошилова в Москве.

Однако служба подбрасывала новые вводные, неожиданные заботы, хлопоты и испытания. В сентябре 1986 г. полковник Горенко в составе оперативной группы армии вместе с заместителем начальника штаба армии генерал-майором Шевченко С.Н. попал в зону работ по ликвидации последствий ЧАЭС, где выполняя ответственное задание с риском для жизни, находился два месяца, и набрался радиации.

В начале 1990 года полковник Горенко уволился в запас, но был востребован на гражданке с первого дня. Его пригласил на работу помощником ректора Национального горного университета академик Пивняк Геннадий Григорьевич, который хорошо знал отставника за годы совместной общественной работы в группе депутатов городского и Красногвардейского районного советов. Полтора десятилетия Анатолий Карпович успешно проработал в этой хлопотной должности, а затем возглавил управление гуманитарного образования и воспитания НГУ. С 2007 года по настоящее время Горенко — начальник редакционно-издательского комплекса Горного университета. Имеет 28 человек в подчинении, которые выполняют немалый объем работ: издают более 200 книг в год, сотни учебных пособий и методической литературы. Мы с ним время от времени общаемся, и эти встречи всегда радуют своей доброжелательностью и деловитостью.

Более полувека, с курсантской юности, Анатолий Карпович женат на красивой женщине, урожденной сибирячке с целеустрем-

ленным, волевым характером, Черновой Любви Михайловне. В браке у Анатолия и Любы родились дочери: Оля в 1961 году в Кривом Роге, Ирина в 1972 году в Питере. Любовь Михайловна после окончания в 1975 году Ленинградского госуниверситета перешла на партийную работу и работала вторым секретарем Выборгского райкома партии. Она до сих пор востребована и в Днепропетровске.

Для меня же началась самостоятельная работа на новом месте. Масштабно и полным ходом шла боевая и политическая подготовка в войсках. В соответствии с планами полевой выучки частей и подразделений проходили тактические учения с частичным отмотивированием сокращенных и кадрированных частей. Мне довелось оценить масштабы тех полевых выходов танковой армии: ходить в колоннах и летать на вертолетах по большей части восточной и центральной Украины. В тот период, если планировалось армейское или фронтовое учение, то реально, а не на картах комбинированным маршем полки и дивизии выходили на определенные им рубежи. Как рассказывали ветераны, в прежние времена учения всегда проходили на волне добрых и радостных встреч с населением. При мне это уже становилось редкостью. В народное сознание были брошены бактерии неприятели.

По сравнению с 40-й армией работать здесь было намного проще, не было развернутых типографий, многие части оказались сокращенного состава. Основами организационно-мобилизационной работы я овладел быстро. Ежемесячно работал в военкоматах приписки личного состава, периодически проводя развертывание отдельных частей и подразделений для проверки личного состава. Что меня удивило, так это масштабные тактические учения армии. Они поражали воображение. Как правило, они проходили на территории всех восточных областей Украины с частичным отмотивированием частей и соединений. За этим было интересно наблюдать и учиться работать масштабно. Моей привязанностью оказался Криворожский гарнизон, где дислоцировалась 17-я гвардейская танковая дивизия. Здесь жили мои сослуживцы по Афгану Игорь Серзин и Виктор Ипатьев. Встречи с ними радовали душу. Соединением командовал грамотный и очень приличный генерал-майор Паламарчук. После его откомандирования в Кабинет министров Украины должность принял полковник, а впоследствии генерал-майор Лаврешин. Тоже замечательный человек и грамотный офицер. Неоднократно

наблюдая за его действиями на учениях, я восхищался его поведением, умением держаться на людях, управлять своими психическими процессами. Его любили подчиненные. К сожалению, в ходе национализации армии служба Лаврешина в должности заместителя командующего армией оказалась недолгой. Его сместили на должность Днепропетровского областного военного комиссара, а он потенциально мог быть большим военачальником. Светлый человек. Я ему очень благодарен за участие в моей судьбе при оформлении военной пенсии в январе 1997 года.

После настоящей боевой работы в Афганистане и длительного нахождения не у дел во мне что-то перегорело, нестерпимо раздражала суета ежемесячных командно-штабных игр «в войну», когда с серьезным видом офицеры неделями сидели в подвале штаба армии и клепали карты, писали бумажки донесений и распоряжений. Не спали ночами, ютились на раскладушках, питались как придется. Наверное, эти учения можно было проводить с перерывами на нормальный отдых. Но ведь среди руководящего командного состава настоящих боевых офицеров, прошедших войну, было мало. Поэтому создавались искусственные тяготы военной службы.

Но Киевский военный округ — не вольный Афганистан, где служили честные, отважные и избранные люди... С первых дней работы в должности я испытывал прессинг различных негативных сил. Особенно велико было отрицательное влияние самой авторитетной личности в армии. Как рассказывали о нем, — родился за год до войны в семье одесского армянина. Его предки в период турецких погромов, проявив завидную сообразительность, сменили армянскую фамилию семьи на азербайджанскую. В двадцать лет закончил Кавказское СВУ, в 1963 году Одесское общевойсковое командное училище, через девять лет военную академию им. Фрунзе, в 1981 году академию Генерального штаба. Прошел должности начальника оперативного отдела армии, командира танковой дивизии в пгт Черкасском. Без натяжек, это был один из самых способных и умных генералов, каких мне пришлось видеть в КВО. Так же, как и Лаврешину, впоследствии этому генералу национальность не позволила продолжить служебный рост в украинской армии, но он по праву может считаться крестным отцом всей плеяды высших генералов МО Украины. Не называю их поименно, но все они получили опыт на посту командарма при активной обучающей роли этого человека. В нем сочетались разные качества: простота и дос-

тупность, коварство и лицемерие, забота о людях и мздоимство. С его именем связана серия громких скандалов периода 1990 — 1992 годов, когда раздираемая политиками страна корчилась от экспериментов. Пользуясь безграничной властью, генерал использовал возможности военно-транспортной авиации и вывозил из Украины продукты для продажи по спекулятивным ценам в закавказские республики. В разгар разворовывания армейских складов, поговаривали, имел отношение к реализации стрелкового оружия устаревших образцов, легковых автомобилей типа УАЗ и другим.

Так сложилось, что коммунисты армии столкнули меня с ним альтернативными кандидатами для делегирования на последний XXVIII партийный съезд КПСС. С небольшим преимуществом кандидатура генерала одержала победу. Но он не был истинным партийцем, как и многие другие обыватели, а скорее являлся обычным приспособленцем того времени.

С плохо скрываемым раздражением относился к политработникам. Как мне рассказали ветераны, лютая ненависть и даже жестокая борьба сопровождали его совместную службу с бывшим начальником политотдела полковником А.Захаровым. Тот не уступал, был тоже тверд характером и независим в поступках и суждениях. Когда он в возрасте 54 лет скоропостижно умер после Афганистана, его вчерашний сослуживец даже не посчитал нужным отдать последние почести покойному. Не могу сказать, что генерал тупо «вытирал ноги» о политработников. Он был умен и осторожен, но давил своим авторитетом. Пожалуй, только чвс Ключников, имевший влиятельную поддержку в Арбатском округе, не позволял не считаться с собой. Умный генерал не конфликтовал с ним, а на людях поддерживал и крепил авторитет, позволяя только за спиной обсуждать его поступки. Распалась партия, и для дела стало нужно поддержать националистов. Генерал без раздумий принял созданный Союз Офицеров Украины. Всю жизнь прослуживший в Украине, не принимавший участия в боевых действиях, он имел достойный иконостас из трех советских орденов (Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 2-й и 3-й степени). За короткое время в независимой Украине оказался награжден двумя украинскими орденами. Эта была безусловно одаренная и очень противоречивая личность.

Судьбе суждено было нас свести вместе, и после этой встречи я по многим моментам проиграл. Лучше бы мы не встречались на

этой земле. Прибыв к нему на первый доклад для представления и не зная подковерных интриг армейского окружения, я не сманеврировал, о чем-то не промолчал, чего-то недосказал...

— На каких должностях вы служили в Афганистане и у кого? — спросил меня генерал.

— Был начальником политотдела бригады спецназа, а затем, после её вывода в Союз, являлся заместителем начальника политотдела армии у генерала Захарова, — ответил я. — Он же добился моего откомандирования в Днепропетровск, в танковую армию.

Услышав фамилию своего недруга, генерал нахмурил лохматые брови, недобро сверкнул черными глазами, потер курчавую, лишенную седины голову. Встал из-за стола, прошелся по кабинету. Фигура у него была треугольная, с узкими плечами и тучным тумбообразным основанием. По всей видимости, к старости начала сказываться специфика штабной службы.

— Как генерал Захаров?

Вопрос, конечно, был лишний. Потому как в СССР все военные знали генералов Громова и Захарова. Тем более, что уезжал в «афганскую ссылку» Захаров полковником, а ко времени нашего разговора уже был генерал-лейтенантом. Этот стремительный рост не мог быть незамеченным в среде днепропетровского бомонда.

— Захаров представлялся к званию Героя, — добавил я к сказанному ранее.

Эта моя фраза окончательно вывела моего собеседника из себя, и он поставил точку в нашем разговоре...

Так с первых дней выдвиженец Захарова стал нежелательной персоной в хозяйстве всесильного военачальника. Впоследствии генерал вредил мне во многом. Лично этот руководитель в 1992 году помешал моему переводу на Родину, в Челябинское высшее военно-автомобильное училище на должность заместителя начальника учебного отдела. Именно он чинил мелкие и крупные пакости, мешавшие мне полноценно жить и работать. Ради объективности надо сказать, что не такой уж я был большой фигурой, которой бы занимался самый влиятельный военный чиновник в танковой армии. И тем не менее ему хватало времени дотянуться и до меня. Прошло время, я узнал о многих «подводных камнях» и «придворных» днепропетровских интригах, но изменить ситуацию уже было не в моей власти.

Пожалуй, наиболее показательным в плане существовавших

армейских интриг является пример гонений на заместителя командующего армией генерал-майора Шатина. Впоследствии от него избавились легко и непринужденно, как от неуютной личности... И, как говорят, руку здесь тоже приложил самый влиятельный генерал танковой армии. Михаил Владимирович Шатин был неординарным человеком из простой рабочей семьи, проживавшей в ссыльно-каторжном крае, в Бодайбо Иркутской области. Родившийся в конце марта 1943 года, с пятнадцати лет стал работать в Якуталмазпродснабе учеником кладовщика, слесарем автобазы, автоэлектриком, аккумуляторщиком. В 1960 году окончил вечернюю среднюю школу. До поступления в Благовещенское танковое командное училище в 1962 году успел хлебнуть жизненных трудностей. В его окружении ребята либо выбивались в люди, либо повторяли судьбу своих родителей и уходили в лагеря, каких было достаточно в округе. Борьба за существование и выживание толкнули мальчика в секцию бокса, и Михаил стремительно достиг больших результатов в этом мужественном виде спорта. До поступления в училище уже был кандидатом в мастера спорта и чемпионом Якутии. Незаметно пролетели годы учебы, отличника лейтенанта Шатина распределили в ГСВГ. Служба в Германии на должности командира учебного взвода окончательно сформировала его характер и методику работы с подчиненными. 4 декабря 1970 года Шатин возвращается на любимый его сердцу Дальний Восток и становится командиром учебной роты в Камень-Рыболове Приморского Края. Через год он — начальник штаба батальона, в декабре 1972 года возглавляет учебный танковый батальон. Служба идет ровно, М.В. Шатин справляется с обязанностями успешно. Его считают лучшим комбатом громадного ДВО. В 1974 году поступает в военную академию им. Фрунзе. После ее окончания прекрасный спортсмен, чемпион факультета по офицерскому многоборью, отличник учебы М. Шатин назначается в Киевский Военный округ командиром танкового полка, в Башкировку Чугуевского района Харьковской области. Три года командования полком позади. Рассказывали, что на этом этапе Шатин не оправдал надежд командующего округом генерала армии Ивана Герасимова и как инициатор соцсоревнования в сухопутных войсках провалил отличную сдачу итоговой проверки полком. Чего ему не простили. Начавшийся 1980 год, война в ДРА круто меняют военную судьбу Шатина... Три горячих года, каждый из которых кадровики считают за три, он провел на земле Афганистана. С

13 марта 1980 по 22 января 1982 года в невыносимо тяжелых условиях командует 70-й отдельной мотострелковой бригадой в Кандагаре. Уже готовился к замене, но его назначили командиром 201-й мотострелковой дивизии, и об отъезде пришлось забыть еще на целый год. На войне командование особенно ценит толковых командиров, способных не только командовать, но и беречь человеческие жизни. Шатин относился именно к этой категории. Сам командир несколько раз бывал в сложных и опасных ситуациях, тяжело переболел тифом. Представлялся к званию Героя, но в столице вспоминали:

— Это тот, что провалил армейский почин? Нет, Героем быть не может.

После возвращения в СССР его с уважением встречают в Москве, обнадеживают на светлое будущее в кадрах. Вскоре назначают командиром дивизии в Калининград ПрибВО. В следующем, 1984 году он становится слушателем академии Генерального штаба. По окончании которой назначается первым заместителем командующего 6-й гвардейской танковой армии в Днепропетровск. Конечно, генерал с таким жизненным и боевым опытом представляет угрозу засидевшимся в тылах местным «аборигенам». Начинается полоса интриг и подковерных операций. Где тяжело, туда бросают Шатина. Он — руководитель войсковой группы армии по ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. На второй день после Спитакского землетрясения генерал Шатин — на армянской земле, в зоне, заваленной трупами погибших. И снова полгода кошмарный бой за живых, за раненых, за организацию быта и жизни пострадавших. Вернувшись в Днепропетровск, он опять видит самодовольные лица генералов, которые, не выходя из кабинетов, получают такие же, как он, ордена Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР». Но его ордена получены за жестокие бои и боевые операции, за горечь потерь и радость побед, за собственные раны и болезни. А за что награждаются местные генералы? За угодничество, за взятки. Травмированная психика на первый взгляд флегматичного и очень сдержанного генерала страдает. Он знает, что ему не быть здесь, в Днепропетровске, командующим. Одного «блатного» сменяет другой «блатной». Москва идет навстречу просьбам и переводит Шатина заместителем командующего Приволжско-Уральского военного округа по военно-учебным заведениям. Два года, совпавших с распадом Советского Союза, до августа 1992 года, он

работает под руководством эксцентричного командующего А.Макашова. Должность не удовлетворяет энергичного и деятельного генерала, он не скрывает своего разочарования и обиды на судьбу. А обижаться было за что.

Два раза в Афганистане его представляли к званию Героя Советского Союза. За Спитак представляли в третий раз. И все три раза бумаги ушли, как в болото. Ни отклика, ни разъяснения. Почему на место командарма вместо Шатина назначили бесталанного Собкова? А ведь всю жизнь считался Шатин способным и перспективным офицером, два звания — подполковник и полковник — получил досрочно. В конце 1992 года сорокадевятилетний Михаил уволился в запас и вернулся в Днепропетровск, чтобы, как оказалось, дожить последние месяцы своей жизни. Сказались стрессы, афганские болезни, невостребованность в гражданской жизни. Умер генерал Шатин 17 июня 1994 года в военном госпитале от перитонита после двух операций по поводу язвы двенадцатиперстной кишки. Его похороны по просьбе семьи и афганцев доверено было организовать мне. Украинские генералы и бывший его командующий Собков, коллеги из штаба армии, руководство МО Украины проигнорировали смерть боевого генерала. На этом фоне невнимания благородство проявили россияне. Телеграммы соболезнования вдове — Валентине Ивановне и детям Ирине, Ларисе и Михаилу прислал министр обороны России генерал армии Грачев и командующий Приволжским военным округом генерал-полковник Сергеев. В Днепропетровск прилетал и возложил венок на могилу умершего начальник главного управления кадров МО РФ генерал-афганец, Герой Советского Союза Высоцкий.

Не менее драматичной оказалась служба и судьба еще одного афганца — полковника Долича. После окончания академии Генерального штаба прибывшего в 6-ю танковую армию, где возглавил 93-ю механизированную дивизию в пгт Черкасском. Долич Виктор Владимирович был из плеяды молодых и способных командиров. Выпускник Киевского Суворовского и Киевского общевойскового училища, военных академий им. Фрунзе и Генштаба. Все воинские звания — от старшего лейтенанта до полковника — получивший досрочно. Кавалер трех боевых орденов. Еще в Афганистане, не зная его я слышал о нем только хорошие отзывы. Он командовал полком, а позднее был выдвинут начальником штаба 108-й дивизии. Принимал участие в боевых действиях. Не прятался за спина-

ми подчиненных и испытал много острых моментов. Человек волевой и самоуверенный, он не вписался в правила, определенные генералитетом, и был отстранен от должности. После отстранения в 6 танковой армии он дослужил до заместителя начальника штаба львовского корпуса и уволился в запас.

Удивительно нерационально использовались интеллектуальные возможности боевого генерала афганца Шевченко Станислава Николаевича, выполнявшего обязанности первого заместителя начальника штаба армии. Ему тогда было 53 года. Выпускник Харьковского гвардейского танкового училища, последовательно прошел все командные должности. На Дальнем Востоке командовал дивизией. После Афгана десять лет просидел на одной должности в Днепропетровске и уволился в запас, имея диплом выпускника Академии Генштаба. Радует душу, что к семидесяти годам стал Станислав Николаевич депутатом областного совета, возглавил ветеранское движение в области и проявил недюжинный талант и компетентность в руководстве миллионной организацией ветеранов.

...На глазах одного поколения менялись в армии и командные кадры. Командующий 6-й гвардейской танковой армии генерал-лейтенант по имени Василий вдруг убрал в своей фамилии последнюю букву и стал заявлять с трибуны, что его в советское время «гноили москали». И он бы никогда не стал генерал-лейтенантом, если бы признался что он «хохол с западенщины»... На этой волне вскоре наш «страдалец» уехал на должность генерал-полковника... Стал главкомом сухопутных войск Украины.

Предпоследний год существования советского государства запомнился отчаянными попытками компартии удержать свои позиции. Демократические настроения, точно эпидемия, поразили страну. Суть общественных суждений была сведена к критике «руководящей и направляющей силы». Борьба с этим суждением было бесполезно, как бессмысленно пытаться удержать ураган. И все-таки боролись! И иногда побеждали. Как это произошло на апрельской сессии Днепропетровского горсовета, продолжавшейся неделю, когда 75 голосами против 67 стал мэром ставленник коммунистов Владимир Яцуба. Коммунисты боролись за существование, так, в открытом письме ЦК коммунистам страны отмечалось: «Мы за консолидацию партийных рядов на принципиальной основе, за прочное единство всех, кому дороги цели перестройки, идеалы гуманного демократического социализма». Увы, эти обращения не нашли

отклика в сердцах, что подтвердили последующие события. Страна уже жила в другом времени. В апреле на экраны страны вышел фильм Сергея Соловьева «Черная роза — эмблема печали, красная роза — эмблема любви». Так символически случилось, что партии и стране в целом была преподнесена черная роза.

Весной 1991 года даже воздух казалось был пропитан испарениями распада. Новым командующим армией прибыл молодой, внешне привлекательный, красноречивый, симпатичный генерал-майор по имени Виталий. Он настойчиво распространял о себе молву, что является правнуком генерала, героя русско-турецкой войны 70-х годов девятнадцатого века. Но и в отпрыске, может быть, героя мы вскоре еще более разочаровались, чем в его предшественнике... О нем ходила молва, что родился в год освобождения Одессы. Там же окончил семь классов и техникум. Выпускник Киевского ВОКУ 1968 года. В 1975 году окончил военную академию им. Фрунзе, в 1989 году академию Генштаба.

В боевых действиях участия не принимал, однако как хороший советский карьерист, поддерживаемый кем-то вверху, имел три советских ордена. Этому беспринципному человеку в период становления украинского государства на волне национализма в короткий период удалось вырасти с должности командарма до командующего войсками Одесского военного округа, а вскоре и подняться еще выше. За ним шел шлейф казнокрадства. Офицерская общественность и депутаты пытались бороться против злоупотреблений генерала, но безуспешно. Наступало время воров. При большом списке бесквартирных офицеров гарнизона он оставил за собой шикарную квартиру и дачу в Днепропетровске, которые приватизировал и удачно продал. Будучи командующим округа в 1997 году «прихватизировал» жилой дом в Одессе общей площадью 148 кв.м. и отдельно расположенный флигель (бывший домик военного совета округа) площадью 41 кв.м на земельном участке 0,28 га, находящемся у самого Черного моря. В 2000 году в Киеве для него, жены и сына дали 4-комнатную квартиру общей площадью 160 кв.м на ул. Драгомирова в Киеве. И это при том, что за 7 лет до этого генерал уже получил в центре столицы 3-комнатную элитную квартиру из жилого фонда Верховной Рады Украины. Таким образом, при 50 тысячах бесквартирных офицеров Украины генерал армии забрал себе жилье общей площадью чуть меньше полутысячи кв.м. К сожалению, недобрая слава казнокрада не остановила его служеб-

ный рост. Он стал генералом армии и силовым министром. Однако самым большим его достижением являлось личное обогащение. К счастью для государства, его «карьера» после череды скандалов была несколько приостановлена. Он был освобожден от должности министра и назначен «на пашу без ульев» — главным инспектором МОУ. После чего возглавил главную кузницу военных кадров — академию. Помнят военные о введении им кожаных пальто для рукостава Минобороны, и это в то время, когда большинство военных донашивало форму советского образца. Помнят и его беспринципное и провокационное поведение во время выборов. Немалый вред был нанесен им лично и украинно-российскому военному сотрудничеству. Именно при нем Украина начала предпринимать первые попытки сблизиться с НАТО.

Под стать командарму приехал из Германии и «комиссар» на освобожденную для него генеральскую должность.

2 апреля 1991 года на платформе местного вокзала я встречал нового члена военного совета — начальника политотдела армии, моего ровесника, выпускника Новосибирского высшего военно-политического общевоинского училища полковника Ключникова Виктора Ивановича. Высокого роста, склонного к полноте. С пренебрежительно-барским снобизмом и самодовольным выражением на лице и большими глазами навывкате, которые смотрели на окружающих и ничего не видели. Прохождение службы у этого человека оказалось обычным для зятя крупного военного чиновника. Два года после училища прослужил замполитом роты, а затем удачная женитьба на дочке первого заместителя начальника ГУКА МО СССР продолжила его стремительный рост: комсомольская труба и крепкая рука тестя позвали его на генеральские должности. Он — по-мначпо по комсомолу дивизии, затем помощник начальника политотдела корпуса, помНПУ Северо-Кавказского военного округа по комсомолу... Ключников отмечается на должности заместителя, а затем начальника политотдела 41-й учебной дивизии, что дислоцировалась в Грозном. Дальнейшая служба проходит в группах войск за границей. Сначала Центральная, а затем Западная группа советских войск. Без войн и катаклизмов на грудь упали два боевых ордена и амбиции маршала. Для этого есть все — он уже первый заместитель начальника политотдела армии. После многих лет службы за границей, естественно, Виктор — обеспеченный, пожалуй, даже очень богатый человек. Теперь предполагалась короткая остановка

для получения генеральского звания в престижном Днепропетровске, а в будущем — хорошая, спокойная служба в Москве под патронатом тестя. Ключников оказался очень тяжелым руководителем, беспощадным, крутым и несправедливым к людям, они для него были просто отработанным материалом. Злые языки сообщали, что до 32 лет он якобы грешил «голубизной», и даже в Днепропетровске органами военной контрразведки был зарегистрирован неприятный инцидент с солдатом, водителем его служебного автомобиля. Появление в штабе армии «нового чэвэеса» вскоре почувствовали многие офицеры, которых коснулись ежедневные нервные «разборки». Это он называл «знакомством с людьми и индивидуальной работой». Доставалось всем — и командирам, и инженерам, и политработникам. Примечательно, что первым попавшим под маховик наказаний главного воспитателя армии оказался подчиненный ему офицер-политработник. С этого началась вакханалия издевательств над людьми. Через три недели пребывания в должности он снял и уволил в запас боевого и толкового замполита разведбата 94-й дивизии майора Легостаева. Вслед за этим остро и принципиально, со скандалом поставил перед командармом вопрос о снятии командира так ему не понравившегося разведывательного батальона.

А комбатом был герой афганской операции «Воздушный мост» подполковник Николай Николаевич Мауренко. Он был высоким, спортивно сложенным, красивым мужчиной. Имел смелый и дерзкий характер, как большинство настоящих военных разведчиков. Командуя два года 650-м отдельным разведбатом 5-й мотострелковой дивизии в Шинданде, не вылезал с «боевых». Одна «война» сменяла другую, и не было им конца. Подчиненные воевали хорошо. Среди его солдат и офицеров было 5 кавалеров ордена Красного Знамени; 235 — Красной Звезды; 20 — «За службу Родине в ВС СССР»; 372 — медали «За отвагу»; 323 — медали «За боевые заслуги». Эти цифры о многом говорят фронтовикам. Мне довелось быть знакомым с отчаянными разведчиками его батальона старшими лейтенантами Арихина И.В., Лазоренко А.А., Извековым А.И., Карповым И.Г., сержантом Покрецуком А.М. Хорошим боевым замполитом запомнился мне и афганский друг комбата капитан Воронин В.И.

После Афганистана все происходящие вокруг меня события я оценивал с точки зрения боевого опыта. Все сравнивал: как было

там и как здесь?! К глубокому сожалению, сравнения были не в пользу настоящего. Я продолжал жить моральными принципами войны. И даже сейчас, хотя прошло четверть века, я считаю, что время, проведенное там, «за речкой», было самым чистым и нравственно насыщенным. Оно было лучшим периодом моей службы. Как нас воспитывали: «Совершил подвиг — это не значит довольно, стань к сторонке, послужил, напротив, долг присяги учит нас служить до последней капли крови, до потери последних сил...». Строки эти написаны в 1813 году, а мы считали их актуальными для себя. Мы думали, от нас ждут такой службы, но глубоко ошибались. Мирная жизнь и военная служба в мирных условиях не принимала нас. Кто мог оценить Мауренко? Только афганец! Но на его пути встретился мерзавец, имеющий большую власть, которого побаивались даже генералы нашей танковой армии... Я переживал за Николая Николаевича. Мне за несколько последних недель, предшествующих выводу войск из РА, довелось близко сойтись в боевой обстановке с комбатом Мауренко. Этому способствовали боевые действия по отражению налетов душманов из кишлаков Музаффар, Зульмабад под Шиндандом. Обстрел реактивными снарядами пункта постоянной дислокации военного городка дивизии и ликвидация последствий возникшего пожара, вынос пострадавших. Но особенно памятной оказалась последняя боевая операция в феврале 1989 года. И этого смелого и талантливого офицера Ключников решил снять с должности. Он был бесконтролен и циничен, не считался ни с чьим мнением. Попытки офицерской общественности заступиться за комбата не дали результатов. Вскоре Мауренко действительно был уволен в запас.

А чему удивляться?! Если к маю того года в частях Киевского Военного округа проходили службу 2872 воина-интернационалиста (из них — 9 генералов; 1300 старших офицеров; 856 младших офицеров; 706 прапорщиков), то к концу года, после снятия командующего войсками КВО генерала Громова, тысячи афганцев «ушли» в запас. Среди нынешнего генералитета МО Украины практически уже нет боевых офицеров, которые прошли афганскую войну.

Почему я не заступился за опального командира разведбата? Потому, что к тому времени сам подвергался репрессиям со стороны нового начальника, который стремился всяческими путями снять меня с должности. Но это отдельная история.

В тусклые пасмурные дни, когда луч зарю никак не свяжет,

мое настроение на службу было, как у доживающего человека, удрученного одиночеством. Серые будни только дважды осветили два события. Ровно за год до ГКЧП приказом МО СССР №01145 мне присвоили звание полковника. А через три месяца молодого полковника отпустили в очередной отпуск. Остававшаяся за начальника медслужбы армии, пожилая врач-фронтовичка Кузьмина Антонина Антоновна, встретив меня в коридоре штаба, заботливо спросила:

— Олег Владимирович, я слышала, вы идете в отпуск? А почему вы не берете путевку в санаторий?

— Вы знаете, я ни разу не ездил и такой привычки еще не имею.

— Это неправильно. Я в сейфе начмеда армии нашла пачку старых путевок, уже пропавших, но есть там и действительные до конца этого года. Он же, как собака на сене — ни себе, ни людям. Все торгует путевками. Пока его нет. Может, что-то выберите. Зайдите ко мне.

Действительно, из большого количества приличных путевок я выбрал одну — семейную — в Сочинский военный санаторий имени К.Е. Ворошилова.

Для присмотра за детьми мы попросили приехать мою маму, она благосклонно откликнулась на наш призыв и через несколько дней прилетела к нам из Челябинска. Наши сборы были недолгими.

Выехав из дождливого, холодного и неуютного Днепропетровска, через 18 часов мы с Галусей оказались в залитом жарким солнцем прекрасном южном городе. Сочи издавна является крупнейших в СССР приморским бальнеологическим (Мацеста) и климатическим курортом, основанным в далеком 1838 году. В советское время в том сказочном городе побывали в качестве отдыхающих многие жители нашей страны. Это уникальный город, протянувшийся на 150 км вдоль берега моря, от реки Шепеи до реки Псоу. Включающий в себя Лазаревский, Центральный, Хостинский, Адлеровские районы. На его территории размещался институт курортологии и физиотерапии, современные театр и цирк. Имелись аэропорт, крупный морской порт и железнодорожная станция. На тот год в городе проживало было 300 тысяч жителей.

Номер в санатории нас порадовал. После тесноты и неуютности общежития, где мы ютились впятером в комнатке площадью в 18 квадратных метров, мы оказались в просторном помещении с

высокими трехметровыми потолками, громадной кроватью и уютными подсобными помещениями. Вплотную к зданию рос громадный кипарис. От него исходил приятный аромат пряности. Ветви на ветру колыхались и били о стену, как птица перед взлетом. Выйдя с Галюсей на эти звуки на лоджию, удивились и восхитились красоте открывающейся перспективы. Как было здорово... Мы — в Сочи. Мы — на отдыхе. На море — полный штиль. И внутри у нас душевный покой, который, наверно, можно назвать настоящим счастьем ...

Сбросив пропотевшую за дорогу одежду, мы залезли в громадную ванную, которая была таких размеров, что просто поразила наше воображение. «В такой ванной, наверно, Ворошилов мог купать своих коней». Мы резвились под струями горячей воды, пахнувшей сероводородом, как дети. Решили так — сегодня отдыхаем с дороги, изучаем городок санатория, а завтра с утра идем купаться, тем более, что было еще довольно тепло, и отдыхающие повсюду загорали и купались...

Однако утром нас ждало разочарование. За ночь нас догнал холод, спускавшийся с севера. Небо затянуло тучами, пошел мелкий противный дождь, и летний купальный сезон, плавно перешедший в бархатный, с нашим приездом резко закончился. Мы все же, конечно, бывали на море, но было зябко, и забежать в воду можно было только на несколько секунд.

Несмотря на финансовые проблемы, мы смогли позволить себе совершить несколько экскурсионных поездок по замечательным местам Северного Кавказа: на озеро Рица, в Ново-Афонский монастырь и Пещеру, Гагры, Сухуми. Побывали в дендрарии и пивном баре «Золотой петушок». Ходили в кино. Пытались побывать в театре и цирке, но это был период затухания активной концертной деятельности, а потому, даже купив билеты, мы не смогли полностью реализовать свои планы.

Одна экскурсия запомнилась очень остро. С утра всесоюзное радио томным голосом Малинина умасливало корнета Оболенского надеть ордена, вызывая ностальгию о белой гвардии. А эта встреча с советской историей оказалась неожиданным потрясением юности. Ни о чем не подозревая, мы, совершая обычные пешие прогулки по городу, забрались чуть левее от Курортного проспекта, потому что где-то впереди мелькнуло строение, напоминающее своими пропорциями Пушкинский Музей в Москве. Мы шли на этот ориентир, а

когда седые платаны расступились, мы наткнулись с шагнувшим навстречу памятнику. Полы длинной шинели откинута, маузер на поясе. Корчагин. Что он делает в этом праздном городе? Зачем он и зачем эта тревога?.. Осень, конец сезона, и вдруг — этот мятежный человек с заряженным маузером. Его шинель из гранита, невидящий взгляд, устремленный поверх тебя... Ах, это же Павка... легендарный Николай Островский. За памятником — Дом-музей.

Николай Островский когда-то был самым почетным жителем этих респектабельных мест. Писатель, написавший учебник жизни под названием «Как закалялась сталь». Книга эта больше не в ходу. Островского теперь не почитают ни как мученика, ни как героя. Для тех, кто ныне может позволить себе отдых в Сочи, Островский — анахронизм, нежелательное напоминание о том, что жизнь только тогда имеет смысл, когда она — борьба! Как известно, он не собирался разнеживаться в Сочи. Боевые походы, узкоколейка в Боярке... Холод, голод, подступающий тиф — привычные обстоятельства его жизни. Он здесь — в неволе, узник, приговоренный к неподвижности, с вечной тьмой в глазах. Правительство построило ему дом, полный южного солнца и целебного воздуха, дом с обступившими со всех сторон кипарисами. Дом странный. Строили его люди, объявившие мир хижинам, войну дворцам. И потому постройка эта — некое представление о комфорте тех, кто никогда не знал благополучия и не стремился к нему. Строили дом для Павки, для своего героя... Теперь это — мемориальный Дом-музей Николая Островского. Его хозяйка Людмила Михайловна Пищулина, которая встретила нас на пороге, считает, что в этих тщательно оберегаемых ею стенах все — корчагинское, все — островское, все — живое...

— В смысле архитектуры, — поясняет она, — дом по тем временам роскошный... Ведь Сочи маленький городок был. Ну начнем с того, что даже основная наша трасса — Курортный проспект — тогда еще не была построена, и передвижение было на телегах. Дом этот, собственно, подарок правительства! Писатель-орденоносец! Но что любопытно: ведь Островского как писателя официальная критика не признавала очень долго. В самых высоких официальных кругах Островского тоже практически не замечали.

— То, что вы говорите, для меня новость, — перебиваю рассказчицу. — Один из столпов социалистического реализма, пи-

сатель, на творчестве которого строилась идеология, — и полное пренебрежение правительства — это что-то неожиданное...

— Дело в том, что огромная популярность пришла к Островскому снизу, — ответила Людмила. Как только начала издаваться «Как закалялась сталь», а она издавалась в журнале «Молодая гвардия», редакцию завалили письмами. А официальная критика Островского практически не замечала. Когда Островский поселился в Сочи и писал тут вторую часть романа «Как закалялась сталь», даже жители-соседи не знали, что на их улице поселился больной, слепой парень, который что-то пишет! И которому нужна человеческая помощь. А время-то какое было — голод, люди ему принесли хлеб, фрукты — подкармливали. Родные целый день на работе: мать помыла мыла, жена — посуду. Писали под его диктовку. Когда рукопись уже в окончательном варианте готовилась к печати, было подсчитано, что она написана 19 различными почерками. Писала 12-летняя племянница печатными буквами, и полуграмотные писари писали.

— Но существует версия, — сказал я, — что эту книгу написал за Островского Валентин Катаев.

— Версий существует очень много, — ответила Пищулина, — о том, что писали и Анна Караваева, и Марк Колосов, которые были редакторами журнала «Молодая гвардия». Но это не доказано! Я три десятка лет работаю в этом музее, мы знакомимся и с архивами ЦГАЛИ, и с тем, что хранится у нас в музее, а у нас богатейшие основные фонды — нигде не подтверждается то, что за Островского кто-то написал его роман. Сам он говорил: «Я всю жизнь боролся за целостность своей книги. Особенно с теми горе-редакторами, которые пытались «всунуть» туда что-то свое». Во-первых, это неординарная личность прежде всего, я всегда относилась к нему как к человеку удивительного мужества, скромному и чистому. Так же к нему относились и литераторы, умевшие видеть за фактом явление. Первая статья, поддерживающая роман «Как закалялась сталь», принадлежала Андрею Платонову, «Спасибо вам за вашего Павла Корчагина, — писал он. — Если бы не было вас, то мы все были бы гораздо беднее...»

Приведу по памяти фрагмент одного письма: «Порыв желаний бороться за свободу и равенство бросил меня в гражданскую войну, но я быстро понял, что душисть кого-то — это еще не значит завоевывать свободу...»

Подумайте, это писал мальчик, которому было 18 лет...

— А что сегодня вы рассказываете об Островском тем, кто приходит в музей?

— Сложность в том, — отвечает наша собеседница, — что раньше в музей приходили подготовленные люди. Приходили первоклассники, и они уже знали, кто такой Николай Островский и кто такой Павел Корчагин. Сейчас даже со старшеклассниками проблема: для них Николай Островский, автор романа «Как закалялась сталь», и драматург Александр Островский — одно и то же. Тех, кто хочет искренне познакомиться и что-то узнать, гораздо меньше. Но вот что ценно: среди этих немногих часто встречаются люди, которые приходят не тебя послушать, а чтобы их кто-то послушал, приходят высказаться, в чем-то разобраться...

— Василий Лановой или Владимир Конкин, исполнители роли Павла Корчагина, сюда заглядывают?

— Василий Лановой всегда, когда бывает в Сочи, заглядывает к нам. Он, кстати, не первый исполнитель роли Корчагина. Была еще экранизация сорокового года, где Павку играл Петренко. У него была бронь, но он ушел на фронт и там погиб. Что же касается Ланового — я очень уважаю этого артиста. Мне нравится его позиция. Слышала, как он однажды в телепередаче спорил с оппонентами Островского и защищал своего героя. Он, в отличие от других артистов, не отказался от Павки по идеологическим соображениям.

Да, Василий Лановой не отказался. Василий Лановой — кино — Павел 50-х годов, Владимир Конкин — «телеотражение» Корчагина 70-х годов. Оба похожи, хотя между актерами нет никакого сходства. Похожими друг на друга их делает Корчагин.

— Супруга Николая Алексеевича, Раиса Порфирьевна, часто навещала в музей?

— Часто я сама с ней встречалась... — сказала Людмила Михайловна.

— Она осталась верна памяти Островского?

— Вы имеете в виду ее личную жизнь? Дело в том, что, когда Николай Алексеевич умер, Раиса Порфирьевна как-то позвала Раю к себе и сказала:

«Рая, я вижу, Дима на тебя заглядывается! Ну ты уже и так наша, давай-ка оставайся с нами!» И Раиса Порфирьевна вышла замуж за старшего брата Николая — Дмитрия. И потом, в 1947 году, у них родилась дочь... Дочь иногда бывает здесь...

Жизнь остановилась в этом доме 22 декабря 1936 года. Часы в столовой показывают время этой остановки — 19.50. Здесь, в этом доме, изо всех сил пытаются задержать последний год жизни писателя, а за окнами — другое время, другая эпоха, другие идеи. Как принял бы автор знаменитой книги конец XX века все то, что так исковеркало нашу страну и ее людей?

— Ой, вопрос очень сложный. Ну как можно на него ответить? — Хранительница всему? Потому что вы как бы напитались духом этого дома?

— Не поэтому. Возьмите даже Солженицына. Вернувшись домой, он стал говорить о том, что многое из того, что мы так легкомысленно сломали и уничтожили, ломать и уничтожать было нельзя. Возьмите отношение к детям. При том, что нас строили в колонны и мы ходили под барабаны и горны, у нас было детство. А наши дети сейчас никому не нужны! Они брошены. Понимаете? Поэтому я не знаю, как бы относился Николай Алексеевич ко всему этому.

— «Новые русские» к вам не заглядывают? — спросил я у Пищулиной.

— Нет, «новые русские» не заглядывают, конечно. Здесь есть отель «Лазурный», отель «Дагомысский комплекс» — ну зачем им ходить в музей Островского?! Зачем? Хотя, может быть, у какого-нибудь «нового русского» и проснется чувство патриотизма, какая-то ностальгия...

...В Доме-музее совсем не стало посетителей. Той осенью по его комнатам мы бродил практически в одиночестве. Обязательных экскурсий сюда больше не водят. В школьных программах Островский потеснен новыми литературными пророками... Может быть, нет худа без добра? Перестав быть обязательным, Николай Островский станет необходимым. Необходимым для тех, кто ищет и находит в прошлом поддержку, тех, кто вычитал, увидел в корчагинской судьбе свою жизнь. Я не имею в виду биографию, я имею в виду преодоление немоции, недуга. Преодоление и познание себя. Тайну своей силы, позволяющей нам бросить вызов тому, что посягает на нашу свободу, наши права и человеческое достоинство... В разное время нам было по-разному тяжело, но мы собирались с духом и не отступали. В жизни нашей, как и в истории, в литературе, таких примеров предостаточно... Не знаю, как новостройки олимпиады 2014 года отразились на судьбе этого уникального музея...

А в тот период Кавказ начали сотрясать первые волнения. По недомолвкам и недосказанностям наших экскурсоводов мы чувствовали напряженность и взрывоопасность момента. Ведь в пределах Кавказа проживало около 60 коренных народов. Все они густо перемешаны и нередко относятся к разным языковым группам и даже семьям. Горный ландшафт способствовал обособлению большинства народов. Кроме того, здесь сошлись две мировые религии: христианство и ислам. Только на Северном Кавказе существовали автономии объединяющие по два народа: Карачаево-Черкессия, Кабардино-Балкария, Чечено-Ингушетия (а в Дагестане их более трех десятков). И только здесь одни и те же народы разведены в автономии по разным республикам: осетины — в России и Грузии, армяне — в Армении и Нагорно-Карабахской АО Азербайджана. Совершенно особым процессом явились депортации народов: турок-месхетинцев, курдов, карачаевцев, балкарцев, ингушей, чеченцев (всего более 600 тысяч чел.). На их место были заселены другие, ставшие конкурентами вернувшимся из ссылки. Менее чем через год на Кавказе начнутся столкновения и кровопролитные войны, в которых польется кровь моих товарищей из спецназа...

...Вернувшись в Днепропетровск, мы продолжали выживать в новых экономических условиях. Я очень часто вспоминал своих товарищей по Джелалабаду и Кабулу, тяжело переживая окружающих беспредел. Большую тревогу вызывали участившиеся случаи противоправных действий в отношении военнослужащих. В ряде мест грубые оскорбления в их адрес все чаще стали перерастать в преступные посягательства на их жизнь. Только за 1990 год от рук хулиганов пострадало на территории Украины свыше 500 военнослужащих. Совершались и вооруженные нападения на отдельных военных, на охраняемые объекты, в том числе склады с оружием и боеприпасами. На моей памяти подобные инциденты в Днепродзержинске, Кременчуге и Днепропетровске.

Воспользовавшись предоставленными свободами, попирая только что появившиеся ростки демократии, возникли многочисленные экстремистские силы, взявшие курс на ликвидацию СССР, развал государства и захват власти любой ценой. Все советское стало подвергаться охаиванию. Были позорно растоптаны результаты общенационального референдума о единстве Отечества. Циничная спекуляция на национальных чувствах была лишь ширмой для удовлетворения амбиций отдельных личностей.

Главный удар был нанесен по армии. Список жертв бандитских нападений, к сожалению, рос. Только в наш Днепропетровский военный госпиталь в тяжелом состоянии были доставлены с травмами и ножевыми ранениями десять военнослужащих. В своем блокаде я пометил их фамилии. Обратите внимание — оскорблению подвергались не только офицеры, но и солдаты.

6 февраля в Днепропетровске был избит неизвестными старший лейтенант А.А. Бидзан; в день Советской Армии — курсант И.Н. Тищенко; 7 марта прапорщик В.И. Пожарский; 10 марта — старший лейтенант А.Д. Рудько. Издеваясь над жертвой, преступники отрезали ему ухо, нанесли ножевые ранения. Тринадцать суток боролись за жизнь офицера врачи, но спасти не смогли. Не приходя в сознание, он скончался. Тяжелыми последствиями закончились встречи с бесчинствующими молодчиками для капитана К.Ткачева, прапорщика Е.Магура. 1 сентября неизвестными выброшен со второго этажа и получил открытую черепно-мозговую травму сержант М.С. Гуркин. Через две недели старший прапорщик А.И. Черноморец избит палками и получил закрытые винтообразные переломы обеих костей правой голени со смещением обломков. Едва не закончилось трагедией нападение 8 октября на моего подчиненного майора И.Л. Путилова. Абсолютно безобидный в мирной жизни человек, который даже с женой не умел пререкаться, неожиданно подвергся бандитскому нападению. Днем, в центре города, на улице Исполкомовской, он пролежал долгих два часа с черепно-мозговой травмой и гематомой брюшной полости. Прохожие видели растерзанное, окровавленное тело офицера и проходили мимо. Вывернутые из карманов документы майора трепал ветер, но никто не проявил участия. Ближе к вечеру на лежащего военнослужащего наткнулся старик-ветеран войны и вызвал милицию, которая сразу отвезла Игоря в военный госпиталь, где его прооперировали. 14 декабря был зверски избит и потерял память рядовой Э.В. Тарасенко. Нападения совершались и на членов семей военнослужащих.

Ни в одном случае преступники задержаны не были.

По оперативным данным, в Днепропетровске действовала специальная группа тренированных молодых людей, занимавшихся избиванием военнослужащих. У них был автомобиль Газ-24, кастеты и холодное оружие. Определена была в каждом конкретном случае и сумма денежного поощрения в зависимости от воинского звания

пострадавшего. Об этих и других фактах я докладывал в политуправление округа. По распоряжению командующего войсками округа мне было поручено сделать доклад на заседании военного совета КВО в Киеве. На совещание кроме командиров и политработников были приглашены представители средств массовой информации и правоохранительных органов. Выступал я эмоционально, с жаром и не выдержал регламента, определенного мне, стараясь высказать все, что спланировал. Мною в докладе было отмечено, что действия экстремистов подогреваются разнузданной антиармейской кампанией, инициаторами которой выступают УРП, СНУМ и другие общественные организации. Именно с их подачи на военнослужащих навешивались ярлыки оккупантов. Инициаторами дискриминации выступали и некоторые местные органы власти. Иначе как безответственными нельзя было назвать ряд решений Днепропетровского и Криворожского горсоветов, когда группы контролеров «вылавливали» военных на транспорте.

А сколько допущено актов вандализма по отношению к памятникам воинам-освободителям! Стали обычным явлением в печати публикации, оскорбляющие армию. Тон задавали не только западные газеты. Городская массовая газета Днепропетровска в одном из номеров позволила себе прямо-таки хамские оскорбления в адрес «комиссара» А.Василькова. Во Львове командующего КВО Б.Громова назвали «черным полковником», «палачом афганского народа», «кандидатом в диктаторы».

В ходе обсуждения доклада выступающие, представители Черниговской общевойсковой и Винницкой воздушной армий, добавили немало других примеров, когда по отношению к военным допускались действия, идущие вразрез и с законами Украинской ССР, и с человеческой моралью... Было отмечено, что все это оказывает существенное влияние на офицеров и солдат. Моральный террор и политический прессинг в отношении военных не могут в дальнейшем оставаться без ответа. Защитники Родины вполне в состоянии сами себя защитить, но пока сохраняют надежду на то, что это сделает государство, органы власти. По итогам состоявшегося на военном совете обсуждения ни в одной газете Украины поднятая тема «Единства армии и народа», так и не получила освещения, а ведь командующий пригласил журналистов не просто послушать. Этот пример наглядно демонстрирует ситуацию, сложившуюся в общественной жизни союзной республики тех лет... Страной уп-

равляла и продолжала вершить суд — четвертая власть — так называемые перестроечные средства массовой информации.

Резко упал авторитет партии. За девять месяцев 1990 года из КПСС вышли 14 тысяч человек, хотя прием еще продолжался, и за этот период вступило 37 тысяч. В нашем объединении прием снизился на 74%: если в 1989 году в партию вступило 95 человек, то в 1990 — 36. Из КПСС вышли — 127 человек, по нежеланию оставаться в её рядах — 90 человек.

Появились никому ранее не известные политические авантюристы. Их хорошо поддерживал Запад. Канада поставила оргтехнику и средства связи. Создавая обстановку морально-политического террора и пытаясь прикрыться щитом народного доверия, они призывали к новому «нюрнбергскому» процессу над КПСС. Забывая, что осуждаемые и разрываемые ими связи устанавливались на основе куда более широкой народной поддержки, прошедшие к тому же многовековую проверку историей. Срочно из-за границы были доставлены позорные учебники истории, которые стали представлять как настоящие летописи народной правды. Этих «лидеров» неожиданно поддержали власть предержавшие.

В то хлопотное время группу руководящих политработников, ведущих пропагандой пригласили в Киев на сборы, организованные политуправлением округа. Поселились мы в гостинице «Красная звезда» на Крецатики, а заседали в окружном Доме офицеров. В программе, которую раздали участникам, одним из докладчиков значился заведующий идеологическим отделом ЦК КПУ Л.М. Кравчук с темой «Идеологическая борьба КПСС в условиях перестройки с проявлениями буржуазного национализма, международного сионизма и воинствующего клерикализма». Выступал он неинтересно — тупо читая многострочный текст, банально цитируя классиков марксизма. Во время обсуждения доклада мы задавали ему острые вопросы о сложившейся ситуации в стране и армии, обращая внимание на то, что разгул политического терроризма по сути ведет дело к свержению конституционного строя. И украинский идеолог Кравчук нам сказал: «Вы правильно говорите, но что мы можем сделать!». Его выступление, так же как и выступление лохматого поэта Ивана Драча, потонули в гуле негодования.

Когда Кравчук баллотировался в президенты, за него голосовали в надежде, что он как коммунист что-то сделает в защиту народа и отечества. Однако ни он, ни Драч бойцами не оказались.

Первый стал одним из разрушителей СССР, а второй — «прокурором» советских времен. Примерно через год Кравчук говорил прямо противоположные суждения... В апреле 1993 года, уже в бытность президентом, Кравчука спросили журналисты:

— Должны ли быть у политика чистые руки?

— У меня чистые замыслы. Но когда начинается их реализация, тут уж совсем другое дело, — ответил он.

— Беловежские соглашения — это раздел общей страны на троих. Многие с этим не согласны.

— Вот тут вы не правы, — ответил Кравчук, — Когда я первый раз приехал в Америку и встретился со своими земляками, они плакали от счастья. — Теперь, — говорили, — у нас есть свое государство...

На совести таких как он, искалеченные судьбы более полу-миллиона беженцев из бывшего СССР и гибель сотен жертв межнациональных конфликтов. Кризис власти с каждым днем катастрофически сказывался на экономике. Переставали дымить трубы местных заводов. Хаотичное стремление к так называемому рынку привело к разрушению единого народно-хозяйственного механизма. Результатом стало резкое падение уровня жизни народа, продукты в магазинах мы стали получать по карточкам. Из процветающей республики, откуда совсем недавно я возил в голодный Псков мясо, колбасу и другие продукты, Украина превращалась в бедствующий край. Буйным цветом расцвели спекуляция и теневая экономика...

В год моего приезда в Днепропетровск еще шло плановое строительство жилья. Я был 129-м в общем списке и 12-м в льготной. Специалисты КЭЧ успокаивали, что на следующий год я буду жить в своей квартире. Они глубоко ошиблись. Я получил квартиру только через пять лет. Стоящие в очереди за мной двадцать лет оставались бесквартирными. И жилищная проблема продолжала ухудшаться, хотя на дворе пошло другое тысячелетие... Практически во всех больших городах почти на каждом столбе появились объявления: «Семья военнослужащего снимет квартиру...». Более 3000 военнослужащих ждали своей очереди на получение жилья в Днепропетровске. Отмечались факты, когда очереди на жилье удваивались в течение года. Усугубил положение обвальным вывод войск из Восточной Европы.

А дело обстояло так. Через несколько дней после приезда Ключникова, 10 апреля 1991 года, в моей службе произошло собы-

тие, круто переменившее мое служебное и человеческое положение в коллективе военно-политического отдела (так он в то время стал называться). Согласно плану изучения мобилизационных ресурсов, утвержденному приказом командарма, мы ежемесячно работали в военкоматах города и области по командам № 460, 879, 880. Это был офицерский, сержантский и солдатский состав для комплектования частей (редакции, типографии, военного ансамбля, подразделений спецпропаганды) на военное время.

Работать предстояло в Кировском, Жовтневом, Амур-Нижнеднепровском военкоматах, значительно удаленных друг от друга. Как заместитель начальника политотдела я спланировал для выезда со мной подполковника Сокола и старшего лейтенанта Шовку. Последний должен был вызвать орядро одного формирования на однодневные сборы, запланированные на ближайшее время.

Мой сверстник начальник план работы утвердил. Выезд разрешил, но Шовку приказал с собой не брать. Все мои доводы о секретных документах, находящихся в руках Шовки, о важности обеспечения им предстоящего сбора не возымели действия. Я воспринял эту выходку Ключникова как очередной каприз непосвященного начальника. Вся моя предыдущая служба выработала у меня смелость в принятии решений, если это касалось интересов дела. Потому, не колеблясь ни секунды, я, в нарушение его приказа, посадил Шовку в машину и на 15 минут отвез в облвоенкомат для сдачи в секретную часть пакета, находящегося у него на руках. После чего доставил его обратно в штаб армии, на улицу Чичерина. Никакого криминала за это время не произошло.

Весь рабочий день у меня прошел в военкоматах, где я встречался с военными комиссарами, начальниками 1-х и 3-х отделов. Изучал документы на приписной состав команд. Ближе к вечеру, в АНД районе, по громкоговорящей связи для меня передали сообщение: «Немедленно позвонить начальнику военно-политического отдела!». Однако в кабинете я его не застал и для уточнения задачи перезвонил заместителю начальника штаба генералу Литвинову В.П. На мой вопрос о том, что случилось, он ответил:

— Точно не знаю, какой-то скандал! — Завершай работу и приезжай к нему на доклад к 20.00. Он уже дал команду вызвать, кроме тебя, первого зама и начальника отдела кадров политотдела.

Это сообщение меня насторожило.

За короткий период пребывания на должности моего нового начальника я был свидетелем многих нелидецеприятных разносов начальников служб и отделов штаба армии, которые он устраивал строптивым офицерам в своем кабинете. Вероятно, дошла очередь и до меня ...

Я проанализировал рабочий день. Задание мобилизационной недели выполнено мной полностью. По удостоверениям № 7, 8, 9, 10 (на имя Шовки, Сокола), по № 33 (на имя Ключникова) мною изучено 50 человек, о чем сделаны отметки в журналах изучения приписного состава. Заявки о представлении на однодневные занятия личного состава оргдра также своевременно переданы исполнителям.

Я допустил свободное толкование приказа о привлечении молодого коллеги к работе в военкомате, но это чистейшие мелочи, и я не представлял, что это станет главным козырем ЧВСа против меня. В определенное нам время все перечисленные мною зашли в кабинет начальника. Он минут пятнадцать демонстративно дружелюбно вел с ними беседу на пустяковые темы — о погоде, о последних новостях и т.д., совершенно, казалось бы, не замечая меня. Мое напряжение нарастало. Сели за стол. Мне определили место, как у следователя на допросе — напротив Ключникова, слева полубоком ко мне сидел первый замначальника политотдела, справа — начальник отдела кадров. Я увидел еще при входе в кабинет, что у него в папке с бумагами лежало мое личное дело.

Наконец приступили к делу. Налившись кровью, глаза ЧВСа готовы были вылезти из орбит, — он закричал на меня, все более распаляясь от своего крика:

— Вы какой получили приказ на сегодняшний день?

— Докладываю! Я от вас получил приказ провести работу в военкоматах с приписным составом. Задание на день выполнено полностью.

— Я вас еще раз спрашиваю. Какой приказ был вам отдан утром?

— Докладываю, по вашему устному приказанию, а также в соответствии с удостоверением № 33 от 8 апреля сего года за вашей подписью, мне было поручено провести приписку офицеров запаса для политотдела армии.

— Вы что, не понимаете вопроса? Или дураком прикидываетесь?

— Я вопрос понял. Докладываю вам по его существу. Мне согласно приказу командарма о мобработе была поставлена конкретная задача работы на неделю. Задание мною выполнено полностью.

Ключников еще более разъярился. Ударил кулаком по столу и, обращаясь к начальнику отдела кадров, сказал: «Протоколируйте его ответы на мои вопросы. Это ему будет стоить очень дорого! Я его в порошок сотру».

— Вы почему не выполнили мой приказ не трогать старшего лейтенанта Шовку?

— Товарищ член военного совета! В отношении Шовки докладываю. Он — как один из моих подчиненных — имеет доступ к секретным документам. На него было выписано несколько бумаг, которые следовало по реестру передать в облвоенкомат. Я взял на себя ответственность — на 15 минут вывез его для их сдачи... Весь день после этого он провел в политотделе на рабочем месте.

— Еще раз вас спрашиваю. Почему вы нарушили мой приказ?

— Я выполняю обязанности заместителя начальника политотдела, и Шовка мне подчинен. Как было заведено еще до вас, мне поручалось планировать загрузку рабочего дня подчиненных. Для своевременного выполнения задания на день я принял решение на четверть часа задействовать подчиненного в интересах дела.

— Не вам судить о деле, я вас сниму с должности и отправлю пасти телят.

— Извините, товарищ член военного совета, но нет оснований для снятия меня с должности. Я пунктуально выполняю свои обязанности. Основанием этому приказы командарма.

— Я не потерплю невыполнения моих приказов. На очередном военном совете будет рассмотрен вопрос об освобождении вас от должности. Геннадий Иванович, подготовьте документы!

И — о ужас, мой афганский товарищ, бывший начальник политотдела дивизии, покорно и с подобострастием закивал головой. А ведь при Василькове в подобной ситуации — преследования этого человека, я резко выступил против аргументов начальника, чем спутал его карты. Васильков изменил свое решение и оставил его в покое. Когда закончилось то памятное для меня совещание, Васильков попросил меня остаться и сказал несколько слов:

— Кривопалов, ты не прав, это нехороший человек. Придет время, ты убедишься в этом на собственной шкуре.

Я ему тогда ответил прямодушно:

— Товарищ член военного совета, если бы даже он был неправ, я как афганец должен был бы его поддержать. Есть такое понятие — «афганское братство».

Выходит, прав был в оценке этого человека генерал Васильков.

Для объективности следует сказать, что он был умным и толковым политработником. Умел и любил выступать. Грамотно писал бумаги, доклады и донесения. Способен был организовать любое дело. Но в Афганистане о нем отзывались как о штабном политработнике. На боевые не лез. «Командовал» военторгом. В Афганистане некоторые политработники, осуществляя руководство, а чаще возглавляя, общественный контроль за торговлей, прибирали её к рукам, и без их ведома никто не имел права заниматься реализацией товаров. Волевой начальник политотдела быстро нащупал золотую жилу и аккуратно делал свой бизнес, снабжая дорогими подарками прибывающих в Шинданд начальников и проверяющих. После возвращения в Союз купил себе личный автомобиль «Волга». И еще я заметил, что он дружит не по принципу товарищества, а по оценке нужности человека. После увольнения из армии в 1994 году с должности помощника командующего армией по социально-психологической службе (была такая, вместо политотдела), эта его струнка раскрылась полностью. Он открыл свое дело и неплохо развернулся в предпринимательстве.

Все переживания разбора усугубились от понимания того, что в трудную минуту мой афганский сослуживец меня малодушно и предательски бросил. В голову ударила горячая волна, в висках застучало... Сквозь пелену затянувшую глаза я смотрел на суровую «тройку», продолжавшую меня пытаться. Все было нелепо: суть повторяющихся вопросов и ответов был все вокруг того же — почему я не выполнил дурацкий приказ?

...Начали читать вслух мое личное дело. Все характеристики, начиная с курсантских, и прохождение по должностям. Список наград. Служебную карточку поощрений и взысканий.

Все прочитанное комментировалось и перемешивалось с брашью в мой адрес. Я не ощущал времени. Внутри все кипело...

Наконец был вынесен вердикт:

Я — преступник, виновный перед Ключниковым, меня следует снять с должности! Об этом ЧВС будет ходатайствовать перед

командованием и военным советом. Взыскание за совершенное будет мне объявлено в течение ближайшей недели.

Когда мы выходили из кабинета, был час ночи. Все держались на дистанции от меня, как от прокаженного. И действительно, с той минуты я попал в касту неприкасаемых. Меня сделали изгоем. На служебных совещаниях на меня прилюдно стали кричать и унижать. Это почувствовали все и резко перестроились... Неожиданно мои коллеги и подчиненные открылись передо мной злыми, пакостными людьми. У меня из кабинета стали пропадать вещи, исчезла медицинская книжка, украли бинокль. Мои распоряжения подчиненными стали с шумом обсуждаться и фактически саботироваться. Из всесильного заместителя начальника я превращался в забитого рядового работника, выполняющего отдельные поручения, которые посыпались одно за одним, и я не успевал передохнуть, торопясь не вызывать гнев начальника... Мелкие подлости подчиненных стали перерастать в крупные. Большой свиньей и просто настоящей сволочью оказался бывший сослуживец по Кабулу некто подполковник Сокол.

1991 год характеризовался развалом армии и массовым дезертирством солдат из армии. В июне из Днепродзержинского понтонно-мостового полка одновременно, по сговору, сбежала большая группа солдат армянской национальности. Скандал был громкий, и меня направили в полк, на месте организовать их поиск и возвращение в часть. В один из дней в полк приехали командарм и ЧВС-начполитотдела Ключников. Заслушали мой доклад об организации поиска и первых результатах. А вместе с ними приехал от политотдела подполковник Сокол, который успел обойти посты, выставленные вокруг части и на двух вокзалах города. Зашел в кабинет, где шло мое заслушивание, и от дверей начал докладывать руководству армии, что «Кривопапов организацией поиска не занимался. Посты не выставлены, личный состав не проинструктирован...»

Я опешил от такой беспардонной лжи и наглости. А затем взорвался. Не стесняясь присутствия начальников, я его крепко обматерил, закончив свою эмоциональную речь словами:

— Видел я подлецов, но такую сволочь вижу впервые! Таких, как ты, в детстве из рогатки расстреливали.

— Товарищ полковник, что вы себе позволяете? — Демонстративно, с наигранным негодованием в голосе оборвал меня Ключников. Командующий же промолчал и вскоре вышел из комнаты.

Этот случай стал вторым сильнейшим потрясением для меня после предательства первого заместителя. Там, «за речкой», люди были чище и благороднее. Многие, такие как Сокол, прослуживший в редакции кабульской газеты пять месяцев, вынуждены были приспособляться к законам того общества. Не раз вспоминался мне наш дружный кабульский коллектив политотдела армии.

В отличие от моего афганского начальника, Ключников как руководитель почему-то не плачивал людей, а наоборот — сознательно разобщал. Создавал обстановку, когда в людях раскрывались самые низменные качества — злобность, подхалимство, интриганство. На глазах коллектив отдела разделился на команду Ключникова (в которую входили офицеры придворной свиты), и на группу нежелательных личностей — А.Ф. Суханюка, А.И. Рябуху, В.И. Деркача, Ю.А. Чулкова и др.

Во второй группе были в основном толковые офицеры, пришедшие в политотдел с рабочих должностей замполитов полков, которые долгие годы тянули армейскую лямку в отдаленных гарнизонах, и в КВО оказались случайно. Взять, к примеру, полковника Деркача. Он закончил Харьковское танковое училище. Четыре года командовал взводом, а затем был выдвинут на политработу. Прошел должности замполита роты, батальона, полка в Дальневосточном Военном Округе. За долгую пограничную службу награжден орденом Красной Звезды. Подтверждением этого наблюдения являлась и судьба подполковника Чулкова, золотого медалиста Челябинского танкового училища сразу ставшего в войсках замполитом танковой роты, затем пропагандистом и замполитом полка Забайкальского Военного Округа. Подполковники Суханюк и Рябуха тоже служили в отдаленных округах, оба участвовали в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Оба награждены орденами за проявленное мужество. Все эти гордые и независимые люди, не сложенные новым властным начальником, впоследствии оказались уволены в запас. Одному Юрию Чулкову только удалось уйти сначала секретарем военного совета, а позднее на штабную работу в оперативный отдел штаба армии.

К августу 1991 года общая обстановка в стране становилась критической. Курс Горбачева на ускорение социально-экономического развития на основе научно-технического прогресса, объявленный в 1985 году, оказался обманом. Произошла его подмена сомнительными кампаниями «полного хозрасчета», «самостоятельно-

ти» и т.д., породившими огромный слой теневиков, работающих по принципу «куй наживу, пока Горбачев». В 1987 году заговорили о региональном (республиканском) хозрасчете и планировании, которые и явились троянским конем, развалившим единое союзное государство. В 1990 году была начата ориентация на рынок, на разгосударствление и приватизацию. Но это усугубило экономическое положение. Нарастали дефицит и инфляция, которая достигла 20%. Невиданный размер. В том году СССР впервые за послевоенный период, в мирное время получил падение промышленного производства. Экономический хаос поражал страну. В 1991 году падение объемов производства достигло 8 — 10%. По оценкам ученых, экономика страны откатилась на 15 — 20 лет. Уже вполне осязаемым стало массовое обнищание народа.

Горбачев перестал считаться с мнением специалистов. Он не советовался ни с кем об объединении Германии; о сроках вывода наших войск из стран Восточной Европы (только в КВО приехало около четырех тысяч семей военных, не имевших жилья); о санкциях в отношении Ирака и войне в Персидском заливе. Он наплевал на итоги референдума 17 марта 1991 года, в ходе которого народ высказал мнение за сохранение СССР. Но самым разрушительным оружием оказался горбачевский «социалистический плюрализм». Еще до развала СССР один из видных советологов США Вилдавски с чувством облегчения отметил, что, если плюрализация социализма продлится хотя бы еще несколько месяцев, то никаких военных действий против социалистического блока не потребуется. Данное утверждение не было голословным. Оно опиралось на разработки западной социологии и НИИ ЦРУ, которые доказали, что политический плюрализм является эффективным средством децентрализации и развала государства. Будучи внедренным в страны социализма, он сделал свое дело.

Мне как ответственному за пропаганду политики партии в армии часто приходилось выступать перед офицерами. На одном из окружных сборов с идеологическим активом в Киеве мне лично было поручено подготовить показательную лекцию по современной ситуации в стране. Я долго обдумывал план лекции, а затем в тезисах, опираясь на позиции марксизма-ленинизма, подверг резкой критике политику КПСС и все происходящее в стране... Скандал оказался страшный, меня буквально «скинули» с трибуны, и это в присутствии почти тысячи коллег со всех частей округа. Сказать,

что я был подавлен и очень остро переживал свою неудачу, значит ничего не сказать.

— А как надо было говорить на лекции?

С сегодняшних позиций я понимаю, что был совершенно прав! Но тогда это была громадная затрещина, которая могла стоить мне должности... В конце сборов мой окружной начальник полковник Н.В. Гусаров вновь вернулся к рецензии моего неудачного выступления.

— Мы много нелюбезных слов сказали в адрес полковника Кривопалова из 6-й танковой армии. Надо добавить следующее: он как представитель своего поколения остался верен тем идеалам, которые мы впитывали с младенчества. И это тоже позиция. Нынешняя обстановка настолько сложна, что даже люди науки не могут найти объяснение отдельным явлениям, действиям и поступкам. Я не хочу давать вам окончательных рецептов, как освещать эту тему. Может быть, кто-то согласится с позицией Олега Владимировича, а может, у кого-то будет иной взгляд. Пусть это будет на совести каждого из вас! Мы не видим создания ничего нового и неизвестно — будет ли новое создано. Не пытаемся ли мы в очередной раз, говоря словами Плеханова, «штопать носки, надеясь получить шляпу»? Теперь все продается оптом и в розницу. Все вдруг куда-то исчезло под натиском нигилизма, глубоко безнравственного самооплевывания, словно подтверждая русскую пословицу о глупой птице, которая гадит в собственное гнездо.

Все слушали выступление Николая Викторовича затаив дыхание. Он своим витиеватым слогом давал нам свой ответ на происходящее.

— Я хотел бы напомнить вам одно выражение Салтыкова-Щедрина: «В смысле свободы мышления мы, конечно, не можем похвастаться, чтоб наше прошлое было изобильно благоприятными днями. Но даже в самые трудные времена злобная ограниченность, пошлость и приниженность стремлений не выступали так нагло вперед, не высказывали так явно своей властности». Чем не слепок с нынешней действительности? Властно шагают по городам недобитые бандеровцы, властно отменяются указы президента, властно лезет к микрофону бывший партийный карьерист, признавший вдруг коммунизм «голубой мечтой», громя партию и государство, властно вползает в сознание дешевая демагогия, не доказавшая еще ничем своего умения ни думать, ни работать. Что это — власть народа?

Нет, это власть политической посредственности. Я думаю, что этот сбор у нас последний. Первыми разгонят политорганы, потому что в наших рядах более устойчивая публика, готовая идти до конца».

Слова начальника отдела пропаганды и агитации ПУ КВО оказались вещими. Это была наша последняя встреча. Переживая как личную трагедию ломку государства и поражение коммунистической идеологии, полковник Гусаров в том же году ушел из жизни.

В горячке будней подошел и август месяц, которому суждено было стать переломным. 19 августа 1991 года Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР обратился к народу:

«Бездействовать в этот критический для судеб Отечества час — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия. Каждый, кому дорога наша Родина, кто хочет жить и трудиться в обстановке спокойствия и уверенности, кто не приемлет продолжения кровавых межнациональных конфликтов, кто видит свое Отечество в будущем независимым и процветающим, должен сделать единственно правильный выбор. Мы зовем всех истинных патриотов, людей доброй воли положить конец нынешнему смутному времени. Призываем всех граждан Советского Союза осознать свой долг перед Родиной и оказать всемерную поддержку Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР, усилиям по выводу страны из кризиса».

Вспоминая то время, однозначно я могу отметить, что действия ГКЧП поддерживали и одобряли около 80% населения и моих сослуживцев — военнослужащих нашего объединения.

Для всех было очевидным, что дальше ждать хорошего от Горбачева было нечего. В тех событиях мне пришлось играть немаловажную роль. Мы не выключали приемников и телевизоров. С 19 августа в Москве появились части и соединения сухопутных войск. Командарм Радецкий получил, накануне тех событий, секретное распоряжение от министра обороны спланировать действия войск по взятию под контроль всех важнейших административных объектов на востоке Украины.

Мне единолично в условиях секретности было поручено осуществлять круглосуточное прослушивание эфира и каждый час докладывать обстановку лично командующему и члену военного совета, которые в эти часы сидели в одном кабинете. Кроме того, доверен-

ным лицом являлся замначальника разведки армии полковник В.Сидоренко, которому было поручено подготовить секретный план использования разведбатальонов дивизий армии ко времени «Ч».

Я хорошо помню реакцию начальников на каждый мой доклад, но особо — о подходе к Белому дому в Москве колонны бронетехники под командованием генерала Лебеда. «Все кончено, — сказал тогда Радецкий, — ГКЧП проиграл. Надо решительно действовать, или будет поздно».

Он тут же позвонил в Киев Кравчуку и доложил, что вверенная ему армия выходит из подчинения командующего войсками округа и Москвы, и с сей минуты готова выполнять только приказы Кравчука! Этот предательский шаг по отношению к Министру обороны СССР маршалу Язову не будет забыт благодарным Кравчуком. Предатель очень скоро станет министром обороны и первым генералом армии Украины.

Но поражение ГКЧП больно ударило по Ключникову. Его то поддерживала Москва. А там начались аресты и смена должностных лиц. Приказ на присвоение ему генерала оказался неподписанным... Он стал генералом российской армии только через десять лет.

Через неделю президент СССР Горбачев запретил компартию, а 29 августа своим указом упразднил военно-политические органы в Вооруженных Силах СССР, войсках КГБ и МВД. Оказавшись не у дел, бывший член военного совета Ключников уехал в Москву. Но перед отъездом вызвал меня для беседы и повинулся, что был по отношению ко мне неправ.

— Мне о тебе плохо говорили, и все настраивали против, но сейчас я вижу, что ты порядочный человек! Лукавить нечего, если бы можно было вернуть все сначала, у нас с тобой было бы все нормально... Если вернешься в Россию, а я буду при деле, то я тебе помогу устроиться...

Вместо Ключникова к исполнению обязанностей приступил его первый заместитель. Я сразу категорически отказался с ним работать, так как не мог простить ему подлое поведение, а самое главное, что мои бывшие коллеги под его руководством стали энергично подстраиваться под новые идеологические, пахивающие ярым национализмом, установки — рушить советские символы, внедрять пахнущие нафталином «казацкие» традиции Запорожской вольницы..

С трудом пробиваясь в ту пору сквозь обступившие меня невзгоды, я нуждался в дружеской поддержке. Преданным моим другом и душеприказчиком как и прежде была моя любимая женщина — Галюся. Руку помощи протянул хороший человек, сослуживец по САВО, а в тот момент начальник отдела кадров армии полковник Швецов Николай Михайлович. Его крепкая, приземистая фигура дышала сдержанной энергией, а глаза лучились голубоватым светом:

— Так говоришь, не можем с ними дальше служить? Хорошо!

— Тогда тебе как десантнику, ближе всего будет отдел авиации. — Он пожал мне руку, сказав на прощание;

— Будь здоров! Приказ о переводе будет сегодня к вечеру подписан.

ПЕРЕХОД В ОТДЕЛ АВИАЦИИ

И вот я в отделе авиации... в слове «самолет» для меня было что-то удивительное и шаманское. Жизнь этого слова в русском языке началась задолго до появления авиации: каждому известна старинная народная русская сказка о ковче-самолете. В словаре В.И. Даля я прочел слово «самолет» — это «разного рода устройство, которому приписывается быстрое движение от себя: паром, на якоре посреди реки, у которого дно устроено откосом против течения, так что оно его переносит с одного берега на другой». Самолетом у Даля назван и ткацкий челнок, «бросаемый не рукой, а погонялкою», а вообще машинный ткацкий стан назван самолетным станом. В некоторых северорусских крестьянских говорах самолетом называли «легкий плуг».

С развитием техники старинное русское слово «самолет» использовалось для обозначения разного рода быстро движущихся устройств и уж конечно скоростного транспорта. Например, в прошлом веке по Волге ходили скоростные по тем временам пассажирские пароходы компании «Самолет».

В каждом человеке заложена доля романтики. И нигде она, пожалуй, так не нужна, как в военном деле. Ведь, по сути дела, летчики, моряки, десантники — это прежде всего романтики. А моей судьбе было угодно, чтобы я породнился с небом.

Как-то, читая книгу любимого писателя А.И. Куприна, я наткнулся на фразу, каждое слово в которой очень точно отражало мое мнение о летчиках: «Я люблю их общество... Постоянный риск, любимый и опасный труд, вечная напряженность внимания, недоступные большинству людей ощущения страшной высоты, глубины и упоительной легкости дыхания, собственная невесомость и чудовищная быстрота, все это как бы выжигает, вытравливает из души настоящего летчика обычные низменные чувства: зависть, скупость, трусость, мелочность, сварливость, хвастовство, ложь — и в ней остается чистое золото».

Именно такими людьми предстали передо мной офицеры отдела авиации, когда я прибыл в их коллектив. Их было семеро. Семеро смелых!

Возглавлял отдел бывший командир авиаполка из Торжка, выпускник Сызранского училища полковник Николай Иванович Борисов. Далеко не красавец, высокий, худощавый, нескладный, с длинными руками. Он был честным, порядочным человеком и хорошим начальником. Был сдержан. «Не гнал волну». Самые острые и срочные дела решались в его отделе без нервов и доброжелательно. У Николая Ивановича впоследствии в семье произошла трагедия. В подъезде дома, где мы жили, произошел бытовой взрыв газа. Из всех жильцов пострадала только его двадцатилетняя дочка — студентка Света. Мне довелось выносить на руках её перебитое взрывом тело на улицу. Она с поврежденным позвоночником на всю жизнь стала инвалидом. Сын Иван после школы поступил в училище, которое закончил отец, и стал летчиком российской армии.

Заместителем у Борисова был старый мой приятель Владыкин Юрий Иванович, знакомый еще по учебе в академии и службе на Дальнем Востоке и Афганистане. Юра был среднего роста, крепкого сложения, с горбачьим носом и неистребимым алтайским горвором.

Штурман отдела Александр Борисович Пученин — выпускник Ярославского авиационного училища ДЮСААФ, дослужившийся до высокого звания полковника в суровых условиях Забайкалья и Монголии. Перед приездом в Днепропетровск он занимал достаточно высокую должность в войсках — летчика-инспектора ВВС округа. Характерной особенностью Саши была большая сосредоточенность. Он все свободное время — каждую минуту что-то читал, разгадывал кроссворды, чертил понятные только ему схемы. В любой кам-

пании он как бы жил своей жизнью. Невысокого роста, худощавый с блестящей лысиной, большой любитель пофилософствовать, и вникнуть в суть любой проблемы... Ему удалось остаться верным своей профессии и в первом десятилетии нового тысячелетия. Обоих сыновей пустить в небо пилотами с магнатами и руководителями «Приватбанка».

Обязанности начальника штаба отдела исполнял улыбчивый и коммуникабельный весельчак и балагур, любимец многих женщин подполковник Лиманский. Михаил Иванович — выпускник Харьковского военного авиационного училища по разведоборудованию самолетов спецназначения. Миша олицетворял собой беззаботный облик настоящего авиатора — всегда в настроении, всегда с улыбкой, всегда напорист и смел.

Самым заслуженным офицером отдела по количеству наград (орден Красной Звезды, «За службу Родине в ВС СССР» 2-й и 3-й степени) отвечающим за инженерную службу был авиаинженер подполковник Крицкий Валерий Иванович. После Киевского училища служил в Афганистане на аэродромах Кандагара и Баграма, а позднее участвовал в ликвидации аварии на ЧАЭС. Выпускник академии связи им. С.М. Буденного подполковник Струбчевский Виталий Викторович курировал организацию авиасвязи. Он пережил большую личную драму. После тяжелой изнурительной болезни, еще молодой, от рака умерла его жена Тамара. Виталий один поднимал дочь и сына. Дети выросли умные, закончив школу, поступили и окончили институты. Дочь Оксана вышла замуж за иностранца и уехала на ПМЖ в Канаду. Тыловиком отдела был самый старший по возрасту, невысокий и полненький, добродушный майор Осташевский Петр Николаевич.

Командный состав авиачастей армии представляли подполковник А.Ф. Ашейчук (в/ч 33621) и майор А.В. Гавриш (в/ч 03512). В то время среди офицерского состава и прапорщиков еще оставалось немало афганцев. Среди них были такие заслуженные люди, прошедшие Афганистан как замкомандира эскадрильи майор Алексей Кузнецов, его первый заместитель — начальник штаба майор Юрий Оникко. С Юрием Леонидовичем у меня сложились очень дружеские и доверительные отношения. Он был талантливым и творческим человеком, богатым на различные проекты и революционные действия. Особенно я почувствовал его кипучую энергию в период написания совместной книги о летчиках «Опален-

ное небо Афганистана». Благодаря настойчивости и упорству Юрия произведение удалось и книга была высоко оценена не только в Украине, но и в России.

На вооружении нашей эскадрильи находилось 18 летательных аппаратов марки МИ-2, МИ-6, МИ-8. С вертолетами МИ-6 я был хорошо знаком еще по службе во Пскове. А Афганистан сделал просто родными вертолеты типа МИ-8 и МИ-24 различных модификаций. Кстати, на МИ-24 воевал Ю. Владыкин. Его манеру пилотирования вертолетом знали многие. Он был асом своего дела. На скорости 335 км/час замкомандира Джелалабадского полка подполковник Владыкин в полной мере использовал боевую мощь вертолета и снайперски уничтожал объекты духов на земле. На борту МИ-24 размещалось достаточно мощное для того времени вооружение: 30-мм пушка, блоки с нурсами, 4 бомбы ФАБ-250, два зажигательных бака РБК-250. Намного перекрывая нормативы времени и набора высоты, Юрий, бывало, за три минуты выходил на практический потолок в 4500 метров и, помня девиз гор: «Кто выше, тот и прав» — вершил возмездие.

В ходе боевых действий летчики выполняли огромный объем задач. Кроме высадки десанта, офицеры ВВС доставляли в районы проведения операций боеприпасы, медикаменты, эвакуировали раненых и убитых.

Небо не прощает ошибок. За оплошность летчики платили самую дорогую цену. Я видел не раз обломки крылатых и винтокрылых машин, прилетевших на чужую землю, чтобы навсегда остаться там.

Обучение современного летчика обходится очень дорого. В Англии, например, это около 2,5 миллионов фунтов стерлингов. В СССР было так, что подготовить военного летчика до уровня 1-го класса на самолет СУ-27, МИГ-29, надо было затратить почти 2 миллиона рублей (по ценам 1989 года), а вертолетчика и того больше...

Разве государство имеет право бросаться такими кадрами, такими деньгами? Однако наше государство по вине некомпетентных руководителей поступило именно так. В первую очередь оказались уволенными в запас опытные полковники и подполковники, у которых за плечами были тысячи часов налета. 39 — 40-летние цветущие мужчины, любящие свою профессию, получающие на-

слаждение от полетов, оказались отстраненными от летного дела. Летчики увольнялись в запас со слезами на глазах. В частях и эскадрильях приказано было сохранять молодежь. Вчерашние выпускники училищ, освоившие только азы пилотажа, в условиях нерегулярных полетов быстро потеряли навыки. В авиачастях ВВС увеличилась аварийность. Гибли люди, разрушалась техника. Для сохранения жизни молодежи их начали отстранять от полетов и делать вечными начальниками караулов. Летающим костяком эскадрилий оставалась небольшая группа капитанов и майоров, близких к тридцатипятилетнему возрасту. А замены им не было.

Когда в период предвыборных баталий 1994 года Кравчук подписал Указ о распространении льгот ветеранов военной службы на военнослужащих, выслуживших не двадцать пять, а только двадцать лет в армии, резко увеличился поток рапортов этой категории авиаторов. В армии летать стало некому...

Руководство министерства обороны делает вывод: Украине не надо так много авиации. Чем её меньше, тем спокойнее. Выполняя подобное «соломоново» решение, только в Днепропетровском гарнизоне расформировали все авиачасти, а это — отдельный истребительный полк ПВО 49-го корпуса ПВО и отдельная вертолетная эскадрилья 6-й гвардейской танковой армии. Был сокращен до минимума и состав отдела авиации, а полковники Борисов, Владыкин, Пученин уволены в запас. Отдел авиации возглавил не летчик, а авиаинженер подполковник Лиманский.

В какие времена это могло произойти? Но по сути-то, ведь у отдела уже не оставалось и летательных аппаратов. Какая была разница, кто будет начальником отдела без частей и без летчиков. Я как зубную боль воспринимал все, что происходило с авиацией. Потому что не понаслышке её знал. В тот период я завершил обучение на академических курсах в Москве, где два месяца слушал лекции по перспективам развития армии и авиации. В частности, уже тогда предполагалось, что будущее у летчиков будет сложное.

Еще при М.Горбачеве постановлением ЦК КПСС и СМ СССР в 1986 году на финансирование и развитие авиации (вместе с авиацией КГБ, МВД, ДОСААФ) планировалось выделить всего 62 млрд. рублей. Что было очень мало. В связи с изменением воззрений на концепцию развития ВВС до 2000 года под давлением экономических факторов (повышением стоимости получаемых образцов) резко зазвучали протесты от руководства ВВС.

Генералы авиации остро почувствовали приближение катастрофы. К тому времени бездумно было закрыто 4 конструкторских бюро и 6 авиазаводов из 21. И кризис нарастал...

Прекратился авторский надзор за самолетами со стороны ОКБ им. А.Н. Туполева и сопровождение заводом-изготовителем, который в течение 10 лет должен был вести гарантийное обслуживание. Не хватало запасных частей, не хватало квалифицированного обслуживающего персонала (украинскую присягу приняли лишь 25 процентов летного и немногим более 50 процентов технического персонала, более 750 боевых летчиков ушло в ВВС РФ). Началось растаскивание машин: недостающие детали с одних самолетов снимали для ремонта других.

ФОРМИРОВАНИЕ УКРАИНСКИХ ЧАСТЕЙ И СОЕДИНЕНИЙ

К осени 1992 года начали оформляться украинские части. На базе штатных частей Советской армии офицеров стали приводить к присяге на верность народу Украины. Присягу принимало большинство офицеров. Связанные квартирами и бытом, они не хотели менять своей жизни. Не приняли присягу бедствующие бесквартирные и часть находящихся за штатом. Уехали на новые должности некоторые генералы, которым предложили места в частях на территории России.

В этой связи я вспоминаю нелепую историю первого заместителя командарма генерал-майора Кузнецова. Его прочили на должность командующего армией, и он в кадровой чехарде тех дней сам искал заместителя на свою освобождающуюся должность. На Кавказе нашел уроженца Днепропетровска генерала В.П. Шкидченко и доложил об этом в ГУК МО СССР и в отдел кадров, тогда еще Киевского военного округа. Но киевляне уже начали проводить политику на украинизацию «своей» армии. Получив разрешение Москвы, они своим приказом назначили Шкидченко не заместителем, а сразу командармом вместо русского Кузнецова. Возражение Москвы было встречено в штыки... Кузнецов очень горевал о случившемся. Поругался с российскими кадрами настолько, что был уволен в запас. А жаль, хороший был, грамотный офицер.

Прибывший на армию генерал-майор Шкидченко был молод. Он до этого командовал мотострелковой дивизией. Его отец генерал-лейтенант Петр Иванович Шкидченко в послевоенные годы командовал нашей армией. Петр Иванович был ветераном Великой Отечественной войны, резким, шумным, способным на грубое слово... С началом войны в Афганистане уехал советником (мушавером) в республиканскую армию. Во время одной из операций вертолет, на котором он летел, был сбит, и Шкидченко погиб вместе с экипажем и большой группой сопровождавших офицеров. Прах генерала предан земле на Днепропетровском кладбище. В 2000 году указом президента России посмертно награжден золотой звездой Героя Российской Федерации.

Владимир Петрович уступал своему отцу в характере, но был умным, рассудительным, честным человеком, которого зауважали. Ему пришлось крутиться на должности. Обстановка в войсках была очень тяжелая. Махровым цветом расцвел национализм. Во главе бывшего политуправления армии стал бывший сержант Мулява, которому сразу было присвоено звание генерала. В войсках активно внедрялись новые герои и традиции. В сентябре того года из Днепропетровска в Киев на имя Мулявы поступила докладная от председателя Днепропетровского Союза украинских офицеров, полковника-летчика из авиаполка ПВО В.Таратущка на Шкидченко. По памяти попробую привести её содержание:

«...Несмотря на разрешение округа на празднование 17 сентября пятидесятилетия Украинской повстанческой армии (УПА), начальник гарнизона генерал Шкидченко указание не выполнил... При его попустительстве даже начальник зенитно-ракетного училища полковник Шульга провел работу среди курсантов, чтобы те не принимали участие в праздничных мероприятиях...».

В качестве выводов констатировалось, что «военная администрация не владеет идеей национального возрождения. Сильны деструктивные силы. Шкидченко не только не выполняет принимаемые решения в интересах державы, а способствует политике развала государства». «Украинский патриот» заключает свой донос словами: «Возникает вопрос, — как он может руководить войсками?» (Справка от автора: полковник Шульга, о котором идет речь, был снят за это с должности и уволен в запас). Шкидченко же спасла громкая фамилия и украинское происхождение. В короткое время В.П. Шкидченко прошел должности командующего войсками Одес-

ского военного округа, начальника генерального штаба украинской армии и стал генерал-полковником. Он действительно стал настоящим украинским военачальником, достойным продолжателем дела своего отца. Последующие десятилетия его жизни прошли в покое и благополучии — на посту руководителя военного представительства Украины при НАТО в центре Европы в Брюсселе.

...Отстранившийся от дел бывшего политотдела, я не перестал наблюдать за политработчиками. С юности воспитанный на уважении к политработникам, я с большой горечью наблюдал за их деградацией. Несколько человек последовали моему примеру и перешли в другие службы штаба армии. На наше место с территории России, из других округов приехали урожденные украинцы. С Киева началось формирование новых структур. Сначала их называли социально-психологической службой (СПС), что дало повод обозвать «психами». А затем пришли к единому наименованию «воспитательных» структур. Но главным их назначением в то время было уничтожение всего советского: ленинских комнат, символов славы и гордости, полный отказ от программы политической подготовки Советской Армии, очернение советской истории. Под руководством моего бывшего коллеги со стен главного здания штаба были сняты и брошены на свалку два чугунных изображения ордена Красного Знамени (армия была Краснознаменной) и Знака советской гвардии. Вместо них появились трезубцы, «шаровары и оселедцы». В кабинетах бывшего политотдела бывшие политбойцы, а ныне «патриоты» Карпенчук, Дороненко и Радионов в пьяном угаре отрывали переплеты с томов полного собрания сочинений В.И. Ленина. Увязывали в стопки и на служебной машине первого зама вывозили труды вождя на пункты сдачи макулатуры. Такое поведение сродни предательству — их усердие не осталось незамеченным. В частях появились листовки социалистической партии Украины:

«...По всему видно, что армия, в которой большая часть офицеров, прапорщиков воспитана на советском патриотизме, не нужна нынешнему режиму власти в Украине. Руководители государства и армии видят главные задачи военного строительства в воспитании неприязни к братскому русскому народу, в замене советских военных традиций на традиции сечевых стрельцов и вояк УПА. Именно с этой целью отменены все старые армейские праздники. На разрушение старых традиций направлена вся система воспитания в армии и в первую очередь гуманитарная подготовка. Самыми рьяными

сторонниками нарушения принципа преемственности в армии выступают члены СОУ и некоторые бывшие политработники. Многие из них когда-то готовы были вцепиться в горло офицеру за анекдот о КПСС, а теперь же, перекрасившись, замаливают бывшие грехи перед новой властью с кувалдой в руках, сокрушив ленкомнаты и советскую символику на территории военных городков...».

Даже в листовках РУХа и Национального профобъединения военнослужащих справедливо отмечалась эта тенденция:

«...Идет процесс разрушения коллективистских основ военной службы, истари присущих нашей армии. Утрачивается чувство гордости за принадлежность к вооруженным силам, чувство чести и воинского долга. Начало этому было положено демагогическими заявлениями перекрашенных замполитов из СПС, ГУВР о деполитизации армии. Только недоумки от армии и политики смогли сделать такое заявление...».

Мой друг А.В. Поух, инвалид афганской войны, подполковник запаса, в своей статье «Кто в нынешней стране герой?» с болью написал:

«Только в нашей стране, похоже, это было возможно: разрушить боевые традиции армии, победившей фашизм, изъять боевые знамена частей, прошедших дорогами войны от Украины до Берлина и Порт-Артура, чтобы на голом месте насаждать порядки и идеологию УПА».

Горстка лицемеров без чести и совести очерняла славную боевую репутацию политработников. Но ведь в истории это же были достойные, честные и благородные люди. Вспомнить хотя бы воинское воспитание в политучилище. Наши руководители остались для нас примером на всю жизнь. Как-то в ту пору нам в курсантском клубе демонстрировали потрясающий художественный фильм «Красная площадь». Главного героя, комиссара дивизии, играл Любшин. Мне врзалось в память наше общее юношеское обожание этого героя. Вернувшись в казарму, мы в тот вечер долго не могли уснуть, все стояли в курилке и обсуждали его скромный, но притягательный образ. Хотелось быть на него похожими.

Большую роль в моем личном нравственном становлении сыграл интеллект и литературный образ военного комиссара 25-й стрелковой дивизии Дмитрия Фурманова. Того самого, что сохранил для истории легендарного начдива В.И. Чапаева.

Я прочитал все его книги и дневниковые записи. Всю жизнь

как путеводное начало для меня и моих подчиненных были его «Указания комиссару 74-й бригады Браузело». Они лежали у меня под стеклом на рабочем столе на Дальнем Востоке, в Пскове, Джелалабаде, Кабуле, Днепропетровске как памятка. Я часто цитировал её своим коллегам, молодым политработникам. Некоторые из указаний комиссарам гражданской войны актуальны, на мой взгляд, и сейчас.

«Комиссар! Это слово похоже на овечье, пробитое пулями боевое красное знамя! Как ненавидели это слово наши враги, как призывно звучало оно для наших бойцов!».

Даже враги не скрывали своего отношения к политработникам. Во время Нюрнбергского процесса международный трибунал придал гласности и признал чудовищно бесчеловечным приказ Кейтеля от 12 мая 1941 года о поголовном расстреле пленных комиссаров и политработников Красной Армии. Начиная войну против СССР, противник глубоко понимал значимость этой категории военнослужащих и их влияние на поддержание боевого духа и боеспособности войск.

Однако наших верхних политработников в тот период развала страны и армии простить невозможно. Возьмем Волгонова. Главный идеолог армии был образован, умен. Прекрасно выступал. Мы долгие годы по воскресеньям слушали его беседы в армейской передаче «Служу Советскому Союзу». Его речь была похожа на тонкую работу Фаберже и зачаровывала своей красотой и точной логикой. Его с одинаковым интересом слушали солдаты и офицеры... Великий идеологический маг в генеральских погонах до небес возносил гений Ленина и роль партии. Став в окружение Ельцина, тот же Волгонов станет беспощадно топить и вождя пролетариата, и «организатора всех наших побед»...

Он оправдывался тем, что к нему пришло прозрение. Вот в чем главная беда тех лет! Нас воспитывали многие из тех, кто свои принципы и убеждения резко поменяли на противоположные, когда появилась возможность ближе продвинуться к корыту власти и послужить новым хозяевам в новой должности. Политические перевертыши всегда отвратительны. Но командиров как-то пытаются оправдать, а самые мерзкие из них те, которые из политработников.

Начало 1992 года оказалось тяжелым и мрачным временем в моей жизни, да и в истории государства оказалось самым темным годом. В мае новоявленные правители издали указы об образовании

новых российских, украинских... армий. К этому переходу из одного качества в другое офицеры относились по-разному: кому-то было все равно, кого-то мучило чувство тяжелой утраты армии, которой не было равной на земле. Но большинство не могло поверить в серьезность происходящего. Мы перестали быть солдатами «империи», армия которой в одну ночь прекратила существование вместе с Союзом. Три бокала звякнули в Беловежской пуще над договором о «тройственном союзе». Для нас этот звон оказался звоном погребальных колоколов. Это было предвестие кончины почти четырехмиллионной армии. С этим поражением не хотелось, но приходилось мириться. История развивается — не по военным, а по своим законам.

Нет более idiotского положения для армии, когда меняется власть в государстве, которое каждый военный человек однажды дал присягу защищать, «не щадя жизни». Нет более омерзительного состояния офицерской души, чем то, когда ему приходится против собственной воли отступать от единожды данной торжественной клятвы. Это известие офицеры встретили глухим раздраженным ропотом. Бредовая затея была похожа на попытку узаконить предательство. В связи с этим родилось тогда жутко уродливое слово «переприсягнуть». У нас будто хотели забрать старую икону, а вместо нее подсунуть новую.

Было больно и противно. Боль офицерских душ можно было ослабить старым казачьим способом — принятием наркоза. Желательно — из двухсотграммового стакана. В тот вечер мы выпили семь бутылок крепкого «Казачьего напия», закусив на семерых одним пряником — мелко, по-братски порезанным штурманом отдела Сашей Пучениным.

Возвращались домой в ставшее родным общежитие на улице Погребняка, толпой, злые и угрюмые, на ходу ярко и громко матерясь в адрес высших генералов за откровенное предательство идеалов государства, которому мы служили с пацанского возраста... Им, этим генералам, очень хотелось, чтобы вслед за ними и вся армия офицеров взяла на душу грех, а тем самым подлости генералитета стали бы не так очевидны.

Мы все были из простых семей. Выслуживали свои звания «от звонка до звонка». Как там у Высоцкого? «Дети бывших старшин и майоров до ледовых дворцов поднялись». И биографии у нас были типичные: не каждому офицерскому поколению выпадает та-

кое... В этом мы чем-то схожи с теми офицерами императорской русской армии, которые сначала присягали на верность царю и Отечеству, а затем разбрелись под знамена Красной и Белой армий...

ПЕРЕХОД НА ГОСУДАРСТВЕННУЮ СЛУЖБУ В ПРАВИТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

Осень сумбурного 1992 года принесла существенные изменения в моей судьбе. В сентябре месяце на одном из офицерских совещаний штаба армии авиаторы предложили мою кандидатуру для участия в выборах на вновь создаваемую в гарнизоне должность. Как это произошло? Об этом напоминает газетная публикация той поры.

Под броским названием «Новый институт военных комиссаров?» корреспондент газеты «Днепр вечерний» Борис Васильев написал:

«На днях в клубе ДВЗРКУ ПВО проводилась областная конференция военнослужащих и офицеров запаса по выборам уполномоченных комитета по социальной и правовой защите военнослужащих и членов их семей при Кабинете министров Украины.

Несколько слов о самом комитете. Возглавляет его генерал-майор В.А. Мартиросян. Расположен комитет в Киеве, а его уполномоченные будут избраны в двадцати пяти областях Украины. Решению каких вопросов отдается приоритет?

Во-первых, это жилищная проблема, пенсионное обеспечение, содействие переводу офицеров-украинцев из горячих точек СНГ на территорию Украины, борьба с неуставными взаимоотношениями и с превышением служебных полномочий отдельными командирами и начальниками. Правда, генерал Мартиросян видит задачи комитета шире. По его мнению, комитет в первую очередь должен участвовать в разработке механизмов ввода в действие закона о социальной и правовой защите военнослужащих и членов их семей, других правовых актов. У комитета есть не только задачи и обязанности, но и немалые, на мой взгляд, права. Члены комитета имеют, например, право контролировать продолжительность рабочего дня военнослужащих, вести административные расследования по жалобам, прове-

рять выполнение в частях и подразделениях указов Президента, постановлений Кабинета министров, активно участвовать в решении кадровых вопросов.

Честно говоря, слушая темпераментное выступление В.А. Мартиросяна, я подумал, что у нас зарождается прообраз института комиссаров, и про себя пожалел отцов-командиров и их единоначалие. Но более компетентные люди сказали мне, что данный комитет сегодня необходим. Правовой нигилизм, царящий в государстве, а следовательно, и в армии, — наглядное тому подтверждение.

Теперь о конференции. В целом она ничем не отличалась от тех, что проводились и раньше. Со всеми соответствующими атрибутами подобных мероприятий. Делегаты читали книги, разгадывали кроссворды, остряли по поводу оптимистичных выступлений. Сидящий за мной полковник пошутил по поводу состава президиума: ну вот, опять весь иконостас выставили. Откровенно, и меня не убедили цифры и факты, приведенные в своем выступлении генералом Мартиросяном по поводу борьбы с протекционизмом, хищениями, незаконностью в армейских коллективах. Думается, те несколько снятых командиров дивизий, полков и бригад, о которых он с гордостью доложил делегатам, не отображают в полной мере состояние дел. Без сомнения, собравшиеся в зале прекрасно понимали, что в какой-то мере решаются их судьбы. Ведь комитет и его уполномоченные, которых делегатам предстояло избрать, будут решать именно самые жизненно важные вопросы сегодняшней армии. А то, что офицеры и прапорщики не устраивали пикетов, не размахивали плакатами, не кричали, не хлопали и не топали, только делает им честь. Представьте себе картинку: над клубом заходит в пике пара истребителей, и из пулемета морзянкой спрашивают: «Как там насчет жилья?» Или, громыхая гусеницами, подъезжает танк и из ствола, окутанный дымом вылетает вопрос: «Сколько, сколько у вас оклад?» А тут еще моряки-черноморцы, загорелые и озлобленные, интересуются: «Что это за правовое государство, если каждому закону нужен комитет по его реализации?»

А в перерыве мимо обсуждавших свои проблемы офицеров уходили в увольнение курсанты. Им еще предстоит столкнуться с «тяготами и лишениями». Остается надеяться, что к тому времени структуры комитета будут сформированы, и он станет реальной си-

лой в борьбе за законность и социальную справедливость в армейских коллективах.

Р.С. Уполномоченными комитета по Днепропетровской области избраны полковник Кривопапов Олег Владимирович и полковник запаса Шишацкий Леонид Григорьевич, уполномоченными по работе с семьями военнослужащих назначены Шкрям Таисья Ивановна и Баклюкова Ирина Александровна. С 14 сентября они приступили к выполнению своих новых обязанностей в гарнизонном Доме офицеров».

В лаконичной газетной статье трудно было передать ощущение атмосферы борьбы мнений и идеалов, что присутствовала на конференции. А это было очень характерным явлением того времени. Всего выдвигалось восемь альтернативных кандидатов на должность. Мне противостояли семь офицеров, многие из которых с пеной у рта доказывали аудитории свою верность «демократии» и идеям независимости нового украинского государства. Кляли коммунистическую партию и весь советский период, который, по их словам, не давал им творчески расти и добиваться поставленных целей. Мое выступление контрастировало на фоне других. Я сказал в своем выступлении все, что было на душе, ничуть не покривив своим убеждениям коммуниста.

— Я отношусь к той категории советских офицеров, что называли политработниками. Нисколько не стесняясь своего прошлого, могу сказать, что служил с усердием и убежденностью в своем деле.

Слушали меня внимательно, и немалая часть — с удовлетворением.

— За двадцать лет офицерской службы прошел все строевые должности политработника от замполита роты до начальника политотдела отдельной бригады в частях ГРУ ГШ. Я всю жизнь проработал с людьми и не понаслышке знаю их беды и чаяния. За свою службу хорошо изучил все армейские болячки. Может громко будет сказано, но это правда, я испытываю органическую потребность помочь людям, сделать их жизнь хоть немного счастливее... Меня меньше всего волнует — выберете вы меня или нет. Мою кандидатуру выдвинули летчики отдела авиации штаба армии. Если допустить, что я пройду отбор нашей конференции — то основные усилия в работе сосредоточил бы на помощи своим друзьям-офицерам, которые годами мыкаются без жилья, ветеранам войны и черно-

быльцам. На сегодняшний день по области девятьсот тысяч ветеранов войны и армии. Из них 17634 человека — офицеры запаса, среди которых 1566 в армии стали инвалидами, восемьдесят четыре тысячи участников войны. Из них 23327 человек инвалиды. А взяты «афганцев». Их у нас более восьми тысяч человек. Триста шестьдесят один инвалид, полторы тысячи с тяжелыми ранениями и контузиями. Тяжело живется семьям военнослужащих, погибших на военной службе. Таких в области почти двадцать пять с половиной тысяч. Декларативно мы строим новую армию. Фактически же разрушаем даже то, что было. Ведь молодые офицеры, столкнувшись с таким положением вещей, не задумываясь пишут рапорты об увольнении. А ведь за этих офицеров необходимо бороться — они будущее армии... Будущему уполномоченному предстоит каторжная работа по борьбе с противоправными действиями должностных лиц, и это я тоже знаю на собственной шкуре. Здесь же решение вопросов пенсионного обеспечения. Ведь сегодня стало нормальным явлением, когда офицеру или прапорщику, уволенному в запас, по 6 — 7 месяцев начисляют пенсию. Представьте, как люди живут это время при нынешних ценах. Украина в первые месяцы своей «незалежности» приняла хороший закон о социальной и правовой защите военнослужащих. Но он в большинстве своем не действует. А порой и просто блокируется отдельными должностными лицами. Поэтому в тесном взаимодействии со структурами исполнительной и законодательной власти необходимо сделать так, чтобы этот закон заработал... Люди не могут, да и не хотят ждать лучших времен, если сегодня им уже неважно.

По итогам обсуждения за мою кандидатуру проголосовали 70% делегатов конференции. Это была убедительная победа антинационалистических сил... Надо сказать, что немалую поддержку в голосовании мне оказали ветераны войны, «афганцы», чекисты областного управления службы безопасности Украины. Организовано против меня выступила только многочисленная делегация от 93-й механизированной дивизии, что дислоцировалась под г. Новомосковском. Разгадка этому явлению пришла после конференции. Ко мне подошли офицеры этой дивизии, поздравили с победой и извинились за свое противостояние.

— Нам начальник СПС дивизии полковник Кравец строго-настрого запретил голосовать за вас. Ослушавшемуся грозил наказанием.

— Ну, что ж, это свойственно, «демократу» Кравцу, он, будучи секретарем парткома армии, не терпел вольнодумства, — ответил я им. — Я на вас обиды не держу...

Открытое противостояние состоялось с представителями Союза офицеров Украины. Но активисты Яковенко, Кулибаба, Розов, Таратушка и ряд других... были открытыми противниками и потому не так опасными, как бывшие «соратники» по борьбе... Мартиросян, представлявший СОУ, не ожидал поражения своих активистов в Днепропетровской области и потому за пять лет совместной работы со мной не пытался скрывать своего отрицательного отношения ко мне и часто об этом говорил открыто. Из его уст часто сыпались фразы типа:

«В Днепропетровске окопались недобитые коммунисты...»

«Окопавшимся» коммунистом был я. И если бы мной были допущены просчеты, ошибки в работе, он немедленно снял бы меня с должности... Кстати сказать, с активистами СОУ мне в будущем пришлось не раз проводить совместные мероприятия, и не всегда они мне были не по душе.

Работая в жилищной комиссии гарнизона, мы помогли многим бесквартирным офицерам и прапорщикам получить долгожданные квартиры. Бывало, что надо было показывать характер и силу. Например, четыре квартиры на улице Мичурина мы брали буквально «штурмом». Там сейчас живут семьи «афганцев». Вдова моего сослуживца Николая Лымаря, умершего от болезни, занимает одну из этих квартир. Большая часть наших дел касалась защиты чести и достоинства обиженных и оскорбленных. Мы с Шишацким добивались справедливого пересмотра некоторых незаконных решений или возбуждения уголовных дел по дичайшим фактам.

Мой коллега Шишацкий Леонид Григорьевич оказался интересным и порядочным человеком. Украинец, родился 21 ноября 1938 года в Запорожье. Отец погиб за несколько лет до войны на сезонных работах в Сибири. В годы фашистской оккупации жизнь матери тоже была на волосок от смерти. От неминуемой гибели ее спасла женская находчивость. Во время облавы немцев, она маленькая и худенькая, залезла в очко общественного туалета и, по горло в фекалиях просидела целый день, до тех пор, пока немцы не сняли оцепление района. В конце 1943 года семья Шишацких переехала на Левобережье Киева. Столица Украины еще лежала в развалинах. На Крещатике, — рассказывал Леонид Григорьевич,

— была очищена по центру улицы только небольшая тропка для прохода киевлян среди груд битого кирпича и остовов сгоревших домов. Жили бедствуя. Потом учился и работал. 25 октября 1955 года его призвали на действительную срочную военную службу в танковые войска. Как-то получилось само собой, что юный Леонид выбрал военную профессию и через год стал курсантом танкового училища. Завершив учебу, был направлен в Северную группу войск. Комвзвода прослужил долгих 7 лет. Только в Кировабаде (Зак-Во) в 1966 году его назначают на повышение, сначала командиром артбатареи, а затем командиром танковой роты. В 1971 году направляют в ГСВГ, где он становится командиром танкового батальона в мотострелковом полку. В 1973 заочно заканчивает ВА им. Фрунзе по специальности командная оперативно-тактическая. К тому времени он вполне состоялся как командир, все четыре года в должности комбата Леонид на хорошем счету. Из 10 танковых батальонов дивизии он по итогам боевой и политической подготовки на почетных 1,2,3 месте.

По замене подполковник Шишацкий возвращается на Украину — под Харьков. В 1975 году в Башкировке под Чугуевом его назначают заместителем начальника отделения штаба 75-й танковой дивизии. Не успел обжиться — новый гарнизон. На этот раз в Кривом Роге, где с 1976 по 1980 год он исполняет обязанности заместителя начштаба 58-й танковой дивизии в Кривом Роге. С 1980 по 1984 гг. — замначоперотдела 6-й ТА в Днепропетровске. С 1982 года полковник. Его забирают на повышение в Москву, в Главный штаб Сухопутных войск, на должность начальника группы отдела. В декабре 1984 года он возвращается в Днепропетровск на высокую и хлопотную должность начальника оперативного отдела — заместителя начальника штаба 6-й гвардейской танковой армии. За успехи в службе награжден орденом «За службу Родине в ВС СССР». Уволен в запас 28 марта 1990 года. Его жена Нина Кирилловна родилась в 1938 году в Полтавской области. Они познакомились в 1954 году в Киеве, куда Нина приехала погостить к своим родственникам. Поженились молодые через одиннадцать лет, в 1961 году, во время отпуска Леонида. Через год на польской земле родился первенец — Сашка, затем Андрей. Оба сына пошли по стопам отца, поступив в Ташкентское танковое училище, что дислоцировалось в Чирчике. Один заканчивал, а другой поступал. Впоследствии Александр выполнял интернациональный долг в

Югославии. Закончил Национальную Академию Украины и командовал несколькими полками, которые попадали под расформирование в реформируемой армии. Когда Саша получил полковника, то отец подарил ему свою папаху. К тому времени их уже отменили в военной униформе, но этот акт стал ритуал передачи боевых традиций. Заканчивал службу старший сын Шишацкого начальником Днепропетровской военной службы правопорядка, что были созданы вместо военных комендатур. Младший, Андрей, стал начальником отдела кадров корпуса. Довольно рано уволился в запас по причинам субъективного характера. Достойные красивые люди и благородная семья. К сожалению, Леонид Григорьевич ушел из жизни после тяжелой онкологической болезни в разгар лета 2005 года...

Потерял я и других коллег по службе. Вскоре от сердечного приступа ушла в вечность Ирина Баклюкова, а Таисью Шкрюм поразил тот же недуг, что и Шишацкого. Без малого десять лет мне довелось проработать в Национальном координационном центре по адаптации и трудоустройству военнослужащих уволенных в запас, который возглавлял бывший заместитель Мартиросяна полковник КГБ Шикалов Александр Степанович.

ПАМЯТНАЯ СТАЖИРОВКА В ЕВРОПУ

В марте 1998 года мне представилась великолепная возможность посмотреть мир. Группа директоров региональных центров переподготовки военнослужащих, уволенных в запас, и представителей Национального координационного центра Кабинета министров Украины на три недели была направлена на стажировку и объехала пол-Европы, побывав в Германии и Франции. Мне, впервые попавшему в цивилизованную «заграницу», все виделось острее, чем моим попутчикам, и для памяти я делал поспешные дневниковые записи в блокноте. Вот что они мне сегодня напомнили...

...В двадцати минутах езды от Берлина в сосновом лесу расположена бывшая ставка Сухопутных войск фашистской Германии, хорошо известная под кодовым названием «МАЙБАХ-1". Напоминанием о вермахте остались 19 бетонных бомбоубежищ в форме клыка, торчащего из земли на десять метров, да взорванные конст-

рукции наземных сооружений над самим бункером ставки. Нам поведали, что подземная часть этого бункера уходит далеко под землю и, по легенде, будто была трехэтажная подземная дорога на Берлин. В казематах этого подземного мозгового центра был рожден и подписан известный «План Бабаросса» — план нападения на СССР. В охране этого стратегического объекта среди отборных эсэсовцев была рота, сформированная из бывших советских граждан — чеченцев по национальности. Нам показывали даже микрорайон, где они жили, который до сих пор в простонародье носит название «Чечендор».

В окрестностях города Эссен услышали легенду о пресловутом русском пьянстве, спровоцированном немцами для приостановки успешного наступления наших танковых колонн. Вырвавшаяся вперед бригада будущего маршала П.Ф. Батицкого (того самого, что привел в исполнение приказ о расстреле Л.Берии на ЗКП МВО) в поисках горючего «нашла» в железнодорожном тупичке цистерну спирта. Голодные и усталые танкисты напился спиртного — ослабились и были все уничтожены во сне отборным отрядом фашистов, поднявшихся из подземных сооружений ставки. На этом месте до сих пор стоит скорбный монумент над братской могилкой советских воинов-танкистов. Как напоминание и укор. После войны в этом гарнизоне — ВЮНСДОРФ была размещена штаб-квартира главнокомандующего Западной группой советских войск. Рядом с казармами и административными зданиями, оставшимися от немцев, советские строители построили дополнительные сооружения и дома для офицерского состава. В ставке проживало тогда более 70 тысяч человек. После развала СССР и преступно-пьяных действий неуважаемых в Восточной части Германии Горбачева и Ельцина было принято решение о выводе советских войск.

31 августа 1994 года прославленные части и соединения, которые брали Берлин, поспешно ушли на Родину. Все, что можно было взять с собой, они забрали, но, по словам немцев, оставили после себя «город в руинах». Мне, дважды уходящему из советских гарнизонов в Афганистане (в 1988 и 1989 годах), оставлявшему афганцам чистые и ухоженные городки, модули, комнаты с постельным бельем первой категории, слышать это было странно. Поскольку база размещения ГСВГ (позднее ЗГВ) была прекрасная.

Свои претензии педантичные немцы подтвердили следующими фактами:

На площади в 590 га рабочая команда из ста немцев вычистила и вывезла 45 тыс. куб. м мусора, 40 тонн краски, 85 тонн асбеста. Проведено разминирование 260 га, обезврежено 97 бомб-сюрпризов, 98330 боеприпасов, 47 тысяч других единиц поражения (среди которых было более 1500 зажигательных и специальных зарядов). Собрано 29,3 тонны металлолома от боеприпасов. Очищены от хлама все жилые дома офицерского состава. Немцы вывезли на свалку из квартир более 5 тысяч единиц различной мебели, телевизоров, 700 холодильников. Отловили 404 домашних кошки, 325 собак, одну козу — брошенных хозяевами.

То, что российская армия практически бежала из своих военных городков, особенно наглядно просматривалось на стендах и витринах самодеятельного музея, созданного четырьмя энтузиастками — немецкими женщинами. Копаясь в грудах мусора, они сумели отобрать многое из того, что составляло повседневную жизнь и украшало досуг солдат и членов семей военнослужащих. В частности: восстановили интерьер солдатских казарм, ленинских комнат, бытовых комнат, штаба части, военного склада, медпункта, русской парилки с резьбой по дереву, знаки различия и отличия военнослужащих, плакаты, боевые листки, стенные газеты и молнии.

Особенно поразил стеклянный шкаф с экспозицией различной служебной документации. На витринах рядышком лежали служебные офицерские паспорта (как хозяева без них проходили государственную границу?), удостоверения личности, солдатские военные билеты, комсомольские билеты и т. д. Не было только партийных билетов.

Отдельную витрину занимали брошенные владельцами гербовые печати, печати угловых штампов, мастичные печати для печатывания секретных документов, бланки строгой отчетности. Когда я смотрел на эти «экспонаты», учащенно билось сердце от негодования. Как это могло произойти? Ведь все эти многочисленные печати не были захвачены в боях и окружениях, они бездарно брошены штабными работниками, которые раньше за них в прямом смысле отвечали головой. Можно себе представить, какая неразбериха и безответственность царили в войсках, если десятки частей остались без атрибутов власти. И был ли спрос за эти преступления? Некоторая часть безответственных офицеров, вернувшихся в Россию, наверное, попала и в Чечню.

Среди мусора немцы нашли большое количество фотопленок с

негативами портретов наших офицеров, прапорщиков, солдат, служащих, членов семей. На рулонной фотобумаге они отпечатали сотни портретов и закрепили их на всех стенах этого музея. Создавалось впечатление, что бывшие хозяева оставленных военных «трофеев» со стыдом смотрят на дело рук своих. При выходе из музея мне бросилось в глаза то, на что при входе в здание я не обратил внимания. Три тухлявых русских богатыря (вырезанных из стволов деревьев), а также надгробье с братской могилы погибших советских воинов, изображающее плачущего красноармейца с орденом Славы на груди.

Видели бы это наши ветераны. Какой позор и унижение!

А ведь добротный музей о нашей Армии должны были оставить правительство и руководство министерства обороны. Но они в те месяцы решали лишь проблемы личного обогащения. Чего стоил хотя бы один — «Паша-мерседес».

На высшем уровне об этом никто не думал, а на местах один военный предприниматель предложил властям земли Бранденбург известную диораму «Штурм Берлина» за один миллион марок. Это не было предусмотрено предварительными договоренностями, и немцы, которые за бесценок в тот период продавали тыловикам и прапорщикам массу автомобилей, бытовой техники, посчитав названную сумму явно завышенной, отказалось. А в разговоре с нами жалели, оценивая значимость того полотна с сегодняшних позиций исторической вечности, которое продавалось тогда почти даром.

Но в то время деловые военные бизнесмены покупали у немцев для будущего бизнеса за одну дойчмарку по два подержанных автобуса «Икарус»... Понятно, что миллион дойчмарок казался очень большой суммой...

Перед бывшим домом офицеров Советской Армии по —прежнему стоял памятник В.И. Ленину. Вся наглядная агитация военного городка за четыре года обветшала, и только напротив Ильича, на стене стадиона, ярким пятном выделялся герб Российской империи -двуглавый орел, которого намалевали перед выводом войск. Я это оценил как символ позора современной России, предавшей своих погибших и их подвиги.

Возвращаясь из Вюнсдорфа, наш автобус въехал в Берлин с западной стороны, в той его части, что не могли видеть советские граждане в период существования ГДР. Высотные застройки чередовались с уютными коттеджами и своей зеленой зоной, небольшо-

ми двориками, декоративными деревьями и кустарниками. Незаметно подъехали к центру Берлина. Справа, за небольшим забором, землеройная техника на прямоугольном участке снимала землю над железобетонными развалинами каркаса бункера Гитлера. Вырытый котлован навсегда засыпался привезенной землей. Скоро эта площадка навсегда скрыла от взглядов любопытных последнее пристанище фюрера.

Европейский Союз выделяет большие деньги небедной Германии под многочисленные стройки. Одной из них являлось здание рейхстага. Работы на нем продолжались круглые сутки, без выходных. Все здание было облеплено лесами и обтянуто от дождя и ветра пленкой. Однако легко узнавался купол рейхстага.

*«Берлин, Берлин, как исполнил
Ты возвышаешься над Шпрее.
Судьбы река наверняка
Источник в недрах свой имеет.*

*Берлин, Берлин, твоих седин
Не видно из-за стройплощадок,
Путь от глубин и до вершин
Дух перемен здесь горько-сладок.*

*Берлин, Берлин, твой господин
Пока что восседает в Бонне,
Но ждет рейхстаг свой бундестаг
И канцлера в нем вновь на троне».*

Через год, в 1999 году правительство Германии переехало в восстановленное здание из Бонна. Как это не раз уже было в этом веке, усилиями западных государств Германия возродилась из пепла. Советское захоронение погибших при штурме рейхстага солдат находится в хорошем состоянии. Что удивило при осмотре центра Берлина, так это то, что все военно-исторические объекты — рейхстаг, бункер Гитлера, Бранденбургские ворота находятся на расстоянии сотен метров друг от друга. Художники студии Грекова, оказывается, опирались на истинный масштаб местности и не допустили художественных домыслов и обобщений.

Современная жизнь города сознательно оттесняет на второй

план след второй мировой войны. В частности, совершенно заброшенным выглядит величественный погребальный комплекс Вучети-ча в Трептов-парке. Он был создан в 1947 году, и центр его лежит на пяти братских могилах, в каждой из которых захоронено по двадцать тысяч наших воинов. Раньше это было оживленное место, а сейчас в вечернее время освещение отключили, и люди привыкают даже днем обходить этот парк стороной. Архитектурный комплекс с памятником солдату — освободителю тихо разрушается. Прекращен доступ посетителей в пантеон памяти, вокруг скульптуры солдата воздвигли строительные леса, и тишина... Немецкие власти заявляют о том, что денег на его реконструкцию нет. Хотя те же немцы рассказали нам интересную подробность, что при встрече Ельцина с Коллем обсуждалась сумма компенсации Германии России за вывод и обустройство войск, советской (российской) стороной была заявлена сумма в два раза меньшая той, что немцы предполагали выделить из бюджета на эти цели...

В Восточной Германии уважения к русским не сохранилось. Немало этому способствовали выходки Ельцина, «дирижирующего» немцам военным оркестром, предательство по отношению к военнослужащим бывшей ННА ГДР. Всем известно, что 85% кадровых военных этой армии были выкинуты без права на пенсию. Массовое сокращение рабочих мест на бывших предприятиях ГДР. Произошло снижение жизненного уровня восточных немцев и многое другое. Естественно, все это сформировало негативное отношение ко вчерашнему славянскому брату. Немцы в доверительных беседах говорили нам, что мы их предали. Сейчас стало дурным тоном показывать своё знание русского языка. Примечательное наблюдение: на остатках стены над рекой Шпрее, что в свое время делила Берлин на восточный и западный, сохранились картины художников-энтузиастов поры ее разрушения. Всему миру хорошо известна одна из них — Брежнев целуется в засос с Хонеккером. Эта живопись сохранилась в неприкосновенном виде до сих пор. А рисунок «миротворца-почетного жителя Берлина» Горбачева замазали краской, осталась торчать только знаменитая лысина с родимым пятном. В этом наглядное изменение отношения восточных немцев к вчерашним кумирам.

Заметно усиливающееся влияние дядюшки Сэма. Немцы любят свои флаги. Но во многих уголках немецких городов мелькают американские флажки, надписи «американская армия». Советских

нет. В восточной части улицы Ундер-Дер-Линдер (улицы под липами), недалеко от Бранденбургских ворот, среди красавцев домов стоит великолепная громадина — посольство СССР, сейчас России (герб СССР до сих пор сохранен). Над зданием развевается громадный флаг России. А на противоположной стороне улицы возводится новый объект — посольство США. Тщательность работ и масштабы сооружения заставляют думать, что супердержава продемонстрирует свое превосходство и сделает все, чтобы затмить красоту и величие бывшего посольства СССР.

В Берлине, Дрездене, Потсдаме, Вюнсдорфе и других городах на обывательском уровне не сохранилось уважения к советскому государству, к нашему солдату. По моему мнению, в этом оказались виноваты наши руководители. Регулярно, раз за разом, они демонстрировали неуважение к собственной истории. А, между прочим, в центре Берлина стоит памятник основоположникам революционного учения К.Марксу и Ф.Энгельсу.

Несколько слов хотелось бы сказать о жизни простого народа. Деление Германии на западную и восточную сохранилось и носит актуальный характер, т.к. условия жизни в бывшей ГДР хуже, чем в ФРГ. После объединения Германии в восточной ее части были практически закрыты все предприятия. Уровень безработицы достаточно высок. Так, даже в привлекательном Дрездене (где 500 тыс. чел.) он составляет 17,3%. А всего в Германии было пять миллионов безработных. Выброшены на улицу и бывшие военнослужащие ННА ГДР. По официальным данным бундесвера, из 60 тысяч только 15% были приняты на службу в западногерманскую армию. Репрессии, переносимые населением восточной Германии, отразились на демографических показателях. Увеличилась смертность, снизилась рождаемость. Детсадов оказалось больше, чем детей. Еле набирают группы по десять человек. В редких школах бывает по десять классов и сто учеников. Зарплата учителей по немецким меркам ничтожно мала и составляет около двух с половиной тысяч марок. Средняя же зарплата по Германии в пределах пяти тысяч дойчмарок. Каков же прожиточный уровень? Мы поинтересовались этим вопросом. Беседовали с немцами, смотрели цены на товары и продукты в магазинах. Они выглядели в цифровом изображении как и у нас, но это были марки. А учитывая размеры зарплат немецких обывателей, цены эти являлись в десятки раз дешевле, чем в независимой и богатой Украине. В повседневной жизни народ

одет одинаково: спортивно-однообразно, в джинсовые курточки, кроссовки, и это независимо от возраста и пола.

Во время бесед с молодежью сделали удивительное открытие о заботливом отношении государства к молодежи, в частности, к студенчеству. Оказывается, в Германии студенты получают стипендию в размере 800 марок. При сравнении курса валют на то время это равнялось 800 украинским гривням. Молодежи государство определило месячный проездной на общественном транспорте в размере 2,5 марки при 50 марках для простого гражданина. Существенная скидка, не правда ли? Штраф за бесплатный проезд составляет шестьдесят марок. На праздничные дни студентам предоставляется бесплатный проезд к месту постоянного проживания родителей.

Даже немецкие безработные по сравнению с нами находятся в другой категории. В землях, где пришлось нам бывать, пособие безработного составляло 450 марок. На то время немногие в Украине получали зарплату в 450 гривен? Немногие. Для нашего простого труженика, будь это инженер, преподаватель, врач, такая зарплата могла бы быть мечтой. Однако немецкое государство пошло еще дальше, продумав целую систему разнообразной помощи бедным. В этом ряду особо стоит система магазинов «СА», в которых можно купить по невысоким ценам (в два-три раза дешевле) качественные товары. Завсегдатаями этих торговых точек являются наши скупщики.

После предательства «горби», как называют бывшего президента СССР, а это было именно предательством по отношению к братской ГДР, — факте высылки Э.Хонеккера в руки западногерманских тюремщиков, авторитет России и всех славян резко упал. Потерян и престиж русского языка в немецком обществе. А ведь на востоке Германии он был уважаем еще и в прошлом веке. Более того, как нам рассказали немцы, историческая победа Петра I над шведами под Полтавой оказала решающую роль в самостоятельном становлении саксонских земель, в расцвете города Дрездена.

Да и в истории второй мировой войны Советская Армия не принесла таких невиданных разрушений, как бомбардировки городов Германии союзной авиацией. Об этом помнят немцы. Именно с этих бомбардировок началась эвакуация, принявшая размеры какого-то «переселения народов» в восточную часть Германии под траги советских танков, рвущихся к Берлину. Чего стоят бомбежки

Гамбурга, Берлина, Франкфурта на Майне, Нюрнберга, Мюнхена, Кельна, Дортмунда, Дюссельдорфа?!

Особенно болезненным для Германии оказалась потеря 495 памятников культуры и архитектуры, а 620 были повреждены настолько, что восстановление продолжается и через пятьдесят лет. По словам бывшего генерала пожарной охраны рейха Ганса Румпфа: «План 1042 городов западной части Германии представляет нечто вроде яйца с выеденной сердцевинкой и остатками скорлупы в виде окраин...» А взять одну ночь 13 февраля 1945 года, когда был уничтожен город Дрезден и погибло 35 тысяч мирных жителей (в большинстве своем, женщины и дети).

Планомерное разрушение 80 важнейших немецких городов историками рассматривается как ошибка. Английский историк Фуллер писал, что «города, а не развалины являются основой цивилизации!». Западная демократия в 1999 году продемонстрировала свой двойной стандарт, нежелание считаться с итогом и опытом прошедшей войны. Громя Югославию, ни один политик, ни одна газета в мире не напомнила, что «из общего количества 955.044 т бомб, сброшенных англичанами на Германию в 1943 — 45 годах, 430.747 т бомб упало на головы мирных жителей городов и только 143.585 т бомб — на промышленные объекты. Налеты на города почти не способствовали победе» (Итоги второй мировой войны (выводы победленных). Стр. 215 — 239. Полигон, 1998 год, С.-Петербург).

Трагический фарс повторился в мирной Европе в конце столетия... Современная история Германии, хотя и пишется не под снарядами и бомбами, не менее драматична. Развал обеспеченной жизни восточных немцев под лозунгом перестройки, заглушил добрые исторические воспоминания и стереотипы в сознании народа. Славяне опять предстали перед миром варварами, разрушающими не только себя. Любопытны итоги проведенного недавно социологического опроса ста предпринимателей в восточной части Германии и такого же числа — в западной. Отвечая на вопрос о знании языка, восточные немцы дали только 13% русскому. В чем явно лукавили, т.к. еще в недалеком 1994 году 80 % опрошенных подтверждали свое хорошее знание русского языка, ведь его учили в школах, в учебных заведениях бывшего СССР, многие немцы получали прочные знания, навыки и умения русской разговорной речи ежедневно общаясь с контингентом наших войск. Сейчас же в по-

вседневности признаваться в знании великого славянского языка являлось неприличным. Мне показалось, что это скорее стремление — казаться лояльными к новым хозяевам. А новый хозяин не столько немецкий бауэр, немецкий капиталист, сколько американский бизнес. Языком межнационального общения в обеих частях Германии стал английский язык.

Сравнивая жизнь граждан ФРГ в восточной и западной частях Германии, убеждаешься в том, что простые люди безусловно страдают. В ходе возврата собственности «старым» хозяевам многие жители в восточных землях лишаются домов и земли, которыми они владели более 40 лет, где они жили и обустроивались. Немалое число граждан подвергается политическим и уголовным преследованиям за то, что они придерживались суверенных законов своего государства — ГДР. Многие потеряли средства к существованию, поскольку на территории ГДР систематически осуществлялась деиндустриализация, происходило массовое уничтожение рабочих мест.

Я видел реакцию простых немцев на проходящего по улице городка простого солдата. На него смотрели с любовью. Надо сказать, и он был на высоте. В простом полевом камуфляже он был опрятен, застегнут на все пуговицы. С полной амуницией, как будто только вылез из окопа, но это не было ему в тягость. Он гордился тем, что носит военную форму. Мне стало так обидно за нашу оплеванную армию-победительницу. Бундесвера тоже коснулись проблемы конверсии и реформирования. Однако здесь сокращение проводится очень осторожно и обдуманно. Нам сказали, что по военному ведомству ежегодно должны увольняться не более 500 человек (офицеров). И не более... Подготовка к увольнению кадрового военного начинается за 48 месяцев и под строгим контролем соответствующих служб. Начальник отдела службы профессионального роста бундесвера господин Георг Франкель, выступая перед нами в Мюнхене (Бавария), сообщил интересные моменты, связанные с призывом, прохождением службы и увольнением кадровых военных бундесвера. Для последней категории лиц проводятся занятия по новым технологиям, компьютеру, основам современной экономики и правовым вопросам. Добротню преподается деловой английский язык. Ведь не секрет, что бывшие офицеры уйдут работать в многочисленные американские фирмы. И хотя в стране заметно возрождение опасного духа немецкой исключительности, просто бросается в глаза, что с помощью всего Европейского Со-

юза и заокеанского партнера возрождается великое организованное государство. Единство западных немцев продемонстрировала и обстановка мюнхенского гаштета, когда мы попали туда на вечернюю трапезу. За длинными столами плечом к плечу сидели немецкие обыватели, среди которых были и мужчины, и женщины всех возрастов. Подняв кружки с пивом, они раскачивались в такт немецкому военному маршу и самозабвенно пели — «Германия превыше всего...». Но ошибочно полагать, что традиции массового употребления пива в Баварии были заложены во времена третьего рейха. Эта привычка берет начало с 1810 года, когда на свадьбе будущего короля Людовика I (Баварского) и принцессы Терезы Шарлотты впервые на торжество были приглашены все жители Мюнхена, которых угощали бесплатным пивом. А потом это стало ежегодной традицией, которая прерывалась лишь во время войн: в 1813 году, а также на время Первой и Второй мировой.

*«Баварское пиво хмельно и игриво,
И ножек свиных аромат,
Сидели красиво, а порции — диво
Насытили наших ребят.*

*Баварское пиво, хозяйки на диво,
Манишек белый наряд,
Автографы Лены и ветви олени,
И Кресты восторженный взгляд.*

*Баварское пиво лесного разлива,
Как чуден хмельной аромат.
Казак запорожский осилил две ножки,
И выручка наших девчат».*

Немецкую организацию и пунктуальность мы почувствовали с первых минут пребывания на немецкой земле. Прилетев в Берлинский аэропорт Шемефельд, мы получили на руки план-расписание нашего посещения, которое было нами выполнено за две недели без единого сбоя и хотя бы пятиминутного опоздания. За период пребывания в этой стране мы очень редко видели полицейских. Если говорить коротко — это законопослушная страна. Выходишь на остановку общественного транспорта (автобус, трамвай, троллей-

бус, метро) — смотри по расписанию, когда подойдет маршрут. Засакал — минута в минуту, в соответствии с графиком. Опозданий у них просто не может быть. У каждого работающего телефонного аппарата на улице, в будочке на полочке лежит толстенный телефонный справочник на всю страну. И никто их не рвет, не пачкает, никто не ломает аппараты.

Любопытна Германия и в области взаимоотношений между полами. Нас сейчас трудно удивить в чем-то, но у немцев же достаточно откровенная атмосфера. На каждом шагу встречаются секс-шопы, которые посещают как обычные магазины — и молодые парочки, и седовласые «герры» и фрау. По телевидению крутят малопривлекательные эротические и порнографические фильмы и рекламу. В любой продуктовой лавке, маркете наряду с основной продукцией присутствует полка с порножурналами.

Под Франкфуртом-на-Майне в небольшом городке Бад-Хомбург располагаются известные во всей Европе Таун-Термы. Проявив понятный интерес, мы побывали в этом царстве демократически обнаженных тел. Удивительное по своей красоте заведение, где на небольшой территории сосредоточено более десяти саун и парилок всех времен и народов, бассейны, солярии, массажные кабинеты, комнаты отдыха, в которых одновременно пользуются благами банного комплекса и мужчины, и женщины. И нисколько не стесняются присутствия друг друга. У нас совместное пребывание обнаженных представителей обоих полов в душном помещении называется нудистской баней. Акцент, таким образом, делается на подсознательной недозволенности и ненормальности подобного занятия. А там все значительно проще. Сначала, как у нас, тебе выдают ключик от шкафчика, куда можно сложить одежду. Ключ надет на ремешок и носится на запястье, как часы, так что потерять его невозможно. Заматываемся полотенцами и направляемся к стеклянным дверцам саун. Первая — с температурой 90 градусов. Пахнет хвоей и какой-то целебной травой. На полках полно народу: влюбленная парочка с хохотом и повизгиванием выскочила наружу и плюхнулась в бассейн с голубой водой, голые тела — роскошные женщины и полные мужчины. Через несколько минут горячий воздух начинает обжигать нос, и все, обливаясь потом, выкатываются из кабины. Трудно словами передать удовольствие, которое испытываешь, погрузившись в холодную воду бассейна. А над головой рядом с бассейном ходят обнаженные женские тела.

«У них» все по-другому. Ну да, ходят женщины и мужчины — худые, толстые, красивые, молодые и дряхлеющие. Посматривают друг на друга искоса, но не более. Там мы неожиданно открыли для себя красоту немецких женщин, ведь в повседневной жизни в одежде они показались нам невзрачными.

Во второй сауне горячее — 100 градусов, но дышать легче, потому что раскаленные камни только что полили водой. Поговору мы вычислили среди голых тел и русских женщин, находящихся в Германии по своим делам, и проявивших, подобно нам, живейшее любопытство к экзотическим Таун-термам.

После такой расслабухи радостно залезаю в джакузи. Снизу — маленькие фонтанчики для массажа ступней, сбоку посильней, для остальных членов. У каждого источника — яркая лампа, так что другим хорошо видно, кто, что и как массирует. Последний аккорд — отдых в шезлонге и незаметное — как здесь принято — изучение достоинств посетителей.

Но самым щекотливым моментом оказывается все-таки одевание (как-то неожиданно оказывается, что оно совместное), — женщины, надев первую, самую незначительную деталь туалета, сразу становятся стыдливыми...

Вот вам и чопорная Германия. В каждой гостинице, где мы жили, имелись совместные сауна и бассейн, рассчитанные на проживающих гостей... Если женщина зашла в кабинку, где сидят одни мужчины, это 100% гарантия, что с ней никто не заговорит, не то что прикаснется — если она сама этого не захочет.

Зато какое удовольствие в качестве физзарядки до завтрака поплавать в голубой воде бассейна — этого заряда бодрости хватало на весь день.

...15 марта 1998 года в 7 утра мы сошли на землю Франции. В очередной раз удивились отсутствию каких-либо таможенных процедур. Объехав всю Германию, на вокзале в Париже мы почувствовали себя как дома. Нас никто не встретил. Наш запоздавший сопровождающий Жан Морис посетовал на опоздание автобуса, который должен был нас перевезти к месту проживания. Гостиница в Латинском квартале была заказана только с 12 часов дня. То есть, в этих мелочах было что-то наше, родное...

Франция очень отличается от Германии, как мне показалось, своей необязательностью, отсутствием внутренних тормозов. Во французах очень много от славянской нации. Оказавшись по воле

обстоятельств привязанными к гостиничным делам, мы решили осмотреть ближайшие окрестности и неспеша зашли на остров Сите, который называют сердцем Парижа.

По легенде, сам Юлий Цезарь, направляясь в один из своих походов, обратил внимание, что на острове живут люди, именующие свое поселение Лютеция-на-Сене. Туземцев называли паразитами, и считается, что поэтому городок стали называть Парижем. Жемчужиной острова Сите является Собор Парижской богородицы. Свои первые фотографии во Франции мы сделали на его фоне.

С детства каждый из нас мечтал побывать в Париже. Это предмет детских грез, надежд зрелости и старческого вожделения. Детям он видится как город д'Артаньяна, юношам — как город Рембо и Бодлера. Интеллектуалам — как столица современной философии, взыскательным дамам — как город лучших в мире бутиков и парфюмерии, любителям старинных вещей — как рай антиквариата, для меня лично — как город первых пролетарских революций.

Сам Париж насчитывает около трех миллионов жителей, но Парижская агломерация напомнила Москву с ее десятью миллионами. Законодательная власть в стране принадлежит парламенту, который состоит из двух палат: Национального собрания и Сената. В Сенате мы были трижды, и почему-то, к нашему смятению, посол Украины пан Зеленко принимал нас вместе с французскими сенаторами именно там. Эти беседы и экскурсии по Сенату были очень простыми, без всякой помпезности. Нам показали все. Я сидел в кресле сенатора-коммуниста, сфотографировался у трона Наполеона. Пятая Французская республика покорила нас своей непринужденностью. Почти три столетия Париж был единственным модным городом, заставляющим Европу говорить по-французски. Он был столицей вкуса и идей, он был в одно и то же время самым аристократическим и самым революционным городом. Париж диктовал миру образ жизни. Его кварталы — это не просто названия районов, но имена целых культурных эпох. Монмартр — с ним связана вся история зарождения современного искусства в конце прошлого века. Латинский квартал — это революция 60-х годов с ее политическим и сексуальным радикализмом.

Поселившись в небольшой гостинице, которая на многое не претендовала, но уверенно тянула на «три звезды», мы перекусили. За завтраком (входит в стоимость номера) невольно вспомнили

слова великой балерины, которая советовала всем желающим поху- деть: «жрать надо меньше». Действительно завтрак стоил того. Официантка принесла на завтрак несколько капель джема, микро- рогастики, полчашечки теплого кофе. Впрочем, если верить слухам, то кофе и рогастики подают даже президентам.

По официальной статистике, безработица во Франции меньше, чем в Германии. На март 1998 года она составляла 12,5% от трудоспособного населения. В портовых городах Франции и в Париже на рынке труда сильна конкуренция между французами, неграми, арабами и турками. Предприниматели с большей радостью берут на работу выходцев из бывших колоний, чем своих, т.к. чужие согласны работать за гроши.

Средняя зарплата по стране составляла 10 тыс. франков. Безработные получали пособие в размере 2,5 тыс. франков. Это немного, но на баррикады они не пойдут, т.к. государство предусмотрело продуманную программу соц. защиты населения. В частности, уже пятьдесят лет существует система магазинов «ТАТИ», в которых по льготным ценам проводится распродажа промышленных товаров весьма хорошего качества. Несколько слов хочу сказать об этом примечательном заведении-универмаге Тати. С былых советских времен нашим гражданам категорически не рекомендовали появляться в этом магазине. Мол, основные клиенты здесь — эмигранты, среди которых много ненадежных людей, и можно попасть в неприятную историю с участием полиции. Учитывая запрет, все советские граждане (и мы не были исключением), естественно, стремились прежде всего сюда. И обнаружили, как сейчас говорят, широкий ассортимент товаров по разумным ценам. Все подарки родным я привез именно из этого магазина.

Кроме того, семье безработного на каждый день выдаются чеки на сумму в пятьдесят франков из расчета на каждого члена семьи. Этой суммы хватает на то, чтобы не быть голодным. Если происходит сокращение на предприятии или оно закрывается, согласно французским законам, работника не могут выбросить на улицу. Ему выплачивают среднюю зарплату до тех пор, пока службы занятости не найдут ему новое место; если он отказывается от места, тогда его переводят в разряд безработных. В южных департаментах страны, особенно в сельской местности, общинами живут польские, русские, украинские эмигранты. В столице же полный интернационал.

В подземках старого, жутко неудобного метро, имеющего 360 станций, я видел бесчинствующие группы молодых чернокожих и выходцев из арабских стран, которые вели себя очень развязано, задирали прохожих, орали и пинались. В отличие от Германии, в Париже соблюдаются общепризнанные нормы приличия и нравственности. Круглый год Париж заполнен многотысячной толпой, приехавшей сюда, на бульвар Распай, Елисейские поля, площадь Тюильри, бульвар Капуцинов, с одной целью — наслаждаться. По телевидению нет скабрёзных фильмов, нет развалов с сомнительной литературой. Центром индустрии секса является площадь Пигаль. Именно здесь — дно Парижа. Это место сосредоточения всех публичных домов, кинотеатров, театров, видеотек, а также секс-шопов. Визитной карточкой этого места является дом с красной мельницей на крыше — мюзик-холл «Мулен-Руж». В таких местах и в азиатских, китайских кварталах, где проживают эмигранты, высок уровень преступности.

На вокзалах и в таких гетто несут непрерывное дежурство вооружённые автоматами наизготовку полицейские и жандармские патрули. Ежедневно в таких горячих точках стоят серые или белосиние бронированные автобусы с мускулистыми военными, одетыми в темно-синие комбинезоны и пилотки. Они вооружены автоматами и пистолетами. Это специально тренированные части армии — CRS. Их основная функция — держать под контролем толпу. Эти подразделения зарекомендовали себя жесточайшими методами разгона демонстраций, но постоянное присутствие подразделений армии на улицах, без сомнения, отпугивает преступников. В Сенате нам говорили: «Армия — адекватное демократии средство наведения порядка». Плюс двенадцать видов полиции.

В Париже мы узнали потрясающую нас новость: оказывается, всего десять лет тому назад самая демократическая республика оказалась от гильотины. Можете себе представить — в 1986 году. В Сенате нам рассказали, что в тот год, когда страны, входившие в Варшавский договор, ввели свои части в Чехословакию, французская республика пережила революционную ситуацию. По всей стране шли боевые схватки трудящихся под красными знаменами коммунистической партии на баррикадах за свои социальные права. Почему я это невнятно слышал от нашей идеологической машины? Пойдя на уступки народу, правительство заложило многие механизмы социальной политики, обеспечивающие мир и человеческое существование.

К русскому языку во Франции отношение дружелюбное. Неоднократно во время блужданий по городу мы встречали людей, говоривших по-русски или понимавших русский язык, которые показывали нам дорогу. Всегда налаживался контакт и с продавцами в магазинах. В Париже лучший мост через Сену носит русское название «Мост Александра III». Его открывал ещё Николай II. Кстати, недалеко от этого моста, на набережной, — подземный тоннель, в котором погибла английская принцесса Диана. Так вот, этот русский мост — самый красивый в столице Франции — он весь в позолоте, а посередине, с одной стороны — золотая царская корона, с другой — герб Парижа. Говорят, что чопорные англичане ревнуют французов к русским.

Французы — народ приветливый, приятный. Женщины, как правило, красивы или очень привлекательны, нашей славянской красотой. Одеваются все скромно, но с французским шармом. На каждом шагу попадаются целующиеся парочки разных возрастов. Мужчины дарят женщинам маленькие букетики цветов. С раннего утра в уличных кафе сидят пары от 18 и до 80 лет. Пьют кофе, разговаривают, смеются. Сидение в открытых кафе «Les Deux Magots» на бульваре Сен Жермен или в кафе «de la Paix» так же естественно для публики, как естественен рост растений или полет птиц. Кажется, они всю жизнь проводят за чашкой кофе, упиваясь парижским воздухом...

Счастливая нация.

Невозможно увидеть озабоченные, понурые лица.

Как я и предполагал — самым посещаемым местом является Эйфелева башня. И хотя ее высота — 320 метров, давно преодолена Москвой и Торонто, — это визитная карточка французской столицы. Архитектор Гюстав Эйфель построил свою башню к открытию Всемирной выставки в Париже в 1889 году. Больше сорока лет она была высочайшим сооружением в мире. Сейчас же это самая знаменитая высотка. За всю ее историю здесь побывало 150 млн. человек. Башня состоит из «кусочков», в ней 15.000 составных частей, соединенных 2.500.000 заклепок. В принципе в этом строении очень мало красивого. Зато фотографии на ее фоне не спутаешь ни с чем.

На Елисейских полях я увидел громадную (в полквартала) очередь в местный кинотеатр. Шёл просмотр нового фильма. У нас такого я не видел уже давно. Елисейские поля — самая широкая

улица Парижа. По ширине она не уступает нашему Днепропетровскому центральному проспекту. Но наш наряднее, потому что его украшают бульвары.

На Елисейских полях бульваров нет. Есть десять рядов для машин, полосы зелени, широкие тротуары и посередине — автостоянка. Если после десяти вечера и можно увидеть пешеходов, то скорее всего на Елисейских полях. Поток транспорта иссякает, но открыты кафе и рестораны. Большой популярностью пользуется мюзик-холл «Дикие лошади». У стен домов стоят одинокие фигуры «загадочных» женщин с рассеянным взглядом и с сумочкой через плечо.

Говоря о негативном впечатлении от столичного метро, нельзя промолчать и о передовом железнодорожном транспорте. Он самый совершенный и заслуживает похвал. Нам довелось ехать на юг Франции, в полуторамиллионный трудовой город Лион. Так вот, туда ходят скоростные современные поезда типа «TGV», идущие со скоростью 270 км/ч. На одном таком красавце, сияющим лаком составе с остроносным обтекаемым локомотивом во главе, мы преодолели расстояние в полтысячи километров всего за неполных два часа. Внутри вагон похож на авиасалон первого класса: широкие мягкие кресла, удобные столики, ковровые дорожки. У нас было впечатление, что мы летим над землёй. Не слышно было даже стука колёс, внутри и на первом, и на втором этажах вагона — уютные кресла, туалеты, как в первоклассных самолётах. Как нам рассказали: поезда этого класса ходят уже двадцать лет. Аварий не было. Но требуется постоянный уход, а особенно — надзор за состоянием пути. Специалисты считают, что на расстояниях до тысячи километров TGV успешно конкурируют с самолётом. Цена билета ниже, вокзалы, как правило, в центре города, о погоде можно не думать, да и спокойнее как-то: все-таки на земле, а не в воздухе.

Вот бы нам из Днепропетровска в Киев часа за два добраться!

Под впечатлением от поездки наш коллега М.Войнарченко набросал:

*Мчит поезд Париж — Лион,
Земля и «Стрела» вразлет.
Разлука и встреча времен...
А Жана там родина ждёт.*

*Мчимся впервые в Лион.
Кто спит, кто читает, кто пьет.
Не слышен колес перезвон...
Там Жана любимая ждет.*

*Неужто реален сей сон,
Полтысячи верст перелет,
В гостинице узкий балкон...
В ней Жана жена уже ждет!*

*Лион — золотой регион,
В нем добрый открытый народ,
Вином увлекается он,
Там Жана дед Клод всегда ждет.*

*Мы прибыли в город Лион,
Здесь солнце в бокале живет.
На замках повис небосклон,
И Жан пусть всегда нас здесь ждет!*

К армии во французском обществе отношение заботливое. Франция свято хранит традиции и живёт ими. Париж переполнен воспоминаниями, и уже нет в центре места, не обремененного целым ворохом культурных ассоциаций. Они привлекают массу туристов. Памятные доски гласят — здесь были Хемингуэй, Сартр, Ленин...

Кстати, праздник Великой Французской Революции отмечают три дня с парадами, концертами, общим весельем. Почти на каждом доме, в каждой забегаловке прикреплены доски с информацией, кто здесь и когда жил. Много памятников военным, а также знаменитым битвам. Кстати, видел памятную доску в честь битвы под Альмой, — это небольшая речка под Севастополем в Крыму (там французы в первом полевом сражении Крымской войны разбили армию адмирала Меншикова в сентябре 1854 года). А хорошо известная Триумфальная Арка начата при Наполеоне, а завершена с любовью к военным только в 1835 году.

В Париже сохранились площади Сталинград, Севастополь. Наши города-герои. Как сказали мне аполитичные французы, во всех городах их страны с 1944 года есть улицы с названием «Ста-

линград». Таблички на площадях и на улицах с этим названием информируют, что «Сталинград — это город в России, в котором в 1942 — 1943 годах произошло сражение, определившее победу над фашизмом во второй мировой войне».

Прочитав это, я с радостью подумал, — как хорошо, что французы плохо знают нашу современную историю, а то и у них появился бы «умник», возжелавший внести изменения в историю.

С большим почтением во Франции относятся к воинским захоронениям американских солдат, погибших при освобождении их страны, а ведь погибших там несравнимо меньше, чем наших в Германии. Но находят деньги, выделяют рабочие бригады для ухода. Выглянуло весеннее солнышко, а на кладбищах уже порядок и чистота. Ветерок колышет над могилами флаг США. Спите спокойно, вас помнят, солдаты!

Во Франции современная армия и флот. Прекрасные самолёты, атомные субмарины, несущие боевое дежурство. Под влиянием времени Сенат тоже заявил о своих планах сокращать вооружённые силы к 2000 году до следующих показателей: оставить офицеров — 16 тыс. человек; подофицеров — 52 тысячи человек; солдат — 66 тыс. человек. Все эти сокращения имеют отношение, только к сухопутным войскам.

Особое место занимает Иностраннный легион. Это, пожалуй, самая необычная, окутанная легендами боевая часть французской армии. Он был создан в 1831 году королем Луи-Филиппом в качестве наемнической единицы, обладающей особым статусом в рамках вооруженных сил страны. Главной задачей, стоявшей перед легионом, было упрочение колониальных завоеваний Франции сначала в Северной Африке, а потом и в других уголках мира. Туда, где было горячо, в первую очередь направляли легионеров, в основном иностранцев, которых расчетливым французам, конечно, было жалко терять, но все же не так жалко, чем своих соотечественников. Кстати, в песках Сахары, в джунглях Юго-Восточной Азии, на полях битв как первой, так и второй мировой войн пали 36 тысяч «белых кепи» (белоснежные кепи — официальный головной убор легионера), доказав на деле, что девиз легиона «Честь и верность» не был для этих иностранных наемников пустым звуком.

Иностраннный легион всегда притягивал к себе людей самого разного толка. В соответствии с легендой, но она подкреплена фак-

тами, среди них всегда было множество авантюристов, несчастных влюбленных, ищущих забвения в кровавых битвах, должников и тех, кто вынужден бежать из родных краев по политическим мотивам. Традиционно в легионе находили пристанище многие россияне. Пятеро из их числа даже дослужились до генеральского звания. Самый известный из них — однорукий Зиновий Пешков — приемный сын буревестника пролетарской революции Максима Горького и одновременно родной брат активного участника той же революции Якова Свердлова. Есть в легионе россияне и сейчас — несколько десятков. Сам по себе Иностраннный легион не так уж и велик. В настоящее время в нем восемь с половиной тысяч человек ста национальностей, из которых 350 — офицеры. На службу в него может поступить любой мужчина в возрасте от 18 до 40 лет, независимо от национальности, образования, знания французского языка. Главное, чтобы кандидат был здоров, как бык, готов нести тяжелую службу и обладал нормальными интеллектуальными способностями. Записаться в легион можно под любым вымышленным именем, превратившись, к примеру, из Ивана Петрова в Ива Винсена. Если раньше проверка кандидатов проводилась весьма поверхностно, то сейчас шансов затесаться в легион, скажем, у матерых уголовников или террористов, спасающихся от преследования, маловато. Проверкой занимается специальный второй отдел легиона, который напрямую связан с Интерполом.

Желающих поступить в легион много — ежегодно семь-восемь тысяч человек, из которых лишь каждый шестой становится обладателем белого кепи. Только те, кто прошел медкомиссии, тестирование, а также четырехмесячную на износ подготовку в специнцентре легиона в Пиренеях. Именно там формируется легендарный боевой дух и профессионализм легионеров, которые вызывают уважение у всех командос армий мира. Американцы, не склонные к похвале, как-то писали в журнале десантников «Ю.С. марин кор», что «никакое боевое подразделение в мире не превосходит Иностраннный легион в бою по профессиональной подготовке и отваге».

Как правило, контракт с новобранцами заключается на пять лет. Причем в течение первого полугодия, если тяготы службы кажутся им невыносимыми, остается право подать рапорт об увольнении. Жалованье простого легионера невелико — около 300 долларов в месяц. Правда, по прошествии года оно удваивается. Спустя

три года легионеру разрешается обзавестись семьей. По истечении пятилетнего срока легионер может продлить контракт на такой же срок или же демобилизоваться. При этом он имеет право обратиться с прошением о предоставлении ему французского гражданства. Обычно власти идут легионерам навстречу. Как правило, проблем с устройством на работу у отставников Иностранного легиона не бывает: на «гражданке» с большой охотой берут на службу в охранные агентства, а телохранители из них получают, говорят, высочайшего класса.

Служить в нём бегут русские и украинские парни за большие деньги. Прослужившие в армии 25 лет выходят на пенсию, составляющую 60% от получаемого денежного содержания; военным, прослужившим 33 года — пенсия 66%. Кроме того, за каждого члена семьи добавляют дополнительно 1000 франков.

Мы были в Военной школе, наподобие нашей академии Генштаба. Она расположена в центре города недалеко от Эйфелевой башни. Встречались и беседовали с молодцеватыми генералами и полковниками, по возрасту нашими ровесниками. Мы смотрели на них, и в голове крутилась мысль — не так тяжела, выходит, у них военная служба? Нет седин, нет усталости в глазах. В боевую подготовку слушателя входит непременно конная подготовка. Военная форма в армии и на флоте не менялась с прошлого века. Придирчиво осмотрев её, мы не нашли серьезных недостатков... А они, отвечая на наши вопросы, не могли скрыть своего удивления: зачем после увольнения офицер должен идти работать?

«У него, что папа держит фирму?» — спрашивали они в ответ на наш вопрос.

Военная пенсия дает возможность французскому отставнику заниматься своими увлечениями — писать книги, совершать путешествия, коллекционировать автомашины, выступать консультантом в известных областях... Ее размер покрывает все расходы по содержанию виллы и своих домочадцев.

Все французы запомнились мне своей простотой, открытостью, доступностью. Да, на улицах Парижа мы видели в книжных развалах литературу на русском языке. Продавец спрашивал: «Чего хочет месье? А, русский, подождите, я достану книги на вашем языке!»

В Сенате мне поручили выступить с речью. В заключении монолога коснулся темы боевого братства в войне с фашизмом. Говорил об эскадрилье «Нормандия-Неман», о Полтавском аэродроме, принимающем в 1944 — 1945 году союзную бомбардировочную авиацию... Меня слушали с интересом, но и с каким-то недоумением. После встречи я спросил у переводчика:

— Может быть, что-то было сказано мной не так?

— Нет, — ответил он, — все хорошо, но сенаторы не поняли — причем здесь Украина, которую вы представляете? Россия — это да, это бывший Советский Союз. Это великая страна, победившая Германию, а Украина — это маленький департамент, каких во Франции 96. Но ведь любой самый известный департамент или коммуна, к примеру, Шампань, не имеет право приписывать себе славу всей Франции.

Я не был согласен с этими доводами, поскольку мог аргументировано ответить, что Украина имеет общую площадь, большую чем Франция (603,7 тысяч кв.км., против 551,6 тысяч кв.км), и население двух стран, примерно одинаковое, по 55 миллионов человек. Но наши гостеприимные французские хозяева имели в виду другое. Они не могли понять: как это так, разрушена такая великая страна!

Да, прав был поэт, однажды сказавший: «Умом Россию не понять!»

...В день нашего отъезда в аэропорт Де Голль, для вылета обратно на родину в Киев, не обошлось без курьеза по-французски. Мы с умилением и улыбкой смотрели за действиями бесшабашных французских шоферов мини-автобусов, приехавших за нами, перегородивших у входа в гостиницу оживленный перекресток и энергично переругивающихся со сбежавшимися полицейскими. Они их не боялись, они граждане свободной страны — поступали так, как считали должно быть удобнее для гостей. А временные неудобства для местного транспорта — это пустяки перед историей и памятью иностранцев... Мне показалось, что и полицейские понимали это, и пытались наводить порядок больше для проформы, чем для дела. Не было в их жестах агрессивности и резкости. Пошумели, помахали руками и мирно все разошлись.

Под какофонию автомобильных гудков взбешенных автомобилистов мы и отъехали от гостиницы...

В эти минуты я начал осознавать простую житейскую истину: почему наша русская эмиграция, сбежавшая от произвола властей в Европу, в основном жила во Франции...

*Как взлетал я над Парижем,
Небо становилось ближе,
А Париж все дальше, дальше
Уплывал под облака.
Лувр растаял в синей дымке.
Нотрдам, Монмартр на снимке
С башней Эйфеля в обнимку
Выйдут уж наверняка.
Теперь будем вспоминать мы
Божоле, прием в Сенате,
Королевский мост на Сене,
Что стоит уже века.
Мулен Руж, Пигаль де плаце,
Мосты, арки и палацы,
На их фоне лица наши
Выйдут уж наверняка.*

...Впечатлений много. И со временем, как ни странно, их становится все больше: вспоминаются новые подробности.

Возвращаясь домой, я думал: неужели мы такие прирожденные тупицы?

Живут же люди!

Правительства работают для народа. Платят людям достаточную заработную плату, достойную пенсию... а наши украинские телекомментаторы как-то с восторгом нам с экрана сообщили — цены в Берлине не уступают киевским. Какое, мягко говоря, лицемерие. Цены-то такие же, но немецкий студент получает стипендию, равную зарплате украинского министра. С первой стипендии юный человек бросается покупать подержанный автомобиль, чтоб не тратить деньги на проезд в общественном транспорте... Во Франции права человека упоминаются сотни раз на день по поводу и без повода. Парадоксально, но Франция судит своих граждан по кодексу Наполеона 1804 года. Вот в этом политическая устойчивость системы. Верность — традициям! Что создает дополнительную нравственную ответственность на граждан.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

С той поры пролетело еще одно бурное десятилетие жизни нашей семьи и моей работы в Государственном комитете Украины по делам ветеранов. Трудиться пришлось под руководством мужественного человека, Героя Советского Союза афганской войны генерал-майора Плосконоса Игоря Николаевича. К сожалению, киевские интриганты из окружения амбициозных властолюбцев, претендуя на его пост, не дали долго работать нашему коллективу, и к началу весны 2011 года комитет оказался втянут в административную реформу и ликвидирован, а все сотрудники уволены... От этой череды циклично повторяющихся реформ заведомо вновь пострадали инвалиды и ветераны, другие социально незащищенные слои населения, которых курировал и защищал госкомветеранов. Да кого это волновало?

Когда же мы, наконец, дождемся настоящих государственных мужей, которые бы научились проявлять реальную заботу о своей стране, любили бы на деле наш необыкновенный и многострадальный народ? Он, право, заслуживает достойной жизни.

История человечества доказала, что старые идеологии время от времени умирают. Наша жизнь захватила период смены формаций, перехода в одну из таких новых эпох.

Смерть идеологий — процесс необходимый и нормальный, следствие социальных метаморфоз общества. Сегодня сложились новые социальные условия, ибо многие положения марксистского учения рассыпались. Запад хвастливо и ошибочно заявляет о победе идеологии капитализма над идеологией социализма, в то время как налицо скорее самороспуск, капитуляция последней, далеко не исчерпавшей своих потенциальных возможностей.

Советская история пережила две волны саморазрушительного ревизионизма. Первая — саморазоблачение Хрущева, приведшая к падению авторитета Советского Союза в мире. Вторая, в 1986 году, накрыла сам СССР. Герои спешно оказались заменены на поста-ментах Жертвами. В очередной раз безжалостно разрушены фундаментальные, закладываемые веками традиции нации. Ошибочной и преступной названа большая часть новейшей советской истории. Но «осуждение» Истории — абсурдно. От того, что сталинская эпоха осуждена, она не перестает быть самой результативной Великой Эпохой. В этот период Советское государство достигло небывалого

могущества. Мы в этой стране родились, получили образование, достигли определенных высот в обществе и искренне гордились своим Союзом.

К тому моменту, как я переступил рубежный порог своего существования, и появилось желание поделиться тем, что накопилось в памяти и душе... Каждый, кто берется за перо, чтобы написать воспоминания о жизни и о пережитой войне, кто выходит к людям самых различных возрастов и уровней образования и воспитания, духовных потребностей, чтобы рассказать о прожитом, об уроках жизни, не может не спрашивать себя: будет ли интересным и полезным написанное им? Имеет ли он моральное, нравственное право писать и говорить о том, что рядом и вместе с ним переживали многие, которые, как и он, могли бы сделать то же самое? Наконец, правильно ли автор, приступая к воспоминаниям, понимает свой общественный долг и общественную значимость своего рассказа о жизни? Такие сомнения владеют и мной. Не раз и не два ставил я перед собой эти сложные вопросы. И после долгих-долгих размышлений решил последовать известному совету А.М. Горького, утверждавшего, что он начал писать тогда, «когда не мог не писать». Настолько желания и впечатления, ощущение внутренней силы и необходимости высказать, поделиться с другими тем выношенным, выстраданным, проверенным временем перебарывают сомнения и чувства неуверенности.

За плечами шестьдесят лет жизни из которых более сорока отданы службе Отечеству. Получается как в песне: «Никто пути пройденного у нас не отберет», равно как и накопленного опыта, уроков жизни и службы. По своему мироощущению автор молод, ведь ветеран — понятие не возрастное, а социальное. Ветеран — сознательный свидетель, участник событий в стране и в армии, носитель социального опыта. Он отличается от молодых, вступающих в жизнь людей тем, что лично все пережил. Он знает, например, что такое война, сражение, бой. Какова роль человека на войне. Он сыграл эту роль. Ветеран — независим в суждениях и выводах, он утверждает то, что было, что видел и может подтвердить. Было с чем сравнить, в чем поправить свои взгляды, обогатиться опытом других участников событий той величайшей эпохи.

И все же, пожалуй, главным побудительным мотивом к работе над воспоминаниями является общественная потребность, востребованность спектра знаний о прошедшем. В России и в Украине

постепенно отходят от смятения умов последних двух десятилетий, когда верх брала стихийная «свобода» и громкость голосовых связей, упоение безнаказанностью — что бы человек ни говорил, отсутствие какого-либо, в том числе внутреннего, идущего от совести, самоограничения. Ныне все больше здравого смысла, желания «дойти до глубины, до сути» (Б. Пастернак), заглянуть в будущее, в судьбу личности, общества, государства.

Лаконично и емко об этом говорил Александр Сергеевич Пушкин: «В грядущее глядим мы из былого». История — процесс: она развивается по своим законам, но непрерывно и по восходящей линии. Теория познания рассматривает спираль развития на каждом витке, который закрепляет прежнее свершение и открывает простор завтрашним, последующим, будущим.

В народе исстари принято главное внимание уделять детям, в стране — новостройкам, в эпохах — первопроходцам. Особенностью выпавших на долю нашего поколения прошедших сорока лет — теперь трудно оценить кому было труднее — первопроходцам или современникам. Несмотря на очевидное почтение к тем, кто начинал, думаю, тем, кто служит и трудится сейчас, сегодня труднее. Нашей путеводной звездой была однозначность, теперешним питомцам приходится делать тяжелый нравственный выбор. Эта доля выпала и нашим детям Марии, Олегу, Георгию и Нине. Хочу верить, что категории ум, честь, совесть, станут надежными опорами в слиянии сил разума и морали. Убежден, что с этих высот они поддержат и новое поколение наши внучек Викторию и Сонечку. У каждой из них в жизни будет своя высота.

И последнее, отдавая себя без остатка Родине, главным к старости оказалось то, что мы ставили по значимости на второй план. Это любовь и семейные ценности. В этом отношении показательны и поучительны стали беседы с моими духовными наставниками Евгением Степановичем Березняком (легендарным разведчиком майором Вихрь) и Михаилом Сергеевичем Селезевым (писателем и поэтом, лауреатом Ленинской премии в области литературы). В свои 97 лет Е.С. Березняк деликатно отказался говорить со мной о теме любви, отшутившись: «Если бы лет пятьдесят назад...» Мне понравился этот ответ. Всему свое время... И надо торопиться высказаться...

И наоборот, о неувядающем чувстве любви, сказал 85-летний романтик М.С. Селезнев:

*Я, очарованный, смотрю на твой портрет,
криничное лицо твоё лаская.
Тебе сегодня ровно много лет
в полночный час исполнится, родная.
Что подарить?
Приоткрывая дверь,
смеется с перекрестков дальний вечер...
Все, что в моем владении теперь —
дарю тебе —
всего себя навечно.*

Мне повезло в жизни. Моим бесценным достоянием и помощником была моя дорогая жена, Галина Александровна, с которой мы прожили вместе более 40 лет. Она добрый и отзывчивый человек, к которому тянутся люди. Кочевой образ жизни позволил ей мастерски освоить премудрости национальных кухонь мест вынужденного пребывания семьи. И стать замечательной хозяйкой, в руках которой спорится любое дело. Наша квартира руками увлеченной женщины превращена в оранжерею цветов и диковинных растений. С ней комфортно живет домашним животным. Галюся страстный книголюб, она умна, остроумна, интеллигентна, современна. Она ни на минуту не прекращает работу над собой, хотя, казалось бы, напряженная нервотрепка в медицине никаких стимулов для этого не дает. Есть почет и уважение и законное право почивать на лаврах. Но каждое утро она встает в пять часов и делает своеобразную «зарядку» для мозгов, смотрит новости, читает газеты и щепетильно добивается эстетического образа во внешности. Благодаря ей удались наши дети. Мария и Георгий выросли самостоятельными людьми и получили необходимое для жизни образование. Дай Бог счастья и здоровья их семьям и нашим внукам.

Рассказывая о жизни и службе мною упомянуты имена родных, близких, друзей, товарищей, соратников, командиров и подчиненных которые впечатлили и, как я считаю, сыграли определенную роль в жизни. Я вспоминаю о них с величайшей нежностью, теплом и благодарностью. Это были настоящие люди. Иногда очень хочется отмотать ленту времени назад, как некую кинолентку, с одной целью: извиниться перед теми с кем был неправ. Обнять тех, кто неожиданно рано ушел в вечность.

Мне бы хотелось, чтобы читатели, перелистывая страницы этой книги, нашли для себя что-то новое, интересное и получили заряд бодрости и оптимизма или хотя бы просто улыбнулись вспоминая то время. Ведь и мы с Галюсей, сами еще с удовольствием продолжаем учиться у нашего главного наставника, имя которому — Жизнь. С годами все острее понимая истину «счастье — это когда ты ценишь каждый день и живешь как в последний».

*Гори, гори, моя звезда,
Гори, звезда приветная!
Ты у меня одна заветная,
Другой не будет никогда.*

**2011 г.
г. Днепропетровск**

СОДЕРЖАНИЕ

Глава первая	
ЮНОСТЬ	4
Моя малая родина	5
Увлечения юности	10
Мои друзья	22
Школьные годы	47
СВВПТАУ	57
Основа всему — дисциплина	72
Командный состав	76
Система обучения	79
Общественные и партийные нагрузки	83
Встречи с выдающимися людьми	87
Мои друзья-однокашники	89
Стажировки в войсках	96
Судьбоносная встреча	102
Выпуск из училища	111
Дороги, которые мы выбираем	116
Глава вторая	
ОФИЦЕРСКОЕ СТАНОВЛЕНИЕ	124
Разведчики	124
Долгий путь в будущее	127
Тайна за семью печатями	131
Первые впечатления — самые верные	134
Стать настоящим спецназовцем нелегко	148
Командиры седеют рано	152
Житейские и бытовые проблемы	165

Офицерские будни	172
Тактико-специальные учения	175
Чтобы помнили	198
Краеугольные камни опыта	202
Мои учителя и наставники	213
Воздушное приключение	224
Боевая подготовка войск	233
Меломан Яшка	234
Выдвижение по службе	238
По маршруту «Ташкент — Отар — Самсы — Унгуртас»	244
Жизнь в армии — постоянная учеба	259

Глава третья

МОСКВА 266

История академии имени	267
вождя мирового пролетариата	267
Уникальная учебная группа	270
Командование факультетом	282
Участие в конференции у Епишева	292
Авторитет Маргелова	306
Стажировка	315
«Аквариум»	324
Хозяйство Фомина	334

Глава четвертая

И ОСТАНЕТСЯ, КАК В СКАЗКЕ... «ЗВЕЗДА»..... 342

Из истории радиоразведки	348
Знакомство с частью	365
Наше дело — разведка	377
Особенности	388
солдатской службы и бытия. Слово о коллегах	390
На передовых рубежах «холодной войны»	434
Незаурядные люди	440
Крупномасштабная провокация на дальневосточной границе	455

Воспитательная работа с подчиненными	463
Потери	468
Легендарный хозяин Дальневосточного края	472
Стройка века — БАМ	477
Шипы и розы	482
Работа с семьями	493
Судьбоносный год	503
«Звезда» живет	508

Глава пятая

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СПЕЦНАЗ 515

Особенности округа	519
«Дан приказ ему... в другую страну»	556

Глава шестая

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ДОЛГИ 561

Член военного совета армии	575
Командарм Громов	583
Разведотдел армии	585
Марш на Джелалабад	591
Комбриг и его заместители	600
Советник ЦК КПСС Сергей Беков	615
Джелалабад	622
История 40-й армии	633
Политработники	642
Строки из исторического формуляра бригады	651
Первая засада	672
Асадабадские егери	682
Операция «Магистраль»	695
Операция «Восток-88»	743
Операция «Памир»	754
Начало вывода войск из Афганистана	754
Социалистический Чирчик	781
Вторая командировка на войну	788

Поэтический вечер в Кабуле	799
Набор добровольцев провалился	814
Чекисты на войне	818
Отчего произошел взрыв?	838
Деньги — это особая тема	844
для разговора...	844
«Барин» с коровой	847
«Господин генерал»	854
Переговоры с оппозицией	859
Операция «Воздушный мост»	876
Финал	888

Глава седьмая

ПЕРЕСТРОЙКА ИЛИ КАТАСТРОФА СТРАНЫ?! 903

Переход в отдел авиации.....	945
Формирование украинских частей и соединений.....	950
Переход на государственную службу в правительство Украины	956
Памятная стажировка в Европе	962
Заключение	986

Літературно-документальне видання

КРИВОПАЛОВ ОЛЕГ ВОЛОДИМИРОВИЧ

НОТАТКИ РАДЯНСЬКОГО ОФІЦЕРА:

НА РУБЕЖІ ЕПОХ

(Російською мовою)

Технічний редактор М.Михлик

Художній редактор В. Ларін

Коректор М. Литвиненко

Підписано до друку з оригінал-макету 25.03.2011 г. Формат 84 x 108^{1/32}
Друк офс. Гарнітура «Гаймс». Ум. др. арк.56,28. Зам. № . Тираж 110 екз.
Видавництво ІМА-прес, 49051, м. Дніпропетровськ, вул. Журналістів, 7/215.
(056-2) 27-76-70, 050-514-52-75, 067-910-61-01. E-mail: IMA@optima.com.ua
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єктів видавничої справи
ДК № 244 від 16.11.2000 р.
Друк КП «Нікопольська друкарня»,
53219, м. Нікополь, вул. Електрометалургів, 21.
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру, ДП № 2947 от 28.08.2007 р.